

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ
И
ПАМЯТНИКИ
КУМИКОВСКОГО
ЦИКЛА

*К вопросу
о времени
написания
"Слова"*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

Редакторы

Д. С. ЛИХАЧЕВ и Л. А. ДМИТРИЕВ

7-2-2
347-66

ОТ РЕДАКТОРОВ

Большинство памятников древнерусской литературы не датировано. Время их создания трудно определимо. Оно трудно определимо потому, что не сохранилось прямых свидетельств и документов о самих произведениях, об их авторах, их жизни и работе, — чем так богата новая русская литература. Приходится извлекать данные из содержания произведений, из показаний их языка и стиля, из изучения сохранившихся рукописей и из истории текста самих произведений.

«Слово о полку Игореве» — не исключение. Время его создания определить тем более трудно, что сама рукопись, которая могла бы дать своей датой крайнюю верхнюю границу написания его, не сохранилась. Но мы не можем считать положение с определением времени создания «Слова о полку Игореве» сравнительно с определением времени многих других памятников древнерусской литературы особенно трудным или даже безнадежным. В самом деле, во многих случаях определению точных дат создания произведений древнерусской литературы мешает отсутствие текстологических связей с другими произведениями, крупные искажения и изменения языка произведения переписчиками, наличие редакционных переделок текста, стиля и содержания произведения. В отличие от этих произведений древнерусской литературы, одиноко стоящих в историко-литературном процессе и никак не отразившихся в позднейших памятниках (как например знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха), «Слово» близко по тексту к циклу произведений о Куликовской битве, к известной приписке в Апостоле 1307 г. Текстологическое изучение произведений о Куликовской битве, их связей между собой и со «Словом» может помочь твердо и определенно решить вопрос — до них или после них было создано «Слово».

Кроме того, в отличие от очень многих других произведений древнерусской литературы, до неузнаваемости переработывавшихся в списках, «Слово о полку Игореве» сохранило в основном свою лексику, морфологические формы и синтаксис. Исследователям языка «Слова» не удалось до сих пор установить ни одного бесспорного случая введения в текст «Слова» явно позднейшей лексики или новых грамматических форм, что было обычно в часто переписывавшихся памятниках. Единственно, что подверглось кардинальной переработке, — это орфография. Она сохраняет следы второго южнославянского влияния XV—XVI вв. и, особенно, орфографии XVIII в.¹ Отдельные темные места «Слова» свидетельствуют о непонимании языка и стилистической системы «Слова» его переписчиками и издателями, но не об их стремлении переработать «Слово» в духе требований своего времени. Язык «Слова» именно потому

¹ Д. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 66—89.

и заключает в себе темные места, что он мало перерабатывался. Нет оснований думать, что до нас дошла одна из позднейших редакций «Слова». Редакции представляют собой идеологические или стилистические переработки памятника. Следов таких переработок в «Слове» нет. Есть только явные непонимания «Слова» переписчиками и изменения орфографии, типичные для переписчиков, а не для редакторов памятника. Следовательно, данные языка «Слова» могут иметь важное датирующее значение.

Из изложенного ясно, почему настоящая книга, посвященная вопросу о времени создания «Слова о полку Игореве», в основном рассматривает язык «Слова», его связи с литературным языком XII в. и отличия от более позднего языка «Задонщины», а также анализирует историю текста произведений о Куликовской битве и их текстологические отношения к «Слову».

Трудность изучения текстологических отношений «Слова» к произведениям о Куликовской битве состоит в том, что слабо изучена с бесспорностью сама текстология произведений о Куликовской битве. Неясно взаимоотношение между собой сохранившихся списков «Задонщины», крайне испорченных и неполных, неясно их влияние на разные редакции «Сказания о Мамаевом побоище», что находится в тесной связи со сложностью происхождения каждого списка «Задонщины» в отдельности и каждой из многочисленных редакций «Сказания». Неясно отношение «Задонщины» и «Сказания» к другим произведениям древнерусской литературы — к двум летописным памятникам о Куликовской битве в их различных редакциях, к отдельным редакциям повлиявшего на цикл повестей о Куликовской битве «Жития Александра Невского», к летописным сводам XV и XVI вв. и др.

Необходимо без предвзятости разобраться во всех этих вопросах. Исследователь должен подходить к исследуемому материалу без готовых схем и выводов. Только тогда результаты его работы будут богаты и объективны. Ведь основное правило методики установления истории текста — во всем соблюдать последовательность. Нельзя анализировать взаимоотношение «Слова о полку Игореве» прежде, чем не установлено взаимоотношение между собой сохранившихся списков «Задонщины». А для этой последней задачи необходимо установить отношение текста «Задонщины» к текстам «Сказания о Мамаевом побоище» и к двум летописным памятникам о Куликовской победе. Текстологическая связь «Слова» и произведений о Куликовской битве не будет окончательно выяснена до той поры, пока не будет тщательно изучено взаимоотношение всех списков «Задонщины» между собой, всех редакций «Сказания» и обоих летописных памятников о Куликовской битве, их отношение к другим памятникам древнерусской литературы. Этим диктуется необходимость подвергнуть все произведения о Куликовской битве тщательному текстологическому анализу.

Древнерусская письменность благодаря особым условиям своего бытования представляет собой некое текстологическое единство: памятники не только влияют друг на друга, заимствуют друг у друга целые отрывки текста, но комплексно объединяются в сборники, переписываются вместе, вместе изменяются и имеют взаимосвязанную литературную историю.

Подобно тому, как историки летописания пытаются создать общую генеалогическую схему развития летописных текстов, так и в изучении древнерусских литературных памятников в их целокупности необходимо стремиться к созданию общей текстологической схемы развития древнерусской литературы. Мы стоим перед необходимостью внимательно изучать текстологическую историю древнерусской литературы в ее целом.

Только отдельные памятники не оказались бы включенными в эту генеалогическую схему древнерусских текстов. Появление скептического отношения к «Слову о полку Игореве» стало возможным не потому, что «Слово» изучено мало или ничтожны его связи с древнерусской литературой (последнее неверно), а потому, что древнерусская литература в целом слабо изучена текстологически и еще более слабо в отношении своего литературного языка.

Авторы настоящей книги поставили себе задачей изучение в первую очередь тех вопросов, которые позволяют решить основной вопрос о подлинности «Слова»: создано ли оно до XIV—XV вв., до произведений о Куликовской битве, или после.

В отличие от предшествующих статей на эту тему авторы стремятся строить свои выводы на полном охвате всего доступного нам в настоящее время материала. Для решения вопроса о текстологическом отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» авторы исследуют текст всех списков «Задонщины», стремятся раскрыть взаимоотношение списков между собой, восстановить историю текста «Задонщины» в той мере, в какой это представляется возможным. Такой работы до сих пор выполнено еще не было. Полнее, чем прежде, изучается и отношение к «Задонщине» «Сказания о Мамаевом побоище», «Летописной повести». Наибольшее значение придается в данной книге исследованию особенностей Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», на неточной характеристике которого как «древнейшего» по тексту строили свои выводы представители «скептического» направления. Как некое целое исследуется в данной книге лексический и фразеологический состав «Слова», грамматический строй «Задонщины» и «Слова».

Естественно, что такого рода подход потребовал большого объема привлекаемого материала, а самые статьи по своим выводам вышли за пределы узкой задачи — установить время написания «Слова». В частности, можно сказать, что текст «Задонщины» подвергся впервые полному всестороннему изучению методами современной текстологии. Это имеет большое принципиальное значение: «Задонщина» — центральный памятник Куликовского цикла и занимает важное место в историко-литературном развитии древней Руси.

В. П. Адрианова-Перетц изучает фразеологию и лексику «Слова с полку Игореве», показывая их связь с лексикой и фразеологией домонгольской литературы. К параллелям, которые уже были указаны в литературе, В. П. Адрианова-Перетц добавляет много новых. Сам по себе факт, что спустя более чем полтора столетия после опубликования «Слова» удается подыскивать все новые и новые признаки его принадлежности к XII в., его связи с литературой своего времени, красноречиво говорит в пользу подлинности «Слова». Но дело этим не ограничивается: параллели отыскиваются и в тех памятниках, которые не были известны в конце XVIII в., в памятниках, самое существование которых не было еще установлено ни в XVIII, ни, частично, в XIX в. Большинство этих параллелей редко или даже единично; это отнюдь не распространенные шаблоны фразеологизмов и не распространенные в древнерусской литературе слова.

Убедительные доказательства лингвистического характера, утверждающие первичность самого грамматического строя «Слова о полку Игореве» по сравнению с «Задонщиной», содержит исследование А. Н. Котляренко. Это исследование существенно углубляет и дополняет те наблюдения историков русского языка, которые делались и на материале одного «Слова о полку Игореве», при помощи сопоставления его с соответствующими текстами «Задонщины».

Из большой темы «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» в данной книге в первую очередь текстологически изучаются все сохранившиеся списки «Задонщины» и цитаты из нее, вошедшие в разные виды «Сказания о Мамаевом побоище». Эту задачу выполняют статьи Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и Н. С. Демковой, проверяющие — каков был состав авторского текста «Задонщины» и есть ли основания для предположения «скептиков», будто до 1480 г. существовала лишь краткая «Задонщина», не говорившая о поражении Мамаю на Куликовом поле.

Анализу списков «Задонщины» посвящена статья Р. П. Дмитриевой. Эта статья представляет собой, в сущности, первое обстоятельное текстологическое исследование шести сохранившихся списков «Задонщины» — исследование, без которого не может вестись изучение отношения «Задонщины» к «Слову о полку Игореве». Предшественникам Р. П. Дмитриевой, знавшим также все эти списки, настолько очевиден был их источник — единый полный текст памятника, что историю его в рукописной традиции они не анализировали подробно. Возобновившаяся попытка рассматривать список Ефросина (Кирилло-Белозерский) как начальную форму «Задонщины» вызвала необходимость полного текстологического исследования, которое опровергло бы эту гипотезу «скептиков» до конца. Р. П. Дмитриева привлекла для своей работы не только тексты всех списков, но и цитаты из них, включенные в «Сказание о Мамаевом побоище». Намеченное у ее предшественников (в частности, у Р. О. Якобсона) деление списков на две разновидности получило в ее исследовании полное обоснование. С конечным выводом — список Кирилло-Белозерский безусловно не представляет первоначальный вид «Задонщины» — нельзя не согласиться. Вместе с тем Р. П. Дмитриевой убедительно показано, что в отдельных чтениях этот старший список иногда лучше других сохраняет авторский текст. Исследование Р. П. Дмитриевой наглядно показывает, что сохранившиеся списки «Задонщины» — лишь часть когда-то богатой рукописной традиции, что утрачено много звеньев между ними и потому непосредственно они не связаны между собой. Этот вывод подтверждается и другими статьями настоящей книги. Вместе с тем Р. П. Дмитриева правильно отметила, что разночтения списков «Задонщины» показывают, как труден был ее текст уже для переписчиков XVI и XVII вв., особенно в местах, сходных со «Словом о полку Игореве», как они искажали иногда эти места до бессмыслицы.

В отдельную статью выделены наблюдения Р. П. Дмитриевой над приемами работы книгописца Ефросина — того самого, которому принадлежит и Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Изучение текстов переписанных им произведений позволяет установить привычные для него приемы сокращения и изменения текста. Тем самым проливается свет и на происхождение многих особенностей текста Кирилло-Белозерского списка, признававшегося в концепции «скептиков» представителем древнейшей дошедшей до нас редакции.

К работам Р. П. Дмитриевой, В. П. Адриановой-Перетц и А. Н. Котляренко непосредственно примыкает статья О. В. Творогова об «инерции подражания» в «Задонщине», в которой со всей тщательностью анализируется отношение отдельных мест списков «Задонщины» к соответствующим местам «Слова о полку Игореве». И в этой статье в необходимых случаях привлекаются отрывки «Задонщины», включенные в «Сказание». Исследование О. В. Творогова еще раз, с исчерпывающей полнотой привлекая материал списков «Задонщины», доказывает, как рассыпаны по ним отдельные правильные чтения тех эпизодов «Задонщины», которые были сложены ее автором под воздействием «Слова о полку

Игореве». Вместе с тем это исследование убеждает, что для читателей-переписчиков «Задонщины» уже с конца XV в. оказались трудно понимаемыми именно те ее части, которые воспроизводили стилистические обороты «Слова», характерные для литературного языка старшего периода, но непривычные в литературной практике XV—XVII вв. Анализ списков «Задонщины» в их отношении к «Слову о полку Игореве» подтверждает сложность взаимосвязей этих списков, как и деление их на два izvoda (Ундольского и Синодальный).

Л. А. Дмитриев следит за отражениями «Задонщины» в тексте «Основной» — старшей редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и в ее многочисленных вариантах. Его вывод — уже в авторском тексте «Сказания» была использована «Задонщина» в ее полном виде, где изображен и разгром войск Мамаю, и его гибель в Кафе, — основан на тщательном анализе всех прямых цитат и стилистических отголосков «Задонщины» в их отношении к сохранившимся спискам этого памятника. Этот анализ приводит к заключению, что автор «Сказания» знал «Задонщину» в таком тексте, который объединял в себе особенности обеих групп списков, установленных в исследовании Р. П. Дмитриевой. Из работы Л. А. Дмитриева становится очевидно, что «Задонщина» была широко распространена в списках XV—XVI вв., когда ее включали в круг своих источников автор и позднейшие редакторы «Сказания», что сохранившиеся списки ее — лишь незначительная часть некогда более широкой рукописной традиции, что так называемый Кирилло-Белозерский список, который ученые, принимающие «Слово» за позднейшее произведение, считают принадлежащим к первоначальной редакции, представляет состав «Задонщины» уже в искаженном виде. Особое значение для решения вопроса о том, что собой представляет текст Кирилло-Белозерского списка, имеют наблюдения Л. А. Дмитриева над отражением «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания».

Эти выводы подтверждаются и статьей Н. С. Демковой, проследившей за отражениями «Задонщины» в так называемой «Распространенной» редакции «Сказания». Выясняется, что «Сказание» не раз встречалось с «Задонщиной» в процессе своей литературной истории, что списки ее, так или иначе просвечивающие сквозь текст этой редакции «Сказания», также не всегда совпадают в отдельных чтениях с сохранившимися от XV—XVII вв.

Статья М. А. Салминой «„Летописная повесть“ о Куликовской битве и „Задонщина“» заново ставит вопрос о происхождении «Летописной повести», о ее отношении к рассказу о Куликовской битве Троицкой летописи и о ее отношении к «Задонщине». М. А. Салмина справедливо отвергает традиционный взгляд на рассказ Троицкой летописи о Куликовской битве как на сокращение «Летописной повести». Рассказ Троицкой летописи, созданный первым из всего цикла повестей о Куликовской битве, уже изображает Куликовскую битву как победу. Тем самым опадает утверждение Я. Фрчека и А. Мазона, будто победой эту битву стали изображать только после 1480 г. Этот рассказ Троицкой летописи лег в основу «Летописной повести», а последняя повлияла на архетип «Задонщины». Тем самым вносятся новые, чрезвычайно существенные материалы в разрешение вопроса о дате создания «Задонщины». Последняя оказывается более поздней, чем это обычно принято думать.

Статья Ю. К. Бегунова об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» в трех самостоятельных разделах рассматривает те стороны «Сказания», которые дают материал для определения времени его создания, а тем самым и для уточнения вопроса о датировке полного

текста «Задонщины». Первый раздел статьи рассматривает вопрос о том, какой вид «Жития Александра Невского» был использован автором «Сказания». Во втором разделе внимательно проверяются «имена и события», упоминаемые в «Сказании» с точки зрения их соответствия событиям Куликовской битвы. Тем самым значительно проясняется существующий спор о степени достоверности исторических данных «Сказания». Проверка собственных имен и княжеских уделов, упоминаемых в «Сказании», также ведет к заключению, что оно сложилось значительно позднее, чем принято думать. Однако Ю. К. Бегунов предупреждает, что этот предварительный вывод должен быть подкреплен тщательным текстологическим изучением литературной истории «Сказания». Только такое исследование точно определит, на каком этапе жизни «Сказания» вошло в него упоминание того или иного лица и события. Третий раздел статьи Ю. К. Бегунова дает дополнительный материал, подтверждающий вывод Л. А. Дмитриева о том, что в старшем тексте «Сказания» вместо Ягайла было сознательно поставлено имя Ольгерда. В четвертом разделе рассматривается вопрос о том, как изображается судьба Мамаю после Куликовской битвы в разных повестях на эту тему.

Анализируя взаимоотношения списков «Задонщины» и ее отражения — рассказа Псковской летописи о битве под Оршей, М. А. Салмина приходит к выводу, что рассказ Псковской летописи восходил к иностранному тексту «Задонщины», которому были присущи отдельные черты Кирилло-Белозерского списка.

О. В. Творогов делает попытку реконструировать самую испорченную часть текста «Задонщины» — ее вступление. В попытке этой существенной стороной является предположение о перепутанных страницах в протографе.

Тексты всех списков «Задонщины», публикуемые в приложении к книге, подготовлены к печати Р. П. Дмитриевой.

С года открытия «Задонщины» (1852) по настоящее время накоплась большая научная литература о «Задонщине» и о ее отношении к «Слову о полку Игореве». Часто эта литература игнорируется новейшими исследователями. Публикуемая в книге аннотированная библиография «Задонщины», составленная Н. Ф. Дробленковой и Ю. К. Бегуновым, облегчит исследователям не всегда легкую обязанность учитывать всю литературу вопроса и даст представление об истории изучения «Задонщины» с 1852 по 1965 г.

Из-за разросшегося объема книги в нее не вошла первоначально предназначенная для нее работа Д. Лихачева «Черты подражательности „Задонщины“». (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»). Она напечатана отдельно в журнале «Русская литература» (1964, № 3).

К теме настоящей книги близко примыкает и другое исследование, напечатанное в том же журнале (1965, № 2), — статья В. П. Адриановой-Перетц «Было ли известно „Слово о полку Игореве“ в начале XIV века», исследующая отношение известной приписки в Апостоле 1307 г. к «Слову о полку Игореве». К обеим этим статьям мы и отсылаем читателей.

Для вопроса о дате создания «Слова о полку Игореве» важны не только те вопросы, которые рассмотрены в данной книге. Имеется целый ряд аспектов данной проблемы, уже затронутых в научной литературе: связь поэтики и содержания «Слова» с XII веком,² возможные историко-

² Д. С. Лихачев. 1) «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л.,

литературные последствия перенесения «Слова» в другую эпоху, например — в XVIII век,³ связи «Слова» с исторической действительностью XII в.,⁴ природоведческая осведомленность автора,⁵ язык «Слова» и язык произведений XII в.⁶ (а с другой стороны, язык приписки в Апостоле 1307 г.⁷ и «Задонщины»),⁸ типичность для XII в. языческих представлений «Слова»,⁹ показания, извлекаемые из восточных элементов языка «Слова»,¹⁰ и многое другое.¹¹

Необходимо отметить, что большинство приводимых исследовательских материалов по этим вопросам не было вообще рассмотрено «скептиками». Круг их аргументации носит узкий «выборочный» характер.

Многое в вопросе о точной дате «Слова» будет со временем раскрыто исследованиями по древнерусской литературе и древнерусскому литературному языку вообще. Но уже и то, что сделано сейчас, и те материалы, которые приводятся в данном сборнике, позволяют с полной уверенностью заявить — «Слово о полку Игореве» возникло до создания цикла повестей о Куликовской битве. Можно быть также уверенным, что оно воз-

1964, стр. 300—320; 2) Когда было написано «Слово о полку Игореве». — Вопросы литературы, М., 1964, № 8, стр. 132—160.

³ Ю. М. Лотман. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, стр. 330—405; А. В. Соловьев и Р. Якобсон. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954.

⁴ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Исторические записки, № 25, М.—Л., 1948; Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, М.—Л., 1950, стр. 5—52.

⁵ Н. В. Шарлемань. 1) Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 111—124; 2) Природа в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, стр. 212—217; 3) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 59—64.

⁶ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 132—198; Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — В кн.: «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, стр. 130—163; С. Vida. Linguistic aspect of the controversy over the authenticity of the Tale of Igor's campaign. — Canadian slavonic papers, vol. 1, Toronto, 1956, стр. 76—88; Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, стр. 169—254. И мн. др.

⁷ Л. П. Якубинский. О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 69—79.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, стр. 131—168; В. Л. Виноградова. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, стр. 255—275.

⁹ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. — К кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, стр. 310—313; Б. В. Сапунов. Ярославна и древнерусское язычество. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века, стр. 321—329.

¹⁰ С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. V, вып. 2. М., 1946, стр. 129—140; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — ИОЛЯ, т. VI, 1947, № 4; A. Zajaczkowski. 1) Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949; 2) Słowo o wyprawie Igora. — Odrodzenie, 1949, № 2; K. H. Menges. 1) The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor' Tale. New York, 1951; 2) Etymological notes on some Pačānag names. — Byzantion, t. XVII, Bruxelles, 1945.

¹¹ О дальнейших задачах изучения «Слова о полку Игореве» см.: Л. А. Дмитриев. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 120—138. См. также: R. Jakobson. The puzzles of the Igor' Tale, on the 150th anniversary of its first edition. — «Speculum», 1952, january.

нико в ближайшие годы после описываемых в нем событий. Аргументы в пользу последней точки зрения нуждаются еще в систематическом рассмотрении.

В нашей научной печати сообщалось о точке зрения А. А. Зимина, считающего «Слово о полку Игореве» произведением XVIII столетия.¹² Немалое место в концепции А. А. Зимина занимают вопросы отношения «Слова о полку Игореве» к «Задонщине» и взаимоотношения списков «Задонщины» с произведениями Куликовского цикла. Исследование А. А. Зимина еще не издано, и имеется лишь краткое, информационное по своему характеру изложение его концепции. Авторы сборника, хотя большинство из них и принимало участие в обсуждении концепции А. А. Зимина,¹³ не считают себя вправе ссылаться на его исследование или печатно полемизировать с ним до выхода в свет его работы.

В заключение участники данной книги считают своим долгом горячо поблагодарить Варвару Павловну Адрианову-Перетц — организатора этой книги, отдавшего ей много труда, времени, постоянно делившейся своими широкими и глубокими знаниями с ее авторским коллективом.

* * *

Во всех статьях сборника «Слово о полку Игореве» цитируется по изданию древнерусского текста «Слова» в «Словаре-справочнике „Слово о полку Игореве“» (вып. 1, М.—Л., 1965, стр. 15—25); при цитировании «i» заменено «и». Цитаты из «Задонщины» даются по текстам, опубликованным в настоящей книге (стр. 535—556); при цитировании «ъ» на конце слов опускается, «ѣ» заменяется «е», курсив и скобки не отмечаются. Тексты остальных произведений древнерусской литературы, независимо от времени их создания, цитируются в упрощенной орфографии: «ъ» на конце слов опускается, «i» заменяется «и», «ѿ» — «ф», «оу» — «у», «ѵ» — «и», «ѣ» — «е», «ѿ» — «о».

Список сокращений и условных обозначений списков «Задонщины», общих для всего сборника, дан в конце книги; сокращения и условные обозначения, употребляемые только в отдельных статьях, оговариваются в них особо.

¹² Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — Вопросы истории, 1964, № 9, стр. 121—140. Отчет этот составлен на основе стенограмм редакцией журнала.

¹³ См. там же.

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКИ
И ГРАММАТИКИ
„СЛОВА
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ“
И
„ЗАДОНЩИНЫ“

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЛЕКСИКА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ВВЕДЕНИЕ

Один из эпизодов борьбы с половцами послужил в конце XII в. поводом для остро-публицистического, облеченного в высокохудожественную форму выступления против княжеских междоусобий — такова общая характеристика основной темы и задачи «Слова о полку Игореве», принятая огромным большинством исследователей этого памятника. Однако среди небольшой группы изучающих «Слово» филологов и историков существуют сомнения в том, что его автором был современник похода Игоря Святославича на половцев, окончившегося поражением русских войск: высказываются гипотезы о создании «Слова» в XVI—XVII вв., и в течение полутора столетий делались попытки перенести его в конец XVIII в., объявляя его то «подделкой», то «искренней стилизацией» под старину, как-то связанной с внешней политикой Екатерины II.

Один из путей решения этого спора лежит через изучение лексики и особенно фразеологии «Слова». В исследованиях его и в картотеках «Исторического словаря» накопилось большое количество параллелей к художественному языку «Слова» из различных памятников русской и переводной литературы, в том числе относящихся к XI—XII вв., и из произведений народной поэзии. Составление словаря к «Слову» с подтверждающими его лексику примерами из древнерусских памятников, преимущественно домонгольского периода, было начато Е. В. Барсовым. В третьем томе его монографии «Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (М., 1889) намечена широкая программа изучения «лексикологии» памятника, и в настоящее время еще далеко не осуществленная, поэтому не бесполезно ее напомнить. Е. В. Барсов формулировал задачи лексикологии «Слова» в семи пунктах: «1. Встречаются ли эти слова в древнейших славяно-русских переводных памятниках, и если встречаются, то каким греческим выражениям они соответствуют? 2. Какие из них вследствие своей устарелости и когда именно стали заменяться иными выражениями в позднейших списках переводных памятников? 3. Встречаются ли те же слова и выражения в самостоятельных произведениях литературно-повествовательной киевской дружинной школы? 4. Являются ли они в творениях народного песнетворчества — в богатырских словах, народных плачах и песнях?»

5. Сказываются ли они в исторической географии и в каких именно образованиях? 6. Бытуют ли они в современном живом языке и в каком именно значении? 7. Как было понимаемо то или другое из них в литературе «Слова» и как было переводимо на язык современный?» (стр. III). Е. В. Барсов составил «Указатель слов памятника» и два указателя соответствующих им греческих и латинских слов, но лишь кончая словом «мя», на котором остановился и его лексический комментарий к «Слову».

В 1920-е годы вышел цикл работ акад. В. Н. Перетца, посвященных проверке отношения лексики и фразеологии «Слова» к стилистике библейских книг, знакомство с которыми читателей домонгольского периода подтверждается их списками XI—XIII вв. или подборкой избранных отрывков в старших текстах Паремийника. В. Н. Перетцем проведено было также сопоставление «Слова» с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия в русском переводе XII в., сделана сводка наблюдений предшественников, дополненная материалом, извлеченным самим исследователем из летописных и литературных памятников. Так сложился комментарий к «Слову» в его монографии 1926 г. Во всех этих работах В. Н. Перетца четко сформулировано основное требование к подобного рода исследованиям: выбирать для комментирования стилистики «Слова» прежде всего те памятники, в которых представлены разные типы литературного и делового языка домонгольского времени. Особенно тщательно этот принцип проведен при сопоставлении «Слова» с языком библейских текстов догеннадиевского периода.¹

Сводкой параллелей к «Слову», опубликованной в монографии В. Н. Перетца 1926 г., продолжали пользоваться исследователи и в 1940—1950-е годы, дополняя их своими наблюдениями. В полемике с А. Мазоном, искавшим аналогии, а то и прямые источники фразеологии «Слова» в литературе XVIII в., притом не только русской, ряд интересных стилистических материалов привели Н. К. Гудзий² и Р. О. Якобсон (в коллективном труде американских филологов 1948 г.).³ Обобщение той части наблюдений, которая относится преимущественно к «воинской» фразеологии «Слова», привело Д. С. Лихачева к выводу о связи многих образов памятника с «феодальными, географическими и тому подобными терминами своего времени, обычаями, формулами и символами эпохи феодальной раздробленности».⁴

В настоящее время вопрос о языке «Слова» приобрел особо важное значение в связи с некоторым оживлением споров о его древности. Сектор

¹ К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и Библия; III. «Слово» и «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, стр. 23—55. — К изучению «Слова о полку Игореве». IV. Эпитеты в «Слове о полку Игореве» и в устной традиции. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 143—204. — «Слово о полку Игоревим». Памятка феодальной Украины-Руси XII вѣку. Зап. Іст.-філ. від. УАН, № 33. — «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. — СОРЯС, т. CI, № 3, 1928, стр. 10—14. — «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИпоРЯС, т. III, кн. 1, 1930, стр. 289—309.

² Н. К. Гудзий. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. — Уч. зап. МГУ, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, кн. I, 1946, стр. 153—187; По поводу ревизии подлинности Слова о полку Игореве. — В сб.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 79—130.

³ La Geste du prince Igor — épopée russe du douzième siècle. New York, 1948, стр. 217—360.

⁴ Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 53—92.

древнерусской литературы Пушкинского дома Академии наук СССР подготавливает словарь «Слова о полку Игореве», не ограничиваясь материалами «Картотеки словаря древнерусского языка»: некоторые источники ее просматриваются заново для извлечения дополнительных данных. Однако эта работа над словарем имеет свою определенную цель — представить лексику «Слова» на фоне языка XI—XIII вв. Между тем назрела необходимость сосредоточить внимание прежде всего на фразеологии и этого памятника: показать, что его образная система, синтаксические конструкции, воинская стилистика, лирические элементы — словом, весь словесный материал, из которого построено «Слово», при всем его художественном своеобразии, вполне соответствует тому способу выражения, который зафиксирован в разных типах книжного и народного письменного языка домонгольского времени, в разных литературных и деловых жанрах. Для такого рода исследования недостаточно уже показать, что отдельные лексемы «Слова» существовали в языке XI—XIII вв.: на первый план выступает изучение их сочетаний. Именно поэтому параллелями к «Слову» могут служить не только прямые соответствия, но и аналогичные по конструкции, по самому художественному замыслу выражения.

Задача стилистического комментария к «Слову», собранного в данной статье, показать, что при всей индивидуальности памятника его лексическое выражение не противоречит законам развития и художественным возможностям литературного языка Киевской Руси. Этот комментарий шаг за шагом пойдет за текстом памятника, выявляя те средства, какие автор мог найти в письменном и живом языке своего времени. Устно-поэтические параллели, за редкими исключениями, не введены, поскольку их приходилось бы извлекать из записей не старше XVII в., в основном же из текстов XIX в.

В моей статье не исчерпан еще весь материал, подтверждающий древность стилистической системы «Слова о полку Игореве». Публикация наблюдений, собранных уже на данном этапе работы, — это призыв продолжить и углубить изучение фразеологии, образности «Слова» в связи с памятниками XI—XIII вв., прочнее прикрепить их к тем разнообразным литературному и живому языку, представление о которых дают нам памятники этого времени, не вызывающие никаких сомнений в своей подлинности.

Стилистический комментарий к «Слову» — это отнюдь не определение «источников», какими будто бы прямо пользовался автор. Конечная цель такого комментария — представить, насколько свободно владел этот автор всеми средствами древнерусской речи, как умело и целесообразно он отбирал из ее богатств наиболее подходящие способы выражения для каждого из элементов сложного содержания своего произведения, как органично слил он их в своем действительно неповторимом индивидуальном стиле.

В своих статьях начала 1950-х годов Д. С. Лихачев показал, насколько точно «феодалная» терминология и символика «Слова» соответствует понятиям XII в., подтвердив свой вывод данными летописей и отчасти документов. Следя по ходу изложения «Слова», мы устанавливаем, что это «стилистическое» соблюдение феодального этикета начинается с заглавия, где герой именуется по отцу и деду — такая генеалогическая формула начиная с XI в. (у митр. Илариона) употреблялась в южных летописях XII—XIII вв. только в начале рассказа о княжении или в сообщении о смерти князя. И «Слово» в дальнейшем не вспоминает эту формулу применительно к Игорю. Но характеристика князей по отцу

(Игорь и Всеволод «оба есѣ Святъславичя», Олег — «Святославич» или «Гориславич», «Мстиславичи» или по деду «внуце Всеслави», «Ольгово хороброе гнѣздо», «Ольговичи») определяет их поведение. «Славу» предка князя увеличивают или теряют («притрепа славу дѣду своему Всеславу», «высчочисте изъ дѣдней славѣ»). Князь прошлых времен именуется «старый» (как в XI в. в «Слове» Илариона), или «давный» (как в летописи XII в.), современник — «нынешний» (как в «Слове о гибели Русской земли»). Вместе с тем «первый» в «Слове» — по отношению к князьям и времени — имеет то же значение, что «передний» в летописи, т. е. прежний.

Русское государство — «Русская земля», место кочевий половцев — «поле Половецкое», «земля Половецкая» — эти термины согласуются с употреблением их в языке XII в. В точности соответствует летописной практике этого времени и название отцовского удела — «отнь злат стол».

Символическое значение оружия, коня, стяга в «Слове», как показал Д. С. Лихачев, повторяет летописное осмысление и выражено в той же словесной форме. Повторяются в «Слове» и образы защиты или завоевания («отворить» и «затворить врата», «подклонить под меч», «потоптать полки») и ставшие привычными терминами к XII в. названия княжеских раздоров — «крамолы», «которы», «усобицы». Традиционно и совпадает с принятым в литературе название обычая прославлять князей — «пети песнь» или «славу». Во всех этих и им подобных случаях слова и сочетания слов приобрели через живой язык и летопись устойчивость терминов, и автор «Слова» пользуется ими то в «чистом» виде, то в своей художественной обработке. Как видно из приводимых к таким обработкам литературных параллелей, автор и в таких случаях свободно творил, не отрываясь от практики языка своего времени. Однако нельзя не заметить, что термины воинского летописного языка, лишенные всякой образности («за руки емлюще сечахуся», «исполчити ся», «давши плещи побегоша» и т. п.), превратившиеся в штампы, не вошли в язык «Слова». Автор предпочитал отбирать те устоявшиеся выражения, которые открывали путь к их художественному развитию («стрелы идяку акы дождь», «всести на конь», стяг поднятый и упавший и т. д.).

Понятия о воинской чести, о долге воина — защитника родины в «Слове» выражены в формулах, принятых в литературе XI—XII вв. Из этих формул вырастают и те индивидуальные их варианты, которые автор создает, пользуясь лексикой языка своего времени. Воины «ищут себе чти, а князю славѣ» — самое сочетание слов «чти и славы» прочно держится в разнообразных жанрах русской и переводной литературы XI—XII в., причем автор «Слова», как и летописцы, употребляет изредка слово «слава» в значении «похвальба» или личное честолюбие, забывающее о нуждах родины в целом. Этот осудительный оттенок значения подчеркивается в «Слове» и в летописи в тех случаях, когда герой наказан военной неудачей.

В соответствии с понятиями своего времени автор «Слова» определяет территорию по ее главной реке и цель похода поэтому выражает как желание «испити» из этой реки, если она течет по владениям врага. Так, в речи Игоря сочетания «позримъ синего Дону», «искусити Дону великаго», «испити шеломомъ Дону» — варианты знакомого летописи выражения «пил золотом шоломом Дон». И другие воинские формулы — «копье приломити», «главу приложити» — варьируют летописные «копье изломити», «голову сложити».

Предпочтение смерти в бою пленению врагами — мысль, часто повторяющаяся в близком к «Слову» стилистическом выражении и в той же

синтаксической конструкции («луце — неже») в летописи и воинском языке «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, где она настойчиво повторяется, как и в «Слове», в речах военачальников.

Один из рефренов «Слова», неоднократно повторяющийся в близких вариантах, — «за землю Русскую», «за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича», «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича», — развивает летописный наказ князю: «постережи земле Руское» и летописные же призывы и обещания — «за Русскую землю головы свое сложити», «не погубити Русскы земле», «мы умираем за Русскую землю» и т. п., расширяя обычное понимание «обиды» до представления об оскорблении всей страны, а словом «раны» определяя здесь поражение Игоря (как в летописи: «Прогнаша их, давши им рану немалу»).

Выразительное описание воинов-курян как бы подхватывает мысль Флавия, представившего воинов-римлян словно родившимися с оружием, а воевод их «под шеломи състаревшеся». Развивая этот замысел, автор «Слова» черпает отдельные образы военного воспитания и вооружения курян из лексики и фразеологии, знакомой в XI—XII вв. и библейской стилистике, и переводным историческим сочинениям, и летописи. Готовые к бою куряне — картина, все элементы которой автор нашел в языке своего времени, но в целом она является плодом его творчества.

В традиции воинского стиля, сложившейся еще в XI в., «Слово» показывает тревожные приметы, предупреждающие войско о неудачном конце похода (солнечное затмение, беспокойство птиц и зверей), грозу в утро сражения. Но в отличие от летописных воинских картин в «Слове» тревожный пейзаж сразу подсказывает читателю его метафорический смысл: «чръныя тучи с моря идут» — это половецкие войска; «синие молнии» — блеск их оружия; четыре солнца, которые «хотят прикрыти» тучи, — русские князья, возглавляющие поход. Прямо раскрывается метафорическое сопоставление ясного дня с возвращающимся из плена Игорем: «Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорьъ князь въ Русской земли». Сочетание «солнце свѣтитя» в сопоставлении с делами святого — характерно для гимнографии, что же касается метафоры «князь — солнце», то применение ее знакомо и по летописным плачам об умерших князьях.

Как правильно обобщил Д. С. Лихачев свои наблюдения над «военными, феодальными, географическими и тому подобными терминами», обычаями, формулами и символами эпохи феодальной раздробленности, лежащими в основе многих образов «Слова», они взяты «из разных сфер языка и из разных сторон действительности».⁵ Подавляющее число параллелей к этой части стилистики «Слова» находится в языке летописей XI—XIII вв., которые, как «Слово», брали эти языковые средства «из фольклора, из обыденной речи, из терминологии, из феодальной и военной символики своего времени и т. д.».⁶ При поэтической обработке, какой подвергал часто автор «Слова» эту группу фразеологических сочетаний и отдельных образов, он прибегал и к средствам «высокого стиля» своего времени. В таких случаях аналогии к его способу изложения находятся и в библейской стилистике, и в языке торжественного, русского и переводного, ораторства, гимнографии, житийных похвал, в украшенном историческом стиле Иосифа Флавия. Эти аналогии — отнюдь не свидетельство того, что автор прибегал к данной группе литературных произведений как к прямым источникам, извлекая из них чем-либо привлекавшие его образы.

⁵ Там же, стр. 91.

⁶ Там же.

Более или менее близкие совпадения с отдельными памятниками «высокого» стиля XI—XII вв. возникали потому, что автор «Слова» — начитанный и в литературе этого рода, овладел самой системой их своеобразной риторики и в указанном этой системой направлении расцветивал свое изложение, когда замысел требовал усилить его эмоциональность. Оттого эта группа образов в «Слове» не производит впечатления украшающих вставок, цветных пятен, наложенных на родственный летописи конкретный язык.

К «высокому стилю» автор обратился уже в начальной хвалебной характеристике своего главного героя — Игоря Святославича: отдельные элементы ее особенно близки к портретам мужества, «ратного духа» воинов в «Истории» Иосифа Флавия, имеют аналогию и в языке исторических библейских книг. Так и воины — «куряне» изображены средствами, встречающимися у Флавия и отчасти в Псалтыри. Неудача похода Игоря подчеркивается в «Слове» противопоставлением ее победе Святослава над половцами, ворвавшегося в 1184 г. в их владения. И вот автор изображает гиперболически разгром «земли Половецкой» по типу псалма 63, восхваляющего могущество божества, а самого Святослава вразрез с исторической действительностью рисует «грозным» князем, который своей «грозою» усмирил «лжу» половцев. Этот «грозный» русский князь, действующий «грозою», изображен теми же стилистическими средствами, какими воспользовался русский переводчик «Истории» Иосифа Флавия, представляя власть римских царей и военачальников: он также надевает их эпитетом «грозный» и называет их метод управления «грозою», устрашающей и врагов, и подчиненных. В обращениях к князьям автор таким же рисует Галицкого Ярослава Осмомысла, «грозы» которого «по землям текут», но на этот раз образ могущественного князя соответствует его историческому прототипу.

При создании сложных метафорических картин битв, возникавших во время княжеских «усобиц», автор «Слова» не раз прибегает к группе «земледельческих» образов. Близость этих картин к литературе XI—XII вв. не ограничивается тем, что метафорическое использование образов «сеяния» и «жатвы» широко распространено было и в светских, и в религиозных русских и переводных памятниках этого времени. В самом способе построения такого рода метафорических картин автор «Слова» шел тем же путем, каким создавали их писатели XI—XII вв.: метафорический образ и его конкретное значение в применении к данному содержанию заключены в одном синтаксическом целом, читатель сразу воспринимает реальный смысл метафоры. Так, составитель летописной похвалы Ярославу Мудрому⁷ пишет, что Владимир «землю взора и умягчи, рекше крещеньем просветив», а Ярослав «насея книжными словесы сердца верных людей»; Кирилл Туровский тоже рядом ставит метафору и раскрывающий ее реальный образ: «Ныня ратаи слова . . . крестное рало в мысленех браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе»;⁸ так строит метафорический ряд и Серапион Владимирский: «Всегда сею в ниву сердце ваших семя божественное». Библейский язык давал аналогичные приемы построения образа с помощью метафоры: «сеючи слезами, радостию пожнут»⁹ и т. д. На фоне этих и им подобных метафорических образов выражения «Слова» — «сѣяшется и растяшеть усобицами», «чръна земля . . . костью была

⁷ Лавр. лет., 1037 г.

⁸ Слово в неделю новую. Цит. по изд.: Еремин, стр. 417 (ТОДРЛ, т. XIII).

⁹ Псалтырь.

посѣяна, а кровию поляна: тугою взыдоша», «снопы стелють головами ... на тоуѣ животь кладуть» и т. п. — представляются построенными по той же системе. Иногда метафорический смысл образа автор «Слова» раскрывает определением к нему: «молотять чеши харалужными» — это определение в «Слове» обычно закономерно соединяется с названиями оружия — «мечи», «копья»; при слове «чеши» оно дает понять, что и здесь речь идет об оружии.

Особое место среди элементов «высокого стиля» в «Слове» занимает библейская стилистика. Когда мы устанавливаем отражения ее в «Слове», следует учитывать, что в литературный язык XII в. она входила не только непосредственно через обращавшиеся в это время отдельные списки или собранные в Паремийнике отрывки. В переведенную на Руси Хронику Георгия Амартола также вошли выдержки, а иногда слегка пересказанные эпизоды и из тех частей Библии (особенно ветхозаветных), которых в полном виде древнерусская письменность не имела до конца XV в. Цитировали часто Библию и те византийские произведения «отцов церкви», которые в южнославянских переводах были широко известны в домонгольский период. Таким образом, библейская стилистика впитывалась литературным языком и прямо через библейские книги, и через посредство многочисленных отражений ее в византийском и южнославянском учительном и торжественном ораторстве, в гимнографии, в таких естественно-исторических сочинениях, как Шестоднев, Физиолог. Вся эта литература не только обогащала русский литературный язык с XI в. своим собственным способом выражения, но она, наравне с Пчелой, закрепляла в памяти читателей библейские афоризмы, которыми авторы подтверждали свои мысли. Этим объясняется и то, что русские писатели с XI в. также опираются на авторитет библейских книг, и то, что на фразеологии даже и светской литературы отражается стилистика Библии.

С XI в. свои представления о мироздании, о природе русский читатель формировал в значительной степени по «естественно-историческим» теориям средневековья, собранным в Шестодневе. Вместе с этими теориями в литературный язык входили и закреплялись в нем некоторые элементы стилистики Шестоднева. Учитывая эту сторону его воздействия на практику писателей, мы уже не будем обращаться к литературе XVIII в. для объяснения одного из выражений в картине бегства Игоря из плена: «Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца». Дело не только в том, что отдельно слова «мыслию» и «мѣритъ» были известны уже с Остромирова евангелия,¹⁰ а в том, что и сочетание «мыслию мѣритъ» есть в языке Шестоднева: «Убогий человек мерит мыслими божию силу»; «луны убо не мозем очима мерити, нѣ мыслию». Есть основание предполагать, что и эпитет солнца «тресвѣтлое» (в данном сочетании неизвестный по другим памятникам) был создан в «Слове» на основе учения Шестоднева о трех источниках света.

Пейзажи в «Слове» не всегда имеют дополнительный метафорический смысл, как в картине утра перед первой битвой. Есть пейзажные зарисовки, просто вводящие в обстановку действия. Так, перед успешным набегом на половецкие вежи — «Дльго ночь мръкнетъ, заря свѣтъ запала, мьгла поля покрыла»; Игорь бежит из плена, когда «идуть сморци мьглами»; в «синѣ мьглѣ» в полночь Всеслав бежит из Белграда. Мгла скрывала движение войска, поэтому летопись и переводная воинская повесть не раз отмечают утреннюю мглу: «Мглою не можашу видети»,

¹⁰ Срезневский, II. 216, 243.

подчеркивает Флавий; «бе бо яко мгла к земли прилегла, яко и птицам по аеру не бе лзе летати», сообщает Лаврентьевская летопись под 1223 г. При наличии таких параллелей к изображению в «Слове» мглистого утра нет надобности видеть в этой черте пейзажа «оссианизм». Для древнерусского писателя утренняя мгла была не только признаком, создававшим определенное настроение, но и явлением, помогавшим войску скрыто готовиться к бою. Так и образ наступающей ночи — «Погасоша вечеру зори» — в описании бегства Игоря из плена подчеркивает, что пришло время незаметно скрыться. Само представление о заре, гаснущей как огонь (или зажигающей свет: «заря свѣтъ запала»), закрепленное в языке сочетанием «зори погасоша», подсказало еще за полтора столетия до «Слова» митр. Илариону сравнение иудейства в «Слове о законе и благодати»: перед распространяющимся христианством иудейство «яко заря вечерняя погасе». Такое полное совпадение «Слова» с сочинением Илариона отнюдь не свидетельствует, конечно, о том, что автор «Слова» «заимствовал» у своего предшественника этот образ: оно показывает лишь, что в литературном языке уже в XI в. существовало сочетание «зори погасли».

Элементы «высокого» книжного стиля, в органическом соединении с устно-поэтическим, обнаруживаются в тех эпизодах «Слова», которые связаны с воспоминаниями о Бояне. Описание «замышления» — поэтической фантазии Бояна, его способа изложения построено в образах, известных в XI—XII вв. в высоких жанрах литературы — житийных похвалах, в торжественном ораторстве, в гимнографии. И это закономерно вытекает из представления автора «Слова» о том, что Боян пел славу князьям не «по былинам», а следуя за полетом своей фантазии. Оттого и напоминает Бояна-гуслира в «Слове» Давид-псалмопевец, который также «восклада» свои «персты на живые струны». Таким его изобразил русский автор «Слова на воскресение Лазаря». Автор «Слова» развил этот образ метафорической картиной охоты соколов-перстов на лебедей-струны. Самая композиция этой наполовину устно-поэтической картины в виде трехчастного отрицательного сравнения говорит о тесной связи ее с устной поэтикой. В то же время лексика, какой пользуется автор, изображая соколиную охоту, идет от охотничьей терминологии, известной в XII в. Образ Бояна-поэта, вызывающий в памяти литературный образ Давида-псалмопевца, привлек один эпитет, каким гимнография (в русском тексте 1095—1097 гг.) наделяет церковного поэта Феофана: «соловий доброепесный» Феофан — аналогия к «соловью старого времени» Бояну.

Стилистический облик Бояна в «Слове» подтверждает, что в «словах» — песнях этого поэта в честь князей сливались две поэтические системы: этот дружинный певец расцвечивал приемы народной песни элементами того торжественного «хвалословия», о котором писал Кирилл Туровский, определяя разницу между летописцем-историком и «ветией», т. е. согласно «Слову» — между рассказом «по былинам» и «замышлением» Бояна.

Автор «Слова» хорошо знает песни Бояна: он помнит и их содержание, и поэтическую манеру, строит примерные запевы в этой манере и, наконец, целиком приводит тексты двух «припевок» Бояна — одну, адресованную Всеславу Полоцкому, другую — общего характера, которую уже сам автор толкует применительно к состоянию Русской земли после пленения князя Игоря. Обе «припевки» построены как правоучительные «притчи» — изречения, допускающие самое широкое применение их к отдельным конкретным случаям. И это включение афоризмов, выражающих авторскую — и вместе с тем народную оценку исторических лиц и событий, — идет в направлении, указанном летописью XI—XII вв., где ряд таких изречений, иногда тоже со ссылкой на устный источник, сопровож-

дает исторический рассказ, например: в Ипатьевской летописи под 1151 г. Изяслав после поражения его сына Мстислава «рече слово то, ако же и переж слышахом: не идет место к голове, но голова к месту», там же под 1148 г. — «брате, мир стоит до рати, а рать до мира» — такое изречение посылают в Чернигов Изяславу Святослав Ольгович и Святослав Всеволодич; под 1217 г. сообщается, как «прегордый Филя» сказал, «надеяся обяти землю, потребити море со многими Угры»: «Един камень много горнцев избиваеть». «Мирскими притчами» названы в Молении Даниила Заточника афоризмы, в устной традиции частью дожившие до записей нового времени, немало таких «притч» — пословиц в повести об Акире. Таким образом, автор «Слова», ссылаясь на «припевки» Бояна пословичного характера, имел опору в традиции, знакомой по исторической и повествовательной литературе своего времени.

Точно установить, что именно и в какой словесной форме автор «Слова» мог внести в свою повесть-песнь из устной поэзии народа, не так просто. Обычный способ решать этот вопрос, используя записи фольклора, по преимуществу XIX в., явно неприемлем. Мы не знаем, как звучала народная песня и былина в XII в., какие фразеологические сочетания в ней уже отстоялись, но в литературу еще не входили, какие уже применялись и писателями. Например, в литературе XI—XII вв. нашлись такие, всегда считающиеся специфически «фольклорными», сочетания, как «сине море», «чисто поле», «красна девица». В летописи встречается метафора князь-сокол. К фольклорным элементам стилистики «Слова» нередко относят сочетания однокоренных слов, однако и в литературе XI—XII вв. они представлены широко. В «Слове» мы находим сочетания глагола с творительным способа действия, усиливающим глагол; таковы выражения: «мыслию смыслити», «думую сдумати». Разновидность этого сочетания представляет выражение «опуташа въ путины», где винительный с предлогом заменяет творительный способа действия.¹¹ Несколько особняком стоит сочетание «лжу ... успиль ... Святъславъ грозныи великыи Киевъскыи грозою». Однокоренным к творительному действия «грозою» оказывается здесь не глагол, а определение «грозный».

В современной «Слову» литературе, в том числе и переводной, сочетания однокоренных слов представлены очень широко и разнообразно, причем многие из этих сочетаний уже не встречаются в современном литературном и устно-поэтическом языке. Так, в русском переводе повести Флавия преобладают разные виды сочетания глагола с творительным падежом. Среди этих сочетаний есть и длительно жившие, есть и редкие. Широко представлены сочетания однокоренных и в риторическом языке гимнографии, где художественная их функция выступает особенно отчетливо. Сочетания глагола с творительным действия и в этих памятниках преобладают.

Итак, отношение автора «Слова» к однокоренным сочетаниям вполне совпадает с общей тенденцией литературного языка, достаточно широко пользовавшегося этим языковым средством, особенно в форме сочетания глагола с разными видами творительного падежа. Осторожность в применении этого средства автором «Слова» сказалась, между прочим, и в том, что вместо традиционного (даже в деловом языке XI—XII вв.) «суды судя», он поставил «суды рядя». Данные литературы XI—XII вв., таким образом, не дают основания считать сочетания однокоренных слов в «Слове» признаком их особой близости к фольклору — в ту эпоху этим

¹¹ См.: А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 140.

средством широко пользовались и византийские оригиналы таких различных по жанру произведений, как «История» Иосифа Флавия и гимнография.

Св. Гординський¹² привел перечень «народно-поэтических формул» — сочетаний существительных с определением-эпитетом, — совпадающих в «Слове» и украинской народной поэзии. Часть этих сочетаний, как показано ниже в стилистическом комментарии к «Слову», встречается и в памятниках домонгольского периода: чисто поле, сине море, быстра река, светлое солнце, лютый зверь, милый брат, красна девица, острый меч. За вычетом этих сочетаний остаются следующие известные украинскому фольклору сочетания «Слова»: широке поле, ясне сонце, чорна земля, зелена трава, камінна гора, студена роса, чорний ворон, сірий вовк, сизий орел, буйний тур, готові кони, осідлані кони, золоте сідло, тисова кровать, залізні пута, криваві рани, молодий князь. Близкие параллели к «Слову» дают и следующие сочетания: «черная туча — черна хмара», «крававо вино — криваво пиво», «драгыя оксамиты — дорогі сукна».

Для выяснения древности этих сочетаний, извлеченных из записей украинского фольклора нового времени, необходимо сопоставить их с данными других славянских языков. Совпадение в ряде этих языков даст основание относить такие общие всем сочетания если не к эпохе общеславянского единства, то все же к близкому к ней времени. Тогда и предположение о том, что в язык автора «Слова» эти словосочетания вошли из устно-поэтической традиции, получит более прочную основу.

Тюркологи отмечают, что живые картины природы и образные описания походов и битв в «Слове» имеют сходство с мифологией, народными преданиями и эпическими образами в языке и устном эпосе половцев-кыпчаков. Отсюда возникает предположение о знакомстве с ними автора «Слова». Эта гипотеза заслуживает самой серьезной проверки: при постоянном общении с половцами и в русском языке и устной поэзии могли накопиться следы этого общения, и половцы, в свою очередь, усваивали в повседневной и поэтической речи способы выражения и отдельные слова русского языка.

Сопоставление с южно- и западославянскими языками в некоторых случаях поможет решить вопрос о древности таких слов, которых не сохранили памятники древнерусской письменности (например, «лада», «рокотати», «кнес» и т. д.). Интересные данные, видимо, можно будет извлечь для этой же цели из изучения лексики карпатских лемков, которые, по заключению археологов и антропологов, переселились в западные области из Северной земли в XIII в. и, следовательно, являются потомками уличей и тиверцев. В их языке до сих пор сохраняется ряд архаизмов, засвидетельствованных памятниками, древность которых не подвергается сомнению. Среди этих архаизмов есть и слова, вошедшие в «Слово о полку Игореве»: паполома, комонь, болоне, шелом, черлений, текти (в значении «идти»), рци (в значении «мовляв», «кажи»), смага.¹³

Особого внимания заслуживают такие слова, которые в близких к «Слову» по времени памятниках встречаются в иной форме — с другими приставками: «въсржати», «припѣшаны», «притрепетал», «притрепанъ», «притопта», «потручати ся», «помъчати», «попоити», или образованы с помощью иных суффиксов — «иноходѣц», «уѣдие». Эти слова обычно заносятся в число «гапаксов», и на них чаще всего ссылаются скептики, пытающиеся перенести время создания «Слова» в более позднее время.

¹² Гординський, стр. 39—40.

¹³ Там же, стр. 38.

При решении вопроса о такого рода «уникальных» формах «Слова» следует учитывать наблюдения исследователей над языком тех памятников, которые в XI—XII вв. были переведены на Руси с греческого языка. В. М. Истрин, изучавший язык перевода Хроники Георгия Амартола,¹⁴ и Н. А. Мещерский,¹⁵ характеризовавший язык перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, показали, как свободно использовали оба переводчика приставки и суффиксы для передачи оттенков значения греческих слов, образуя формы, не засвидетельствованные другими памятниками. Обращаясь к языку русского писателя — Владимира Мономаха, мы видим, что в коротком его Поучении, в части, не покрываемой текстом использованных псалмов, содержится более десяти слов, не отмеченных в других памятниках, в том числе форм, образованных с помощью иных, чем обычно, приставок. Словообразование такого рода у книжников XI—XII вв., как видим, наблюдается постоянно. Автор «Слова» не представляет в этом отношении исключения: образованные им новые формы глаголов каждый раз оправдываются необходимостью передать свой оттенок значения: «припѣшани» при наличии «опѣшити» подчеркивает, что князья-соколы лишь отчасти лишены свободы летать; «попоиша» рядом с «попити» показывает, что «сватов» напоили допьяна. Формы, созданные иными суффиксами, находят опору в аналогичных образованиях: «иноходѣць» — по типу «иноядѣць», «уѣдие» по типу «обедие» и «уедати» и т. д.

Как видим, язык «Слова о полку Игореве» прочно связан со всеми типами литературного и живого языка XI—XII вв. — от делового до устно-поэтического. Элементы каждой из разновидностей языка этого времени использованы им строго в соответствии с характером передаваемого содержания, оттого стиль «Слова» не оставляет впечатления пестрой механической смеси разнохарактерных составных частей — в нем все в точности отвечает стоящей перед автором задаче. Так свободно сплетал и близкий к нему по времени переводчик «Истории» Иосифа Флавия средства разных типов литературного языка для передачи сложного содержания оригинала. Воинская стилистика боевых картин переходит у него в высокий стиль речей, натуралистические картины голода в осажденном Иерусалиме написаны живой речью, деловой язык привлекается для описания городских укреплений и т. д. А в целом этот перевод обнаруживает высокое мастерство переводчика и богатство языка, способного передать сложное и разнообразное содержание одного из значительных памятников мировой литературы. Рядом с этим переводчиком и автор «Слова о полку Игореве» именно как мастер художественного слова, овладевший всем богатством книжного и живого языка своего времени, не представляется «необъяснимым», каким пытаются изобразить его «скептики».

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. — Термин *слово* в течение всего средневековья применялся к произведениям разных жанров. В XI—XII вв. «словом» называл свои поучения Феодосий Печерский, торжественные речи на праздники — Кирилл Туровский, русский переводчик «словом» иногда называет рассказ Иосифа Флавия

¹⁴ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. III. Л., 1930, стр. X—L.

¹⁵ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 121—153.

о взятии Иерусалима римлянами. В XIII в. «словом» определяется рассказ о бедствиях Русской земли, разоренной татаро-монголами, — «Слово о погибели Русской земли». В XV в. «словом» писец назвал «Задонщину» — повесть о Куликовской битве (рукопись Синод. собр. № 836). Тем же термином нередко именуется повесть легендарные, сказочные в списках XV—XVII в. — о Басарге, об Акире, о посаднике Щиле и др. В Мусин-Пушкинском сборнике наш памятник только в заглавии был назван «словом», в самом же тексте он определяется как «повесть» или «песнь». Первые издатели восприняли памятник как «героическую песнь» и так именно озаглавили свое издание. Таким образом, термин «слово» несомненно восходит к самой рукописи и воспроизведен по ней в издании 1800 г., хотя сами издатели предпочли назвать памятник так, как он не раз именуется в тексте. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что и в заглавии авторского текста произведение именовалось «словом»: этот термин могли ввести и поздние переписчики, поскольку и в XIII—XVI вв. наблюдается применение его к произведениям разных жанров, в том числе и историко-повествовательных. — о *плъку* — в заглавии, в начальной фразе и в воспоминаниях об Олеге (*были плъци Олговы, то было въ ты рати и въ ты плъки*) это слово обозначает «война, поход». С таким значением оно известно уже по Повести временных лет, где под 971 г. читаем: «Еда како прельстивше избъють дружину мою и мене, беша бо мнози погibli на полку». Так и Владимир Мономах пишет, что «муж умърл в полку» (см. другие примеры: Срезневский, II, 1749). В том же значении «плък» употребляется в переводной литературе Киевского периода: в Александрии первой редакции читаем: «Убиен естъ на плъку Александр», «убиен ли естъ кто от вас на плъку» (Александрия, стр. 29, 47 и др.). — В заглавии «Слова» его главный герой именуется и по отцу и по деду — *Игоря сына Святъслава, внука Ольгова*. Так назван он и в Ипат. лет. под 1185 г.: «Святославличъ Игорь, внук Олгов». Но в тексте «Слова» Игорь называется лишь с отчеством — *Игорь Святъславличъ*, а другие князья или только по имени (*великий Ярославъ*), или по отцу (*сыну Глббову*), или по деду (*внуце Всеславли*). «Генеалогическая» формула, называющая и отца и деда (а иногда и прадеда), известна с XI в. по похвале Владимиру в «Слове» митр. Илариона: «Похвалим ... Владимира внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава» (стр. 70). В Киевской летописи XII в. наименование по отцу и деду (иногда и по прадеду) встречается изредка в сообщении о вокняжении данного князя (Ипат. лет., 1149 г.): «Начало княжения в Киеве князя великаго Дюргя, сына Володимеря Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярослава, пращюра великаго Володимера, хрестившаго всю землю Рускую», чаще — в известии о смерти князя: «преставися Володимер князь Рязани, сын Святославль, внук Ярославличъ» (1162; см. такие же формулы в Ипат. лет., под 1167 г. 1173, 1175, 1179, 1197, 1288 гг.). Такое полное титулование, однако, применяется гораздо реже, чем наименование севшего на стол или умершего князя только по имени и отчеству. В Суздальской летописи нет такого устойчивого применения наименования князя по отцу и деду лишь в сообщениях о вокняжении или смерти. Под 1138 г. «Мстиславичъ Всеволод, внук Володимерь, его же выгнаша новгородци от себе, он же приде ... Киеву и да ему Вышегород»; под 1175 г. — «убьен бысть великий князь Андрей сын великаго князя Георгия, внук Мономаха Володимера» (в известиях о смерти князя такая формула в Лавр. лет. читается также под 1177, 1179, 1218 гг.). Настойчиво напоминает летопись об отце и деду в рассказах о княжении Всеволода Большое Гнездо, где генеалогическая формула применяется в самых разнообразных случаях: под 1187 г.

такое титулование включено в сообщение о замужестве дочери князя: «Всеволод Юргевич Володимерь, внук Мономахов, отдал дочь свою...»; там же: «Иде великий князь Всеволод Юргевич, внук Володимерь, на Рязань»; «посла ... Всеволод сын Гюргев, внук Мономахов Володимерь, к Киеву» (1189 г.); «бысть постригы у ... Всеволода сына Георгева внука Володимеря Мономаха» (1192 г.); «родися у ... Всеволода сына Гюргева внука Володимеря Мономаха, сын» (1194 г.); «ходи ... Всеволод Гюргевич, внук Володимерь Мономаха, на Половци» (1197 г.); «посла ... Всеволод Гюргевич, внук Володимерь Мономаха, сына» (1201 г.); «слышав ... Всеволод Гюргевич, внук Володимерь Мономаха, оже Олговичи воюют» (1207 г.); «преставися великий князь Всеволод, именовавый в святомъ крещении Дмитрии, сын Гюргев ... внук Володимера Мономаха» (1212 г.). Но в рассказах о сыновьях Всеволода они именуются лишь по отцу — «сын Всеволожь», и один раз упоминается дед и прадед в известии о смерти Константина («преставися ... Костянтин сын Всеволожь, внук Гюргев, правнук Володимера Мономаха» — 1218 г.). После этого известия князья называются лишь по отцу.

На фоне такого способа применения генеалогической формулы, особенно последовательно проводимого в южных летописях, становится ясно, почему автор «Слова» воспользовался ею лишь в самом начале — в заглавии своего произведения и больше к ней не возвращался: он был хорошо знаком с практикой ее употребления в южном летописном языке.

Не *лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы*. — Эта вступительная фраза может быть сопоставлена с аналогичными выражениями в предисловии Нестора к житию Феодосия: «...ныне отсюду ж начну поведати еже от юны версты житие ... несть лепо, братие, таити чудес божиих». В Ипат. лет. под 1170 г. князь Мстислав Изяславич в речи к «братьи своей» призывает: «...а лепо ны было, братье ... поискати отецъ своих и дед своих пути и своеи чьсти». Ср. в переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия многочисленные примеры утвердительной и отрицательной форм этого оборота: «Лепо есть Ирода поставити цесаремъ» (191); «не лепо бо ему переяти» (220); «лепо няти веру» (245); «нелепо ми презрети» (263); «нелепо слушати» (267); «лепо есть ... с вои ити» (273); «лепо нам на славу варити помощники» (314); «нелепо бо есть причащение» (460). Оборот «лепо есть», «нелепо есть» применяется и в учительном жанре. В значении «подобает» «следует» оборот «лепо есть», «нелепо есть» постоянно находим в переводных памятниках XI—XII вв. южнославянского происхождения: «Лепо есть паче оному хвалу и поклон и чьсть от цесарь же и князь и воевод» (Супрасльск. рук.); «Лепо ли есть жене открьвеною главою молитися богови» (Христинопольский Апостол XII в., стр. 152. См. еще примеры: Перетц 1, стр. 134). Таким образом, начальная фраза «Слова» построена по форме, широко распространенной в русской и переводной литературе XI—XII вв. и употреблявшейся в обоих типах литературного языка этого времени. Обращение автора к слушателям или читателям *братие* обычно в литературе XI—XII вв. в произведениях ораторского жанра (см. примеры: Перетц 1, стр. 134), но его встречаем и в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора: «Братья мои и отчи», и в предисловии игумена Даниила к его описанию Палестины: «Братие и отци, господие мои, простите мя грешнаго», причем из контекста видно, что Даниил обращался особенно к тем читателям, которые сами не могут побывать в «святых местах» и вынуждены ограничиться знакомством с ними по его описанию, т. е. и к мирянам. Самое обращение «братие» в XI—XII вв. не ограничивалось значением «духовная паства» или «монахи»: это был и термин феодальной иерархии,

объединявший в период феодальной раздробленности князей, даже при отсутствии прямого родства между ними по родителям. Таким образом, автор «Слова» своим обращением «братие» адресовался к широкому кругу светских читателей, как и его земляк игумен Даниил, выделивший, впрочем, князей термином «господие», и несколько позднее Даниил Заточник («Вострубим, братие, яко во златоконанныя трубы»).

начати старыми словесы трудныхъ повѣстии ... Почнемъ же, братие, повѣсть сию. — В обоих случаях *повѣсть* — не узкожанровый термин, но то широкое употребление этого слова в значении повествования о событиях, какое имеем в летописи XII в. — «Се повести временных лет», «се почнем повесть сию». В Остром. ев. имеем близкое сочетание: «Понеже убо мнози начаша чинити повесть». В Изборнике Святослава 1076 г. аналогичное употребление возвратной формы: «От веры начьнется слово к тебе» (Срезневский, II, 349—350). Глагол *почнемъ* в применении к литературному труду также знаком с XI—XII вв.: в записи писца Остром. ев. читаем: «Почах же е писати в лето», в записи на Четвероевангелии 1144 г.: «Почяты псати книги си» (Срезневский, II, 1323). — *старыми словесы.* — К языку песен Бояна приложено то же определение «старый», каким автор «Слова» наделяет князей XI в., в том числе и героя песни Бояна: *старому Ярославу, старого Владимира.* Следовательно, столетней давности язык для автора конца XII в. — уже «старые словеса», которые он так же отличает от современных ему, как *старого Владимира* от *нынешняго Игоря* (ср.: Гудзий, стр. 96). Как Кирилл Туровский, «Слово» называет изложение *словесы*: оно спрашивает, не следует ли *старыми словесы* рассказать о *пълку Игореве*. Кирилл Туровский представляет писателей, которые «украсят словесы» (Калайдович, стр. 74) подвиги своих героев. Ср. у Флавия: «... светлыми словы нача хвалити» (стр. 460). — *трудныхъ повѣстии* — Срезневский переводит «печальных» и не дает других примеров на это значение. Но поскольку это будет «повесть» о трудном походе, можно сопоставить это определение с летописным выражением: «А се другая рать перед нами Гюрги, то же того съждем, то нам, брате, будет трудно» (Ипат. лет., 1150 г.: Срезневский, III, 1009). Ср. у Флавия: «трудный сон» (утомленных битвой воинов, стр. 306). Значение «печальный» можно сопоставить и с глаголом «труждати», которым в Остром. ев. передано греческое слово, обозначающее «тревожить, смущать» (Срезневский, III, 1010). Может быть, «повесть тревожная»? В. Н. Перетц предложил вести прилагательное *трудныхъ* в данном контексте от значения «труд — подвиг» — так в Сказании о Борисе и Глебе XI в.: «... сподобила мя труда святых ти мученик». В таком случае *трудныхъ повѣстии* — повестей о подвиге (стр. 134).

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. — Здесь автор впервые именуется свой будущий рассказ «песнью» и в следующей фразе вспоминает песни Бояна, явно сопоставляя его песни о князьях со своим описанием «плька» Игорева, хотя и как будто предпочитая самой манере Бояна — его *замышлению* — *былины сего времени*. Далее автор предлагает два зачина, какими следовало бы *внуку Бояна* начать *пѣти пѣснь Игореву*, называя опять «песнью» рассказ о походе. И, наконец, в заключении весь предшествующий текст снова называет «песнью»: *Пѣвшие пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти.* Обычай прославлять князей известен по летописи; в Ипат. лет. под 1199 г. автор слова похвального князю Рюрику Ростиславичу, обращаясь к нему, говорит: «Отселе бо не на бреже ставше, но на стене твоего создания пою ти пѣснь победную, аки Мириам древле». Так «песнью победной» автор именуется свое «писание», которое он передает князю «акы дар словес-

сен на похваление добродетелей». Такое употребление термина «песнь» этот автор конца XII в. (игумен Выдубицкого монастыря Моисей) усвоил из Библии, как видно из его ссылки на песнь Мириам. Ср. в Паремийнике XIII в.: «Тъгда пет Моиси и сынове израилеви песнь сию». В русском переводе Иосифа Флавия (стр. 185) царю Ироду «песни пояхуть ему по Сурьским градом» (ср. другие примеры: Перетц, стр. 140). Если Рюрика Ростиславича «песнью победною» прославил игумен монастыря за построение стены, то, по рассказу Ипат. лет., в 1251 г. жители Галича «песнь славну пояху» Даниилу Галицкому и его брату за военные успехи. Но в «Слове» с прославлением связана лишь та «слава», которую поют после возвращения Игоря из плена. Здесь *пѣвше пѣснь* имеет тот же смысл, что глагол «прославиша» в летописном рассказе об освобождении из заточения киевлянами князя Всеслава: под 1058 г. Лавр. лет. сообщает, что кыяне «прославиша ѥ среди двора кнѣзя». «Песнотворцами» — «ветиями», в отличие от «историков» и «летописцев», Кирилл Туровский назвал тех писателей, которые «украсять словесы и възвеличать мужествовавшая крепко по своему цари и не давших в брани плещю врагомъ» (Калайдович, стр. 74). Таким образом, «песни» исторического содержания в XII в. в русской литературной практике могли быть сформлены и как ораторские произведения, и как «славы» типа дружинных и народных песен. В «Слове о полку Игореве» элементы обеих разновидностей «песен» есть и в прославлении мужества князей Игоря и Всеволода, и в обращениях — призывах к князьям отомстить за обиду *сего времени*, и в радостной «славе», встречающей вернувшихся из плена князей. — *по былинамъ сего времени*. — Слово «былины» встречается лишь в списке Задонщины XVII в. (Ундольского). — *а не по замышлению Бояню* — «бесовское замышление» (Миней 1096, 12 октября, стр. 86), «Своя замышления паче писаниемъ държати» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 930). В переводе Амартола: «...последи же замышлением воеводскимъ разори» (стр. 522—523); у Флавия: «Овогда от своего замышления молвя» (стр. 211). — *Бояню*. — Автор «Слова» хорошо помнит Бояню: описав вначале его поэтическую манеру, он затем приводит примерные зачины, которыми *вѣщеи Боянъ* начал бы сам песнь Игорю или, в его стиле, запел бы его *внук*. Снова вспоминается Боян в рассказе о Всеславе Полоцком, которому *вѣщеи Боянъ, смысленныи припѣвку рече*, и его же изречение приводится в конце «Слова», приспособленное автором к современным ему событиям (*Тяжко ти головы кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы* — и автор добавляет третью часть: *Рускои земли безъ Игоря*). Было высказано много догадок по поводу имени Боян (см. свод их: Перетц, стр. 135—136). Это имя засвидетельствовано в Рядной грамоте Тешаты и Якима, датированной 1266—1291 г. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 317). В Синодальном списке Новг. I лет. дважды — под 1300 и 1326 гг. называется в Новгороде по этому имени улица: «на Бояни улке» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 91 и 97). В настоящее время опубликована запись, начертанная на столбе Киевской Софии, с именем Бояна (см. статью: С. А. Высоцкий. Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской. — История СССР, 1964, № 3, стр. 112—117). По сообщению С. А. Высоцкого, после снятия со столба масляной живописи XIX в. была открыта фресковая штукатурка XI в., на которой частью сверх рисунка более раннего времени (птичка, которая вырезана в середине надписи, очень напоминает подобные изображения на миниатюрах Изборника Святослава 1073 г., возможно даже, что она была высечена поверх слова «иванъ», см. прорисывание в статье С. А. Высоцкого, стр. 112), частью рядом с ним высечена запись

в 14 строк о покупке Бояновой земли княгиней Всеволодовой: «*Мѣнара въ ѿтго Ип[оли]та крила землю княгъни Бояню Всеволожа а передъ ѿтою Софиною передъ попы а ту был попинъ Якимъ (следует перечень попов) ... передъ тими послухы купи землю княгъни Бояню всю (сообщается цена этой земли)*». Древность этой записи, по начертанию букв датируемой С. А. Высоцким второй половиной XII в. (стр. 116), подтверждается и ее языком: «крила» в значении «купила» отмечено Срезневским в списке XI в. Пандект Никона — «Шед на търг крити себе ризу», причем в другом переводе этого памятника вместо «крити» читается «купити» (Срезневский, I, 1325). Так и в софийской надписи в конце ее тоже находим «купи землю». Обращает на себя внимание, что в этой надписи употреблена та же форма притяжательного прилагательного *Бояню*, какая читается и в «Слове о полку Игореве», а позднее в Новг. лет. («на Бояни улке»). В Болгарии и Сербии Боян — обычное имя, нередкое и в топонимике.

Боянъ бо вѣщи, аще кому хотяше пѣснь творити. — Эпитет *вѣщи* прилагается в «Слове» и к «перстам» Бояна, и к Всеславу Полоцкому, у которого *вѣща душа*. В летописи этим эпитетом наделен под 907 г. Олег: «Прозваша Ольга вѣщим» (ср. другие примеры: Срезневский, I, 502—503). — *пѣснь творити* — аналогичное сочетание находим у Кирилла Туровского: «творим повесть, въземлюще от святаго евангелія» (Калайдович, стр. 56). Книжное *аще* рядом с народным *ажс* встречается и в летописи: «...аще бо бы перевозник Кий ... аще поехати будяше обѣрину ... аще вывержена будетъ лодья ветром ... аще ли лучится кому от лодьи убеену быти» и т. д. (Лавр. лет., 912 г.), и в деловом языке, начиная с Русской Правды (см.: Дылевский, стр. 246—247).

раствѣкашеться мыслию по древу, скача ... по мыслену древу. — Д. В. Айналов сопоставляет «мысленое древо», «древу», по которому поэт *раствѣкашеться мыслию*, с библейским райским «древом разумным»; митр. Никифор в послании Владимиру Мономаху упоминал это древо: «Аще бо первое Адам праотецѣ постил бы ся от древа разумного» (ср. в Слове Григория Назианзина XI в.: «Древом разумным не вредися»). Трехчленность формулы, изображающей полет мысли Бояна, по мнению Д. В. Айналова, опирается на три образа: мысль скачет по древу, рыщет по земле и парит умом под облаками (Замечания к тексту Слова о полку Игореве. — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, М.—Л., 1934, стр. 184—189). В. Ф. Ржига предложил сопоставить «мысленое древо» с древом поэзии у исландского поэта X в. Эгиля Скаллагримсона: «Из храма слов (из уст) вырастает у меня древо песен, покрытое листвою славы» (В. Ф. Ржига. «Мысленое древо» Слова о полку Игореве. — Там же, стр. 110—111). — Глагол «растекатися» в его прямом значении находим в Ипат. лет. под 1282 г.: «Уже реки растекаются» (о поправках к слову «мыслию» см.: Перетц, стр. 137), но применялся он и в значении «разбежаться»: «Сынове же Израилеви всюду растежъшеся, ратныя исекоша» (Амартол, стр. 192).

сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. — Оба эти поэтических образа идут от народно-поэтической традиции. С. Гординский отметил наличие в украинском фольклоре сочетаний «сіри вовк» и «сизий орел» (стр. 39). — Старший пример употребления «сизый» (*шизыи*) для определения цвета находим в «Описании имущества царя Ивана Васильевича» XVI в.: «сизови слазоревим нацветом» (La Geste, стр. 252). В повестях XVII в. сочетания «сизи орли» (Повесть об Азове) и «сизим голубем» (Повесть о Горе-Злочастии) идут от устно-поэтической тради-

дии. Наличие слова «сизий» и сочетания «серый волк» в русской, украинской и белорусской народной поэзии свидетельствует об их древности. — Сравнение полета мысли с высотой полета орла: Климент Словенский — «не понавлятися по вся дни чистоте яко орел и горе възлетати умъмъ»; в житии Макария Римского — «летаи мыслью под небесем, яко орел»; в поучении Кирилла Философа — «полетай мыслию своею, акы орел по воздуху» (цит. по кн.: Перетц, стр. 137—138).

Помняшьть бо, рече (испр. из *речъ*), *първыхъ времянь усобицѣ* — у Флавия: «... смърти не помнять», «уже бо не помняше противных» (стр. 314, 197). — *първыхъ времянь* — в значении «прежних» имеет соответствие в летописном выражении: «Не бо сего слышано в дньех первых в земли Русьсте» (Лавр. лет., 1094 г.). — *усобицѣ* — старший пример употребления этого слова в летописи находим под 861 г., часто пользуется им переводчик хроники Амартола (см. примеры: Срезневский, III, 1269). — Вводное *рече* имеет аналогию в языке Нестора в Житии Бориса и Глеба: «Створиша бо, рече, имя ему Давыд» (другие примеры из этого памятника см.: Срезневский, III, 119).

Тогда пуцашьть 10 соколовъ на стадо лебедѣи ... не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пуцаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. — Начальное *тогда* — *Тогда пуцашьть* (встречается еще пять раз) имеет параллель в языке Галицкого евангелия, особенно характерен этот оборот в евангелии Матфея (Перетц (К изучению, стр. 67) насчитал 60 случаев вводного «тогда»). Как давно указано комментаторами «Слова», этот метафорический образ имеет аналогию в изображении псалмопевца Давида в «Слове на воскресение Лазаря», памятнике, который обоснованно считают русским по происхождению и относящимся к домонгольскому периоду: ««Ему же глаголаше Давыд, в преисподнем аде седя, накладая очитыя персты на живыя струны: „Воспойм песни тихи и веселья, друзи мои“» (список XIV—XV в.); в списке начала XVI в. вариант: «Въспоем, дружино, песньми днесь, а плачь отложим и утешимся. Удари, рече, Давыд в гусли и возложи прѣсты своя на живыя струны и на иныя накладая, а седя во преисподнем аде». Ср. в Остром. ев.: «Бремена ... вѣскладают на плеща человекьскаа». Развивая этот образ, автор «Слова» ввел в него символику, с которой мы встретимся не раз в дальнейшем изложении, — он уподобил *прѣсты* соколам, а *живая струны* — лебедям. В основу всей картины положено реальное соотношение между соколом — охотничьей птицей и лебедью, за которой сокол охотится (ср. в «Слове»: Игорь *полетѣ соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди*). Не случайно и в символической картине пения Бояна применена «охотничья» терминология: Боян *пуцашьть соколов на стадо лебедѣи*: «Пушту на вы дивьяя звери» (Изборник Святослава, 1073 г.); «человек ... пустит пса на зверь» (1416 г.: Срезневский, II, 1727). Совпадает в этих примерах и сочетание глагола с предлогом «на». Дальше по значению примеры, приводимые Срезневским на другую форму того же глагола «пуцати» (II, 1743—1744). — Срезневский не дает примеров, где слово *стадо* обозначает «стаю» птиц (III, 489—490), хотя само слово «стадо» известно с XI в. Старший пример употребления слова «стадо» в значении «стая» дает Житие Михаила Тверского: «... виде вой свой располешен акы птичье стадо» (списки с XVI в., см.: Барсов, I, стр. 434). Итак персты—соколы падают на струны—лебедей, и подобно тому как подбитый лебедь издает крик, звучит под перстом струна. Так из хорошо знакомого автору «Слова» охотничьего образа возникла символическая картина, которую он тут же поспешил разъяснить читателю. Обращает на себя внимание, что это единственный случай использования

полной формулы отрицательного сравнения, к которой автор прибег именно потому, что сама символика здесь сопоставляет предметы, обычно не сближаемые ни в литературе, ни в устной поэзии. Возникает вопрос: почему автор настойчиво, дважды, напоминает, что соколов было десять? Ведь то, что «перстов», символически изображенных в виде соколов, именно десять, вряд ли нужно было напоминать читателям. Не подчеркивается ли этим напоминанием, что гусли Бояна были десятиструнные. Н. Ф. Финдейзен в своих «Очерках по истории музыки в России» (т. I, вып. 2, М.—Л., 1928, стр. 219), не приводя никаких доказательств, определенно говорит, что «вещий Боян оперирует с десятиструнным инструментом». Думается, что, кроме указания на десять пальцев Бояна, которыми он играл, можно отметить в старшем русском тексте Псалтыри, в псалме 143, именно такой образ десятиструнного инструмента: «... в псалтыри десятострунней въспою тебе» (Амфилохий, т. II, стр. 506). — Развивая образ живых струн, автор «Слова» добавил, что они же сами княземъ славу рокотаху. Ср. в Александрии: «гусли гудяща сами» (об этом выражении см. статью: П. Бицилли. К вопросу о происхождении Слова о полку Игореве. — В сб.: Заметки к слову о полку Игореве, вып. 2, Белград, 1941, стр. 10). — славу — «въспою славу твою» (Амфилохий, I, стр. 481); о песнях-славах см. выше, стр. 27. — рокотаху — глагол «рокотати» расценивался неоднократно только как полонизм, однако Л. А. Булаховский, ссылаясь на В. И. Даля, отметил наличие этого глагола в великорусских диалектах (К лексике Слова о полку Игореве. — ТОДРА, т. XIV, 1958, стр. 33).

которыи дотечаше, та преди пѣснѣ пояше — в переводе Амртола: «... дотеку владыки архиереи и помолюся ему» (стр. 383), в значении быстрого движения. В середине XV в. в «Слове инокa Фомы» читаем: «Ни умь челоувечьи не дотечет, ни язык извествовати тоя красоты не можеть» (Н. П. Лихачев. Инокa Фомы слово похвальное. СПб., 1908, стр. 22), «милостыни и щедроты» тверского князя «до самого Иерусалима дотече» (там же, стр. 3). Глагол «течи» и производные от него с разными приставками известны среди охотничьих терминов, в частности относящихся к соколиной охоте (см. примеры: La Geste, стр. 258). — преди — Срезневский дает примеры с XI в. (II, 1630). — пѣснѣ пояше — см. выше, стр. 27.

старому Ярославу — так называет автор «Слова» Ярослава Мудрого, которого он еще раз вспоминает в рассказе о Всеславе Полоцком как князя новгородского (отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу). Д. С. Лихачев связывает это воспоминание с новгородскими представлениями о начале новгородской независимости (Истор. и полит. кругозор, стр. 11). Ниже «старым» автор назовет Владимира Святославича (Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира; того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити). Определение князя-предка словом «старый» известно еще от XI в., по «Слову о законе и благодати» митр. Илариона, который назвал Владимира Святославича внуком «старого Игоря» (стр. 70); «Вда им волю всю и уставы старых князь» (Новг. I лет., 1209 г.).

храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы Касожьскими — «хоте зарезати и ножемъ» (Лавр. лет., 1128 г.); «веле (Всеволода) зарезати пред собою» (1237 г.). Повесть временных лет, рассказывая о поединке Мстислава с Редедю (1022 г.), применяет тот же глагол: «Вынзе ножь, зареза Редедю», и также помнит, что поединок происходил на глазах у войск: «... и ставшема обема полкома противу собе» (ср.: Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 12). — Эпитет Мстислава храбрыи

находит соответствие в летописи под 1036 г., где сообщение о смерти князя сопровождается его характеристикой, отмечающей, что он был «храбр на рати». В этом эпизоде слово «полк» употреблено в значении «войско», как и ниже (*храбрыя плѣкы Игоревы; плѣкы Половецкыя; плѣкы заворочаетъ; сильные плѣкы Святослава, кликомъ плѣкы побѣждаютъ, желѣзные плѣки Ярослава, поганыя плѣкы*). Это значение известно с XI в. (Срезневский, II, 1747). Редея и Касоги называются и в летописном рассказе 1022 г. о поединке Мстислава.

красному Романови Святѣславличю — «уноша красын зело» (Изборник Святослава 1076 г.); Глеб Владимирович «бъше красен, высок, лицомъ кругломъ» (Сказание о Борисе и Глебе: Срезневский, I, 1318).

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Володимера до нынѣшняго Игоря. — Аналогичное начало рассказа с хронологическими выкладками «от — до» читается в Повести временных лет под 852 г. (Лавр. лет.): «Отселе почнем и числа положим яко от Адама ... до смерти Святополчи», еще ранее Начальный свод конца XI в. (в предисловии, сохранившемся в Новг. I лет.) так определил границы изложения: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известно да скажем» (А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. 364); ср. в Галицкой летописи: «Начнем же сказати бещисленныя рати» (Ипат. лет., 1227 г.). Определение границ повествования «от — до», включающее наименование князя — современника автора — «нынешний», отозвалось в XIII в. в «Слове о погибели Русской земли», сохранившийся отрывок которого заканчивается так: «А в ты дъни болезнь крестьяном от великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго» (Х. Лопарев. Слово о погибели Рускыя земли. СПб., 1892, стр. 24).

иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа. — Близкой фразеологией пользуется переводчик Флавия: «Прием ум своею крепостию» (стр. 322); «поострите душа ваша на мьсти» (стр. 331); «исполньшимся ратнаго духа» (стр. 297). В Минее 1097 г.: «сердце твое мужеством укрепимо» (ноябрь, стр. 490); Паремийник XIII в.: «поостритъ же гнев свои в оружии» (цит. по кн.: Перетц, стр. 144); «наплѣнився святаго духа» (житие Феодосия по Успенск. сб. XII в.). О «мужестве» сердца напоминает рассказ Вольнской летописи 1282 г.: «Сии же умроста мужественемъ сердцемъ» (Ипат. лет.). — *истягну* — наиболее подходит по значению к данному эпизоду «Слова» глагол «стягнути», на который Срезневский приводит пример из Пандект Никона: «Внешнимъ стягнув мысль» (III, 856), где этот глагол применен также к отвлеченному понятию. В данном эпизоде «Слова» «крепость» и «мужество» стоят в одном ряду родственных понятий, как часто сближаются они и в тексте Флавия: «дивляшесе мужеству и крепости его» (стр. 195), «не подобает тужити, ни страховатися, но паче мужествовати и крепитиси и оружие вознимати на шатающихся» (стр. 201), ср. «и к душевней же крепости» (стр. 208). Во всех этих словосочетаниях «крепость» — свойство не только тела, но и души. — С XI в. известны примеры употребления слова «ум» в значении «разум» (Срезневский, III, 1211). Весь этот эпизод «Слова» (*Почнемъ же ... Игоря ... иже...*) композиционно напоминает начало похвалы Владимиру у митр. Илариона: «Похвалим же и мы ... Володимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже и своя лета владычествующа, мужествомъ же и храбрѣствомъ прослуша» (стр. 69—70).

наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Русскую. — В «Откровении Мефодия Патарского»: «Царь Елинск ... наведе

деть мечь на не» (на Измайльтян) (стр. 97). — Здесь *плъкы* обозначает войско, как в летописи с 945 г.: «...сньемъшемся обема полкома на скупь»; под 968 г.: «...по мне идеть полк со князем» (другие примеры см.: Срезневский, II, 1747). — Оба термина — *земля Половѣцкая* и *поле Половецкое* — применяются в «Слове» (первый — семь раз, второй — два раза), хотя южнорусские летописи в XII в. еще не пользуются этим обозначением места кочевья половцев (о термине «поле—степь» см.: Срезневский, II, 1125). Мы встречаем «поле Половецкое» лишь под 1224 г., когда в степи появляются орды татаро-монголов, а «земля Половецкая» называется под 1228 и 1238 гг., снова в связи с набегами этих орд. Затем термины опять исчезают со страниц южных летописей. Но мы находим термин «половецкая земля» не как обозначение территории, а как замену наименования народа в Поучении Владимира Мономаха («Олег на мя приде с Половечкою землею»), в Лавр. лет. под 1139 г.: «По том же лете приде Половечская земля вся и князи Половечские вси на мир»; и под 1203 г.: «Взят бысть Киев Рюриком и Ольговичи и всею Половецкою землею». Таким образом, «Слово» дает старшие примеры обозначения степи как «земли Половецкой». Что же касается названия степи «полем Половецким», то оно опиралось на давнюю традицию именовать эту степь полем. Эта традиция отражена Повестью временных лет еще за те годы, когда в степи кочевали печенеги: под 968 г. — «собра (Святослав) вои и прогна Печенеги в поли», под 1103 г. — «Идоша в поле 4 дъни и придоша на Сутень». В соответствии с таким словоупотреблением и в «Слове» территория, откуда идут половцы, — *то поля широкая, то великая поля*, то кратко *поле* или *поле незнаемо среди земли Половецкыи*. Однако определением «половецкое» в сочетании с названием «поле» автор «Слова» воспользовался лишь два раза, явно предпочтя ему название *земля Половецкая*, на которой была не только степь — «поле», но и *Каяла рѣка Половецкая, хльми и яругы, рѣкы и озеры, потоки и боюта* — по ним со своими сильными *плъкы* прошел Святослав Киевский. На «земле Половецкой» протекал и *Дон Великий, испити шелоомь* которого собирался князь Игорь, и *малый Донец*, помогавший князю бежать из плена. Значение термина «земля Половецкая» в «Слове» шире, чем «поле Половецкое». — В соответствии с практикой, закрепленной с начала XI в. и в деловом, и в летописном языке, свое государство автор «Слова» всегда называет *Русская земля* (см. примеры из памятников XI—XIV вв.: Срезневский, I, 972—973), противостоящая «земле Половецкой». Термин этот так прочно закрепился, что проник даже в старший образец русской гимнографии — службу Борису и Глебу XI в., где братья названы «земли Русьскыя удобрение» (Д. И. Абрамович. Жития св. муч. Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 137). Однако, как отметил Д. С. Лихачев (Истор. и полит. кругозор, стр. 39), в «Слове» в это понятие «Русская земля» входит не только Киевская Русь (что было довольно типично для XII века), но все русские области, даже те, которые в это время утратили политическую связь с собственно Русским государством. Так Тьмутарокань продолжает осознаваться как русская область, реки Дон и Донец, протекавшие по местам кочевий половцев, но частью по берегам заселенные русскими, принимают участие в событиях на стороне русских, Дон зовет князей в поход, Донец помогает Игорю бежать из плена. На берегу Дуная в русских селениях поют славу Игорю. Призыв *за землю Русскую* известен уже по тексту Повести временных лет, повторяется и в Киевской летописи XII в.: «Мы умираем за Рускую землю», «за Рускую землю головы свое сложити» (Ипат. лет., 1155, 1170 гг.).

О *Бояне, соловью стараго времени!* — В русской литературе с XI в. был знаком этот эпитет именно в приложении к поэту: в Минее служебной по русскому списку 1096 г. известный византийский поэт Феофан, автор церковных песнопений, именуется «соловий добръпѣсьныи» (октябрь, стр. 82). Так уточняется общее сравнение «поющих песнь», славящих «господа» «церковных чинов» с «доброгласными птицами», какое дает Кирилл Туровский в «слове на антипасху»: «Ныне вся доброгласныи птиця церковных ликов гнездяще веселятся, иже суть церковнии чини... и свою кождо поюще песнь, славят господа» (Калайдович, стр. 23). Сравнение голоса соловья с человеческим голосом находим в житии Варлаама и Иоасафа, которое было переведено на Руси в XI—XII в., а отдельные притчи в болгарском переводе стали известны уже в XI в. и рано были включены в Пролог. Среди этих, читающихся в Прологе притч известна «о славии притча», где читаем: «въдан бысть славиевы гласъ члвчъскъ» (цитата по списку XIV в. Архива Исторического института Загребской Академии наук — сообщена Д. С. Лихачевым). — Определение *стараго времени* соответствует старым словесам времени Бояна и наименованиям старыми князей X—XI вв. (Владимира I и Ярослава).

а бы ты сиа плѣкы ущекоталъ. — После «Задонщины», где глаголу «ущекотал» соответствует «выщекотал» и «пощекотал», старший пример глагола того же корня имеем от 1666 г. «Соловей... начал посвистывать по обычаю и защекотал и запел» (Перетц, стр. 146). «Слово» знает и существительное *щекотъ славии*. — Слова *сиа плѣкы* указывают, что этот эпизод первоначально следовал за фразой: *наведе своя храбрѣя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Рускую*.

скача, славлю, по мыслену древу (растѣкашется мыслию по древу) — параллели в языке Минее 1095—1097 гг.: «цвет мысленный прозяб» (октябрь, стр. 54), «солнце мысленное» (октябрь, стр. 58), «мысленная светильника» (октябрь, стр. 91), «на камне мысленемъ» (октябрь, стр. 141), «щит мысленный» (октябрь, стр. 191), «лоза мысленная» (октябрь, стр. 195), «мысленный ковчег» (сентябрь, стр. 082), «звери мысленныи» (страсти) (сентябрь, стр. 0192). Срезневский не дает других примеров на сочетание глагола «скакати» с предлогом «по» (этот предлог с дат. пад. отмечен лишь им при глаголе «ходить» — II, 979) — им отмечены для старшего периода лишь предлоги «от», «через», «сквозе» или беспредложное употребление этого глагола (III, 362—363). — В Шестоднев есть славянская форма «славий»: «Славие же поюще» (Срезневский, III, 406).

летая умомъ подъ облакы. — Образ полета мысли дает Шестоднев, который говорит, обращаясь к человеку: «Мыслию възидеши к богу невидимому, како ли ти сквозе храм пролета ум и всю ту высоту и небеса скорее мъжения очнаго прилетев» (л. 199). Митрополит Никифор в послании Владимиру Мономаху так обращается к нему: «Ум твой быстро летаетъ и не убежить ему пишемое» (так был переведен греческий оригинал этого послания — см. о нем в кн.: Акад. А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 48—53). В слове Климента Словенского: «горе възлетати умѣм»; Макарий Римский «высок мыслию; летаи мыслию под небесем, яко орел» (цит. по кн.: Перетц, стр. 138). Даниил Заточник: «Бых мыслию паря, аки орел по воздуху» (стр. 22).

свивая славы (м. б., славлю?) оба полы сего времени. — Срезневский отмечает для старшего периода лишь глагол «свити» в значении «сплести», «сшить»: «яко одеяло сввиешии» (Кирилл Иерусал. XIII в.: Срезневский, III, 658). — *славы* — в значении «прославляющие песни» см. выше, стр. 27. — Примеры на выражение *оба полы* Срезневский дает с XI в. и в деловом и летописном языке, и в переводной литературе.

Однако сочетания с существительным «время» среди этих примеров не встречается (есть «оба полы» звезды, круга, креста, земли и т. д., II, 1145). — О поправке *славы* на *славю* см.: Перетц, стр. 147. Форма *славий* известна с XI в. (Срезневский, III, 406).

рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. — Оборот «ристати в» с вин. пад. известен с XI в.: «...а к тому не ристати в пустыню» (Супрасльск. рук.: Срезневский, III, 124). — *Тропа* отмечена Срезневским лишь в документе 1530 г. (III, 1002). — Свод толкований выражения *тропу Трояню* см. в монографии В. Н. Перетца (Перетц, стр. 148—149) и в статье Н. С. Державина «„Троян“ в „Слове о полку Игореве“» (Сборник статей и исследований в области славянской филологии, М.—Л., 1941, стр. 7—51) и А. Болдура (ТОДРА, т. XV, 1958, стр. 7—35). «Троян» называется в числе славянских богов в списке XII в. «Хождения богородицы по мукам»: «Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на богы обратиша» (цит. по кн.: Перетц, стр. 148). — Оборот *через — на* — в житии Феодосия Печерского: «...пресыпатися ей чрес стену на землю» (Срезневский, III, 1541).

Пѣти было пѣснѣ Игореву, того внуку. — *пѣти ... пѣснѣ* — см. выше, стр. 27. — М. В. Щепкина предполагает, что Боян «Слова» был предком автора этого памятника и что фраза *пѣти было пѣснѣ Игореву, того внуку* относится именно к этому автору: «Его (Бояна) внуку подобало бы так начать песнь Игорю: *не буря соколы занесе ...* Поставленное в первом издании в скобках после *того* — *Олга* — видимо, внесено в текст с полей либо писцом XVI в., либо читателями XVIII в.» (М. В. Щепкина. О личности певца «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XVI, 1960, стр. 73—74). Почему слова *того внуку* отнесены к Игорю и пояснены добавлением имени *Олга*? Очевидно, потому, что в заглавии Игорь назван «внуком Ольговым». Так подтверждается и то, что заглавие памятника было, во всяком случае, в Мусин-Пушкинском тексте. Писец запомнил его и, встретив рядом с именем *Игореву* слова *того внуку*, на полях разъяснил словом *Олга* — чьему внуку, а может быть он сам перенес с полей своего оригинала это имя в текст, но отметил каким-нибудь значком, что это вставка, а издатели передали этот значок скобками.

Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому. — «Сниде буря ветряна» (Остром. ев.), чаще в памятниках XI—XII вв. сочетание «бысть буря». — Обычно в «Слове» соколом уподобляются князья (см. ниже, стр. 71), но в данном случае *соколы* — русские воины, а *галици* — половцы. Такое сопоставление схватки русских воинов с врагами находим в летописном рассказе 1097 г. о половецком хане Боняке: «Сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбивает галице» (Лавр. лет.). Русские воины-соколы — образ, известный по летописному рассказу 1231 г.: «Приехавшим же соколом стрелцем» (Ипат. лет.). — *стадо* — см. выше, стр. 29. — Обычное в фольклоре сочетание *поля широкая* в литературе старшего периода не представлено: в Остром. ев. имеем лишь «широк путь» (Срезневский, III, 1595). — *бѣжать* — движение отступающих войск обозначается и в летописи глаголом «бежать»: «Угри ... бежавше минуша Боняка» (Лавр. лет., 1097 г.). — *къ Дону Великому* — направление, в котором движутся и русские войска — *Игорь къ Дону вои ведеть*, он намерен испити шелокомъ Дону, здесь — у Дону великого развернется сражение, *на синѣмъ море у Дону въсплескала лебедиными крылы обида*. В отличие от летописного рассказа, «Слово» не называет других рек — Салницы и Сюрля (Ипат. лет.), но место поражения русских назовет ниже *быстрой Каялой* (см. стр. 55). Такое определение всего «великого поля Половецкого» лишь по главной его реке — Дону,

по наблюдениям К. В. Кудряшова (Половецкая степь. М., 1948, стр. 117), характерно уже для описания походов Владимира Мономаха. Д. С. Лихачев добавляет, что вообще для летописи XII в. «определение страны по протекающей в ней реке чрезвычайно характерно» (Устные истоки, стр. 89). Таким образом, постоянное прикрепление места действия к той или иной реке представляет в «Слове» прием, типичный для летописного изложения.

Чи ли въспѣти было, въщеи Бояне, Велесовь внуче. — Чи ли в значении «или» в языке XI—XII вв.: «...ребра съкроити чи ли ражъны повирати тело» (Златоструй XII в.). — Глагол *въспѣти* известен с XI в. не только в гимнографии, когда речь идет о похвальных церковных песнях или вообще о молитвенных песнопениях (ср.: в Минее 1096 г. — «Кто не въспоеет твоих дарований»; у Кирилла Туровского — «Кыя ли надгробныя песни исходу твоему въспою»; другие примеры см.: Срезневский, I, 418), но и применительно к светским песням — славам: «...въспеша (римляне) яко же обычаи им при победе» (Флавий, стр. 429—430); «въспевают ему песни священныя» (там же, стр. 405). — Форму *Велес* имеем в списке XII в. «Хождения богородицы по мукам»: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша» (Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. II. М., 1863, стр. 23). Та же форма повторяется в житии Авраамия Ростовского: «Что ради скорбя седиши близ страстнаго сего идола Велеса» (Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, т. I. СПб., 1860, стр. 221). Наименование *Бояна Велесовь внуче* Е. В. Аничков (Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 336—337) предложил толковать как указание на «родоначальника Бояна, а может быть и вообще боянов». Поскольку в настоящее время установлено, что слово «Боян» в XII в. было именем собственным, термин *Велесовь внуче* следует относить лишь к определенному лицу — поэту Бояну. А. С. Орлов отметил, что «внук» в «Слове» значит «потомок во всех случаях употребления этого термина» (ветры — *Стрибожи внуци*, русский народ — *Дажь-Бож внук*, потомки Всеслава — *внуци*) (Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 94). «Речь философа» поясняет, что уже в XI в. известно было толкование языческих богов как обожествленных знаменитых людей: «Творяще бо кумиры в имена мертвых человек, бывшим онем царем, другим же храбрым, волхвом и женам прелюбодейницам» (Лавр. лет., 986 г.). Потомками таких обожествленных людей «Слово» называет русский народ и Бояна (см.: Е. В. Аничков, ук. соч., стр. 329—341).

Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ. — *Комони* — в летописи с 969 г. находим это название боевого коня: Святослав готов перенести стольный город в Болгарию «яко ту вся благая ... из Угор сребро и комони» (ср. также Ипат. лет. под 1150, 1151 гг.). В Лавр. лет. под 1149 г. от этого названия образуется термин «комоньство» как определенное особо ценных качеств коня: Андрей Боголюбский воздал «честь» своему коню, спасшему его во время битвы, «жалуя комоньства его» (ср. о значении боевого коня в XII—XIII вв.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 76—77). — *ржуть* — «оробе (жеребята) ржют» (Акир, стр. 193, 197). — *за Сулою* находилась уже Половецкая земля. Владимир Мономах в «Поучении» рассказывает, что за ханом Боняком русские дружины пошли из Переяславля «за Сулу». — *звенить слава* — сочетание глагола «звенеть» с отвлеченным понятием находим в «Истории» Иосифа Флавия: «Звнѣть прегрешения наша в ушию всех ... и по нас будет се звон» (стр. 459); «божество звеняще» (Физиолог. Исследование А. Карнеева, СПб., 1890, стр. 281). Ср. аналогичные сочетания глаголов, выражающих

звучание, с отвлеченными понятиями в Молении Даниила Заточника: «Вострубим ... в разум ума своего ... бити в сребреные аргани возвитие мудрости своае» (Даниил Заточник, стр. 4). См. ниже в «Слове»: *звонячи въ прадѣдную славу* (стр. 88). Этот примерный зачин «песни», каким следовало бы внуку Бояна начать ее в манере своего предка, дает образец того лаконичного выражения, точный смысл которого мог быть понятен только современнику. Если русские кони *ржутъ за Сулою*, значит войско уже прорвалось на Половецкую землю, потому-то в Киеве *звенить слава* — уже видна победа.

трубы трубятъ въ Новѣградѣ (ср.: *трубы трубятъ Городеньскии*) — «трубами трубляяху» (Псалтырь толковая XI в.), а в именит. пад., как в «Слове», при глаголе «въструбити»: «въструби труба» (Александрия, стр. 22), но в летописи и при этом глаголе предлог: «в трубы въструбиша» (Ипат. лет., 1151 г., см. еще примеры: Срезневский, III, 1004—1005).

стоять стязи въ Путивлѣ. — Д. С. Лихачев предполагает, что здесь «стяг» символизирует все собравшееся в Путивле войско, готовое к походу. В параллель он ссылается на текст Ипат. лет. под 1231 г.: «... виде стяг Василков стояще и добре борющъ и угры гонящу» (Устные истоки, стр. 73). Летопись знает и сочетание «поставити стяг» в прямом, не расширительном его значении: «Пришедше половци к валови, поставиша стягы свои» (Лавр. лет., 1093 г.); «и постави стягы Галичские» (Ипат. лет., 1153 г.).

Игорь ждетъ мила брата Всеволода — «жда два дъни брата своего Всеволода» (Ипат. лет., 1185 г.). — Сочетание *мила брата*: «Брате мой милый Борисе» (Повесть временных лет по Переясл. лет. 1035 г.: Срезневский, II, 139—140).

И рече ему Буи Туръ Всеволодъ — в Лавр. лет. под 1097 г. читается имя «Туряк», в Ипат. лет. под 1208 г. — отчество «Турович». Мужество князей и их дружинников «Слово» не раз отмечает эпитетом «тур» или сравнением с этим животным: *Яръ Туре Всеволодъ* (дважды); *камо Туръ поскачяше; храбрая дружина рыкають акы тури*. В характеристике Романа Галицкого (Ипат. лет., 1201 г.) сравнение его по признаку храбрости с туром: «Храбор бо бе яко и тур», в Шестодневе: «буй муж» (л. 27 об.); «яр муж» (Пчела, стр. 185).

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! — Это обращение Всеволода к брату представляет один из случаев применения слова «свет» как ласкательного по отношению к близкому человеку. Срезневский (I, 296) приводит примеры из Сказания о Борисе и Глебе: «Увы мне, свете очию моею», из Моления Даниила Заточника: «Господине мой, свете очию моею» и из «Слова». Сочетание *свѣтъ свѣтлыи* не раз комментировалось выражением из «Девгениева деяния»: «О свете, светозарное солнце, преславный Девгений». Однако эпитет Девгения в русской литературе XI—XII вв. не был редкостью, к тому же в «Слове» отсутствует самая характерная его черта — определение «светозарное». Если мы обратимся к тексту Миней 1095—1097 гг., то убедимся, что это определение встречается там часто в разных сочетаниях: например «светозарное солнце» (сентябрь, стр. 051), «свеща светозарна» (октябрь, стр. 144), «светозарно житие» (октябрь, стр. 160), «светозарные добродетели» (ноябрь, стр. 284) и т. д. Таким образом, повесть о Девгении для автора XII в. была не единственным источником, из которого ему было известно сочетание «светозарное солнце». Но он воспользовался не им как эпитетом Игоря, а тавтологическим «свет светлый». В устной традиции мы знаем «свет белый», а в сочетании со «светлый» лишь — «светлая светлица» (А. П. Ев-

геньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 231, 244). Очевидно, мы имеем здесь дело с книжной традицией, идущей от гимнографии. Здесь «свет» и «светлый» применяются постоянно в разных сочетаниях, но в Миное конца XI в. всегда с целью прославления: «свет тресветлый, светило пресветло, светильник светлый» и т. п. — эпитеты христианского божества и святых.

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ — «Отвеща же Юрьи: един есмь брат съ Ярославомъ» (Новг. IV лет., 1216 г.).

оба свѣъ Святъславличя. — В Киевской лет. под 1195 г. Ольговичи вѣдут спор со Всеволодом из-за Киева: «Ажь ны лишитися его велишь отинудъ, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого деда есмы внуки». Характерное для периода феодальной раздробленности наименование об общем предке двух или нескольких князей, которым объясняется их участие в одном деле, находим в «Слове» не раз: *храбрая Святъславлича Игорь и Всеволодъ*; все князья-родственники, участвовавшие в походе, названы по деду, а для сыновей Игоря — прадеду: *Ольгово хороброе гнѣздо*. Рассказу о Всеславе Полоцком предшествует обращение к его потомкам: *внуце Всеслави*.

сѣдлаи, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. — *сѣдлаи ... осѣдлани* — «сѣдла его позлащена» (Троицкий сборник XII в.); «пусти на ворот седельники свое» (Ипат. лет., 1170 г.; см. примеры: Срезневский, III, 323). — *брѣзьи комони* — сочетание с этим эпитетом имеем в Ипат. лет. под 1160 г.: «два коня борза»; под 1217 г.: «борзый коню», то же под 1225, 1227 гг. Встречаем это сочетание и в переводных повестях XI—XII вв., в Хронике Амартола, в Девгениевом деянии. — *готови ... на переди* — в Ипат. лет.: «... готов буди, наперед иди» (1147 г.); «а я готов есмь сам полкы своими» (1149 г.); «ты починай, а я готов с тобою» (1196 г.); «аж бяхуть на се готови» (1196 г.). Нередко подчеркивается в этой летописи и расположение полка «напереди»: «... поиде Гюрги наперед с вои» (1149 г.); «еха наперед ... и изломи копие» (1151 г.); «ездити напереди полком своим» (1183 г.); «напереде ему сын Володимир ... напереди же стрелци» (1185 г., в рассказе о походе Игоря Святославича).

а мои ти Куряни свѣдоми кѣмети: подъ трубами повити, подъ шеломы вѣзелѣяны, конецъ копия вѣскрѣмлени, пути имь вѣдоли, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени. — *А мои ти Куряни* — примеры на указательную и усилительную частицу «ти» идут с XI в., в летописи с 912 г.: «Володимир ти иде на тя» (Лавр. лет., 980 г.; другие примеры см.: Срезневский, III, 957—958). — *свѣдоми кѣмети* — «муж от вас сведом», «сведом же всею страню Юудейскою» (Деяния Апостолов, цит. по кн.: Перетц, стр. 156; см. примеры: Срезневский, III, 675); «сего суть кметье луче», «кметий молодых» (Лавр. лет., 1075 и 1096 гг.); в Ипат. лет. под 1150 г. находим «кметьство»: «Кияне же двляхутся Угром множеству и кметьства их и кономем их». Самый замысел представить мужество воинов как свойственное им с детства, перекликается в повести Иосифа Флавия с определением воинского искусства римлян, также будто с детства привитого им: римляне «яко родившися с оружием, николи отлучаются их» (стр. 296), «учать бо ся из младеньства ратному обычаю» (стр. 294). Воеводы римские также представляют всю свою жизнь, как жизнь воинов: «Мы ... под шеломы състаревшися» (стр. 353). Отдельные элементы картины военного воспитания и вооружения курян слагаются из лексики и фразеологии, известной в литературе XI—XII вв. — *повити* и в прямом — «пеленать», и в более широком значении — «воспитать», которое ощущается и в тексте «Слова»,

встречается уже в Остром. ев. Метафорический оттенок широкого значения этого слова ясен в одном из поучений Паисиевского сборника XIV в.: «... человеци есмь повиты в гресех» (Срезневский, II, 999). То же более широкое значение имеет в «Слове» и *въскрѣмлени* — не только «выкормить», но и «воспитать». В этом значении знает этот глагол (и вариант его «кормити») и летопись: «Взял бо есмь ю от своее матери в пеленах и воскормил» (Ипат. лет., 1287 г.), или без приставки: «... кормящи сына своего до мужьства и до возраста его» (1135 г.) — *подъ шеломы възлелѣяны (полелѣя отца своего, ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады, лелѣючи корабли, възлелѣи, господине, мою ладу, лелѣють мечь)*. — Форма *шеломы* широко известна в памятниках XI—XII вв. — Старший сохранившийся пример глагола «лелеяти» без приставки в списке XVII в. (б. Румянц. № 363, л. 418) «Повести о царе Давиде и сыне его Соломоне»: «... даша сына своего Соломана хранить и лелеяти доброму своему своему слуге Ичкалу». В Кормчей XVI в. есть необъясненное слово «лелея»: брат матери назван здесь «великыи ужика», «братучад отца» — «малая ужика», а сестра матери — «великая лелея», «братучада матери» — «малая лелея». Не связано ли это название родственниц по женской линии с представлением о том, что на них лежит забота? Ведь таков и смысл в выражении *подъ шеломы възлелѣяны* — выращены. *лелѣяль носады* — заботливо качал, и *възлелѣи мою ладу* также — заботливо проводи ко мне, *полелѣя отца* — бережно перенес, *лелѣють мечь* — берегут? — *конецъ копия* — многочисленные примеры из летописи XII в. на различные случаи употребления слова «копье» собраны Д. С. Лихачевым (Устные истоки, стр. 74—76). — *пути имь вѣдоми* — «не ведом коньць» (Изборник Святослава 1076 г.). — *яругы* — это слово тюркского происхождения, наличие его в русском, украинском, польском, сербо-хорватском и словенском языках доказывает, что оно вошло в славянские языки в древний период (см.: La Geste, стр. 247). — *Луци у нихъ напряжени* — так характеризует Всеволод готовность курян к походу. Это выражение встречаем много раз в старшем русском тексте Псалтыри, причем нацеленность лука выражается здесь только этим словосочетанием: «лук свой напряже», «напрягоша лук», «напряжет лук». В параллельных текстах Псалтыри с XVI в. вместо «напряже» читает «натянет, наляче, вытянул; налякоша, натянули, натянут, налячеть». В «Материалах» Срезневского глагол «напрящи» иллюстрируется примерами только до 1400 г. — из Поучения Владимира Мономаха, Сказания о Борисе и Глебе и Златой цепи (Срезневский, II, 314). Очевидно, позднее сочетание «напрящи лук» осознавалось уже как архаизм и заменялось более современным «натянуть», или (как у Максима Грека) другим архаизмом «налящи» (Срезневский, II, 298). В Хронике Амартола тот же оборот: «напряг лук, испусти стрелу» (стр. 93). В Ипат. лет.: «луци ... напрящи» (1184 г.). — При «напряженном» луке у воина должны быть *тули отворени*. И это словосочетание известно уже с XI в.: «Противу стреле отвѣрзеть тул» (Изборник Святослава, 1073 г.); в метафорическом применении в гимнографии, где «стрела избрана» — святой, «в туле тя сѣкрывають» от врагов (Миней Путятинна XI в., Срезневский, III, 1036). Автор «Слова» еще раз вспомнил этот образ воинов, начинавших поход с напряженными луками и отворенными тулами (откуда в бою *итти дождю стрѣлами*), когда в плаче Ярославны у тех же воинов *солнце въ полѣ безводнѣ жаждею имь луци (луци) сѣпряже, тугою имь тули затче* (см. стр. 115). — *сабли изѣострени* — «мы (козаре) ся доискахом оружьем одиною стороною остром, рекше саблями» (Лавр. лет., 852 г.), «мечь обоюду остр изѣострен» (Апокалипсис XII—XIII в. — цит. по кн.: Перетц, стр. 157). Ср.: «изѣостреныя стрелы» (Миней 1095 г.,

сентябрь, стр. 098), «бритва изострена» (Лавр. лет., 1015 г.), «изостриша ако оружие языки своя» (Пандекты Антиоха XI в.).

сами скачють, акы сѣрыи вълци въ полѣ. — Это сравнение ниже применено к врагу: *Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ*, вариант его дан в рассказе о Всеславе Полоцком, который *скочи ... лютымъ звѣремъ*, а затем *скочи вълкомъ до Немиги, въ ночь вълкомъ рыскаше*; Игорь, бегущий из плена, *скочи съ него (с коня) босымъ вълкомъ, Влуръ вълкомъ потече*. В летописи сравниваются с волком лишь враги: Боняк воеет «волчьскы» (Лавр. лет., 1099 г.), Владимир Мономах в «Почуении» рассказывает: «Половци ... облизахутся на нас, акы волци» (ср.: Срезневский, I, 379). В устном эпосе богатырь сопоставляется с «серым волком» (примеры см.: Перетц, стр. 157). Примером XV в. подтверждается сочетание *скачуть* как животные: «скакаеши же яко бык» (Срезневский, III, 363); в применении к людям без сравнения с животным: «... кровавыми ногами скачють по ереиским местом» (Флавий, стр. 332). В книге пророка Исаии римские воины изображены так: «Стрелы остры сут их, и роженци их напряжени, ноги конем их акы тверд камык наменишася, колеса колесницам их акы буря. Устремляются акы лвы, и предстают акы львичища» (цит. по кн.: Перетц, стр. 299).

ищучи себе чти, а князю славѣ. — Такой оттенок в оценке цели похода мог возникнуть только у современника, который в данном случае разошелся с летописными рассказами. В Ипат. лет. Игорь после первой удачной схватки с половцами говорит дружине, не выделяя себя и других князей: «Се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас честь и слава». И в покаянной речи здесь Игорь признает, что он заслужил «отместье от господа бога» не за то, что искал «славы себе», в чем упрекает его в «Слове» Святослав, а за «убийство и кровопролитье в земле крестьяньстеи» во время междоусобной войны. Игорь в этой повести говорит о своей «славе» не в смысле воинской заслуги, а лишь в общем значении морального поведения — на предложение бежать из плена он сначала отвечает отказом: «Аз славы деля не бежах тогда от дружины (т. е. с поля битвы после поражения), и ныне не славным путем не имам поити». В рассказе Лавр. лет. князья хвалятся, что они пойдут так далеко в Половецкую землю, «где же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь». Здесь употреблена формула, известная, например, в Новг. IV лет., где под 1216 г. читаем: «И ту ноць стоявше князи, победивше сильнии полки и взявше свою честь и славу».

Таким образом, автор «Слова» сумел внести свое индивидуальное толкование в традиционную воинскую формулу. «Слава», которой искал «себе» Игорь, отделена от «чести» борьбы за «Русскую землю». Такой оттенок согласуется с упреком Святослава, который осудил за самонадеянность молодых князей, так характеризуя цель их похода в их собственном замысле: *мужаимѣся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся (испр. си) сами подѣлимъ*. В Ипат. лет. и в других рассказах XII в. «честь» добывается не только для дружины, но и для князей: под 1151 г. сообщается, что Кияне и Черные Клобуки обещают князьям и «голови сложить» за них и «честь вашу налезем»; под 1155 г. Берендичи говорят князю Юрию: «Мы умираем за Рускую землю с твоим сыном и головы своя складаем за твою честь». Самое словосочетание *чти* и *славы* в литературе XI—XII вв. прочно держится в разных жанрах: «В такой чти и в такой славе», — читаем у Нестора в «Чтении» о Борисе и Глебе; «ни чти, ни славы земныя искал есмь», — пишет Кирилл Туровский (см. примеры: Срезневский, III, 1562—1575). В переводных памятниках: «без славы и без чти» (Александрия); «и ту есть слава и честь ... добрыми деянии

славу и честь принесуть ... принесуть славу и честь языком» (Апокалипсис, XII—XIII в. — цит. по кн.: Перетц, стр. 157—158).

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. — Сочетание «възрети на» с вин. пад. постоянно в памятниках XI—XII вв. В рассказе Ипат. лет. о солнечном затмении 1185 г. читаем: «Игорь же, възрев на небо, и виде солнце, стояще яко месяцъ». — Сочетание *свѣтлое солнце* имеет соответствие в гимнографии: «солнце светло» (Миняя 1095—1097 гг., сентябрь, стр. 0115; ноябрь, стр. 453). Подробнее см. ниже, стр. 114, в связи с сочетанием *гресвѣтлое слънце*.

и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. — В значении «темнота» слово «тьма» известно уже в Остром. ев.: «Тьма бысть по всей земли». Летопись под 1024 г. упоминает о ночной «тьме», то же и житие Феодосия Печерского (примеры см.: Срезневский, III, 1081); «солнце обратися в тьму» (Паремийник XIII в.). В Ипат. лет. под 1187 г. описывается солнечное затмение, во время которого «тма бысть по всеи земли». Примеры из летописи и переводной литературы XI—XII вв., показывающие широкое распространение в это время веры в то, что затмение солнца и луны предвещает несчастье и государству, и отдельному человеку, см. в монографии В. Н. Перетца (стр. 159—162). — *прикрыты* с творит. пад. известно в примерах с XI в.: «Понуди естество свое прикрыти одеждою» (Изборник Святослава 1076 г.: Срезневский, II, 1417).

Согласно рассказу Ипат. лет., затмение солнца застигло дружины Игоря на берегу Донца «в год вечерний», до встречи его с Всеволодом. Лаврентьевская летопись сообщает о затмении, случившемся в тот год, когда молодые князья задумали поход против половцев, но не говорит о том, что затмение было воспринято дружиной как предвестие поражения. Таким образом, рассказ о затмении в «Слове», очевидно, должен был бы предшествовать описанию встречи братьев. Если же признать верным сообщение летописи, что войска Игоря были у Донца во время затмения и что встреча братьев произошла уже у Оскола, то этим подтверждается, что описание этой встречи должно предшествовать рассказу о затмении.

и рече Игорь къ дружинѣ своєї: Братие и дружино! луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти. — Обращение *Братие и дружино* — в летописи встречаем под 971 г., где Святослав перед битвой с печенегами обращается с речью к дружине: «...уже нам зде пасти, потягнем мужьскы, братье и дружино». В Ипат. лет., в рассказе о походе Игоря, его речь при виде солнечного затмения содержит то же обращение: «И рече бояром своим и дружине своей: Братья и дружино», хотя самое содержание речи резко отличается от аналогичного эпизода «Слова». В Ипат. лет. обращение «Братья и дружино» в княжеских речах находим также под 1152 и 1254 гг. — Смерть на поле битвы лучше плена или бегства от врага — таков смысл речи в Ипат. лет. под 1150 г.: «Луче, братье, измрем сде, нежели сесь сором взем на ся»; в Новг. I лет. под 1204 г.: «Луче ны естъ умрети у Царяграда, нежели с срамом отити». В различных вариантах мысль о предпочтении смерти — плену повторяется часто в русском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «Лепле смерть славу взяти, негли жити пленени» (стр. 335); «нам смерть лепши живота естъ»; «славу смърть луче живота мнять» (стр. 255); «луче пострадади, бьющеса с ним, негли повинутися и поработитися ему» (стр. 341); «изволиша, славно что сътворивше, умрети негли жити с покорением» (стр. 452); «изволивше умрети, негли жити под иноплеменныкы» (стр. 460). В этих примерах конструкции «Слова» — *луце ... неже* соответствует «луче ... нежели» или «луче ... негли». — *потяту быти*

в значении «убитым» аналогично тексту Ипат. лет. под 1172 г.: «Бысть сеча зла и потяша и стяговника нашего»; «потят будещи серпом небесным» (Флавий, стр. 258). — Русская форма *полонену* широко применяется и в русской и в переводной литературе с XI в., например в Ипат. лет. под 1178 г.: «Христьяны полонены от поганых». Дат. пад. *потяту, полонену* при глаголе «быти» имеет аналогию в языке Галицкого евангелия 1144 г.: «... подобает ... убьену быти» (цит. по кн.: Перетц, К изучению, стр. 68). Речи князей к дружине перед битвой, воспроизводимые летописями много раз в течение всего XI и XII в. и отражающие понимание воинского долга, стилистически не совпадают с обращением Игоря к дружине, однако вместе с тем воспроизводят действительные выступления, воодушевлявшие воинов. В переводных памятниках XI—XII вв. (в Александрии, Истории Иосифа Флавия, Девгениевом деянии) речи военачальников к войску перед битвой встречаются часто (см. примеры: Перетц, стр. 162—163).

а всядемъ, братие, на свои бръзья комони; Всеволод обращается к Игорю: *Сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди*. — В обеих речах множественное число *бръзьи комони* показывает, что это приглашение имеет в виду отправление в поход *храбрыхъ плѣковъ* Игоревых. Именно поэтому автор употребил то выражение — «въсести на конь», которое в летописном языке XII—XIII вв. всегда обозначало отправление в поход дружины, причем иногда применялось единств. число «на конь», хотя речь шла о войске: «а сам Изяслав вседе на конь на Святослава, к Новугороду иде» (Ипат. лет., 1146 г.). Но применялось и множ. число: «въсести на коне на воину» (Новг. I лет., 1230 г.; см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 77). — *бръзья комони* — угры говорят Изяславу: «Мы гости есме твои ... а комони под нами» (Ипат. лет., 1150 г.), отсюда слово «комоньство»: Андрей Боголюбский хоронит убитого в бою коня, «жалуя комоньства его» (Лавр. лет., 1149 г.). Эпитет коня *бръзый* известен с XI в.: «борзы кони» (Амартол, стр. 456), в летописи: «два коня борза», «конь свой борзый сивый» (Ипат. лет., 1160, 1213 гг.).

да позримъ синего Дону. — Срезневский отмечает лишь примеры, где глагол «позрети» сочетается с дополнением с помощью предлогов «на» или «по» (II, 1094). Глагол «зрети» имеет иногда и беспредложное дополнение: в Остром. ев. находим — «зри толкования сего», но есть и «зриши на лице», «зрящи на нь» и т. д. (Срезневский, I, 1012). У Кирилла Туровского находим «зрящи ... умърщвения»; в Лавр. лет. под 1237 г. — «зряще Володимера». Таким образом, родительный без предлога в «Слове» повторяет известный в XII в. тип сочетания с глаголом «зрети». В рассказе Ипат. лет. под тем же годом: «... да то же нам видити». Самое определение цели похода в этой речи Игоря и в продолжении ее, как и в авторском пояснении к ней: «... позримъ синего Дону ... искусити Дону великого ... испити шеломомъ Дону» — связано с летописным приемом определения «страны по протекающей в ней реке» и вместе с тем с летописным же «символом победы над тою или иною страню». Д. С. Лихачев приводит из летописи XII—XIII вв. ряд примеров такого употребления названия реки: «поча воевати Волгу» (Лавр. лет., 1182 г.), «повоевать Сулу», Володимер Мономах «пил золотом шоломом Дон» (Ипат. лет., 1201 г.); «а я поил есмь коне Тъхверью а еще Волховомъ напою» (Новг. I лет., 1224 г.; другие примеры см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 89—91).

Спала князю умь похоти — А. И. Соболевский предложил поправку — «въспала» — вспыхнула (ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916, стр. 213), как

в примере из Пролога, приведенном Срезневским (I, 412): «Мала болезнь воспалит тя». Но и без этой поправки глагол в «Слове» явно связан с корнем «пал», а не «пад» (спасти) — «похоть спалила князю ум». — Сочетание глагола с беспредложным дательным имеем в аналогичных выражениях: «опали ему нозе» (житие Бориса и Глеба Нестора), «печалну мужу засушати кости» (Моление Даниила Заточника). — *похоть* в языке XI—XII вв. употреблялось и для обозначения сильного желания, связанного с войной: «Похоть имашеть Еладою обладати» (Александрия, стр. 65); «похотию ратною оскудеаху» (Флавий, стр. 202).

жалость ему знамение заступи — глагол употреблен не в конкретном, а в переносном значении, ср.: «милость твоя и истина твоя выну заступиста мя» (Амфилохий, I, стр. 263). Ниже, в выражении *заступивъ Королеви путь*, тот же глагол взят в его конкретном значении, как в летописном — «се печенежи заступиша пороги» (Лавр. лет., 971 г.), или у Иосифа Флавия — «заступи им вся пути» (стр. 356). — *жалость* — с XI в.: «... жалость дому твоего снести мя» (Остром. ев.); то же в старшем тексте Псалтыри, в поздних списках вместо «жалость» — «зависть» (цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 58), или в летописи: «Великий бог вложил жалость велику у Половце и страх нападе на ня и трепет от лица русьских вои» (Ипат. лет., 1103 г.).

искусити Дону Великаго. — «Даждь ми власть ... сью вещь искусити» (Пандекты Антиоха XI в.). Примеров на значение «отведать», «испить» Срезневский не дает (I, 1122). Синонимично в следующей фразе «Слова» — *испити шелономъ Дону*. В значении «отведать» в старшем периоде известен глагол «въкусити» (вариант «укусити») в Остром. ев.: «Не имать въкусити съмърьти» (Срезневский, I, 376). Соответствующий греческий глагол γειώω (привожу в форме будущего времени) имел и значение «попробуем своих сил, сразимся». Ср. в Повести временных лет (Лавр. лет., 987 г.) русские послы рассказывают Владимиру о церковной службе в Царьграде: «Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человек, аще укусит сладка, последи горести не принимает» (Срезневский, III, 1193).

Хошу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго. — *копие* — по памятникам встречается с XI в. (Срезневский, I, 1280). В сочетании с глаголом «изломити» в летописи имеет то же значение, что в «Слове» выражение *копие приломити*: «Въеха Изяслав один в полкы ратных и копье свое изломи» (Лавр. лет., 1147 г.). Андрей Боголюбский «изломи копье свое в супротивье своем» (там же, 1149 г.). О символическом значении этих выражений см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 74—75. В. М. Истрин обращает внимание на то, что в переводе Хроники Амартола часто употребляется приставка «при» (т. III, стр. XXXII—XXXIII) для перевода различных греческих префиксов: приплакати, приподоблятися, припевати, пристроити и т. п. (см. перечень глаголов с приставкой «при» в том же томе исследования В. М. Истрина: Амартол, стр. 293—298). — *конецъ поля Половецкаго* — «И съберуть избъраныя его от четырь ветр от коньць небес до коньць их» (Остром. ев.: Срезневский, I, 1274). В Ипат. лет. под 1256 г. пример, более близкий по значению к «Слову» — «край местности»: «...сретоша стрелци конецъ вси, рекомей Привища».

съ вами, Русци, хошу главу свою приложити, а любо испити шелономъ Дону. — А. В. Соловьев в статье «Русичи и Русовичи» (Слово2, стр. 276—299) разъяснил, что «форма Русичи вполне закономерна для древнерусского языка XII—XIII вв.» (там же, стр. 286). Ср. аналогичные формы «берендичи» (35 раз с 1097 по 1185 г.), «немчичь» (в Ипат. лет., 1149 г., и в Договоре Смоленска с Ригой 1229 г.). Кроме того, с конца

XII в. в летописях рядом с собирательными Пермь, Ермола, Вым и т. д. находим «пермичи, ермоличи, вымичи и т. д.» (Слово2, стр. 284—286). Форма «русичи» старше сохранившейся в украинских народных песнях «русовичи» (Слово2, стр. 287—291). — *главу свою приложити* — в «Слове» вместо обычных в летописи сочетаний «положити главу» или «сложити главу» употреблен глагол *приложити*. Такое словосочетание знакомо уже по поучению Луки Жидяты, где читаем: «... буди правдив тако, яко не каюся правды дея и закона божия и приложа главу» (Срезневский, II, 1425). — Конструкция фразы по типу «любо-любо» здесь упрощена: первое «любо» опущено, хотя противопоставление двух частей фразы очевидно. Эта конструкция в ее полном виде имеет немало параллелей в летописи, где, однако, чаще налицо оба «любо»: «Любо налезу собе славу, а любо голову свою слою за Русьскую землю» (Лавр. лет., 1097 г.), «да любо си голову положю перед вами, любо си налезу стол деда своего и отца своего» (там же, 1150 г. и т. д.). Иногда одно «любо» опускается: «Любо голову свою слою, паки ли отчину свою налезу» (там же, 1150 г., см. еще примеры из летописи: Перетц1, стр. 158—169). — *испити шеломомь Дону*. — О символическом значении всего выражения см. выше (стр. 16). — *испити* — «по чаши испивай» (Кормчая XIII в.: Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1908, стлб. 123). (Примеры, начиная с Острома. ев., см.: Срезневский, I, 1127).

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю (ср. Олег ступает въ златъ стремя, обращение к Ростиславичам: *вступита, господина въ злата стремя*) — здесь вместо обычного в летописи выражения «ввести на конь», применяемого, когда речь идет об отъезде в поход всей дружины с князем, имеем сочетание, связанное с особым символическим значением «стремя» в феодальном быту (см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 77—78). В летописи это значение отражено лишь в формуле вассальной зависимости, в словах Ярослава Галицкого киевскому князю Изяславу: «... ать ездить Мьстислав подле твой стремя по одной стороне тебе, а яз по другой стороне подле твой стремя еждю всеми своими полкы» (Ипат. лет., 1152 г., ср. там же, 1240 г.). Примеры в памятниках имеются с XV в.: повесть о Динаре — «возступлю в стремя воинского ополчения» (Памятники старинной русской литературы, I—II. СПб., 1860, стр. 374). На миниатюре Радзивилловской летописи (л. 234) изображено как Святослав вдевает ногу в стремя, которое держит оруженосец. — *и поѣха по чистому полю*. — «Проидоша вал на чистое поле и поидоша бится» (Ипат. лет., 1151 г.); «И бысть сеча велика ... на поле чисте» (Псковск. I лет., 1265 г.: Срезневский, III, 1532).

Солнце ему тъмою путь заступаше. — У Флавия Тит реально, увидев отступающих к горе иудеев, «заступи им путь» (стр. 324); как и в «Слове», Ярослав *заступивъ Королеви путь*. В летописи глагол «заступить» в том же значении: «... печенези заступиша пороги» (Лавр. лет., 971 г.).

ночь, стонуци ему грозою, птичь убуди. — Выражению *ночь стонуци*, обозначающему предвестие несчастья, в летописи соответствует — «стонала земля, вси слышаша» (Переясл. лет., 1091 г.: Срезневский, III, 520—521). Описание грозовой ночи, как предвестия поражения, представляет пейзаж со скрытым символическим значением. Аналогии этому описанию, но без символического оттенка, имеются в паремийном чтении о Борисе и Глебе, где описание битвы соединено с картиной ночной грозы: «И бысть гром велик и тутън и дожд велик и мълния блистание» (Жития Бориса и Глеба, стр. 120), в летописном описании битвы при Листвене: «И бывши ноши, бысть тма, молонья и гром и дождь ... И бысть сеча силна, яко по-

светяше молонья, блещашеться оружье и бе гроза велика» (Лавр. лет., 1024 г.). Так и в переводе Флавия описание битвы соединяется с картиной грозы: «Приключи же ся в ночь буря неизреченная, и громи частии, страшнии, земля трясащеса ревуше» (стр. 336). — Форма *птичь* известна в Александрии: «птичь акы голубь», «два птича летяща» (стр. 79, 99). — К глаголу *убуди* Срезневский дает лишь возвратную форму — «убудитися» по евангельскому тексту 1119 г. (III, 1118), но у Флавия читаем, что Ирод «убудив воя и укрепив их» своей речью (стр. 202).

свистъ звѣринъ вѣста (испр. из *въ стази*). — Срезневский дает из Правил митр. Кирилла 1274 г. пример на слово «свистание»: «Позоры некакы бесовьскыя творити с свистанием» (III, 274). — *звѣринъ* — форма известна с XI в.: «зверина уста» (Миня 1097 г.), «видяще ярость зверину» (Стихирарь до 1163 г.), в летописи упоминаются «ловища зверина» (Переясл. лет. 977 г., цит. по кн.: Перетц, стр. 172—173).

дивъ кличетъ врѣху древа (ср.: *уже врѣжеса дивъ на землю*). — Объяснения *дыва* как мифического существа или зловещей птицы изложены в монографии В. Н. Перетца (стр. 173). По народным преданиям — русским и сербским — эта птица сидит на дереве (Барсов, I, стр. 370, указывает, что по народным олонецким верованиям див «сидит на сухом дереве и кличет»). Див — в тюркской мифологии «дух земли и воды», предупреждающий о несчастье. — *кличетъ* — в значении «кричать» слово известно с XI в.: «Егда ли ты видить гневающтася или кличущта» (Изборник Святослава 1073 г.), в значении «объявлять» старший пример в Ипат. лет. под 1148 г.: «Посласта ... бириче по улицам кликати». — *врѣху древа* — родит. пад. без предлога в значении «наверху», «на» встречаем с XI в.: «Не может град укрытися, врѣху горы стоя» (Остром. ев., то же в Сказании о Борисе и Глебе), «птиця же многообразны седяху врѣху их» (ветвей) (Изборник Святослава 1076 г.).

велитъ послушати земли незнаемѣ (ср.: *въ полѣ незнаемѣ*). — То же сочетание двух глаголов: Иисус «и ветром велитъ и воде и послушаютъ его» (Остр. ев.); «послушати веля им» (Флавий, стр. 336). — В применении к территории определение *незнаем* встречаем в Повести временных лет под 1093 г.: русские пленники «незнаемою странною ... нази ходяще и боси» (примеры других сочетаний см.: Срезневский, II, 385); в переводе Флавия в применении к людям: «от неизвестных некто» (стр. 168); «приходить чужи и неизвестии» (стр. 252). Ср. у Флавия: «казни неизвестныи» (стр. 438); «писанием неизвестным» (стр. 446); «путми неизвестными» (стр. 390).

Влѣзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню. — *Поморие* в значении «местность по берегу моря» встречается уже в Остром. ев.: «От вьсея Иудея и Иерусалима и помория Турьска и Сидоньска (Срезневский, II, 1162). Из географических терминов «Слова» обращает на себя внимание название местности, по которой рассеялись половцы после поражения войска Игоря: *по Роси и по Сули гради подѣлиша*. *Посулие* названо и среди областей и городов, куда донеслась весть о грозных предзнаменованиях, суливших неудачу Игорю. По рассказу Ипат. лет. «Кза» пошел после пленения Игоря «на Семь» или, как она выше названа, «в Посемье», но Лавр. лет. сообщает, что половцы «взяша все городы по Суле». Соответствующие именам «Слова» названия находим в Ипат. лет.: «И взя ины городы поима Посульское» (1139 г.), «с всим Поросьем» (1169 г.), «воева Кончак по Рси» (1187 г.), «вратишася на Посулье воевать» (1126 г.). Те же термины встречаем и в Суздальск. лет.: «... начаша воевати по Суле ... бысть пагуба посульцем» (1138 г.), «вда Поросье» (1154 г.), «взяша все городы по Суле» (1186 г.).

и тебѣ, Тьмутораканьскыи блъванъ. — блъванъ в значении «идол» постоянно встречаем в Александрии I редакции, но в Изборнике Святослава 1073 г. находим это слово и в значении «столб»: «Жена же его блъван бе слан» — речь идет о жене Лота, превратившейся в соляной столб. В Лавр. лет.: «Посла Батый к Михаилу князю, веля ему поклонитися скверным болваном» (1246 г.). Тьмутораканьскыи блъванъ, по мнению Д. В. Айналова, «олицетворяет собою всю тьмутороканскую область, или же в более узком значении город Тьмуторокань. Это видно из того, что выражение „Тьмутораканьскыи блъван“ стоит рядом с Волгой, Поморием, Посулием и Сурожем». Слово «блъван» Д. В. Айналов сопоставляет с названием «балван» — пограничный столб, может быть каменная баба, которым в венгерской грамоте короля Коломана 1108 г. обозначается граница монастырской земли. Возможно, что и Тьмутораканьскыи блъванъ был таким пограничным столбом в виде каменной бабы (Д. В. Айналов. Замечания к тексту Слова о полку Игореве. — Сборник к 40-летию ученой деят. акад. А. С. Орлова, М.—Л., 1934, стр. 179—180).

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому. — неготовами дорогами — без отрицания «готовый» в примерах Срезневского есть в сочетании «готовое жилище», «ответ готов», «стол готов» с XI в. (I, 574). В «Сказании о Мамаевом побоище» есть это сочетание «Слова». Не противопоставляется ли определением неготовами путь половцев обычной дороге, по которой двигались на Русь половецкие войска? В статье Лавр. лет. под 1169 г. сообщается, что русские «переша дорогу Половецкую». — побѣгоша — все примеры, приведенные Срезневским (II, 992), дают значение «обратиться в бегство». Сочетание этого глагола с творит. пад. имеем в переводе Флавия: «инемъ путемъ бежа» (стр. 190); там же «побежати» обозначает движение отступающих войск: «Побегоша Иродови вон и затворишася» (стр. 189). Видимо, здесь в «Слове» изображается тот момент, когда передовые отряды половцев, подошедшие к реке Сьюрдию, пустив через реку «по стреле», повернули назад, спеша соединиться с основными силами, а передовые русские полки погнались за ними, таким образом обе стороны двинулись «к Дону». Так изображает ход событий рассказ Ипатьевской летописи, где затем, как и в «Слове», описывается первая, удачная для русских схватка с половцами. Таким образом обычное для летописного языка употребление глаголов «побежати, побещи» в значении «обратиться в бегство» усвоено здесь и автором «Слова».

крычатъ тѣлѣгы полунощы. — кричат — в примерах Срезневского встречается лишь в отношении к людям (I, 1325). — тѣлѣгы — встречается уже во вводной части к Повести временных лет: «въпряхи ... в телегу» (Лавр. лет.), ср. «не бе слышати от гласа скрипания телег» (Ипат. лет., 1240 г.). Если звук — «скрипание» мог быть назван «гласом», то и сочетание *крычатъ тѣлѣгы* правомерно в языке XII в. — *полунощы* — обычно в книжном языке XI—XII в. без предлога: «...полунощи же въплъ бысть» (Галиц. ев. XII в.).

рци, лебеди роспущени. — *рци* — Св. Гординский (стр. 38) отмечает «рци» в языке карпатских лемков в значении «мовляв, кажи», как архаизм, вынесенный в XIII в. из Северной земли. — *лебеди* — в книжном и деловом языке известно с XI в. (примеры: Срезневский, II, 13—14). — *роспущени* — в применении к птицам находит себе соответствие в языке Физиолога: «...аще всяко голуби ловецъ распустить» (Физиолог. Исследование А. Карнева, 1890, стр. 345). Предлагаемая поправка — «роспужены» опирается на евангельское выражение: «...вълк ... распудить овця» (см. примеры: Перетц, стр. 176).

Игорь къ Дону вои ведеть — «Посла Тита в Кесарию, да ведет вой на Тивирияду» (Флавий, стр. 312). Автор «Слова» точно различает в этом эпизоде движение отступающих половцев и догоняющих их русских, поэтому половцы у него *побѣюша*, а Игорь *ведеть* свои дружины.

Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию (испр. из *подобию*) — «пасеть ветры и птице крылатая» (Пчела, стр. 281); «господь пасет мя и ниче-соже мене лишит» (Амфилохий, I, 129). — Форма «дубие» постоянна в памятниках XI—XII вв. — Форма *птиць* (*птиць*) в Александрии: «Клетка злата ... в ней же бе птичь» (стр. 99). — Множ. ч. *бѣды* широко употребляется в памятниках XI—XII вв.: «... бедами чюжими кажеть ны» (Златоструй, XII в.); «избыти бед» (Григорий Назианзин, XI в.); «Многы беды прияхом от рати и от голода» (Поучение Владимира Мономаха: Срезневский, I, 214). — Конструкция с начальным *уже* в значении окончания действия встречается в «Слове» несколько раз: *Уже бо бѣды его пасеть птиць; Уже бо, братие, невеселая година вѣстала ... уже лжу убудиста; Уже, княже, туга умъ полонила; Уже соколома крыльца припѣшали; Уже снесеса хула на хвалу; А уже не вижду власти.* — К примерам с XI в., приведенным Срезневским (III, 1164), можно добавить материал из «слова о Лазаревом воскресении»: «Уже бо наста светлый день ... Уже бо слышим топот перских коней ... Уже бо, господи, не видим светозарнаго твоего солнца» (XIV—XV в., ЦГИА).

влъци грозу вѣсржаты по яругамъ. — *грозу* в значении «страх», «угроза»: «грозы его (князя) не убоаяся» (Ипат. лет., 1229 г.); «горожаном грозу подавая» (там же, 1291 г.). Если же этот текст понимать как предсказание грозы-непогоды, то следует учесть, что такая гроза расценивалась как предвестие несчастья (см. об этом: Перетц, стр. 177—179). — *вѣсржаты* — возможно, вместо «вѣсршаты» (как «пардуже» вм. «пардуше»): «сѣмятено все и вѣсрашено» (Григорий Назианзин, XI в.); «не вѣсорошися, ни ражѣжися» (Пандекты Никона: Срезневский, I, 419). Л. А. Булаховский (Слово, стр. 151) сопоставляет с украинским «сржатыся» в тексте XVII в.: «Сржатыся и зверове, але кды ся наедят, скромнейшими бывають».

орли клектомъ на кости звѣри зовуть. — Глагол «клекътати» в значении «орлиный клекот» в Хронике Амартола: «Двема орлома ... клекочуще» (стр. 559) и так же в Ипат. лет.: «орлом же клекыщущим» (1249 г.). В Златоструе XII в. «клюкание» — название звука, издаваемого «железоковцем», заменяется в других списках словом «клектание» (Срезневский, I, 1217).

лисици брешутъ на чръленя шиты. — В Пчеле — «псу брехание» (стр. 152), в житии Андрея Юродивого «яко пес бреша» (вар. «лая») (Срезневский, I, 178). — *лисици* — слово известно с XI в. (Срезневский, II, 23). — *шиты* — в переводных и русских памятниках с XI в. (Срезневский, III, 1609—1610). — *чръленя* — в библейском языке «чръвен», «чръвленица» (см.: Перетц, стр. 179); изображение «червленых шитов» есть в Сильвестровском сборнике XIV в. на миниатюре к житию Бориса и Глеба. — Поведение зверей и птиц, наряду с другими приметами, предвещает несчастье, о чем читаем в Лавр. лет. под 1065 г.: «Знамения в небесе или звездах, ли сълци, ли птыцами, ли етеръмъ чим». Миниатюра Радзивиловской летописи, иллюстрирующая рассказ о бегстве Ярополка из Киева (л. 43 об.), изображает птицу на дереве, как предвестницу несчастья князя.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси! — Этот рефрен находит соответствие в летописных выражениях: «Поиде за шоломя, взидоша на шоломя ... едуши по шоломени» (Ипат. лет., 1151, 1184 гг.). В летописи

XII в. «шеломя» всегда обозначает холм на границе со степью (объяснение Д. С. Лихачева).

Длѣго ночь мръкнетъ. — В приведенных Срезневским из Остромирова и Галицкого евангелий примерах есть лишь сочетание «слъньце мръкнетъ» (II, 231). Известен этот глагол с приставками — «съмръкаться, съмръкнуться»; «как смеркаться начнетъ» (Повесть временных лет, 946 г., по Переясл. лет.); «Смеркшуся другому дневи» (1378 г., Срезневский, III, 760) или «омеркнути» (там же, II, 670). — Русская форма *ночь* известна в памятниках с XI в. (там же, II, 469). — *Длѣго* — в значении протяженности во времени известно с XI в.: «Аще ... отътягнуться длѣжее» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 755); «Възем же Александр чяшю и дрѣжа десною рукою длѣго» (Александрия, стр. 55).

заря свѣтъ запала — «солнечна заря» (Минейя Путят. XI в.); «зело утро рано к являющиса зари» (Ефрем. Кормчая XI в.: Срезневский, I, 945). — *свѣтъ* — в значении «утренний свет» (ср. в таком же значении в «Слове»: *кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, съ вечера до свѣта*): «... додржать до света» (Русская Правда); «до света победиша» (Новг. I лет. 1016 г.: Срезневский, III, 295). — *запала* — «огнь запалаше по храмом» (Флавий, стр. 415); «огнемъ запалемъ и жилами биен бываше» и в переносном значении: «Невидимыми же невидимаго стрелами врага запалил еси и умъртви ѿ» (Минейя 1096 г., октябрь, стр. 41, 191).

мгла поля покрыла — «Мглу видят в очию» (Изборник Святослава 1076 г.); «И тако устрои бог мглу» (Ипат. лет., 1151 г.). О мгле на восходе солнца сообщает Флавий: «Аще и въстав, мглою не можаху видети» (стр. 306); в Лавр. лет. под 1223 г.: «Бе бо яко мгла к земли прилегла, яко и птицам по аеру не бе лзе летати». — *покрыла* — «Еуагелскыи источник ... всю землю покрыв» (Иларий, XI в.); «покрыша поле Летьское множеством вои» (Сказание о Борисе и Глебе, XI в.); «не бе лзе вести от множества народа ... а инни и покрили бяху град и забрала» (Ипат. лет., 1115 г.). — *Поля* в значении «открытое место, поляна, луг, поле» известно с XI в. в разных жанрах русской и переводной литературы. Срезневский (II, 1125) дает примеры только на единств. число «поле» в значении «нива», «обрабатываемая земля» употребляется и во множ. числе: «с дубровами и с полями» (Грамота 1383 г.). Развернутую картину мглы, скрывающей свет, дает Златая Матица: «Егда бо от мегленаго воскурения иже и земля въскуритъ и чернотию омрачаетъ солнечния луча, тогда и солнце будетъ видети аки кроваво человеком» (цит. по кн.: La Geste, стр. 279).

щекотъ славии успе. — *щекотъ* — см. выше, стр. 33. — *успе* — здесь в образном значении упстрелен известный с XI в. глагол «усъпнути»: «Лазарь друг наш успе» (Остром. ев.: Срезневский, III, 1296); «нощъ успе, а день приближися» — запись XIV в. писца псковского Паремийника, который делал на полях приписки бытового характера, следовательно в живом языке было такое выражение (А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, стр. 61.) — *славий* — прилагательное по типу «соколя гнезда» (Рядная 1315—1322 гг.: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953, стр. 188).

говоръ галичь убудися (исправляю из *убуди*; ср.: *галици свою рѣчь говоряхуть*) — «едение и питье без говора с удержаниемъ» (Изборник Святослава 1076 г., стр. 101, в устной поэзии говорящие птицы известны.) — *убуди(ся)* — «от великаго того сна убудивъся» (Пролог XIII в.: Срезневский, III, 1118—1119). — *галичь* — «сокол сбиваетъ галице» (Лавр. лет., 1098 г.).

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша. — *русичи* — см. выше, стр. 42. — *великая поля* — «на велицем поли» (Флавий, стр. 261). — *Здесь щиты* — не только термин, название части вооружения, но и символ защиты, обороны; ср.: «Оправи нас, а быхом быле все ляхове не розно, но за одним быхом щитом быле с тобою» (Ипат. лет., 1195 г. См.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 73—74). — *прегородиша* — в русской форме «перегородити» имеется в Русской Правде в прямом конкретном значении: «тыном перегородить» (Срезневский, II, 902). Еще более ясно расширенное значение обороны выступает в глаголе того же корня — «загородити» в призыве отомстить за поражение Игоря: *Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами.*

ищучи себѣ чти, а князю славы — см. выше, стр. 39.

Съ зараня въ пятѣкъ (ср.: *Съ зараня до вечера, съ вечера до свѣта*) — родит. пад. от «зарание» показывает как будто наличие в языке существительного, между тем и в русском языке нового времени есть только наречие «заране», «заранее» в значении «за некоторое время до чего-либо, заблаговременно», т. е. в таком значении, которое явно не подходит к приведенному выражению «Слова». Здесь *съ зараня* обозначает — с самого раннего утра, поэтому во второй половине фразы ему соответствует *до свѣта* — до восхода солнца.

Что же в языке старшего периода может быть сближено с выражением *съ зараня* именно в этом значении? В «Вопросах Кирика, Саввы и Ильи» (1130—1156 г.), где так сильна струя «народного» типа книжного языка, читаем: «...межю деньма израня в понедельник», «изранья вѣставше» (Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1908, стлб. 31, 54). Срезневский под словом «рание» дает второй пример и перевод — «раннее время». Из контекста видно, что в обоих случаях речь идет о самом раннем утре — «до света», т. е. «изранья» и *съ зараня* тождественны по значению. Возникает два предположения: либо «зараня» — архаизм, удержавшийся лишь в «Слове», либо искаженная форма древнего «израня», возникшая по аналогии с появившимся к XVI в. в живом языке наречием «заранее». — Название пятницы — *пятѣкъ* находим уже в Остром. ев. и в Повести временных лет: «Бе же пяток тогда, вѣсходящю солнцю», «свитающю же пятку» (Лавр. лет., 1019, 1151 гг.) (см. еще примеры: Срезневский, II, 1796).

потопташа поганья плѣкы Половецкыя. — В летописи: «Русь потопташа е» (половцев), «сшибеся с полкы их и потопташа середнии полк», «стяги Олговы потопташа» (Ипат. лет., 1181, 1174, 1195 гг.). Но, в отличие от летописи, «Слово» не применило этот глагол в рассказе о поражении «храбрых полков Игоревых», ограничившись символическим образом поражения: *падоша стязи Игоревы.* Очевидно, автор остро почувствовал оттенок унижения побежденного, ощутимый в слове *потопташа*. — Половцы упоминаются в «Слове» без определения *поганьи* лишь четыре раза; во всех остальных случаях их имена сопровождаются этим оценочным эпитетом: *поганья плѣкы Половецкыя, поганья плѣкы, поганьи Половцине, поганья головы Половецкыя, поганяго Кобяка, Кончака поганого кощя, кровь поганю;* трижды вместо «половци» находим *погании*. Обращаясь к Повести временных лет, мы встречаем в ней начиная с 1061 г. нередко вместо «половци» — «погании», однако в Киевск. лет. они чаще именуются «дикие». В рассказе 1174 г. о первом походе Игоря Святославича на половцев нет никаких определений при их имени, в дальнейшем иногда «погании» применяется вместо «половци». С 1179 г. определение «погании» встречается чаще. В рассказе о походе 1185 г. есть уже сочетание «пога-

нии половци» или кратко «погании», однако летопись постоянно обходится без этого осудительного эпитета — «полкы половецкыя», «половци», и лишь один раз с осуждением упоминает «поганьскую дерзость». В Сузд. лет. (Лавр. список) определение «дикие» не встречается, наименование половцев «погании» употребляется редко. Даже в рассказе о поражении Игоря Святославича нет ни этого сочетания, ни вообще определения «погании». В статье 1207 г. снова появляется дважды «погании» вместо «половци», а в заметке под 1210 г. они уже именуется «безбожнии иноплеменици». В статье 1217 г. «погании половци» соседствуют с «зломыслными князьями», «проклятым Глебом» и его «оканьным помыслом» — резко осудительный тон по отношению к русскому князю окрасил и изображение его союзников-половцев. Вспоминая о половцах, разорявших Русскую землю до того как их самих покорили татаро-монголы, автор рассказа 1223 г. наделяет их уже новыми определениями — «безбожнии», «оканьнии», «безбожнии сыны Измаиловы». Начиная с 1236 г. эпитет «безбожнии» прочнее других соединяется с именем «татары», которых летопись называет «злии» или «оканьнии кровопицицы», «проклятии», а иногда и по-старому «погании», их «обычаи поганьстии».

Таким образом, «Слово о полку Игореве» настойчивее, чем современные ему и близкие по времени летописи, выражает свое осудительное отношение к половцам, наделяя их постоянно эпитетом «погании». Объясняется такая разница не только тем, что «Слово» вообще ярче, чем летописи, раскрывает авторские оценки, но и тем, что летописцы вынуждены были в рассказах о половцах сохранять более сдержанный тон: ведь половцы часто бывали не только врагами, но и союзниками русских князей в их междоусобной борьбе.

и рассушяь стрѣлами по полю. — В летописном языке в аналогичном применении нет метафорического оттенка: в Повести временных лет (Лавр. лет., 1068 г.) читаем: «Се половци росулися по земли». Срезневский дает пример из Псалтыри толковой XII в. (III, 98): «Тако и жидове рассушяь от лица Христова».

помчаша красныя дѣвки Половецкыя. — В выборе слова *помчаша* автор «Слова» проявил обычную для него точность выражения. В языке XI—XII вв. ряд слов того же корня применялся в тех случаях, когда речь шла о похищении именно девушек: в Уставе церковном Владимира «умычка» — похищение девушки до замужества — отмечается в ряду проступков, караемых церковным судом. В Уставе церковном Ярослава вместо «умычка» читаем «умыкание»; глаголы «умыкати, умыкывати» употребляются в том же значении — «похитить, увести девушку-невесту» в Повести временных лет. В сходном значении в летописи есть глагол той же основы, но с приставкой «при» — «примчати»: «Примчаша к ним половчина дикого, емше у Переяславля» (Ипат. лет., 1149 г.). Свободно обращаясь нередко к приставкам для уточнения смысла глагола, автор «Слова» и в данном случае удачно заменил приставку «у», показывающую итог действия, приставкой «по», которая помогает представить само действие — русские еще везут похищенных девушек. Таким образом, применение глагола *помчаша* именно к увозу из «веж половецких» девушек находит опору в употреблении однокоренных с ним слов в языке XI—XII вв. — *дѣвки* — в XI—XIII вв. и в летописном, и в книжном и деловом языке это слово, без всякого оттенка презрения, обозначало «дочь, девушка, невеста»: «...оже девку растлить» (Вопросы Кирика XII в.); «добрая дѣвка Фекла» (Стихирарь XII в.); в Новг. I лет. в перечне «даров многих» названы «дѣвки» (1224 г.), а в документе 1299 г. словом «дѣвка» названа невеста (Срезневский, I, 781—782).

а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. — В договоре Игоря с греками 945 г. в Ипат. лет. под 912 и 1164 гг., в Лавр. лет. под 1075 г. среди военной добычи или богатых даров упоминаются те же предметы (см. примеры: Срезневский, II, 855). — *Паволока* — дорогая ткань — называется и в переводных памятниках («История» Иосифа Флавия, Девгениево деяние). — *оксамит* — парча — в Ипат. лет. под 1175 г. рассказывается, что боярин упрекнул убийцу Андрея Боголюбского: «Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наш лежить»; под 1164 г. — «присла царь дары многы Ростиславу: оксамоты и паволокы и вся узорочья различная».

орьтъмами, и япончицами, и кожухы. — *Орьтъмами* — тюркское название покрывала. — *япончица* — турецкое название накидки (см.: П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве. ИОРЯС, 1902, кн. 2, стр. 273—302). Старший пример на форму «епанча» Срезневский дает из документа 1582—1583 г. (I, 828): в деловом языке конца XV в. встречаем и форму «япанча»: «А в Новгородке в Северском князю Семену княжу Иванову сыну Шемякина великого князя гости поминок несли япанчу бурьскую да тясму червьчату» (Сборник Русского исторического общества, т. XXXV. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882, стр. 11. документ от января 1488 г.). — *кожухы*. — О древности этого слова свидетельствует перевод Хроники Амартола, где читаем, что в пожаре сгорели «тръговья кожыхо (вар. кожюхо, кожюхом) делателница храмы» (стр. 565). В Уставе 1193 г.: «От кожъ устроеныя ризы ... яже кожюхы вестъ нарицати обычаи». «Кожюх же оловира Грецького» (Ипат. лет., 1252 г.: Срезневский, I, 1246).

начаша мосты мостити — здесь употреблена одна из «естественных тавтологий», которая еще не может быть причислена к художественным приемам. Тавтологий такого типа немало в Повести временных лет, где они также не представляют художественные образы: «послании посли» (912 г.); «присла слы» (945 г.); «свет зол свещаша» (986 г.); «сечець исече» (1078 г.); «кличаном кликнувшим» (1091 г.); «посадники посади» (977 г.); «мостите мост» (1014 г.); «да не ушитятся шиты» (945 г.); «улов уловив» (1097 г.); «оковаша и в двои оковы» (1097 г.); «разстрелаша стрелами» (1097 г.).

по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ. —оборот с предлогом «по» имеем в летописи с XI в.: «Многа знаменья бываху по местомъ» (Лавр. лет., 1092 г.); в этом же тексте употреблена русская форма «болота»: «Мнози борове възгарахуса сами и болота». — *грязивымъ* — «перейдя грязи» (Ипат. лет., 1151 г.), в Хлебниковском списке этой летописи — «перейдя грязину». Форма «грязивый» засвидетельствована лишь как имя собственное в документе 1485 г.: «По Грязивой речке» (Срезневский, I, 605).

и всякими узорочьи Половѣцкыми. — в Ипат. лет. под 1175 г. сообщается, что Андрей Боголюбский построенную церковь «всякими узорочьи удиви». Старшее упоминание в форме собирательного «узорочье» находим под 907 г. (Ипат. лет.): «Приде Олег к Киеву, неся золото и паволокы и овощи и всяко узорочье» (см. еще примеры: «Перетц», стр. 184—185).

Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие — в Ипат. лет. под 1229 г.: «Аще руская хорюговъ станет на забролах» (Срезневский, III, 1388); «чолку стяговую сторгоша с стяга» (Лавр. лет., 1169 г.: Срезневский, III, 1487). — *Хорюговъ* нередко называется в переводе «Истории» Иосифа Флавия — «хоругвь сребрена» (стр. 435). — *чрълений* (стяг, челка, щит) — красный, как в Молении Даниила Заточ-

ника «черлен сапог», а в Духовной Ивана Калиты 1327—1328 г. «кожух черлений» (Срезневский, III, 1558). В форме «чървленый» слово известно в XI в. (Срезневский, III, 1556).

сребрено стружие. — Описывая свое путешествие в Палестину, игумен Даниил стремился как можно точнее представить читателям внешний вид всего, что видел, все расстояния между отдельными памятными местами, определяя их, в зависимости от величины, верстами, саженьями, «лактями», или приблизительно — «яко довержет муж камнем», «яко дострелити». Дойдя до места, где был распят, по местному преданию, Христос, он указывает, что «распятие», т. е. крест, стоял на камени, и высоту этого камня он определяет на этот раз особым образом: «...на камени высоко было яко стружия выше» (Даниил игумен, стр. 19). Слово «стружие» оказалось непонятым следующими переписчиками «Хождения», и они по созвучию, но не к месту по смыслу, заменили его словом «стражие». М. В. Веневитинов в «Указателе» перевел это слово — «древко, копье» (стр. 242). В данном контексте Даниил — и не случайно — употребил «стружие» именно как название «копья». Продолжая описывать «распятие», Даниил, как всегда, вспомнил евангельский рассказ, связанный с этим местом: он указал на «разселину на камени», куда «сниде кровь и вода из ребр владычень», когда один из воинов копьем пробил ребра умершего Христа. Держа в памяти этот рассказ и напоминая о нем цитатой читателю, Даниил этим копьем, которое он назвал более привычным ему именем «стружие», измерил высоту камня под распятием. Связь евангельского рассказа с этой необычной у Даниила мерой подтверждается тем, что больше он нигде к ней не прибегал. А древность такого наименования копья сделала его позднее непонятым, и так появилось чтение «яко стражия выше». «И абие воины обуимше я, биахут стружии» (Флавий, стр. 272); «Римляне же привязывающе сръпы к стружием, отрезываху мехы» (там же, стр. 303). Надо было достать высоко находившиеся «мехы» и потому серпы привязывали к концу «стружия» — копья, а не только к его древку. В «Слове» *сребрено стружие*, которое достается из половецких веж *храброму Святъславличю*, — это также дорогое копье, а не одно древко от него. И Всеслав не переворачивал копье, чтобы только древком — «стружием» его дотронуться до *злата стола Киевскаго*, а дотесая до него лишь концом своего копья — *стружия*. Это было, видимо, в XII в. название копья в народном, а не книжном языке, оттого оно употреблено и Даниилом, который лишь в цитатах из библейских легенд следует за их книжным языком, а в описаниях стремится к возможно более простому изложению.

храброму Святъславличю... (ср.: храбрая Святъславличя Игорьь и Всеволод... хороброе гнѣздо... (Бориса) храбра и млада князя... храбрии Русичи... храбрая сердца... храбрая дружина... храбрая мысль... Игорева храбраго плѣку... храбра тѣла). — В применении к русским князьям этот эпитет находим и в летописи: «Святослав хоробры» (Ипат. лет., 1254 г.); «Лев князь думен и хоробор» (там же, 1291 г. См. примеры: Срезневский, III, 1386). «Слово» последовательно наделяет этим эпитетом не только князей, но и всех русских воинов.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо — (половци от страха перед русскими воинами) «дремаху сами» (Лавр. лет., 1103 г., см.: Срезневский, I, 736). — *хороброе гнѣздо* — (Ингварь и Всеволод не худя гнѣзда шестокрилицы) — «гнѣздо» в значении «род» повторяется лишь в списках «Задонщины» и связанных с ними текстах «Сказания о Мамаевом побоище», но в прямом значении — «птичье гнездо» — встречаем это слово с Остромирова евангелия (Срезневский, I, 528).

далече залетѣло ... (ср. *О! далече заиде соколъ*) — «отиде на страну далече» (Остром. ев.), «далече есте шли» (Новг. I лет., 1216 г.: Срезневский, I, 625); «И рече Святослав Олгович... далече есмь гонил по Половцех» (Ипат. лет., 1185 г.). — *залетѣло* — «Ефреъм яко птица залете» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, I, 925).

Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганыи Половчине, — «много лета во обиде есмь» (слово на воскр. Лазаря); «обида немала належить» (Серапион Владимирский: Срезневский, II, 502—503). «Слово» знает, что многие походы русских имели целью не только защиту Русской земли, но и месть степнякам за прошлые поражения, за разорение русских областей, за то, что автор на протяжении всего текста называет словом *обида*: это оскорбление, несчастье всей Русской земли — *Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, бугею Святъславлича!* обращается автор к князьям Рюрику и Давиду; дважды этот призыв звучит и без упоминания «обида»: Ярослава Осмомысла зовет автор: *Стрѣляи... Кончака... за землю Рускую, за раны Игоревы, бугею Святъславлича;* вызывает к Ингварю, Всеволоду и трем Мстиславичам: *Загородите полю ворота... за землю Рускую, за раны Игоревы, бугею Святъславлича.* «Обидой» называет автор возможное поражение группы князей также внешними врагами: «Олегово хороброе гнѣздо» не было *обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганыи Половчине.* Но «Слову» известно и традиционное в летописи наименование «обидой» нарушений междукняжеских прав: Бориса Вячеславлича *слава на судъ приведе... за обиду Олгову.* В Повести временных лет под 1100 г. рассказывается, что Давид обратился к княжескому «снему» с вопросом: «Кому до мене обида?», на что Владимир ответил ему: «Ты еси прислал к нам: Хочу... пожаловатися своєю обиды». Именно в этом значении «Слово» говорит о наказании Бориса Вячеславлича за *обиду Олгову.* Договорная грамота 1301—1302 г. Михаила Тверского с Новгородом обуславливает, что князь будет вступаться «кде будетъ обида Новгороду». Но «Слово», проникнутое идеей единения всех княжеств для защиты всей Русской земли, рассматривает поражение Игоря, как *обиду сего времени* — всей страны. Так расширяется значение обычного термина, и уже на основе этого нового его толкования создается и образ Девы-Обиды, которая *въстала въ силахъ Дажь-Божа внука*, т. е. всего русского народа (см. о значении термина «обида»: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 84—86). Следует напомнить, что такое расширение понятия «обида», относящее ее к урону, наносимому внешними врагами всей Русской земле, имеет полную аналогию в подобном же толковании термина «зло», которым летопись определяет вред междукняжеских распрей тоже не для отдельных только областей и враждующих князей, но и для всей Русской земли, особенно в моменты, когда ей грозила опасность со стороны половцев. Таков смысл призыва Владимира Мономаха выступить в защиту ослепленного Василька Теробовльского — он приглашает Олега и Давида Святославичей: «Поидета к Городьцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в нас, в братьи»; и Святославичи с таким же обвинением обращаются к Святополку Изяславичу, одному из участников ослепления: «Что се зло створил еси в Русьстей земли и ввергл еси ножъ в ны» (Лавр. лет., 1097 г.). Итак — «зло» в данном случае тоже «обида», нанесенная не одному ослепленному Васильку, но всей «Русьской земли» и всей «братьи» — князьям.

ни соколу — уподобление воина соколу см. выше, стр. 34. — *ни кречету* — «кречеты» упоминаются в Договорной грамоте 1318 г. (см. при-

меры: Перетц₁, стр. 186). — *чръныи воронъ* — в Ипат. лет. упоминается «вран черный» (1074 г.). Уподобление врага ворону часто в народной поэзии (см. примеры: Перетц₁, стр. 186—187).

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому. — *сѣрымъ влѣкомъ* — см. выше, стр. 39. — *слѣдъ править* — в Русской Правде есть сочетания «след гнати» и «едуть на след». В Александрии — «правляше ему путь» (стр. 63), т. е. то же сочетание с дат. пад., как в «Слове» (*Кончакъ ему...*), ср. также в повести о разорении Рязани: Остафей «пойде в путь ... чудотворецъ ему путь правяше» (Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском. — ТОДРЛ, т. VII, стр. 284). — *Гзакъ* (ниже *Гза*) — такая форма встречается в Ипат. лет. и родственных с ней; у Татищева — «Гзя» (La Geste, стр. 310).

Другаго дни велми рано. — «В другие же день събра митрополит вся епископы» (Несторово житие Бориса и Глеба: Срезневский, I, 728). Родительный-винительный без предлога — *другаго дни* — соответствует употреблявшемуся одновременно «сего дъни», «си ночи», «сеи ночи» (Срезневский, III, 347). — *рано* — «бывша рано у гроба» (Остром. ев.: Срезневский, III, 70).

кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ — как предвестие поражения, такой восход солнца описан в библейском тексте XIV в.: «Солнце восия на воды и виде Моав противу на водах яко луча крѣвавы и рече: крѣвь есть от оружья» (цит. по кн.: Перетц₂, стр. 294). Ср. в летописном языке: «Знамение явися на небеси яко небо кроваво» (Псковск. I лет., 1202 г.), «акы пожарная заря» (Ипат. лет., 1102 г.). — *зори* — множ. ч. обычно в языке XI—XII вв., когда описывается утреннее небо: «Мал час есть зорям, таче солнце вѣшед, угасит блеск их» (Толковые пророки 1047 г.); «пред зорями в нощи», «во второй же день по зорям» (Ипат. лет., 1107, 1150 гг.) (см. примеры: Перетц. К изучению, стр. 63, 70). — *свѣтъ* в значении «рассвет» употребляется переводчиком «Истории» Иосифа Флавия: «...мглагоу не можаху видети послучившися ей тогда над град, дондеже свету бывшу» (стр. 306). В «Путнике» Антония Новгородского: «...чрез ношь до света» (другие примеры: Срезневский, III, 295). — *повѣдаютъ* — это слово Срезневским показано лишь на примерах, где речь идет о рассказе человека (II, 1006).

чръныя тучя съ моря идуть, хотягъ прикрыти 4 солнца. — К этому символическому пейзажу дает параллель Изборник 1076 г.: «Съкривает бо тьмнии облак слънчъную красоту и светлъость» (л. 55а). — *чръныя тучя ... идуть* — «туча идетъ» (Юрьевск. ев., 1119 г.) — в значении дождя. Но и в «Слове» подразумевается дождевая туча, так как дальше образ развивается: *итти дождю стрѣлами.* — *съ моря идуть ... погании съ всѣхъ странъ прихождаху* — предлог «съ» в значении движения от чего с родит. пад.: «С горы прикикъшу» (Изборник Святослава 1073 г.); «словене с Дуная пришедше» (Повесть временных лет по Переясл. лет.: Срезневский, III, 637). — *хотягъ прикрыти 4 солнца* — примеры из светской литературы, уподобляющей царя-князя солнцу, в летописи связаны с представлением о смерти князя как заходе солнца (Ипат. лет., под 1179, 1289 гг.), также в житии Александра Невского. Деятельность Владимира Мономаха летописец, сообщая о его смерти, уподобляет солнцу: «...просвети Русскую землю, акы солнце луча пушая» (Ипат. лет., 1126 г.). В переводной повести царь и при жизни уподобляется солнцу: в повести об Акире — «Ты, царю, уподобился солнцу» (стр. 177), в Александрии — «царь царем ... сияя с солнцем» (стр. 43). «Солнце», «светозарное солнце» — эпитеты Девгеня (Девг. деяние). Г. И. Имеда-

швили отметил, что «4 солнца», под которыми разумеют четырех князей, участвовавших в битве на Каяле, — это образ, в основе которого лежит метеорологическое явление, известное под именем «ложных» или «побочных» солнц и лун («Четыре солнца» в «Слове о полку Игореве»: Слово₁, стр. 221).

въ нихъ трепещуть синии мълнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго. — В этом комплексе фраз трудно уже не заметить, что трепещущие молнии — это блеск оружия, поэтому и употреблен необычный при слове «молния» глагол «трепещут» (Срезневский дает примеры, где «трепетать» обозначает лишь дрожащего человека, — III, 988); у Флавия «трепещут стены» (стр. 331). В памятниках XI—XIII вв. молния «исходит», «падает с небеси», ее блеск передается глаголами «осветить», «озарить», «светиться»; определение *синии* в памятниках не соединяется со словом «молния» — «синий» скорее напоминает о блеске сабель и «мечей харалужных» (ср.: «Железо сине ... в огне горемо, светло будеть» — житие Андрея Юр.: Срезневский, III, 356), стук которых слышится и за «громом великим», как из «черных туч» дождь идет стрелами. Тюркологи отмечают, что необычное сочетание «синие молнии» аналогично в языке половцев-кыпчаков широкому применению определения «синий» вместо «серый», «зеленый», «голубой». Сопоставление шума оружия во время битвы с громом постоянно в летописи и воинских повестях (ср. Ипат. лет., 1111 г.: «... тресну акы гром съразившимся челома»). Обычно и сравнение с дождем летящих стрел: в Лавр. лет. под 1097 г. сохранен даже глагол, который естественнее сочетается со словом «дождь», чем со словом «стрелы»: «... идяху стрелы акы дождь», или в Галицкой летописи: «... стрелам яко дожду идущу», ср. в переводе Флавия: «И стрелы на них летяху яко дождь» (стр. 343). О том, что и в действительности множество стрел в воздухе напоминало дождь, см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 64—65). Аналогичный образ, с тем же сочетанием глагола с творит. пад. *стрѣлами*, дает Слово Иоанна Златоуста по списку Успенского сборника XII в.: «... облаци стрелами пуцаються» (цит. по кн.: Перетц, стр. 211). Следовательно, переработка летописного сравнения «акы дождь» в «Слове» сделана по типу конструкции, известной в книжном языке XII в.

Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи Половецкыя. — «Лом копийный и звук оружийный» — так определяет летопись основной шум битвы (Ипат. лет., 1174, 1240 гг.). Но летопись применяет глагол «ломити» с другой приставкой: «изломити копье», хотя в том же значении, что и «приломити» «Слова» (см. примеры выше, стр. 42). *Ту ся ... приламати, ту ся ... потручяти* — сочетание *ту* с неопределенным наклоном имеет в летописном и в деловом языке: «Ту бе видети лом копийный и звук оружийный» (Ипат. лет., 1174 г.); «ту ти ему прити да негли ту покориться» (Ипат. лет., 1149 г.); «в которой волости человек извиниться, ту ему правда дати» (Грамота 1264 г.); «кде ся тяжа почнеть, ту концяти» (Грамота 1284 г.). Ту же конструкцию, но с глаголом в 1-м и 3-м лице находим в ораторской речи у Климента Словенского: «Ту бо исцеление душам и телом въземлем, ту страшна тайна, ту глас божий ... оглашает ... ту греховный мрак ... отганяється, ту сын божи предълежить» (по изд.: В. М. Ундольский. Климент еп. Словенский. М., 1895, стр. 12—13). — *потручятися* — предлагаются украинские параллели: «потручати» — «потолкать», «тручати» — «толкнуть, толкать, пихать» (=польскому «трончац» — «толкать», «ударять», «задевать»). Л. А. Булаховский отметил в «Слове» ряд «уникальных» форм глаголов, образованных с помощью префикса «по» (Слово₁, стр. 149).

на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. — Предположения о «Каяле» как географическом термине разобраны в книге К. В. Кудряшова «Половецкая степь» (Географиздат, 1948, стр. 48—74). В рассказе Ипат. лет. о походе Игоря «Каяла» упоминается в авторском восклицании по поводу поражения русского войска: «И тако во день святаго воскресения наведе на ны плачь и во веселья место желю на реце Каялы» (1185 г.). Был сделан ряд попыток объяснить название реки «Каяла» из сходных географических имен, однако в новейших работах отдается предпочтение гипотезе Н. Грамматина, еще в 1823 г. предложившего объяснять «Каялу» как производное от глагола «каяти». Л. А. Дмитриев связывает «Каялу» со словом «каяти» — «жалеть», «оплакивать». Таким образом, «Каяла» — «река смерти, печали, скорби, гибельное место» (Глагол «каяти» и река Каяла в Слове о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 36). Параллель к такому толкованию географического названия дает сообщение летописи под 1319 г. о том, что тело убитого татарами князя Михаила Ярославича Тверского «повезоша за реку, глаголемую Адеж, еже зовется горестъ» (ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 185; эта параллель указана мне Н. С. Демковой). Слово «Каяла» можно сопоставить с тюркским *cajalı* — название реки «Скалестая».

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами — выражение «ветру веюшу» имеем и в переводе Флавия (стр. 261), и в Галицкой летописи (под 1255 г.), «ветрѣмъ веяние» читается уже в Изборнике Святослава 1073 г. (Срезневский, I, 503); форма множ. ч. «вѣтри» знакома с XI в.: «противу ветромъ брань» (Амартол, стр. 394); «ветри и вихри развезия быша» (Флавий, стр. 362); «пасеть ветры и птице» (Пчела, стр. 281). В «Слове» уточняется, что ветер веет *съ моря*, т. е. с той стороны, откуда надвигаются половцы, и веет он *стрѣлами*. Так все выражение приобретает метафорический оттенок. — *Стрибожи внуци* — Стрибог упоминается в летописи под 980 г. в рассказе о богах Владимира. О наименовании ветров «внуками» Стрибога см.: Перетц, стр. 79—80. В «Слове христороубца» (по списку XIV в.) есть упрек — «огневе моляться, зовуще его Сварожичем», т. е. сыном Сварога (Памятники древнерусск. церк.-учит. литер., вып. 3, СПб., 1897, стр. 224), с этим наименованием можно сблизить и выражения «Слова»: *Стрибожи внуци, Даждь-Божа внука, Велесовъ внуче* (La Geste, стр. 353—354).

на храбрѣя плѣкы Игоревы — см. выше, стр. 51.

земля тутнетъ — «вопиють сильно, яко тутнати и гремети всему месту тому от вопля людий тех» (Хождение игум. Даниила); «Земля тутнаше» (Октоих XIII в.); «Глас рече трубы тутняше велми» (Псалтырь толковая XI в.; Срезневский, III, 1040); «Да отгвѣрьзеться церкви, священое да потутьнетъ» (Миней 1095 г., 8 сентября, стр. 083). В XI в. известно было и существ. «тутьн» в значении «шум, грохот» в Повести временных лет под 992 г. (Ипат. лет.): «...в нощи бывше тутен, стонаше полунощи, яко человеци рыщут беси по улици». В житии Феодосия Печерского: «...яко же слышаше тутън». В Шестодневне есть слово «тутнание»: «...гласове беаху и тутнание, рекше звук гласом» (л. 16); «глас грома твоего в колеси еже из възгръмения тутън гласом прозав» (там же).

рѣкы мутно текутъ — «река среде моря текушти сладъка» (Григорий Назианзин, XI в.); «река без берегов текущи» (Даниил Заточник: Срезневский, III, 955). Метафорический смысл, наряду с прямым, этому выражению придает слово *мутно*: «мутная» вода символ несчастья, вообще чего-то печального, отрицательного, не только в народной поэзии, но и в литературе XI—XII вв. Так, в Минее 1097 г. в службе 4 ноября читаем: «Показая реку воды мутьныя», где «вода мутьная» — «безбожие»

язычества, побежденное святым. Та же символика применяется в учительной литературе (хотя и в форме сравнения): в Златоструе XII в. — «Тако бо суть епискупля печали, акы море мутимо» (Срезневский, II, 196—197).

пороси поля прикрывають, стязи глаголють. — Полногласную форму «порох» имеем в примерах с XI в.: «ту же пороха нападьшу от места незаветрна» (Изборник Святослава 1076 г.: Срезневский, II, 1214). Множ. число от «порох» А. Потенбня считает характерным не только для древнерусского, но и для старого чешского и старого польского языков, когда слово обозначает «делимое вещество». Р. Якобсон, ссылаясь на это объяснение, дает аналогичное множ. ч. от слов «снег» и «грязь»: «... гора висока ... и снези на ней лежат чрез лето» (Хожение иг. Даниила), в Ипат. лет. под 1151 г. «перейдя грязи» (La Geste, стр. 268—269); ср. также «много крови проливаются» (Лавр. лет., 1156 г.), «в велице прасе» (Александрия, стр. 49). Д. С. Лихачев (Устные истоки, стр. 72) считает, что вся эта картина рисует постепенное приближение половцев, следовательно здесь речь идет о половецких стягах, которые показывают наступление врагов. Самое сочетание слова «стяг» в его первоначальном значении «боевое знамя» — с *глаголють* находит соответствие в примере из слова Григория Богослова по списку XIV в., где читаем: «Знаменье глаголеть стяг, им же знаменуют воеводы победу» (А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отдел второй, 2, М., 1859, стр. 85).

Половци идуць отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, Рускыи плѣкы оступиша (испр. из *отступиша*). — К сочетанию *идуць отъ*, указывающему место отправления, имеем параллели в летописи: «... от коея убо страны приходящим в Русь» (Ипат. лет., 911 г.); ср. в Остром. ев.: «... бежаша от гроба» (Срезневский, II, 770). — *отступиша* — «иноплеменници ... отступиша полкы Рускыи» (Ипат. лет., 1111 г.), этим глаголом обозначено окружение осажденного в городе войска: «... все силы ... отступиша град» (Ипат. лет., 1174 г.), в переводе Флавия: «отступиша войско» (стр. 362). Библейские припоминания ввели этот оборот в гимнографию: в русском тексте Миней 1096 г. читаем — «врази отступиша ны», «отступиша ны измаилитене» (октябрь, стр. 162). — *отъ всѣхъ странъ* — «всьиа нам деньница пресветлаа, яко ж от всех стран видевше светение» (Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Київ, 1931, стр. 22); «ту бе сошлося от всех стран Рускыя земля и от инех стран много множество людий и князий» (Жития Бориса и Глеба; но здесь оттенок — страна — область).

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша. — *Дѣти бѣсови* — такое образование притяжательного прилагательного от существительного известно в XI в.: в Изборнике Святослава 1073 г. «львов лов»; в Минее 1095 г. «львова стремления». — *клик* сражающихся отмечается не раз летописью, то предвещающий битву (как в данном случае в «Слове») — «и тако полци приехавше к мостку, кликнуша» (Ипат. лет., 1150 г.), то раздающийся во время боя — «клик бысть велик» (Лавр. лет., 1227 г.), то клик побежденных — «и кликнуша и печенези побегоша» (Лавр. лет., 992 г.). — В переносном значении применен здесь в «Слове» глагол *прегородиша*, известный в прямом смысле уже по тексту Русской Правды (в русской форме «перегородити» — см. примеры: Срезневский, II, 902).

а храбрии Русици преградиша чръленьми щиты — см. выше, стр. 48.
Яръ Туре Всеволодѣ! — См. выше, стр. 36.

стоиши на борони. — Глагол «боронити» с XI в. известен и в деловом языке, и в летописи в значении «защищать», а существительное «боронь»

в примерах, отмеченных Срезневым (I, 154), имеет смысл «помеха, препятствие». Но ведь «стоять на борони» значит в «Слове» одновременно и «защищать», и мешать противнику продвигаться внутрь страны.

прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными... (ср.: *поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя... летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломи, трещатъ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи*). — *Стрѣлы каленыя, сабли каленыя* — самые крепкие: «Донѣдеже горить железо, студеном да ся калить» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, I, 1183); «закалаемо железо» (Пчела, стр. 270). — *летятъ стрѣлы*, ср. выше (стр. 54), они уподобляются дождю и потому ими можно «прыскать». О «шеломи» *гримлютъ* или *гремлютъ* и *сабли* и *мечи харалужныя* — обе формы известны в памятниках с XI в. прежде всего для обозначения звука грома, но и в более широком значении — громкого звука вообще: «Плачь имяше он гримающѣ до небеси» (слово Григория Богослова: Срезневский, I, 587, 593); «людие... вопиют сильно, яко тутнати и гремети всему месту тому от вопля людей тсх» (Даниил игумен, стр. 131). — *мечи харалужными* (ср.: *копиа харалужныя, молотятъ чепи харалужными, ваю храбрая сердца въ жестоцеи харалузѣ скована*) — В. В. Арндт отмечает, что русские мечи в XI—XIV вв. были западноевропейской работы. *Харалужный* — определение, связанное с понятием пламя-свет, с обработкой металла в жару-пламени (В. В. Арндт. К вопросу о «мечах харалужных» Слова о полку Игореве. — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, М.—Л., 1934, стр. 335—342). Объяснения слова «харалуг» из тюркских и западноевропейских языков пока не получили достаточного обоснования. — «Мечи», по наблюдениям археологов, — арабские и турецкие — встречаются начиная с VII в., имеется их немало и от XII в. Но в русских погребениях мечи находятся лишь в X в., так как при христианском погребальном обряде их уже не клали в могилы.

Камо Турѣ поскочяше (ср. *кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли*) — «новгородци же... боси поскочиша, а смоляне тако же поскочиша пеши» (Лавр. лет., 1216 г.: Срезневский, II, 1235).

своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая. — Срезневский дает пример лишь на близкий глагол «посветити»: «Яко посветяше молонья, блещашется оружье» (Лавр. лет., 1025 г.: Срезневский, II, 1232). — *златымъ шеломомъ* — «золотым шеломом» (Ипат. лет., 1201 г.). «Златой шелом», как и другие вещи князя, — золотой (см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 79).

тамо лежатъ поганья головы Половецкыя. — Изображение убитых в виде «голов» параллельно обычным в летописном воинском языке призывам «голову сложить» за Русскую землю, за свою «отчину»: «Любс голову свою сложю, пакы ли отчину свою налезу» (Ипат. лет., 1150 г.), не щадить жизни — не беречь голову: «не щадя головы своя» охотился Владимир Мономах (Лавр. лет., 1096 г.). — *поганья* — определение половец (см. выше, стр. 48).

поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя. — От ударов шеломи *поскепаны* — ср. в повести о Евпатии Коловрате: «Гораздо еси мене поскепал малою своею дружиною», а в переводе Флавия сообщается, что от ударов в бою «щиты ископаны» (стр. 300). — В переводе Амартола есть «шеломы медяни», а Ипат. лет. под 1151 г. сообщает, что «на шеломи над челом» был сделан «Пантелемон злат» (Срезневский, III, 1586). Русская форма «шелом» постоянна в летописи XII в. — *Оварьскыя* — слово «авары» есть уже в русском списке XV в. Откровения Ме-

фодия Патарского — памятника, известного в русской литературе домонгольского времени. Сербский список XIII—XIV в. жития Панкратия, как отметил еще Н. К. Гудзий, знает и прилагательное «аварескъ». Начальное греческое «альфа» в древнерусском языке часто передавалось через «о», так и здесь греч. «абарикос» передано «оварьск» (итоги полемики по поводу данного выражения «Слова» подведены в статье Н. М. Дылевского «Лексические и грамматические свидетельства подлинности „Слова о полку Игореве“». — Слово, стр. 185—186). И. С. Дуйчев отмечает, что «оварьскыя шеломя» «Слова» «не должны быть обязательно шлемами, сделанными аvaraми, происходившими от древних или современных авар, живущих в Дагестане, а скорее были шлемами, сделанными по аварскому образцу» (И. Дуйчев. Обзор болгарских работ 1945—1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв. — ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1959, стр. 593). По наблюдениям археологов, половецкие и русские шлемы домонгольского периода были железными, но очень редко цельными. Железные шлемы этого времени составлялись из нескольких вертикальных долек, склепанных накладными пластинками. При сильном ударе такой шлем раскалывался по линии соприкасания долек.

Кая раны (м. б., *рана?*), *дорога братис*. — А. И. Соболевский не принимает поправку — *кая рана дорога, братис*, объясняя *кая* как аорист от «каяти», *раны* как вин. или родит. пад. множ. числа, *дорога братис* — обращение, аналогичное в Сказании о Борисе и Глебе XI в. «братие милая и драгая» (Материалы и заметки по древнерусской литературе. — ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, стр. 213, 1916 г.). Может быть, *кая* причастие, аналогичное «забыв»? (перевод Соболевского: Всеволод презрел раны — а м. б., «презирая раны, забыв...?»). Об исправлениях этой фразы см. Перетц, стр. 197.

забывъ чти и живота — о сочетании «чти и славы» см. стр. 39. В переводе Флавия: «не пождав чьсти твоея» (стр. 171), «забыти рода своего и отчества» (там же, стр. 405); в Лавр. лет. князь Мстислав перед битвой взывает к дружине: «А забудем, братье, домов, жен и дети» (1216 г.).

и града Чрънигова отня злата стола. — Престол княжеский последовательно определяется в «Слове» и в других эпизодах термином *отнь злат стол*: в толковании сна Святослава *два сокола слѣтъѣста съ отня стола злата*; великого князя Всеволода автор призывает *отня злата стола поблюсти*; Ярослав Осмомысл стреляет *съ отня злата стола*. В этом термине украшающий эпитет «злат» отражает не только то, что в княжеском обиходе были действительно золоченые предметы, но и «ритуальную соотнесенность» понятий «княжеского и золотого» (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 79). В Ипат. лет. лишь один раз под 1158 г. встречается термин «отнь стол» под 1158 г.: «Ростовци, Суздальци и Володимирци вси пояша Андрея сына Дюргева стареишаго и посадиша и на отни столе Ростове и Суждали и Володимири». До 1146 г. Киевская летопись еще не пользуется прочно выработанным термином: под 1113 и 1126 гг. кратко сообщается, что князь «седе на столе в Киеве», под 1141 г. — «на столе своего ему отца» в Новгороде, под 1149 г. — «на столе отца своего». Под 1146 г. появляется термин, с которым потом встречаемся до 70-х годов XII в.: Изяслав «седе на столе деда своего и отца своего». В той же форме термин повторяется под 1150, 1151, 1160, 1174 гг., иногда слегка варьируясь: под 1155 г. — «седе на столе отецъ своих и дед», под 1169 г. — «на столе Ярославли и отца своего и дед своих». Но Ипат. лет. знает разные сочетания прилагательного «отнь» с существительными:

«мужи отьни» (1149), «на отьни месте» (1152), «без отня света» (1161), «отьни смерти» (1173), «отьнь слуга» (1182).

Иную картину дает Сузд. лет., где термин «отьнь стол» появляется под 1126 г. в некрологе Владимира Мономаха: «и поседе Кыеве на отни столе 13 лет». Под 1157 г. помещено то же сообщение, которое в Ипат. лет. записано под 1158 г.: «Ростовци и Суждалци здумавше вси пояша Андрея сына его (Гюргия) старейшаго и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали». Лишь однажды еще под 1177 г. встречаем вариант этой формулы: «Посадиша и (Всеволода) на отни и на дедни столе в Володимери». Традиционная формула Киевск. лет. 1140—1170-х годов «стол отца своего и деда своего» в Сузд. лет. отсутствует, один раз вариант ее находим под 1201 г.: «посла ... княжить на стол прадеда и деда своего». Обычно же вместо устойчивого термина в Сузд. лет. помещаются констатирующие сообщения: «седе на столе», «седе Кыеве, Володимери» и т. д., «посади (посадиша)» — название города, «посла в» — название города и т. п. Термином «отьнь стол» пользуется русский переводчик Амартола: «...сын его Ксстянтин отень стол прием» (стр. 348); житие Афанасия Александрийского (по Успенск. сб. XII в.): «Ксстянтиемь отьнь стол преимъшу» (стр. 10). В житии Бориса и Глеба (по списку в том же Успенск. сб.) дружина советует Борису: «Поиди сяди Кыеве на столе отьни» (стр. 15). Таким образом, в данном случае автор «Слова» предпочел хотя и известный в его время термин «отьнь стол», но не тот, который стал традиционным в южном летописании (в северо-восточном как мы видели, устойчивой формулы не было). В годы, когда завет, прозвучавший еще в конце XI в., — пусть каждый князь «держит отчину свою» и не ищет чужих владений, часто нарушался, защитник строгого соблюдения его — автор «Слова» именует эту отчину каждого князя *отнь злат стол*, подчеркивая этим право данного князя на его княжение.

и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны — «брате мои милый Борисе» (Повесть временных лет по Переясл. лет., 1035 г.), «милый наю господине драгий» (Сказание о Борисе и Глебе), «милый мой господине» (Кирилл Туровский: Срезневский, II, 139—140). — Определение *красный* в применении к красивой женщине находим в переводе Амартола: «Девиди суши красне стави ю собе жене», стр. 37); «отврати очи твои от жены красны» (Пандекты Антиоха XI в.); «видев ю (девушку) красну сущю» (Флавий, стр. 183). — *Хоти* в примерах с XI в. Срезневского имеет значение наложница: «хотю небрегом» в Златоустре XII в. и в цитате из Толковых пророков XI в. — «не едину хоть, ни две приимъши» (III, 1389). — Наименование в «Слове» молодых княгинь только по отчеству — *красныя Глѣбовны, Ярославна* (ср. в Ипат. лет., 1158 г., эту форму отчества: «преставися Софья Ярославна») находит себе соответствие в летописях Киевск. и Сузд., где оно распространяется и на иноземных жен. Так, в Ипат. лет. читаем: «...ведена Мьстиславна в Греки за царь» (1122 г.); «повеле ... женитися Пегровною Михалковича» (1155 г.); «приведе Ростислав Белуковну князя Половецьскаго дщерь ис Половецъ за сына» (1163 г.); «приведе жену из Ляхов Казимерну» (1179 г.); Святослав Всеволодичь «ожени 2 сына, за Глеба поя Рюриковну» (1182 г.); «приде Володимерь (Игоревич) ис Половецъ с Кончаконною» (1187 г.); «Святослав ожени внука своего Давида Ольговича Игоревною» (1190 г.). В Лавр. лет. в сообщениях о женитьбе князей находим следующие имена их княгинь по отцам: Василковна (1143 г.), Изяславна (1155 г.), Петровна (1155 г.), Всеволожна (1211 г.), Михайловна (1227 г.). Изредка отчество княгини называется в известии о ее

смерти: «... умре Андреевна за Олгом за Святославичем» (Ипат. лет., 1167 г.); «преставися Борисковна» (Лавр. лет., 1202 г.).

свычая и *обычая* — это тавтологическое сочетание не имеет прямых параллелей в памятниках XI—XIII вв.; слово «обычай» в отношении к нраву и поведению человека встречается уже в Изборнике Святослава 1073 г. в библейском эпизоде, повествующем о том, что жена Иова «не помяну бывшая пръвее к нему любьве и обычая». Не случайно и здесь, как в «Слове», речь идет о привлекательности поведения близкого человека — «обычай» назван рядом с любовью (см.: Перетц, стр. 199, перевод — «любовь и ласку»). Ср. в Ипат. лет. под 1175 г.: «Всяк обычаи добронравен имейшетъ». Близка к этому значению в описании нравов восточнославянских племен характеристика полян в Повести временных лет: «Поляне бо своих отецъ обычай имуть кроток и тих». Слова «свычай» и «обычай» рано стали восприниматься как синонимы: выражение Пандект Никона (Срезневский, III, 669) «Оставленыя чювьства и долъгая свычая... Свычай тако имать» в других списках передано с заменой «свычая» на «обычая». Златоструй XII в., в отличие от Изборника Святослава 1073 г., сочетающего слова «любьве и обычая», соединяет «любви и свычай»: «Не съвокупятися с ними ни в дружбе, ни в любви, ни в свычай» (Срезневский, III, 669).

*Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы. Ольга Святъславличя. — вѣчи Трояни — на седьмомъ вѣцѣ Трояни — (ср. въ тропу Трояню, въ землю Трояню) — свод толкований имени «Троян» дан Д. С. Лихачевым (Истор. и полит. кругозор, стр. 22—24), который предлагает видеть в имени «Троян» название русского языческого божества, ссылаясь на русский список XII в. «Хождения богородицы по мукам», где Троян начинает перечень славянских богов: «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша». Таким образом, *вѣчи Трояни* — тот период русской истории, который предшествовал ее христианизации и, следовательно, *лѣтам Ярослава*. Всю периодизацию, намеченную в этом отрывке «Слова», Д. С. Лихачев определяет как «не логическую, а поэтическую» (там же, стр. 24). — *минула лѣта Ярославля* — «летом многим минувшем» (Церк. устав Владимира), «многом же днем минувшем» (Сказание о Борисе и Глебе); «Аще и много время минеть» (Изборник Святослава 1076 г.: Срезневский, II, 144). Имеется в виду время «старого» Ярослава Мудрого, отмеченное междуособными войнами сыновей Владимира Святославича. — *плѣци Олговы, Ольга Святъславличя* — здесь *плѣци*, как и в заглавии, употреблено в значении — походы, войны, битвы. Смутам времени этого Олега и его потомков XII в. «Слово» уделяет особенно много внимания, так же как и «усобицам», связанным с Всеславом Полоцким и его родом, с одной стороны, и всем потомством Ярослава Мудрого — с другой (см.: Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 14—22).*

Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше; при нем сѣяшется и растяшетъ усобицами; погыбашеть жизнь Дажьд-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувкомъ скратишась. Тогда по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани гряхуть. — Дальнейшее развитие земледельческие метафоры получают в рассказе о Все-славе Полоцком. — Начальное *Тѣи бо Олегъ* (ср.: *Тии бо два храбрая Святъславличя, тѣи клюками подпрѣ ся, тии бо бес щитовъ*) имеет аналогию в языке евангелия: «Тѣ бо Ирод послал». «тѣ бо Давид рече» (Галицк. ев., цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 68). Тот же прием находим в переводе Флавия (цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 86). Из двух названий княжеских раздоров — «*крамола*» и «*котора*» «Слово»

предпочитает первое: оно употребило его пять раз, слово «котора» несомненно применено один раз в обращенном к Ярославу и внукам Всеславим упреке: *Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи.* Здесь автор явно хотел избежать повторения и поставил синоним слова «крамола». Что же касается второго случая, то в нем которою — конъектура исследователей: *Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которою. Ту бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ... грозою.* В Пушк. и Екат. списках здесь стоит... *убудиста, которую то бѣше успилъ...* Ведь Святослав «лжей» называет не вовремя и без согласования с другими князьями предпринятый поход против половцев и последовавший за поражением русских набег половцев на русские области. Поход молодых князей не был связан ни с какими междукняжескими ссорами — самонадеянные князья решили всю «славу» присвоить себе и не позвали никого на подмогу. Но, даже признав поправку Н. С. Тихонравова (*лжу убудиста которою. Ту бѣше успилъ*), все же видим явное предпочтение в «Слове» названия «крамола». Примеры на слово «крамола» идут с XI в. и в летописи, и в переводной литературе, но летопись предпочитает слово «котора» (Срезневский, I, 1300—1301, 1313); употребляет «котора» Иларийон — «распря многы и которы»: в Лавр. лет. под 1073 г. «въздвиге дьявол котору в брати». Видимо, в слове «котора» больше ощущается значение «ссора», «раздоры», тогда как «крамола» — более широкое обозначение междоусобных споров. Самая форма этого слова придавала ему книжный оттенок и, может быть, поэтому в записи 1307 г. на псковском Апостоле вместо «в княжих крамолах» читаем «в князех которы». — *коваше* — метафорическое применение глагола «ковать», при прямом: «коваху оружия и стрелы» (Флавий, стр. 291), известно и в летописи: «...неведый лестъ, юже коваше нань Давыд» (Лавр. лет., 1097 г.), в повести об ослеплении Василька Теревовльского, автор которой, поп Василий, несомненно был начитан в разных видах церковной литературы, где «ковать» в переносном смысле встречается нередко: «коваху беды» (Минея 1097 г., ноябрь, стр. 464); «ковати ков на брата своего» (паремийное чтение о Борисе и Глебе); «кующа ков всем Иудеом» (Деяния апостолов XII в.). Сочетание *крамолу* стало в языке автора «Слова» почти термином, к которому он прибегал, говоря о князьях — зачинщиках ссор. Так, описав поражение русских, автор причиной его объявляет «усобицы»: *рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати.* — *сѣяше* — эта метафора построена на сопоставлении с земледельческим трудом. В соответствии с этим, автор уже не говорит, как в рассказе о битве с половцами, что *стрѣлы летятъ* или *итти дождю стрѣлами*: *Олег стрѣлы по земли сѣяше.* Здесь, очевидно, имеется в виду не одно сражение, а междоусобные войны, которые Олег начинал *по земли* — ведь он и *крамолу мечемъ коваше* (см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 70). Для литературы XI—XII вв. употребление глагола «сеять» в переносном значении было хорошо знакомо в применении к теме распространения христианства. Корни образа «сеяния» в таком понимании можно обнаружить еще в ветхозаветных книгах, полное развитие он получил в евангельских притчах, отсюда перешел в византийское и русское учительное и торжественное ораторство и гимнографию. Метафорический образ сеяния-жатвы вошел в торжественную стилистику похвал Владимиру I Святославичу и Ярославу Мудрому — в первой этот образ отнесен к распространению христианства на Руси, во второй — к насаждению книжной культуры. В по-

хвале Владимиру в переносном значении истолкованы все главные виды земледельческого труда: «...истерзав лестное терние... взорав крещением Русскую землю...насеявы святыми книгами, от них же жнють Русьстии сынове». Ярослав представлен «пожинающим» то, что его отец «насеял» (Лавр. лет., 1037 г.). Кирилл Туровский в слове «на новую неделю» широко использует образы труда «ратаев». — *растяшетъ* соединяется с отвлеченным понятием в языке Флавия: «иудейская ненависть растяше всюде» (стр. 438); «страсть растяше» (стр. 397).

Наличие таких литературных параллелей указывает, что даже в том случае если в народной поэзии XII в. уже был создан образ битвы — жатвы, автор «Слова» был знаком с метафорическим истолкованием всего круга земледельческих работ и в литературе. Широко развивая метафоры этого типа, он не отрывался, следовательно, от общей стилистической традиции своего времени. Если в народной поэзии только поле битвы сопоставлено с «пашней», то в «Слове» «усобицами» засеяна также вся Русская земля, и гибнут на этой обширной «пашне» не только сражающиеся, но и вся жизнь *Дажь-Божа внука* — имущество мирных жителей, которым и *вѣци скратишась*.

Ступаетъ въ златъ стремя — см. выше, стр. 43.

Тои же звонъ слыша давнии великыи Ярославъ сынъ Всеволожь (так в 1-м изд., испр. на *Ярославъ сынъ Всеволодъ*) — «ростовци и суждаљци давнии» (Лавр. лет., 1176 г.); «давних людии» (Договорная грамота 1301—1302 г.: Срезневский, I, 623). — *великыи Ярославъ* — «великыи Моиси» (Миняя Путятина XI в.: Срезневский, I, 235). Акад. А. С. Орлов так поясняет поправку имени в этом отрывке: «Владимир Мономах проглядел интригу Олега с Борисом Вячеславичем против своего отца, нападение Бориса на Чернигов и бегство Олега из Чернигова в Тьмутарокань (в 1078 г.). Прозорливый отец Мономаха (Всеволод сын Ярославъ) тотчас же уловил подготовку Олега и Бориса к походу в Чернигов из Тьмутарокани (едва Олег «ступил въ златъ стремя въ градъ Тьмутароканъ» — Ярославъ сын Всеволод тот «звонъ слыша»)» (Слово о полку Игореве. М.—Л., 1939, стр. 105—106).

а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ — так лаконично пояснил автор, что Владимир Мономах не хотел верить «звону» готовившейся против Чернигова «крамолы» Олега Святославича. Параллель к выражению *уши закладаше* имеем в «Истории» Иосифа Флавия: Иосиф увещевает иудеев, а они «заградивше уши отчаянием» (стр. 309); воины римские «гневом затвориша уши» (стр. 417). — *по вся утра* — сочетание предлога «по» с вин. пад. для обозначения повторения действия в определенное время известно с XI в.: в Остром. ев. «по вся лета», «по вся дъни», и в русских памятниках с того же времени (примеры: Срезневский, II, 982).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе — здесь *судъ* обозначает смерть: в письме Владимира Мономаха — «Братцю моему суд пришел»; там же автор добавляет: «Суд от бога ему пришел» (Лавр. лет., 1096 г.), то же значение в переводной литературе: «...последи и сый судом постижен бысть», «кто шед противу сему судом падет» (Флавий, стр. 403, 410). Автор «Слова» укоризненно замечает, что на смерть обрекла князя его *слава*, т. е. похвальба: вопреки предупреждению своего союзника Олега Святославича он пошел против четырех князей. Ипат. лет., рассказывая об этом, прямо связывает смерть Бориса с этой похвальбой — «первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившегося велми» (1078 г.). В том же значении «похвальба, хвастовство» слово «слава» употреблено в летописном рассказе 1249 г. в Галицкой летописи: «Богу же не услы-

шавшу славы его, приде на нь Данило» (речь идет о том, как «Филя» хвалился: «Русь тщиви суть на брань, да стерпим устремления их, не стерпими бо суть на долго время на сечю». «Гордый Филя» был разгромлен войском Даниила).

и на Канину (м. б., ковылу?) зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. — Убитый Борис представлен как песенный герой народного эпоса лежащим на траве; хотя текст «Слова» в этом месте явно испорчен перепиской, но этот образ все же проступает сквозь него. Считать ли Канину названием ручья, или видеть в этом слове испорченное ковылу, ясно одно: зелена паполума — это трава, на которую упал убитый князь, он лег на нее, как на разостланное покрывало. — Сочетание постла с вин. пад. известно с XI в.: «Мъножайше же народи постылаша ризы своя на пути» (Остр. ев.); «Сверзи ковер ли, что ли, что постылати или чим прекрyti господина нашего» (Ипат. лет., 1175 г.); «Простерше паполому, на одре положите» (Новг. Кормчая 1280 г.). Об исправлениях «на Канину» см.: Перетц, стр. 204. Не вполне ясно, что разумеет здесь автор «Слова» под обидой Олговой: то ли, что Борис вместе с Олегом пошли против Всеволода Ярославича Черниговского за то, что он в 1077 г. вывел Олега из Владимира Волынского, или то, что Борис отклонил желание Олега помириться с дядьями («стрыема») и самовольно начал битву.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя (испр. из повелѣя) отца своего между Угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Киеву. — Каялы — см. выше, стр. 55. — полелѣя — см. выше, стр. 38. — между Угорьскими иноходьцы — в Троицком сборнике XII в. в «Слове о богатом и Лазаре» находим параллель к этому редкому слову: «Кони его тучни иноходи» (Срезневский, III, 1042). Форма «иноходьць» относится к типу словообразования, пример которого в XI в. дает переводчик Амартола: «иноядьць» (Срезневский, I, 1107). Еще в конце XV в. в деловом языке употреблялись наравне обе формы — «иноход» и «иноходец»: «И Хозюк его встретил... да явил ему от великого князя жеребец иноход» (документ от 16 июля 1490 г. — Памятники дипломатических сношений с державами иностранными, т. I, Дипломатические сношения с империей Римской. СПб., 1851, стр. 25); «Оного году Мергумом зовут, молодца своего, гнѣд иноходец в черкаском седле послал есми» (документ от января 1493 г. — Сборник Русского исторического общества, т. XLI. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. СПб., 1884, стр. 180). — Сообщение о том, что Изяслав был похоронен в Киевской Софии, подтверждается текстом Софийской первой летописи (наблюдение Ив. М. Кудрявцева).

Тогда при Олзѣ Гориславличи съяшеться и растяшеть усобицами — прозвище Олега Гориславлич имеет аналогию в летописи: в Новг. I лет. под 1229 г. «Богуслава Гориславиц», под 1232 г. «Вячеслав Гориславиц», под 1240 г. «Гаврила Гориславиц» (Словарь, стр. 169). — съяшеться... растяшеть — см. выше, стр. 61. — усобицами — слова «крамолы» и «усобицы» нередко стоят рядом в русском переводе Хроники Георгия Амартола: «... крамолы же часты и усобица по всем градом» (см. другие примеры — Срезневский, III, 1269).

погыбашеть жизнь Даждь-Божа внука. — жизнь в значении «имущество» в летописи XII в. постоянно встречается, особенно в рассказах о княжеских усобицах, причем иногда и в сочетании с глаголом «погубить»: «Брата моя, се еста землю мою повсевали, и стада моя и брата моего заяли, жита пожьгли и всю жизнь погубили еста» (Ипат. лет.,

1146 г. Другие примеры см.: Срезневский, I, 873; II, 1025, с глаголом «погубити»). В этом же значении слово перешло и в цитату в записи на псковском Апостоле 1307 г.: «...гыняше жизнь наша», и лишь затем грустно сообщается, что «веди скоротишася человеком», т. е. «жизнь» и здесь имущество. При наличии сочетания «погубити жизнь» закономерно и близкое к нему — *жизнь погыбашеть*. — *Дажь-Божии внукъ* имеет параллель в «Слове» в наименовании певца Бояна — *Велесовь внуце*. Само имя «Дажьбог» летописец под 1114 г. повторил в выписке из Хроники Малалы, рассказывающей о верованиях египтян: египтяне чтили сына Сварога «именем Солнце, его же наричють Дажьбог» — так пояснила глосса в тексте Хроники языческим именем бога солнца византийский текст, явно рассчитывая, что читатели XII в. хорошо помнят это имя. «Дажьбог» назван в Повести временных лет в числе идолов, поставленных Владимиром I: «и Хорьса, и Дажьбога, и Стрибога» (все три имени встречаем в «Слове»). Для автора «Слова» Дажьбог — далекий предок русского народа, так же как «Велес» — родоначальник певца Бояна. Еще в XIV в. существовало «мирское» имя «Дажбог»: в 1394 г. жалованная грамота короля Ягайла удостоверяет, что его «верный слуга Данило Дажбогович Задеревецкий землянин нашей земли Руское» получает села «на ряд» в Галицкой и Зудечевской волостях (изд.: Вол. Розов. Українські грамоти, т. I. У Києві, 1928, стр. 53—54).

вѣци человекомъ скратишася. — Здесь *вѣци* — длительность жизни человека, а не какое-либо определенное количество лет; такое значение сохранила и запись 1307 г. на псковском Апостоле, заменившая лишь русской книжно-славянскую форму глагола — «скоротишася»: «век бо речеться и кождо человека житье» (Иоанн, экзарх болгарский); «уже бо мало нашего живота и века» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 484). В византийской части русского Хронографа XV в., которая восходит к старым источникам, также «век» употребляется в этом значении: «Долгие веки человеком отсекошася» (Барсов, I, стр. 259); глагол «съкратити, съкращати, съкращати» отмечен Срезневским с XI в. (III, 722).

Тогда (при Олеге Гориславличе) по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикухуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчи говоряхуть, хотягъ полетѣти на уедие. — Эта трагическая картина, напоминающая о том, что *ратаевѣ* уже не пашут — на их трупы слетаются птицы, создана средствами лексики, параллели к которой (кроме глагола *кикухуть*) находим в литературе XI—XII вв. — *Ратаевѣ* название пахаря известно, как и слово *рѣтко* (в значении «нечасто») и в русских и в переводных памятниках с XI в. (примеры: Срезневский, III, 104, 216). — *Врани граяхуть* (ср. в сне Святослава *врани възграяху*) — «вранам летящем... грающим зело», «что грають враны» (житие Афанасия Александрийского XII в.: Словарь). К этому названию крика воронов близок глагол «грачити»: в Изборнике Святослава 1073 г. находим форму «грачюшти», в переводе Амартола — «Что грачють вороны... вороны гласят кра, кра» (Срезневский, I, 578). — Собирательная форма *трупие* обычна в литературе XI—XII вв. — Глагол *дѣлити*, в соответствующем выражении «Слова» сочетании, находим у Кирилла Туровского: «Бывает делим мои бедныи укрух с питающими мя» (примеры см.: Срезневский, I, 786). Птицы, поедающие трупы, — картина, имеющая аналогию в Апокалипсисе: «... и прочии убиени быша... и вся птица насытишася от плоти их» (цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 72).

Своеобразная форма *уедие* связана, с одной стороны, с глаголом «уедати», с другой — с широким распространением форм на «ие», параллельных формам на «ъ». С XI в. известно слово «ѣдь» (вариант «ядь»)

в значениях «пища» и «трапеза». Последнее значение соответствует смыслу слова *уедие*: «Съходящесе на ѣдь, друг друга жидете» (Апостол в списке 1220 г.), а в Патерике Синайском XI в. другая форма в том же значении: «зъваше на ядь» (Срезневский, III, 1620, 1642). Как видим, в обоих примерах название трапезы соединяется с глаголом предлогом «на». Параллельно «ѣдь» памятники дают форму «изедь»: «пометаше... псом на изедь» (Лавр. лет., 1283 г.); «быти на изедь всем» (Григ. лет. XI в.). Параллельно ряду «ѣдь», «ядь» — *уедие*, имеем не только «обед» в значении «трапеза», но и «обедие»: «На обедье духовное събрав» (Обиход церк. XIII в.: Срезневский, II, 585). Особенно часты формы на «ие» при обычных на «ъ», «ь» с приставкой «у»: в Остром. ев. — «съмъртъ — умъртие», в Шестоднев — «днь — уднье», ср. — «укорм — укормие», «ужас — ужасие», и т. д. (другие примеры: Срезневский, III, 1157, 1187—1188, 1222 и др.). На этом фоне форма *уедие* представляется закономерной именно для старшего периода русского литературного языка. К последней части этой картины параллель дает книга Иеремии: «Дам я врагом их и будут трупи их ядь птицам небесным и зверем земляным» (цит. по кн.: Перетц₂, стр. 301).

То было въ ты рати и въ ты плъкы — параллель к такому обороту дает сочетание с предлогом «в»: «В ратех храбор, в светех мудр» (Сказание о Борисе и Глебе); «В рати убиеть, иже ся сърящеть с нимъ в рати» (Сказание Ипполита об антихристе, см. примеры: Срезневский, III, 107). Одновременно есть и сочетание «на рати» (примеры: там же). То же сочетание с предлогом «въ» слова «плък»: «муж умрл в полку» (Владимир Мономах); «головы имали в полку» (Грамота 1318 г.: Срезневский, II, 1749).

а сици рати не слышано. — Тем же оборотом Повесть временных лет выразила необычность «зла», причиненного Русской земле ослеплением Василька: «Не бе сего слышано во днех первых в земле Руской» (Ипат. лет., 1094 г.). — Слово «рать» в значении «битва» известно и в русской и в переводной литературе с XI в. (примеры: Срезневский, III, 107).

Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта. — *Съ зараниа* — см. выше, стр. 48. — *до вечера, съ вечера до света* — «с вечера до заутря» (Лавр. лет., 1064 г.); «Не вем, аще постигну до вечера» (Патерик Печерский); «и бишася наченше с заутра и до вечера» (Ипат. лет., 1147 г.); «и бишася от полудне до вечера» (там же, 1153 г.); «аще ли до света держать» (Русская Правда); «до света победиша Святополка» (Новг. I лет., 1016 г.); «переправи полкы своя до света» (Ипат. лет., 1150 г.); «перешедше реку до света» (там же, 1274 г.).

летягъ стрѣлы каленыя. — От XI в. сохранилась форма возвратного глагола: «Донъдеже горить железо, студеном да ся калить» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, I, 1183); «закалаемо железо» (Пчела, стр. 270) (ср.: *въ буети закалена*).

гримлютъ сабли о шеломы. — Форма «гримети» — «плач имяше он гримающъ до небеси» (Григорий Назианзин с толкованиями XIV в.) и применительно к грому: «Гримит бог... гримящему и мльнеющему» (Кир. Иер.: Срезневский, I, 593). Форма «гремети (гръмьети)» отмечена с XI в.: «гръмь» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 587).

трещатъ копия харалужныя. — От корня слова *трещатъ* Срезневский указывает лишь в памятнике XII в. существительное «трескание» (Кирилл Иерусалимский: III, 1027). Глагол «треснути» в «Слове» в значении «загреметь» имеем в выражении — *тѣми тресну земля*. Ср. в при-

менении к грому: «тресну гром велми» (Псковск. I лет. 1470 г.: Срезневский, III, 1028). — *копиа харалужныя* — см. выше, стр. 57 (*мечи харалужными*). — Описания битв, перечисляющие действие разного рода оружия — стрел, копий, мечей, щитов, камней — в русской и переводной литературе XI—XIII вв., собраны в монографии В. Н. Перетца (Перетц, стр. 211—213).

въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи (среди земли Рускыи). — *въ полѣ незнаемѣ* — см. выше, стр. 44 (*земли незнаемѣ*). — «среди града» (Толковые пророки 1047 г.); «среди моря» (Несторово житие Феодосия Печерского: Словарь).

Чръна земля подѣ копыты костьми была посѣяна, а кровию поляна: тугою въздыша по Рускоу земли. — Определение *чръна* (иногда оно рассматривается как сказуемое) относится к цвету земли (Срезневский отмечает лишь терминологические сочетания — «черная», т. е. не тяговая. земля с XV в., «чернии люди, черный бор» — III, 1562—1563). — *копыты* — в Новг. I лет. под 1092 г.: «конем копыта видети»; в книгах Ветхого завета по списку XIV в. встречаем «копыто» (Срезневский, I, 1282). — *посѣяна* — Срезневский дает пример до XVI в. лишь на глагол «посевати»: «попеломѣ теличьным посеваошти» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, II, 1282). О символическом значении образа сеяния см. выше, стр. 61. — *кровию поляна* — «наша вселенная... бесчисленными поляна неизглаголемые цѣща премудрости» (Шестоднев, слово 2-е, л. 61). — *тугою въздыша по Рускоу земли.* — *тугою* — старший пример на слово «туга» дает Изборник Святослава 1076 г., ср. в летописном рассказе Новг. I лет. под 1128 г. о голоде: «Люте бяше... туга, беда на всех» (Срезневский, III, 1031). — *въздыша* — Срезневский указывает примеры на «възйти» с XI в., но с другим оттенком значения (I, 359). — *по Рускоу земли* — «Дал есмь ты суды... по Руськоу земли» (Церковный устав Владимира: Срезневский, II, 979).

Что ми шумить, что ми звенить давеча (м. б., далече?) рано предѣ зорями? — *шумить* — «Глаголетъ убо дьбри горьскыя, яко в тех воды шумяща» (Псалтырь Толковая XI в.: Срезневский, III, 1600). — *звенить* — «медь звняшти» (Пандекты Антиоха XI в.); «бысть грозен глас их... аки труба звеняшти» (Псковск. I лет. 1265 г.: Срезневский, I, 963). — *давеча* — «даве скочил» (Пат. Печ.); «Глаголетъ его жива от ангела даве слышавше» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 623). При наличии с XI в. формы «далече» (Срезневский, I, 625) возможно и образование «давеча». — *рано* — см. выше, стр. 53. — *предѣ зорями* — «трясая земля пред зорями в нощи» (Лавр. лет., 1107 г.); «Посемь пред зорями друзей придоша жене» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 997); «отпевши заутренюю пред зорями» (Ипат. лет., 1074 г.). — *что ми* — «что» вопросительное местом. известно с XI в. (Срезневский, III, 1575). Форма дат. пад. «ми» в примерах с XI в.: «друг ми приде» (Остром. ев.: Срезневский, II, 128).

Игорь плѣкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. — По летописному рассказу, с поля боя «побегоша» ковуи, Игорь попытался безуспешно «возворотити» их, а Всеволод в это время «толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста». Летопись, говоря о том, что полки поворачивают в другую сторону, пользуется глаголами того же корня, что и «Слово», но с иными приставками: «оборотити», «наворотити» или «поворотити». Однако в «Слове» не случайно употреблена приставка «за»: Ковуи уже бежали в обратную сторону с поля битвы и их надо было снова «завернуть» туда. Этого оттенка нет в летописных выражениях: «оборотячяся полкы своими» (Ипат. лет., 1151 г.); «наворотися дружина

Данилова на бег» (там же, 1233 г.); «повороти коня своего с дружиною своею от строя своего» (Переясл. лет., 1154 г.). Потому и летописный рассказ о походе Игоря в этом эпизоде предпочел не эти формы, а глагол «возворотити». Формы с приставками «об» и «по» представлены единичными примерами из летописи. Таким образом, и не имеющую параллелей в текстах XI—XIII вв. форму «заворочает» нет основания расценивать как сомнительную для памятника XII в., тем более, что вообще слов, образованных в языке того времени с помощью приставки «за» отмечено очень много (см.: Срезневский, I, 894—961).

жаль бо ему мила брата Всеволода—параллель дает Ипат. лет. под 1148 г., где речь идет об убийстве князя Игоря Ольговича: «Жаль бо ны есть брата своего Игоря»; речь Святослава: «... да како жаль ми бяшетъ на Игоря» (Ипат. лет., 1185 г.). Ср. «нам жаль отня стола» (Лавр. лет., 1069 г.); «жаль ми своя отцины» (Новг. I лет.: Срезневский, I, 845).

Бишася день, бишася други; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы—у Флавия: «До пятого дъне бишася» (стр. 300); «бишася от утра и до вечера» (стр. 349). Ипат. лет.: «И тако бишася крепко ту дънину до вечера» (1185 г., в рассказе о походе Игоря Святославича); «и бишася 3 дни и побежени быша наши» (Лавр. лет., 1186 г.).—*къ полудню*—«полудне» (Амфилохий, I, стр. 364).—*падоша стязи Игоревы*.—Упавший стяг—символ поражения (см. выше, стр. 48. Подробнее о символическом значении «стяга» см.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 71—73): «Мьстиславичи же, не доехавше, повергоша стяг» (Ипат. лет., 1177 г.). По определению Д. С. Лихачева, здесь это выражение—«военный термин... употребленный в поэтическом контексте и ... обновиивший лежащий в его основе образ» (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 72). Автор предпочел нейтральный глагол «падоша» обычному в летописи сочетанию «повергоша стяг» (Ипат. лет., 1177 г.), которое вызывает представление о «повергшем» его противнике.

Ту ся брата разлучиста на брезѣхъ быстрои Каялы.—Глагол «разлучиться» в летописном языке иногда обозначает «разойтись на поле боя»—«начаша сечи и разлучишася друг от друга» (князья; Ипат. лет., 1146 г.). Вариант этого значения, но с оттенком подлинной разлуки, имеем в «Слове». В приведенных Срезневским примерах, где значение слова «разлучатися»—«отойти, отлучиться или расстаться», за глаголом следует предлог «от», и только в «Слове» имеем конструкцию фразы без этого добавления. Так, в летописи говорится, что князья «разлучишася друг от друга»; и житие Феодосия разъясняет: «не имаве разлучитися от себе» (Срезневский, III, 45—46).—*на брезѣхъ*—предлог «на» с местн. пад. в примерах с XI в. (Срезневский, II, 264).—*быстрои Каялы*—«струями быстрыми в дъве реце течением расходитися» (Изборник Святослава 1073 г.): «источник быстр» (Моление Даниила Заточника: Срезневский, I, 204); «виде реку... великими струями быстро» (Флавий, стр. 443).—*Каялы*—см. выше, стр. 55.

Ту кроваваго вина не доста; ту пирѣхъ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.—Образ битвы—пира, восходящий к народно-поэтической традиции, был уже в XI в. использован Новгородской летописью при создании диалога между Ярославом Владимировичем и «мужем» Святополка. Этот диалог, переданный отроком Ярослава накануне битвы со Святополком, состоит из загадок, в которых подготовка к предстоящему бою скрыта под видом приготовления к пиру. Отрок спрашивает: «Что ты тому велиши творити? Меду мало, а дружины много. И рече ему мужъ тѣ: рчи тако Ярославу: да де меду мало,

а дружины много, да к вечеру въдати. И разуме Ярослав, яко в ношь велить сецися» (Новгородская летопись. СПб., 1888, стр. 83). Таким образом, автор «Слова» не первый ввел образ битвы-пира в исторический рассказ. Напомню, что в XIII в. повесть о Евпатии Коловрате, связанная с эпическими песнями, также содержит этот образ в ироническом ответе русских пленных Батыю: «...да не подиви, царю, не успевати наливати чашу на великую силу, рать татарскую». Отклик этого образа «чаши» представляет замечание, что во время сечи «татарове же стаха яко пияни» (Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском. — ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 293). Автор «Слова» по-своему разработал традиционный уже в его время образ битвы-пира. *Ту кроваваго вина не доста* — такой метафорой он передал горечь поражения, мысль о том, что у русских в бою не хватило сил. Вспомним, как деловито конкретно о том же повествует Ипат. лет.: «Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста». *Кровавое вино* «Слова» — это тоже «оружье», им лишь *попиша*, т. е. напоили допьяна половцев, а сами *полегша* — убиты. Вряд ли следует наименование половцев «сватами» связывать с тем, что Кончак ко времени возвращения Игоря из плена уже был его «сватом» (в плену Владимир Игоревич женился на Кончаковне). Д. С. Лихачев, перечислив ряд случаев, когда половчанки становились женами русских князей — начиная с Олега «Гориславича». — считает, что автор «Слова» «имел право с горьким чувством назвать врагов Руси — половцев „сватами“» (Истор. и полит. кругозор, стр. 44). В данном случае «сваты» появились как часть народно-поэтической метафоры, сближающей битву со свадебным пиром. В переводе Флавия эта метафора отозвалась в сравнении: «...аки на свадьбу течаху, а не на рать» (стр. 389). — *ту* — о конструкции с повторяющимся начальным «ту» см. выше, стр. 54. — *вина не доста* — «пища не доста им», «еще не достанет брашна» (Флавий, стр. 437, 457). — *попиша* — из тридцати девяти глаголов «Слова», образованных с помощью приставки «по», лишь три — *потрепати*, *потручатися*, *попиша* — не подтверждаются другими памятниками, причем только *потручатися* неизвестно в других однокоренных глагольных формах (но есть существительное «труск» — треск), «трепати» и «поити» без приставки встречаются в других памятниках старшего периода. К слову *попиша* близкое по смыслу образование дает Ипат. лет. под 1195 г.: «И ту попишася у него вся Черная Клобуци и одарив их дарми многими и отпусти их». Срезневский переводит глагол «попитися» — «напитися», «упитися» (допьяна; II, 1192). Как видим, в «Слове» *попиша* имеет то же значение — «напоили допьяна». Обе формы, очевидно, возникли в живой речи, с одним и тем же оттенком значения. (В деловом языке XVI в. зарегистрирован омоним к слову «попойти» — «попоити», в значении «отойти недалеко», «поотойти». «Поперег болотца попошед выкопаны две ямы». Разъезжая 1554 г. — см.: Срезневский, II, 1195). — Следует отметить, что более или менее индивидуальные образования глаголов с приставкой «по» встречаются в памятниках старшего периода. Так, русскому переводчику Хроники Георгия Амартола эта приставка помогала, очевидно, передавать оттенки значения греческих слов его оригинала. Он употребляет, например, неизвестные по другим памятникам слова — «поголотитися», «пожизнити», «полыгати», «попахати», «попретити», «посуждатися», «похульствовати». В переводе Малалы — «поповедают» (кн. 4, стр. 9). В Ипат. лет. есть неповторяющийся нигде глагол «побадыватися копьи» (1281 г.). Здесь же ряд случаев употребления глагола «попередити» (1263, 1277, 1283 гг.). У Серапиона Владимирского читаем нигде больше не засвидетельствованный глагол «попроповедает» (стр. 6).

а сами полегоша за землю Рускую. — Так и в переводе Флавия гибель римлян, врасплох застигнутых иудеями, названа тем же глаголом: «...ту полегли быша все иссечени» (стр. 380).

Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось. — Сходная концовка заключает воспоминание о плаче матери утонувшего князя Ростислава: *Уныша увѣты жалобю, и древо с тугою къ земли прѣклонило(сь).* — *Ничить трава.* В отношении к склоняющемуся растению известна другая форма того же глагола — «никнути»: «Древо никнуше к земли» (Ветхий завет по списку XIV в.: Срезневский, II, 450). «Ничати» в примерах Срезневского обозначает склоняющегося человека (II, 454). — *жалощами* — Л. А. Булаховский указал (Слово1, 142—143), что в языке старшего периода, как и в «Слове», формы на «оши» употреблялись только как творительный падеж причины, что эти формы в языке XI—XIV вв. близки к наречиям, тогда как в украинском языке нового времени образования на «оши» получили широкое развитие и употребляются во всех падежах. Закономерность для XII в. формы «жалощами» подтверждается наличием форм «радощами» в Остром. ев., у Кирилла Туровского, в переводе Флавия; «ленощами» в Поучении Владимира Мономаха и «ревнощами» в Палее и Измарагде. Характерно, что список XVI в. Русской Правды уже меняет «пакощами» на «пакости» (Е. Ф. Карский. Русская Правда. Л., 1930, стр. 55, вар. 17).

древо с тугою къ земли преклонилось. — Образ склоненного в знак печали дерева имеет параллель в тексте библейской части русского перевода Хроники Амартола, где читаем, как в знак уважения, при виде Марии с Христом и Иосифом «на землю преклонися древо и поклонися» (стр. 455); в Изборнике Святослава 1076 г. — «ветвие преклонилося бе до земля» (Срезневский, II, 1654). — *Туга* — знакомо в русской и переводной литературе с XI в. (Срезневский, III, 1031). К обороту с *тугою* предложена поправка *тугою ся преклонило*, где выдержана параллельная предыдущей конструкция с творительным беспредложным (см. о поправках: Перетц1, стр. 217).

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала. — *година* в значении «время» известно широко уже с XI в., в летописи лишь с уточняющими определениями — «последняя», «прежняя», «зимняя», а в учительной литературе с определениями качества — «гладное время» у Феодосия Печерского, «печально» в Шестодневе и т. д. (примеры: Срезневский, I, 319—320). — *невеселая* — без отрицания «веселый» в примерах с XI в. (Срезневский, I, 246—247). — Сочетание глагола *вѣстати* с существительным отвлеченным знакомо было и по хорошо известному книжнику XI—XII вв. тексту Псалтыри, где в псалме 56 были такие строки: «Въстани слава моя, встани псалтыри и гусли» (I, 378; эти строки процитировал позднее Даниил Заточник). И в Повести временных лет есть подобное сочетание. Владимир Мономах, рассказывая об ослеплении Василька, предостерегает князей от нарушения крестоцелования: «...то болше зло встанеть в нас» (Ипат. лет., 1097); «вѣста буря» (Флавий, стр. 458).

уже пустыни силу прикрыла. — Срезневский уточняет, что в данном тексте пустыней названа степь. Такое значение можно предполагать в летописном тексте: «Торкмени и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходятъ от пустыне» (Лавр. лет., 1096 г.). Однако очевидно, что автор исходил из основного значения этого слова — пустое место, необитаемая местность, в какую превращались и русские области, опустошенные войнами, набегами степняков. Примеры такого употребления слова «пустыни» находим в русской литературе с XI в. и именно в форме «пустыни»,

а не «пустыня»: «Пустыни душу твою напоит разума» (поучение митр. Илариона), «пустыни звери питаетъ» (Кирилл Туровский). В Повести временных лет так обозначена незаселенная местность «между Ляхы и Чехы», куда бежал Святополк Окаянный: «Гоним божьим гневом прибежа в пустыню» (1019 г., Срезневский, II, 1733). — *силу* — уже с начала XII в. в летописном языке это слово обозначало войско, воинство: «Придоша к нему послѣ ис половець... рекуче... коли ны велишь к собе со силою прити?» (Ипат. лет., 1147 г.); «приде ему Ростислав и с всими рускыми силами полкы» (Ипат. лет., 1148 г.; другие примеры см.: Срезневский, III, 350). — В значении «скрыть», «закрыть» глагол «прикрыти» в «Слове» применен еще раз также по отношению к войску: во время затмения солнца Игорь *видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыти* (Срезневский не дает других примеров на это значение глагола — II, 1417). Аналогичный оборот в библейском языке: «Вода покры... всю силу Фараонову» (Паремийник, цит. по кн.: Перетц, стр. 294).

Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука — «въста обида на смущение и розбой на братолюбие» (Пролог, цит. по кн.: А. В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на Половцев. Одесса, 1892, стр. 142, прим. 2). — *въ силахъ Дажь-Божа внука*. — Множ. число *въ силахъ* — «в войске» постоянно в старшем тексте Псалтыри (см.: Амфилохий, I, стр. 288; II, стр. 261 и др.), причем в списке XVII в. дан перевод — «во войске нашем» или «в полках наших» (там же, I, стр. 288). Ср.: Александр «поим вся силы своя» (Александрия, стр. 68), в летописи: «приехаша... всими своими силами», «придоша все силы» (Ипат. лет., 1150, 1174 гг.). — *Дажь-Божл внука* — см. выше, стр. 55.

Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крыльми на синѣмъ море у Дону; плещуци убуди жирня времена. — *Вступила... на* — «въступиша на лед» (Лавр. лет., 1016 г.), «въступающтааго на землю брата своего» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 425); «на места блаженных... не можешѣ въступити» (Александрия, стр. 79). — *всплескала... плещуци* — оба глагола в примерах, приведенных Срезневским (I, 414 и II, 961–962), имеют с XI в. значение «радостно рукоплескать» — «радующеса плещуше» (Амартол, стр. 436). В «Слове» лебединые крылья плещут, как руки, но плеск крыльев несет угрозу «обиды», а не радость, может быть торжество одолевшей обиды. — *землю Трояню* — см. выше, стр. 34. — *на синѣмъ море* (ср. в плаче Ярославны: *на синѣ морѣ* — «по синю морю гряды» (Шестоднев, слово 4-е, л. 145 об.)). — *убуди жирня времена* — убедительная поправка «упуди», т. е. прогнала времена обилия; без приставки глагол «пудити» имеет то же значение: «Падуться никим же не пудими» (Ветхий завет по списку XIV в.); «видел еси страже, како пудить враны и вороны» (Житие Андрея Юрод.: Срезневский, II, 1723). С XI в. этот глагол известен и с приставкой «рас»: «Вълк... распудитъ овьця» (Остром. ев.), «стадо распудитъ» (Житие Феод. Печ.: Срезневский, III, 82). — *жирня времена* — «мягкое и жировьное житие» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 875). Очевидно, в «Слове» идет речь о времени, когда русский народ жил в достатке.

Дева Лебедь, Дева Обида, с лебедиными крыльями — образ, «свойственный многим старым литературам и в особенности фольклору. Так, лебединой оболочкой, крыльями или пернатыми сорочками обладали скандинавские валькирии, героини Эдды и Нибелунгов, югославянские вилы, девицы-оборотни немецких и русских сказок и былин». «Название Обида согласуется с теми собственными именами, какие приданы небесным воин-

ственным девам в преданиях греков и германцев ... Распря, Победа и пр.» (мнение Афанасьева: Поэтические воззрения славян, т. III. М., 1869, стр. 191. — Цит. по статье: А. С. Орлов. Дева-лебедь в Слове о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. III, 1936, стр. 27—36). Д. С. Лихачев отмечает, что термин «обида» в «Слове» в отличие от летописи употреблен в отношении всей Русской земли в целом (Устные истоки, стр. 86).

Усобица княземъ на поганья погыбе. — В данном сочетании слово «усобица» применено не в обычном смысле — междоусобие, а в значении борьбы против половцев — она прекратилась из-за княжеских распрей. В таком значении в XI в. употреблялся глагол «погынуги», с тем же сочетанием подлежащее и дополнение с предлогом «на»: «На грешники погине ярость его» (Амартл: Срезневский, II, 1029). Этот редкий оборот в более поздних, чем «Слово», памятниках не встречается. Возможность же в древнейший период такого сочетания подтверждается, видимо, выражением «рать на нечестивых погыбель» (Григоров. Паремийник, цит. по кн.: Перетц, стр. 222). Во всех трех случаях подлежащее «рать, усобица, ярость» требует перед дополнением предлога «на», когда сказуемое выражено глаголами «погыбе», «погине» или существительным «погыбель». Таким образом, отпадает необходимость исправления в этом месте текста «Слова» (перечень таких поправок см.: Перетц, стр. 222). Может быть, в старшем тексте «Слова» здесь читалось не «погыбе», а «погыне», но вся конструкция фразы в целом не вызывает сомнения.

рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. — Картина раздоров из-за уделов, по мнению Д. С. Лихачева, нарисована с помощью «формулы раздела», всегда двучастной; в Ипат. лет. под 1146 г. приведен образец такой формулы: «Что же будет Игореве в той волости ... то мое, а что будет Святославе ... то разделит на части». Можно напомнить и формулу заявки на украденную вещь в Русской Правде: среди рассказа о том, как должен вести себя обнаруживший у вора вещь, читаем такой совет: «То не рьци „се мое“, но поиди на свод» (Е. Карский. Русская Правда, стр. 34). В «Слове» «формула», по мнению Д. С. Лихачева, «становится средством художественного воздействия» (Устные истоки, стр. 84).

и начьяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. — Параллель к выражению *про малое «се великое» мльвити* — по содержанию дает упрек князьям в «Слове о князях» XIII в.: «Вы же до слова брату стерпети не можете, и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете» (Х. Лопарев. Слово похвальное на перенесение мощей Бориса и Глеба. СПб., 1894, стр. 15). — *крамолу ковати* — см. выше, стр. 61.

а поганици съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. (ср.: *а поганици сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю*). — Во втором примере явно пропущен писцом предлог «с» — с побѣдами. В обоих случаях «победа» обозначает «война», как с XI в. перевели греческое «полемон» и латинское «беллум»: в Патерике Синайском XI в. читаем: «... нача съмуцатися победою» (и в греческом и в латинском текстах соответствует «победою» — войною: Срезневский, II, 990). Этот же оттенок «повоевать, разорить» имеет глагол «победить» в Новг. I лет., где под 1068 г. читаем: «Придоша половци и победиша Рускую землю».

О! далече заиде соколъ, птиць бья, — къ морю. — Картина соколиной охоты в данном контексте явно имеет метафорический смысл, перекликаясь с аналогичным эпизодом, заканчивающим рассказ о разгроме половецких «веж»: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло. Къ выражению птиць бья параллель дает речь Гзака: почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.* Ипат. лет. упоминает, что часть воинов Игоря,

бежавших после поражения, «в море истопоша» (1185 г.). — *птиць бя — «а свиньи ти бити за 60 верст от города»* (Новг. I лет., 1251 г.: Срезневский, I, 89—90).

А Игорева храбраго плъку не крѣсити — «уже мне мужа своего не кресити»; «уже мне сих не кресити» (Лавр. лет., 945 и 1015 гг. — Ярослав об убитых варягах); «сего нама уже не кресити» (1151 г.). Д. С. Лихачев отметил, что в дофеодальный период эта формула обозначала «отказ от родовой мести», но в XII в. она стала уже употребляться «как обычное утешение, как признание невозвратимости утраты» (Устные истоки, стр. 83). Самый глагол *крѣсити* употреблялся и в переводной ораторской литературе: «Единому есть кресити» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 1354).

За нимъ (Игоревым войском) *кликну Карна* — «умре княгини Миндовгая и поча карити по ней ... а поеди карить по своей сестре» (Ипат. лет., 1262 г.: Срезневский, I, 1197). — *Кликну* — «кликати» в примерах с XI в., приведенных Срезневским (I, 1219—1220), имеет значение «крикнуть», «закричать». В «Слове» с этим значением «кликати», «кликнути» употреблено не раз: *дивъ кличетъ ... Донъ ти, княже, кличетъ* (с оттенком «звать») ... *кликну, стукну земля*.

и Жля поскочи по Рускои земли — этот образ связан, очевидно, с широко распространенным с XI в. словом «желя» — скорбь, плач (Срезневский, I, 854—855); «заповеда всем желю людем» (Флавий, стр. 229); «желя велика есть», «с плачем и с желею» (Паремийник, Книга пророков, цит. по кн.: Перетц, стр. 294); «наведе на ны плачь и во веселье место желю на реце Каялы» (Ипат. лет., 1185 г.); «Данил же сняся с братом и теши и, не имети жели поганскы» (Ипат. лет., 1259 г.) — *поскочи* — см. выше, стр. 39.

смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. — Слово «смага» в значении «жар» Срезневский подтверждает лишь примером XVI в. (III, 442). По поводу слова «смага» интересный материал приведен С. Гординским. Опираясь на данные новейших исследований археологов и антропологов, он указывает, что карпатские лемки — потомки выходцев из Северной земли (т. е. их предками были уличи и тиверцы), которые переселились в эти западные области после татаро-монгольского нашествия в XIII в. В их языке до сих пор сохранился ряд архаизмов, многие из которых подтверждаются памятниками XI—XIII вв., древность которых никем не оспаривается. В числе этих архаизмов есть и слова, входящие в текст «Слова о полку Игореве»: *паполома*, *комонь*, *болоне*, *шелом*, *черлений*, *текти* (в значении «идти»), *рци* (в значении «кажи», «мовляв»). В эту группу входит и слово «смага», которое, следовательно, вошло в памятник из живой речи его автора.

Д. В. Айналов подробно обосновывает объяснение О. Огоновского, который сопоставил выражение «смагу мычючи в пламяне розе» с «живым огнем» — пусканием огня трубами. Уже под 941 г. летопись рассказывает, что греки у Царьграда пустили на русских такой «живой огонь» со своих кораблей. Греки и на суше применяли его: «Небольшие трубы или сифоны воины держали в руках и бросали их из-за железных щитов в лицо неприятеля». Половцы также бросали «живой огонь» в боях на суше, как об этом сообщает летопись под 1184 г., описывая набег Кончака. — *мычючи* — Срезневский сопоставляет данный текст «Слова» и фразу из обращения Ярославны к ветру — *Чему мычещи Хиновъскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилю на моя лады вои?* — с выражением Псалтыри толковой XII в.: «Всяцемъ бо ветромъ беша языци мычеми» (II, 215). В возвратной форме этого глагола известно сочетание «мльня мыкающася»

(Срезневский, там же). Очевидно, в «Слове» в обоих эпизодах «мыкати» имеет значение «разбрасывать». — *въ пламянѣ розѣ* — слово «рог» в значении «воинская труба» имеется в сборнике XII в. (Буслаев, стр. 126): «... и въдасть рогы в руже всем ... и въструблю рогомъ и вси иже со мною да въструбите и вы в рогы окрест полка ... и въструбиша в рогы иже в руку их». — *пламянѣ* — это определение в примерах, приведенных Срезневским (II, 953), имеется в сочетаниях «огонь пламян» (XIV в.) и «ложь пламян» (Ипат. лет., 1226 г.). Таким образом, в «Слове» речь идет о том, что из огненных труб метали жар на «людей» — так летопись называет воинов (ср. в Ипат. лет. под 1185 г.: «Оже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим»). Греческие писатели употребляют иногда глагол «мечут», описывая применение «живого огня» из сифонов на суше (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. М.—Л., 1934, стр. 181—184).

Жены Руския въсплакашась, а ркучи (Ярославна рано плачетъ ... а ркучи) — «въсплачется и въздрыдаете» (Остром. ев.: Срезневский, I, 413), в книге пророка Иезекииля: «Дщери странскы восплачются по нем и по всей силе его възплачются» (цит. по кн.: Перетц, стр. 303). — *а ркучи* — примеры на сочетание с усилительным «а» Срезневский, кроме «Задонщины», дает из псковских памятников XV в.: «Псковичи ... послаша послы ... а ркучи так», «а ркя миру тако» (Псковск. I лет., 1465 и 1471 гг.); «ставши перед нами ... а ркучи слово» (Псковск. судная грамота: Срезневский, III, 118).

Уже намъ своихъ мильхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою судмати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. — *ладъ* — слово «лада» есть во всех восточнославянских языках, южнославянских и в старом чешском языке, с одним значением — «муж», «жена», «невеста», один из супругов, отсюда Р. Якобсон заключает, что это общеславянское, следовательно древнее слово (La Geste, стр. 254). Не указывает ли на наличие слова «ладо» имя «Ладомир» в «Жалованной грамоте князя Владислава Опольского» 1377 г. — этого своего «верного слугу именемъ рекучи Ладомир Волошин» князь «жалует» — отдает ему «Годле поле ... пустыня» и «Тернаву реку» — все это жалуется «Ладомирови». В грамоте есть и архаичное слово «кметь» (Вол. Розов. Українські грамоти, т. I. У Київі, 1928, стр. 24). — *ни мыслию смыслити* — «да не смыслять мыслями своими» (Библия в списке XIV в.: Срезневский, III, 755). — Параллельно сочетанию «Слова» *ни думою судмати* в Ипат. лет. (1147 г.) находим «а думу еси с ними думал ... думу думала». И рядом постоянно в записях летописи с XI в. применяется глагол «съдумати» в разных значениях (Срезневский, III, 699—700), не вполне совпадающих со смыслом выражения «Слова». В летописи сочетание этих двух однокоренных строится с помощью винительного, в «Слове» — творительного способа действия, более обычного в подобных случаях. Сочетанию *ни очима съглядати* соответствует в Пандектах Антиоха XI в. «глядати очима» (Срезневский, I, 523), «очима позриши» (Новг. I лет., 1214 г.). В XI в. известно было и близкое по смыслу и конструкции ко всему выражению «Слова» в целом сочетание: «ни очима видима, ни слухома слышима» (Григорий Назианзин, XI в.: Срезневский, III, 435); ср. «еже очи не видеша, ни ухо не слышавше, ни на сердце человеку не възде, еже бо уготова любящим его» (Кирилл Туровский: Калайдович, стр. 91). — В последней фразе плача названы *злато и сребро* в значении вообще золотых и серебряных вещей или металла. В таком значении эти слова известны в памятниках XI—XII вв.: «Злато ваше и сребро издръжаве» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 981); «Аще бо или сребро

или золото скровено будеть под землею, то мнози видять огонь горящъ на том месте» (Чтение о Борисе и Глебе: Срезневский, III, 479). Характерно, что в таких случаях, как и в «Слове», «золото и серебро» называются вместе, как обобщенное наименование самых дорогих ценностей. — *лотрепати* — известен глагол «трепати», для которого Буслаев приводит пример из «слова о пророке Симеоне» по списку XIV в.: «По ланите треплещи детища, успити и хотящи» (Буслаев, стр. 436). Интересный комментарий к этому выражению предлагает новая работа С. Гординского. Исходя из украинской народной обрядовой песни, где подвесные украшения девушки называются «трепиток», их движение С. Гординский определяет глаголом «трепати», откуда и «потрепати». Вдовы на Украине уже не надевали таких украшений, поэтому выражение в «Слове» исследователь поясняет как образ вдов: «жены русские» уже считают, что они овдовели и что, следовательно, золотые и серебряные украшения на них уже не будут «трепать», им больше не потрепяти этими украшениями. Напомним, что «золото и серебро» толковались как женские украшения уже в комментарии к изданию «Слова» в 1934 г. С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржигой (изд. «Academia»). Однако толкование этой жалобы «жен» как образа их вдовства в свете украинской народной поэзии предлагается С. Гординским впервые. Учитывая, что «потрепати», таким образом, толкуется как «потрепяти», можно напомнить известный по списку XIV в. ветхозаветных книг глагол «трепатися» с близким значением: «И слышах глас крил их, егда трепахуся» (Срезневский, III, 988).

А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастями — «Акир вѣстона из глубины сердца своего» (Акир, стр. 135). Ср. в Ипат. лет. об умершем князе Владимире Глебовиче: «Украина много постана» (1187 г.). В переводе Иосифа Флавия Палестина «постона» (стр. 384). — В рассказе Ипат. лет.: «И бысть скорбь и туга люта ... и по всей волости Черниговской». Д. С. Лихачев отмечает «точность выбора выражений» в этой «характеристике последствий поражения Игоря»: «Черниговская земля, действительно, подверглась „напастям“, реальным несчастиям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подверглись; „туга“ — тоска, печаль — за всю Русскую землю распространялись здесь как в центре Руси» (Истор. и полит. кругозор, стр. 41). В других местах автор уже прямо говорит о горе всей Русской земли: «О! стонати Рускои земли, помянуше пръвую годину, и пръвыхъ князеи!».

тоска разлился по Рускои земли. — *тоска* — с XI в. это слово известно в разных значениях: волнение, горе, притеснение (Срезневский, III, 1057). В «Слове», как в летописи, «тѣскнути», «тоска» — горе, печаль, ср. в Ипат. лет. по Хлебник. списку под 1287 г.: «Вълодимер ... тѣскнув немочю тела своего» — удрученный болезнью (Срезневский, III, 1057). — В значении «распространиться» известен глагол «разливаться»: в Палее XIV в. — «и тогда придетъ дух божи огнь разливаясь», ср. в значении «распространять» в Пчеле: «Велику на тварь тьму разливаетъ на вся сущая» (Срезневский, III, 42). Глагол «разлити» близок также по значению: «Разлен на ны твоя милости обычье» (Миняя 1095 г., сентябрь, стр. 0117).

печаль жирна тече средѣ земли Рускыи. — Образ текущей, разливающейся печали имеет аналогию в выражении старшего жития Бориса и Глеба XI в.: «Узѣрста ... господина своего дряхла и печалию облиная суша»; в летописи слово «печаль» обозначает огорчения не только личные, но и причиняемые, как в «Слове», общественными несчастьями: «Се же в Кыеве княжа, быша ему печали болше паче, неже сядяшу ему в Переяславли ... печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему стужати, хотя власти» (Лавр. лет., 1093 г.; см. другие примеры: Срезневский, II,

923). — *тече* — этот глагол и в «Слове» применяется не только в прямом смысле (*рѣкы мутно текутъ, Сула не течеть ... Двина болотомъ течеть*), но и в сочетании с отвлеченным понятием (*Грозы твоя по землямъ текутъ*). Аналогично к таким сочетаниям имеем в Молении Даниила Заточника, где щедрость князя сопоставлена с рекой, текущей сквозь дубравы (Даниил Заточник, стр. 20). С XI в. глагол «течи» употребляется в разных жанрах (Срезневский, III, 955—956), однако обычно или в прямом значении, или для определения быстрого движения человека или зверя.

А князи сами на себе крамолу коваху — см. выше, стр. 61.

а погании сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю — см. выше, стр. 71. С приставкой «на» глагол «рыскати — рискати» Срезневским не отмечен, но известен в XII в. глагол «вырыскати», значение которого также связано с войной: в Ипат. лет. под 1174 г. — «вырищуше из града, бяхуться крепко», в переводе Флавия — «вырищуше пред градом» (Срезневский, I, 450). Для воинской фразеологии в XV в. служит и глагол «сърыскивати» — «сбегаться»: «Начаша людие сърыскивати с обою страну, акы на рать, в доспесех на мост великий» (Новг. I лет., 1418 г.: Срезневский, III, 817). Здесь то же сочетание глагола с предлогом «на» и вин. пад., как при «нарыскати», «рыскати»: «ногы бо их на злобу ришут» (Паремийник, цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 601). — *емляху дань по бѣлѣ отъ двора*. — В языке летописи уже с известий X в. постоянно встречается сочетание «емля дань», «емлюще дань» (см. под 967 г. в Лавр. лет., под 1066 г. в Ипат. лет. и т. д.), в Александрии — «емлете дани» (стр. 25, 79); в Повести временных лет под 859 г. упоминается и «бела» как размер дани: козары «имаху по беле и веверице от дыма», там же и «двор» как облагаемая данью единица называется уже под 845 г. в рассказе о мести Ольги: «Даите ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи».

уже лжу убудиста (испр. из *убуди*), *которую то* (м. б., *которою. Ту?*) *баше успилъ отецъ ихъ Святѣславъ грозныи великыи Киевскыи грозою*. — О поправках к этому эпизоду см.: Перетц, стр. 230—231. Можно сохранить текст без второй поправки, считая, что молодые князья «разбудили лжу, которую усыпил Святослав». — *лжу* в значении «несогласие» имеем в летописном «вдиете лжа в город» (Новг. I лет., 1288 г.); «рждизаетъ лжу свидетель неправедень» (Паремийник Григоровича, цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 60). — *убудиста* — «на сдравие убудиста» (Миней 1097 г., ноябрь, стр. 274 — в греческом тексте соответствует «разбудили»). — *которую* — в значении местоимения известно с XI в., встречается и в летописи: «... не ведяхуть, котории суть победили» (Лавр. лет., 1153 г.: Срезневский, I, 1302). — *то* — указательная частица: «... у кого то лежал товар», «чье то куны» (Русская Правда: Срезневский, III, 968). — *которою* — «распрею»: «Распря многы и которы» (Иларин); «въздвиге дьявол котору в братьи» (Лавр. лет., 1073 г.). Об употреблении в «Слове» терминов *крамола* и *котора* см. выше, стр. 60. В. Н. Перетц (Перетц, стр. 230) предлагает палеографическое объяснение написания *которую* вместо *которою*, указывая на формы «с дружиную», «молитвую» (Ипат. лет., 1172 г.); «одежду българскую» (Амартол, стр. 560). Л. А. Булаховский (Слово, стр. 149) подтверждает чтение Мусин-Пушкинской рукописи *которую то* примером из грамоты 1435 г.: «... с ыными городы и землями ... которыи жь то и истара давна ку коруне прислухали». — *успилъ* — употребление в этом эпизоде глагола *успилъ* ведет к образной речи гимнографии: в Минее 1097 г. находим: «... успив страсти различныя», «грехов успил еси бурю» (стр. 471, 416). Ср. в учительной литера-

туре: «... телесныя страсти и мудрование плътное усьпи» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, III, 1296).

Святъславъ грозный великий Киевский грозою. — Святослав в «Слове» изображен могущественным, каким он не был в действительности: он *грозный*, *грозою он бяше успилъ лжу*, междукняжескими распрями разбуженную. Гиперболизация образа Святослава наложила отпечаток особой «литературности» на его форму. «Грозою» постоянно действуют герои «Истории» Флавия: Антипатр «мятежь людский тешаше ово грозою, ово мудрыми словесы» (стр. 184); «гроза же и слава» Ирода «явлена» была иудеям; «убоявся грозы» Касия, Антипатр собирает дань ему (стр. 186); цесарь беседует «ово с грозою, ово с казанием» (стр. 214) и т. д. Ипат. лет. знает и множ. число — «грозы приходять» от татар (ср. в «Слове»: *грозы твоя по землямъ текутъ*). Эпитет *грозный* связан с этим широким применением слова «гроза» в значении «строгость, власть»: «грозный князь Александр» Невский (Новгор. I лет., 1246 г.). В XIV в. договорные грамоты Дмитрия Ивановича Московского 1362, 1367 и 1389 гг. употребляют формулу «держати княженъ мое великое честно и грозно» (Срезневский, I, 596).

Бяшетъ притрепетаь (м. б., *притрепаяь*?) своими сильными плъкы и харалужными мечи (ср.: *Изяславъ ... притрепанъ Литовскими мечи*). — Аналогичное сочетание с «мечи» глагола в обоих случаях делает вероятной поправку в первой фразе; Л. А. Булаховский допускает уникальное слово «притрепетаи», однако замечает: «... довольно сомнительно в качестве образования от переходного глагола (трепетаи, — В. А.-П.) в значении переходном и трудно отделяться от впечатления возможной смысловой близости» к выражению «притрепанъ Литовскими мечи» (Слово о полку Игореве как памятник древнерусского языка, стр. 153). С приставкой «при» глаголы «трепати» и «трепетаи» Срезневским не отмечены, кроме «Слова», нигде.

наступи на землю Половецкую — ср. в Лавр. лет. под 1093 г.: «Потом наступи на Володимера и бысть брань люта».

притопта хлъми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота. — Если даже учесть рассказ о «болотах и грязивых местах», которые на Половецкой земле русские «мостили» дорогой одеждой, то все же очевидно, что автор «Слова» вспомнил псалом 63, восхваляющий могущество божие: «Ты разверже источники и потоки, ты исуши реки Афамя» (Амфилохий, I, стр. 520). Самое построение этого псалма отразилось и на синтаксическом и на лексическом облике описания в «Слове». Параллели к отдельным словам «высокого» стиля этого описания находим также в «торжественных» жанрах. В Пандектах Антиоха XI в. есть сочетание «възмущтена» вода; Кирилл Туровский также применяет его: «егда ю (воду) аньгел възмутяше», «възмути церковь» (Успенск. сб. XII в.: Срезневский, I, 363). В гимнографии есть сочетание «езеро исушил еси» (Миня 1097 г., ноябрь, стр. 394). — Слово *хлъм* встречается с XI в. (Срезневский, III, 1425). — Пример на форму *болото* в Грамоте Всеволода Мстиславича 1125—1137 г.: «... на горки да в болото». — *притопта* — без приставки глагол «топтати» встречаем в Поучении Владимира Мономаха: «2 лоси, один ногами топтал» (Лавр. лет., 1096 г.). О формах, образованных в «Слове» приставкой «при», см. выше, стр. 70.

А поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже. — *изъ луку моря* — «суть горы зайдуче в луку моря» (Лавр. лет., 1096 г.); «в луце моря бяхуся» (Ипат. лет., 1172 г.); «пойдем по них (половцев) у луку моря» (Лавр. лет., 1187 г.). — *желѣзныхъ великихъ плъковъ* — значительность победы Святослава под-

черкивается тем, что половецкие полки названы *жельзные великие*, как ниже тем же эпитетом наделены *жельзные полки* могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла. Летопись знает слово «железный» лишь в значении металла. Новг. I лет. под 1268 г. употребляет сочетание «железный полк» для обозначения особого немецкого войска рыцарей (Срезневский, I, 852—853). Торжественная лексика гимнографии знает переносное употребление эпитета «железный» — «крепкий, храбрый»: «железное сердце» (Миней 1097 г., ноябрь, стр. 484). Очевидно, из этого высокого стиля эпитет «железный» и перешел в характеристику сильного войска. — *яко вихръ выторже* — «яко и вихър прах възъм, расея» (житие Мефодия Моравского XII в.: Словарь); «выторг стрелу» (Флавий, стр. 379); «выторгну из себе саблю» (Лавр. лет., 1086 г.).

Н. А. Мещерский, характеризуя язык перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, отмечает в нем «изобилие слов с приставкой *вы*», что расценивается исследователем, наряду с другими признаками, как доказательство русского происхождения перевода (История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 94—95).

и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ. — Чаше глагол *падатися* в исторических памятниках употребляется в том же значении как «пасться» — быть убитым, сраженным в бою: «Подобаеть воину, устремившуся на брань, или победу прияти, или пасться от ратных» (Ипат. лет., 1234 г.). Однако в «Слове» говорится лишь о пленении разбитого в бою Кобяка — он как пленный упал в Киеве, а потом, как известно, сам победил Игоря. Здесь *падеся* имеет тот же смысл, как в изречении Пчелы: «Многажды видехом борци падающася, а по паденьи венчавъшася» (Срезневский, II, 859 и 885).

въ гридницѣ Святъславли. — Лавр. лет. под 996 г. говорит о «гриднице» Владимира на его «дворе», где он устраивал пиры (см. также: Ипат. лет., 1097 г.). Н. Н. Воронин (История русской культуры, I, стр. 220—222) отметил, что с конца XI в. гридницы начинают использоваться как тюрьмы, сначала для знатных пленников. Так, в 1097 г. князя Василька привели «в гридницу окованого» (Соф. I лет., 1097 г.).

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю. — Конструкция с начальным повторяющимся *ту* см. выше, стр. 54. — *Нѣмци* упоминаются во введении к Повести временных лет среди народов «Афетова колена» (Лавр. лет.); в слове на перенесение мощей св. Николая XI в. названы *Венедици* (И. А. Шляпкин. Памятники древней письменности. СПб., 1881, стр. 6); *Греци* постоянно встречаются в летописи начиная с введения; *Морава* называется среди славянских народов во введении к Повести временных лет. Самый прием перечисления народов, прославляющих русского князя, читаем в Лавр. летописи под 1111 г., где речь идет о разнесшейся после победы Владимира Мономаха над половцами славе «ко всем странам далним, рекуше к грекам, и угром и ляхом и чехом, дондеже до Рима проиде». «Слово о погибели Русской земли» перечисляет все страны, которые были покорены «великому князю Всеволоду, стцу сго Юрью ... деду его Володимеру Манамаху» (Х. Лопарев. Слово о погибели Русской земли. 1892, стр. 21—22). В житии Александра Невского — перечень стран, по которым «нача слыти имя Александрово» (Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 131 и 196). Таким образом, только ритмическая форма перечисления, создаваемая повторяющимся *ту*, отличает в данном случае текст «Слова», вносит новое в знакомый в XII—XIII вв. прием изображения международной славы князя.

поютъ славу Святѣславлю (ср.: *Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю...*) — все эти выражения обозначают песни того характера, о котором сообщает Галицкая летопись под 1251 г., рассказывая о возвращении князя Даниила с братом из победоносного похода: встречавшие князей «песнь славну пояху има, богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою» (Ипат. лет.). *Пѣсни* Бояна князьям в «Слове» — это именно «песни славны» летописи. По мнению Д. С. Лихачева, эти устные «славы» — предшественницы былевого эпоса — народного и дружинного — сначала исполнялись на тризнах по умершим князьям, а потом стали слагаться в честь живых (Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 205). Срезневский дает примеры лишь на «хвалы» божеству и святым (III, 405).

кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя. — Были ли укеры в адрес князя облечены в форму песни, или это был «плач» — причеть, подобный тому, каким народ провожал умерших князей, неясно. Но употребленный автором глагол *кають* наводит на предположение, что это было нечто вроде причети, вспоминаящей, что Игорь *погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя* и что сам он у Каялы *высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево*. В Александрии имеется сходное выражение: Александр после убийства Нектонава «каяшется акы по своем отци» (стр. 18). То же сочетание «каяти» с винительным падежом имеем в примере из Пролога XIV в., приведенном Срезневским (I, 1202): «... бесыщагося вси кають». Л. А. Дмитриев подтверждает лексическим материалом предположение Е. В. Барсова (т. III, стр. 352—353), что в данном эпизоде «Слова» *кають* обозначает «жалуют», «оплакивают», что удачен перевод И. А. Новикова «осуждают, жалея» (Л. А. Дмитриев. Глагол «каяти» в Слове о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 30—35). Значение слова *жиръ* — «богатство» (при обычном — «пажить», «пастбище») может быть подтверждено примером из Пандект Антиоха XI в.: «... мяккое и жировьное житие», где, конечно, «жировьное» уже не имеет никакого отношения к «пажити». Быть может, это вторичное значение — «обилие, богатство» возникло тогда, когда «пажить» у народа-скотовода составляла главное условие достатка? Во всяком случае, пример XI в. показывает, что это вторичное значение в XII в. было уже хорошо знакомо. С XI в. в прямом и переносном значении известно и сочетание *погрузи въ:* в Александрии — «погрузити лодии в глубине» (стр. 46); у Кирилла Туровского — «Фараона в нем (море) погрузи с вои его» (Рукописи Уварова, 1858, стр. 123). Метафорически применен тот же глагол в библейской цитате в Повести временных лет под 988 г.: «Бог ... погрузить грехы наша в глубине»; ср. в Минее 1097 г. в записи писца: «... в своих гресех погружен». В Плаче пророка Иеремии: «Бысть господь акы враг, погрузи Израиля, погрузи вся сыны его» (цит. по кн.: Перетц, стр. 304). — *Каялы* — см. выше, стр. 55. — *во днѣ Каялы* — «въводяштаа человека в дѣно адово» (Пандекты Антиоха XI в.); «в дно сердца въкоренятися» (житие Феодора Студита); «заклучися в дне платану» (Патерик Синайский XI в.: Срезневский, I, 760).

Рускаго злата насыпаша — «насыпавше путь в поле» (Флавий, стр. 351); «насыпа главу свою попела» (там же, стр. 289); «ров насыпая» (там же, стр. 174). — *злата* — см. выше, стр. 73.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. — По предположению Д. С. Лихачева (Устные истоки, стр. 79), *злато сѣдло*, как и *златъ стремень*, было символом княжеской власти; плен князя — это смена княжеского седла на невольничье. Вся лексика этого образа знакома в XII в. и летописному и учительному языку: «выседе ис корабля» (Лавр.

лет., 1043 г.); «кони его тучни ... седла его позлащена» (Троицкий сборник XII в.: Срезневский, III, 323); *кощей* — в летописи XII в. нередкое название невольников: «... бысть весть Половцем от кощей от Гаврилкова от Иславича, оже идуть на не князи русьстии» (Ипат. лет., 1170 г.); «... пусти на вороп седельники свое и кощее» (там же).

Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче. — Это горестное восклицание облечено в форму, близкую к библейской символике: «... забрала Сионя да излеют, яко водотечия, слезы день и ночь» (книга пророка Иеремии, цит. по кн.: Перетц₂, стр. 304); в Паремийнике (Перетц₁, стр. 237) читаем: «плачите въпиюще врата градная». «Слово» вводит образ *забрал*, которые в феодальном быту имели такое же символическое значение, как и городские ворота. Слово *забрала* или в русской форме *заборол* (так ниже в плаче Ярославны) постоянно в русской и переводной литературе с XI в. (примеры: Срезневский, I, 896). — *уныша* — в применении к человеческому настроению находим с XI в.: «... егда уны сердце мое» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, III, 1234). — *Веселие* в широком значении «радость» имеет ряд параллелей в русской литературе XI—XII вв.: «... съзвав на едино веселие небесныа и земленыа» (Иларион); «веселие миру неизреченно» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 246).

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. — Перевод «тревожный» имеет опору в употреблении глагола «мутити» в значении «смущать, тревожить»: «Подобие бо видения женьскаго начьнетъ мутити сердце человеку» (Пандекты Антиоха XI в.), «аште и сънь тя съмутитъ» (Изборник Святослава 1073 г., л. 130 об.). Прилагательное *мутнъ* встречается в значении «неясный, смутный»: «мутный ум» (Кирилл Туровский), «молитву мутьну» (Амартол: Срезневский, II, 196—197). — *сонъ видѣ* — «видяще сны на ложи» (Толковые пророки XI в.); «Се сномъ вижа оно идеть» (Бытие, список XIV в.: Срезневский, III, 779). Ирод «виде сон» (Флавий, стр. 195); «аще вижаю сон сеи» (Александрия, стр. 9). О символическом значении сновидений — Перетц₁, стр. 238—246, 255—259.

въ Києвѣ на горахъ — так же определено место дворца киевского князя в летописи: дочь Ростислава Рюриковича «воспитана бысть в Києве на Горахъ» (Ипат. лет., 1198 г.). Лавр. лет. противопоставляет в Киеве «Подолье» и «Гору», т. е. высокую часть города (1203 г.).

Си ночь съ вечера — «Бог сы ночи князя поял», «сы ночи есмь поехал» (Ипат. лет., 1152 г.); «Не забывай, еже ми еси ноче съ обещал» (Ипат. лет., 1074 г.); «пришла ми весть ночьсь» (вар. «ночи сеи», Ипат. лет., 1172 г.); «с вечера до утрия» (Переясл. лет., 1063 г.: Срезневский, III, 637).

одѣвахуть (испр. из *одѣвахъте*) *мя, рече, чръною паполомоу* — с XI в. известен глагол «одевати» как в переводных, так и в русских памятниках: «нагыя одевая» (Иларион, Слово о законе и благодати). Сочетание с творительным падежом наблюдается и при глаголе «одеватися»: «... попьстреню ризюю да не одевається къто» (Ефрем. Кормчая XII в.: Срезневский, II, 626). — *Паполома* называется в Новгород. Кормчей 1280 г.: «Простерше паполому на одре положить и» (Срезневский, II, 877). Паполому «простирают», ее можно «положить» под человека или на него, но ею не «одевают» — в сочетании с этим глаголом своеобразие «Слова». О символическом значении черной одежды см.: Перетц₁, стр. 247.

на кровати тисовѣ — в Пчеле перевод изречения Плутарха: «Ни больного может ицелити золотая кровать» (стр. 176). — «Тиса» как название кедра — дорогого дерева — упоминается в Шестодневе: «... ни кипариса, ни тисы, ни иного древа» (л. 173), в Паремийнике — «тису Ливанъску» (Перетц₁, стр. 247). Прилагательное *тисовы* находим в тексте XII в. у Ки-

рилла Иерусалимского: «Иисус же взиде к востоку дьбри тисовыя» (Срезневский, III, 960).

чрѣпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено — «черпая вино» (Кирилл Туровский. Изд. И. П. Еремина. — ТОДРА, XII, 1956, стр. 348). — *синее* как эпитет «вина» — в других памятниках не встречается, самое же слово известно с XI в. (Срезневский, III, 356). — *съ трудомъ* — Кирилл Туровский в «похвале святых отец 300» характеризует Ария цитатой из псалма IX (Амфилохий, I, стр. 47): «...ему же уста его клятвы полна суть, горести и лъсти, под языком его труд и болезни» (Рукописи Уварова. 1858, стр. 59). В применении к еретику Арию слово «труд» в этой цитате может значить «вредное, ядовитое». Срезневский дает примеры XI в., где слову «труд» соответствуют в греческих оригиналах «скорбь», «горе» (III, 1008). — *смѣшено* — в сочетании с творит. пад. и предлогом *съ*: «Даша ему пити оцѣт с зльчю смешен» (Галицкое евангелие 1144 г., цит. по кн.: Перетц, стр. 248); в сочетании с отвлеченными понятиями: «...обычай сладкы с кротостию смешен» (Н. П. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное. СПб., 1908, стр. 11).

сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгъ на лоно — «Тѣгда повелеста ... злато с сребрѣмъ сыпати» (Златоструй XII в.); «еже сыпати крещаемым в уста соль» (Послание митр. Никифора к Владимиру Мономаху: Срезневский, III, 875). — *тѣщи* — пустой: «Съсуд тѣшь, сусек тѣшь» (житие Феодора Печерского); «гроб тѣшь» (Кирилл Туровский). — *тулы* — «уготоваша стрелы в туле» (псалом 10: Срезневский, III, 1036). — *тльковинъ* — «Тиверци иже суть толковины» (Лавр. лет., 906 г.: Срезневский, III, 1045). — *великый женчюгъ* — «великого жемчюга» (Александрия, стр. 482); церковь украшена «жемчюгом великим» (Ипат. лет., 1175 г.; то же: Лавр. лет., 1185 г.). О символическом значении жемчуг—слезы см.: Перетц, стр. 249. Сравнение слез с жемчугом: князь Ростислав Мстиславич, умирая, плакал: «... и бе видети слезы его лежачи на скранью его яко жемчужныя зерна» (Ипат. лет., 1168 г.). — *на лоно* — «несену быти ангелы на лоно Авраамле» (Остром. ев.: Срезневский, II, 46). Летописец Переяславля Суздальского включает в рассказ о мести княгини Ольги древлянам описание «вещего» сна князя Мала, пославшего к Ольге сватов: «Князю же веселие творящу к браку и сон часто зряше Мал князь: се бо пришед Олга дааше ему прѣты многоценьны червены вси жемчюгом иссаждены и одеяла чрѣны с зелеными узоры и лоди, в них же несеным быти, смолны» (Летописец Переяславля Суздальского, изд. К. М. Оболенским. М., 1851, стр. 11). В этом сне Мала, как и в сне Святослава, есть жемчуг, предвещающий слезы, и «одеяла чрѣны», соответствующие черной паполеме «Слова», и «лоди смолны», т. е. также черные, как предсказание несчастья.

и нѣгуютъ мя — «утешаеть и негуеть своим человеколюбием» (Пандекты Никона); «днесь негуеми, утро онуде осуждаеми» (Златоструй XII в.); в Паисиевском сб. XIV в., как в «Слове», с дополнением в вин. падеже: «Он ... растить ны и всяческия негует ны» (Срезневский, II, 483).

уже дьскы безѣ кнѣса в моемъ теремѣ златоврѣсмѣ. — *дьскы* — слово «дѣска» по русским и переводным памятникам известно с XI в. (Срезневский, I, 761). — *безѣ кнѣса* — этимология слова «кнес» неясна, но предмет, им названный, — «князек» или «конек» — гребень, ребро на стыке двух скатов кровли. С ним были связаны приметы, поверья, которые позднее, когда под кровлей стали делать потолок, были перенесены на «матицу», скреплявшую доски потолка. В этих приметах отражены дохристианские верования. Перед смертью, чтобы облегчить ее, поднимали конец крыши у избы, т. е. конек, а позднее — матицу. Очевидно, «с гребнем крыши свя-

зано представление о гибели, смерти». П. А. Ровинский приводит примету: «Видеть во сне, что конек перерублен кем-либо или переломался сам собою, значит, что смерть или какое-нибудь великое несчастье должно постигнуть главу того дома». С этого рода поверьями М. П. Алексеев связывает и данный эпизод «сна Святослава»: *дъскы безъ кнѣса* предвещают ему гибель, смерть (К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — Слово, стр. 246—248).

в моемъ теремѣ златовръхъмъ — «бе бо ту терем камен» (Лавр. лет., 945 г.); «погоре ... соборная церкы святая богородица Златоверхая» (Лавр. лет., 1185 г.: Срезневский, III, 950—951); «Заложена бысть церкви Михаила великого Златовръхого» (Переясл. лет., 1110 г.); «Положиша и ... у святыя богородици Златоверхое» (Лавр. лет., 1175 г.: Срезневский, I, 981); в Житии Александра Невского «шатер златоверхий» (Новг. IV лет., 1240 г.).

Всю ночь съ вечера бусови (испр. из *босови*) *врани възграяху у Пльсьнска*. — *бусови* — о толкованиях этого определения см.: Перетц, стр. 251. В древнерусских памятниках слово «бусов» не встречается. — *възграяху* — см. выше, стр. 64. О том, что карканье ворона предвещает кому-то несчастье, рассказывает Хроника Амартола: св. Афанасий объяснил элинам, что «враны гласятъ кра, кра — темь утро узрите божию помощь, нашу славу» (стр. 349) — и на утро узнали о смерти гонителя христиан Иулиана. Ипат. лет. под 1249 г. поясняет, что появление «над полком» орлов и воронов «се знамение не на добро бысть». В Киевск. лет. под 1188 г. по спискам Погодинскому и Хлебниковскому есть географический термин «к Плеснъску», «Плеснескъ», «у Пленска». О толкованиях его см.: Перетц, стр. 251—252.

на болони сходно с летописными выражениями «ста на болоньи, на болоньи бяхуться», «на болоньи возле Вислы», «у Сетомля на болоньи», «на болоньи от Днепра» (Ипат. лет., 1149, 1150, 1151, 1161, 1169, 1261 гг.).

бѣша дебръски сани (испр. из *дебръ кисаню*) *и несошася* (испр. из *не сошлю*) *къ синему морю*. — Этот испорченный текст исправляют различно — см. свод толкований в монографии В. Н. Перетца (стр. 252—255). Фольклорный и литературный материал, поясняющий символическое значение сна Святослава, дан там же (стр. 255—259).

И ркоша бояре князю: Уже, княже, туга умь полонила. — *туга* — см. выше, стр. 74. — *полонила* — см. выше, стр. 41.

се бо два сокола слѣтъѣста съ отня стола злата — «С небесных лук Гаврил слетев» (Трефолой 1260 г.; Срезневский, III, 731). — *два сокола* — метафорический образ князей Святославичей, см. выше, стр. 34. — *съ отня стола злата* — см. выше, стр. 58.

поискати града Тъмutorоканя, а любо испити шеломомъ Дону. — Термином *поискати* летопись обозначала добывание князьями своего удела: «Хочу искати Новгорода» (Ипат. лет., 1160 г.); «поискати отецъ своих и дед своих пути и своен чести» (Ипат. лет., 1170 г.); «поищем своен отцины» (Новг. I лет., 1214 г.: Срезневский, II, 1097). В том же значении и с тем же родит. пад. употребляется глагол «искати» в таких примерах: «искати царства» (Новг. I лет., 1204 г.); «имуть искати татарове которых волостии» (Духовная Ивана Калиты 1327—1328 г.: Срезневский, I, 1114). В «Слове» сочетания *испити ... Дону, искусити Дону великаго, позримъ синего Дону, поискати града Тъмutorоканя* дают сочетание глаголов с родит. пад., характерное именно для древнерусского языка. Примеры из Новг. I лет. приведены в исследовании Е. Истриной (Синтаксические явления Синод. списка Новг. I лет. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 2, 1919, Пгр.,

1923, стр. 159): «зряху перезора», «поискати Галиця», «добывъше полона» и т. д. — *испити шеломя Дону* — см. выше, стр. 42.

Уже соколома *крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины желѣзны*. — В памятниках с XI в. известно выражение, в котором лишенный свободы движения человек сравнивается с птицей, лишенной крыльев: «опешити от крылу, акы птиця» (Изборник Святослава 1076 г.). Автор «Слова», чуткий к оттенкам значения, которые создаются с помощью приставок, заменил приставку «о», дающую здесь представление о законченном действии, приставкой «при», снимающей эту законченность: у соколов *крильца* только частью лишены своей силы. Уменьшительная форма *крильца* Срезневским не отмечена. С. Гординский уточняет смысл этого образа: соколы князя были «летающими» соколами, когда они *слѣтѣста съ отня стола злата, а теперь, в плену, они стали «пешими», как домашняя птица, которая уже не может летать*. Ср. украинскую пословицу в записи конца XVII—начала XVIII в.: «Пішого сокола и ворони б'ють» и народное определение: «це летюча птиця, а це піша» (Гординский, стр. 28—29). — О том, что пленных князей половцы держали в оковах, свидетельствуют оба летописных рассказа о походе Игоря: «... держими бяху твердо и стрегоми и потвержаемы многими железы и казньми» (Лавр. лет., 1186 г.); Игорь сам говорит: «... связня преда мя (господь) в руки безаконным» (Ипат. лет., 1185 г.). Ср. в Ипат. лет. под 1160 г. сообщение о том, что Рогволод освободил «Брячислава из желез». Вторая часть метафорического образа плененных князей содержит обычное сочетание: *путины желѣзны*. (Л. А. Булаховской объясняет влиянием старинной формы «путина» звук «т» в слове «паутина», вместо «паучина» от «паук». См. его статью: К лексике Слова о полку Игореве. — ТОДРЛ. т. XIV, 1958, стр. 34—35). Это сочетание имеет соответствие в переводных памятниках, где находим: «оковаша и путы железными», «оковав путем железным», «почто не свяжеша ею путы железы» (Срезневский, II, 1735). Иногда определение «железны» относится к «узы» (вар. ужи): «... вязааху и ужи железны и путы» — так в Остром. ев. (там же). Но слово «путы» в приведенных Срезневским примерах сочетается с глаголами «вязати», «связаши», «оковати», тогда как в «Слове» мы имеем тавтологическое сочетание сказуемого с однокоренным существительным в винительном падеже с предлогом *въ* — *опуташа въ путины*. В форме «путь», «пута» — слово известно с XI в., причем иногда встречается оно и в сочетании с определением «железны» (примеры: Срезневский, II, 1735). Однако в «Слове» выражение *опуташа въ путины желѣзны* входит в метафору, представляющую князей в образе соколов, которым *крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташа въ путины желѣзны*. В данном случае в параллель к *путины* следует поставить выражение из терминологии, относящейся к охоте с птицей — соколом или кречетом. В одном из списков Моления Даниила Заточника (стр. 102, 103) читаем: «... яко кречат бел, во опутех седа», «а кречату егда пута разрешатся, тогда он напушается на стада лебединые». Глагол «Слова» *опуташа* явно переключается в этом примере с существительным «во опутех». Определением *желѣзны* автор «Слова» напоминает, что соколы — князя, которых *опуташа* не теми путями, какими вяжут птицу. Что касается формы *путины* вместо «путы», то ее находим лишь в былинном языке. Близкая форма читается в списке XVII в. (Синодальном) *Задонщины*: «... обриваху шевковыи опутины», причем и здесь, как в «Слове», это выражение входит в метафору, представляющую русских князей в виде «соколов и белозерских кречетов». Однако в отличие от «Слова» здесь образ «опутин» употреблен не к месту: русские князья-соколы едут из родной земли, и «обрывать опутины» им

не было надобности. В записанной в районе Пинеги былине «Дунай» читаем: «И путайте добра молотца путы-ты шелковыма» (А. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904, стр. 157). Есть в былинном языке и редкая форма «путины» — в былине «Данила Игнатьевич и Михайла Данильевич» читаем: «Связали Михайлы ручки белыя во путыни шелковыя» и «Как расправил Михайла ручки белыя, поразлопали путыни шелковыя» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III, Петрозаводск, 1864, стр. 110—111; запись сделана в Повенецком уезде). Но в тех же былинных текстах, где «путы» или «путины» «шелковые», героя еще «куют» в «железа немецкие, ручны, ножны и заплечныя» (Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым, т. III, СПб., 1910, стр. 158); «сковали ему ножки резвыя во железа булатныя» (Песни, собранные Рыбниковым, стр. 110). Очевидно, что даже и в устойчивом былинном языке слово «путина» утратило то значение, какое оно имеет в «Слове», — это уже не железные оковы, а скорее «шелковые веревки». Но след тавтологического сочетания сохранился в виде «путайте путы». Таким образом, есть основание думать, что в «Слове» мы имеем древнейший пример этого сочетания, в котором значение слова *путины* аналогично смыслу обычной в литературе XI—XII вв. формы «пута», поэтому также сочеталось с определением *желѣзны*. Наличие в языке этого времени не только выражения «оковаша путы железны», но и сочетаний с глаголом «вязати», «связати» показывает, что «путы» не были обычными оковами, которыми только «куют», а представляли пусть «железные», но все же гнущиеся, типа проволоки «узы». Следовательно, не случайно в «Слове» не «оковаша», а *опуташа* ими. Со временем в народной традиции из этого образа возникли «путины шелковые», которыми «связывают».

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста. — Метафорическая картина начинается образным противопоставлением «тьмы» «свету» — «тоски», «печали», «туги» Русской земли, вызванной поражением, тому времени, когда пели «славу» Святославу, пленившему «поганого Кобяка». Теперь Кобяк повел в «свои вежи» самого Игоря. Этим противопоставлением автор пользуется не раз: *На рѣцѣ на Каляѣ тьма свѣтъ покрыла*, так разъясняют бояре, почему *темно бо бѣ въ 3 день: Игорю утрѣпе солнцю свѣтъ*. С таким пониманием «света» как лучшего, желаемого и «тьмы» как печального или враждебного связано и представление о тьме как всяком несчастье — в жизни государства и человека, об опасности, враге. Потому и Даниил Заточник, лишенный милостей князя, говорит о себе: «Аз хожу во тьме, отлучен день и ночь света очию твоею» (стр. 54). Затмению светил уподобляются в византийской исторической литературе бедствия государства. — К сочетанию *два солнца помѣркоста* параллель дает Ипат. лет. под 1187 г.: «Солнцю померкшю», «и померкнет солнце всходя» (Паремийник Григоровича, цит. по кн.: Перетц, стр. 160).

Д. В. Айналов сопоставлял образ *два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста* с описаниями и иллюстрациями Радзивилловской летописи. Так, Игорь перед походом видел «знаменье в солнци и мрачно бысть вельми . . . в солнци учинися яко месяцъ, из рог его яко уголь кровав исхожаше и страшно бе видети человекомъ знаменье божие». Когда хоронили переяславского князя Андрея Владимировича, «быша 4 солнца сияюще межи собою, а столпие три от земли до небеси». «Столп огнен» стал над гробом Феодосия Печерского (Д. В. Айналов. К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. III. 1936, стр. 22—23). Г. И. Имедашвили отметил, что создание этих метафорически-символических образов (князья-

солнца) опирается на «вполне реальное метеорологическое явление», которое «в атмосферной оптике известно под наименованием „ложных“ или побочных „солнц и лун“» («Четыре солнца» в Слове о полку Игореве. — Слово, стр. 221). — *багряная* — «в ризу багряну облекоша и» (Остром. ев.: Срезневский, I, 39). — *погасоста* — «иудейство ... яко вечерняя заря погасе» (Слово о законе и благодати: Срезневский, II, 1013).

и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тѣмою ся поволокоста. — Малолетнему сыну Игоря Олегу было в год похода неполных десять лет. Может быть, он ошибочно назван рядом со Святославом Ольговичем Рыльским вместо старшего сына Игоря — Владимира, тоже попавшего в плен? Именно этих князей называет Ипат. лет., перечисляя уведенных в «вежи» пленников. — К редкому выражению *тѣмою ся поволокоста* соответствие дает Физиолог в рассказе о ящерице: «...ослепнут еи очи и поволочетася и не видети ... солнца» (по списку XV в.: Физиолог. Исследование А. Карнеева, СПб., 1890, стр. 177).

и въ морѣ погрузиста, и великое буиство подасть Хинови. — *погрузиста* — см. выше, стр. 78. — Примеры на *буиство* в значении «смелость» Срезневский дает только из «Слова», но прилагательное «буи» в значении «смелый», «сильный» представлено примерами с XI в. (I, 191—192). В «Слове» — это эпитет князей — *буи Рюриче ... буето Святъславличя (Игоря), Буи Туръ Всеволодъ.* — *буиство подасть* — к этому сочетанию с дательным падежом *Хинови* по конструкции ближе всего пример из Толковых пророков XI в.: «Сълучающаяся беды Египтови и в Мюре мятежь подадять» (Срезневский переводит здесь «подадят — возбудят», II, 1031). — *великое буиство* «взяша гордость велику» (Ипат. лет., 1185 г.). — *Хинови* — толкования этого имени см.: Перетц, стр. 262.

по Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо. — *прострошася* — Срезневский отмечает глагол «испростретися» (I, 1137). Описывая драгоценный светильник, Флавий пишет, что на нем «прострошася 7 столпѣць златыхъ» (стр. 447). — *акы пардуже гнѣздо* — сравнение с пардусом известно с XI в.: Святослав «легъко ходя аки пардус» (Лавр. лет., 964 г.); «скочи акы пардус с многою силою» (Амартол, стр. 47). Традиция сопоставления половцев с пардусами отражена в апокрифе «От скольких частей создан был Адам»: «Куманин пардос есть, угрин рысь есть» (Н. С. Тихонравов. Памятники отреченной литературы, т. II. М., 1863, стр. 47). — *гнѣздо* — с X в. известно в значении «птичье»: «Лисица ложа имуть, и пѣтица небеськыя гнезда» (Остром. ев.: Срезневский, I, 528). Как разъясняет Н. В. Шарлемань (Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 119—121), пардусы — гепарды выходят на охоту выводком — «гнездом». Этот термин в языке охотников сохраняется до сих пор (в таком значении его употребляет, например, И. А. Бунин).

Уже снесся хула на хвалу. — «Остави таковааго дела, хулу бо наносиши на род свои» (житие Феодора Печерского); «Хулу и укор прѣя на род свои» (Ипат. лет., 1136 г.); «възнесение хвалы» (Толковые пророки XI в.); «мнозе убо о нем хвале истекающе» (Амартол: Срезневский, III, 1363). — Срезневский отмечает глагол «снести» (III, 773): «...хоромов несколько снесло из основанья» (Лавр. лет., 1300 г.); «И снесе Моисей от Синаискыя горы закон» (Иларион); «иже снесе Сулу» (Ипат. лет., 1201 г.). При наличии сочетаний «наносити хулу», «възнесение хвалы» оборот «Слова» представляется вполне закономерным для языка XII в. По смыслу близко к «Слову» выражение из книги пророка Осии: «... по множеству их тако съгрѣшиши мне, славу их в бещѣстие положу» (Перетц, стр. 263).

уже тресну нужда на волю. — Глагол «треснути» и производные от него относятся к удару грома: в Ипат. лет. под 1249 г. находим — «от грома тресновение бысть», но «тресновение» и без упоминания грома обозначает тот же удар, поражение молнией. Очевидно, *нужда* — насилие половцев, в представлении автора «Слова», *тресну*, т. е. ударила на свободу русских князей с такой же силой, с какой поражает молния (Срезневский, III, 1028). — *на волю* — «преда же тело свое на наготу, волю на попрыание» (Изборник Святослава 1076 г.); «И вда им (новгородцам) волю всю и уставы старых князь» (Новг. I лет. 1209 г.: Срезневский, I, 298).

уже врѣжеса дивъ на землю — конструкция с начальным *уже* — см. выше, стр. 46. — *врѣжеса ... на* — «врѣжеса на тело блаженааго» (Житие Бориса и Глеба по Успенск. сб. XII в.), но есть и сочетание с предлогом «с»: «вержеса с высоты» (Флавий, стр. 231—232). — *дивъ* — см. выше, стр. 44. — *на землю* — «сѣпадьше на землю с горы» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 972).

Се бо Готьскыя красныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ. — В. В. Мавродин дает такое объяснение этого эпизода: «... крымские готы или готы-тетракситы» жили в XII в. «на Тамани и южнее ее по берегу Черного моря. Следовательно, готы-тетракситы жили и в Тмутаракани ... поход Игоря Святославича угрожал не только половцам, но и готам. Поход был предпринят не в Крым, а на Дон, Лукоморье, на Тмутаракань. Поэтому напрашивается вывод о готах-тетракситах, столь радостно встретивших весть о Каяле» (Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, стр. 267). — *синему морю* — см. выше, стр. 70. — *красныя дѣвы* — см. выше, стр. 49; «изидоша девы ликостующе на сретение Давидови ... с радостию и гусльми» (книга Пророчеств, цит. по кн.: Перетц, стр. 294). — *возпѣша* — см. выше, стр. 35. — *звоня* — «яко звоня» (житие Андрея Юрод.: Срезневский, I, 964). — *златомъ* — см. выше, стр. 73.

поют время Бусово — «пети» с вин. пад. в значении «прославлять», «воспевать» — «достойно и праведно тя пети» (Служебник Варлама XII в.: Срезневский, II, 1790). — *время Бусово* — А. А. Шахматов предполагает, что это время антского князя IV в. Бооза — Боса, Боуса, Буса (см.: Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 27).

лелѣють мечь Шароканю. — *лелѣють* — см. выше, стр. 63. — *мечь Шароканю* — о первой победе русских над Шаруканом Новг. I лет. рассказывает под 1068 г., когда у Снови «одоле Святослав ... а князь их яша Шарокана в 1 день ноября». Еще раз в Ипат. лет. под 1106 г. сообщается о нападении на Русь половцев: «... том же лете прииде Боняк и Шарукань старый и ини князи мнози», в этой схватке «Шарукань одва утече». В той же летописи под 1185 г. воспроизведены слова хана Кончака к хану Гзе, сказанные после поражения русских: «Пойдем на Киевскую сторону, где суть избита братиа наша и великий князь наш Боняк». Отсюда Д. С. Лихачев делает вывод: «Мысль о мести за хана Шарукана могла еще жить в надеждах половцев в 1185 г.» (Истор. и полит. кругозор, стр. 27). — *мечь* — слово известно с XI в. (примеры: Срезневский, II, 235).

А мы уже дружина жадни веселия. — В значении «желать напрасно», «жаждать», «нуждаться» глагол «жадати» и производное *жадны* есть уже у митр. Иларiona: «Щедроты, яже ... к сиротам и ... к жадным»; у Кирилла Туровского в разных сочетаниях с родит. пад.: «Овчая купели жадаеши»; «жадая бог нашего спасения»; в Новгородской Триоди до 1226 г. — «жадаю исцеления» (Срезневский, I, 839). В «слове о Лазаревом воскресении»: «... а того есми, дружино, многа дни жадали». — *веселия* —

«все бо веселие света сего с плачьмь коньчавается» (Изборник Святослава 1076 г.).

Тогда великийи Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече. — К сочетанию изрони ... слово дает параллель повесть об Акире: «... напрасно человек воборзе изронить слово и после кается» (стр. 37). — Для сочетания злато слово имеем ряд аналогий в русском тексте Минен 1097 г. под 13 ноября в службе Иоанну Златоусту: «Златыми словесы» он «украсил еси божию церковь» (стр. 364); «озлатим Иоана вся злащъшаго златыми словесы» (366). Отсюда и эпитеты Иоанна, сложенные из этих двух слов: «Златослове» (363 и 369), «златословесъна» (366). Ср. у Иоанна «златообразъный языкъ» (365), его «книгы златописаны» (363), он «вся позлатив словесы своими» (там же). Учитывая авторитет, каким пользовался Иоанн Златоуст как автор широко известных в XI—XII вв. слов и поучений, следует думать, что церковную службу этому святому книжные люди этого времени помнили хорошо.

Святослав как в «Слове», так и в летописной повести о походе Игоря в Ипат. лет., узнав о поражении молодых князей, «утер слез своих и рече...». Эта черта чувствительности не была в конце XII в. новинкой в изображении князей. В летописи они в течение всего изложения событий XII в. не только «со слезами» молятся в ответственные моменты, «плачем» провожают умерших родных, но иногда проливают слезы, и произнося речи о каких-либо огорчивших их событиях. Так, Владимир Мономах, узнав об ослеплении Василька Теребовльского, «ужасеся и въсплакаса велми и рече: сего не было естъ у Русьской земли» (1097 г.). Святослав Всеволодич, узнав о смерти Всеволода, «послав к Юргеви у Суждаль братама прослезивъся рече: „Всеволода бог поял, а Игоря Изяслав ял“» (1146 г.); «прослезися» и Изяслав при вести об убийстве Игоря «и рече: аще бых ведал оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати» (1147 г.). В воинском стиле «Историн» Иосифа Флавия также встречаются речи, произносимые со слезами. Так, например, Иосиф «глагола с рыданием и со слезами» в римском лагере Иоанну (стр. 405) и даже окончил речь «с хлипанием»; «исполнив очи слезы», произносит речь Иоанан (стр. 330). Таким образом, злато слово слезами смѣшено, произносимое Святославом, образ, находящий опору в историческом стиле XII в.

О моя сыновця. — Примеры на слово «сыновець» — «племянник» в летописи встречаются с известия 986 г., в переводной литературе — с XI в. (Срезневский, III, 71). В «Слове» сыновця — младшие князья по отношению к старшему, по родству же Игорь и Всеволод — двоюродные братья Святослава.

рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. — рано — «чадо, рано тебе о ловех звериных мыслити ... рано тебе в сильную рать ехать» (М. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922, стр. 171). — цвѣлити — «ать иная детии не цвелить», так завещает, умирая, жена мужу, на ком ему следует жениться (Ипат. лет., 1274 г.). С этим значением «обижать» связаны и глаголы «росцвелити», «росквелити» — «причинить горе»: «росцвели нас» в «Лествице» Иоанна Синайского XII в. соответствует греческому «огорчать»; «Аз есмь, его же вы розквелисте, и господь утеши мя» (Палая, Срезневский, III, 166, 174). Опираясь на значение в украинском языке слова «цвілити» — «стегать», «хлестать», С. Гординский предлагает именно этим значением переводить выражение «Слова» мечи цвѣлити (стр. 36). — славы искати — см. выше, стр. 39.

Нѣ нечестно одолѣсте — «Максим ... хотя мучительнаго и нечестнаго изврещися» (Амартол, стр. 375). — одолѣсте — «к вечеру одоле Ярослав» (Лавр. лет., 1015 г.; примеры с XI в.: Срезневский, II, 621).

нечестно бо кровь поганую пролиясте. — Сочетание *кровь ... пролиясте* постоянно в летописном языке XI—XIII вв. и в переводе «Истории» Иосифа Флавия: «...прольялася кровь на кровь», «пролею по части свою кровь» и т. д. (стр. 172, 173 и др.); в языке Псалтыри: «...пролияша кровь их аки воду» (Амфилохий, II, стр. 36 и др.).

Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. — Вместо притяжательного местоимения «ваша» «Слово» применяет характерный именно для древнерусского языка родит.-местный пад. двойств. числа личного местоимения *ваю ... сердца*, как Ипат. лет. под 1149 г.: «...се стрый наю пришел ... кде узрим стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы» (Л. А. Булаховский: Слово₁, стр. 134). — *сердца* — в значении «душа»: «Разум примъши в истину в сръдци своем» (Минея 1096 г., сентябрь, стр. 56); «Подай же разум сръдью моему» (житие Феодосия Печерского: Срезневский, III, 882). — *въ жестоцемъ харалузѣ* — в значении «твердый», «крепкий»: «...скрижали жестоки и камяны» (Григорий Назианзин, XI в.); «тепло и студено, мякво же и жестоко» (Шестоднев: Срезневский, I, 863). — *харалузѣ* — см. выше, стр. 57 *мечи харалужныи*. — *скована* — «верижице сребреники сковав» (Амартол, стр. 362); «повеле ему железо съчепито съковати» (житие Феодосия Печерского: Срезневский, III, 718). — *въ буести*. — В устах Святослава «буесть» имеет положительный смысл — «храбрость», как в переводе Григория Назианзина XI в., где этому слову соответствует в греческом «отвага», «смелость»; но то же слово и в переводных памятниках может обозначать «дерзость» с отрицательным оттенком (Срезневский, I, 190); «крепе сѣкыся буестью победу изгуби» (Григорий Назианзин, XI в.); «царствова со многу гордыню и буестью» (Амартол, стр. 205). Так и в летописи «буесть» — запальчивость: малолетний Даниил Галицкий во время битвы «младенства ради и буести не чюаше раны» (Ипат. лет., 1224 г.) — *закалена* — «закалаемо железо» (Пчела, стр. 270).

Се ли створисте мои сребрени сѣдинѣ! — «Олег же и Борис ... земле Русьскеи много зла створше» (Лавр. лет., 1078 г.); «много зла створи волости Полотьскои» (Ипат. лет., 1159 г.: Срезневский, III, 841). В летописи и деловом языке то же сочетание глагола с дательным падежом. — *Сребрени сѣдинѣ* как символу старости Святослава в «Слове» соответствует в гимнографии образ «седин чьстных» святого (Минея 1096 г., октябрь, 170); в Лавр. лет. под 1261 г.: «... в старости глубоце и в честней добродетелней седине». — *Сребрении* в значении «серебристый» Срезневским не отмечено; седые — «белые» волосы: «Седина бо не белии власи, нъ душевная благодсть» (Пчела); «Помилуй седины моя» (Пандекты Антияна XI в.: Срезневский, III, 888).

А уже не вжду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава. — Старший пример слова *власть* в данном значении имеем в Изборнике Святослава 1076 г.: «Приимъшеи бо власть и имение от князя своего». Святополк убивает братьев и «сам примъть един всю власть» (житие Бориса и Глеба по Успенск. сб. XII в.). В летописных известиях конца XI в. то же употребление слова «власть»: «... желая большее власти» (Лавр. лет., 1073 г.); «прияти власть стола моего» (там же, 1093 г.); «хотя власти» (там же). — Эпитет *сильный* в значении «могущественный», примененный к князю, встречаем в летописи XII в.: «Коли силен будеши, а мы с тобою» (Ипат. лет., 1150 г.: Срезневский, III, 353). — *многовои* не встречается в других памятниках, однако в литературном языке XI—XIII вв. есть значительная группа слов, образованных путем соединения «много» с существительными, прилагательными, наречиями

и среди них немало представленных единичными примерами (Срезневский, II, 204—211).

съ Черниговьскими былями — «Кир скоро посла быля своего» (Амартол, стр. 38; Срезневский, I, 203). Судя по греческому оригиналу, так назывались вельможи, в Чернигове — местная знать.

съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. — Судя по этим названиям черниговских «былей», «это знать тюркского происхождения, что было характерно для Чернигова» (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 45). — *Могуты* — слово имеет параллель в переводной литературе: «Предстояху могутии и все боярство» (житие Николы); «яко не подобно есть ны с могутомъ тиштатися» (Псалтырь XII в., см. примеры: Перетц, стр. 268). В оригиналах слову «могут» соответствует «дюнастес», «доминус», т. е. так же, как «быля», — имя знати. Свод тюркских параллелей к этим терминам дает С. Е. Малов (Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, вып. 2, стр. 133—137).

Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждаютъ. — *засапожники* — неизвестно по памятникам, но слово «сапогы» широко применяется в текстах XI—XII вв. Летопись XII в. свидетельствует, что русские в бою применяли и ножи: «Козляне же ножи резахуся с ними» (Ипат. лет., 1238 г.). — *кликомъ* — см. выше, стр. 56. Указание на боевой клик в битве с половцами дает Ипат. лет. под 1105 г.: «...идоша на половце ... и кликнуша на не».

звонячи въ прадѣдную славу. — *звонячи* — «повеле в тяжкая звонити» (Соф. лет., 1460 г.: Срезневский, I, 964). Р. О. Якобсон предложил сопоставить выражение *звонячи въ славу* с древнерусским именем «Звенислава», сославшись на текст жития Евфросинии Полоцкой (La Geste, стр. 244). Это житие в XVI в. обработало материал местных преданий, восходящих еще ко времени жизни княжны Полоцкой (ум. в 1250 г.). До крещения ей было дано имя Предслава, сестру ее звали Городислава, а в Полоцке при ней жила «княжна Борисовна именем Звенислава». Видимо, эти имена дошли через такие предания. Сам обычай давать, кроме христианского имени, еще и особое до крещения ко времени литературной обработки местных преданий уже не соблюдался (см. текст жития, изданный по списку XVI в.: Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, стр. 173, 175). — *прадѣднии* — слово известно с XI в.: «прадедьне имение» (Изборник Святослава 1073 г.; Срезневский, II, 1363 — другие сочетания: сокровища, вера, храмы); «прадедьнаго очистити греха» (Кирилл Туровский: Рукописи Уварова. 1858, стр. 44).

Нъ рекосте: Мужаимѣся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. — Форма *мужаимѣся* известна с XI в.: «И ресте: мужаимѣся» (Григорий Назианзин, XI в.); «нъ ресте: мужаимѣся» (Златоструй XII в.: Срезневский, II, 188). — *преднюю ... заднюю* — «задняя убо забывая, а на предняя простираяся» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, I, 910); «аще бых не ведал предняя и задняя» (Флавий, стр. 237). Д. С. Лихачев показал, что «слово „передняя“ в древнерусском языке относилось к прошлому, когда речь шла о времени, точнее к началу какого-то определенного промежутка времени, задняя же — к недавно случившемуся, ко времени последних событий, к завершению какой-то цепи событий, иногда к будущему». Поэтому текст Ипатьевской летописи под 1254 г. — «Хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя» — Д. С. Лихачев толкует так: «Хронографу следует описывать все случившееся, то

возвращаясь к старине, то описывая последние события». Исходя из этих значений, Д. С. Лихачев так толкует слова Святослава о похвальбе молодых князей: «Игорь и Всеволод своим походом на половцев собирались „похитить“ славу прежних чужих походов на половцев и поделить между собою славу своего нового совместного, последнего похода на половцев». Слово «похитить», как замечает Д. С. Лихачев, «уместнее к прошлому («преднюю»), чем к будущему («заднюю»»); это слово можно сопоставить, по мнению исследователя, с глаголами в сходных по смыслу выражениях: *пригрена славу дѣду своему Всеславу, уже бо выскочисте изъ дѣд-ни славѣ, разшибе славу Ярославу*. Во всех этих выражениях речь идет о славе, добытой предками, т. е. о славе прошлого. В данном случае, заключает Д. С. Лихачев, мы имеем в «Слове» один из «пережитков» архаичного, по сравнению с современным, мышления» (Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 6, 1949, стр. 552—554). Однако глагол *похитити* в древнерусском языке имел не только значение «завладеть, схватить и похитить», отмеченное Срезневским (II, 1322—1323), но и «подхватить, поддержать». Это значение Н. А. Мещерский обнаружил в переведенной на Русь в начале XII в. повести «О взятии Иерусалима Титом»: «...один из римских воинов, оставшийся на крыше подожженной иудеями башни, обращается к своему другу, находящемуся внизу под башней, с такими словами: „Стани, да скочю к тебе и похытиши мя“». Очевидно, слово «похытиши» уже звучало в XV в. как архаизм, хотя и понятный, и переписчик повести (Чудовский список XV в.) заменил его глаголом «подхватиши». Таким образом, по мнению Н. А. Мещерского, комментируемый текст «Слова» следует понимать так: «подхватим», «поддержим» падшую «преднюю», «прадедную» славу. Это выражение Н. А. Мещерский исторически разъясняет следующим образом: «Речь идет, по всей видимости, о распространении власти черниговских и северских князей на Придонье и побережье Черного и Азовского морей, которые до захвата их половцами входили в состав державы Мстислава Тьмутороканского, а впоследствии — Святослава Ярославича Черниговского и поэтому представляли собою „предел желаний“ князей из „Ольгова храброго гнезда“» (К толкованию лексики Слова о полку Игореве. — Ученые записки ЛГУ, Серия филологич. наук, вып. 24, 1956 г., стр. 7). Об этой мечте и вспоминают бояре в речи Святославу, говоря, что *два сокола полетели поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону*.

А чи диво ся, братие, стару помолодити? — В переводе Флавия обороту *а чи* соответствуют «ци», «ци ли»: «...ци кончины братнее забых», «ци не неведах июдейска закона», «ци римляном даемъся», «ци порабочаем митрополию», «ци ли оружия строить? Ци по помощники посылають» и т. д. (стр. 237, 310, 334, 340 и др.). В Ипат. лет. оборот «а чи», «ци» в XII в. встречаем нередко: «Святополк про волость чи не уби Бориса и Глеба, а сам чи долго поживе» (1140 г.); «ци сего еси дозрел» (1150 г.); «а чи что замыслил лихое» (1164 г., см. также 1170 г. и т. д.). — *а чи диво* — «Дивно ли оже муж умерл» (Письмо Владимира Мономаха, Лавр. лет., 1096 г.); «Да не дивно есть разумеюши, братья, умерети» (Ипат. лет., 1185 г.). — *ся помолодити* — этот глагол в старославянской форме известен с XI в.: «Христа ради нас ради помладивъшуся» (Минея 1097 г., ноябрь, стр. 414). — *стару* — в значении «достигший преклонного возраста» слово известно с XI в. (Примеры: Срезневский, III, 498).

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. — *коли* — в значении «когда»: «Отець ваю добр был, коли княжил у нас» (Лавр. лет., 1175 г.): «на обеде, коли игумен обе-

дает» (Грамота 1130 г.: Срезневский, I, 1250). — *въ мытѣхъ* — старший из известных примеров определения линьки птицы относится к XV в. В списке этого времени «слова в неделю сыропустную» читаем такое сравнение людей: «Мытятся яко ястреби и понавляются яко орли» (цит. по кн.: Перетц 1, стр. 270). Чтобы термин «мытиться» попал в такой далекий от природоведения жанр, как церковное поучение, он должен был быть широко распространенным в быту, иначе самое сравнение, рассчитанное на приближение религиозной темы к слушателю-читателю, осталось бы непонятным. Итак, «мытиться» или «в мытѣхъ быть» — «линять» стало термином задолго до того как его употребил составитель или переписчик церковного поучения. В XVII в., когда в высших кругах феодального общества интерес к соколиной охоте усилился (возможно, в связи с тем, что ею увлекался царь Алексей Михайлович), когда был напечатан «Урядник сокольничьего пути», в поздних списках Повести об Акире появляются вставки в старый текст, упоминающие о линьке сокола. В списке конца XVII в. читаем: когда Акир после трехлетнего заключения в темнице отдохнул дома пять месяцев, он «готов бысть на царскую службу, аки трех мытей ясен сокол у ласкова сокольника». В другом списке находим вариант этой вставки: «Егда бо сокол трех мытей бывает, он не даст ся с гнезда своего взяти» (Памятники старинной русской литературы, вып. II. СПб., 1860, стр. 368). — Выражение *высоко птицъ възбиваетъ* имеет аналогию в летописном тексте: «Стрелци ... възбиша ратьньна от города» (Ипат. лет., 1149 г.); в переводе Флавия: «... възби вся к пропасти» (стр. 364); «ни полку противныа възбивающе» (Иоанн Дамаскин в переводе Иоанна, экзарха болгарского: Срезневский, I, 1250). Точность описания в «Слове» поведения охотничьего сокола имеет аналогию в арабской «Книге назиданий», составленной современником автора «Слова» (сирийским эмиром Усамом ибн Мункызом, умершим в 1188 г.). Здесь описывается, как сокол, «сменивший перья» (ср. *коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ*), «поднялся вверх с птицами, ударил некоторых из них и спустился ... Когда цапля замечала сокола, она начинала кружиться и подниматься выше, а сокол кружил с другой стороны, потом взмывал над цаплей» (ср.: *высоко птицъ възбиваетъ*) (В. Ф. Ржига. Из очерков по слову о полку Игореве. — Моск. гос. университет им. М. В. Ломоносова, Доклады и сообщения Филологического факультета, вып. 3, 1947, стр. 74). — *гнѣзда своего въ обиду* — см. выше, стр. 51 (*Ольгово хороброе гнѣздо, не было онъ обидѣ порождено*). — К сочетанию *не дастъ ... въ обиду* параллель имеем в Лавр. лет. под 1074 г.: «Се поручаю игуменьство Стефану, не дай его в обиду».

Нъ се зло — княже ми не пособие. — К обороту *нъ се зло* параллель дает «Слово св. отецъ о посте», вошедшее в старшую редакцию Измарагда: «Не се ли зло, еже такову честь творять бесомъ» (цит. по кн.: La Geste, стр. 244, прим. 12). — *княже не пособие* — аналогичное сочетание с притяжательным прилагательным встречаем в Псковской I лет. под 1368 г.: «По грехом нашим бысть непособье божие» (другие примеры: Срезневский, II, 410). — *княже* — краткая форма притягат. «княжь» известна с XI в. (Срезневский, I, 1399). Без отрицания слово «пособие» находим в XI в. в ораторской речи: «Ваю пособиемъ ... князи наши побежаютъ» (Жития Бориса и Глеба, стр. 49).

наниче ся години обратиша. — *ниче* — псковская форма слова «ниче» с той же заменой «ц» шипящим, какую имеем в Мусин-Пушкинском списке «Слова» в формах «*вѣчи — вѣци, луци — лучи*. Оборот «на нице» (*наниче*) соответствует известному по Златоусту XII в. сочетанию «на нице», в значении «наизнанку», «неправильно» (у переводчиков «Слова» «на худ-

шее», «худо»): «Человеци, видевше некого на нице в ризу ся облькша . . . ругающесе ему . . . а еже на нице живем душами, то же тому не зазираем» (Срезневский, II, 453). Из предыдущего текста «Слова» видно, что *годины нанице ся обратиша* потому, что князь перестали помогать друг другу, — итак, раньше было хорошо, теперь же наоборот, т. е. худо. В примере из текста XV в., приведенном Срезневым (II, 304), словом «нанице» переведено греческое, обозначающее «иным образом», «иначе». — Глагол *обратитися* в значении «превратиться» Срезневский иллюстрирует одним примером XV в.: «И людие фараоновы обратишася рыбами» (Срезневский, II, 544 из *Хождения Геннадия и Позняка*). Близкое к «Слову» значение имеем, однако, и в примере из *Остром. ев.*: «Аще не обратитесь и не будете яко дети, не имате внити в царствие небесьное» (Срезневский, II, 544), где «обратитесь», как в «Слове», станете иными, в данном случае — исправитесь, станете лучшими, тогда как в «Слове» времена тоже стали иными — худшими.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. — *саблями* — см. выше, стр. 57 (примеры с XI в.: Срезневский, III, 238). — *ранами* — в прямом значении — поранение и «беда», «поражение», «удар», слово известно с XI в., в единств. и во множ. числе (Срезневский, III, 68—70).

Ипатьевская летопись под 1185 г. сообщает, что после поражения «на Каяле» «половци вземше город Римов и ополонишася полона», а под Переяславлем князь Владимир Глебович «бьшеть ранен велми язвами смеръными», но города половцы взять не успели. На читателя-современника, знающего эти факты, рассчитано лаконичное горестное восклицание «Слова», точно оттенившее разницу между судьбой Римова и Переяславля. *Кричатъ подъ саблями* — вариант более обычного образа побежденных, который в «Слове» отнесен к половцам: *Половци . . . главы своя подклониша полъ тьи мечи харалужныи*. В обоих выражениях побежденные — под оружием победителя. Но Переяславль не был взят: половцы отступили от него, узнав, что сюда направляются на помощь Святослав и Рюрик с дружинами. Однако переяславский князь Владимир Глебович, схватившийся с половцами за пределами городских укреплений, был тяжело ранен, и его спасли подоспевшие из города на помощь переяславцы. Немало дружины переяславской полегло во время сражения, длившегося целый день, с осадившим город войском Кончака, однако город он не успел захватить. Вот почему *Володимиръ* — обобщенный образ всех пострадавших в бою переяславцев, *кричитъ не подъ оружием врага, а лишь подъ ранами*. Но почувствовать за этими лаконичными словами трагедию двух городов, пострадавших от половцев, могли только читатели (или слушатели), знавшие более подробно о набеге половцев на «Посулье».

Туга и тоска сыну Глѣбову! — вариант известных с XI в. в переводной и русской литературе синонимических сочетаний: «туга и печаль», «туга и скорбь» (примеры: Срезневский, III, 1031—1032). В «Слове» *туга и тоска* всегда — «печаль, горе»; см. еще: *А въстона бо, братие, Киевъ тугою . . . Тугою възидоша по Руской земли*. Этот оттенок значения подтверждается летописными примерами: «Люте бяше . . . туга, беда на всех» (в рассказе Новг. I лет. 1128 г. о голоде); «на улици скърбь . . . дома тъска» (там же 1230 г. — другие примеры: Срезневский, I, 1106; III, 1032).

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, огня злата стола поблюсти? — Хотя автор именует Всеволода тем титулом, который он принял в своем княжестве — *великий княже*, но *огнь златъ столъ* для него — Киев, и *поблюсти* его он зовет князя, Этот термин принят в XII в. и летописью: «. . . блюсти Чернигова и всее волости своее»

(Ипат. лет., 1180 г.). Ср.: «Игоря поблюдут сторожеве» (Лавр. лет., 1147 г.). — Метафорическое сопоставление мысли и настроений человека с крыльями — не *мыслию ти прелетѣти* — находим в гимнографии и в Пчеле: «Страстное усюпи многовльннное море и бесстрастными прелете пречистыима крилома» (Миняя 1097 г., ноябрь, л. 134). В Пчеле: «Того ради крила дана суть птицам, да прелетять (сеть), а того ради мысль человеком, да убежат греха» (Срезневский, II, 1659). Близкую параллель к сочетанию *мыслию прелетѣти* дает Шестоднев: «мыслию възлетети» (слово 1-е, л. 19 об.; ср. в «Слове»: *Боян летая умошь подь облакы*).

Ты бо можешу Волгу веслы раскропиту, а Донъ шелома выльяти. — *веслы раскропиту* — слово «весло», по памятникам известно с XI в. — *раскропиту* — Срезневский дает примеры на глаголы «крапляти» (I, 1315, 1330) и «вѣскропиту» воду (I, 406). В летописи в библейской цитате последний глагол сочетается также с вин. пад.: «... вѣскроплю на вы воду чисту» (Лавр. лет., 988 г.). Этот гиперболический образ напоминал об успешных походах Всеволода против волжских болгар 1183 и 1186 гг. и был понятен современникам этих событий несмотря на лаконизм. Призыв выступить так же успешно и на южной границе, где потерпел поражение Игорь, выражен аналогичным гиперболическим образом: *Донъ шелома выльяти*. Лексические параллели к этому образу дают памятники XI—XIII вв.: «выльяти в кадь» (Лавр. лет., 997 г.); «ляти» (Флавий, стр. 305); «разлял» (Пчела, стр. 250); «ни моря уполовником выляти» (Даниил Заточник, стр. 92).

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по резанѣ. — Конструкция с начальным *аже* (или в книжной форме «аще»): «Аще бы эде был, не бы умерл брат наю Лазарь» (Слово на воскресение Лазаря); «аще бы жив был, то умирал бы римскую рать» (Флавий, стр. 337). — *по ногатѣ ... по резанѣ* — в Духовной Климента (не позднее 1270 г.) употреблены также оба эти названия: «... възяти Климяте на Борьке 13 ногате ... а у Микифорця 40 резан» (Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1953, стр. 109). Старшие примеры, где встречаются термины «ногата» и «резана», известны по древнейшей редакции Русской Правды. — *Чага* в перечне военной добычи упоминается в Ипат. лет. под 1170 г.: «... взяша полона ... чагами и детьми их» (Срезневский, III, 1467). О дешевизне пленников после большой победы пишет Флавий: «... продаша с женами и с чяды на мале цене, по 10 златник, зане умножишася продающеи, а купець умалися» (стр. 428).

Ты бо можешу посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. — В Ипат. лет. под 1184 г. речь идет о «живом огне», которым пользовалось войско Кончака: «... бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живым огньемъ». Здесь глагол *стрѣляти* уже утратил свое первоначальное значение (стрелять стрелами), точнее расширил его. Востоковеды сопоставляют шерешеры с персидским «тир-и-черх» и считают, что к этому слову восходит половецкий военный термин, обозначающий «живой огонь». — *посуху* — Миняя 1096 г.: «... к пристанищу ... по суху преплула еста» (стр. 45); «пучину по суху преидосте» (стр. 203). — *удалыми сыны Глѣбовы* — «Всеволод ... во Олговичех всех удалее рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ» (Ипат. лет., 1196 г.: Срезневский, III, 1145). Речь идет о сыновьях Глеба Рязанского, «которых Всеволод держал в своей власти» (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 46), — снова намек, понятный лишь современникам.

Ты, буи Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? — Исследователи предлагают исправить эту фразу, добавив

«вои» после слов *не ваю ли* (см. об этой поправке: Перетц, стр. 275); пропуск этого слова объясняют тем, что перед ним стоит сходное по написанию *ваю*. Если принять эту поправку, то чтение *не ваю ли вои* вместе со следующей фразой — *не ваю ли храбрая дружина* — даст два вопроса, одинаково относящиеся к дружинникам, причем окажется, что *злаченными шеломами* наделены *вои*. Между тем в «Слове» обычно золотыми называются лишь княжеские вещи (стол, стремя, седло). Может быть, приемлее другая поправка: *не ваю ли злаченые шелома по крови плаваша?* Тогда храбрость самих князей будет представлена в образе их упавших среди боя *злаченыхъ шеломовъ*, плавающих в крови убитых, а вторая фраза уже даст образ храброй дружины. Ошибка при переписке могла возникнуть под воздействием следующего слова с окончанием «мы». — К форме *злаченными* дает параллель Хождение игумена Даниила, где не раз отмечается, что церкви или врата покрыты «чешуями позлащенными» или «медю позлащенною» (Даниил игумен, стр. 18, 30 32). Ср. в Минее 1097 г. «позлачене криле» (ноябрь, стр. 320). — *по крови плаваша* — сочетание «плавати по» с дат. пад. имеем в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона: «исходящен в море и плавающей по нему» (Иларион, стр. 63).

Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полъ незнаемъ? — К сочетанию *рыкають акы тури* имеем параллели с XI в.: «Акы лев ходитъ, рикая, ишта кого пожреть» (Изборник Святослава 1073 г.); «они послании . . . рикающе акы зверие дивии» (житие Бориса и Глеба: Срезневский, III, 122, 210). Как в «Слове», глагол «рыкати» с XI в. встречается в сравнении с дикими зверями. Ср. в Псалтыри: «яко лев рикая» или без сравнения — «рыках от въздыхания сердца моего» (Амфилохий, I, стр. 121, 224). — *на полъ незнаемъ* — см. выше, стр. 44.

Вступита, господина, въ злата стремя за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буге Святславича! — *вступита въ злата стремя* — см. выше, стр. 43. — Обращение *господине* (ср. то же в плаче Ярославны) имеем в плаче владимирцев по Андрее Боголюбском: «Ужели Киеву поеха, господине, в ту церковь» (Ипат. лет., 1175 г.). Это обращение начало употребляться по отношению к князю на северо-востоке с середины 70-х годов XII в. До этого так называли владельца холопов, хозяина заупов (Русская Правда). На юге термин «господин» привился в Галичине, где также шла борьба за сильную княжескую власть. Владимир Галицкий так обращается к Всеволоду Суздальскому: «Отце господине» (Ипат. лет., 1190 г.). Уже в XIV—XV вв. термин «господин» вытесняется новым — «государь» (Д. С. Лихачев. Общественно-политические идеи Слова о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 25—26). — *за обиду сего времени, за землю Русскую* — см. выше, стр. 52. — *за землю Русскую* — этот призыв звучит в летописи XI—XII вв. постоянно в рассказах о борьбе с внешними врагами. — *раны Игоревы* — в данном случае слово «раны» имеет общее значение «поражение» (Срезневский, III, 69), например: «Прогнаша их, давши им рану немалу» (Новг. I лет., 1298 г.).

Галичкы Осмомыслъ Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. — Свод толкований эпитета «Осмомысл» дан В. Н. Перетцем (стр. 276—277). Ф. И. Покровский предложил объяснить этот эпитет как обобщение «восьми наиболее важных забот, которые занимали кн. Ярослава в его государственной деятельности» и которые перечислены в «Слове»: «... подпер горы Угорскыи . . . заступив королеви путь . . . затворив Дунаю ворота . . . меча бремены . . . судя рядя . . . грозы твоя

по землям текут ... стреляши с огня злата стола салтани за землями» (Ярослав «Осмомысл» — Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского — Сб. ОРЯС АН, т. 101, № 3 стр. 199—202). Ср. эпитет Бориса Тверского «шестословен еси именем» (Н. П. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное. СПб., 1908, стр. 13). — *высоко съдиши ... на столѣ.* — У Флавия римский цесарь «седе на висоце престоле» (стр. 295); «сътворену ему бывъшу високу престолу» (стр. 434); и сам этот престол «златой» (стр. 243, 245); «На столе седить отчи» (Чтение о Борисе и Глебе); «седе на столе Кыеве» (Новг. I лет., 1113 г.: Срезневский, III, 891, 900). С такими же определениями «высок» и «злат» «стол» — престол встречается и в учительной и житийной литературе. «Князи на висоце столе седяще» (Златоструй XII в.); «Сед... на столе злате» (Деяния апостолов: Срезневский, III, 517). — *златокованнѣмъ* — «златоськованную трубу» (Миней 1097 г., ноябрь, стр. 363); «златокованныя трубы» (Моление Даниила Заточника: Срезневский, III, 1004); «50 поясов златокованных» (Девгениево деяние, стр. 153). В сборнике поучений XV в. — «златокованна престола» (цит. по кн.: Перетц, стр. 277). Этот пышный образ имел опору в действительности: «Кремль Галича, где находилась и резиденция Ярослава Осмомысла, был расположен на высоком холме. а эпитет „златокованный“ вместо обычного „злаг“ подчеркивает не только политическое значение Галицкого княжества в XII в., но и его богатство по сравнению с другими княжествами. Сила и могущество Ярослава отмечены его посмертной характеристикой в Ипат. лет. (1187 г.): „честен в землях и славен полкы своими: где бо бяшесть ему обида, сам не ходяшесть полкы своими, но посылашесть я с воєводами; бе бо ростроил землю свою“. Так расшифровывается историческая достоверность образной характеристики Ярослава в „Слове“ (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 46—47).

подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки. — *горы Угорскыи* — «горы великия яже прозвашася горы Угорьска» (Повесть временных лет по Радзивиловскому и Академическому спискам, 898 г.). — *подперъ* — «повеле распяти его и подъпрети руце ему и нозе» (житие Кондратия XI в.: Срезневский, II, 1066). — *желѣзными плѣки* — см. выше, стр. 77.

заступивъ Королеви путь — в Повести временных лет под 971 г.: «...се печенези заступиша пороги», и еще ближе сочетание в переводе Флавия: «...заступи им вся пути» (стр. 356). Ср. выше в рассказе «Слова» о солнечном затмении: *Солнце ему тѣмоу путь заступаше.* — *Королеви* — Галицкая летопись называет так венгерского короля: «...посла во Угры королеви», «просиша у короля Угорьскаго» (Ипат. лет., 1203 и 1208 гг.).

затворивъ Дунаю ворота — сочетание глагола, «затворити» с дат. пад. имеем в переводе Флавия: «...затворив врата граду» (стр. 170). «Затворить ворота» в языке XI—XII вв. обозначало всегда оказать сопротивление врагу. Обычно речь идет о городских воротах. В «Слове» это выражение приобретает всегда более широкий смысл: Ярослав «затворил ворота своей земли от Дуная ... от стран, находящихся по Дунаю, в первую очередь от Византии, с которой Ярослав на Дунае имел смежные границы» (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 82). В таком же смысле дат. пад. при «затворити» употреблен ниже в выражении *загородите полю ворота* — от поля, т. е. от половцев.

меча бремены чрезъ облаки — здесь *бремены* поправка, предложенная в переводе в первом издании «Слова», вместо *времены*, как читается в списках. — *Бремены* во множ. числе употребляется в XI—XII вв. и

в прямом и в переносном значении: «отъя от бремени хрѣбет их» (Амфилохий, II, стр. 53); «греховны бремены» (Минея 1096—1097 гг., октябрь, стр. 216, ноябрь, стр. 315); «бремены тяжки» (житие Феодосия Печерского: Срезневский, I, 186); «меча камень на птицы, отгонит их» (Пчела, стр. 54, изречение Иисуса Сирахова); «меташа бо каменем» (Ипат. лет., 1234 г.).

суды рѣды до Дуная — этот оттенок значения глагола «рядити» в соединении с понятием «суд» — чинить суд, судить — подтверждается примерами, где вместо «суд» стоит «тяжа — тяжба», т. е. тоже судебное разбирательство: «По воле епископле тяжу да рядитъ» (Пандекты Никона в списке XIII в.); «А кому с кым тяжа, суда дати» (Грамота 1264 г.: Срезневский, III, 229, 1100). В Ипат. лет. под 1154 г. имеем тавтологическое сочетание: «... а рядов всех не могу рядити».

Грозы твоя по землямъ текутъ — см. комментарий к описанию «грозы» Святослава, стр. 76. — Глаголы типа «течь», «лечь», «литься» с приставками в «Слове» нередко сочетаются с отвлеченными понятиями: *Боян растѣкашется мыслию ... тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи*. В ряду этих сочетаний находит свое место и образ текущей грозы Ярослава. Летопись не дает примеров на такое употребление глагола «течь», но в памятниках известно применение этого глагола (и его вариантов с приставками) в общем значении «двигаться», «идти»: «текушим кораблем», «духомъ горети и теши» (Пролог XIV в.: Срезневский, III, 956).

отворяши Киеву врата — здесь, как и в рассказе о Всеславе Полоцком, который отвори врата Нову-граду, сочетание применено не в обычном значении — город открывает свои ворота, т. е. сдается, а обозначает, что завоеватель сам открывает их. Ярослав Галицкий и Всеслав Полоцкий временно захватывали Киев и Новгород, что и напомнило «Слово» одним и тем же образом открытых князьями городских ворот. Значение «открыть ворота» — завоевать город имеется в летописи в рассказе 1096 г. о нападении Боняка на Киев. Летопись сообщает, что здесь убили «Се-венча Боняковича дикаго половщина», который грозился: «Хошю сечи в Золотая врата, яко же и отець мой». «Сечи врата» — открыть их, т. е. захватить город. Дат. пад. Киеву ср. Дунаю врата, полю врата — имеет соответствие в языке Галицк. ев. 1144 г.: «приближися ко вратом граду» (цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 65).

стрѣляши съ огня злата стола салтани за землями. — Исследователи предполагают, что автор «Слова» слышал о начавшейся около 1185 г. подготовке к третьему крестовому походу против Султана Саладина, организованному Фридрихом Барбароссой. Возможно, что вместе с венграми в этот поход звали и галичан. В Ипат. лет. под 1190 г. сообщается, что царь немецкий пошел биться «за гроб господень». Известны сношения сына Ярослава с Фридрихом, поэтому не исключена возможность, что автор «Слова» знал о каких-то намерениях Ярослава включиться в войска крестоносцев и внес в свой рассказ такую деталь, как указание, что «стреляти салтана» приходится за землями, т. е. далеко (А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 125—126, со ссылкой на исследование Д. Дубенского). В данном случае формой *стрѣляши* передана уверенность автора, что Ярослав действительно отправит свои войска на «салтана». Множ. число *салтани*, возможно, дает общее имя туркам, которых возглавлял Султан Саладин. Самое слово «салтан» впервые отмечено Срезневским (III, 245) примером XV в. из «Хожения» Афанасия Никитина. Однако А. И. Лященко указал, что в списке XV в. Моления Даниила Заточника это слово встречается в описании разно-

образных состязаний, взятом из «неизвестного нам лигатурного источника». Вся лексика этого описания («королязи бо и ковари о форозе рытиры, могистрове, дуксове, бокшороде и форози тем имеют и милость у поганных солтанов и у королев») находит параллели в памятниках XII—XIII вв. Прозвище «Залтан» носил, по словам Константина Багрянородного, один из сыновей венгерского вождя Ариана. Сочетание «поганных салтанов», как и ряд «малопонятных имен» этого отрывка, А. И. Лященко объясняет фактами истории Венгрии: «На Руси долго помнили, что „кавары“ и „бокшороде“ (названия племен венгров и мадьяр) были кочевниками и родичами других инородцев-язычников, которых обыкновенно называли погаными» (А. И. Лященко. Из комментария к «Молению» Даниила Заточника. — Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому, Л., 1924, стр. 412—420). — *Стрѣляти* без добавления «стрелами» известно с XI в.: «Ни стреляти заяць» (Григорий Назианзин XI в.), «Печенези . . . стреляюще его» (Лавр. лет., 968 г.). Это беспредложное сочетание с винит. пад. предшествует выражению «стрелять в кого» (Срезневский, III, 571).

Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буге Святславлича — см. выше, стр. 92, 93.

А ты, буи Романе, и Мстиславе! — *Буи Романе* — «Слово» наделяет этим эпитетом именно Романа Мстиславича, которого летописец отметил следующей посмертной характеристикой: «. . . устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же быст яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и, прехожаше землю их яко и орел, храбър бо бе яко и тур» (Ипат. лет. 1201 г.).

храбрая мысль носитъ ваю (испр. из *васъ*) *умъ на дѣло* — примеры, в которых *мысль* обозначает «размышление, суждение», встречаются с XI в. (Срезневский, II, 217). Однако среди приведенных Срезневским материалов нет ни сочетания *мысль носитъ*, ни эпитета *храбрая* в применении к мысли. Но если *мысль* может «летать» (в «Слове» такой образ встречается неоднократно), то она может и «нести» *умъ на дѣло*. Аналогичные сочетания, в которых «мысль» представляется как бы вне человека, выше его, имеем и в переводной и в русской литературе: «Мысль твоя вне парит» (Златоструй XII в.); «бых мыслию паря, яко орел паряй по воздуху» (Даниил Заточник); «вознесешя умом» (Даниил игумен). — К сочетанию *носитъ . . . на дѣло*: «. . . потъснетеса на все дела добрая» (Поучение Владимира Мономаха, Лавр. лет., 1097 г.); «тосняшетса на великая дела» (Ипат. лет., 1198 г.).

Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяеся, хотя птицю въ буиставѣ одолѣти. — *высоко* — «не мыслите высоко» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, I, 451). — *плаваеши* — этот глагол употреблялся и для выражения движения мысли: «ума плавающа» (Слово Евагрия о осьми мыслех); «нечистый он дух и зъл, иже из чело века изълезъша и плававъшю» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, II, 949). Как видим, оба слова — *высоко плаваеши* — применялись и к движению мысли, ума (ср. выше: *храбрая мысль носитъ ваю умъ на дѣло*). — *въ буести* — см. выше, стр. 87. — *на вѣтрехъ ширяеся* — «ширяеся по пространу веселом сердцем» (житие Андрея Юродивого: Срезневский, III, 1596). Н. В. Шарлемань толкует весь этот метафорический образ, исходя из наблюдений над полетом сокола, который может «ширяться», т. е. парить, не двигая крыльями, когда есть течение воздуха. Термин «ширяться» сохранился в украинском языке (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 112).

хотя птицю въ буйствѣ одолѣти — в примерах Срезневского ближе всего к сочетанию хотя одолѣти — «хощет тя погубити» (Чтение о Борисе и Глебе); «хотети отяти» (Грамота 1130 г.); «хотя пленити» (Псковск. I лет., 1272 г.: Срезневский, III, 1390). — *одолѣти* в значении «победить» — постоянно в летописи XII в. — *буйствѣ* — вариант к тексту Минеи 1096 г. — «буйства низложи» (октябрь, стр. 235).

Суть бо у ваю желѣзныи паворзи (испр. из *папорзи*) *подъ шеломи Латинскими*. — Предложено немало поправок слова «папорзи». Из них последней по времени является гипотеза, выдвинутая Ю. М. Лотманом, который предложил читать «паворози», как назывались завязки из ремня у латинских шлемов, причем эти завязки укреплялись железными пластинками (Ю. М. Лотман. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 37—40). Однако при таком понимании слова *папорзи* становится непонятно, к кому относится в следующей фразе *тѣми тресну земля*. Поэтому остается более вероятной гипотеза А. С. Орлова, предложившего читать «паропци» от древнерусского «паробок» — «паробци»: в письме Владимира Мономаха Олегу Черниговскому — «научиша бо и паропци» (Лавр. лет., 1096 г.), в рассказе о смерти Андрея Боголюбского: «о паробъче» (Ипат. лет., 1175 г.; А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 126—127). — Эпитет *желѣзныи* здесь применен в том же значении, как в сочетании *желѣзныи плѣки* — см. выше, стр. 77.

и мнози страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци. — «Из Романов, современников автора, только Роман Мстиславич Галицкий ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение» (т. е. *шеломы латинские*) (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 48).

сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подѣ тыи мечи харалужныи. — «Повръзете оружие» — предложение сдать в переводе Флавия (стр. 386); «повергшим оружие и предавшимся вам отдам живот» (там же, стр. 425). — В летописи и переводных памятниках часты упоминания *сулиц* среди оружия (примеры см.: Перетц I, стр. 281). С XI в. известен и другой образ покорения, подчинения победителю: «Подъклонил есть выю свою под иго избравъшаго и» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, II, 1058). Оборот «подклони под» имеем и в переводе Амартола: «Египетскую власть под римляны подклони» (стр. 365). В книге пророка Исаии: «крепции ваши под мечем падут» (Перетц I, стр. 292).

Нѣ уже, княже, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ — такую форму дат. пад. знает Повесть временных лет: «... царь посла к Игорю» (Лавр. лет., 944г.); ср. в «Слове»: князю Игорю не бытъ ... слава Игорю, а рядом с иной флексией — *Игореви князю богъ путь кажетъ*. — *утрѣпѣ* — примеры у Срезневского дают значение «ослабеть» только для состояния человека: «утрѣпоста ми руце» (Златоструй XII в.), однако согласование здесь то же, что в «Слове» — дополнение в дат. пад. (Срезневский, III, 1323); «Борис нача тельмо утѣрпывати» (житие Бориса и Глеба: Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. Издан А. А. Шахматовым и П. А. Лавровым. М., 1899, стр. 13). — *солнцю свѣтъ* — дательный падеж, как в сочетаниях «Бысть помрачение солнцю» (Псков. I лет., 1331 г.: Срезневский, III, 734): «отцу единосущен, яко же солнцю свет» (Иларион, стр. 64).

а древо не бологомъ листвие срони. — «шелом с него срони» (Переясл. лет., 1151 г.: Срезневский, III, 816). В Паренесисе Ефрема Сирина образ опавших листьев как символ несчастья: «... буду яко сад от-

метнувшие своя листовья» (Барсов, III, стр. 439). — бологомъ — см. стр. 107.

По Роси и по Сули гради подѣлиша — обычно в этом значении в летописи «делить, разделить», однако употребляется и «поделить» в значении «наделить»: «Тем сребром подели братию свою» (Переясл. лет., 1144 г.), в Новг. I лет. под 1398 г.: «... двинский воеводы ... волости новгородскыи и бояр новгородскыи поделиша собе на части» (Срезневский, II, 1076). С XI в. обычно в таком значении «разделить» с винит. пад.: «Раздели има имение» (Остром. ев.: Срезневский, III, 39). В данном случае *подѣлиша* с винит. пад. имеет то же значение, что «разделить»: половцы именно разделили между собой *гради*, а не «наделяли» ими друг друга. — Летопись употребляет как термины *по Роси*, *по Сули*, сообщая о набегах половцев: «... начаша половци пакость творити по Рьси», «воева Кончак по Рси» (Ипат. лет., 1174, 1187 гг.); «взяша все городы по Суле» (Лавр. лет., 1186 г.).

А Игорева храбраго плѣку не крѣсити — см. выше, стр. 72. Здесь этот возглас подкрепляет призыв выступить, напоминая о невозвратимой потере: Игоревы войска уже не будут сражаться, но жизнь продолжается — надо действовать. Таков смысл этого выражения и в летописи: «Уже мне сих не кресити» (Ярослав об убитых варягах); в Лавр. лет. под 1151 г.: «Сего нама уже не кресити» (об убитом Игоре Ольговиче).

Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. — *кличетъ, побѣду* — см. выше, стр. 72, 75.

Оловичи, храбрыи князи, доспѣли на брань. — Термин *доспѣли* встречается с 992 г.: печенеги, вызывая русского воина на поединок, говорят: «Не ли мужа? Се наш доспел» (Лавр. лет.). Летописи XII—XIII вв. постоянно пользуются термином «доспеть» в этом значении: «Всеволод нача доспевати», «доспевайте вси доколе реки ся установять», «Изяслав ти уже доспевает» (Ипат. лет., 1146, 1147, 1149 гг. и т. д., ср.: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 63). Глагол «доспевати» может сочетаться с предлогом «на»: «Изяслав ... нача доспевати на Ярослава» (Ипат. лет., 1153 г.: Срезневский, I, 710—711). — *на брань* — «... на брани побежен будеши» (Изборник Святослава 1076 г.: Срезневский, I, 166).

В построении обращения к «буй-Роману» — Роману Мстиславичу Галицкому, который действительно совершил походы на перечисленные в «Слове» народы, и к его союзнику Мстиславу (по мнению Д. С. Лихачева, Ярославичу Пересопницкому или Всеволодичу Городенскому: Истор. и полит. кругозор, стр. 48) есть одна синтаксическая особенность. Автор ведет изложение то в единственном, то во множественном числе. По-видимому, главным организатором победоносных походов на соседей был Роман Мстиславич Галицкий, и потому автор, забывая иногда о его союзнике, ведет рассказ в единственном числе. Исходя из этой черты построения всего обращения к этим князьям, можно предположить, что дальнейший призыв адресуется не Игорю, а именно Роману и что знаки препинания должны быть расставлены следующим образом: *Нѣ уже, княже (Роман), Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листовие срони. По Роси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти, княже (Роман), кличетъ и зоветъ князи на побѣду...*». Если бы автор обращался к Игорю — *нѣ уже, княже Игорю. Донѣ ти, княже (Игорю), кличетъ*, он должен был бы сказать между этими двумя обращениями — *а твоего храбраго плѣку не крѣсити*. Таким образом, предполагая, что вся вторая часть обращения напоминает Роману о судьбе Игоря и его войска, о набегах половцев — *Игорю утрѣпѣ свет солнца*, его полк уже не воскресить, и *Донѣ* вместе с автором зовёт

князи, т. е. уже обоих союзников — Романа и Мстислава или вообще князей на побѣду.

Инѣгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрыльци! — Соответствие этих имен истории Волыни разъясняет Д. С. Лихачев (Истор. и полит. кругозор, стр. 48—49). Литературную параллель к слову *шестокрыльци* дает Изборник Святослава 1076 г.: «... шестокрыльцьмъ лица закрывающемъ» (Срезневский, III, 1589). В переводной учительной литературе XI—XIII вв. близкие слова «шестокрылат», «шестокрыльнии» — обычные определения «серафимов» (там же, 1561). Но есть и реальная основа для появления слова «шестокрыльци» как эпитета храбрых князей, причем эта основа напоминает добавление разъясняющих слов — *не худа гнѣзда*. В «Слове» обычно сопоставление князей с соколами — охотничьей птицей. Род волынских князей — их *гнездо*, ср. *Ольгово хороброе гнѣздо*, а в речи Святослава сокол *не дастъ гнѣзда своего въ обиду*. Н. В. Шарлемань пояснил, что «весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 113). Возможно, что тем же путем в «юнацких» песнях болгар и сербов возник эпитет «шестокрылец», прилагаемый к имени богатыря Рельо, — см.: Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве». — Слово, стр. 191). В 1948 г. Марк Шефтель (La Geste, стр. 133) указал, что в демотическом греческом языке, как и в новогреческом, слились названия рипид, изображающих шестикрылых серафимов, с именем сокола. В переносном смысле такой сокол обозначает человека, отличающегося быстрыми движениями и большой энергией. А. В. Соловьев добавляет (Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XX, 1964, стр. 371), что слова «шестокрыл», «шестокрыльць» обозначали в древнерусском, как и в новогреческом (а вероятно, и в болгарском и сербском), одинаково библейского серафима, быстрого сокола и, наконец, быстрого удалого витязя. А. В. Соловьев сопоставляет с таким толкованием выражение Повести о разорении Рязани: «Сии бо люди крылатии и не имеющие смерти». За древность слова «шестокрыльци», по указанию А. В. Соловьева, говорит самая его форма: в XVIII и XIX вв. в таком сложном слове «гласная при основе на ть непременно будет и или е» (отсюда «шестикрылый» серафим у Пушкина), «между тем в тексте „Слова“ стоит древняя форма, типичная для церковнославянского языка — «шестокрыльци». Справка Н. В. Шарлеманя о шести крыльях сокола объясняет, почему автор «Слова» — отличный знаток соколиной охоты — воспользовался книжным образом, обозначающим и церковного серафима, а в живом греческом языке его времени и сокола — отважного витязя. — *Худа* в применении к понятию «род» (в данном случае «гнездо» — род) встречаем в переводных памятниках старшего периода: «... не худ еси в тысуцах Иудовах» (Кирилл Иерусалимский по списку XIII в.), Пчела противопоставляет «славных граждан» — «худым» (Срезневский, III, 1418); «род отца моего худ есть» (Флавий, стр. 220).

не побѣдными жребии собѣ власти расхытите! — Эта фраза вызвала сомнения у исследователей: в том виде, в каком она читается в первом издании, она обозначает, что князья волынские получили власть законным путем, а не войной — «победой». Но глагол *расхытите* имеет оттенок значения тот же, что глагол «вѣсхытити» — похитить, захватить. Возможно, поэтому предлагают внести поправку и восстановить будто бы пропущенное при переписке «ли»: *Не побѣдными ли жребии*, т. е. не войной ли. Опору для такой поправки могут дать известия о том, что волын-

ские князья не раз получали военную помощь от «ляхов» в своей борьбе с киевскими и галицкими князьями (Д. С. Лихачев. Истор. и полит. кругозор, стр. 48—49). Очевидно, нужны специальные исследования истории княжения названных в «Слове» волынских князей, чтобы решить вопрос о том, есть ли необходимость вносить поправку в данном тексте первого издания. — *Не побѣдныи* в значении «не военный» находим в языке гимнографии: *Миня 1095 г.* — «непобедными оружиими приобряжся, верою и надежею», «душа своя спасл ... непобедно» (сентябрь, стр. 061, 0165 — в обоих случаях образ составляет часть обычной в гимнографии метафоры: святой — воин Христов). — Сочетание *власти расхытите* имеет аналогию у Кирилла Туровского: он упрекает монахов, «бес страха богия живущих», «земная чести и власти о собе въсхитающа» (изд. И. П. Еремина. — ТОДРЛ, т. XII, стр. 356). В значении «область»: «...ти же на 4 власти разделиша Юдею» (Амартол, стр. 197); «и истреби вся власти ты» (там же, стр. 344); «многи же църкви созда во власти своей» (Лавр. лет., 1212 г.); «начаша ему стужати, хотяще власти ов сея, ова же другие, сей же смиряя их, раздавая власти им» (Радзивил. лет., 1093 г.).

Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкыи и щиты? — Вопросительное *кое* имеем в переводных памятниках: «Кое суть ваши бози?» (Супрасльск. рук. XI в.); в Палее по списку XV в.: «Разбери, кое отроки и кое девици». В летописи: «Олег ... рече: „Кое есть конь мой?“» (Лавр. лет., 912 г.); «братья вси со мною суть, а кое есть Андреевичь Володимер и Ярослав и Давыд» (Ипат. лет., 1169 г.). — В этом вопросе обращает на себя внимание определение сулиц *Ляцкыи*. По мнению Д. С. Лихачева, здесь автор, имея в виду полупольское происхождение волынских Мстиславичей (по матери они были внуками польского короля Болеслава Кривоустого), намекает одновременно и на ту военную помощь, которую получали волынские князья из Польши (Истор. и полит. кругозор, стр. 48—49).

Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича! — Исходным для создания поэтического образа-метафоры *загородите полю ворота* явился военный термин «затворити ворота», т. е. решить не пустить в город осаждающего его противника. Термин этот был настолько привычным, что часто летописцы ограничивались одним глаголом: «затворися в городе» (Ипат. лет., 1175 г.) или «затвори все кыяны» (там же, 1174 г., см. примеры: Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 80). Противоположный смысл имело выражение «отворити ворота», т. е. сдать врагу. На почве этого термина создалось расширенное значение слова «ворота» — вход, который может быть открыт и закрыт, хотя бы настоящих ворот там и не было. Такое расширенное значение мы встречаем в рассказе Ипат. лет. о походе Игоря. Узнав о разгроме русского войска, Святослав горестно упрекает князей: «...не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю», т. е. открыли путь половцам, которые теперь, как пишет автор «Слова», *акы пардуже гнѣздо по Рускои земли прострошася*. В начале рассказа автор применяет глагол того же корня, но с другой приставкой, изобразая, как русские войска закрыли собой путь на Русьскую землю: *Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша*, и дальше еще раз повторяется тот же образ: *Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрълеными щиты*. Таким образом, замена глагола в призыве к защите границы со степью не была в художественном языке «Слова» случайной: взывая о помощи к князьям, он мысленно представлял себе реальную картину — *великие поля*, перегороженные

чрълеными щитами храбрых русичей. — преградиша ... претородиша — «от моря до моря прегради острова» (Амартол, стр. 309).

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. — сребреный в данном случае (как и в сочетаниях на сребреныхъ брезѣхъ Донца, сребрении сѣдинѣ Святослава) дает не отмеченное Срезневским значение этого слова, сопоставляющее с серебром разные предметы (речные струи, берега, волосы) лишь по цвету, — «серебристый» (III, 337, 481). —оборот Двина болотомъ течеть имеет параллель в Троицком сборнике XII в., где находим: «Болото иже не течет» (Срезневский, I, 146). Этот эпизод дает исторически точное описание обстановки, сложившейся после поражения войск Игоря: на границе с «полем» по Роси и по Сули половцы гради подѣлиша, войска Кончака кинулись прежде всего к Переяславлю, и на литовской границе Двина предвещает бедствия Полоцкому княжеству. Символическая картина лаконично напоминала современникам о тяжелых последствиях битвы на Каяле.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи с шеломы Литовския. — С приставкой «по» глагол «звонити» отмечен Срезневским (II, 1086) лишь в значении «звонить в колокол». В переводе Флавия мы находим близкий глагол в таком же сочетании — «позвене оружие его», однако смысл этого выражения иной, чем в «Слове»: Изяслав звоном своих мечей о шеломы Литовския подбил славу дѣду своему Всеславу, тогда как в рассказе Флавия неосторожным движением вызванный звук оружия вернул безавших было противников (стр. 403). Образ битвы, созданный в «Слове» представлением о звоне мечей о вражеские шеломы, напоминает одну из деталей описания битвы Игоря с половцами — ту ся саблямъ потручяти о шеломы Полозецкыя и особенно близок к изображению боевой удали Ярѣ Тура Всеволода: гремлеши о шеломы мечи харалужными (ср. выше символическое предвещие битвы: Быти грому великому). В последнем выражении та же синтаксическая конструкция: глагол с творит. пад. орудия, связанный предлогом «о» с дополнением-предметом, на который направлено действие. Исследователи «Слова» не раз отмечали, как много в нем образов звучания, — в их ряду занимает место и звон мечей, переданный глаголом с одной из часто встречающихся в этом памятнике приставок «по» (см. стр. 68). «Звон» автор «Слова» использует и в переносном значении звонячи въ правдѣнюю славу. — острыми мечи — «острый мецю» (Ипат. лет., 1217 г.).

притрепа славу дѣду своему Всеславу (ср.: разшибе славу Яро-славу ... Ишучи себе чти, а князю славѣ). — Имеется в виду воинская слава, почет, как в летописных сообщениях: под 1178 г. «принимше от бога на поганяя победу славою и честью великою»; под 1251 г. — после победы князья «придоста со славою на землю свою» (Ипат. лет.). О сочетании «искати славы» см. выше, стр. 39. — Глагол притрепа в данном случае Л. А. Булаховский предлагал переводить с положительным оттенком значения: «Изяслав поддержал своей борьбой славу своего предка, но погиб, сражаясь, и образно, с горькой иронией, поэт говорит о нем как „прилеяянюм“ (притрепанъ Литовскими мечи), уложенном с женой на кровать литовскими мечами» (Слово 1, стр. 153). Однако позднее исследователь отказался от такого толкования эпизода и вернулся к предложенному в «Материалах» Срезневского переводу «разбить», «сразить» (К лексике Слова о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 35).

а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю (с хотиу?) на кровать, и рекъ... — В этом отрывке предложен ряд поправок к явно испорченному месту: и схоти ю

на кровать (см.: Перетц, стр. 286—287). — *чрълеными щиты* — см. выше, стр. 46. — *на кровавѣ травѣ* — примеры на слово «трава» идут с XI в. (Срезневский, III, 984). — *крававѣ* — с XI в. в разных сочетаниях: «десницу крѣваву», «крѣвав муж» (Срезневский, I, 1338). — Сочетание *притрепанъ Литовскими мечи* сближается с описанием разгрома половцев Святославом, который их *притрепеталь* (предложено исправление *притрепаль*) *своими сильными плѣкы и харалужными мечи*. — и *рекъ* — «тоже слово *рекъ*» (Галицк. ев. XII в., цит. по кн.: Перетц, стр. 287).

Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. — В библейской части русского перевода Хроники Амартола есть близкая параллель. После коварного убийства Науфея пророк Илия предсказывает Ахаву: «...зане убил еси и наследил землю, идеже полизаша пси кровь Науфееву, ту полизуют пси кровь твою» (стр. 178). Но автор «Слова», сохранив самый оборот речи, изменил его смысл: вместо унижения, поругания трупа «псами» в библейской цитате, в «Слове» птицы и звери как бы охраняют убитую дружину, поэтому-то вместо «псов» и названы *звѣри*. — *птицъ крилы приодѣ* — «гребцы стояху яко мглою преодеани» (Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 113). В сочетании с творит. пад.: «Многым правдивием приодена» (Амартол: Срезневский, II, 1442).

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие. — Оборот не *бысть ту* имеется в евангельских текстах XI—XII вв.: «Исуса не бысть ту» (цит. по кн.: Перетц, стр. 287). — *изрони* — см. выше, стр. 86. — *жемчюжну* — душа уподобляется жемчугу в тексте Хроники Амартола, однако русский переводчик перевел греческое «маргарон» более привычным ему названием жемчуга — «бисер»: «...свое же естество душевное видя яко бисер блещашеся» (стр. 440). «Таким образом, выражение *изрони жемчюжну душу* не только книжного происхождения, но наваяно средневековыми представлениями о душе, как чистой, блестящей жемчужине» (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сборник к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, М.—Л., 1934, стр. 177—178). — *Злато ожерелие* — сочетание, встречающееся в русском переводе Хроники Амартола: здесь упоминаются вельможи, «злата ожерелия на выи носяще» (стр. 425). А. В. Арциховский определяет *злато ожерелие* как оплечье одежды русских князей (А. В. Арциховский. Одежда. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, стр. 247). Таким образом, нет надобности переводить «ожерелие» — «ворот, прорез для горла в одежде» (Срезневский, II, 630).

Уныли голоси, пониче веселие — ср.: «ангелы скорбны, унылы» (Хождение богородицы по мукам, список XII в.); «лица уныла и бледа» (Иоанн Лествичник XIII в.: Срезневский, III, 1233). — Комментарий к слову *веселие* см. выше, стр. 79. — *пониче* употребляется и по отношению к человеку — «лукуя поник дряхльством» (Изборник Святослава 1073 г.), и по отношению к природе — «реки ... в земли поничуть» (Шестоднев: Срезневский, II, 1180—1181); ср. в «Слове»: *ничить трава жалошцами*.

трубы трубятъ Городенъскии. — *трубы трубятъ* — см. выше, стр. 36. — *Городенъскии* — Городно было уделом князя Изяслава Васильковича (Перетц, стр. 288). Звук труб предупреждает здесь о приближении врагов: в книге пророка Иезекииля «стражь ти узрит мечъ грядущий на землю, ти вѣструбит трубою» (Перетц, стр. 306).

Ярославе и вси внуце Всеслави! Уже понизите (испр. из понизить) стязи свои. — Поникий или поверженный стяг — символ поражения (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 72). Глагол *понизите* имеет параллель в выражении: «Буди понижен главою, высок же умъмъ» (Изборник Святослава 1076 г.).

вонзите (испр. из вонзить) свои мечи верезени — знак прекращения военных действий (Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 66): «вънзи ножь в ножница» (Евангелие XII в., цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 65); «оружие его вонзе» (вм. «вонзеся»: Флавий, стр. 403). — *мечи верезени* — «и руце и нозе свои вередих» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.); «аже не зельем верезають, нету за то опитемья» (Вопросы Кирика, Саввы, Ильи, 1130—1156 гг.: Памятники древнерусского канонического права, ч. I. Изд. 2-е, СПб., 1908, стлб. 58).

Уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ. — *выскочисте* — в данном контексте имеет переносное значение, но применено с тем же предлогом «из»; примеры XI—XII вв. дают прямое значение: «выскочи из амбона» (Амартол, стр. 533); «выскочи из града» (Флавий, стр. 290). — *дѣднеи* — «хлеб едучи дедень» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.). — *славѣ* — см. выше, стр. 39.

Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславию. — *крамолами* — см. выше, стр. 61. — *наводити* ... *на* — сочетание «навести на», «наводити на» с вин. пад. известно с XI в.: «Не наведу руки моя на помазаника господня» (Пандекты Антиоха XI в.); «Знаменья ... бывают ... на ню же страну владыка что хошет навести» (Ипат. лет., 1187 г.); «Наводитъ бог по гневу своему иноплемьники на землю» (Новг. I лет., 1258 г.) — *на жизнь* — см. выше, стр. 63 (*жизнь Дажь-Божа внука*).

Которою (испр. из которое) бо бѣше насиле отъ земли Половецкыи! — *которою* — см. выше, стр. 61. — Примеры на слово *насиле* начинаются с договора Олега 911 г., известны не только в летописном языке, но и в учительных памятниках (Срезневский, II, 330). Обычно «насиле» сочетается с глаголами «творити», «деяти», «чинити». В «Слове» безличный оборот, поэтому глаголы, требующие назвать прямого виновника, не подходили — синоваты ведь княжеские *которы*. Однако, как в летописном языке, насиле идет от *половцев* — ср.: «Пришьл есмь к вам, слышав насиле от князь» (Новг. I лет., 1210 г.). — Глагол *бѣше* в данном случае употреблен в значении «совершаться» или «приходить», примеры на которое идут с XI в. (Срезневский, I, 205).

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу. — О толкованиях выражения *на седьмомъ вѣцѣ Трояни* см.: Перетц, стр. 290. В Шестодневе содержится целое рассуждение на тему о том, что такое «седьмой век»: он подобен седьмому дню после сотворения мира, который Моисей «отлучи на покой и чьсть». За ним начинается новый «осмый век», подобный первому дню творения мира. Таким образом, седьмой, по Шестодневу, — «последний» (л. 224). «Семь» рассматривают и как эпическое число, известное и в библейских сказаниях, и в народном эпосе. — *врѣже ... жребии о* — этот оборот с вин. пад. встречаем и в деловом языке XII в.: «вергутъ жеребье» — выражение, примененное в договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189—1199 г., и в литературных памятниках «верзите жребии» (Ипат. лет., 1115 г.), «вергоша жребии» (Девгениево деяние, стр. 162), однако в книжном языке чаще встречаем «метати жребий» (примеры: Срезневский, I, 882; II, 189), но с тем же предлогом «о» и винит. пад.: «Разделиша ризы его, мещуе жребия о ня» (Остром. ев.: Срезневский,

1, 882). — Сочетание *дѣвицю себѣ любу* имеет параллель в следующем тексте перевода Флавия: «Видевше же дщерь Христофора царя именем Мариа и повелику люба им бяше» (стр. 561). Ср. в Повести временных лет: «Люба ми есть речь ваша» (Лавр. лет., 948 г.), то же сочетание «люба речь» под 971 и 987 гг.: «Аще ли кому не люба грамотица си» (Поучение Владимира Мономаха. См. еще примеры: Срезневский, II, 90). Как в «Слове», «люб» сочетается всегда с дательным падежом: «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори» (Изборник Святослава 1073 г.: Срезневский, III, 318). Ряд исследователей «Слова» убедительно предполагает, что в образе *дѣвици любви* автор представил Киевский «стол», которым рискнул овладеть в 1068 г. Всеслав, освобожденный киевлянами из «поруба» и возглавивший восстание против князя Изяслава. Словами *врѣже жребию* автор подчеркивает, что не сила, не право, а случайная удача (*жребию*) могла добыть Всеславу *дѣвицю любу* — Киев.

Тѣи клюками подѣпр ся о кони — у Срезневского (II, 1067) есть лишь пример на «подѣпрети»: «Повеле распяти его и подѣпрети руце ему и нозе» (житие Кондратия XI в., ср. «подѣпор» — укрепление, подпора в сборнике XV в. — Срезневский, II, 1066). — *Клюками* в значении «хитрость» известно с XI в. (Срезневский, I, 1230). — *о кони* — предположение Д. С. Лихачева, что «подпорой» для Всеслава послужили те «кони», которых для похода требовали у Изяслава киевляне и которых он им не дал («Дай ... княже оружие и кони»), дает возможность не искать поправок к этому месту текста (Истор. и полит. кругозор, стр. 18—19). Всеслав дал требуемых коней и этой хитростью хоть на короткое время удержался на киевском столе. Однако сочетание глагола «подѣпрети» с предлогом «о» в вин. пад. в данном случае не подтверждается памятниками. О других толкованиях «о кони» см.: Перетц!, стр. 292.

и скочи къ граду Киеву. — Слово «скочить» известно с XI в. (Срезневский, III, 389), см. ниже, стр. 106. — *скочи ... лютымъ звѣремъ* — в сочетании с предлогом *къ*: «Лютын зверь скочи ко мне на бедра» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.).

и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго — «дасть князю пити, доткнувся (вар. «доткнувсья») палцем в чашю» (Новг. I лет., 1066 г.: Срезневский отмечает пример лишь из «Слова» — I, 718). Обычно в значении завладеть чем-либо, приобрести в XI—XII вв. употреблялся глагол «добыти», в том числе и в сочетании со словом «копье»: «...ть же град Исус Наввин сын добы копием» (Флавий, стр. 345; примеры: Срезневский, I, 684). Но Всеслав лишь ненадолго захватил Киевский *златъ столъ*, поэтому автор и пользуется образом, который подчеркивает, что он лишь дотронулся своим *стружиемъ*. Срезневский не дает примеров на это название оружия — см. выше *сребрено стружие*, т. е., по мнению Д. С. Лихачева, древком своего копья (Устные истоки, стр. 76).

Д. В. Айналов предполагал, что в данном случае *стружие* обозначает скипетр, изображение которого есть «на русских великокняжеских золотых и серебряных монетах Владимира, Ярослава: длинный жезл с крестом поверх него, который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом». О таком скипетре говорит служба Борису и Глебу XI—XII в., сообщая, что братья имели «крест в скипетра место». Скипетр — знак великокняжеской власти, но Всеслав, княживший в Киеве 7 месяцев, успел лишь «доткнуться» — дотронуться *стружием* — скипетром до «стола» (ТОДРЛ, т. II, 1935, стр. 86—87). Однако *стружие* в значении «копье» употребил в начале XII в. игумен Даниил, описывая место распятия Христа: вышину камня,

на котором стоял крест, он определяет длиной «стружия» (см. подробнее выше, стр. 51). В летописи символ взятия города военной силой — копьем: уже под 971 г. сообщается, что Святослав «взя город копием», «взяста копием град Всеволож» (Лавр. лет., 971 и 1097 гг.), «взяша град Рязань копием» (Ипат. лет., 1237 г.). Но Всеслав лишь дотронулся копьем до Киевского «злата стола», а не «взял» его прочно. Как и другой южанин — игумен Даниил, автор «Слова» назвал «копье» народным именем *стружие*.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣлаграда — (Александр Македонский) «скочи акы пардус с многою силою на вѣсточныя страны и грады» (Александрия, стр. 42); «Тогда скочить хромьи яко елень» (Иларион. Слово о законе и благодати: Срезневский, III, 389). Сравнение быстрых движений человека с прыжками диких животных, как видим, было известно в литературе с XI в. Д. С. Лихачев предполагает, что в первой фразе *скочи къ граду Киеву* глагол имеет особый оттенок значения — незаконности захвата Киева, подобно тому как Ипат. лет. под 1223 г. рассказывает как «пискуп Асаф» «скочи на стол митрополичь, и за то свержен бысть стола своего» — речь идет именно о наказании за захват (Истор. и полит. кругозор, стр. 18). — Сочетание *лютымъ звѣремъ* известно в русской и переводной литературе с XI в.: «Лютый зверь скочи мне на бедра» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.); «не буде лютей зверь ть» (Изборник Святослава 1073 г.), Флавий применяет это сочетание к Ироду: «... бежати от лютаго сего зверя» (стр. 230). Лавр. лет. под 1069 г. так сообщает о ночном бегстве Всеслава: «... бывъши ноши, утаивъся кыян, бежа из Белагорода». — *въ пльночи из Бѣлаграда* — то же сочетание с предлогом «въ»: «В полунощи бысть гром» (Ипат. лет., 1167 г.). Но рядом «Слово» знает и беспредложный оборот: *кычатъ тѣлѣгы полунощы... прысну море полунощи* — ср. «полунощи же вопль бысть» (Остром. ев.), «полунощи вѣстах» (Пандекты Антиоха XI в.: Срезневский, II, 1147; I, 324).

обѣсися синѣ мьглѣ. — Обычное значение глагола «обеситися» — «повиснуть», «обнять»: «... обещюся твоеи выи» (Златоструй до 1200 г.); «обесися ен на распутии» (Мучение Феклы: Срезневский, II, 587). Но приведенные примеры дают один смысл слова: обнять человека. В «Слове» очевиден другой оттенок значения — «повиснуть», но сохраняется то же сочетание с дат. пад., что А. В. Соловьев объясняет влиянием соответствующего выражения в греческих оригиналах и переводит текст «Слова» — «повис на синем облаке», предлагая в данном случае для слова *мьгла* значение облака (со ссылкой на объяснение Срезневского, II, 223: А. В. Соловьев. Восемь заметок к Слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XX, стр. 374). — К определению *синѣ* Срезневский дает параллель из жития Андрея Юродивого: «Железо сине ... в огне горемо, светло будть» и «синя же пучина» (Ирмологий ок. 1250 г.: Срезневский, III, 356).

утрѣже вазни с три кусы — критический пересмотр всех поправок к этому испорченному чтению «Слова» дан в статье Н. М. Дылевского «„Утрѣ же возни стрикусы отвори врата Нову граду“ в „Слове о полку Игореве“ в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка» (ТОДРЛ, т. XVI, 1960, стр. 60—69). Автор статьи присоединяется к предложенному Р. О. Якобсоном чтению: *утрѣже вазни с три кусы* (La Geste, стр. 241—242). Лексические параллели, приведенные Р. О. Якобсоном: *утрѣже* — аорист от «трѣгнути» — оторвать; *вазнь* — удача, счастье известно с XI в.; *кусы* — «сладка куса не снести» (Слово о хмеле Кирилла Философа по списку XV в. Кирилло-Белозерского монастыря издано: арх. Варлаам. Описание сборника XV столетия

Кирилло-Белозерского монастыря. Ученые записки II отдел. АН, кн. V, СПб., 1858, стр. 65); «уне ми имети каплю вазни, нежели бѣтарь ума» (Пчела); «всяе силы бѣше с двесте тысяч» (Новг. IV лет.).

отвори врата Нову-граду — как и в обращении к Ярославу Осмомыслу *отворяеши Киеву врата* (см. комментарий, стр. 95), имеет значение «временно захватил Новгород». Об этом событии вспоминает Новг. I лет.: «Приде Всеслав и взя Новѣгород, с женами и с детми ... о велика бѣше беда в час тѣй» (1066 г.).

разшибе славу Ярославу — с переносным значением глагола «расшибить» мы встречаемся в Минее 1096 г.: «Глас ти (святого) вещания ... безбожьныя ращибе словѣмъ благодати» (октябрь, стр. 20). Летопись знает лишь прямое значение этого слова: «... прииде ко Пскову ... пороками шибав» (Псковск. II лет., 1065 г., см. другие примеры: Срезневский, III, 98, Перетц, стр. 294).

скочи вълкомъ до Немиги съ Дудутокъ. — *скочи* — см. выше, стр. 57. — Сопоставление с волком — стр. 53. — Объяснения термина «Дудутки» см.: Перетц, стр. 294—295.

На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепи харалужными, на тоуѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью Рускихъ сыновъ. — Эту битву Повесть временных лет описала обычным своим воинским стилем: «И совокупившеся обои на Немизе, месяца марта в 3 день. И бѣше снег велик, и поидоша противу себе. И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа» (Лавр. лет., 1067 г.). Сопоставление битвы и убийства вообще с жатвой, хотя и в ином, чем в «Слове», стилистическом выражении, известно воинскому стилю с XI в. в русских и переводных памятниках, светских и религиозных, разных жанров (примеры таких картин приведены в статье А. С. Орлова: Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902, стр. 22—23). Таким образом, при создании метафорической картины битвы на Немиге автор мог опираться на прочную традицию воинского стиля XI—XII вв. Лексика этой картины «Слова» также издавна известна в памятниках. С XI в. встречаем *снопъ* в описании жатвы в прямом значении, но и переносное его употребление в воинских эпизодах нередко: «И бысть видети падаючи жиды яко снопы с забрал» (Флавий, стр. 304); «падаху с мостка в ров акы сноповья» (Ипат. лет., 1261, 1281 гг.). В Александрии есть другой образ жатвы на поле битвы: «Дарий пожинаше многы народы прѣския, яко же на ниве класы» (стр. 65). В житии о Борисе и Глебе с жатвой сопоставлено убийство: «... не пожнете мне от жития несъзрела, ни пожнете класа не уже съзревша» (Жития Бориса и Глеба, стр. 41). — *Молотятъ* — «на семя рожь молотить» (Грамота митр. Киприана 1392 г.: Срезневский, III, 894). — *чепи харалужными*. — Выражение «молотить чепы» в метафорическом применении встречается в похвале Стефану Пермскому Епифания Премудрого, где находим картину земледельческих работ, близкую к изображению в «Слове» битвы на Немиге: Стефан «яко терние востерзал еси — идолослужение от земли Пермския, яко плугом проповеди взорал еси, яко семенем учением словес книжных насеял еси в браздах сердечных, отнюду же возрастают класы добродетели, их же яко серпом веры сынове пермьстии жнут радостныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя, и яко сушилом воздержания сушаще, и яко чепы терпения млатяще» (Житие св. Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1897, стр. 90). Эпитетом-определением *харалужными* автор «Слова» сам сблизил земледельческое орудие с ме-

чами харалужными, подсказав читателю смысл метафорической картины жатвы на Немиге. — Смерть в бою в этой метафорической картине представлена как отделение души от тела. Параллель к этому дает ряд выражений в переводе Флавия, которые относятся к представлению о всякой смерти, в том числе и к смерти на войне: «... разлучаем душу от тела» (стр. 308); «разлучивше душа от телес» (стр. 392); «душа их железом от тела разрешается» (стр. 400); «душа от тела разлучаются» (стр. 461). В «Слове» этот привычный образ включен в целую метафорическую картину. — *вѣють* — как термин, связанный с уборкой хлеба, находим в одной из берестяных грамот, датированной концом XIV—началом XV в.: «вьял (новгородская замена «ять» через «и», — В. А.-П.) 5 кадецъ пшеницы» (А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954, стр. 23). — *на тоуѣ* — «меж токи с Верьхутна, на Баклановых жеребьях» (1500 г. Новгородские писцовые книги, т. III. СПб., 1868, стр. 216).

Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ (ср.: *Чръна земля подѣ копыты костьми была посѣяна*). — Потоки крови — один из постоянных мотивов боевых картин в русской и переводной литературе с XI в. В паремийном чтении о Борисе и Глебе: «... яко крови их по удолиям течаще» (Жития Бориса и Глеба, стр. 120); та же битва 1019 г. в летописи описана с помощью этого образа: «... яко по удолием крови теши». Иногда кровь течет рекой: «реки кровавы текутъ отъвсюду» (слово Иоанна Златоуста. См. другие примеры: А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей. — ЧОИДР, 1902, кн. 4, стр. 21—22). — *не бологомъ*. — Форма *болого* — книжная «благо»: «... занеже ему болого де(я)л» (Е. Ф. Карский Русская Правда. Л., 1930, стр. 40). — *бологомъ посѣяни* напоминает библейские образы сеющего «правду» или «неправду» человека (Притчи Соломона). Ср. аналогичное сочетание с творит. пад. орудия: «... видех мъртвьвць износим добръмъ покръвена» (Патерик Синайский XI в.: Срезневский, I, 674). — *Рускихъ сыновъ* — это название русского народа читается в Хождении игумена Даниила: «... вся дружина моя, Русьсьти сынове» (стр. 136); «сию (Ольгу) бо хвалят Русьсьти сынове» (Лавр. лет., 969 г.).

Всславъ князь людемъ судяше, княземъ градъ рядяше — такое сближение глаголов «судити» и «рядити» имеем во вкладной конца XIV в.: «Судити и рядити игумену» (Срезневский, III, 230). В летописи «рядити» может стоять непосредственно вместе с сообщением о распределении городов: «А и(з) Суждалскои ти земле Новагорода не рядити, ни волостии ти не роздавати» (Договор Новгорода с Ярославом 1264—1265 г.: Срезневский, II, 229). Обращает на себя внимание сочетание глаголов «судити» и «рядити» с дат. пад. «судити кому». Точную параллель к сочетанию «Слова» *людемъ судяше* дает формула, которой в русском переводе Хроники Амартола начинаются три главки из короткого пересказа библейской «Книги судей»: Иуда и Илии «сужаше людем», Самоил «суди людем» (Амартол, стр. 113, 121, 125). В деловом языке уже в конце XIII в. отмечен глагол «судити» с род. пад. — судить кого: «... ни холопа, ни рабы ... не судити» (Договорная грамота Новгорода с Михаилом Ярославичем 1307 г.); «судил есмь Биреля с Армановичем» (Грамота около 1284 г.); известен также оборот «судити межи собою», «межю ими» (примеры: Срезневский, III, 598). В литературном языке в XI в. встречаем сочетание с дат. пад.: Владимир Мономах в Поучении советует: «судите сироте»; у Кирилла Туровского: «придеть судить мирови», «суди земли». Так и в переводной литературе: в Остром. ев. —

«сужду миру», «судите ему»; в слове Григория Назианзина XI в.: «Не суди судящим» (см. другие примеры: Срезневский, III, 598—599). Какковы бы ни были оттенки значения глагола «судити» в приведенных примерах, их сближает сочетание его с дат. пад. со «Словом», которое усвоило синтаксический оборот литературного, а не делового языка, где, как в современном языке, предпочитался родительный падеж — судить кого. — *людемъ* в данном контексте обозначает «народ», противопоставленный *княземъ*. В таком значении «люди», «людие» находим в переводной литературе с XI в. (Остром. ев.), в летописи начиная с договоров с греками: «Да запретити князь людем своим приходящим Руси», «от Игоря великого князя . . . и от всякоя княжья и от всех людин Руския земля» (договоры 907 и 945 гг.); «моляшеся (Ольга) за сына и за люди» (Лавр. лет. 955 г.); «седше думати с дружиною или люди оправливати» (Поучение Владимира Мономаха; см. другие примеры XI—XII вв.: Срезневский, II, 91—92). — *Рядити* в «Слове» сочетается, как в литературном и летописном языке XI—XII вв., с вин. пад.: в Хронике Амартола — «идольская капища святителем . . . рядити»; «нача рядити полк отца своего» (Лавр. лет., 1151 г.: Срезневский, III, 230).

а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше — примеры на глагол *рыскати* идут с XI в.: «Скоро риштуштааго остраго течения глаголетъ» (Изборник Святослава 1073 г.); «яко человеци рищуше беси» (Лавр. лет., 1092 г.); «ногы бо их на злобу ришутъ» (Паремийник Григоровича: Срезневский, III, 123—124, 212). — *влъкомъ* — см. выше, стр. 53 (*Гзакъ бѣжитъ сърымъ влъкомъ*).

изъ Києва дорискаше до куръ Тматороканя — определение времени по пению «кура» постоянно и в церковной литературе (см. примеры: Перетц, стр. 298), где есть и выражение *до куръ*: в житии Иоанна Златоуста по списку XV в. — «даже и до куръ». Ср. в Ипат. лет. под 1152 г.: «. . . бысть убо к куrom». — *дорискаше* — примеры сохранились на глагол «рыскати» без приставок (см. выше стр. 75).

великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. — В Повести временных лет сообщается под 980 г.: «. . . постави . . . Перуна древяна . . . Хърса, Дажьбога и Стрибога» (Срезневский, III, 355). *Хорсъ* упоминается в числе восточнославянских богов в «Памяти и похвале Владимиру» и в русском списке XII в. Хождения богородицы по мукам (Срезневский, III, 1426). О различных толкованиях этого имени см. статью В. Ф. Ржиги «Слово о полку Игореве и древнерусское язычество» (Slavia, г. XII, 1933—1934, s. 3—4, Praha, 1933—1934, стр. 431, прим. 2). *Всеслав въ ночь влъкомъ рыскаше* — и здесь автор «Слова» употребляет не глаголы «перебегати, пребрещи», а тот же глагол «рыскати», но с приставкой, уточняющей смысл. Срезневский приводит примеры разных сочетаний слова «путь» с глаголами, но среди них нет ни одного близкого по значению «прерыскати»: «. . . путьмъ поидоша, отидоша, указать путь, путь заступать, отнять» (II, 1735—1736).

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутреню рано у святыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. — Это название утренней службы известно с XI в., но среди примеров у Срезневского (I, 956) нет содержащего сочетания «позвонити заутреню». В Сказании Антония Новг.: «В колокола латыни звонят» (Срезневский, I, 1257). Беспредложному сочетанию *позвониша заутреню* соответствует в Новг. I лет. под 1418 г.: «Начаша звонити на Ярославле дворе вече» (Срезневский, I, 964). Примеров, где *звонъ* обозначал бы именно колокольный звук, Срезневский не дает, самое же слово отмечено в житии Андрея Юродивого (I, 964).

Аще и вѣща душа в дрѣзѣ (испр. из *друзѣ*) *тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше*. — *вѣща душа* (ср.: *вѣщии Бояне, вѣщиа прѣсты*) — прозвище Олега «вещий» (Лавр. лет., 907 г.), в библейском языке — «очи твоя вещь глубине» (Песнь песней: Срезневский, I, 502—503). — *дрѣзѣ* — «дѣрзых не спалил есть» (Миняя 1096 г., стр. 78). В Ипат. лет. под 1172 г.: «Переяславѣци дрѣзи суще», «душа ваша дѣрзы сътвори» (Александрия, стр. 80; см. другие примеры: Перетц, стр. 301). — *бѣды страдаше* — «гонение сътерпел еси и беды» (Стихир. XII в.: Срезневский, I, 214); «бедне стражя» (Остром. ев.); «гладомъ стражющемъ» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, III, 532).

Тому вѣщеи Боянѣ и прѣвое припѣвку, смыслены, рече. — Определение *смыслены* известно с XI в. в разных жанрах: во введении к Повести временных лет находим «мужи мудри и смыслени»; в списке XI в. Толковых пророцеств: «Смыслени людие смыслять много», а в Изборнике Святослава 1073 г. — «притча смыслныя» (Срезневский, III, 758). — *Прѣвое* в значении «прежде» встречаем во введении к Повести временных лет: «Погибоша Еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им». в Договоре Игоря с греками 945 г.: «... яко же есть уставлено первое» (Срезневский, II, 1762). — *Припѣвку* имеет в старшем периоде соответствие в глаголе «припевати» и существительном «припение», которые встречаются в переводе Амартола (Срезневский, II, 1450).

Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божиа не минути. — Полную параллель к этой *припѣвке* Бояна дает поздний список Моления Даниила Заточника, на который ссылался Ф. И. Буслаев (Очерки народной словесности и искусства, I. СПб., 1861, стр. 37): «Не процвете часть моя. Поведаху ми, яко той суд божий надо мною, и суда де божия ни хитру уму, ни горазду не минути». В собрании рукописей Буслаева этот список отсутствует. Не есть ли этот эпизод Моления свидетельство знакомства его редактора-переписчика со «Словом»? В. И. Даль среди пословиц раздела «Бог — вера» помещает очень близкий вариант *припѣвки* Бояна: «Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать» (Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 38). — Многочисленные примеры на слово *хитр* в значении «хитрый», «разумный», «искусный» встречаются в разных жанрах с XI в. (Срезневский, III, 1430—1431). — В том же значении находим *горазд*: «певецъ горазды» (Ипат. лет., 1137 г.); «горазд бысть вльшвенным прельщенемъ» (Амартол: Срезневский, I, 553). — *Судъ божии* как обозначение высшего, неотвратимого суда над человеком — выражение, в XII в. встречающееся в летописи: «убоявся суда божия», «мы идем на суд божии» (Ипат. лет., 1137, 1151 гг. и даже «судом божиим летеста две городници», 1185 г.); «суда божия не убежю» (Жития Бориса и Глеба, стр. 10). В переводе Амартола — «божии суд на нем бысть» (Срезневский, III, 606). Часто прибегает к этому обороту переводчик Флавия: «Лукавство не может убежати от божиа суда» (стр. 437), но он нередко пропускает определение «божия»: «Не възможно человеком суда убежати», «судом постижен бысть, его же никто же не может убежати, смертен сын» (стр. 422, 403). Так со «Словом» совпадает мысль о неизбежности «суда» — «суда божия», «како ты избежиши ли суда божия» (Апостол, цит. по кн.: Перетц, стр. 295). — *минути* с родит. пад.: «Да не минеши его» (Остром. ев.); «Ти 12-те месяцема 12-те зодии минеть» (Иоанн, экзарх болгарский: Срезневский, II, 144); «И человека не минете, не привечавше» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.).

О! стонати Рускои земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князеи! — Стонущая страна — образ, знакомый в литературе XII в.: «по-

стона» Палестина в переводе Флавия (стр. 384); «о нем же Украина много постана» (Ипат. лет., 1187 г.). — *помянуше* — с вин. пад. с XI в.: «Помяни мя, господи» (Остром. ев.); «да помянешь мене» (Лавр. лет., 1097 г.: Срезневский, II, 1175). — *Первыи* в значении «прежний» употребляется уже в Повести временных лет, как и в «Слове». в отношении минувшего времени: «Не бе сего слышано в днех первых в земле Русьсте» (Лавр. лет., 1094 г.), а также в отношении к прежде бывшим правителям. «По пьрвых царев уряженью» (Церковный устав Владимира, другие примеры см.: Срезневский, II, 1766—1767). — *годину* — «се приближися година», «година мину уже» (Галицкое ев. XII в., цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 66).

Того стараго Владимира нельзѣ бѣ привоздити къ горамъ Киевскимъ. — Определение князя-предка словом «старый» известно еще от XI в.: в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона Владимир Святославич назван внуком «старого Игоря». Ср. в Новг. I лет. под 1209 г.: «Вда им волю всю и уставы старых князь». В «Слове» тот же эпитет во вступлении: *почнемъ . . . повѣсть сию отъ стараго Владимира.* Большинство исследователей относит это упоминание к Владимиру I Святославичу и его многочисленным походам. — оборот *нельзѣ бѣ* встречается в летописном и деловом языке XI—XII вв.: «не бе лзе из града вылести», «не бе лзе внити в Киев», «не бе лзе проити порог» (Лавр. лет., 968, 971 гг. и т. д.). В Киевск. лет. — «тем не лзе бе Изяславу поити», «не лзе на конь к тебе всести» (Ипат. лет., 1149, 1150 гг. и т. д.). В переводе Флавия часта и отрицательная и утвердительная форма этого оборота: «не бы лзе разумети», «не прейти лзе бе», «на чисто солнце не лзе възрети», «иже бе лзе не боятися» (стр. 407, 448, 371, 449 и др., примеры из Русской Правды, Церковного устава Владимира и других памятников — Срезневский, II, 66). — *Привоздити* с вин. пад. встречаем в житии Феодосия Печерского: «Того пути, братие, держимся, на том пригвоздим плесне и стопы»; с предлогом «къ»: «к дольным пригвожден», «пригвождени к суетным» (Пандекты Никона XI в.: Срезневский, II, 1390).

Сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы, а дружии Давидовы; нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть. — Хобот в значении «бунчук» Срезневым не отмечен, но лежащее в основе этого значения первоначальное «хвост» подтверждается примером XII в.: «Всь бо корабль морьский кожа единая хобота его подъяти не можааше» (Кирилл Иерусалимский: Срезневский, III, 1377). — *пашуть* — в значении «развеваются» в Шестоднев: «Многажди бо или ветрьникомъ или поневою пашуще, а тиху сушу воздуху. поженем и ти вѣставивъше, створим ветры от пахания» (Срезневский, II, 891). Бунчуки у стягов, развевающиеся врозь, — символ враждебных действий или действий, направленных в разные стороны, которые и в летописном языке выражаются словами «розно», «разно»: «Твои щит и мои не розно еста» (Ипат. лет., 1150 г.); печенег «побегоша розно от града» (Ипат. лет., 968 г.); «половци землю нашу несуть розно» (1097 г.). В переводе Флавия: «Начаша розно воевати» (стр. 291); «разно сътворити» (стр. 444) и т. п. — Слова *сего бо нынѣ* подчеркивают, что их написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развевающихся знамен: в 1185 г. Давид отказался выступить со своим войском вместе с дружинами Рюрика в общий поход против половцев. Современникам такого намека было достаточно, чтобы понять, насколько важно было напомнить о тяжелых для Русской земли последствиях княжеских распрей. Потому-то и вспомнил об этой розни автор сразу после горестного восклицания: *О! стонати Рускои земли, помянуше прѣвую годину, и прѣвыхъ князи.* Это самый близкий и непосредственно

связанный с неудачей похода Игоря факт из цепи княжеских «крамол» и «усобиц». Голос современника прозвучал в этом *нынѣ*. Именно потому, что совсем свежим в памяти автора был отказ Давида пойти вместе с бра-том против половцев, он вспомнил Ростиславичей дважды: первый раз, похвалив их храбрую дружину, он призвал их: *вступита... въ злата стре-мень за обиду сего времени*, второй раз укорил за несогласие, помешавшее борьбе с половцами. — *копиа поютъ* — толкования этой фразы см.: Перетц, стр. 303.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ (м. б., доб. ся?) *слышитъ, зегзицею незнаемъ рано кычеть*. — К параллелям из народных причитаний и песен (см.: Перетц, стр. 304—307) можно добавить из псалма 54 книжный образ огорченного человека-птицы: «Сердце мое смятется в мне, и страх смерти нападе на мя, боязнь и трепет приде на мя, и покры мя тьма. И рех: кто даст ми криле яко голуби, полечю и почию» (Амфилохий, I, стр. 359—360). — *гласъ ся слышитъ* — «Не суть речи, ни словеса, их же не слышаться гласи их» (Амфилохий, I, стр. 103). — *Ярославнынъ* — см. выше, стр. 59 (*Глѣбовны*). — *зегзицею* — «уподоблюся зогзице» (Даниил Заточник, стр. 107); «зогуля в чюжи гнезда яйца своя мечеть» (Мерило Праведное по списку XIV в. См. примеры на близкие слова: Срезневский, I, 994). — *незнаемъ* — «никому же неизвестному священу быти» (Ефрем. Кормч. XI в.), в переводе Флавия «незнаем» встречаем в разных сочетаниях, есть и в применении к человеку: «... от неизвестных некто» (стр. 168), «из иных градов приходят чюжи и неизвестии» (стр. 252). — *рано* — примеры имеются с XI в.: «Жены ... бывша рано у гроба» (Остром. ев.: Срезневский, III, 70). — «кычеть» — в апокрифических книгах есть примета «жаба кычеть» (Б. Д. Греков, Киевская Русь. 3-е изд., М.—Л., 1944, стр. 325 — рукопись не указана). Слово *кычеть* имеется в восточно- и южнославянских языках.

Омочю бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ. — К выражению *омочю въ* дает параллель уже Остром. ев.: «Посли Лазара, да омочить коньць прѣста своего в воде», или в метафорическом образе: «Не омочив языка в уме, много съгресиши в слове» (Пчела: Срезневский, II, 668). Вместо обычного перевода *бобрянъ* — обшитый мехом «бებъра» — бобра, Н. А. Мещерский (К изучению лексики и фразеологии Слова о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 43—44) предложил иное значение — «шелковый», основываясь на переводных памятниках: «в бებрянъ ризахъ» (Флавий, стр. 445) и в повести об Акире «одех и бებром и брачином», «одевша а и в бებер и в бранину», чему соответствуют в сирийской, армянской и арабской версиях выражения: «одевал его в тонкое полотно и пурпур», «одел его в висон и пурпур», «одевал его в шелк и пурпур», «одев их в шелк и пурпур» (Акир, стр. 10—11, 132—133). Самая форма *бებрянъ*, кроме «Слова», отмечена только в переводе Флавия (примеры на «бобровый»: Срезневский, I, 124—125). — *Рукавъ* встречаем в Патерике Киево-Печерском: «свите же завязав рукава», «рукав нижьша перст» — признак богатой одежды в Златоструе (Срезневский, III, 192).

утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. — Ярослав «утре слез» (Сказание о Борисе и Глебе), «утер пота» (Лавр. лет., 1019 г.: Срезневский, III, 1320). — *кровавыя ... раны* — «за кровавую рану тридцать бел» (Двинская уставная грамота 1397 г.). Определение *кровавыя* уточняет значение слова *раны*, так как в древнерусском языке слово «рана» обозначала телесное повреждение вообще: «Оже ударять мужа ... то 6 гривен за раны старые» (Грамота новгородская 1199 г.: Срезневский, III, 68). — *На жестоцѣмъ его тѣлѣ*. — С XI в. известно слово «тело» в русских и переводных памятниках (Срезневский, III, 1091—1092), но

в сочетании с определением «жестокый» — крепкий, сильный — Срезневским не указано; ср.: «Кто тако дръз душою или жесток» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 863).

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи — в этом значении глагол «плакать» употребляется, когда дальше следует самый «плач» — причитание. Так, в житиях Бориса и Глеба и Феодосия Печерского находим «плакати» в сочетании с «глаголати», «молити». В летописи чаще в таких случаях возвратная форма «плакаться», которую применяют и жития, также в сочетании с «глаголати» (Срезневский, II, 950—951). — *а ркучи*: Псковская судная гр.: «... а поидеть прочь, а ркучи тако» (Срезневский, I, 2). — *на забралѣ* — см. выше. стр. 79.

О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычещи Хиньскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилю на мою лады вои? — Д. В. Айналов сопоставляет этот эпизод с близким к нему из описания битвы другого дни: *Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы* (Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. IV, стр. 154 и сл.). Образ крыльев ветра имеет аналогию в псалме 17: «... и възиде на херовим и лете, лете на крилу ветрянюю» (Амфилохий, I, стр. 87). Эту цитату приводит точно в «Слове на вознесение» Кирилл Туровский: «Взиде бо, рече, на херовим и лете на крилу ветренюю» (Каалайдович, стр. 70), и тем же образом он в этом слове пользуется выше: «Тамо ангельскыя силы и архангелская воинства, ови облаки крилы ветреними приносятъ» (там же, стр. 68). В литературе XI—XII вв., в частности у Кирилла Туровского, в других сочинениях этот образ больше не встречается (Срезневский, I, 498, приводит лишь цитату из псалма 17 и ее повторение у Кирилла Туровского), нет его больше и в Псалтыри. Наличие его в таком хорошо известном памятнике, как Псалтырь, делает не обязательным установление его связи с якобы крылатыми внуками бога ветров Стрибога, которых Д. В. Айналов уподобляет «крылатым ветрам греческой мифологии». «Крылья» ветра — образ, который в языке мог легко возникнуть и вне влияния мифов, так как ветер действительно «летит», и уподобление его птице возникало естественно. В XII в., как видно из сочинения Кирилла Туровского, уже понятен был образ крыльев ветра, которые приносят облака. — *вѣтрило* — с XI в. это слово известно только в значении «парус» (Срезневский, I, 497). — Определение *нетрудно* у Срезневского (II, 434) показано лишь примером «Слова». В переводе Флавия: «Бысть же пришествие их (войск) нетрудно и непобедимо» (стр. 453); «нетрудно входятъ в небесное царство», «пищу же и оденья нетрудну сготова», «нетрудный хлеб», «нетрудно путь шествующе», «едем сый реч нетрудная жизнь». (Кирилл Туровский. Изд. И. П. Еремина. — ТОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 410; т. XV, 1958, стр. 341, 345, 356). Форма *нетрудно* вместо «нетрудную», по наблюдениям Н. М. Каринского, представляет псковскую особенность Мусин-Пушкинского списка (Очерки из истории Псковской письменности и языка, II, Пгр., 1917, стр. 8, 14). — *Чему* — эта вопросительная форма известна летописи: «Чему еси давно не пришел» (Ипат. лет., 1250 г.); «чему пойма еси серебро» (Новг. I лет., 1270 г.). — *насильно вѣши* — глагол «насилити» известен уже по Русской Правде (Срезневский, II, 330); «насилье» встречается с XI в. (там же), но наречие *насильно* Срезневским отмечено лишь в «Слове». — *вѣши* в сочетании с *вѣтрѣ* — см. выше, стр. 55. — *стрѣлки* — слово «стрелка» отмечено Срезневским лишь в значении вспышки молнии (в том же значении есть и «стрела» — III, 568) или «громовой стрелы»: «Стрелки и топори громнии нечестивая и богомерзкая вещь» (Новгородская кормчая 1280 г.: Срезневский, III,

569). — *мычещи* — «всыщемъ бо ветромъ беша языци мычещи» (Толковья Псалтырь XII в.: Срезневский, II, 215). В этой цитате имеем то же обозначение движения ветром. О глаголе «мыкати» см. выше, стр. 72. — *лады* — см. выше, стр. 73.

Мало ли ти бяшетъ горѣ (испр. из *горѣ*) *подъ облакы вѣяти* — «а мало ли того дея пути не пустить тебе» (Ипат. лет., 1193 г.). — *подъ облакы* — «облак безводн ветром женется» (Пандекты Антиоха XI в.); «виде церковь у облака сушу» (житие Феодосия Печерского: Срезневский, II, 516). — *вѣяти* — «възвеша ветри» (Остром. ев.); «возвеем мудрости своя» (Даниил Заточник: Срезневский, I, 345). Примеров на глагол «веяти» без приставки Срезневский не дает: «Бурнии ветри тихо повевающе» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 498), но в переводе Флавия находим: «ветру веюшу», «дух тих от окыана ... веющъ на нь» (стр. 261, 256). — *горѣ* — в значении высоко: «възведе очи горе» (Галицк. ев. 1144 г., цит. по кн.: Перетц, стр. 308; примеры XII в. приводит Срезневский: I, 552).

ле.лѣючи корабли на синѣ морѣ — см. выше, стр. 38, 70. — *корабли* — слово известно с XI в. (Срезневский, I, 1283—1284): «Покрыли суть море корабли» (Лавр. лет., 944 г.): «княжь корабль разби ветр» (там же, 1043 г.).

Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя? — *ковылию* — примеры на это слово Срезневский дает только из «Слова» и «Задонщины» (I, 1244). — *развѣя* — «развееши быша разно ветри и вихри» (Амартол, стр. 362); «и расея по тырнию и по былью» (Книга Судей, цит. по кн.: Перетц, стр. 295).

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи. — *Путивлю городу* — дательный места без предлога, как в летописных сочетаниях: «идох Володимерю», «посласта Берестию», «идох Переяславлю» и т. д. (Лавр. лет., 1096 г., Поучение Владимира Мономаха, цит. по кн.: Перетц, стр. 309).

О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. — Эпитет Днепра *Словутицю* имеет единственную параллель в Повести о Сухане, датируемой второй половиной XVII в., где находим сочетание «ко быстро Непру Слаутицю» (В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, стр. 141). Однако наличие в Ипат. лет. под 1241 г. слова «словутьный» с тем же значением «славный, знаменитый» (Срезневский, III, 421) — «словутьнаго певца Митусу» — вводит и определение «Словутицю» в лексику современного «Слову» языка. В основе этого эпитета широко распространенный с древнейших памятников глагол «слути, слову», одно из значений которого — «быть известным, знаменитым, славимым, прославляемым» (примеры: Срезневский, III, 434): «Слувши силою» (Толковые пророки XI в.); «единомыслием словуща» (Григорий Назианзин XI в.); «словый мужеством» (Лавр. лет., 1103 г.) и т. д. Наличие такого словоупотребления объясняет и литературное «словутьный» и народное «Словутиць», т. е. сын «словутьнаго» (так толкует форму на «ич» Срезневский: III, 421). Повесть о Сухане — старший засвидетельствованный пример употребления эпитета Днепра «Славута», который указывался лишь в украинских думах, записанных не раньше конца XVIII—начала XIX в. (Перетц, стр. 309). В «Словаре» Н. Тупикова под 1601 г. указана фамилия «Славутич Каспар Матвеевич» (стр. 751). — *ты пробилъ еси каменныя горы* — «Моиси ... море проби и проиде по суху» (житие Мефодия XII—XIII в.); «палицами божия веры страстное проби море ... путь протворяюща» (Минья 1097 г., ноябрь, стр. 318). — Сочетанию *каменныя горы* соответствует в библейском языке

«в горе камяне» (оба слова известны с XI в.: Срезневский, I, 551, 1185—1186). — К обороту *сквозѣ землю* дает параллель Флавий: «...проиде сквозе землю его» (стр. 174); ср. также Поучение Владимира Мономаха: «Первое к Ростову идох сквозе Вятичи» (т. е. область вятичей); Новг. I лет. под 1214 г.: «Иде князь Мстислав ... сквозе землю Чюдскую к морю».

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова. — Термин *носадъ* обычен в Киевской летописи в течение всего XII в. (реже — «лодия»), но в XIII в. в южных летописях заменяется термином «лодия», а в северных и северо-восточных летописях «насад» употребляется до XV в. (Срезневский, II, 328).

Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ. — Глагол *лелѣять* и производный *възлелѣи* — см. выше, стр. 38.

а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано. — Оборот *а быхъ* имеет соответствие в Киевской летописи под 1148 г.: «...а быхом ся уладили»; ср. в Смоленской грамоте 1229 г.: «...а быша ся той правде държали в веки» (Срезневский, I, 4). — *не слала* с родит. пад.: «Да не сълють тамо язык богоборници» (Григорий Назианзин XI в.); «шибения съля» (Златоструй XII в.); «своего мужа не слати» (Договорная грамота 1264—1265 гг.: Срезневский, III, 731). — *слала къ* — «к Симону слати с молбою» (Флавий, стр. 352); «Нача слати к брату» (Ипат. лет., 1159 г.). — *слезъ* — здесь в значении «плач», как в письме Владимира Мономаха: «Да с нею, кончав слезы, посажу на месте» (Лавр. лет., 1096 г.: Срезневский, III, 439).

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце. — *тресвѣтлое* — точный перевод греческого *τρίλαμπρος* употребляется часто в применении к божеству и к христианским подвижникам, но в гимнографии отсутствует сочетание его с существительным «солнце». В старшем русском списке Минеи служебной 1095—1097 гг. мы находим следующие сочетания: «тресветлая троица», «тресветлое божество», «тресветлый свет», «тресветлая заря», «тресветлая свеща» (последний образ не имеет прямого отношения к догмату троичности, он украшает общую похвалу трем подвижникам: три мученика Гурий, Самон и Авив «троици равночисльни», поэтому к ним прилагается эпитет «тресветлые»). В гимнографии мы встретим «свет тресолнечный», также «тресолнечное божество», «тресолнечная красота», «тресолнечные лучи» (сентябрь, стр. 0147, 0173; ноябрь, стр. 304, 378), но не «тресветлое солнце». Для объяснения словосочетания *тресвѣтлое слънце*, примененного в «Слове о полку Игореве», материал дает другой переводный памятник, который был хорошо знаком на Руси уже в XI в. — Шестоднев Иоанна, экзарха болгарского. Этим сочинением в XI в. пользовался Иларион, митрополит киевский, в начале XII в. и светский писатель Владимир Мономах. Шестоднев представлял происхождение небесных «светильников» следующим образом: в первый день был создан «прост и несложен свет», который светил первые три дня, на четвертый «светящее сущее прѣвобывшаго света» было «вложено» в солнце, луну и звезды (л. 106) — это «телесные образи» «первобытного света» (л. 106). Таким образом, в астрономических представлениях Шестоднева была заложена идея троичности проявления единого света. Когда к имени христианского бога прикрепились метафорическое сопоставление с солнцем (христианство как солнце освещает весь мир), то следующим шагом в развитии этой метафоры явилось сопоставление «единого в трех лицах» христианского божества с троичным проявлением света. Так, в Шестодневе появился образ-метафора, выразивший христианское представление о «творце и владыке» вселенной: «Слънце праведное видим лице к лицу трѣми

светы сияюще божествѣнными собѣствы, единымъ же естествомъ» (слово 4-е, л. 132 об.).

Если мы сопоставим с этой сложной метафорой необычный эпитет солнца в «Слове о полку Игореве» — *тресвѣтлое слънце*, то увидим, что путь к созданию этого эпитета был открыт и астрономической концепцией Шестоднева, и его поэтическим языком. Вряд ли можно определенно решить вопрос о том, вкладывал ли автор «Слова о полку Игореве» в эпитет *тресвѣтлое* оттенок христианского догмата троичности божества, или он отразил лишь теорию Шестоднева о трех проявлениях света, применив ее к представлению о восточнославянском боге солнца. Думается, что последнее предположение вероятнее: ведь плач Ярославны построен на народно-поэтическом приеме — на обращении за помощью к обожествлявшимся когда-то стихиям природы. Безусловно, книжный, «ученый» эпитет *тресвѣтлое* лишь подчеркивал могущество божественной силы солнца, и вряд ли древнерусский читатель вместе с автором воспринимал этот эпитет в свете христианского догмата троичности. Формально *тресвѣтлое слънце* очень близко к метафорическому образу христианского «праведного солнца тремя светы сияющего», но по существу эпитет «тресветлый» не уводит непременно от понимания солнца, как одного из трех, главного источника света на земле. В умелом сочетании народно-поэтического образа солнца, которое может и погубить и защитить человека, образа, выросшего еще на почве языческой, с книжным эпитетом, созданным в христианской литературе, сказался художественный такт автора «Слова о полку Игореве», мастерски владевшего обеими системами поэтической речи своего времени — народной и литературной.

Всѣмъ тепло и красно еси. — *Тепло* — это слово известно с XI в. (примеры см.: Срезневский, III, 949), сочетание понятия теплоты с солнцем у митроп. Иларiona в «Слове о законе и благодати»: «Студеньство ношное (погибе), солнечней теплоте землю съгревъшю» (Срезневский, III, 735). — *красно* — «красный» известно с XI в. (Срезневский, I, 1318), но в сочетании с «солнцем» имеем лишь глагол «красоватися»: «Ныня солнце красуяся к высоте въсходить» (Кирилл Туровский: Калайдович, стр. 21).

чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? — К сочетанию *простре ... лучю*, обращенному к солнцу, имеем параллель в языке гимнографии: «...солнце простърло есть луча», «солнце земли луча простърл есть» крест (Миняя 1097 г., ноябрь, стр. 423; Миняя 1095 г., сентябрь, стр. 0165). — *горячую* — «так и молитва от горяча сердца будеть» (Кирилл Туровский: Срезневский, I, 562), «возложиша на нь (на быка) железа горяча» (Лавр. лет., 992 г.).

Въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче. — *въ полѣ безводнѣ* — «заблудиша в пустыни безводне» (Псалтырь, цит. по кн.: Перетц, стр. 295); «положу в безводней земли» (Толковые пророки XI в.: Срезневский, I, 51—52). — *жажду ... съпряже* — «Въчиню ю акы землю без воды и побию ю жажду» (Пророк Осия, 1047 г., цит. по кн.: Перетц. К изучению, стр. 63); «нудим жажду» (Флавий, стр. 422) в примерах тот же творит. пад. орудия.

В данном поэтическом эпизоде «Слова» запечатлелось воспоминание о реальном факте: половцы «по 3 дни не пустили бяху» русских «к воде», и они «изнемогли бо ся бяху безводьем и кони и сами, в знои и в тузе» (Лавр. лет., 1186 г.). Эта строфа плача как бы отвечает описанию готовности к бою *кметей Курян*, у которых в начале похода были *лучи напряжени, тули отворени* (см. выше, стр. 37). — Параллельно образу *тугою*

тули затче у Флавия находим: «Клеопатрина похоть затче уши» цесарю, не слушавшему предостережений (стр. 203).

Литературная параллель к этому образу слабости воинов — у них луки сведены и тулы заткнуты — содержится в переводе Флавия, где иудеи говорят, что они не в силах сопротивляться римскому войску: «Слаби есмы противитися римляном яко же и лук съпряжен» (стр. 260). Такое правильное чтение сохранил Виленский список, но и его писец, видимо, не вполне ясно понимал значение слова «съпряжен», поэтому добавил от себя «или скривлян». В других списках ошибочно вместо «съпряжен» читаем «напряжен», т. е. смысл сравнения искажается: лук «напряжен» — натянутый — не может быть символом слабости воинов. Отсюда вытекает вывод, что глагол «съпряжи» в данном значении к XV в. стал уже архаизмом и нуждался в замене или объяснении (см. об этой поправке и сопоставлении текста Флавия с плачем Ярославны: Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — Труды ОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 46—48).

Прысну море полунощи — *прысну* — «прысну лютый зверь воскочиста из ноздри его кот и кошка» (Откровение Мефодия Патарского, стр. 117); змий «яда наполни уста своя и прыснув на святого» (А. В. Рыстенко. Легенда о Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909, стр. 32). — *полунощи* — летопись XII в., как «Слово», употребляет обе формы — славянскую «полунощи» и русскую «полуночь», однако предпочитает сочетать их с предлогом «въ»: славянскую форму «полунощи» находим в Остром. ев. (примеры: Срезневский, II, 1147). Беспредложный оборот в этом эпизоде «Слова» дает и фраза *погасоша вечеру зори*.

идуть сморци мъглами. — «Солицю присно тньчее сънимающю и съмьрьчечь, ими же и облаци ся съставляють» (Шестоднев: Срезневский, III, 449); в переводе Амартола: «... а еже под землею вода оста, бездна наречена бысть, из нея же яко сморци некотори испущаються источници» (стр. 302) — эта форма сохранилась в старшем списке XIII—XIV в., позднее — «смерци» (Амартол, стр. 302, вар. 19). *мъглами* — «облаци и мъглы от буря гоними» (Христиноп. Апостол XII в., цит. по кн.: Перетц, стр. 311). Срезневский дает примеры на слово «мъгла», но лишь в единст. числе (II, 223).

Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкою на землю Рускую, къ огню злату столу (ср. *Дятлове тектомъ путь к рѣцѣ кажутъ*). — У Срезневского на сочетание «путь казати» отмечено в летописи XII в. иное значение — «изгонять» (II, 1736). Но в Русской Правде (стр. 59) есть сочетание «путь указать»: если кто-либо сбежавшему от господина холопу «укажетъ ему путь, то платити ему за холоп 5 гривн». У Кирилла Туровского читаем: «Аще не бы ты мне пути казал, не бых тамо аз дойти могл» («Слово о слепце и хромце»; выше там же: «Ты же покажай ми путь» — см.: Еремин, XII, стр. 343 и 347).

Погасоша вечеру зари — в Слове о законе и благодати митр. Илариона находим то же сочетание в сравнении: «Июдейство оттоле погыбе и закон по сем, яко вечерняя заря погасе» (стр. 66). Ср. в Пчеле: «солнцю угасающу» (стр. 260). — Беспредложный оборот *вечеру* (см. выше *полунощи*) в примерах Срезневского не отмечен — указаны в значении «вечером» лишь «вечере» или «к вечеру дати» (I, 251).

Игорь спитъ, Игорь бдитъ. — Примеры на сочетание этих глаголов: «ни спя, ни бѣдыи» (житие Нифонта XIII в.); «пребудемы убо бѣдыште не съпяште» (Супрасльск. рук.: Срезневский, I, 197); «да не спим ... но да бдим» (Пчела, стр. 256).

Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донуца. — В Шестодневе Иоанна, экзарха болгарского, есть близкие к «Слову» выражения: «Луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию», «убогий человек мерит мыслми божию силу» (слово 4-е, лл. 148 и 155 об.). Ср. у Флавия образ: «Душевныма очима зряхуть его» (стр. 440). — К сочетанию *от — до* — «мълния исходить от вѣсток и является до запад» (Остром. ев.: Срезневский, I, 670).

Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою. — *Комонь въ полуночи* — см. выше, стр. 41, 105. — *свисну* — есть примеры на существительное «свистание» из Моления Даниила Заточника: «Змий страшен свистанием своим» (стр. 66; ср. в «Слове» *свистъ звѣринъ*), «змий исходяще вон из воды свистанием великим» (А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе. Одесса, 1909, стр. 28); «от свистания бо змиева кони поплашившеся» (там же, стр. 45) — *за рѣкою* — сочетание «за» с творит. пад.: «... убиша за Волоком князя Глеба» (Новгор. I лет., 1079 г.); «за морем» (Грамота Новгородская 1199 г.: Срезневский, I, 893).

велить князю разумѣти. — Сочетание «велети» с неопред. наклон. обычно в языке с XI в.: «велю изити» (Остром. ев.), «веля излазити» (Лавр. лет., 980 г.); «велети облещися» (житие Феодосия Печерского: Срезневский, I, 242). — *разумѣти* — «и разуме Ярослав, яко в ношь велить сещися» (Новг. I лет., 1066 г.: Срезневский, III, 58).

князю Игорю не быть! — В Ипат. лет. под 1150 г.: «Быти ту Изяславу негде полки своими в горах»; «не бе было, нъ беаше ему быти» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 204—206) — сочетание «быти» с дат. пад., как в «Слове».

Кликну, стукну земля. — Сочетание *стукну земля* находим в Лавр. лет. под 1091 г.: «Стукну земля, яко мнози слышаша», «и кликнуша и печенежи побегоша» (Лавр. лет., 992 г.); «и тако полци ... кликнуша» (Ипат. лет., 1150 г.).

въшумѣ трава. — В иных сочетаниях глагол «въшумети»: «... въшумеша и съмутишася воды их» (Амфилохий, I, 307); «врази твои въшумеша» (там же, II, 62); «и вошуме земля и услышаша иноплеменици глас вопля» (Книга Пророков, цит по кн.: Перетц, стр. 295).

вежи ся Половецкии подвижася. — *вежи Половецкии* — летопись XII в. так же называет стоянки половцев: «Взяша вежи половецкие», «Русь не дошедше веж и ополонисаша» (Ипат. лет., 1184, 1185, 1187, 1193 гг.). — Слово «вежи» известно в летописи с 898 г. (примеры: Срезневский, I, 482). — Из всех значений глаголов «подвижатися, подвижитися, подвизатися», отмеченных Срезневским (II, 1033—1035), наиболее подходит то, которое выясняется из примеров XII в.: «Мне же мале не подвижистеся нозе» (Псалтырь толковая XII в.); «и звезды небесныя будутъ съпадающа, и силы, яже суть на небесех, подвижатся» (Мстисл. ев. XII в.: Срезневский, II, 1033). По объяснению Д. С. Лихачева, «вежи» были на колесах, и они двинулись, когда для погони стали выводить заставленных кибитками коней.

А Игорь князь поскочи горнастемъ къ тростию — «Глеб... не терпя противу (перяславцам) стати, поскочи, они же постигающе дружину его изоимаша» (Ипат. лет., 1148 г.). — *горнастемъ* — в перечне дани Ростислава в летописи названы «горностан» (Ипат. лет., 1160 г.). — *къ тростию* — в XI в. «тростием» называлось место, поросшее тростником: «В пустыни близ трѣстия» (Патерик Синайский XI в.: Срезневский, III, 1013). Сочетание *къ* с дат. пад. известно с XI в.: «... идоша ... к гробу» (Остром. ев.): «прити ... ко Царюгороду» (введение к Повести временных лет, Лавр. лет.: Срезневский, I, 1386).

и бѣлымъ гоголемъ на воду — «чему еси отял Волхов гогольными ловци» (Новг. I лет., 1270 г.), — *на воду* — то же сочетание «на» с вин. пад.: «Выиде ... на море» (Лавр. лет., 1100 г.); «на поле выити» (Новгор. I лет., 1158 г.); «отбежати на полунощныя страны» (житие Бориса и Глеба: Срезневский, II, 260—261).

Въврѣжеса на брѣзь комонь, и скочи съ него босымъ влѣкомъ — «въврѣжеса в море» (Остром. ев.). Глагол *въврѣжеса* обычно сочетается с предлогом «въ», поэтому можно предположить, что в «Слове» следует исправить: «въврѣжеса»: «Възверженаго мрътвеца на свое тело въскреси» (Изборник Святослава 1073 г.), хотя в возвратной форме имеем другой предлог: «К великому Феодору въврѣгох си» (житие Федора Студита: Срезневский, I, 343—344). — *и скочи съ него* — Ирод «скочив с стола» (Флавий, стр. 210); «скочи с места того» (Жития Бориса и Глеба, стр. 16. См. также выше, стр. 104). — *босымъ влѣкомъ* — имена Босой Волк и Босоволков встречаются в летописи под 1347 г. (А. И. Соболевский. К Слово о полку Игореве. — Изв. по РЯС, II, 1929, стр. 185; ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 218). Известен эпитет «босой» при сущ. «волк» в фольклоре (в статье Н. М. Дылевского в сборнике: Слово, стр. 196—199, критический разбор толкований этого эпитета).

И потече къ лугу Донца ... Влурѣ влѣкомъ потече — «потокоша на видение его» (Флавий, стр. 249); «некто от римских воин ... внезапно потече» (там же, стр. 450); «Синець пстече на святого (житие Андрея Юродивого: Срезневский, II, 1290). Сочетание *потече къ* с дат. пад. см. выше, стр. 117, *поскочи къ. — лугу* — здесь пойма реки, покрытая лесом, как в примерах XI—XIII вв.: «...поколебашася яко бурею дуб в лузе» (Книга пророков с толкованиями Упия Лихого XI в.). Словом «луг» переводится греческое «лес»: «Озоба и вебрь от луга» (Псалтырь 1296 г.: Срезневский, II, 49). В «Слове» речь, видимо, идет о таком пойменном лесе, скрывавшем беглецов.

и полетѣ соколомъ подъ мѣлами ... одѣвашу его теплыми мѣлами. — *полетѣ* — о метафоре князь — сокол см. выше, стр. 34. Здесь метафора применена как сравнение. — *подъ мѣлами* — см. выше, стр. 116.

избивая гуси и лебеди — «не аз почох избивати братию» (Жития Бориса и Глеба, стр. 45; Срезневский, I, 1031). В летописи и в переводе Флавия «избити кого» всегда обозначает убить людей: «Изби градом вина их» (Амфилохий, II, стр. 23).

завтроку, и обѣду, и ужинѣ — «стоя Глеб до заутрока» (Лавр. лет., 1148 г.); «съвокупляюще заутрок с обедом» (Пчела, стр. 246). Срезневский дает примеры лишь на глагол «заутрокати» с XI в., а слово «заутрок» отмечает в XVI в. (I, 903) — *обѣду и ужинѣ* — «обеда и ужины за упокой крестити не установлено» (Феодосий Печерский: Срезневский, III, 1166).

тогда Влурѣ влѣкомъ потече, труся собою студеную росу. — *влѣкомъ потече* — см. выше, стр. 53. — *труся* — «бых аки мех утл, труся богатство в руде инем» (Даниил Заточник: Срезневский, 1112); «отрусить грезн» с лозы (Физиолог. Исследование А. Карнеева, СПб., 1890, стр. 248). — Сочетание глагола с творит. пад. без предлога — *собою* — находим в тексте Русской Правды: «Будуть сами собою печаловати» (стр. 58). Срезневский дает лишь примеры с предлогами «с, межю, пред, под» (III, 319). — *студеную* — обычно это определение в сочетании «студеная вода» (примеры с XI в.: Срезневский, III, 574). — *росу* — это слово находим в библейской цитате у митр. Иларiona: «Да будеть суша на руне токмо, и по всей земли роса» (Срезневский, III, 165).

претръгоста бо своя бръзая комоня. — Из приведенных Срезневским примеров ближе к значению «надорвать» те, где глагол в возвратной форме «претръгнути ся» — «изнуриуть ся»: «Пъс бо текыи претръжесе и труда своего не погонитъ» (Златоструй до 1200 г.: Срезневский, II, 1707). Ср. в переводе Флавия: «И супостати вашу дръзость видяще, претръгнется их шатание» (стр. 401); «узы их преторже» (Кирилл Туровский приводит эту цитату из Псалтыри — см.: Амфилохий, II, стр. 266); «иже нехраненьемъ ... нить претергнетъ» (Новгородская Кормчая 1280 г., цит. по кн.: Перетц, стр. 316). Климент Смолятич цитирует Екклесиаст: «уже ременно плете, не скоро ся преторгнет» (Н. Никольский. О литературных трудах митр. Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 122—123); «яко потягоша силоу, ўжа претръгняхуся» (Сказание о Борисе и Глебе: Успенский сборник XII в., стр. 40).

Донецъ рече: Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа. — Рядом с книжным *величия* — в Остром. ев. «яко сотвори мѣне величие сильнии» (Срезневский, I, 237) — в «Слове» стоит известное в летописном и деловом языке *нелюбия*; в Ипат. лет. под 1193 г.: «Святослав же нелюбьемъ рче ему»; под 1283 г.: «Бысть межю има больше нелюбие ... нелюбие велико», и то же сочетание этого слова с дат. пад., как в «Слове», в договорной грамоте Михаила Тверского с Новгородом 1375 г.: «Что ся учинилось нелюбие князю Михаилу с Новым городом» («нелюбие» встречается и в других сочетаниях: «держати на кого», «до мене» — примеры: Срезневский, II, 394). — *веселиа* — «слава на небеси, на земли веселие» (Стихирарь XII в.); «будеть тебе радость и веселие» (Остром. ев.); «съзвав на едино веселие небесныа и земленыа» (Слово о законе и благодати: Срезневский, I, 245—246).

Игорь рече: «О Донче! не мало ти величия, лелѣвашу князя на влънахъ — «корабль ... погружаяся вълнами» (Остром. ев.: Срезневский, I, 379). — *лелѣвашу* — см. выше, стр. 38.

стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ — «постеля стълати» (Ефрем. кормчая XI в.: Срезневский, III, 586); *зелѣну траву* — «земля зеленую траву ражаетъ» (Кирилл Туровский: Калайдович, стр. 21). — *сребреныхъ* — см. стр. 87.

одѣвашу его теплыми мѣглами — «гребци сидяху аки мглою одени» (житие Александра Невского старшей редакции, цит. по кн.: Перетц, стр. 317). — *теплыми* — Срезневский дает примеры с XI в. в сочетаниях «в тепле храмине», «теплу воду», «зима тепла» (III, 949). — *мѣглами* — множ. число, см. выше, стр. 116.

подѣ сѣнию зелену древу — «дѣшед древа единого седе под сению его почити мало» (Плач Иеремии: Успенский сборник. XII в., стр. 1); «творить ветви великы, яко же мощи под сению его птицамъ небеснымъ гнездитися» (Юрьевск. ев. 1119 г.: Срезневский, III, 897).

стрержаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ. — Сочетание глагола *стрержаше* с творительным орудия находим в книжном языке с XI в.: «Стрегуцимъ тя учениими истинными» (Минея 1095 г., сентябрь, стр. 027); «безмолвиемъ себе стржета» (Патер. Син. XI в.: Срезневский, III, 573); «и стржаху по вся ноши» (Флавий, стр. 332). — *гоголемъ* — см. выше, стр. 118. — *на струяхъ* — «струи речные» упоминаются в Ипат. лет. под 912 г.; «виде реку ... великими струями быстру» (Флавий, стр. 443); «река множествомъ струй разливаюущися» (житие Федора Студита: Срезневский, III, 561). — *чаицами ... чрънядьми* — оба эти названия в памятниках не встречаются. Комментарий к ним дан в статьях Н. В. Шарлеманя (Из реального комментария к Слову о полку Игореве. — ТОДРА, т. VI, 1948, стр. 113) и Л. А. Бу-

лаховского (Слово о полку Игореве как памятник древнерусского языка. — Слово₁, стр. 144—146).

Не тако ли (м. б., *ти?*), *рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростре на кусту* (м. б., *рострена к устью?*). — *Не тако ти* — «он же рече: сыну, тако ти и гораздо» (Ипат. лет., 1147 г.); «не тако же есть в вас, нѣ иже хоцеть в вас быти вѣщшии» (Остром. ев., другие примеры: Срезневский, III, 917—918). — *худу* — примеры на слово «худый», приведенные Срезневским (III, 1417—1419), не дают сочетания его с названиями водных источников. — *струю* — см. выше, стр. 101. — *пожръши* — значение «поглотить» подтверждается примером из Минеи 1095 г. (сентябрь, стр. 053): в службе архистратигу Михаилу он сопоставлен с библейским Моисеем — «древле убо Моси удари в камень и потекоша воды, ныне же тебе, раздражьшу камень, пожърты быша воды речыния». Итак, река, которая может «пожърети» ручьи, — образ, созданный в «Слове» в традиции применения этого глагола в книжном языке с XI в. — *чужи ручьи* — «ручей» находим в летописном языке XII в.: «... от ручия мимо Славьно ... от ручья Плотьницънаго до конца хѣлма» (Новг. I лет., 1105, 1134 гг.); «чужой» в значении «чужеземный» в примерах, данных Срезневским, сочетается со словами «земля, страна, бог» (III, 1551). — *стругы* — это название лодки, судна находим в Русской Правде: «... за челн 50 кун, а за струг гривна» (стр. 54); «възмут реки стругы своя» (Паремийник XIII в., цит. по кн.: Перетц₂, стр. 295). А. К. Югов предложил следующее объяснение всего этого отрывка: «Стугна была в XI веке (когда в ней утонул Ростислав, — В. А.-П.) рекой пограничной, южным берегом ее владела половецкая орда, а северным — Киевская Русь. И вот, когда Стугна разлилась весной (а Ростислав, по словам летописи, утонул именно в разлив реки, в половодье), то, приняв чужие, то есть с половецкого берега воды, она стала „чужой по крови“ и ... предала русского князя» (Светоч неугасимый. — Советская Россия, 1963, 25 декабря, № 302/2287, стр. 4). Итак, ручьи «чужи», потому что пришли с вражеской, половецкой стороны. — *ростре на кусту* — обзор исправлений этого неясного места «Слова» дает В. Н. Перетц₁ (стр. 320—321); толкование его содержится в статье Д. В. Айналова «Замечания к тексту Слова о полку Игореве» (ТОДРА, т. II, 1935, стр. 88—90). Р. Якобсон предлагает соединить в одном предложении *ростре на кусту уношу* и перевести *ростре* от глагола «растрети» — «раздавила» (La Geste, стр. 243) между двумя кустами. Думается все же, что *уношу* относится к следующим словам князю Ростиславу, но писец под влиянием двух дательных на «У» вместо *уноши* написал *уношу*. Глагол *ростре* возможно сблизить с «растроитися», «растряти» — в значении рассеивать, здесь «разбросала», «рассеяла» стругы по кустам, ср. «вънегда растряеть Небесныи цесари на неи» (Срезневский, III, 90, глагол известен с XI в.). — *кусту* — «от ольхи на еловой куст» (грамота 1147 г.: Срезневский, I, 1381).

уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. — Форма *уношу* постоянна с XI в. — *затвори* — с винит. пад.: «И неси мене затворил в руках вражиих» (Амфилохий, I, стр. 174); «места затворити» (Златоструй); «небеса яже Адам затвори» (Григорий Назианзин XI в.: Срезневский, I, 952). — *темнѣ березѣ* — форма «берег» известна с XI в. (Срезневский, I, 69); определение «темный» также в русских и переводных памятниках в разных значениях, в том числе и «лишенный света, темный», встречается с XI в. (Срезневский, III, 1084—1085).

Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ — Владимир Всеволодович «плакася по брате своем и по дружине своей ... и плакася по немь мати его и вси людѣ плакаша по немь» (Ипат. лет., 1093 г.).

Уныша *цвѣты жалобю*. — *уныша* — «уны сердце мое» (Пандекты Антиоха XI в.); «солнца унавѣша» (Минейя 1096 г., октябрь, л. 58; Срезневский, III, 1234). — *цвѣты* — «яко травный бо есть цвет» (Изборник Святослава 1076 г.); «весна убо украшает цветы землю» (Даниил Заточник: Срезневский, III, 1437). — *жалобю* — в значении «горе», «жа-лоба» встречаем в Златоструе XII в.: «Мощно на жалобу въставити» (Срезневский, I, 841). В «Слове» здесь употреблен тот же творит. пад. орудия, что и в выражении *ничить трава жалоушами*.

и древо с тугою къ земли прѣклонилось (испр. из *прѣклонило*) — см. выше, стр. 69. Аналогичное словосочетание имеем в Шестодневе: «...к земли приклонятся им» (л. 231 об.); «ветвие преклонилось бе до земля» (Изборник Святослава 1076 г.: Срезневский, II, 1654).

А не сороки втроскоташа. — Стрекотание сорок выдает присутствие человека, поэтому автор «Слова» подчеркивает дальше, что во время бегства Игоря *сороки не троскоташа*. О поведении сороки, чующей человека, см. в статье: В. В. Данилов. Заметки к тексту Слова о полку Игореве. — Сб. Слово, стр. 207—208. — *сороки втроскоташа* — Срезневский восстанавливает форму «въстрескоташа» и дает пример только из «Слова» (I, 424). Примеры на «троскотати» без приставки у Срезневского дают лишь обозначение треска при сжимании частей человеческого тела (III, 1003), а производные (троскотание, троскотный) относятся к дереву, огню. Варианты — трескота, треск, трескание относятся к звукам, издаваемым ударами оружия или молнии (III, 1027). Сопоставление крика сорок с треском дерева — находка автора «Слова». — Слово «сорока» известно с XI в. (Изборник Святослава 1076 г.).

на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. — К выражению *на слѣду ѣздитъ* параллель дает Русская Правда, где речь идет о раскрытии кражи на борти: «Не будет ли татя, то по следу женуть. Аже не будет следа или к селу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едут на след ... а след гнати с чюжими людьми а с послухы, аже погубить след на гостинци» (Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930, стр. 53). В переводе Флавия в значении «следовать за кем» слово «след» сочетается с другим глаголом: «...инии же инако правый путь погубивше, и прежешьствовавшим следу въследовати не въсхотеша» (стр. 325).

Тогда врани не граахуть — см. выше, стр. 81.

галици помлѣкоша — «аще бы помолкл ... велика бы дарованья сподобился за молчание» (Пчела); «въскую зриаеши на обидящая и помлѣчаваеши» (XI в., Срезневский, II, 1168); «старейшины ... помолкоша» (Флавий, стр. 273); «и тако сѣтворше помлѣкоша» (там же, стр. 290).

сороки не троскоташа, полозие (испр. из *полозю*) *ползоша* только. — Н. В. Шарлемань исправляет *полозю* на *полозие* — змеи (Заметки к слову о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 9). — *сороки не троскоташа* — см. выше, стр. 121. — *ползоша* — «ово змие ползошаху к нему» (Лавр. лет., 1074 г.); «полозити на колену» (житие Феод. Печ.: Срезневский, II, 1135). — *только* — «только семцю яша одного» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.); при глаголе: «...толко жадаеть убити» (Серапион Владимирский: Срезневский, III, 975).

Дятлове тектомъ путь к рѣцѣ кажуть. — *дятлове* упоминаются в Златоструе XII в. (Срезневский, I, 806); в «слове Кирилла о злых дусех» по списку XV в.: «...веруем в потки и в дятля» (Буслаев, стлб. 544). — Название стука дятла *текот* в памятниках старшего периода не отмечено. — *путь кажуть* — см. выше, стр. 116.

Соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. — К сочетанию веселыми пѣсньми параллель дает «слово о воскресении Лазаря»: «... воспоем песни тихи и веселыя»; в переводе Флавия есть сочетание «песни радостныя» (стр. 249) или «страшен кличь и весел» (стр. 435). — свѣтъ повѣдаютъ — в значении «рассвет»: «... заутра, въседше в лодьи противу свету» (Лавр. лет., 968 г.); «прежда до света» (Переясл. лет., 1149 г.: Срезневский, III, 295). — повѣдаютъ с вин. пад.: «А се вы поведаю, дети моя, труд свои» (Поучение Владимира Мономаха: Лавр. лет., 1096 г.).

Млѣвить Гзакъ Кончакови. — При обычном рече, рекосте, ркоша, аркучи, рекъ, здесь один раз в «Слове» употреблен глагол млѣвити, однако дальше снова рече Кончакъ ко Гзѣ. Многочисленные примеры на этот глагол в значении «говорить» приводит Срезневский (II, 201—202) из самых разнообразных жанров: летописи (с 912 г.), поучений, канонических и собственно литературных памятников.

Аже соколь къ гнѣзду летитъ, — соколѣча рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. — Конструкция фразы с начальным аже известна в деловом языке и летописи XI—XII вв.: «... аже кто преобидит» (Церковный устав Владимира до 1011 г.); «аже зовуть тя с честью, иди» (Ипат. лет., 1178 г.: Срезневский, I, 8). — соколѣчъ — сын сокола, форма, образованная по типу, известному в старшем периоде для обозначения сына: «воиничъ», «шуричъ» (Срезневский, I, 286; III, 1600). — Сочетание рострѣляевѣ стрѣлами находим в летописи с XI в.: «... и растреляша стрелами Василковичи» (Переясл. лет., 1097 г.); «другыя же стрелами растреляху в ня» (Лавр. лет., 1237 г.). В старшем примере, как в «Слове», глагол употреблен с дополнением в вин. пад. — Определение злаченые ср. в русской форме: «двери медяны золочены» (Даниил игумен: Срезневский, I, 995).

Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколь къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколѣча опутаевѣ красною дивцею, — соколѣча — молодой сокол, по определению Л. А. Булаховского, вариант к соколѣч (см.: Слово, стр. 146). — опутаевѣ — ср. выше, стр. 82 опуташа вѣ путины желѣзныи. Здесь «опутать» имеет значение «женить», поэтому сочетается с творит. пад., как в выражениях: «... родителе ему съвешташася женити и дивцею» (Супрасльск. рук.) и в летописи: «... ожени сына своего Святослава Васильковною» (Лавр. лет., 1143 г., см. примеры: Перетц, стр. 324). — красною дивцею — «девици суши красне стави ю собе жене» (Амартол, стр. 37); «видев ю (девушку) красну сущю» (Флавий, стр. 183); «двема дивцема сущима» (там же, стр. 249).

И рече Гзакъ къ Кончакови: Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ соколѣча, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ. — наю — «се наю, брате, бог съвокупиль» (Ипат. лет., 1147 г.); «лжю реч возложиша на наю», «молвяче на наю», «у наю отиметь» (Флавий, стр. 214, 220). — почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ — ср. выше: О далече заиде соколь, птиць бья, къ морю. В обоих случаях выражение птици бити употреблено в переносном смысле: Игорь бил половцев, Гза опасается, что русские будут бить их вѣ полѣ Половецкомъ. Ср. в Пчеле: в бою «руками бити крепко» (стр. 43). С. Гординский отмечает в украинской исторической песне оборот «в поле бити»: «... ще й поляків в полі бити» (стр. 42).

Рекъ Боянъ и Ходына (м. б., и ходы на?) Святѣславля пѣснотворца старога времени Ярославля, Ольгова коганя хоти. — Рекъ — при двух подлежащих сказуемое в единств. числе обычно в летописях в тех случаях, когда сказуемое стоит впереди: «... иде Асколд и Дир», «рече Свенгелд и Асмуд», «и отпреса Ярополк и Олег», «ходи Володимер, сын Всеволожъ,

и Олег Святъславль», «приведе Олег и Борис» и т. д. (Лавр. лет., 866, 946, 970, 1076, 1078 гг. и т. д.). А. В. Соловьев добавляет, что эта форма согласования встречается еще и в XIII в., причем она часто связана с последующей прямой речью: «И рече митрополит и епископы», «и рече Изяслав и Ростислав», «и нача молвити митрополит и игумени вси» (Ипат. лет., 1115, 1151, 1157 гг.; А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XX, 1964, стр. 376). — *Ходына* — испр. из *ходы на*. Среди многих исправлений этого места данное наиболее согласуется с дальнейшим двойственным числом *пѣснотворца* (см. свод таких исправлений: Перетц, стр. 326—327). Собственное имя «Ходыничь Останко» от имени отца «Ходына» отмечено Н. Тупиковым (Словарь древнерусских собственных имен. СПб., 1903, под 1552 г.). В XIV—XV вв. известна волость «Ходина» (Перетц, стр. 327). В Новг. I лет. под 1210 г. читаем: «Новгородци угонивше Литву в Ходыничих». А. В. Соловьев считает, что это село «было населено потомками какого-то Ходыны XII или даже XI в.» (А. В. Соловьев, ук. соч., стр. 376). — *пѣснотворца* — «яко же историци и ветия, рекше летописци и песнотворци, прикланяют своя слухы в бывшая межю цари рати и опълчения, да украсять словесы и възвеличать мужьствовавшая крепко по своємъ цари... и тех славяще похвалами венчаютъ» (Кирилл Туровский. Слово на собор святых отец: Калайдович, стр. 74). Это определение характера творчества «песнотворцев» подтверждается воспоминанием о темах песен Бояна в начале «Слова» (см. выше, стр. 30): он пел *старому Ярославу*. — Оба *пѣснотворца* названы *Святъславля*, так как известно, что при дворе отца великого князя киевского Святослава Ярославича играли на музыкальных инструментах и пели — об этом рассказывает житие Феодосия Печерского. — *Ольгова коганя хоти* — эти слова В. Н. Перетц считает обращением двух *пѣснотворцев* к жене Олега Гориславича (Перетц, стр. 326). Она названа *коганя хоти*, так как, по указанию А. В. Соловьева, ее муж князь Олег — Михаил «был в конце XI в. не только князем Тмуторокани, но и Зихии и „всей Хазарии“ в Крыму. Крымские хазары были его данниками, поэтому он имел полное право носить титул „когана“, жена его была „коганя хоть“» (А. В. Соловьев, ук. соч., стр. 378). «Каганом» митр. Иларион в XI в. назвал не только Владимира Святославича («Похвалим... великаго кагана наша земля Владимира, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава» — в «Слове о законе и благодати», Иларион, стр. 70), но и Ярослава Владимировича («в лето 6559 (1071) владычествующу благоверному кагану Ярославу, сыну Владимирю» — подпись к «Исповеданию веры»: там же, стр. 80).

«Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», *Рускои земли безъ Игоря*. — Припевку Бояна и Ходыны автор «Слова» продолжил третьим членом, применительно к отношению Русской земли к пленению князя Игоря. — *голова* и в припевке Бояна, и в ее продолжении — метафорический образ князя, возглавляющего свою область, как в летописных выражениях: князь «глава есть земли» (Лавр. лет., 1015 г.); «аще бо князи правдиви бывають, то много отдается согрешенья земли той, поне то есть глава земли» (там же, 1177 г.). Летопись ссылается, применяя такой образ, на изречение пророка Исая: «Согресиши от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простых людей» (Лавр. лет., 1015 г.). Опираясь на переводное изречение — «Апаминда фивейский виде много вои без добра воеводы и рече: велик зверь, но главы не имать» (Пчела, стр. 109), Даниил Заточник говорит: «Видех велик зверь, а главы не имеет, тако и многи полки без добра князя» (стр. 19). В книге пророка Иезекииля текст: «Старейшины дому Израилева къждо к своим ужикам

их смятошася к тебе, да пролеют кровь», добавлено такое толкование: «Главе бо болящи нужда и телу всему приати болезнь» (цит. по кн.: Перетц, стр. 307). — *кромѣ* в значении «без» имеем в «Поучении» Владимира Мономаха, который ставит рядом оба слова: «И миров есть створил с Половечьскими князи без одного 20 и при отци и кроме отца» (примеры с XI в.: Срезневский, I, 1328).

Солнце свѣтитя на небесѣ — *Игорь князь въ Руской земли* — «свѣтяштесь яко и солнце» (Изборник Святослава 1076 г.). В переносном значении употребляется в агиографии и гимнографии с XI в. для похвалы святому или церкви, распространяющей духовный свет (примеры: Срезневский, III, 292). — Образ «Игорь светится» связан с метафорой герой — солнце, широко распространенной в народной поэзии, но применявшейся и в литературе, например в Моление Даниила Заточника: «Вся человеки яко солнцем греми милостию твоею» (стр. 54). Чаще эта метафора встречается в плачах по князьям. Мстислава Ростиславича летописный плач вспоминает так: «Уже бо солнце наше зайде ны» (Ипат. лет., 1178 г.); та же формула повторена под 1289 г. применительно к князю Владимиру Васильковичу; митрополит Кирилл над гробом Александра Невского воскликнул: «Зайде солнце земли Суждальской» (Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 9). Итак, в XI—XIII вв. в литературе известно сопоставление князя с солнцем — он греет, умирает — заходит как солнце. На фоне этих уподоблений образ «Слова», где князь светится как солнце, не представляется чем-то исключительным.

Дѣвици поють на Дунаи — *вьются голоса чрезъ море до Києва*. — *вьются голоса* — к этому выражению имеются только народно-поэтические параллели. Не могло ли «вьются» при переписке заменить первоначальное «льются»? Ср. у Флавия: «Власы своя вьяху» (стр. 351). Д. С. Лихачев предполагает, что автор «Слова» представил и соседние народы поющими «исторические песни» — «славы» по аналогии с русской действительностью (Истор. и полит. кругозор, стр. 28).

Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощи. — Так называет летопись с 1132 г. церковь, где была поставлена привезенная из Царьграда икона богородицы: «Заложена бысть церкви камяна святая богородица рекома Пирогоща» (Ипат. лет., 1132 г.; см. комментарий к этому эпизоду: Перетц, стр. 329). Законченная строительством в 1136 г. эта киевская церковь была хорошо знакома автору «Слова». Рассказ Ипатьевской летописи кратко сообщает лишь, что Игорь из плена отправился «во свой Новъгород», затем «к Чернигову» и наконец «ко Киеву». — *Боричевъ* спуск на Подол упоминается в Лавр. лет. под 988 г.

Страны ради, гради весели. — страны в значении «области» встречаем с XI в.: «...идый же путьмъ и уже в странах своих си впаде в недуг лют» (житие Феодосия Печерского: Срезневский, III, 536). — *ради* — в летописи: «...ради быша словени», «Половци ... ради суть, оже межю нами рати» (Лавр. лет., 898 г., 1097 г., примеры: Срезневский, III, 14). — *гради весели* — примеры на слово «град» с XI в. (Срезневский, I, 575), с того же времени «весел» в краткой форме: «веселы лицом» (житие Бориса и Глеба XI в.: Срезневский, I, 246).

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю Святъславличю, Буи Туру Вссволоду, Владимиру Игоревичю — см. выше, стр. 28, 30, 56, 96 (*пѣти пѣснь, старымъ княземъ, молодымъ, Буи Тур*).

Здрави князи и дружина — «Съдравьствуите же мьнога лета» (Остром. ев.); в Александрии словами «здрави же будете» оканчиваются почти все послания, которыми обмениваются участники изображаемых

событий (стр. 47 и др.). В Псковск. I лет. под 1217 г.: «Приидоша вси здрави» (Срезневский, I, 998).

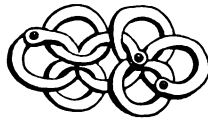
побарая за христьяны на поганяя плъки! — В летописи глагол «побарати» сочетается с предлогом «по» для выражения защиты: «Ярослав утер пота, побарая по братии своеи» (Переясл. лет., 1019 г.); «побаряюще по Русьской земли» (Ипат. и Лавр. лет., 1097 г.). С предлогом же «за» в летописи сочетаются для обозначения объекта защиты глаголы «стати» — «како стати всем . . . за правду новгородскую» (Новг. I лет., 1255 г.) или «потрудиться»: «Потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю» (там же, 1263 г., примеры: Срезневский, II, 892—893, 984). — *христьяны* — это название русского народа в летописи известно с XI в.: «Тако бог избави христьян от поганых» (Новг. I лет., 1060 г., Срезневский, III, 1404).

Княземъ слава а дружинѣ! Аминь. — *слава* — см. выше, стр. 27, 39. — *а* — союз соединительный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Акир — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире премудром. М., 1913.
 Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.
 Амартол — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I, Текст. Пгр., 1920; т. III, Л., 1930.
 Амфилохий — Древнеславянская псалтырь Симоновская до 1280 года, тт. I—III. 2-е изд., М., 1880—1881.
 Барсов — Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887; т. III, М., 1889.
 Буслаев — Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.
 Гординский — Слово о полку Игореві і українська народна поезія. Вибрані проблеми. Вінніпег, Канада, 1963.
 Даниил Заточник — Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII в. и их переделкам. Л., 1932.
 Даниил игумен — М. В. Веневитинов. Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена. 1106—1118 гг. Правосл. палест. сборник, вып. 3 и 9, СПб., 1883 и 1885.
 Девгениево деяние — М. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922.
 Еремин — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, тт. XII, XIII и XV, М.—Л., 1956—1958.
 Жития Бориса и Глеба — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Изд. ОРЯС АН, Пгр., 1916.
 Иларион — Слово о законе и благодати. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. первый. СПб., 1894.
 Ипат. лет. — Полное собрание русских летописей, том второй, Ипатьевская летопись. Изд. 2-е, СПб., 1908.
 Калайдович — Памятники российской словесности XII века. М., 1821.
 Лавр. лет. — Полное собрание русских летописей, том первый, Лаврентьевская летопись, вып. 1—3. Изд. 2-е. Л., 1926—1928.
 Лихачев Д. С. — Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора Слова о полку Игореве. — В сб.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950.
 Истор. и полит. — Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы Слова о полку Игореве. — В сб.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950.
 кругозор
 Лихачев Д. С. — Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы Слова о полку Игореве. — В сб.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950.
 Устные истоки
 Миней 1095—1097 гг. — И. В. Ягич. Службные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886.
 Откровение Мефодия — В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897.
 Патарского
 Перетц — Акад. Володимир Перетц. Слово о полку Игореві, пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. У Києві, 1926.

- Перетц. К изучению — К изучению Слова о полку Игореве. Л., 1926 (отт. из Изв. ОРЯС, тт. XXVIII—XXX).
- Перетц₂ — Слово о полку Игореве и древнеславянский перевод библейских книг. Изв. по РЯС, т. III, 1930.
- Пчела — В. Семенов. Древняя русская пчела по пергаменному списку. СПб., 1893.
- Слово о Лазаревом воскресении — рукописи ЦГИА в Ленинграде, ф. 834, оп. 2, д. 1857, XIV—XV в., л. 143 об. Второй список — собр. Ундольского № 575, нач. XVI в., л. 91 об.
- Слово₁ — Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.
- Слово₂ — Слово о полку Игореве — памятник XII века. Отв. ред. Д. С. Лихачев, М.—Л., 1962.
- Успенский сборник — Сборник XII в. Московского Успенского собора. — ЧОИДР, М., 1899, кн. 2, отд. II, стр. 1—168.
- Флавий — Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.
- Шестоднев — А. Попов. Шестоднев, составленный Иоанном, экзархом болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки. 1263 года. М., 1879.
- La Geste — La Geste du Prince Igor' épopée russe du douzième Siècle. New York, 1948.

А. Н. КОТЛЯРЕНКО

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ «ЗАДОНЩИНЫ» И «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Изучение грамматического строя памятников древнерусского языка имеет огромное значение для создания истории развития русского языка. Особенно важным представляется все-стороннее монографическое изучение отдельных важнейших оригинальных памятников древнерусской письменности, что может дать необходимый материал для характеристики становления и развития русского языка, начиная с его истоков. В этом отношении необходимым представляется изучение самого ценного памятника XII в. — «Слова о полку Игореве». Хотя по сравнению с другими памятниками древнерусской письменности изучению грамматического строя «Слова» посвящено относительно значительное количество работ,¹ но памятник и до сих пор недостаточно изучен именно с этой точки зрения. Еще менее «повезло» в этом отношении «Задонщине».²

За последнее время интерес к изучению грамматического строя «Задонщины» стал больше проявляться в связи с необходимостью сопоставления грамматических особенностей «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине», чтобы и эта сторона двух памятников была

¹ Н. М. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве». — *Slavia*, год. XIV, seš. 4, v Praze, 1937, стр. 547—592; С. П. Обнорский. 1) «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка. — *Русский язык в школе*, 1939, № 4, стр. 9—18; 2) Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 149—181, 193—198; Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 130—163; Л. А. Булаховский. Функции чисел в «Слове о полку Игореве». — *Мовознавство*, т. 10, 1952, стр. 120—124; Г. А. Пирцхалава. Синтаксические явления «Слова о полку Игореве». — *Труды Сухумск. пед. инст.*, т. 7, 1952, стр. 120—126; Н. П. Гриркова. О языке «Слова о полку Игореве». — *Изучение языка писателя*. Учпедгиз, Л., 1957, стр. 12—42.

² См.: О. Г. Воронкова. Морфология «Задонщины» по спискам XV—XVII вв. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1954, 15 стр. (ЛГУ); Т. С. Розанова. Формы глагола прошедшего времени в «Задонщине». — *Уч. зап. Великолукск. пед. инст.*, 1956, стр. 211—224; А. Н. Котляренко. 1) «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века. — *Уч. зап. ЛГПИ*, т. 15. Фак. яз. и литер., вып. 4, 1956, стр. 131—160; 2) «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века (Морфология и синтаксис). Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1957, 13 стр. (ЛГПИ); 3) К истории развития сложного предложения. (По спискам «Задонщины»). — *Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена*, т. 173, 1958, стр. 43—54.

рассмотрена с той же глубиной, с какой обследованы все остальные элементы «Слова».³

Работы, посвященные сопоставлению языка «Слова» и «Задонщины», обычно исходили из сравнения первого памятника со вторым.⁴

Автор настоящей статьи первоначально занимался монографическим изучением морфологии и синтаксиса «Задонщины», что естественно привело его к необходимости привлечения языковых данных «Слова о полку Игореве», так как в процессе исследования пришлось убедиться в известной зависимости некоторых элементов грамматического строя «Задонщины» от «Слова».

Исследование обоих памятников с точки зрения грамматической еще раз убедительно показало первичность «Слова» и вторичность «Задонщины».

Ввиду невозможности по размерам статьи сопоставить все элементы грамматического строя памятников освещаются главным образом те вопросы грамматического строя, рассмотрение которых не дано в печати. При описании грамматического строя «Слова» автор всюду привлекает печатные работы исследователей, что всегда оговаривается; однако все положения, выдвинутые исследователями языка «Слова», проверяются, дополняются, а иногда и исправляются. Очень многие стороны грамматического строя «Слова» вообще не нашли отражения в имеющихся работах, и автор стремился восполнить эти пробелы.

При исследовании грамматического строя «Задонщины» используются все дошедшие до нас списки памятника. Сравнение списков памятника представляется необходимым, так как это позволяет установить, насколько это представляется возможным, какие грамматические формы были свойственны оригиналу повести, а что было внесено переписчиками. Такой метод исследования, по мнению автора, позволяет судить о «Задонщине», несмотря на отсутствие подлинника, как о памятнике конца XIV в. Установленные таким образом морфологические формы и синтаксические конструкции автор старается там, где это возможно по степени изученности материала, рассматривать в связи с явлениями того же порядка в других памятниках древнерусской письменности. Весь этот материал, дающий возможность в известной степени судить о грамматическом строе «Задонщины» как памятнике конца XIV в., сопоставляется со «Словом о полку Игореве» — памятником старшей поры древнерусской письменности, который, по мнению автора, оказал большое влияние на грамматический строй «Задонщины».⁵

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Нечленных прилагательных в «Задонщине» незначительное количество: в списке Ундольского всего 15 случаев (не считая притяжательных): невесела (л. 170 об.), горазна (л. 172), храбры (л. 175 об.), готов (л. 177), крылати (л. 178 об.), камена (л. 178 об.), крепцы (л. 180), живи (л. 180 об.), черна (л. 181), добре (л. 183); стару (лл. 183, 187 — в зна-

³ См.: Дылевский, стр. 169—254.

⁴ См.: В. Л. Виноградова. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии. — Сб. «Слово о полку Игореве — памятник XII века». Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 255—275.

⁵ Цитаты из «Задонщины» даются с обозначением в скобках соответствующих листов того списка «Задонщины», из которого приводится цитата.

чении существительного), зелене (л. 183 об.), борзи (л. 186 об.), медвяна (187 об.).

В двух случаях (лл. 177, 180) нечленные прилагательные в функции сказуемого; в одном случае часть сложного сказуемого (седит невесела — л. 170 об.). Остальные нечленные прилагательные выступают в функции определения. Субстантивированные прилагательные (лл. 183, 187) выступают в функции дополнения.

Многие нечленные прилагательные употребляются в таких местах «Задонщины», которые текстуально в той или иной степени связаны со «Словом о полку Игореве». Ср. «Задонщина» (У): Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша... (л. 181). — «Слово»: Чръна земля подъ копыты костми была посеяна (17—18).⁶ — «Задонщина»: Сѣдлаи, брате Андреи, свои доброй конь, а мой готов оседлан (л. 177). — «Слово»: Сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мой ти готови, осѣдлани (7). — «Задонщина»: И в то время стару надобно помолодети (л. 183). Туту, брате, стару помолодеть (л. 187). — «Слово»: А чи диво ся, братие, стару помолодети? (27). — «Задонщина»: Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы, под трубами, под шеломи значеными в Литовской земли (лл. 175 об.—176). — «Слово»: ... а мой ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломи възлелѣяны, конецъ копия възкръмлени (8).

Нечленное прилагательное *зелене*, хотя и в других текстах, тоже встречается в «Слове о полку Игореве».

Ср. «Задонщина»: ... а чаду твоему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове (л. 183 об.). — «Слово»: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла (16); ставшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнию зелену древу (42).

Встречается в «Слове о полку Игореве» и нечленное прилагательное *горазна* тоже не в одинаковом тексте с «Задонщиной».

Ср. «Задонщина»: Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве (л. 172). — «Слово»: Тому вѣщеи Боянъ и прѣвое припѣвку, смыслени, рече: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божиа ни минути» (37).

С. П. Обнорский считает, что прилагательное *гораздъ*, по-видимому, относится к типу прилагательных, употреблявшихся лишь в нечленной форме.⁷ Л. А. Булаховский, считая правильным мнение С. П. Обнорского, все же полагал, что употребление нечленной формы абсолютным все-таки не было,⁸ так как И. И. Срезневский приводит форму *гораздыи* из Ипатьевской и Переяславской летописей за 6645 г.⁹

Следует отметить, что в «Задонщине» нечленная форма прилагательного *горазд*, кроме списка У (см. выше), встречается в этом же тексте в списке К-Б: гораздо гудца (л. 122 об.) — и в списке С: горазда гудца (л. 37); только в списке И-1 членная форма: гораздага гдудца (л. 215 об.).

В списках У и И-1 встречается в другом тексте членная форма прилагательного *горазд*: Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны (У, л. 172); тот боюн воскладше гораздыя своя персты на

⁶ В скобках при цитатах указываются страницы первого издания «Слова о полку Игореве» (в «Словаре-справочнике» они обозначены на полях в публикации текста).

⁷ См.: Обнорский И. Очерки, стр. 169.

⁸ См.: Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка, стр. 133.

⁹ См.: Срезневский И, I, стлб. 553.

9 Слово о полку Игореве

живыя струны (И-1, л. 215 об.). В списках КБ и С по-другому: златыя персты (К-Б, л. 122 об.); белыя руцы (С, л. 37).

Приведенный выше текст из «Задонщины» почти полностью повторяет «Слово о полку Игореве»: Боянь же, братие ... своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладше (4). Употребление вместо *Боян* слова *боярин* в списке У, а в И-1 *боюн*, вероятнее всего, искажение первоначального текста «Задонщины»: в списке К-Б так, как в «Слове»: вѣщиа Боян (л. 122 об.). Однако ни в одном списке не повторяется определение «Слова» *вещиа* к слову *прѣсты*. Можно полагать, что в списках И-1 и У определение *горазная* (*гораздыя*) появилось под влиянием предыдущего предложения, в котором к слову *удецъ* уже имеется то же самое определение. Во всяком случае, очевидно, что из «Слова о полку Игореве» перефразирован приведенный выше текст, а не наоборот.

Употребление нечленного прилагательного *камена* (ис *камена града* — У, л. 178 об.; ис *камени грады* — С, 38 об.; только в И-1 членная форма: ис *каменнаго града* — л. 218 об.) вполне оправдано, так как прилагательные с значением «сделанный из чего-либо, из какого-либо материала» относятся к устойчивому типу нечленных прилагательных.¹⁰

Основываясь на изучении сохранившихся списков «Задонщины», трудно сделать окончательный вывод о том, насколько список Ундольского правильно отражает в этом отношении первоначальный текст повести, хотя и представляется, что данный список ближе всего к оригиналу. Как уже указывалось, многие случаи употребления нечленных прилагательных падают на текст, близкий к «Слову о полку Игореве», а это является подтверждением первичности нечленных форм прилагательных памятника, созданного на два века позднее «Слова».

Если исходить из принципов употребления членных и нечленных прилагательных в функции определения для древнерусского языка старшей поры, то в большинстве случаев замена нечленных прилагательных списка Ундольского в других списках не оправдывается.

Различие в употреблении членных и нечленных прилагательных в разных списках видно из таблицы (стр. 131).

Как видно из таблицы, чаще всего употребление членных прилагательных вместо нечленных наблюдается в списке С, в котором вообще встречаем только 4 случая употребления нечленных прилагательных в функции определения, причем в 3 случаях нечленные прилагательные в этом списке употреблены в тех же текстах, что и в списке У. Это тоже, надо полагать, является косвенным подтверждением первичности нечленной формы определения: переписчик списка С явно избегает нечленные прилагательные; следовательно, в этих случаях он повторяет те формы, которые были в списке, послужившем для него оригиналом. На этом же основании думается, что и четвертый случай употребления нечленного прилагательного (*камене граде* — С, л. 38) был свойствен оригиналу, и наличие в списке У членной формы (*каменом граде* — л. 176 об.) — порча текста переписчиком. Такое предположение подтверждается, кроме того, показаниями других списков: К-Б — *славне городе* (л. 125), И-1 — *камене граде* (л. 217 об.); а также употреблением нечленной формы в другом случае в С — *камени грады* (л. 38 об.) и У — *камена града* (л. 178 об.). Наконец, по нормам древнерусского языка прилагательные со значением «сделанный из чего-либо» устойчиво употреблялись в нечленной форме.¹¹

¹⁰ См.: Обнорский. Очерки, стр. 168.

¹¹ Ср.: там же.

Еще в 2 случаях кажется оправданным употребление нечленных прилагательных в других списках, в противоположность списку У. Ср. таблицу: У, л. 185; К-Б, л. 128 об.; И-1, 220 об. и л. 221; И-2, л. 70 и 70 об. Только, как и в У, членные прилагательные в этих текстах встречаются в списке С (л. 40 об.), в котором нечленные прилагательные вообще употребляются очень редко.

Во всех остальных случаях показания списка У представляются более близкими к оригиналу.

Таким образом, даже с учетом поправок к списку У можно все же констатировать, что в «Задонщине» употребление нечленных прилагательных крайне ограничено и большей частью встречается или в текстах, возникших на основе «Слова о полку Игореве», или в устойчивых выражениях, в которых, естественно, более древние формы сохраняются дольше. Обращает внимание и то обстоятельство, что большинство нечленных прилагательных качественные, а из относительных — прилагательные, обозначающие признак предмета по материалу, из которого он сделан. Нужно также отметить, что в большинстве случаев нечленные прилагательные употребляются в «Задонщине» чаще в функции согласованного определения: по списку У в 11 случаях из 16.

Известно, что нечленные прилагательные в функции определения более распространены в памятниках древнерусского языка старшей поры. Употребление их в этой функции постепенно уменьшается, определения все чаще начинают выражаться членными прилагательными. Так, Л. А. Булаховский указывал: «Если положить на свидетельство, напр., такого памятника, как Судебник 1497 года, то мы видим, что к концу XV в. факты, относящиеся к распределению членных и нечленных прилагательных, почти полностью совпадают с современными и только в относительно немногом дают о себе знать старые традиции».¹²

В. И. Борковский отмечает, что в грамотах XII—XIII вв. несколько большее количество случаев с именной формой, чем в грамотах последующих веков.¹³

П. С. Кузнецов, учитывая, что в памятниках XII—XIII вв. косвенные падежи именных прилагательных употребляются редко, высказывает предположение о начавшемся процессе утраты их в живом языке.¹⁴ Такое предположение подтверждается данными новгородских берестяных грамот, в которых нечленное прилагательное в функции определения встречается всего один раз и только в форме именительного падежа.¹⁵

Таким образом, незначительный процент (2%) нечленных прилагательных в «Задонщине» соответствует синтаксическим особенностям языка конца XIV в., времени создания памятника.

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» нечленные прилагательные употребляются значительно чаще: 41 случай из 147 прилагательных, т. е. более 28%. При этом, по мнению С. П. Обнорского, в оригинале памятника было значительно больше нечленных прилагательных, о чем «свидетельствуют частные случаи наличия в памятнике членных форм там, где следовало бы ожидать употребления нечленных соответственных образований».¹⁶

¹² Булаховский. Курс, т. II, стр. 292.

¹³ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 218.

¹⁴ См.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. МГУ, 1953, стр. 152—153.

¹⁵ См.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 123—152.

¹⁶ Обнорский. Очерки, стр. 170.

Наличие значительно большего в процентном отношении количества нечленных прилагательных в «Слове», в противоположность «Задонщине», вполне соответствует времени создания «Слова» и дает возможность утверждать, что предположение о создании «Слова» на основе «Задонщины» является совершенно необоснованным; наоборот, автор «Задонщины» сохраняет нечленные формы прилагательных в тех текстах, которые возникли под влиянием «Слова». Особый интерес представляют формы родительного-винительного падежа единств. числа членных прилагательных мужского рода. Как и для изучения других явлений языка «Задонщины», наиболее близким к оригиналу и потому более ценным представляется список У.

В списке У незначительное преобладание в этих формах флексии *-ого*: 23 случая из 38; книжная форма *-аго* встречается в 15 случаях: *равнаго* (л. 170), *святаго* (лл. 171 об., 172 об.), *великаго* (лл. 171 об., 172 об., 176 об. — 2 случая, лл. 179 об., 182), *Киевскаго* (лл. 171 об., 173, 175, 179 об.), *вещаннаго* (л. 172; в других списках — *вещаго* — К-Б, л. 122 об.; С, л. 37; И-1: *веща* — л. 215 об.), *безбожнаго* (л. 193); флексия *-ого*: *быстрога* (лл. 169 об., 176, 185, 191), *великого* (лл. 171 об., 172 об., 173, 173 об., 174, 175, 182 об. — 2 случая, 183, 183 об. — 184, 186 об., 188, 191 об.), *киевского* (л. 172 об.), *ратного* (л. 173), *бряньского* (л. 182 об.), *поганого* (л. 190), *славного* (лл. 180 об., 193 об.).

Употребление различных флексий в родительном падеже в списке У не является случайным.

Слово *Дон* употребляется всегда с прилагательным *быстрый* и во всех случаях с флексией *-ого*: у *быстрога* Дону (лл. 169 об., 176, 191); от *быстрога* Дону (л. 185). Со словами *Дунай*, *Новгород* в списке У прилагательное *великий* употребляется во всех случаях, кроме одного, с флексией *-ого*: у Дуная (я) *великого* (лл. 174, 182 об., 183, 192); из *великого* Новгорода (л. 174). Ср. также: *славного* имени (лл. 180 об., 193 об.).

Однако с флексией *-аго* употребляются прилагательные *святаго* (лл. 171 об., л. 172 об.), *вещаннаго*, *равнаго*, *безбожнаго*.

Ср.: 1) ... похвалим *вещаннаго* боярина, *горазна гудца* в Киеве (У, л. 172). В списке У здесь искажение. Ср. К-Б: *восхвалимъ* *вещаго* го Бояна (л. 122 об.); С: ... похвал *вещаго* *горазда гудца* (л. 37); И-1: ... похвалим *веща боинаго* *гораздаго гудца* в Киеве (л. 215 об.). Слово-сочетание *вещий Боян*, очевидно, заимствовано из «Слова о полку Игореве»: *Боянь бо въщи* (2); само слово *вещий* старославянское, чем можно и объяснить наличие флексии *-аго*.

Интересно также отметить, что когда слово *Мамай* имеет эпитет-определение *поганый*, то в форме родительного падежа флексия *-ого*: *Мамага* *поганого* (л. 190); но определение *безбожный* употребляется с флексией *-аго*: *А* *посечено от безбожнаго* *Мамага* (л. 193).

2) ... и посмотрим с *равнаго* *Непра* (У, л. 170). Здесь в списке У тоже искажение. Ср. список С: ... посмотрим *славнаго* *Днепра* (л. 36 об.).

Таким образом, во всех этих случаях, кроме последнего, употребление флексии *-аго* легко объясняется сознательным стремлением придерживаться церковнославянской формы склонения в тех случаях, когда речь идет о явлениях, каким-то образом связанных с церковью, религией. Что касается флексии *-ого*, то ее употребление встречается достаточно последовательно в случаях, не имеющих никакой связи с религией, церковью, и потому влияние церковнославянского языка здесь не обнаруживается.

Значительно труднее выяснить причины неустойчивого употребления прилагательного *великий* со словом князь то с флексией *-ого*, то с флексией *-аго*.

1) В двух случаях в одинаковых текстах употребляется флексия *-аго*: ... а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго (л. 171 об.); так и л. 179 об. (отсутствует только *святаго*); в таком же тексте в одном предложении, явно не принадлежащем оригиналу, флексия *-ого*: Аз же помяну резанца Софония и восхваляю ... брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго (л. 172 об.).

В других двух текстах флексия *-ого*: а) ... помянуша прадеда своего великаго князя Владимира Киевскаго (У, л. 173); в К-Б (л. 123) и И-1 (л. 216) слово *великий* отсутствует; С, л. 37: *великаго*; б) ... гнездо есмь были великаго князя Владимира Киевскаго (У, л. 175); К-Б — по-другому, но с флексией *-аго*: ... гнездо есмь были едино князя великаго Ивана Данильевича (л. 124—124 об.); в С слово *великий* отсутствует (л. 37 об.); в И-1: *великаго* (л. 217).

2) В сочетании *великий князь Дмитрий Иванович* в 6 случаях имеем в родительном падеже единств. числа по списку У флексия *-ого* (лл. 171 об., 182 об., 183 об.—184, 186 об., 188, 191 об.); в 4 случаях — флексия *-аго*: ... стучит великая сильная рать великаго князя Дмитрия Ивановича (лл. 176 об.—177); в И-1 (л. 217 об.) и С (л. 38) — *великаго*; К-Б — *великаго* (л. 125): ... не пошадим живота своего ... и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича (У, л. 176 об.); И-1 — *великаго* (217 об.); И уже грозы великаго князя Дмитрия Ивановича ... по всем землям текут грозы (У, л. 190); И-1: *великаго* (л. 223); еще один случай употребления в этом случае флексии *-аго* не принадлежит оригиналу «Задонщины» (У, 172 об.; см. об этом предложении выше).

Прилагательное *Киевский* в сочетании *великий князь Владимир Киевский* в форме родительного падежа единств. числа имеет флексия *-аго* в четырех случаях в списке У: лл. 171 об., 173, 175, 179 об. Единственный случай употребления в этом прилагательном флексии *-ого* встречается в примере, который не принадлежит оригиналу памятника (л. 172 об.), о чем уже говорилось.

В качестве подтверждения сознательного употребления в списке У различных флексий родительного падежа *-аго*, *-ого* и наличия такого же отношения к употреблению и в оригинале «Задонщины» является свидетельство других списков памятника. Особенно интересен в этом отношении список С, который является белорусским. В этом списке флексия *-аго* употребляется всего 7 раз, а флексия *-ого* — 28 раз. Флексия *-ого* является типичной для белорусского текста; если в старинных памятниках иногда встречается флексия *-аго*, то в ней «следует видеть заимствование из старославянского языка».¹⁷ Переписчик списка С, в общем последовательно употребляя в соответствии с нормами белорусского языка флексия *-ого*, все же в редких случаях, по-видимому, под влиянием текста, с которого он списывал, в некоторых местах сбивается на флексия *-аго*. В двух словах — *вещаго*, *славнаго* — окончание подтверждается другими списками, как это уже отмечалось.

Еще раз переписчик списка С употребляет флексия *-аго* в тексте, связанном с церковью: ... помолился богу и пречистой его матери ... и наполнился роснаго духа (л. 37). В списке И-1: ратнаго духа (л. 216); У: ратнаго духа (л. 173). В подобном же по содержанию тексте, отсутствующем

¹⁷ Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 231.

шем в других списках «Задонщины» и принадлежащем, вероятно, переписчику списка С, встречаем еще один случай употребления флексии *-аго*: *получи божию милость ... молитвами святых чудотворец русских Петра и Алексия и преподобнаго отца нашего Сергея* (л. 42).

Еще два случая употребления флексии *-аго* в списке С: *великаго князя Дмитрея Ивановича* (лл. 40, 40 об.—41).

В списке К-Б преобладает флексия *-аго*: 10 случаев из 14. Следует, однако, отметить, что флексия *-ого* в 3 случаях употребляется в прилагательных *быстрый* и *великий* при слове «Дон»: *У Дону великого* (л. 123 об.), *быстроу Дону* (л. 125, л. 128 об.), что характерно и для других списков: И-1 (лл. 216 об., 217 об., 220, 221), С (л. 37 об.—2 случая, лл. 38, 40 об.).

Следовательно, и другие списки подтверждают, что употребление различных флексий — *-ого* или *-аго* — не было случайным. Для «Задонщины» характерным является использование флексии *-аго* как стилистического варианта флексии *-ого*, в основном в местах, тесно связанных по содержанию с церковью, религией.

Хотя у прилагательных в родительном падеже единств. числа русская форма на *-ого* и появилась относительно поздно, но ко времени создания «Задонщины» эта флексия уже широко распространилась в живом русском языке и находит особенно часто отражение в грамотах XIII—XIV вв.¹⁸ По мнению М. А. Соколовой, «флексия *-аго* задерживается в языке и при создавшейся дублетности форм закрепляет за собой роль книжной формы, становится принадлежностью высокого стиля», что «хотя и скромно отражено уже в трудах Владимира Мономаха».¹⁹

В «Задонщине» отражается новый этап развития морфологической системы языка, что, в частности, сказывается и в принципах использования флексии родительного падежа единств. числа имен прилагательных.

В «Слове о полку Игореве» флексия *-ого* встречается всего один раз при постоянном употреблении флексии *-аго*,²⁰ что и в этом случае дает основание говорить о характере морфологических форм «Слова» как памятника старшей поры древнерусской письменности, в отличие от «Задонщины» как памятника конца XIV в.

ГЛАГОЛ

Имперфект

В «Слове о полку Игореве» формы имперфекта употребляются достаточно часто: 40 случаев из 221 случая употребления форм прошедшего времени (более 18%).²¹

В «Задонщине» в отличие от «Слова о полку Игореве» имперфект встречается крайне редко: в списке У 8 случаев из 140 различных форм прошедшего времени (около 6%): *молвяше* (лл. 176, 179, 183 об., 190 об.), *бьяше* (л. 184), *носяше* (л. 185), *скакаше* (л. 186), *плакахуся* (л. 185); И-1 — 12 случаев: *пояше* (л. 215 об.), *молвяше* (лл. 217, 218 об., 219,

¹⁸ См.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 149—151.

¹⁹ М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 164.

²⁰ См.: Обнорский. Очерки, стр. 156.

²¹ См.: там же.

220, 223), посвечиваше (л. 220, 221 об.), бьяше (л. 220 об.), скакаше (л. 221 об.), подаваше (л. 222 об.), рвахуся (л. 218 об.); С — 9 случаев: пояше (л. 37), отривахуся (л. 38 об.), обриваху (л. 38 об.), плакаше (л. 40 об.), плакашешя (л. 40 об. — 2 случая), носяше (л. 40 об.), покриваху (л. 42), погнаше (л. 42); И-2 — 5 случаев: плакашешя (л. 70, л. 70 об.), скакаше (л. 71 об.), подаваше (л. 73), насеаше (л. 73); К-Б — 4 случая: пояше (л. 122 об.), бьяше (л. 124 об.), молвяше (л. 124 об.), гоготаше (л. 125 об.).

При незначительном количестве случаев употребления можно отметить также ошибочное употребление форм имперфекта.

В списке У в трех случаях (из 8) имеем неправильное употребление форм имперфекта:

1) а Тимофеева жена Волуевича тако же плакахуся (л. 184 об.). Эта ошибка встречается только в списке У. В списках И-2, С правильно: плакашешя (И-2, л. 70), плакашешя (С, л. 40 об.); в списке И-1 — аорист: плакася (И-1, л. 220 об.).

2) Примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вести, носяше великую беду (л. 185); в списке И-2: носяще (л. 70 об.); И-1: носящу (л. 221); С: носяше (л. 40 об.).

3) Молвяше же ему фрязове (л. 190 об.). Так и в списке И-1 (л. 223). Здесь возможно, что *фрязове* воспринято как форма единств. числа собирательного существительного. Впрочем, в Синодальном списке: ... рекоша ему фрезове (л. 42 об.).

Ошибки в согласовании форм имперфекта встречаем и в других текстах (кроме И-1, где сомнительным является только случай: фрязове молвяше, л. 223, о чем уже сказано раньше) — К-Б: ... бьяше сторожевыя полкы (л. 124 об.); гуси гоготаше (л. 125 об.); С: ... Марья ... да ... Оксинья ... плакашешя (л. 40 об.); припахнули ... вести, носяше великую беду (л. 40 об.); погнаше руския сынове (л. 42).

В остальных случаях формы имперфекта в списке У употребляются правильно, по нормам древнерусского языка: Молвяше Андреи Олгордович (л. 176); (князь Владимир Андреевич) и молвяше брату (л. 179 об.); и молвяше Ослябя (л. 183 об.); князь великий Владимир Андреевич ... скакаше (л. 186).

Нужно при этом отметить, что почти все эти случаи правильного употребления имперфекта в списке У находим в других списках памятника при наличии в них данных текстов.

У: молвяше (л. 176); так и в К-Б (л. 124 об.), И-1 (л. 217); только в С: рече (л. 38).

У: молвяше (л. 179 об.); так и в И-1 (л. 218 об.); в других списках нет этого текста.

У: скакаше (л. 186); так и в И-2 (л. 71 об.), И-1 (л. 221 об.); только в С: скокаша (л. 41).

В одном случае (*молвяше* — У, л. 183 об.) употребление имперфекта подтверждается только списком И-1 (л. 220); в К-Б: рече (л. 127 об.), С: говорит (л. 40 об.).

Это позволяет сделать вывод, что и в оригинале «Задонщины» были случаи употребления имперфекта, отмечаемые в списке У. Однако незначительное количество форм имперфекта, большой процент ошибочного употребления дает основание утверждать, что для автора «Задонщины» и последующих переписчиков формы имперфекта были уже мало понятны и употреблялись ими по традиции, как это свойственно и другим памятникам письменности рассматриваемого периода. В «Задонщине» отражается утрата в живом языке эпохи форм имперфекта.

Такой вывод еще раз подтверждает ошибочность предположения, что «Задонщина» могла вдохновить автора «Слова о полку Игореве»: широкое употребление в «Слове о полку Игореве» форм имперфекта в соответствии с эпохой создания памятника, в противоположность «Задонщине», является еще одним доказательством древности «Слова». Следует также отметить, что в «Задонщине» в формах имперфекта отсутствует, в противоположность «Слову о полку Игореве», надставочный элемент *-ть*.²²

Перфект

Формы перфекта употребляются в «Задонщине» часто: по списку У 56 случаев из 140 различных форм прошедшего времени (40%), в отличие от «Слова о полку Игореве», в котором, по исследованию С. П. Обнорского, всего 25 случаев перфекта,²³ т. е. немногим больше 11% всех форм прошедшего времени.

Значительное количество случаев употребления перфекта и в других списках «Задонщины»: И-1—47, С—46, И-2—14, КБ—11.

Таким образом, если сравнить употребление форм прошедшего времени в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве», то при наличии жанровой общности обоих памятников следует признать, что увеличение количества употребления форм перфекта в «Задонщине» с одновременным уменьшением форм имперфекта и аориста вполне объясняется различными периодами создания памятников. В «Слове о полку Игореве» как памятнике старшей поры обильно употребляются формы аориста и имперфекта: соответственно 70% и 18% общего количества форм прошедшего времени; в «Задонщине» как памятнике более позднего периода (конец XIV в.) уменьшается употребление аориста (по списку У) до 54% и имперфекта до 6%; в свою очередь увеличивается употребление форм перфекта до 40% общего количества форм прошедшего времени.

Формы 3-го лица перфекта употребляются в «Задонщине», как и в «Слове о полку Игореве», без связки, что характерно и для других памятников на протяжении многих веков. Так, например, в грамотах XII—XVII вв., исследованных В. И. Борковским, форма 3-го лица единств. и множ. числа употребляется без связки, за исключением 3 случаев из 883.²⁴

Формы 1-го и 2-го лица перфекта чаще употребляются со связкой в «Задонщине». По списку У—8 случаев, С—6, КБ—5, И-1—4, И-2—2.

Пять случаев употребления в списке У перфекта со связкой имеем и в других списках при наличии одинакового текста: У—*есмя были* (л. 175); КБ—*есмя были* (л. 124 об.); И-1—*есмя были* (л. 217); С—*есмо были* (л. 37 об.).

У—*еси... побывала* (л. 178 об.); КБ—*еси была* (л. 126); в двух других списках связка употреблена неправильно в форме 3-го лица вместо 2-го лица. И-1—*есть... побывало* (л. 218 об.); С—*есть... побывали* (л. 38 об.).

У—*прорыла еси* (л. 184 об.); И-2—*так же* (л. 70); И-1—*прирыла еси* (л. 220 об.); КБ—*прошел еси* (л. 128 об.), *пробил еси* (л. 128 об.); в С связка ошибочно в форме 3-го лица: *прорыла есть* (л. 40 об.).

²² См.: Дылевский, стр. 232—233.

²³ См.: Обнорский. Очерки, стр. 158.

²⁴ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 168.

У — еси залелеяла (л. 185 об.); так же И-2 (л. 71); И-1 (л. 221), С (л. 41).

У — положили есте (л. 193 об.); И-1 — так же (л. 224 об.); в других списках нет данного текста.

Один случай ошибочного употребления перфекта со связкой в списке У имеется еще в К-Б. В других списках правильно употребляется форма настоящего времени: У — есмя были (л. 175); К-Б — так же (л. 124); И-1 — есмя (л. 217); С — есмо (л. 37 об.).

В трех случаях перфект со связкой встречается только в списке К-Б или С.

К-Б — прошел еси (л. 128 об.); С — пошел еси (л. 42 об.). Эти слова вообще отсутствуют в других списках.

С — еси прибег (л. 42 об.); У — пришел (л. 191); И-1 — пришел (223 об.).

Как видно из приведенных примеров, случаи употребления перфекта со связкой являются главным образом формами 2-го лица единств. и множ. числа.

Редкие формы 1-го лица множ. числа употребляются всегда со связкой, подлежащее отсутствует, но обычно имеется обращение. И обращение и подлежащее при форме 1-го лица отсутствуют только в одном случае в списке С (л. 37 об.).

Случаи употребления 2-го лица единств. числа без связки единичны. В списке У встречаем всего 2 случая. В одном случае отсутствует подлежащее, но имеется обращение: Слава тебе, господи боже нашъ, помиловал нас (л. 193).

В другом случае имеется и обращение, и подлежащее: И ты пришел на Рускую землю, царь Мамаи (л. 191). В списке С перфект имеет связку, но подлежащее отсутствует, имеется обращение: Поганый царю и бедный Момаю, пошел еси ... на Рускую землю ... а нынече еси прибег ... (л. 42 об.).

В других списках формы 2-го лица единств. числа всегда со связкой.

2-е лицо множ. числа встречается только в списке У и И-1 по одному разу в одинаковом тексте, в котором отсутствует и подлежащее, и обращение, но имеется связка: И положили есте головы своя (У, л. 193 об.); Положили есте головы (И-1, л. 224 об.).

В ряде случаев употребление перфекта со связкой относится к таким текстам, которые имеют непосредственную связь со «Словом о полку Игореве».

1) В двух случаях перфект со связкой встречается в плаче жен: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы (У, л. 184 об.); Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелеяла мужей наших от насъ (У, л. 185 об.).

Эти предложения совпадают с плачем Ярославны в «Слове о полку Игореве»: ... о Днепре ... Ты пробиль еси каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелъяль еси на себѣ Святослави носады (38—39).

2) Особенный интерес представляет еще одно предложение, текстуально совпадающее со «Словом о полку Игореве», но с заменой аориста в «Задонщине» формой перфекта. Естественно, что в памятнике конца XIV в. аорист был заменен перфектом — еще одно подтверждение, что автор «Задонщины» использовал «Слово о полку Игореве» при создании «Задонщины»; впрочем, возможно, что и в «Задонщине» первоначально был аорист.

«Задонщина»: И положили есте головы своя ... за землю за Рускую (У, л. 193 об.); положили есте головы за Рускую землю (И-1, л. 224 об.);

в К-Б аорист: ...покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю (л. 128 об.).

Ср. в «Слове о полку Игореве»: ...а сами полегоша за землю Рускую (18).

Сослагательное наклонение

Формы сослагательного наклонения представлены в «Задонщине» единичными примерами: в списке У — 3 случая, К-Б — 2 случая, И-2 — 1, И-1 — 2, С — 3.

Из 3 случаев сослагательного наклонения, встречающихся в списке У, только один случай — бесспорно архаическая форма: И кликнули быша дивы в Руской земли. А глава шибла к Железным вратам (л. 181 об.). Фраза эта хотя и не находит прямого совпадения со «Словом о полку Игореве», но, во-первых, находится среди текста, почти целиком совпадающего со «Словом» (ср.: Черна земля...); во-вторых, и образами (див) и приемами напоминает «Слово»: ...дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ (9).

Трудно, однако, решить, была ли в этом тексте в подлиннике «Задонщины» форма сослагательного наклонения. Скорее и сличение других списков «Задонщины» и сравнение со «Словом о полку Игореве» дают основание предполагать, что употребление формы сослагательного наклонения принадлежит писцу списка У. Как видно из приведенного текста, в «Слове» употреблена форма настоящего времени. В И-1 и С — форма перфекта: Кликнуло диво (И-1, 219 об.); кликнула диво (С, л. 39 об.).

Второй случай не дает оснований для определенного вывода, так как употребленная в нем форма одинакова и для старых, и для новых норм образования сослагательного наклонения: О соловеи, летняя птица, что бы ты, соловеи, пощекотал славу (У, л. 175 об.). Такая же форма и в И-1: ... что бы ты, соловеи, выщекотал (л. 217). В списках К-Б и С в этом тексте встречаются формы, в которых сослагательное наклонение воспринято как перфект с частицей бы — К-Б: Славии птица, что бы еси выщекотала (л. 124 об.); С: А соловеи, летняя птица ... што ж бы еси выщекотали (лл. 37 об.—38).

Хотя подобные формы встречаются в памятниках XIII в.,²⁵ думается, что показания списков У и И-1 принадлежат оригиналу. Ср. в «Слове о полку Игореве»: О Бояне, соловию стараго времени! а бы ты сиа плѣкы ущекоталь (6).

В К-Б встречаем еще один раз употребление такой неправильной формы сослагательного наклонения: ...лучши бы есмя сами на свои мечи наверхлися (л. 127 об.).

В списке У значение сослагательного наклонения выражается и сочетанием бы с инфинитивом, что свойственно и другим памятникам древнерусской письменности:²⁶ Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым (л. 183). Так и в И-1 (л. 220) и в С (л. 40).

Думается, что и здесь показания списка У соответствуют оригиналу; это подтверждается и другими списками, и «Словом о полку Игореве», откуда этот текст заимствован: ...луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти (5).

Употребление бы без инфинитива встречаем еще раз в списке У: Собе бы чаем пороженных и воскормленных (л. 170 об.). Ср. также в И-1: Добро бы, брате, в то время стару помолодится (л. 220).

²⁵ См.: Соболевский. Лекции, стр. 244. Ср. также: М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка, стр. 216.

²⁶ См.: там же, стр. 265—266.

Оба эти случая не подтверждаются другими списками и вряд ли были в оригинале.

В третьем примере употребления сослагательного наклонения отсутствует согласование: ...чтобы потом поганые татаровя к нам не ездил (У, л. 185 об.). Такова же форма и в других списках, хотя иногда от других глагольных основ — И-2: ...чтобы ... не заходили (л. 71); И-1: ...чтобы ... не ездил (л. 221—221 об.); С: ...што ж бы ... не бывали (л. 41).

Этот случай еще интересен тем, что частица *бы* выступает во всех списках, кроме С, как составная часть союза. А. И. Соболевский отмечал употребление союзов *чтобы*, *дабы*, *абы* в памятниках XIV и XV вв.²⁷

Таким образом, можно констатировать, что правильное образование форм сослагательного наклонения по нормам старшей поры не свойственно «Задонщине»; в памятнике отражается процесс изменения образования форм сослагательного наклонения. Те формы, которые сохраняют черты старого правильного образования согласования, встречаются только в текстах, заимствованных или навеянных «Словом о полку Игореве». Обратное явление, т. е. создание «Слова» на материале «Задонщины», не находит подтверждения и в этом частном вопросе: сослагательное наклонение в «Слове» носит черты правильного образования²⁸ в отличие от «Задонщины».

Инфинитив

В списке У инфинитив как самостоятельно, так и в составе различных глагольных форм чаще употребляется в архаической форме на *-ти* (22 случая из 35): *начати поведати* (л. 171 об.), *поведати* (лл. 171 об.—172), *брести*, *предати* (л. 174 об.). Ср. также: л. 177 об.—3 случая; л. 178—2 случая; л. 183; 183 об.—2 случая; л. 184; л. 186 об.—2 случая; лл. 187 об., 188 об., 189 об., 190 об., 191, 192.

Форма на *-чи* встречается всего один раз: *сечи* (л. 188 об.).

Остальные случаи имеют форму на *-ть* (12 случаев): *поспеть* (л. 174), *положить* (л. 180 об.), *быть* (л. 183), *попытать* (183 об.). Ср. также: л. 185 об.; л. 187—2 случая; л. 188; л. 189—4 случая.

В других списках формы инфинитива на *-ть* отсутствуют, за исключением одного случая в списке И-1 (*помолодится*—л. 222), который является сомнительным, так как отсутствует не только *-и*, но и *ь*.

Это сравнение с другими списками как будто дает основание сделать вывод, что памятнику не свойственно употребление форм инфинитива на *-ть*, а имеющиеся в списке У подобные формы — результат порчи подлинника переписчиком.

Однако сделать такой вывод в категорической форме вряд ли возможно.

Формы инфинитива на *-ть* появились в русской письменности очень рано. С. П. Обнорский относит их к эпохе исчезновения редуцированных звуков (XII—XIII вв.) и объясняет употребление форм на *-ти* в книжном языке последующих эпох влиянием церковнославянской письменности.²⁹

²⁷ См.: Соболевский. Лекции, стр. 244—245.

²⁸ См.: Обнорский. Очерки, стр. 161.

²⁹ См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 172.

Как отмечает П. Я. Черных, в письменных памятниках, отражающих живое произношение, усеченная форма инфинитива известна с XIII в., хотя преобладает форма на *-ти*.³⁰

В новгородских берестяных грамотах преобладает форма на *-ть*; форма на *-ти* отмечена всего один раз.³¹

Учитывая, что язык «Задонщины» во многих морфологических явлениях характеризуется особенностями живого разговорного стиля, а список У во многих отношениях представляется более близким к оригиналу, не беремся утверждать отсутствие форм на *-ть* в подлиннике «Задонщины». Скорее можно предположить, что остальные списки, в которых последовательно употребляются формы на *-ти*, отражают черты языка переписчиков, особенно если учесть бесспорное воздействие на них так называемого второго «южнославянского влияния». Что касается списка С, то для него, как белорусского списка, форма инфинитива на *-ти* и должна быть господствующей.³²

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» инфинитив постоянно имеет формы на *-ти* за исключением одного случая (князю Игорю не быть), что, по мнению С. П. Обнорского, является порчей текста или неудачной передачей написания рукописи.³³

Причастия

Причастия в «Задонщине» встречаются чаще в нечленной форме, чем в членной, что характерно в большей или меньшей степени для всех списков:

Список	Нечленные	Членные
У	36	23
И-2	14	6
И-1	39	11
К-Б	27	4
С	34	13

Нечленных причастий действительного залога настоящего времени в списке У — 10, К-Б — 13, И-2 — 12, И-1 — 16, С — 13.

Во всех списках преобладает русская огласовка данных причастий. Они имеют форму на *-а*, *-я*, *-уч*, *-юч*: К-Б — 11, И-2 — 10, И-1 — 5, С — 12, У — 5 (сюда, вероятно, относится еще одно причастие: *поминаюты*, искажение *поминаючи*). В старославянской огласовке (формы на *-аш*, *-яш*, *-ущ*, *-юш*) в К-Б и И-2 по 2 случая, С — 1, И-1 и У — по 4 (в У относим сюда искаженную форму *доруши*, исправляемую по другим спискам в *деруши*).

Три причастия со старославянской огласовкой встречаются в одинаковых текстах в трех списках. У: Тутю поганые разлучишася розно и побегше . . . скрегчюще зубами своими, и доруши (деручи?) лица своя, а ркуше так . . . (лл. 188 об.—189); И-1: Тутю ся погании разлучишася борзю, розно побегши . . . а скрегчюще зубы своими и деруши лица своа, а ркучи . . . (л. 222 об.); И-2: . . . скрекчюще зубы своими, деручи лица своя, а ркуче . . . (л. 73).

³⁰ См.: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, Учпедгиз, М., 1952, стр. 250.

³¹ См.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 134.

³² См.: Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 276—277.

³³ См.: Обнорский. Очерки, стр. 142 и 158.

Нечленные причастия действительного залога настоящего времени с русской огласовкой часто по разным спискам «Задонщины» употребляются без согласования: ... Федосья ... да ... Марья рано плакаша ... на забралах стоя (У, л. 184 об.); стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такоу жалобу... (К-Б, л. 123 об.); съехался все князи русскыя ... а ркучи так ... (К-Б, л. 124); ... князь Володимер Одревич ... а ркучи так ... (К-Б, л. 126 об.); хоробрыи Пересвет ... а ркучи таково слово... (К-Б, л. 127 об.); зогници кокують на трупы падаючи (К-Б, лл. 127 об.—128); погании ... раздно побегоша ... деручи лица своя (И-2, л. 73); стоят люди новгородцы ... а ркучи... (И-1, л. 216 об.); и как слово изговаривая ... выехали посадники (И-1, л. 216 об.); то те съехался вси князи руския ... а ркучи... (И-1, л. 216 об.); приити котят воюючи в Рускую землю погании татарове (И-1, л. 218); туто ся погании разлучишася борзо ... а ркучи... (И-1, л. 222 об.); проидоша поганыя татарове, хотят проити воюючи Рускую землю (С, л. 38 об.); то ти уж бо ястреби и соколи и белоозерстии кречеты ... возвиваючися под синия небеса, звонечи золотыми колоколы (С, л. 38 об.); то ж деи Пересвет чернц ... золотым доспехом посвещаючи (С, л. 40); восплакалися жены поломяныя, и рекучи так... (С, л. 41); князь Володимер Андревич ... своим конем борздым поездаючи, золотым доспехом посвещаючи (С, л. 41).

К случаям нарушения согласования следует отнести и такие примеры, когда подлежащее выражено собирательным существительным, при котором глагольные формы в древнерусском языке ставились то в единств., то во множ. числе: ... приидоша поганые татарова, хотят проити воюючи (У, л. 178). Так и в другом случае, где, судя по предыдущему предложению, подлежащее *Русская земля*: И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты (У, л. 170—170 об.). Судя по глаголу-сказуемому, стоящему во множ. числе, надо полагать, что согласование в этих примерах нарушено.

Наряду со случаями нарушения согласования встречается и правильное употребление, особенно в единств. числе мужского рода: Преже восписах жалость ... от книг приводя (л. 171); и отскоца поганый Мамаи (У, л. 190 об.); тогда говорит стья Михаилу Александровичь московский боярин (У, л. 192—192 об.); тои бо вещи Боян воскладя свои златыя персты... (К-Б, л. 122 об.); тогда же князь великый Дмитрии Иванович ступи во свое златое стремя ... принимая копие в правую руку (К-Б, 126 об.).

Случаи согласования встречаются также при старославянской огласовке: Туто поганые ... скрегчюще... а ркуче (У, лл. 188 об.—189); погании разлучишася, раздно побегоша ... скрекчюще (И-2, л. 73).

Таким образом, полное смешение форм нечленных причастий настоящего времени действительного залога, унификация их употребления в одной какой-либо форме в памятнике отсутствует: употребление их форм все еще связывается с родом, хотя случаи отсутствия согласования, особенно во множ. числе, многочисленны. «Задонщина» отражает тот момент в истории нечленных причастий действительного залога, когда их переход в деепричастия уже начался, но далеко еще не был завершен.

Как отмечает С. П. Обнорский, «трудно установить эпоху окончательного сложения в языке категории деепричастия», но считает, что явление это очень древнее.³⁴

³⁴ См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 213.

Незавершенность перехода кратких причастий действительного залога в деепричастия подтверждается также тем, что иногда они присоединяются к спрягаемым формам глагола соединительным союзом *и*, что встречается, правда, в единичных случаях почти во всех списках «Задонщины».

Русские сынове поля ... огородиша и злачеными доспехи освечиваючи (И-2, л. 73); и помоляся богу и святии богородици и всем святым и прослезися горко и утер слезы (И-1, л. 222); преже восписах жалость земли Руские и прочее от knih приводя (У, л. 171); восплакалися жены: поломяныя, и рекучи так ... (С, л. 41).

Совсем по-другому употребляются причастия действительного залога в «Слове о полку Игореве». Как отмечает С. П. Обнорский, старая норма русского литературного языка имеет немного нарушений.³⁵ Невозможно представить, чтобы в «Слове о полку Игореве», если бы этот памятник был создан на основе «Задонщины», предполагаемый подражатель почти никогда не сбился бы с привычного для него употребления причастий.

Нечленные причастия страдательного залога встречаются главным образом в форме прошедшего времени: в списке У — 13 случаев, И-1 — 13, С — 11, К-Б — 8, И-2 — 1. Они употребляются исключительно в роли сказуемого: седлаи, брате Андреи, свои доброй конь, а мои готов оседлан (У, л. 177); а воеводы у нас уставлены (У, л. 179 об., л. 180); а дружина сведана (У, л. 180); посечены князи руские (У, л. 182 об.); и не тури побеждени (У, л. 182—182 об.); побеждени князи белозерстии (У, л. 182 об.); а иные лежат посечены (У, л. 183); уже бо вержеу диво (У, л. 190); посечено (У, л. 193); вам сужено место (У, л. 193—193 об.). В двух случаях причастие употреблено с глагольной связкой: ... а кровью их земля пролита бысть (У, л. 181); зане же трава кровию пролита бысть (У, л. 184).

Относительно форм данных причастий следует отметить, во-первых, что в них отсутствует удвоение *н* в суффиксе, которое, как отмечал А. И. Соболевский, было свойственно некоторым древнерусским памятникам, списанным с церковнославянских оригиналов, с XI в., но отмечается и в Новгородской летописи.³⁶ Во-вторых, в именительном падеже множ. числа встречаются в некоторых случаях флексия *-и* по старым нормам: в списке У 2 случая: побеждени — л. 182 об. — 2 случая; в списке И-1: побеждени — л. 220 — 2 случая; посечени — л. 220; в списке К-Б: оседлани — л. 125. Случаи употребления флексии *-и* относятся к текстам, восходящим к «Слову о полку Игореве», где последовательно употребляется данная форма с *-и*, так что наличие форм на *-и* может быть объяснено влиянием «Слова».

Ср. «Задонщина»: И не тури побеждени у Дунаю великого, но посечены князи руские ... побеждени князи белозерстии от поганых татар (У, л. 182—182 об.). — «Слово»: Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью Рускихъ сыновъ (36).

«Задонщина»: Седлаи, брате Ондреи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих оседлани (К-Б, л. 125). — «Слово»: ... сѣдлаи, брате, свои брѣзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани (7).

Возвратные глаголы

Возвратные глаголы имеют частицу *ся*, которая почти во всех случаях является частью глагола, непосредственно сросшейся с ним: родися (У, л. 170 — 2 случая), покрышася (У, л. 170 об.), помолися (У, л. 173)

³⁵ См.: Обнорский. Очерки, стр. 162.

³⁶ См.: Соболевский. Лекции, стр. 262.

и т. д. Только в 2 случаях имеется раздельное употребление частицы *ся*, находящейся все же в постпозиции к глаголу: *пашут бо ся аки живи хоругви* (У, л. 180 об.); *ни да посмеют ми ся враги моя мне* (У, л. 187 об.). Такое раздельное употребление частицы *ся* в приведенных выше текстах свойственно и другим спискам, в которых имеются указанные предложения: И-2, л. 72; И-1, л. 219, л. 222. Только в списке С в первом случае отсутствует *ся* (*пашут* — л. 39 об.), а во втором случае частица *ся* слилась с глаголом (*посмеются* — л. 41 об.).

Препозитивное употребление частицы *ся* не свойственно «Задонщине» в противоположность «Слову о полку Игореве», в котором, хотя и в немногих случаях, отделенная от глагола частица занимает препозитивное в отношении глагола положение.³⁷ Такое различие в употреблении частицы в «Задонщине» от «Слова о полку Игореве» естественно для памятника русской письменности, созданного почти на три столетия позднее,³⁸ и подтверждает самостоятельность и первичность «Слова».

В «Задонщине» по списку И-1 в одном случае встречается препозиция частицы *ся*, повторяющейся и после глагола: *Тутю ся погани разлучишася борзю* (И-1, л. 222 об.). В других списках препозитивная частица отсутствует: *Тутю поганые разлучишася, раздно* (У, л. 188 об.—189); *Тутю погани разлучишася* (И-2, л. 73). Однако возможно, что единственный случай препозитивного употребления в списке И-1 ближе к оригиналу, так как в «Слове о полку Игореве», откуда заимствовано данное выражение,³⁹ имеет препозитивную частицу *ся*: *ту ся брата разлучиста* (18). Так как автору «Задонщины» было не свойственно препозитивное употребление частицы, он повторил ее после глагола, а другие переписчики совсем отбросили препозитивную частицу.

Частица в «Задонщине» всегда употребляется в форме *ся* вне зависимости от предшествующего звука, в том числе и в нечленном причастии: *плачущися* (л. 170 об.).

Имеются случаи употребления в возвратной и невозвратной форме одного и того же глагола: *плакахуся* (У, л. 184 об.), *плакашася* (У, л. 185), *плакаша* (У, л. 184 об.). Такой же разницей в употреблении глагола *подвизашася* в «Слове о полку Игореве».⁴⁰

СИНТАКСИС

СКАЗУЕМОЕ

Остановимся только на рассмотрении именного сказуемого и сказуемого, выраженного причастием.

Именное сказуемое представлено в «Задонщине» незначительным количеством случаев.

1. Без связи

а) Именная часть выражена существительным:
1) *Братия бояра и воеводы и дети боярские, то ти ваши московские слаткие меды и великие места* (У, л. 187); связка отсутствует и в И-1 (л. 221 об.); в С связка есть (л. 41 об.). 2) *Брате Дмитрей Ивановичь,*

³⁷ См.: Обнорский. Очерки, стр. 162—163.

³⁸ См.: Булаховский. Курс, т. II, стр. 214.

³⁹ См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 215.

⁴⁰ См.: Обнорский. Очерки, стр. 163—164.

туто у зла тошна времени железна забрала (У, л. 186 об.). Неясное предложение из-за пропуска подлежащего ты. В С имеется и подлежащее, и связка: Брате милый Володимере, то ты есть железное забороло у зла тошного веремени (л. 41 об.). Связка есть в И-1 (л. 221 об.) и в И-2 (л. 71 об.). Вероятно, в списке У порча первоначального текста.

Остальные случаи вряд ли не являются искажением подлинника. 1) ... лудчи бо нам, брате, начати поведати ... похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго (У, л. 171 об.). Последняя часть предложения может быть воспринята как неполное предложение с опущенным подлежащим *они* и именным сказуемым *внуки*. Однако, вероятнее всего, текст здесь искажен. В И-1 в этом же тексте: ... правнука святаго великаго князя Владимира Киевскаго (л. 215 об.); в С: и правнуковы Володимера Киевскаго (л. 37). Вероятно, переписчик написал здесь готовую формулу, часто употребляющуюся в других местах памятника. Ср., например, предложения, которые приводятся дальше. 2) ... Брате Дмитрен, сами есмь себе два брата, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы (У, л. 176). Наличие местоимения *мы* в функции подлежащего дает основание считать сказуемым существительное *внуки*. Обращение к другим спискам дает основание предполагать и здесь искажение первоначального текста. К-Б: ... сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы (лл. 124 об.—125). Здесь общая связка *есма* к 4 именным частям. И-1: Сами есми себе два брата, а внуки есмь Едимантовы (л. 217 об.); С: ... сами есмо себе два брата, сынов есмо Алгырдовы, а внучата есмо Гедымонтавы (л. 38). 3) Совершенно искаженный текст того же содержания имеется в другом предложении: ... сами есми, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго (У, л. 179 об.); И-1: ... сами себе есмь два брата... (л. 219). Здесь совсем пропущена остальная часть предложения. С: ... сами есмо себе два брата, сынове есмо велика князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великаго князя Даниля Александровича (л. 39).

б) Именная часть выражена нечленным прилагательным: Сѣдлаи, брате Андреи, свои доброй конь, а мои готов (л. 177). Так и в И-1 (л. 217 об.) и К-Б (л. 125).

В «Слове о полку Игореве»: Сѣдлаи, брате, свои бръзыйи комони, а мои ти готови, осѣдлани (7).

в) Именная часть выражена членным прилагательным. Такой случай встречается только в списке С, где есть и другие случаи употребления членных прилагательных в составе сказуемых со связкой: ... а воеводы в нас крепкия (л. 39). Случай этот, не подкрепленный другими списками, не принадлежал, конечно, оригиналу. Об употреблении членных прилагательных в сказуемом см. замечания дальше.

II. Связка выражена различными формами глагола «быти»

а) Именная часть выражена существительным: 1) То ти были не орли слетешася, выехали посадники из Великого Новагорода (У, л. 174). Предложение как будто состоит из двух частей: а) То ти были не орли; б) слетешася, выехали посадники из Великого Новагорода. Структура первой части при таком понимании предложения является не совсем ясной. Если судить по согласованию, то подлежащим является *орли*, а сказуемым *были*. Однако подлежащим можно как будто рассматривать и слово *то*. А. А. Шахматов рассматривал такие предложения как

двусоставные несогласованные, в которых связка «уподобляется главному члену не господствующего состава, а зависимого», и приводил примеры как из современного русского языка, так и древнерусского: То суть наши холопи каменници (Лавр. лет., 1175 г.).⁴¹ Возможно, что и в примере из «Задонщины» по списку У то является подлежащим, а были орли — сказуемым. Однако такое толкование является не особенно убедительным потому, что в памятнике имеются конструкции, близкие к приведенной, в которых слово то выступает в указательном значении, приближается по значению и функции к указательной частице: То ти наехали руские князи (л. 181); то ти ступишася руские удалцы (У, л. 182) и т. д. Во всяком случае, если то в указанном предложении и является подлежащим, так можно толковать только для списка У, где первоначальный текст, по-видимому, искажен. В других списках по-иному: То ти не орли слетошася, съехали все князи руския (К-Б, лл. 123 об.—124). В И-1 (л. 216 об.) и С (л. 37 об.) отрицательное сравнение отсутствует. 2) Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы (лл. 175 об.—176). Так и в И-1 (л. 217). В С: Тые ж бо есть сынове храбри (л. 38). 3) И то были не серые волцы (У, л. 178). Так и в К-Б (л. 125 об.). В других списках конструкция та же, но связка выступает в другой форме: было (И-1, л. 218), быша (С, 38 об.). Отметим также случаи, отсутствующие в списке У. 1) То ти были ни щурове, ни галици (И-2, лл. 70 об.—71); в И-1: То ти было не щурове (л. 221); С: То ти быша не щурове (л. 41). Вероятно, этот текст принадлежал оригиналу «Задонщины», о чем говорит его наличие в трех списках и типичность для памятника отрицательного сравнения. См., например, такие же обороты в 1-м и 3-м примерах. Остальные случаи встречаются только в одном из списков и, надо полагать, не были в оригинале. 2) . . . ти бо бяше сторожевыя полкы (К-Б, л. 124 об.). 3) То ти быша ни соколи, ни креть (С, л. 39 об.). Оборот, типичный для памятника, но не находящийся подтверждения ни в одном из списков.

б) Именная часть выражена сочетанием количественного числительного с существительным в родительном падеже (всего один случай): Брате Дмитриеи, сами есмь себе два браты . . . а правнуки есми Сколомендовы (У, л. 176); ср.: К-Б, лл. 124 об.—125; И-1, л. 217 об.; С, л. 38. В этом тексте еще один пример на сказуемое, выраженное существительным со связкой.

в) Именная часть выражена нечленным прилагательным: . . . и крепцы бысть князи белозерстии (У, л. 180). Так только в списке У. В И-1 связка отсутствует: . . . воеводы у нас уставлены 70 бояринов, князи крепцы белозерский (л. 219). В списке С совсем по-другому (см. об этом случае дальше): А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а князи белозерстии (л. 39).

г) Именная часть выражена членным прилагательным. По одному случаю такого способа выражения сказуемого встречаем в списках К-Б и И-1. Их следует отнести к искажениям первоначального текста: 1) А ркучи так: Земля еси Русская, как еси была доселева за царемь за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитриемь Ивановичем (К-Б, л. 126). 2) Нам земля подобна есть Руская. . . (И-1, л. 223 об.). Оба текста отсутствуют в других списках «Задонщины».

⁴¹ См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е, Учпедгиз, Л., 1941, стр. 152.

Отсутствие приведенных выше текстов в других списках дает основание считать, что они принадлежат переписчикам. Кроме того, и самый факт употребления членных прилагательных в предикативной функции для памятника конца XIV в. представляется мало вероятным, по крайней мере не подтвержденным другими памятниками древнерусской письменности. Н. Ю. Шведова утверждает, что «первые достоверные следы появления предложений с членными прилагательными в сказуемом относятся к памятникам оригинальной прозы XV века».⁴²

III. В сказуемом глагол, сохраняющий свою знаменательность

Именная часть выражена прилагательным: 1) И оттоля Руская земля седит невесела (У, л. 170—170 об.). Текст имеется только в списке У; вряд ли он принадлежит оригиналу. 2) А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов (С, л. 39). Так только в списке С. Текст допускает двоякое толкование. Возможно, что прилагательное является определением к следующему за ним словосочетанию, а все выражение (крепкия 70 бояринов) — приложение к подлежащему воеводы. Во всяком случае, если даже прилагательное и входит в состав сказуемого, то это принадлежит переписчику. Ср. замечания об употреблении членных прилагательных в предикативной функции.

Причастие в роли сказуемого выступает только в нечленной форме. При этом как самостоятельное, основное сказуемое в памятнике употребляются главным образом причастия страдательного залога прошедшего времени (13 случаев). За исключением 3 случаев, они выступают в функции сказуемого без связки или другого спрягаемого глагола. Седлаи, брате Андреи, свои доброй конь, а мои ... оседлан (У, л. 177); так и в К-Б (л. 125), И-1 (л. 217 об.). А воеводы у нас уставлены (У, л. 179 об.; ср. И-1, лл. 97—98; С, лл. 111—112). А воеводы у нас уставлены, а дружина сведана (У, л. 180); И-1, л. 219; С по-другому: ... а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина (л. 39). И не тури побеждени у Дунаю великого, но посечены князи руские, и бояры, и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича, победени князи белозерстии (У, л. 182—182 об.); И-1, л. 220; в К-Б и С по-другому: Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганых князи великих и боляр сановных (К-Б, 128); С: Не турове рано возрули на поли Куликове, возрули воеводы сильныя, бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар (С, л. 40). Уже бо вержено диво на земли (У, 190); ср.: И-1, 223; а посечено от безбожнаго Мамаю полтретья ста тысящ и три тысяч (У, л. 193); в И-1 по-другому: А изгибло нас всей дружины пол 300 000 (л. 224 об.); братия бояра и князи и дети боярские, то вам сужено место меж Доном и Непром (У, л. 193—193 об.); ср.: И-1, л. 224 об.

Лишь в двух случаях в однотипных выражениях имеется связка *бысть*: ... а кровью их земля пролита *бысть* (У, л. 181); трава кровию пролита *бысть* (У, л. 184). Следует отметить, что связка в этих предложениях отсутствует в обоих случаях в списке И-1 (лл. 219 об., 220 об.). В других списках второе предложение вообще отсутствует, а первое дано по-другому.

⁴² Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. (Автореферат). Доклады и сообщения Института русского языка, вып. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 106.

К-Б: Тогда поля костьюмь насеяны, кровьюмь полиано (л. 127); С: ...нести кровью земля (л. 39 об.).

Бесвязочное употребление причастий страдательного залога прошедшего времени преобладает и в других памятниках древнерусской литературы. Так, В. И. Борковский из 129 случаев употребления указанных причастий в функции сказуемого в грамотах отмечает наличие связи только в 33 случаях (со связкой прошедшего времени — 13).⁴³ С. Д. Никифоров считает, что употребление связи в форме имперфекта или аориста свойственно только книжной речи; такое сказуемое имело аористное значение и могло употребляться в историческом повествовании в качестве однородного с аористом члена предложения.⁴⁴

В одном случае причастие употреблено в сочетании с глаголом состояния: А иные лежат посечены у Дуная великого на брезе (У, л. 183); так и в И-1 (л. 220); С: А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна (л. 40).

В списке У в 4 предложениях в функции основного сказуемого употреблено нечленное причастие действительного залога прошедшего времени: И рекше князь великий Дмитриеи Ивановичь (л. 174 об.); и рекше им князь великий Дмитриеи Ивановичь (л. 175); и сседша удалыцы з добрых коней (л. 185); того же дни в субботу на рожество святыя богородицы исекша христиани поганые полки (л. 186).

Думается, что во всех этих случаях имеем порчу текста переписчиком списка У, заменившего формы аориста, имеющиеся в других списках, причастием. Возможно, что в 3-м и 4-м предложениях не замена, а пропуск гласного о (сседоша, исекоша). На самом деле, в 1-м и 2-м предложениях, вместо причастия *рекше* в этих текстах другие списки имеют форму аориста *рече* (К-Б, л. 124; И-1, л. 217 — 2 случая; С, л. 37 об. — 2 случая; в 3-м предложении — И-1 — выседоша (л. 221), И-2 — спадоша (л. 70 об.). С — изседоша (л. 40); в 4-м предложении — И-1 — исекоша (л. 221 об.), С — секоша (л. 41).

Употребление нечленных причастий действительного залога прошедшего времени в функции сказуемого вообще мало характерно для древнерусской письменности. А. Потенбя указывал, что в отличие от форм настоящего времени формы прошедшего времени со связкой встречаются лишь изредка.⁴⁵ В. И. Борковский не отмечает ни одного случая употребления таких причастий в функции сказуемого в исследованных им грамотах. Несколько иного мнения придерживается Т. П. Ломтев, полагающий, что «причастия совершенного вида в некоторых диалектах продолжали употребляться в функции сказуемого долгое время, что и находило спорадическое отражение в памятниках».⁴⁶

В списках К-Б, И-1 и И-2 встречаем единичные случаи употребления в функции главного (и единственного) сказуемого причастий действительного залога настоящего времени: 1) Птици небесныя пасушеся то под синие оболока, ворони грають, галици свои речи говорить (К-Б, л. 126). В этом же, но несколько измененном тексте встречаем употребление в функции сказуемого действительного причастия настоящего времени и в списке И-1: А уже беды их пловуше птица их крилати под облакы

⁴³ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 201.

⁴⁴ См.: С. Д. Никифоров. Глагол. Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 325.

⁴⁵ См.: А. Потенбя. Из записок по русской грамматике, I—II. Изд. 2-е, Харьков, 1888, стр. 132.

⁴⁶ Т. П. Ломтев. Из истории синтаксиса русского языка. Учпедгиз, М., 1954, стр. 21.

летают, вороны граютъ, а галицы своєю речью говорятъ (л. 218—218 об.). В списках У и С причастие в этих текстах отсутствует: А уже беды их па-соша птицы крылати под облак летят, вороны часто грают, а галицы своєю речью говорят (У, л. 178—178 об.); вжо победы их пашутся, а птицы под облаки летают, а вороны часто играют, а галицы своєю речью говорят (С, л. 38 об.). Текст этот заимствован (в измененном виде) из «Слова о полку Игореве», где причастие тоже отсутствует: ... уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию; вльци грозу въсрожать, по яругамъ (9). Думается, что употребление в К-Б и И-1 причастия в функции сказуемого следует отнести к порче текста переписчиками. 2) А ркучи так: земля еси Русская, как еси была доселева за царемъ за Соломоном, так буди и нынеча за княземъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ (К-Б, л. 126). Весь этот текст встречаем только в списке К-Б. Надо полагать, что его не было в оригинале. 3) А ркучи: Можеш ли, господине князь великий, весла Непра запрудити (И-1, л. 221). Так и в И-2 (л. 71). В списке У: И ркут тако (л. 185 об.).

Если даже считать показания списков И-1 и И-2 более правильными, то думается, что причастие нужно рассматривать как второстепенное сказуемое. Автор просто избежал повторения слов, предшествующих плачу жен в предыдущем предложении: И восплакалися жены Коломенские. В списке С (л. 41) эта часть плача вообще не разорвана авторскими словами.

Таким образом, все случаи употребления причастий действительного залога настоящего времени в функции главного сказуемого надо считать не принадлежащими первоначальному тексту, хотя вообще употребление их в этой функции не противоречило бы времени создания памятника.⁴⁷

В списке И-1 встречаем 2 случая употребления в функции сказуемого нечленного причастия страдательного залога настоящего времени. 1) ... воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома (л. 219). Вряд ли так было в оригинале. В У: ... а дружина сведана (л. 180). В списке С, где употреблено, как и в И-1, причастие настоящего времени, оно выступает в членной форме в функции определения: ... а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина (л. 39). 2) И молвяше: Поганый путь им знаем вельми, а перевозы им изготовлены, но еще хотят сильно главы своя положить за веру крестьянскую (л. 219). Часть текста, в котором причастие употреблено в функции сказуемого, отсутствует в других списках. Таким образом, оба случая, надо полагать, не принадлежат оригиналу.

Наблюдения над именованным сказуемым и сказуемым, выраженным причастием, позволяют сделать следующие выводы.

1. Именное сказуемое не является характерным для «Задонщины». Из всех разобранных случаев с большей или меньшей достоверностью можно считать принадлежащими оригиналу всего 8—9 предложений с именованным сказуемым.

2. Именная часть составного сказуемого выражена почти исключительно именем существительным в именительном падеже; только в одном случае — сочетанием количественного числительного с существительным в родительном падеже и в двух случаях нечленными прилагательными.

3. Именное сказуемое в большинстве случаев употребляется со связкой, которая отсутствует только в 3 случаях. Однако связка почти всегда употребляется в устойчивых оборотах речи, как, впрочем, и вообще большинство случаев именованного сказуемого. Следует отметить, что в текстах, которые можно считать принадлежащими оригиналу, связка в форме

⁴⁷ См.: А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 128 и сл.

настоящего времени встречается всего в 2 предложениях и только один раз в форме 3-го лица (суть).

4. Знаменательный глагол в составе именного сказуемого встречается только в таких текстах, которые, по-видимому, не принадлежат оригиналу.

5. Из причастий в функции главного сказуемого выступают только нечленные формы прошедшего времени страдательного залога.

6. Употребление связки при предикативном причастии не характерно для «Задонщины»; связка употребляется только в двух однотипных выражениях.

7. Нечленное причастие прошедшего времени действительного залога в функции главного сказуемого встречается только в 4 случаях в списке У, в текстах, испорченных переписчиком.

Порчей первоначального текста объясняется и употребление в функции сказуемого нечленных причастий настоящего времени действительного и страдательного залогов, встречающееся в единичных случаях в других списках «Задонщины».

В «Слове о полку Игореве» составное сказуемое представлено следующими случаями.

I. Без связки

а) Именная часть — существительное: ... а мои ти Куряни свѣдоми кѣмети (8); уже дьски безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ (23); нѣ се зло — княже ми не пособие (27).

б) Именная часть — краткое прилагательное: ... сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови (7); страны ради, гради весели (45—46).

в) Именная часть — местоимение: ... рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же (19).

II. Со связкой

а) Именная часть — существительное: ... оба есѣвѣ Святъ-славличя (7). Суть бо у ваю желѣзнии паворзи подѣ шеломы Латинскими (31—32).

б) Именная часть — нечленное прилагательное: Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! Всѣмъ тепло и красно еси (39).

Чаще в «Слове о полку Игореве» встречается сказуемое, выраженное причастием.

1) Сказуемое — причастие настоящего времени страдательного залога: пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми (8). 2) Сказуемое — нечленное причастие прошедшего времени страдательного залога без связки: седлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти ... осѣдлани у Курьска на переди (7—8); а мои ти Куряни ... подѣ трубами повити, подѣ шеломы възле-лѣяны, конецъ копия вѣскрѣмлени ... луди у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изюстрени (8); лебеди роспущени (9); а мы уже дружина жадни веселия (26); ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена (26); а самъ подѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи (33—34). 3) Сказуемое — нечленное причастие прошедшего времени страдательного залога со связкой: не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръныи воронь, поганьи Половчине (11); чръна земля подѣ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна (17—18); Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ (36).

Из приведенного материала можно сделать некоторые выводы.

1. Для «Слова о полку Игореве», как и для «Задонщины», именное сказуемое не является характерным, что является обычным и для других памятников древнерусской письменности. Так, например, относительно небольшое количество случаев именного сказуемого имеется и в грамотах, исследованных В. И. Борковским. По его подсчетам, случаев составного сказуемого — 390 (11.1%); если отбросить отсюда сказуемое, выраженное причастием, то остается всего 246 случаев, т. е. 7%.⁴⁸

2. В отличие от «Задонщины» именная часть в «Слове» выражена существительными (4 случая), прилагательными (5 случаев), местоимением (2 случая).

3. В отличие от «Задонщины» в «Слове» глагольная связка встречается при именном сказуемом только в трех предложениях.

4. Из причастий в «Слове о полку Игореве» в отличие от «Задонщины» употребляются причастия страдательного залога не только прошедшего, но и настоящего времени.

5. В «Слове о полку Игореве» связка в разной форме встречается при причастиях в функции сказуемых в трех предложениях.

Таким образом, и в этом отношении «Задонщина» никак не могла быть источником для мнимой фальсификации «Слова о полку Игореве».

ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Среди односоставных предложений, имеющих в «Задонщине», определено-личные предложения занимают в количественном отношении первое место: их 36 из 74 односоставных предложений, т. е. 48.6%.

Относительно большое количество определено-личных предложений объясняется тем, что при сказуемом-глаголе в форме 1-го и 2-го лица в древнерусском языке употребление подлежащего-местоимения было нетипичным и, как неоднократно указывалось, диктовалось обычно какими-нибудь особыми условиями: логическим ударением, противоположением, сравнением, наличием обращения и т. п.⁴⁹ Несколько иное мнение по данному вопросу было высказано Е. С. Истриной: примеры с личными местоимениями передают подлинно живую речь, а предложение без местоимения — книжная передача живой речи.⁵⁰

В «Задонщине» только в 8 предложениях имеем употребление подлежащего, выраженного местоимением, при глагольном сказуемом. В этом отношении «Задонщина» продолжает традицию памятников старшей поры, в том числе прежде всего «Слова о полку Игореве».

Подлежащее, выраженное 1-м лицом местоимения, встречается в «Задонщине» всего один раз, и притом в тексте, который явно отсутствовал в подлиннике памятника: *Аз же помяну резанца Софония (У, л. 172 об.)*.

В 6 предложениях в функции подлежащего встречаем местоимение 2-го лица единств. числа. В двух случаях из 6 употребление местоимения 2-го лица в роли подлежащего встречается в текстах, которые явно восходят к «Слову о полку Игореве», где тоже употребляются местоимения в роли подлежащего.

Ср. «Задонщина»: *О соловеи, летняя птица, что бы ты, соловеи, пощекотал славу (У, л. 175 об.)*. Местоимение имеется и в списке И-1

⁴⁸ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 188, 199, 204.

⁴⁹ См.: Соболевский. Лекции, стр. 240—241; Обнорский. Очерки, стр. 172—174; Борковский. Синтаксис, стр. 91 и др.

⁵⁰ См.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пгр., 1923, стр. 40, 43—44.

(л. 217). В К-Б и С имеется связка *еси*, местоимение отсутствует (К-Б, л. 124 об.; С, лл. 37 об.—38). — «Слово о полку Игореве»: О Бояне, соловию старого времени! а бы ты сна плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу (6).

«Задонщина» ... Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы (У, л. 184 об.). В других списках местоимение *ты* отсутствует: К-Б, л. 128—128 об.; И-2, л. 70; И-1, л. 220 об.; С, лл. 181—182. — «Слово»: О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю Половецкую (38—39).

И в этих предложениях, и во всех других местоимение всегда употребляется только в прямой речи и при наличии обращения. Эти условия употребления местоимения в функции подлежащего характерны и для других памятников древнерусской письменности, в частности для «Слова о полку Игореве».⁵¹

В списке У «Задонщины»: Молвяше же ему фрязове: Чему ты, поганый Мамаи, посягаешь на Рускую землю? (л. 190 об.); и ты пришел на Рускую землю, царь Мамаи, со многими силами (л. 191); а ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье (л. 191); побежи ты, поганый Момаи, от нас (л. 191 об.).

В других списках «Задонщины» употребление местоимения *ты* встречается только в этих же текстах, хотя и не во всех случаях.

В 1-м и 2-м примерах местоимение-подлежащее имеется и в списке И-1 (лл. 190 об., л. 191). В списке С в 1-м примере текст несколько отличается от других списков, но местоимение-подлежащее налицо; во 2-м примере подлежащего нет (л. 42 об.). В других списках указанные тексты вообще отсутствуют.

3-й и 4-й примеры, кроме списка Ундольского, имеются только в списке И-1, в котором подлежащие отсутствуют. Отсутствие подлежащего в 3-м примере объясняется тем, что в списке И-1 текст 3-го примера объединен с текстом 2-го примера в одно предложение: ... и ты пришел князь Мамаи на Рускую землю с многими силами с девятью ордами, с 70 князьми, а ныне бежиш сам-девят в лукоморье (л. 223 об.).

Думается, что только в 4-м примере показание списка И-1 более соответствует оригиналу «Задонщины», так как употребление местоимения-подлежащего при сказуемом, выраженном повелительным наклонением глагола, в памятниках древнерусской письменности встречалось очень редко,⁵² в том числе и в «Слове о полку Игореве».⁵³

Таким образом, можно констатировать, что употребление личного местоимения 2-го лица единств. числа, как и 1-го лица, не было характерным и встречалось только при наличии особых условий. При отсутствии особых условий, а иногда и при наличии их, нормой является односоставное определенно-личное предложение: ... и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича (У, л. 185); можеш ли, господине князь великий, веслы Непр запрудить? (У, л. 185 об.); господи боже мои, на тя уповах (У, л. 187); уподобилса еси милому младенцу у матери своей (У, л. 191 об.); Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелеяла мужеи наших от насъ в землю Половецкую (У, л. 185 об.) и др.

Единственный случай употребления местоимения 1-го лица множ. числа в функции подлежащего в списке У встречается при тех же условиях, которые указаны для местоимения *ты*: Молвяше Андреи Олгордович своему

⁵¹ См.: Обнорский И. Очерки, стр. 173—174.

⁵² См.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 41.

⁵³ См.: Обнорский И. Очерки, стр. 173.

брату: Брате Дмитреи, сами есмь себе два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы (л. 176).

Подлежащее *мы* отсутствует в других списках памятника, в которых этот текст встречается: К-Б, л. 124 об.; И-1, л. 217—217 об.; С, л. 38. В списке К-Б местоимение *мы* в роли подлежащего употреблено один раз в тексте, отсутствующем во всех других списках памятника: И *мы*, господине, поидемь за быструю реку Дон (л. 124).

Больше случаев употребления местоимения *мы* в роли подлежащего не встречается. Отметим, что в «Слове о полку Игореве» имеется всего один случай употребления *мы* в роли подлежащего.⁵⁴

Обычная норма для «Задонщины» — определено-личное односоставное предложение: Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков (У, л. 177); наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татар поганых (У, л. 187 об.—188); седлаи, брате Андреи, свои доброй конь (У, л. 177). Ср. «Слово о полку Игореве»: ... сѣдлаи, брате, свои бръзвыи комони (7) и др.

Личное местоимение 2-го лица множ. числа (*вы*) и личные местоимения 3-го лица в роли подлежащего не употребляются ни в одном из списков «Задонщины». Отметим, что в «Слове о полку Игореве» встречается местоимение *вы* в роли подлежащего: Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую (35).⁵⁵

Большинство односоставных определено-личных предложений в «Задонщине» имеет побудительное значение, причем чаще всего главный член в таких предложениях со значением призыва к совместному действию выражен формой 1-го лица множ. числа простого будущего времени:⁵⁶ 1) Пондем, брате (л. 170); 2) взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской (л. 170); 3) снидемся, братия ... составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль ... и воздадим поганому Момаю победу (л. 171); 4) зберем, брате (л. 176); 5) брате Андреи, не пощадим живота своего... (л. 176 об.); 6) выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков (л. 177); 7) и пондем, брате ... и сядем, брате, на своем княжение (л. 193 об.).

Сюда же можно отнести еще два предложения с неясным выражением побуждения: Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим вешаннаго боярина, горазна гудца в Киеве (л. 172); брате князь Владимир Андреевичь, поедем тамо, укупим животу своему славы ... а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую (л. 175). В одном предложении призыв к совместному действию выражен формой 1-го лица множ. числа настоящего времени: ... наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татар поганых (л. 187 об.—188).

Употребление форм 1-го лица множ. числа простого будущего и настоящего времени встречается, за исключением одного случая, в приведенных выше предложениях и в других списках (если они имеют эти тексты).

Ср.: 1) К-Б (л. 122—122 об.); 2) С — первый и второй глаголы (л. 36 об.); К-Б — только взыдемь (л. 122 об.); 3) И-1 (л. 215—215 об.), С — первые три глагола (л. 36 об.); 4) И-1: ... изберем братью милую пановеи удалыи Литвы (л. 217 об.); С: Соберем себе милую дружину храбрех панов (л. 38); 5) И-1 (л. 217 об.); С — форма повелительного наклонения: ... не пощади, брате, живота своего (л. 38); 6) И-1 — только

⁵⁴ См.: там же.

⁵⁵ См.: там же, стр. 174.

⁵⁶ Здесь приводятся тексты по списку У.

глагол *посмотрим*: Посмотрим своих полков (л. 217 об.); С: Выедем, брате, выедем, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, своих полков (л. 38). 7-е предложение только в списке У.

Употребление форм 1-го лица множ. числа простого будущего времени для выражения побуждения отмечается в памятниках уже с XII—XIII в.⁵⁷ И. Б. Кузьмина отмечает отдельные случаи даже в памятниках XI—XII вв. и считает, что начиная с XIII в. формы изъявительного наклонения для выражения побуждения к совместному действию начинают преобладать над формами повелительного наклонения и особенно часто встречаются в летописях и воинских повестях.⁵⁸

Таким образом, относительно большее количество в «Задонщине» односоставных определенно-личных предложений с побудительным значением, главный член которых выражен формой 1-го лица множ. числа, простого будущего или настоящего времени, вполне соответствует и жанру памятника, и времени его создания.

В «Слове о полку Игореве», в противоположность «Задонщине», встречаем всего три случая употребления формы 1-го лица множ. числа простого будущего времени для выражения побуждения: Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря (5); а всядемъ, братие, на свои брѣзья комони да позримъ синего Дону (5—6).

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В количественном отношении безличные предложения в «Задонщине» среди односоставных предложений занимают второе место после определенно-личных: их 29 как самостоятельных, так и в составе сложных предложений (39.2% всех односоставных предложений).

Главным членом большинства безличных предложений является инфинитив как самостоятельный, так и в сочетании с наречиями. Преобладание безличных предложений, в которых главным членом является инфинитив, отмечается многими исследователями древнерусских памятников. Так, В. И. Борковский отмечает, что в исследованных им грамотах из 1600 безличных предложений 1320 (82.5%) являются инфинитивными.⁵⁹ С. П. Обнорский, характеризуя особенности бессубъектных предложений в «Слове о полку Игореве», отмечает, что инфинитивный тип — наиболее распространенный в «Слове» (13 из 27 случаев).⁶⁰

В «Задонщине» 15 предложений инфинитивного типа: Уже нам, брате, не поспеть на посопь к великому князю Дмитрею Ивановичю (У, л. 174); ср.: И-1, л. 216 об.; К-Б, л. 123 об.; С, л. 37 об. Быти стуку ... на речке Напряде, между Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролится крови на речке Напряде (У, л. 177 об.); ср.: И-1, л. 218; С, л. 38 об.; в К-Б по-другому: Быти стуку и грому велику между Дономъ и Непромъ, идетъ хинела на Русскую землю (л. 125 об.); уже, брате, летети главе твоей на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове на речке Напряде (У, л. 183 об.); ср.: И-1, л. 220—220 об.; С, л. 40 об., в К-Б по-другому: Уже, брате, вижу раны на сердце твоемъ тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю, на белую ковылу, моему чаду Иякову (л. 127 об.); туто,

⁵⁷ См.: Соболевский. Лекции, стр. 253.

⁵⁸ См.: И. Б. Кузьмина. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI—XVII вв. — Труды Института языкознания АН СССР, т. V, М., 1954, стр. 99—105.

⁵⁹ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 81.

⁶⁰ См.: Обнорский. Очерки, стр. 175.

брате, стару помолодеть, а молодому чести добыть (У, л. 187); ср.: И-2, л. 72; И-1: ...туту стару помолодится, а молоду чти добыти (л. 222); С: Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи своих испытати (л. 40—40 об.); а не бывати тебе в Батыя царя (л. 190 об.); И-1, л. 223 — быти; уже нам, брате, в земли своеи не бывать и детей своих не видать, а в Русь ратию нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать (У, л. 189); ср. И-1, л. 222 об.; в С по-другому: Уже нам у Золотой Орда не бывати, бедных жон и детей не видати (л. 42).

В списке И-2 последний текст более распространен и состоит из семи безличных предложений: Уже нам, брате, в земли своеи не бывати, а детей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова, а на Русь нам уже ратью не хоживати, а выхода нам у русских князеи не прашивати (л. 73—73 об.).

Во всех приведенных примерах инфинитивные предложения имеют значение невозможности, необходимости, долженствования или желательности действия. Это значение инфинитивных предложений является типичным как для древнерусской письменности,⁶¹ так и для современного русского языка.⁶² Особенностью структуры таких предложений является наличие в них, как правило, дательного падежа субъекта, причем в дательном падеже при инфинитиве может стоять слово, обозначающее и неодушевленный предмет.⁶³ Во всех приведенных примерах из «Задонщины» такой дательный падеж налицо, причем во втором примере, состоящем из трех безличных предложений, дательный падеж не обозначает лица, а неодушевленный предмет (*стуку, трупу, крови*).

По значению к приведенным примерам примыкает и предложение, встречающееся только в списке У, в котором главный член выражен тавтологическим выражением, состоящим из инфинитива и родительного падежа существительного от того же корня. И в этом предложении дательный падеж субъекта налицо: ...не с кем тебе зимы зимовати в поле (У, л. 191).

Лишь одно предложение инфинитивного типа обозначает побуждение к действию с оттенком долженствования: Брате князь Владимир Андреевичь, тут, брате, испити медвяна чара, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татар поганых (У, лл. 187 об.—188); ср.: И-1, л. 222, в И-2 — испити (л. 72 об.).

В «Слове о полку Игореве», как уже указывалось, С. П. Обнорский отмечает 13 случаев предложений инфинитивного типа, но приводит только 8 примеров. Приведем примеры, отсутствующие у С. П. Обнорского: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою судмати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати (20); ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божиа не минути (37); князю Игорю не быть (40).

Вторым типом безличных предложений в «Задонщине» являются примеры, в которых главный член выражен сочетанием инфинитива с наречием (5 предложений). Такие предложения имеют различные смысловые оттенки, связанные с лексическим значением наречий и инфинитивов.

⁶¹ См.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 50—51; Борковский. Синтаксис, стр. 87; С. Д. Никифоров. Глагол. Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, стр. 197.

⁶² См.: К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. — Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, М., 1950, стр. 263.

⁶³ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 82, 86—87.

а) Состояние: А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская (У, лл. 186 об.—187). Ср. И-1, л. 221 об.; И-2, л. 72; Грозно бо и жалостно, брате, в то время посмотри, иже лежат трупы крестьяньские у Дуная великого на брезе (У, л. 192); Ср.: И-1, л. 224.

б) Долженствование: И в то время стару надобно помолодети, а удалым людям плечь своих попытати (У, л. 183—183 об.). Во второй части этого сложного предложения, состоящего из двух безличных предложений, наречие *надобно* опущено, но оно восстанавливается из первой части.

В списках И-1 и С этот текст читается иначе: Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а удалым плечь попытати (И-1, л. 220); добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи своих испытати (С, л. 40).

В «Слове о полку Игореве» безличные предложения данного типа представлены всего одним предложением, которое является в «Задонщине» заимствованным из «Слова» с некоторым изменением: А чи диво ся, брате, стару помолодети? (27).

С. П. Обнорский не приводит из «Слова» ни одного бессубъектного предложения с главным членом, выраженным наречием в сочетании с инфинитивом.

в) Целесообразность совершения действия: И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и о нынешних повестех похвалу великого князя (У, л. 171 об.). Конструкция этого предложения своеобразна: два инфинитива в сочетании с наречием в сравнительной степени. Текст этого предложения возник, без сомнения, под влиянием «Слова о полку Игореве»: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! (1).

В «Задонщине» предложение, приведенное выше по списку У, в других списках читается по-разному. И-1: Рци, того лутче бо есть, брате, нача поведати иними словесы о похвальных о нынешних повестех от полку князя (л. 215 об.); С: Говорит князь великий Дмитрией Иванович брату своему князю Володимеру Онреевичу: «Скажи ми, брате, коли имы словесы о похвальных сих о нынешних повестех» (л. 36 об.—37). Как видно из приведенных текстов, в И-1 наречие *лутче* в сочетании со связкой *есть* (что близко к тексту «Слова»: Не лѣпо ли ... бяшетъ), а инфинитив в сочетании с аористом (*нача поведати*). Текст списка С представляется наиболее искаженным: в нем нет ни наречия, ни инфинитива.

Трудно решить, каким этот текст был в оригинале. Не отсутствовал ли вообще инфинитив *поведати*? Такое предположение кажется наиболее вероятным из сопоставления с текстом «Слова». Если же инфинитив *поведати* был в оригинале, то текст списка У представляется более правильным, и тогда предложение нужно рассматривать как бессоюзное, состоящее из двух безличных. В первой части главный член выражен сочетанием наречия с инфинитивом (*лудчи бо нам, брате, начяти*), а во втором — инфинитивом (*поведати иними словесы*).

К предыдущему типу примыкает по конструкции и такое безличное предложение, в котором, кроме наречия и инфинитива, имеется личная форма глагола *быти*: Грозно и жалостно в то время бяше тогда слышати (У, л. 184). Так и в списке И-1 (л. 220 об.); в С *бяше* отсутствует (л. 40 об.). По конструкции это предложение напоминает начальное предложение «Слова о полку Игореве»: Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти (1).

Безличное предложение в «Задонщине» выражается также конструкцией, в которой главный член — сочетание наречия в сравнительной степени с инфинитивом с частицей *бы* и членным причастием: *Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар* (У, л. 183). Ср. К-Б: *Лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели нам от поганых положеным пасти* (л. 127 об.); И-1: *Луче бы посеченым пасти, а не полоняным въспети от поганых* (л. 220); С: ... *лучъжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от паганых татар* (л. 40). Этот текст почти полностью совпадает со «Словом о полку Игореве», но отличается от него употреблением членных причастий вместо нечленных: *луче жъ бы потяту быти, неже полонену быти* (5). С. П. Обнорский помещает это предложение среди примеров на бессубъектные предложения с сказуемым, выраженным прилагательным (причастием) в форме среднего рода, и выделяет как сказуемое «луче бы».⁶⁴ С этим трудно согласиться.

Наконец, в «Задонщине» имеются безличные отрицательные, в которых главным членом является слово *нет* (*нету*), — 5 предложений.

Предложения такого типа широко распространены в древнерусской письменности. В. И. Борковский рассматривает их среди конструкций, в которых при личной форме глагола 3-го лица единств. числа стоит отрицание.⁶⁵ Правильно, как кажется, поступает Е. С. Истрина, выделяя такие предложения и называя их «отрицательной бессубъектной конструкцией с наречием „нету“, которое исторически произошло из *verb. finit.* и сохраняется в синтаксическом употреблении его следы».⁶⁶ Особенностью таких конструкций является наличие дополнения в родительном падеже.

1) ... и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе *нету* (У, л. 185). В приведенном тексте имеем безличную конструкцию с опущенным дополнением: в животе *нету*. Дополнение *налицо* в этом же тексте в списке И-2: ... уже бо не вижу своего господина Тимофея Иволуевича, в животе его *нет* (л. 70—70 об.). Однако в И-1 имеем совсем другую конструкцию: весь приведенный текст составляет личную конструкцию, а слова *в животе* относятся к сказуемому — глаголу *не вижу*: ... уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе (л. 220 об.). Думается все же, что самым близким к оригиналу является текст списка И-2, а переписчик списка У опустил дополнение. Такое предположение подтверждается списком К-Б, где мысль о гибели приписывается всем женам боярским: *Уже, сестрици наши, мужей наших в животе нету* (л. 128 об.).

2) *Нешто тобя князи руские гораздо подчивали, ни князеи с тобою ни воевод?* (У, л. 191). Вторая часть предложения — отрицательная безличная конструкция, в которой слово *нет* опущено. Пропуск этот, по-видимому, принадлежит переписчику списка У, так как в других списках «Задонщины», где имеется данный текст, слово *нет* *налицо*: и князеи с тобою *нет* ни воевод (И-1, л. 223 об.); их с тобою *никого нет?* (С, л. 42 об.).

3) ... *нету, государь, у нас 40 бояринов московских* (У, л. 192 об.). Текст этот имеется еще только в И-1: ... *нету туту у нас сорока боярин больших москвоьских* (л. 224).

4) ... *колько у нас воевод нет и сколько молодых людей нет* (У, л. 192). Текст имеется еще только в списке И-1 в несколько измененном виде: *коких воевод нет, сколько молодых людей нет* (л. 224).

⁶⁴ См.: Обнорский. Очерки, стр. 175.

⁶⁵ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 67—68.

⁶⁶ См.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 50.

В «Слове о полку Игореве» отрицательные безличные предложения со словом *нет* отсутствуют; отрицание выражается частицами *не, ни* с *бысть, будетъ* или при помощи слова *нелъзе*: Не бысть ту брата Брячяслава (34); ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице (44); того старога Владимира нелъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ (37).⁶⁷

В списке У «Задонщины» имеется одно безличное предложение, в котором главный член выражен адъективированным причастием: Ведомо нам, брате (л. 169 об.). Текст этот встречается еще только в Ждановском списке. Вряд ли это предложение принадлежит оригиналу «Задонщины».

В «Слове» о полку Игореве» встречаются некоторые типы безличных предложений, которые в «Задонщине» отсутствуют: 1) предложение со словом *жаль*: ... жаль бо ему мила брата Всеволода (18); 2) предложения со сказуемым, выраженным нечленным прилагательным (причастием) в форме среднего рода: ... темно бо бѣ въ ꙗзъкъ день (25); тяжко ти головы ... зло ти тѣлу (44); а сицеи рати не слышано (17).⁶⁸

Следует признать, что и в отношении типов безличных предложений «Задонщина» никак не могла служить источником для мнимого фальсификатора «Слова о полку Игореве».

В «Задонщине» встречаются такие виды безличных предложений, которые или совсем отсутствуют в «Слове о полку Игореве» (безличные отрицательные предложения с главным членом, выраженным словом *нет*) или представлены единичным примером (предложения с главным членом, выраженным сочетанием инфинитива с наречием). В «Слове о полку Игореве», наоборот, встречаются такие виды безличных предложений, которые отсутствуют в «Задонщине», о чем уже говорилось раньше.

В «Задонщине» встречаем случаи заимствования из «Слова о полку Игореве» некоторых отдельных безличных предложений, в которые, однако, иногда вносятся формы, более свойственные времени создания «Задонщины», концу XIV в.

Сближает оба памятника преобладание инфинитивных предложений; но эта черта характерна и для других памятников древнерусской письменности, что неоднократно отмечалось многими исследователями древнерусских памятников.⁶⁹

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ

Родительный падеж. Родительный падеж части, неполного охвата нередко встречается в «Задонщине» при глаголах, которые в современном русском языке управляют винительным падежом.

Как указывает Л. А. Булаховский, глаголы со значением длящегося восприятия, реже чувственного восприятия вообще, управляли в древнерусском языке родительным падежом.⁷⁰

В «Задонщине» встречаем несколько случаев такого употребления родительного падежа: 1) ... а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а суицъ немецких о боеданы бусорманские (У, л. 176—176 об.). Ср.: И-1 (л. 217 об.); С (л. 38). Текст и употребление родительного падежа совпадает со «Словом о полку Игореве»: ... а всядемъ, братие, на свои бръзья

⁶⁷ См.: Обнорский. Очерки, стр. 175.

⁶⁸ См.: там же.

⁶⁹ Ср.: Борковский, Кузнецов, стр. 392—393.

⁷⁰ См.: Булаховский. Курс, т. II, стр. 262—265; ср. также: Буслаев. Историческая грамматика русского языка, II. Изд. 3-е, М., 1896, стр. 294—295.

комони да позримъ синего Дону (5—6). 2) Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков (У, л. 177); ср.: И-1 (л. 217 об.), С (л. 38). 3) ... а удалым людем плечь своих попытать (У, л. 183—183 об.). Так и в И-1 (л. 220); в С по-иному: ... а молодому чести добыти, плечи своих испытати (С, л. 40).

Родительный части встречается в «Задонщине» также при глаголах, обозначающих желание, стремление, достижение и т. д., что отмечается и в других памятниках древнерусской письменности:⁷¹ ...укупим животу своему славы (У, л. 175). Ср. С: ...искупим животом славы (л. 37 об.); в И-1 винительный падеж: ...укупим животу славу (л. 217); а чести есми, брате, добыли и славного имени (У, л. 193 об.); ищут себе чести и славного имени (У, л. 180 об.); так и в И-1 (л. 219); С: ... ищут бо себе чести и славы и великого имени (л. 39 об.). Ср.: «Слово о полку Игореве»: ... ищучи себѣ чти, а князю славы (10).

Родительный беспредложный не характерен для «Задонщины» и встречается всего в одном случае: Того же дни ... исекша христиани поганые полки (У, л. 186). Ср. С (л. 41). В И-1 по-другому: Того день святая богородица исекоша христьяне поганьи полкы (л. 221 об.).

В «Слове о полку Игореве» С. П. Обнорский отмечает три случая беспредложного употребления родительного падежа.⁷²

В одном случае, в тексте, совпадающем со «Словом о полку Игореве», форма родительного падежа употреблена в значении современного творительного падежа содержания: ...и наполнися ратного духа (У, л. 173); И-1: ...и наполнишася ратного духа (л. 216); в С искажено: и наполнися росного духа (л. 37). Ср. «Слово о полку Игореве»: ...наплънився ратного духа (5).

При переходных глаголах с отрицанием объект употребляется в родительном падеже: ... не пошадим живота своего... (У, л. 176 об.); и детей (своих не видать ... а выхода нам у русских людеи не прашивать (У, л. 189). В тех случаях, когда при глаголе с отрицанием имеем существительное, обозначающее лицо, не исключена возможность, что имеем винительный падеж, по форме совпадающий с родительным падежом, так как такие существительные в памятнике последовательно употребляются в указанной форме: ...и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича (У, л. 185). Ср. также в отрицательном предложении, в котором опущено слово *нет*: ни князеи с тобою, ни воевод (У, л. 191).

Родительный падеж принадлежности употребляется в «Задонщине» редко. Принадлежность чаще всего выражается притяжательными местоимениями, личным местоимением 3-го лица в притяжательном значении и притяжательными прилагательными (119 случаев по списку У), тогда как родительный падеж принадлежности имен существительных встречается в памятнике по списку У всего в 13 случаях и в большинстве случаев в определенном узком круге лексических словосочетаний: ...внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго (У, лл. 171 об., 172 об., 179 об.). В И-1 по-другому: ...гнездо есмя великого князя Владимиры Киевъскаго (л. 217); внуки есмя Едамантовы (л. 217 об.). В С: гнездо есмо князя Володимера Киевского, руского царя (л. 37 об.); сынов есмо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы (л. 38); сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича (л. 39); что, брате, стучит великая силная рать великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича (лл. 176 об.—177);

⁷¹ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 357—358.

⁷² См.: Обнорский. Очерки, стр. 165.

ср.: К-Б, л. 125; И-1, л. 217 об.; С, л. 38. ...наеждаем, брате, своими полки силными на рать татар поганых (У, л. 187 об.—188); ср.: И-2, л. 72 об.; И-1, л. 222. И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича по всем землям текут грозы (У, л. 190). Ср.: И-1, л. 223. ...посечены князи руские, и бояры, и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича... (У, л. 182 об.). Ср.: И-1, л. 220; С, л. 40. А билися из утра до полудни в субботу на рождество святей богородицы (У, л. 182); ср.: И-1, лл. 219 об.—220; И-2, л. 71; С, л. 40. Того же дни в субботу на рождество святых богородицы исекша христиани поганые полки (У, л. 186); ср.: И-1, л. 221 об.; С — л. 41.

В списке С имеем еще 5 случаев родительного принадлежности в текстах, отсутствующих в других списках или не совпадающих с ними: ...жребие воздати на силу поганого царя Моая (л. 36 об.); а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Маая (л. 38 об.); гремели князеи руских доспехи и мечи булатныя и обышаки московския (С, л. 40); в других списках по-другому — И-1: гремели князи руския мечи о шеломы хыновския (л. 219 об.); И-2: Гремят мечи булатные о шоломы хыновские (л. 71 об.); У: ...а гремели князи руские мечьми булатными о шеломы хыновские (л. 182); секоша християне полков поганых татар (С, л. 41); а скокаша на коне по рати поганых татар (С, л. 41).

Как видно из приведенных текстов, родительный принадлежности имеет приложение или согласованное определение, выраженное именем прилагательным.

Условия употребления родительного падежа принадлежности (определенные лексические словосочетания, наличие определения или приложения) характерно не только для «Задонщины», но и для других памятников древнерусской письменности.⁷³

В «Задонщине» встречаются также типичные для древнерусской письменности обороты, в которых принадлежность выражается притяжательным прилагательным от имени и родительным падежом принадлежности отчества.⁷⁴

Ср.: Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитреева жена Марья рано плакаша (У, л. 184 об.); а Тимофеева жена Воуевича тако же плакахуся (У, л. 184 об.); ср. также: И-1, л. 220 об.—3 случая; л. 221; И-2, л. 70—3 случая; л. 70 об.; К-Б, л. 128, 128 об.; С, л. 40 об.—3 случая.

В одном случае родительный принадлежности выражен субстантивированным прилагательным: ...полки поганых вспять поворотили (У, л. 188 об.). Ср.: И-2, л. 73. В И-1 по-другому: Тогда князь великий поганых назад победил (л. 222 об.).

Таким образом, в «Задонщине» категория принадлежности, выражаемая именем существительным, выступает в форме родительного падежа.

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве», по наблюдениям С. П. Обнорского, «обильные случаи дательного падежа существительного в функции принадлежности».⁷⁵ Н. М. Дылевский отмечает 17 случаев употребления в «Слове» формы дательного падежа существительного в функции принадлежности.⁷⁶

⁷³ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 351—352; ср. также: С. Я. Макарова. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI—XVII вв. — Труды института языкознания, т. III, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 7—9.

⁷⁴ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 353—355; С. Я. Макарова. Родительный падеж принадлежности в русском языке XI—XVII вв., стр. 12—13.

⁷⁵ Обнорский. Очерки, стр. 165.

⁷⁶ См.: Дылевский, стр. 227—228.

Единичные случаи употребления дательного принадлежности встречаются в различных списках «Задонщины» обычно в испорченных текстах и никогда не находят подтверждения во всех списках, что ставит вообще под сомнение наличие в оригинале «Задонщины» дательного принадлежности.

Во всех списках «Задонщины» находим всего 5 случаев дательного принадлежности: 1) ...отпало было мужество князем руским (С, л. 37). В И-1, К-Б и У по-другому: ...отпало мужество их и пение их и князем руским (И-1, л. 216); их было мужество и желание (К-Б, л. 122 об.); и пение князем руским (У, л. 172 об.). 2) ...гораздо скакаше по рати поганым (И-1, 221 об.). В остальных списках по-другому: ...гораздо скакаше по рати в поганых половцех татарьских (И-2, л. 71 об.); и скакаше во полцех поганых в татарьских (У, л. 186); а скокаша на коне по рати поганых татар (С, л. 41). 3) Уныша бо царем их хотение и похвала Рускую землю ходити (И-2, л. 73 об.). Близко к тексту И-2 и в списках И-1, У: Уныша бо царем их хотение и похвала на Рускую землю ходити (И-1, л. 222 об.); хотение князем и похвала Руской земли ходити (У, л. 189). В списке С по-другому: Се ж погиге цареи наших веселне и величество и радость и похвала на Рускую землю и з радостью ходити (С, л. 42). 4) Замкни, государю великий княже Дмитреи Иванович, реце отчин⁷⁷ ворота (С, л. 41). Исправление в списке У: Замкни, государь князь великий, Оке реке ворота (л. 185 об.). В списке И-2 родительный принадлежности: Заткни, государь князь великий, Оки ворота (л. 71). В И-1 по-другому: Замъкни, князь великий, от сих ворота (л. 221). 5) Можеш ли тамо, господине князь великий, веслы Непру запрудити (И-2, л. 71). В И-1 родительный принадлежности: Можеш ли, господине князь великий, весла Непра запрудити (л. 221). В У и С по-другому: Можеш ли, господине князь великий, веслы Непр запрудить? (У, л. 185 об.). Государю княже великий Дмитреи Иванович, можеш ли реку Дон зоградити (С, л. 41).⁷⁸

Как уже указывалось, употребление дательного принадлежности в «Задонщине» представлено единичными случаями и не подтверждается всеми списками памятника, что позволяет сомневаться в наличии дательного принадлежности в оригинале «Задонщины». Если все-таки предположить, что все пять случаев употребления дательного принадлежности в оригинале «Задонщины» существовали, то все же приходится признать, что выражение категории принадлежности существительными в «Задонщине» преимущественно осуществлялось родительным падежом существительного. Поэтому следует признать совершенно правильным утверждение Н. М. Дылевского, что несколько явно искаженных примеров не могли стать образцами и перерасти в 17 случаев дательного принадлежности в «Слове».⁷⁹ Следует к этому добавить, что в «Задонщине» вообще принадлежность выражается чаще всего притяжательными прилагательными и местоимениями, а также сравнительно в незначительном количестве случаев родительным принадлежности имен существительных. На этой основе сравнительно большое количество случаев употребления дательного принадлежности в «Слове о полку Игореве» возникнуть никак не могло.

⁷⁷ При издании списка С В. П. Адрианова-Перетц делает в сноске на основании других списков поправку к слову *отчин*, заменяя словом *Ока*. См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 254, сноска 2.

⁷⁸ Наличие дательного принадлежности в списке И-2 3-го и 5-го примеров и в списке С 4-го примера отметил Н. М. Дылевский (стр. 229).

⁷⁹ Там же.

В «Задонщине» встречается родительный падеж с предлогом *от* при страдательных причастиях для обозначения действующего лица, который принимается за начало или причину действия.⁸⁰ По мнению Л. А. Булаховского, «древнерусское *от* с родительным падежом при формах страдательного залога ... едва ли не единственная предложная конструкция, проникшая через старославянское посредство из греческого»: ⁸¹ ... побеждени князи белозерстии от поганых татар (У, 182 об.); ср.: И-1, л. 220; С, л. 40. Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар (У, л. 183); ср.: К-Б, л. 127 об.; С, л. 40. А посечено от безбожнаго Мамая полтретья ста тысящ и три тысячи (У, л. 193). В И-1 по-другому: А изгибло нас всеи дружины пол 300 000 (л. 224 об.).

Предлог *от* с родительным падежом употребляется с таким же значением в одном предложении в «Задонщине», в котором отсутствует причастие страдательного залога: И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут (У, л. 188). Так и в списке И-2 (лл. 72 об.—73), но с другим порядком слов.

Кроме того, предлог *от* с родительным падежом употреблен в списке У в одном случае вместо предлога *из*: ... и прочее от кних приводя (л. 171). Такое употребление предлога *от*, как указывает Ф. Буслаев, было свойственно и церковнославянскому, и русскому.⁸²

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» употребление родительного падежа в указанных значениях с предлогом *от* не встречается совсем, даже тогда, когда текст совпадает. Ср. второй пример в «Задонщине» с таким же текстом в «Слове о полку Игореве»; луце жь бы потяту быти, неже полонену быти (5).

Предлог *из* употреблен в одном предложении «Задонщины» для выражения времени действия, его начала: А билися из утра до полудни (У, л. 182); ср.: И-1, л. 219 об.—220; С, л. 40.⁸³

В «Слове о полку Игореве» в близком по содержанию тексте употреблен для обозначения начала действия предлог *с*: Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя (17). Ср. также в другом случае в «Слове» употребление предлога *от*: Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря (5).

Дательный падеж. Употребление дательного падежа принадлежности рассматривалось вместе с родительным падежом принадлежности.

Дательный цели представлен в «Задонщине» всего двумя случаями в отличие от «Слова о полку Игореве», где дательный цели встречается чаще.

Первый случай встречается в «Задонщине» в плаче жен, что, без сомнения, возникло под влиянием плача Ярославны в «Слове о полку Игореве».

Ср. «Задонщина»: ... Москва, Москва, быстрая река, чему еси залеяла мужей наших от насъ в землю Половецкую (У, л. 185 об.); см.: И-1, л. 221; И-2, л. 71; С, л. 41. — «Слово о полку Игореве»: О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеси Хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудную крилицю на моя лады вои?.. Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?.. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? (38—39).

⁸⁰ Буслаев. Историческая грамматика, стр. 353 и 487—488.

⁸¹ Булаховский. Курс, т. II, стр. 281. Здесь приведено три примера из «Задонщины».

⁸² См.: Буслаев. Историческая грамматика, стр. 488.

⁸³ См.: там же, стр. 483.

Еще один случай в «Задонщине»: Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю?» (У, 190 об.); ср.: И-1, л. 223.⁸⁴

Употребление дательного падежа места без предлога встречается только в списке У: ...бедами и тугою покрывша бо сердца их, хотение князем и похвала Руской земли ходити (л. 189—189 об.). В других списках вместо дательного падежа употребляется винительный падеж с предлогом: Уныша бо царем их хотение и князем похвала на Рускую землю ходити (И-2, л. 73 об.). Так и в И-1 (л. 222 об.). В С по-другому, но все же ближе к спискам И-1 и И-2: Се ж погиге царей наших веселие и величество и радость и похвала на Рускую землю и з радостью ходити (л. 42).

Трудно с уверенностью сказать, как было в оригинале «Задонщины», но можно все же предположить возможность употребления дательного беспредложного, как в списке У. Ф. И. Буслаев, основываясь на Новгородской летописи по Синодальному списку (первой половины XIV в.), отмечает постоянное употребление дательного места, который в XV и в начале XVI в. заменяется винительным с предлогом *в*.⁸⁵

Если даже считать, что употребление дательного места в списке У соответствует оригиналу «Задонщины», то придется все же признать, что такая конструкция не была характерна для «Задонщины».

По-другому в «Слове о полку Игореве». Здесь имеется 3 случая употребления дательного беспредложного: 1) ... не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету (11). С. П. Обнорский, отмечая порчу текста в этом примере, исправляет: не было нъ обиде порождено ни соколу, ни кречету.⁸⁶ 2) ... избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду и ужинѣ (41). 3) ... и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подѣ кликомъ поганыхъ (33).

Винительный падеж. Существительные мужского рода, обозначающие название лиц, во множ. числе имеют в винительном падеже большей частью форму, совпадающую с родительным падежом: 1) удалцов (У, л. 176; И-1, л. 217 об.); в С по-другому: Соберем ... храбрих панов, а сильных удалцах (л. 38); 2) мужей (У, л. 185 об.; И-2, л. 71; С, л. 41); в И-1 форма именительного-винительного: ... мужи наши залелеля (л. 221); 3) мужей (У, л. 185 об.; С, л. 41); так было, судя по определению, выраженному формой винительного-родительного; и в списке И-2 существительное употреблено в форме именительного-винительного, что является порчей текста: Уже мужи наших рать трудила (И-2, л. 71); в И-1 форма именительного-винительного: Уже бо мужи наши рати трудили (л. 221 об.).

Только в списке У: бусорманов (л. 188 об.), татар (л. 189 об.), князеи (л. 191 об.). Только в И-1: ... стреляи ... поганого Мамайа хиновина (л. 223).

Наличие в «Задонщине» как памятнике конца XIV в. форм родительного-винительного во множ. числе вполне закономерно, так как «во множественном числе, первоначально лишь для названий лиц мужского рода»

⁸⁴ Т. Т. Ломтев приводит пример из Лаврентьевской летописи: *Чему* к нам идиши, и рассматривает дательный слова *чему* как имеющий значение причины. См.: Из истории синтаксиса русского языка, стр. 60. Ф. И. Буслаев рассматривал такие случаи как дательный цели (см.: Историческая грамматика, стр. 466).

⁸⁵ См.: там же, стр. 466.

⁸⁶ См.: Обнорский и. Очерки, стр. 165. Здесь приведены и первые два примера на употребление дательного падежа без предлога.

ясные и бесспорные формы родительного-винительного падежа появляются лишь с XIV в.⁸⁷

Что касается «Слова о полку Игореве», то во множ. числе от всех существительных объект выражается лишь формой винительного падежа, включая и существительные мужского рода, обозначающие название лиц: ...сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую (18); Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи по побѣду (32); чему мычеши Хиновъския стрѣлки ... на моя лады вои? (38); чему, господине, простре горячую свою лучу на ладъ вои? (39); побарая за христьяны на поганья плъки! (46).⁸⁸

Если для «Задонщины», памятника конца XIV в., естественно употребление форм родительного-винительного падежа существительных мужского рода во множ. числе, то для «Слова о полку Игореве», памятника XII в., совершенно закономерно употребление в том же случае форм именительного-винительного падежа. Совершенно ясно, что и в этом случае «Задонщина» никак не могла служить образцом для «создания» «Слова о полку Игореве» в XVIII в., а последовательное употребление в «Слове» форм именительного-винительного падежа подтверждает его подлинность.

В «Задонщине» встречаются в трех случаях формы именительного-винительного падежа множ. числа существительных мужского рода: ... молитву воздают за сродники своя (У, л. 179; К-Б, лл. 126 об.—127; И-1, л. 218 об.; С, л. 39); Мамаи пришел на Рускую землю и воеводы своя привел (У, л. 178; И-1, л. 218); К-Б: ...Мамаи приведе вои свои на Русь (л. 126); в С по-другому: ...Мамаи пришел и воеводство привел (л. 38 об.). Только в У: ...уставиша собе храбрыя воеводы в Руской земле (л. 173).

Наличие форм именительного-винительного в «Задонщине» не противоречит времени создания памятника: XIV век был только началом утверждения форм родительного-винительного. Кроме того, употребление формы *сродники* объясняется, во-первых, церковно-религиозным характером текста, в котором употреблено данное слово; во-вторых, может быть, здесь играет роль наличие предлога за. По крайней мере в памятниках старшей поры при наличии указанного предлога всегда сохранялась форма винительного падежа.⁸⁹

Что касается слова *воеводы*, то, во-первых, во втором случае это слово употребляется только в У (л. 173), а в других списках — *полки* (И-1, л. 216), в С испорчено: *полти* (л. 37); во-вторых, это слово могло быть употреблено в форме винительного падежа по аналогии со словами женского рода.

Существительное множ. числа женского рода, обозначающее названия лица, употребляется в форме именительного-винительного падежа: ...оставиша вся дома своя и богатство, жены и дети и скот (только в У, л. 170 об.), что закономерно, так как для названий лиц женского пола формы родительного-винительного падежа употребляются не ранее XVI в., может быть самого конца XV в.⁹⁰

Существительные, обозначающие название животных, употребляются в «Задонщине» в винительном падеже множ. числа в форме, совпадающей с именительным падежом: ...буря соколи снесет (У, л. 173 об.; И-1, л. 216 об.); в К-Б именительный падеж: Они бо взнялися как соколи...

⁸⁷ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 209—210.

⁸⁸ См.: Обнорский, Очерки, стр. 164—165.

⁸⁹ Ср.: Е. И. Кедайте. Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры. — Вопросы языкознания, 1955, № 1, стр. 128.

⁹⁰ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 210.

(л. 123); в С творительный падеж: ...соколом зонесет (л. 37 об.); сядем на добрые кони своя (У, л. 176); С: ...усядем на борздыя кони (С, л. 38). И-1 и К-Б: ...сядем на борзья своя комони (И-1, л. 217 об.; К-Б, л. 125); а под собою имеем добрые кони (У, л. 180); С: кони борздыя (л. 39); И-1: борзьяя комони (л. 219); разграбиша ... и кони, и волы, и верблуды (У, л. 189 об.; И-1, л. 222 об.); начаша имати кони и верблуды... (С, л. 42); заграбиша ... волы и врьблуды (И-2, л. 73 об.).

Употребление для названий животных именительного-винительного падежа в «Задонщине» находится в соответствии с нормами древнерусского языка времени создания памятника. Как отмечает П. С. Кузнецов, примеры на употребление родительного-винительного множ. числа для названий животных представлены в памятниках лишь с XVII в.⁹¹ П. Я. Черных приводит случаи употребления формы именительного-винительного падежа даже в памятниках первой четверти XVII в.,⁹² однако после этого старая форма угасает.

В «Слове о полку Игореве» для названий животных употребляется лишь форма винительного падежа,⁹³ что совершенно закономерно для памятника XII в.

Если предположить, что автором «Слова» был человек XVIII в., то естественно было бы ожидать хотя бы единичные случаи ошибок в употреблении винительного множественного для названий животных, ибо к XVIII в. категория одушевленности в русском языке окончательно сложилась.⁹⁴

Винительный места без предлога встречается в «Задонщине» всего в 2 предложениях в одинаковом выражении: Уже бо поганые поля руские наступают (У, л. 179 об.); уже бо поганые татары поля наступают (У, л. 186 об.). Так и в других списках: И-1, л. 217 об., л. 221 об.; И-2, л. 71 об.; С, л. 39, л. 41 об. Только в К-Б имеется предлог *на*: ...поганая татарове на поля на наши наступают (л. 126 об.). В И-1 еще один случай беспредложного винительного места, отсутствующий в других списках: Тогда князь великий поля наступает (л. 222). В У вместо *поля* — *на рать* (л. 187 об.); в И-2 отсутствует объект наступления (л. 72 об.); в С вообще отсутствует текст.

СОГЛАСОВАННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Наибольшее количество согласованных определений в «Задонщине» выражено прилагательными.

Среди других частей речи чаще всего выступает в роли согласованного определения местоимение — 101 случай по списку У. Определение, выраженное местоимением, несколько чаще выступает препозитивно (60 случаев из 101), чем постпозитивно. Однако препозиция и постпозиция определений не является одинаковой для разных разрядов местоимений. Подавляющее количество случаев постпозитивного употребления местоимений в функции определения падает на притяжательные местоимения: 39 случаев из 41.

Количество притяжательных местоимений в разных списках «Задонщины» не совпадает, но преобладание постпозиции над препозицией отмечается в большей или меньшей степени во всех списках: И-1 — 29 случаев

⁹¹ См.: там же, стр. 210.

⁹² П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 256.

⁹³ См.: Обнорский. Очерки, стр. 164.

⁹⁴ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 210.

постпозиции из 49; И-2 — 18 случаев из 23; С — 45 случаев из 66. Только в К-Б почти одинаковое количество случаев как постпозиции (16), так и препозиции (17).

Из числа притяжательных местоимений в роли определения чаще всего употребляется местоимение *свой*: 56 из 100. При этом местоимение *свой* несколько чаще выступает в постпозиции: 29 случаев из 56 (по списку У): чады своя, дома своя (л. 170 об.); главы своя (лл. 170 об., 188, 190, 193 об.); ум свои (л. 173); сердца свои (л. 173); прадеда своего (л. 173); живот свои (л. 174 об.); животу своему (л. 175); живота своего (л. 176 об.); храбрых своих (л. 175); кони своя (л. 176); мечев своих (л. 176 об.); крылами своими (л. 178); воеводы своя (л. 178); за сродники своя (л. 179); брату своему (л. 179 об.); брата своего (л. 186 об.); плечь своих (л. 183 об.); зубами своими, доруши лица своя (л. 189); в земли своей (л. 189); детей своих (л. 189); оружия своя (л. 190), у матери своей (л. 191 об.).

Из слов, при которых в списке У употребляется постпозиция определения, встречается только 4 слова с препозитивными определениями: с своим братом (лл. 169 об., 191 об.); своему брату (лл. 176, 183 об.); своими воеводами (лл. 169 об., 191 об.—192); свои доброй конь (л. 177), на своем добре коне (л. 183); свои мечь (л. 179).

Все остальные слова встречаются только с препозитивным определением: своя персты (л. 172); своих полков (л. 177); свои полки (л. 186 об.); с своими полки (л. 187 об.—2 случая); свою речью (л. 178 об.); свое стремя (л. 179); за свою великую обиду (л. 182); сьвоего господина (л. 184 об.); своего государя (л. 185); со всем своим воинским (л. 186); своим боярам (л. 187); своим женам (л. 187); от своей дружины (л. 190 об.), за своя согрешения (л. 191); во свою Залескую землю (л. 193 об.); на своем княжение (л. 193 об.); свою храбростью и дружиною (л. 190).

Притяжательное местоимение *наш* употребляется в препозиции всего 1 раз: нашей славе (л. 174 об.); в постпозиции 4 случая: мужей наших (л. 185 об.—2 случая); веселие наше (л. 189 об.), боже нашь (л. 193).

Притяжательное местоимение *твой* употребляется всего 3 раза в роли согласованного оопределения, и только в постпозиции: на теле твоём, чаду твоему, главе твоей (л. 183 об.).

Притяжательное местоимение *мой* употребляется 2 раза в постпозиции: боже мои (л. 187), враги моя (л. 187 об.) и 1 раз в препозиции: моего господина (л. 184 об.).

Таким образом, притяжательные местоимения в роли согласованного определения в списке У «Задонщины» чаще находятся в постпозиции (39 случаев), чем в препозиции (29 случаев).

В «Слове о полку Игореве», наоборот, преобладает препозиция притяжательных местоимений (25 случаев) над постпозицией (13 случаев).⁹⁵

Следовательно, и в этом отношении «Задонщина» никак не могла служить образцом для создателя «Слова о полку Игореве».

Определительные и указательные местоимения почти исключительно в «Задонщине» употребляются препозитивно в роли определения (по списку У соответственно: 16 и 13). Только по одному случаю употребления постпозиции определительного и указательного местоимения: Тогда поганые борзо вся отступиша (л. 188); оставиша вся дома своя ... честь и славу мира сего получивши (л. 170 об.). Так и в других списках «Задонщины»: К-Б — 5 определительных и 5 указательных местоимений на-

⁹⁵ См.: Обнорский И. Очерки, стр. 174.

ходятся в препозиции; постпозиция отсутствует; И-1 — соответственно 9 и 7 в препозиции, 2 случая постпозиции в одном предложении: из земли той всей (л. 217); И-2 — только препозиция, соответственно 3 и 2 случая; С — 10 определительных и 10 указательных местоимений в препозиции и 1 случай постпозиции определительного местоимения: ... выехали посадники все (л. 37 об.).

подавляющее употребление в препозиции определительных и указательных местоимений характерно и для «Слова о полку Игореве». С. П. Обнорский, отмечая постоянную препозицию указанных разрядов местоимений, приводит только один пример постпозиции местоимения *сь*, обычно в «Слове» препозитивного.⁹⁶

В «Задонщине» в тех случаях, когда к определяемому слову имеется несколько определений, определительное местоимение всегда стоит первым: иная многая дружина (У, л. 182 об.); так и в списке К-Б (л. 128); в С: иная многа дружина (л. 40); вси воеводские жены (У, л. 184—184 об.); все великое войско (У, л. 188); всю Рускую землю (У, л. 190 об), так и в И-1 (л. 223 об.).

В «Слове о полку Игореве» только один случай: вся своя воя прикрыты (5).

В «Задонщине», если одно из двух определений стоит постпозитивно, ни разу таким постпозитивным определением не оказывается определительное местоимение: оно всегда остается препозитивным: вся домы своя (У, 170 об.); вси князи руские (У, л. 174 об.); всем святым его (У, 187 об.); всим святым его (С, л. 42); И-1 и И-2 не имеют в этих словосочетаниях определения *его*: всем святым (И-1, л. 222; И-2, л. 72 об.).

В «Слове о полку Игореве» только один случай: всякими узорочьи Половѣцкыми (11).

Иной порядок расположения определений в «Задонщине» в том случае, когда одно из определений выражено притяжательным или указательным местоимением: они могут быть и первыми из двух определений и находиться на втором месте, что зависит, надо полагать, от подчеркнутого выделения того или иного определения: горазная своя персты (У, л. 172); И-1: горазды своя персты (л. 215 об.); по-другому в К-Б: свои златыя персты (л. 122 об.); С: свои белья руцы (л. 37); во златое свое стремя (У, л. 179); С: во позлошное свое стремя (л. 39); в И-1 местоимение отсутствует: в златое стремя (л. 218 об.); со всем своим войском — только в У (л. 186); со остальными своими воеводами (У, л. 191 об.—192); в И-1 прилагательное отсутствует: с своими воеводами (л. 224); во свою Залескую землю — только в У (л. 193 об.); свои доброй конь (У, л. 177); свои борзи комони (К-Б, л. 125); свои борзьи комони (И-1, л. 217 об.); в С отсутствует прилагательное: своих кони (л. 38); за свою великую обиду (У, л. 182); в И-1 и С отсутствует прилагательное: за свою обиду (И-1, л. 219 об.), за свои обиды (С, л. 40); на своем добре коне (У, л. 183); на своемъ вещемъ сивце (К-Б, л. 127 об.); на своем борздом кони (С, л. 40); в И-1 отсутствует местоимение: на борзе кони (И-1, л. 220); ваши московские слаткие меды (У, л. 187); ваши московьския слатныя меды (И-1, л. 221 об.); в С по-другому: не наши меды сладкия московьския (л. 41 об.); от похвалных сих и о нынешних повестех (У, л. 171 об.); о похвалных сих о нынешних повестех (С, л. 37); поганому сему Момаю (У, л. 175 об.); в других списках по-другому: ни тому псу поганому Мамаю (К-Б, л. 124 об.); поганому Мамаю (И-1, л. 215 об.);

⁹⁶ См.: там же.

ни тому ж псу поганому цару Момаю (С, л. 37 об.); сего великаго князя (У, л. 172 об.); так И-1, л. 216 и С, л. 37.

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» при наличии двух препозитивных определений, одно из которых выражено прилагательным, а другое притяжательным местоимением, существует постоянный порядок, а именно: первым всегда оказывается местоимение: своя вѣщиа прѣсты (4); своя храбрѣя плѣкы (5); на свои брѣзѣя комони (5); свои брѣзѣя комони (7); своимъ златымъ шеломомъ (13); своя милѣя хоти (14); своихъ милѣхъ ладъ (20); своими сильными плѣкы (21); моеи сребренеи сѣдинѣ (26); на своемъ златоконанѣмъ столѣ (30); своими желѣзными плѣкы (30); ваши златѣи шеломы (33); своими острыми стрѣлами (33); на своєю нетрудноу крылю (38); своя брѣзѣя комоня (41); на своихъ сребренѣхъ брѣзѣхъ (42); своими злачеными стрѣлами (43).

Один случай в «Слове» такого же порядка расположения определений при наличии указательного местоимения: Того стараго Владимира (37).

В отличие от «Задонщины» в «Слове» имеется 3 случая, когда при двух определениях к одному определяемому слову притяжательное или указательное местоимение в роли определения находится в препозиции, а прилагательное в постпозиции: в моемъ теремѣ златовръсѣмъ (23): подѣ тыи мечи харалужныи (32); вонзѣте свои мечѣи верезѣни (34).

Имеется в «Слове» и такой случай, когда притяжательное местоимение в роли определения находится в постпозиции, а определения, выраженные прилагательными, — в препозиции: ... не вижу власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярославѣ (26—27).

Различное расположение нескольких определений к общему определяемому слову в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве» дает основание утверждать, что ни тот, ни другой памятник не был в этом отношении образцом для одного из памятников.

Причастия в функции определения в «Задонщине» по списку У встречаются редко: всего 19 случаев.

Только в одном случае определение — нечленное причастие: Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы (У, 175 об.—176). И-1: ведомѣ полководцы (л. 217).

В 17 случаях определение выражено членными причастиями страдательного залога прошедшего времени. Нужно при этом отметить, что в большинстве случаев причастия, выступающие в функции определения, адъективировались. О нетипичности употребления для «Задонщины» причастий в функции определения свидетельствует то, что из 17 случаев выражения определения причастиями страдательного залога прошедшего времени почти половина (7) падает на адъективированное причастие *злаченый* ... под шеломы злачеными в Литовской земли (У, л. 176); в списке С по-другому: с коленых стрел воспоены в Литовской земли (л. 38); громят ... злачеными доспехи (У, л. 177); гремятъ ... золочеными доспехы (И-1, л. 217 об.); гремятъ удалци золочеными шеломы (К-Б, л. 125); в С по-другому: ... гримятъ ... золотыми доспехи (л. 38); возгремеша злачеными колоколы (У, л. 178 об.—179); так и в И-1 (л. 218); К-Б: ... позвонятъ своими злачеными колоколци (л. 126); С: ... звонечи золотыми колоколы (л. 38 об.); а на себе злаченыи доспехи (У, л. 180—180 об.); а на себе золоченыя доспехы (И-1, л. 219); сияли сильныи доспехи злаченыи (У, л. 182); сияють доспехы золочеными (И-1, л. 219 об.); в С по-другому: ... сияли золотыя доспехи (л. 40); злаченым доспехом посвельчивает (У, л. 183); а злаченым доспехом посвечиваше (И-1, л. 220); в С по-другому: золотым доспехом посвещаячи (л. 40); злачеными доспе-

хами осветиша (У, 188 об.); золочеными шлемы осветиша (И-1, л. 222); злаченными доспехи освещиваючи (И-2, л. 73).

Как видно из приведенных текстов, определение, выраженное адъективированным причастием *злаченныи*, употребляется только в трех словосочетаниях: злаченые шеломы, злаченые доспехи, злаченые колоколы.

В списке У 3 раза употреблено адъективированное причастие *окованный* в одном и том же словосочетании *окованая рать*: а храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати (У, л. 177); С: ... та поведают 70 тысящ кованья раты (л. 38); а вою с нами триста тысящ окованные рати (У, л. 180); а воюют с нами 300 000 кованои рати (И-1, л. 219); у боя нас людеи 300 тисещ кованья раты (С, л. 39); у Батыя царя было чetyреста тысящ окованные рати (У, л. 190 об.). Текст только в списке У.

В списке С имеется еще один случай употребления определения *кованый*: ... выехали посадники все из Великого Новгорода 70 000 кованья рати (л. 37 об.). В списке И-1 последние два слова отсутствуют (л. 216 об.); в У: ... 7000 войска (л. 174).

В списке У встречаем еще два раза адъективированное причастие *суженое*: Пересвета ... на суженое место привели (У, лл. 182 об.—183). В С по-другому: Пресвета ... привели но судное место (л. 40); сседша удальцы ... на суженое место (У, л. 185—185 об.); сподоша руские удалци ... на суженое место (И-2, 70 об.); И-1 и С по-другому: ... выседоша удальцы ... на судное место (И-1, л. 221); изседоша удальцы ... на судное место (С, л. 40 об.).

По одному разу встречаем в роли определения в списке У причастия *неуготованными*, *вещанный* и два раза *крещеную*.

... и побегше неуготованными дорогами в лукоморье (У, л. 189). Так и в И-1 (222 об.), И-2 (л. 73). В списке С вместо *неуготованными* употреблено *нетоличными дорогами* (л. 42). В «Слове о полку Игореве» в подобном же эпизоде употреблено *неготовами дорогами*: А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому (9). Не так ли было и в первоначальном списке «Задонщины»? Во всяком случае, текст в «Задонщине» представляется заимствованным из «Слова», но искаженным.

... похвалим вещаннаго боярина (У, л. 172). В списке К-Б: ... восхвалимь вещаго го Бояна (л. 122 об.); И-1: похвалим вещь боинаго горазда гдуца в Киеве. Тот боюн воскладше (л. 215 об.); С: ... похвалим вещь горазда гудца (л. 37). Показания этих трех списков соответствуют и «Слову о полку Игореве»: Боянъ бо вѣщии (2). В списке У явное искажение, и надо, по-видимому, читать вместо *вещаннаго боярина*, *вещаго Бояна*. Ошибки, допущенные в «Задонщине», вполне естественны, так как автор памятника имел очень смутное представление о Бояне именно только на основе «Слова о полку Игореве».⁹⁷

Два раза в списке У употребляется причастие *крещеный*. Это слово встречается в словосочетании: Головы своя положить за землю за Рускую и за веру крещеную (У, л. 180 об.); другой раз: побил за землю за Рускую и за веру крещеную (У, л. 190). Обычно в списке У вместо *крещеную* употребляется *христианьскую* (*крестьяньскую*): ... за землю за Рускую и за веру крестьяньскую (У, л. 176 об.); ср. также: У, лл. 183 об.—184; У, л. 193 об. В других списках тоже *христианьскую* (И-1, лл. 219, 223; С, л. 39 об.). Таким образом, есть все основания считать, что слово *крещеный* не употреблялось в подлиннике «Задонщины», а в списке У наличие его — результат порчи первоначального текста переписчиком.

⁹⁷ Ср.: Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 135—137.

Таким образом, можно констатировать, что употребление в роли определенной причастий страдательного залога прошедшего времени хотя и встречается в списках «Задонщины», но является нетипичным, ограничено незначительным количеством слов, подвергшимся при этом адъективации.

В «Слове о полку Игореве» в функции определения причастия страдательного залога употребляются еще в меньшей степени, чем в «Задонщине», но также только при адъективации причастий, и всего три слова: ...летятъ стрѣлы каленыя (17); ранены саблями калеными (29); злачеными шеломы по крови плаваша (29); рострѣяевѣ своими злачеными стрѣлами (43); труся собою студеную росу (41). Еще в одном случае в сложном слове: ...сѣдиши на своемъ златокотаннѣмъ столѣ (30).

С. П. Обнорский отмечал, что для «Слова о полку Игореве» вообще несвойственно употребление членной формы причастий, а нечленные страдательные причастия обычно употребляются в составе сказуемого.⁹⁸

Таким образом, «Задонщина» никак не могла служить образцом для создания «Слова о полку Игореве» и в этом отношении: в «Задонщине», хотя и в небольшом количестве, но все же употребляются в роли согласованного определения членные причастия.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

Предложений с однородными членами в «Задонщине» встречается довольно большое количество: 94 (по списку У) как самостоятельных, так и в составе сложных предложений.

Больше всего предложений с однородными дополнениями — 24, почти столько же с однородными сказуемыми — 23, реже с однородными подлежащими — 15 и однородными обстоятельствами — 12. Остальные случаи однородных членов предложения единичны.

В подавляющем большинстве в «Задонщине» однородные члены предложения соединены союзами.

Однородные подлежащие без союзов не употребляются.

В большинстве случаев (8 из 15) в предложениях встречается 2 однородных подлежащих: Се бо князь великий Дмитриеи Ивановичь и брат его князь Владимир Андреевичь ... поостриша сердца свои мужеством (У, лл. 172 об.—173); Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя (У, л. 179); уже бо те соколы и кречаты за Дон борзо перелетели (У, л. 180 об.); тогда князь великий Дмитриеи Ивановичь и брат его князь Владимир Андреевичь полки поганых вспять поворотили (У, л. 188 об.); уже бо по Руской земле протресея веселие и буиство (У, л. 189 об.); на поганых татар промчесе злых бусорманов хула и пагуба (У, л. 189 об.); и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича по всем землям текут (У, л. 190); Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитреева жена Марья рано плакаша (У, л. 184 об.); а Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася (У, л. 185); ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют (У, л. 184).

Четыре предложения с 3 однородными подлежащими: Князи и бояря и удалые люди ... главы своя положиша (У, л. 170 об.); и возмутишася реки и потоки и озера (У, л. 181 об.); но посечены князи руские, и бояры, и воеводы (У, л. 182 об.); восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избивенных (У, л. 184—184 об.).

⁹⁸ См.: Обнорский. Очерки, стр. 167.

В одном предложении 4 однородных подлежащих: ...русские князи, и бояры, и воеводы, и все великое войско широкие поля кликом огородиша (У, л. 188—188 об.).

Отсутствие союзов при однородных подлежащих не свойственно большей частью и другим памятникам древнерусской письменности. В. И. Борковский указывает, что случаи употребления подлежащих без союзов в грамотах являются редким исключением.⁹⁹ Нет таких случаев и в новгородских берестяных грамотах, хотя другие однородные члены и употребляются без союзов.¹⁰⁰

В «Слове о полку Игореве» в большинстве случаев однородные подлежащие соединены союзами: Туга и тоска сыну Глѣбову! (28); тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова... (32); Инѣгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилиц! (32—33); кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкыи и щиты? (33).

Однако в «Слове о полку Игореве» употребление союзов при однородных подлежащих имеет своеобразие по сравнению с «Задонщиной».

В одном предложении с четырьмя подлежащими употребляется всего два союза, объединяющих подлежащие в пары: Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю (22).

В другом предложении с четырьмя подлежащими союз присоединяет только последнее подлежащее: Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша (32).

Чаще всего в «Задонщине» без союзов употребляются однородные сказуемые (6 случаев): Тот боярин восклагоша горазная своя персты на живыи струны, пояша руским князем славу (У, л. 172). Седлаи, брате Андреи, свои доброй конь, а мои готов оседлан (У, л. 177); приидоша поганые татарова, хотят проити воюючи всю Рускую землю (У, л. 178). То уже соколи белозерстии и ястреби хваруются от златых колодиц ис камена града Москвы, возлетеша под синее небеса, возгремеша злачеными колоколы на быстром Дону (У, лл. 178 об.—179); пашут бо ся аки живи коругови, ищут себе чести и славного имени (У, л. 180 об.); и князи их падоша с коней, загремели (У, л. 188 об.).

В трех случаях при трех однородных сказуемых только одно сказуемое соединено союзом, причем в двух случаях союз соединяет первые два сказуемых: ...а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских (У, л. 176—176 об.); и притекоша серые волды от уст Дону и Непра и ставши воют на реке, хотят на Мечи поступити в Рускую землю (У, лл. 177 об.—178). Только в одном случае союз соединяет второе и третье сказуемое: Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы (У, лл. 175 об.—176).

Несмотря на наличие относительно большого количества предложений с однородными сказуемыми без союзов, а также предложений, в которых только одно из трех однородных сказуемых соединено союзом, все же гораздо чаще в «Задонщине» имеем предложения с союзами при однородных сказуемых.

Однородные сказуемые, соединенные союзами, чаще всего встречаются в предложениях с двумя однородными сказуемыми (15 случаев): ...царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю

⁹⁹ См.: В. И. Борковский. Союзы при однородных членах в древнерусских грамотах. — Доклады и сообщения Института языкознания, VIII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 44.

¹⁰⁰ См.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 160.

(У, лл. 169 об.—170); к славному граду Москве съехалися вси князи руские, а ркут таково слово (У, л. 174 об.); поганый Момаи пришел на Рускую землю и воеводы своя привел (У, л. 178). См. также: У, лл. 172 об., 179, 179 об., 181, 183, 184 об., 184 об.—185, 185 об.; л. 186 об. — 2 случая, л. 190, 190 об.

Только в одном предложении с тремя сказуемыми союз повторяется: И нюкнув князь великий Владимир Андреевич гораздо и скакаше во полцех поганых в татарских, а злаченым тым шеломом посвельчивает, а скакаша со всем своим воиским (У, л. 186).

Значительно чаще встречаются предложения с однородными сказуемыми, не соединенными союзами в «Слове о полку Игореве» (13 предложений): ... сѣдлаи, брате, свои бръзые комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди (7—8); дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ (9); чръныя тучя съ моря идуть, хотятъ прикрыти А солнца (12); Ярѣ Туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщени на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными (13); коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дасть гнѣзда своего въ обиду (27); Ярославе и вси внуце Всеслави! уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ (34—35); а мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени (8); скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мъглѣ, утрѣже ваззни с три кусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ (35); Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше (36); единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу (33); ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъ-славлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирѣ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Рускаго злата насыпаша (22); звоня Рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю (25—26); подперъ горы Угорскыи ... затворивъ Дунаю ворота, меча бремены черезъ облаки, суды ряда до Дуная (30).

В двух предложениях при наличии четырех и более сказуемых только один союз: Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Рускую (5); бяшетъ притрепеталя своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка ... яко вихрѣ выторже (21—22).

В одном предложении с пятью сказуемыми союз отсутствует только перед вторым сказуемым: ... а Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию ... вѣврѣжеса на бръзѣ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мъглами (40—41).

Предложений с союзами при однородных сказуемых в «Слове о полку Игореве» 11; из них 8 предложений с двумя сказуемыми и 3 предложения с тремя сказуемыми: Тогда въступи Игорь князь въ златѣ стремень и поѣха по чистому полю (8); ты бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше (15); ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена (26); тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своеи (5); ты клюками подпрѣ ся о кони и скочи къ граду

Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевьскаго (35). Ср. также в «Слове» стр. 10, 16, 23—24, 32, 42, 25.

Однородные дополнения в «Задонщине» за исключением одного случая соединены союзами.

Чаще всего встречаются предложения с двумя однородными дополнениями; они почти всегда соединены союзом *и* (19 случаев из 20): ..тугою и печалию покрывшася (У, л. 170 об.); честь и славу мира сего получивши (У, л. 170 об.); громят удалцы руские злаченными доспехи и черлеными щиты московскими (У, л. 177); потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондреевичю (У, л. 171); ср. также: У, лл. 169 об., 170—171 об., 171 об., 172 об.—174 об., 179, 180 об., 181 об., 187 об., 189, 191 об.—192, л. 193 об.

В одном случае союз *но*: Не проразимся мыслию но землями (У, л. 172).

В предложениях с тремя однородными дополнениями в двух случаях из трех союз стоит перед вторым и третьим дополнениями, в одном случае союз *и*: И помолися богу и пречистой его матери и всем святым его (У, л. 187 об.). В другом случае союз *а*: ...укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память (У, л. 175). В третьем предложении союз только перед последним дополнением: И ты пришел на Рускую землю, царь Мамаи, со многими силами, з девятью ордами и 70 князьями (У, л. 191).

При четырех дополнениях в одном предложении повторяется перед каждым из них союз-частица *ни*: ...не в обиде есми были по рожению ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю (У, л. 175—175 об.). В другом предложении перед вторым и третьим дополнениями союз *и*, а при последнем — союз *да*: ...что бы ты, соловеи, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Вольньскому (У, л. 175 об.).

В предложении с пятью дополнениями первые два дополнения соединены союзом *и*, а вторая группа дополнений имеет союз *и* только перед двумя последними дополнениями: ...оставиша вся домы своя и богатство, жены и дети и скот... (У, л. 170 об.).

В предложении с семью дополнениями союз *а* повторяется перед каждым однородным членом: ... а под собою имеем добрые кони, а на себе злаченны доспехи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные (У, л. 180—180 об.).

Так и в предложении с восемью дополнениями, но с союзом *и*: Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспехи, и кони, и волю, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие (У, л. 189 об.).

Дополнения без союзов (17) встречаются в тексте, содержащем перечисление потерь русских людей при битве «на поле Куликове» в списке У, л. 192 об. и И-1, л. 224—224 об.

В «Слове о полку Игореве» так же, как и в «Задонщине», в предложениях с двумя однородными дополнениями имеется всегда союз *и* (6 случаев): ...а злата и сребра ни мало того потрепати (20); притрепеталь своими сильными плъкы и харалужными мечи ... притопта хльми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота (21); и полетѣ соколомъ подѣ мглами, избивая гуси и лебеди (41).

В отличие от «Задонщины» в предложениях с тремя (и более) однородными дополнениями в «Слове о полку Игореве» только в одном случае все однородные дополнения соединены союзом-частицей *ни*: ... не

было онъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине (11).

В остальных случаях союзы связывают не все однородные дополнения или союзы вообще отсутствуют: Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая? (13—14); та преди пѣснѣ пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу ... красному Романови Святъславличю (3—4).

Почти всегда в «Задонщине» употребляются с союзами, повторяющимися перед каждым однородным членом предложения, кроме первого, обстоятельства (7 из 9 случаев): ... главы своя положиша за землю за Рускую и за веру християнскую (У, л. 170 об.); а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьянскую (У, л. 175); но еще хотят сильнго головы своя положить за землю за Рускую и за веру крещеную (У, л. 180 об.); Мамаю поганого побил за землю за Рускую и за веру крещеную (У, л. 190); начаша ти поведати по делом и по былинам (У, лл. 171 об.—172); благословите в сем вѣце и в будущем (У, л. 193 об.); не пошадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича (У, л. 176 об.). Ср. также: У, лл. 183 об.—184.

В одном случае при трех однородных обстоятельствах союз и только перед последним обстоятельством: И положили есте головы своя за святыя церкви, за землю за Рускую и за веру крестьянскую (У, л. 193 об.).

В предложении с пятью однородными обстоятельствами между первым и вторым однородным членом союз-частица *ли*, а еще два раза повторяется союз *и*: ... а глава шибла к Железным вратам, ли к Караначи, к Риму и к Сафе по морю и к Которнову (У, л. 181 об.).

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» однородные обстоятельства чаще употребляются без союзов: ... растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы (3); вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича! (29—30); по Роси и по Сули гради поделиша (32); загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича! (33); вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю (35).

Только в двух предложениях однородные обстоятельства соединены союзами: ... велить послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскыи блванъ (9); избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ (41).

Таким образом, синтаксические связи однородных членов предложения в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве» значительно различаются.

В «Задонщине» связь между однородными членами предложения осуществляется при помощи сочинительных союзов. Однородные подлежащие вообще не употребляются без союзов; однородные сказуемые, хотя и употребляются без союзов, но союзная связь чаще бессоюзной (в 19 предложениях союзная связь, в 6 — бессоюзная); однородные дополнения только в одном предложении из 28 имеют бессоюзную связь; связь союзами осуществляется в большинстве случаев и при однородных обстоятельствах (7 из 9 предложений).

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» чаще употребляется бессоюзное связывание однородных членов предложения. Хотя подлежащие в «Слове о полку Игореве» так же, как и в «Задонщине»,

в большинстве случаев соединяются союзами, но в предложениях со многими однородными подлежащими, в противоположность «Задонщине», союз только при последнем подлежащем или между парами однородных подлежащих. В 13 предложениях с однородными сказуемыми союзы отсутствуют, при наличии четырех и более сказуемых в 2 предложениях имеется союз только при последнем сказуемом и только в 11 предложениях однородные сказуемые соединяются союзами. Однородные дополнения в «Задонщине» за исключением одного предложения всегда связываются союзами, причем при наличии большого количества однородных дополнений (до 8) союз повторяется при всех дополнениях, кроме первого. В «Слове о полку Игореве» в предложениях с двумя однородными дополнениями употребляется союз между ними; в предложениях же с тремя и более дополнениями, за исключением одного случая, союзы употребляются не при всех однородных членах, а в одном предложении союзы вообще отсутствуют. При однородных обстоятельствах в «Задонщине» только в 2 предложениях из 9 отсутствует союзная связь, а в «Слове о полку Игореве», наоборот, только в 2 предложениях однородные обстоятельства соединены союзами, а в 5 предложениях имеется бессоюзная связь.

Как видно из приведенных примеров, однородные члены предложения в «Задонщине» соединяются преимущественно союзом *и*.

Наряду с союзом *и* употребляется и соединительный союз *да*, почти всегда, кроме одного случая, стоящий при однородных подлежащих: А Ондреева жена Марья да Михаилова жена Оксинья рано плакашася (У, л. 185). Так и в И-1, лл. 220 об.—221; С, л. 40 об. А, стоящее в начале предложения, относится ко всему предложению; в И-1 начальное *да*; в С начального союза нет. ... и крепцы бысть князи белозерстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитриеи Вольтинскойи, да Тимофеи Волуевичь, да Андреи Серкизовичь, да Михаило Ивановичь (У, л. 180). В И-1 (л. 219) союзы отсутствуют; в С (л. 39) — союз *а*. Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша у Москвы града на забралах стоя (У, л. 184 об.). Так и в И-1 (л. 220 об.).

Интересным является предложение, в котором наряду с союзом *да* употребляется и союз *и*, что показывает восприятие данных союзов как синонимичных: ...побеждени князи белозерстии от поганых татар, Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофеи Волуевичь, да Андреи Серкизовичь, да Михаило Ивановичь и иная многая дружина (У, л. 182 об.). В К-Б союз *да* отсутствует, в двух случаях имеется союз *и* (л. 128); в И-1 союзы отсутствуют (л. 220), так и в С (л. 40).

Ср. также предложение, в котором три однородных дополнения соединены повторяющимся союзом *и*, а последнее дополнение — союзом *да*: О соловеи, летняя птица, что бы ты, соловеи, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Вольтинскому (У, л. 175 об.). И-1: О соловеи, летняя птица, что бы ты, соловеи, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи дву братов Олгердовичев, Ондреи да брат его Дмитриеи Олгердовичев, да Дмитриеи Вольтинскийи (л. 217). В С (лл. 37 об.—38) только последнее дополнение с союзом *а*. В К-Б (л. 124 об.) союзы вообще отсутствуют.

Союз *а* при однородных членах встречается в списке У всего в 9 предложениях и едва ли не всегда употребляется в соединительном значении: ...воздадим поганому Момаю победу, а великому князю Дмитрею Ива-

новичю похвалу (л. 171—171 об.); брести хотят, а предати живот свои нашей славе (л. 174 об.). В этих предложениях в других списках — союз *и*: И-1, лл. 215 об., 216 об., 217; С, л. 37 об. (в первом предложении отсутствуют приведенные слова списка У). ... а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы (л. 176); испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких о боеданы бусорманские (У, л. 176 об.). Тако бо Пересвет поскакивает на своем добре коне, а злаченным доспехом посвельчивает (У, л. 183); а в трупи человечь борзи кони не могут скочити, а в крови по колено бродят (У, л. 186 об.).

В других списках в этих примерах союз вообще отсутствует. В первом примере союз *а* только в списке С (л. 38); в К-Б (л. 125) союза нет; в И-1 отсутствуют приведенные слова. Во втором примере союза нет в списках И-1 (л. 217 об.), С (л. 38); в К-Б нет второго дополнения. В третьем примере союз отсутствует в списках К-Б (л. 127 об.) и С (л. 40). Только в списке И-1 (л. 220) — союз *а*. В четвертом примере нет союза в списках И-1 (л. 221 об.), С (л. 41 об.); в К-Б нет данного текста; только в списке И-2 (лл. 71 об.—72) имеется союз *а*.

... а под собою имеем добрые кони, а на собе злаченны доспехи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные (У, л. 180—180 об.). В этом предложении союз *а* имеет, по-видимому, сопоставительное значение (сопоставляют, что имеют «под собою» и «на собе»). И в других списках, где имеется этот текст, употреблен союз *а*: И-1, л. 219; С, л. 39—39 об. (здесь отсутствует только союз перед словами: на собе злаченны доспехи).

Единственный случай, когда союз *а* можно рассматривать как противительный, встречается в тексте, искаженном, по-видимому, переписчиком списка У: Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у нас истеряли (л. 186 об.). Так и в И-1 (л. 221 об.). В других списках текст дан иначе, и союз *а* имеет соединительное значение: ... поганья татарове на поля на наши наступают, а вои наши отнимают (К-Б, л. 126 об.). Такой же смысл, хотя и несколько по-другому, в И-2 (л. 71 об.), С (л. 41 об.).

Еще в одном предложении, имеющемся только в списке У и Ждановском, союз *а* употреблен в соединительном значении: ... царь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю (У, лл. 169 об.—170).

Таким образом, как уже говорилось выше, союз *а* при однородных членах предложения почти исключительно употребляется в соединительном значении.

Частое употребление союза *а* в соединительном значении в грамотах отмечает В. И. Борковский, указывая в то же время, что союз вносит и некоторый оттенок добавления, присоединения.¹⁰¹ В 1 предложении (из 3) союз *а* имеет соединительное значение и в новгородских берестяных грамотах.¹⁰²

Сравнение употребления союза *а* в различных списках памятника позволяет сделать интересный вывод о списке У. Как показывают приведенные тексты, на месте соединительного союза *а* в других списках или союз *и*, или совсем нет союза. Известно, что употребление союза *а* в соединительном значении постепенно начинает убывать. Л. А. Булахов-

¹⁰¹ См.: В. И. Борковский. Союзы при однородных членах в древнерусских грамотах. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, VIII, М., 1955, стр. 59.

¹⁰² См.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 161.

ский отмечает, что союз *a* сравнительно не часто выполняет функции обычного *и*, хотя и приводит отдельные случаи такого употребления в памятниках вплоть до XVII в.¹⁰³ В. И. Борковский приводит примеры на употребление союза *a* в соединительном значении в грамотах XII—XV вв., отмечая только один случай в Полоцкой грамоте 1553 г.¹⁰⁴ По-видимому, переписчики всех списков, кроме списка Ундольского, или списывали «Задонщину» уже со списков, где союз *a* в соединительном значении был заменен союзом *и* или совсем отброшен, или сами вносили такое изменение. Переписчик списка У списывал или с оригинала, или с такого списка, который и в этом отношении не был испорчен другими переписчиками, но, во всяком случае, не переписывал ни с одного известного нам списка, так как предположить, что он заменял союзом *a* союз *и* или вносил его, невозможно по только что высказанным соображениям.

Выводы, основанные на сопоставлении списка У с другими списками «Задонщины», как будто не подходят к списку К-Б, который является самым ранним (Кирилло-Белозерский сборник переписывался с 1470 г. до 1480-х годов¹⁰⁵), когда употребление *a* в функции соединительного союза было еще распространено. Но, во-первых, как предполагает В. П. Адрианова-Перетц, список К-Б — это, возможно, запись, сделанная по памяти;¹⁰⁶ во-вторых, списку свойственно употребление союза *a* в соединительном значении. Кроме уже приведенного выше одного примера (л. 126 об.), можно отметить еще один случай: ... уже поганый татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашу у нас отнимають (л. 124). В списке У в этом предложении в другом контексте употреблен союз *и* (л. 179 об.). Отметим также употребление союза *a* в соединительном значении в сложносочиненном предложении: Ис тучи выступи кровавая оболока, а из них пашють синие молнии (К-Б, л. 125 об.). В этом тексте и в списке У (л. 177 об.) — союз *a*.

Как видно из приведенных текстов, союз *a*, как правило, не стоит перед первым из однородных членов предложения. В трех предложениях (У, лл. 176, 180 об., 186 об.), где как будто можно видеть наличие союза при первом из однородных членов, скорее можно предположить, что союз соединяет две части сложного предложения.

Отметим также случай, когда перед первым однородным членом союз *и*, а перед последующими союз *a* в соединительном значении: И нюкнув князь великий Владимир Андреевич гораздо и скакаше во полцех поганых в татарских, а злаченным тым шеломом посвельчивает, а скакаша со всем своим воиским (У, л. 186); так и в И-1 (221 об.), И-2 (л. 71 об.).

И, *a* в «Задонщине» часто употребляются в функции союзов, начинающих предложение.

Союз *и*: список У — 42 случая; И-1 — 21; С — 10; И-2 — 6; К-Б — 1.

Союз *a*: У — 15; И-1 — 8; С — 10; И-2 — 2; К-Б — не употребляется.

В списке И-1 встречается одно предложение с начинательным союзом *да*: Да Ондреева жена Марья, да Михайлова Оксенья рано плакашася (лл. 220 об. — 221).

В отличие от «Задонщины» однородные члены предложения в «Слове о полку Игореве» почти не связываются союзом *a*; всего 4 случая: Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощинево (22); а вѣстона

¹⁰³ См.: Булаховский И. Курс, т. II, стр. 324.

¹⁰⁴ См.: В. И. Борковский. Союзы при однородных членах в древнерусских грамотах, стр. 59.

¹⁰⁵ См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 195.

¹⁰⁶ См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 221.

бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастыми (20); наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы ... а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желъзныихъ великихъ пльковъ Половецкыхъ, яко вихръ выторже (21—22). Только в одном случае союз *a* выступает в соединительном значении: Княземъ слава а дружинѣ! (46).¹⁰⁷

В «Слове о полку Игореве» в функции начинательного союза чаще выступает союз *a* (10 случаев), чем союз *и* (6 случаев)¹⁰⁸ в отличие от «Задонщины», где, как указывалось, в функции начинательного чаще встречается союз *и*.

При однородных членах предложения в «Задонщине» союз *но* встречается только в одном случае в списке У, в тексте, по-видимому, искаженном: не проразимся мыслию но землями (л. 172). В И-1: но потрезвямься мыслими и землями (л. 215 об.). В С: Не поразился мысленными землями (л. 37).

В «Слове о полку Игореве» в четырех предложениях имеется начальный союз *нѣ*: Нѣ нечестно одолѣсте (26); нѣ рекосте: Мужаймѣся сами (27); нѣ се зло — княже ми не пособие (27); нѣ уже, княже Игорю, утрѣтъ солнцю свѣтъ (32).¹⁰⁹

Ни при однородных членах встречается только в двух предложениях, причем употребляется и при первом однородном члене предложения: 1) ... не в обиде есми были по рожению ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю (У, л. 175—175 об.). *Ни* в этом предложении одинаково употреблено и в других списках: К-Б, л. 124 об.; И-1, л. 217; С, л. 37 об. 2) И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличут, но едины вороны грают (У, л. 184).

Текст этот в других списках дается по-разному. К-Б: ... пастуси не кличуть, ни трубы не трубятъ (л. 127 об.); И-1: ... ни пастуси кличут, но одне вороне грають (л. 220 об.). Только в С (л. 40 об.) — так же, как в У. В К-Б и И-1 имеется только по одному подлежащему, т. е. однородные члены отсутствуют.

Л. А. Булаховский указывает, что в древнерусском языке при словах, управляемых глаголами, *ни* выступает только со второго однородного члена.¹¹⁰ Соглашаясь с этим положением, В. И. Борковский приводит, однако, примеры, когда и при первом управляемом члене, и при первом подлежащем встречается *ни*.¹¹¹ Таким образом, приведенные примеры из «Задонщины» не являются исключительными для древнерусской письменности.

В «Слове о полку Игореве» *ни* употребляется тоже только в двух предложениях. В отличие от «Задонщины» *ни* в одном предложении не повторяется: Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода (34). В другом предложении *ни* стоит и перед первым однородным членом и повторяется при втором: не было онѣ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронѣ, поганыйи Половчине (11).

Таким образом, употребление союзов при однородных членах предложения в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве» сильно различается. «Задонщина» и в этом отношении не могла служить образцом для создания «Слова о полку Игореве». В «Задонщине», как и в других элементах

¹⁰⁷ Ср.: Обнорский. Очерки, стр. 176—177.

¹⁰⁸ Ср.: там же, стр. 176.

¹⁰⁹ См.: там же.

¹¹⁰ См.: Булаховский. Курс, т. II, стр. 366—367.

¹¹¹ См.: В. И. Борковский. Союзы при однородных членах в древнерусских грамотах, стр. 54—55.

грамматического строя, отражается дальнейший этап развития системы русского языка, что сказывается и на употреблении союзов при однородных членах предложения.

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В «Задонщине» простые предложения в значительной степени преобладают над сложными предложениями. По списку У простых предложений 108 (77%), сложных — 31 (23%).¹¹² По подсчетам М. Н. Петерсона, в «Слове о полку Игореве» простых предложений 44.8%, а сложных — 55.2%.¹¹³ Таким образом, в количественном употреблении простых и сложных предложений наблюдается важное различие в конструкциях, типичных для того и другого памятника: в «Задонщине» значительное преобладание простых предложений, а в «Слове о полку Игореве», хотя и незначительно, но все же преобладают сложные предложения.

Различия распространяются и на употребление способов соединения частей сложного предложения. В «Слове о полку Игореве» преобладают бессоюзные сложные предложения (63.5%), с союзами — 34%, с относительными словами — 2.5%.¹¹⁴ В «Задонщине» бессоюзное соединение частей предложения встречаем всего в 7 предложениях (23%); предложений с союзами и относительными словами — 24 (77%).

Как известно, для синтаксиса сложного предложения старшей поры древнерусского языка характерным являлось простое следование одного предложения за другим. Объединенные единством содержания, такие предложения составляли единое целое, по мнению С. П. Обнорского, образовывали период. В «Слове о полку Игореве» примеров подобного «сказа» много.¹¹⁵

В «Задонщине» такие предложения встречаются редко и почти исключительно в текстах, возникших (или заимствованных) под влиянием «Слова о полку Игореве».¹¹⁶

Ср. в «Задонщине»: На Москве кони ржут, звенит слава по всеи земли Рускои, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезе, звонят в колоколы вечныя в Великом Новегороде (У, лл. 173 об.—174); ср.: С, л. 37 об.; И-1 л. 216 об.; К-Б, л. 123 об.

В «Слове о полку Игореве»: Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ — стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждеть мила брата Всеволода (7).

Ср. также в «Задонщине»: Быти стуку великому на речке Напряде, между Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролится крови на речке Напряде (У, л. 177 об.); ср.: С, л. 38 об.; И-1, л. 218; К-Б, л. 125 об.

Ср. в «Слове о полку Игореве»: Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго (12).

Следует, однако, также отметить, что в «Задонщине» даже в текстах, восходящих к «Слову о полку Игореве», встречаются случаи соединения

¹¹² При подсчете учитываются и предложения в прямой речи и авторских словах.

¹¹³ М. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 548.

¹¹⁴ См.: там же, стр. 553.

¹¹⁵ См.: Обнорский. Очерки, стр. 175—176. Здесь приведены 7 примеров из «Слова».

¹¹⁶ Отметим: Н. М. Дылевский ошибочно утверждает, что «такая синтаксическая структурная черта ... совершенно не разделяется „Задонщиной“ по списку У» (см.: Дылевский, стр. 251).

частей сложносочиненного предложения при помощи союзов, в противоположность бессоюзному соединению в «Слове».

«Задонщина»: А уже беды их пасоша птицы крылати под облак летят, вороны часто грают, а галицы своєю речью говорят, орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костех бряшут (У, л. 178—178 об.); ср.: С, л. 38 об.; И-1, л. 218—218 об.; в К-Б союзы отсутствуют: Птицы небесныя пасущесе то под синие оболока, вороны грають, галицы свои речи говорят, орли восклегчють, волцы грозно воють, лисицы часто брешють (л. 126).

Ср. «Слово о полку Игореве»: Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию; вльци грсзу въсрожать по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовуть; лисицы брешуть на чръленья щиты (9—10).

Как видно из приведенных примеров, в «Задонщине» бессоюзные сложные предложения выражают одновременно происходящие события. Однако бессоюзные сложные предложения могут выражать и другие значения.

1) Изъяснительные отношения: Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю (У, лл. 169 об.—170). В С — союз *што*: Говорит князь великий Дмитреи Иванович брату своему князю Володимеру Одреевичу, што ж деи идет поганый царь Мамаи в полунощную стражу (л. 36 об.).

В «Слове о полку Игореве» 8% бессоюзных соединений выражают пояснения.¹¹⁷

2) Сопоставительно-противительные отношения: Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим вещанного боярина, горазна гудца в Киеве (У, л. 172). С, л. 37; в И-1 с союзом *и*: ... но потрезвимся мыслями и землями, и помянем первых лет времена, и похвалим вещь боинаго гораздаго гдудца в Киеве (л. 215 об.).

Сопоставление имеем также в отрицательном сравнении при отсутствии союза: И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася, выехали посадники из Великого Новагорода (У, л. 174); ср.: К-Б, лл. 123 об.—124. И притекоша серые волцы ... И то были не серые волцы, придоша поганые татаровя, хотят проити воюючи всю Рускую землю (У, лл. 177 об.—178); ср.: К-Б, л. 125 об.; И-1, л. 218; С, л. 38 об.

В «Слове о полку Игореве», по подсчетам М. Н. Петерсона, 8% бессоюзных соединений выражают противоположение одно другому.¹¹⁸

Отрицательные сравнения тоже встречаются в «Слове о полку Игореве»: Не буря соколы занесе чресь поля широкая—галицы стады бѣжать къ Дону Великому (6—7); Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ (36).

Отрицательные сравнения встречаются и в других памятниках древнерусской письменности. Ф. И. Буслаев считал такие сравнительные предложения «с уподоблением предметов разнородных» одной из древнейших форм в русском языке, весьма употребительной в народном языке и частично в книжном.¹¹⁹

Однако в отличие от «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» часто употребляется, по выражению В. П. Адриановой-Перетц, «трехчленная формула отрицательного сравнения»,¹²⁰ что видно из приведенных примеров.

¹¹⁷ См.: М. Петерсон. Синтаксис «Слово о полку Игореве», стр. 555.

¹¹⁸ См.: там же.

¹¹⁹ См.: Буслаев. Историческая грамматика, стр. 550—551.

¹²⁰ Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 213.

В свою очередь в «Слове о полку Игореве» имеются способы выражения сравнительного уподобления без союзов, отсутствующие в «Задонщине»: На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо¹²¹ (25); солнце свѣтитя на небесѣ — Игорь Князь въ Руской земли (44).

3) Последовательные события: Оле жаворонок, летняя птица, красных день утеха, возлети под синее небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю (У, л. 173—173 об.); ср.: К-Б, л. 123; И-1, л. 216—216 об.; С, л. 37.

В сложносочиненном предложении чаще всего употребляется союз *а*. Широкое употребление союза *а* в древнерусской письменности неоднократно отмечалось многими исследователями,¹²² так что в этом отношении «Задонщина» не выделяется из числа других памятников. Отметим, что союз *а*, как и в других памятниках древнерусской письменности, часто выступает как начинательный союз (в 15 предложениях по списку У). В «Слове о полку Игореве» в начинательном значении союз *а* выступает, по подсчетам С. П. Обнорского, в 9 случаях.¹²³ По мнению М. Н. Петерсона, союз *а* является самым употребительным союзом (почти половина всех случаев) в «Слове о полку Игореве».¹²⁴

В сложносочиненных предложениях союз *а* в «Задонщине» чаще всего употребляется в сопоставительном значении: Седлаи, брате Андреи, свои доброй конь, а мои готов оседлан (У, л. 177); ср.: С, л. 38; И-1, л. 217 об.; К-Б, л. 125. Солнце ему на восток сияет и путь поведает, а Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя (У, л. 179); ср.: И-1—л. 91—92; К-Б, л. 126 об.—127; С, л. 39 — союз отсутствует. Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи человечье борзи кони не могут скочити, а в крови по колено бродят (У, л. 186 об.); И-2, л. 71 об.—72 — вместо второго союза *а* союз *и*; И-1, л. 221 об. и С, л. 41 об. — только первое *а*, остальные части без союза. Тутю, брате, стару помолодеть, а молодому чести добыть (У, л. 187); ср.: И-2, л. 72; И-1, л. 222; С, л. 41 об. Уже нам, брате, в земли своеи не бывать и детей своих не видать, а в Русь ратию нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать (У, л. 189). И-2, л. 73—73 об. и И-1, л. 222 об. — во всех случаях союз *а*; в С по-другому: Уже нам у Золотой Орда не быватьи, бедных жон и детей не видати. Се ж погибе царей наших веселие и величество и радость и похвала на Рускую землю и з радостью ходити (л. 42).

Только в списке У встречаем еще одно предложение с союзом *а* в сопоставительном значении: И поидем, брате... на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени (У, л. 193 об.).

В «Слове о полку Игореве» союз *а* в сложносочиненном предложении употребляется, как указывает С. П. Обнорский, почти всегда в функции сопоставления (44 случая).¹²⁵

В редких случаях союз *а* употребляется в сложносочиненных предло-

¹²¹ В этом предложении М. Н. Петерсон находит причинные соотношения, что представляется неубедительным (см.: Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 555).

¹²² См.: Буслаев. Историческая грамматика, стр. 539—540; И. А. Попова. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке. — Научный бюллетень ЛГУ, № 2, л., 1945, стр. 31; В. И. Борковский. Сложносочиненные предложения в древнерусских грамотах. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, X, М., 1956, стр. 84.

¹²³ См.: Обнорский. Очерки, стр. 176.

¹²⁴ См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 556.

¹²⁵ См.: Обнорский. Очерки, стр. 176.

жениях «Задонщины» в значении сопоставительно-противительном: 1) И от великого князя Дмитрия Ивановича стези ревут, а поганые бежать. А руские князи, и бояры, и воеводы, и все великое войско широкие поля кликом огородиша и злаченными доспехами осветиша (У, л. 188—188 об.). В И-1 без союзов (л. 222). В остальных списках текст отсутствует. 2) Воснесся слава руская по всей земли, а на поганых татар промчесь злых бусорманов хула и пагуба (У, л. 189 об.). В И-1, по-видимому, испорченный текст: ...и възнесся слава руская на поганых хулу (л. 223).

С. П. Обнорский отмечает в «Слове о полку Игореве» только один случай употребления союза *a* с чистым противительным значением: Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню (1—2).¹²⁶ Однако М. Н. Петерсон считает, что словосочетания, соединенные союзом *a*, обычно противопоставляются одно другому.¹²⁷ Может быть, в этом случае противопоставление понимается как включающее и сопоставление?

Как и при однородных членах предложения, в «Задонщине» союз *a* в сложносочиненном предложении довольно часто выступает в соединительном значении: Брате Дмитреи, сами есмь себе два брата, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы (У, л. 176); ср.: С, л. 38; И-1: Сами есми себе два брата, а внуки есмь Едимантовы (л. 217 об.); в К-Б без союзов (лл. 124 об.—125). Зберем, брате, милые панова удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на добрые кони своя ... (У, л. 176); в И-1, л. 217 об.—союз *и*; С: Соберем себе милую дружину храбрых панов, а сильных удальцах, а сами усядем на борздыя кони (л. 38); прилеяша тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепещутся сильные молыньи (У, л. 177 об.); ср.: К-Б, л. 125 об.; в И-1 (л. 217 об.—218) — союз *и*; в С (л. 38—38 об.) без союза. Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша, а кровью их земля пролита бысть (У, л. 181); в И-1 (л. 219 об.) и С (л. 39 об.) союзы отсутствуют. А в них сияли сильные доспехи злаченые, а гремели князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские (У, л. 182); в И-1 (л. 219 об.) и С (л. 40) только начальное *a*.

Как видно из приведенных примеров, союз *a* в соединительном значении в сложносочиненном предложении так же, как и при однородных членах предложения, в списке У употребляется в таких предложениях, в которых в других списках обычно союз или отсутствует, или вместо *a* находим союз *и*. Это, думается, подтверждает высказанное предположение при анализе однородных членов предложения, что употребление союза *a* в соединительном значении свойственно оригиналу, и список У только повторяет эту особенность подлинного первоначального текста «Задонщины».

Употребление в «Задонщине» союза *a* в соединительном значении подтверждается также наличием в некоторых предложениях союза *a* наряду с союзом *и*: А воеводы у нас уставлены 70 бояринов и крепцы бысть князи белозерстии ... а вою с нами триста тысящ окованые рати (У, лл. 179 об.—180); И-1, л. 219 — без союзов, л. 39 — только союза *a*. На том поле силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремели грома велицыйи (У, л. 181 об.); в И-1 (л. 219 об.) и С (л. 38—38 об.) союзы отсутствуют. И князи их падоша с коней, загремели, а групми татарскими поля насеяша и кровию их реки протекли

¹²⁶ См.: там же.

¹²⁷ См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 556.

(У, л. 188 об.); в И-1: Князи их падошася с коней к земли. Трупы татарскими поля насеяша, а кровию протекли реки (л. 222 об.).

Еще один случай употребления союза *a* в соединительном значении является, по-видимому, искажением в списке У, так как в списках К-Б и С имеем типичную для «Задонщины» конструкцию — «трехчленную форму отрицательного сравнения».¹²⁸

Ср.: Уже бо, брате, стук стучит, а гром гремит в каменом граде Москве. Что, брате, стучит великая сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича (У, лл. 176 об.—177); К-Б: Уже бо, брате, стук стучить и гром гремит в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича (л. 125); так и в С, л. 38.

Особенностью «Задонщины», не свойственной совершенно «Слову о полку Игореве», является, как правильно отметил Н. М. Дылевский, «так называемое нанизывание предложений с помощью союза „а“»: ¹²⁹

1) А уже беды их пасоша птицы крылати под облак летят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костех бряшут (У, л. 178—178 об.); ср.: И-1, л. 218—218 об. С: Вжо победы их пашутся, а птицы под облаки летают, а ворони часто играют, а галицы своею речью говорят, орли в гаму кличут, волцы грозно вьют, а лисицы на костех брешут (л. 38 об.). В К-Б союзы отсутствуют (л. 126). 2) Брате князь Владимир Андреевичь, поедем тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, а храбрых своих испытает, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьянскую (У, лл. 174 об.—175); так и в И-1, л. 27; в К-Б (л. 124) и С (л. 37 об.) — только один союз *a*. 3) А воеводы у нас уставлены, а дружина сведана, а под собою имеем добрые кони, а на собе злаченны доспехи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные (У, л. 180—180 об.); ср.: И-1, л. 219 и С, л. 39—39 об.

Таким образом, можно отметить, что союз *a* в соединительном значении употребляется в «Задонщине» относительно часто, в том числе для «нанизывания предложений».

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» употребление союза *a* в соединительном значении встречается в единичных случаях.

М. Н. Петерсон отмечает, что союз *a* употребляется так же, как и союз *и*, для соединения словосочетаний, выражающих одновременные события, и приводит два примера из «Слова о полку Игореве»: Ничить трава жалошми, а древо с тугою къ земли преклонилося (18—19). Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонило. А не сорoky втроскоташа (42—43).¹³⁰

С. П. Обнорский считал, что в соединительном значении союз *a* употребляется только в одном примере: Княземъ слава, а дружинѣ (46).¹³¹

Думается, что еще в двух случаях союз *a* имеет в «Слове о полку Игореве» соединительное значение: ...рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же; и начыша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати (19).

С. П. Обнорский отмечает, что в сочинениях Владимира Мономаха союз *a* обычен в сопоставительном значении, и приводит всего два случая

¹²⁸ Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 213.

¹²⁹ Дылевский, стр. 248—249; здесь же приводятся второй и третий примеры.

¹³⁰ См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 557.

¹³¹ См.: Обнорский. Очерки, стр. 176—177.

на употребление *a* в соединительном значении.¹³² По мнению И. А. Поповой, чисто соединительное значение союза *a* является уже редким для старшей поры; соединение при помощи этого союза носило характер обязательного присоединения, добавления.¹³³

Различие в употреблении союза *a* в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве», особенно отсутствие в «Слове» употребления этого союза для «нанизывания предложений», является еще одним из аргументов подлинности «Слова о полку Игореве». Нельзя не согласиться в этом отношении с Н. М. Дылевским, что является удивительным, как мнимый фальсификатор, будто бы использовавший «Задонщину» для «создания» «Слова о полку Игореве», не заимствовал особую функцию союза *a* в «Задонщине».¹³⁴

Союз *и* в «Задонщине» очень часто употребляется как начинательный (45 случаев по списку У): И рцем таково слово (л. 171 об.); И пение князем руским за веру христианскую (л. 172 об.); И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася (л. 174). См. также: У, л. 170, лл. 174 об., 175, 176 об., 177 об., 178, 179 об. (2 случая), 181 об. (3 случая), 182, 183 (2 случая), 183 об., 184 (2 случая), 185 об. (2 случая), 186 (3 случая), 187 (2 случая), 187 об. (4 случая), 188 (3 случая), 188 об., 189 об., 190 (3 случая), 190 об., 191, 191 об., 193, 193 об. (2 случая).

В отличие от «Задонщины» союз *и* в роли начинательного союза употребляется в «Слове о полку Игореве» всего в 6 случаях.¹³⁵

В сложносочиненном предложении в «Задонщине» союз *и* встречается реже, чем союз *a*, всего в 8 случаях, почти исключительно в соединительном значении: Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всеи земли Руской (У, л. 170); С, л. 36 об. — союз отсутствует. Что шумит и что гремит рано пред зорями? (У, л. 179); С (л. 39) и И-1 (л. 218 об.) — без союза К-Б: Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею (л. 126). И трубы их не трубят, и уныша гласи их (У, л. 190—190 об.). В И-1 по-другому и без союза: Трубы их не трубят, уныша бо царем их хотение (л. 223). Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе нету. (У, л. 185); И-1 (л. 220 об.) и И-2 (л. 70—70 об.) — без союза; С — по-другому: Ужо веселие мое пониче у славном городе Москве, уже государя моего Тимохвея в животе не вижу (л. 40 об.); примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вести, носяше великую беду, и седша удальцы з добрых коней на суженое место на поле Куликове на речке Напряде (У, л. 185—185 об.). В И-1 (л. 221), И-2 (л. 70 об.), С (л. 40 об.) без союза; у Дуная стоят татаровя поганые, и Момаи царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михаиловым (У, л. 174 об.); И-1 (л. 216 об.), С (л. 37 об.) — без союза. А воеводы у нас уставлены 70 бояринов, и крепцы бысть князи белозерстии (У, л. 179 об.—180); И-1 (л. 219) — без союза.

Союзы *и*, *a* в сложносочиненном предложении в «Задонщине» иногда приобретают оттенок результативности: А силнии полки ступишася вместо и протопташа холми и луги, и возмутишася реки и потоки и озера. И кликнули быша дивы в Руской земли. А глава (слава?) шибла к Железным вратам (У, л. 181—181 об.); И-1 (л. 219 об.), С (л. 39 об.) — без союза.

¹³² См.: там же, стр. 64—66.

¹³³ См.: И. А. Попова. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке, стр. 31.

¹³⁴ См.: Дылевский, стр. 249.

¹³⁵ См.: Обнорский. Очерки, стр. 176.

Как отмечает С. П. Обнорский, в краткой редакции «Русской правды» союз *a* обычно вносит оттенок известной результативности; союз *и* в таком значении встретился лишь в одном предложении.¹³⁶

В «Слове о полку Игореве» союз *и* в сложносочиненном предложении встречается только в трех случаях и всегда в соединительном значении: Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго (6); уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подь кликомъ поганыхъ (33); уныша цвѣты жалобю, и древо с туюго къ земли прѣклонило (42—43).

Таким образом, и в отношении употребления союза *и* «Задонщина» не могла послужить образцом для создания «Слова о полку Игореве».

В «Задонщине» 3 сложносочиненных предложения имеют противительный союз *но*: 1) Тогда гуси возгоготали и лебеди восплескаша крылами своими, но поганый Мамаи пришел на Рускую землю и воеводы своя привел (У, л. 178); И-1: Ни гуси возгоготаша, но поганый Мамаи на Рускую землю пришел, а воеводы своя привел (л. 218); К-Б: То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы восплескаша, се бо поганый Мамаи приведе вои свои на Русь (лл. 125 об.—126); В С союз отсутствует (л. 38 об.). 2) Не тури возгремели у Дунаю великаго на поле Куликове. И не тури побеждени у Дунаю великого, но посечены князи руские (У, л. 182—182 об.); И-1, л. 220 и С, л. 40 — союз отсутствует. 3) И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют, но едины вороны грают, трупы ради человеческия (У, л. 184); стр.: И-1, л. 220 об. и С, л. 40 об.

В «Слове о полку Игореве» союз *но* в четырех случаях употребляется как начинательный; в сложносочиненном предложении в одном случае — как сопоставительный союз, в другом — как противительный.

Подчинительные отношения между частями сложного предложения могут выражаться в «Задонщине» и без союзов, и сочинительными союзами, и подчинительными союзами, и относительными словами. Различные смысловые отношения представлены в памятнике единичными примерами.

Бессоюзное выражение подчинительных отношений встречается в «Задонщине» всего в 8 предложениях.

При отсутствии союзов могут выражаться различные отношения.

1. Изъяснительные отношения: Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамаи пришел на Рускую землю (У, лл. 169 об.—170).

2. Причинные отношения: 1) Слава тебе, господи боже нашъ, помиловал нас (У, л. 193). Этот текст только в списке У. 2) Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе нету (У, л. 185); ср.: И-1, л. 220 об.; С, л. 40 об.; в И-2, л. 70—70 об. — частица *бо*, которая могла выступать и в функции причинного союза.¹³⁷ 3) Се уже обемя нас солнце померкло в славном граде Москве, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вести, носяще великую беду (У, л. 185); ср.: И-1, л. 221; И-2, л. 70 об.; С, л. 40 об.

3. Определительные отношения: Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная (У, л. 170); ср.: К-Б, л. 122—122 об. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя (У, л. 170); приляша тучи на Рускую землю, из них же

¹³⁶ См.: там же, стр. 176—177.

¹³⁷ См.: Буслаяев. Историческая грамматика, стр. 547—548.

выступали кровавые зори, а в них трепещутся сильные моляньи (У, л. 177 об.); ср.: И-1, л. 218; К-Б, л. 125 об.; С, л. 38—38 об. На том поле сильные тучи ступишася, а из них часто сияли моляньи (У, лл. 181 об.—182); ср.: С, лл. 39 об.—40; в И-1 по-другому: Тогда бо сильнии тучи съступалися въместо, сильнии молнии, громи гремели велице (л. 219 об.).

Особенностью приведенных конструкций является, как видно из примеров, наличие во второй части сложного предложения местоимения, заменяющего определяемое. Во второй части возможен сочинительный союз *a*.¹³⁸

Ф. И. Буслаев относил такие конструкции к предложениям с опущенной связью при сочетании предложений и считал, что подобные придаточные определительные никакой грамматической формой не соединены с главным.¹³⁹ Г. А. Качевская в работе, посвященной истории сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, рассматривает такие предложения как паракататические относительные предложения и считает их предшественниками придаточных определительных.¹⁴⁰

А. И. Сумкина полагает, что конструкции без относительных местоимений являются древнейшим способом выражения относительной связи в русском языке.¹⁴¹

В «Слове о полку Игореве» подчинительные отношения встречаются редко и могут быть выражены без союзов.¹⁴² По подсчетам М. Н. Петерсона бессоюзное соединение встречается в «Слове» для пояснения (8%), противоположения (8%), сопоставления и выражения причинных отношений.¹⁴³

Пояснительные отношения встречаются всего в двух предложениях: а мои ти Куряни свѣдоми кѣмети:¹⁴⁴ подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени, сами скачють, акы серыи влѣци въ полѣ (8); а сидеи рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя; гримлють сабли ошеломы, трещать копия харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи (17).

Причинные отношения выражаются тоже только в двух предложениях: На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо (25);¹⁴⁵ нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте (26).

Целевые отношения только в одном предложении: ...чрѣныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти четыре солнца (12).

Изъяснительные отношения: ... а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на удие (17).¹⁴⁶

¹³⁸ См.: А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. — Труды Института языкознания АН СССР, V, М., 1954, стр. 150.

¹³⁹ См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, II. Изд. 3-е, М., 1869, стр. 368.

¹⁴⁰ См.: Г. А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным. — Труды Института языкознания АН СССР, V, М., 1954, стр. 206 и 222.

¹⁴¹ См.: А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 200.

¹⁴² См.: Обнорский. Очерки, стр. 177.

¹⁴³ См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 555.

¹⁴⁴ Этот пример приведен в указанной выше статье М. Н. Петерсона.

¹⁴⁵ См.: там же.

¹⁴⁶ См.: Обнорский. Очерки, стр. 177.

Кроме выражения подчинительных отношений в бессоюзных предложениях, в незначительном количестве случаев встречаем в «Задонщине» сложноподчиненные предложения с подчинительными союзами и относительными словами.

Условные отношения, часто встречающиеся в древнерусских памятниках, в списке У «Задонщины» выражаются всего в одном предложении при помощи союза *нешто*: Нешто тобя князи руские горазно подчивали, ни князеи с тобою, ни воевод? (л. 191). Ср. в списке С: Нешто горазно чтили их руския князи твою дружину темных князеи, великих вланов, што их с тобою никого нет? (л. 42 об.). В И-1 перестановка частей предложения: В поле тобя князи руския горазно упилися и князеи с тобою нет ни воевод. Нечто горазно упилися на поле Куликове, на траве ковыли (л. 223 об.). И. И. Срезневский приводит два случая на употребление *нешто* — *нешто* в значении союза *если* в памятниках XVI в.¹⁴⁷ Л. А. Булаховский считает *нешто* союзом московской письменности.¹⁴⁸

В списке С встречаем еще два случая выражения условных отношений при помощи союза *коли*: . . . скажи ми, брате, коли имы словесы о похвальных сих о нынешних повестех а полку великого князя Дмитрия Ивановича (л. 37). А колися о местих тяжетеса, ту кожды добрыи удаися, добудь собе чести и славы и места женам и детям и всему своему роду (л. 41 об.). В других списках «Задонщины» этот текст не выражает условное отношение, союз отсутствует. Ср.: У, л. 171 об.; л. 187; И-1, л. 215 об.; лл. 221 об.—222.

Надо полагать, что в оригинале «Задонщины» был текст, имеющийся в списке У. Список С белорусский, и наличие в нем союза *коли* — *колис* этим и объясняется. Е. Ф. Карский отмечает, что для памятников белорусского языка самым распространенным способом выражения условных предложений был союз *коли*, и приводит на употребление этого союза примеры начиная с памятников XV в.¹⁴⁹ Однако И. И. Срезневский приводит пример употребления союза *коли* в Пандектах Никона Черногорца, известных по рукописям XII—XIV вв.¹⁵⁰

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» условные отношения выражаются при помощи союзов *аже*, *аже-а*, *аже-то*, а также союзами *аще*, *аще* — *но*, которые, по мнению С. П. Обнорского, появились вторично как замещение союза *аже* оригинала.¹⁵¹

М. Н. Петерсон относит к предложениям с условными отношениями случай с союзом *коли*: Коли Игорь соколомъ полеть, тогда Влуръ влькомъ потече (41).¹⁵² Вряд ли можно согласиться с этим мнением, учитывая наличие соотносительного слова *тогда*. Следует согласиться с С. П. Обнорским, который относит приведенное выше предложение к случаям выражения временных отношений.¹⁵³

Временные отношения в подчинительных конструкциях «Задонщины» представлены всего одним предложением: И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася (У, л. 174). В С союз *як*: Як тые слова измовили, а уже как орли слетишася (л. 37 об.). В И-1 с искажением: И как слово

¹⁴⁷ См.: Срезневский, II, стлб. 489.

¹⁴⁸ См.: Булаховский. Курс, т. II, стр. 346.

¹⁴⁹ См.: Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. 2—3, стр. 496—497.

¹⁵⁰ См.: Срезневский, I, стлб. 1250—1251. Ср. также: Булаховский. Курс, т. II, стр. 344—345; Борковский, Кузнецов, стр. 486—487.

¹⁵¹ См.: Обнорский. Очерки, стр. 177.

¹⁵² См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 560.

¹⁵³ См.: Обнорский. Очерки, стр. 177.

изговаривая, уже бо яко орлы слетешася, и выехали посадники из Великого Новагорода (л. 216 об.).

Временные конструкции с союзом *как (како)* имели широкое распространение в древнерусских памятниках XIV—XV вв.¹⁵⁴ Этот союз был широко распространен и в живой разговорной речи, что подтверждается, по наблюдениям В. И. Борковского, наличием придаточных с *како* в двух берестяных новгородских грамотах XI и XIV вв.¹⁵⁵

В противоположность «Задонщине» в «Слове о полку Игореве» временные отношения выражаются при помощи союза *коли, коли — тогда*.¹⁵⁶

Целевые отношения только в одном предложении выражены подчинительным союзом *чтобы*: Замкни, государь, князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые татарова к нам не ездили (У, л. 185 об.). Так и в И-1, л. 221—221 об.; И-2, л. 71. В С — вместо союза *чтобы, што же бы* (л. 41). Союз *чтобы* с целевым значением широко употреблялся в древнерусской письменности.¹⁵⁷ Как указывает В. И. Борковский, союз *чтобы* принадлежал живой разговорной речи, что доказывается употреблением этого союза в грамотах XIV—XV вв., причем четкая подчинительная конструкция с союзом *чтобы* имела место уже в XIV в.¹⁵⁸ Таким образом, наличие в «Задонщине» союза *чтобы* для выражения целевых отношений является вполне оправданным для памятника конца XIV в., а отсутствие этого союза в «Слове о полку Игореве» служит еще одним доказательством, что памятник был создан в XII в.

В «Слове о полку Игореве» имеется всего один случай выражения целевых отношений, которые оформляются при помощи модальной частицы *да*: ... а всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону (5).¹⁵⁹

В «Задонщине» частица *да* для выражения целевых отношений встречается только в одном предложении, имеющем церковно-религиозный характер: Господи боже мои, на тя уповах, да не постыжуся в век, ни да посмеют ми ся враги моя мне (У, л. 187—187 об.). Так и в И-1, л. 222; И-2, л. 72; С, л. 41 об. Ф. И. Буслаев писал по поводу употребления частицы *да*: «Чтобы есть форма чисто русская; ей соответствует в церковнославянском да».¹⁶⁰ Л. А. Булаховский подчеркивает, что употребление *да* с будущим временем чуждо народному языку.¹⁶¹ Употребление конструкции с *да* в целевом значении в «Задонщине» объясняется характером приведенного текста.

Причинные отношения при помощи подчинительных союзов встречаются в «Задонщине» в единичных случаях, причем только с союзом *зане, занеж, занеже*.

1. Грозно и жалостно в то время бяше тогды слышати, зане же трава кровию пролита бысть, а дрeвеса тугою к земли приклонишася (У, л. 184); И-1, л. 220 об. — союз *зане*; С, л. 40 об. — союз *занеж*.

2. В списках И-1 и С причинное предложение имеется в тексте, не принадлежавшем оригиналу: И я же помяну Ефония ерея резанца в по-

¹⁵⁴ См.: В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв. — Ученые записки Ярославского пединститута, вып. IV, Русское языкознание, 1944, стр. 51—52.

¹⁵⁵ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 493.

¹⁵⁶ См.: Обнорский. Очерки, стр. 177.

¹⁵⁷ См.: Булаховский. Курс, т. II, стр. 336.

¹⁵⁸ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 500—501.

¹⁵⁹ См.: Обнорский. Очерки, стр. 177—178.

¹⁶⁰ Буслаев. Историческая грамматика, стр. 533.

¹⁶¹ См.: Булаховский. Курс, т. II, стр. 336.

хвалу песньми и гуслеными и буяни словесы и сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича, правнука тех князей, зане же отпало мужьство их и пение их и князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую (И-1, л. 216). В С союз *занюже* (л. 37). В К-Б по-другому, по-видимому ближе к тексту оригинала: Тои бо вещии Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу рускыимь княземь ... зане же их было мужество и желание за землю Русскую и за веру христианскую (л. 122 об.—123). В списке У придаточное предложение отсутствует (л. 172 об.).

Причинный союз *зане* встречается уже в памятниках древнерусской письменности. И. И. Срезневский приводит примеры на употребление этого союза в Остромировом евангелии.¹⁶²

В. И. Борковский, отмечая употребление союзов *зане*, *занеже* в памятниках разных жанров по всей территории, занятой восточными славянами, указывает, что *зане* был известен живой разговорной речи, как это подтверждается новгородской берестяной грамотой XIV в.¹⁶³

Таким образом, употребление союза *зане*, *занеже* было вполне естественным в «Задонщине» как памятнике XIV в.

В списке С встречаем еще одно причинное предложение с союзом *понеже*: Сидем, брате, сынове руския, составим слово ко слову, возвеселим Рускую землю, понеже печаль на восточную страну в сем жребие воздати победу поганому царю Момаю (л. 36 об.). Судя по другим спискам (И-1, л. 215—215 об.; У, л. 171), причинное предложение в этом тексте в списке С возникло в результате искажения.

В «Слове о полку Игореве» причинные отношения не выражаются причинными союзами. Таким образом, и в этом отношении «Задонщина» не могла быть источником для создания «Слова о полку Игореве».

Определительные отношения в «Задонщине» только в списке У выражены при помощи местоимения *иже*, полностью согласованного с определяемыми словами: Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру христианскую (л. 170 об.).

В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве», как указывает С. П. Обнорский, «определительная связь обычно выражается помощью *иже* ... но в одном примере встречается и местоимение *который*».¹⁶⁴ Следует добавить еще один случай выражения в «Слове» определительных отношений при помощи местоимения *который*: Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодь, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великый Киевский грозою (21).

Изъяснительные отношения в «Задонщине» выражаются относительным словом *колько*: 1) И рече князь великийи Дмитриеи Ивановичь: Считаетеся, братия колько у нас воевод нет и колько молодых людей нет. Предложение только в списке У (л. 192) и вряд ли было в оригинале. 2) Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые Литвы (У, л. 177). С — «колко» (л. 38). В И-1 искажено: Посмотрим своих полъков. Только, брате князь Дмитриеи, с нами храбрые Литвы 70 000 (л. 217 об.). Отношения между частями в этом предложении не совсем ясны. Может быть, правильнее видеть здесь целевые отношения.

¹⁶² См.: Срезневский, I, стлб. 931—932.

¹⁶³ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 496—497.

¹⁶⁴ Обнорский. Очерки, стр. 178. Ср. также: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 561.

В одном случае в списке У изъяснительные отношения выражены при помощи *иже*: Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лежат трупы крестьяньские у Дуная великого на бреже, а Дон река три дни кровию текла (л. 192). В И-1 *иже* отсутствует (л. 224).

В заголовке списка У имеется еще одно предложение с изъяснительным значением, присоединенное союзом *яко*: Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамай. Придаточное предложение только в У и, без сомнения, не принадлежит оригиналу.

В списке С изъяснительные отношения выражаются при помощи союза *что* (*што*) в таких предложениях, которые в других списках вообще не имеют подчинительных отношений или подчинение не выражено союзами: 1) Говорит князь великий Дмитрей Иванович брату своему князю Володимеру Одреевичу, што ж деи идет поганый царь Мамай в полунощную стражу в место Охмета, сына Ноева (л. 36 об.). Ср.: У, л. 169 об.—170 — без союза. 2) Шибла слава к мору и и Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Русь поганых одалеша (л. 39 об.). В К-Б (лл. 83—85) часть, присоединенная союзом *што*, вообще отсутствует. В И-1 (л. 219 об.) и У (л. 181 об.) союз отсутствует. 3) А то сами розумем, поганый Момаю, что от великую чти, от солодких медов князеи русских воя твоя дружина зогибла, и многия орды погибли и главы свои потерали (л. 42 об.). В других списках этот текст отсутствует.

Хотя союз *что* отмечается в древнейших памятниках,¹⁶⁵ но, как отмечает В. И. Борковский, «дополнительные придаточные предложения с *что* получили более широкое распространение с XV в. в деловой письменности, а с XVI в. — и в других памятниках письменности».¹⁶⁶ Предложения с союзом *что* (*што*), встречающиеся в списке С, надо полагать, не были в оригинале в «Задонщине».

В «Слове о полку Игореве» изъяснительные отношения не выражаются союзами или относительными местоимениями.

Сравнительные отношения выражаются в «Задонщине» различными способами. При сравнительной степени, как и в других памятниках древнерусской письменности,¹⁶⁷ части сложного предложения соединяются сравнительным союзом *нежели*: Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар (У, л. 183); С, л. 40 — союз «нижли». К-Б: ...лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели нам от поганых положеным пасти (л. 127 об.). В «Слове о полку Игореве», откуда заимствовано это предложение, союз *неже*: Братие дружино! луце жь бы потяту быти, неже полонену быти (5).

Сравнительные обороты в списке У последовательно употребляются с союзом *аки*, вероятно, не без влияния «Слова о полку Игореве», где этот союз встречаем в сравнительных оборотах наряду с *яко*.¹⁶⁸ В списке У имеется три сравнительных оборота: *аки орли* (л. 174), *аки живи* (л. 180 об.), *аки соколы* (л. 187 об.). В И-2 в этих оборотах союз *яко*: Яко же конь (л. 71 об.); яко соколи (л. 72 об.); в И-1 — *яко*, *ако*: яко орлы (л. 216 об.); аки сенный стоги (л. 224); С — *яко*: яко орли (л. 42); *как*: как орли (л. 37 об.).

¹⁶⁵ См.: Срезневский, III, стлб. 1576—1577.

¹⁶⁶ Борковский, Кузнецов, 483.

¹⁶⁷ См.: Буслаев. Историческая грамматика, стр. 549—550; Обнорский. Очерки, стр. 66, 118, 177; Булаховский. Курс, т. II, стр. 339—340.

¹⁶⁸ См.: Обнорский. Очерки, стр. 177.

Характерной особенностью «Задонщины», сближающей памятник с народно-поэтическим творчеством, является наличие отрицательных сравнений. Вероятно, отрицательные сравнения в «Задонщине» употребляются не без влияния «Слова о полку Игореве», где такие конструкции встречаются часто. Ф. И. Буслаев считает, что «отрицательное уподобление — одна из древнейших форм в русском языке, весьма употребительная в народном языке, и частью в книжном».¹⁶⁹

В «Задонщине» в отличие от «Слова о полку Игореве» часто употребляется, по выражению В. П. Адриановой-Перетц,¹⁷⁰ «трехчленная формула отрицательного сравнения»: И притекоша серые волцы ... И то были не серые волцы, придоша поганые татаровя (У, лл. 177 об.—178); ср.: К-Б, л. 125 об.; И-1, л. 218; С, л. 38 об. Уже бо ястреби, и соколи, и бело-зерстии и кречеты прилетеша и удариша на многия стада сосильныя и на лебединыя. То ти быша ни соколи, ни кречеть, то то уже изъехалия удалыныя люди князи руския, богатыры литовския (С, л. 39 об.).

В списке У одно из звеньев этой трехчленной формулы в этом тексте опущено, возможно, переписчиками: Уже бо те соколы и кречаты за Дон борзо перелетели ... То ти наехали руские князи (лл. 180 об.—181); на том поле силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремели громы велицыйи. То ти ступишася руские удалцы с погаными татарами за свою великую обиду. А в них сияли силные доспехи злаченые, а гремели князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские (У, лл. 181 об.—182); ср.: И-1, л. 219 об.; С, лл. 39 об.—40. Не тури возгремели у Дунаю великаго на поле Куликове. И не тури побеждени у Дунаю великого, но посечены князи руские, и бояры, и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича (У, л. 182—182 об.); ср.: К-Б, л. 128; И-1, л. 220; С, л. 40.

В одном случае отрицательному сравнению предшествует сравнительный оборот: И как слово изговаривают, уже аки орли слетешася. То ти были не орли слетешася, выехали посадники (У, л. 174); ср.: И-1, 216 об.; С, л. 37 об.; К-Б, лл. 123 об.—124.

В «Слове о полку Игореве» трехчленная формула отрицательного сравнения не встречается. Отрицательное сравнение выступает как «двухчленная формула»: Боянь же, братие, не 10 соколовъ не стадо лебедѣи пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше (4); не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому (6—7); Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ (36); уныша цвѣты жалобою, и древо с туюю къ земли прѣклонило. А не сорокы втроскоташа: на слѣду Игоревѣ вѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ (42—43).

Различие в конструкциях отрицательных сравнений в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве» является еще одним свидетельством самостоятельности «Слова»: невозможно представить, чтобы предполагаемый фальсификатор памятника, создавая его, ни разу не соблазнился использовать типичную для «Задонщины» «трехчленную формулу отрицательного сравнения».

* * *

Сравнительный анализ особенностей сложного предложения в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве» дает основание сделать некоторые выводы.

¹⁶⁹ См.: Буслаев. Историческая грамматика, стр. 550—551. Здесь же примеры отрицательных сравнений из «Слова о полку Игореве».

¹⁷⁰ Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 213.

1. Для «Слова о полку Игореве» характерным, как отметил С. П. Обнорский, является «известное сочетание предложений, связанное единством целого ... очень часто как сумма внешне не спаянных между собою, как бы самостоятельных предложений, в совокупности образующих период». ¹⁷¹ По данным М. Н. Петерсона, чаще всего предложение в «Слове» состоит из соединения от двух до девяти словосочетаний, что свидетельствует о большой сложности «Слова». ¹⁷²

В отличие от «Слова» в «Задонщине» сложные предложения с простым «нанизыванием» его частей, внешне не связанных между собой, встречаются крайне редко и почти исключительно в текстах, заимствованных из «Слова о полку Игореве».

2. В «Задонщине» бессоюзные сложные предложения встречаются относительно редко, в противоположность «Слову о полку Игореве», в котором, по подсчетам М. Н. Петерсона, бессоюзие преобладает — 63,5%. ¹⁷³

3. В «Задонщине» можно отметить подавляющее преобладание сложных предложений с сочинительной связью между частями предложения. Сочинение в «Слове о полку Игореве» абсолютно преобладает над подчинением; ¹⁷⁴ по подсчетам М. Н. Петерсона, предложений с союзами 34%, а с относительными словами — всего 2,5%. ¹⁷⁵ В этом отношении оба памятника в какой-то степени являются близкими, но если учесть преобладание в «Слове» бессоюзия, то «Задонщина» отличается преобладанием союзных сложносочиненных предложений; бессоюзных сложных предложений всего 7.

4. В сложносочиненных предложениях и в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве» чаще других сочинительных союзов употребляется союз *а*. Однако употребление союза *а* в «Задонщине» отличается от «Слова о полку Игореве»: в «Задонщине» союз *а* часто употребляется в начинательном значении (15 случаев), в «Слове» значительно реже (9 случаев); в «Задонщине» союз *а* употребляется относительно часто в соединительном значении, а в «Слове» — в единичных случаях; союз *а* в «Задонщине» употребляется и для «нанизывания предложений», что отсутствует в «Слове».

Еще чаще в «Задонщине» в начинательном значении употребляется союз *и* (42 случая по списку У), тогда как в «Слове» всего в 6 случаях; союз *и* в «Задонщине» употребляется относительно часто и для соединения частей сложносочиненного предложения, а в «Слове» только в двух случаях.

В «Задонщине» союз *но* не употребляется в начинательном значении, а в «Слове» 4 случая начинательного союза *но*.

5. Подчинительные отношения в обоих памятниках встречаются в незначительном количестве случаев. Однако в употреблении подчинительных союзов и относительных слов «Задонщина» сильно отличается от «Слова о полку Игореве».

При выражении условных отношений в «Задонщине» — союз *нешто* (список У; И-1 — *нешто*), *коли* (список С), а в «Слове» — союзы *аже*, *аже* — *а*, *аже* — *то*, *аще*, *аще* — *но*.

При выражении временных отношений в «Задонщине» — союз *как*, а в «Слове» — *коли* — *тогда*.

¹⁷¹ Обнорский. Очерки, стр. 175.

¹⁷² См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 550.

¹⁷³ См.: там же, стр. 552.

¹⁷⁴ См.: Обнорский. Очерки, стр. 175.

¹⁷⁵ См.: М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве», стр. 552.

В «Задонщине» причинные отношения выражаются при помощи союзов *зане, занеж, занеже*; изъяснительные отношения — относительными словами *колько, сколько, иже*, в «Слове о полку Игореве» причинные и изъяснительные отношения не выражаются при помощи подчинительных союзов и относительных слов.

В «Слове о полку Игореве» определительные отношения в двух случаях выражаются при помощи относительного местоимения *который*, тогда как в «Задонщине» определительные отношения только в одном случае и то только в списке У в сложноподчиненном предложении выражаются при помощи *иже*.

В «Задонщине» отсутствует сложноподчиненное предложение с придаточным места, а в «Слове о полку Игореве» имеется одно предложение с этим значением: *Камо Турь поскочыше, своимъ златымъ шеломомъ посевичая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде* (13).

В «Слове о полку Игореве» в одном случае в сравнительном значении употребляется *рци*: *... кричать тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспушени* (9). В «Задонщине» *рци* для выражения сравнительных отношений не употребляется.

6. В «Задонщине» употребляется трехчленная формула отрицательного сравнения; в «Слове о полку Игореве» встречаем только двухчленное отрицательное сравнение.

В результате сравнительного анализа особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» можно сделать некоторые выводы.

Прежде всего следует согласиться с выводом С. П. Обнорского, что язык «Слова о полку Игореве» — цельный в своей системе и архаический по самому своему строю.¹⁷⁶ Совокупность общих особенностей языка оригинала «Слова» дает основание утверждать, что в памятнике отражается нормальный русский литературный язык старшей поры.¹⁷⁷

«Задонщина» в отношении языковых особенностей продолжает те лучшие традиции письменного литературного языка, которые были свойственны величайшему памятнику древнерусской письменности — «Слову о полку Игореве», под непосредственным влиянием которого повесть и была написана. Однако «Задонщина», написанная двумя веками позднее «Слова», в период, когда начинает складываться язык великорусской народности, отражает те изменения, которые произошли за это время. В «Задонщине» отражается новый характер литературного языка, близкого, с одной стороны, к традиции древнерусской письменности, с другой — к живой разговорной речи и деловой письменности и, наконец, в нем имеются элементы народно-поэтической речи. В. П. Адрианова-Перетц отмечает в «Задонщине» соединение отголосков «старых словес» с деловой речью современности.¹⁷⁸

В области морфологии можно отметить следующие различия «Задонщины» как памятника конца XIV в. и «Слова» как памятника XII в.¹⁷⁹

1. В «Задонщине» звательные формы старого образования употребляются только для определенного узкого круга слов: *брате, господине*,

¹⁷⁶ См.: Обнорский. Очерки, стр. 197.

¹⁷⁷ См.: там же, стр. 196.

¹⁷⁸ См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 213.

¹⁷⁹ В выводах даются и положения по разделам, не вошедшим в эту статью, но освещенным в других печатных работах автора (см. выше, стр. 127).

Доне, брате Пересвете, господи боже. Все остальные существительные в роли обращения употребляются в форме именительного падежа. В «Слове» как норма — правильное употребление звательных форм старого образования; именительный падеж в виде исключения употребляется только тогда, когда существительное находится в сочетании с прилагательным.

2. В «Задонщине» формы двойственного числа, в соответствии с нормами живого языка эпохи создания памятника, не употребляются, за исключением одного случая, явно возникшего под влиянием «Слова о полку Игореве». Ср.: ... да два брата Олгордовичи (У, л. 180); в «Слове»: ... оба есвъ Святъславличя (7). «Слово о полку Игореве» в соответствии с древнерусским литературным языком старшей поры отличается правильным употреблением двойственного числа в склонении и спряжении.

3. В «Задонщине» изменение задненебных согласных свистящими *з, ц,* с встречается в единичных случаях в местном падеже единств. числа и именительном падеже множ. числа существительных мужского рода; причем в большинстве случаев смягчение задненебных относится к таким текстам «Задонщины», которые восходят к «Слову о полку Игореве». В «Слове о полку Игореве» имеются «устойчивые образования отдельных падежных форм от существительных с задненебными согласными в исходе с изменением последних в *з, ц, с*».¹⁸⁰

4. В «Задонщине» имеется незначительное количество нечленных прилагательных, всего 2% от общего числа прилагательных. Нечленные прилагательные встречаются в текстах, восходящих к «Слову о полку Игореве». В «Слове» относительно большое количество нечленных прилагательных — 28% (41 случай из 147). В «Задонщине» членные прилагательные часто имеют в родительном падеже наряду с флексией *-аго* флексию *-ого*, что вполне соответствует времени создания памятника. В «Слове» флексия *-ого* встречается всего один раз; типичной, как и можно было ожидать в памятнике старшей поры, является флексия *-аго*.

5. В «Задонщине» встречается всего 8 случаев употребления имперфекта из 140 случаев форм прошедшего времени; причем в 3 случаях имеем ошибочное употребление форм имперфекта, что естественно для памятника конца XIV в. В «Слове» имеем 40 случаев употребления имперфекта из 221 формы прошедшего времени — 18%; почти все формы имперфекта носят характер русских образований и употребляются в соответствии с нормами.

6. Формы перфекта широко употребляются в «Задонщине»: 56 случаев из 140 различных форм прошедшего времени — 40%, в отличие от «Слова», в котором встречается всего 25 случаев из 221 — 11%.

7. Правильное образование форм сослагательного наклонения не свойственно «Задонщине», а единственный случай архаической формы восходит к «Слову о полку Игореве», в котором формы сослагательного наклонения имеют черты правильного образования.

8. «Задонщина» отражает тот момент в истории нечленных причастий действительного залога, когда их переход в деепричастия совершался, но далеко еще не был завершен; очень часто встречаются случаи отсутствия согласования. Нечленные причастия прошедшего времени страдательного залога встречаются исключительно в текстах, восходящих к «Слову о полку Игореве». В «Слове» старая форма употребления нечленных причастий имеет немного нарушений.

¹⁸⁰ Обнорский. Очерки, стр. 195.

9. Для «Задонщины» типичным является слитное употребление частицы *-ся* у возвратных глаголов, за исключением двух случаев. Препозитивное употребление частицы *ся* не свойственно памятнику и встречается только в одном случае в списке И-1, в тексте, восходящем к «Слову о полку Игореве», где тоже имеется препозитивная частица. В отличие от «Задонщины» в «Слове» частица *-ся* в ряде случаев употребляется в препозитивном положении.

В области синтаксиса «Задонщина» также значительно отличается от «Слова о полку Игореве».

1. Синтаксис «Задонщины» прежде всего отличается почти полным отсутствием таких явлений, которые можно отнести к специфически книжным, специально литературным по употреблению. В «Задонщине» отсутствуют сложные по конструкции предложения с витиеватым, запутанным строем их частей, нет ни одного случая употребления оборота с дательным самостоятельным и т. д.

2. Простые предложения преобладают над сложными. Среди простых предложений занимают довольно большое место односоставные предложения. Среди односоставных больше всего определено-личных предложений, в несколько меньшей степени безличные предложения, среди которых преобладают инфинитивные.

3. Среди простых двусоставных предложений встречается большое количество предложений с однородными членами предложения. Однородные члены предложения связываются почти всегда сочинительными союзами, случаи бессоюзного соединения однородных членов предложения единичны. В отличие от «Задонщины» в «Слове о полку Игореве» чаще употребляется бессоюзное связывание однородных членов предложения. В «Задонщине» однородные члены предложения чаще всего соединяются союзом *и*, однако довольно часто употребляется и союз *а*, который в «Слове» встречается в единичных случаях. В «Слове» *а* выступает в функции начинательного союза значительно чаще, чем союз *и*, а в «Задонщине» в этой же функции обычно выступает союз *и*.

4. Большинство односоставных определено-личных предложений в «Задонщине» имеет побудительное значение, причем чаще всего главный член в таких предложениях со значением призыва к совместному действию выражен формой 1-го лица множ. числа простого будущего времени. В «Слове» такие случаи единичны.

5. В «Задонщине» встречаются такие виды безличных предложений, которые или совсем отсутствуют в «Слове о полку Игореве», или представлены единичными примерами. В «Слове» встречаются такие виды безличных предложений, которые отсутствуют в «Задонщине».

6. В двусоставном предложении именное сказуемое в «Задонщине» употребляется чаще всего с глагольной связкой, а в «Слове» такие случаи единичны.

7. В «Задонщине» категория принадлежности, когда она выражается именем существительным, выступает почти исключительно в форме родительного падежа. В отличие от «Задонщины» в «Слове» имеются обильные случаи дательного падежа принадлежности.

8. В отличие от «Слова» в «Задонщине» сложные предложения с простым «нанизыванием» их частей, внешне не связанных между собой, встречаются крайне редко и почти исключительно в текстах, заимствованных из «Слова о полку Игореве». Бессоюзное соединение частей сложного предложения не является типичным для «Задонщины»; преобладают предложения с союзами и относительными союзами в противоположность

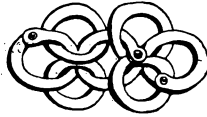
«Слову о полку Игореве», где преобладают бессоюзные сложные предложения.

9. В «Задонщине» употребляется «трехчленная формула отрицательного сравнения»; в «Слове о полку Игореве» встречаем только «двухчленное отрицательное сравнение».

Таким образом, сравнительное изучение грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» позволяет подтвердить подлинность «Слова» как памятника XII в. Более того, можно с уверенностью утверждать, что «Задонщина» возникла не без влияния «Слова о полку Игореве», что вполне убедительно подтверждается целым рядом случаев употребления архаических грамматических форм и конструкций предложений, не свойственных времени создания «Задонщины» — концу XIV в.: все такие случаи встречаются обычно в текстах памятника, восходящих к «Слову о полку Игореве».

«Задонщина» имеет большое значение для выяснения и исправления некоторых «темных» мест «Слова».

Можно при этом с большой долей вероятности предполагать, что автор «Задонщины» пользовался каким-то другим списком (может быть, оригиналом) «Слова о полку Игореве», а не списком «Слова», который лег в основу первого печатного издания памятника в 1800 г. Свидетельством этого является ряд случаев, когда на основе «Задонщины» мы можем исправить известный нам текст «Слова о полку Игореве».

Дорогой
Барваре Павловне
АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ—
авторы статей

„СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ “
И
ПАМЯТНИКИ
КУЛИКОВСКОГО
ЦИКЛА

Р. П. ДМИТРИЕВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СПИСКОВ «ЗАДОНЩИНЫ» И ТЕКСТ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Тема взаимоотношения сохранившихся списков «Задонщины» в научной литературе оказалась тесно связанной с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве».

Близость многих чтений «Задонщины» к «Слову» побудила небольшую группу «скептиков», сомневающих в древности этого памятника, утверждать, будто основным источником его явилась «Задонщина». Предпринятое «скептиками» текстологическое изучение сохранившихся шести списков «Задонщины»¹ сосредоточилось на вопросе об отношении старшего ее списка К-Б к остальным. Именно вокруг этого вопроса и идет спор между «скептиками» и сторонниками древности «Слова о полку Игореве».

Кратко напомним, как складывалась оценка списка К-Б на разных этапах изучения «Задонщины» и ее связи со «Словом о полку Игореве».

Когда были известны лишь два списка «Задонщины» — К-Б и У, — И. И. Срезневский пришел к выводу, что оба списка имеют самостоятельные искажения; поэтому он и издал текст «Задонщины», дополняя один список другим.²

Обратившись к сопоставлению тех же двух списков «Задонщины», А. Смирнов список К-Б охарактеризовал как первую редакцию, а список У — как вторую редакцию «Задонщины». Но одновременно он отметил, что текст списка У не восходит к К-Б списку, так как «места, заимствованные из „Слова о полку Игореве“, не только изменены в нем и переставлены, но встречаются также и такие, каких нет в первом».³ Следовательно, А. Смирнов считает, что хотя список К-Б отражает более ранний этап, но тоже имеет уже позднейшие наслоения, а окончание в нем, видимо, утрачено.⁴

¹ Назовем сохранившиеся списки «Задонщины»: 1) ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 — К-Б; 2) ГИМ, собр. Музейское № 2060 — И-1, 3) ГИМ, собр. Музейское № 3045 — И-2; 4) ГБЛ, собр. Ундольского № 632 — У; 5) ГИМ, собр. Синодальное № 790 — С, 6) БАН, 1.4.1 (собр. Жданова) — Ж.

² И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Андреевича. — Изв. по РЯС, т. VI, вып. V, СПб., 1858, стлб. 339.

³ А. Смирнов. О слове о полку Игореве. 4. Судьба Слова о полку Игореве в последующей русской литературе. — Филологические записки, Воронеж, 1878, вып. V, стр. 134.

⁴ См.: там же, стр. 165.

Обнаружение нового списка «Задонщины» — списка С, не изменило его представления об отношениях списков «Задонщины». При публикации списка С А. Смирнов, отметив близость его списку У, заключил, что он, как и два предыдущих списка, восходит к их общему источнику.⁵

Подобную же точку зрения на взаимоотношение списков «Задонщины» высказал и С. К. Шамбинаго.⁶ Он отметил, что в К-Б списке сознательно была переписана только первая часть произведения, где восхваляется великий князь Дмитрий. В дальнейшем отсутствие второй части произведения в К-Б списке он относил за счет дефектности списка, и все списки, в том числе и вновь обнаруженные (И-1, И-2, Ж), кроме К-Б списка, охарактеризовал, как списки одной второй редакции.⁷

А. А. Потехня списки У и К-Б воспринимал как две редакции, из которых более ранней является редакция списка У, и предполагал, что редакция К-Б списка возникла из редакции списка У.⁸ Главным аргументом для таких суждений послужил тезис о большей близости списка У «Слову о полку Игореве».

В новейших исследованиях, посвященных «Задонщине», вновь был поднят вопрос об отношении списка К-Б к остальным спискам «Задонщины». В. П. Адрианова-Перетц считает все списки «Задонщины» принадлежащими одной редакции, список К-Б является сокращенным изложением той же редакции, сделанным по памяти.⁹

В. Ф. Ржига в отличие от В. П. Адриановой-Перетц делит списки на две редакции — краткую (список К-Б) и пространную, которые восходят к одному оригиналу пространного характера. Краткая редакция появилась в результате сознательного сокращения оригинала.¹⁰

Оба исследователя отмечают, что в К-Б сохранились отдельные первоначальные чтения, измененные во всех остальных списках.

На неполноту текста К-Б списка и ряд вторичных чтений указал в своей статье Е. А. Ляцкий.¹¹

Во всех названных исследованиях К-Б сравнивается и противопоставляется остальным спискам «Задонщины» и, как правило, указывается на неполноту и сокращение в списке К-Б; наряду с некоторыми первичными чтениями в К-Б отмечаются и более поздние чтения по сравнению с остальными списками «Задонщины». Эти работы сходятся в одном вы-

⁵ См.: А. Смирнов. 3-й список «Задонщины» по Синодальному скорописному сборнику XVII века. — Русский филологический вестник, т. XXIII, № 2, 1890, стр. 3—5.

⁶ См.: Шамбинаго, стр. 84—103.

⁷ См.: С. К. Шамбинаго. Исторические повести (§ 2 гл. II «Литература Московского княжества конца XIV—XV вв.»). — В кн.: История русской литературы, т. II. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 210—215.

⁸ См.: А. А. Потехня. Задонщина. По черновым, оставшимся в рукописях А. А. Потехни, под заголовком «Заметки на „Слово о полку Игореве“». — В кн.: А. А. Потехня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. 2-е изд. с дополнением из черновых рукописей «О Задонщине». II. Объяснение малорусской песни XVI в. Харьков, 1914, стр. 161, 168.

⁹ См.: Адрианова-Перетц. 1) «Задонщина». Текст, стр. 135—158; 2) «Задонщина». Опыт, стр. 220—222. Точку зрения В. П. Адриановой-Перетц разделяет А. А. Назаревский (А. А. Назаревский. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. — ТОДРА, т. XII, 1956, стр. 559).

¹⁰ См.: В. Ф. Ржига. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве (Задонщина). С приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. ист. музея XVI в., М., 1947, стр. 12. (Ученые записки МГПИ, т. XLIII. Кафедра русской литературы).

¹¹ См.: Е. А. Ляцкий. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». — Slavia, гоф. XVII, seš. 3, v Praze, 1939, стр. 398—408.

воде: список К-Б не представляет собой первоначального текста «Задонщины».

Существует и другая, противоположная точка зрения на взаимоотношения списков «Задонщины».

Е. В. Барсов, имея текст только двух списков «Задонщины» — К-Б и У, высказал мнение о том, что К-Б является первоначальной редакцией «Задонщины», а У представляет последующую редакцию, основанную на первой. Этот вывод Е. В. Барсова никакой серьезной аргументацией не подтвержден, он построен лишь на представлении Е. В. Барсова о том, будто в древнерусской письменности краткая редакция всегда предшествует пространной.¹² Вторым аргументом в пользу первичности списка К-Б является упоминание имени Софония в заглавии как автора, в то время как в списке У о нем говорится от лица редактора («Аз же помяну резанца Софония...»)¹³

В исследовании Я. Фрчека, в котором большой раздел посвящен истории текста «Задонщины», доказываемая первоначальность краткой редакции «Задонщины».¹⁴ В распоряжении Я. Фрчека были все 6 известных списков «Задонщины». Историю взаимоотношения списков «Задонщины» он определил следующим образом. К-Б список представляет собой краткую первоначальную редакцию, не имевшую в своем первоначальном виде описания второй части боя. Все остальные списки сохранили текст второй — пространной редакции, в которой не только был изменен первоначальный текст, но была вновь написана и вторая часть.¹⁵ Эти выводы основаны не на текстуальных сопоставлениях всех списков и на выявлении их отличий, а на сравнении содержания произведения по К-Б с содержанием в других списках. Текстологические выводы о первоначальном варианте «Задонщины» Я. Фрчека построены на его субъективном восприятии произведения: изложение событий в списке К-Б ему кажется более логичным.

Вывод Я. Фрчека о списке К-Б как первоначальном виде «Задонщины» нашел поддержку в ряде работ.¹⁶ Заключение Я. Фрчека о взаимоотношении редакций «Задонщины» использовано А. Мазоном как одно из основных доказательств его концепции о позднем происхождении «Слова о полку Игореве»: если, утверждает А. Мазон, пространная редакция «Задонщины» вторична, в ней больше общих мест со «Словом

¹² См.: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 437—438.

¹³ Надо отметить, что в ряде работ приводился этот довод в доказательство, если и не того, что К-Б список представляет первичную редакцию, то, во всяком случае, того, что К-Б отражает редакцию, более близкую к оригиналу, чем список У. На основании этого аргумента К-Б список считается первоначальной редакцией по отношению к списку У в работе С. П. Тимофеева «Сказания о Куликовской битве (Опыт историко-литературного исследования)» — ЖМНП, 1885, т. ССХLI, сентябрь, отд. 2, стр. 19—46.

¹⁴ J. Frček. Zádonsťina. Staroruský žaložpěv o boji rusů s tatyary r. 1380. Rozprava literárne dějepisná. Kritické vydání textů. Praha, 1948, 259 стр. (Práce Slovanského ústavu v Praze, sv. XVIII).

¹⁵ О концепции Я. Фрчека о взаимоотношении списков «Задонщины» впервые было упомянуто в работе А. Мазона в 1938 г. (A. Mazon. La Zádonsčina: réhabilitation d'une oeuvre. — Revue des études slaves, t. XVIII, fasc. 1—2, Paris, 1938, стр. 14—17).

¹⁶ См.: А. Мазон. 1) Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 14—17; 2) Les récits de guerre dans la littérature russe du XV-e siècle. — The slavic and east european review, vol. 25, № 64, London, 1946, стр. 93—108; A. Dostal. Dispute de l'authenticité du Slovo d'Igor dans la science occidentale. — Byzantinoslavica, t. X, sv. 2, Prague, 1949, стр. 283—284; A. Vaillant. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai». — Revue des études slaves, t. XXXIX, fasc. 1—4, Paris, 1961, стр. 86—89.

о полку Игореве», то, следовательно, «Слово о полку Игореве» могло появиться только после «Задонщины».

Таким образом, в центре внимания исследователей с момента обнаружения первых двух списков «Задонщины» и до настоящего времени стоит проблема отношения текста списка К-Б к остальным спискам «Задонщины». В зависимости от решения этой проблемы ставился и решался вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве».

Традиционному представлению о делении списков «Задонщины» на две неравные группы (с одной стороны список К-Б, с другой — все остальные списки) противоречит один факт. В. П. Адрианова-Перетц при характеристике С списка обратила внимание на то, что «в отдельных чтениях С совпадает с К-Б»,¹⁷ но не сделала из этого дальнейших выводов. Наличие общих особенностей между списками К-Б и С позволило Р. Якобсону пересмотреть традиционный взгляд на взаимоотношение списков «Задонщины».¹⁸ Он пришел к выводу, что списки К-Б и С восходят к их общему источнику, названному изводом С, остальные списки в свою очередь восходят к другому общему источнику, названному условно изводом У. Оба эти извода имели общий источник, не дошедший до нас.

Намеченное Р. Якобсоном деление сохранившихся списков «Задонщины» действительно подтверждается наличием черт, характерных для каждой группы списков. Однако текстологическое изучение «Задонщины» не может быть ограничено установлением двух групп списков ее: предстоит глубже исследовать взаимоотношение этих групп, в частности — и вопрос о том, как соотносятся с текстом «Слова о полку Игореве» сходные с ним чтения в списках каждой из двух групп. Всем этим вопросам и посвящена настоящая статья.

* * *

Для ясности изложения доказательств необходимо внести некоторые пояснения употребляемой в данной работе терминологии. Мы не можем употреблять названия «краткая редакция» и «пространная», так как то, что понималось до сих пор под пространной редакцией, не является единым текстом, противостоящим краткой редакции. Список К-Б (краткий текст) связан своими чтениями со списком С (пространный текст); мы их объединяем в отдельную группу и тот текст, к которому они восходят, назовем изводом Син. Остальные списки относятся к другой группе, и тот текст, к которому они восходят, назовем условно изводом Унд.

Раньше всего обратимся к характеристике извода Унд в целом и к вопросу взаимоотношения между собой списков этого извода.

До нас дошло четыре списка, относящиеся к изводу Унд. Безусловно, близки между собой списки У и Ж. К сожалению, список Ж содержит только начало текста «Задонщины» — вступление до слов «возверзим печаль на восточную сторону в Сим жребии». После этих слов в списке Ж приписано «аминь». Список Ж повторяет текст списка У с некоторыми небольшими пропусками и искажениями в отдельных словах. Отличается он от списка У заглавием — «Сказание о Донском бою»; это название не повторяется ни в одном другом списке. Список Ж имеет много ошибок, так как переписчик не понимал переписываемого им текста. Той же причиной объясняется то, что переписчик переписал только начало произведе-

¹⁷ Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 197.

¹⁸ Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field, edited by Roman Jakobson and Dean S. Worth. The Hague, 1963.

дения; не понимая содержания целых фраз и предложений, он приостановил свою работу по переписыванию.

Как правило, список Ж искажает текст списка У, но иногда он дает, по всей видимости, более верные чтения. Так, в списке Ж написано «славного Непра», в списке У — «равнаго Непра». То, что в списке Ж действительно более верное чтение, подтверждается текстом списка С, который мы отнесли к другому изводу. В следующей фразе списка Ж тоже сохранились следы первоначального чтения:

Ж

...от Полацкии рати до Мамаева побоища тугою землею и печалью и покрывшася, и плачущися, чада своя поминаю вы.

У

...а от Калатъския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты.

В предложении нет подлежащего, под подлежащим надо понимать слова «Русская земля», так как перед этим предложением читалось: «И оттоля Руская земля седит невесела».¹⁹ Следы этого подлежащего в искаженном виде («землею») и передал список Ж.

Сохранившиеся отдельные первоначальные чтения в списке Ж говорят о том, что текст списка Ж хотя и близок списку У, но восходит не к списку У, а к какому-то другому списку, близкому списку У. Отметим еще некоторые чтения списка Ж, отличающие его от списка У: после слов «Ведомо нам братие» добавлено «милый», вместо слова «люди» в списке Ж — «молотцы».

Список Ж важен в двух отношениях: 1) оба списка «Задонщины» переписаны в сборниках наряду с другими повестями,²⁰ т. е. «Задонщина» этих списков воспринималась читателями как повествовательное произведение; 2) полный текст вступления с упоминанием пира у Микулы Васильевича сохранился, кроме списка У, только в списке Ж.

Сопоставление сохранившегося вступления по списку Ж со списком У показывает, что вступление с упоминанием пира у Микулы Васильевича является не особенностью только списка У, а оно присуще, во всяком случае, одному из вариантов «Задонщины». Отсутствие его в списках И-1 и И-2 объясняется историей создания этих списков (о чем будет сказано ниже), поэтому есть все основания считать, что извод Унд содержал это вступление.

Во вступлении имеется нечеткий и неясный текст, содержание которого не становится понятным при сравнении его чтений по спискам У и Ж («Собе бы чаем пороженных и вскармленных» — У; «А собе бы чая пожженных вскармленных» — Ж). Следовательно, оба списка передают текст, который был искажен уже в их общем источнике.

Список Ж подтверждает существование вступления в изводе Унд, вносит несколько мелких незначительных поправок в чтения списка У, показывает, как и список У, что «Задонщину» переписывали среди других чисто повествовательных произведений; на примере списка Ж видно, на-

¹⁹ Ср. также с соответствующей фразой в конце «Задонщины» — «А уже бо встонала земля Татарская, бедами и тугою покрывшася» (по списку И-1).

²⁰ Сборник, в котором находится список У, составлен почти полностью из повествовательных произведений: Сказание о взятии Царьграда, Повесть о Дмитрие Басарге, Повесть об Акире Премудром, Сказание о Вавилоне граде, Повесть об Азовском взятии, Повесть о Дракуле, Повесть о некоем царе дворецком, Сказание об Индийском царстве, Повесть о двенадцати снах Мамера царя. В рукописи списка Ж наряду с «Задонщиной» переписаны: Прение Живота и Смерти, Сказание о Вавилоне граде, Сказание о взятии Царьграда, Повесть о Волоте Волотовиче, Повесть о бражнике, Повесть о семи мудрецах.

сколько непонятным для переписчиков XVII в. был текст «Задонщины». Но этим и ограничивается значение списка Ж.

Сравнение списков И-1 и И-2 со списком У показывает, что все они близки друг другу, хотя и имеют некоторые отличия. Каждый из них имеет свои чтения в отдельных словах и фразах, небольшие пропуски, но всякий раз это оказывается особенностью одного списка, в двух других в соответствующем месте чтения общие и надо думать первоначальные. Такие особенности имеются в каждом из трех списков, все они восходят к общему источнику, но в каждый из списков попали поздние искажения независимо друг от друга. Остановимся на особенностях этих списков. Для установления первоначальности того или иного чтения в отдельных списках привлекаем для сравнения чтения списка С.

В списке И-2 сохранилась только часть текста «Задонщины», начиная с плача жен и кончая началом описания бегства татар. Объясняется это тем, что листы рукописи с началом и концом «Задонщины» утрачены: текст сохранившегося отрывка «Задонщины» начинается сверху листа окончанием слова, которое было на предыдущем листе, и обрывается «Задонщина» в конце листа словом, окончание которого было написано на утраченном листе. Эти сохранившиеся листы «Задонщины» вплетены были, видимо, позднее в другую рукопись. Поэтому состав сборника, где сохранился отрывок «Задонщины», не может учитываться для выяснения окружения, в котором переписывалась «Задонщина».

Об отношении списка И-2 к спискам У и И-1 можно сказать следующее. Некоторыми чтениями И-2 близок списку И-1, некоторыми — У, но характер близости различен. Общие чтения между списками И-2 и И-1, отличающиеся от списка У, все без исключения можно определить как первичные, а чтения списка У в соответствующих местах, по всей видимости, являются индивидуальными чтениями этого списка. Перечислим эти чтения: 1) «припахну» (в У «примахнули») — подтверждением первичности чтений И-2 и И-1 является чтение списка С («припахнули»); 2) одинаково в И-1 и И-2 написано «по рати», так же сказано в списке С, в У в этом месте стоит «во полцех»; 3) в И-1 и И-2 говорится — «не потакаи коромольником», в У — «понужай коромолщикам», список С в данном случае не может служить контролем, в нем по-своему изменено — «не слухай измеников сромотников»; 4) в И-1 и И-2 написано: «Уныша бо царем их хотение и князем похвала», в У вместо этого стоит — «бо сердца их, хотение князем и похвала» (в С изменено по-своему), в У в данном месте текст по сравнению с И-1 и И-2 менее ясный.

Одновременно имеется несколько общих чтений в списках И-2 и У в отличие от списка И-1. Но в данном случае мы не можем сказать, что все эти чтения являются первичными, а в списке И-1 отражены дальнейшие изменения текста.

Чтения эти следующие: 1) в списках У и И-2 — «суженое место», в И-1 и С — «судное место»; 2) в У и И-2 — «соколы», в И-1 и С — «орлы», 3) в У и И-2 — «чара», в И-1 — «чаша». По данным чтениям трудно судить, в котором случае сохранились первичные чтения, в то же время ясно, что имеем дело не с искажениями чтений в отдельных списках, а изменения произошли или в источнике списка И-1 или в общем источнике для списков У и И-2. Можно думать, что все три списка У, И-1 и И-2 не прямо восходят к общему тексту, а списки У и И-2 своим источником имели промежуточный текст. Однако не исключена и другая версия: все названные чтения в списках У и И-2 являются первичными, а в список И-1 были внесены изменения (проверить нельзя, так как в списке К-Б эта часть текста не сохранилась).

Имеется еще один случай, где текст списка И-2 по смыслу ближе списку У и отличается от списка И-1. Приведем этот текст:

И-1

Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева рано плакашася...

«Прилелеи моего господаря к мне Микулу Васильевича». Тимофеева жена Волеувича Федосья тако плакася.

У

Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша...

«Прилелеи моего господина Микулу Васильевича ко мне». А Марья про сьвоего господина то же реева жена Марья рано Волеувича тако же плакахуся.

И-2

Феодосья Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Волынского рано сплакашася...

«Прилелеи господина моего ко мне Микулу Васильевича». Тимофеева жена Иволуевича тако же плакашеся.

Ср. с текстами извода Син:

С

Микулина жена Марья рано плакаше... прилелеи моего господаря ко мне Микулу Васильевича». Тимохвеева жена Настасья тако ж плакашеся.

К-Б

Восплачется жена Микулина Мария... прилелеи моего Микулу Васильевича». Восплачется жена Иванова Федосия.

Если сопоставить этот отрывок одновременно по всем спискам, то станет ясно, что списки С и К-Б передают более первичные чтения. Дело в том, что первый плач во всех списках одинаково передается от имени одной жены. Списки же И-1, У и И-2 перед этим плачем называют двух жен, причем в У и И-2 женой Микулы Васильевича названа Федосья, в И-1 имени жены Микулы Васильевича не дано. Второй названа Мария — жена Дмитриева — во всех трех списках. Конечно, несколько странным является то, что плачет одна жена, и плачет именно жена Микулы Васильевича. Имя ее в списках У и И-2 сообщено неверно, а в списке И-1 отсутствует.

Совершенно ясно, что в первоначальном тексте вначале упоминалась только жена Микулы Васильевича Марья, как сказано в списках С и К-Б. И, действительно, по данным летописей жену Микулы Васильевича звали Марьей: «... за Микулою того же была князя Дмитрея дочи Суздальского Марья Большая».²¹

Очевидно, в одном из ранних списков имя ее было написано вместе с отчеством, в общем источнике списков И-1, У и И-2 вместо «Дмитриевна» написали «Дмитриева». В списке И-1 в данном месте сохранилось чтение, более близкое этому общему источнику, — «Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева». Этот нечеткий текст по содержанию можно было истолковать так, что речь идет о двух женах, хотя все дальнейшее в изложении подразумевает только жену Микулы Васильевича. Переписчик списка, послужившего источником для списков У и И-2, посчитал Марью женой Дмитрия и приписал имя жены Микулы Васильевича «Федосья». Поэтому в списках У и И-2 не упоминается это имя как имя жены Тимофея Волеувича. В списке У заметили, что в первом случае приведен плач одной жены, поэтому сделали добавление: «А Марья про сьвоего господина то же рекла». В списке И-2 другой домysel: так как в «Задонщине» упоминается Дмитрий Волинский, то переписчик посчитал нужным добавить, что Марья является женой Дмитрия Волинского.

²¹ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 250.

Из всего изложенного следует, что в протографе всех трех списков (У, И-1 и И-2) было написано так, как в И-1, т. е. неясно: идет ли речь об одной жене или о двух. В общем источнике списков У и И-2 внесли уточнение — добавили имя «Федосья». Так или иначе, но этот пример свидетельствует в пользу общего источника для списков У и И-2 в отличие от списка И-1.

Список И-2, как и остальные списки, имеет свои индивидуальные отклонения в тексте. Иногда они могут быть первичными, иногда являются позднейшими наслоениями. Не всегда можно решить этот вопрос. Перечислим особенности, присущие только списку И-2. Во всех списках плач коломенских жен начинается так: «Туто щурове рано въспели» (по списку И-1), в И-2 полнее — «Ту ни галици, ни щурове въспели». Только в списке И-2 добавлено бессмысленно слово «Литовьскую» во фразе «чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю Половетскую». Вместо слов «не ездили» в списках И-1 и У, в И-2 стоят слова «не заходили»; в И-1 и У написано «забрала», в И-2 — «заборона»; к слову «кормольником» только в И-2 добавлено «лихим»; вместо слова «теряли» (в У «истеряли») в И-2 написано «стреляли». Только в И-2 к слову «чары» добавлено «поведеные». В И-1 сказано «наступаем», в У — «наеждаем», в И-2 — «ударимься». В И-1 и У написано «наступает», в И-2 — «почал наступати»; вместо «бежать» в У и И-1 в И-2 написано «побегьли»; вместо «кликком огородиша», как в У и И-1, в И-2 написано «коньми огородиша». Вполне возможно, что все эти разночтения являются уже позднейшими изменениями. Кроме того, в списке И-2 имеются свои небольшие пропуски; так, в плаче жен выпущены слова «Марья да Михаилова жена Оксинья». Свидетельством того, что здесь явный пропуск, является начало плача: «Се уже нам обема сольнице померькло». Из-за пропуска в И-2 эти слова произносит только жена Андрея, а по содержанию плача должны говорить две женщины.

В то же время единственно в этом списке полностью сохранился следующий текст: «А уже диво кличет под саблями татарьскими, а тем рускым богатырем под ранами». В У эта фраза совсем отсутствует, в И-1 сохранилось только первое предложение, в С имеется и второе предложение, но оно сильно искажено.

Таким же образом только в И-2 сохранился полностью следующий текст: «Уже нам, брате, в земли своен не бывати, а детей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова, а на Русь нам уже ратью не хоживати, а выхода нам у рускых князеи не прашивати». Во всех остальных дошедших списках отсутствует фраза «а катун своих ... зелена мурова». Список С в этом месте сокращает текст, но основное содержание этой жалобы татар он передает: «Уж нам у Золотой Орда не бывати, бедных жон и детей не видати». В жалобе татар по списку С упоминаются и жены и дети, как в И-2, — поэтому у нас есть основание думать, что в первоначальном тексте «Задонщины» чтение было такое, как в списке И-2.

Отметим, что весь этот отрывок до слов «зелена мурава» повторяется и в «Сказании о Мамаевом побоище». Особенно близок «Задонщине» текст в Основной редакции. Там эта жалоба включена в речь Мамаия, убежавшего от преследования, поэтому окончание иное — «а с дружиною своею уже нам не видетися, ни с князи, ни с алпауты».

Имеется еще одно чтение, присущее только списку И-2. После слов «И нукнув князь Володимерь Андреевич» только в списке И-2 добавлено: «с правые руки на поганого Мамаия с своим князьм Вольньским 70-ю ты-

сящами». Продолжение предложения во всех списках, кроме И-2, дано в единственном числе; только в И-2 сказано «злаченными шоломы посвечиваючи», т. е. имеется в виду не один князь Владимир Андреевич, но и Дмитрий Волынский. Для наглядности приведем параллельно тексты по спискам И-1 и И-2 (в этом месте И-2 ближе списку И-1, чем У).

И-1

И нукнув князь Владимир, гораздо скакаше по рати поганым, златым шоломом посвечиваше.

И-2

И нукнув князь Володимерь Андреевич с правые руки на поганого Мамаю с своим князем Вольньнским 70-ю тысящами, гораздо скакаше по рати в поганых половцах татарских, злаченными шоломы посвечиваючи.

Надо думать, что дополнительные чтения в списке И-2 не являются первоначальными чтениями данной редакции «Задонщины», а представляют собой вставку, сделанную переписчиком или редактором, знакомым с содержанием «Сказания о Мамаевом побоище». Там говорится, что князь великий «правую руку учредил себе брата князя Владимира» и отпустил с ним воеводу Дмитрия Боброка. Только зная содержание рассказа «Сказания» о засадном полку, можно понять, почему князь Владимир Андреевич выехал на татар с «правыя руки» и почему здесь упомянут Дмитрий Волынский. Ранее в «Задонщине» об этом не говорилось. В пользу того, что эта подробность в списке И-2 является вставкой, говорит и то, что во всех списках, кроме И-2, речь идет только об одном князе (во всех списках употреблено единственное число). Если бы в начальном тексте сообщалось о двух князьях, какой-либо список сохранил бы следы множественного числа.

Конечно, если бы список И-2 сохранился полностью, можно было бы определеннее делать вывод о возможном влиянии «Сказания о Мамаевом побоище» на «Задонщину» как вторичном явлении.

Таким образом, список И-2, с одной стороны, сохранил по сравнению с другими списками более точно первоначальный текст, с другой — и в списке И-2 имеются поздние наслоения и, возможно, что как редакторы «Сказания о Мамаевом побоище» неоднократно обращались к «Задонщине», так и переписчики «Задонщины», правда, в меньшей степени, использовали «Сказание о Мамаевом побоище».

Список И-1 сохранил почти полный текст «Задонщины», в нем по сравнению со списком У недостает только начала вступления. У нас есть все основания считать, что извод Унд имел полное вступление, которое дошло в списке У. Отсутствие начала вступления в списке И-1 легко объясняется при обращении к рукописи, в которой он был переписан. Особенностью списка И-1 является то, что он сохранился в составе летописи под тем годом, в котором произошла Куликовская битва. Список летописи, сохранивший нам «Задонщину», относится к типу Новгородской IV летописи. В составе Новгородской IV летописи под этим годом обычно находится летописная повесть о Мамаевом побоище. В протографе летописи, включившей в свой состав «Задонщину» по списку И-1, тоже находилась летописная повесть. Поэтому начало рассказа о Куликовской битве и в нашем списке летописи приведено по летописной повести, а продолжение списано по «Задонщине», начиная со слов: «И потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Одреевичу». Так как самое начало рассказа о сражении дано по летописной повести, то и была опущена часть

вступления «Задонщины». Доказательством того, что протограф «Задонщины» по списку И-1 имел полный текст вступления, служат слова «и потом списках»; такой фразой не могло начинаться произведение. И действительно, в списке У перед этими словами помещен текст, где говорится «о жалости Русской земли». Таким образом, у нас есть все основания считать, что в составе извода Унд был полный текст вступления, такой, какой читается сейчас в списке У.

Заглавие же списка И-1 помещено не там, где начинается текст «Задонщины», а перед описанием Куликовской битвы, заимствованным из летописной повести. Вторая часть заглавия в И-1 близка списку У, начало же иное. Оно читается в списке С. Об отношении отдельных чтений списка И-1 к списку С будет сказано несколько ниже, когда пойдет речь о списке С.

В основном список И-1 совпадает с текстом списка У. Отступления выражаются или в незначительных пропусках или только в отдельных словах; в последнем случае иногда список И-1 передает чтения, более близкие оригиналу, иногда — список У. Как правило, отступления между списками незначительны и существенных смысловых отклонений между ними нет. В одном случае в списке И-1 текст полнее, чем в У, возможно, что И-1 в данном месте ближе к оригиналу (проверить по другим спискам нельзя, так как этот текст больше нигде не сохранился).

И-1

«Побежи, поганьи Мамаи, и от нас по задлешью». Нам земля подобна естъ Руская милому младенцу у матери, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуютъ его. И потешить господь бог человеколюбец князи рускыя, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича меж Доном и Непром.

У

«Побежи ты, поганьи Момаи, от нас по заденеш и нам от земли Руской». Уподобился еси милому младенцу у матери своеи. Тако господь бог помиловал князеи руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича меж Дона и Непра.

Из сравнения текстов видно, что в списке У больше искажений и, безусловно, в нем есть пропуск. Фраза «уподобился еси милому младенцу у матери своеи» без текста списка И-1 не ясна, не закончена.

В то же время список И-1 не сохранил полностью окончание, в нем отсутствует последнее предложение: «И поидем, брате, князь Владимир Андреевичъ, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава». В пользу того, что это предложение не является случайной вставкой позднего редактора списка У, говорит совпадающее с ним в этой части «Сказание о Мамаевом побоище», в котором тоже имеется это предложение.²²

Сопоставление тех частей текста по спискам И-1 и У, где «Задонщина» близка «Слову о полку Игореве», тоже показывает, что они не везде одинаково передают этот текст, в разных случаях то один, то другой список ближе тексту «Слова о полку Игореве».²³ Приведем примеры:

²² Отметим, что употребление терминов «Залеская земля» и «меж доном и Непром» характерно для «Задонщины», а не для «Сказания».

²³ О близости к «Слову о полку Игореве» отдельных чтений «Задонщины» по разным спискам см. подробнее в статье О. В. Творогова «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» в настоящем сборнике, стр. 297—312.

И-1

С л о в о

У

...лучче бо есть, брате,
нача поведати инеми словесы
о похвал(ь)ных о нынешних повестех
от полку князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича...

Начаша поведати по делом по гибелью, но потрезвимся мыслми и землями, и помянем первых лет времена...

...уставиша себе храмныя полькы в Русьской земли...

...ни в обиди есмь были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.

...ведоми полковидцы, под трубами и под шеломи воззеляныи в Литовской земли.

А уже беды их плывуще птица их крилати под облакы летают, вороны грають, а галицы своею речью говорят, орлы крилати възплещут, а волци грозно воюють, а лисицы на кости брешут.

Кликнуло диво в Русьской земли, велит послушати грозным землям.

Луче бы посеченым пасти, а не полонным възспети от поганых.

Стреляи, князь великыи, по всем землям, стреляи, князь великыи, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую, за веру христьянскую.

Трубы их не трубят, уныша бо царем их хотение.

Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ,

Игоря Святъславлича?

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени...

...наведе своя храбрыя пълкы...

...не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронѣ, поганыи Половчине.

...свѣдоми кѣмети: подъ трубами повити, подъ шеломи въззельяны...

Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию; вълци грозу възрожать по яругамъ;

орли клеткомъ на кости звѣри зовуть; лисици брешутъ на чръленыи щиты.

...збися дивъ, кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ...

...луче жъ бы потяту быти, неже полонену быти...

Стрѣляи, господине,

Кончака, поганого кощя, за землю Рускую, за раны Игоревы...

Уныли голоса, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскии.

Лудчи бо нам, брате,

начати поведати иными словесы от похвальных сих и о нынешних повестех похвалу великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича...

Начаша ти поведати по делом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена...

...уставиша собе храбрыя воеводы в Русьской земле...

...не в обиде есмь были по рожению ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.

...ведомы полеводцы, под трубами, под шеломи злачеными в Литовской земли.

А уже беды их пасоша птицы крылати под облак летят, вороны часто грають, а галицы своею речью говорят,

орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костех брешут.

И кликнули быша дивы в Русьской земли.

Лудчи бы нам потятым бытъ, нежели полоненым от поганых татар.

И князь великии своею храбростию и дружиною

Мамаю поганого побил за землю за Рускую и за веру крещеную.

И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

На этих примерах видно, насколько труден был текст «Задонщины» для переписывания; очень близкие между собой списки в отдельных словах или небольших фразах все время делают отклонения. Характерно, что особенно много таких отклонений в тексте, связанном со «Словом о полку Игореве», т. е. именно эти части «Задонщины» трудны были для переписчиков.

Самым полным текстом «Задонщины» извода Унд является список У. Этот список по времени написания является одним из поздних — середины XVII в., тем не менее он единственный сохранил полный текст «За-

донщины» извода Унд. Выше говорилось, почему есть основания считать все части текста, сохранившиеся полностью только в списке У, не позднейшими добавлениями, а принадлежащими первоначальному тексту извода Унд.

Этот список «Задонщины», как и остальные, имеет небольшие пропуски в отдельных местах,²⁴ незначительные искажения и замены в отдельных словах, некоторые поновления и даже упрощения текста.²⁵

Несмотря на эти уже позднейшие наслоения, можно считать, что список У лучше всех других списков сохранил полноту текста «Задонщины» этого извода и все его основные характерные признаки.

Характерные особенности извода Унд и его отличия от того текста, к которому он восходит, можно установить, только сравнив его с другим дошедшим до нас изводом «Задонщины», который мы будем условно называть изводом Син.

* * *

С выяснением признаков извода Син дело обстоит гораздо сложнее, чем с изводом Унд. Говорить о существовании особого извода сравнительно с изводом Унд позволяют два списка: К-Б и С. Списки извода Унд отличаются друг от друга только отдельными незначительными отклонениями, передавая в целом единый текст. Списки же К-Б и С, кроме общих между ними черт, отличающих их от списков извода Унд, имеют свои, отличающие их друг от друга признаки. Трудность состоит в том, чтобы решить — сохранил ли признаки первоначального текста извода Син список К-Б или список С, или в том и другом случаях особенности этих списков, отличающие их друг от друга, появились позже.

Списки С и К-Б имеют на протяжении всего текста сходные чтения, которые свидетельствуют, что в основе их лежал общий источник. Этот общий источник списков С и К-Б имел некоторые отличия от текста извода Унд, переданного списками У, Ж, И-1 и И-2. Это и позволяет говорить на основании сохранившихся списков о существовании двух изводов²⁶ дошедшей до нас редакции «Задонщины» — изводе Унд и изводе Син.

Признаки извода Син приходится выяснять путем сравнения общих черт списков С и К-Б с изводом Унд. Необходимо сделать оговорку. В данной части работы не решается вопрос отношения списка К-Б с его особенностями к остальным спискам «Задонщины», т. е. речь идет не о тексте списка К-Б или С, а о тексте их общего источника, названного нами изводом Син.

Список С и по полноте текста, и по передаче общего содержания, и по последовательности отдельных эпизодов стоит значительно ближе к изводу Унд, чем список К-Б. Список К-Б имеет много индивидуальных черт, которые отличают его и от списков извода Унд и от списка С.

²⁴ Например пропущено: «зана же отпало мужество их» (по И-1); «к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю» (по И-1); «сопнем шлемом воды» (по С); «сильнии ветри» (по И-1); «велит послушати грозным землям» (по И-1); «а Дон шлемом вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити» (по И-1); «камкы, насычеве везут женам своим» (по И-1).

²⁵ Приведем некоторые такие чтения: «похвалу» (в И-1 — «полку»); «храбрыя воеводы» (в И-1 — «храмныя полькы»); «на добрые кони своя» (в И-1 — «на борзья своя комони»); «во полцех поганых» (в И-1 — «по рати поганым»); «и нача их бусорманов бити и сечи горазно без милости» (в И-1 — «бьет горко, тоску им подаваше»; в И-2 — «и нача их бити гораздо, тоску им подаваше»); «а руские князи и бояры и воеводы и все великое войско» (в И-1 — «русские сынове»).

²⁶ Это мнение высказано в работе Р. Якобсона, см. выше, стр. 202.

Различия между К-Б и С значительно затрудняют выявление характерных признаков извода Син в отличие от извода Унд. У нас нет критерия для решения, который из списков — К-Б или С, в случаях их различий, ближе их общему оригиналу — изводу Син. Поэтому представление об изводе Син может быть ограничено только теми деталями текста, где списки К-Б и С, совпадая между собой, отличаются от извода Унд.

Выявление общих черт списков К-Б и С позволяет не только говорить о существовании двух изводов «Задонщины», названных нами изводами Унд и Син, но и помогает определить место каждого списка в истории изменения текста «Задонщины». Таким путем сам по себе решается важный вопрос, неоднократно затрагивавшийся в научной литературе, — является ли список К-Б тем текстом «Задонщины», от которого ведут свое начало все остальные списки «Задонщины».

Назовем общие чтения списков К-Б и С, которые отличают их от списков извода Унд.

Имеется несколько предложений с одним и тем же содержанием, которые в каждом изводе переданы несколько иначе.

Приведем параллельно чтения одного такого предложения (берем чтения списков И-1, У, С и К-Б):

И-1	У	С	К-Б
...ни в обиди есмь были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.	...не в обиде есми были по рожению ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.	...доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Мамаю.	Досюды есмь были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

В этом предложении изменен текст оригинала в каком-то из изводов. Слова «ни ястребу, ни кречату» в том и другом случаях приведены одинаково, следовательно, они были так написаны в общем оригинале двух изводов. В начале же предложения имеются отличия. В изводе Унд эти слова соответствуют первой части предложения: стоят в дательном падеже и обозначают — для кого совершается действие.²⁷ Отметим, что в «Слове о полку Игореве» соблюдается та же конструкция, что и в списках извода Унд («не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронѣ, поганыйи Половчине»). В изводе Син первая часть предложения иная, чем в изводе Унд. Эта первая часть предложения в изводе Син не согласуется со второй его частью. Сказуемое, выраженное страдательным причастием «не изобижены», должно бы требовать или творительного падежа или родительного с предлогом «от»;²⁸ вместо этого стоит дательный падеж — остаток прежней конструкции.²⁹ Отсюда можно заключить, что рассматриваемое предложение претерпело изменение в изводе Син, а в изводе Унд сохранился текст, более близкий оригиналу. В ре-

²⁷ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 432. Благодарю за консультацию по этому вопросу Л. С. Ковтун, В. И. Борковского, Б. Л. Богородского.

²⁸ Там же, стр. 439: «Творительный действующего лица находим при причастии страдательного залога ... Для обозначения действующего лица в страдательных конструкциях может быть использован и родительный с предлогом „от“, однако в древнерусских памятниках господствуют случаи с творительным падежом».

²⁹ Переписчик списка С почувствовал нечеткость в тексте и поэтому после глагола «не обижены» добавил «ни от кого», однако концовку оставил в дательном падеже.

зультате изменения первой части предложения в списках К-Б и С оказался нарушенным исходный синтаксический строй.

Это наблюдение позволяет сделать существенный вывод: извод Син (в том числе и список К-Б) в данном месте представляет собой не начальный текст, а его дальнейшую переделку. Следовательно, извод Син не мог служить оригиналом для извода Унд, а значит и список типа К-Б не мог лежать в основе списков извода Унд, не мог быть первоначальным текстом.

Во второй части этого предложения тоже имеются чтения, отличающие списки К-Б и С от остальных списков «Задонщины» и свидетельствующие о происхождении их от одного источника. Как в списке К-Б, так и в списке С отсутствуют слова «ни черному ворону», зато при характеристике Мамаю по сравнению со списками извода Унд добавлено «ни тому ж псу».

Приведем следующее предложение, где списки К-Б и С имеют общие отличия от списков извода Унд.

И-1	У	С	К-Б
<p>Не тури возгре- мели на поле Кули- кове, побежени у Дону великого. То ти не туры побеже- ни, посечены князи руския и воеводы великого князя, и князи белозерстии посечени от поганых татар.</p>	<p>Не тури возгре- мели у Дунаю вели- каго на поле Кули- кове. И не тури по- беждени у Дунаю великого, но посече- ны князи руские, и бояры, и воеводы ве- ликого князя Дмит- рея Ивановича, по- беждени князи бело- зерстии от поганых татар.</p>	<p>Не турове рано возрули на поли Ку- ликове, возрули вое- воды сильныя, боя- ре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя бело- озерстии, побитыи и посечены от пага- ных татар.</p>	<p>Тогда же не тури возрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избииени от поганых князи вели- ких и боляр санов- ных.</p>

Этот пример не позволяет сделать определенных и точных выводов, так как в данном случае трудно доказать, где текст более первичен. Но он наглядно показывает, что списки извода Унд восходят к одному варианту, списки К-Б и С имеют другой общий источник. При незначительном на первый взгляд расхождении чтений начала предложения, каждый из изводов передает разное содержание. В изводе Унд говорится об участии в сражении русских воинов («возгремели») и о их гибели; в списках К-Б и С сообщается о криках на поле боя избитых русских воинов («возрули», «возрыкають»).

Скорее всего, в данном месте извод Унд меняет первоначальный текст. Свидетельством этого служит повторение слова «побеждени» (в списке И-1 — «посечены»). Объяснить это можно тем, что в первом случае был заменен глагол «возрули» (в К-Б «взопаша») словом «побеждени». Надо отметить, что содержание предложения в изводе Син нечеткое: говорится, что кричат «избииени» воеводы и бояре. Очевидно, объяснить это противоре-чие можно только, если считать, что автор «Задонщины» использовал соответствующее место «Слова о полку Игореве».

Заметим для будущего, что в перечислении имен убитых на Куликовом поле список С близок спискам извода Унд, а список К-Б называет часть новых имен (см. ниже, стр. 260).

Третий пример, свидетельствующий о связи между списками К-Б и С и их отличии от списков извода Унд, тоже относится к числу изменений, коснувшихся целого предложения.

И-1

У

С

К-Б

И молвяше брат его Ослабе чернец: «Брате Пересвет, вижу на теле твоём раны, уже голове твоёи летети на траву ковыль, а чаду моему Якову на ковыли земли не лежати на поли Куликове за веру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И молвяше Осябля чернец своему брату Пересвету старцу: «Брате Пересвете, вижу на теле твоём раны великия, уже, брате, летети главе твоёи на траву ковыль, а чаду моему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове на речке Напряде за веру христьянскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

Говорит Услабо чернец брату своему Пересвету чернцу: «Брате Якове, вижу на теле твоём многия раны, пасти главы твоёи на траву ковылу, брате чадо Якове, но зелену ковылу зо землю Рускую и зо обиду великого князя Дмитрия и зо брата его князя Володимера Ондреевича».

И рече Осябля брату своему Пересвету: «Уже, брате, вижу раны на сердци твоёмь тяжки. Уже твоёи главе пасти на сырую землю, на белую ковылу, моему чаду Иякову».

Из сопоставления этих отрывков видно, что самый большой текст сохранился в списке У, хотя, конечно, это не может означать, что это и самый первоначальный текст. Тот же текст без существенных отступлений в содержании сохранился в списке И-1. Исключение составляет слово «моему»: в списке И-1 о Якове сказано как о сыне Осябли, а в У он называется как сын Пересвета; так как вместо слова «моему» стоит слово «твоему». Скорее всего, в оригинале было написано «моему», так как это слово повторяется в списке К-Б.³⁰

В списках К-Б и С одинаково вместо глагола «летети» написано «пасти». Во второй части предложения — там, где говорится об Иякове, тоже имеется сходство, отличающее эти списки от списков извода Унд: в списках извода Унд сказано, что Иякову «лежати на зелене ковыле», в К-Б и С глагол «лежати» отсутствует. Из-за отсутствия глагола текст списков К-Б и С оказался нечетким по содержанию. Именно этим последним объясняется дальнейшее изменение текста в списке С, которое привело к фактической ошибке. Переписчики решили, что речь идет не о двух лицах, а об одном, и поэтому в С списке Осябля, обращаясь к Пересвету, называет его Яковым, а не своего сына, как в списках К-Б и И-1 (ср. в К-Б обращение — «брате», в С — «брате Якове»). Упоминание ниже о чаде Якове («чаду Иякову») К-Б списка в списке С передано как обращение к Пересвету — «брате чадо Якове», которое свидетельствует о вторичности текста списка С (добавление слова «брате» превращает Пересвета уже не в брата Осябли, как говорилось выше в том же списке С, а в его племянника — «брате чадо»).

Был ли в общем оригинале изводов Син и Унд глагол «пасти» или «летети», сказать трудно. Но, по всей видимости, сыну Осябли, Якову, в оригинале было уделено больше внимания, чем передает нам список К-Б. Упоминание единственный раз вскользь имени Якова в конце предсказаний Пересвету свидетельствует о какой-то неточности в передаче авторской мысли в списке К-Б, она явно не завершена. Именно эта смысловая нечеткость и привела к тому, что переписчик списка С воспринял имя Якова как имя Пересвета, которому посвящена вся речь

³⁰ В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминается участник «сторожи» Яков Осяблятин, погибший в Куликовской битве (Повести о Куликовской битве, стр. 50).

Осляби. Надо полагать, что в оригинале списков К-Б и С было подробнее сказано о Якове.

Таким образом, более ранние чтения иногда дает извод Унд, иногда извод Син. Следовательно, они оба восходят к несохранившемуся общему источнику, а не один к другому. И все дошедшие списки «Задонщины», относясь к тому или иному изводу, содержат те или иные поздние наслоения, но ни один из них не является источником остальных, в том числе и самый древнейший из них — К-Б.

Остановимся еще на одной общей особенности списков К-Б и С. В отличие от списков извода Унд, в них в первом плаче жен говорится только о жене Микулы Васильевича, которая названа здесь Марьей. В изводе Унд упоминаются две женщины, причем в списках У и И-2 жена Микулы Васильевича имеет имя Федосья, а в И-1 она не называется по имени.³¹

Сам же плач во всех списках одинаково ведется от имени только жены Микулы Васильевича. На наш взгляд, в данном месте списки С и К-Б передают содержание этой части «Задонщины» ближе к оригиналу, чем списки извода Унд, в который внесены уже дальнейшие домыслы.

Есть еще одно место в плаче жен, которое объединяет списки К-Б и С и отличает их от остальных списков. Последняя фраза списка К-Б близка содержанием к окончанию плача московских жен, которое имеется только в списке С.

К-Б

Уже, сестрици наши, мужей наших в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святых церкви, за православную веру э дивными удалци, с мужескими сыны.

С

... изседоша удалцы и з борзых коней на судное место на поли Куликове, положили головы своя от святых божья церкви, за православную веру христианскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича.

Конечно, приведенные отрывки имеют слишком общее содержание. Подобный же текст читается во вступлении списка У («главы своя положиша за землю за Рускую и за веру христианьскую»). Но, учитывая, что это не единственное совпадение между списками К-Б и С, читающееся, к тому же в одном и том же месте, едва ли можно считать его случайным. Скорее всего подобный же текст был в их общем источнике, но его не было в протографе списков извода Унд.

Таким образом, из перечисленных примеров видно, что сохранившиеся списки «Задонщины» распадаются на две группы, каждая из которых имеет свою историю создания. Как было показано выше, в одних случаях одна группа передает текст, более близкий оригиналу, в других — другая. Это позволяет сделать заключение, что ни одна из сохранившихся групп не является первичной по отношению к другой, они обе должны восходить к общему источнику, до нас не дошедшему.

Из изложенных выше наблюдений можно сделать еще один вывод. В примерах общих отличий списков С и К-Б от извода Унд каждый раз список С оказывается ближе тексту извода Унд, чем список К-Б. В последнем, кроме общих с С списком отличий от извода Унд, имеются еще и свои, только ему присущие.

Общие особенности списков К-Б и С не ограничиваются несколько измененной передачей текста в отдельных отрывках или предложениях

³¹ Об этом см. выше, стр. 205.

сравнительно с изводом Унд. У них имеется еще одна общая черта: оба списка содержат одни и те же дополнительные сведения историко-генеалогического содержания. Как и в предыдущих случаях, эти чтения мы можем возвести к их общему оригиналу — изводу Син. Однако это не исключает другого предположения, хотя и мало вероятного: они были в общем оригинале двух изводов, но составитель извода Унд убрал некоторые исторические сведения.

При перечислении князей, которым Боян пел славу, в списках С и К-Б упомянут Рюрик, в остальных списках о нем не говорится. В списке С в отличие от К-Б опущено имя Игоря Рюриковича, поэтому в нем, как и в списках извода Унд, говорится о трех князьях, а в К-Б названо четыре имени:

И-1	У	С	К-Б
...первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью великому князю Ярославу Володимировичю.	...первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимировичю.	...первому князю рускому на земли Киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославичю, великому князю Ерославу Володимировичю.	...первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю.

Трудно определить, в котором из изводов сохранились первоначальные чтения. Однако можно объяснить, каким образом появилось имя Рюрика. В списке И-1 говорится «первую славу», возможно в первоначальном тексте числительные и относились к слову «слава», а в дальнейшем их стали связывать со словом «князь». Поэтому редактор извода Син и решил уточнить сведения о князьях, включив имя Рюрика, первого русского князя. Кстати отметим, что полного совпадения между списками С и К-Б нет и что список К-Б допускает ошибку, называя одного из князей «Святославом Ярославичем».

Только списки К-Б и С титулуют Владимира Святославича «царем русским», хотя и в разных местах текста. В остальных списках он называется «великим князем киевским». Список С, кроме одного случая, тоже говорит о нем, как о «великом князе киевском».

В первом случае, когда упоминается Владимир Святославич, в С написано так же, как в И-1 и У: «...поменовыша прадида своего великого князя Володимера Киевского»; в К-Б здесь добавлено «царя русского». Во втором случае, когда назван Владимир Святославич, список С добавляет «русского царя»:

И-1	У	С	К-Б
...гнездо есмь великого князя Владимеры Киевьскаго	...гнездо есмь великого князя Владимира Киевскаго.	...гнездо есмо князя Володимера Киевского руского царя.	...гнездо есмь великаго князя Ивана Данильевича.

В первом ли случае в изводе Син употреблен титул «царь русский», или во втором, для нас остается неясным, но, по всей видимости, этот термин в списке К-Б и С попал из их общего источника.

Возможно, что именно список С в данном случае ближе оригиналу, а в К-Б во втором случае было внесено изменение: вместо Владимира Киевского поместили имя Ивана Даниловича. Этому изменению списка

К-Б можно дать объяснение: имя Ивана Даниловича, кроме К-Б, упоминается также и в списке С, там где К-Б опускает часть текста в обращении Дмитрия Ивановича к Владимиру Андреевичу.

И-1	У	С	К-Б
Брате князь Владимире Одреевич, сами себе есмь два брата, воеводы у нас уставлены...	Брате Владимир Андреевичь, сами есмь, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены...	Брате милыи, сами есмо себе два браты, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича. А воеводы в нас воставлены...	<i>Нет.</i>

Для выяснения происхождения этого текста надо привести еще один отрывок из «Задонщины»:

И-1	У	С	К-Б
И молвяше Одрей Олгердович брата своему Дмитрию: «Сами есмь себе два брата, а внуки есмь Едимантовы...	Молвяше Одрей Олгердович своему брату: «Брате себе два браты, сынове Олгердовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есмь Сколомендовы».	И рече князь Одрей Брянский брату своему князю Дмитрию Вольнскому: «Княже Дмитрию, сами есмо себе два браты, сынов есмо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы».	Молвяше Андрей к своему брату Дмитрию: «Сама ема два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы».

Текст списка С с упоминанием Ивана Калиты, по всей видимости, вторичного происхождения. Текст в изводе Унд ближе оригиналу. Перечисление предков Дмитрия Ивановича в списке С обусловлено влиянием обращения Андрея Ольгердовича к своему брату. Этим и можно объяснить, что в С список закралась фактическая ошибка: Иван Калита является дедом, а не отцом Дмитрия Донского и Владимира Андреевича. Дмитрий Донской и Владимир Андреевич не являются сыновьями одного отца. Поэтому следует считать, что вариант извода Унд передает вернее текст протографа двух изводов.

Упоминание имени Калиты в списке К-Б вместо Владимира Святославича тоже не является удачным. Там речь идет о всех русских князьях, о них нельзя сказать, что все они «гнездо» великого князя Ивана Даниловича.

Таким образом, появление имени Ивана Калиты в списках К-Б и С свидетельствует о взаимосвязи этих списков, но который из них оказал влияние на другой — решить трудно. Возможно, интерес к историческим лицам толкнул редактора списка К-Б, сократившего часть речи великого князя, сохранить, однако, имя Ивана Калиты. Поэтому он поместил его имя вместо Владимира Святославича.

Есть еще одна подобного рода общая черта между списками К-Б и С. В изводе Унд братья Ольгердовичи называются только по имени, в списках С и К-Б упоминаются их общеизвестные прозвища — «Брянский» и «Полоцкий»:³²

³² В летописной повести о Куликовской битве они тоже называются — «Дмитрий Брянский», «Андрей Полоцкий».

И-1	У	С	К-Б
... два братьев Олгердовичев, Онд- реи да брат его Дмитрей Олгердо- вичев, да Дмитрей Волыньскыи.	... двумя братом Олгордовичем, Анд- рею и брату его Дмитрею, да Дмит- рею Вольньскому.	... двух брат Алгиродичевы, князя Дмитрея Во- льньского, а князя Ондрея Бранского.	... два брата, два сына Вольярдо- вы, Андрея Поло- ветцаго, Дмитрия Бряньского.

Из сравнения этих отрывков видно, что С список, с одной стороны, близок спискам извода Унд, с другой — К-Б списку. Упоминание имени Дмитрия Волынского в списке С указывает на связь его с текстом извода Унд. С другой стороны, наличие в списке С прозвища «Брянский» говорит о близости его тексту, читающемуся в списке К-Б. Список С дает вторичные искаженные чтения: в его источнике было два Дмитрия, в С они объединены в одном лице, к имени Дмитрия Ольгердовича присоединено прозвище другого Дмитрия, прозвище же Дмитрия Ольгердовича присоединено к имени Андрея Ольгердовича.

Эти княжеские фамилии, ошибочно отнесенные к двум Ольгердовичам, в списке С проведены по всему тексту: и в обращении Ольгердовичей друг к другу, и при перечислении воевод.³³

Все эти небольшие добавления исторического характера, имеющиеся в списках К-Б и С, свидетельствуют только о существовании связи между этими списками. Из сопоставления чтений нельзя вынести представления, как они выглядели в тексте извода Син, так ли как в списке С, или как в списке К-Б. Иными словами, ни в одном из перечисленных случаев нельзя сказать, который из списков сохраняет оригинальные чтения. Характерно, что общие добавления исторического характера использованы в списках К-Б и С не в идентичных текстах, а в разных местах.

Такого же характера общей чертой списков С и К-Б является упоминание даты битвы. В изводе Унд о дне битвы говорится следующее: «А билися из утра до полудни в субботу на рождество святыя богородицы» (У). Список С дает то же самое чтение, только в конце добавляет дату: «И билися из утра до полудня в субботу на рождество святыя богородица месяца сентебра во 8 день».

Дата эта имеется и в списке К-Б, но она помещена в другом месте — там, где говорится о выезде Дмитрия Донского на бой: «Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на рождество пресвятыя богородица ясно светить, путь ему поведает, Борис Глеб молитву творять за сродники свои». В других списках, в том числе и С, этой фразой сообщается известие о выезде великого князя в поход (С — «Солнце ему ясная сияет на востак, путь поведает, святыи Борис и Глеб молитву творит зо сродники своя»). В списке К-Б текст не ясен: фраза «путь ему поведает» должна бы говорить о выезде в поход, но добавленная дата битвы скорее свидетельствует о выезде князя на поле боя.

Этот пример тоже не позволяет сделать вывод о том, какой текст читался в изводе С, но служит лишним подтверждением связи между списками К-Б и С.

Кроме общих фраз, которые в других списках переданы иначе, кроме небольших одних и тех же фактических уточнений исторического характера, между списками К-Б и С на протяжении всего текста наблюдаются

³³ «... два брата Олгиродовичи — княз Андрей Бранский, а княз Дмитрей Волынский» — ср. в У: «... да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Вольньской», т. е. и здесь в список С внесено изменение.

общие мелкие чтения в виде отдельных слов, отличающие эти списки от чтений списков извода Унд.

Перечислим эти особенности.

1) Только в списках К-Б и С употреблено слово «златые» в близком сочетании:

К-Б	С	У	И-1
...златыя пер- сты на живыя стру- ны.	...белыя [руцы но златыи струны.	...горазная своя персты на живыя струны.	...гораздыя своя персты на живыя струны.

На этом примере, кроме того, видно, что определение «живыя струны» является первичным чтением, так как оно сохранилось и в изводе Унд и в списке К-Б, а чтение С «златыи струны» явно вторичного происхождения. Но слово «златые» имеется в К-Б. Надо думать, что в С оно заимствовано из общего источника со списком К-Б, где оно относилось к другому слову.

2) В рассказе о готовности русских войск выступить в поход наблюдается несколько частных совпадений между списками К-Б и С:

К-Б	С	И-1
Кони ржуть на Моск- ве, бубны бьют на Ко- ломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли Русьской, чюдно стязи стоять у Дону великого.	Кони ирзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коломне, звенит слава по всей земли Руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези.	На Москве кони ржуть, звенит слава рус- кая по всей земли Руской, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпохове, стоят стязи у Дону у ве- ликого на берези.

Одинаково в списках К-Б и С бубны бьют на Коломне, а не в Серпухове, как в списках У и И-1. Слова «звенит слава» стоят в одной и той же последовательности в списках К-Б и С после слов «трубы трубят» (в списках У и И-1 до этого). К словам «стязи стоят» только в списках К-Б и С добавлено «чюдно». Эти примеры опять-таки показывают, что у К-Б и С списков должен был быть общий источник в отличие от списков У и И-1.

3) В одном и том же месте в списках С и К-Б употреблено слово «диво»:

К-Б	С	У	И-1
...укупимь зем- лямь диво.	...искупим жи- вотом славы, учи- нить имам диво.	...укупим живо- ту своему славы.	...укупим жи- воту славу.

В данном случае можно сделать два предположения: 1) или список С соединил два текста, тексты списков К-Б и извода Унд, 2) или, что вероятнее, в списке С сохранился полный текст оригинала, а в списке К-Б и в изводе Унд независимо друг от друга утрачена часть предложения.

4) В приводимом ниже тексте «Задонщины» списки К-Б и С объединяют два момента: с одной стороны, они значительно полнее списков извода Унд, с другой — по сравнению с изводом Унд списки К-Б и С имеют общий пропуск.

И-1	У	С	К-Б
Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы въззелеяны в Литовьской земли.	Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы, под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земли.	Тые ж бо есть сынове храбрии, родишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней воскормлены, с коленых стрел во поены в Литивской земли.	Ти бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шеломы въззелеаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьской земли.

Здесь и К-Б и С по сравнению со списками извода Унд опустили слова «ведомы полковидцы» («ведомы полеводцы»), но в то же время они пополнены несколькими фразами. Такое сочетание одного и того же пропуска и одинаковых дополнений одновременно говорит в пользу того, что списки С и К-Б должны восходить к одному источнику. И едва ли при таком сочетании общих отличий списков С и К-Б список С мог быть пополнен за счет К-Б списка или изменен на основании списка извода Унд.

Не будем останавливаться на различиях внутри этого текста в списках С и К-Б. Скорее всего, список К-Б менял текст сравнительно с текстом списка С, но у нас нет достаточно веских доказательств этого. Отметим только, что в списке С искажена часть фразы, смысл которой можно установить, только сравнив ее с текстом списка К-Б («нечистых кочаны, коней»).

Обратим внимание на то, что и здесь есть момент, в котором список С одновременно близок и изводу Унд, и списку К-Б:

К-Б	С	У
...на щите рожены.	...родишась в ратное време.	...кречаты в ратном времени.

В данном случае можно сделать два предположения: или список К-Б вторично влиял на список С, или К-Б, вместе со списком С, восходя к тексту извода Син, сам является его дальнейшей переделкой. Но, учитывая все особенности списков в этом отрывке текста, можно думать, что списки К-Б и С восходят к общему оригиналу. В списке К-Б в дальнейшем были внесены некоторые изменения, а в списке С из-за сложности текста при переписывании его исказили.

5) Следующее общее чтение между списками К-Б и С незначительно и не позволяет сделать новые выводы:

К-Б	С	У	И-1
...гремят удалцы золочеными шеломы, черлеными щиты.	...грямят руская удалцы золотыми доспехи и шеломы и черлеными щиты.	...гремят удалцы руские злачеными доспехи и черлеными щиты московскими.	...гремят удалцы руския золочеными доспехы, черлеными щиты.

Здесь список С одновременно отражает особенности списка К-Б и списков извода Унд: в тексте списка С упомянуты и «шеломы», как в К-Б, и «доспехи», которые названы в тексте списков извода Унд и отсутствуют в К-Б.

6) В следующих двух примерах в списках К-Б и С предложения даются с одним глаголом, в изводе Унд с другим, что может только свидетельствовать об общем источнике для списков К-Б и С.

К-Б	С	У	И-1
... позвонять сво- ими значеными коло- колци.	... звонечи золо- тыми колоколы.	... возгремеша значеными колоколы.	... возгремеша золочеными колоко- лы.

7) Во втором подобном случае одно и то же предложение в списках К-Б и С написано с глаголом «творить», в списках У и И-1 поставлен глагол «воздавать»:

К-Б	С	У	И-1
... Борис Глеб молитву творять за сродники свои.	... Борис и Глеб молитву творит за сродники своя.	... Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя.	... Борис и Глеб молитву воздает за сродники.

8) В приводимом ниже случае хотя и нет словесных совпадений между списками С и К-Б, но можно найти смысловую близость.

С	К-Б	У	И-1
... а хоробруя нашу дружину побива- ют.	... а вои наши отнимають.	... и вотчину от- нимают.	... отъимають от- чину нашу.

Эти сообщения приводятся в тексте до рассказа о начале боя, поэтому вероятнее чтение извода Унд. В списке К-Б явное искажение текста: конечно, глагол «отнимать» относится к слову «вотчина», а по отношению к воинам — это бессмыслица. Список С пытается устранить ее, заменив глагол «отнимают» глаголом «побивают».

9) Следы близости между С и К-Б списками можно заметить и в следующем тексте:

К-Б	С	И-1	У
Воды возпиша, весть подаваша по рожнымь землямь.	Кликнула диво по всем землям руским, велит гроз- на послушати.	Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грозь- ным землям.	И кликнули бы- ша дивы в Руской земли.

Видимо, не случайно в списках К-Б и С использован один и тот же предлог «по». Если считать, что К-Б менял текст, то источником ему служил текст, подобный тексту списка С, а не извода Унд.

10) Об общем источнике для списков К-Б и С говорят следующие общие чтения между ними:

К-Б	С	У	И-1
... толко часто ворони грають.	... но только часто вороны иг- рают.	... но едины во- роны грают.	... но одне во- роне грають.

11) О близости между списками С и К-Б можно говорить и на основании следующего текста:

У	И-1	С	К-Б
Зберем, брате, милые пановя уда- лые Литвы, храбрых удальцов, а сами ся- дем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, ис-	... изберем бра- тью милую пановен удальи Литвы, храб- рых удальцев, и сами сядем на борз- зя своя комони, посмотрим быстрого	Соберем себе ми- лую дружину храб- рих панов, а силь- ных удальцах, а са- ми усядем на борз- дя кони, посмо- трим быстрого	Сядемь, брате, на свои борзѣ ко- мони, испиемь, брате, шеломомь своимь

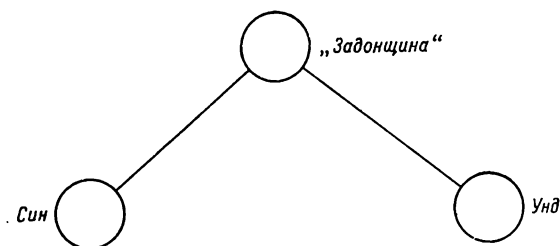
<p>пытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких о боеданы бусорманские</p>	<p>Дону, избьем шеломы мечи, испытаем мечев своих литовъских о шеломы татарския, сулиц немецъких байданы бесерменьския.</p>	<p>Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов своих литовских а шоломов татарских, солиц немецких а бонадов бесумерских.</p>	<p>воды быстрого Дону, испытаемь мечи свои булатныя.</p>
---	---	---	--

Текст списка К-Б значительно короче, тем не менее он вместе со списком С сохраняет фразу «сопием шеломом воды», которая отсутствует в списке У и явно искажена в списке И-1. Отметим здесь же, что список К-Б в этой фразе ближе «Слову о полку Игореве», чем список С.

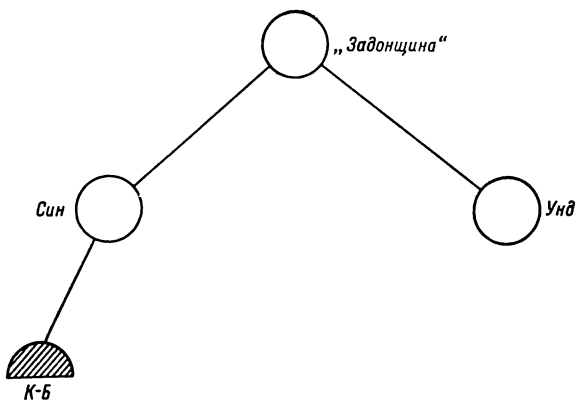
Таким образом, перечисленные примеры близости между списками К-Б и С носят разный характер. Эта близость выражается либо в изменениях, распространяющихся на целые предложения, либо касается нескольких слов; кроме того, имеется несколько добавлений или изменений исторически-фактического содержания.

При определении особенностей извода Син выяснилось следующее.

1) Извод Син нельзя возводить к изводу Унд, как нельзя возводить извод Унд к изводу Син. Они оба имеют то более первичные чтения, то более вторичные. Следовательно, оба извода можно возводить только к общему источнику:³⁴

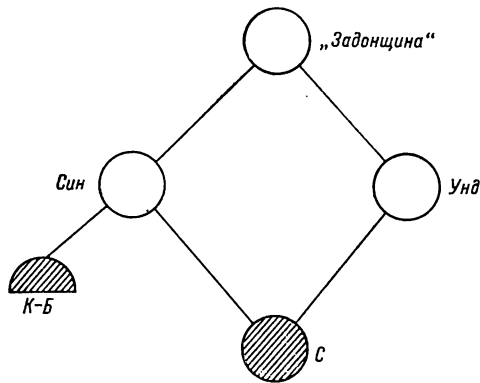
2) Так как список К-Б, помимо своих только ему присущих особенностей, имеет общие чтения со списком С, в отличие от списков извода Унд, в том числе и вторичные, то, следовательно, он не может прямо восходить к оригиналу изводов Син и Унд, а только через текст извода Син и не может, следовательно, являться первоначальным текстом «Задонщины»:

³⁴ Здесь и далее незаштрихованные кружки обозначают изводы и списки несохранившиеся, заштрихованные — списки, дошедшие до нас.

Но этот вывод не решает вопроса об особенностях, присущих только списку К-Б, — появились ли они в результате дальнейших изменений чтений извода Син, или список К-Б передает все особенности извода Син, которые в свою очередь ближе первоначальным чтениям «Задонщины», не сохранившимся как в изводе Унд, так и в списке С. Решение этого вопроса зависит от выяснения, что собой представляет извод Син.

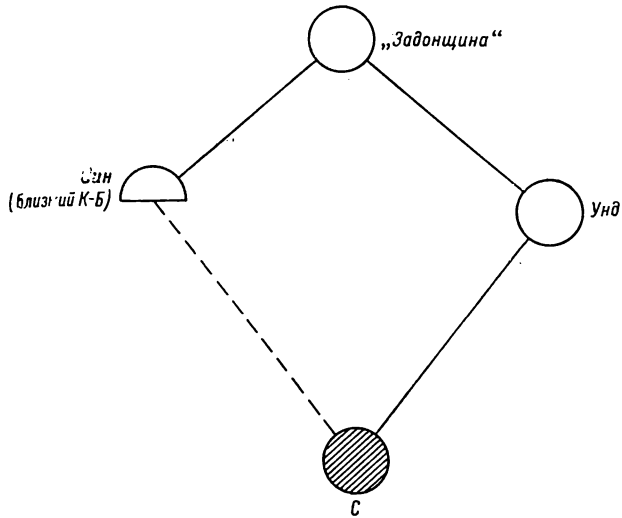
3) Во всех случаях некоторого расхождения между близкими чтениями списков К-Б и С список С в целом оказывается ближе изводу Унд, чем список К-Б. Чем объясняется эта близость списка С к изводу Унд? Если общие чтения списка С и списков извода Унд появились в списке С через текст извода Син, тогда вопрос об особенностях списка К-Б решается просто — все эти особенности должны быть результатом переделки. Но возможно и другое предположение: список С объединил тексты двух изводов.

Решение проблемы взаимоотношений списков К-Б и С зависит от выяснения, что же представляет собой извод Син: был ли он полным и, следовательно, ближе списку С, или был он кратким как список К-Б? Установить характерные черты извода Син помог бы еще один список, имеющий общие чтения со списками К-Б и С.

Если предположить, что список С появился в результате объединения чтений извода Син и извода Унд, тогда с полной определенностью можно говорить только о некоторых особенностях извода Син, отличающих его от извода Унд, а не об общих чертах этого извода. Перечисленные выше общие чтения списков К-Б и С, отличающие их от остальных списков, свидетельствуют об отдельных чертах извода Син, но не дают его полной характеристики.

Однако надо заметить следующее. Если остановиться на предположении, что извод Син был ближе списку К-Б, тогда мы должны сделать совершенно определенный вывод, что при создании текста списка С основным и главным источником являлся текст списка извода Унд, а текст извода Син составитель списка С использовал как дополнительный источник. Этот вывод основывается на следующем: список С сохраняет все основные характерные черты извода Унд и в содержании и в композиции построения произведения. Ни одного отклонения списка К-Б в передаче отдельных эпизодов или изменения последовательности передачи текста список С не отражает. Для ясности изобразим это в виде схемы:

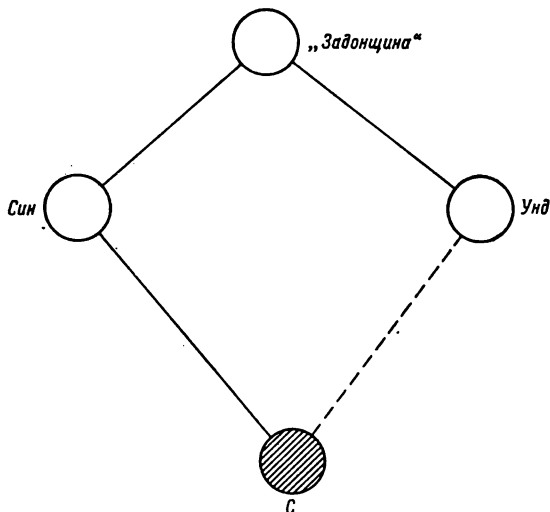
Однако характер использования чтений извода Син в списке С таков, что едва ли возможен был именно такой путь создания текста списка С. Конечно, общие чтения исторического характера вполне могли появиться в списке С таким путем, но отдельные мелкие изменения в одно-два слова, не вносящие по существу в содержание ничего нового, едва ли какой-нибудь редактор стал бы вносить и менять по другому списку. Они, скорее всего, могли появиться в списке С только из основного источника, а не из дополнительного. Такие же сомнения вызывают и изменения, касающиеся содержания и грамматического строя целых предложений. Если бы писец списка С следовал за изводом Унд, то с какой целью стал бы он грамматически стройное предложение этого извода — «Не в обиде есмь были» — заменять явно несогласованным вариантом извода Син? Этот вариант является вторичным искаженным текстом, его не было в изводе Унд, следовательно в список С он вошел из извода Син.

Точно так же кажется маловероятным, чтобы составитель текста списка С, имея в основе текст извода Унд, внес бы в него изменения по списку извода Син в той части, где приведено обращение Осляби к Пересвету. И в этом случае неясно, зачем писцу списка С понадобилось бы четкий текст речи о сыне Осляби, читающийся в изводе Унд, заменять отрывочным текстом извода Син, где недостает одного глагола, а затем снова возвращаться к своему основному оригиналу, т. е. изводу Унд, и из него брать окончание предложения. Нет никаких оснований для того, чтобы предполагать такой запутанный и смыслом текста необъяснимый путь работы над «Задонщиной» писца списка С.

Приведенные соображения, хотя и не имеют силы неоспоримых доказательств, однако в своей совокупности делают маловероятным предположение, что список С в основе имел список извода Унд и только пополнялся по списку извода Син (если считать, что извод Син близок тексту списка К-Б).

Скорее надо думать, что текст извода Син, как и текст списка С, был значительно ближе тексту извода Унд, чем текст списка К-Б. По всей видимости, список С сохранил больше черт текста извода Син, чем список К-Б. Список С и был написан не на основании текста извода Унд

с некоторыми заимствованиями из извода Син, а восходит к одному из списков извода Син с некоторыми заимствованиями из извода Унд. Этот второй путь создания текста списка С кажется более вероятным:

Дополнительные данные, помогающие до некоторой степени уяснить одну из главных черт извода Син, дают отрывки текста «Задонщины» в одной из редакций «Сказания о Мамаевом побоище».

* * *

О существовании особого извода «Задонщины», названного нами изводом Син, свидетельствует одна из групп основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» — так называемый Печатный вариант. В исследовании Л. А. Дмитриева³⁵ установлено, что в Печатном варианте основной редакции дополнительно сделаны заимствования из «Задонщины». Список «Задонщины», который был вновь привлечен при составлении Печатного варианта, имел те же особенности, что и список К-Б и С. Л. А. Дмитриев приходит к выводу, что список «Задонщины», использованный в Печатном варианте, был полным, как и список С, но при этом он имел некоторые особенности, присущие только списку К-Б, отличающие его от всех остальных списков. Л. А. Дмитриев делает заключение, что список «Задонщины», отраженный в Печатном варианте, вместе со списком К-Б восходит к изводу Син, но по сравнению со списком К-Б сохраняет некоторые более ранние черты оригинала.

В Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» по сравнению с Основной его редакцией имеется семь дополнительных отрывков, взятых из «Задонщины».³⁶ В этих отрывках Печатного варианта можно заметить три особенности, характерные для списков извода Син.

³⁵ См. статью Л. А. Дмитриева «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“ как показатели по истории текста этих произведений», стр. 432—433 настоящего сборника.

³⁶ Не рассматриваем небольших отклонений Печатного варианта от текста Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в общих с ней текстуальных заимствованиях из «Задонщины». Существенного значения для нашей темы они не имеют.

1) В Печатном варианте имеются фрагменты «Задонщины», содержащие чтения, общие со списками К-Б и С, которыми последние отличаются от остальных списков «Задонщины».

2) Одновременно с этим в двух отрывках передаются особенности текста «Задонщины», характерные только для списка К-Б.

3) В тех случаях, когда в соответствующем месте в списке К-Б отсутствует текст, в Печатном варианте имеются фрагменты, повторяющие особенности списка С, отличающие его от извода Унд. Правда, иногда в отдельных мелких чтениях Печатный вариант ближе остальным спискам «Задонщины». Следовательно, Печатный вариант иногда точнее сохраняет чтения оригинала, а С список передает уже позднейшие отклонения.

Для подтверждения этих наблюдений приведем примеры всех трех особенностей, характерных для списков извода Син.

1) Так, в тексте Печатного варианта вставлена фраза «Не турове возревеша, возревеша...». Эта фраза характерна для списков К-Б и С, и это один из признаков, по которому определяется близость между этими списками.

К-Б	С	И-1
Тогда же не тури возрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взпашиа избииени от поганых князи великих и боляр сановных.	Не турове рано возрули на поли Куликове, возрули воеводы сильные, бояре великаго князя.	Не тури возгремели на поле Куликове, побежени у Дону великаго. То ти не туры побежени, посечены князи рускыя.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Печатный вариант³⁷

... мнози бо от вельмож руских побииени суть, и руские удалцы побииени суть, аки сильнии древа сломишася. Не турове возревеша, возревеша мнози удалцы, урывающася на землю под конский копыта, и мнози же сынове рустии сотрошася.

Основная редакция³⁸

Уже бо от сановитых мужей мнози побииени суть. Богатыри же рускыя и воеводы и удалыя люди, аки древа дубравнаа клонятся на землю, под коньскыя копыта. Мнози же сынове рускыя сьтрошася.

Вставка из «Задонщины», появившаяся в Печатном варианте, заимствована из такого списка «Задонщины», который имел особенности извода Син.

Следующим таким примером является предложение, вставленное в Печатный вариант, которое объединяет особенности списков К-Б и С:

К-Б	Печатный вариант	С	И-1
Того даже было нелепо стару помолодитися.	Лепо бо есть в то время и стару помолодитися, а молоду храбрости испытати.	Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи своих испытати.	Добро бы, брате, в то время стару помолодитися, а удалым плечь попытати.

³⁷ Текст «Сказания о Мамаевом побоище» Печатного варианта здесь и далее цитируется по изданию в «Русском историческом сборнике», т. 3, кн. 1. М., 1838, стр. 57. (Далее: Печатный вариант).

³⁸ Текст «Сказания о Мамаевом побоище» Основной редакции здесь и далее цитируется по изданию: Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 69. (Далее: Основная редакция).

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

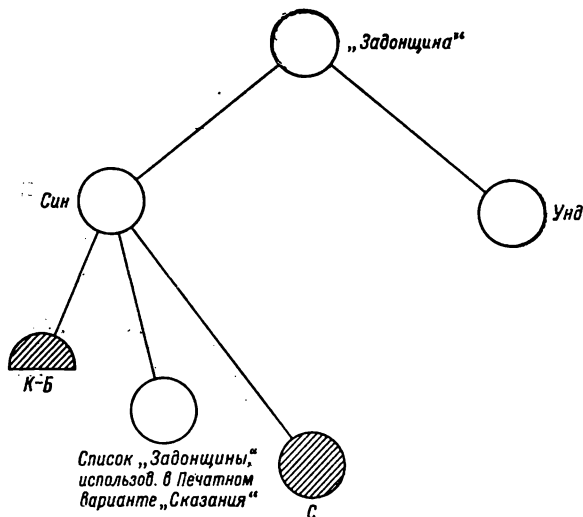
Основная редакция

Сынове же рускыя в полку его грѣко плачуще, видяще друзи свои побиваеми от поганых, непрестанно покушающесе, яко званнии на брак сладкаго вина пити. Волынец же възбраняше им. (Стр. 70).

Печатный вариант

Сынове же рускии в полку его плачущесе, видяще други свои побиваеми, непрестанно порывающесе, аки званнии на брак сладкаго вина пити. Лепо бо есть в то время и стару помолодиться, а молоду храбрости испытати. Волынец же възбраняше им. (Стр. 58).

Первой фразой текст Печатного варианта ближе списку К-Б, а вторая фраза в нем близка списку С, в К-Б ее нет. Обратим внимание на то, что в Печатном варианте сохранилось чтение («в то время»), которое отсутствует в списках К-Б и С, но имеется в изводе Унд. Отсюда следует, что список «Задонщины», использованный в Печатном варианте, не мог появиться в результате слияния чтений списков К-Б и С, а сам передает некоторые первоначальные чтения, сохранившиеся в изводе Син и восходящие к источнику обоих изводов «Задонщины».

Те же самые особенности отдельных чтений в Печатном варианте, связанных с изводом Син «Задонщины», имеются и в следующем примере.³⁹

К-Б	Печатный вариант	С	И-1
Воды возпиша, вестъ подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Железнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых та	...пойде вестъ по всемъ градом: ко Орначу, к Риму, х Кафе, к Железнымъ вратом, ко Царюграду на похвалу: Русь поганьи одолеша на поле Куликове, на	Кликнула диво по всимъ землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и и Ворнавичом и к Железнымъ вратом, ко Кафе и к турком и	Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Железнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле

³⁹ Текст «Сказания о Мамаевом побоище» Основной редакции не приводим, так как в его окончании в Печатном варианте после слов «Поганому царю Мамаю отселе збежавшу и добеже, идеже есть град Кафа» иное, чем в Основной редакции.

гар, за дышущем моремь. речке на Непрядве. Воздадим хвалу Руской земли! Кой град глава всем градом, Володимер и Ростов, хвалу воздают богу со всеми грады. (Стр. 68).

ко Царуграду, и што Русь поганых одалеша.

к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолеша Мамайя на поле Куликове.

В отличие от извода Унд, где использован предлог «в» («в Руской земли»), в К-Б, С и Печатном варианте дополнение дано с предлогом «по» («по рожнымь землямь», «по всем градом», «по всим землям»). В то же время в Печатном варианте и списке С имеется одно и то же местоимение «всем». А со списком К-Б Печатный вариант связывает употребление одного и того же существительного «весть». Точно так же, как в предыдущем примере, в Печатном варианте имеются чтения, общие с изводом Унд, не сохранившиеся в С списке («на похвалу», «на поле Куликове, на речке на Непрядве»). В целом текст Печатного варианта ближе списку С, чем К-Б. Наличие всех этих особенностей в тексте Печатного варианта и позволяет думать, что в данном месте Печатный вариант вместе со списком С ближе тексту извода Син, а существенные отличия списка К-Б идут от другого источника.

2) Приведем примеры совпадений между К-Б списком и Печатным вариантом, не повторяющиеся в списке С и изводе Унд. Таких случаев два. Первый относится к сообщению о новгородцах:

К-Б	Печатный вариант	С	И-1
<p>Кони ржутъ на Москве, бубны бьютъ на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всей земли Русьской, чудно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, святятся калантыри злачены, звонят колоколы вечнии в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичу на посье не поспети».</p> <p>Тогда аки орли слеташа со вся полунощныя страны.</p>	<p>... трубы трубят, многогласно и часто коне ржут. Звенит слава по всей Руской земли, велико вече бьют в Великом Новеграде: стоят мужи новгородцы у святыя Софеи премудости божиа, а ркучи между собою таковое слово: «Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию».</p> <p>Уже бо яко орли слеталися со всей Руской земли,</p>	<p>Кони ирзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коламне, звинит слава по всей земли Руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези, звонят вечныя колоколы у Великом Новегороде. Стоят мужи новгородцы у святое Софеи, рекут так: «Уже нам, брате, не поспети на пособ государю нашему великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андревичу».</p> <p>Як тые слова измовили, а уже как орли слетишася, выехали посадники все из Великого Новгорода 70000 кованья рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его князю Володимеру Андревичу на по</p>	<p>На Москве кони ржзут, звенит слава руская по всей земли Руской, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стязи у Дону у великого на брезеи, звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде. Стоят люди новгородцы у святой Софеи, а ркучи: «Уже нам, братие, на пособ великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть».</p> <p>И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешася, (то ти были не орлы слетешеся — У) и выехали посадники из Великого Новгорода 70 000 к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиреу Одревичу</p>

То ти не орли съехали дивныя слеташа, съехали удалцы, храбрых ся все князи русскыя к великому князю... (Стр. 26—27).

соб ко славному граду Москве.

на пособе к славному граду Москве. То те съехали все князи руския к великому князю... а храбрых плечев испытаем...

В Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» сделана вставка о новгородцах, содержание которой совпадает со списком К-Б и отличается от всех остальных списков «Задонщины», в том числе и от С. Во всех списках, кроме К-Б, новгородцы не только собираются на вечевой площади, но и выезжают на помощь к Москве. Список К-Б и Печатный вариант о выезде новгородцев не сообщают. Обратим внимание на одну деталь. При переходе к известию о выезде всех князей на помощь к Москве Печатный вариант, как все списки «Задонщины», кроме К-Б, начинается словом «уже», тогда как К-Б список употребляет «тогда». Вероятно, в оригинале было «уже». Окончание этого предложения в Печатном варианте («храбрых плечев испыта») тоже взято из «Задонщины». Фраза «а храбрых плечев испытаем» сохранилась в изводе Унд и помещена в «Задонщине» несколько ниже, в речи Дмитрия Донского. Это говорит о том, что в общем оригинале двух изводов она была, а общий источник списков К-Б и С или, может быть, оба списка независимо друг от друга ее исключили.

Возможно, эта общая черта между текстами списка К-Б и Печатного варианта отражает особенность извода Син. Одновременно этот пример показывает, что списки К-Б и С иногда независимо друг от друга отступают от своего оригинала — извода Син.

Второй пример одинаковых чтений списка К-Б и Печатного варианта, отличающихся от остальных списков «Задонщины», следующий:

К-Б	Печатный вариант	С	И-1
Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкие, щиты московския, шеломы немецкие, боданы бесерменския.	...треснуша копия харалужная, звенят доспехи значенныя, стучат щиты черленыя, гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя... (Стр. 55).	...и удариша кафыи фразскими а даспехи татарскими, возгримели мечи булатныя абы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене.	...ударышася копии харажничьными о доспехы татарския, възгримели мечи булатныя о шеломы хиновския на поле Куликове на речки Направде.

Список К-Б не точно совпадает с текстом Печатного варианта, но в отличие от списка С и извода Унд он безусловно имеет общее происхождение с этой цитатой из «Задонщины» в Печатном варианте. В списках С и извода Унд, кроме подлежащего и сказуемого, в каждом предложении имеется дополнение («о доспехи татарския» и т. д.), в списках К-Б и Печатного варианта дополнения отсутствуют. В то же время имеются некоторые различия в текстах К-Б и Печатного варианта. В К-Б перечисленные доспехов и оружия дано с одним глаголом «грянуша», который подходит для перечисления оружия, но едва ли уместен с подлежащим «шеломы немецкие». В Печатном варианте каждый раз при перечислении оружия и доспехов называется новое сказуемое. Поэтому надо думать, что в Печатном варианте текст более ранний, чем в К-Б.

Как в отношении рассказа о новгородцах, так и по поводу данного примера нельзя сделать определенный вывод, были ли эти особенности в изводе Син, так как они отсутствуют в списке С.

Отметим еще примеры общих чтений в К-Б списке и Печатном варианте. Только в этих списках упоминается доспех — «калантари злаченые». В списках Печатного варианта Андрей Ольгердович, как и в К-Б, назван Половецким,⁴⁰ а не Полоцким — иначе говоря, оба списка имеют одну и ту же ошибку.

3) Во вторичных заимствованиях Печатного варианта из «Задонщины» имеется несколько отрывков, которые своими чтениями связаны с текстом списка С. Характерным является следующий пример:

Печатный вариант

Князь великий Димитрей Ивановичъ рече брату своему князю Владимиру Андреевичю и иным князем и воеводам: «Братия моя милая, не пошадим живота своего за веру христианскую и за святыя церкви, за землю Рускую». И говорит князь Владимир Андреевичъ: «Господие князь Димитрей Ивановичъ,

воеводы у нас велики крепцы, а руские удалцы сведомы, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют велики тверды, злаченые колантыри и булатныя байданы, и колчары фряйския, корды лятцкие, сулицы немецкие, щиты червенныя, копыя злаченныя, сабли булатныя, а дорога им велики сведома, берези им на Оце изготовлены, хотят головы своя сложити за веру христианскую и за твою обиду государя великаго князя». (Стр. 22—23).

С

И рече князь Димитрей Иванович брату своему князю Володимеру Ондреевичу: «Брате милыи, сами есмо собе два браты, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича.

А воеводы в нас вставлены крепкия 70 бояринов, а князи белоузерстии, Федор Семенович, два брата Олгиродовичи, князь Андрей Бранский, а князь Димитрей Волинский, а Тимофей Волоевич, Андрей Серкизович, а Михаила Иванович. У боя нас людеи 300

тысецъ кованыя раты, а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина, а под собою маем кони борздыя, но собе маем доспехи позлащенныя, а шоломы чиркаския, а щити московския, а сулицы немецкия, а кофыи фразския, а кинжалы мисурскими, а мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозы в нас в нас вставлены, но еще хощем сильно главы свои положити за святыя божия церкви, за православную веру христианскую и за землю Рускую».

И-1

Рече ему князь Димитрей Иванович: «Брате князь Владимире Ондреевич, сами себе есмя два брата,

воеводы у нас уставлены 70 бояринов, князи крепцы белозерский, Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, два брата Олгердова, Димитрей Волинский, Тимофей Волуевич, Михаил Иванович. А воюют с нами 300 000 кованою рати, воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома, имеем под собою борздыя комони, а на себе золоченыя доспехы, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы ординские, а чары франьския, мечи булатныя». И молвяше: «Поганыи путь им знаем велики, а перевозы им изготовлены, но еще хотят сильно главы своя положити за веру крестьянскую».

Этот пример показывает, что у редактора Печатного варианта был список «Задонщины» не краткий, как в списке К-Б, а с текстом речи Дмитрия Ивановича, которую последний произносит в походе. Не останавливаясь на отличиях текста «Задонщины» Печатного варианта от списка С, обратим внимание на общие чтения в Печатном варианте и списке С, которых нет в списке И-1. В списке У это место опущено. Характерное чте-

⁴⁰ Печатный вариант, стр. 33.

ние списка С «дороги нам сведомо» повторяется в Печатном варианте («дорога им велми сведома») и не совпадает с чтением в списке И-1 («путь им знаем велми»). Следовательно, в этой части список С передает особенности извода Син, который в этой части не полностью совпал с текстом извода Унд.

Следующий текст, включенный в Печатный вариант, взят из второй части «Задонщины», которая отсутствует в К-Б:

С	Печатный вариант	У	И-1
Ставши на костех поганых татар вострубили и з радости начаша имати кони, и верблюды, и камки, носечи, сребро и злато, и крепкия доспехи, и честь, и жемчуги, и дорогое взорочия, колько хто хотечи и могучи, только возимаючи. Жень жены руския татарским златом.	Удальцы восплескаше в татарских узорочиях, везучи в землю уюсы и насычи, бугаи, коне волю и вельблуды, меды и вина и сахари. Предъвознесеса слава руская над поганых землею, ревут рози великаго князя по всем землям. (Стр. 67—68).	Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья, и доспехи, и кони, и волю, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие. Уже жены руские восплескаша татарским златом. Уже бо по Руской земле простресе веселие и буиство. Воснесеса слава руская по всей земли, а на поганых татар промчесе злых бусорманов хула и пагуба. Уже бо вержено диво на земли. И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича по всем землям текут грозы.	Уже руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волю и вельблуды, вино, сахар, дорогое узорочье, камки, насычеве везут женам своим. Уже жены руския въсплескаша татарским златом. Уже Руской земли простресе веселье. И възнесеса слава руская на поганых хулу. Уже вержено диво на землю. Уже грозы великаго князя по всей земле текуть.

В этой части список С значительно сокращен и изменен, что и подтверждает текст Печатного варианта. Сравнение со списками извода Унд показывает, что в общем источнике Печатного варианта и списка С — в изводе Син, текст был полнее. Но, видимо, и Печатный вариант здесь меняет текст, поэтому трудно судить, каким он был в изводе Син.

Есть еще одно место, вновь включенное в Печатный вариант и связанное с «Задонщиной», но история его создания не совсем ясна. Здесь, помимо заимствований из «Задонщины», есть еще и фраза, не встречающаяся в «Задонщине». Полного текстурального совпадения с «Задонщиной» в этом месте нет, хотя в целом оно ближе списку С и изводу Унд, чем списку К-Б. Особенности, свойственных только списку С, здесь нет, так как текст списка С в этом отрывке не отличается от списков извода Унд:

К-Б	Печатный вариант	С	И-1
Тогда поля костьми населяны, кровью полиано. Воды возпиша, весть подаваша.	В то же время тутощныя реки мутно пошли, вострепеша лузи и болота, езера выступиша из мест своих, протопаша холми высо-	Черная земля под копытами под костьми татарскими носити кровью земля. Сильныя волцы изступишася вместо, протекоша лугы и	Черна земля под копыты, костьми татарскими поля населяша, кровью земля пролита. Сильнии полкы съступалися вместо, протопаша

кие, траву же кровью холмы кровию, воз- холми и лугы, воз-
 внию подымвало, мутишася реки и по- мутишася реки и езера.
 льющеся кровем аки токи, езера.
 речным быстринам
 на все страны.
 (Стр. 56).

На основании отрывков «Задонщины», сохранившихся в Печатном варианте, трудно представить четко и с полной ясностью историю того списка, который был дополнительно использован в этой группе «Сказания о Мамаевом побоище», но некоторые факты все же можно установить. Он вместе со списками К-Б и С имел общий источник, который отличался от источника остальных списков. Список, отраженный в Печатном варианте, не мог восходить ни к тексту типа списка К-Б, ни к тексту, тождественному списку С, и не мог слить эти два источника, хотя в нем и имеются особенности того и другого списков. Дело в том, что в нем сохранились некоторые более ранние чтения. Он не мог вести свое происхождение от списка, подобного К-Б, так как эпизод с описанием боя, характерный для К-Б списка и Печатного варианта, в Печатном варианте передан ближе оригиналу.

Одновременно в тех частях, где список, использованный в Печатном варианте, совпадает со списком С, в нем встречаются чтения, отсутствующие в С списке, но имеющиеся в списке извода Унд. Это значит, что Печатный вариант в отдельных чтениях сохранил первоначальные чтения, утраченные в списке С. Поэтому список «Задонщины» Печатного варианта нельзя вывести из текста, равного списку С.

Таким образом, все три списка восходят к общему источнику — изводу Син, который в разной степени отразился в этих списках. Видимо, извод Син имел больше своих характерных черт, чем сохранил их список С. Не исключена возможность, что общие чтения списка К-Б и Печатного варианта, не отразившиеся в С списке, ведут свое происхождение от текста извода Син. Одновременно текст «Задонщины», сохранившийся в Печатном варианте, помогает уяснить некоторые вторичные моменты в списках К-Б и С.

* * *

Раскрытие пути создания текста, сохранившегося в списке С, имеет важное значение не только для установления сложной истории именно этого текста «Задонщины», но и для выяснения истории того раннего текста «Задонщины», который до нас не дошел. Имею в виду один из ранних вариантов «Задонщины», названный в этой работе изводом Син. А это в свою очередь связано с вопросом происхождения списка К-Б.

Сохранившийся текст «Задонщины» по списку С по сравнению с его первоначальным источником — изводом Син, претерпел большие изменения. Некоторые особенности списка С позволяют установить несколько этапов таких изменений. Правда, имеются и такие позднейшие наслоения и искажения, время появления которых трудно установить.

Необходимо сделать оговорку, что на примере списка С наглядно видно, как труден был текст «Задонщины» для переписчиков. Отдельные фразы и слова настолько искажены, что только из сравнения с другими списками можно догадаться, какой текст был в руках переписчика. Всех подобного рода искажений в отдельных словах касаться не будем, если они не помогают уяснению истории текста.

Сравнение списков извода Унд со списками С, К-Б и Печатного варианта «Сказания» позволило установить целый ряд характерных чтений для трех последних списков, которые восходят к их общему источнику — изводу Син. Первоначальным текстом, положившим начало истории списка С, и следует считать извод Син.

В отличие от списка К-Б, список С сохраняет много общих черт с текстом извода Унд. Некоторые из них повторяет и Печатный вариант «Сказания», поэтому их тоже следует отнести к изводу Син. Однако в списке С остаются некоторые чтения, общие с изводом Унд, которых не передает Печатный вариант, например в сообщении о выезде новгородцев и в перечислении воевод, входящем в речь Дмитрия Ивановича.⁴¹ Поэтому приходится признавать возможное влияние одного из списков извода Унд на список С. Сравнение чтений списка С со списками извода Унд выявило такие данные, которые не противоречат предположению о вторичном влиянии извода Унд на список С, а скорее подтверждают это предположение. Правда, следы слияния основного текста с вкраплениями по списку извода Унд в списке С не обнаруживаются.

На протяжении всего текста «Задонщины» в тех частях, где список С совпадает с изводом Унд, он оказывается ближе всего списку И-1. Правда, общих чтений между списками С и И-1, которые свойственны только этим двум спискам, немного. Общие чтения небольшие, выражаются преимущественно в отдельных словах. Для наглядности приведем все эти примеры с учетом особенностей всех списков.⁴²

И-2	У	И-1	С	К-Б
Нет	в Симов жребии	всемъ въ жребие	в сем жребие	Нет
Нет	внука	правнука	правнуковы	Нет
Нет	храбрых воеводы	храмныя полькы	хибрия полти ся	Нет
Нет	хваруются	отривахуся	рвахуся	Нет
Нет	Пропущено	велит послушати грозыным землям	велит грозна послушати	Изменено
Нет	руские удалцы	руский сынове	сынове руския	Нет
Нет	лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар	луче бы посеченым пасти, а не полоненым въспети от поганых	лучъжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от поганых татар	Нет лучши бы емя сами на свои меча, навверглися, нежели нам от поганых положеным пасти
Оки ворота	Оке реке ворота	от сих ворота	реце отчин вороты	Нет
яко соколи полетеша	аки соколы борзо полетели	яко орлы отлетеша	яко орли слетешася	Нет
суженое место	суженое место	судное место	судное место	Нет

Большинство этих общих чтений списков С и И-1 можно объяснить тем, что списки И-1 и С сохраняют независимо друг от друга текст оригинала, а остальные списки дают вторичные чтения. Исключение составляют три чтения. В списке У чтение «Симов жребии» (в списке Ж —

⁴¹ См. текст на стр. 227—229.

⁴² Чтения списка Ж не приводим, так как в нем из перечисленных примеров сохранилась только одна фраза, о ней будет сказано ниже.

«в Симъ жребии») явно первично, списки И-1 и С одинаково слово «Симов» превращают в местоимение. Также следует считать первичным текст в списке У со словом «потяты» вместо «посечены» списков И-1 и С, так как первое слово более древнее.⁴³ Оба списка, и И-1, и С, искажают название реки Оки, но эта ошибка, скорее всего, в каждом списке имеет свое особое происхождение.⁴⁴

Список К-Б сохраняет три общих чтения со списком У, которые не повторяются в остальных списках, но все они могут быть названы первичными, идущими от оригинала.

У	К-Б	С	И-1
то ти были не орли слетешася	то ти не орли слетешася	<i>Пропущено</i>	<i>Пропущено</i>
правнуки есми Сколомендовы	правнучата Сколдимеровы	<i>Пропущено</i>	<i>Пропущено</i>
за Дон борзо перелетели	борзо за Дон перелетеша	прилетеша	за Дон перевезлися

В третьем примере С и И-1 независимо друг от друга искажают текст, а в двух делают одинаковые пропуски, что тоже может свидетельствовать об их близости. Особенно это касается пропуска слов «то ти не орли слетешася». Дело в том, что эта фраза относится к эпизоду с выездом новгородцев. Если считать, что о выезде новгородцев в изводе Син не говорилось,⁴⁵ то естественно думать, что это сообщение взято по списку извода Унд. Мы предполагаем, что таким списком был список типа И-1, в котором была опущена фраза «то ти не орли слетешася», потому она и не попала в список С.

Подтверждением мысли о слиянии в списке С текстов извода Син (т. е. близкого списку К-Б) и одного из списков извода Унд (список типа И-1) служит заглавие С списка, в котором первая часть близка списку К-Б, вторая — И-1.

С	К-Б	И-1
Сказание Сафона резанца, исписана руским князем похвала, великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу.	Писание Софония старца рязанца.	Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичю.

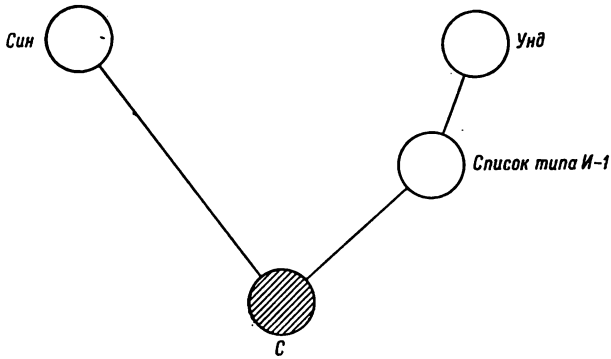
Всех этих примеров, может быть, и мало для доказательства вторичного обращения списка С к изводу Унд, но, учитывая такую возможность, мы не можем все чтения списка С возводить к изводу Син, и особенности С списка, близкие изводу Унд, считать признаками извода Син.

⁴³ В словаре древнерусского языка И. И. Срезневского приведены примеры из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей и Сказания о Борисе и Глебе по списку XII в.

⁴⁴ В тексте плача жен, включенного в «Сказание о Мамаевом побоище» по списку ГБЛ собр. Румянцева № 378 написано правильно «Оке реке ворота», об особенностях этого списка см. ниже, стр. 236.

⁴⁵ См. об этом выше, стр. 228.

Таким образом, схема происхождения списка С должна выглядеть так:

Особенности списка С этим не исчерпываются. Он имеет ряд дальнейших наслоений. В нем наблюдается стремление к расширению текста за счет небольших вкраплений отдельных фраз, которые ничего существенного в содержание не вносят. Эта черта особенно сильно чувствуется в первой части произведения. Наряду с этим, чем ближе к окончанию, тем больше делалось сокращений в содержании и одновременно совершенно заново были написаны целые абзацы.

Остановимся сначала на примерах расширения текста. Вкрапления на протяжении всего текста были сделаны рукой одного редактора, который применил во всех этих случаях один и тот же метод. Он обращался как к новому источнику к тексту того самого списка, который он менял, расширял, и дополнял отдельные предложения за счет фраз, взятых из других частей этого же списка. В некоторых случаях те фразы, которые использовались вторично и уже имели искажения по сравнению с оригиналом, в новом месте переписывались с этими искажениями. Поэтому можно говорить, что тот редактор, который стремился расширить текст, имел перед собой список, уже измененный предыдущим переписчиком.

Приведем примеры этой редакторской правки. После слов «А соловеи, летняя птица» в списке С добавлено «красных дней втеха». Этих слов в соответствующем месте нет ни в списке К-Б, ни в списках извода Унд. Заимствована фраза в списке С из более ранней части, где говорилось о жаворонке («А жаворонок летняя птица, красных дней втеха»).

Обращение Владимира Андреевича к Дмитрию Донскому после выступления в поход в списке С полнее, чем во всех остальных списках:

К-Б	С	И-1
Господине князь Дмитриеи,	Княже великии Дмитрии Иванович, не уставимо великим полком, не слухаи изменников,	Князь Дмитриеи,
не ослабляи, уже, господине, поганья татарове на поля на наши наступают, а вои наши отнимають.	не услобляи поганым татаром. Уже бо поганьи татарове поля наступают, а хоробруя нашу дружину побивают.	не ослабляи, князь великийи, татаром. Поганьи поля наступают, отнимають отчину нашу.

Этот не совсем ясный текст списка С, не повторяющийся в других списках, является результатом работы позднего редактора. Он воспользовался диалогом между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем из второй части «Задонщины» и изменил речь Владимира Андреевича.

Увлечшись, он приписал к первой речи окончание обращения из второй части. Этим и объясняется смысловая ошибка: войска еще не вступили в бой, а уже сообщается о том, что «дружину побивают». Обратившись к тексту, откуда сделано заимствование, не трудно понять происхождение непонятого слова «не уставнимо». Приведем текст, откуда было взято заимствование. Для наглядности дадим параллельно и вставку в списке С.

И-1

Не уставаи, князь великий, с своими великими полки, не потакаи крамольником, поганья бо поля наша наступают, а хробрую дружину теряли.

С

...не оставаи и з своими великими полки, не слухай изменников сромотников. Поганья татарове поля наступают, а хоробрую нашу дружину побивают.

С (вставка)

...не уставнимо великим полком, не слухай изменников ... поганьи татарове поля наступают, а хоробрую нашу дружину побивают.

Следует обратить внимание на то, что заимствованный текст из второй части и включенный в первую в списке С передан с теми же отступлениями от извода Унд, которые были в тексте списка С во второй части. Следовательно, это отступление списка С было или в изводе Син, или в более ранней переделке списка С, до заимствования.⁴⁶

Такого же характера изменение внесено в списке С в следующем тексте:

И-1

В то время по Резанской земли около Дону ни пастуси кличут, но одне вороне грають, труп ради человеческого. Грозно бо бяше и жалостно тогда слышати, зане трава кровью пролита.

С

В тоя ж время по Резанской земли ни ратои, ни постух не покличет, но только часто вороны играют, трупу человеческого чают. Сего ради грозно, жалосно видети крови христианское, зоне ж трава кровью полита.

К-Б

Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубить, толко часто вороны грають, зогзици кокують на трупы падаючи.

В списке К-Б этот отрывок значительно отличается от списка С, хотя только между этими списками совпадает фраза «только часто вороны грають». Это говорит о том, что здесь список С следует изводу Син. Есть основания предполагать, что весь этот абзац в изводе Син и в изводе Унд был одинаков и что список С дает текст с позднейшим изменением.

В списке С по-иному, чем в изводе Унд, читается фраза «Сего ради грозно, жалосно видети крови христианское». При наличии следующей фразы («трава кровью полита») излишним звучит в списке С повторение слова «крови». Первая фраза в списке С была взята из другого места «Задонщины»: «Уже, брате, велми жалосно видети крови христианское». Поэтому и вместо слова «слышати» появилось в списке С слово «видети». Подтверждением тому, что в изводе Син этот отрывок был написан так же, как в изводе Унд, служит список «Задонщины», использованный в Печатном варианте. Там сохранилась следующая фраза: «Дивно и грозно бо в то время слышати».⁴⁷

Имеется еще один пример позднейшей переделки в списке С путем заимствования текста из другой части «Задонщины». Перечисление убитых на поле боя кончается словами «и иная многая дружина». Этой фразой кончается и список У и К-Б. Следовательно, это чтение первоначаль-

⁴⁶ В четвертой группе Основной редакции по списку собр. Забелина № 261 (Повесть о Куликовской битве, стр. 186) есть вставка, отсутствующая в остальных списках Основной редакции: «Не слушай, княже великий, крамольников московских». Возможно, что в списке С отражена особенность извода Син.

⁴⁷ Печатный вариант, стр. 26.

ное и было в том и другом изводах, и так же кончался этот отрывок и в источнике двух изводов. Список С дает более пространное чтение — «иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна». Эту фразу редактор списка С взял из той части «Задонщины», где речь идет о Пересвете: «А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна». В списке К-Б этого чтения нет, в списках И-1 и У оно несколько иное («А иные лежат посечены у Дуная великого на брезе» — У; «А иные лежат посечены у Дону на брезе» — И-1). Следовательно, список С в одном случае внес изменение и повторил его во втором.

В конце первого плача жен только в списке С добавлена фраза «мужей наших раты прибили». Здесь все тем же характерным для списка С приемом увеличивается текст памятника. Та же фраза в списке С имеется ниже, в плаче коломенских жен: «Уже бо мужей наших прибыла от рати поганых татар». В остальных списках эта фраза читается так (в К-Б этот текст отсутствует): И-1 — «Уже бо мужи наши рати трудили»; И-2 — «Уже мужи наших рать трудила»; У — «Уже мужей наших рать трудила».

В списке С эта фраза имеет иной смысл, чем в остальных списках «Задонщины», которые, видимо, точнее передают оригинал. Вероятно, в списке С было внесено изменение, а на следующем этапе эта измененная фраза была использована вторично. Изменение сохраняет текст плача, включенный в «Сказание о Мамаевом побоище» по рукописи собр. Румянцева № 378.⁴⁸

Плач в рукописи собр. Румянцева сохраняет и некоторые другие общие признаки со списком С. Как в списках С и К-Б, здесь тоже женой Миккулы Васильевича называется Марья, заглавие, приведенное здесь, тоже имеет общие черты с заглавием списка С. В число этих признаков следует отнести заключительную часть плача: «Уже бо мужии наших рать прибыла за рекою за быстрым Доном на поле Куликове, на речке на Непрядве, на их суженом месте, за святыя церкви и за землю Рускую, и за веру крестьянскую, и за твою великую обиду, за ласкова государя, за великаго князя московского, за Дмитрия Ивановича, и за вся жены и дети».⁴⁹

Подобный же текст имеется и в списке С, но там он помещен выше, за первым плачем. Приведем его полностью: «... мужей наших раты прибили, изседоша удалыцы и з борздых коней на судное место на поли Куликове, положили головы своя от святыя божыя церкви за православную веру христианскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича». Упоминание «суженого места» свидетельствует, что первоначально весь этот отрывок читался, как в списке С, после первого плача. «Суженое место» в этом же эпизоде упоминается и в изводе Унд. А это означает, что слова «мужии наших рать прибыла» тоже взяты из первой части, т. е. список «Задонщины», использованный в Румянцевской рукописи, как и С, переписывался с текста, уже имевшего вкрапления.

Попутно отметим, что в списке С, в плаче жен, можно проследить еще более поздние изменения, которые в Румянцевском списке не отражены.

С

Румянцевский список

Настасья
жены поломяныя
не бывали

Федосья
жены и коломенския
не ездили

⁴⁸ См. об этом статью Л. А. Дмитриева «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 428—431.

⁴⁹ Повести о Куликовской битве, стр. 463.

Близок конец плача списка К-Б («покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святые церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны») соответствующим отрывкам в списке С и в Румянцевской рукописи. Возможно, подобный текст был и в их общем источнике — изводе Син. Правда, эта фраза настолько шаблонна, что текстуальная близость здесь может быть и случайной; подобную же фразу можно прочесть и в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Положили есте головы своа за землю Русскую, за веру христианскую».⁵⁰

Начало описания второй части боя в списке С имеет много особенностей. В частности, в нем вставлена фраза «своим конем борздым поездаючи». То, что это вставка, свидетельствует повторение слова «конь» в этом предложении («Воскликнул князь Володимер Андреевич, а скокаша на коне по рати поганых татар, своим конем борздым поездаючи, золотым доспехом посвечаючи»). Редактор поступил так же, как в перечисленных ранее случаях, — вставка взята из другого места «Задонщины», где говорилось о Пересвете («поскакывает на своем борздом кони»).

Все эти примеры добавлений не только говорят о том, что список С имеет позднейшие наслоения, но и свидетельствуют, что эти изменения делались неоднократно и что путь текста «Задонщины» от извода Син до того вида, каким он сохранился в списке С, был очень длинным.

В содержании С списка в отличие от всех остальных списков заметно стремление усилить мотив благочестивости. В нем имеется несколько вставок с обращениями к богу и религиозно-дидактических сентенций. Вторичность некоторых этих отрывков и фраз довольно легко доказывается. Вероятно, изменения подобного рода были сделаны все тем же редактором, о приемах работы которого говорилось выше. Точно такая же картина наблюдается с включением молитвы, которую произносит перед выездом в поход Дмитрий Иванович:

К-Б	С	И-1
<p>Тогда же князь великий Дмитрен Иванович</p> <p>ступил во свое золотое стремя, всед на свои борзый конь, принимая копие в правую руку.</p>	<p>Тогда князь великий Дмитриин заплакал гарко и рече: «Господи боже мои, на тя уповах, да не постыжуся во веки, на да посмеются врази мои». Втер слезы свои</p> <p>и вступает во позлощное свое стремя и взял меч свои во правую руку и помолися богу и пречистой его матери.</p>	<p>Тогда князь великий</p> <p>въступи в золотое стремя, взем свои меч в правую руку свою, помолися богу и пресвятии богородицы.</p>

Вторичность происхождения молитвы здесь подтверждает отсутствие ее как в списке К-Б, так и в изводе Унд. Весь вновь включенный сюда текст был взят из второй части «Задонщины»: «И рече князь великий Дмитрен, яко ж рече по пророческому Давыдову слову: „Господи боже мои, на тя уповах, да не постыждуся во веки, ни да посмеются врази мои“. И помолися богу и пречистой его матери и всим святым его и заплакал горько и втер слезы свои». Здесь в свою очередь в списке С было сделано добавление: «...яко ж рече по пророческому Давыдову слову».

Видимо, этому же редактору принадлежит изменение содержания в следующем предложении (в списке У нет этого предложения):

⁵⁰ Там же, стр. 75.

И-1

А уже диво кличет
под саблями татарскими,

И-2

А ужo диво кличет
под саблями татарскими,
а тем рускым богатырем
под ранами.

С

Вжо, брате, диво кли-
чет под шаблюю татарскою,
а тым богатырем слава и
честь и вечная память, от
бога милость.

В пользу того, что первоначальный текст сохраняется в списке И-2, служит построение предложения: «под саблями» первой части соответствует «под ранами» второй части предложения. В списке С это соответствие нарушено, и первая часть предложения потеряла смысл.⁵¹

Перед описанием судьбы Мамаю в С списке включен отрывок о возвращении великого князя в Москву. Судя по содержанию, эта вставка должна принадлежать тому же редактору, который вносил изменения и в предыдущих примерах. И содержание и форма изложения вставки, использующей формулы воинских повестей, настолько характерна для описания военных событий в повестях и летописях, что трудно говорить, откуда было взято это заимствование. Можно найти соответствие и в «Сказании о Мамаевом побоище», и в летописной повести о Куликовской битве. Но это настолько общепринятые формулы и приемы, что редактору они могли быть известны, и он в данном случае не прибегал к заимствованию из определенного произведения.

С

Князь великий Дмитрий Иванович по-
лучи божию милость пречистия его матери
и всех святых его, молитвами святых
чудотворец русских Петра и Алексия и
преподобнаго отца нашего Сергея и брата
его святого Володимера Киевского. Иныя
многия руския вдальцы, князи, и бояре,
и боярския дети возвратишася и з своим
господарем ко славному граду Москве
с великою победою и з радостию не-
злаглоланною.

Основная редакция «Сказания»

Рече же князь Владимир: «Милостью
божиею и пречистые его матери, пособием
и молитвами сродник наших святых муче-
ник Бориса и Глеба, и молением русскаго
святителя Петра и пособника нашего и
въоружителя игумена Сергия, и тех всех
святых молитвами врази наши побежени
суть, мы же спасохомся». (Стр. 73).

Летописная повесть⁵²

И възвратися отгуду в богохранимый
град на Москву в свою отчину с победою
великою.

Подобный же текст имеется в окончании «Сказания о Мамаевом побоище» по рукописи собр. Румянцева № 378, которое отличается от окончания Основной редакции. Приведем этот текст: «А сам князь великий Дмитрий Ивановичъ з братом своим со князем Владимиром Андреевичем, и со всеми князи и бояры и со оставшимися крестьяныи возвратишася на свою отчину, на великое княжение, во град свой, в каменную Москву, с великою победою, воздающе хвалу вседержителю богу человеколюбу и его пречистой богоматере, молебнице о роду крестьянском, и святым страстотерпцем, руским князем, сродником своим Борису и Глебу, и заступнику града сего Москве — чудотворцу рускому Петру митоополиту, и пособнику и вооружителю, отцу своему — игумену Сергию».⁵³

Возможно, что этот текст и соответствующая ему вставка в списке С связаны общим происхождением. Как раз в этот список «Сказания» включен текст плача по списку «Задонщины», очень близкому списку С.⁵⁴ Про-

⁵¹ В плаче жен по списку Румянцевскому «Сказания о Мамаевом побоище» сохранилась только первая часть предложения — «Диво кличет в Руской земли саблями татарскими» (Повести о Куликовской битве, стр. 462).

⁵² Повести о Куликовской битве, стр. 39.

⁵³ Там же, стр. 464.

⁵⁴ См. об этом выше, стр. 236.

должение окончания «Сказания» по Румянцевскому списку своим содержанием тоже близко заключительной сентенции, которой оканчивается список С:

С

«А тым сам худый бедный царю Момаю, чти своя избыв, вечно, поганим Момаю, задениши нас своим безумием, яко ж пишет во причах: похвала бывает мужу безумному великая погуба». А инде пишет во причах: «гордому богу противится, а смиренному дает благодать». Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Сказание о Мамаевом
побоище⁵⁵

Их же молитвами да сподобимся улучшить божию милость на похвалу Рустей земли и в последние роды и на посрамление и уничтожение суровым сыроядцем измаиловичем и еллином безбожным и печенегом и поганим татаром. Да не будет рука их высока! Яко же пророк Давид рече: «И потребишась во Аендоре, сиречь во безлепцах, за их гордость и высокоумие, и сеть их сокрушися, а сынове рустий спасешася избавлени быхом от злых сыроядцев и помощ наша во имя господне, сотворившаго небо и землю. Аминь!»

Таким образом, в одной из поздних редакторских правок текст списка С был дополнен небольшими вставками религиозно-дидактического содержания.

Кроме названных черт, список С имеет еще ряд особенностей. Если в первой части рассказа наблюдается стремление расширить текст, то во второй части, особенно ближе к окончанию, текст в списке С не только изменен, но и сознательно сокращен. Значительные изменения с сокращениями проведены в списке С, начиная с описания победного периода боя и до самого конца. Изменена несколько и последовательность в изложении событий. Так, о судьбе Мама в списке С рассказано после сообщения о возвращении Дмитрия Донского в Москву. В изводе Унд о Мамае сообщается до счета убитых на Куликовом поле. Попытаемся показать, что эти особенности списка С появились в результате, с одной стороны, новых вставок, с другой — значительного сокращения первоначального текста «Задонщины».

От описания победной части боя в списке С сохранилась только одна фраза: «Тогда яко орли слетешася но великия сыли татарския поганого царя Момоя». Трудно судить, как весь этот эпизод был описан не только в изводе Син, но и в более позднем источнике списка С до его сокращения. В списке С фраза «руками своими покриваху главы своя» сохранилась в описании бегства татар, в изводе Унд она находится выше, при описании победы русских. Этот пример говорит только о связи этих текстов, но не о том, в котором из списков находится первичный вариант. В пользу того, что в изводе Син тоже был эпизод с описанием победной части боя, свидетельствует текст вставки в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». Там при описании победы русских над татарами во вставке, отсутствующей в Основной редакции «Сказания», сохранилась фраза «ревут рози великаго князя по всем землям».⁵⁶ Этой фразе в изводе Унд соответствует текст: «И от великаго князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бежать».⁵⁷ Конечно, это слишком незначительное совпадение, чтобы можно было судить, как выглядел весь эпизод в изводе Син, но оно дает право предполагать, что эпизод этот был в изводе Син.

⁵⁵ Повести о Куликовской битве, стр. 464.

⁵⁶ Печатный вариант, стр. 68.

⁵⁷ В списке И-1 — «Ктязю ревутъ, отступишася от великаго князя, погании бежать».

Описание бегства татар в списке С изложено короче, чем в изводе Унд.⁵⁸

С

И побегоша татарове нетоличными дорогами, пометавше оружие свое, и руками своими покриваху главы своя и плакашася горько глаголюще: «Уж нам у Золотой Орда не бывати, бедных жон и детей не видати.

Се ж погипе царей наших веселие и величество и радость и похвала на Рускую землю и з радостью ходити».

И-2

Туту погании разлучишася, раздно побегоша неуготованными дорогами в лукоморье, скрекчюще зубы своими,⁵⁹ деручи лица своя, а ркуче: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати, а детей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова, а на Русь нам уже ратью не хоживати, а выхода нам у русских князей не прашивати». Уже въстонала земля Тотарская бедами и тугою покрывшася. Уныша бо царем их хотение и князем похвала на Рускую землю ходити.

В описании бегства татар список С передает то же самое содержание, что и списки извода Унд, но с сокращениями. Вероятнее всего, список С в этой части вторичен, но явных доказательств нет. Кроме того, нельзя представить, как этот текст выглядел в изводе Син, так как ни список К-Б, ни Печатный вариант не сохранили его.

Дальше в списке С вместо красочного описания победы над татарами и радости, распространившейся по всей Русской земле, приведен рассказ о погоне за татарами и о победе в обычных формулах воинских повестей.

С

И погнаше руския сынове вослед поганых татар, и победивше много множества поганых татар безчисленно, и возростишася и с победою и з великою радостию к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко брату его Володимеру Андреевичу. На поли Куликове на реце Непрядене бысть радость великая руским князем.

«Сказание о Мамаевом
побоище»
по Забелинскому списку⁶⁰

Многи же рустии сынове гонишася по них последи царя Мамаю, но не достигоша его, уже бо кони их притомишася, а сами добре изнемогоша, руде же русских сынов уже отерпли, не могуще сещи их, а мечи их и сабли притупишася о головы тотарские. И возвратишася рустии сынове.

Близость здесь со «Сказанием о Мамаевом побоище» не текстуальная, а скорее по содержанию: одинаково рассказывается об одном и том же событии.

Видимо, этот текст списка С является позднейшей вставкой. В изводе Унд сразу же после известия о бегстве татар сообщается о большой добыче, полученной русскими в результате победы. В списке С эти два известия разделены вставкой о погоне за татарами.

В изводе Унд после сообщения о полученной добыче передано, при помощи сложных поэтических образов, ликование на Русской земле по случаю победы. Список С заменяет этот текст сообщением о возвращении русских воинов в Москву. Вторичность текста списка С в этом месте устанавливается при помощи отрывков, сохранившихся в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище».

⁵⁸ Сравниваем со списком И-2, так как в нем полнее всего сохранился данный отрывок.

⁵⁹ В «Сказании о Мамаевом побоище» Основной редакции в этом месте добавлено «плачущи грько глаголя» (Повести о Куликовской битве, стр. 71).

⁶⁰ Там же, стр. 197.

Приведем в отрывках параллельно тексты, начиная с описания добычи, в той последовательности, в какой они сохранились в дошедших списках.

И-1

Уже руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волю и велблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камки, насычеве везут женам своим. Уже жены руския всплескаша татарским золотом.

Уже Руской земли прострися веселье. И възнесся слава руская на поганых хулу. Уже вержено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текуть... И отскочи Мамай.

С

Ставши на костех поганых татар вострубили и з радости начаша имати кони и верблуды и камки, носечи, сребро и золото, и крепкия доспехи, и честь и жемчуги и дорогое взорочия, колько хто хотечи и могучи, только возимаючи. Жень жены руския татарским золотом.

Князь великий Дмитрие Иванович... возвратишася и з своим господарем ко славному граду Москве с великою победою и з радостию незглаголанною. И поганый царь Момай с малою дружиною...

Печатный вариант

Удальцы всплескаше в татарских узорочиях. везучи в землю уюсы и насычи, бугай, коне и волю и велблуды, меды и вина и сахарю.

Предвознесся слава руская над поганых землею, ревут рози великаго князя по всем землям, поиде весть. (Стр. 67—68).

Из сравнения этих отрывков можно сделать следующие выводы. И в изводе Унд, и в изводе Син были описания добычи и ликования по случаю победы. И передавались они в одной и той же последовательности, какую дают списки И-1 и Печатного варианта. Список С отражает более поздний этап в истории текста, в который внесены изменения. Иная последовательность в изложении событий в списке С объясняется заменой одного текста другим.

Бегство Мамай в списке С по сравнению с изводом Унд описано короче и проще. У нас нет данных, для того чтобы проверить, как этот эпизод выглядел в изводе Син. Поэтому нельзя сделать выводов по поводу этой отличительной черты списка С.

Известиями о Мамае кончается список С. В изводе Унд далее дается перечисление убитых на поле боя и заключительная речь Дмитрия Ивановича. Текст этот начинается словами: «И стал великий князь Дмитрие Ивановичь съ своим братом с князем Владимиром Андреевичем и со остальными своими воеводами на костех на поле Куликове на речке Напряде». В списке С слова «ставши на костех поганых татар» сохранились в другом месте, поэтому, возможно, в его оригинале был весь текст счета убитых. «Сказание о Мамаевом побоище», как и извод Унд, приводит полностью этот текст. Вполне вероятно предположение, что счет убитых и заключительная речь Дмитрия Ивановича были в оригинале двух изводов.

Помимо некоторых вставок и значительного изменения конца «Задонщины», в списке С имеется целый ряд отдельных позднейших изменений. Это выражается и в сокращениях, и в искажениях. Приведем некоторые из них.

В списке С в отличие от списков У и Ж нет упоминания о пире у Микулы Васильевича. Текст списка С начинается косвенной речью: «Говорит князь великий Дмитрие Иванович брату своему князю Володимеру Одреевичу, што ж деи идет поганый царь Мамай». Сопоставив этот текст с началом, имеющимся в списках У и Ж, нетрудно заметить связь между ними. Из первого предложения («Князь великий Дмитрие Ивановичь с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича» — список У) в список С включены

имена Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, а второе предложение («Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю» — список У) передано очень сокращенно. Поэтому, скорее всего, в списке С более поздний текст, чем в изводе Унд. Однако и в изводе Унд не совсем ясный текст: если воспринимать слова «Ведомо нам, брате» как обращение автора к читателям, как говорится ниже, тогда первое предложение окажется не связанным с последующим текстом вступления и не законченным по мысли.

В Тверской летописи по списку собр. Погодина № 790 под 6888 г. записано заглавие «Задонщины», начало вступления и окончание. Вступление там такое: «Ведомо ли вам, руским государям, цар Мамай пришел из Заволжиа, стал на реце на Воронеже, а всем своим улусом не велел хлеба пахать; а ведомо мне таково, что хошет ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообьскать, тут ли он стоит, где его мне поведали».⁶¹ Этот отрывок имеет отношение ко вступлению «Задонщины» и связан со следующим текстом «Сказания о Мамаевом побоище»: «И доиде же до усть реки Вороножа и распусти всю силу свою и заповеда всем татаром своим, яко: „Да не пашете ни един вас хлеба, будите готовы на руския хлебы“».⁶²

Со вступлением «Задонщины» связан и следующий отрывок списка «Сказания о Мамаевом побоище» по рукописи собр. Забелина № 261: «Того же дни по Ильине дни на третей день князь великий Дмитрей Иванович у себя на пиру в набережных теремах чаши изволил за своего брата, за князя Владимира Андреевича. В то же время пригонию Андрей Попов сын Семенов ис поля и говорит великому князю Дмитрию Ивановичю, рече: „... идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне на реки на Воронежи, а мы его силу обезжали 12 дний, и подстерегли нас царевы сторожи, мене и поимали. И спрашивал меня царь: «Ведает ли мой слуга, а ваш государь князь Дмитрей Иванович, что аз иду к нему гостити со многими силами»“».⁶³

На основании имеющихся записей не только трудно судить о том, как выглядели первые строчки вступления первоначального варианта «Задонщины», но и о том, как этот текст был записан в изводе Син, в том ли виде, как он сохранился в списке С, или был иным. Список К-Б этих первых строчек вступления не дает.

Основная часть вступления в списке С имеется, но по сравнению с текстом списка У она искажена и сокращена, особенно первая половина. В каком виде читалось вступление в изводе Син, судить трудно, так как список К-Б дает очень краткий текст вступления. Однако можно установить, что, по сравнению с оригиналом, список С сокращает текст. Это подтверждает следующий пример. Приведем тексты по спискам К-Б, С и У:

К-Б	С	У
	... што ж деи идет поганьи царь Мамай	... царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю.
Поидем, брате,		Поидем, брате,
в полунощную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная.	в полунощную стражу в место Охмета, сына Ноева, от него же родися Русь православная.	тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная.

⁶¹ ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863. стлб. 440.

⁶² Повести о Куликовской битве, стр. 44.

⁶³ Там же, стр. 169—170.

Совершенно ясно, что если слова «Поидем, брате» имеются в списках К-Б и У, то значит отсутствие их в списке С является пропуском, но не извода Син, а только списка С. Если пропущенные слова есть в списке К-Б, то они были в изводе Син. Подобные пропуски и искажения во вступлении списка С имеются и ниже, но мы не можем их проконтролировать по списку К-Б, т. е. не можем с полной определенностью говорить, были ли они в изводе Син или это особенность списка С. Сравним такой отрывок списка С со списком У:

С

Взьдем, брате, на гору Киевския, посмотрим славнаго Днепра и во всю землю Рускую, иже жребие воздати на силу поганого царя Мома. Се бе есмо чада благородныя.

У

Взьдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской. И отголя на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаря бусорманоя.

Здесь, безусловно, вторая часть текста в списке С искажена, и содержание ее не ясно. Предложение «Се бо есмо чада благородныя» лишено смысла и не связано с предыдущим предложением.

Очевидно, оно когда-то имело отношение к следующему предложению в списке У, так как в нем упоминается слово «чада»: «... а от Калатския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты».

Явное искажение в списке С имеется в той части вступления, где автор предлагает воздать похвалу князю Дмитрию Ивановичу. Приведем текст по спискам С и У:

С

...воздати победу поганому царю Момаю. Говорит князь великий Дмитрей Иванович брату своему князю Володимеру Андреевичу. Скажи ми, брате, коли имы словесы о похвалных сих о нынешних повестех а полку великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича.

У

...и воздадим поганому Момаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу. И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвалных сих и о нынешних повестех похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича.

В списке С нарушен смысл: Дмитрий Иванович, обращаясь к Владимиру Андреевичу, о себе и о Владимире Андреевиче говорит в третьем лице. Сравнение с соответствующим местом списка У объясняет происхождение этого искажения.

В списке С пропущены слова «воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу», так как эта фраза есть и в списках извода Унд и в К-Б списке. Такой же явный пропуск обнаруживается в списке С там, где сообщается о приезде всех князей в Москву; опущены были слова, которые читаются и в списке К-Б и в списках извода Унд: «То те съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу, а рькучи им таково слово» (И-1).

Поздним незначительным изменением в списке С являются слова «брату своему». Во всех списках, кроме С, Дмитрий Иванович обращается ко всем князьям. Только в списке С во фразе, вводящей прямую речь, дополнение «брату своему» дано в единственном числе («И рече князь Дмитрией Иванович брату своему: „Князи есмо руский, гнездо есмо князя Воло-

димера Киевского“»). Это незначительное изменение интересно в том отношении, что оно указывает на связь списка С со списком К-Б. В изводе Унд в этом месте стоит местоимение «им», а в К-Б — «свои братии русскимъ княземъ». Искажение в списке С объясняется чтением списка К-Б. Следовательно, в изводе Син это место читалось так, как оно сохранилось в списке К-Б.

К числу поздних искажений в списке С принадлежит превращение двух Дмитриев, Ольгердовича и Волинского, в одно лицо.⁶⁴

В следующем предложении список С допускает пропуски и изменения:

К-Б	С	И-1
Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилеяша тучю велику на усть Непра, на Рус- скую землю. Ис тучи выступи крававья оболока.	Вжо, брате, возвеша силньны ветри ко вусти Дона и Днепра, пролишася сильную кривавья зори...	Уже, брате, возвеша силньны ветри по морю на усть Дону и Непра, прилеяшася великиа тучи по морю на Рускую землю, из них выступают крававья зори.

Трудно сказать, как выглядел этот текст в изводе Син, но вторичность пропусков в списке С очевидна.

В предложении «Земля, земля Резанская, теперь бо есть коко зо Соломоном царем побывали» только в списке С написано слово «Резанская»; в списке К-Б и изводе Унд стоит «Русская». Поэтому чтение списка С является позднейшим искажением.

По отрывку, начинающемуся словами «Черна земля под копытами», видно, как труден был текст для переписывания. В список С попало много мелких искажений в отдельных словах. Вместо слов «поля насеяша» в списке С стоит «нести». После слова «земля» опущен глагол «пролита». Вместо «полки» написано «волцы». Вместо фразы в изводе Унд «протопаша холми и луги» в списке С стоит «протекоша лугы и холмы кровию». В списке К-Б этот текст отсутствует. Близкая фраза сохранилась в Печатном варианте: «Протопашеся холми высокие, траву же кровию подмывало». Сравнение этих чтений по трем спискам показывает, что в списке С по сравнению с изводом Син слово «протекоша» является вторичным чтением. Отметим, что во второй части «Задонщины» есть близкая фраза — «кровию их реки протекли». Но слово «кровию» в конце фразы списка С не связано ли с текстом Печатного варианта — «траву же кровию подмывало»? Может быть, эта фраза была в изводе Син?

Позднейшее искажение имеется в следующем предложении списка С:

С	У
А в них же сияли золотья доспехи, гремели князен русских доспехи и мечи булатныя и обышаки московския.	А в них сияли сильные доспехи зла- ченные, а гремели князи руские мечьми бу- латными о шеломы хиновския.

Передаёт ли это чтение список С по изводу Унд или по изводу Син, установить нельзя, но текст в нем искажен — в нем повторяется слово «доспехи».

⁶⁴ Об этом см. выше, стр. 217.

В описании выезда засадного полка в изводе Унд Владимир Андреевич призывает Дмитрия Донского к решительным действиям. В списке С этот эпизод передан в виде диалога между князьями. Является ли вариант списка С вторичным и как этот текст выглядел в изводе Син, установить нельзя.

Следующее за этой речью обращение Дмитрия Ивановича к своим боярам в списке С дано пространнее, чем в изводе Унд. Вероятно, список С дает искажения, так как в нем повторена одна и та же мысль — достать места и чести себе и женам.

Из всех приведенных примеров отличительных черт списка С следует, что этот список представляет собой вариант «Задонщины», содержащий несколько слоев изменения текста. Тем не менее можно привести два случая, где только список С полнее сохраняет чтения оригинала двух изводов:

К-Б	С	И-1
<p>Тогда же соколы и кречаты, белозерские ястреби</p> <p>позвонять своими злачеными колоколци.</p>	<p>То ти уж бо ястреби и соколы и белоозерстии кречеты отривахуся от златых и колодицы ис камени грады Москвы, обриваху шевковья опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи золотыми колоколы над быстрым Доном, хотят ударити на многие стады гусиные и на лебединые, а богатыри руския удалцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамаю.</p>	<p>А уже соколы, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетеша под синии небеса,</p> <p>возгремеша золочеными колоколы на быстром Дону.</p>

Во-первых, есть основание считать, что список С передает здесь особенности извода Син, так как в нем общее чтение с К-Б «звонечи» («позвонять») (в изводе Унд — «возгремеша»). Этим объясняется и различие списка С «возвиваючися». Следовательно, К-Б и извод Унд сокращали разные тексты и независимо друг от друга. Во-вторых, весь отрывок в списке С последователен в передаче поэтических образов. До этого говорилось, что «гуси и лебеди всплескали крилами своими». И далее повторяется этот мотив при начале описания боя.

Кроме того, первичность текста списка С подтверждается чтением этого отрывка в «Сказании о Мамаевом побоище» Основной редакции:⁶⁵ «Уже бо тогда, аки соколы урвашася от златых колодиць ис камня града Москвы и възлетеша под синия небеса и възгремеша своими златыми колоколы и хотят ударитися на многы стада лебедины и гусины. То, брате, не соколы вылетели ис каменна града Москвы, то выехали руския удалци с своим государем с великим князем Дмитрием Ивановичем, а хотят наехати на великую силу татарскую».⁶⁶

Отметим, что в отрывке «Сказания» сохранены чтения извода Унд, чем еще раз подтверждается, что список С в этом месте следует изводу Син.

Второй пример, где список С полнее всего сохраняет текст оригинала, относится к описанию вступления в бой, повторяющему тот же поэтический мотив.

⁶⁵ См. статью Л. А. Дмитриева «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 396—398.

⁶⁶ Повести о Куликовской битве, стр. 54.

К-Б

Тогда соколи и кречаты, белозерския ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди.

С

Уже бо ястреби и соколи и белоозерстии и кречаты прилетеша и удариша на многия стада сосильныя и на лебединныя. То ти быша ни соколи, ни крчеть, то то уже изъехалися удалныя люди князи руския, богатыры литовския но великия силы татарския.

у⁶⁷

Уже бо те соколы и кречаты за Дон борзо перелетели и ударилися о многие стада лебединныя. То ти наехали руские князи на силу татарскую.

Как и в предыдущем случае, список К-Б и списки извода Унд независимо друг от друга сокращают текст. Надо отметить, что список К-Б сохраняет первоначальное чтение — «гуси», в изводе Унд оно утрачено, а в списке С искажено — «сосильныя» (видимо, в его оригинале читалось «гусиныя»).

Таким образом, несмотря на то что история создания текста списка С имеет длинный путь, список С в отдельных частных случаях лучше других списков передает чтения оригинала «Задонщины». Установление происхождения особенностей отдельных чтений списка С имеет большое значение для раскрытия черт одного из ранних видов «Задонщины», который не сохранился в виде конкретных списков и назван нами изводом Син. Это, в свою очередь, до какой-то степени помогает уяснить отдельные черты первоначального текста «Задонщины».

Повторим вкратце выводы о происхождении списка С. В основе С списка лежит текст «Задонщины» по изводу Син, который, по всей видимости, был обновлен некоторыми заимствованиями по списку извода Унд. При переписывании этого текста были сделаны небольшие искажения и пополнения в отдельных чтениях. В дальнейшем какой-то редактор, обратившись к одному из таких списков, внес ряд изменений. Частично он расширил текст, используя для этого близкие чтения из других частей «Задонщины». Одновременно он попытался усилить церковно-назидательную окраску в описании событий. С этой целью было сделано несколько новых вставок. Возможно, этому же редактору принадлежит и значительное изменение окончания. Список С, более чем остальные списки «Задонщины», имеет много искаженных отдельных слов, о первоначальном виде которых можно догадаться только при сравнении с другими списками. Эти искажения появились, видимо, при неоднократном переписывании текста «Задонщины», при этом смысл отдельных слов и фраз был совершенно непонятным для переписчиков.

* * *

Список К-Б имеет так много индивидуальных черт сравнительно с остальными списками «Задонщины», что исследователи, обращавшиеся к спискам «Задонщины», нередко определяли его как особую «краткую» редакцию. Выяснение происхождения особенностей списка К-Б имеет принципиально важное значение для истории текста «Задонщины». В исследовании Я. Фрчека, посвященном подробному анализу и сличению текстов «Задонщины», список К-Б признается первоначальным видом «Задонщины».

Как видно из изложенного выше, история взаимоотношений сохранившихся списков «Задонщины» противоречит этому заключению. Спи-

⁶⁷ В И-1 пропущены слова «и ударилися о многие стада лебединныя».

сок К-Б имеет целый ряд сходных черт со списком С. Некоторые из этих общих чтений являются явно вторичными, поэтому мы никак не можем считать, что в списке К-Б сохранился первоначальный текст «Задонщины». Эти вторичные чтения говорят о том, что списки К-Б и С восходят к общему источнику (названному нами условно изводом Син), в котором уже были эти вторичные чтения.

Но список К-Б, кроме общих особенностей со списком С, отличающих их от списков извода Унд, имеет еще целый ряд отличий, присущих только ему. Являются ли эти отличия особенностью извода Син, к которому восходит список К-Б, или это результат дальнейшего изменения текста?

К сожалению, полного и четкого ответа на этот вопрос получить нельзя. На основании сохранившихся списков мы не можем иметь ясного представления о том, что же представлял собой извод Син. Список С, имея общие чтения со списком К-Б, одновременно во многом не совпадает с ним. Не считая позднейших наслоений в тексте списка С (о чем говорилось выше), он в отличие от списка К-Б значительно ближе стоит к тексту извода Унд. Объяснение этой близости может быть двояким: или это черты оригинала, переданные в списке С через извод Син, или это вторичное влияние текста извода Унд на список С. Второе предположение весьма вероятно (о чем было сказано выше). Поэтому так трудно судить о том, что же представлял собой извод Син и что от него сохранено в списке К-Б. А это, в свою очередь, значительно затрудняет решение вопроса о том оригинале, который лежал в основе двух изводов.

Поскольку были попытки представить текст списка К-Б вполне ясным, лишенным ошибок, необходимо остановиться и на особенностях его внешнего вида, которые показывают, что Ефросин, переписчик списка К-Б, имел перед собой письменный оригинал, не всегда исправный, и сам при переписке не всегда был внимателен.

Ефросин во время работы проверял иногда написанное и вносил поправки. Так, например, в строке написано «брвижю» (К-Б, л. 127 об.), а над строкой после букв «бр» добавлено «ате»; над словом «воючи» (л. 125 об.) добавлено «ю», так как правильное чтение здесь требует глагола «воюючи»; в слове «соколу» (л. 124 об.) первоначально вместо «к» было написано «л», затем переправленное; в слове «погании» (л. 124) вместо первого «и» сначала было написано «ы»; к слову «Володировичю» (л. 122 об.) над строкой дописано «ме». Особенно обращает на себя внимание в К-Б написание на л. 127 слов «бод аны бесерменьския» — в середине слова «боданы» писец оставил чистое место для одной буквы, так и оставшееся незаполненным. Очевидно, слово «боданы», прочитанное им в оригинале, с которого он делал список, было ему незнакомо, и он усомнился в правильности его написания. В том, что Ефросин не понимал значения этого слова и осмыслил его как один из видов холодного оружия, убеждает сочетание его с глаголом «грянуша». Лучше понимал это слово, обозначающее не оружие, а боевую одежду русского воина, которая стала «обычной с XVI в.,⁶⁸ писец списка У: «... испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких о боданы бусорманские» (в списке И-1 смысл фразы тот же, но пропущен перед «баиданы» предлог «о»). Список С отражает в еще более искаженном виде ошибочное понимание «баидана» как оружия: «... испытаем мечов своих литовских а шоломов татарских, солиц немецких а бонадов бесумерских». Эта

⁶⁸ Описание этой одежды — «рубахи из плоских, довольно крупных колец, длиною до колен, с рукавами до локтей и ниже» дано в книге: П. И. С а в в а и т о в. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896, стр. 7.

ошибка двух писцов показывает, что им обоим был незнаком этот вид воинской одежды, но Ефросин, механически списывая слово «боданы», не только включил его не на место, в перечень оружия, но и в самом написании отразил сомнение в том, правильно ли оно воспроизведено в его оригинале.

На л. 127 об. Ефросин заметил недописанное слово «тяжк» (раны тяжки) и добавил над строкой недостающее конечное «и».

Таким образом, Ефросин как будто внимательно следил за правильностью своего письма, и все же в К-Б остались и незамеченные описки и ошибки и смысловые неувязки.

Первые ошибки в К-Б носят характер описок переписчика: «... в полуночную страну жребия Афетову» вм. «Афетов» (ср. У — «в полунощную страну жребия Афетова»; С — «в полунощную стражу в место Охмета»). Вторая описка — «вещаго го Бояна» (ср. И-1 «веща боинаго»; У — «вещаннаго боярина»; С — «вещаго горазда»). Если у Ефросина это не механическое повторение последнего слога, то возможна и другая причина этой ошибки: в следующей половине фразы два слова начинаются с «го» — «в городе в Киеве, гораздо гудца»; писец по ошибке мог начать переписывать одно из этих слов, но вовремя заметил ошибку — пропуск, однако не зачеркнул написанные буквы.⁶⁹ Эти две мелкие описки подтверждают, что перед нами список, сделанный вначале недостаточно внимательно.

Описки продолжают встречаться и в дальнейшем тексте, указывая на невнимательность переписчика: «половетция» (вм. «половецкия»), «русскую», «русской», «хоригови», «зачены» (вм. «злачены»), «на Чече» (вм. «Мече»), «Ивана Дмитриевича» (вм. «Дмитрия Ивановича»), «хинела» (остальные списки — «хинова»), «Непрядне» («Непрядве»), «берези хараужныя», «взопаша».

Явно ошибочно переписан глагол в фразе «под трубами поють»; весь отрывок поэтически рассказывает, как с самого рождения воспитывались храбрые воины: «На щите рожены, под трубами (повити), под шеломи възлелеаны, конец копия вскормлены, с востраго меча поены» — «поють», конечно, не на месте в этом ряду глаголов, разрушая стройность композиции всего эпизода, и палеографически без труда можно объяснить эту ошибку из «повити». Не случайно остальные списки либо пропускают совсем этот глагол, либо относят к нему следующее «възлелеани», либо дают совсем искаженное или по-своему осмысленное чтение (С — «под трубами нечистых кочаны»).

Список К-Б самый древний из сохранившихся списков «Задонщины». Неоднократно исследователи «Задонщины» отмечали отдельные первоначальные чтения в списке К-Б в отличие от всех остальных списков. Хотя список К-Б и не является первоначальным текстом, от которого его отделяет ряд промежуточных звеньев, в результате чего в него попали позднейшие наслоения, как и в другие списки «Задонщины», тем не менее он мог сохранить ряд первоначальных чтений, попавших в него через извод Син, которые не сохранились в списке С.

Попытаемся разобраться в том, что в списке К-Б идет от оригинала через извод Син и что в нем может быть вторичным, учитывая те выводы, которые были сделаны выше.

Одной из наиболее существенных особенностей списка К-Б является его краткость по сравнению с остальными списками «Задонщины». В нем

⁶⁹ Аналогичная ошибка встречается в конце «Странника» Даниила; на л. 191 читаем: «а оттуда (проп. «до») доброгого кладязя Авраамова» — здесь из двух соседних «до» оригинала пропущено первое, а окончание прилагательного дублировано.

отсутствует описание второй части боя, которое имеется во всех остальных списках «Задонщины». Я. Фрчек пришел к выводу, что первоначальный вариант «Задонщины» содержал только описание неудачной части боя, а вторая часть, где говорилось о победе русских над татарами, сочинена была позднее.⁷⁰

Как было показано выше, список К-Б не является оригиналом «Задонщины», а восходит к тексту, названному условно изводом Син. Поэтому отсутствие второй части рассказа в списке К-Б не доказывает, что ее не было в оригинале «Задонщины». Важно выяснить, была ли она в изводе Син. Если описание победы отсутствовало в изводе Син, тогда можно предположить, что этой части не было и в оригинале, а сочинена она была при создании извода Унд, из которого и заимствован текст С списка. Если же мы докажем, что описание победы было и в изводе Син, как в изводе Унд, тогда станет очевидным, что отсутствие в списке К-Б описания второй части боя — не признак первичности, а результат позднейших изменений.

О наличии второй части произведения в изводе Син говорят список С и список, вторично привлеченный в «Сказании о Мамаевом побоище» Печатного варианта. При описании победы русских над татарами в Печатном варианте использован следующий текст: «Удальцы восплескаше в татарских узорочиях, везучи в землю уюсы и насычи, бугаи, коне и волы и вельблуды, меды и вина и сахара. Предъвознесесе слава руская над поганых землею, ревут рози великаго князя по всем землям».⁷¹ Этот текст «Задонщины» имеется и в изводе Унд и списке С.

Сравнение его с соответствующими местами в изводе Унд и списке С не оставляет сомнения в том, что заимствование было сделано из «Задонщины».⁷² В списке С соответствие имеется только для первого предложения. Текст, близкий второму предложению, читается в списках извода Унд. Это различие между списком С и Печатным вариантом свидетельствует о двух фактах. Тот список, из которого было сделано это заимствование в Печатный вариант, восходил не к списку типа С, а к другому, сохраняющему более полный текст описания победы. И, следовательно, сообщение о русской славе не могло попасть в Печатный вариант из извода Унд (через список С).⁷³ Оно взято по списку извода Син, сохранившего более полно чтение оригинала. Этот очень важный вывод для истории списка К-Б следует подробнее обосновать. Исходя из особенностей чтений списка «Задонщины», отраженного в Печатном варианте «Сказания» (совпадение части чтений только со списком К-Б и некоторых чтений только со списком С), отношение этих трех списков к их оригиналу могло иметь три варианта. Покажем это в виде схемы (см. стр. 250).

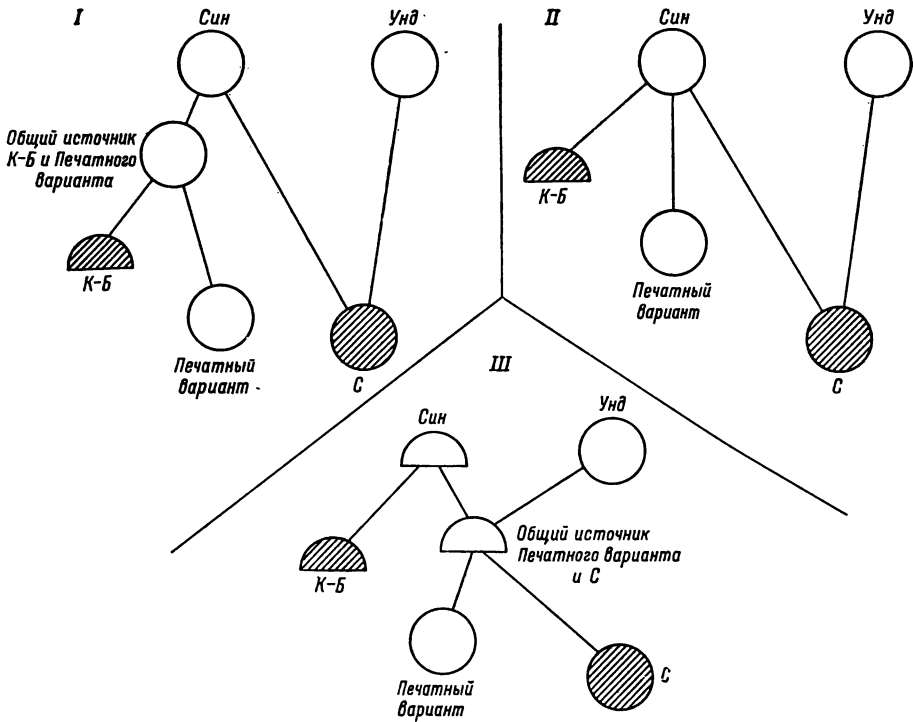
В первых двух случаях в изводе Син должен был быть полный текст «Задонщины», иначе не объяснить появление отрывков в Печатном варианте из второй части «Задонщины». В третьем случае дело обстоит сложнее. Можно предположить, что извод Унд оказал влияние уже на общий источник списков С и Печатного варианта. Тогда можно утверждать, что вторая часть «Задонщины» попала сюда из извода Унд. Но это предположение снимается особенностями Печатного варианта. Чтение списка Печатного варианта о новгородцах противоречит возможности такого

⁷⁰ См.: Фрчек, стр. 152—153.

⁷¹ Печатный вариант, стр. 67—68.

⁷² Отметим, что на слово «насычи» в словаре И. И. Срезневского приведены примеры только по спискам «Задонщины» и «Сказанию о Мамаевом побоище» Печатного варианта.

⁷³ О вторичности чтений в этой части списка С см. выше, стр. 240—241.

предположения. Если считать, что сообщение о новгородцах в списке К-Б — черта извода Син, а в списке С известие о выезде новгородцев идет от извода Унд, соединение с которым было сделано в общем источнике списков С и Печатного варианта, тогда нельзя объяснить, каким образом в Печатный вариант попало чтение этого эпизода по списку К-Б. Таким образом, выясняется, что в изводе Син был полный текст «Задонщины», с описанием победы на Куликовом поле.

Итак, в изводе Син был рассказ о второй части боя, окончившейся победой, хотя и нельзя по отрывкам в списке С и в Печатном варианте установить, чем он отличался от передачи его в изводе Унд. Отсутствие его в К-Б — не особенность извода Син, а результат дальнейших изменений текста.

Содержание «Задонщины» в целом тоже противоречит предположению о том, что К-Б представляет собой законченный вариант текста. Все произведения, посвященные Куликовской битве, в описании боя следуют единому плану. Все они подчеркивают, что первый этап боя был кровопролитным.⁷⁴ Не отступает от этого плана и «Задонщина», в том числе и список К-Б. Параллельно с другими списками «Задонщины» в нем со-

⁷⁴ Летописная повесть: «Бьющим же ся им от 6-го часа до 9, пролияся кровь аки дождева туча, обоих, русских сынов и поганых, множество безчисленное падоша трупья мертвых обоих, и много Руси побьени быша от татар, и от Руси татары, паде труп на труп, и паде тело татарское на телеси крестьянском» (Повести о Куликовской битве, стр. 35). «Сказание о Мамаевом побойше»: «В един бо час, в мгновении ока, о колико тысящ погыбе душъ человеческих, създания божиа! Воля господня съвершается. Час же третий и четвертый, и пятый, и шестый крепко бьющеса неослабно христiane с погаными половци. Наставшу же седьмому часу дни, божим попущением, наших ради грехов, начаша погании одолевати. Уже бо от сановитых мужей мнози побьени суть. Богатыри же русския и воеводы и удалыя люди, аки древа дубравнаа клонятся на землю, под коньския копыта» (Повести о Куликовской битве, стр. 69).

общаются те же самые факты. Он только обрывает свой рассказ военных действий там, где сообщается о больших потерях в русском войске. Как и все остальные списки «Задонщины», список К-Б после этого приводит плач русских жен, чем он и кончается.

В списке К-Б нет ни одной фразы, где бы сообщалось, чем кончилось сражение, которому посвящено это произведение. И соображения Я. Фрчека и А. Мазона о том, что это событие не воспринималось как победа,⁷⁵ опровергаются самим же текстом К-Б. Автор «Задонщины» по списку К-Б тоже хотел сообщить о победе русских в этом сражении, иначе зачем же он к перечню тревожных примет поведения птиц и зверей накануне боя добавил разъяснение: «... чають победу на поганых». Эта мысль и должна была найти завершение в конце произведения. Почему ее не оказалось в К-Б, объяснить трудно, скорее всего на каком-то этапе переписывания было утрачено окончание.

Писец списка К-Б, монах Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, известный вдумчивым отношением и творческим подходом к переписываемым им текстам,⁷⁶ обратил внимание на незавершенность переписываемой им «Задонщины». Поэтому к тексту «Задонщины» как окончание⁷⁷ он приписал некоторые летописные записи, близкие событиям 1380 г. Для этого он воспользовался кратким летописцем Кирилло-Белозерского монастыря,⁷⁸ видимо, единственным бывшим у Ефросина дополнительным источником, посвященным этим событиям. То, что Ефросин вместо отсутствующего окончания приписал те скудные записи, которые были в его распоряжении, показывает, что инициатива опустить вторую часть «Задонщины» принадлежала не ему, а произошло это раньше. К Ефросину попал уже неполный текст.

Сохранившаяся часть текста в списке К-Б, хотя и близка списку С, но, как мы уже говорили, не совпадает с ним полностью, на протяжении всего текста имеется целый ряд существенных отличий. Одним из таких отличий

⁷⁵ Frček, стр. 112; A. Mazon. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 37—38.

⁷⁶ См. об. этом: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 130—168.

⁷⁷ Палеографические данные показывают, что Ефросин окончил «Задонщину» не плачем жен, а сообщением о событиях, последовавших вскоре после 1380 г.

⁷⁸ Летописец, отрывок из которого Ефросин включил как окончание «Задонщины», тоже был переписан самим Ефросином в другом его сборнике К-Б 22 (собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099). Этот сборник был составлен Ефросином в 60—70-е годы XV в. Переписывая «Задонщину» в одном из следующих своих сборников, Ефросин воспользовался текстом летописца из более раннего сборника. Летописец состоял из двух частей: в первой части излагались события всемирной истории по «Летописцу Никифора вскоре», вторая часть была посвящена русским событиям и имела заглавие «Руской летописець». В настоящее время текст летописца оказался разрозненным. Первая половина летописца («Летописец Никифора вскоре» и начало «Русского летописца») сохранилась в сборнике Ефросина (К-Б 22, лл. 4 об.—15). Вторая половина летописца, посвященная событиям русской истории, была вырвана, видимо, в XIX в. и была включена П. М. Строевым в рукопись, которая хранится в ГПБ, собр. Погодина № 1554. Летописец занимает 13—17 лл. рукописи. Использованный в «Задонщине» летописный отрывок находится в этой рукописи на лл. 15—15 об. Часть летописца, которая попала в рукопись собр. Погодина 1554 опубликована (А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — Исторический архив, т. V, М.—Л., 1950, стр. 22—27). То, что отрывок летописца в рукописи собр. Погодина № 1554 принадлежит Ефросину и в свое время находился в К-Б 22, устанавливается довольно легко. Во-первых, обе части летописца написаны рукою Ефросина (почерк Ефросина имеет свои характерные особенности). Во-вторых, следующая за летописцем статья Дионисия Ареопажита, которая написана тем же почерком, тоже оказалась разделенной в этих двух сборниках: начало ее находится в рукописи собр. Погодина 1554, а окончание — в К-Б 22. Таким образом, к перечисленным в статье Я. С. Лурье «Литературная деятельность Ефросина» сборникам Ефросина следует добавить еще и летописный отрывок в рукописи собр. Погодина 1554.

является большая краткость списка К-Б.⁷⁹ Попытаемся доказать, что краткость эта идет не от источника списка К-Б — извода Син, а является результатом его дальнейшей переработки.

Сокращения в списке К-Б проведены систематически по всему тексту; иногда сокращаются целые абзацы, иногда изымаются отрывки из середины абзацев или из конца предыдущего предложения и начала следующего.⁸⁰ Первым таким примером является исключение значительного отрывка из вступления. В списках «Задонщины», сохранивших вступление, автор говорит о Русской земле, как стране «жребия Афета», противопоставляя ее татарам, как стране «жребия Сима»; он предлагает написать похвалу Дмитрию Ивановичу, а печаль обратить «на восточную страну в Симов жребий»,⁸¹ т. е. при помощи терминов «жребий Афета» и «жребий Сима» передается единая законченная мысль.

Если мы обратимся к списку К-Б, то увидим, что текст «Задонщины» начинается точно так же, как в списке У, с упоминания Русской земли как «жребия Афета»: «Поидемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная». Мысль обрывается, после этого сообщается о Бояне. Если в списке У совершенно понятно, для чего о Русской земле говорится как о жребии Афета, то в списке К-Б эта мысль не развита, и переход к упоминанию Бояна сделан нечеткими фразами. Если в списке У предлагается пойти в жребий Афета и подняться на Киевские горы, то в К-Б в этом месте вставлено слово «оттоле». Сравним тексты в списках К-Б и У:

У

Поидем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Рускои. И оттоля на восточную страну ... помянем первых лет времена, похвалим вещаннаго боярина.

К-Б

Поидемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы Киевския. Первее всех вшед восхвалимь вещаго го Бояна.

Слово «оттоле» в списке К-Б лишено смысла. Не взято ли оно из следующего предложения, опущенного в К-Б списке? В полном тексте оно стоит вполне на месте. Переход к рассказу о Бояне в списке К-Б передан словами «Первее всех вшед», смысл которых не ясен.

Таким образом, в списке К-Б оборвана первая мысль вступления и выпало начало рассказа о Бояне.

В том месте, где в остальных списках имеется упоминание от имени редактора о Софонии, мы должны признать, что в списке К-Б тоже имеется пропуск — настолько в К-Б в этом месте неясный текст.:

И-1

Тот боюн воскладше гораздыя своя персты на живыя струны и пояше князем руским славы: пер-

С

Тот бо деи похвалы вещи буинны накладает свои беляя руцы но златыи струны, пояше руским князем

К-Б

Тои бо вещии Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимь

⁷⁹ Имеющиеся в научной литературе определения К-Б как особой «Краткой» редакции «Задонщины» не лишены оснований.

⁸⁰ О сокращениях в списке К-Б см. статью Р. П. Дмитриевой «Приемы редакторской правки книгописца Ефросина» в настоящем сборнике, стр. 264—291.

⁸¹ В списке С тоже имеется это противопоставление двух жребиев, но передано в искаженном виде. Начало этого абзаца в списке К-Б дано точнее (так же, как в списке У).

вую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимировичю.

И я же помяну Ефония ерея резанца в похвалу песньми и гуслеными и буяни словесы и сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича, правнука тех князей.

похвалу: первому князю рускому на земли Киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославичю, великому князю Ерославу Володимировичю.

И здесь помянем Софона резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буиными словесы.

княземь: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю,

восхваляя их песни и гуслеными буиными словесы на русскаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича.

В списке К-Б из-за пропуска деепричастие «восхваляя» относится к слову «Боян», а местоимение «их» — видимо, к первым князьям, поэтому понять смысл второй части предложения невозможно.

В списке С в этом месте много искажений, но отдельными словами он близок К-Б списку. Вероятно, этот отрывок в нем изложен ближе изводу Син, как и в списке К-Б. Надо думать поэтому, что и в изводе Син в этом месте упоминался Софоний.⁸²

В пользу того, что тот оригинал, от которого ведет свое происхождение К-Б список, имел полный текст вступления, свидетельствует отрывочная фраза К-Б списка «От тоя рати и до Мамаева побоища». В списке К-Б до сих пор не было упоминания ни о какой рати. В полном же тексте вступления говорилось о неудачной битве на Каяле или на Калке («Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася» — список У). Фраза списка К-Б с упоминанием о рати явно говорит о том, что список К-Б в данном месте дает или неполное, или искаженное чтение. В остальных списках эта фраза закончена («А от Калатские рати до Момаева побоища 170 лет» — список У; «От Колонцыя роти лет 160 до Мамаева побоища» — список С). Не решая вопроса о том, как эта фраза выглядела в оригинале списка К-Б, следует признать, что список К-Б не полон — в его оригинале должно было быть сказано о битве на Калке (или Каяле).

Явный пропуск допущен в списке К-Б там, где дан диалог между братьями Ольгердовичами.⁸³ В списке К-Б опущены конец речи Андрея Ольгердовича и начало ответа Дмитрия Ольгердовича. В результате сокращения конец ответа Дмитрия Ольгердовича был приписан к началу обращения Андрея Ольгердовича, — поэтому в конце Андрей Ольгердович обращается сам к себе: «Седлаи, брате Ондрей, свои борзи комони». Конечно, этот пропуск можно посчитать случайным пропуском только списка К-Б, но характерно, что и многие другие пропуски сделаны по этому же принципу — изымается отрывок из середины текста.

Приведем следующий пример, где в списке К-Б изъята часть текста подобным же образом:

⁸² Некоторые исследователи, исходя только из этой особенности списка К-Б, строили предположения о его первичности (см. выше, стр. 201).

⁸³ Этот пропуск и целый ряд других вторичных явлений списка К-Б отметил С. К. Шамбинаго (Ш а м б и н а г о, стр. 86—89).

К-Б	С	У
<p>Быти стуку и грому велику межю Дономь и Непромь,</p> <p>идеть хинела на Русскую землю.</p>	<p>Быти утупу великому на рече Непрадене, меж Дона и Днепра, пасти великому трупу человеческого но поли Куликове, пролится крови,</p> <p>Вжо, брате, воскрипели телегы татарския межю Дона и Днебра,</p> <p>идут хинове на Рускую землю.</p>	<p>Быти стуку великому на речке Напряде, межю Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, пролится крови на речке Напряде.</p> <p>Уже бо скрипели телеги межю Доном и Непром,</p> <p>а идут хинове поганьи к Руской земли.</p>

Данный случай трудно объяснить как позднейшее добавление в изводе Унд. В списке К-Б исключен отрывок текста, состоящий из конца одного предложения и начала второго. В первом предложении в будущем времени предсказывается кровопролитный бой. Второе предложение сообщает в настоящем времени о приходе татар. Иными словами: перед нами два самостоятельных предложения. Конечно, можно думать, что было распространено первое предложение, но трудно представить, что одновременно ко второму предложению было добавлено начало.

Посмотрим следующий пример сокращения в списке К-Б:

К-Б	С	У	И-1
<p>Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби</p> <p>позвонять злачеными колоци.</p>	<p>То ти уж бо ястреби и соколи и белоозерстии кречеты отривахуся от златых и колодицы ис камени грады Москвы, обриваху шевковья опутины, возвиваючися под синия неbesа,</p> <p>звонечи золотыми колоколы над быстрым Доном.</p>	<p>То уже соколи белозерстии и ястреби хваруются от златых колодиц ис камена града Москвы,</p> <p>возлетеша под синее неbesа, возгремеша злачеными колоколы на быстром Дону.</p>	<p>А уже соколы, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетеша под синии неbesа, возгремеша золочеными колоколы на быстром Дону.</p>

Здесь опять в списке К-Б отсутствует часть текста из середины предложения. В остальных списках эта фраза выражает мысль о выезде русского войска из Москвы. И следующий абзац тесно связан с этим предыдущим. Во втором абзаце говорится о выезде великого князя из Москвы, т. е. поэтический образ выезда русских войск из Москвы перекликается с фактическими известиями об этом.⁸⁴

В списке К-Б такой логичности и стройности нет. Во-первых, эта укороченная первая фраза очень нечеткая, можно догадываться только, о чем в данном месте идет речь. Во-вторых, вслед за этим рассказывается не о выступлении войск из Москвы, а о сторожевых полках, которые ведет Владимир Андреевич к Дону. Сообщения о выступлении войск из Москвы в К-Б нет. Это объясняется перестановкой абзацев в К-Б, о чем будет сказано ниже. Возвращаясь к сокращенному месту в списке К-Б, надо отметить, что в списке С оно изложено полнее и ближе к оригиналу и с сохранением особенностей чтений извода Син.⁸⁵

⁸⁴ Точно так же выше было сказано о приходе татар на Дон, в том числе и в списке К-Б.

⁸⁵ Об этом см. выше, стр. 245.

Характерно, что во всех трех приведенных примерах сокращений К-Б списка, в сохранившихся в нем отрывках некоторые чтения совпадают с чтениями в списке С и отличаются от чтений списков извода Унд. Это позволяет думать, что извод Син в этих частях был полным и имел особенности, сохраненные списком С.

Прежде чем говорить о следующем значительном сокращении в списке К-Б, остановимся на перестановке двух абзацев.

Во всех списках «Задонщины», кроме К-Б, после поэтического пассажа о том, как вылетели соколы и ястребы из «камена града Москвы», рассказывается о выезде в поход Дмитрия Донского. После этого следует сообщение о Владимире Андреевиче, который «полки перебирает и ведет к быстрому Дону» и обращается к Дмитрию Донскому с призывом к энергичным действиям («не ослабляй»).

В К-Б последовательность совсем иная. После фразы о вылете соколов и ястребов, которая очень сокращена, сразу говорится о том, что Владимир Андреевич «ведет вой свои сторожевые полки к быстрому Дону» и призывает Дмитрия Донского «не ослаблять». Только после этого сообщается о выезде Дмитрия Донского.

Этот абзац о выезде Дмитрия Донского в списке К-Б ближе списку С, чем остальным спискам (общее чтение «творят» вместо «воздают» остальных списков), следовательно, и С и К-Б в этой части восходят к изводу Син. Но список К-Б имеет некоторые свои отличия. Существенной вставкой является упоминание даты — 8 сентября, которая и свидетельствует о перестановке эпизодов в списке К-Б. С одной стороны, здесь, как и в остальных списках, говорится как бы о выезде в поход, с другой стороны, дата 8 сентября — день битвы, указывает на вступление в бой на Куликовом поле.

Учитывая эту нечеткость в содержании этого отрывка, отсутствие сообщения о выступлении в поход и отрывочность и неясность фразы о соколах и ястребах, надо думать, что именно список К-Б в данном случае носит следы дальнейших изменений, которых не было в изводе Син.

С этой перестановкой эпизодов связан и следующий пропуск в К-Б. В остальных списках, как было показано выше, сначала говорилось о выезде из Москвы, потом о продвижении к Дону и об обращении Владимира Андреевича к Дмитрию Донскому, на которое последовал ответ Дмитрия Донского. В К-Б после перемещения эпизодов ответ Дмитрия Донского оказался не на месте, поэтому писец его опустил.

Предположение это вполне подтверждается особенностями чтений списка «Задонщины», использованного в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». Текст Печатного варианта свидетельствует о двух фактах. Первый относится к перестановке эпизодов в К-Б списке. Как и в остальных списках основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», так и в Печатном варианте, заимствованный из «Задонщины» отрывок о выезде войск из Москвы тесно связан с поэтической параллелью о вылете соколов и ястребов. Как мы видели, К-Б эту связь нарушает.

Второй относится к сокращению списка К-Б. В Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» после названного выше заимствования о выезде войск из Москвы (по Основной редакции) добавлено продолжение текста «Задонщины» — диалог между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем. Для наглядности сравним последовательность эпизодов в списках К-Б, С и в Печатном варианте.

К-Б	С	Печатный вариант
1) Соколы и кречаты «позвонять колоколци».	1) Соколы и кречаты вылетают из Москвы.	1) Великий князь выезжает из Москвы.
2) Владимир Андреевич ведет свои полки к Дону и обращается к Дмитрию Ивановичу.	2) Великий князь выезжает из Москвы.	2) Соколы и кречаты вылетают из Москвы.
3) Выезд великого князя 8 сентября.	3) Диалог между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем.	3) Диалог между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем.

Список К-Б сохраняет обращение Владимира Андреевича к Дмитрию Ивановичу, как и С список, но опускает ответную речь Дмитрия Ивановича. Печатный вариант приводит ее.⁸⁶ Ответная речь Дмитрия Ивановича (в Печатном варианте Владимира Андреевича) взята из одного источника — извода Син, так как они передают общие чтения, отличные от чтений извода Унд.⁸⁷ Следовательно, отсутствие ее в К-Б списке — явление вторичное.

По сравнению с остальными списками «Задонщины», в К-Б отсутствует еще один значительный абзац — второй вариант описания сражения после сообщения о распространении известий о Куликовской битве по многим землям. Однако нет достаточных данных, которые позволяли бы с уверенностью говорить, что это результат сокращения в списке К-Б, как и нет достаточных аргументов для предположения, что список С новое описание боя включил по изводу Унд.

Таким образом, помимо того что была утрачена вторая часть произведения, список К-Б в сохранившейся части, по сравнению со своим оригиналом, значительно сокращен. Сокращения проведены путем изъятия отдельных отрывков, но нельзя сказать, что это механические случайные пропуски текста; делая их, редактор стремился сохранить логику изложения, однако, как видно из приведенных примеров, ему не всегда это удавалось. Выше были отмечены только значительные сокращения. В списке К-Б имеются и небольшие пропуски отдельных фраз. Кроме того, некоторые сокращения текста произошли в процессе перемещения эпизодов оригинала.

Краткостью не исчерпываются отличительные черты К-Б списка. Список К-Б появился не только в результате сокращений, но в его текст были внесены дополнительные изменения. Выше уже была отмечена одна перестановка эпизодов в списке К-Б. Имеется еще один случай перестановки. Это относится к перечислению убитых и рассказу о подвиге Пересвета. В списке К-Б сначала идет рассказ о Пересвете и Ослябе, затем — сообщение об убитых. Эпизод о Пересвете и Ослябе не связан с окружающим его текстом, поэтому он мог быть помещен и до перечисления убитых и после. Плач жен по убитым имеет прямое отношение к списку убитых воевод. Поэтому вполне оправдано желание редактора списка К-Б именно перед плачем жен поместить перечень убитых на Куликовом поле.

Надо сказать, что не в меньшей степени с предыдущим текстом связан плач жен в остальных списках «Задонщины», хотя последовательность эпизодов в них иная: сначала сообщается об убитых, а затем

⁸⁶ В Печатном варианте сначала обращается Дмитрий Иванович и речь его иная, чем обращение Владимира Андреевича в списках К-Б и С. Так как списки К-Б и С дают общий текст, то значит в Печатном варианте здесь вторичное изменение. Поэтому ответную речь в Печатном варианте произносит Владимир Андреевич, а не Дмитрий Иванович.

⁸⁷ Подробнее см. об этом выше, стр. 229—230.

«Пересвете. Во всех списках «Задонщины», кроме К-Б, после обращения Осляби к Пересвету говорится о Рязанской земле, на которой произошло сражение. Таким образом, плач жен начинается не после эпизода с Пересветом, а после описания Рязанской земли после боя, причем переход от одной мысли к другой передан с помощью поэтических образов природы. Описание Рязанской земли оканчивается фразой «а дрeвеса тугою к земли приклонишася», плач жен начинается словами «И воспели бяше птицы жалостные песни» (У).

Часть текста, соответствующая описанию Рязанской земли после сражения, имеется и в списке К-Б и, как в остальных списках, помещена после сообщения о Пересвете. Но в отличие от остальных списков «Задонщины» этот текст в списке К-Б изложен как продолжение обращения Осляби. Приведем параллельно текст по спискам К-Б, С и У:

К-Б

«Уже твои главе пасти на сырую землю на белую ковылу моему чаду Иякову.

Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто ворони грають, зогзици кокують на трупы падаючи».

С

«...пасти главе твои на траву ковылу, брате чадо Якове, но зелену ковылу зо землю Рускую и зо обиду великого князя Дмитрея и зо брата его князя Володимера Андреевича».

В тоя ж время по Рязанской земли ни ратаи, ни постух не поклечет, но только часто вороны играют, трупу человеческого чают. Сего ради грозно, жалостно видети крови христианское, зоне ж трава кровью полита, а дрeвеса тугами приклонишася до земли.

У

«... а чаду твоему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове на речке Напряде за веру крестьянскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличють, но едины ворони грають, трупы ради человеческия. Грозно и жалостно в то время бяше тогда слышати, зане же трава кровию пролита бысть, а дрeвеса тугою к земли приклонишася.

Сопоставление описания Рязанской земли с соответствующим текстом в списке К-Б обнаруживает вторичность списка К-Б. Заметим, что в списках К-Б и С в этом месте имеется общее чтение (слово «часто»), которого нет в изводе Унд. Поэтому следует признать, что в данном месте текст списка С связан с текстом извода Син. И в списке С и в изводе Унд подчеркнута, что речь идет о том времени, когда происходил бой, — фраза начинается с предложения «В тоя ж время». В списке К-Б этот отрывок присоединен к речи Осляби. О том, что редактор списка К-Б этот текст изложил как продолжение речи Осляби, свидетельствует измененное начало фразы — вместо слов «В тоя ж время» в списке К-Б употреблено то же обращение — «уже брате», каким начинается речь Осляби. Изменив начало и присоединив его как продолжение предсказания Осляби, редактор не изменил содержания предложения в целом. В нем сохранено настоящее время, и оно не звучит как предсказание.

Учитывая все взятые вместе особенности этой части К-Б списка, надо признать, что перестановка эпизодов была сделана именно в списке К-Б. К этому можно добавить, как один из доводов в пользу такого заключения, использование отдельных фраз из этих эпизодов в Печатном варианте. Они расположены там в той же последовательности, что и в списке С и изводе Унд. Сначала включена фраза «Не турове возревеша», которой начинается в «Задонщине» эпизод с перечислением убитых. Потом включена фраза «Лепо бо есть в то время стару помолодиться», которая во всех списках «Задонщины», кроме К-Б, помещена перед речью Осляби.

В списке К-Б она расположена перед рассказом о Пересвете. Для ясности перечислим расположение эпизодов в этих списках.

К-Б	С и У	Печатный вариант
1) Фраза «стару помо- лодиться».	1) Список убитых.	1) Фраза из списка убитых.
2) Эпизод с Пересве- том.	2) Эпизод с Пересве- том.	2) Эпизод отсутст- вует.
3) Речь Осябли.	3) Фраза «стару помо- лодети».	3) Фраза «стару помо- лодиться».
4) Список убитых.	4) Речь Осябли.	

Видимо, в том списке, к которому восходят вставки Печатного варианта, расположение эпизодов было таким, как в списке С.

Кроме сокращений и перестановок эпизодов, в списке К-Б на протяжении всего текста имеется много мелких, в виде отдельных фраз и даже слов, отступлений, не повторяющихся в остальных списках «Задонщины». Объяснить происхождение их трудно, а во многих случаях и невозможно. Коснемся только некоторых из них.

Редактор списка К-Б любит начинать абзац со слова «тогда». Как правило, оно появляется там, где имеются перестановки или изменения в списке К-Б. Приведем примеры, где слово «тогда» употреблено только в К-Б списке:

1) «Тогда аки орли слетюшася со вся полунощныя страны». В Печатном варианте эта фраза начинается словом «уже», как во всех списках «Задонщины», сохранивших этот текст. При этом заметим, что чтением «со вся» К-Б совпадает только с Печатным вариантом.

2) «Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злачеными колоколци» (в С — «то ти уж», в У — «то уже», в И-1 — «а уже»).

3) «Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелетеша» (в остальных списках — «уже»). Перед этим был пропуск в списке К-Б.

4) «Тогда поля костьми насеяны» (в остальных списках фраза начинается словами «Черна земля»). Весь этот фрагмент изменен в списке К-Б.

5) «Тогда же не тури возрыкають» (в остальных списках, в том числе и в Печатном варианте, — «не тури»). В данном месте в К-Б перестановка.

6) «Тогда же восплакашася горко жены» (в остальных списках: «Воспели бяше птици жалостные песни, въсплакалися» И-1). Здесь список К-Б словом «тогда» заменяет опущенную фразу.

Иногда редактор К-Б списка пытается искаженному тексту источника придать смысл. Это относится к следующей фразе — К-Б: «... зане же их было мужество и желание за землю Русьскую и за веру христианьскую»; И-1: «... зане же отпало мужьство их и пение их и князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую»; С: «... заню же отпало было мужество князем руским».

Текст в этом месте так искажен, что совсем не ясен смысл. В К-Б убрано слово «отпало» и слово «пение» изменено на слово «желание». Здесь текст в К-Б был изменен, а не сохранял первичные чтения, потому что чтения К-Б не вносят ясности в содержание остальных списков.

Отметим как одну из особенностей списка К-Б его внимательное отношение к терминологии. Так, в К-Б списке проведена последовательность в титуловании великого князя. Во всех случаях обращения к великому князю употребляется термин «господин». В остальных списках нет такой педантичной последовательности.

В отличие от остальных списков список К-Б не употребляет названия «Залесская земля», которое несколько раз повторяется в остальных списках: и в начале, и в конце (в К-Б текст отсутствует), и в середине. В последнем случае список К-Б меняет название «Залесская» на «Русская»

С К-Б

А чи ли боре соколом зонесет из земли Золеское в поле Половецкое.

Они бо взялися как соколи со земли Русския на поля половецкия.

Название «Залесская земля» является первоначальным чтением. Едва ли стали бы в конце XV—начале XVI в. менять название «Русская земля», применяемое по отношению к Московской земле, на название «Залесская».⁸⁸

К числу изменений относится отрывок текста, который в списке К-Б звучит так: «Воды возиша, весть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Железнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущем морем». Смысл этой фразы, видимо, таков — воды сообщили известие о сражении по разным (рожным?) землям.

В остальных списках «Задонщины» соответствующее место читается: «Сильнии полкы съступалися вместо, протопташа холми и лугы, возмутися реки и езера. Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове» (по списку И-1). Здесь высказывается две мысли: 1) так много собралось войск, что реки и озера выступили из берегов; 2) весть о сражении распространяется по многим землям. Оставляя в стороне вопрос о том, как из варианта чтений списка К-Б мог появиться текст с более сложным содержанием, остановимся на перечислении земель. Как установлено еще Х. М. Лопаревым, в списке К-Б в данном месте использовано «Слово о погибели Русской земли».⁸⁹ Цитата из «Слова о погибели» свидетельствует, что текст списка К-Б является вторичным по отношению к тексту остальных списков «Задонщины». Дело в том, что в К-Б названа часть городов, перечисленных и в остальных списках («к Железным вратом, к Риму»), а в них никаких следов заимствования из «Слова о погибели» нет. Наглядным свидетельством того, что именно в списке К-Б была сделана замена на основании текста остальных списков «Задонщины», являются предлоги, употребленные в этом тексте. В первоначальном тексте использован предлог «к» — «к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду». В К-Б те названия, которые взяты из первоначального текста «Задонщины», перечисляются тоже с этим предлогом, а названия, заимствованные из «Слова о погибели», переданы с предлогом «до» («до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар»).

К этому надо добавить следующее. Изменения в тексте списка К-Б идут не от извода Син, они появились позже. Доказывается это следующим. Часть этого отрывка была использована в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». В нем передается перечисление городов так же, как в С списке. Следовательно, в общем источнике К-Б, С и Печатного варианта это место соответствовало чтением в списке С и Печатном варианте. Оба списка имеют небольшое общее чтение, отличное от извода Унд. В списке С написано «по всем землям», в Печатном вари-

⁸⁸ В «Сказании о Мамаевом побоище» в заимствованной части из «Задонщины» тоже стоит «Залесская земля».

⁸⁹ Слово о погибели Руския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII в. Сообщение Х. Лопарева. — ПДП, т. XXXIV, СПб., 1892, стр. 19.

анте — «по всем градам», в изводе Унд — «в Руской земле». Это отличие в списках С и Печатном варианте идет от извода Син. К-Б тоже отражает следы этих чтений, в нем читается фраза «по рожнымъ землям».

О слиянии двух источников в списке К-Б говорит еще один пример. Он относится к эпизоду с перечислением убитых. Перечень убитых в С списке совпадает с изводом Унд; в списке К-Б он иной. Приведем чтения по спискам К-Б и С:

К-Б

Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганых князи великих и бояр сановных, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федор Мемко, Иван Сано, Михаило Вренков, Иаков Ослебятин, Пересвет чернецъ и иная многая дружина.

С

Не турове рано возури на поли Куликове, возури воеводы сильныя, бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар, Федор Семенович, Ондрен Серкизович, Михаило Иванович, Семен Михаилович, Микула Васильевич, Тимофен Волуецъ, иная многа дружина у Дона на берези лежит побита и постреляна.

В списке С, как и в изводе Унд, весь перечень имен дан в именительном падеже. В списке К-Б в первой части перечисление идет в родительном падеже, во второй — в именительном. Это и говорит о том, что в К-Б соединены два источника. Можно предположить, что для первой части перечня в К-Б списке привлечен Синодик,⁹⁰ в котором имя убитого на Куликовом поле белозерского князя было записано верно, и по нему исправлено в списке К-Б.

Не приводя всех примеров особых чтений К-Б, объяснения которым во многих случаях затруднительны или невозможны, отметим еще одну особенность. Некоторые из чтений, присущих только списку К-Б, совпадают с чтениями «Сказания о Мамаевом побоище». Эти чтения не настолько велики, чтобы можно было сделать на основании их определенный вывод.

В рассказе о выезде Дмитрия Ивановича только в списке К-Б добавлено — «всед на свои борзыи конь». Этому чтению имеется параллель в «Сказании о Мамаевом побоище» — «и възиде на избранный свой конь».⁹¹ Эта фраза читается в описании выезда из Москвы великого князя. В другом месте «Сказания о Мамаевом побоище» есть еще более близкая фраза: «И вседе на избранный свой конь и взем копие».⁹² Только в списке К-Б сказано «приимая копие», остальные списки дают чтение «взем меч».

Предзнаменования природы о предстоящем сражении в К-Б переданы несколько иначе, чем в остальных списках «Задонщины», в которых в целом, на наш взгляд, сохранился текст, более близкий оригиналу, чем в списке К-Б. В числе других изменений в списке К-Б добавлена фраза «чають победу на поганых». Подобную же фразу в своем предсказании говорит Дмитрий Боброк в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Аз чаю победы поганых татар».⁹³

⁹⁰ Так, например, в Синодике XV в. из собр. Синодального сохранился перечень убитых на Куликовом поле: «Князю Феодору Белозерскому и сыну его Ивану, Константину Ивановичу, убитым от безбожнаго Мамаа, вечная память. И в той же брани избиенным Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу Валуеву, Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, Семену Мелику, и всей дружине их по благочестию скончавшимся за святыя церкви и за православную веру, вечная память» (Древняя российская вифлиофика, изд. 2-е, ч. VI. М., 1788, стр. 451).

⁹¹ Повести о Куликовской битве, стр. 54. Ср. в Печатном варианте: «... и седе на своего любовнаго коня» (стр. 22).

⁹² Повести о Куликовской битве, стр. 67.

⁹³ Там же, стр. 65.

В описании битвы под Оршей, как и в Печатном варианте, каждое подлежащее сопровождается своим сказуемым. Это служит подтверждением тому, что текст Печатного варианта ближе оригиналу, чем данное место в списке К-Б.

Использование этого текста в рассказе о битве под Оршей свидетельствует о том, что в определенной группе списков «Задонщины» начало описания боя было таким, каким его сохранили нам список К-Б и Печатный вариант и Псковская летопись. Таким образом, есть основания считать, что этот вариант описания боя — не результат переделки в спи-

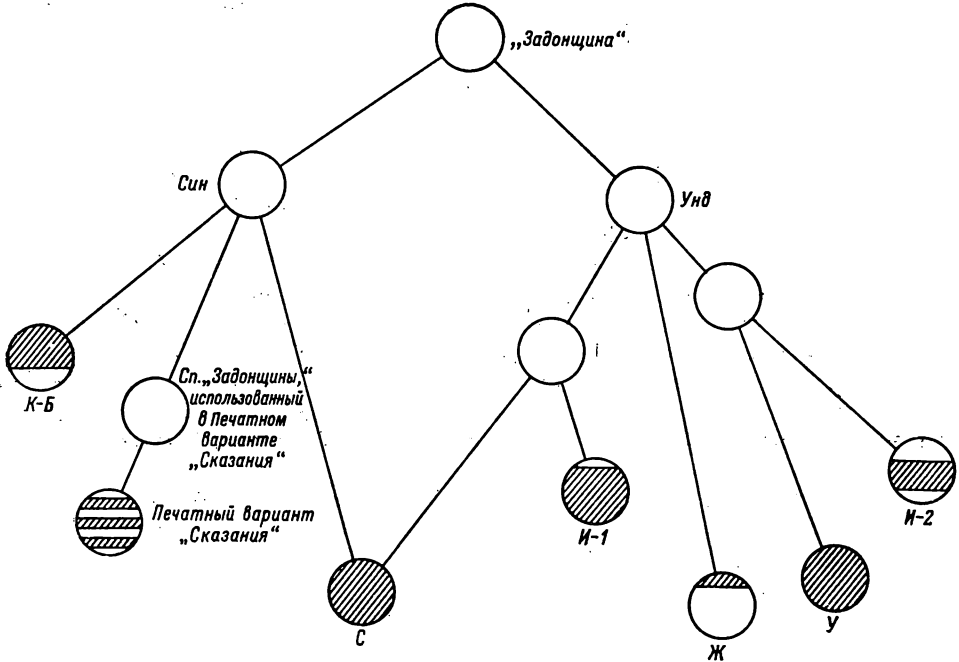

Схема взаимоотношений текстов «Задонщины».

ске К-Б и Печатном варианте, а является одной из особенностей извода Син, отличающей его от извода Унд.

Этот текст описания боя обращает нас к чтением списка К-Б, связанным с чтениями «Слова о полку Игореве». Попытаемся объяснить наличие в списке К-Б некоторых чтений, близких «Слову о полку Игореве», принимая их как первичные. В описании боя частично ближе всего «Слову о полку Игореве» Печатный вариант («трещать копия харалужная» — «треснуша копия харалужная»), частично чтения, сохранившиеся в описании битвы на Орше («гримлють сабли о шеломах» — «гремят мечи булатные о шеломах»).⁹⁹ Следовательно, в изводе Син было больше близких чтений «Слову», чем сохранил каждый из списков «Задонщины».

Как известно, наряду со всеми остальными списками «Задонщины», список К-Б тоже сохранил отдельные чтения, более близкие «Слову о полку Игореве», не повторяющиеся в других списках. Судя по началу описания боя, у нас есть основания считать, что все чтения, близкие «Слову о полку Игореве», в списке К-Б сохранились из его оригинала — извода Син. Чтения извода Син, более близкие «Слову о полку Игореве», чем извода Унд, передает и список С, вместе с Печатным вариантом.

⁹⁹ Отметим, что эту близость «Слову о полку Игореве» передает и список С, и извод Унд.

Выше было отмечено чтение С списка, сохранившееся через извод Син — «дороги нам сведомо»,¹⁰⁰ которое тоже ближе «Слову о полку Игореве», чем данное место в изводе Унд.

Чтения списка К-Б, более близкие «Слову о полку Игореве», чем в остальных списках «Задонщины», делятся на три группы. К первой группе относятся чтения, которые во всех остальных списках опущены или искажены независимо друг от друга (например: «Боян», «борзи комони», «напреди твоих», «галици свои речи говорить», «кровьми полиано»). Ко второй группе принадлежат чтения, которые лучше сохранил извод Син, чем извод Унд, и список К-Б передает эти чтения извода Син точнее, чем список С, который следует в этих частях изводу Син, но вносит позднейшие искажения в эти чтения («возрыкають», «конець копия вскормлени»). В третью группу входят чтения, где список К-Б передает особенности извода Син, а список С в данном месте следует изводу Унд. Мы не можем судить, насколько близок в этих случаях список К-Б изводу Син, так как больше нигде эти чтения извода Син не сохранились. Это следующие чтения: «взыди под синие облакы», «с моря» и «синие молнии», «пробил еси берези».

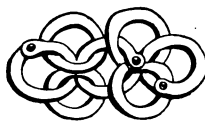
Есть одно чтение, которое под это распределение на группы не подходит, — «свистомь поля перегороди». Оно читается в эпизоде с Пересветом. Можно думать, что это не первичное чтение, а результат изменений в списке К-Б. Оно было заимствовано из второй части «Задонщины» — «кликм поля перегороди», которое кстати ближе «Слову о полку Игореве».¹⁰¹ О том, что эпизод с Пересветом в списке К-Б был подвергнут изменениям, свидетельствует и речь Пересвета, которая в остальных списках ближе «Слову о полку Игореве».

Таким образом, хотя список К-Б значительно был изменен по сравнению с тем текстом, к которому он восходит, тем не менее на примерах чтений, близких «Слову о полку Игореве», видно, что в отдельных случаях он передает точнее чтения не только извода Син, но и первоначального вида «Задонщины».

Подведем некоторые итоги относительно истории текста К-Б. Безусловно, список К-Б не является первоначальным видом «Задонщины». Он, как и другие списки, отражает те изменения, какие претерпел текст «Задонщины» на длительном пути, отделяющем список Ефросина от авторского текста «Писания» Софония. Он, как и остальные сохранившиеся списки, восходит к одной из редакций «Задонщины», которая в свою очередь дала два варианта текста, названные нами условно изводом Син и изводом Унд. Список К-Б представляет собой дальнейшую переделку варианта «Задонщины» по изводу Син. Эти позднейшие изменения в списке К-Б выразились прежде всего в сокращениях и утрате второй части произведения.

¹⁰⁰ См. выше, стр. 229—230.

¹⁰¹ Можно привести еще случаи, когда, по всей видимости, в К-Б списке при изменениях использованы заимствования из других частей «Задонщины». Так, только в списке К-Б при описании сборов в поход добавлена фраза «пашутся хоригови берчати». Близкий текст имеется в полных списках «Задонщины» в другом месте: «Пашут бо ся аки живи хоругови» (У; в списке С в искаженном виде). Обращение к великому князю собравшихся в Москве воевод в списке К-Б передано иначе, чем в остальных списках «Задонщины»: «Уже погани татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашу у нас отнимають». Этот же текст повторен ниже, в речи Владимира Андреевича, который читается во всех списках «Задонщины».

Р. П. ДМИТРИЕВА

**ПРИЕМЫ РЕДАКТОРСКОЙ ПРАВКИ
КНИГОПИСЦА ЕФРОСИНА
(К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЧЕРТАХ
КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО СПИСКА
«ЗАДОНЩИНЫ»)**

Список К-Б «Задонщины» имеет целый ряд индивидуальных черт, не повторяющихся в остальных сохранившихся списках «Задонщины». Отличия К-Б списка от остальных списков настолько велики, что вполне закономерным является выдвигаемое в ряде исследований определение его как особой краткой редакции. Текстологическое сличение списков «Задонщины» показало, что текст К-Б списка, хотя и самого древнего, не является первоначальным видом «Задонщины».¹

К-Б список «Задонщины» написан рукою Ефросина, монаха Кирилло-Белозерского монастыря в 70-х годах XV в. На связь между особенностями К-Б списка «Задонщины» и книгописной деятельностью Ефросина обратил внимание Я. С. Лурье.² Индивидуальные черты редакторской работы Ефросина и отличительные свойства К-Б списка «Задонщины» находятся в явной зависимости друг от друга.

Я. С. Лурье внимательно и подробно изучил состав переписанных Ефросином рукописей и установил целый ряд ярких черт, свойственных Ефросину как книгописцу.

Ефросина как составителя сборников характеризует стремление «к определенным сюжетам и тематическим комплексам», переходящим из сборника в сборник.³ У него явно выражен интерес к описанию природы и животного мира, одновременно его внимание привлекает исторический и летописный материал, интересуется он и географическими сведениями.⁴ «Научные интересы не были для Ефросина единственным критерием при подборе памятников, включенных в его сборники. Не менее важным кри-

¹ См. статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“» в настоящем сборнике, стр. 199—263.

² См.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 164—165. (Далее: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина). На значение этого исследования Я. С. Лурье для изучения «Задонщины» обратил внимание Д. С. Лихачев в книге «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 265—266).

³ См.: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 143.

⁴ См.: там же, стр. 147, 150.

териум были для него интересы эстетические, побуждавшие Ефросина переписывать памятники занимательные и ценные в художественном отношении».⁵

Обращение Ефросина к «Задонщине» не является случайностью. Этот памятник как раз входит в круг интересующих Ефросина сюжетов. Внимание Ефросина к теме борьбы с татарским игом подтверждают и переписанные им летописные тексты.⁶ Наряду с «Задонщиной» в сборниках Ефросина имеются летописцы, в которых большое внимание уделено теме татарских нашествий.⁷ Особый интерес Ефросина к Куликовской битве объясняется и еще одним обстоятельством. Любовь Ефросина к хронологическим подсчетам и выкладкам, которые встречаются в сборниках Ефросина и включенными в тексты переписываемых произведений, и написанными как самостоятельные статьи, и в виде примечаний на полях,⁸ нашла отражение и в данном случае. Сборник, в котором находится «Задонщина», написан в 70-е годы, в годы столетия Куликовской битвы. Юбилейную дату этого события Ефросин и отметил записью на л. 262 об. этого же сборника: «В лето 6888 сентября 8 в среду был бои за Доном. В лето 6988 сентября 8 ино тому прешло лет 100».⁹

Некоторая редакторская правка, характерная для Ефросина и коснувшаяся самого текста «Задонщины», устанавливается довольно легко. Он приписал новое окончание «Задонщины», заимствовав его из летописца, переписанного им самим в другом сборнике (рукопись ГПБ, собр. Погодина № 1554). Этот летописный отрывок, приписанный в конце «Задонщины», содержит краткое перечисление событий, следовавших за Куликовской битвой. Для того чтобы связать этот летописный текст с «Задонщиной», Ефросин использовал один из своих редакторских приемов изменения текстов. При перечислении исторических событий он внес хронологические отсчеты, указывающие, через сколько лет после Куликовской битвы случилось то или иное упомянутое событие.

Таким образом, следует подчеркнуть, что вторжение Ефросина как редактора в первоначальный текст «Задонщины» с внесением некоторой правки именно Ефросином является установленным фактом. Поэтому, естественно, возникает вопрос, не связаны ли и некоторые иные особенности К-Б списка «Задонщины» с ее редактором — переписчиком.

Я. С. Лурье в названной выше статье обратил внимание на изменения в содержании отдельных произведений, переписанных Ефросином, и дал объяснение, почему Ефросин внес те или иные изменения. Так, при переписывании Толковой Палеи Ефросин опускает богословско-теоретические рассуждения и толкования. Он выбирает и переписывает преимущественно повествовательно-фактический материал.¹⁰

Для решения вопроса о возможной редакторской правке в тексте «Задонщины» по К-Б списку ее переписчиком необходимо обратиться к выяв-

⁵ Там же, стр. 156.

⁶ См.: там же, стр. 138, 164.

⁷ Рукописи ГПБ, собр. Погодина № 1554 (об этом летописце см. статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ в настоящем сборнике, стр. 251), л. 15, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099, л. 440—440 об.

⁸ См.: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 152—153.

⁹ Отметим, что эта запись находится в тесной связи с текстом «Задонщины». Только у Ефросина в «Задонщине» назван ошибочно день недели среда, все другие списки упоминают субботу. Откуда Ефросин заимствовал этот день недели, неизвестно. Но юбилейная запись показывает, что в Ефросиновском списке «Задонщины» упоминание среды не является случайной ошибкой, а, скорее всего, может быть сознательной правкой самого Ефросина.

¹⁰ См.: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 145—146.

лению редакторских приемов, к которым прибегал Ефросин при переписывании тех или иных произведений. Необходимо оговориться, что речь будет идти главным образом о приемах и способах изменений, а не о причинах и тех результатах изменений в содержании памятников, которые появились после редакторской правки. Короче говоря, главным образом обратим внимание на то, как были сделаны изменения, а не на причины, побудившие вносить их.

Обратимся к некоторым произведениям, переписанным Ефросином, преимущественно литературно-исторического содержания, по жанру более или менее близким к «Задонщине». Характерной особенностью многих из них в списках Ефросина является то, что они в большей или меньшей степени подверглись сокращениям. Посмотрим на конкретных примерах, каким образом Ефросин провел в них сокращения.

В рукописи собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 11/1088 (далее — К-Б 11) на лл. 198—203 об. Ефросином переписано «Сказание об Индийском царстве». Этот список один из древнейших, сохранивших вторую редакцию «Сказания об Индийском царстве». В группе списков второй редакции он стоит несколько обособленно. Все списки второй редакции делятся на два вида: первый (Волоколамский) представлен большинством списков, второй (Кирилло-Белозерский) только тремя списками, причем не все особенности древнейшего списка К-Б 11 сохранились в двух других списках этой группы.¹¹

Список К-Б 11, с одной стороны, передает наиболее верно ранние чтения 2-й редакции «Сказания»,¹² в некоторых случаях не сохранившиеся ни в одном другом из дошедших списков, с другой — имеет некоторые индивидуальные черты, которые представляют собой результат изменений первоначального текста.

Одной из главных черт является неполнота текста — в списке К-Б опущен ряд эпизодов. В списке К-Б отсутствует описание ложницы и одра и пропущено упоминание о птице пампер.¹³ Правда, эти два эпизода отсутствуют также и в близком К-Б списке Румянцевского музея № 3146. Но в списке К-Б имеются такие пропуски, которые свойственны только ему: описание 40 столбов среди двора, к которым привязывается по 40 коней, о количестве перца, употреблявшегося за обедом и ужином.¹⁴

Однако характер памятника таков, что трудно проследить приемы сокращений и трудно установить, что именно могло быть сокращено переписчиком списка К-Б 11. Дело в том, что основное содержание памятника состоит из перечисления достопримечательностей Индии. Устранение из описания достопримечательностей того или иного фрагмента не влияет на содержание произведения в целом. Таким образом, во всех списках «Сказания» оказались опущенными те или иные эпизоды. И в этом отношении список К-Б 11 не может считаться уникальным. Поэтому на примере «Сказания об Индийском царстве» трудно судить о том, что в нем мог сократить Ефросин.

¹¹ См.: В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве. М., 1893. (Оттиск из первого выпуска Трудов Славянской комиссии при Московском археологическом обществе); М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. — ИпоРЯС, 1930, т. III, кн. 2, стр. 369—464.

¹² См.: там же, стр. 384.

¹³ См.: В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве, стр. 58; М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 380.

¹⁴ См.: там же, стр. 380, 386.

Тем не менее имеется одно исключение. Основное содержание произведения с описанием чудес Индии, которое ведется от имени индийского царя Иоанна, обрамлено вступлением и заключением. Во вступлении говорится, что греческий царь Мануил отправил к индийскому царю Иоанну посла с дарами, поручив ему разузнать о чудесах Индийской земли. Царь Иоанн принял присланные дары, посоветовав царю Мануилу поступить к нему на службу. После этого идет основное содержание произведения с описанием достопримечательностей Индии. В заключении говорится, что царь Иоанн отпустил греческого посла к царю Мануилу. В списке К-Б вступление и заключение с описанием отправления греческого посольства и начало речи царя Иоанна, в той ее части, где противопоставляется Индийская земля Греческой, отсутствуют полностью. В К-Б текст начинается с того места, где царь Иоанн переходит к описанию своей земли. Первое предложение в К-Б начинается с местоимения «аз», поэтому только в К-Б здесь вставлено имя «Иоанн». Это показывает, что отсутствие вступления и заключения в списке К-Б не случайная утрата при переписке, а результат сознательного сокращения. Иначе не объяснить, откуда переписчик мог взять имя индийского царя. Только из вступления переписчик мог знать, что весь дальнейший рассказ ведется от имени царя Иоанна, и поэтому имя его включил в первое предложение, с которого он начал переписывать «Сказание».

Волоколамский список¹⁵

К-Б 11

Вступление; Царь Мануил Грецкыа земли посла и свои посол ко царю Ивану инденскому и посла к нему дары многыя и повеле ему воспросити о вел(и)чесьствии силы его и всех чудесех Индеиской земли, и дошед земли Индеиской и дары дав црь Ивану и повеле ему начат(ь) гл(агола)ти. Царь же Иван приа дары с великою любовью и противу дав дары многы и рече царю: «Рците царю своему Мануилу, аще ли хощеши увидети мою силу и вся чюд(е)са моиа земли, продаи же землю свою Греческую всу да приди ко мне сам. Послужиши мне. И учину та собе слугою второго или трет(ь)аго и паки возвратишася во свою землю да будеши у мена десетерицею того свыше тебе писат ц(а)рство мое на хорот(и)ю и ти и со всеми книжники своими не можеши исписати моег(о) царства до исхода д(у)ши твоен. А цена твоего царства не станет тебе на хротию занеже нелзе моего царства тебе исписати и всех чудес моих. Аз есми до обеда папа а по обедех есми царь, а ц(ар)ь есми над трема тысящама цари и б-ю сот. А поборник есми по православной вере Христове».

«Аз есмь Иоанн царь¹⁶ и поп над цари царь, имею под собою 3000 царей и 300. Аз есмь поборник по православной вере Христове» (Л. 198).

Заключение: И отпусти посла греч(е)ского с великою честию и со многими дары ко царю Мануилу и потом ины посол не быша во Индеиской земли.

Переписчика К-Б списка, видимо, интересовали фактические сведения о достопримечательностях Индии, поэтому он и исключил все, что не имело к этому отношения. Подтверждением того, что эту сознательную, хотя и небольшую редакторскую работу мог проделать переписчик К-Б списка

¹⁵ В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве, стр. 71—73.

¹⁶ Здесь и далее разрядкой выделен текст, сочиненный переписчиком Ефросином.

Ефросин, служат подобные примеры в других памятниках, переписанных Ефросином.

Обратимся к другому произведению, написанному рукою Ефросина, в котором наблюдаются явления, подобные изложенному выше. Это — «Хождение игумена Даниила в святую землю» по списку собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (далее — К-Б 9). Издатель текста «Хождения игумена Даниила» М. А. Веневитинов в предисловии, кратко характеризуя списки «Хождения», список К-Б 9 отнес к числу сокращенных. «Доказательством составления сокращенных списков из полных редакций, а не наоборот служит, например, что в древнейшем списке № 1 (К-Б 9, — Р. Д.), кроме опущения многих личных впечатлений Даниила, текст списка при описании библейских и евангельских событий нередко прерывается словами: „и прочее въ Евангелии отъ Иоанна“ и тому подобными выражениями».¹⁷

Следует заметить, что близким списку К-Б 9 является список ГИМ, собр. Синодальное № 951, тоже сокращенный. Многими общими чтениями оба списка отличаются от остальных списков «Хождения», в том числе это относится и к сокращениям. Так, в том и другом списках сняты заголовки отдельных глав. Но список К-Б, помимо общих чтений и сокращений со списком Синодальным, имеет и свои только ему свойственные изменения.¹⁸

Остановимся на сокращениях и связанных с ними изменениях, проведенных только в списке К-Б 9, оставляя в стороне сокращения, повторяющиеся в Синодальном списке.

Уже издатель текста «Хождения игумена Даниила» М. А. Веневитинов обратил внимание на некоторые индивидуальные черты сокращений списка К-Б 9: 1) опускаются описания отдельных личных впечатлений игумена Даниила (отметим, что редактор списка К-Б 9 их все же не все изъясил), 2) рассказы о библейских и евангельских событиях прерываются ссылками на источник. Помимо этих сокращений, отмеченных М. А. Веневитиновым, редактор списка К-Б 9 и во многих других случаях прибегает к сокращениям.

Сравнение текста списка К-Б 9 в целом с другими списками «Хождения» оставляет впечатление, что редактор списка К-Б стремился как можно короче изложить содержание памятника и одновременно сохранить полноту сообщаемых в нем сведений. Посмотрим на те приемы, с помощью которых редактор списка К-Б 9 пытался достигнуть этой цели. Приблизительно их можно разбить на три группы.

I. Самым простым способом сокращения, примененным при переписывании списка К-Б 9 «Хождения», является простое изъятие части текста. Приведем некоторые примеры подобного рода сокращений.

Так, после описания креста, который держится только на воздухе, Даниил сообщает, что он видел этот крест. Это второе предложение в списке К-Б 9 не было переписано.¹⁹

¹⁷ М. А. Веневитинов. Предисловие к изданию: Житие и хождение Даниила Русьская земли игумена 1106—1107 гг. Православный палестинский сборник, вып. 3 и 9, СПб., изд. Православного Палестинского общества, 1885, стр. VIII—IX.

¹⁸ Сопоставление текста списка К-Б 9 с другими списками «Хождения» проведено нами по изданию текста «Хождения», осуществленного М. А. Веневитиновым.

¹⁹ Здесь и далее текст полного списка «Хождения» приводится по рукописи ГПБ, Q. XVII. 88 в издании: Житие и хождение Даниила Русьская земли игумена 1106—

Житѣе и хоженіе

К-Б 9

Стоитъ же на въздузе крестотъ, ничимъ же не придержитсѣ къ земли, но тако духомъ святимъ носимъ естъ на въздузе. И ту недостойный азъ поклонихся святыни той чудной и видехъ очима своима грешныма благодать божию на месте томъ и походихъ островъ той весь добре. (Стр. 11).

И стоитъ на въздузе кр(е)сть, ничимъ же не придержитсѣ(я) къ земли д(у)-х(о)мъ с(вя)тымъ носимъ естъ на въздузе. (Л. 140).

Точно так же просто не включена в список К-Б 9 при переписывании целая небольшая глава, которая называется «Овчии купели».²⁰

В некоторых случаях текст убирается или из середины абзаца или даже из середины предложения. В описании растительности вокруг Иордана удалена часть текста из середины предложения, хотя этим и было несколько обеднено содержание, но логика изложения не нарушилась.

Житѣе и хоженіе

К-Б 9

Есть же по сей стране Иордана на купели той, яко леси древо не высоко, аки вербе подобно естъ, и выше купели тоя по берегу Иорданову стоитъ яко лозие много, но несть яко же наша лоза, но некако аки силяжи подобно естъ; естъ же и тростие много. (Стр. 46).

Исть по сей стране Иердана на купели той, яко лесокъ и древа мнозии высоки аки вербе,

и естъ тростие мнози. (Л. 156 об.).

II. Иногда редактору списка К-Б 9 из-за желания сохранить основное содержание приходится прибегать к более сложным способам сокращений. Удаляя часть текста, редактор, для того чтобы не нарушить логику изложения, делает некоторые небольшие вставки от себя. Самым простым вариантом такого сокращения является добавление вместо изъятого текста слова «прочее». Так, при перечислении плодоносных деревьев, растущих вокруг Иерусалима, переписчик К-Б 9 начинает предложение так же, как оно написано в оригинале, затем вместо опущенного перечисления других деревьев добавляет слова «и прочее» и дописывает конец предложения.

Житѣе и хоженіе

К-Б 9

Суть винограда мнози около Иерусалима и овощнаа дресеса многоплодовита; смокви и агодичия, и масличие, и рожци, и ина вся различнаа дресеса без числа по всей земли той суть. (Стр. 41).

И виногради мнози и прочее

бещисленно. (Л. 154).

Точно так же не полностью переписано обращение богородицы ко Христу в рассказе о том, как она последовала вслед за ним в Иерусалим²¹ к месту казни.

1107 гг. Под редакцией М. А. Веневитинова, СПб., 1885. Ссылки даны на страницы издания. Текст списка К-Б 9 приведен по рукописи, ссылки на листы рукописи по пагинации, проставленной чернилами.

²⁰ Житѣе и хоженіе Данила, стр. 29.

²¹ Такой же пример сокращения допущен в списке К-Б 9 на л. 149 об., в «Житѣе и хоженіи» этот текст на стр. 30.

Житье и хождение

И ту есть место на пригории; на то место притече скоро святая Богородица, тщаше бо ся текущи вследъ Христа и глаголаше въ болезни сердца своего слезящи: «Камо идеши, чадо мое; что ради течение се скорое твориши? Егда другий бракъ въ Кана Галилеи, да тамо тщишися, сыну и боже мой? Не молча отъиди мене рожшаа тя, дажь ми слово рабе своей».

И пришедши на место то... (Стр. 23).

К-Б 9

И ту есть место на пригорьи томь; и на то место притече с(вя)тая Б(огороди)ца скоро, тщаше бо ся текущи в след Х(ри)с(т)а и гла(гола)ше в болезни с(е)рдца своего слезящи: «Где идеши чадо мое сладкое Х(рист)е» и прочее.

И пришедши на место... (Л. 146 об.).

Чаще подобного рода сокращения носят более творческий характер. Сокращение одновременно сопровождается внесением в текст некоторых новых чтений. Подобного рода изменения встречаются на протяжении всего текста «Хождения» в К-Б 9 списке. При перечислении достопримечательностей пещеры, расположенной около города Ефеса, редактор К-Б списка опускает подробности сведений о телах семи юношей. Одновременно он убирает и начало следующего предложения, соединив отрывки двух предложений словами «и с ними».

Житье и хождение

И ту есть близъ пещера идеже лежать телеса 7-ми отрокъ, иже спали 300 и 60 летъ; при Декии цари услоша, а при Феодосии цари явишась. Въ той же пещере 300 святыхъ отецъ лежитъ; и святый Александръ лежитъ ту, и гробъ Магдалыни Марьи и глава ея. (Стр. 6—7).

К-Б 9

И ту есть гробъ Ивана Бог(о)сло и 7 отрокъ и с ними

300 с(вя)тых о(те)ць и М(а)риа Магдалыни гробъ и глава ея. (Л. 138—138 об.).

В рассказе о месте, где стоит гроб святого Георгия, в полном тексте «Хождения игумена Даниила» подробно говорится, почему там часто останавливаются странники, хотя это место и является опасным. Ефросин переписывает начало и конец рассказа, убирая детали разъяснений и упоминая только, что «разбойничесто место то».

Житье и хождение

Ту была церковь велика создана во имя святого Георгия, ту бо и гробъ его во алтари былъ ту же есть мученикъ святый Георгие и воды многи суть ту; и ту опочивають странници у воды тоя, но со страхомъ великимъ: есть бо пусто место то и близъ есть Асколонъ градъ, выходятъ бо оттуду срацини и избивають страннья на путехъ техъ, да ту есть боязнь велика, отъ места того входя въ горы. И есть отъ святого Георгия до Иерусалима версть 20. (Стр. 13.).

К-Б 9

И ту есть церк(ов)вь с(вя)т(а)го Георгия велика, и гробъ въ олтари был и ту есть мучень с(вя)тыи.

Разбойничесто место то, и близъ есть Асколонъ град, и оттоле выходятъ срацини и избивають страннья и гости.

И есть от с(вя)т(а)го Георгия до Иер(уса)л(и)ма 20 версть. (Л. 140 об.).

При описании Давыдова столпа Даниил пространной фразой говорит, что ему посчастливилось там побывать. Ефросин эту высокопарную фразу заменяет кратким предложением: «И аз в нем бых», заодно убирает конец предыдущего предложения.

Житье и хоженне

К-Б 9

И есть много твердь ко взятию, и то есть глава всему граду тому; и блюдут его вельми и не дадут влести никому же вонь лапъ. Мне же худому недостойному пригоди Богъ въ столпотъ святый, одва могохъ ввести съ собою единого Издеслава. (Стр. 25—26).

И есть твердь ко взятию, и то есть глава всему граду тому; и блюдут его вельми. И азъ в нем быхъ (Л. 147 об.).

Глава «О дому Соломоне» Ефросином очень сильно сокращена, и надо отметить, что сделано это с некоторым искажением содержания. Подробное описание дома Соломона было заменено одним кратким предложением. Начало этого предложения взято из оригинала, а от себя Ефросин добавил слово «красен». Также сокращенно передано описание ворот дома, называвшихся Красными. В этом отрывке выбрана была фраза о Петре и Иоанне как наиболее важная по содержанию и к ней было приписано, где происходило названное событие — «У врат Красных».

Далее в полном тексте «Хождения» в этой же главе рассказывается о вратах Давида пророка, через которые вошел Христос в Иерусалим. Ефросин, сокращая описание этих ворот, оставил только одно предложение: «Си врата ветхаго здания Давида пророка». В результате такого сокращения Ефросин искажил содержание: получилось так, что Красные врата и врата Давида пророка — одни и те же.

Житье и хоженне

К-Б 9

Ту же былъ домъ Соломонъ и силно было здание его и велико вельми, и зело красно. Мощень былъ весь мраморными²² ... И ту суть врата дому того, красно зело и хитро покрыта оловомъ, мусиею исписана и покована медию позлащеною, и та врата зовутся Красная, идеже Петръ и Иоаннъ ицелиста хромца онаго; и есть место то у вратъ техъ и до ныне. А иныя врата суть троя кроме техъ, а 5-я врата суть апостольская. Та бо врата Давидъ пророкъ создалъ есть твердо и дивно хитростию врата суть сделана, медию позлащеною покована была, издну исписана хитро была по меди, а извну железы покована была твердо и суть 4-ры двери у вратъ техъ, и та бо суть врата осталася толко ветхаго здания, тии столпъ Давидовъ, а ино здание все ново есть. Ветхий бо градъ Иерусалимъ разорень есть весь не единою. И теми враты вшелъ есть Христосъ. (Стр. 31—33).

Ту же быс(ть) и домъ Соломоновъ вельми красенъ.

Туто Петръ и Иванъ исцелиста хромаго у врат Красных

Си врата ветхаг(о) здания Д(а)в(и)да пр(о)рока

Теми враты вшелъ есть Х(ристо)с. (Л. 150).

Главы о лавре святого Савы и «О горе, идеже бежа Елисаветъ с Предтечею» сокращены точно так же, как и глава «О дому Соломоне». Следует обратить внимание на то, что и здесь Ефросину, делая большие купюры, приходится несколько изменить текст. Так, в рассказе о лавре для того, чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, он от себя два раза добавляет «в лавре святого Савы». В этой же главе, убрав первое упомина-

²² Опускаю описание дома Соломона.

ние о колодце, начало следующего предложения («Въ месте бо томъ нигде же несть реки, ни потока, ни кладязя») заменяет более краткой фразой («Место безводно»)²³.

Из середины главы «О горе, идеже бежа Елисаветъ с Предтечею» изъят большой отрывок с описанием места, где скрылась Елизавета в горе. Следующее за этим упоминание водного источника, из которого пила Елизавета, Ефросин пересказал по-своему лаконичной фразой — «Сходя пила воду из горы тоя близ».²⁴

Те же приемы сокращений наблюдаются и в других главах. В главе «О версе Иорданове» в К-Б 9 списке не включен значительный отрывок из середины текста, часть содержания этого отрывка изложена Ефросином значительно короче.²⁵ В главе, где описывается явление Христа ученикам, Ефросин убирает часть текста, начиная с середины предложения. Этот сокращенный отрывок содержал обращение Христа к ученикам и эпизод ловли рыбы. Ефросин умело соединил окончание эпизода ловли рыбы с началом главы при помощи слов «идеже изимаша».

Житъе и хоженіе

К-Б 9

И ту естъ близъ место подъ горою моря того Тивириадскаго, и на томъ месте явися Христось ученикомъ своимъ по въскресении третее и прииде Христось и ста при езере рече: «Дети, имате ли что снадно?». Они же рекоша: «Ни», и рече имъ Иисусъ: «Възверзите одесную страны мрежа по глаголу моему и обрящете»; они же въвергоша и къ тому не можаху еа привлеци отъ множества рыбъ, извлекоша на сухо мрежу полную великихъ рыбъ 100 и 50 и 3, и видеша у мрежи огонь и хлебъ и рыбу печену, и ту ядь Христось, прочее дасть имъ; ту создана естъ церкви во имя святыхъ апостоль. (Стр. 105—106).

И ту ес(ть) место под горою у моря Тивириадскаг(о), на том месте явис(я) Х(ристо)с учеником своим по воскресении третее,

и де же и з и м а ш а рыб великих 153,

и ту ес(ть) ц(е)рк(о)вь с(вя)тых ап(о)-
столь. (Л. 181).

Точно так же Ефросин сократил описание ловли рыбы в главе «Идеже Христос приде ко ученикам ловящим им рыбъ». Ефросин убрал подробности встречи Христа с учениками, соединив начало и конец предложения краткой фразой «и ловя рыбы».

Житъе и хоженіе

К-Б 9

И ту естъ место на мори, идеже прииде Христось къ Зеведеви и къ Андрееви и къ Петрови, они же влечаху мрежа и завязываху; и ту познаста Христа Андрей и Петръ, и ту остависта лодию и мрежа, идоста въ следъ Христа. (Стр. 107).

И ту ес(ть) на мори, идеже прииде Х(ристо)с к Зеведеви и к Андрееви и к Петрови и ловя рыбы,

и последоваша Христу. (Л. 181 об.).

Из приведенных примеров видно, что одним из часто употреблявшихся приемов редакторской правки в тексте «Хождения игумена Даниила» в списке К-Б было исключение отдельных отрывков текста, нередко из середины абзаца. Иногда текст убирался, начиная с середины

²³ Ср. тексты в «Житъе и хоженіи Даниила», стр. 53—56 и в К-Б 9, л. 160—160 об.

²⁴ Ср. тексты в «Житъе и хоженіи Даниила», стр. 84—85 и в К-Б 9, л. 171—171 об.

²⁵ Ср. тексты в «Житъе и хоженіи Даниила», стр. 104—105 и в К-Б 9, л. 181.

одного предложения, и одновременно переписывалось окончание следующего предложения. Но для того чтобы связать разорванный текст, редактор умело вставлял краткие лаконичные фразы, нередко точно передающие содержание сокращенного отрывка.

III. Третий способ сокращения, который был применен при переписке «Хождения игумена Даниила» в списке К-Б, заключался в следующем. Редактор начинает переписывать тот или иной эпизод и вдруг обрывает его, не доведя до конца, иногда прямо в середине предложения, но заканчивает его тем, что дает библиографическую ссылку, где об этом событии можно прочитать. Так евангельский рассказ о встрече богородицы с Елизаветой был сокращен следующим образом.

Житѣ и хоженіе

К-Б 9

Въ тотъ домъ Захаринъ прииде святая Богородица въ подгоріе къ Иелисавефи и целова Иелисавефъ; и бысть, яко услыша Иелисавефъ целованье Марьино, и възграся младенець. (Стр. 83—84).

И в тотъ домъ Захаринъ прииде с(вя)тая Б(огороди)ца въ подгоріе ко Елисавети, целовастес(я) обе матери и прочая во Еу(ан)г(е)лии писано Иванне. (Л. 171).

Не приводя полностью текста, перечислим только некоторые библиографические ссылки, которые встречаются в тексте «Хождения игумена Даниила» в К-Б 9 списке: 1) л. 147 — «якож(е) во Еу(ан)г(е)лии писано» (ср. текст в «Житѣ и хоженіи Даниила», стр. 23—24); 2) л. 148 — «и прочее писано в житии ея (богородицы, — Р. Д.)» (ср. там же, стр. 24); 3) л. 159 — «и проч(а)я писано в Паремии» (ср. там же, стр. 51); 4) л. 160 об. — «и прочая въ Еу(ан)г(е)лии» (ср. там же, стр. 53); 5) л. 171 об.—172 — «и прочая во Еу(ан)г(е)лии» (ср. там же, стр. 86); 6) л. 172 — «и прочая в Деяни(я)х» (ср. там же, стр. 87).

Таким образом, из приведенных сопоставлений видно, что К-Б 9 список «Хождения игумена Даниила» на протяжении всего текста был подвергнут сокращениям с небольшими изменениями. Приемы сокращений можно разбить на три группы, но при этом характер сокращений остается единым. Сокращения проведены одной рукой, сознательно, при внимательном отношении редактора к фактам переписываемого произведения.

* * *

Обратимся к другому произведению, переписанному Ефросином, которое тоже подверглось сокращению. В сборнике К-Б 11 на лл. 267—326 об. рукою Ефросина переписана «Толковая Палея».²⁶ Этот значительный по своим размерам памятник переписан Ефросином не весь целиком и не подряд. Ефросин в свой сборник включил отдельные эпизоды из разных мест произведения. Каждый вновь взятый для переписывания эпизод из «Палеи» в рукописи Ефросина выделен заглавием.

«Толковая Палея», большой и сложный памятник, дошел до нас в нескольких редакциях. Выяснение истории текста «Палеи» по списку К-Б 11 является особенно трудным из-за его отрывочности. Я. С. Лурье, обратившись к сличению ефросиновского текста «Палеи» с текстом других редакций, пришел к выводу, что «Палею» Ефросина нельзя отнести ни к одной из известных в научной литературе редакций этого произведения.

²⁶ Отдельные отрывки из «Палеи» помещены также на л. 227—227 об., 230—231, 238—242, 346—355, 382 об.—386, 492 об.—493 об. этой же рукописи и в других сборниках Ефросина (см. об этом: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 143).

Редакция Ефросина «включает легенды о Соломоне, помещенные здесь в начальной части „Палеи“; в основе ее лежит, очевидно, либо вторая редакция „Толковой Палеи“, либо такой вид первой редакции, где были добавлены легенды о Соломоне».²⁷ Второе предположение кажется более вероятным, тем более, что как обратил на это внимание Я. С. Лурье, существует вид первой редакции с добавлениями о Соломоне.²⁸

Такой вариант «Палеи» переписан в сборнике собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 68/1145 (далее К-Б 68). Эта рукопись, как и сборник Ефросина, принадлежала Кирилло-Белозерскому монастырю и, видимо, там и была написана. И по времени написания она близка Ефросиновой рукописи. Скорее всего, сборник К-Б 68 был написан в конце XV в., самое позднее — в начале XVI в. Эпизоды из «Палеи», переписанные в сборнике Ефросина, имеются в этой второй рукописи. Все эти данные, взятые вместе, свидетельствуют в пользу общего происхождения текста «Палеи» в сборниках К-Б 11 и К-Б 68.

Однако сличение различий между ними говорит о том, что Ефросин не мог списать текст непосредственно с рукописи К-Б 68.

Список К-Б 68 написан небрежно, и в нем встречаются небольшие ошибки и искажения, которые список К-Б 11 не повторяет. Вероятнее всего, оба списка были переписаны с общего источника. Во всяком случае, на основании списка К-Б 68 мы можем представить себе тот оригинал, из которого Ефросин делал выписки в свой сборник.

Я. С. Лурье обратил внимание на то, что при переписывании «Толковой Палеи» Ефросин исключал богословско-полемические толкования, которыми сопровождается приводимый в «Палее» материал.²⁹ Если в статье Я. С. Лурье отмечено что сокращал Ефросин и почему, то нас в данный момент интересует как, какими приемами Ефросин пользовался, проводя эти сокращения.

Уже отмечалось выше, что Ефросином «Палея» переписана не подряд, а выбраны из нее отдельные главы, которые Ефросин включил в свой сборник, не сохраняя последовательности оригинала. Каждая новая выписка из «Палеи» сопровождается особым заглавием. Поэтому для сравнения с Ефросиновским текстом приходится брать из полного текста «Палеи» только соответствующие отдельные отрывки.

Проводя сопоставление текста «Палеи» в записи Ефросина с «Палеей» в сборнике К-Б 68 и одновременно с текстом «Коломенской Палеи»,³⁰ относящейся к первой редакции, о приемах сокращений Ефросина можно сделать следующие выводы: при переписывании «Палеи» Ефросин использовал те же три приема сокращений, как и в «Хождении игумена Даниила».

I. Так же, как и в «Хождении игумена Даниила», нередко редактор просто опускает часть текста. Приведем несколько таких примеров.

В начале «Палеи», где рассказывается о созданий земли, в К-Б 11 списке опущены два больших отрывка, в результате чего получилось только одно предлодение: «Сотвори же бог и состави земнии».³¹

В рассказе о рыбе «мюрومه» в списке К-Б 11 изъято два отрывка. Первое сокращение сделано в середине рассказа. Вторая купюра отно-

²⁷ Там же, стр. 144.

²⁸ См.: там же.

²⁹ См.: там же, стр. 145—147.

³⁰ Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892. (Далее: Коломенская Палея).

³¹ Коломенская Палея, ст. б. 7—8; К-Б 11, л. 267 об.; в К-Б 68 начальные листы текста утрачены.

сится к концу рассказа. Удалена богословская сентенция, направленная против мусульман, но одновременно был изъят конец предыдущего предложения, относящийся непосредственно к самому рассказу о рыбе. Как и в некоторых случаях в «Хождении игумена Даниила», Ефросин здесь убрал текст, начиная с середины предложения.

К-Б 68

Есть же убо ина рыба, зовомая муома, неч(и)ста есть действием и зело сквернена. Егда убо настанет нерость ея, тогда убо ищеть ядовитое зми на смешения, прилучи же ся в то время зми в день ея рад(и) потреби. Узревши же ю мурома и тако смешается с нею. Да того ради неч(и)ста есть от всех рыб рыба та, понеже сужичество свое оставлеше, смешается со ядовитымъ гадомъ. Тем же неч(е)ст(ив)е есть во чловецехъ бесурменски законъ. (Л. 31 об.).

К-Б 11

Есть же ина рыба, зовомая мурома, нечиста есть действием и зело скверна. Егда убо настанет нерость ея, тогда убо ищеть ядовитыя зми на смешение, прилучшееся в то время.

Да того ради неч(и)ста есть рыба та от всех рыб. (Л. 277).

Коломенская Палея

Есть же убо ина рыба зовемая мурома, неч(и)ста есть действием и зело скверна. Егда убо настанет нерость ея, тогда убо ищеть едовитое зми на смешение, прилучи же с(я) в то время зми в день ея рад(и) потреби. Узревше же ю мурома и так смешаетьс(я) с нею.

Да тог(о) рад(и) неч(и)ста есть отъ всехъ рыбъ рыбы та, понеже сужичество свое оставльши, смешаетьс(я) съ ядовитымъ гадом. Тем же и неч(и)сть е бесумерньскыи законъ. (Столб. 84—85).

Значительные сокращения такого же характера сделаны в рассказе о Ное.³²

II. Наблюдается и второй прием сокращения, когда вместо удаленного отрывка для соединения разрозненного текста включены фразы, сочиненные редактором.

В самом начале «Палеи», где говорится о могуществе бога, Ефросин не включил приведенную здесь полемику с «жидовином». Вместо этого полемического экскурса он приписал известные по примерам из «Хождения игумена Даниила» слова «и прочая».³³

Из рассказа о птице «згуле», так же как из рассказа о рыбе «муроме», удален конец, посвященный морализующей сентенции относительно иудейской веры. Одновременно Ефросин сократил и основную часть рассказа с объяснением, почему птица «згула» не вьет себе гнезда. Ефросин основную мысль сокращенного отрывка передал краткой фразой, им сочиненной.

К-Б 68

Есть убо ина птица наричаемая жегзула. Есть убо птица та злонрава сущи. Егда убо народить яйцо, то во инех птиць гнезда яйца своя износить. Сама же своему гнезду не хранитель есть. Но инем птицам отроды своя подавает. За несытость чрева своего не имать прис(но) потрудитися у гнезда сво-

К-Б 11

Есть убо птица наричаема еже згула злонрава. Егда убо сносить яйца ина, во ина гнездо ко иным птицам носить.

За несытьство свое себе кормить ленива сущи. (Л. 277).

Коломенская Палея

Есть убо ина птица наричаемая жегъзула. Есть убо птица злонрава сущи. Егда убо народ(и)ть яйца, то во инехъ птиць гнезда и яйца своя износить. Сама же своему гнезду не хранитель есть. Но инымъ птицам отроды своя подавает. За несытость чрева своего но имать прис(но) потрудитися у гнезда

³² Коломенская Палея, стлб. 201—206, К-Б II, л. 282.

³³ Там же, стлб. 2—7, К-Б 11, л. 267—267 об.; в К-Б 68 нет, начальные листы текста утрачены.

его, но злокозненным гл(а)с(о)мъ зовуши призываючи подружне на смешение свое. Тои убо птици уподобитися вы, окаяннии жидово, приемше отроды святых книг учение отвергосте. (Лл. 30 об.—31 об.).

своего, но злокозненным гл(а)с(о)мъ зовуши призываючи подружне на смешение свое. Тои убо птице упод(о)бистеся вы, окаяннии жидово, приемше отроды святых книг ученья отвергосте. (Стлб. 83—84).

III. Как и в «Хождении игумена Даниила», здесь имеются и такие сокращения, которые сопровождаются библиографическими ссылками.

В некоторых случаях при сокращениях редактор указывает, где можно прочитать о тех событиях, которые он исключил при переписывании. Только в отличие от «Хождения игумена Даниила», где ссылки главным образом сделаны на библейскую литературу, здесь Ефросин отсылает к рукописям, им же самим ранее переписанным.

Так, излагая в той же последовательности, что и в сборнике К-Б 68, легенды о Соломоне, Ефросин не переписывает их все полностью. Начав переписывать первый суд Соломона, Ефросин обрывает его в самом начале, сделав приписку — «писаны вь книзе, идеже от Палеи писано». ³⁴ Оказывается, рассказ о первом суде Соломона был уже переписан Ефросином ранее в этом же сборнике К-Б 11 на л. 230—230 об. Текст его, за исключением мелких разночтений, совпадает с текстом в рукописи К-Б 68.

Второй суд Соломона переписан полностью, текст его совпадает с текстом К-Б 68, но имеются некоторые мелкие разночтения, причем в К-Б 11 текст более точный, в К-Б 68 переписано более небрежно с описками (это относится и к другим частям «Палеи»). Следует обратить внимание на то, что характер отличий списка К-Б 11 от К-Б 68 в этом рассказе совпадает с отличиями в тексте первого суда. Видимо, Ефросин несколько раз обращался к одной и той же рукописи с текстом «Толковой Палеи».

Из третьего суда Соломона, так же как и из первого, в К-Б 11 переписано только начало, после чего сделана приписка — «писано в книзе в Страннике». ³⁵ Это примечание означает, что редактор опять отсылает к своему сборнику, переписанному ранее — К-Б 9, в котором переписано упоминавшееся выше «Хождение игумена Даниила». В К-Б 9 третий суд Соломона о «смысле женском» помещен внутри Повести о добрых и злых женах на лл. 118—119 об. ³⁶

Таким образом, приемы сокращений, которыми пользуется Ефросин в рукописи К-Б 9 при переписывании «Хождения игумена Даниила», повторены в рукописи К-Б 11 в списке «Толковой Палеи». Оба текста переписаны рукою Ефросина. Все это свидетельствует о том, что сокращения не являются случайностью и что они были сделаны одним и тем же лицом.

* * *

В рукописи ГПБ, собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099 (далее — К-Б 22), написанной в 60—70-е годы XV в., имеется текст «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Этот памятник пере-

³⁴ К-Б 11, л. 268 об., первый суд Соломона в К-Б 68 переписан на л. 362 об.

³⁵ К-Б 11, л. 271, третий суд Соломона в К-Б 68 переписан на л. 364—364 об.

³⁶ Некоторые из следующих рассказов, переписанных в «Палее» в сборнике К-Б 68 на лл. 264 об.—366 (о дочери Фараона, о богатом муже и его наследниках), Ефросин не поместил в своем сборнике К-Б 11 и, очевидно, по небрежности не сделал отсылки. Но они им тоже были переписаны ранее в сборнике К-Б 9 на лл. 197 об.—200. Точно так же рассказ о Малкоташке (К-Б 68 на лл. 367 об.—369) отсутствует в К-Б 11, но переписан в К-Б 9 на лл. 194—196.

писан Ефросином,³⁷ так же как и текст «Толковой Палеи», не полностью, а отдельными отрывками. Начало каждого нового отрывка выделено заголовком, написанным кинноварью. Как и в «Толковой Палеи», внутри переписанных отрывков «Истории Иудейской войны» сделаны некоторые сокращения.

Прежде чем говорить о приемах сокращений, характерных для этих отрывков, обратимся еще к одной рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, в которой тоже переписана «История Иудейской войны».

Это рукопись ГПБ, собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 53/1130 (далее — К-Б 53). Рукопись была написана в XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре. Она упомянута в описании рукописей Кирилло-Белозерской библиотеки, составленном в конце XV в.³⁸ Часть сборника несомненно была написана в 1463 г., так как на л. 155 об. на поле против конца Апокалипсиса сделана приписка: «В лето 6971, июля 18 кжд (так!) дню, час 9 кончахь Апокалипси». Вероятно, и остальная часть сборника написана приблизительно около этого времени.

Эта рукопись к книгописцу Ефросину имеет самое прямое отношение. Ефросин не только видел рукопись, но и сам принимал участие в ее написании. Как раз Апокалипсис, к которому относится приписка на полях и ряд Синаксарей этого сборника (лл. 130—155 об., 195 об.—318) переписаны рукою Ефросина.³⁹

На лл. 429—496 об. в этой рукописи переписан текст «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, которая здесь озаглавлена «Слово о пленении Иерусалимскомъ Иосиповъ». Список этот неполный, содержит только V и VI книги «Истории» и в конце VI книги переписано несколько отрывков сначала из II книги, затем из I.

Сопоставление отрывков «Истории Иудейской войны», переписанных Ефросином, с этим списком показывает, что оба текста не только принадлежат одной редакции, так называемой «отдельной», и близки своими чтениями Волоколамскому списку, но и содержат целый ряд общих чтений, отличающих их от других списков этой редакции.⁴⁰ Списки К-Б 22 и К-Б 53 настолько близки друг другу, что в большинстве случаев у них совпадает и написание слов.

Помимо этого, о зависимости Кирилло-Белозерских списков друг от друга свидетельствует и состав текста «Истории» в них. В К-Б 22 включены выписки из V и VI книг и отдельные эпизоды из I и II книг. Характерно, что в К-Б 22, как и в К-Б 53, сначала переписан текст из II книги, затем из I и взяты только те эпизоды, которые были переписаны в К-Б 53.

Все эти факты, взятые вместе, позволяют сделать вывод, что для своих выписок «Истории Иудейской войны» Ефросин воспользовался рукописью К-Б 53. Этот вывод важен в том отношении, что он позволяет абсолютно точно установить, чем отличается текст в переписке Ефросина от того источника, с которого он переписывал текст. Все изменения и отступления списка К-Б 22 от текста К-Б 53 были сделаны Ефросином.

³⁷ Принадлежность рукописи К-Б 22 Ефросину доказана в статье Я. С. Лурье «Литературная деятельность Ефросина», стр. 132—139.

³⁸ Н. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., изд. ОЛДП, 1897, стр. 137—142. Подробное описание рукописи составлено Н. К. Никольским в конце книги (стр. 279—287).

³⁹ Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 138—139.

⁴⁰ Сопоставление списков К-Б 22 и К-Б 53 с другими списками «Истории Иудейской войны» проведено по изданию: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (далее: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны).

Ефросин переписал выборочно частями текст V и VI книг, при этом он делал перестановки. Иногда он переписывал сначала последующие события, затем возвращался к более ранним. Кроме того, внутри тех отрывков, которые Ефросин переписывал в свою рукопись, он нередко делал сокращения.

Ознакомление с отличиями текста «Истории Иудейской войны» в К-Б 22 от его оригинала подтверждает, что те изменения, которые имеются в других памятниках, переписанных Ефросином, принадлежат тоже ему. Обратившись к сокращениям в «Истории Иудейской войны», убеждаемся, что здесь использованы те же самые приемы при сокращениях, которые были рассмотрены выше в других рукописях Ефросина.

I. Переписывая понравившиеся эпизоды, Ефросин иногда сокращает их путем простого удаления отдельных отрывков. В рассказе о том, как сосчитали количество пленных, захваченных в Иерусалиме, Ефросин пропустил перечисление тех, кто не может на пасху прикоснуться к жертве, так как эта подробность по существу являлась отступлением от основного содержания.

К-Б 53

Аще же разочтем по 10 мужь на едину жрѣтву, а болшая оставльше, то считается мужей 200 темъ и 9 сот тысячъ, вси чисти и несквернени и священи, разве инех людии, иже суть прости, или чим осквернени, или прокажени, или съблаженных, или иноплеменници, или жены нечисты. Тем бо всемъ не дано есть прикасатися к жертве.

И тогда, яко же рекохом, суд божи вси наша языки привлече в град, яко в темницю. И рать внезапно обыде. А множество погыбших одолевает всякому истлению, или от вышняго промысла бывшу, или от человекъ. Римляне же, пещеры раскопавше, изискаху хранимыа и вся обретаемаа убиша.⁴¹ (Лл. 488 об.—489).

Перед этим говорилось о том, сколько после осады Иерусалима было взято в плен и убито, и объяснялось, почему помимо евреев в плен попало много иноземцев. Сообщение об иноземцах Ефросин пропустил.

К-Б 53

Плененых же бысть 9 сот тысячъ и 7000, а убьеных 100 тем и 100 тысячъ, от них же болша часть иудейска рода быша, но не вси то земци, от иноя бо земля пришедше на опресночныи празникъ, и внезапно рать заседе я. И пръвее теснота и смрад приведе на ня и особную страсть, потом же и глада скорога.

Аще же кто глаголетъ, яко не возможно бе вместитися толико темъ въ град ть. (Л. 488—488 об.).⁴²

Среди перечисления предзнаменований о гибели Иерусалима Иосиф Флавий рассказывает о «демонском» видении на небе. Ефросин при переписывании убрал пояснение о том, почему многие не верили в это видение.

К-Б 22

Аще же разъчтем по 10 мужь на едину жертву, а болшая оставльше, то считается мужей 200 тем и 9 сот тысячъ.

Рымляне же, пещеры раскопавше, изыскаху хранимыа и вся обретаемая убиша. (Лл. 421 об.—422).

К-Б 22

Плененых же бысть 9 сот тысячъ и 7000, а убиеных 100 тем и 100 тысячъ, от них же болша часть иудейска рода быша.

Аще же кто глаголетъ, яко не възможно бе вместитися толико темъ въ град ть. (Л. 421—421 об.).

⁴¹ Там же, стр. 431—432.

⁴² См.: там же, стр. 431.

Возможно, сокращение Ефросин сделал по той причине, что в рукописи К-Б в этом месте текст искажен и поэтому не ясен.

К-Б 53

По мале же времени праздника в 21 день месяца артемисна, иже есть май, видение некое явися демоньско паче веры, а иже слышит си ангели мнеша быти басни и чяродееяние, аще не мнози биша видели и поведали. И страсть последоваше подобна видению. Преже бо солнечного захожения явишася по аеру. (Л. 478 об.—479).⁴³

К-Б 22

По мале же времени праздника в 21 день месяца артемисна, иже есть май, видение некое явися демоньско паче меры.

Преже бо солнечного захожения явишася по аеру (Л. 418 об.).

В конце главы, где описано вступление римлян в Иерусалим, имеется авторское отступление: «Се же град такovy беды и нужна приать въ обступление, яко аще бы толика блага приаль от начала създания своего, то бы в зависть был всем землям».⁴⁴ Ефросин этот отрывок текста, не содержащий фактических сведений, не включил в свою рукопись.⁴⁵

При переписывании «Истории Иудейской войны» самым простым приемом сокращения Ефросин пользовался довольно часто. Помимо приведенных примеров из VI книги, были сделаны такие сокращения и в V книге.⁴⁶

II. Как и в ранее рассмотренных памятниках, так и в «Истории Иудейской войны», повторяется и второй прием сокращения, употребляемый Ефросином, который заключается в том, что разорванный текст редактор соединяет короткими вставками, придуманными им самим.

Начиная одну из выписок из V книги, посвященной непосредственно осаде Иерусалима, и озаглавив ее «От пленения Иерусалимского Иосипово», Ефросин берет текст из середины главы и даже из середины предложения. Он опустил описание приготовлений к осаде, взяв текст со слов «и оступиша вес град съ яростию». Для того чтобы читателю было понятно, кто же приступил к осаде, он приписал подлежащее в начале этого предложения — «Римляне же». Однако одновременно Ефросин сделал добавления. В следующем предложении упомянуто имя Тита, римского полководца. Видимо, из-за того, что в рукописи Ефросина он здесь впервые назван, Ефросин решил разъяснить читателю, кто такой Тит. Поэтому он сделал добавление: «Тить же, сынъ Успасиана царя м(и)л(о)стивъ сынъ».

К-Б 53

А за нею създаша 13 грады, вся же та създаша за 13 дни и оступиша вес град съ яростию. Тит же по градом постави стража (Л. 455).⁴⁷

К-Б 22

Римляне же оступиша вес град съ яростию. Тить же, сынъ Успасиана царя м(и)л(о)стивъ сын, по градом постави стража. (Л. 416).

Прибегнув к тем же приемам, тоже сокращенно Ефросин сделал выписку из рассказа о гибели Иерусалимского храма:

⁴³ См.: там же, стр. 420.

⁴⁴ К-Б 53, л. 487—487 об.

⁴⁵ См.: К-Б 22, л. 420; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 430.

⁴⁶ Текст сокращен в К-Б 22: 1) л. 416 об. (ср. К-Б 53, л. 455 об.; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 391—392); 2) л. 417 (ср. К-Б 53, л. 458 об.; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 395).

⁴⁷ См.: там же, стр. 391.

К-Б 53

Суд его соблюде, и того месяца и того же дне, яко же рекохом, во н же и преже вавилоняне пожегоша ту церковь. От прьваго же създаниа ея, еже нача Соломон. (Л. 476 об.).⁴⁸

Выше уже упоминалось о сокращении в рассказе о знамениях перед осадой Иерусалима. Начало этого рассказа у Ефросина тоже сокращено. Он опускает вступительную часть и начинает писать с первого предзнаменования, но для того чтобы читателю сразу было ясно, чему посвящена эта выписка, он дает ей свое название.

К-Б 53

Тем же и съ многострастныи народ лествцем и лъжущим на бога внимаше, глаголющим же право и проповедающим хотящую быти пустоту и знамениемъ, и явлениемъ не внимаше, ни вероваше, но яко шибени, ни душа имуще, ни ушей, и ни послушаша божественныа проповеди, ни разумеша, егда ста звезда над городом. (Л. 478).⁴⁹

Ефросин, переписав предзнаменования гибели Иерусалима, сразу переходит к рассказу о вступлении римлян в Иерусалим. В полном тексте, в том числе и в К-Б 53, после описания знамений подробно освещены последние моменты осады и взятия Иерусалима. Ефросин не выделяет заголовком начало выписок о вступлении римлян в Иерусалим, а присоединяет их к рассказу с предзнаменованиями. Однако для того чтобы соединить так сильно разрозненные части, он между ними вставляет фразу — «много бився время».

К-Б 53

Богъ бо знамениа гневнаа показуа, да быша разумели людие божии гневъ, и прстали от своея злобы и тем бога умолять. Сушу же въ июдеехъ пророчеству...⁵⁰ Вечеру же бывшю, вои почиша от сечи и на ночь възложиша восиять огонь. Утро же въ 8 день горпиа месяца солнце всънавь и виде Иерусалима огнемъ паляща. (Лл. 480—487).⁵¹

О вступлении римлян в Иерусалим и о судьбе захваченных в плен иудеев в полных списках «Истории» Флавия рассказано довольно подробно. Ефросин убрал значительный отрывок из середины рассказа. Сокращенными оказались конец сообщения о трех башнях Иерусалима, оставленных не разрушенными, и большая часть описания судьбы плененных жителей Иерусалима. Конец же этого описания Ефросин переписал в свою рукопись. Однако для того чтобы стало понятным, о чем идет речь в переписанном окончании рассказа о судьбе пленных, Ефросин вместо удаленного отрывка приписал в начале предложения: «Пленных же»

К-Б 22

Святая же святых храмъ преже вавилоняне пожегоша.

От первого же създаниа ея, еже нача Соломонъ. (Л. 417 об.).

К-Б 22

Того ж (е) о звезде и о корове преж (е) плена.

Егда ста звезда над градом. (Л. 417 об.).

К-Б 22

Богъ бо знамениа главная показуа, да быша разумели людие божии гневъ, и прстали от своея злобы и темъ бога умолят. Месяць лои еже есть август, месяцъ горпиа еж (е) есть сен (тябрь). Много бився время. Утро же въ 8 день горпиа месяца солнце всънавь и виде Иерусалима огнемъ паляща. (Л. 420—420 об.).

⁴⁸ См.: там же, стр. 418.

⁴⁹ См.: там же, стр. 420.

⁵⁰ Опускаю текст трех глав, посвященных осаде Иерусалима.

⁵¹ См.: там же, стр. 421—430.

(«Пленных же овы на муку, овех же на избавлене»)⁵² Одновременно в конце этого отрывка Ефросин от себя сделал небольшое добавление:

К-Б 53

Мятежници жи и разбойници сами
обличаху ся другъ от друга, убъени быша.
(Л. 488).

К-Б 22

Мятежници ж(е) и разбойници сами
обличаху друг от друга, убъени быша,
зане не хотеша датис(я) римля-
ном. Сего ради погибоша и
град погубиша. (Л. 421).

В эпизоде о том, как римляне раскопали пещеры и обнаружили там мертвых иудеев, Ефросин убрал всю вторую часть рассказа вплоть до следующей главы. В этой второй части говорилось о том, как некоторые из римлян пытались взять в этих пещерах имущество погибших. Ефросин, хотя и не переписал вторую часть рассказа, но со свойственным ему лаконизмом частично передал ее содержание. В конце последнего предложения о гибели иудеев в пещерах Ефросин сделал добавление «и съ имением своим».⁵³ Совершенно ясно, что это добавление сделано на основании содержания второй части рассказа.

Таким образом, анализ текста «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия по рукописи, переписанной Ефросином, показывает, что и здесь проявляются те же отличительные черты, которые были характерны для рассматриваемых выше произведений по спискам Ефросина. Текст «Истории Иудейской войны» был сокращен теми же самыми приемами, которые наблюдались и выше. Все перечисленные примеры показывают, что работал один и тот же редактор. Этим редактором был книгописец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин.

Правда, в списках Ефросина «Хождения Игумена Даниила» и «Толковой Пален» некоторые сокращения сопровождаются библиографическими ссылками. В тексте «Истории Иудейской войны» этот прием сокращений Ефросином не использован. Отсутствие его объясняется тем, что в последнем случае у Ефросина не было возможности отослать читателя или к общеизвестному и распространенному источнику, или к сборнику, уже переписанному Ефросином.

Тем не менее и в «Историю Иудейской войны» он включил «библиографическую ссылку», правда несколько иного характера. Переписывая текст христианской легенды о воскресении Христа, Ефросин сделал некоторые перестановки в последовательности изложения, в результате чего получился повтор. Поэтому в одном месте Ефросину пришлось сделать примечание: «Яко же выше рехом».⁵⁴

Подведем некоторые итоги. Для Ефросина как книгописца свойственно активное отношение к содержанию тех произведений, которые он переписывал. Ефросин не был строгим копиистом и нередко выступал не просто переписчиком, а редактором, который вносил от себя некоторую правку в переписываемый текст. Одной из черт такой правки является склонность к сокращениям. Ефросином были выработаны определенные приемы сокращений, которые он употреблял при переписывании разных произведений.

Теперь обратимся к тексту «Задонщины», переписанному тем же Ефросином. Как явствует из текстологического анализа списков «Задон-

⁵² К-Б 22, лл. 420 об.—421; К-Б 53, лл. 487 об.—488; Н. М. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 430—431.

⁵³ К-Б 22, л. 422; К-Б 53, л. 489—489 об.; Н. М. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 432.

⁵⁴ К-Б 22, л. 414, ср.: К-Б 53, л. 438; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 370.

щины», одной из отличительных черт Ефросиновского списка «Задонщины» является его краткость. Как отмечено было ранее, новое окончание в Ефросиновском списке «Задонщины» является результатом его творчества. Поэтому, естественно, встает вопрос: не связаны ли и некоторые другие индивидуальные черты К-Б списка «Задонщины» с Ефросином? И прежде всего напрашивается предположение: не является ли краткость К-Б списка «Задонщины» результатом работы Ефросина? Обратимся к сопоставлению более кратких мест К-Б списка «Задонщины» с текстом полных списков и попытаемся проследить приемы сокращений в К-Б списке, переписанном Ефросином. Раньше всего следует оговориться, что в числе сокращений не рассматривается отсутствующая в К-Б списке вторая часть «Задонщины». Отсутствие ее объясняется, возможно, иными причинами.⁵⁵ Но и первая часть «Задонщины» в списке К-Б отличается краткостью. Остановимся на выяснении тех редакторских приемов, которые сделали список К-Б кратким.

Сопоставление сокращенных отрывков в К-Б списке с полным текстом «Задонщины» показывает, что приемы сокращений, допущенные в К-Б списке, те же самые, что и в рассмотренных выше произведениях. Здесь, правда, нет библиографических отсылок, но они отсутствуют и в «Истории Иудейской войны».

Следует обратить внимание на то, что Ефросин чаще любит убирать отрывки не целыми эпизодами или целыми предложениями, а сокращает так, что соединяет начало первого и конец последующего предложения или начало одного эпизода и окончание следующего. Видимо, это вызвано тем, что так легче, удаляя подробности, сохранить главное содержание. Эта особенность наблюдалась во всех выше рассмотренных произведениях, повторилась она и в «Задонщине».

В «Задонщине» по К-Б списку использованы те два приема сокращений, которые были установлены анализом ранее рассмотренных произведений.

1. Самый простой способ сокращения, который выражается в удалении части текста без каких-либо изменений, в «Задонщине» представлен несколькими примерами.

Поэтическое описание, относящееся к выезду в поход русского войска, Ефросин сократил, убрав отрывок из середины предложения. Точно такой же пример сокращения можно привести из текста «Хождения игумена Даниила».

Хождение игумена Даниила

Задонщина

Житье
и хожение

К-Б 9

С

К-Б

Есть же по сей стране Иордана на купели той, яко леси древо не высоко, аки вербе подобно есть, и выше купели тоя по берегу Иорданову стоит яко лозие много, но несть яко же наша лоза, но некако аки сляжи подобно есть; есть же и тростие много. (Стр. 46).

Есть же по сей стране Иоардана на купели той, яко леси древо мнози высока, аки вербие, есть же и тростие много. (Л. 156 об.).

То ти уж бо ястреби и соколи и белоозерстии кречеты отривахуся от златых и колодицы ис кемени грады Москвы, обриваху шевковья опутинны, возвиваючися под синия небеса, звонечи золотыми колокола над быстрым Доном.

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби

позвонять своими злачеными колоколцы.

⁵⁵ См. об этом статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ в настоящем сборнике, стр. 251.

В другом примере такого сокращения Ефросин убирает конец одного предложения и начало следующего за ним. Так он сократил поэтическое описание ожидания сражения и одновременно короче передал текст, в котором говорилось о продвижении татар на Русскую землю. Таким образом, он полностью сохранил фактические сведения, хотя и обеднил художественную сторону этого отрывка.

История Иудейской войны

К-Б 53

По мале же времени праздника в 21 день месяца артемисиа иже есть май, видение некое явися демоньско паче веры, а иже слышит си ангели мнеша быти басни и чяродеяние, аще не мнози биша видели и поведали. И страсть последоваше подобна видению. Преже бо солнечнаго захожения явишася по аеру... (Л. 478 об.).

К-Б 22

По мале же времени праздника в 21 день месяца артемисиа иже есть май, видение некое явися демоньско паче меры.

Преже бо солнечнаго захожения явишася по аеру... (Л. 418 об.).

Задонщина

У

Быти стуку великому на речке Напряде, между Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликове, прольтиса крови на речке Напряде. Уже бо скрипели телеги между Доном и Непром, а идут хинове поганьи к Руской земли.

К-Б

Быти стуку и грому велику между Дономь и Непромь,

идет хинела на Русскую землю.

Наиболее значительное сокращение Ефросин сделал в диалоге между Ольгердовичами. Он убрал часть текста из обращения Андрея Ольгердовича и начало ответной речи Дмитрия Ольгердовича. Весь этот отрывок стал читаться как речь одного Андрея Ольгердовича. Но в результате сокращения в текст закралась ошибка. Ефросин не обратил внимания на то, что в конце речи Дмитрия повторяется имя Андрея. Таким образом, в К-Б списке речь Андрея Ольгердовича обращена к самому себе. Некоторые неточности в сокращенных Ефросином текстах наблюдаются и в других произведениях, о чем было сказано выше.

История Иудейской войны

К-Б 53

Аще же разочтем по 10 мужь на едину жртьву, а болаша оставльше, то считается мужей 200 темь и 9 сот тысящ, вси чисти и несквернени и священи, разве инех люди, иже суть прости, или чим осквернени, или прокажени, или съблажененых, или иноплеменици, или жены нечисты. Тем бо всемь не дано есть прикасатися к жертве.

И тогда яко же рекохом, суд божи

К-Б 22

Аще же разьчтем по 10 муж на едину жертву, а болаша оставльше, то считается мужей 200 тем и 9 сот тысящ.

Задонщина

У

Молвяше Андrei Олгордович своему брату: «Брате Дмитрие, сами есмя себе два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Зберем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удалцов, а сами сядем на добрые кони своя, и посмотрим быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиць немецких о боеданы бусорманские».

К-Б

Молвяше Андrei к своему брату Дмитрию: «Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы.

Сядемь, брате, на свои борзи комони, испиемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону, испытаемь мечи свои булатныя.

вси наша языки привлече в град, яко в темницю. И рать внезапу обиде. А множество погыбших одолевает всякому истлению, или от вышняго промысла бывшу, или от человек. Римляне же, пещеры раскопавше, изискаху хранимыя и вся обретаемаа убиша. (Лл. 488 об.—489).

Римляне же, пещеры раскопавше, изискаху хранимыя и вся обретаемая убиша. (Лл. 421 об.—422).

И рече ему Дмитрие: «Брате Андреи, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, а гром гремит в каменом граде Москве».

Уже бо, брате, стук стучить и гром гремит в славне городе Москве».

II. Использовал Ефросин в «Задонщине» и второй свой прием сокращения текста. Иногда сокращения сопровождаются небольшими изменениями текста.

История Иудейской войны

К-Б 53

От юношей же иже быша протяженнееши шиами и крашеиша избра въ съхраниа на победное прохождение иже есть проелепись. (Л. 488).

К-Б 22

Юноши же и кресных сих оставиша на победно прохождение иже есть проелепись. (Л. 420 об.).

У

Тот боярин во складоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславьевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимировичю. Аз же помяну резанца Софония и восхваляю песнеми гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича.

Задонщина

К-Б

Тои бо вещи Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русским князем: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, в о с х в а л я я и х песни и гусленными буинными словесы на рускаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Одреевича.

Наиболее значительное сокращение Ефросин сделал во вступительной части «Задонщины». Отметим, что сокращенный отрывок не содержал фактических сведений о самой Куликовской битве. В данном случае редактор разорванный текст соединил тем, что изменил начало первого предложения после пропуска. Подобным приемом Ефросин часто пользуется и в «Хождении игумена Даниила» и в «Истории Иудейской войны».

История Иудейской войны

К-Б 53

Токмо остави те три столпы память своея вазни и храборьства. Да последние видять и похва-

К-Б 22

Токмо остави те три столпы память своея вазни и храборьства.

У

Пондем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь

Задонщина

К-Б

Пойдемъ, брате, в полунощную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь пре-

лять и зане взять
не взятая еством.

Воини же утрудившеся секуще и видяще много остатка поведаша кесареви да единех противльшихся убьють, а прочая оставят. И повеле Тит тако сътворити. Ових от них преступающе поведенная, старья и немощныя сечаху. Юнеиших же и постребных вогнаша въ церковный дворъ, в места, в них же жены стояху при службе. И приставленъ бысть к ним стражъ Фондъ да рассудитъ я, которья чясти каждо ихъ достоинъ есте и да отлучитъ я друг от друга: овех на муку, овех же на избавление. (Лл. 487 об.—488).

Пленных же
овы на муку, овех
же на избавление.
(Л. 420 об.).

преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всеи земли Рускои. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева ... Начаша ти поведати по делом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим вещаго боярина, горазна гудца в Киеве.

Оттоле взыдем на горы Киевския.

Первее всех вшед, восхвалим вешаго го Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца.

Помимо названных сокращений, в К-Б списке на протяжении всего текста встречаются небольшие пропуски в виде отдельных фраз. Крупным сокращением, не упомянутым выше, является речь Дмитрия Донского в ответ на призыв Владимира Андреевича.⁵⁶ К числу сокращений можно отнести и плач жен по убитым на Куликовом поле. В данном случае сокращение выразилось в том, что вторая часть плача в К-Б списке заменена более коротким текстом.

Таким образом, сопоставление сокращений в «Задонщине» с сокращениями в «Истории Иудейской войны» и в «Хождении игумена Даниила» в рукописях, переписанных Ефросином, показывает, что индивидуальные черты К-Б списков всех этих произведений связаны с работой одного и того же редактора. Краткость текста «Задонщины», переписанной Ефросином, идет, видимо, от самого Ефросина. Краткий вариант «Задонщины» — явление несомненно вторичное.

Следует обратить внимание еще на одну общую черту, свойственную всем выше названным произведениям в списках Ефросина. Это — тот принцип, по которому редактор выбирает из текстов отрывки для сокращения. Ефросин сам составлял свои сборники, и, судя по их составу, его интересовали разнообразные области знаний — литература, история, география, биология, медицина.⁵⁷ И во всех произведениях на эти темы его больше всего привлекали фактические сведения. Эта склонность Ефросина отразилась на проводимых им сокращениях. При переписывании, применяя сокращения, Ефросин, как правило, не выбрасывает фактические сведения, он убирает некоторые подробности и отступления. Это относится ко всем произведениям, переписанным Ефросином с сокращениями.

⁵⁶ Объяснение к этому сокращению см. в статье Р. П. Дмитриевой «Взаимотношение списков „Задонщины“» в настоящем сборнике, стр. 255.

⁵⁷ См.: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 147—155.

Ефросина в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в первую очередь интересовали исторические сведения, связанные с пленением Иерусалима. Сокращая отдельные отрывки, Ефросин стремится сохранить основное содержание. Перечислим некоторые сокращения в «Истории Иудейской войны»: 1) удалены подробности описания церкви, где стоял гроб господний; 2) в рассказе о предзнаменованиях гибели Иерусалима переписаны только сами знамения, а отношение к ним иудеев было опущено; 3) не переписал Ефросин авторское отступление о том, как много бед претерпел Иерусалим во время осады; 4) не были переписаны подробности в рассказе о судьбе пленных иудеев.

То же бережное отношение к фактам наблюдается и в сокращенных Ефросином «Хождении игумена Даниила» и «Толковой Палее».

Так же внимательно Ефросин относится к историческим сведениям о Куликовской битве в «Задонщине». В списке К-Б сохранены все исторические факты, относящиеся к Куликовской битве. Исключение составляет только перечисление воевод, принимавших участие в битве, названных в речи Дмитрия Донского. Правда, эти же имена воевод почти полностью повторяются в списке убитых на Куликовом поле, который в списке К-Б уточнен и изменен. Ефросин бережно относится к упоминанию дат и исторических имен. Так, исключая второе описание боя (начало: «На поли Куликове тучи сильныя изступишася...» — С), он сохраняет дату битвы (имеется только в изводе Син), но переносит ее в другое место. Точно так же им сохранено упоминание имени Ивана Калиты.

Для Ефросина «Задонщина» интересна и важна ранее всего как рассказ о борьбе с татарами. Он посчитал возможным убрать из нее некоторые поэтические сравнения и повторы. Этим объясняется то, что на первый взгляд текст К-Б списка кажется более четким и ясным. В то же время при сравнении «Задонщины» по К-Б списку с полным текстом легко обнаруживается, что К-Б список лишен некоторых поэтических черт.

* * *

Стремление Ефросина к большей четкости и ясности в передаче основного содержания «Задонщины» проявилось, видимо, не только в сокращениях. Возможно, ему также принадлежат и некоторые из изменений, отличающих список К-Б от других списков «Задонщины». Вопрос о происхождении целого ряда индивидуальных черт К-Б списка является сложным. При наличии только двух списков извода Син, К-Б и С, которые сильно отличаются друг от друга, трудно объяснить многие из особенностей К-Б списка.

Тем не менее наблюдения над приемами редакторской работы Ефросина в других памятниках позволяют сделать некоторые предположения относительно К-Б списка «Задонщины».

В текст «Задонщины» по К-Б списку включена цитата из «Слова о гибели Русской земли». Кроме того, в перечне убитых на Куликовом поле в этом списке явно соединены сведения из двух источников.⁵⁸ Возможно, это было сделано Ефросином. В целом ряде текстов, переписанных Ефросином, включены цитаты из других произведений. Текст «Толковой Палеи» у Ефросина дополнен выписками из Шестоднева, Физиолога, Хроник Амартола и Иоанна Малалы. В «Летописец Никифора патриарха

⁵⁸ См. об этом в настоящем сборнике в статьях М. А. Салминой «„Летописная повесть“ о Куликовской битве и „Задонщина“», стр. 382—383 и Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“», стр. 260.

вскоре», переписанный Ефросином, включено перечисление славянских племен, заимствованное из «Толковой Палеи». В «Хождении игумена Даниила» в главе о Генисаретском озере Ефросин на полях сделал выписку об этом озере из «Истории Иудейской войны».⁵⁹ Поэтому вполне вероятным является предположение, что и в «Задонщине» Ефросин воспользовался этим редакторским приемом.

Помимо сокращений, при переписывании текстов Ефросин иногда вносил небольшие изменения. Прослеживается некоторая связь в характере изменений по разным произведениям. Отдельные изменения в «Задонщине» в К-Б списке находят себе аналогию по характеру изменений в других произведениях, переписанных Ефросином. Приведем такие примеры, которые показывают, что данное изменение в тексте «Задонщины» по К-Б списку может быть приписано творчеству Ефросина.

Выше упоминалось о краткости плача жен в «Задонщине» по К-Б списку. Первая часть плача в К-Б списке соответствует тексту в других списках (оставляем в стороне небольшие отклонения). Следует отметить, что эта первая часть плача сохраняет общий стиль со второй частью плача в полных списках «Задонщины»: приводится текст плача отдельных жен с упоминанием их имен. Вторая же часть плача в К-Б списке не только значительно короче, чем в полных списках, но она написана в ином стиле: снята всякая конкретность и дано несколько обобщенных фраз в манере, свойственной и воинским повестям, и летописным текстам. Иначе говоря, вторая часть плача в К-Б списке написана почти полностью заново, короче и обобщеннее (не считая общих чтений с С).

Примеры изменений подобного характера можно найти и в других рукописях Ефросина. Так, переписывая ту часть «Истории Иудейской войны», где рассказывается о том, как в окруженном римлянами городе начался голод, Ефросин это описание заменил одним предложением. Обобщив и сняв подробности, он передал суть дела, но написал новый текст, совершенно не связанный с текстом оригинала. По существу здесь проделано то же самое, что и с текстом плача жен в «Задонщине».

Задонщина

История Иудейской войны

У

К-Б

К-Б 53

К-Б 22

И воспели бяше
птицы жалостные
песни. Восплакашася
вси княгини и боя-
рыни и вси воевод-
ские жены о избие-
ных. Микулина жена
Васильевича Федо-
сья да Дмитреева
жена Марья рано
плакаша ... а Ти-
мофеева жена Во-
луевича тако же
плакахуся и рече
тако: «Се уже весе-
лие мое пониче во
славном граде Мо-

Тогда же вос-
плакашася горко
жены боярыни по
своих осподарех в
красне граде Москве.
Восплачется жена
Микулина Марья...

Восплачется жена
Иванова Федосия:

И пшеничная
мера продаюшеся
по таланте злата.
Потом же, яко объ-
гражень быс(ть)
град, людие, не мо-
гутше вылести на
сбзирание травы,
яко по комаром ис-
кати скотьскаго гноя
и изьядати, и бысть
имъ пища, яже древ-
ле очима не можаху
зрети. (Л. 458 об.).⁶¹

И пшеничная
мера продаашес(я)
по таланте злата.⁶⁰
С великого
ж(е) глада
иудеи
ядяху скоть-
скыи гнои, и
бысть имъ пища,
яже древле очима
не можаху зрети.
(Л. 417—417 об.).

⁵⁹ См.: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 150—151, 153.

⁶⁰ Здесь в К-Б 22 опускаем вставку, включенную Ефросином из другого места «Истории Иудейской войны». Эта вставка была взята Ефросином с лл. 455 об. и 457 об. списка К-Б 53.

⁶¹ См.: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны, стр. 395—396.

скве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе нету». А Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обемя нам солнце померкло в славном граде Москве, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вести, носяше великую беду, и седша удальцы з добрых коней на суженое место на поле Куликове на речке Напряде».

И восплакалися жены коломеньские ...

«Уже наша слава пониче в славне городе Москве».

Не одина мати чада изостала, и жены боярския мужей своих и осподарев оставли, глаголюще к себе: «Уже, сестрици наши, мужей наших в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за светыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны».

Подобные же примеры имеются и в «Хождении игумена Даниила». В оригинале в связи с упоминанием претории, где Пилат судил Христа, рассказывается о самом суде. Ефросин значительно короче передал этот эпизод, не прибегая к цитатам из оригинала.

Житье и хожение

К-Б 9

А оттуду есть поидучи мало ко востоку лиць притории, идеже воины приведоша Христа къ Пилату, и ту руде свои умывъ Пилатъ и рече: «Чистъ есть отъ крове сего праведника. И бивъ Иисуса и предасть Иудеомъ. Тужь есть темница иудейска. (Стр. 27—28).

И ту

Христа привели к Пилату живодове судити, идеже Пилат руде умы пред народом. И ту есть темница людская. (Л. 148).

Эти параллели из других произведений позволяют предполагать возможное авторство Ефросина в создании нового варианта плача в «Задонщине».

Не принадлежит ли также руке Ефросина изменение в «Задонщине» там, где описано поведение зверей накануне битвы и дан следующий за ним искаженный рефрен из «Слова о полку Игореве» («Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала» — У)? У Ефросина эти два абзаца объединены, и в текст их внесены изменения. Остановимся на происхождении этих изменений.

Вероятно, как и в других случаях, Ефросин решил несколько сократить первый абзац и убрал из него начало — «А уже беды их пасоша». Однако, дописав до конца это предложение, он увидел, что текст лишился своего главного значения. После сокращения первой фразы стало не ясно, зачем здесь автор говорит о птицах и зверях. Для того чтобы не возвращаться к началу предложения, Ефросин в конце поместил разъяснение («чають победу на поганых»).

Такой же пример изменения текста Ефросином имеется в «Хождении игумена Даниила». Переписывая эпизод о том, за что Давид убил Урию, Ефросин сократил подробности и написал только «жены ради». Но когда стал переписывать последующий текст и увидел, что в нем говорится о местонахождении бани, упоминание о которой он сократил выше, он

должен был добавить фразу «идеже мылася Уриина жена». Иначе читателю было бы не понятно, почему здесь упомянута баня.

Житие и хождение игумена
Даниила

Задонщина

Житие и хождение

К-Б 9

У

К-Б

А отъ столпа
того близъ былъ
домъ Уриевъ, его
жь Урию уби Да-
выдъ и поя жену
его, видевъ ю мыю-
щуюся въ бани. И ту
есть нове мехотия
святаго Савы, и
есть же близъ отъ
столпа, яко можетъ
доверечи. Есть знати
где же была баня
та до днесь. (Стр.
26).

От столпа же
тог(о) близъ былъ
домъ Уриевъ, его же
уби Д(а)в(и)дъ
жены ради.

И н(ы)не тутю
стоить мехотия
с(вя)т(о)го Савы,
есть близ от столпа,
як(о) может доверечи.
И есть знати и
до сег(о) дни где
была баня та, иде-
же мылася
Уриина жена.
(Л. 147 об.).

А уже беды их
пасоша птицы кры-
лати под облак ле-
тят, вороны часто
грают, а галицы
своею речью гово-
рят, орли хлекчют, а
волцы грозно воют,
а лисицы на костех
бряшут.

Руская земля,
то первое еси как
за царем за Соломо-
ном побывала.

Птици небесныя
пасущеся то под си-
ние оболока, ворони
грають, галицы свои
речи говорять, орли
восклегчют, волцы
грозно воють, лиси-
цы часто брешють,
чають победу
на поганых, а
ркучи так: «Зем-
ля еси Русская, как
еси была доселева
за царем за Соло-
моном, так буди
и нынеча за
князем вели-
ким Дмитриемъ
Ивановичемъ.

Таким образом, изменение первого предложения «Задонщины» может быть объяснено выше названными причинами. Изменение же второго предложения связано с другими обстоятельствами.

Искаженное в «Задонщине» заимствование из «Слова о полку Игореве» — «за шеломянем еси» — сделало содержание предложения очень неясным. Пытливому Ефросину не удовлетворило нечеткое содержание этого предложения. Поэтому он дал ему свое истолкование, присоединив его как прямую речь о предсказании победы, произнесенную зверями.

Обратившись к «Истории Иудейской войны» в рукописи Ефросина, мы найдем примеры подобного рода. В тех случаях, когда Ефросину кажется, что текст недостаточно ясен, он его дополняет. Так, в рукописи К-Б 53, с которой Ефросин переписал «Историю Иудейской войны», на л. 491 писец, видимо, не разобрал текст в оригинале, с которого он списывал, и не закончил предложение, оставив чистое место в строке. Ефросин в своей рукописи восполнил этот пробел. Он вместо опущенного окончания предложения дописал — «сие место запустеет». Это было придумано самим Ефросином, так как в других списках «Истории Иудейской войны» данное предложение кончается иначе («и всех людей» или «на все человеки»).

История Иудейской войны

К-Б 53

К-Б 22

Он же, укоряя их, рече: «Не открываю вам сущую у вас тайну, поне же не изволили есте того. Темъ приде на вас пагуба неизреченная и вас ради».

И тако рекль отиде на ону страну Иердана. (Л. 491).⁶²

Он же, укоряя их, рече: «Не открываю вам сущую у вас тайну, поне же не изволили есте того. Темъ приде на вас пагуба неизреченная и вас ради сие место запустеет».

И тако рекль отиде на ону страну Иердана. (Л. 426).

⁶² См.: там же, стр. 251.

Переписывая текст «Истории Иудейской войны» в той части, где рассказывается о гибели иудеев уже после пленения, Ефросин от себя сделал добавление о причине гибели Иерусалима.

К-Б 53

Мятежници жи и разбойници сами обличаху ся другъ от друга, убъени быша.

Прочии же паче 17 лет. (Л. 488).⁶³

К-Б 22

Мятежници ж(е) и разбойници сами обличаху друг от друга, убъени быша, зане не хотеша датися римляном сего ради погибоша и град погубиша.

Прочии же паче 17 лет (Л. 420 об.).

В сборнике К-Б 11 на лл. 483—484 Ефросином переписан отрывок из текста Хроники Георгия Амартола, в котором рассказывается о жизни рахманов. Описание быта рахманов в Ефросиновской рукописи было дополнено существенными подробностями.⁶⁴ Помимо перечисленных у Амартола черт, которые делают рахманов счастливыми, Ефросин приписал, что у них нет ни царей, ни вельмож:⁶⁵

Хроника Амартола

В них же несть ни четвероножины, ни ролюи, ни железы, ни созданиа, ни огня, ни злата, ни сребра, ни овоща, ни вина, ни порт, ни мясоядения, ни ино дело некоторое же, ли на насыщение текуть...

К-Б 11

В них же нет ни четвероногих, ни земледелания, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни злата, ни сребра, ни вино, ни мясоядения, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни вельможь, ни татбы, ни разбоя, ни игр, ни на насыщение текуть...

Эти примеры говорят о том, что Ефросин не переписывал текст чисто механически, а в случаях, когда ему казалось содержание не полностью ясным, у него хватало смелости и умения дать свое объяснение или истолкование. Приведенные примеры аналогичных изменений в текстах, переписанных Ефросином, показывают, что некоторые особенности К-Б списка «Задонщины» могли принадлежать его переписчику — Ефросину.

Наблюдения над работой Ефросина как редактора и переписчика позволяют установить некоторые приемы редакторской правки Ефросина, которые повторяются в ряде произведений. Одной наиболее яркой и основной особенностью редакторской работы Ефросина является его стремление к краткости и лаконизму. Он стремится как можно короче передать содержание памятника, сохранив основное содержание, поэтому он нередко прибегает к сокращениям. Приемы сокращений его повторяются из одного произведения в другое. Среди сокращенных произведений оказалась и «Задонщина». Таким образом, краткость К-Б списка «Задонщины» является результатом работы Ефросина. Следовательно, краткий

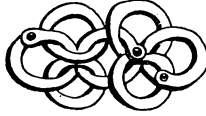
⁶³ См.: там же, стр. 431.

⁶⁴ См.: Я. С. Лурье. Литературная деятельность Ефросина, стр. 163.

⁶⁵ Ниже приводимые тексты цитируем по книге: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 165.

вариант «Задонщины» появился в результате сокращения полного текста и не ранее написания Ефросином этой рукописи.

Изложенные факты опровергают предположение Я. Фрчека и А. Мазона о том, что Кирилло-Белозерский вариант «Задонщины» — древнейший. Между тем именно это предположение — краеугольный камень всей системы аргументов «скептиков», стремившихся доказать, что «Слово о полку Игореве» ближе к «поздней» редакции «Задонщины», чем к «древнейшей», которой считалась Кирилло-Белозерская, и на этом основании выводивших «вторичность» «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине».

О. В. ТВОРОГОВ

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ЗАДОНЩИНА»

Хорошо известный факт, что «Слово о полку Игореве» и «Задонщину» сближают десятки общих или сходных чтений, говорит о несомненной связи этих памятников и открывает возможность их соотносительной датировки.

Но что может являться надежным критерием для определения первичности одного из произведений, как отличить подражание от образца?

Для решения этого вопроса плодотворными, на наш взгляд, могут явиться наблюдения над результатами «инерции подражания», т. е. языковыми, композиционными и стилистическими несообразностями вторичного текста, порожденными механическим перенесением в него лексических или стилистических элементов текста-образца.¹ Вторичность одного из произведений не следует постулировать заранее: она должна явиться выводом из ряда сопоставлений параллельных чтений. Такого рода сопоставления уже производились,² однако к ним целесообразно вернуться именно теперь, когда в результате работы Р. П. Дмитриевой³ сложились определенные представления об истории текста «Задонщины».

* * *

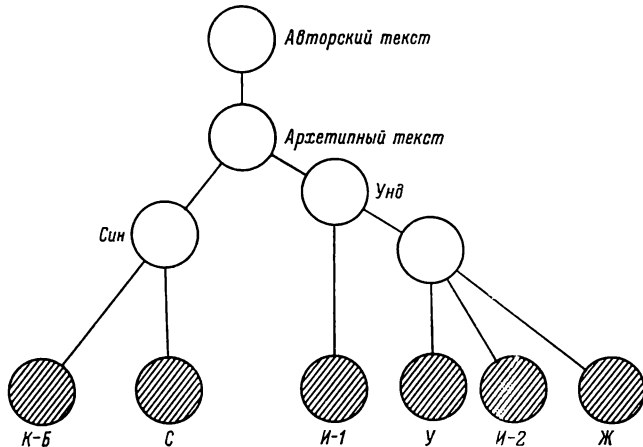
При сопоставлении «Слова» с текстами отдельных списков «Задонщины» необходимо иметь четкое представление о взаимных отношениях этих списков и их отношениях к авторскому тексту «Задонщины», иными словами, постоянно иметь в виду историю текста этого памятника. Вы-

¹ «Инерция подражания» входит как одна из сторон в явление, названное Д. С. Лихачевым «поэтикой подражания». См.: Д. С. Лихачев. Черты подражательности, стр. 84—107.

² См., например, статью В. Ф. Ржиги «Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)» (М., 1947, Уч. зап. МГПИ, т. XLIII, Кафедра русской литературы), статью В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» (в сб.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962), книгу «Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Edited by R. Jakobson and D. S. Worth. (The Hague, 1963)» и другие работы.

³ См. статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“» в настоящем сборнике, стр. 199—263 (далее: Дмитриева. Взаимоотношение списков).

всды, к которым мы пришли в результате самостоятельных наблюдений над текстами «Задонщины», иллюстрирует следующая схема:⁴

Она несколько отличается от стеммы, предлагаемой в работе Р. П. Дмитриевой.⁵ Наиболее существенным отличием является признание Р. П. Дмитриевой возможности вторичного влияния извода Ундольского (текста близкого к списку И-1) на Синаодальный список (или его протограф).⁶ Возражения против вероятности этого влияния будут приведены ниже, при анализе К-Б списка (стр. 307).

В остальном результаты наших наблюдений над параллельными чтениями «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» подтверждают стемму Р. П. Дмитриевой. Наблюдения над параллелями «Слова» и «Задонщины» приводят к выводу, что наиболее близок к «Слову» был авторский текст «Задонщины», поэтому предположения о возможной связи «Слова» с одним из поздних списков «Задонщины» должны быть отвергнуты.⁷

Приведем сначала те случаи, когда в пределах одного эпизода каждый из изводов (т. е. соответственно списки У и И-1, с одной стороны, К-Б и С — с другой) имеет свои индивидуальные параллели к «Слову», а в другом изводе им соответствуют иные, более далекие от «Слова» чтения. В этом случае можно предположить, что наиболее близок к «Слову» был авторский (или архетипный) текст «Задонщины».⁸

Обратимся к примерам:

⁴ Некоторые наблюдения над архетипным текстом см. в нашей статье «О композиции вступления к „Задонщине“», ниже, стр. 526—532.

⁵ См.: Дмитриева. Взаимоотношение списков, стр. 263.

⁶ См.: там же, стр. 222—224 и 231—234.

⁷ Еще в 1941 г., возражая А. Мазону, И. Н. Голенищев-Кутузов писал, что в руках подражателя (т. е. предполагаемого автора «Слова», — О. Т.) должны были бы оказаться «все дошедшие до нас рукописи „Задонщины“ или, по крайней мере, все соответствующие этим редакциям списки», так как в каждом из списков есть свои индивидуальные параллели (т. е. совпадающие со «Словом» чтения, которые либо отсутствуют в остальных списках, либо имеют в них другую, более отличающуюся от «Слова» редакцию) и ни один из известных нам списков не содержит всей суммы параллелей к «Слову», встречающейся во всех списках „Задонщины“ вместе взятых (И. Н. Голенищев-Кутузов. Слово о полку Игореве и рукописи Задонщины. — Заметки к Слову о полку Игореве, вып. 2. Белград, 1941, стр. 54).

⁸ Мы не решаем сейчас вопроса о характере соотношения авторского текста «Задонщины» и «Слова». Этому посвящен следующий раздел нашей работы. При сопоставлениях со «Словом» нет необходимости различать авторский и архетипный тексты; последний, видимо, сохранял в основном авторские чтения.

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Рускои, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брезе, звонят в колоколы вечныя в Великом Новгороде.	На Москве кони ржут, звенит слава руская по всей земли Рускои, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону у великого на брезе, звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде.	Кони ирзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Колаамне, звинит слава по всей земли Рускои, чудно стези стояти у великого Дону на берези. Звонят вечныя колоколы у Великом Новгороде.	Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпугове, звенить слава по всей земли Русьской, чудно стязи стоять у Дону великого, падутся хоригови берчати, светятся калантыри злачены, звонят колоколы вечнии в Великом Новгороде.

Ни тот, ни другой извод не дает полного соответствия параллельному тексту «Слова», где читается: «Комони ржут за Сулоу (сходно в Синаодальном изводе), звенит слава въ Киевѣ» (упоминание о славе после сообщения о ржании коней — так же в изводе Ундольского).

Итак, если мы попытаемся вывести чтение «Слова» из «Задонщины», то нам придется допустить, что у автора «Слова» был неизвестный нам список «Задонщины», восходивший к архетипному списку и поэтому сохранявший порядок слов в первой фразе, как в С и К-Б, а композицию эпизода в том виде, в какой она встречается в списках извода Ундольского.

Второй пример также говорит о близости «Слова» к тексту, архетипному для обоих изводов. Мы имеем в виду обращение великого князя:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Братия и князи руские, гнездо есмь были великого князя Владимирова Киевскаго, не в обиде есмь были по роженю ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю.	Братья и князи руския, гнездо есмь великого князя Владимирова Киевскаго, ни в обиди есмь были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю.	Князи есмо рускии, гнездо есмо князя Володимера Киевского, руского царя, доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому цару Момаю.	Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмь были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмь были, брате, ни куды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю.

Обратим внимание, что в списках С и К-Б вторая фраза, во-первых, имеет ряд общих отличий от чтений списков У и И-1 («доселя» и «досюды»; «не обижены» и «не изобижены», ср. в У «не в обиде»; упоминание сокола, название Мамаю псом), а во-вторых, в обоих списках окончание фразы со слов «ни ястребу» в С и «ни соколу» в К-Б не согласовано с ее началом. В то же время в изводе Ундольского этой несогласованности нет и чтение очень близко к тексту «Слова», где говорится: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло; не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронѣ, поганыйи Половчине».

Создается впечатление, что списки извода Ундольского лучше сохранили текст, находившийся в архетипном списке, а авторский текст «Задонщины» был создан на основе чтения «Слова». Затем, вероятно в архетипе Синаодального извода, было внесено изменение: первая

часть фразы получила новую редакцию, которая, однако, не была согласована со старым чтением окончания этой фразы.

Итак, ближе всего к «Слову» чтение списка У, однако в изводе Ундольского не упоминается «сокол» (ср. в «Слове»), а в Синодальном изводе, помимо новой редакции начала второй фразы, отсутствует упоминание «черного ворона» (в «Слове» и в изводе Ундольского). Таким образом, вывести текст «Слова» из одного списка, или даже нескольких списков одного извода не представляется возможным. Общность правки К-Б и С, восходящей к архетипу извода, уничтожает всякую возможность найти какой-либо список этого извода, на основе которого можно было бы создать «Слово».

Третий пример. О братьях Ольгердовичах в «Задонщине» говорится:

Извод Унд

Извод Син

У

И-1

С

К-Б

Те бо суть сынове храбры, крепчаты в ратном времени и ведомы полководцы, под трубами, под шеломами злаными в Литовской земли.

Те бо суть сынове храбри, крепчаты в ратном времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шоломы воззеляны в Литовской земли.

Тые ж бо есть сынове храбри рождишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, кони воскормлены, с коленых стрел вопоены в Литовской земли.

Ти бо бяше сторожевыя полкы, нащите рожены, под трубами поють, под шелома въззелеаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Если мы сравним характеристику курян в «Слове» — «А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шелома въззельяны, конець копия въскрѣмлени», — то увидим, что ни один из изводов «Задонщины» не покрывает полностью всей суммы параллелей к характеристике «Слова»: так, выражению «свѣдоми кѣмети» соответствуют «ведоми полковидцы (полководцы)» в изводе Ундольского, а о кормлении с конца копья говорится только в списках Синодального извода (если допустить, что К-Б сохранил текст архетипного списка Синодального извода, т. е. что в С «кони воскормлены» из «конець копия воскормлены»).

Итак, проведенные выше наблюдения дают основания связывать текст «Слова» именно с архетипным (авторским) текстом «Задонщины». Рассмотрим остальные индивидуальные параллели изводов, чтобы убедиться, что и они не противоречат этой посылке, и отличающиеся от «Слова» чтения одного из изводов (или отдельного списка) могут быть признаны вторичными по отношению к более близким параллелям со «Словом» остальных списков.

1. В «Слове»: «Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!». В «Задонщине»:

У

И-1

С

И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и о нынешних повестех похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго.

Рци: Того лутче бо есть, брате, нача поведати инеми словесы о похвальных о нынешних повестех от полку князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнука святаго великого князя Владимира Киевскаго.

Говорит князь великий Дмитрей Иванович брату своему князю Володимеру Онреевичу. Скажи ми, брате, коли имы словесы о похвальных сих о нынешних повестех а полку великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Аньдреевича и правнуковы Володимера Киевского.

В авторском (архетипном) тексте, видимо, читалось: «о похвальных» (как в И-1 и С), «о полку» (ср. «а полку» в С, где мена «а» и «о» обычна). Вторичность чтения в списке У: «похвалу» подтверждается бессмысленностью текста: «...поведати ... о нынешних повестех похвалу великого князя». Совпадение чтений списков И-1 и С свидетельствует, что слова «о полку» находились в архетипном списке «Задонщины».

Начало этого эпизода в С, вероятно, вторично (в частности, в сочетании слов «коли имы» можно видеть след слова «иными»), в К-Б текст отсутствует, поэтому мы не можем судить о чтении архетипного списка Синодального извода.

2. В «Слове»: «Боянъ же, братие ... своя вѣщиа прѣсты на живая струны вѣскладаше». В «Задонщине»:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Тот боярин вос- кладоша горазная своя персты на жи- выя струны.	Тот боюн восклад- ше гораздыя своя персты на живыа струны.	Тот бо деи по- хвалы вѣщи буинны накладает свои бе- ляя руцы но зло- тыи струны.	Тои бо вѣщии Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны.

Эпитет «златой», видимо, уже в архетипе Синодального извода заменил эпитет «гораздый», синонимичный эпитету «вещий». В С, однако, произошла дальнейшая трансформация образа.

3. Обращению Игоря к дружине («А всядемъ, братие, на свои брѣзья комони да позримъ синего Дону ... хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону») в «Задонщине» соответствует следующий текст:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Зберем, брате, милые пановя уда- лые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на добрые кони своя, и по- смотрим быстрого Дону.	...изберем бра- тью милую, пановен удалыи Литвы, храбрых удалцев, и сами сядем на бор- зьяя своя комони, посмотрим быстрого Дону, изобьем шо- ломы мечи.	Соберем собе ми- лую дружину храб- рих панов, а силь- ных удалцах, а са- ми усядем на борз- дыя кони, посмотрим быстрого Дону, со- пием шеломом воды.	Сядем, брате, на свои борзи комони, испием, брате, ше- ломомъ своимъ воды быстрого Дону.

К этому эпизоду мы еще вернемся ниже, в связи с характеристикой К-Б списка. Здесь лишь отметим, что призыв «испытать воды» находился, видимо, в авторском тексте: очень вероятно, что чтение И-1 «изобьем шоломы мечи» появилось в результате искажения фразы «изопьем шоломы Мечи» (реки Мечи?).

4. Дружинники князей Рюрика и Давыда сравниваются в «Слове о полку Игореве» с турами: «Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемъ?». Это сравнение находит себе соответствие и в «Задонщине»:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Не тури возгре- мели у Дунаю вели- каго на поле Кули- кове. И не тури по- беждени ... но посе- чены князи руские и бояры и воеводы.	Не тури возгре- мели на поле Кули- кове, побеждени у Дону великого. То ти не туры побеже- ни, посечены князи рускыя и воеводы.	Не турове рано возрули на поли Ку- ликове, возрули вое- воды сильныя, бо- яре.	Тогда же не тури возрыкають на поле Куликове, на речке Непрядне, взопаша избиении от поганых князи великих и боляр сановных.

И в «Слове» и в «Задонщине» с турами сравниваются раненые войны, в обоих памятниках говорится и о месте, где происходит битва («на полѣ незнаемѣ» — «на поле Куликове»), однако глагол, употребленный в «Слове» для описания рева туров, сходен лишь с глаголом «возрыкати» списка К-Б. В С употреблен синонимичный ему глагол «возрути» («взреть»).⁹ Мы предполагаем, что архетипное чтение лучше сохранилось в Синодальном изводе, хотя в обоих его списках, возможно, произошли и дальнейшие изменения текста. Аналогичную замену синонимичных глаголов «звонечи» (в С) и «позвонять» (в К-Б) глаголом «возгремели» мы встречаем в списках извода Ундольского и еще раз (соколы и ястребы «возгремеша» своими золочеными колоколами). В архетипном тексте, возможно, находился глагол «возрыкати», в С он был в обоих случаях заменен глаголом «возрути», а в К-Б такая замена произошла лишь во втором употреблении. Ср. аналогичную замену «воды вопиша (из «диво возопиша»?)» по сравнению с «кликнуло диво» остальных списков.

Итак, во всех случаях, когда сходные чтения по крайней мере двух списков позволяют судить о характере чтения в архетипе того извода, к которому они относятся, параллели «Слова» и «Задонщины» подтверждают текстологическую схему, по которой списки С и К-Б восходят к одному, а остальные списки к другому протографу, т. е. подтверждают наличие двух изводов, каждый из которых по-своему отразил авторский текст и поэтому сохранил лишь часть находившихся там параллелей со «Словом».

Перейдем к рассмотрению индивидуальных параллелей отдельных списков и «Слова о полку Игореве».

В списке Ундольского эти индивидуальные параллели следующие.

1. Упоминание реки Каялы и хиновы во вступительной части: «От него же (Сима, — О. Т.) родися хиновя поганые татаровя бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов». В списке Ж этот текст настолько сильно искажен, что судить о его виде в архетипе извода, и тем более в авторском тексте, трудно. В списках И-1 и К-Б параллельный текст отсутствует, в С он сильно сокращен. Поэтому можно лишь предполагать, что в авторском тексте также содержалось упоминание Каялы и хиновы (об этих словах см. ниже, стр. 336—339).

2. К фразе «Слова» «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени» наиболее близкая параллель в списке У: «Начаша ти поведати по делом и по былинамъ». В И-1 — «по гибелью», в С — «по делом былым», в К-Б текст отсутствует.

3. Обращение Пересвета к Дмитрию Ивановичу читается по-разному во всех списках, однако чтения С и И-1 сходны между собой, а отличающееся от них чтение У наиболее близко к «Слову»:

С л о в о

Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти.

У

Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар.

Ср. И-1: «Луче бы посеченым пасти, а не полоняным въспети от поганых»; С: «Лучъжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от поганых татар». В дальнейшем тексты И-1 и У вновь сближаются. В К-Б: «Лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели нам от поганых положеным пасти».

Эта параллель «Слова» и У может быть объяснена по-разному.

⁹ Ср. глаголы «възрюти», «рути» и «рюти», Срезневский, I, стлб. 370; III, стлб. 198 и 228.

Несмотря на сходство списков И-1 и С в употреблении глагола «посечени» (в У «потяты») более близки друг к другу списки У и С:

У	С	И-1:
Лутчи бы нам потя- тым быть, нежели полоненым от по- ганых татар	Лучъжи ш бы нам господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от паганых татар	Луче бы посеченым пасти, а не полоняным въспети от поганых.

Поэтому объяснять чтение списка С влиянием текста, близкого к И-1, как предлагает Р. П. Дмитриева, нам не представляется возможным.¹⁰

Кроме того, список С имеет две индивидуальные параллели к «Слову»: это повторение глагола «быти» и употребление частицы «же» после сравнительной степени («лучъжи ш» из «лучъши ж»). Если можно допустить, что в У этот второй глагол «быти» опущен, то в И-1 вместо него читается «въспети»; в первом случае и «Слово», и У, и С употребляют глагол «быти» в качестве связки — «потятым быти», «посеченым быти», а в И-1 вместо него стоит глагол «пасти», отразившийся, однако, пока неясным для нас путем в списке К-Б: «положенным пасти». Но в К-Б имеется и три слова, ведущие, видимо, к архетипу Синодального извода: местоимение «нам», союз «нежели» (их нет в И-1), и сходная с С форма наречия: «лучши». Сложнее объяснить сходство К-Б и И-1 в употреблении слова «пасти». Что же касается употребления слова «потяты», то его появление в списке У можно объяснить либо вторичным обращением к «Слову», либо случайным совпадением. В остальном наиболее близким к «Слову» оказывается список С.

Более близким к «Слову» оказывается в списке У и чтение: «И уже грозы великаго князя ... по всем землям текут» («Слово»: «Грозы твоя по землям текутъ»; И-1: «Уже грозы великаго князя по всеи земли текутъ»).

Отметим еще две особенности этого списка, имеющие значение при сопоставлении со «Словом». Во-первых, во всех случаях, кроме одного, список У заменяет эпитет коня «борзый», известный «Слову» и остальным спискам «Задонщины», на «добрый»; во-вторых, также за исключением одного случая, причастие «ркуче» («ркуще») заменяется личными формами глагола.

Перейдем к индивидуальным параллелям списка И-2. Их всего две:

С л о в о	И-2
Се у Римъ кричатъ подь саблями По- ловецкими, а Володимиръ подь ранами.	А уже диво кличет под саблями та- тарскими, а тем руским богатырем под ранами.

В У этого чтения нет совсем, в И-1 и С оно оборвано: «А уже диво кличет под саблями татарскими» (И-1); «диво кличет под шаблю татарскою, а тым богатырем слава и честь» (С). Упоминание богатырей в списке С дает основание думать, что полный текст, вероятно, близкий к чтению И-2, содержался, возможно, в авторском тексте «Задонщины» и индивидуальной близость списка И-2 объясняется всего лишь тем, что он лучше сохранил это первоначальное чтение.

Вторая параллель списка И-2 — это более сходное со «Словом» чтение «на борон» (в «Слове» «на борони»); ср.: У — «на оборонь», И-1 — «оборен».

¹⁰ См.: Дмитриева. Взаимоотношение списков, стр. 231—234.

Обратимся к индивидуальным параллелям третьего списка извода Ундольского, списка И-1.

1. Чтению «пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми» соответствуют в равной степени и список И-1 и С (в остальных текст отсутствует):

И-1

С

... поганый путь имъ знаем вельми.

... а дороги нам сведомо.

В Печатном варианте причастие то же, что и в С: «... дорога им вельми сведома» (однако «им» и «вельми», как в И-1).¹¹

2. В И-1 имеется отсутствующее в остальных списках обращение «Стреляи, князь великыи, по всем землям, стреляи, князь великыи с своею храброю дружиною поганого Мамаея хиновина за землю Рускую, за веру христьянскую» (в «Слове»: «... стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугею Святславлича»).

3. Наконец, ближе к «Слову», чем в У передано следующее чтение: «Уже вержено диво на землю» («Слово»: «Уже врѣжеса дивъ на землю»; У: «Уже бо вержено диво на земли»).

Все индивидуальные параллели списка И-1 могут быть объяснены тем, что список сохранил чтения архетипа, опущенные или искаженные в остальных списках.

Характерной чертой списка И-1 является также сохранение в нем формы «комони». В двух случаях эту же форму в том же контексте сохранил и К-Б, в третьем случае параллельный текст в К-Б отсутствует. Остальные списки форму «комони» не употребляют. Характерно, что «Задонщина» употребляет его лишь в параллельных к «Слову» чтениях. В «Слове», напротив, это почти единственное обозначение боевого коня (всего 6 употреблений), так как текст «подпръ ся о кони» недостаточно ясен.

Обратимся к списку С. Его индивидуальные параллели к «Слову» следующие.

1. Употребление глагола «зонесет» во фразе: «А чи ли боре (буря?) соколом зонесет из земли Золеское в поле Половецкое» (в «Слове»: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая», в И-1 и У: «Буря соколи снесет»).

2. Выражение «дороги нам сведомо», как говорилось выше, ближе к «Слову», чем оборот «путь имъ знаем» в списке И-1.

3. Употребление глагола «заградить» во фразе: «Можеши ли реку Дон зоградити... а реку Мечну трупы татарскими зоградити». Ср. в «Слове»: «Загородите полю ворота». В остальных списках употреблен глагол «запрудить». Но настаивать на этой параллели нет достаточных оснований (см. ниже, стр. 332).

Наиболее сложными являются отношения к «Слову» Кирилло-Белозерского списка; помимо общих со всеми списками «Задонщины» и общих со списком С параллелей к «Слову» он имеет и ряд параллелей индивидуальных. Подтвердить это важно уже потому, что существует мнение о близости «Слова» по преимуществу к спискам так называемой Простран-

¹¹ См. статью Л. А. Дмитриева «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“ как показатели по истории текста этих произведений» в настоящем сборнике, стр. 399.

ной редакции, по отношению к которым список К-Б считается первичным.¹²

Мы находим в К-Б списке одиннадцать индивидуальных параллелей к «Слову о полку Игореве». Большинство из них уже было отмечено исследователями.¹³ Не все эти параллели имеют одинаковую ценность для установления связей списка К-Б (непосредственно или через посредство архетипного списка «Задонщины») со «Словом».

Прежде всего рассмотрим первую группу параллелей, индивидуальность которых может быть объяснена лучшей сохранностью авторского текста «Задонщины» в списке К-Б.

1. Обратимся прежде всего к имени Бояна. Во всех списках «Задонщины», за исключением одного (а не двух, как обычно считают) употребления в списке К-Б, оно искажено вместе с окружающим его текстом:

У: «... похвалим вещаннаго боярина ...	Тот боярин...».
И-1: «... похвалим веща бо инаго ...	Тот боюн (или: бо юн)...».
С: «... похвал вещаго ...	Тот бо деи...».
К-Б: «... восхвалимь вещаго, го	Тои бо вещии Боян...».
Бояна...	

Заметим, что в первом случае в списке К-Б после слова «вещаго» Ефросином поставлена запятая. Откуда взялось это «го»? Полагаем, что в архетипе обоих изводов (или авторском тексте) между словами «веща» и «Бояна» находилось какое-то слово, следами его являются буквосочетание «ннаго» в У, и «го» в К-Б. Возможно, это было слово «инаго» (сравни в И-1: бо инаго), хотя смысл его в данном контексте не ясен.

Итак, сохранение имени Боян в списке К-Б может быть объяснено тем, что список этот лучше (хотя также не без порчи текста: напомним неясное «го») сохранил авторский текст.

2. Параллель к характеристике курян («свѣдоми кѣмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени») содержится в описании братьев Ольгердовичей:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени ведомы полеводцы, под трубами, под шеломы значеными в Литовской земли.	Те бе суть сынове храбри, кречати в ратном времени, ведоми полководцы, под трубами шеломы возлеляны в Литовской земли.	Тые ж бо есть сынове храбри роудишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней воскормлены, с коленых стрел воспоены в Литовской земли.	Ти бо бяше сторожевыя полкы, рожевыя полкы, щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Наиболее близким к «Слову» можно считать чтение К-Б. Во-первых, только здесь мы находим фразу «конецъ копия вскормлены»; во-вторых, слова «под трубами поють» обычно сближают с «подѣ трубами повити». Можно предположить, что глагол, соответствовавший «повити», был опущен в архетипе извода Ундольского, так же как и слова о кормлении с конца копья. В списке С эти образы сохранились, хотя текст сильно испорчен.

¹² См. например: А. М а з о н. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 49—50, 52, 56, 57, 59, 61 и др.

¹³ См., например, их перечень в статье: Г у д з и й, стр. 90—91.

Слово «кочани» еще первый издатель Синодального списка А. И. Смирнов сближал с белорусским «кочиць» — «рождать»;¹⁴ эпитет «нечистых» говорит о попытках как-то осмыслить непонятный текст. Слово «коней», видимо, результат порчи слова «конець». Так или иначе, но есть все основания думать, что индивидуальная близость К-Б и в этом случае — результат лучшей сохранности в нем авторского текста.

3. Обращению Всеволода к Игорю — «Сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди» — в «Задонщине» соответствует текст:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Седлаи, брате Андрей, свои доброй конь, а мои готов оседлан. Выедем, брате, в чистое по- ле и посмотрим...	Седлаи, брате Ондрей, свои борзьи комони, а мои го- товы, брате, на чи- стое поле. Посмот- рим...	Седлаи, брате Ондрей, свои кони, а мои подеманы. Вы- едем, брате, ¹⁵ в чи- стое поле, посмот- рим...	Седлаи, брате Ондрей, свои борзи комони, а мои го- тови нареди твоих оседлани.

Индивидуальная близость к «Слову» списка К-Б отмечалась не раз, однако исследователи вынуждены допускать, что этот эпизод во всех списках сильно испорчен. Интересно сопоставить реконструированный В. П. Адриановой-Перетц текст¹⁶ с сохранившимися чтениями отдельных списков:

Реконструкция:	«... а мои готовы, нареди твоих оседлани. Выедем, брате...».
У:	«... а мои готов оседлан. Выедем, брате...».
И-1:	«... а мои готовы брате...».
С:	«... а мои подеманы. Выедем, брате...».
К-Б:	«... а мои готови, нареди твоих оседлани».

Остается две возможности: либо признать справедливость такой реконструкции архетипного списка и, следовательно, факт, что только К-Б сохранил слова «нареди твоих», утраченные в остальных списках, либо допустить вторичное обращение К-Б к «Слову».

4. В «Слове о полку Игореве» князь Всеволод несколько раз сравнивается с могучим туром; сравниваются с турами и дружинники князей Рюрика и Давыда: «Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?». Это последнее сравнение и легло, по всей вероятности, в основу образа «Задонщины»: «Не тури възгремели» (У и И-1), «не турове рано возрули» (С) и наиболее близкое к «Слову»: «Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове» (К-Б). Однако эту близость можно объяснить и тем, что список К-Б лучше передает чтение архетипа извода и далее — авторского текста.

Вторая группа параллелей К-Б и «Слова» включает в себя отдельные лексические совпадения, находящиеся в К-Б в составе контекста, отличающегося от контекстов остальных списков «Задонщины».

1. В «Слове» говорится, что «чръна земля подь копыты костьми была посяяна, а кровию поляяна». В «Задонщине»:

¹⁴ См.: А. И. Смирнов. Третий список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII века. — Русский филологический вестник, 1890, № 2, стр. 279. Ср.: Кочаць—рождать (И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 250).

¹⁵ В списке эти два слова повторены.

¹⁶ См.: В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 226.

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Черна земля под копыты, а кости татарскими поля насеяша, а кровью их земля пролита бысть.	Черна земля под копыты, костми татарскими поля насеяша, кровью земля пролита.	Черна земля под копытами под костми татарскими носити кровью земля.	Тогда поля копытами насеяны, кровью полиано.

Текст списка С явно испорчен («носить кровью земля?»), и трудно судить о тексте архетипа Синодального извода. Поэтому указанная Н. К. Гудзием параллель¹⁷ не может быть отнесена к числу свидетельств непосредственной связи К-Б и «Слова»: она могла возникнуть потому, что список К-Б лучше сохранил архетипное чтение «Задонщины», измененное в изводе Ундольского.

2. Интересна и параллель в перечислении стран и земель, по которым разносится весть о победе русских:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
И кликнули быша дивы в Руской земли. А глава шибла к Железным вратам, ли к Караначи, к Риму и к Сафе по морю, и к Которнову, и оттоле ко Царюграду на похвалу руским князем.	Кликнуло диво в Руской земли велит послушати грозным землям. Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву, о оттоле к Царюграду на похвалу.	Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и (так!) Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и Царуграду, и што Русь поганых одалеша.	Воды возпиша, весть подаваша порожнымь землямь, за Волгу, к Железнымь вратомь, к Риму до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых тако тар, за дышущеем моремь.

Эта картина напоминает два эпизода «Слова»: «Дивъ кличетъ врьху древа, велитъ послушати земли незнаемъ, Вльзъ, и Поморию, и Посулию» и продолжение рассказа о победах Святослава: «Ту Нъмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславаю».

Перечисление «земель», к которым обращается диво в «Задонщине», примечательно в списке К-Б не только заимствованием из «Слова о гибели Русской земли»,¹⁸ но и интереснейшей параллелью со «Словом», отсутствующей в других списках: упоминанием Волги и «порожных» (т. е. пустых, незаселенных) земель, которые, как нам кажется, можно сблизить с «землей неизвестной» «Слова». Что касается слова «воды», которым начинается эпизод в К-Б, то, скорее всего, это описка, образовавшаяся в результате перестановки слогов¹⁹ из слова «диво». Тогда слово «возпиша» (т. е. возопиша),²⁰ согласованное в числе с испорченным словом «воды», синонимично глаголу «кликнути» остальных списков «Задонщины».²¹

Чтение авторского текста или архетипного списка «Задонщины» в этом эпизоде восстановить сложно, так как к «Слову» оказываются близки

¹⁷ См.: Гудзий, стр. 91.

¹⁸ См. об этом: Дмитриева. Взаимоотношение списков, стр. 259.

¹⁹ Ср., например, в списке сербской Александрии, также переписанном Ефросином: «гори» (вм. «роги»), «перстыя» (вм. «пестрыя»), «скилизмо» (вм. «сликнимо») и т. д.

²⁰ Примеры написания этого слова см.: Срезневский, I, стлб. 372.

²¹ Это говорит как будто о том, что перестановка произошла в списке-протографе К-Б, а в последнем произошла попытка ее осмысления.

разными чтениями и список И-1 («кликнуло диво ... велит послушати») и К-Б («порожным землямь, за Волгу»).

3. И в «Слове», и в К-Б упоминается «зегзица», однако перед нами всего лишь лексическая параллель — сходного контекста нет ни в «Слове», ни в остальных списках «Задонщины»:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют, но едины вороны грают, трупы ради человеческого.	И в то время по Рязанской земли около Дону ни пастуси кличут, но одне вороне грають, трупу ради человеческого.	В тоя ж время по Рязанской земли ни ратои, ни постух не покличет, но только часто вороны игзрают, трупу человеческого чают.	Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубят, только часто вороны грають, зогзици кокують на трупы падаючи.

Употребление в К-Б довольно редкого в древнерусской письменности названия кукушки (?) напоминает нам текст «Слова»: Ярославна «зегзицею ... кычеть» (ср. «кокуют»), а затем стремится полететь зегзицею «по Дунаеви», чтобы «утереть» кровавые раны на теле князя.²² Если поставить в связь употребление этого слова в К-Б и «Слове о полку Игореве», то путь термина допустим только один — из «Слова» в «Задонщину»; совершенно невероятно, чтобы малопривлекательный образ трупного пиршества в «Задонщине» мог толкнуть подражателя XVIII в. на сравнение Ярославны с той же «зегзицей»: то, что и она стремится на поле битвы, создает совершенно неприемлемую для художественного вкуса XVIII в. аналогию. Однако для утверждения первичности одного из употреблений слова «зегзица» нет достаточных текстологических оснований.

4. Очень своеобразная индивидуальная параллель К-Б к «Слову» находится и в рассказе о Пересвете:

«Задонщина» по И-1	Слово	«Задонщина» по К-Б
... поскакивает на борзе кони, а злаченым доспехом посвечиваше. А иные лежат посечени у Дону на брези. ... И нукнув князь Владимир, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвечиваше. ... широковы поля кликом огородиша, золочеными шлемы осветиша. Встал уже тур оборен.	Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша... Ярѣ Туре Всеволодѣ, стоиши на борони... Камо Турѣ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчи вая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя.	Хоробрыи Пересвет поскакиваетъ на своемъ вещемъ сивце, свистомъ поля перегороди.

Итак, эпизод «Слова» перекликается с тремя эпизодами «Задонщины» (в списках У и И-1; в И-2 отсутствует первый эпизод; в С — последний).

Перед нами пример явления (оно будет специально рассмотрено ниже), которое заключается в том, что, следуя за лексемами «Слова», «Задонщина» механически нанизывает эпизоды, построенные на этих лексемах, но не вытекающие из развития ее собственного сюжета. Так, в «Слове» говорится, что лежат поганые головы половецкие, срубленные мечом Всево-

²² Различия в чтениях К-Б и «Слова» находят аналогию в написаниях фамилий, образованных от названия этой птицы. См.: С. И. Котков. Слово о полку Игореве. (заметки к тексту). М., 1958, стр. 26—29.

лода; в «Задонщине» им соответствуют неведомые «иные», которые «лежат посечени» на берегу Дона;²³ в описании победоносного преследования русскими разбитых татар вторгаются вдруг такие неуместные детали, как «широкие поля кликом огородиша» и «встал уже тур оборен».

В «Слове» говорится, что половцы идут «от всехъ странъ, Рускыя плъкы оступиша» (т. е. окружили; однако в 1-м издании — «отступиша»); затем половцы «прегородиша» поля кликом, а русичи — червлеными щитами. Создана хорошо «видимая» читателем и слушателем картина: окруженное русское войско сдерживает натиск вражеских полков.²⁴ Поля «перегорожены» половцами, не дающими русским выйти из окружения, и русскими, сохраняющими свой боевой порядок (ср. далее: Всеволод «стоит на борони», т. е., видимо, «обороняясь в первых рядах воинов»²⁵).

Иное дело в «Задонщине»: «поганые» бегут, а преследующие их русские каким-то образом «широкие поля кликом огородили». Неуместным оказывается в этой ситуации и сообщение, что «встал уж тур оборен».²⁶ Характерно, что оба этих «темных места» «Задонщины» расположены в той же последовательности, что и фрагменты точной, образной и исторически достоверной картины «Слова». Вторичность этого эпизода в «Задонщине» представляется нам достаточно наглядной.

Обратимся к списку К-Б. Его чтение, по всей вероятности, вторично по отношению не только к авторскому тексту «Задонщины», но и к чтению Синодального извода. Если предположим обратное, т. е. что чтение К-Б первично, окажется, что новый редактор заменил фразу «свистом поля перегороди» на фразу «а иные лежат», не связанную с предыдущим текстом, но зато несомненно перекликающуюся со «Словом», где она также следует после слова «поскочяше». Однако фразу «свистом поля перегороди» он использовал еще раз (в новом варианте: «огородиша» вместо «перегороди», но с заменой «свиста» на «клик», как в «Слове»), вновь обнаружив при этом знакомство со «Словом», в частности расширив параллель добавлением слов «встал уже тур оборен».

Скорее допустимо другое, гораздо более простое объяснение. К-Б изменил ранее существовавший текст, заставив старца Пересвета гарцевать не на традиционном «борзом коне», а на сказочном «вещем сивце» и «свистом (?) перегораживать поля». Эти последние слова могли быть взяты либо из «Слова» (допуская при этом вторичное обращение К-Б к его тексту), либо же из второй части «Задонщины», которая могла быть

²³ Эта фраза окажется еще более непонятной, если признавать, что поединок Пересвета начал собой битву, тогда в этот момент не могло еще быть каких-либо «иных» убитых. Реальность этого поединка признают М. Н. Тихомиров (М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. — Повести о Куликовской битве, стр. 370) и Л. В. Черепнин (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 617).

²⁴ В Ипатьевской летописи говорится: «Добри бо вси бяхуться, идуше пеши, и посреди их Всеволод, немало мужество покаказа (так!) ... Держим же Игорь виде брата своего Всеволода крепко борюшася ... Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бяху бо ся, идуше в круг при езере» (Ипатьевская летопись, стлб. 642). Характерно, что летопись особо выделяет мужество Всеволода. Что такое «в круг при езере»? Это выражение может быть понято как «вокруг озера» или как «сбиваясь в круг, сплываясь» у берега озера.

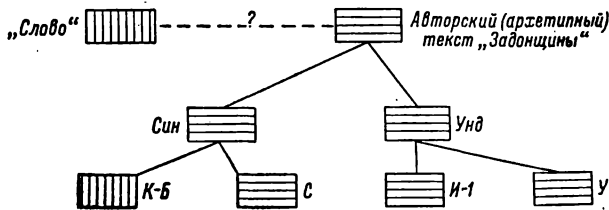
²⁵ И. П. Еремин перевел это место так: «Стоишь ты всех впереди» (Художественная проза Киевской Руси XI—XII веков. М., 1957, стр. 245). Этот перевод кажется нам наиболее удачным. Конструкция «стоиши на борони» напоминает такие обороты, как «стати на криле», «на челе стати». Ср. также «стати крепко».

²⁶ Форма «оборен» может быть принята и за попытку осмыслить непонятное чтение «на борон» (У и И-2); тогда это причастие от глагола «оборити».

фрагментарно или по памяти известна писцу К-Б (или писцу его протографа).²⁷

Но в обоих вариантах истории текста этого эпизода совершенно обязательным условием является знакомство писцов «Задонщины» с текстом «Слова», так как только этим можно объяснить сближение в одном эпизоде списка К-Б чтений, соседствующих в «Слове», но разобренных в остальных списках «Задонщины». При этом надо учитывать, что в С отсутствует часть интересующего нас текста, который мог находиться в архетипном списке извода и содержать чтения, объясняющие фразу «свистом поля перегороди» списка К-Б.

Наиболее существенна для нас третья группа параллелей: это параллели списка К-Б, которым во всех остальных списках (в том числе и в С) соответствуют иные, более далекие от «Слова», но в то же время сходные между собой чтения. Это можно представить в виде следующей схемы:

Перед нами, таким образом, либо результат вторичного обращения К-Б к «Слову», либо результат случайного совпадения чтений обоих памятников. Рассмотрим эти параллели.

1. У: «... а сами сядем	на добрые кони своя».
И-1: «... и сами сядем	на борзья своя комони».
С: «... а сами усядем	на борздыя кони».
К-Б: «... сядем, брате,	на свои борзи комони».
«Слово»: «... а всядемъ, братие,	на свои бръзья комони».

Чтобы выводить чтение списка К-Б из Синодального извода, надо будет сделать ряд допущений: а) что список К-Б опустил слова «а сами»; б) что список К-Б вставил или же список С опустил обращение «брате» («братие»); в) что список С опустил или список К-Б переставил местоимение «свой».

В противном случае совпадение К-Б и «Слова» нужно будет объяснить либо случайностью, либо вторичным обращением списка К-Б к «Слову».

2. У, И-1, С: «... галици своєю речью говорят».
К-Б: «... галици свои речи говорят».
«Слово»: «... галици свою рѣчь говоряхуть».

Если не видеть и в этом случайное совпадение, то перед нами еще один пример, который легче всего объяснить вторичным обращением К-Б к «Слову». В списках У, И-1 и С «своею речью» — обстоятельство (как говорят), в К-Б и «Слове» «свою речь» или «свои речи» — дополнение (что говорят).

3. Обратимся к первому плачу жен:

²⁷ См. об этом ниже, стр. 311—312.

Извод Унд

У

Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша у Москвы града на заборолах стоя, а ркут тако: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течиши в землю Половецкую. Прилеlei моего господина Микулу Васильевича ко мне.

И-1

Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева рано плакаша у Москвы у берега на заборолах, а ркучи: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси горы каменные, течиши в землю Половецкую. Прилеlei моего государя к мне Микулу Васильевича.

И-2

Феодосья Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Волинского рано сплакаша у Москвы града на заборолах: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси каменные горы, а течиши в землю Половецкую. Прилеlei господина моего ко мне Микулу Васильевича.

Извод Син

С

Микулина жена Марья рано плакаше у Москве града на заборолах, а рекучи так: Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси каменная горы, течиши в землю Половецкую, прилеlei моего господаря ко мне Микулу Васильевича.

К-Б

Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово: Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези хараужныя, прилеlei моего Микулу Васильевича.

В «Слове»: «Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О Днепре Словутицю! Ты пробилѣ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялѣ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова. Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ“».

Нетрудно заметить, что второе имя жены Дмитриевой — позднейшая вставка, вероятно, в архетип извода Ундольского. На это указывает, в частности, содержание обращения, в котором речь идет об одном Микуле Васильевиче.²⁸ Можно предположить, что список С сохранил чтение архетипа Синаодального извода, в свою очередь сохранившего авторский текст. А если так, то чтение К-Б: «Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези хараужныя» оказывается вторичным и свидетельствует о вторичном же обращении этого списка (или его протографа) к «Слову». Здесь вместо употребленного во всех списках глагола «прорыть» встречается, как и в «Слове», глагол «пробить». В «Слове» название реки — Днепр — требует причастной формы мужского рода — «пробил», аналогично в К-Б, причем для этого пришлось еще раз повторить обращение к Дону²⁹ — «быстрый Доне», чтобы такое согласование стало возможным.

²⁸ Сходное чтение с упоминанием одной лишь жены Микулы Васильевича мы находим в реминисценции «Задонщины» в списке «Сказания о Мамаевом побоище» (ГИМ, Румянц., 378). См.: Шамбинаго, стр. 114.

²⁹ Интересной кажется такая гипотеза. В «Слове» могло первоначально читаться: «Ты пробил еси каменные горы, (затем следовал глагол, утраченный в известном нам списке «Слова») сквозе землю Половецкую». В этом случае устраняется некоторая логическая несообразность (Днепр пробивает горы сквозе землю) и оказывается еще более точной параллелью со всеми списками «Задонщины», где говорится о двух действиях Дона, но особенно со списком К-Б (в остальных — «течиши в землю»; в К-Б «прошел еси (т. е. протек сквозе) землю Половецкую»). Возможно, отражением «Слова» опять-таки с предполагаемым нами чтением являются и образы «Сказания»: «Доне ты, Доне, река славная и быстрая» (ср. Днепр Словутич!) и «Доне, Доне, быстрая реко, протекла еси сквозе каменные горы, а течеш в землю Половецкую». См.: Шамбинаго, стр. 114 и 266. Еще более близкой параллелью к предполагаемому чтению «Слова» является сообщенное нам Н. С. Демковой чтение Тихонравовского списка Рас-

Близость К-Б и «Слова» и отличие их сходных чтений от остальных списков в рассмотренных выше случаях бесспорна. Но нельзя ли ее объяснить тем, что наиболее близкие к «Слову» чтения К-Б восходят к авторскому тексту, а отличные от них чтения С — результат вторичного влияния на списки этого типа извода Ундольского?

Такая возможность рассматривается в статье Р. П. Дмитриевой, причем, по ее мнению, на списки Синодального извода мог оказать влияние текст, близкий к списку И-1.³⁰

Р. П. Дмитриева приводит ряд совпадающих чтений списков С и И-1, отличающихся от чтений списка У. Сами по себе эти отличия еще ни о чем не говорят, так как могут свидетельствовать как о влиянии списка, близкого И-1, на список, близкий С, так и об индивидуальных отличиях списка У от И-1; последний в этом случае сохраняет чтение авторского (архетипного) текста, отраженного сходно и в Синодальном изводе. Кроме того, есть несколько лексических совпадений списков С и У в отличие от списка И-1. Поэтому Р. П. Дмитриева совершенно справедливо рассматривает лишь те общие чтения С и И-1, которые, по ее мнению, могут быть приняты за вторичные по отношению к архетипу извода Ундольского. Таких чтений три:

У	И-1	С
... в Симво жребии	... всем в жребии	... в сем жребие
... лутчи бы нам потя- тым быть, нежели полоне- ным	...луче бы посеченым пасти, а не полоняным вьспети	...лучъжи ш бы нам, гос- подине, посеченым быти, нижли полоненым быти
... Оке реке ворота	... от сих ворота	... реце отчин ворота

На наш взгляд, в первом примере вполне допустимо видеть независимые искажения чтения, лучше сохраненного списком У. Второй пример, как указывалось выше (см. стр. 298—299), говорит скорее о близости списков У и С. Что же касается употребления в обоих списках причастий от глагола «посечи», то едва ли оно может настораживать, поскольку причастие «посечен» встречается еще три раза на том же листе списка И-1 и один раз на том же листе списка С; в остальных случаях оно заменено на причастие «постреляны» — явное поновление текста.

Наконец, в третьем случае испорченное место С скорее может быть сближено с У (слово «реке» в И-1 вообще отсутствует).

Не может решить вопрос о возможной связи С с изводом Ундольского и наличие в этом списке (но отсутствующего в К-Б) сообщения о выезде новгородцев на помощь к великому князю. Неизвестно, находился ли этот текст в архетипе Синодального извода или же его опущение — особенность ветви списков, близких К-Б.

Но так как нет, по нашему мнению, достаточно бесспорных фактов влияния извода Ундольского на текст С, то правомерно предложить и другое объяснение рассмотренным выше параллелям К-Б: сходные чтения С, И-1 и У восходят к архетипному тексту «Задонщины», а отличия К-Б являются следами вторичного обращения этого списка к «Слову».

В рассмотренных выше трех случаях мы могли с достаточным основанием предположить вторичное обращение К-Б к «Слову». Приведем два

пространенной редакции «Сказания»: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси горы и камень, течещи сквозь Половецкую землю, приледеи...» и т. д. См. статью Н. С. Демковой «Заемствования из „Задонщины“ в текстах Распространенной редакции „Сказания о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 468.

³⁰ См.: Дмитриева. Взаимоотношение списков, стр. 231—234 и схема на стр. 234.

примера индивидуальных параллелей К-Б к «Слову», когда совпадения могут быть объяснены случайностью.

1. Эпизоду «Слова»: «О Бояне, соловию стараго времени! а бы ты сия плькы ущекоталь, скача, славую, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы» в «Задонщине» соответствует:

У

Оле, жаворонок, летняя птица, красных день утеха, возлети под синее небеса ... воспои славу...

К-Б

Жаворонок птица, в красныя дни утеха, възиди под синие облакы, пои славу...

Текст И-1 сходен с У; в С несколько иначе: «А жаворонок, летняя птица, красных днєи втиха, возметы ж под сыльные небеса, посмотри ко славному городу Москви».

С одной стороны, наиболее близкая параллель со «Словом» у списка К-Б, где также упоминаются «облака», но с нехарактерным для них эпитетом «синие»; с другой — «возлети под ... небеса» в списках И-1 и У (в С искажение того же чтения) ближе к «летая умомъ подь облакы» «Слова», чем «възиди» списка К-Б. На основании взаимной близости списков И-1, У и С мы допускаем, что чтение «возлети под синии небеса» находилось в авторском тексте. Поправка К-Б — либо случайное совпадение, либо попытка приблизить текст списка к «Слову». Но чем объяснить тогда замену глагола?

2. Аналогичный случай мы находим в описании зловещих предзнаменований. В «Слове»: «... чръныя тучя съ моря идуть ... а въ нихъ трепещутъ синии мълнии. Быти грому великому». И далее: «... вѣтри ... вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плькы Игоревы!». В «Задонщине»:

Извод Унд

У

Уже бо, брате, возвьяли по морю на уст Дону и Непра, прилеяша (!) тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепещутся сильные молнии. Быти стуку великому на речке Напряде.

И-1

Уже, брате, возвеша сильнии ветри по морю на усть Дону и Непра, прилеяшася великия тучи по морю на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в них трепещутъ сильнии молнии. Быти стуку велику на речке Направде.

Извод Син

С

Вжо, брате, возвеша сильныя ветри ко вусту Дона и Днепра, пролишася (так!) сильныя кривавыя зори, в них же трепещутъ сильнии молнии. Быти утупу великому на реце Непрадене...

К-Б

Уже бо всташа сильнии ветри с моря, прилеяша тучю велику на усть Непра, на Русскую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболоча, а из них пащутъ синие молнии. Быти стуку и грому велику.

В списке К-Б ряд отличий от остальных списков. Вместо «возвеша ... ветри» (ср. «Слово»: «вѣтри ... вѣютъ») в нем более традиционное «всташа ... ветри».³¹ Вместо «кровавыя зори» (как в «Слове») — «кровавые оболоча».³² Молнии в этом списке «пашуть», тогда как в остальных, как и в «Слове», — «трепещут». Однако в К-Б, как и в «Слове», «всташа ... ветри с моря» (в остальных списках — «по морю») и молнии названы «синими», как в «Слове», а не «сильными», как в остальных списках.³³ На-

³¹ См., например: Словарь, вып. 1, стр. 144.

³² Напомним, что в рассмотренном выше эпизоде словом «облака» было заменено слово «небеса».

³³ Указывалось, что это чтение могло возникнуть чисто случайно, если при переписке было пропущено надстрочное «л» в слове «сильные».

конец «быти стуку и грому» можно сблизить с «быти грому великому» в «Слове». Эта последняя параллель, однако, не бесспорна: во всех списках «Задонщины» есть оборот «стук стучит, гром гремит», который и мог послужить образцом для этого чтения К-Б.³⁴

Параллели К-Б и «Слова» в этом эпизоде, как нам представляется, не могут являться достаточными свидетельствами вторичного обращения этого списка к «Слову», они могли явиться и результатом случайных совпадений.

Обратимся теперь к трем примерам, когда К-Б оказывается более далеким от «Слова», чем остальные списки.

1. Эпизод «Задонщины», повествующий о сборах русского войска, сходен с тематически близким эпизодом «Слова»:

С л о в о

«З а д о н щ и н а» по И-1³⁵

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ старога Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънися ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половъцькую за землю Руськую.

Сии бо князь великий Дмитрией Ивановичъ и брат его князь Владимир Ондреевич, помоляся богу и пречистей богородицы, стяжав ум свои крепостию, и поостриша сердца своя мужеством, и наполниша ратнаго духа, и оставиша себе храмныя полъкы в Руськой земли, и помануша прадеда своего князя Владимира Ондреевича Киевьскаго.

Итак, со «Словом» полные списки «Задонщины» сближаются прежде всего полным параллелизмом действия (за исключением молитвы: вставка ее характерна для XIV и последующих веков, опущение же, если выводить «Слово» из «Задонщины», — странно). Однако список К-Б в этом эпизоде отличается от остальных списков «Задонщины»: «Се аз князь великий Дмитрией Иванович и брат его князь Володимер Ондреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше (описка из стя[жа]вше?) свою крепостию, помянувше прадеда князя Володимера Киевьскаго, царя русскаго».³⁶ В К-Б отсутствует указание на главное действие — организацию войск,³⁷ которому лишь сопутствуют остальные действия и эмоции князей (ср. в «Слове» — «наведе ... плъкы»). Поэтому большую близость «Слова» к полным спискам можно с большим вероятием объяснить дефектом или осмысленным сокращением К-Б. Это тем более вероятно, что в том же эпизоде К-Б опускает и слова «помоляся богу», так же, как опускает он упоминание о молитве в эпизоде выезда великого князя («Тогда же князь великий Дмитрией Иванович ступи во свое златое стремя»).

2. После обращения к жаворонку («Оле, жаворонок ... воспой славу великому князю») в «Задонщине» говорится:

³⁴ Этот образ список К-Б повторит самостоятельно и еще раз: «Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею». См. также наблюдения М. А. Салминой над использованием формулы «быти стуку и грому» в рассказе о битве под Оршей Псковской летописи. (См. статью М. А. Салминой «Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и „Задонщина“» в настоящем сборнике, стр. 525). Можно полагать, что формула эта читалась и в архетипном тексте «Задонщины», но утрачена в списках извода Унд.

³⁵ Разночтения У и С не существенны для нашего изложения.

³⁶ «Царем русским» называет Владимира и список С. См.: Д м и т р и е в а. Взаимотношение списков, стр. 215.

³⁷ Ср.: «... оставиша плъци по достоянию, елико где кому подобает стояти» (Сказание о Мамаевом побоище: Повести о Куликовской битве, стр. 62).

Извод Унд

Извод Син

У	И-1	С	К-Б
Ци буря соколи снесет из земля За- леския в поле По- лотское.	Цег буря соколи снесет из земли За- летьские в поле По- ловецкое.	А чи ли боре соколом ³⁸ из земли Золеское в поле Половецкое.	Они бо взня- лися как соколи на Русския на поля Половетция.

Мы видим, что наиболее логично связано с предыдущим текстом чтение К-Б, в остальных списках фраза непонятна и не связана с окружающим контекстом, но именно чтение полных списков близко к «Слову» («Не буря соколы занесе чресь поля широкая»). Не говорит ли это о том, что связь со «Словом» приобрели лишь полные списки «Задонщины»?

Это предположение должно быть отведено, так как список С свидетельствует о сходстве чтений в архетипах Синодального извода и извода Ундольского. Вторичное же влияние извода Ундольского на С, как мы показали выше, мало вероятно; к тому же в списке С содержатся наиболее близкие к «Слову» параллели: «чи ли» и «зонесет».

Наконец, естественней предположить, что в К-Б была предпринята попытка «исправить» непонятный текст, чем допустить замену этого относительно ясного текста более трудным, поставившим в тупик последующих переписчиков (ср. искажение частицы и названия «Залесской земли»³⁹).

3. Третий случай — описание выезда князей из Москвы:

У	К-Б
Что шумит и что гремит рано пред зорями? Князь Владимир Андреевич полки пребирает и ведет к великому Дону.	Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни громь гремит, князь Володимер Ондреевич ведет вон свои сторожевые полкы к быстрому Дону.

Чтения списков И-1 и С сходны с У; в С, однако, как и в К-Б, Дон назван «быстрым» и испорчена первая фраза: «Што пишут, што гримит, что грит рана пред зорами?»; в И-1 вместо «полки» — «паки». Остальные разночтения для нашего сопоставления не существенны. Полные списки оказываются ближе к «Слову» в употреблении фразы «Что шумит...». В «Слове»: «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?». Однако и в этом случае отличия К-Б могут быть отнесены за счет его индивидуальных отличий от чтения Синодального извода. Список С оказывается в основном ближе к изводу Ундольского (и, видимо, — авторскому тексту), черта извода — эпитет Дона «быстрый» в нем сохранена. Вторичность К-Б подтверждает и неуместная вставка слов «сторожевые полкы». Сторожевые полки (дозор) — это небольшие отряды воинов, посылавшиеся навстречу противнику непосредственно перед столкновением основных сил или в целях разведки. В контексте К-Б списка словосочетание «сторожевые полки» не имеет этого терминологического значения, поскольку речь идет о выходе войск из Москвы. О вторичности этого чтения может говорить и такой факт. Так же неуместно употребляет этот термин

³⁸ Слова «боре соколом» в рукописи повторены.

³⁹ Исправление, «облегчение» текста при последующей его переписке очень вероятно, но не обязательно. См.: Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 170—173.

К-Б и в описании братьев — Ольгердовичей: «Ти бо бяше сторожевые полкы, на щите рожены» (в остальных списках — «сынове храбры»).

Итак, во всех рассмотренных выше случаях мы вполне можем предположить вторичность (по отношению к архетипному чтению извода) чтений К-Б, чем и объясняется отличие их от чтений «Слова», которому в данном месте все остальные списки содержат более близкую параллель.

Подведем итоги. К-Б список имеет по крайней мере 11 индивидуальных параллелей со «Словом», больше, чем какой-либо другой список. Часть из них может быть объяснена тем, что К-Б лучше сохранил чтение архетипа Синодального извода (а через него и авторского текста), но по крайней мере три параллели возможно объяснить лишь вторичным обращением к «Слову», если только не окажется фактов, подтверждающих возможность вторичного влияния на список С списков извода Ундольского.

Сам факт вторичного обращения к источнику (в нашем случае — к источнику архетипа) не является чем-то беспрецедентным.⁴⁰ Кроме того, эти обращения могут быть объяснены одной особенностью списка К-Б.

Начиная со слов «Тогда же князь великий Дмитрией Иванович ступи во свое златое стремя» К-Б отличается от остальных списков не только значительными сокращениями, но и иным расположением эпизодов. Характерно, что все эти переставленные эпизоды соседствуют либо с пропусками, либо со значительно сокращенным текстом.

В связи с этим напомним, что еще И. И. Срезневский, сопоставляя известные ему списки К-Б и У, предположил, что «Задонщина» была записана «не с готового извода, а по памяти».⁴¹ А. В. Соловьев считал даже, что «наличие вариантов „Задонщины“ объясняется тем, что некоторые из них были записаны с голоса».⁴² К мнению, что списки «Задонщины» «писались на том или ином этапе по памяти» склонялся и Б. Ф. Ржига.⁴³

Не разделяя предположений о записи списков «Задонщины» с голоса или по памяти, мы считаем, однако, очень вероятным, что «припоминалась» Ефросином (или его предшественником) вторая часть списка К-Б (в распоряжении писца мог оказаться дефектный текст). Если так, то найдется объяснение и обильным пропускам (даже по сравнению с сокращенной первой частью списка), и перестановкам, и «пересказам» отдельных мест, сходно читающихся во всех остальных списках.⁴⁴ В этом случае

⁴⁰ Так, по крайней мере дважды, по предположению Л. А. Дмитриева, обращалось к «Задонщине» и «Сказание о Мамаевом побоище». См.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — Повести о Куликовской битве, стр. 444.

⁴¹ И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича. СПб., 1858, стр. 6.

⁴² А. В. Соловьев. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М. Л., 1958, стр. 189.

⁴³ Б. Ф. Ржига. Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в. — Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 399.

⁴⁴ Мы имеем в виду вставку даты («сентября 8 в среду») в описание выезда великого князя из Москвы, перечень оружия («Грянуша копия харалужныя ... боданы бесерменскыя»), составленный из «осколков» по крайней мере двух эпизодов, фразу «Тогда поля костью насыяны, кровью полиано», заменившую целую картину («Черна земля под копыты...»), перестановку фразы «Того даже было нелепо стару помолодиться», пересказ «Уже, брате, пастуси не кличють», скомканный второй плач, заключаемый, по словам А. В. Соловьева, «наскоро сочиненной фразой» (А. В. Соловьев. Автор «Задонщины», стр. 189) и т. д.

среди вставок из «Слова о погибели земли Русской»⁴⁵ и «Летописной повести»⁴⁶ окажутся понятными и обращения к «Слову»; на вторую часть списка падают параллели: «полиано», «за Волгу», «поля перегороди», «зогзици», «пробил еси берези».

Общие выводы из сопоставления параллелей к «Слову» в различных списках «Задонщины» таковы:

1. Параллели к «Слову» свидетельствуют о том, что списки К-Б и С восходят к иному изводу, чем остальные списки «Задонщины».⁴⁷

2. Можно совершенно обоснованно утверждать, что «Слово» не могло быть создано на основании любого, даже более исправного, чем дошедшие до нас, списка одного из изводов, так как всю сумму параллелей к «Слову» содержали лишь списки, восходившие непосредственно к авторскому (архетипному) тексту.

3. Список К-Б содержит наибольшее число параллелей к «Слову», а его отличия, в сравнении с другими списками, от «Слова» могут быть объяснены индивидуальными вторичными изменениями этого списка, что вполне согласуется с представлением о нем, как списке, в котором архетип извода передан с изменениями и сокращениями.

Если справедливо наше предположение о самостоятельном вторичном обращении списка К-Б к «Слову», то перед нами еще одно свидетельство бытования текста «Слова» в конце XV в.

* * *

Теперь, когда установлено, что наиболее близким к «Слову» был авторский (архетипный) текст «Задонщины», можно перейти к наблюдениям над следами вторичности в одном из этих бесспорно связанных между собой текстах. Задача эта крайне осложнена тем, что мы не располагаем ни списком «Слова», о тексте которого можем судить лишь по его изданию, ни списком «Задонщины», отразившим не дошедший до нас авторский (архетипный) ее текст. Поэтому мы вынуждены ограничиваться лишь теми параллелями, которые подтверждаются списками обоих изводов и могут, следовательно, возводиться к архетипному тексту.

К сопоставлениям «Слова» и «Задонщины» исследователи обращались неоднократно. Последней обобщающей работой по этой теме явилась статья В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“».⁴⁸ Сопоставлению поэтики обоих произведений посвящена статья Д. С. Лихачева.⁴⁹ Мы ограничимся лишь наблюдениями над явлением, названным нами «инерцией подражания», которое входит в число особенностей, присущих подражательному произведению.

Сторонники вторичности «Слова о полку Игореве», потратившие немало усилий на подыскание «улик» позднего происхождения этого памятника, совершенно обошли вниманием важнейший в данном споре вопрос: если признать первичность «Задонщины», то как объяснить поистине загадочный ее текст, с его логическими и композиционными несообразностями, с его многочисленными «темными» местами?

⁴⁵ См.: Дмитриева. Взаимоотношение списков, стр. 259.

⁴⁶ См. статью М. А. Салминой «„Летописная повесть“ о Куликовской битве и „Задонщина“ в настоящем сборнике», стр. 382—383.

⁴⁷ См.: Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field, Edited by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963; статья Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“» в настоящем сборнике, стр. 263.

⁴⁸ Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 131—168

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Черты подражательности.

В этом случае нужно будет объяснить и особое пристрастие автора «Слова» к дефектам «Задонщины»: нередко, сохраняя лексический «косяк» испорченного чтения, он на этих «опорных словах» создавал новый, на этот раз удачный, художественно полноценный образ, гармонично сливавшийся к тому же со всей системой образов памятника. Признав вторичность «Слова», мы должны будем объяснить композицию «Задонщины» и вновь столкнемся с аналогичным фактом: последовательность эпизодов в «Слове» и «Задонщине» в ряде случаев одинакова, но в «Слове» она вытекает из логики описываемых событий, а в «Задонщине» неестественна, кажется результатом порчи текста, противоречит логике изложения. Наконец, подавляющее большинство «гапаксов», малоупотребительных слов и редких оборотов «Задонщины» приходится на параллельный со «Словом» текст, что не может оказаться, на наш взгляд, простой случайностью. Все эти логические, стилистические и языковые несообразности «Задонщины» мы объясняем «инерцией подражания»: стремление «использовать» текст «Слова» даже в тех случаях, когда этот текст был подражавшему не вполне понятен или когда последовательность эпизодов в «Слове» отличалась от последовательности реальных событий. изображенных в «Задонщине», это стремление и породило все алогизмы, «темные места» и композиционные неувязки «Задонщины».

Рассмотрим все наиболее показательные в этом отношении параллели «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».⁵⁰

1. По нашей гипотезе⁵¹ авторский текст «Задонщины» начинался словами «Снидемся, братия и друзи, и сынове рускии, составим слово к слову...», после чего следовал текст, напоминающий вступление «Слова о полку Игореве»: «Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича!».

У

И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и о нынешних повестех похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великого князя Владимира Киевского.

И-1

Рци: того лутче бо есть, брате, нача поведати иными словесы о похвальных о нынешних повестех от полку князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнука святого великого князя Владимира Киевского.

С

Говорит князь великий Дмитрей Иванович брату своему князю Володимеру Онреевичу. Скажи ми, брате, коли имы словесы о похвальных сих о нынешних повестех а полку великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Аньдреевича и правнуковы Володимера Киевского.

В авторском тексте, видимо, читалось: «о похвальных» (как в И-1 и С); «о полку» (ср. «а полку» в С, где мена «а» и «о» обычна). Вторичность чтения списка У «похвалу» подтверждается бессмысленностью текста: «...поведати ... о нынешних повестех похвалу великого князя» и чтениями списков И-1 и С. Совпадения этих списков свидетельствуют, что чтение «о полку» находилось в архетипном списке «Задонщины». Переключка зачина «Задонщины» и «Слова» несомненна. В «Слове» — полувопрос: «Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начяти...», в «Задонщине» утверждение: «Лудчи бо нам, брате, начати поведати» (У). Сравнитель-

⁵⁰ Для удобства изложения мы не рассматриваем подробно всех параллелей «Задонщины» и «Слова», так как некоторая часть из них «нейтральна», т. е. не позволяет судить о вторичности одного из текстов. Однако ниже (стр. 340—342) дан полный перечень всех параллелей.

⁵¹ См. статью «О композиции вступления к „Задонщине“», ниже, стр. 526—532.

ная степень наречия «лудчи» может быть соотнесена с наречием «лепо». Что имеет в виду автор «Задонщины», призывая поведать «иными» словами? Здесь можно видеть продолжение ряда противопоставлений: в «Слове» — «не лепо ли», в «Задонщине» — «лудчи»; в «Слове» — «старыми» словами о «трудных» повестях, в «Задонщине» — «иными словесы о похвальных о нынешних повестех» (И-1).⁵² Для времени написания «Задонщины» употребление слова «полк» в значении «поход», «сражение» являлось, видимо, архаизмом.⁵³ Характерно, что в заголовках «Сказания о Мамаевом побоище» в сходном сочетании употребляются, как правило, слова «побоище», «брань», «победа». Например: «Повесть о побоищи», «повесть новья сия победы», «сказание о брани», «сказание о бою», «повесть ... о великой брани и о грозном побоище». В то же время употребление слова «полк» в значении «поход», «битва» встречается в памятниках старшей поры,⁵⁴ поэтому сочетание «слово о полку» естественно для «Слова», а сочетание «повесть о полку» в «Задонщине», — видимо, результат механического подражания.

Можно допустить, что название Дмитрия и Владимира правнуками Владимира Киевского подсказано упоминанием в «Слове» «старого Владимира» и названием в зачине «Слова» князя Игоря «внуком Ольговым».

Список С донес текст архетипного списка с большими изменениями. Начало эпизода в списке С представляет собой обращение Дмитрия Ивановича к брату. Стимулом к этому изменению текста могло явиться обращение «братие», прочитанное как «брате»; слова «Говорит князь великий» повторяют начальную фразу списка. «Коли и мы», вероятно, попытка осмысления испорченного в протографе списка С слова «иными». Итак, зачин «Задонщины», скорее всего, является «ответом» на зачин «Слова». Если допустить обратное, то в «Задонщине» окажутся труднообъяснимыми слова «лудче», «иными», «нынешних», употребление архаического значения слова «полк», мало понятным окажется и «киевский мотив» этого памятника. Обратимся к следующему эпизоду:

Извод Унд

У

Начаша ти поведати по делом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лет времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гдуца в Киеве.

И-1

Начаша поведати по делом по гибелью, но потрезвимся мысльми и землями, и помянем первых лет времена, и похвалим веща боинаго гораздаго гдуца в Киеве.

С

Нача поведати по делом былым. Не поразилса мысленными землями, помянем первых лет времена, похвал вещаго горазда гудца.

Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Начати же ся тѣи пѣсни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню. Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ

⁵² В. П. Адрианова-Перетц иначе понимает значение слова «иными»: «В „Задонщине“, — пишет она, — обещание „поведати иными словесы“ о Куликовской битве, по-видимому, предупреждает, что Софоний поведет речь иначе — „по делом и по былинам“, а не так, как выше он, „от книг приводя“, вспоминал о печальном прошлом» (В. П. Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 135). Но по нашей гипотезе слова «от книг приводя» отсутствовали в авторском тексте, а эпизод о печальном прошлом находился ниже рассматриваемого чтения.

⁵³ Ср.: Срезневский, II, стлб. 1748—1749.

⁵⁴ См. статью В. П. Адриановой-Перетц «Фразеология и лексика „Слова о полку Игореве“» в настоящем сборнике, стр. 24 (далее: В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика).

вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы. Помняшеть бо, рече, първыхъ времянь усобицѣ».

Вторичность «Задонщины» в этом эпизоде проявляется в нескольких фактах. Каждое из предложений «Задонщины» имеет лексические параллели со «Словом», но логическая связь этих следующих одно за другим предложений отсутствует:

Задонщина (У)

Начаша ти поведати ... по былинам.
Не проразимся мыслию но землями помя-
нем первых лет времена.

Слово

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ
сего времени ... Боянъ бо ... растѣка-
шется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ
по земли ... помняшеть, бо .. първыхъ
времянь усобицѣ.

В «Слове» — четкое противопоставление «песни по былинам сего времени» творчеству Бояна, который «помнил первых времен усобицы», в «Задонщине» — не связанное с окружающим контекстом сообщение, что «начали песнь по делам и по былинам» («смысловая тавтология»). Интересно отметить, что лицо и время глагола «начати» выпадает из ряда однородных сказуемых: снидемся, составим, возвеселим, воздадим, и далее: проразимся, помянем и т. д. Не понятно было переписчикам «Задонщины» и слово «былина». Бессмысленность следующей фразы: «не проразимся мыслию но землями» (У), «но потрезвимся мыслями и землями» (И-1), «не поразился мысленными землями» (С) также легче всего объяснима неудачным подражанием «Слову», объединением в памяти автора «Задонщины» осколков двух образов: «растѣкашется мыслию [по древу], [сѣрымъ вълкомъ] по земли».

Что же дает нам основание считать первичным чтение «Слова», а не видеть в нем исправления «Задонщины» под пером талантливого подражателя?

Во-первых, любое объяснение текста «Слова» не дает объяснения «темному месту» «Задонщины», причинам, почему все списки предлагают разные, но в разной мере неудовлетворительные чтения. Мы должны либо объяснить странный прием автора «Слова» строить свои образы на лексемах испорченных мест «Задонщины», либо прийти к более вероятному, на наш взгляд, объяснению: порча текста «Задонщины» произошла в результате неудачного подражания «Слову». Методика этого подражания будет постепенно вырисовываться перед нами по мере анализа новых и новых параллелей «Задонщины» и «Слова».

Во-вторых, нельзя не заметить, что образ «растѣчися мыслию» характерен как для других памятников литературы Киевской Руси,⁵⁵ так и для самого «Слова», ср.: «мыслию прелетѣти», «мыслию поля мѣрити», что доказывает, в частности, несостоятельность конъектуры Н. Корелкина, предложившего читать «мысию», т. е. «белкой».⁵⁶

2. Вернемся к сопоставлению «Слова» и «Задонщины». В «Слове» говорится, что Боян помнил «първыхъ времянь усобицѣ», в «Задонщине» автор призывает «помянуть» «первых лет времена». Посмотрим, насколько мотивированы эти слова в каждом из памятников.

⁵⁵ Ср.: «...мыслию паря, аки орель по воздуху» (Слово Даниила Заточника); «ползая мыслию, яко змия по камению» (Послание Даниила Заточника); «възыди мыслию на оно небо вышьнее» (Златоструй XII в.). — Цитаты сообщены мне В. Л. Виноградовой, за что приношу ей большую благодарность. См. также: В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика, стр. 28.

⁵⁶ Эта гипотеза была выдвинута им в рецензии на перевод «Слова» К. Гербеля («Отечественные записки», 1854, т. 93, стр. 9—10).

В «Слове» «първыхъ времянь усобицѣ» упомянуты не случайно: они являются темами песен Бояна, песен о борьбе Ярослава Мудрого с братом-узурпатором Святополком, о славном поединке тмутороканского князя Мстислава с Редедей, о набегах на Русь половецких полчищ, «привабленных» Романом Святославичем.⁵⁷

В «Задонщине» же воспоминание о «первых лет временах» нужно лишь для того, чтобы назвать далее имя Бояна, певца «первых русских князей», упоминаемого лишь в «Слове», которое «скептики» изымают из древней русской литературы.⁵⁸ Совершенно естественен вопрос: откуда и почему возник интерес «Задонщины» к «гораздому» киевскому «гудцу»?

Имя Бояна, как уже говорилось выше (см. стр. 300) во всех списках, кроме К-Б, искажено. В К-Б в одном случае также можно предположить колебания переписчика: напомним о неуместной запятой в словосочетании «вещаго, го бояна».⁵⁹

Сопоставив «Тои бо вещии Боян воскладая свои златыя персты» (в К-Б) и «Боянъ бо вѣщии» (в «Слове»), можно допустить, что сочетание частицы «бо» и имени, начинавшегося с того же слога, и породило мнимую гаплографию, вполне возможную причину порчи текста во всех почти списках «Задонщины». Если так, то и это «темное место» не только находит совершенно ясную параллель в тексте «Слова», но и прямо объясняется этим текстом.

Перекликается со «Словом» и описание Бояна, «поющего славу»:

Задонщина (У)

Слово

Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу...	Боянъ же, братие ... своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше...
--	--

Предшествующее ему в «Слове» метафорическое сравнение перстов Бояна с десятью соколами отсутствует в «Задонщине», здесь сохранен лишь эпитет «живые» (струны), эпитет «вещие» (персты) заменен определением более нейтральным «гораздые». Видимо, уже в архетипе Синодального извода этот эпизод подвергся правке: «гораздые» персты были заменены «золотыми», в С этот эпитет был перенесен на струны, а на место золотых перстов стали фольклорные «белые руки».

Сопоставим сведения о Бояне в «Слове» и «Задонщине». Что известно о нем из текста «Слова»? Боян пел славы «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславичю», ибо, подчеркивает автор, он помнил «първыхъ времянь усобицѣ». Это замечание, на наш взгляд, очень существенно: так мог сказать лишь человек, для которого, как и для его современников, Боян не аллегория, а живой человек, связанный с определенным временем. Боян жил, вероятно, позднее героев своих песен и, предвидя недоумение

⁵⁷ О князе Романе летопись сообщает: «Приде Роман с половци к Воину. Всеволод же ста у Переяслава, и створи мир с половци. И възвратися Роман с половци възпать, убиша и половци, месяца августа 2 день. Суть кости его и доселе [лежаще тамо — доб. из Радзивил. летописи], сына Святослава, внука Ярослава. А Олга (Олега «Гориславича» «Слова», — О. Т.) емше поточиша и за море Цесарюграду» (Повесть временных лет, ч. I. М-Л., 1950, стр. 135).

⁵⁸ Мы имеем в виду лишь упоминание Бояна-«песнетворца». См.: Словарь, вып. 1. Стр. 65—66.

⁵⁹ В переписанной тем же Ефросином рукописи сербской Александрии (ГПБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088) в двух случаях запятой разделено слово: «едино, ногие» (л. 130 об.) и «вся, ко» (л. 131); поэтому в запятой списка К-Б можно видеть и простую ошибку.

читателя, автор спешит пояснить, что он мог их все же воспевать, так как помнил «усобицы» прежних лет. Напомним, что, по «Слову», Боян был современником Всеслава Полоцкого (умершего в 1101 г.), которому «рек» свою «припевку». Но наиболее интересна фраза, смысл которой в настоящее время проясняется благодаря интересному прочтению ее А. В. Соловьевым:⁶⁰ «Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, пѣснотворца стараго времени Ярославля: „Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы, кромѣ плечю...“». Мы переводим ее так: «Сказали Боян и Ходына Святославовы, те, кто воспевали старое время Ярослава: „Жена Олега! Тяжело...“» и т. д.

Довольно естественно, что автор, посвятивший свое произведение Игорю Святославичу, внуку Олега, вспоминает и «певца» Ольговичей, жившего при Святославе Ярославиче (отце Олега) и воспевавшего события и лиц, имевших отношение к этой княжеской ветви: Ярослав — дед Олега, Роман — его союзник. Мстислав мог быть интересен Ольговичам как яркая фигура в истории Тмуторокани, с которой была тесно связана судьба Олега. Всеслав Полоцкий — современник Олега и его союзник по борьбе с Владимиром Мономахом. Таким образом, все лица, воспевавшиеся Бояном, имели то или иное отношение к дому Ольговичей.

В «Задонщине» характеристика Бояна как «певца» определенного времени и определенной ориентации отсутствует; он становится здесь полуаллегорическим певцом крупнейших русских князей от Рюрика до Ярослава.⁶¹ Поэтому кажется странным, как «певец» Рюрика и Владимира Святого (совсем в духе и XVI, и XVII, и XVIII вв.!) мог быть превращен в «Слове» в «домашнего барда» черниговских князей. Этот факт должен быть принят во внимание при всех попытках вывести Бояна «Слова» из киевского «гораздого гудца» «Задонщины».

3. Следующий эпизод «Задонщины» окажется параллельным тексту «Слова», если произвести в последнем перестановку, предложенную рядом ученых.⁶² Не повторяя всех аргументов сторонников перестановки, укажем лишь на два из них. Итак:

В 1-м издании

...наведе своя храбрыя плѣкы на
землю Половѣцкую...

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солн-
це и видѣ...

Следует

...наведе своя храбрыя плѣкы на
землю Половѣцкую...

О Бояне, соловию стараго времени!
а бы ты сна плѣкы ущекоталь...

Помимо соображений композиционного и исторического характера, приведенных защитниками перестановки, существенными, на наш взгляд, являются два факта: лексическое свидетельство («сна плѣкы» — это и

⁶⁰ А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков (ТОДРЛ, т. XX). М.—Л., 1964, стр. 374—378.

⁶¹ Характерно, что в генеалогии первых князей допущена ошибка: Рюрик не был киевским князем, но для ретроспективного взгляда XIV—XV в. это было уже не существенно.

⁶² На необходимость перестановки указывали В. А. Яковлев, А. И. Соболевский, П. Маштаков, В. Н. Перетц. На этой же точке зрения стоят Н. К. Гудзий (О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 249—254; Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1956, стр. 35—41) и В. П. Адрианова-Перетц (см.: В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика, стр. 33 и 40). Против перестановки выступил недавно Ф. М. Головенченко («Слово о полку Игореве». Библиографический очерк. Перевод. Пояснения к тексту и переводу. М., 1963, стр. 269—270).

есть те «храбрыя плъкы», которые Игорь навел на землю Половецкую) и свидетельстве «Задонщины», где на протяжении значительного отрезка текста изложение идет параллельно тексту «Слова» как раз с произведенной перестановкой.⁶³

Предложенная перестановка важна, таким образом, и для доказательства первичности «Слова». В противном случае придется допустить, что подражатель, написав текст в полном соответствии с «Задонщиной», затем уже «перепутал листы», но при этом нарушил логику изложения и не потрудился убрать следы перестановки.

Запевке Бояна «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому» в списках «Задонщины» соответствует:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Ци буря соколи снесет из земля За- леския в поле По- лотское.	Цег буря соколи снесет из земли За- летьскыи в поле По- ловецкое.	А чи ли боре соколом ⁶⁴ зонесет из земли Золеское в поле Половецкое.	Они бо взняли- ся как соколи со Русскыи на поля Половетция.

Мы уже отмечали выше (см. стр. 310), что наиболее логично связан с предыдущим чтением текст К-Б, в остальных списках фраза непонятна и никак не связана с окружающим ее контекстом, но предположили, что чтение полных списков и является первичным. Фразу эту, исходя из различных значений частицы или союза «чи», можно переводить как: «Разве буря соколов снесет», «Буря ли соколов снесет», «Или буря соколов снесет».⁶⁵ При любом из этих толкований фраза остается труднопонимаемой и совершенно не связанной с окружающим контекстом. Но предположим, что подражатель, использовав авторский текст «Задонщины» (где могло читаться «А чи ли буря соколи занесет», ср. С), перестроил это чтение в формулу отрицательного параллелизма («Не буря соколы занесе»), сходную своей метафоричностью с литературной традицией XII в.⁶⁶ При этом автор все же не отбросил оказавшиеся излишними слова «чи ли», а использовал этот редкий союз в следующей фразе, вводящей вторую запевку Бояна: «Чи ли въспѣти было, въщеи Бояне».⁶⁷ И опять перед нами странное явление: «подражая» «Задонщине» в словах, повторяя ее композицию, «Слово» на базе испорченного текста создает текст осмысленный, художественно совершенный.

Вернув «Слову» первичность, мы находим тем самым логичное объяснение всем странностям «Задонщины». Еще раз обратимся к сопоставлению «Слова» и «Задонщины»:

⁶³ На это указала В. П. Адрианова-Перетц в статье: «Задонщина». Опыт, стр. 217—218.

⁶⁴ В С слово или словосочетание, заключавшее текст страницы, повторяется на следующей странице. Эти повторения мы далее не отмечаем.

⁶⁵ Употребление «чи» в значении союза в этом контексте наименее вероятно.

⁶⁶ См. статью В. П. Адриановой-Перетц «Фразеология и лексика», стр. 34.

⁶⁷ Л. А. Булаховский писал: «Заслуживает внимания, что этот союз как сочетание элементов чи и ли, порознь хорошо известных памятникам, в них, по-видимому, очень редок в таком виде и если бы в „Материалах“ Срезневского, III, столб. 1516, не было цитаты из „Златоструя“ XII века: „Ребра съкроити чи ли ражны повирати тѣло“, он мог бы легко тоже попасть в „сомнительные“. На самом же деле мы и в нем можем видеть хорошее доказательство верности „Слова“ языку того места и времени, к которым оно относится» (Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 162).

С л о в о

О Бояне, соловию старого времени!
а бы ты сна плькы ущекоталь, скача, сла-
вию, по мыслену древу, летая умомъ под
облаку.

Пѣти было пѣснѣ Игореви, того вну-
ку: «Не буря соколы занесе чресь поля
широкая — галици стады бѣжать къ Дону
Великому»; чи ли въспѣти было, вѣщен
Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за
Сулою — звенить слава въ Киевѣ».

«Задонщина» по У

Оле, жаворонок, летняя птица ... во-
злети под синее небеса ... воспой славу
великому князю Дмитрею Ивановичю...

Чи буря соколи снесет из земля За-
леския в поле Полотское.

На Москве кони ржут, звенит слава по
всей земли Руской.

Итак, после призыва к жаворонку воспеть русских князей, автор «Задонщины» приводит в своей «обработке» одну из фраз такого воспевания, но догадаться об этом может помочь лишь текст «Слова», в котором сходный текст является иллюстрацией к воспоминаниям о Бояне и естественно вытекает из предыдущего обращения. Также естественен в «Слове» и переход ко второму «образу» заповки Бояна; в «Задонщине» же этот переход никак не мотивирован. Союз «чи ли» автор «Задонщины» использовал неуместно, отчего смысл фразы оказался непонятным, а сам союз (в данном контексте — частица) искажался переписчиками. И еще одно замечание: глагол «занести» в «Слове» употреблен уместно — речь идет, видимо, о бегущих половцах, которые так же беспомощны, как галицы, как соколы, которых буря занесла далеко от родных мест. Употребление глаголов «занести» или «снести» в «Задонщине» в описании победоносного и целенаправленного похода русских князей художественно не оправдано.

4. Следующий эпизод «Слова» требует комментария. В первом издании текст заповки Бояна был представлен в следующем виде: «Комони ржутъ за Сулою, звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ — стоять стязи въ Путивлѣ». Однако А. С. Орлов предложил иное, более правильное, на наш взгляд, чтение текста: «Комони ржутъ за Сулою, звенить слава въ Киевѣ». И далее с нового абзаца: «Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи в Путивле: Игорь ждетъ мила брата Всеволода».⁶⁸ Присоединяясь к этому мнению А. С. Орлова, мы так понимаем текст «Слова». Боян воспевал русских князей, чьи кони ржали за Сулой, на Половецкой земле,⁶⁹ и слава чьих побед звенела в Киеве. Подражая Бояну в манере «растекаться мыслию», автор также описывает события, разделенные местом и временем: трубы трубят в Новгороде-Северском, откуда шел со своей дружиной Игорь, вот уже стоят стязи и в Путивле, где готовы к походу дружинники его сына Владимира, и вот уже князья ожидают третьего участника похода, Всеволода, присоединившегося к ним у Оскола.⁷⁰

Сходный фрагмент эпизода «Задонщины» приведем ввиду его важности для истории текста «Задонщины» по всем спискам:

⁶⁸ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е, М.—Л., 1946 стр. 67.

⁶⁹ На Суле как пограничной реке ставит «города» Владимир Святославич (Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, Т. I, изд. 3, М., 1962, стлб. 121), на Суле бьется с половцами Владимир Мономах (там же, стлб. 249), в 1107 г., т. е. как раз во «времена Бояна», русские князья, отправившиеся в поход на половцев, «бродишася чрес Сулу» (там же, стлб. 282).

⁷⁰ «В то же время Святославичъ Игорь, внук Олгов, поеха из Новагорода ... поняи со собою брата Всеволода ис Трубечка ... и Володимера, сына своего, ис Путивля ... И тако приида ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тот бяше шел инемь путем ис Курьска» (Ипатьевская летопись. — ПСРЛ т. II, М., 1962, стлб. 637-638).

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Рускои, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю великого на брези, звонят в колоколы вечныя в Великом Новегороде.	На Москве кони ржуют, звенит слава руская по всей земли Рускои, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону у великого на брези, звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде.	Кони ирзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коломне, звинит слава по всей земли Рускои, чудно стези стояти у великого Дону на берези, звонят вечныя колоколы у Великом Новегороде.	Кони ржуть на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпугове, звенить слава по всей земли Русской, чудно стязи стоять у Дону великого, пашутся хорюгови берчати, светятся калантыри злачены, звонят колоколы вечнии в Великом в Новегороде.

Мы уже отмечали различия в чтениях обоих изводов (см. выше, стр. 294). В отличие от «Слова» эпизод этот в «Задонщине» не связан с предыдущим текстом. Кроме того, он непонятен и сам по себе. В заповке Бояна «звон славы» является откликом на победы «за Сулой», в «Задонщине» он разрезает картину сборов войска (в У и И-1) и логически мало оправдан: войско еще только собирается в поход, навстречу грозному врагу.

Далее. Чьи стяги стоят у Дона? Русское войско еще не собралось в Москву (см. ниже: «То ти не орли слеташася, съехалися все князи рускыя к великому князю Дмитрию Ивановичу»); если же имеется в виду татарское войско, то странен эпитет «чудно», употреблявшийся обычно с положительным оценочным значением.⁷¹ Упоминание «хоругвей берчатых» и «калантырей з[л]аченых» в списке К-Б также говорит о вооружении и снаряжении русского войска.⁷²

Перед нами первый пример композиционной неувязки, хронологической непоследовательности «Задонщины», объяснимой, на наш взгляд, только неудачным подражанием «Слову».⁷³ Если мы признаём зависимость данного эпизода «Задонщины» от «Слова», то этим объясняется и неуместное упоминание «славы», и «принужденное» упоминание стягов и вечевого звона в Новгороде. Если же предположим обратное, то окажутся трудно совместимыми скрупулезная подражательность (упоминание в той же последовательности соколов, которых занесла буря, коней, звона славы, трубного звука и стягов) и удивительное искусство автора «Слова», сумевшего сочетать этот «заданный» перечень эпизодов со своим художественным замыслом (заповка Бояна и исторически точное описание начала похода).

5. Рассмотрим обращение Андрея Ольгердовича к брату:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
Брате Дмитриеи, сами есмя себе два брата, а внуки браты, сынове Олгордовы ... Зберем, брате, милые пановя	Сами есми себе два брата, а внуки есмя Едимантовы, изберем братью милую, пановеи удалыя	Княже Дмитрею, сами есмо себе два браты, сынов есмо Алгыродовы ... Соберем себе милую	Сама есма два брата, дети Вольяродовы ...

⁷¹ См.: Срезневский, III, стлб. 1549—1550.

⁷² Наблюдения над словом «калантырь» см. в статье В. Л. Виноградовой: Некоторые замечания о лексике «Задонщины». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 199.

⁷³ См. также: Д. С. Лихачев. Черты подражательности, стр. 95—96.

удалые Литвы, хра- рых удальцов, а са- ми сядем на добрые кони своя и посмот- рим быстрого Дону.	Литвы, храбрых дружину храбрих удальцев, и сами ся- дем на борзья своя комони, посмотрим быстроу Дону, изо- бьем шоломы мечи.	панов, а сильных удальцах, а сами усядем на борздыя кони, посмотрим би- строу Дону, сопием шеломом воды.	Сядем, брате, на свои борзи комо- ни, испием, брате, шеломом своимъ во- ды быстрого Дону.
--	--	---	---

Вторая часть этого обращения переключается со словами Игоря, обращенными к дружине: «А всядем, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону ... хошу главу свою приложити, и любо испити шеломомъ Дону».

«Задонщина» повторяет эти формулировки, хотя не все из них подходят к обстановке 1380 г. Литовские князья отправляются «на помощь великому князю Дмитрию Московскому и всему православному христианству».⁷⁴ Поэтому перед нами не просто «замена» глагола «позреть» глаголом «посмотреть», но применение формулировки, мало уместной в данной исторической обстановке.⁷⁵ Д. С. Лихачев, комментируя выражение «Слова» «а любо испити шеломомъ Дону», указывает на «распространенный в древней Руси символ победы над тою или иною страню: испить воды из ее реки».⁷⁶ Есть все основания полагать, что этот символ также перенесен в «Задонщину» из «Слова о полку Игореве».

6. Сложный комплекс образов «Задонщины» переключается с описаниями в «Слове» второй битвы с половцами. Напомним и прокомментируем это описание в «Слове».

После первой победы «дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо». Но заря нового дня предвещает грозные события: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти А солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго».⁷⁷ Эти небесные знаменья далее конкретизируются: «Ту ся копиемъ приламати, ту ся сабяямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ у Дону Великаго».

⁷⁴ Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 59.

⁷⁵ Лексикологически эта замена вполне оправдана: глагол «зрети» во время написания «Задонщины» ощущался как «высокое», стилистически окрашенное слово. Так, в Лаврентьевской летописи, в пределах Повести временных лет, слова с корнем «зр-» употребляются 41 раз, а с корнем «смотр-» всего 3 раза. В «Задонщине» же глагол «посмотреть» употреблен (в И-1) 6 раз, а глагол «зрети» не встречается.

⁷⁶ Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 90.

⁷⁷ Мнение Г. И. Имедашвили, что «четыре солнца ... не есть вымышленная аллегория, символ, метафора, а реальное событие, имевшее место в 1185 г. перед битвой на Каяле» (Г. И. Имедашвили. «Четыре солнца» в «Слове о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 221), не представляется убедительным. Автор указывает, что «и русскими летописями в 1185 г. отмечено появление четырех солнц с луной». Однако такого сообщения нам не удалось обнаружить ни в одной из изданных летописей. Нет его и в обстоятельном обзоре летописных известий об астрономических явлениях Д. О. Святского (Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. — ИОРЯС, т. XX, кн. 2. Пгр., 1915). Можно предположить, что источником этого недоразумения явилась опечатка в цитате из Радзивилловской летописи, приведенной в статье Д. В. Айналава «К истории древнерусской литературы» (ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 23). Под 1141 г. (а не под 1185 г.) в летописи говорится: «Егда же несяху ко гробу (князя Андрея Переяславского, — О. Т.), дивно знамение бысть на небеси и страшно: быша г (в цитате ошибочно — «4») солнца сияюще». См.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. I. Фото-механическое воспроизведение рукописи (ПДП, № СХVІІІ). СПб., 1902; л. 172. Ср. также: Лаврентьевская летопись. — ПСРА, т. I, изд. 3-е, М., 1962, стлб. 309.

И далее: «вѣтри ... вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тутнеть, рѣкы мутно текуть».

Обратимся к «Задонщине».

Извод Унд

Извод Син

У

И-1

С

К-Б

Уже бо, брате, возвьяли по морю на уст Дону и Непра, прилеяша (так!) тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепещутся сильные молыньи. Быти стуку великому на речке Напряде.

Уже, брате, возвьяша сильнии ветри по морю на уст Дону и Непра, прилеяшася великиа тучи по морю на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в них трепещутся сильнии молнии. Быти стуку велику на речки Направде.

Вжо, брате, возвьяша сильныя ветри ко вусту Дона и Днепра, пролишася (так!) сильныя кровавыя зори, в них же трепещут сильныя молния. Быти утупу великому на реце Непрадене.

Уже бо всташа сильнии ветри с моря, прилеяша тучю велику на уст Непра, на Рускую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболока, а из них пашють сильныя молныи. Быти стуку и грому велику.

Итак, в «Слове» «вѣтри ... вѣють съ моря». Упоминание моря в «Задонщине» едва ли уместно: описываемые в ней события происходят в 700—800 км и от устьев Дона и Днепра. Конечно, эта географическая неточность не может являться решающим аргументом на фоне других примитивных географических представлений, отраженных в средневековых литературных памятниках,⁷⁸ но все же ее нельзя сбрасывать со счета.

«Кровавые зори», которые в «Слове» «свѣтъ поведаяють», — имеют двойной план: реальный — кровавая заря предвещает бурю, ненастье, и символический — напоминает о грядущей кровавой битве. Образ этот в «Задонщине» отсутствует: там «кровавые зори» выступают (??) из туч. Интересно отметить, что образ этот сбивал с толку и подражателей «Задонщине». Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» говорится: «На том бо поле сильни плѣци съступишася. Из них же выступали кровавыя зари, а в них трепеталися сильни млыньи от облистания мечнаго».⁷⁹ Здесь, видимо, произошла контаминация с другой картиной «Задонщине»: «На том поле сильныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремели громы велицгыи» (У).

7. Пример инерции подражания можно продемонстрировать и на таком сопоставлении со «Словом» списка У. Там читаем: «Уже бо скрипели телеги между Доном и Непром, а идут хинове поганыйи к Руской земли. И притекоша серые волцы от уст Дону и Непра и ставши воют на реке, хотят на Мечи поступити в Рускую землю. И то были не серые волцы, придоша поганые татаровя, хотят проити воюючи всю Рускую землю. Тогда гуси возгоготали и лебеди всплескаша крылами своими, но поганыйи Момаи пришел на Рускую землю и воеводы своя привел. А уже беды их пасоша птицы». Ср. в «Слове»: «... крычатъ тѣлѣгы полуношы, рцы, лебеди роспущени».⁸⁰ Игорь къ Дону вои ведеть! Уже бо бѣды его

⁷⁸ Так, в «Сказании о Мамаевом побоище», например, говорится: «Земля стонет вельми, грозу велику подавающи на восток нолены до моря(?), а на запад до Дуная» (Повести о Куликовской битве, стр. 66).

⁷⁹ Повести о Куликовской битве, стр. 69. В печатной редакции «Сказания» образ деформировался еще больше: «Из них же вытекают кровавые ручьи» (Русский исторический сборник, т. III, кн. 1, М., 1838, стр. 56).

⁸⁰ Ср. также: «Вступила (обида) дѣвою на землю Трьяню, въсплескала лебедьими крылы на синѣмъ море у Дону».

пасеть птиць по дубию». Близость в расположении картин в обоих памятниках бесспорна. Обращает внимание хронологическая непоследовательность этого эпизода в «Задонщине»: Мамай уже давно «на реки на Мечи», а здесь вновь говорится о передвижении вражеских войск, вновь повторяется указание на устья Дона и Днепра, как на исходные позиции татарского нашествия. Татары здесь, как мы полагаем не без влияния «Слова», называются «хиновой» (см. ниже, стр. 336 и сл.).

8. Обратимся к следующим эпизодам:

Извод Унд		Извод Син	
У	И-1	С	К-Б
<p>А уже беды их пасоша птиць крылати под облак летят, вороны часто грают, а галицы своєю речью говорят, орли хлекчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костех бряшут.</p> <p>Руская земля, топервое еси как за царем за Соломоном побывала.</p>	<p>А уже беды их пловуще птица их крылати под облакы летают, вороны грають, а галицы своєю речью говорят, орли крылатини въсплещут, а волци грозно воюють, а лисицы на кости брешут.</p> <p>Руская земля, то ти есть как за Соломоном царем побывало.</p>	<p>Вжо победы их пашутся, а птиць под облаки летают, а вороны часто играють, а галицы своєю речью говорят, орли в гаму кличут, волцы грозно выют, а лисицы на костех брешут.</p> <p>Земля, земля Резанская, теперь бо есть коко зо Соломоном царем побывали.</p>	<p>Птици небесныя пасущеса то под сине оболока, ворони грають, галици свои речи говорят, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають победу на поганых, а ркучи так: Земля еси Русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем.</p>

Напомним параллельный текст «Слова» и прокомментируем его. «Игорь къ Дону вои ведеть! Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию; влѣци грозу въсрожать по яругамъ, орли клетомъ на кости звери зовуть; лисици брешуть на чръленыя щиты. О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!». Лексическая и композиционная связь эпизодов «Слова» и «Задонщины» бесспорна. Но нет ли свидетельств о зависимости одного текста от другого?

Итак, несмотря на дурные предзнаменования, Игорь ведет войско в Половецкую степь. Далее Д. С. Лихачев предлагает такой перевод: «Ведь уже несчастья его [т. е. поражения Игоря]⁸¹ подстерегают [хищные] птиць по дубам [ждут добычи на поле битвы]; волки [воем своим] грозу поднимают по оврагам; орлы клетом на кости зверей зовут [предвкушая добычу], лисицы брешут на красные щиты [русских]. О Русская земля! Уже ты за [пограничным] холмом».⁸²

Обратимся к «Задонщине». Фраза о «бедах», которые «пасут» (т. е. подстерегают, ожидают) птиць, во всех списках испорчена. В У два скалзуемых выступают в различных временах («пасоша» — аорист, «летят» — настоящее время); возможно, на каком-то этапе истории текста произошла контаминация двух предложений: «А уже беды их пасоша птиць» и «птиць крылати под облак летят». Ср. в С: «Вжо победы (в значении «беды») их пашутся, а птиць...»; в К-Б: упоминания о бедах нет вовсе, а глагол «пасущеса» отнесен к слову «птиць». Интересна попытка К-Б осмыслить непонятный текст: слово «птиць» сопровождается в нем тра-

⁸¹ Все заключенные в прямые скобки пояснения принадлежат Д. С. Лихачеву.

⁸² Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». (Объяснительный перевод). — «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 79.

диционным эпитетом «небесные»,⁸³ украшается эпитетом и слово «оболока». Слово «пасущися» возвратной частицей сближается с «пашутся» С, а причастным суффиксом с «пловуще» списка И-1. Итак, понятной и грамматически правильной фразе «Слова»⁸⁴ в «Задонщине» противостоит текст испорченный, непонятный — явление, уже знакомое нам по анализу предыдущих фрагментов.

В. П. Адрианова-Перетц уже обращала внимание на большую логичность описания поведения зверей в «Слове», сравнительно с «Задонщиной»: «...если в „Слове“ волки „грозу въсрожат по яругам“, то в „Задонщине“ они „грозно воют“; в „Слове“ орлы „клектом зовут“ зверей на кости, которых будет много после сражения, а лисицы „брешут“ на щиты; в „Задонщине“ лисицы уже „на кости брешут“, а орлы просто „восклегчють“. Как и в других параллельных эпизодах обоих памятников, в „Задонщине“ отсутствует та точность отбора выразительных деталей, которая всегда налицо в „Слове“».⁸⁵

Слова о Русской земле могут быть поняты и как «речь» лисиц (в К-Б), и как самостоятельное восклицание; но в обоих случаях как смысл фразы, так и связь ее с окружающим контекстом остаются мало понятными. Мы присоединяемся к тем исследователям, которые видят в ней неудачную попытку осмысления рефрена «Слова» и тем самым — явный след вторичности «Задонщины».⁸⁶

9. Следующий эпизод «Задонщины» легко сопоставим с описанием начала похода Игоря в «Слове»: «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше». В «Задонщине» соответственно с радостным тоном всего произведения (и, добавим, вопреки мнению исследователей, считавших «Задонщину» «жалостью» по случаю поражения русских) все знамения благоприятствуют князю: «Тогда князь великий Дмитрие Иванович воступив во златое свое стремя и взем свои мечь в правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему на восток сияет и путь поведает, а Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя» (У). Естественней предположить, что упоминания о молитве князя и помощи святых вставлены в текст XV в. (типичное для того времени «украшение текста»), чем то, что они были бесследно убраны «подражателем» — автором «Слова».⁸⁷

Приведем лишь сопоставимый со «Словом» фрагмент следующего эпизода: «Что шумит и что гремит рано пред зорями? Князь Владимир Андреевич полки пребирает и ведет к великому Дону» (У).⁸⁸ В «Слове»: «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода».⁸⁹

⁸³ См. иллюстрации ко второму значению слова «небесный» в «Материалах» И. И. Срезневского. В Поучении Владимира Мономаха: «... како птица небесныя изъ ирья идуть» (Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 156).

⁸⁴ См. статью В. П. Адриановой-Перетц «Фразеология и лексика», стр. 46. О слове «птичь» см.: В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревем. Київ., 1926, стр. 176—177; Обнорский. Очерки, стр. 164.

⁸⁵ Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 145.

⁸⁶ Анализ этого возгласа и литературу вопроса см.: там же, стр. 145—147.

⁸⁷ Это тем более странно, что молитва Игоря приводится и в летописи (см. Ипатьевская летопись, стлб. 638). О параллели « вступи в злат стремя» см.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 148.

⁸⁸ В И-1 и С отличия, не существенные для нашего изложения. В К-Б: «Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею ... князь Володимир Ондреевич ведет вой свои сторожевыя полки к быстрому Дону».

⁸⁹ Анализ лексики см. выше, в статье В. П. Адриановой-Перетц «Фразеология и лексика», стр. 66.

Указание на время описываемого события в «Слове» исторически точно. Ипатьевская летопись сообщает: «Наставши же ноци суботни и поидоша бьючися.⁹⁰ Бысть же светяюще неделе, взямотошася коуеве в полку, побегоша. Игорь же ... поиде к полку их, хотя возворотити к полком».⁹¹ «Скептики» видят во всех совпадениях фактической канвы «Слова» с сообщениями летописи «улики» его вторичности в отношении летописи и позднего происхождения. Но если такого рода совпадения объяснимы прежде всего тем, что и летопись и «Слово» отражали действительные события (хотя «Слово» как литературный памятник нельзя приравнять к историческому источнику!), то чем же объяснить совпадающие со «Словом» детали «Задонщины», противоречащие действительности 1380 г.? Почему, например, Владимир Андреевич ведет полки «рано пред зорями»? Характерно, что «Сказание о Мамаевом побоище», используя этот образ «Задонщины», тем не менее внесло существенную поправку: «Стук стучит и гром гремит по (т. е. после) ранней зоре, князь Владимир Андреевич Москву-реку перевозится на Красном перевозе в Боровъсце».⁹² Не является ли выражение «пред зорями» в «Задонщине» отражением соответствующего чтения «Слова»?

10. Рассмотрим близкое к «Слову» обращение Дмитрия Ивановича к брату:

С л о в о

... сѣдлаи, брѣте, свои брѣзны комони, а мои ти готови, осѣдлани ... а мои ти Куряни свѣдоми къмети ... пути имь вѣдоми, яругы имь зыаеми, луци у нихъ напяржени, тули отворени, сабли изьострени; сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ишучи себе чти, а князю славѣ ... съ вами, Русици, хошу главу свою приложити.

«Задонщина» по И-1⁹³

Воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома, имеем под собою борзѣзы комони, а на себе золоченыя доспехы, а шеломы черкаськіе, а щиты московськіе, а сулицы ординские ... И моляше: Поганый путь им знаем вельми, а перевозки им изготовлены, но еще хотят сильно главы своя положити за веру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ишут себе чести и славнаго имени.

О вторичности «Задонщины» можно судить по ряду фактов.⁹⁴ Это упоминание «комоней» — слова, встречающегося только в чтениях, параллельных «Слову», что выдает его неорганичность в тексте «Задонщины». В обоих произведениях есть перечисление оружия. Однако, если в «Слове» каждая деталь этого перечисления указывает на готовность к бою, на высокие боевые качества дружинников Всеволода, то в «Задонщине» всего лишь статичное перечисление предметов вооружения.

Отметим и существенное смысловое различие характеристик воинов в «Задонщине» и «Слове». В последнем — их обобщенная характеристика, включающая даже рассказ о воспитании воинов-курян, в «Задонщине», напротив, описание готовности в данный момент: «перевозы им изготов-

⁹⁰ Ср. выше в «Слове»: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя».

⁹¹ Ипатьевская летопись, стлб. 641—642.

⁹² Повести о Куликовской битве, стр. 56.

⁹³ В У: «дружина сведана», кони «добрые». Соответствия словам «И моляше ... изготовлены» — нет. В С: «Воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина», «дороги нам сведома, а перевозки в нас в[с]тавлены», «ишут бо себе чести и [с]лавы и великого имени». В К-Б параллельного текста нет.

⁹⁴ Если принять перестановку в тексте «Слова» (см. выше, стр. 317), то это обращение Игоря к дружине должно располагаться как раз после цитированных выше слов Всеволода. Это еще раз подтверждает связь «Задонщины» с более исправным текстом «Слова», чем известный в XVIII в. список.

лены», сообщает список И-1. Такая конкретизация художественных обобщений «Слова» характерна для «Задонщины».

«Темное место» «Задонщины»: «Пашут бо ся хорюгове («аки живые» — добавляет У), ищут себе чести и славного имени» оказывается параллельно четкой картине «Слова»: воины ищут себе чести, а князю славы. Напомним, что формула «честь и слава» широко употребима в старших памятниках древнерусской литературы⁹⁵ и что редкую флексию -ѣ («славѣ») объясняют как след новгородского влияния на рукопись «Слова»;⁹⁶ особенность эта в тексте подражателя окажется трудно объяснима.⁹⁷ Странной покажется в подражании и замена распространенной формулы «голову положить» (в «Задонщине») на редкую — «главу приложити» (в «Слове»).

11. Сравним описание битвы в «Задонщине» (по У) и «Слове»:

Задонщина

То ти наехали руские князи на силу татарскую и удариша копье фараужными о доспехи татарские, возгремели мечи булатные о шеломах хиновские на поле Куликове на речке Напряде.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша, а кровью их земля пролита бысть.

А сильные полки ступишася вместо и протопташа холми и луги, и возмутишася реки, и потоки, и озера.

И кликнули быша дивы в Руской земли. А глава (И-1, С: «слава») шибла к Железным вратам, ли к Караначи ... и отголе ко Царюграду на похвалу руским князем, и одолеша рать татарскую на поле Куликове, на речке Напряде.

Слово

Съ зараниа до вечера ... гримлюгъ сабли о шеломах, трещать копия харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи.

Чръна земля подѣ копыты костми была посѣяна, а кровию польяна, тугою възыдоша по Руской земли. (Далее — рассказ о походе Святослава).

Бяшеть притрепетаѣть своими сильными плькы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣкы и озера, иссуши потоки и болота ... Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъ-славлю.

Итак, в одном описании «Задонщины» содержатся параллели к двум совершенно самостоятельным эпизодам «Слова»: описанию битвы и рассказу о походе Святослава Киевского «на землю Половецкую».⁹⁸

О вторичности «Задонщины», по нашему мнению, говорят следующие факты:

а) Совпадая со «Словом» в последовательности сходных картин, «Задонщина» нарушает логику собственного сюжета. Весть, что русские князи «одолеша рать татарскую», предваряет и рассказ о поединке Пересвета (которым, по преданию, началась битва), и описание первой половины сражения, когда перевес был на стороне татар (ср. слова Владимира Андреевича, обращенные к великому князю: «Не оставаи ... Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у нас истеряли»). Только после этого, в самом конце произведения, говорится о вступлении в битву великого князя, разгроме и бегстве татар. Такое нарушение хронологической последовательности изложения произошло, видимо, потому, что, используя для описания поля битвы образы рассказа о походе Святослава, автор «Задонщины» продолжил параллель и на описание его побед (ср.: «слава шибла» — «поють славу»).

⁹⁵ См., например: Ипатьевская летопись, стлб. 286, 303, 327 и др.

⁹⁶ См.: Обнорский И. Очерки, стр. 155.

⁹⁷ См.: Дылевский И., стр. 219.

⁹⁸ Кроме того, использован и образ дива-вестника. Ср. в «Слове»: «дивь кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влзьѣ, и Поморию, и Посулию». Об индивидуальной близости К-Б к «Слову» говорилось выше (стр. 302).

6) Вторичность «Задонщины» проявляется и в частных параллелях. Картина поля битвы, земли, вспаханной конскими копытами и засеянной костями, входит в систему «земледельческих» образов и метафор «Слова». ⁹⁹ В «Задонщине» эта картина разрушена, расчленена даже грамматически: определение «черна» становится в «Задонщине» сказуемым, отчего описание становится менее динамичным; «земля» отделяется от «насеянных костями» полей, причем от описания состояния («черна земля») автор переходит к описанию действий («поля насеяша»), а затем снова состояния («кровью их земля пролита бысть»). Множественное число слова «поля» говорит как бы о войне вообще, тогда как речь идет об одной битве. Гиперболы «Слова» — полки Святослава «притоптали» холмы и яруги, взмутили реки и озера, иссушили потоки и болота — более уместны (речь идет о долгом походе по просторам целой страны!), чем утверждения «Задонщины», что «холми и луги» (видимо, так передано сходное по созвучию, непонятое ее автором слово «яругы») были протоптаны (ср. более редкое и более образное «притоптати») во время битвы. Реки, потоки и озера в «Задонщине» просто «возмутились», тогда как в «Слове» их взмутило и иссушило проходящее войско. Наконец, характерно, что в этом же эпизоде употреблен эпитет «харалужный» — один из гапаксов «Задонщины» и использован образ «дива», существа о свойствах и «функциях» которого автор «Задонщины» имел, вероятно, самое туманное представление (см. ниже, стр. 328—329).

Конечно, можно допустить, что, наоборот, неудачный образ «Задонщины» был переработан талантливым автором «Слова». Но тогда, в который раз, мы вновь столкнемся с необходимостью объяснить странную закономерность: сохраняя лексическую близость к неудачным и прямо испорченным чтениям «Задонщины», автор «Слова» всякий раз создает на этом материале совершенные художественные образы, и, напротив, во многих чтениях, параллельных «Слову», «Задонщина» оказывается ниже своего обычного «уровня».

12. В списках И-1, И-2 и С читается фраза о диве, связь которой с текстом «Слова» не вызывает сомнений:

И-1	И-2	С
А уже диво кличет под саблями татарскими.	А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами.	Вжо, брате, диво кличет под шаблю татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная память.

Перед нами, видимо, контаминация двух эпизодов «Слова»:

С л о в о	«З а д о н щ и н а» по И-2
Дивъ кличетъ връху древа ... Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами.	А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами.

Вторичность этого эпизода в «Задонщине» кажется нам бесспорной. Выражение «а уже диво кличет» взято, видимо, непосредственно из «Слова», так как повторяет его более точно, чем в параллельном соответствующему месту эпизоде:

⁹⁹ См.: В. П. Андрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 60.

С л о в о

Див кличет ... велит послушати

{ У: И кликнули быша дивы
 { И-1: Кликнуло диво ... велит послушати
 { С: Кликнула диво ... велит грозна по-
 слушати
 { К-Б: Воды воспиша.

Допустим первичность «Задонщины» и то, что в архетипном ее тексте читалось как в И-1 «кликнуло диво ... велит послушати». Тогда окажется, что автор «Слова» и порядок слов («Див кличет», а не «кликнуло диво») и форму глагола («кличет», а не «кликнуло») взял не из этого параллельного текста, а из другого эпизода «Задонщины» («А уже диво кличет под саблями»). Это очень сложное и едва ли вероятное предположение. К тому же мы отмечаем неясность текста «Задонщины» и индивидуальную близость К-Б в рассказе о диве-вестнике, что еще более осложняет предположение о первичности текста «Задонщины».

Слова «под саблями татарскими» точно параллельны «Слову» с естественной для содержания каждого из памятников вариацией эпитета. Точно совпадают и последние слова фразы: «под ранами». Обратим внимание на помещенные между этими сходными чтениями слова «а тем руским богатырем». Текст С («а тым богатырем») убеждает, что перед нами архетипное чтение. Признав первичность «Задонщины», мы должны будем, во-первых, объяснить происхождение этой неясной фразы, а во-вторых, предположить, что автор «Слова», заменив ее словами «а Володимир», не только достиг ясного смысла, но и чудесно превратил весь образ в лаконичную характеристику исторического факта: захвата Кончаком города Римова и ранения князя Владимира Глебовича под стенами Переяславля (ср. в Ипатьевской летописи: «Половци же вземше город Римов и ополонишася полона»,¹⁰⁰ там же рассказывается, как князь Владимир во время вылазки был ранен «язвами смертьными»¹⁰¹). Факт этот едва ли был известен в XVIII в. достаточно широко, во всяком случае текст «Слова» в первом издании искажен: «Се Уримъ кричатъ».

Признав первичность «Задонщины», мы должны будем далее допустить, что следующее за рассматриваемым эпизодом обращение к князю Всеволоду также является переработкой следующего же эпизода «Задонщины», так как случайность в последовательном расположении сходных, но не связанных между собой эпизодов едва ли возможна. Ср.:

«Задонщина» по И-2

С л о в о

А уже диво кличет под саблями татарскими...

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкими.

Можеши ли тамо, господине князь великии, веслы Непру запрудити, а Донъ шоломы вычерпати.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти.

Но если оба фрагмента входят в «Слове» в стройную композиционную картину — «золотое слово» и следующие за ним призывы к крупнейшим русским князьям встать на защиту Русской земли, то в «Задонщине» эпизод «А уже диво кличет...» оказывается почти не связанным с окружающим контекстом. Это тоже говорит за первичность «Слова».

Наконец, заметим, что «Задонщина» удивительно непоследовательна в использовании образа дива: то оно кличет под саблями татарскими (т. е. враждебно татарам) и разносит весть о победе русских, а далее,

¹⁰⁰ Ипатьевская летопись, стлб. 648.

¹⁰¹ Там же, стлб. 647—648.

при описании победы русских, почему-то оказывается, что «союзное» им диво «вержено на землю».

На наш взгляд, дело обстояло иначе. Описывая неудачи русских, автор «Задонщины» вспомнил подходящий, как ему показалось, эпизод «Слова». Однако слова «у Римъ кричатъ» были заменены другим оборотом из того же «Слова»: «дивъ кличетъ», а место Владимира заняли «русские богатыри». Непонятный переписчикам эпизод в дальнейшем опускался (как в У), перерабатывался (как в С) или сокращался (как в И-1).

13. В заключение обратимся к описанию разгрома татар в «Задонщине», построенном, как мы полагаем, на изображении второго боя в «Слове»:

С л о в о

...стязи глаголють: Половци идуць отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, Рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русци преградиша чрълеными щиты. Ярѣ Туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Турѣ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежать поганыя головы Половечкыя...

Тѣи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше.

«Задонщина» по У

Тогда князь великий наступает на рать силу татарскую ... Тогда поганые борзо вся отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези (И-2: стязи) ревут, а поганые бежать. А русские князи и бояры и воеводы и все великое вонско широкие поля кликом огородиша и злачеными доспехами осветиша. Уже бо ста тур на оборонѣ. Тогда князь великий ... и брат его ... полки поганыхъ вспять поворотили ...

...а трупми татарскими поля насеяша.

Сходство эпизодов в целом позволяет установить и отдельные параллели: «поганые борзо вся отступиша» — «Рускыя плѣкы оступиша (в 1-м издании: «отступиша»); «стези ревут» — «стязи глаголють»;¹⁰² «широкие поля кликом огородиша» — «кликомъ поля прегородиша»;¹⁰³ «злачеными доспехами осветиша» — «своимъ златымъ шеломомъ посвечивая»; «уже бо ста тур на оборонѣ» — «стоиши на борони». Может быть, не случайно сходство «трупми... поля насеяша» — «стрѣлы по земли сѣяше», но в этом случае «Слово» могло лишь натолкнуть на обращение к образу, встречающемуся и в другом эпизоде «Задонщины» («костми татарскими поля насеяша»).

Слова «уже бо ста тур на оборонѣ» были рассмотрены выше (см. стр. 304).

Таковы наиболее явные следы «инерции подражания», которые, как мы видим, встречаются лишь в одном из взаимосвязанных текстов — «Задонщине», и указывают тем самым на ее вторичность.

В предыдущем разделе мы привели те отдельные чтения, фрагменты и композиционные узлы «Задонщины», алогизм, искусственность, а иногда и совершенно неясный смысл которых может быть объясним лишь неудачным подражанием «Слову». Рассмотрим и такие примеры, когда параллельный «Слову» текст «Задонщины» оказывается несравнимо примитивнее, ниже по своим художественным достоинствам. Это, на наш взгляд, также является свидетельством первичности «Слова».

¹⁰² О выражении «стязи глаголют» и его параллели в «Задонщине» см.: В. П. Андрианова-Перетц. Фразеология и лексика, стр. 56; Гудзий, стр. 92—93; Дылевский, стр. 184. Использование глагола «ревети» для обозначения шума стягов в «Сказании о Мамаевом побоище», в текстах, не связанных с «Задонщиной», позволяет предположить употребительность оборота «стязи ревут» в языке XIV—XV вв. и не видеть в нем только уникальную кальку выражения «Слова».

¹⁰³ Напомним, что в К-Б — «перегороди» (см. выше, стр. 304).

Художественные слабости «Задонщины» вполне понятны в сочетании с присущими ей приемами подражания — пересказом, компиляцией отдельных отрезков текста и т. д. Если же считать «Слово» произведением XVIII в., то автор его должен был бы странным образом сочетать в себе черты посредственного средневекового компилятора и высокоталантливого поэта. Д. С. Лихачев пишет: «...если „Слово“ создано на основе „Задонщины“, то тогда надо признавать, что в нем есть заимствования и из других памятников (так, во всяком случае, утверждают все, относящие «Слово» к XVIII веку), и при всем том „Слово“ — произведение удивительно цельное».¹⁰⁴ Эту мысль следует, на наш взгляд, несколько продолжить. Признав «Слово» творением автора XVIII в., мы должны будем также объяснить, почему лишь к одному своему «источнику» — «Задонщине» он подходил с методами средневекового компилятора; а в остальном своем тексте, не содержащем параллелей к «Задонщине», оказывается подлинным поэтом, талантливо и самобытно использующим образную систему литературных памятников Киевской Руси, нигде не обнаруживая более приемов, «знакомых» нам по «подражанию» «Задонщине»?¹⁰⁵

Поэтому художественное превосходство «Слова» также может свидетельствовать о его первичности. Приведем несколько примеров.

1. Лиричному обращению Всеволода к Игорю: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлы — ты, Игорю! оба есѣ Святъславличя» в «Задонщине» соответствует малопонятное восклицание «сами есмя себе два браты»¹⁰⁵ (т. е. «сами себе два брата?»), а далее — генеалогическая справка в стиле летописных некрологов:¹⁰⁷ «...сынове Олгордовы, а внуки мы Домендовы, а правнуки есми Сколомендовы».

2. «Поведение Пересвета перед поединком в „Задонщине“ изображено с полным забвением того, что он был „чернец“», — пишет В. П. Адрианова-Перетц.¹⁰⁸ Действительно, Пересвет напоминает нам скорее удалого князя Всеволода, чем «старца», которому, по сообщению «Сказания», было вручено «в тленных место оружие нетленное — крест христов нашит» на схиме.¹⁰⁹ Однако в «Задонщине» Пересвет «поскакивает на своем добре коне, а злаченым доспехом посвельчивает (И-1: „посвечиваше“).

3. Выразительной картине «Слова» — и трава и деревья склоняются к земле в знак печали («Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось») в «Задонщине» соответствует: «Грозно и жалостно в то время бяше тогды слышати (!), зане же трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася».

4. Странно и начало этого эпизода: «И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличют, но едины ворони грают, трупы ради человеческия». В. П. Адрианова-Перетц по этому поводу пишет: «Хотя начало этого описания говорит неопределенно о „Резанской земле около Дону“, однако, „трава кровью пролита“ была

¹⁰⁴ Д. С. Лихачев. Черты подражательности, стр. 89.

¹⁰⁵ См. об этом в статье В. П. Адриановой-Перетц «Фразеология и лексика», стр. 15—23.

¹⁰⁶ «Задонщина» цитируется по списку У; в остальных случаях указывается используемый список.

¹⁰⁷ Ср.: «Преставися христоролюбивый великий князь Костянтин, сын Всеволожь, внук Гюргев, правнук Володимера Мономаха» (Лаврентьевская летопись, стлб. 442); «князь Андрей Суздацкий, сын Ярославль, внук Всеволожь» (Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 72); «князь Данило Александровичъ, внук Ярославль, правнук великого Всеволода» (там же, стр. 85) и т. п.

¹⁰⁸ Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 153.

¹⁰⁹ Повести о Куликовской битве, стр. 52.

в это время именно на Куликовом поле, где во время битвы, конечно, не могло быть ни „ратая“, ни „пастуха“». ¹¹⁰ В «Слове» этому месту соответствует картина разоренной уособицами Русской земли, на полях которой «рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть». Лишним подтверждением вторичности параллели этому чтению «Слова» в «Задонщине» является употребление в К-Б и С обстоятельства «часто» («часто вороны играют»), хотя оно понятно лишь в «Слове», где противопоставляется слову «рѣтко».

5. В «Слове» «Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: „О Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова. Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ“». Перед нами художественно цельный образ: Ярославна, прежде чем попросить Днепр «возлелеть» к ней тело мужа, всячески «задабривает» реку. Она называет его «Словутичем», т. е. славным, ¹¹¹ восхваляет его могучее течение («ты пробиль еси каменныя горы»), напоминает о прежней благосклонности реки к русским («ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады») и только после этого, в изящном риторическом обороте в традициях того времени, ¹¹² выражает свою просьбу. В обращении Микулиной жены к Дону упоминание «прорытых» им каменных гор оказывается случайным, едва ли связанным с последующей просьбой.

6. Второй плач московских жен в «Задонщине» находит несколько параллелей в различных эпизодах «Слова». Фраза «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве» может быть сопоставлена с чтениями «Слова»: «Уныша бо градомъ забрали, а веселие пониче» или «Уныли голоси, пониче веселие». В «Слове» метафора «веселие пониче» входит в состав обобщенной картины скорби Русской земли, в «Задонщине» она обеднена уточнениями, сводящими на нет этот ее обобщенный смысл: «Веселие мое пониче во славном граде Москве». Аналогичное обеднение метафоры наблюдается и в следующей параллели: «Се уже обемя нам солнце померкло в славном граде Москве». Ср. в «Слове»: «... два солнца помѣрклоста, оба багряная стѣлпа погасоста».

«Нетрудно заметить, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — как различия и в этом отрывке символически метафорический стиль „Слова“ от повествования „Задонщины“. Первый символ в „Слове“ переключается с картиной солнечного затмения, предвещающего перед походом поражение русского войска, и вместе с тем здесь „два солнца“ померкшие, „два столпа“ и два молодые месяца погасшие — вся эта картина ведет к сообщению о гибели двух князей. В „Задонщине“ „солнце померкло“ — общее выражение печального настроения в Москве от плохих вестей с поля битвы».¹¹³

Нужно подчеркнуть также характерную для «Задонщины» излишнюю, разрушающую эпичность повествования детализацию: солнце по-

¹¹⁰ Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 155—156.

¹¹¹ Этот же эпитет Днепра встречается в украинских народных песнях и в «Повести о Сухане», см.: В. И. Малышев. «Повесть о Сухане». М.—Л., 1956, стр. 112—113.

¹¹² Ср., например, сочетание однокоренных слов в похвале Феодосию в «Повести временных лет»: «Отцемъ наследникъ быв, последовав ученью их ... и правило их правя»; «противнымъ его стрелам ... ставъ супротивно» и др. (Повесть временных лет, ч. I, стр. 140).

¹¹³ Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 158. Д. С. Лихачев по этому поводу пишет: «В „Задонщине“ русские жены плачут в сходных выражениях (со „Словом“, — О. Т.) по убитым, никто из их мужей не попал в плен и тем не менее до жен доходят „поломянные вѣсти“ или „поломяныя“ (И-1), т. е. вести о плене» (Д. С. Лихачев. Черты подражательности, стр. 97).

меркло не для всех осиротевших и овдовевших детей и жен, а лишь для двух из них («нам обема»). Не следует, однако, придавать большое значение тому факту, что «поломянные вести» не могли еще прийти в столицу, так как в отличие от «Слова» плач приурочен не к исходу битвы, а лишь к одному ее моменту, когда казалось, что победа клонится на сторону Мамаю.¹¹⁴ «Задонщина» — литературное произведение, где такая условность вполне допустима и мало показательна. К тому же в «Слове» мы наблюдаем аналогичный факт: Святослав видит вещий сон, вероятно, также в момент битвы; иначе окажется странным, что немцы и венецицы «качали» князя Игоря за поражение и, следовательно, знали о нем раньше, чем киевский князь, которому бояре должны были растолковывать значение дурных предзнаменований.

7. Плач коломенских жен начинается обращением к Москве-реке, которая «залелеяла» их мужей в землю Половецкую. Затем жены неожиданно (это новое обращение присоединяется к предыдущему с помощью второстепенного сказуемого «а ркучи») вопрошают великого князя: «Можеши ли, господине князь великий, весла Непра запрудити, а Дон шлемом вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити?» (И-1; в У слов о Доне и Мече нет). В «Слове» говорится, что князь Всеволод может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти». Это гиперболическое изображение могущества владимирского князя имеет в «Слове» вполне реальные исторические основания. Д. С. Лихачев пишет: «Испить воды из реки шлемом было в древней Руси символом победы. Говоря о могуществе Всеволода Суздальского, автор „Слова“ развивает этот образ: Всеволод может не только испить шлемом из Дону — он может вычерпать его весь шлемами своих воинов ... Словами „ты бо можеши Волгу веслы раскропити“ определяется могущество Всеволода над волжскими странами. В самом деле, Всеволод энергично продолжал начавшееся еще очень давно покорение Поволжья. В 1183 г., за два года до похода Игоря, Всеволод с успехом осаждал „Великий город“ волжских болгар, заключив выгодный для себя мир».¹¹⁵

В «Задонщине» жены спрашивают великого князя, может ли он запрудить веслами Днепр (в С: «Дон ... зоградити»). Содержащийся дальше призыв «запрудить» реку Мечю трупами убеждает, что едва ли можно предполагать какой-либо неизвестный нам символический образ «запрудить реку веслами». К тому же глагол «запрудити», отсутствующий в «Материалах» И. И. Срезневского, видимо, не имел широкого употребления. Затем коломенские жены обращаются к великому князю с новой просьбой, которую целесообразно воспроизвести по всем спискам:

Извод У и д		Извод Син	
У	И-1	И-2	С
Замкни, государь, князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили. Уже мужей наших рать трудила.	Замькни, князь великий, от сих ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили. Уже бо мужи наши рати трудили.	Заткни, государь князь великий, Оки ворота, чтобы погании потом к нам не заходили. Уже мужи наших рать трудила.	Замкни, государь князь великий, дарю великий княже Дмитрей Иванович, реце отчин ворота, што ж бы тые поганые татарове и погом к нам не бывали. Уже бо мужей наших прибыда от рати поганых татар.

¹¹⁴ А. Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина», стр. 158.

¹¹⁵ Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950 (Серия «Литературные памятники», стр. 436—437).

Этот призыв напоминает характеристику Ярослава Осмомысла, который «подперь горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота». Далее о том же Ярославе говорится: «отворяеши Киеву врата»; «отвори врата Нову-граду» и Всеслав Полоцкий. Все эти образы связаны с символическим значением ворот в древней Руси; ¹¹⁶ фразеологизмы «отворить (затворить) ворота» широко распространены в древнерусском языке старшей поры. ¹¹⁷

В «Задонщине» призыв «замкнуть ворота» необычен по употребленному в нем глаголу, ¹¹⁸ непонятен писцам и редакторам ее текста. Об этом говорит, во-первых, необходимость разъяснения, сводящего на нет символику образа («замкни ... ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили»), а во-вторых, дальнейшая трансформация его в отдельных списках (вместо «Оке реке» в И-1 — «от сих», в С «реце отчин», в И-2 вместо «замкни» — «заткни»).

В «Слове» также встречается несколько необычный образ: «Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами». Он напоминает рассказ Ипатьевской летописи, где говорится, что Святослав, узнав о поражении Игоря, «рече: „О любя моя братья и сынове и муже земле Руское! Дал ми бог притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю“». ¹¹⁹ Анализируя эту параллель «Слова» и летописи, Д. С. Лихачев писал: «„Отворить ворота“ — здесь (т. е. в летописи, — О. Т.) только термин, означающий „впустить врагов“. Однако автор „Слова о полку Игореве“ использует этот термин с художественным умением ... Поэтому автор „Слова“ говорит не „затворите ворота“, а „загородите ворота“. Следующими тремя словами окончательно отводится зрительный конкретный образ полотнищ ворот. В „Слове“ сказано „своими острыми стрелами“. Перед глазами читателя встают не конкретные городские ворота, а „ворота“ — как некоторая брешь, как гигантский вход на Русскую землю, который можно только загородить стрелами». ¹²⁰

Мы полагаем, что возможно такое объяснение рассматриваемой параллели: в «Слове» широко используется символика городских ворот, в полном соответствии с военной фразеологией того времени. Все вариации традиционных фразеологизмов имеют художественное обоснование. «Задонщина» использует один из образов «Слова» — «затворивъ Дунаю ворота», но, как уже говорилось, применяет в этой формуле необычный глагол и дает ей разъяснение, сводящее на нет всю символику образа. Эта необычность формулы «Задонщины» и привела к ее деформации в большинстве списков. Влияние другого образа «Слова» — «загородите полю ворота» — на список С, где также применен этот глагол, допустимо, хотя и не может быть обосновано. ¹²¹

¹¹⁶ См.: Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве», стр. 79—82.

¹¹⁷ См.: Словарь, вып. I, стр. 132.

¹¹⁸ Глаголы «замъкнути», «замыкати», как показывают иллюстрации в «Материалах» И. И. Срезневского (т. I, стлб. 929), употреблялись обычно с конкретным значением «запереть». Это относится и к словам «замкоша Судь» из «Повести временных лет» (вход в гавань Константинополя «запирался» протянутой цепью — см. комментарий Д. С. Лихачева в книге: Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950, стр. 264).

¹¹⁹ Ипатьевская летопись, стлб. 645.

¹²⁰ Д. С. Лихачев. Устные истоки, стр. 82.

¹²¹ Если такое влияние было, то, скорее всего, оно проявилось уже в архетипе Синоподального извода, который и отражает в нашем случае список С.

Влияние «Слова» на «Задонщину» подтверждается и такими наблюдениями. Оба памятника употребляют в этой параллели особую синтаксическую конструкцию — «дательный принадлежности», т. е. «Оке ворота», «Дунаю ворота» в значении «ворота (со стороны) Оки», «ворота (со стороны) Дуная». Эта конструкция известна и старославянскому и древнерусскому языку вплоть до XVIII в.¹²² Семнадцать раз употреблена она и в «Слове»,¹²³ но в «Задонщине» эта конструкция необычна. А. Н. Котляренко приводит лишь пять случаев ее применения в отдельных списках памятника.¹²⁴ Характерно, что распространенность этой конструкции была ограниченной, о чем говорит хотя бы ее полное отсутствие в более чем двухстах древнерусских грамотах, обследованных В. И. Борковским;¹²⁵ редко встречается дательный принадлежности и в произведениях, близких к разговорному языку.¹²⁶

8. В заключение рассмотрим параллели к «Слову», находящиеся в описании торжества русских и скорби побежденных татар:

И-1

Уже Руской земли простресея веселье.
И възнесеся слава руская на поганых хулу.
Уже вержено диво на землю.

Уже грозы великого князя по всей земли текуть. Стреляи, князь великий, по всем землям, стрельяи, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за веру христьянскую. У поганых оружие свое повергоша, главы своя и подклониша под мечи руския. Трубы их не трубятъ, уныша бо царем их хотение.

У

Уже бо по Руской земле простресея веселие и буйство. Воснесеся слава руская по всей земли, а на поганых татар промчесея злых бусурманов хула и пагуба. Уже бо вержено диво на земли.

И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича по всем землям текут грозы.

И князь великий своею храбростию и дружиною Мамая поганого побил за землю за Рускую и за веру крещеную. Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

Сопоставим этот эпизод со сходными эпизодами «Слова»: «Галички Осмомыслъ Ярослав! ... Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугео Святславлича». Далее «Слово» обращается к рассказу о Романе и Мстиславе, перед их могуществом «многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повергоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужнии». И еще далее в «Слове» мы находим: «Уныли голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньский». Итак, первое, что бросается в глаза — это одинаковая последовательность параллельных картин в обоих памятниках. Но если для «Слова» характерен обобщенный обзор событий, характеристика целых исторических периодов, то «Задонщина» «теми же словами» описывает события частные, происходившие порой в отдельный момент Куликовской битвы; так возникает несоответствие «формы», заимствованной из «Слова», и «содержания», про-

¹²² См.: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд. МГУ, 1956, стр. 438—439.

¹²³ См.: Обнорский. Очерки, стр. 165; Дылевский, стр. 227—228.

¹²⁴ См. статью А. Н. Котляренко «Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя „Задонщины“ и „Слова о полку Игореве“» в настоящем сборнике, стр. 161.

¹²⁵ См.: Борковский. Синтаксис, стр. 362.

¹²⁶ См.: Борковский, Кузнецов, стр. 431.

диктованного конкретными событиями 1380 г. Начиная с эпизода, где говорится, как уже о свершившемся, что «того же дни ... исекша христиане поганые полки», мы встречаем новые и новые, перемежающиеся неуместными диалогами, описания по существу одного и того же момента — вступления в битву засадного полка, решившего исход сражения.¹²⁷ После рассказа о бегстве татар «в лукоморье», о захвате трофеев, о ликовании Русской земли в равной мере неуместно и обращение к князю с призывом «стрелять поганого Мамаю хиновина» (в И-1) и фраза «Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские». Этот образ в «Слове» употреблен в рассказе о покоренных или же разбитых на собственной земле народах.

* * *

Обилие гапаксов и малоупотребительных слов в «Слове о полку Игореве», по мнению «скептиков», свидетельствует о позднем и искусственном происхождении «Слова».¹²⁸ Представления об исключительности лексического состава «Слова» во многом преувеличены и основывались лишь на ограниченности наших сведений о лексике древнерусского языка. Работа над составлением «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“»¹²⁹ и исследование В. П. Адриановой-Перетц¹³⁰ еще раз убедительно показывают, что подавляющая масса лексем, фразеологических оборотов и тропов (метафор, сравнений, эпитетов) «Слова» находят многочисленные параллели по преимуществу в памятниках Киевской Руси.

Интересные результаты дает и наблюдение над лексикой «Задонщины»: подавляющее большинство ее гапаксов и слов-монстров, появившихся в результате описок или переосмыслений непонятого текста, приходится на параллели со «Словом». Этот факт в ряду других также свидетельствует о вторичности «Задонщины». Обратимся к примерам.

Былина. Если признать первичность «Задонщины», то слово это окажется гапаксом в ней: употреблений этого слова в других древнерусских памятниках пока не обнаружено. Характерно, что слово это было не понятно переписчикам «Задонщины», искажавшим содержащий его контекст:

У: «Начаша ти поведати по делом и по былинам».

И-1: «Начаша поведати по делом по гибел(ь)ю».

С: «Нача поведати по делом былым».

Ср. в «Слове»: «Начати же ся тьи пѣсни по былинамъ сего времени».

Выщекотать. Помимо «Слова» и «Задонщины», слово с этим корнем засвидетельствовано лишь в XVII в.¹³¹ В «Слове»: «... а бы ты сия плъкы ущекоталь»; в «Задонщине»:

¹²⁷ Ср.: «И нюкнув князь ... скакаше во полцех поганых»; «и тогда аки соколы борзо полетели. И поскакивает князь великии»; «тогда князь великийи наступает на рать силу татарскуюю»; «тогда... полки поганых вспять поворотили».

¹²⁸ Критику этой точки зрения см.: Дылевский, стр. 175—204.

¹²⁹ См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. I (А—Г). Составитель В. Л. Виноградова, М.—Л., 1965.

¹³⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика, стр. 13—126 настоящего сборника.

¹³¹ Там же, стр. 33. Об употреблении образований с этим корнем в фольклорных текстах см.: С. И. Котков. «Слово о полку Игореве». (Заметки к тексту). М., 1958, стр. 6—7.

Извод Унд

Извод Син

У

И-1

С

К-Б

О соловей, летняя птица, что быты, соловей, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю ... и земли Литовской дву братом Олгердовичем.

О соловей, летняя птица, что быты, соловей, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всей (из «литовской»?) и дву братов Олгердовичев.

А соловей, летняя птица, красных дней втеха, што ж бы еси выщекотали из земли Залеское двух брат Алгиродивичовы.

Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы.

Для какого памятника корень «щек-» оказался редким и непонятым? В «Слове» он употреблен и второй раз: «щекоть славии успѣ». Слово «ущекотати» по своей морфологической модели характерно для древнерусского языка.¹³² Редкость образований с корнем «щек-» не должна нас смущать: их малая употребительность объяснима тем, что они могут выступать лишь в ограниченной речевой ситуации — в сочетании с названиями некоторых птиц. Не часто встретим мы в древнерусских текстах и слово «соловей». Характерно, что в «Материалах» И. И. Срезневского форма «славии» иллюстрируется лишь цитатами из «Слова» и одной цитатой из Шестоднева, а форма «соловей» была бы гапаксом, если бы не обнаруженное В. П. Адриановой-Перетц употребление ее в Новгородской минее XI в.¹³³ Видимо, автору «Задонщины» значение слова «ущекотати» было не совсем ясно. Написание «выщекотати» (со значением «вызвать щекотом»?) в списках И-1, С и К-Б (в У: «пощекотати») может навести на мысль, что непонятную форму «ущекотати» приняли за ошибочное написание (или произношение) типа «узлюбити» вместо «возлюбити», «упрошати» вместо «вопрошати», «успети» вместо «воспети» (примеры из Ипатьевской летописи). Итак, перед нами пример еще одного «темного места», объяснимого, однако, если видеть в нем отражение «Слова о полку Игореве».

Каяла и хинове. Только в двух списках — У и Ж — сохранилось начало «Задонщины», а в нем упоминание реки Каялы и хиновы, отождествляемой, видимо, с татарами. Приведем этот текст по списку У: «... посмотрим по всей земле Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов».

В «Слове» хинове упоминаются дважды. Про князя волынского Романа и его брата говорится: «Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подъ твы мечи харалужнии». «Великое буиство подастъ Хинови» известие о поражении Игоря. Наконец, Ярославна просит, чтобы ветер не метал «Хиновьскыя стрѣлки» на воинов ее мужа. Кто же такие хинове в «Слове»? А. И. Соболевский предложил видеть в этом слове обозначение гуннов, а М. Шефтель и Д. Моравчик, к мнению которых присоединяется и А. В. Соловьев,¹³⁴ считают, что речь идет о венграх, отождествлявшихся в средневековье с гуннами (или их потомками). Контекст «Слова» также позволяет предположить, что «хинова» — самостоятельное

¹³² Образования с префиксом у-, придающим значение завершенности действия, довольно обычны в древнерусском языке: «убивати», «ублажати», «увещати», «углаголати», «умучати» и др.

¹³³ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика, стр. 33.

¹³⁴ А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве», стр. 365—369.

этническое название, а не синоним прочим наименованиям мусульманских народов.¹³⁵ Если пытаться вывести «хинову» «Слова» из «Задонщины», нужно, во-первых, объяснить появление этого неизвестного другим памятникам названия татар в «Задонщине», а во-вторых, допустить, что вопреки «указаниям» «Задонщины» автор «Слова» превратил этот синоним в название иного, неизвестного народа.

Рассмотрим попутно и эпитет «хиновский», встречающийся в списках У и И-1 по четыре раза, причем лишь в составе одной и той же формулы: «Гремят мечи булатные о шеломы хиновские». В списке С в одном случае эпитет заменен на «бесурменские», в другом — на «татарские» (это еще раз говорит об отождествлении хиновы и татар в представлениях переписчиков «Задонщины»), в двух случаях параллельные чтения отсутствуют. В списке И-2 в обоих случаях эпитет «хиновские» сохранен; двух эпизодов в списке нет.

К сожалению, мы не можем судить, читался ли эпитет «хиновские» в архетипе Синодального извода. Рассмотрим параллельные чтения списков У, С и К-Б (в И-2 этот эпизод отсутствует):

У	С	К-Б
... удариша копье фараужными о доспехи татарские, возгремели мечи булатные о шеломы хиновские.	... Удариша кафыи фрязскими а даспехи татарскими, возгремели мечи булатныя абы шеломы бесурменския. ¹³⁶	... грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкие, щиты московския, шеломы немецкие, боданы бесерменьския.

К-Б сходен с остальными списками лишь первой фразой; далее следует перечисление оружия, сходное с отсутствующим в К-Б, но читающимся в остальных списках: «... шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие ... а мечи булатные» (У). Упоминание «боданов бесерменьских» может быть сближено с чтением С, параллель которому в К-Б также отсутствует: «... испытаем мечов своих литовских ... солиц немецких а боданов бесурменских».¹³⁷ Характерно, что в отличие от списков извода Ундольского (где «боеданы» и «баиданы»), в архетипе Синодального извода, возможно, находилась форма «боданы» («бонады» списка С — порча именно этой формы). Обратимся к чтению К-Б. Перечисление предметов вооружения в нем никак не упорядочено: «грянули» копыя, мечи и щиты, шлемы, боданы (??). В полных списках во всех случаях употребления этой формулы перечисление предметов вооружения подчинено четкой схеме, определяющей, в частности, и характер эпитетов: разящее оружие русских и их союзников противопоставлено оборонительному оружию татар. Как мы уже видели, компоненты этого эпизода в К-Б перекликаются с различными чтениями остальных списков; в том, что шеломы названы «немецкими» (в остальных списках — это эпитет сулиц), можно также видеть результат порчи текста. Все это говорит о вторичности этого чтения К-Б по отношению к архетипу извода С. Поэтому судить, был ли эпитет «хиновский» в архетипе извода, не представляется возможным.

¹³⁵ Ср.: «Того же лета посла Володимер философа ... в болгары, иже есть во агаряны, еже изманлтене глаголются и срацини ... и по многих именованый и бесермени нарицаются, и тотари, и друзии имена их демонския» (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 58).

¹³⁶ Напомним о постоянном в этом списке смешении «а» и «о»; поэтому «а доспехи» следует читать как «о доспехи», а в «абы» вероятнее всего видеть искажение предлога «об».

¹³⁷ В У: «... испытаем мечев своих литовских ... а сулиц немецких о боеданы бусорманские».

Эпитет «хиновский», как говорилось выше, употребляется лишь в составе одной и той же повторяющейся с незначительными вариациями фразы. Можно так представить себе возникновение ее в «Задонщине»:

С л о в о	«З а д о н щ и н а»
стрелки хиновские	} гремят мечи булатные о шеломах хиновских
саблям потручяти(ся) о шеломах половецкие	
поскепаны саблями калеными шеломах оварьскыя	
позвони своими острыми мечи о шеломах литовския	
гремлеши о шеломах мечи харалужными	
гримлют сабли о шеломах	

«Слово» дало повод назвать шлемы по их принадлежности (половецкие, оварьские, литовские), дало образец и самой формулы, но если «Слово» во всех этих сходных ситуациях находит различные детали описаний, то «Задонщина» удовлетворяется повторением одной и той же формулы.

Итак, «хиновья поганые татаровя бусормановя» одолели русских на реке на Каяле. Подсчет лет «от Калатской рати и до Мамаева побоища» указывает на отождествление Каялы с Калкой, рекой, на которой русские понесли поражение в 1223 г.

Как могло произойти это отождествление, если допустить первичность «Задонщины»? Название Каялы упоминается лишь в Ипатьевской летописи, в рассказе о походе Игоря Святославича. Д. С. Лихачев указывает, что упоминание Каялы не единственная сходная черта трех произведений: «Задонщины», «Слова» и Ипатьевской летописи, — но подчеркивает все текстологическое значение этого факта. «Если Каяла есть только в „Слове“, в „Задонщине“ и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича и „Слово“ считать памятником XVIII в., тогда очевидно, что рассказ Ипатьевской летописи как-то повлиял на „Задонщину“ прежде, чем эта последняя снова повлияла на рассказ о том же походе Игоря Святославича в „Слове о полку Игореве“. Ясно, что такое совпадение невозможно».¹³⁸

Но допустим все же, что автор «Задонщины», случайно раскрыв Ипатьевскую или сходную с ней летопись на описании поражения Игоря, ошибочно принял его за описание битвы на Калке. Но почему же он отсчитывает года «от Калатской рати» не от 1185 года? Почему он избирает не форму «на Каялы» (как во всех списках Ипатьевской летописи), а «на Каяле»?¹³⁹ Наконец, почему прилагательное образуется им не от слова «Каяла», а от слова «Калка»? Во всех списках «Задонщины» мы имеем «Калатская», «Калагская», «Полацкая» рать. Такое искажение легко могло претерпеть именно слово «Калкская», содержащее сочетание четырех согласных, в результате самодиктанта: Кал(а)кская. Создается впечатление, что слово «Каяла» было извлечено из какого-то источника, не содержавшего датировки и описывавшего поражение русских кочевниками.¹⁴⁰ Таким памятником, принятым автором «Задонщины» за описание Калкской битвы, и явилось, по нашему мнению, «Слово о полку Игореве».

¹³⁸ Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 67.

¹³⁹ Ипатьевская летопись, стлб. 643.

¹⁴⁰ Отождествление половцев и татар в XV в. обычно. Так, в списке Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» ГПБ. О. IV. 22 половцы упоминаются 17 раз (в том числе как противники русских в Калкской битве), столько же, сколько

Гораздо труднее допустить, что автор XVIII в., обнаружив в тексте одного из списков «Задонщины» ошибочно попавшее туда название реки Каялы, смог отыскать его единственное употребление в неизвестном ныне списке Ипатьевской летописи¹⁴¹ и что эта находка могла послужить стимулом к созданию «Слова».

Поразиться, проразиться, потрезвиться. Значение этих глаголов, читающихся в различных списках в параллельном «Слову» чтении («не проразимся мыслию но землями» — У), установить не удастся. И. И. Срезневский определяет значение глагола «проразится» в списке У как «унестись, устремиться», видимо, исходя из контекста.¹⁴² Так же контекстуально и другое толкование слов «не проразимся мыслию» — «не увлечемся мечтанием, фантазией», предложенное тем же ученым.¹⁴³ Известные нам примеры употребления этого глагола в других памятниках указывают на значения «пробить», «разбить», «разрушить»: «Перви же ти спадъша демони проразихася (т. е. провалились, низверглись, — О. Т.) в преисподняя»;¹⁴⁴ «И тако въспятишася от города и озреша ин полк велик, которой бе проразился (т. е. прорвался, пробился, — О. Т.) в возники Новгородцкие».¹⁴⁵ Характерно, что и в этих примерах, и в цитатах, приводимых И. И. Срезневским, глаголы «проразити» и «проразитися» управляют предлогами «в» и «сквозе», а не «по». А именно испорченное «по» или «над» видели в слове «но» списка У исследователи.

Глагол «потрезвиться» в «Материалах» И. И. Срезневского и картолке Древнерусского словаря (в Институте русского языка АН в Москве) отсутствует. Возможно, это описка, не поддающаяся толкованию. Не объясним и смысл глагола «поразиться» в списке И-1. Итак, все списки предлагают разные, но в равной мере неудовлетворительные чтения. Единственное объяснение этому «темному месту» «Задонщины» мы находим в неудачном подражании ее авторского текста «Слову».

Харалужный. В «Слове» копия называется «харалужными». Это слово сохранено лишь списком К-Б («грязнуша копия харалужных»), в остальных списках оно искажено: У — «фараужные», И-1 — «хараужичные». Допустив первичность «Задонщины», мы вынуждены будем объяснить появление в ней этого неизвестного другим многочисленным памятникам XIV—XV вв. слова.¹⁴⁶ Кроме того, эпитет «харалужный» употреблен в списке К-Б и еще раз, в сочетании «берези хараужных». Оставляя в стороне еще не решенный вопрос об этимологии слова, заметим, однако, что предметы вооружения называются в «Задонщине» либо по принадлежности (татарские, литовские и т. д.), либо по материалу, из которого они изготовлены (булатные), либо по внешнему виду (золоченые) или боевым качествам (топоры легкие).

Если слово «харалужный» относится к одной из перечисленных выше категорий эпитетов, то его сочетание со словом «берега», вероятно, ошибка,

упоминаются татары. Характерно, что в летописях половцы упоминаются последний раз в записях 1236—1237 гг. Однако татары называются половцами в Летописной повести о Куликовской битве (см.: Повести о Куликовской битве, стр. 35).

¹⁴¹ Известные ныне списки Ипатьевской летописи были введены в научный оборот позднее: Ипатьевский список — в 1808 г.

¹⁴² См.: Срезневский, II, стлб. 1560.

¹⁴³ См.: И. И. Срезневский. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. — Известия II Отделения АН, т. VII, СПб., 1858, стр. 96.

¹⁴⁴ Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова, М., 1892, стр. 37—38.

¹⁴⁵ Московский летописный свод конца XV века, ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 148.

¹⁴⁶ Употребление его в Печатной группе Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» несомненно зависит от «Задонщины».

свидетельствующая о непонятности этой лексемы переписчикам «Задонщины».

Помимо рассмотренных слов, напомним еще искажение имени Бояна, употребление только в параллельных со «Словом» чтениях производных от корня «леле-» («залелеять», «прилелеять» и др.), испорченный текст, соответствующий фразе «Слова» «стоиши на борони», испорченное чтение «под трубами поют» и другие примеры «темных мест» «Задонщины» в чтениях, параллельных эпизодам «Слова».

Итак, наблюдения над гапаксами, редкими словами и описками «Задонщины» приводят нас к тому же выводу, что и наблюдения над «инерцией подражания»: и общий характер «Задонщины», и ее отдельные чтения объяснимы лишь при условии признания первичности «Слова о полку Игореве».

Мы рассмотрели лишь наиболее показательные, на наш взгляд, параллели «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». В заключение статьи целесообразно привести полный свод всех параллелей. Это позволит, во-первых, наглядно представить, какая часть текста «Слова» находит соответствие в «Задонщине», и, во-вторых, упомянуть и те параллели, которые мы считаем либо «нейтральными», т. е. не дающими оснований судить о первичности одного или другого текста, либо случайными, — когда совпадения в лексемах и образах не говорят о несомненной связи обоих памятников. Сначала перечислим все рассмотренные выше параллели, расположив их в порядке нахождения в тексте «Слова о полку Игореве».

1. Не лѣпо ли ... Святславлича (стр. 295, 296, 313, 314).
2. Начати ... замышлению Бояню (стр. 297, 314, 315, 335).
3. Боянь бо вѣщии ... усобицѣ (стр. 296 и 314—316).
4. Тогда пушашеть ... рокотаху (стр. 316, 317).
5. Почнемъ же ... за землю Руськую (стр. 309).
6. Тогда Игорьъ ... синего Дону (стр. 296—298, 305, 320, 321).
7. Хошу бо ... испити шеломомъ Дону (стр. 296, 321).
8. О Бояне ... на горы (стр. 308, 317, 318, 335, 336).
9. Пѣти было пѣснѣ ... въ Путивлѣ (стр. 294, 299, 310, 318, 320).
10. И рече ему ... князю славѣ (стр. 295, 299—301, 325, 326, 330).
11. Тогда вѣступи ... блѣвань (стр. 302, 303, 324, 327, 328).
12. А Половци ... вои ведеть! (стр. 322, 323).
13. Уже бо бѣды ... за шеломянемъ еси! (стр. 323, 324).
14. Дремлетъ въ полѣ ... Половчине (стр. 295, 296).
15. Другаго дни ... съ Дону Великаго (стр. 308, 309, 322).
16. О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси (см. параллель 13).
17. Се вѣтри ... Ярѣ Туре Всеволоде (стр. 298, 303—305, 329).
18. Тѣи бо Олегъ ... сѣяше (стр. 329).
19. Тогда по Руской земли ... на уедие (стр. 303, 305, 330, 331).
20. Съ зараниа ... земли (стр. 301, 302, 326, 327).
21. Что ми шумить ... зорями (стр. 310, 324, 325).
22. Ничить трава ... преклонилось (стр. 330).
23. Башеть притрепетаь ... болота (стр. 326, 327).
24. Уньша ... пониче (стр. 331, 332).
25. Темно бо бѣ ... подасть Хинови (стр. 334).
26. Се у Римъ ... ранами (стр. 298, 327—329).
27. Ты бо можеша ... выльяти (стр. 328, 332).
28. Не ваю ли ... незнаемѣ (стр. 296, 297).
29. Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ ... за землями (стр. 298, 334).
30. Стрѣляи ... Святславлича (стр. 299, 334—336).
31. Тѣми тресну ... харалужнии (стр. 334).

32. Загородите ... Святъславлича (стр. 333, 334).

33. На Дунаи ... тѣлѣ (стр. 303).

34. Ярославна ... рано (стр. 306, 331).

Несколько параллелей представляются нам, как уже говорилось, либо сомнительными, либо вероятными, но «нейтральными» для выяснения отношений «Слова» и «Задонщины». Приведем эти параллели.¹⁴⁷

1. «А Половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону Великому». В «Задонщине»: «...поганые ... побегше неуготованными дорогами в лукоморье». Совпадение слов «побегше ... дорогами» может быть и случайным.

2. «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша». Несколько далее, в описании битвы, этот образ частично повторен: «Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрълеными щиты». По более широкому контексту можно полагать, что именно этот второй пассаж и отразился в «Задонщине». Однако эпитет к слову «поля» имеется только в первой фразе: «Русичи великая поля...». Ср. в «Задонщине»: «...широкие поля кликомъ огородиша».

3. Перечень трофеев, захваченных Игорем, едва ли может быть сопоставлен с перечнем трофеев, захваченных рускими у татар (в «Задонщине»); последний, вероятно, заимствован ею из Летописной повести,¹⁴⁸ к тому же объединяет оба перечня лишь слово «узорочья».

4. Спорна, как уже говорилось выше (см. стр. 329), параллель «стрѣлы по земли сѣяша» и «трупми ... поля насеяша».

5. Чтение «Слова»: «... и на Канину зелену паполому постла за обиду Ольгову, храбра и млада князя» иногда сопоставляют со словами Осляби: «... летети главе твоеи на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове ... за обиду великого князя». Однако видеть в «зелене ковыле» искажение «Канины», на которую постлали «зелену паполому» (не «на Канину зелену»!) при различии остальных компонентов образа, на наш взгляд, оснований недостаточно. Что же касается оборота «за обиду великого князя», то он скорее соотносим не со «Словом» («за обиду Ольгову»), а с формулами самой «Задонщины»: «за свою великую обиду», «за обиду великого князя» (в обращении Дмитрия к Андрею Ольгердовичу). Ср. также в «Сказании о Мамаевом побоище» — русские князья клянутся великому князю: «И мы, государь, днесь готови есмя умрети с тобою и главы своя положить за святую веру христианскую и за твою великую обиду».¹⁴⁹ «За свою великую обиду» хочет умереть и сам великий князь.¹⁵⁰

6. Только тематическое (и, возможно, случайное) сходство между образом «Слова»: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирѣ докончаша храбрии Русичи: сваты попойша, а сами полегоса за землю Рускую» и обращением великого князя в «Задонщине»: «Брате князь Владимир Андреевич, тут, брате, испити медвяна чара, наеждаем, брате, своими полки сильными на рать татар поганых».

7. Можно предположить связь образа «Слова»: «Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы» и фразы «Задонщины»: «Тогда гуси возгоготали и лебеди възплекаша крылами своими, но поганый Момаи пришел на Рускую землю».

¹⁴⁷ Во всех случаях, кроме специально оговоренных, цитируем список У.

¹⁴⁸ См. статью М. А. Салминой «Летописная повесть о Куликовской битве и „Задонщина“» в настоящем сборнике, стр. 381.

¹⁴⁹ Повести о Куликовской битве, стр. 50.

¹⁵⁰ Там же, стр. 67.

8. Сопоставим плач русских жен в «Слове»: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию мыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати» и плач татар в «Задонщине»: «Уже нам, брате, в земли своеи не бывати, а детей своих не видати, а катун своих не трепати ... а выхода нам у русских князеи не прашивати». (Цитируем по И-2).

9. В «Слове»: «А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми» — в «Задонщине» несомненная параллель: «Уже бо востона земля татарская, бедами и тугою покрыша бо сердца их». Аналогичные параллели: «... великое буиство подасть Хинови ... по Руской земли прострошася Половци ... Уже снесеса хула на хвалу ... уже врѣжеса дивь на землю. Се бо Готьскыя красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ» в «Слове» и «Уже жены рускыя вѣсплескаша татарскимъ златом. Уже Руской земли простреся веселье.¹⁵¹ И възнесеса слава руская на поганых хулу. Уже верѣжено диво на землю» в «Задонщине» (И-1). Отрывочный, фрагментарный характер параллельных чтений не дает возможности судить о первичности того или иного из них.

10. Также нейтральна параллель фразы «А чи диво ся, братие, стару помолодити» в «Слове» и чтений «Задонщины»: «И в то время стару надобно помолодети» и «туто, брате, стару помолодеть».

11. Фраза «Слова» «Уныли голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньский», вероятно, отразилась в чтении «Задонщины»: «И трубы их не трубят и уныша гласи их».

12. Наконец, фразу «И отскоца поганьи Мамаи от своая дружины серым волком възыл» в «Задонщине» возможно связать с оборотами «Слова»: «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ», «скочи (Всеслав) влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ».

* * *

Различия «Задонщины» и «Слова» по составу (т. е. наличие в каждом из произведений эпизодов, исторических реалий и описаний, отсутствующих в другом), казалось бы, совершенно естественно объясняются различием самих исторических событий, которым эти произведения посвящены. Однако рассмотрение «индивидуального», т. е. не имеющего параллелей в другом произведении, говорит и о чисто литературных, стилистических различиях «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».

В предыдущих разделах работы мы пришли к выводу, что ряд фактов свидетельствует о несомненной вторичности «Задонщины» и зависимости ее от «Слова». Наблюдения над «индивидуальностями» последнего подтверждают этот вывод. Характерно, что «Задонщина», даже в той своей части, когда она почти дословно повторяет или слегка перефразирует текст «Слова», все же избегает сложных метафор и образов этого памятника. Приведем несколько примеров таких, не нашедших отражения в «Задонщине» образов «Слова»: «Тогда пущашеть ї соколовъ на стадо лебедѣи: которыи дотечаше, та преди пѣснѣ пояше». «Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи». «Хошу бо ... копие приломити конецъ поля Половецкаго». «А бы ты сиа плѣкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу ... свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню». «Ступаетъ (Олег) въ златъ стремянь въ граде Тьмутороканѣ. Тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ». «Тогда же при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Дажь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась».

¹⁵¹ В У: «Уже бо по Руской земле простреся веселие и буиство».

«За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ». Не нашли в «Задонщине» отражения и сложная символика сна Святослава, и рассказ о необыкновенной судьбе Всеслава Полоцкого, и рассказ о побеге Игоря из плена. Причем не следует думать, что основным препятствием являлось отличие исторической основы этих эпизодов. Мы встречаем примеры, когда автор «Задонщины» использует отдельные образы из таких же исторически конкретных эпизодов «Слова». Например (фрагменты, использованные «Задонщиной», выделены курсивом): «Галички Осмомыслъ Ярослав! высоко съдиши на своемъ златоконанѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буго Святславлича. А ты, буи Романе, и Мстиславе! храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло ... Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шелома Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклонища подъ тьи мечи харалужныи». Напомним, как искажены или неуместно употреблены многие из тех образов «Слова», которым автор «Задонщины» все же решился подражать. Это дает основание предположить, что он мог вполне осмысленно выбирать из богатой россыпи метафор, сравнений и символов «Слова» лишь те, которые показались ему наиболее понятными и доступными. В противном случае, т. е. допуская вторичность «Слова», мы вынуждены будем утверждать, что, беспомощно подражая «Задонщине», автор XVIII в. тем не менее смог самостоятельно создать наиболее сложную, а местами и более яркую и образную часть текста «Слова».

Обратившись к «Задонщине», мы обнаружим, что ее «индивидуальность» очень легко объяснима теми представлениями об истории памятника, к которым мы пришли в результате сделанных наблюдений.

Сюда относятся, во-первых, тексты, которые мы считаем вставками в авторский текст.¹⁵²

Во-вторых, это рассказ о «туге» Русской земли, восходящий, как полагают, к Летописной повести.¹⁵³

В-третьих, это те дополнения «делопроизводственного характера», которые, по наблюдениям Д. С. Лихачева, и создают бросающуюся в глаза «разностильность» «Задонщины».¹⁵⁴ Сюда относятся хронологические уточнения, генеалогические справки, перечни участников битвы, напоминающие разрядные книги, и перечни убитых, напоминающие синодики, и, наконец, однообразные формулы, вводящие прямую речь. Причем в ряде случаев, содержанием этой прямой речи является реминисценция из «Слова о полку Игореве». Едва ли не единственный «самостоятельный» образ «Задонщины» — это сравнение русских князей с орлами, кречетами и другими хищными птицами. Повторяясь в тексте несколько раз, он тем самым свидетельствует о скудости собственного стилистического «арсенала» автора «Задонщины».

Наблюдения над индивидуальными отличиями «Слова» и «Задонщины» также, на наш взгляд, подтверждают мнение о вторичности «Задонщины» и зависимости ее от «Слова о полку Игореве».

¹⁵² См. ниже, стр. 531.

¹⁵³ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть о Куликовской битве» и «Задонщина», стр. 379—381 настоящего сборника.

¹⁵⁴ Подробней см.: Д. С. Лихачев. Черты подражательности, стр. 87—90.

М. А. САЛМИНА

«ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ» О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ И «ЗАДОНЩИНА»

1

Так называемая «Летописная повесть» о Куликовской битве, старейшие тексты которой дошли в Новгородской IV и Софийской I летописях под 6888 (1380) г.,¹ излагает важнейшие события, предшествовавшие Куликовской битве (сбор «половецких и татарских» войск и нанятых иноземных отрядов, переговоры Мама с союзниками — Ягайлом и Олегом Рязанским, сборы русского войска), описывает битву «на усть Непрядвы», рассказывает о возвращении в Москву «с победою великою» великого князя Дмитрия и о гибели Мама. Сообщения об исторических фактах перемежаются обширными лирико-публицистическими отступлениями, выражающими авторскую оценку участников событий, риторическими молитвами Дмитрия Ивановича, его осудительными размышлениями по адресу Олега Рязанского.

Эти чисто «литературные» эпизоды повести занимают, особенно в первой ее части, не меньше места, чем исторические сведения. С их помощью усиливается контрастность образов главных героев — Дмитрия Ивановича, с одной стороны, и Мама и Олега Рязанского — с другой. Религиозная фразеология и элементы «чуда» подчеркивают, что помощь божества на стороне русского войска, т. е. на языке средневековья подтверждают правоту Дмитрия Московского и осуждают его врагов — «слуг сатаны». Таким образом, исторический материал в повести, сохраненной Новгородской IV и Софийской I летописями, подвергся серьезной литературной обработке.

¹ М. Н. Тихомиров считает, что древнейший дошедший до нас рассказ о Куликовской битве читается в Ермолинской летописи; рассказ Ермолинской летописи послужил основой для повести в Новгородской IV и Софийской I летописях (М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 345—346). Л. В. Черепнину также представляется, что наиболее ранний вариант «Летописной повести» сохранился в составе Ермолинской и Львовской летописей (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 596, 619—620). Однако и рассказ о Куликовской битве Ермолинской летописи, и тождественный ему рассказ Львовской летописи являются, как писал еще А. А. Шахматов (Отзыв, стр. 137—138) сокращением «Летописной повести», находящейся в своде 1479 г. «Летописная повесть» свода 1479 г. в свою очередь является сокращенным вариантом «Летописной повести» Софийской I летописи (см. об этом ниже, стр. 347—348).

Тексты повести, сохранившиеся в этих летописях, за исключением отдельных чтений, близки между собой. Новгородская IV и Софийская I летописи, как было доказано А. А. Шахматовым, восходили к одному своду, так называемому «своду 1448 года»;² «Летописная повесть» должна была находиться в этом своде и представлять собой как бы «промежуточный текст» по сравнению с текстами обеих названных летописей.³

На протяжении своей истории текст «Летописной повести» не оставался неизменным. Переходя из свода в свод, «Летописная повесть» иногда сохраняла свой первоначальный облик, но чаще ее текст подвергался переделке: он, как правило, сокращался и, сокращаясь, дополнялся иногда другим источником.⁴ Изучая историю текста «Летописной повести», мы учитывали при этом историю летописных сводов, в которые она входила. В результате изучения истории текста «Летописной повести» удалось установить, что ее эволюция шла в основном в двух направлениях: одну линию, идущую от «свода 1448 года», представляют Новгородская IV, Новгородская V летописи, Летопись Авраамки, Супрасльский список, изданный М. А. Оболенским, и другие, вторую — Софийская I и летописи, восходящие к ней.

Обратимся к характеристике «Летописной повести», сохранившейся в летописных сводах первой линии. Обе редакции Новгородской IV летописи, как уже говорилось, содержат в себе полный текст повести. Однако в Новгородской V летописи, заимствовавшей повесть из Новгородской IV, находится уже несколько сокращенный ее вариант.⁵ Сокращению подверглись в основном те места повести, где говорилось об Олеге Рязанском. В результате этого отрицательный тон характеристики, даваемой Олегу в Новгородской IV и Софийской I летописях несколько смягчен:⁶ начиная со слов «льстивому сотоньщику, дьяволу светнику, отлученному сына божия, помраченному тмою греховною ... разумети» убраны резкие эпитеты, устранено укоризненное обращение автора к Олегу в начале повести: «Враже, изменниче Олже...» (начиная со слов «а кровь прольяти... съкрушатся»). Сокращению подверглась молитва, произносимая князем перед его отходом из Коломны, та ее часть, которая основана на цитатах из псалма LXXVIII, 10, 12 и книги Второзакония, XXXII, 41, 42; при этом выражение «воздай же ему (Олегу), господи» было заменено в Нов-

² См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 153, 184, 212 и сл. (далее: Шахматов. Обзорение). Здесь и в дальнейшем свод «1448 года» принимается нами условно. В последних своих работах А. А. Шахматов отказался от такой датировки свода, относя его к более раннему времени (к 30-м годам XV в.; см.: Шахматов. Обзорение, стр. 151—160, 366; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 448—449). В настоящее время датировку «свода 1448 года» можно уточнить: имя Федора Тарусского в «Летописной повести» (см. об этом ниже, стр. 371—372) говорит о том, что этот свод был сложен во всяком случае не ранее 1437 г.

³ Наиболее точно повесть о Куликовской битве «свода 1448 года», по А. А. Шахматову, передана в Новгородской IV летописи (Шахматов. Отзыв, стр. 204).

⁴ Вопрос эволюции текста «Летописной повести» касался в своей работе и С. К. Шамбинаго (Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906) и особенно А. А. Шахматов, подробно остановившийся на рассмотрении целого ряда текстов «Летописной повести» в летописных сводах.

⁵ Новгородская IV летопись, ее вторая редакция явилась основным источником Новгородской V летописи, составленной по предположению А. А. Шахматова «не раньше как в 60-х годах XV в.». Новгородская V летопись (ее хронографический список — ГИМ, собр. Синод. 6-ки № 280 — использован в вариантах при издании т. IV ПСРЛ, СПб., 1848) сокращала свой источник. Следы сокращения носил и находящаяся в ней «Летописная повесть» (см.: Шахматов. Обзорение, стр. 196—207).

⁶ См. рассуждения по этому поводу А. А. Шахматова (Обзорение, стр. 102—103).

городской V другим — «воздаждь им (*врагам*), господи, по делом их». В речи Дмитрия, обращенной к епископу Герасиму, в которой он просит последнего благословить его «пойти» против Мамаю, Ягайла и «отступника нашего Олга, отступившаго от света в тму», вместо последнего выражения в Новгородской V летописи читаем: «... и противу князя Олега». Сокращает Новгородская V летопись и молитву, произносимую князем «на костях татарских», со слов «подавая честь» до слов «и ты, богородице». Упоминание в ней о «безглавном звере Святополке», таким образом, оказалось опущенным. Новгородская V летопись опустила еще и то место повести, которое построено на цитатах из псалмов XVIII и XC.

Этот сокращенный вид повести нашел себе место, с одной стороны, в Летописи Авраамки и сходствующих с ней летописных текстах, отражающих Новгородскую V летопись: Супрасльском,⁷ Синодальном № 154, Толстовском I № 189 (ГПБ, F.IV.156)⁸ (повесть вошла в эти памятники через Новгородскую V летопись,⁹ с другой — также через Новгородскую V летопись в составе Новгородско-Псковской летописи XVI в.¹⁰ Однако по сравнению с рассмотренным выше текстом повесть в Новгородско-Псковской летописи сокращена еще в большей степени: помимо сокращений Новгородской V летописи, в ней опущено еще описание поля боя и событий, происходящих на нем перед сражением, начиная со слов «поидоша и земля тутняше ... абие ступишася обои силы».

Сильно сокращенный вариант повести сохранила Новгородская II летопись.¹¹ Но возможно предположить, что этот краткий вариант повести восходил в конечном счете к повести о Куликовской битве Новгородской IV летописи или связанных с ней летописей.¹² Вот его почти дословное содержание: Мамай, Ягайло Ольгердович и князь Олег Рязанский пошли «на князя великого Дмитрея Ивановича и на всю Рускую землю». Дмитрий «прииде ... на Коломну, и с ним князь Андрей Полотцкий и брат его Дмитрей Брянский и со всеми силами и всем числом полтараста тысящ опроче князей месных». Герасим благословил его; пришла и грамота «от преподобнаго старца Сергия». Князь великий «приехал за Донь», «и пособи бог великому князю Дмитрею Ивановичю».

Перейдем к характеристике «Летописной повести», сохранившейся в сводах второй линии. Софийская I летопись обеих редакций, восходящая к «своду 1448 года», сохранила в своем составе полный текст «Летописной повести», в целом (за исключением отдельных чтений) аналогичный ее тексту в Новгородской IV летописи. Наиболее существенное различие со-

⁷ Супрасльский список издан М. А. Оболенским (Супрасльская рукопись, содержащая новгородскую и киевскую сокращенные летописи. М., 1836). В варианты к нему подведен список Кирилло-Белозерский, ныне известный под шифром ГИМ, собр. Синод. 6-ки № 154. В Супрасльском списке описка: пропуск в перечне убитых, начиная со слов: «Иван Александрович» по слово «Акатьевич». В Кирилло-Белозерском списке этого пропуску нет. Еще А. А. Шахматов отмечал, что в Супрасльском списке смягчены резкие эпитеты, которыми повесть наделяет Ягайла: вм. «и от соньма нечестиваго Ягайла» — «и от сьнма князя великаго Ягайла», вм. «и нача посылати в Литву к поганому Ягайлу» — «и нача посылати в Литву к Ягайлу» (тоже ж в Толстовском I № 189 (ГПБ, F.IV.156) и др. (Шахматов. Отзыв, стр. 131).

⁸ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 465.

⁹ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 252.

¹⁰ См.: Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, стр. XLVII (списки: ГПБ, собр. Погод. №№ 1404^a, 1402; собр. Эрмит. № 416а; БАН, 34.4.32; ЛОИИ, собр. Арх. ком. № 252 и др.).

¹¹ См.: ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 168.

¹² В Софийской I летописи и восходящих к ней летописях вместо чтения «полтараста тысящ, опроче князей местных» (как это читается в Новгородской IV и Новгородской II летописях) обычно стоит «100 тысящ и сто опроче князей русьских и воевод местных».

стоит в отсутствии в тексте Софийской I летописи следующей записи Новгородской IV и восходящих к ней рассмотренных выше летописей: «... а не яко при нонешних временах Литва над нами издеваются и поругаются. Но мы сию беседу оставеше и на подлежащее възвратимся».¹³

Полный текст сохранился и в некоторых летописях XVI в., восходящих к Софийской I: в списке Царского Софийской I летописи, Софийской II летописи, а также в Воскресенской летописи, основанной на московской великокняжеской летописи конца XV—начала XVI в.¹⁴ Текст «Летописной повести» Воскресенской летописи, как было замечено А. А. Шахматовым, передает текст списка Царского, исправляя его отдельные чтения по своду 1479 г.¹⁵

Однако в большинстве летописей, восходящих к Софийской I летописи, повесть предстает в сокращенном виде. Так, полный текст «Летописной повести», восходивший к первой редакции Софийской I летописи, сократили Никаноровская летопись и свод 1479 г.¹⁶ Характер сокращений в этих сводах отличен. В Никаноровской летописи устранены все имеющиеся в повести молитвы, произносимые великим князем, за исключением одной — молитвы «на костях»; опущенной оказалась цитата из псалма XXXIV, 14, 15 в начале повести: «Оружие извлекоша ... съкрушатся». Составитель этого варианта повести убрал и то место, где описывается храбрость, проявленная князем во время битвы: после слов «да како аз възглаголю ... хоронити назади» он сразу перешел к описанию «грехов», вызвавших, по мнению автора повести, нашествие врагов.¹⁷

В своде 1479 г.¹⁸ повесть также сокращена за счет молитв. Но в Никаноровской летописи молитвы исключались из текста полностью. В своде 1479 г. молитвы князя — в Коломне, перед переходом Дона, «на костях» переданы в повести одни с большим, другие с меньшим сокращением. Пол-

¹³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, Л., 1925, стр. 323.

¹⁴ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 370; С. А. Левина. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — В кн.: Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 10, М., 1957, стр. 403.

¹⁵ См.: Шахматов. Отзыв, стр. 137. Так же как и в своде 1479 г., в повести Воскресенской летописи пропущено имя Дмитрия Монастырева. Брат Федора Тарусского, названный в Новгородской IV, Софийской I летописях и своде 1479 г. Мстиславом, здесь именуется Иваном Мстиславом. Полный текст повести, восходящий ко второй редакции Софийской I летописи, представлен и в издании «Российская летопись по списку Софийскому великого Новаграда» (ч. I, СПб., 1795). Оригинал самой летописи, конца XVII в., хранится в БАН, 34.4.1 (Шахматов. Отзыв, стр. 138). Это так называемая Новгородская Уваровская летопись XVII в. (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 11), которая в части до 1500 г. главным образом следует тексту Софийской I второй редакции (см.: С. Н. Азбелев, ук. соч., стр. 13—14). В списке этой летописи ГПБ, собр. Погодина № 1403 текст повести сходен с напечатанным. В тексте повести в обоих списках имеется описка в перечислении имен убитых: пропущены имена сына Федора Белозерского, Ивана, и Федора Тарусского. Аналогичный Новгородской Уваровской летописи текст повести читается в Пространной редакции Новгородской III летописи.

¹⁶ Никаноровская летопись в части до 6926 г. основана на первой редакции Софийской I летописи. В основе Московского свода 1479 г., помимо других источников, была также использована Софийская I летопись (см.: Шахматов. Обзорение, стр. 282, 354, 367).

¹⁷ Никаноровская летопись издана в ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962. Аналогичный Никаноровской летописи текст «Летописной повести» находим в Академическом списке Вологодско-Пермской летописи (БАН, 16.8.15, середины XVI в.).

¹⁸ Свод 1479 г. представлен Эрмитажным списком (ГПБ, собр. Эрмитажное № 416 б). Но текст повести в этом списке искажен. Так, пропущены следующие места текста (см. текст Софийской I летописи): после слов «со всею силою Литовского» до слов «и тогда же двинушеся вся колена»; после слов «нача посылати к Литве к поганому Ягайлу» до слов «по сем же бысть весть от Орды»; после слов «и прииде князь

ностью пропущена в своде 1479 г. лишь одна молитва, произносимая князем после перехода Дона.

Составитель повести свода 1479 г. целиком опустил два больших фрагмента: «плач жен», созданный на основе «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», а также речь Мамая «власи наши растерзаются...», сложенную по этому же источнику.¹⁹ Опущенными в своде 1479 г. оказались различного рода распространения и украшения, как например: «...а не помянуша якоже мученици глаголаху друг к другу ... страстен мечь, но сладостно венчание», выражение «въсприим Авраамлю доблесть», фраза, произнесенная великим князем, «еще наша рука высока есть», и др. Составитель повести свода 1479 г. опустил также многие цитаты из Библии — псалом XXVI, 14, 15 вместе с речью от автора, начиная со слов «О, враже, изменниче Олже ... луди их скрушатся»; фразу «они же извлекоша оружия ... пришедшим же роком яко», построенную на евангельской формуле (Евангелие от Матфея, XXIV, 28), цитату из псалма XLIII, 7 и ХС, 6, 9, 10, 11 в отрывке, где идет речь о мужестве князя, проявленном им на поле боя.

Сокращая текст повести, составитель свода 1479 г. часто пересказывал его. Так, например, вместо фразы, читающейся в Софийской I летописи, «и совкупися со всеми князи русьскими и со всею силою и поиде противу их вборзе с Москвы, хотя боронити свою вотчину и прииде на Коломну» в своде 1479 г. сохранено только «и прииде в Коломну»; вм. «яко и земному основанию двинутися от множества силы русьския» Софийской I летописи в своде 1479 г. читаем: «...яко и земли подвизатися от множества силы руськия» и др. В начале повести, при перечислении народов, выступивших с Мамаем, пропущены «ясы»; в списке убитых отсутствует имя Дмитрия Монастырева.

Все перечисленные изменения текста повести по своду 1479 г. находим в «Летописной повести» по Типографской летописи.²⁰ Повесть попала в Типографскую летопись, по-видимому, из свода 1479 г. А. А. Шахматов считал, что Типографская летопись в части до 1425 г., через посредство Ростовского свода редакции архиепископа Тихона, использовала московский свод 1479 г.²¹ Таким образом, в Типографской летописи представлен также сокращенный вариант «Летописной повести».

«Летописная повесть» в Ермолинской летописи²² также восходит к повести свода 1479 г. В числе наемников Мамая в ней пропущены «ясы», в списке убитых отсутствует имя Дмитрия Монастырева, и др. Но повесть Ермолинской летописи по сравнению со сводом 1479 г. предстает в еще большем сокращении.²³ Выше мы говорили, что повесть свода 1479 г.

великы Дмитрий Ивановичъ» (к Дону) до слов «а воеводы исполчиша свои полкы»; после слов «и сеченых своих» до слов «бысть мѣгла велика». Поэтому используем текст несколько более поздней редакции свода 1479 г., сохранившегося в Уваровском списке (ГИМ, собр. Уварова № 1366), изданном в ПСРЛ (т. XXV, М.—Л., 1949).

¹⁹ Об этом источнике «Летописной повести» см. ниже, стр. 365.

²⁰ См. ПСРЛ, т. XXIV, Пгр., 1921. Варианты в этом издании подведены по так называемой Толстовской летописи (ГПБ, F.IV.218). До 1484 г. Толстовская летопись тождественна Типографской (Шахматов. Обзорение, стр. 285). О Типографской летописи см.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, стр. 235 и сл.

²¹ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 292, 367.

²² ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910.

²³ О зависимости повести Ермолинской летописи от повести свода 1479 г. писал еще А. А. Шахматов (Шахматов. Отзыв, стр. 137). Однако протограф Ермолинской летописи, по определению А. А. Шахматова, был создан ранее свода 1479 г. (Шахматов. Обзорение, стр. 368). Возможность представить картину зависимости текстов повести обоих сводов дает статья А. Н. Насонова «Московский свод 1479 г.

опустила два фрагмента, созданных под влиянием «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов» (см. выше, стр. 348). Повесть по Ермолинской летописи опустила и все остальные фрагменты, заимствованные из этого памятника, оставив лишь одно слово «възъярися». Рассказ Ермолинской летописи по отношению к своду 1479 г. сокращен более чем в два раза; сокращение при этом идет по всему тексту. В рассказе оказались изъятыми все молитвы и речи, произносимые князем (за исключением речи, обращенной к боярам), все риторические распространения и украшения. Составитель повести Ермолинской летописи сообщил лишь самую суть рассказа; он часто прибегает к пересказам отдельных выражений, но в то же время еще близко держится первоначального текста.

Аналогичный Ермолинской летописи текст «Летописной повести» находим в Львовской,²⁴ Прилуцкой (свод 1497 г.)²⁵ и Уваровской (свод 1518 г.)²⁶ летописях. Сходство между Ермолинской и Львовской летописями отмечалось А. А. Шахматовым и в других случаях.²⁷ Это сходство А. А. Шахматов объяснял тем, что обе летописи восходили к ростовскому владычному своду.²⁸ Близость же текстов «Летописной повести» в Ермолинской, Прилуцкой и Уваровской летописях объясняется тем, что Прилуцкая и Уваровская летописи в пределах до 1417 г. передают текст, сходный с Ермолинской летописью.²⁹

Текст повести в Комиссионном списке Новгородской I летописи датируется А. А. Шахматовым 1453—1462 гг.³⁰ Как показал А. А. Шахматов, этот текст восходит в отдельных чтениях к повести Новгородской IV и Софийской I летописей и попал в Комиссионный список в виде извлечения из «свода 1448 года».³¹

и Ермолинская летопись» (в кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского, М., 1961, стр. 218—222). На основании сличения текстов свода 1479 г. и Ермолинской летописи А. Н. Насонов пришел к выводу, что источником Ермолинской летописи в части до 1425 г. послужил летописный текст, явившийся одновременно источником и для свода 1479 г. в части до 1425 г. Но свод 1479 г. сохранил его в полном виде, Ермолинская же летопись передала его в сокращении. Наличие общего протографа обеих летописей делает объяснимой и связь между повестями обоих сводов. Протограф обеих летописей должен был заключать в себе текст повести, сходный с повестью свода 1479 г.; заимствуя его, Ермолинская летопись, сокращая свод в целом, сократила и находящуюся в нем повесть.

²⁴ ПСРЛ, т. XX, первая половина, СПб., 1910.

²⁵ Название, предложенное Я. С. Лурье в статье «Новые памятники русского летописания конца XV в. (К выходу в свет тт. XXVII и XXVIII «Полного собрания русских летописей»)» (История СССР, М., 1964, № 6, стр. 119, 125). Летопись издана: ПСРЛ, т. XXVIII, М.—Л., 1963.

²⁶ ПСРЛ, т. XXVIII.

²⁷ Так, например, на всем протяжении с 1206 г. по 1418 г. Ермолинская летопись оказывается «почти тождественною со Львовскою» (А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, 1904, кн. 1, стр. 379 и сл.).

²⁸ См.: там же, стр. 423.

²⁹ См.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 255; К. Н. Сербина. 1) Из истории русского летописания конца XV в. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. XI. М., 1963, стр. 397—399; 2) Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, стр. 594.

³⁰ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 171. Остальные списки Новгородской I летописи младшего извода — Академический, Толстовский и копии с них (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, М.—Л., 1960, стр. 11) содержат аналогичный текст «Летописной повести».

³¹ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 163, 170—171. «Но, кажется, — писал А. А. Шахматов в «Отзыве» (стр. 127), — в это извлечение свода 1448 г. вставлено несколько чтений еще и другого источника». Действительно, в повести по Комиссионному списку встречается ряд чтений, отсутствующих и в Новгородской IV и Софий-

Рассказ о Куликовской битве, помещенный в Комиссионном списке под 6888 г., как и в других летописях, очень краткий. Он начинается с сообщения о «приходе вести от Орды» к князю Дмитрию и брату его «Володимеру», «якоже въздвизается на крестяны измаилтеский род поганый». Дмитрий, «уповая на милосердие божие», собирает силы и ведет их за Дон. Битва описана без излишних подробностей. Сохранены фрагменты о «москвичах-небывальцах», рассуждение о «грехах». Рассказ заканчивается сообщением о возвращении Дмитрия и Владимира в Москву. Из убитых «на съступи» упомянуты лишь Федор Белозерский и сын его Иван. В рассказе отсутствуют сведения о походе в Коломну, о приходе братьев Ольгердовичей, совершенно не упомянуты ни Олег Рязанский, ни Ягайло. Ничего в повести по Комиссионному списку не сказано и о судьбе Мамаю.³²

Рассматривая «Летописную повесть» в различных летописных сводах, мы останавливали до сих пор свое внимание на полном и сокращенном ее видах. Но «Летописная повесть» сохранилась еще и в третьем варианте, усложненном влиянием на ее текст нового источника. Тексты этого вида начали появляться в летописных сводах в конце XV—XVI в.

Один из таких текстов «Летописной повести» заключен в списке Дубровского³³ — Новгородском своде XVI в. «Летописная повесть», находящаяся в списке Дубровского (в пределах собственно текста «Летописной повести»), восходит к повести Новгородской IV летописи с примесью чтений второй редакции Софийской I летописи.³⁴ В текст «Летописной повести» сделано несколько вставок, из которых наиболее крупные — это рассказ об уряжении полков перед сражением, рассказ о «потаенном полку» Владимира Андреевича и рассказ о поисках князя Дмитрия на поле боя. Все вставки за исключением одной — рассказа об уряжении полков, которая, по мнению Л. А. Дмитриева, попала в список Дубровского из какого-то официального разряда,³⁵ восходят к тексту «Сказания о Мамаевом

ской I летописи и восходящих к Симеоновской летописи (своду 1409 г.), например: «... въздвизается на крестяны измаилтеский род поганый»; в Новгородской IV и Софийской I «поганый» опущено; или «устрашить бог невидямоу силоу сыны Агаряны»; в Новгородской IV: «... бог бо невидямоу силоу устраши полки татарския» (в Софийской I «полки поганых») и др. А. А. Шахматов в «Отзыве» (стр. 127—128) отметил все расходящиеся с Новгородской IV и Софийской I летописями чтения и также находил, что они близки чтением рассказа Симеоновской летописи и Суздальской. Эти чтения, считал А. А. Шахматов, могли попасть в Комиссионный список из его протографа — Новгородской I летописи редакции 1433 г., где «должно же было находиться сообщение о Куликовской битве». Это сообщение могло попасть в летопись 1433 г., как думает А. А. Шахматов, «из Ростовской летописи» (стр. 127). Не мог ли в летопись 1433 г. рассказ о Куликовской битве попасть не «из Ростовской летописи», а из свода 1409 г.? В своде 1409 г. (Троицкой летописи) рассказ о Куликовской битве тождествен Симеоновской летописи.

³² Под тем же 6888 г. в Комиссионном списке рассказу о Куликовской битве предшествует отрывок, в котором рассказывается о сборе и походе новгородцев к великому князю Дмитрию. Князь встретил их «с любовью», «а к Новгороду крест целовал». Описываемые события происходят «за неделю до цветной недели», т. е. весной.

³³ Список ГПБ, F.IV.238. Аналогичный текст читается в списке ГПБ, F.IV.188 (см.: С. Н. Азбелев. Две редакции новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9, Новгород, 1959, стр. 220).

³⁴ В основе первой редакции летописи Дубровского лежал летописный свод, восходящий к тексту второй редакции Софийской I; вторая редакция летописи Дубровского в пределах до 1447 г. заменяет этот свод Новгородской IV летописью (см.: там же, стр. 221—225). А. А. Шахматов считал, что в основании списка Дубровского лежит повесть Новгородской V летописи, дополненная по Новгородской IV летописи и московскому княжескому летописному своду (см.: Шахматов. Отзыв, стр. 106, 111, 139).

³⁵ См.: Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. (Диссертация на соискание уч. степени канд. филолог. наук). Л., 1953, стр. 62 (Машинопись. Институт

побоище». Помимо «Сказания» и, возможно, какого-то исторического документа, в списке Дубровского, как представляется, нашел отражение еще один источник (в части, заимствованной из «Сказания о Мамаевом побоище») — «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», в котором также читается рассказ о Куликовской битве. Выражение списка Дубровского «Дон река кровью потече, а главы аки камень вляхуся в дуброве» явно вторит тексту «Слова»: «Дон река потече кровью смесившеся, и главы татарскы аки камень вляхуся и трупья поганых аки дубрава посечена».³⁶

В списке Дубровского «Летописная повесть» хотя и пополнилась новыми фактами из другого источника — главным образом «Сказания о Мамаевом побоище», но в целом текст ее остался без изменения.

Остановимся на текстах, в которых «Летописная повесть» пополнилась новыми фактами, включала в себя новые выражения, подвергалась в то же время сокращению.

Своеобразный текст «Летописной повести» сохранился в так называемых сокращенных сводах конца XV в.,³⁷ восходивших к летописной традиции, использовавшей Софийскую I летопись,³⁸ и в Хронографе 1512 г.³⁹

Тексты повести в сводах 1493 г. и 1495 г. тождественны, в Хронографе 1512 г. текст отличается от первых двух летописей лишь отдельными чтениями. Во всех трех сводах повесть в значительной степени сокращена. Составитель ее передал лишь основные моменты развернутого рассказа Софийской I летописи, в большей части изложив содержание своими словами. Текст повести в Хронографе 1512 г., по сравнению со сводами 1493 и 1495 гг., сжат в еще большей степени. В нем опущено известие «о стоянии» великого князя «на костех», неполностью приведен список убитых: «...убитых князей и бояр великих с пятнадцать, и Лев Морозов и Семен Миликов, с ними же Александр Пересвет и чернец Ослябя». Приведем, к примеру, еще несколько случаев «сжатия» текста повести в Хронографе 1512 г.:

русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР). Рассказ об уряжении полков в списке Дубровского отличался от аналогичного рассказа «Сказания» новыми именами князей и воевод. Подробнее см.: Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 501—502 настоящего сборника.

³⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, стр. 354. А. А. Шахматов считал, что это выражение произошло в «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», и в список Дубровского из «первоначальной редакции» «Летописной повести», которую он относил к концу XIV в. (подробнее об этом см.: Шахматов. Отзыв, стр. 120—121, 203).

³⁷ Своды 1493 г. и 1495 г. См.: ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962.

³⁸ См.: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. IV, стр. 249—250.

³⁹ По предположению А. А. Шахматова, текст повести Хронографа 1512 г. является одним из старейших ее вариантов, находившимся уже в Хронографе 1442 г. (Хронограф 1512 г., считал А. А. Шахматов, произошел из Пахомиевой редакции его, появившейся в 1442 г.) и представлявшим извлечение из повести свода 1423 г. в соединении с заимствованиями из «Слова о Мамаевом побоище» — памятника XIV в. (Шахматов. Отзыв, стр. 90—94, 188—190). Однако соображения А. А. Шахматова не представляются убедительными, так как сложение «Летописной повести» мы относим к более позднему времени (см. ниже, стр. 372—376). Повесть в такой значительной переделке, в какой мы ее находим в Хронографе 1512 г., да еще с вкраплениями из другого памятника, могла появиться много позже своего сложения. Во всяком случае, гипотеза А. А. Шахматова о нахождении уже в Пахомиевом Хронографе всей русской части Хронографа 1512 г. (см.: Шахматов. Обозрение, стр. 144) требует пересмотра. Ср.: С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции Русского Хронографа. — ИОРЯС, т. XXX, Л., 1926, стр. 311—322; А. Д. Седельников. Досифей Топорков и Хронограф. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, № 9, 1929, стр. 755—773. Вполне возможно, что «Летописная повесть» вообще попала в Хронограф только в 1512 г.

Софийская I
летопись

... Со всеми князи ординьскими и со всею силою татарскою ... а еще к тому рати понаимовал...

... с ним же в одиначстве и князь Олег Ивановичь Рязаньский.

Оканный же Мамай разгордесе, мнев себе акы царя ... рече им: «Пойдем на русьского князя и на всю Русьскую землю, якоже при Батыи цари было, христианство потеряем, а церкви божия попалим огнем ... а кровь христианскую пролием».

Свод 1493 г.

... с ним князи вси ординския ... со всеми силами татарскими, и еще к тому понаимовал рати.

... а с ними в одиначстве князь Олег Рязанский.

Окаянный же поганый Мамай в мнозе силе възгордесе, мня себе яко царя и рече: «Идем на Русь, потребим Рускую землю и веру порушим, церкви пожжем, христиан висечам, и не будет веры христианския, яко же при Батыи было христианство истеваемо».

Хронограф 1512 г.

... со всеми князи и нанят к сим...

... и князь Олег Рязаньский.

Окаянный же Мамай похвалився, еже потребити веру и землю христианскую, якоже и Батыи.

Описываемые тексты представляют интерес тем, что, по сравнению с рассмотренными выше текстами «Летописной повести», они содержат новые чтения. Так, например, вместо чтения Софийской I летописи «со всею силою Литовскою» и вместо чтения свода 1479 г. «со своею силою Литовскою и Лятскою» в этих сводах читается «с всею Литвою и Жемотю и с Ляхи» (своды 1493 и 1495 гг.), «со всею силою Жемотию и Ляхи» (Хронограф 1512 г.). Епископ Герасим, благословив «воя», «повеле ... по всем церквам молебны пети за великого князя и за вся воя его». Войска приходят к Дону «сентября 4». При описании битвы в списки вставлена новая фраза: «... по удольем кровь течяше, а труп человека не можаху конь скочити; велия силы наступиша на девяностыи врьстах, а человека ска труп на 40 верст паде». Ягаило «не после Мамаю на помощь, увернуса за 30 верст». «Список убитых», тождественный в сводах 1493 и 1495 гг. «списку убитых» в Новгородской IV и Софийской I летописях, содержит дополнительно два новых имени: «Василея Перфурьевича Каргаша» и «чернеца Осляби». В Хронографе 1512 г., как уже говорилось, перечислены только четыре имени, остальные «обобщены» под цифрой «пятнадцать». Однако имя Осляби в Хронографе также названо, к тому же после слов «Александр Предсвет (так!) и чернец Ослябя» в нем добавлено: «... богатыри и инех множество безчислено, а там у них багатырь же был татарин, его же уби Ослябя, да и сам от его ран умре».⁴⁰

Трудно сказать, откуда эти новые чтения были привнесены в «Летописную повесть», но все же нельзя не отметить некоторую переключку их с чтениями «Сказания о Мамаевом побоище». Так, приведенная выше фраза «повеле (в Коломне) епископ по всем церквам молебны пети за великого князя и за вся воя его» встречается и в Основной (группа V) и в Распространенной редакциях «Сказания», только в последнем архиепископ в Коломне «повеле по всем церквам молебны пети за великаго князя и за все его войско» уже по возвращении великого князя с поля битвы.⁴¹ Вышеприведенное чтение «Жемоть», с которой князь Ли-

⁴⁰ Здесь, по-видимому, Ослябя спутан с Александром Пересветом, так как с татаринем в «Сказании» борется Пересвет, а Ослябя по некоторым спискам — с «силою татарскою» (ГПБ, Q.IV.354).

⁴¹ См., например, рукопись ГПБ, Q.IV.374 (Распространенная редакция), а также: Сказание о Мамаевом побоище. Предисловие С. К. Шамбинаго. — ПДП, № СХХV, СПб., 1907, стр. 51; Повести о Куликовской битве, стр. 154.

товский двинулся на Русь («со всею Литвою и Жемотию и с Ляхи»), также встречается в разных редакциях «Сказания»: князь Литовский «свыкоупи Литвы много и варяг и жемоти». ⁴² Сообщение «...человеческа трупа на 40 верст паде» читается на полях рукописи «Сказания» в Вологодско-Пермской летописи из собр. Синод. б-ки № 485: «и лежаща трупия мертвых на чатыредесять попришь от обоих стран». ⁴³ Не является ли отзвуком «Сказания» также чтение «а трупа человека не можаху конь скочити» и сообщение о «чернеце Ослябе»? Первое выражение, являющееся в «Сказании», по-видимому, отголоском «Задонщины», ⁴⁴ читается в нем так: «...а трупу человекъа, аки санныа громады, борз конь не может скочити, а в крови по колено бродяжу». ⁴⁵ Что касается Осляби, то нужно сказать, что известны списки «Сказания», где приводится перечень убитых князей и воевод, причем этот перечень почти совпадает со «списком убитых» в сводах 1493 и 1495 гг. ⁴⁶ В этом списке имеются имена и Василия Каргаша, и Осляби. ⁴⁷ Однако, думается, что данный случай следует рассматривать как пример влияния скорее «Летописной повести» на «Сказание». Перечисление убитых в указанных списках «Сказания» идет вслед именно за «Летописной повестью»: называются обычные для «Летописной повести» имена убитых, в обычном для нее порядке их перечисления. Но известны и такие списки «Сказания», где в бой с татарами после Пересвета вступает и чернец Ослябя, который тоже погибает на поле боя. Ослябя, рассказывается в этих списках, «ударилася во всю силу татарскую и бья улицами», «множество поганых побил и сам главу свою положил». ⁴⁸

Совершенно явное воздействие «Сказания» на «Летописную повесть» обнаруживается в Архангелогородском летописце XVI в., имевшем общий источник со сводом 1493 г. ⁴⁹ Текст повести в этой летописи сходен с тем, который находится в сокращенных сводах конца XV в., однако он разработан по «Сказанию», можно думать, по тем его спискам, которые примыкают к группе Михайловского Основной редакции. ⁵⁰ В этом варианте

⁴² Там же, стр. 58, 92, 136.

⁴³ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 144.

⁴⁴ См. статью Л. А. Дмитриева «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“ как показатели по истории текста этих произведений» в настоящем сборнике, стр. 423—424.

⁴⁵ В «Задонщине», например: «...а в трупи человекъе борзи кони не могут скочити, а в крови по колено бродят» (У).

⁴⁶ См., например, списки Печатного варианта «Сказания» ГПБ. ОЛДП, F № 50, F.IV.228.

⁴⁷ «Наехав же на место, на нем же лежат князи белозерстии, вси вкупе посечены ... сия же суть имена их: князь Федор Романович Белозерский, да сын его князь Иван, князь Федор Торусский, да брат его князь Мстислав, князь Дмитрий Александрович Монастырев, Тимофей Васильевич околничей, Семен Михайлович, Василей Порфирьевич, Михайло Каргаша, Иванович (здесь допущено искажение, надо читать: Василей Порфирьевич Каргаша, Михайло Иванович, — М. С.), Иван Александрович, Андрей Серкиз, Волюй Окатьевич, Дмитрий Мишень, Александр Пересвет, Григорий Ослябя, ту же лежит близ Микула Васильевич (ГПБ, F.IV.228, л. 18 об.). Возможно, имя «Григорей» было перенесено на Ослябю с Григория Капустина, «богатыря», также павшего по «Сказанию» на поле битвы.

⁴⁸ В Основной и Распространенной редакциях «Сказания»; см., например: ГБЛ, собр. Оптиной пустыни № 48 (бывш. 126); ГИМ, собр. Муз. № 2323; ГПБ, Q.IV.374, Q.IV.354; ЛОИИ, собр. Арх. ком. № 45.

⁴⁹ См.: Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в., стр. 119. См. также: Шахматов в. Разыскания, стр. 238; Шахматов в. Отзыв, стр. 136; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950.

⁵⁰ В «Летописной повести» князь повелевает везти убитых к Москве «в колодах».

«Летописной повести» князь Дмитрий, как и в «Сказании», «посылает грамоты по всем градом своим», он просит помощи «на поганого Мамаю» у гроба «святителя Петра», в поход благословляет Дмитрия митрополит Киприан, с литовскими князьями приходит воевода «Дмитрей Боброков, муж смыслен и разума исполнь и брани»; рассказывается в Архангелогородском летописце и о поисках князя «в дубраве». Список убитых совпадает с тем, который находится в сокращенных сводах конца XV в.: Ослябя назван здесь только братом Александра Пересвета. К народам, пришедшим на Русь с Мамаем, в Архангелогородском летописце добавлены еще два: мордва и черемисы.

Для XVI в. можно назвать еще два памятника, в которые вошла «Летописная повесть», — это Степенная книга⁵¹ и Никоновская летопись.⁵² Однако в обоих этих памятниках «Летописная повесть» предстает только в виде отдельных вкраплений в текст произведений: основной текст рассказа о Куликовской битве в Степенной книге развит по «Слову о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»; в Никоновской же летописи предстает текст «Сказания о Мамаевом побоище», лишь местами переработанный по «Летописной повести».⁵³

Как показал наш обзор списков «Летописной повести», переходя из свода в свод, она то в большей, то в меньшей степени меняла свой облик, причем эти изменения ее обычно шли в таком же направлении, в каком шла работа и над другими частями свода. Если сокращался свод в целом, то сокращению подвергалась и «Летописная повесть» (Новгородская V, Летопись Авраамки, Ермолинская летопись и др.). Обычно из повести устранились риторические распространения и украшения, оставались лишь самая самая канва рассказа. Неоднократные переделки и переписывания приводили часто к порче текста, к искажению отдельных чтений повести.

В конце XV—XVI вв. текст «Летописной повести» начал испытывать на себе влияние других источников — «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», и главным образом «Сказания о Мамаевом побоище». В текст повести включаются отдельные выражения, заимствованные из «Сказания» (в сокращенных сводах конца XV в.), или отрывки из него (список Дубровского), наконец текст «Летописной повести» стал перерабатываться по «Сказанию» уже на всем своем протяжении (Архангелогородский летописец).

Все эти поздние тексты «Летописной повести», характеризую ее литературную судьбу во второй половине XV—XVI вв., не содержат, однако, новых данных ни для датировки ее начального текста, ни для определения ее источников. Все вопросы, касающиеся происхождения «Летописной повести», мы имеем право решать, опираясь на тексты ее, сохраненные Нов-

«Во гробех» князь приказывает везти убитых и в списке группы Михайловского Основной редакции «Сказания» (см.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 36—37).

⁵¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, СПб., 1913, стр. 396—399.

⁵² ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 46—69.

⁵³ Повести о Куликовской битве, стр. 476—479. В XVII в. Новгородская Забелинская летопись, включив в себя текст «Сказания о Мамаевом побоище», его начало извлекла из «Летописной повести» (см.: Повести о Куликовской битве, стр. 165—167). В целом ряде летописей «Летописная повесть» вообще отсутствует. Многие летописи вместо «Летописной повести» заключают в себе текст «Сказания о Мамаевом побоище» (например, Вологодско-Пермская, Новгородская Погодинская летописи); в некоторых летописях (например, Псковских, Летописце епископа Павла, кратких редакциях Новгородской III и Новгородской Погодинской летописей, а также во Владимирском летописце (ПСРЛ, т. XXX)) под 6888—6889 гг. помещены лишь краткие записи о Донском побоище.

городской IV и Софийской I летописями, не обращаясь к поздним вариантам. В ряду этих вопросов прежде всего необходимо обратиться к выяснению отношения «Летописной повести» к рассказу «о великом побоище иже на Дону».

2

Рассказ «о великом побоище иже на Дону» дошел до нас в составе Симеоновской летописи, Рогожского летописца и Московско-академического списка Суздальской летописи.

В Симеоновской летописи и Рогожском летописце рассказ «о великом побоище иже на Дону» предстает в полном виде. В Симеоновскую летопись рассказ «о великом побоище иже на Дону», по предположению А. А. Шахматова, попал из Троицкой или тождественной с ней летописи (свода 1409 г.), которая в пределах с 1177 г. по 1390 г. являлась источником для Симеоновской летописи.⁵⁴ В Рогожский летописец рассказ «о великом побоище иже на Дону» перешел, по всей видимости, из Симеоновской летописи. Симеоновская летопись (или ее протограф) была одним из источников Рогожского летописца.⁵⁵

В Московско-академическом списке Суздальской летописи дошел краткий вариант рассказа «о великом побоище иже на Дону». Самый рассказ попал в эту летопись, по-видимому, из свода 1409 г. через посредство ростовского владычного свода архиепископа Ефрема (1427—1454).⁵⁶

Как отмечает А. А. Шахматов, составитель Суздальской летописи, делая извлечение из ростовского свода Ефремовской редакции, местами сокращал свой оригинал.⁵⁷ По-видимому, это коснулось и рассказа «о великом побоище иже на Дону», который, как мы сказали, является кратким вариантом текста, представленного в Симеоновской летописи и Рогожском летописце. Составитель Московско-академического списка Суздальской летописи целиком заимствовал из своего источника — полного текста рассказа «о великом побоище иже на Дону» — лишь имена убитых «в суиме» (не путать с именами убитых в «Летописной повести»; см. об этом ниже). Весь остальной рассказ он сжал до степени летописной заметки. Сообщая с «собирании» Мамаем «вои многих», он пропустил, однако, наименование народов, поднявшихся на Русь. Он не назвал причины, толкнувшей Мамаю на выступление; опустил запись о «приходе» к Дмитрию «вести от Орды», а также известие о переходе князем Оки; совершенно не упомянул о Ягайле. Самой битвы составитель Московско-академического списка коснулся лишь вскользь: «... была сеча зла» и «поможе бог князю великому Дмитрею Ивановичю». Заметка о Куликовской битве оканчивается в Московско-академическом списке сообщением о «стоянии» Дмитрия Ивановича «на костех» и возвращении князя в «свою отчину». Вся последующая часть рассказа «о великом побоище иже на Дону», где рассказывалось

⁵⁴ См.: А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, СПб., 1900, стр. 553.

⁵⁵ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 312. Рассказ «о великом побоище иже на Дону» в Симеоновской летописи см.: ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913; в Рогожском летописце см.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922.

⁵⁶ Как утверждает А. А. Шахматов, ростовский свод архиепископа Ефрема составлен на основании ростовского свода архиепископа Григория (1396—1416), в числе же источников свода Григория был общерусский свод 1409 г. (См.: Шахматов. Обзорение, стр. 228). Ростовский свод Ефрема послужил источником для третьей части Московско-академического списка Суздальской летописи (1237—1418). Список издан, см.: ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928, стр. 536.

⁵⁷ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 228.

о радости воинов, захвативших богатую добычу, об Олеге Рязанском, о кончине Мамай и «воцарении» Тохтамыша, в Суздальской летописи отсутствует.⁵⁸

Рассказ Симеоновской летописи на всем протяжении стройный, в нем нет ни одного повторения, события описываются в четкой последовательности, никаких литературных «источников» в нем не обнаруживается. Стилистика этого рассказа полностью соответствует той, которая характерна для ближайших к ней частей Симеоновской (как и Троицкой) летописи — с 1365 г. Особо стилистически близко к рассказу «о великом побоище иже на Дону» описание битвы на Воже 1378 г.⁵⁹ Близость эта дает основание думать, что обе победы над войсками Мамай были описаны одним автором. Опорные формулы воинского стиля в обоих рассказах точно повторяются в одной и той же последовательности: сборы в поход, сражение, бегство врага, возвращение с победой. Проследим за этой стилистической схемой.

«О великом побоище иже
на Дону»

Того же лета ... ординский поганый Мамай събрав рати многы ... на всю землю Русскую

Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович, събрав воя многы, поиде противу их ... и переехав Оку... поганый род измалтеский ... Мамай нечестивый ... погани половци и мнози оружием падоша, а друзии в реце истопоша ... и тако множество их избиша...

погани побегоша, а наши после, бьюще, секуще поганых...

и поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю...

иноплеменници же гоними гневом божим...

И бысть побоище месяца сентября в 8 день ... в субботу до обеда.

Князь же великий Дмитрий Иванович ... възвратися оттуду на Москву ... с победою великою...

и мнози вои его ... обретающи корысть многу...

Мамай ... гневашеся и неистовася, яряся ... събра останочную свою силу, еще възхоте ити изгоном паки ... на всю Русскую землю.

Битва на Воже

Того же лета ординский князь поганый Мамай, събрав воя многы ... на всю землю Русскую.

Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович, събрав воя многы и поиде противу их ... и переехав за Оку поганый Мамай ... окааннии половци ... нечестивии Измалтяне...

и убиша их множество, а нини в реце истопоша...

татарове ... побегоша ... а наши после за ними, бьючи их и секучи...

и поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю...

нечестивии измалтяне побегоша, гоними гневом божим...

Се бысть побоище прилучися месяца августа 11 день ... в среду при вечере.

Князь же великий Дмитрий възвратився оттуду на Москву с победою великою...

рати роспусти с многою корыстью...

и разгнева же ся зело Мамай и възъярися злобою ... събрав останочную силу свою ... изгоном на Рязанскую землю.

⁵⁸ Два места рассматриваемой записи в Московско-академическом списке несколько напоминают «Летописную повесть» — 1) в Московско-академическом списке: «... бысть сеча зла, а ка же не бывала в Руси» (в Симеоновском летописце слова, выделенные разрядкой, отсутствуют); в «Летописной повести»: «Бысть сеча зла и велика и брань крепка ... якоже от начала миру сеча не бывала такова великим князем руским»; 2) в Московско-академическом списке: князь, стоя «на костех», «похвали бога и всенепорочную матерь» (в Симеоновском летописце слова, выделенные разрядкой, отсутствуют). В «Летописной повести»: Дмитрий, стоя «на поганых обедищих», благодарит бога и богородицу. Эти «новшества» в Московско-академическом списке могли появиться под влиянием «Летописной повести», с которой составитель мог быть знаком из той же Софийской летописи, но оба эти чтения могли появиться и совершенно независимо, так как они являются стереотипными оборотами русского летописания.

⁵⁹ На стилистическое сходство рассказа «о великом побоище иже на Дону» с рассказом о битве на Воже Симеоновской летописи мне было любезно указано В. П. Адриановой-Перетц, за что приношу глубокую благодарность.

Если мы обратимся к другим известиям Симеоновской летописи за ближайшие к данным рассказам годы, то мы встретим в них то один, то другой из приведенных штампов воинской стилистики, употребляющихся как термины: чаще всего встретится выражение «собра воя многы», реже — «брань зело люта и сеча зла» (1365 г.), «бысть рать велика зело» (1377 г.), «бьюще, и колюще, и секуще» (1377 г.), «придоша изгоном» (1372, 1373, 1377, 1378 гг.), враг бежит «гоним гневом Божиим» (1367 г.), «поможе бог великому князю» (1365, 1371 гг.), «татар останочных избиша, а друзии в реце истопоша» (1367 г.), после битвы татары «сташа на костех» (1377 г.), эпитеты татар «окааннии, поганнии», «иноплеменници» (1375, 1377 гг.), «места половечская и пределы татарския», «земля татарская» (1377 г.), Ольгерд «зловерный и безбожный и нечестивый» (1377 г.), «нечестивии поганая Мордва» (1377 г.). Но только в повестях о битвах на Воже и на Дону собраны, притом в совершенно одинаковом звучании, все эти и некоторые другие постоянные формулы воинской стилистики. Отсюда есть основание сделать вывод, что рассказы «о великом побоище иже на Дону» и о битве на Воже сложились внутри свода 1409 г. Эта связь рассказа «о великом побоище иже на Дону» с сообщением о битве на Воже в Троицкой летописи и связанных со сводом 1409 г. летописях исследователями не учитывалась. Но еще в 1901 г. А. А. Шахматов в исследовании «Общерусские летописные своды XIV—XV вв.» определил этот рассказ как древнейший, предшествовавший литературно обработанной «Летописной повести». Краткое сообщение о Мамаевом побоище, писал А. А. Шахматов, читающееся «в Симеоновской (а также ... в Троицкой)» летописях, имеет «все черты первоначальной записи, а не позднейшего сокращения».⁶⁰ Однако в 1910 г., в рецензии на книгу С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов отказался от этого своего мнения. С. К. Шамбинаго, писал он, «справедливо указал, что повесть по Симеоновской летописи, которую я одно время был склонен признать древнею записью о Куликовской битве, не больше, как извлечение из обычной повести».⁶¹

Из этих слов А. А. Шахматова не совсем ясно, признал ли он, после статьи С. К. Шамбинаго, что рассказ «о великом побоище иже на Дону» не был заимствован Симеоновской летописью из свода 1409 г. или что рассказ этот читался в Троицкой, но не был первоначальным по отношению к «Летописной повести». Во всяком случае, М. Д. Приселков уже после работы А. А. Шахматова счел возможным включить рассказ «о великом побоище иже на Дону» Симеоновской летописи в реконструированный им текст Троицкой летописи.⁶² М. Д. Приселков считал, что этот рассказ является наиболее ранним летописным рассказом о Куликовской битве.⁶³ К сожалению, однако, М. Д. Приселков в своих печатных работах не успел, по-видимому, дать развернутой аргументации этого положения. Обратимся вновь к вопросу о происхождении рассказа «о великом побоище иже на Дону» в Симеоновской летописи.

С. К. Шамбинаго построил свой вывод об отношении рассказа Симеоновской летописи к «Летописной повести» на отдельных примерах, не про-

⁶⁰ А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков (Источники полхрона 1423 г.). — ЖМНП, 1901, ноябрь, стр. 65.

⁶¹ Шахматов. Отзыв, стр. 104.

⁶² См.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 419—421.

⁶³ Эта мысль М. Д. Приселкова получила отражение в написанной под его руководством студенческой работе Д. Н. Альшица «Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа» (Ученые записки ЛГУ, № 36. Серия исторических наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 110).

изведа полного сличения текстов, поэтому прежде чем анализировать эти примеры, внимательно проследим по всему тексту «Летописной повести», где и как она сближается с рассказом «о великом побоище иже на Дону».

В обширной первой части повести, описывающей события до начала битвы, с версией Симеоновской летописи сходны лишь несколько отдельных выражений, сообщающих об исторических фактах: в войске Мамая были «татарские и половецкие» рати, среди тех, кого он «понаймовал», были «фрязи, черкасы и ясы»; Мамай шел, так как «гневашеся о своих друзех и любовницех, о князех, избьеных на реце на Воже»; он «подвижесе силою многою, хотя пленити» крестьян; «бысть месяца августа приидоша от орды таковыя весте к ... князю, оже въздвизаетеся на крестьяны измалтеский род»; в призывах великого князя есть отдельные формулы, повторяющие краткий рассказ: «за правую веру крестьянскую», «за святых церкви», «хотя боронити своея отчины». Словами краткого рассказа автор сообщает: «Паки прииде ... другая весть. Повеша Мамай за Доном събравшася в поле стояща, ждуща к собе на помощь Ягайла с Литвою». В описании переправы за Дон с кратким рассказом совпадают лишь выражения «бысть поле чисто и велико зело», «бе бо поле чисто на усть Непрядвы реки».

В картине самой битвы лишь немногие формулы воинского стиля повторяют краткий рассказ: «...и ту исполчишася ... ступишася обои ... на долг час ... бысть сеча зла ... и брань крепка ... множество безчисленое падоша ... мертвых обоих». Так и в описании разгрома Мамая сходство двух версий ограничивается несколькими фразами: «...сыны агаряны ... иноплеменици, гоними гневом божим и страхом одержими суще ... побегоша ... бьюще и секуще поганых без милости, бог бо невидимую силою устраши ... обратиша плещи свои на язвы ... оружием падоша, а друзии в реце истопоша и гониша их до реки до Мечи».

Совпадает в обоих рассказах в большей части перечень убитых (по «Летописной повести» «на том побоищи», по Симеоновской летописи «в суиме»): «...князь Федор Романович Белозерский и сын его Иван («князь Иван Федорович» — Симеоновская летопись) ... Семен Михайлович, Микула сын Васильев тысяцкого («Микула Васильевич» — Симеоновская летопись), Михайло, Иван сыны Анкифовичи («Михайло Иванович Акинфович» — Симеоновская летопись) ... Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевичи, наречаеми Волун («Тимофей Волун» — Симеоновская летопись), Михайло Бренков, Лев Мозырев («Морозов» — Симеоновская летопись), Семен Меликов («Мелик» — Симеоновская летопись) ... Александр Пересвет...».

Больше совпадений с кратким рассказом в последних частях «Летописной повести» — речь великого князя «на костех», возвращение в Москву, судьба Мамая. Эпизод «на костех» расширен молитвой великого князя, в остальном тексты почти совпадают: «Князь же Дмитрий ... с князми рускими и с воеводами и с прочими бояры ... став ... на костех ... благодарение ... к богу ... похвали дружину свою, иже крепко бишася с иноплеменики и твердо брашася и мужески храброваша и дерзнуша по боге за веру крестьянскую».

Сходно описано и возвращение в Москву. Здесь добавлено лишь, что Олег Рязанский приказал «грабити и нагих пущати» тех, кто с Донского побоища побежит через его княжество.

Бегство Мамая и встреча его с Тохтамышем описаны почти одинаково, но, по краткому рассказу, битвы на Калках не было — воеводы Мамая сразу сдались Тохтамышу, а Мамай бежал и был убит погнавшимися за ним воинами Тохтамыша. «Летописная повесть» же, по другому источ-

нику, сообщает, что «бысть им бой, и царь Тохтамыш победи Мамаю и прогна его». Тогда воеводы сдались, Мамай бежал, но погоня не настигла его: он бежал в Кафу, где и был убит.⁶⁴

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно та часть «Летописной повести», которая наиболее близка к краткому рассказу (от возвращения в Москву), совершенно лишена религиозных отступлений, обильно распространяющих описание самой битвы, что в ней и об Олеге Рязанском повествуется так же спокойно, как в Симеоновской летописи, без единого осудительного эпитета, какими он щедро наделялся с самого начала повести. В кратком рассказе великий князь лишь после битвы узнает о том, что Олег готовился быть союзником Мамаю, это первое упоминание о роли рязанского князя. В «Летописной повести» же с самого начала уже известно об измене Олега, и Дмитрий Иванович узнает о ней еще в Москве, приравнивает его в молитве к Святополку, братоубийце, поэтому сходная с кратким рассказом фраза — «поведаша князю великому, что князь Олег Рязаньский посылал Мамаю на помощь свою силу» — в данном эпизоде «Летописной повести» явно не уместна. Совершенно очевидно, что эта фраза была переписана механически вместе с остальным текстом, где речь шла уже о действиях Олега после битвы (он переметал мосты, грабил возвращавшихся с битвы). Так именно та часть «Летописной повести», которая наиболее близка к рассказу Симеоновской летописи, обнаруживает свое стилистическое отличие от предшествующего текста, а в содержании некоторую неувязку с изложением фактов в первой части. Резко различается и тон рассказа об Олеге в эпизодах, не связанных с рассказом Симеоновской летописи, и в заключении, целиком сходном с ним.

Учитывая эти особенности текста последней части «Летописной повести», близкой к рассказу Симеоновской летописи, стройность этого рассказа и его несомненную связь с рассказом о битве на Воже, мы убеждаемся, что А. А. Шахматов был прав, когда оценил рассказ «о великом побоище иже на Дону» как древнейшее сообщение о Куликовской битве. Этот рассказ, сделанный в стилистической манере всех записей Троицкой летописи о действиях Мамаю и великого князя московского, композиционно стройный, не имеющий никаких следов более полного оригинала, послужил одним из исторических источников «Летописной повести», построенной в целом в совершенно ином «ключе». Насыщенная религиозной риторикой, резко осудительными эпитетами врагов, особенно Олега Рязанского, в конце эта повесть сбивается со своего тона и, подчиняясь изложению рассказа «о великом побоище иже на Дону», теряет эти признаки своего идейно-художественного строя.

В дальнейшем мы обнаружим и еще ряд источников «Летописной повести», не оставивших ни малейшего отражения в рассказе Симеоновской летописи. Невозможно представить себе такой процесс сокращения оригинала, при котором тщательно изъяты были бы все следы использованных в нем литературных источников, а извлеченный текст перестроен был бы затем по стилистической схеме рассказа о битве на Воже. В то же время вполне естественно, что автор более поздней повести о Куликовской битве, украсивший изложение обильными чисто «литературными» элементами своих источников, воспользовался историческими данными рассказа «о великом побоище иже на Дону», включая их в том же стилистическом выражении, в каком они записаны в этом рассказе.

⁶⁴ См. об этом подробнее в статье Ю. К. Бегунова «Об исторической основе „Сказания о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 518—523.

«Летописная повесть» — сложное по составу своих источников произведение. Пространное изложение ее лишено той композиционной стройности, которая характерна для Симеоновской версии. В повести немало повторов, есть и некоторые нарушения плана — последовательности в описании событий. Так, повесть начинается с сообщения о том, что Мамай уже «прииде» со своим войском, к которому он «понаймавав рати» многих народов, что с ним «в единой думе» и Ягайло, и Олег Рязанский. После нравоучительного отступления и обещания, что Олегу «придет день великий господень в суд аду», автор возвращается к описанию «злого совета» Мамаю с его князьями, объясняет, что Мамай хочет отомстить за поражение на Воже, и снова сообщает, что он «нача ... силы своя сбирати» в поход. Во второй раз возникает тема союзников Мамаю: описываются их переговоры, вставлено обличение «изменника» Олега.

Не раз повесть повторяет, что Мамай ждет своего союзника Ягайла, не раз описывает его гнев, снова и снова обличает Олега. Молитвам и обличительным тирадам в первой части уделено гораздо больше места, чем сообщениям о событиях. В отличие от рассказа «о великом побоище иже на Дону» в повести рядом идут две стилистические системы: книжнориторическая и летописно-документальная. Фактические данные краткого рассказа дополняются, а в последней части заменяются новыми сведениями о переговорах Мамаю с союзниками, о действиях Олега Рязанского, о составе войска Мамаю и русских «сил», о воеводах, ушедших в поход и оставшихся в Москве, о присылке грамоты Сергием, о споре перед переправой русских войск за Дон, о личном участии в битве Дмитрия Ивановича, о бегстве Ягайла и о гибели Мамаю в Кафе. Все эти дополнительные факты никак не отражены в кратком рассказе, но все его известия вошли в «Летописную повесть», кроме указания на то, что Мамай был убит воинами, посланными в погоню Тохтамышем. Автор «Летописной повести» уже знает о бегстве Мамаю в Кафу, поэтому, переписав точно из рассказа «о великом побоище иже на Дону» — «царь же Тахтамыш посла за ними (за Мамаем и его единомышленниками) в погоню воя своя», он связал с ней рассказ о кафинцах словами: «Мамай же, гоним сый, бегая пред Тахтамышевыми гонители, и прибежа близ града Кафы».

Итак, рассказ Симеоновской летописи мы признаем рассказом Троицкой летописи и включаем в число исторических источников «Летописной повести».

Обратимся к доказательствам, которые выдвигал С. К. Шамбинаго, утверждая, что рассказ Симеоновской летописи — сокращение «Летописной повести». Этих доказательств шесть.⁶⁵ Остановимся прежде всего на пунктах 3-м и 5-м.

Пункт 3-й: «Изложение Симеоновской летописи представляет сокращенный пересказ Летописной повести, с сохранением многих мест последней. Выпущены все молитвы, все рассуждения, упоминание об Олеге, пребывание великого князя в Коломне, рассказы о вмешательстве небесной силы».

Пункт 5-й: «При полном отсутствии упоминания об Олеге Рязанском, об его неприязненных действиях против великого князя, неожиданно в конце Повести находится рассказ о решении Дмитрия послать войско против Олега, о бегстве последнего и покорстве рязанских бояр — вполне соответствующий по тексту Летописной повести. Следующий непосредственно за этим рассказ о судьбе Мамаю также имеет с Летописной повестью буквальное сходство. Присутствие двух распространенных эпизо-

⁶⁵ См.: Шамбинаго, стр. 81—83.

дов, в сущности второстепенных, при главном сжатом содержании может только указывать на позднейшее сокращение текста».

Выше уже было показано (стр. 358), как незначительны совпадения Симеоновской версии с «Летописной повестью» в частях, предшествующих описанию возвращения войск в Москву. Если извлечь их из текста «Летописной повести», то стройного рассказа Симеоновской не получится, к тому же непонятной останется связь этого «извлечения» с композицией и стилистикой рассказа о битве на Воже. Что же касается последней части «Летописной повести», то мы уже видели (стр. 359), что она выпадает из стилистического строя предыдущего текста, слабо соотносена с ним в рассказе об Олеге Рязанском; известие же о гибели Мамаю в Кафе в ней искусственно подогнано к сообщению о том, что Мамай был убит войнами, посланными в погоню Тохтамышем. Таким образом, оба эти «доказательства» С. К. Шамбинаго отпадают при более внимательном сопоставлении текстов Симеоновской версии и «Летописной повести»: вторичность именно последней повести очевидна.

Пункт 4-й в доводах С. К. Шамбинаго отмечает, что в Симеоновской версии сокращена формула боя. Действительно, краткому описанию Симеоновской — «и ступишася обои и бысть на долзе часе брань крепка зело и сеча зла» — в Новгородской IV летописи соответствует развернутая картина: «И сступишася обои силы велицеи на долг час вместо и покрыша полки поле, яко на десять верст от множества вой, и бысть сеча зла и велика и брань крепка, трус велик зело, яко же от начала миру сеча не бывала такова великим князем руским . . . пролияша кровь, аки дождева туча».

Однако еще в 1902 г. А. С. Орлов указал,⁶⁶ что выражение «сступишася . . . и бысть сеча зла» (т. е. формула Симеоновской версии) характерно для многих воинских повестей, что оно явилось как бы зародышем, из которого развились обширные картины боя, подобные той, какую дает «Летописная повесть». Напомним, что именно краткая формула характерна для соседних с рассказом 1380 г. эпизодов Троицкой летописи: «Брань зело люта и сеча зла» (1365 г.) или еще короче: «Бысть рать велика зело» (1377 г.).

Составитель рассказа «о великом побоище иже на Дону» ограничился этим штампом воинского стиля, он не претендовал на картинность изложения. Автор же пространной «Летописной повести», оттолкнувшись от обычной краткой формулы, сообщавшей лишь о напряженности битвы, развернул картину такой «сечи», какой «от начала миру не бывало». Гиперболичность этой картины вполне соответствует общему эмоциональному тону изложения этой повести. Трудно допустить, чтобы предполагаемый редактор Троицкой версии так умело вылушил бы из сложного списания битвы в своем оригинале лишь традиционную краткую формулу боя, не оставив ни малейшего следа картинной стилистики этого оригинала.

В пункте 6-м своей работы С. К. Шамбинаго пишет: «В списках третьей редакции Новгородской IV, в Повести, вместо „исполчишася“ написано „исполнишася“. Эту же ошибку встречаем и в Симеоновской л. Можно думать, что сокращение повести произошло со списка, заключающего эту ошибку». Итак, повесть Симеоновской летописи, по С. К. Шамбинаго, является сокращением текста повести Новгородской IV третьей редакции (по А. А. Шахматову — это Новгородско-псковская группа Нов-

⁶⁶ См.: Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 11—12.

городской V летописи),⁶⁷ которую С. К. Шамбинаго ошибочно считал первоначальным текстом повести; она повторяет ошибку последней: «исполнишася» вместо «исполчишася». Но довод этот еще в 1910 г. был отвергнут А. А. Шахматовым. Касаюсь сближения С. К. Шамбинаго текста повести по Симеоновской летописи с Новгородской V на основании общей описки «исполнишася» вместо «исполчишася» и решительно отвергая его, А. А. Шахматов писал: «Этой описки не было в протографе Симеоновской, так как в тождественном тексте Рогожского летописца читаем: „изопльчишася“. Итак, сходство случайное».⁶⁸

Обратимся теперь к первым двум положениям, выдвинутым С. К. Шамбинаго. В пункте 2-м С. К. Шамбинаго пишет: «Имена убитых на бою в Симеоновской помещены с пропусками против „Летописной повести“, а по порядку и по количеству вполне соответствуют ... Троицкой (напечатанной) летописи, где повесть безусловно сокращена». Дадим разъяснение. «Троицкая напечатанная летопись» — это Московско-академический список Суздальской летописи, изданный в I томе ПСРЛ. Повесть о Куликовской битве, заключенная в нем, действительно является «безусловным сокращением», но сокращением того именно текста, который читается в Симеоновской, а не в Новгородской IV и Софийской I летописях (см. об этом выше, стр. 355). Список убитых, по сравнению с повестью Симеоновской летописи, остался в нем без изменения. Какой же список убитых — тот, который читается в рассказе Симеоновской летописи, или пространный список, включенный в повесть Новгородской IV и Софийской I летописей, следует считать первоначальным? Этому вопросу мы еще коснемся ниже, сейчас же заметим только, что в одном из древнейших пергаменных синодиков XV в., под рубрикой «убиеные от безбожного Мамаа» полностью (за исключением одного имени — Александра Пересвета) читаются имена, занесенные в рассказ Симеоновской летописи, дополнительные же имена к ним, встречающиеся в списке убитых повести Новгородской IV и Софийской I летописей, под этой рубрикой отсутствуют. В дальнейшем мы покажем, что к Куликовской битве эти имена убитых не имели ни малейшего отношения.

Таким образом, и в этом пункте доводы С. К. Шамбинаго в пользу вторичности текста в Симеоновской летописи отпадают.

Обратимся к последнему аргументу С. К. Шамбинаго в пользу вторичности текста повести в Симеоновской летописи — пункту 1-му.

Основываясь на рассуждениях Карамзина в примечании 65-м тома V его «Истории государства Российского»,⁶⁹ С. К. Шамбинаго пришел к выводу, что повесть о Куликовской битве в Симеоновской летописи не была тождественна сгоревшей Троицкой: сообщение Троицкой (которая, по мнению С. К. Шамбинаго, восходила к некоему развитому рассказу о Куликовской битве, отразившемуся и в «Летописной повести») ⁷⁰ было полнее Симеоновской. Симеоновская же летопись содержала краткий вариант. Приводим полностью слова С. К. Шамбинаго: «Известная Карамзину Троицкая летопись в тексте Летописной повести отличалась от Симеоновской. Карамзин говорит: „Заметим единственно, что по Троицкой и Ростовской летописям Михаил Тверский не участвовал в сем ополчении и что послы Мамаевы нашли Димитрия уже в Коломне“ (прим. 66 к V т.). В известной Карамзину Ростовской летописи, в которой, судя по вы-

⁶⁷ См.: Шахматов. Отзыв, стр. 94—97.

⁶⁸ Там же, стр. 124.

⁶⁹ См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1892, Примечания, стр. 19—20.

⁷⁰ См.: Шамбинаго, стр. 78—79.

держкам, заключалась „Летописная повесть“ распространенной редакции, действительно сказано, что „нача Мамай слати ко князю Дмитрию выхода просити“ в то время, когда тот был в Коломне, но в Симеоновской упоминания о пребывании Дмитрия в Коломне и о посольстве Мамаея нет.⁷¹

С. К. Шамбинаго, как представляется, неверно истолковал текст Карамзина. Карамзин в 65-м (а не в 66-м — ошибочно у С. К. Шамбинаго) примечании своей «Истории», сравнивая описание Куликовской битвы в «Ростовском летописце» (так называемой Ростовской летописи)⁷² с описанием ее в Синописе и Никоновской летописи, пришел к заключению, что первый памятник дает более или менее исторически верные свидетельства, в последних же двух содержится «явная ложь». Перечислив вкратце некоторые моменты «баснословного» повествования Никоновской летописи, Карамзин заметил: «Оставим нескладницу повествования: заметим единственно, что по Троицкой и Ростовской летописям Михаил Тверский не участвовал в сем ополчении (в Никоновской: участвовал, — М. С.) и что послы Мамаевы нашли Димитрия уже в Коломне (в Никоновской: в Москве, — М. С.); что в Москве по кончине Василия не было тысяцких (в Никоновской: пир у тысяцкого, — М. С.); что князья Кемские, Андомские, Курбские принадлежат к новейшим временам» (в Никоновской же они упомянуты, — М. С.).⁷³

Повесть о Куликовской битве в так называемой Ростовской летописи носит пространный характер и сходна с тем текстом, который читается в Летописи Дубровского. В ней действительно упоминание о Михаиле Тверском отсутствует, а послы Мамаея застают Дмитрия, как и в других пространных текстах повести, в Коломне. Вопрос заключается в следующем: имеет ли отношение это замечание Карамзина к Троицкой летописи только в своем первом «пункте», или же к Троицкой летописи относится также и следующий «пункт» «о послах» — момент, отсутствующий в Симеоновской летописи. Если «послы» упоминались бы в Троицкой летописи, — тогда действительно повесть Троицкой летописи пришлось бы признать полнее повести летописи Симеоновской.

Вопреки С. К. Шамбинаго нам представляется, что замечание Карамзина несомненно имело отношение к Троицкой летописи только в первом его «пункте», где прямо сказано, что «по Троицкой и Ростовской летописям Михаил Тверской не участвовал в сем ополчении». Всю же остальную часть замечания Карамзина мы вправе с Троицкой летописью не связывать. Во-первых, несколько выше, в этом же примечании, Карамзин заметил, что он «следует во всем Ростовскому летописцу» (возможно потому, что текст этого летописца пространен, а Троицкой краток). Троицкая летопись могла быть названа им здесь лишь для авторитетности, он причислял ее, по-видимому, как и Ростовскую, к «достоверным источникам» (в отличие от Никоновской).⁷⁴ Во-вторых, в своем замечании Карамзин, можно думать, просто проявил недостаточную четкость в формулировке. Ведь целью его было не противопоставление одних произведений другим по их фактам (в Никоновской летописи и в Троицкой

⁷¹ Там же, стр. 81—82.

⁷² Так называемая Ростовская летопись — это летописная компиляция начала XVI в. (см.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904). Летопись находится в ЦГАДА, в сборнике Главного архива Министерства иностранных дел № 20—25. «Ростовской» она была названа Карамзиным.

⁷³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V, Примечания, стр. 20.

⁷⁴ См. замечание об этом Карамзина в самом начале примечания 65-го (там же, т. V, Примечания, стр. 19).

с Ростовской), а стремление указать на «нескладуцу» в одних памятниках по сравнению с другими. Потому-то Карамзин и остановил свое внимание на «тысячском» и на князьях «Кемских, Андомских и Курбских». Именно это, по-видимому, побудило М. Д. Приселкова, восстановившего текст Троицкой летописи⁷⁵ и исследовавшего при этом все материалы, могущие иметь к Троицкой летописи малейшее отношение, представить текст повести о Куликовской битве в этой летописи таким, каким он выглядел в летописи Симеоновской. К Троицкой летописи М. Д. Приселков отнес только первое из приведенных Карамзиным известий.⁷⁶ Таким образом, и этот последний аргумент С. К. Шамбинаго мы считаем возможным отвести.

Итак, вывод, к которому мы пришли в итоге всех наблюдений над отношением краткого рассказа «о великом побоище иже на Дону» к «Летописной повести», можно сформулировать следующим образом: повесть о Куликовской битве в Троицкой—Симеоновской летописях не является сокращением пространного ее вида. Ни один из шести доводов С. К. Шамбинаго в пользу вторичности текста повести в Симеоновской летописи не кажется нам убедительным. Мнение, сложившееся у А. А. Шахматова, когда он писал, что в рассказе Симеоновской (и Троицкой) летописи он находит «все черты первоначальной записи», было правильным. Повествование Троицкой летописи мы признаем старейшей записью рассказа «о побоище на Дону».⁷⁷ На основе рассказа Троицкой летописи, т. е. свода 1409 г., и возникла так называемая «Летописная повесть».

3

Троицкий рассказ «о великом побоище иже на Дону», который отражился в «Летописной повести», начиная с ее заглавия («О побоищи иже на Дону и о том, князь великий како бился с Ордою»), был лишь одним из источников ее. Определение этих источников неоднократно привлекало внимание исследователей.

С. К. Шамбинаго вслед за С. М. Соловьевым⁷⁸ и И. Назаровым⁷⁹ считал, что основным литературным источником повести, ее «ближайшей литературной формой» была послужившая образцом для многих произведений древнерусской литературы Повесть об Александре Невском.⁸⁰ Помимо этого, считал С. К. Шамбинаго, автор повести использовал исторические факты, составившие канву рассказа, Синодик, из которого были заимствованы имена павших в бою, и священное писание.⁸¹

А. А. Шахматов возводил пространную «Летописную повесть» к тем же источникам, что и С. К. Шамбинаго, пополнив их еще одним — паремийным чтением о Борисе и Глебе, которым, по мнению А. А. Шахматова, составитель повести пользовался «весьма основательно».⁸²

⁷⁵ См.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 419—421.

⁷⁶ См.: там же, стр. 419.

⁷⁷ Рассказ о «великом побоище иже на Дону» Симеоновской летописи (а следовательно, и Троицкой) считает древнейшей записью и М. Н. Тихомиров (Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 345).

⁷⁸ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. 4, гл. 3, М., 1960, стр. 633.

⁷⁹ И. Назаров. Сказания о Мамаевом побоище. — ЖМНП, ч. ХСІХ, № 7, 1858, стр. 50—52.

⁸⁰ См.: Шамбинаго, стр. 66, 71.

⁸¹ См.: там же, стр. 57, 71, 78.

⁸² См.: Шахматов. Отзыв, стр. 120—122.

Новый литературный источник «Летописной повести» был указан В. П. Адриановой-Перетц. «Летописная повесть», как оказалось, в разных местах своего текста использовала апокрифическое «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов». ⁸³ Позволим себе высказать свои соображения по этому вопросу.

Одним из источников «Летописной повести», как только что говорилось, предполагается Повесть об Александре Невском. С. К. Шамбинаго находил, что «Летописная повесть» полностью подражала Повести об Александре. ⁸⁴ «План повести об Александре», «значительное большинство выражений и оборотов (даже определения времени, как: бой в субботу, шестой час дня, утро) одинаковы в обоих памятниках», одна и та же формула боя, рассказ о чуде Бориса и Глеба — все это, по мнению С. К. Шамбинаго, ⁸⁵ повторила «Летописная повесть». Составитель пространной повести о Куликовской битве, считал С. К. Шамбинаго, знал Повесть об Александре во второй ее редакции, т. е. той, которая читается в Софийской I и Воскресенской летописях.

Повесть об Александре, по-видимому, действительно была одним из источников «Летописной повести». Однако ее влияние на «Летописную повесть» сказало все же не в такой мере, как представлялось С. К. Шамбинаго, и воздействовал на «Летописную повесть» рассказ в редакции не Софийской I летописи. ⁸⁶ Выше говорилось, что «Летописная повесть» должна была уже содержаться в так называемом «своде 1448 года», восстанавливаемом, по А. А. Шахматову, путем сравнения Новгородской IV и Софийской I летописей. О влиянии Повести об Александре именно в тексте Софийской I летописи на «Летописную повесть» можно было бы еще говорить, если бы Повесть об Александре «свода 1448 года», также в нем содержащаяся, текстуально совпадала бы с находящейся в Софийской I летописи. Однако, как показывают наблюдения последнего исследователя Повести об Александре Ю. К. Бегунова, текст ее в Софийской I летописи не соответствовал тому, который должен был находиться в «своде 1448 года». Восстанавливаемый на основе сличения Новгородской I младшего извода и Софийской I летописей, текст Повести об Александре в «своде 1448 года» должен был быть текстуально ближе к ее тексту Новгородской I летописи младшего извода. ⁸⁷ Софийская I летопись же дала такой вариант Повести об Александре, для которого характерными явились украшения и добавления, привлеченные, как предполагает исследователь, «не только с декоративными целями, а с целью возвели-

⁸³ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 88. А. С. Орлов, также занимавшийся изучением источников «Летописной повести», задолго до обнаружения В. П. Адриановой-Перетц этого источника, высказывал предположение, что для описания огчания Мамаия и «плача жен» (как теперь установлено, созданного под влиянием «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов») автор пользовался компилятивным Хронографом и сербским житием Стефана Лазаревича, сочиненного Константином Костенским в 1431—1432 гг. (см.: А. С. Орлов. Литературные источники повести о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, т. II, М.—Л., 1935, стр. 159—163).

⁸⁴ Мы употребляем здесь термин С. К. Шамбинаго, который под Повестью об Александре имел в виду Житие Александра Невского, соединенное с летописными известиями.

⁸⁵ См.: Шамбинаго, стр. 71.

⁸⁶ Против предположения С. К. Шамбинаго, что составитель «Летописной повести» знал Повесть об Александре в редакции Софийской I летописи, возражал еще А. А. Шахматов (Отзв., стр. 122).

⁸⁷ Об этом пишет Ю. К. Бегунов в подготавливаемой им для печати статье «Новгородские редакции Жития Александра Невского».

чения и прославления Александра Ярославича, как общерусского святого война».⁸⁸

Именно к этим «украшениям и добавлениям» Софийской I летописи и относятся некоторые места Повести об Александре, которым, как считал С. К. Шамбинаго, подражала «Летописная повесть». Это, пользуясь терминологией С. К. Шамбинаго, «самоумнение короля» и выражение «князь же великы ... укрепився силою крестною, ополчився поиде на них».⁸⁹

Эти мотивы Повести об Александре, по всей вероятности, отсутствовали в «своде 1448 года», они принадлежат исключительно Повести об Александре Софийской I летописи. Но первая редакция Софийской I летописи датируется временем после 1448 и до 1462 г.,⁹⁰ а «Летописная повесть» находилась уже в «своде 1448 года». Поэтому влияния Повести об Александре в редакции Софийской I летописи на «Летописную повесть» быть не могло.⁹¹

Добавим, что не все приводимые С. К. Шамбинаго параллели представляются нам убедительными.⁹² Так, например, «изображение скорби по поводу выступления князей в поход». В Повести об Александре — это реплика автора, сожалеющего, что Ярослав, «честный и великий», не смог увидеть «сына своего встанья».⁹³ В «Летописной повести» действительно показана скорбь жен, оплакивающих «чад своих», которые «поиде за Оку с великим князем». Выражения «и възпримъ псаломскую песнь» (Повесть об Александре) и «и възприм Авраамлю доблесть» («Летописная повесть») с последующей молитвой дословно не совпадают, и, кроме того, в Повести об Александре приведенные слова связываются с молитвой, произносимой князем в церкви, в «Летописной повести» же они относятся к молитве, произносимой Дмитрием перед отправлением в поход. Выражение «въсприим Авраамлю доблесть» «Летописной повести» дословно повторяет паремийное чтение о Борисе и Глебе, где сказано, что князь Ярослав «въсприимъ Авраамлю доблесть» и «поиде на Святополька».⁹⁴ Произведение это также оказало влияние на «Летописную повесть» (см. ниже). Все остальные параллели, указанные С. К. Шамбинаго относительно Повести об Александре и «Летописной повести», на наш взгляд, заслуживают внимания.⁹⁵ Однако разберемся в этом вопросе более тщательно.

К отрывкам Повести об Александре, которые повлияли на «Летописную повесть», С. К. Шамбинаго относил следующие: «король выступает» (перечисление выступающих народов), «преследование бегущих неприятелей», «захват добычи», «перечисление убитых», «заклучение: возвращение с победою», а также «формулу боя».

Действительно, в «Летописной повести» все отмеченные эпизоды имеют место. Однако не Повесть об Александре явилась здесь прямым источником «Летописной повести». Этим источником был рассказ «о великом побище иже на Дону» свода 1409 г. (Троицкой летописи).

⁸⁸ Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей. — Новгородский исторический сборник, вып. 9, Новгород, 1959, стр. 236.

⁸⁹ Шамбинаго, стр. 67, 69.

⁹⁰ См.: Шахматов. Обзорение, стр. 213.

⁹¹ Не появились ли указанные мотивы в Повести об Александре в Софийской I летописи уже под влиянием «Летописной повести»?

⁹² Об этом писал еще Мансикка (В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДПИ, т. CLXXX, СПб., 1913, стр. 218).

⁹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 292.

⁹⁴ См.: Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 117.

⁹⁵ См.: Шамбинаго, стр. 67—70.

Выше мы отметили все совпадающие с Троицкой версией места «Летописной повести» (см. выше, стр. 358—359). Среди них находятся и те эпизоды, источником которых С. К. Шамбинаго считал названные отрывки жития Александра Невского.

Обратимся к другим, указанным С. К. Шамбинаго параллелям. И в Повести об Александре, и в «Летописной повести», по мнению С. К. Шамбинаго, одинаково описаны действия князей после получения известий о нашествии врагов. Действительно, в обоих случаях князья Александр Ярославич и Дмитрий направляются, первый — в «церковь святых Софии», второй — в «соборную церковь святых Богородицы» и, «проливая слезы», обращаются к богу с молитвой (молитвы имеют некоторое сходство).⁹⁶ И в том, и в другом произведении князья, отправляясь в поход, Александр — из Новгорода, Дмитрий уже из Коломны, получают благословение местных епископов. В обоих произведениях и тот, и другой князь, правда при разных обстоятельствах — один, собирая дружину, другой — устанавливая полки около Дона, произносят слова одного и того же псалма XIX, 8. Оба князья вспоминают и заповедь божью о невступлении в чужие пределы.

По-видимому, следует, как это делает С. К. Шамбинаго, считать отражением Повести об Александре и обращение в «Летописной повести» князей и воевод с речью к великому князю. Интересно, что в «Сказании о Мамаевом побоище», также воспользовавшемся Повестью об Александре, в речь «русских богатырей» к князю на поле битвы уже включены даже и слова из речи «мужей Александровых».

Сходство обеих повестей наблюдается и в рассуждении по поводу вторжения врагов и в описании начала их выступления: шведский король грозит захватить «землю Александрову», и, выступая в поход, «пыхает духом ратным» и «шатается безумием». Также и Мамай, обращаясь к своим «князем темным», предлагает им пойти «на рускаго князя и на всю силу рускую», а, собрав «силы своя», отправляется в наступление «с яростию».

Параллель видел С. К. Шамбинаго и в описании «утра битвы»;⁹⁷ в обоих произведениях указывается, что битва началась в субботу в шестом часу дня, когда всходило солнце (уточним: в Повести об Александре в 6 часу дня началась Невская битва; в «суботный» же день «всходящую солнцю» происходил бой на Чудском озере). Возможно, в приведенных фактах и следует видеть какое-то влияние Повести об Александре, однако следует все же учитывать, что Куликовская битва действительно происходила в субботу.⁹⁸ Выражение же «всходящую солнцю» могло появиться в «Летописной повести» и под влиянием паремийного чтения о Борисе и Глебе, где это выражение также встречается. И, наконец, последний эпизод, в котором С. К. Шамбинаго усматривал близость обоих памятников, — это «чудо Бориса и Глеба».

Описание битвы в «Летописной повести» заканчивается рассказом о том, как в 9-й час боя на помощь русским воинам пришли небесные силы: «ангели» помогали «крестьяном, и святых мученик полк, воина

⁹⁶ В «Летописной повести» князь обращается с молитвой еще и к богородице.

⁹⁷ С. К. Шамбинаго видел параллель и в «уряжении полков». Но эта параллель слишком незначительна.

⁹⁸ Именно в этот день недели происходит битва и по Троицкой летописи. Суббота приходится на 8 сентября 1380 г. и согласно вычислениям (см.: Н. Г. Бережков. Общая формула для определения дня недели по числу месяца в январских годах н. э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах от «сотворения мира». — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, стр. 350).

Георгия и славного Дмитрея и великих тезоименитых Бориса и Глеба». Среди них был и «воевода свершенного полка небесных вой архистратиг Михаил».

Автор «Летописной повести», считал С. К. Шамбинаго, говоря о помощи небесных сил, отталкивался в изображении этого момента от Повести об Александре, в которой ангелы божии помогают Александру в Невской битве; о «полке божием», пришедшем «на помощь Александру», виденном им «на въздусе», рассказывает «самовидец» битвы на Чудском озере.

К этому замечанию С. К. Шамбинаго следовало бы только добавить, что самая возможность картинно изобразить «небесную помощь», обратившись к Повести об Александре, была подсказана автору «Летописной повести» основным ее источником — рассказом «о великом побоище иже на Дону» свода 1409 г., в котором говорилось: «Бог бо невидимую силою устраши сыны Агаряны».⁹⁹

Таким образом, следует признать, что «Летописная повесть» испытала на себе влияние Повести об Александре, но в меньшей степени, чем это представлялось С. К. Шамбинаго. В отличие от С. К. Шамбинаго нам представляется, что на «Летописную повесть» оказал воздействие не тот текст Повести об Александре, который сохранила Софийская I летопись, а по-видимому, тот, что читался в «своде 1448 года».¹⁰⁰

Повесть об Александре Невском обратила на себя внимание автора «Летописной повести» близостью ее темы — победы на Чудском озере — к сюжету задуманного им повествования о победе на Куликовом поле. Ход событий, известный ему по Троицкому рассказу, — нашествие врага, сбор войск, битва у реки, бегство врага, победа русских, — соответствовал плану повести о победе Александра Невского. Так возник замысел расцветить строго фактический рассказ основного исторического источника — Троицкого рассказа поэтическими красками повествования о битве на Чудском озере.

Повесть об Александре, возможно, побудила автора обратиться и к паремийному чтению о Борисе и Глебе, которое, как отметил А. А. Шахматов, также было использовано при сложении «Летописной повести». Влияние паремийного чтения о Борисе и Глебе на Повесть об Александре сказалось, как показал В. Мансикка,¹⁰¹ в изображении боевой картины на льду Чудского озера; о Ярославле, победившем «окааннаго Святополка», вспоминает Александр в молитве, произносимой им перед этим боем. А. А. Шахматов¹⁰² усматривал влияние паремийного чтения о Борисе и Глебе на «Летописную повесть» в следующих подробностях: 1) сравнение Мамаю со Святополком («безглавным зверем»),¹⁰³ а Дмитрия

⁹⁹ Эта краткая формула рассказа Троицкой летописи вошла и в текст «Летописной повести» в отрывок о бегстве татар. В дополнение к параллелям, указанным С. К. Шамбинаго, В. Мансикка приводил свои: «Въстав от молитвы, изиде из церкви»; «и поиде ... уповая на милосердие божие (в Повести об Александре: «И иде на них ... уповая на святуу Троицу»); покрыша ... поле ... от множества вой (в Повести об Александре: «Множеством обоих вой покрыша езеро») — см.: В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 218.

¹⁰⁰ Как выше отмечалось, он должен был быть текстуально близок тому, который сохранился в Новгородской I летописи младшего извода. Текст повести, сохранившийся в Новгородской I летописи младшего извода, Ю. К. Бегунов относит к первому виду второй редакции, а в Софийской I летописи — ко второму виду второй редакции.

¹⁰¹ См.: В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 43—44.

¹⁰² См.: Шахматов в. Отзыв, стр. 120.

¹⁰³ В отличие от А. А. Шахматова считаем, что под Святополком в повести подразумевается Олег Рязанский.

с Ярославом; 2) помощь ангелов. Кроме того, А. А. Шахматов находил, что на «Летописную повесть» повлияли следующие фразы паремийного чтения: «Святопѣлк же дав плещи побеже» (в «Летописной повести»: «... а сам вдав плещи свои и побеже»), «и възприим Аврамлю доблесть... нарек бога и рече» (в «Летописной повести»: «... и възприимем Авраамлю доблесть и нарек бога и рече»), а также «и отполони вся стада Содомьския» (в «Летописной повести»: «... и полониша богатства и много и вся имения их и вся стада их содомьская»). «Так, — пишет А. А. Шахматов, — читается, напр., в Трефолое Погод. № 429, между тем как в Парим. 1271 г. „и възврати вся коня съдомьския“». ¹⁰⁴

Привлеченные А. А. Шахматовым параллели, за исключением этой последней и «помощи небесной», изображение которой разработано автором «Летописной повести» по Повести об Александре, дополним следующими: «... не ведьи, яко мечь божи острится на нь» (в «Летописной повести»: «... не веси, яко мечь божи острится на тя»); «събра ... варяг 6000, а прочих вои 30 тысящ», «събра люди своя 300 и 18» (в Летописной повести»: «... събрав вои своих 100 000 и 50 000»); «не аз начах избивати братию, но он, оканный Святополк», — говорит Ярослав (в «Летописной повести»: «... не аз почал кровь проливату чрестьянскую, но, он, Святополк новый», — произносит Дмитрий); после битвы Ярослав «утър пота с дружиною своею, показая победу и труд велик» (в «Летописной повести»: Дмитрий, стоя «на костех татарьских», также «утер поту своего»). ¹⁰⁵

Следующим источником составителя «Летописной повести» было, как указала В. П. Адрианова-Перетц, апокрифическое «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов». ¹⁰⁶ Этот источник был использован автором «Летописной повести» для изображения скорби «жен» по «чадом своим», ушедшим «за Оку» с великим князем, и для описания гнева Мамаю, когда он узнает о приходе князя к Дону. На основе этого источника построена характеристика Мамаю, даваемая ему князем Дмитрием, а также плач Мамаю. ¹⁰⁷

В «Летописной повести» широко используются еще цитаты из библейских книг, чаще всего псалмов, на текстах которых построены избыточные в «Летописной повести» молитвы великого князя и речь от автора в начале повести.

С. К. Шамбинаго были указаны следующие псалмы: 1) псалом XXXVI, 14, 15 — после слов «враже изменниче Олже...»; 2) псалмы LXXVI, 14, 15 и LXXVIII, 6, 10, 12, использованные в молитве Дмитрия, после того как он узнает о предательстве Олега. Дополним С. К. Шамбинаго: в эту молитву вошли, кроме того, цитаты из Второзакония XXXII, 41, 42; 3) псалмы III, 2, CXVII, 10 и псалом CXVIII, 157, цитаты из которых вошли в молитву князя, которую он произносит по переходе Дона; 4) псалмы XLIII, 7 и XC, 5, 9, 10, 11, в отрывке, где идет речь о достоинстве и мужестве, проявленных великим князем в битве. Автор «Летописной повести» использовал псалмы LXIX, 2, 3 и LXXXII, 19 — в молитве,

¹⁰⁴ Шахматов. Отзыв, стр. 120.

¹⁰⁵ Примеры из «Летописной повести» приводятся по ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1 и 2, из паремийного чтения по изд. Д. И. Абрамовича (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им).

¹⁰⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского, стр. 87.

¹⁰⁷ Сопоставление «Летописной повести» со «Словом на рождество Христово о пришествии волхвов» приводится в статье В. П. Адриановой-Перетц «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского» (стр. 87—88).

с которой великий князь выступил в поход: псалмы XIX, 8 и XLV, 2 дали цитаты для молитв, произнесенных князем перед переходом Дона и на поле битвы. Кроме того, как указал еще С. К. Шамбинаго, автор «Летописной повести» в нарисованную им картину «перед сражением» ввел евангельскую формулу (Евангелие от Матфея, XXIV, 28) — «иде же бо аще будет труп, тамо соберутся орли» (в «Летописной повести»: «...где трупы, ту и орли»).

Кроме рассказа Троицкой летописи, давшего основной исторический материал, «Летописная повесть» в списке убитых использовала дополнительные сведения, происхождение которых необходимо выяснить для уточнения датировки всего произведения. В значительной части тождественный с «Летописной повестью» (см. выше, стр. 358), «список убитых» рассказа Троицкой летописи полностью совпадает¹⁰⁸ со «списком убитых» в Куликовской битве, сохранившимся в составе пергаменного Синодика ГИМ, собр. Синод. 6-ки № 667, древнейшая часть которого датируется XIV—XV вв.¹⁰⁹ (см. таблицу, стр. 370—371). Таким образом, можно думать, что имена павших на Куликовском поле, перечисленные в рассказе Троицкой летописи, исторически достоверны.¹¹⁰

Однако «Летописная повесть», помимо имен убитых в Куликовской битве, упомянутых в рассказе Троицкой летописи, называет еще целый ряд: князя Федора Тарусского и брата его Мстислава, князя Дмитрия Монастырева, Ивана Александровича, Дмитрия Мининича. Что это за имена?

Синодик (ГИМ, собр. Синод. 6-ки № 667) ¹¹¹	Троицкая летопись	Софийская летопись
Князь Федор Белозерский, сын его Иван,	Князь Феодор Романович Белозерский, сын его князь Иван Федо- ровичь,	Князь Федор Романович Белозерский, сын его князь Иван, князь Федор Торусь- ский,

¹⁰⁸ Там нет только имени Александра Пересвета, добавленного в Троицкой летописи. Нужно думать, что Лев Иванович Синодика и есть Лев Морозов летописи. В роде Морозовых Лев Иванович существовал. Это был праправнук некоего «Терентя», сражавшегося в битве на Неве с королем при Александре Невском (см.: Родословная книга. — ВОИДР, кн. X. М., 1851, стр. 107—108). Что касается Михаила Ивановича Синодика и Михаила Бренка летописи, то можно только предполагать, что это одно и то же лицо. «Сказание о Мамаевом побоище» приписывает, правда, Михаилу Бренку отчество «Андреевич», однако доверять этому нельзя: в именах «Сказание» иногда отступало от исторически засвидетельствованных.

¹⁰⁹ Записки в Синодике продолжены до XVII в. включительно. Синодик издан в «Древней Российской вивлиофике» Н. Новиковым (изд. 2-е, ч. VI, М., 1788). С. К. Шамбинаго допускает ошибку, причисляя к убитым на Куликовом поле имена, написанные в Синодике ГИМ, собр. Синод. 6-ки № 667, начиная с «Василия Вельяминовича тысяцкого» (Шамбинаго, стр. 72). Перечисление имен убитых на Куликовом поле начинается с «Федора Белозерского» (что отмечено в Синодике).

¹¹⁰ Сомнение вызывает только «Семен Михайлович», упомянутый и в Синодике ГИМ, собр. Синод. 6-ки № 667, как павший на Куликовом поле. Возможно, это и есть тот князь Семен Михайлович, который по летописям был убит также в стычке с татарами, но в 1377 г. на р. Пьяне. Имя его уже в Синодике оказалось не на месте, случайно попав в перечень имен убитых на Куликовом поле. Ср. статью Ю. К. Бегунова «Об исторической основе „Сказания о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 494.

¹¹¹ Приводим полностью текст из Синодика, относящийся к убитым на Куликовом поле: «Князю Феодору Белозерскому и сыну его Ивану (внизу к этому имени сносканым почерком: Константину Конановичю, — М. С.), убиенным от безбожного Мамаю,

Семеон Михайлович, Никула Васильевич, Тимофей Васильевич,	Семен Михайлович, Микула Васильевич, Михайло Иванович Акин- фовичь,	брат его князь Мьстислав, князь Дмитрий Монасты- рев, Семен Михайлович, Микула Васильевичь, Михайло Иванов, сын Окинфовича, Иван Александровичь, Андрей Серкиз,
Андрей Иванович Серки- зов, Михайло Иванович,	Андрей Серкизов, Тимофей Волуй,	Тимофей Васильевичь. Акатиевичь, нарицаемый Волуй, Михайло Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Дмитрей Мининичь, Александр Пересвет
Михайло Иванович, Лев Иванович, Семен Мелик	Михайло Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет	

О трех из них дают сведения летописи. Дмитрий Мининич, правильнее — Минич (или Минин) Дмитрий Монастырев, судя по летописным данным,¹¹² пали в бою с татарами, но не на Куликовом поле, а первый — в 1368 г. в битве с Ольгердом, будучи воеводой сторожевого полка, второй — в 1378 г. в битве на Воже.¹¹³ Что касается Федора Тарусского, то он также был убит татарами, однако много позже всех вышепоименованных лиц. Он пал в бою под Белевым в 1437 г.¹¹⁴

Встает вопрос, насколько органично в повести имя Федора Тарусского, не внесено ли оно в повесть на одном из последующих этапов ее развития? Случаи вставок и выпадения имен в «списке убитых» в текстах «Летописной повести» наблюдаются. Так, выпадение имен, притом сразу многих, обычно встречается при общем сокращении текста повести, как например в Новгородской I летописи младшего извода,¹¹⁵ где назван только князь Федор Белозерский и сын его Иван. В списках Воскресенской летописи, при наличии всех остальных имен, выпало имя Дмитрия Монастырева. В Русской летописи по списку Софийскому XVII в., текст которой, по А. А. Шахматову, представляет собой «соединение списка Царского Соф. 1-й летописи с Новгород. 4-ю» (с дополнениями по другим источникам)¹¹⁶ отсутствует имя Федора Тарусского, однако при этом вместе с ним опущено и имя сына Федора Белозерского, Ивана, обычно присутствующее во всех текстах повести.

Встречаются, хотя и редко, случаи, когда в отдельных списках повести появляются дополнительные имена в «списке убитых». Так, например, в Софийской I летописи, правда в единственном ее списке — Карамзин-

вечная (память, — М. С.). И в той же брани избившим Семеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу (Валуеву: приписано на поле иным почерком, — М. С.), Андрею Ивановичу Серкизову, Михайлу Ивановичу и другому Михайлу Ивановичу, Лву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине их по благочестию скончавшихся за святые церкви и за православную веру вечная (память, — М. С.)» (л. 68—68 об.).

¹¹² ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 108, 127.

¹¹³ В упомянутом выше Синодике Дмитрий Монастырев также причисляется к убитым на Воже. Монастыревы являлись вотчинниками Болоозера в XV—XVI вв. (см.: А. И. Копанев. История землевладения белозерского края XV—XVI в. М.—Л., 1951, стр. 30).

¹¹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 190.

¹¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова, стр. 377.

¹¹⁶ См.: Шахматов. Отзыв, стр. 138—139. Это так называемая Новгородская Уваровская летопись; см. выше, стр. 347.

ском, к общему числу имен добавлены еще имена князя Владимира Дорогобужского и Ивана Ивановича Толбуги. Однако следует отметить: имя Федора Тарусского вместе с именами его брата Мстислава, Дмитрия Минина, Дмитрия Монастырева, Ивана Александровича, начиная со старейших дошедших до нас текстов «Летописной повести», сохранившихся в Новгородской IV и Софийской I летописях, проходит через всю массу повестей, встречающихся в более поздних летописных сводах. Видимо, имя Федора Тарусского в тексте повести не случайно. Имя Федора Тарусского, никакого отношения к Куликовской битве не имевшее, попало в «Летописную повесть», по-видимому, одновременно с именами Дмитрия Минина, Дмитрия Монастырева и других лиц, также не имевших к Куликовской битве ни малейшего отношения. Думается, что эти имена попали в «Летописную повесть» при ее сложении: допускать существование авторского пространныго вида повести о Куликовской битве без дополнительных по отношению к рассказу Троицкой летописи имен убитых у нас пока нет оснований. Автор повести, как он сам пишет, пользовался при составлении «списка убитых» «книгами животными», т. е. Синодиком. Возможно, в этих «животных книгах» уже была какая-то путаница с именами, возможно и сам автор повести «за множеством имен» не разобрался, какие из них следовало связывать с Куликовской битвой.¹¹⁷

Итак, имя Федора Тарусского, как представляется, читалось в «Летописной повести» с момента ее сложения. А если так, то ранее 1437 г. «Летописная повесть» не могла возникнуть. Она должна быть сложена где-то в промежутке между 1437 г. и временем составления «свода 1448 года», куда она вошла уже в виде составной его части.¹¹⁸

Возникновение «Летописной повести» в 40-х годах можно объяснить, на наш взгляд, следующими обстоятельствами.

В центре внимания автора «Летописной повести» — князь Дмитрий Донской. Он предстает в повести защитником Русской земли. Узнав о нахождении на Русь татарских полчищ, Дмитрий призывает «всех князей русских и воевод» встать на «окаяннаго и бозбожнаго, нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаю». Возглавляя рать, он сам сражается с татарами, «став напереди всех». Разбив «поганных», Дмитрий с «победою великою» возвращается в «богохранимый град Москву». Образу Дмитрия в повести противопоставлен образ Олега Рязанского, князя, который вместо того, чтобы защищать общие интересы Русской земли, раскалы-

¹¹⁷ О брате Федора Тарусского — Мстиславе нам пока ничего не известно. Под «Иваном Александровичем», возможно, следует подразумевать того Ивана Александровича, который в Синодике ГИМ собр. Синод. 6-ки № 667 упоминается в промежутке между павшими «на Воже» и павшими «от безбожнаго Мамаю». С. К. Шамбинаго в своем исследовании (стр. 73) называет «Лаврский синодик» № 818 XVII в., интересный тем, что в него, как можно судить, включены и имя Федора Тарусского, и брата его Мстислава, и князя Дмитрия (по-видимому, Монастырева) и Дмитрия (по-видимому, Минина). Однако этот Синодик поздний, имена павших на Куликовом поле вписаны в него, как показывает сличение. по-видимому, из рассказа о Мамаевом побоище Никоновской летописи, составленного на основе «Сказания о Мамаевом побоище» с включением чтений «Летописной повести».

¹¹⁸ С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов считали, что «Летописная повесть» появилась в конце XIV в. (см.: Шамбинаго, стр. 78; Шахматов. Отзыв, стр. 119—122, 203). А. А. Шахматов в свое время предлагал следующий путь движения «Летописной повести» до включения ее в «свод 1448 года». Составленная в конце XIV в. «Летописная повесть» попала впоследствии в не дошедший до нас общерусский митрополичий свод 1423 г., откуда и произошло ее заимствование в «свод 1448 года» (см.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков, стр. 65; 2) Отзыв, стр. 90, 203—204; 3) Обзорение, стр. 157). На основании вновь найденных данных нам представляется, что в своде 1423 г. «Летописной повести» еще не было.

вает русские силы. Он хитер и лукав, он сообщает Дмитрию, что Мамай идет «на мене и на тебе», а сам в это время дает «выход» Мамаю и шлет к нему «свою силу». Автор повести осуждает Олега Рязанского и при каждом упоминании его имени употребляет бранные эпитеты: «Олг лукавый», «поборник бесерменский», «льстивый сотонщик, дьявол светник», помраченный «тьмою греховною» и др. Именно Олег «почал проливати кровь крестьянскую». Автор называет Олега «новым Святополком».

Возникает вопрос: почему автор «Летописной повести» так клеймит Олега Рязанского в 40-х годах XV в.? Напомним, что в рассказе «о великом побоище иже на Дону» Троицкой летописи прямое осуждение Олега отсутствует.¹¹⁹ Этот осудительный тон «Летописной повести» тем более странен, что в 30—40-х годах XV в. отношения Москвы и Рязани все более укреплялись. Правда, рязанский князь Иван Федорович, заключивший в 1433 г. «докончание» с Василием II, в 1434 г. уже «сложил целование» Василию и объявил себя сторонником его врага, Юрия Галицкого.¹²⁰ Однако впоследствии рязанский князь вновь встает на сторону великого князя, а в 1447 г. заключает с ним договор, в котором признает Василия II «братом старейшим».¹²¹

Какова же была в целом историческая обстановка на Руси в 40-е годы? В 40-х годах XV в. северо-восточная Русь была охвачена феодальной войной. За престол великого князя всея Руси боролись между собой сын Василия Дмитриевича — Василий II и его двоюродный брат Дмитрий Шемяка. Начавшись еще в 1425 г., в 40-е годы, эта феодальная война приобретает особо острый и напряженный характер: в борьбу вмешиваются татары, участвовавшие в эти годы нападения на Русскую землю. С 1437 по 1445 г. происходят постоянные столкновения с татарами. В 1437 г. московское войско терпит поражение под Белевым в стычке с отрядом Улу-Мухаммеда. В 1439 г. Улу-Мухаммед бросает войско на Москву. В 1444 г. он совершает налет на Муром. Одновременно войско ордынского царевича Мустафы опустошает Рязанскую землю. 1445 год приносит новое несчастье. В битве под Суздалем с татарскими войсками, посланными Улу-Мухаммедом, русские войска терпят поражение, а московский великий князь попадает в плен.¹²² Сложность международного положения в эти годы выразилась еще в том, что одновременно с татарами на Русь надвинулась литовская опасность. Казимир IV, используя борьбу новгородского боярства с великокняжеской властью, стремится подчинить Новгород Литве.¹²³ В 1444 г., когда Улу-Мухаммед собирался захватить Муром, литовские отряды нападают на Козельск, Калугу и Суходров.¹²⁴

Во главе противников Василия II становится Дмитрий Шемяка. Как следует из «Послания Росийского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу» (Шемяке), датированного декабрем 1447 г. и появивше-

¹¹⁹ В конце этого рассказа упоминается только, что Олег «посылал на помощь Мамаю свою силу, а сам на реках мосты переметал».

¹²⁰ См.: К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1952, стр. 45.

¹²¹ Там же, стр. 46.

¹²² См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 768, 769.

¹²³ К середине 40-х годов относится договор Казимира IV с новгородской феодальной республикой на право собирать с новгородских волостей «черный бор» и держать в новгородских пригородах своих тиунов. Казимир IV ставит перед Новгородом вопрос о его переходе под власть Литвы (см.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 771).

¹²⁴ См.: там же, стр. 769. К. В. Базилевич (Внешняя политика, стр. 43) указывает на вспышку враждебных отношений между Казимиром IV и Василием II в 1446 г.

гося в связи с передачей Василием II на суд высшего духовенства своего дела с Дмитрием Шемякой,¹²⁵ последний, не взирая на неоднократные просьбы великого князя о посылке помощи против татар, ни в 1439 г., ни в 1445 г. «ни сам к нему не поехал, ни воевод своих с своими людьми не послал», отчего «коликое крови христьяньские пролилося, и колिकое множество христьянства в полон и в поганство пошло, и колिकое святых божиих церквей разрушилося».¹²⁶ В 1445 г. Шемяка через послов завязывает переговоры с Улу-Мухаммедом о передаче ему великокняжеской власти,¹²⁷ а после возвращения Василия II из плена в Москву Шемяка организует против него заговор, окончившийся ослеплением великого князя, за что «Послание духовенства» приравнивает Шемяку к братоубийце Каину и «окаянному Святополку».¹²⁸

В глазах сторонников Василия II Дмитрий Шемяка в тот момент, когда Руси угрожала опасность, с одной стороны — от татар, с другой — от Литвы, являлся фигурой, которая ослабляла силы русских, направленные на борьбу с внешней опасностью. Может быть, его и имел в виду автор «Летописной повести», рисуя образ Олега Рязанского?

В повести Олег Рязанский оказывает помощь татарам, посылая к ним «свою силу». В тех же поступках могли обвинять Дмитрия Шемяку, отказавшего великому князю в просьбе прислать для борьбы с татарами свое войско. Подобно Дмитрию Шемяке, который за спиной великого князя вел через своих послов переговоры с татарами, Олег Рязанский в повести пытался представить себя в глазах великого князя его другом, сам же договаривался с татарами о «пролитии крови крестьянской». Как и Дмитрий Шемяка, Олег Рязанский в ответственный момент изменил русским.

Не потому ли неизвестный нам автор обратился к теме Куликовской битвы, что в ситуации, возникшей на Руси в 40-х годах XV в., он увидел сходство с исторической обстановкой в 1380 г.? Те же враги — татары и Литва, те же изменнические действия русского князя. Но в обстановке 40-х годов автор «Летописной повести» уже не мог ограничиться, как составитель рассказа Троицкой летописи, изложением исторических фактов. Он использовал тему Куликовской битвы для публицистического выступления в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства. Взяв в основу сюжета своего повествования события 1380 г., автор «Летописной повести», на наш взгляд, приспособил их изложение к обстановке и потребностям своего времени. В новом варианте повести о Куликовской битве оказалась резко подчеркнутой роль противников великого князя («всташа на нь (Дмитрия Ивановича) три земли и три рати, татарская, литовская, рязаньская»). В поведении Олега особо осуждается «братоненавидение» — грех, за который современники укоряли Дмитрия Шемяку; сам же Олег приравнивается к «новому Святополку». «Окаянным Святополком» называло «Послание духовенства» и Дмитрия Шемяку. В то же время в «Летописной повести» особо подчеркнута и роль великого князя, его мужество и личная храбрость.¹²⁹

Выше мы говорили, что «Летописная повесть» могла возникнуть в промежутке с 1437 г. по время составления «свода 1448 года». Но какой

¹²⁵ Дмитрий Шемяка нарушил мирный договор, заключенный им с Василием II осенью 1447 г. (см.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 804).

¹²⁶ АИ, т. I. СПб., 1841, стр. 76—77 (грамота № 40).

¹²⁷ См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 787.

¹²⁸ АИ, т. I, стр. 77.

¹²⁹ В «Летописной повести» великий князь изображен выступающим против «трех ратей», он храбро сражается с врагами, «став наперед всех».

именно момент мог оказаться наиболее подходящим для того, чтобы напомнить о торжестве идеи объединения русских сил и о поражении противников объединения? Может быть, основание для датировки повести следует искать где-то в обстановке, сложившейся не ранее 1445 г.? Ведь именно в 1444—1446 гг. начинается активизация враждебной политики татар и Литвы одновременно в отношении Москвы. Вторая половина 40-х годов XV в. является и наиболее острым периодом борьбы Василия II с удельными князьями — Дмитрием Шемякой и его союзниками.

В конце 1447 г. Василию II удалось одержать крупную (хотя еще и не окончательную) победу¹³⁰ над Шемякой. В феврале 1447 г. Василий II возвратился из татарского плена в Москву и вновь сел на великокняжеский стол. Шемяка бежал в Галич, затем в Чухлому, и оттуда в Каргополь.¹³¹ В сентябре 1446 г. Василий II заключил с Шемякой мирный договор. Однако последний, как следует из «Послания духовенства», тут же его нарушил. Обрушенный в повести на голову Олега Рязанского каскад бранных выражений, действительно наводит на мысль о возможном сложении «Летописной повести» где-то в указанный отрезок времени, когда Дмитрий Шемяка наделал уже много зла. Конец Шемяки был близок, но все же с ним еще не все было покончено, и, может быть, фраза «Летописной повести», идущая от автора, «приидеть ему (Олегу) день господень в суд» и отражает тот момент, когда расправа с Шемякой близилась, но еще не была осуществлена окончательно.

Сравнительно благополучный для Василия II исход в борьбе с татарами не мог все же затмить память о страшном поражении, которое потерпели русские в 1445 г. в бою под Суздалем. И хотя с татарами, да и с Литвой в этот период открытых военных действий не происходило, все же отношения, особенно с татарами, продолжали оставаться напряженными. Вскоре татарская агрессия вспыхивает с новой силой.¹³²

Битва под Суздалем показала, что русские потерпели поражение главным образом из-за того, что большинство князей не пришло на помощь. В этом поражении нетрудно было обвинить Шемяку: «Толико бяше их, — пишет летописец, — с полторы тысячи, понеже бо всех князей полци не успеха съвкупитися . . . а князь Дмитрей Шемяка и не пришел, ни полков своих не прислал».¹³³ Можно предполагать поэтому, что «Летописная повесть» возникла в момент наиболее напряженной борьбы Василия II с Шемякой и наряду со своим реальным историческим смыслом имела и второй — политический подтекст. Дмитрий Донской мог ассоциироваться в глазах современников с Василием II, а Шемяка — с Олегом Рязанским.

Для грядущих битв с татарами в первую очередь необходимо было объединение. Поэтому автор «Летописной повести» и изобразил великого князя, перед походом обращающегося «ко всем князем руским и воеводам», показал его выходящим из Москвы «с всеми князми рускими и с всею силою», подчеркнул, что Дмитрию удалось собрать под своим знаменем

¹³⁰ Автор «Летописной повести», считая, что нападение татар было вызвано людскими грехами, между прочим высказывает следующую мысль: «...но милосерд бо есть бог человеколюбец, не до конца прогневается на ны, ни в веки враждуеть». Эта фраза наводит на мысль, что повесть могла быть написана только тогда, когда после несчастья наступило уже какое-то успокоение (возвращение великого князя из татарского плена). Окончательное завершение феодальной войны наступает только в 1453 г., со смертью Дмитрия Шемяки.

¹³¹ См.: Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 804.

¹³² См.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II. М., 1953, стр. 270.

¹³³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 194.

огромные силы: «От начала миру не бывала такова сила русских князей, якоже при сем князи». Поэтому же автор повести, по-видимому, счел необходимым и как можно резче заклеить того, кто откалывался от общего дела, кто преследовал только свои выгоды и интересы. Задачу — показать, что только общими усилиями всех русских княжеств возможно дать отпор татарам, этому давнему врагу Русской земли, — и поставил перед собой автор повести.

Теоретически возможно было, конечно, и другое осмысление «Летописной повести» в политической обстановке 40-х годов XV в. Дмитрий Шемяка, как и Василий II, был внуком Дмитрия Донского и так же мог претендовать на роль объединителя Русской земли. В ходе политических событий того времени Василия II также обвиняли (и даже еще решительнее, чем Шемяку) в пособничестве татарам: «Чему еси татар привел на Рускую землю и города дал еси им и волости подавал еси в кормление; а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и серебро и имение даешь татаром»,¹³⁴ — говорили ему Дмитрий Юрьевич и его союзники. Странники Шемяки также могли использовать рассказ о Куликовской битве в своих политических целях, сопоставляя с Дмитрием Донским его внука и тезку, а с Олегом Рязанским — Василия II. Василия II можно было также обвинить и в «братоненавидении» и в «сребролюбии».

Вопрос о том, ориентацию какой из враждовавших группировок приняла «Летописная повесть» в 40-х годах XV в., требует несомненно дальнейшего исследования, но самая возможность использовать рассказ о событиях конца XIV в. в политической обстановке середины XV в. представляется вполне вероятной.

4

Первым, кто поставил вопрос о литературной связи между «Летописной повестью» и «Задонщиной», был С. К. Шамбинаго.¹³⁵ С. К. Шамбинаго находил, что в своем содержании «Задонщина» основывалась на «Летописной повести». «Со стороны внутреннего содержания, — писал С. К. Шамбинаго, — Поведание («Задонщина», — М. С.) прежде всего предполагает у автора знакомство с Летописной повестью. Только зная ее и не довольствуясь ее сухим изложением, автор решил описать знаменательное событие „иными словесы“, заимствуя факты. В это основное содержание он вплел новый материал, взятый им из устных рассказов, которые он стилизовал по принятому образцу для подражания».¹³⁶

По мнению С. К. Шамбинаго, «Летописная повесть» воздействовала на «Задонщину» не только основной канвой событий, но и отдельными деталями, вошедшими в «Задонщину» на каком-то из этапов ее развития. К этим позднейшим вставкам в «Задонщину» С. К. Шамбинаго относил в пространной ее редакции перечисление имен князей, участвовавших в битве,¹³⁷ места, выставляющие Дмитрия боголюбивым христианином,

¹³⁴ ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 125.

¹³⁵ До С. К. Шамбинаго в научной литературе можно встретиться с мнением или о независимости этих произведений (см., например: И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. — Чтения в историческом обществе Нестора летописца, кн. I. 1873—1877. Киев, 1879, стр. 70—71) или о том, что оба памятника являются различными редакциями не дошедшей до нас повести о Куликовской битве (см., например: О. Ф. Миллер. Лекции по истории русской народной словесности. СПб., 1879/80 акад. года, стр. 320—321).

¹³⁶ Шамбинаго, стр. 132.

¹³⁷ См. об этом ниже, стр. 382, прим. 162.

а также перечисление имен убитых в краткой редакции «Задонщины».¹³⁸ К редакторским добавлениям, основанным на «Летописной повести», С. К. Шамбинаго относил также рассказ о судьбе Мамаю, представляющий, по его словам, «любопытную переделку соответствующего эпизода из Летописной повести под тон писания Софонии».¹³⁹

А. А. Шахматов оставлял открытым вопрос о зависимости «Задонщины» и «Летописной повести».¹⁴⁰ По мнению А. А. Шахматова, все содержание своей «поэмы» Софоний заимствовал из письменного памятника, предположенного А. А. Шахматовым, — «Слова о Мамаевом побоище», к которому, как считал А. А. Шахматов, восходили почти все факты, наличествующие как в пространной, так и в краткой редакции «Задонщины».¹⁴¹ Софоний, по мнению А. А. Шахматова, заимствовал из «Слова» не только фактическую сторону, но и «самый замысел поэмы», замысел, состоявший в прославлении великого князя Дмитрия Ивановича и князя Владимира Андреевича.¹⁴²

В. П. Адрианова-Перетц, рассматривая взаимоотношения «Летописной повести» и «Задонщины», отметила переключку «Летописной повести» и «Задонщины» в отдельных фактах, например: 1) в перечне имен убитых; 2) в эпизоде бегства Мамаю в Кафу; 3) в эпизоде стояния «на костях»; 4) в упоминании о крамольниках и др.¹⁴³ Однако В. П. Адрианова-Перетц вопроса о прямой зависимости между рассматриваемыми произведениями не ставила. Перечень убитых, например, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, мог быть взят «Задонщиной» и из Синодика, а эпизод бегства Мамаю в Кафу восходил, возможно, к устному источнику.¹⁴⁴

Вопроса взаимоотношения «Летописной повести» и «Задонщины» касались и зарубежные ученые. Так, чешский ученый Я. Фрчек, хотя и находил, что факты «Летописной повести» и «Задонщины» сходны, считал, однако, что оба эти произведения сложились независимо одно от другого.¹⁴⁵ Французский ученый А. Вайян, напротив, находил, что, несмотря на большее отличие «Задонщины» от «Летописной повести» в стиле, последняя явилась канвой для «Задонщины».¹⁴⁶

¹³⁸ См.: Шамбинаго, стр. 88, 92.

¹³⁹ Там же, стр. 93—94.

¹⁴⁰ См.: Шахматов. Отзыв, стр. 81 и 184, прим. 5. Однако на стр. 184—185 А. А. Шахматов допускал влияние «Летописной повести» на список У.

¹⁴¹ К гипотетическому «Слову о Мамаевом побоище», по мнению А. А. Шахматова, должны были восходить следующие факты: пир в Москве у Микулы Васильевича (У); воинские сборы в Москве, Коломне, Серпухове; прибытие новгородской помощи (У); указание на то, что татары стояли на реке Мече (К-Б), близ урочища Чур Михайлова (У); эпизод о прибытии Ольгердовичей; сообщение о битве на Куликовом поле; подвиг Пересвета и диалог его с Ослябей; эпизод стояния в засаде (?); рассказ о выступлении полка, решившем победу; сообщение о поражении татарского войска; перечень убитых (по списку К-Б); сообщение о стоянии на костях; счет убитым (У); сообщение о возвращении в Москву; гибель Мамаю в Кафе (У и С) (см.: Шахматов. Отзыв, стр. 183—184). К «Слову о Мамаевом побоище» А. А. Шахматов возводил также календарное обозначение дней в списках «Задонщины» (см.: там же, стр. 184).

¹⁴² См.: Шахматов. Отзыв, стр. 185.

¹⁴³ См.: Адрианова-Перетц. 1) «Задонщина». Текст, стр. 215—216, 219, 220—223 (В. П. Адрианова-Перетц считает, что упоминание в «Задонщине» «крамольщиков» может быть отнесено к тем воеводам, которые, по сообщению «Летописной повести», протестовали против перехода войска через Дон, стр. 218); 2) «Задонщина». Опыт, стр. 203.

¹⁴⁴ См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 215—216, 222.

¹⁴⁵ См.: Frček, стр. 66.

¹⁴⁶ См.: Vaillant, стр. 59.

Наконец, основываясь на датировке «Задонщины» А. В. Соловьевым,¹⁴⁷ отнесшим ее ко времени вскоре после битвы 1380 г., и «Летописной повести» М. Н. Тихомировым и А. Вайяном,¹⁴⁸ относивших ее к самому началу XV в., Р. О. Якобсон находил, что «Летописная повесть» сохранила следы второй части «Софониева диптиха», т. е. «Задонщины».¹⁴⁹

А. А. Шахматов был прав, находя, что С. К. Шамбинаго не доказал прямой зависимости «Задонщины» от «Летописной повести». Но и А. А. Шахматову, в сущности, не удалось доказать зависимости «Задонщины» от предположенного им «Слова о Мамаевом побоище», ибо существование «Слова о Мамаевом побоище» гипотетично.¹⁵⁰ Попробуем разобраться в этом вопросе.

Как уже отмечал С. К. Шамбинаго, «Задонщину» и «Летописную повесть» сближают некоторые факты. В обоих памятниках, в отличие от рассказа Троицкой летописи, одним из основных героев является брат великого князя, Владимир Андреевич; в обоих произведениях, также в отличие от рассказа Троицкой летописи, сообщается о приходе Ольгердовичей и рассказывается о бегстве Мамаю в Кафу.¹⁵¹ Это сходство в фактах можно объяснить либо зависимостью одного памятника от другого, либо тем, что авторам обоих произведений эти факты были известны из жизни, но по той или иной причине не были упомянуты в кратком рассказе Троицкой летописи. Целесообразно поэтому обратиться к текстологическим параллелям «Летописной повести» и «Задонщины». Такие параллели немногочисленны, но все же попытаемся на основании их решить вопрос о взаимоотношении обоих памятников.

В эпизоде стояния «на костях» «Летописная повесть», следуя рассказу Троицкой летописи, несколько расширяет его. Список У¹⁵² «Задонщины» может быть сближен с «Летописной повестью» упоминанием Владимира Андреевича, во всех остальных чтениях он может в равной степени восходить как к «Летописной повести», так и к Троицкой летописи.

Троицкая летопись	Летописная повесть	«Задонщина», список У
Князь же великий Дмитрий Иванович с прочими князми русскими и с воеводами, и с бояры, и	Великий же князь Дмитрий Иванович с братом своим со князем Володимиром Андреевичем, и с всеми	И стал великий князь Дмитрий Иванович съ своим братом с князем Владимиром Андреевичем

¹⁴⁷ См.: Соловьев, стр. 186.

¹⁴⁸ См.: М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 346; Vaillant, стр. 75.

¹⁴⁹ См.: Jakobson and Worth, стр. 7, 25. Фраза «Летописной повести» «И абие ступишася обон силы велицен на долг час въместо и покрыша полки поле», по мнению Р. О. Якобсона, отражает чтение «Задонщины»: «На поли Куликове ... Сильнии полци съступишася в место» (стр. 25). Мнение Р. О. Якобсона представляется нам недостаточно аргументированным.

¹⁵⁰ Сам по себе гипотетический текст «Слова о Мамаевом побоище» восстанавливается А. А. Шахматовым на основании текстов, не менее гипотетических — так называемой Московской летописи и Хронографа 1442 г. (см.: Шахматов. Отзыв, стр. 190 и др.).

¹⁵¹ Сравнение в «Задонщине» Мамаю с Батыем в эпизоде бегства Мамаю в Кафу, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, могло быть навеяно «Летописной повестью» (или «Сказанием о Мамаевом побоище»). В «Летописной повести», отправляясь на Русь, Мамай говорит своим воеводам: «Поидем на рускаго князя ... якоже при Батыи было» (см.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 221).

¹⁵² В И-1 текст этого эпизода несколько сокращен: «Стал князь великий с своим братом князем Владимиром Ондреевичем и с своими воеводами на костях».

с велможами и останочными полкы русскими став на костех.

князи русьскими, и с воеводами, и с прочими бояры, и со всеми вои оставшимися став тое ноци на поганых обедищех и на костех татарьских!¹⁵³

и со остальными своими воеводами на костех.

Список С «Задонщины», сокращая этот эпизод, дает, однако, более близкую параллель именно к «Летописной повести»:

«Задонщина», список С

Летописная повесть

Ставши на костех поганых татар.

Став... на поганых обедищех и на костех татарьских.

Обращаясь к описанию захвата трофеев, мы встречаемся с аналогичной картиной: списки У и И-1 восходят к «Летописной повести», но в то же время они могли восходить и к рассказу Троицкой летописи:

Троицкая летопись Летописная повесть

«Задонщина»,
список У¹⁵⁴

И многи вои ...
въ радовашася, яко
обретающе корысть многу:
погна бо с собою многа
стада.

И мнози вои ...
въ радовашася, яко
обретающе корысть многу,
пригнаша бо с собою многа
стада коней и вельбуди

Руские сынове раз-
грабиша татарские узоро-
чья и доспехи, и кони,

стада кони и вельбуди
и волы, им же несть
числа и доспехы, и пор-
ты, и товар.

и вельбуди и волы, им же несть
числа, и доспехы, и пор-
ты, и товар.

и волы, и верблуды,
и вино, и сахар, и дорогое
узороchie.

Список С в отличие от списков извода Ундольского совпадает с чтениями «Летописной повести» в большей степени. В нем также упоминается о радости по поводу захваченных трофеев, сходен и порядок в их перечне:

«И з радости начаша имати кони, и верблуды, и камки, насечи, серебро и злато, и крепкия доспехи, и честь, и жемчуги, и дорогое взорочия». В то же время список С совпадает в этих же чтениях и с Троицкой летописью.

Но в ряде случаев параллели к «Задонщине» дает только «Летописная повесть». Так, текстологическая связь «Задонщины» исключительно с «Летописной повестью» (в Троицкой летописи сходный текст отсутствует) усматривается в описании «туги Русской земли» в списке У, явно перекликающемся с «плачем жен» в «Летописной повести»,¹⁵⁵ создан-

¹⁵³ Текст «Летописной повести» здесь и далее приводится по Софийской I летописи.

¹⁵⁴ Список И-1 сходно.

¹⁵⁵ В списках И-1, И-2 и К-Б этот текст отсутствует; в списке С вместо него читается фраза: «Се бо есмо чада благородныя». Текст этот, вероятно, читался в архетипе «Задонщины» (об этом см. статью О. В. Творогова «О композиции вступления к „Задонщине“» в настоящем сборнике, стр. 527). Отметим также некоторую перекличку между фразой из «плача жен» «Летописной повести» и заключительного отрывка списка К-Б, где также повествуется о печали русских женщин: «Зрящи бо чад своих, каяждо к себе глаголаше: „У вы мне убогая наша чада...» («Летописная повесть» по Новгородской IV летописи) — «Не одина мати чада изостала, и жены боярския мужей своих и осподарев остали, глаголюще к себе: „У же, сестрици наши, мужей наших в животе нету“» (К-Б).

ным на основании «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов». ¹⁵⁶

Летописная повесть

...И бысть в граде на Москве ... туга велика и плачь горек ... Рахиль ... плачущися чад своих ... зане же пошли с великим князем за всю землю Русьскую на острая копия ... Уне бы нам было, да бы ся есте не родили.

«Задонщина», список У

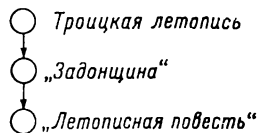
И оттоля Руская земля седит неветсела, а от Калатьския рати ... тугую и печалию покрывшася, плачущися чады своя поминаюты; князи и бояря и удалые люди, иже ... главы своя положиша за землю за Рускую ... собе бы чаем (чад?) пороженных и воскормленных.

В названии князей Андрея и Дмитрия, пришедших на помощь к великому князю (в эпизоде, также отсутствующем в Троицкой летописи), первого — князем Полоцким, а второго — князем Брянским, «Летописная повесть» переключается со списками Синодального извода (С и К-Б). ¹⁵⁷ В У и И-1 это известие выглядит иначе: к Дмитрию прибывают «Ондрей, да брат его Дмитрией Олгердовичев, да Дмитрией Вольтинский» (И-1). ¹⁵⁸

К каким же выводам приводят нас наблюдения над рассмотренными параллелями?

Если мы предположим, что «Задонщина» и «Летописная повесть» независимо друг от друга восходили к рассказу Троицкой летописи, то окажутся необъяснимыми общие текстуральные отличия «Задонщины» и «Летописной повести» от рассказа Троицкой летописи (упоминание Владимира Андреевича в отрывке «на костях», сходство плача Рахили в «Летописной повести» и описания «туги Русской земли» в «Задонщине», а также отдельные параллели «Летописной повести» и списков Синодального извода). Поэтому предположение о независимом обращении обоих памятников к Троицкой летописи должно быть отведено.

Нельзя объяснить параллели «Летописной повести» и «Задонщины» и тем, что «Летописная повесть» могла бы быть создана исключительно на основе «Задонщины», т. е.

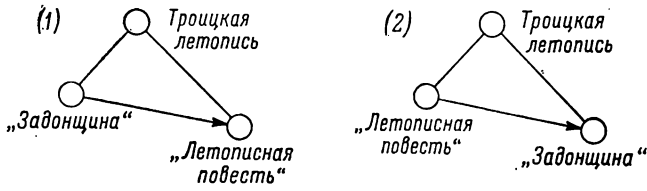
ибо, помимо приведенных параллелей, «Летописная повесть», как отмечалось выше (стр. 358—359), переключается с рассказом Троицкой летописи на всем его протяжении и, следовательно, ее зависимость от Троицкой летописи бесспорна.

Остаются возможными два варианта: 1) «Летописная повесть», созданная на основе рассказа Троицкой летописи, испытала также влияние «Задонщины», либо 2) созданная на основе Троицкой летописи, «Задонщина» испытала влияние «Летописной повести»:

¹⁵⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского. — ТОДРА, т. V, стр. 87—88.

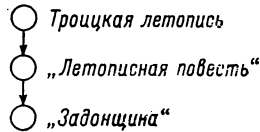
¹⁵⁷ В списке С имя Андрея искажено: он назван Андреем Брянским, а второй Ольгердович — Дмитрием Вольтинским.

¹⁵⁸ В рассказе о возвращении великого князя в Москву только в списке С и «Летописной повести» (в Троицкой летописи этого нет) упоминается богородица, принесящая победу русским (в остальных списках «Задонщины» сходный текст отсутствует).

Рассмотрим первый вариант. В этом случае окажется, во-первых, что текстуальные обращения «Летописной повести» к «Задонщине» ограничились лишь мелкими поправками, внесенными в эпизоды, взятые ранее из рассказа Троицкой летописи, что само по себе трудно объяснимо, и, во-вторых, совершенно необъяснимой окажется близость «плача жен» в «Летописной повести», созданного в последней самостоятельно и на основании другого источника,¹⁵⁹ к рассказу о «туге Русской земли» в «Задонщине». Второй вариант объясняет возникновение «туги Русской земли» в «Задонщине», но по-прежнему останется непонятно, почему поправки по «Летописной повести» внесены только в эпизоды «Задонщины», взятые ранее из Троицкой летописи.

В свете вышеизложенного наиболее приемлемым и простым нам представляется следующий вариант: «Задонщина» обращалась исключительно к «Летописной повести»; все общие места трех памятников появились в ней в редакции «Летописной повести», т. е. между памятниками существовали следующие отношения:

Из всего сказанного, кроме того, следует, что «Летописная повесть» оказывала влияние не на какой-то определенный извод «Задонщины» — Ундольского или Синодальный (хотя список С, а в названии братьев Ольгердовичей и Синодальный извод в целом в ряде случаев оказывается ближе, чем списки извода Ундольского к тексту «Летописной повести», см. выше, стр. 380), а на архетип обоих изводов. Помимо указанных случаев близости списка С к «Летописной повести», отметим, что только в этом списке говорится о возвращении великого князя в Москву «с великою победою»¹⁶⁰ (в «Летописной повести» — «с победою великою»). В отличие от всех других списков «Задонщины» список С оказывается наиболее близким к «Летописной повести» в заключительной части в порядке следования эпизодов:

Летописная повесть	«Задонщина», список С	«Задонщина», списки У, И-1
1. Стояние на костях.	1. Стояние на костях.	1. Перечень трофеев.
2. Возвращение в Мос- кву.	2. Перечень трофеев.	2. Бегство Мамаю.
3. Перечень трофеев.	3. Возвращение в Мос- кву.	3. Стояние на костях.
4. Бегство Мамаю.	4. Бегство Мамаю.	

¹⁵⁹ «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов».

¹⁶⁰ В остальных списках «Задонщины» описание возвращения великого князя в Москву отсутствует. Лишь в списке У великий князь, обращаясь к Владимиру Андреевичу, говорит: «пойдем, брате ... во свою Залескую землю к славному граду Москве».

Эти параллели нашли бы свое объяснение, если можно было бы доказать, что заключительная часть «Задонщины» в списке С, несмотря на порчу текста, возможные пропуски и вставки,¹⁶¹ лучше остальных списков передает композицию архетипного текста.

Но такой взгляд может быть высказан лишь как предположительный. Пока же напомним, что в списке У мы находим и параллель к плачу Рахили, и сходное упоминание трофеев и стояния «на костях», которые мы объясняем влиянием «Летописной повести».¹⁶²

¹⁶¹ В списке С в заключительной его части дважды упоминается о возвращении «с великой победой» — один раз в Москву, другой — о возвращении воинов к князьям «на поля Куликове». Это последнее упоминание «великой победы» странно и в самом списке С и является, по-видимому, отражением следующего далее сообщения о возвращении с победой в Москву.

¹⁶² Интересна еще одна параллель «Летописной повести» и «Задонщины» — имена, встречающиеся в обоих произведениях. Выше говорилось о том, что С. К. Шамбинаго перечень воевод, участвовавших в битве (в К-Б перечень воевод вместе с окружающим его текстом отсутствует), считал в «Задонщине» позднейшей вставкой, но сделанной на основании «Летописной повести» (Шамбинаго, стр. 92). Мы полагаем, что источником в этом случае была не «Летописная повесть», а сам текст «Задонщины»: в основу списка воевод был положен список убитых с добавлением имен братьев Ольгердовичей. На это указывает следующий факт: порядок имен воевод во всех списках одинаков и близок к перечню убитых в списках извода Ундольского и С. Что же представляет собой список убитых «Задонщины»? В У, И-1, С список убитых за некоторым исключением повторяет список убитых «Летописной повести» (и Троицкой летописи), ошибочно называя, однако, князя Федора Романовича Белозерского Федором Семеновичем. Список К-Б существенно отличается от остальных списков «Задонщины». Во-первых, как и «Летописная повесть», он называет имя Федора Белозерского с правильным отчеством «Романович», как и «Летописная повесть» упоминает и сына его Ивана. Во-вторых, список К-Б содержит имена Федора Мемко и Ивана Сано, которые могут быть объяснены знакомством с «Летописной повестью». Имена эти в списке К-Б, по-видимому, искажены: Федор Мемко — это, возможно, второй Федор (Тарусский) «Летописной повести» в сочетании с каким-то другим именем, упомянутым в ней, но пропущенным в К-Б (А. А. Шахматов предполагал, что с Меликом, см.: Отзыв, стр. 184); Иван Сано — это Иван Александрович «Летописной повести» (так думал еще А. А. Шахматов, см.: Отзыв, стр. 184). В Троицкой летописи имена второго Федора и второго Ивана отсутствуют. Можно предположить, что на К-Б мог оказать влияние и какой-то другой источник, например, Синодик, подобный уже упоминавшемуся выше Синодику ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 818, где в отличие от древнего Синодика (см. выше, стр. 370—371) содержались имена второго Федора и второго Ивана. Обратим при этом внимание и на следующее: часть фразы в перечне убитых в К-Б синтаксически не согласуется с остальным текстом (в ней все стоит в родительном—винительном падеже, как и в Лаврском Синодике): в К-Б «...взопаша избииени от поганых князи великих и боляр сановных, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федор Мемко, Иван Сано и т. д. (ср. в Синодике ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 818 «...побьени за Доном руския князи от Мома, их же имена суть сия: князя Феодора, кн. Иванна» и т. д.). Но интересующие нас имена второго Федора и второго Ивана стоят в К-Б в именительном падеже (т. е. как в «Летописной повести»), а часть перечня убитых, стоящая в родительном падеже (как и в Синодике), совпадает в своих формулировках именно с «Летописной повестью», где читается: «...князь Федор Романович Белозерский, сын его князь Иван...». Нехарактерно для Синодиков и упоминание «бояр сановных (имена?)». В то же время в «Летописной повести» читаем: «Сии же писана быша ... и нарочитых и старейших боляр имен» (по Новгородской IV летописи); «толко князи и бояре нарочитыя ... а прочих бояр и слуг обяхих имена» (по Софийской I летописи). Заметим, что фразы эти в обоих списках «Летописной повести» следуют непосредственно за перечнем убитых. Далее, начиная с «Федора Мемко» и до конца фразы имена убитых перечисляются в К-Б вновь в именительном падеже, в котором они употреблены только в «Летописной повести». Искать поэтому иной, чем «Летописная повесть», источник этого чтения К-Б, видимо, нет оснований (ср. статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“» в настоящей сборнике, стр. 260). В отличие от списка К-Б полные списки «Задонщины», повторяя только два имени списка К-Б — Микулу Васильевича (в списке У пропущено) и Федора, но с отчеством «Семенович», — содержат другие

Итак, связь «Задонщины» и «Летописной повести» кажется нам неоспоримой, и естественнее всего, на наш взгляд, предполагать, что «Летописная повесть», как думал еще С. К. Шамбинаго, оказала влияние на «Задонщину» и, вероятнее всего, непосредственно на авторский текст.

Помимо текстологических параллелей, как говорилось выше, «Летописную повесть» и «Задонщину» сближают еще и некоторые исторические реалии, отсутствующие в Троицкой летописи (упоминание братьев Ольгердовичей, Владимира Андреевича, Кафы). Наличие исторических реалий в обоих изводах «Задонщины» лишний раз подтверждает предположение, что «Летописная повесть» оказала влияние на «Задонщину» на первом этапе ее существования. Не противоречит это и жанровой природе обоих памятников: «историческая» «Летописная повесть» вполне могла послужить источником фактической канвы для поэтического памятника, каким является «Задонщина».

* * *

Несколько слов по поводу возможного знакомства «Летописной повести» со «Словом о полку Игореве». Этот вопрос был затронут в недавно опубликованной работе Р. Якобсона и Д. Ворта, посвященной «Задонщине».¹⁶³ Р. О. Якобсон находит, что между «Словом» и «Летописной повестью» имеются «поразительные» (striking) текстуальные совпадения.¹⁶⁴

Однако не все текстологические параллели, приведенные Р. О. Якобсоном, представляются в равной мере убедительными. Так, едва ли можно считать параллелью указание на время битвы: в «Слове» редкое «съ зарания въ пятъкъ»,¹⁶⁵ в «Летописной повести» же обычное «заутра в субботу».¹⁶⁶ Не раз в древнерусских памятниках встречаются словосочетания «мосты мостити»¹⁶⁷ («Слово»: «...начаша мосты мостити по болотомъ»; «Летописная повесть»: «И повеле мосты мостити») и «земля тутнет» («Слово»: «Земля тутнетъ»; «Летописная повесть»: «...земля тутняше»)¹⁶⁸.

Но одновременно с этим употребление и в «Слове о полку Игореве» и в «Летописной повести» таких редких словосочетаний, как «невеселая

имена из перечня убитых «Летописной повести». Какие же чтения содержались в архетипном списке «Задонщины»? Вероятнее всего, те, которые сохранились в списках обоих изводов, т. е. в списках С, И-1, У. Тогда окажется, что список К-Б обратился самостоятельно к «Летописной повести». Это согласуется с наличием в К-Б и других индивидуальных и вторичных по отношению к архетипу «Задонщины» чтений, например: извлечение из «Слова о погибели Руския земли», а также упоминание «сторожевых полков» (см. статью О. В. Творогова «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» в настоящем сборнике, стр. 310—311) и «плач жен» (см. выше, стр. 379, прим. 155) — чтений, которые мы также возводим к «Летописной повести».

¹⁶³ См.: R. Jakobson and D. S. Worth. *Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field*. The Hague, 1963.

¹⁶⁴ См.: там же, стр. 26.

¹⁶⁵ Пока не удастся обнаружить употребления слова «зарание» в других древнерусских памятниках. За эти сведения благодарю В. Л. Виноградову.

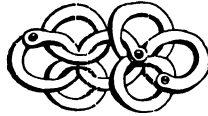
¹⁶⁶ Ср., например, в «Повести временных лет»: «Яко бысть заутра, всѣдше в лодыи» (968 г.); «Заутра приѣхаша печенѣзи» (992 г.); «Ярославъ же заутру, исполчивъ дружину свою ... перевезеся» (1016 г.) и т. д. См. также: Срезневский, I, стлб. 955.

¹⁶⁷ Ср. приведенные в «Словаре-справочнике» В. Л. Виноградовой (рукопись): «мостите мостъ» («Повесть временных лет» под 1014 г.); «еси вѣла мосты мостити на клѣткахъ» (Грамота 1512 г. Архив П. М. Строева. — Русская историческая библиотека, т. I. Пгр., 1915, стлб. 140); «а на ручьяхъ мосты мостити поперег полторы сажени» (Судебник 1589 г. — Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 413). Широко употреблялось это словосочетание в русском, украинском и белорусском фольклоре.

¹⁶⁸ См.: Срезневский, III, стлб. 1040.

година» («Слово»: «невеселая година встала»; «Летописная повесть»: «...слыша невеселую годину») и «неготовыя дороги»¹⁶⁹ («Слово»: «А Половци неготовыи дорогами побѣгоша»; «Летописная повесть»: «...побегите неготовыми дорогами»), заставляет с бóльшим вниманием отнестись и к ранее приведенным параллелям.

Нам кажется, что нельзя отрицать возможность влияния «Слова о полку Игореве» на «Летописную повесть», но параллельные чтения обоих памятников пока еще недостаточны, чтобы утверждать существование такого влияния с полной уверенностью.

¹⁶⁹ Слово сочетание «неготовыя дороги» встречается лишь в «Слове похвальном» инока Фомы: «...побеже не готовыми дорогами» (см.: Н. П. Лихачев. Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. — ПДПИ, т. CLXVIII. СПб., 1908, стр. 45). «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» знают только словосочетание «неуготованные дороги».

Л. А. ДМИТРИЕВ

**ВСТАВКИ ИЗ «ЗАДОНЩИНЫ»
В «СКАЗАНИИ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»
КАК ПОКАЗАТЕЛИ ПО ИСТОРИИ ТЕКСТА
ЭТИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

В спорах о подлинности «Слова о полку Игореве», о времени его написания центральное место занимает вопрос об отношении «Слова о полку Игореве» к «Задонщине». После открытия «Сказания о Мамаевом побоище» с реминисценциями из «Задонщины», а затем и самой «Задонщины» вопрос о подлинности, о древности «Слова», казалось, был снят: «Задонщина» свидетельствовала о том, что «Слово» предшествовало этому памятнику, созданному, во всяком случае, не позже XV в. Однако в 1890 г. Луи Леже высказал предположение, что не «Задонщина» подражала «Слову», а наоборот — «Слово о полку Игореве» было создано на основе «Задонщины».¹ Это предположение Л. Леже нашло свое дальнейшее развитие и обоснование в работах по «Слову о полку Игореве» Андре Мазона. По мнению А. Мазона, доказательством первичности «Задонщины» и вторичности «Слова о полку Игореве» служит такое обстоятельство. А. Мазон вслед за своим учеником чешским славистом Я. Фрчком считает, что самый ранний из дошедших до нас списков «Задонщины» Кирилло-Белозерский (К-Б) является первоначальным видом этого произведения. Все остальные списки «Задонщины» (Синодальный — С; Ундольского — У; Исторический первый — И-1 и Исторический второй — И-2) это уже вторая, более поздняя редакция памятника. Сопоставляя различные списки «Задонщины» с текстом «Слова о полку Игореве», А. Мазон пришел к заключению, что «Слово о полку Игореве» близко к тому виду «Задонщины», который представлен всеми поздними, по его и Я. Фрчка мнению, вторичными списками и не совпадает с более ранним, первоначальным по отношению к этим спискам текстом «Задонщины», представленным списком К-Б. Но раз дело обстоит так, заключает А. Мазон, то «если бы „Слово“ принадлежало средневековому поэту, тогда было бы удивительно, что его («Слова о полку Игореве», — Л. Д.) черты ощутимее в поздних списках „Задонщины“, чем в самом древнем».² Необходимо сразу же от-

¹ Louis Leger. Russes et slaves. Etudes politiques et littéraires. Paris, 1890. См. также: Н. К. Гудзий. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве», — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 79—81.

² А. Мазон. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 49.

метить, что в «Задонщине» по списку К-Б, помимо общих мест для всех, без исключения, списков «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», имеются более близкие чтения к «Слову о полку Игореве», чем во всех остальных списках «Задонщины».³ Но, развивая точку зрения А. Мазона, можно предположить, что совпадения между «Словом» и только списком К-Б надо относить за счет каких-то поздних чтений и в К-Б, которых в первоначальном тексте «Задонщины» не было. Поэтому определение того, какой была «Задонщина» в своем первоначальном виде, не потеряло своей значимости не только в исследовании «Задонщины» самой по себе, но и в решении вопросов подлинности «Слова о полку Игореве», времени его возникновения. В решении этой проблемы, помимо текстологического сравнительного изучения дошедших до нас списков «Задонщины», очень много может дать и сравнительный анализ текстов «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». Еще в 1948 г. В. П. Адрианова-Перетц, говоря о принципах реконструкции авторского текста «Задонщины», отмечала: «Изучение только рукописных текстов „Задонщины“ не позволяет еще окончательно решить вопрос о первоначальном ее объеме. Вопрос этот органически связан с другими: когда, в каких редакциях „Сказания о Мамаевом побоище“ появились отражения „Задонщины“? Все ли совпадения „Задонщины“ и „Сказания“ должны рассматриваться как перенесение эпизодов „Задонщины“ в „Сказание“? Не повлияло ли оно само на какие-то версии „Задонщины“? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов „Сказания“».⁴

Наше представление о «Сказании о Мамаевом побоище» стало более полным — обнаружены новые списки этого произведения, высказан ряд соображений о времени создания памятника, генеалогии его редакций, появились новые издания текстов. К сожалению, полное текстологическое сопоставление текстов «Сказания», с учетом всех разночтений по всем сохранившимся его спискам, до настоящего времени не проделано. Однако проведен сравнительный анализ различных списков и редакций «Сказания» по их составу, а для настоящей статьи было произведено текстуальное сопоставление между собой по всем спискам «Сказания» тех частей «Сказания», которые восходят к «Задонщине» или как-то перекликаются с текстом «Задонщины». Для решения вопроса о связи первоначального текста «Сказания» с «Задонщиной» необходимо полное текстологическое исследование всех сохранившихся и выявленных к настоящему времени списков «Сказания о Мамаевом побоище». Только тогда, когда будет раскрыта во всей ее сложности и многообразии взаимосвязь и последовательность всех видов, вариантов и редакций «Сказания», можно будет с достаточной убедительностью и претензиями на исчерпывающую обоснованность говорить о первоначальном виде «Сказания», о характере отношения «Сказания» к другим памятникам Куликовского цикла и другим произведениям древнерусской литературы, о времени создания «Сказания», о времени возникновения тех или иных его редакций. До полного текстологического анализа «Сказания» все эти вопросы, как бы они ни разрешались, будут оставаться в какой-то степени спорными. Однако

³ См.: И. Н. Голенищев-Кутузов. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». — В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2, Белград, 1941, стр. 49—55; Н. К. Гудзий. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 90—91. См. также статью О. В. Творогова «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» в настоящем сборнике, стр. 292—343.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 204.

отказываться до окончательной текстологической обработки всех дошедших до нас списков «Сказания» от решения тех или иных вопросов, связанных со «Сказанием», также нельзя.

В силу указанных причин предлагаемая вниманию читателя работа не может претендовать на окончательное разрешение поставленных в ней вопросов. По-прежнему спорными и не окончательно решенными остаются предположения о первоначальном виде «Сказания», о времени его написания. Однако, по возможности, исчерпывающее сопоставление по всем известным спискам «Сказания» имеющихся там вставок из «Задонщины» с различными списками самой «Задонщины», при учете общих тенденций и особенностей редакций, вариантов, отдельных групп списков «Сказания», дает основание сделать ряд общих заключений о характере взаимоотношений между «Сказанием» и «Задонщиной», о том, какие тексты «Задонщины» были использованы для вставок в различные виды «Сказания о Мамаевом побоище». Эти наблюдения помогают в решении вопроса о возможном первоначальном виде самой «Задонщины», что, как уже было отмечено выше, имеет немалое значение в системе доказательств подлинности «Слова о полку Игореве».

В приложении к книге «Повести о Куликовской битве», изданной в 1959 г. в серии «Литературные памятники»,⁵ в «Описании рукописных списков „Сказания о Мамаевом побоище“» были приведены сведения о 96 просмотренных и текстологически изученных списках «Сказания» (списки «Сказания» в редакции «Синописа» в это число не входят). Теперь перечень этот может быть пополнен за счет выявления новых списков, рассмотрения известных и ранее списков, но по каким-либо причинам не использованных в книге «Повести о Куликовской битве». Для предлагаемой работы было привлечено 107⁶ списков. В отдельных случаях была уточнена классификация списков, более тщательно учтены характерные черты отдельных, чем-то отличающихся от других, списков «Сказания».

Все списки «Сказания» делятся на 8 редакций: Основная, Летописная, Распространенная, Киприановская, Летописца Хворостинина, Западно-русская переработка, переходная к редакции «Синописа» и редакция «Синописа».

Как уже неоднократно отмечалось в литературе, рукописи «Сказания о Мамаевом побоище» отличаются обилием разночтений в пределах одних и тех же вариантов. Особенно характерна в этом отношении Основная редакция «Сказания». В вариантах этой редакции, в свою очередь, выделяются или отдельные списки, или небольшие группы списков с какими-либо менее значительными, чем варианты отличия, присущими только им особенностями. В издании «Повести о Куликовской битве» Основная редакция, так же как и в исследовании С. К. Шамбинаго, была разделена мною на две основные группы, условно обозначенные по основному списку этих групп — группой «О» (список ГПБ О. IV. 22,

⁵ Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М., 1959. (Серия «Литературные памятники»).

⁶ Списки, не привлекавшиеся мною ранее и использованные при работе над настоящей статьей: ЦГАДА — ф. 181, № 7; ф. 181, № 15, ч. III; ф. 181, № 70; ф. 181, № 71; ф. 181, № 351; ф. 181, № 461; ф. 181, № 472; ф. 196, № 1304; ф. 201, № 201; ГБЛ — собр. Долгова, М., № 5879; ГПБ — F. IV. 231; Лондонский список Вологодско-Пермской летописи.

XVI в. и сходные с ним)⁷ и группой «У» (список ГБЛ, собр. Ундольского, № 578, XVI в. и сходные с ним),⁸ а внутри этих групп выделялся ряд вариантов. Целесообразнее, однако, все группирующиеся по ряду существенных отличий списки Основной редакции обозначать одним термином — вариант. Итак, Основная редакция представлена следующими вариантами — вариант «О», вариант «У», Печатный вариант (список Р. Ф. Тимковского, опубликованный впервые в 1829 г. И. С. Снегиревым и вторично им же в 1838 г.,⁹ и сходные с ним), Забелинский вариант (список ГИМ, собр. Забелина № 261 и сходные с ним),¹⁰ вариант Михайловского (список ГПБ, собр. Михайловского Q. 509 и сходные с ним).¹¹

Наиболее близкий к первоначальному виду памятника текст «Сказания», вероятнее всего, читается в списке О Основной редакции. Окончание варианта У представляет собой сюжетное и текстуальное повествование в обратной последовательности той части первой половины повествования, в которой рассказывается о походе на поле битвы русского воинства. Это дает основание для предположения о более позднем происхождении варианта У, чем вариант О. Однако мы не можем возводить вариант У непосредственно к варианту О — оба они восходят к какому-то более раннему общему источнику, поэтому как тот, так и другой варианты могут в отдельных случаях давать более ранние чтения. По существу то же самое мы можем сказать и об остальных вариантах и редакциях «Сказания» — все они должны возводиться к более ранним общим протографам и поэтому в отдельных случаях могут сохранять, несмотря на более поздний характер редакции или варианта в целом, ранние, более близкие к первоначальному виду чтения.

Самая близкая к Основной — Летописная редакция «Сказания», входящая в состав Вологодско-Пермской летописи. Главное отличие между Основной и Летописной редакциями — как считалось до сих пор, — заключалось в том, что в Летописной редакции литовский князь назывался в соответствии с исторической действительностью Ягайлом, а в Основной — уже умерший в 1377 г. Ольгерд. Текстологическое сопоставление редакций между собой¹² подтвердило высказанную еще А. А. Шахматовым¹³ в рецензии на работу С. К. Шамбинаго мысль о том, что первоначально в «Сказании» литовский князь мог называться исторически неверно — Ольгерд, а в Летописной редакции, помещенной в состав летописи, это имя было заменено исторически правильным. После опубликования в 1959 г. нового — Лондонского — списка Вологодско-Пермской летописи¹⁴ становится очевидным, что и в первоначальном виде

⁷ Текст «Сказания» по этому списку опубликован дважды — С. К. Шамбинаго в приложении к книге Повести о Мамаевом побоище (СПб., 1906) и в книге «Повести о Куликовской битве».

⁸ Текст «Сказания» по этому списку опубликован С. К. Шамбинаго в книге: Сказание о Мамаевом побоище. Изд. ОЛДП, вып. 125, СПб., 1907.

⁹ Русский зритель, 1829, ч. 5, №№ XVII—XX; Русский исторический сборник, М., 1838, т. III, кн. 1. В книге «Повести о Куликовской битве» издание 1838 г. было ошибочно названо мною первым изданием «Сказания» — первым изданием является издание 1829 г.

¹⁰ Текст «Сказания» в этом варианте по списку Забелина № 261 опубликован в книге «Повести о Куликовской битве».

¹¹ Текст «Сказания» в этом варианте по списку ГПБ, собр. Погодина № 1595 опубликован в книге: Русские повести XV—XVI веков. Госиздат, М.—Л., 1958, стр. 16—38.

¹² Повести о Куликовской битве, стр. 416—420.

¹³ Шахматов. Отзыв, стр. 85.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 328—341.

Летописной редакции «Сказания» литовский князь назывался Ольгердом, а на каком-то более позднем этапе движения текста этой летописи имя Ольгерда было заменено на исторически правильное — Ягайло. По-видимому, в своем первоначальном виде текст Летописной редакции был более близок к Основной, чем в том виде этой редакции, где было изменено имя литовского князя. В тех случаях, когда между текстом «Сказания» по Лондонскому списку и остальными списками Вологодско-Пермской летописи имеются разночтения, — Лондонский список дает чтения, близкие к текстам Основной редакции, сближаясь то с текстом варианта О, то с текстом Печатного варианта. Во всех списках Летописной редакции «Сказания», кроме Лондонского, окончание представляет собой точную копию окончания «Летописной повести о Мамаевом побоище». Это вторичная вставка из «Летописной повести» в «Сказание». В Лондонском списке окончание иное — здесь говорится только о бегстве Мамаю в Кафу и гибели его там. Такой же рассказ о судьбе Мамаю читается в вариантах У, Печатном и Забелинском Основной редакции и в основном виде Распространенной редакции «Сказания». В некоторых списках Распространенной редакции говорится, как и в «Летописной повести», и о бое Мамаю с Тохтамышем, и о гибели его в Кафе.

Большой интерес представляет окончание в основном списке варианта О Основной редакции. Сообщение о встрече Мамаю с Тохтамышем здесь — вставка в такой первоначальный текст, в котором рассказывалось только о бегстве Мамаю в Кафу и убийстве его там. Сначала в сходных выражениях с Лондонским списком Летописной редакции и Печатным вариантом говорится о бегстве Мамаю в Кафу: «Поганый же Мамаю тогда побеже с побоища и прибеже к граду Кафе. И потаив свое имя». После этой фразы идет текст, сходный с рассказом «Летописной повести» о встрече Мамаю с Тохтамышем:

«Сказание», вар. О
Основной редакции

Прибеже в свою землю и не мога тръпети, видя себе побежена и посрамлена, и поругана. И паки гневашеся, яряся зело и еще зло мысла на Русскую землю, аки лев рыкаа и аки неуголимаа ехидна. И събрав остаточную свою силу и еще хотяще изгоном итти на Русскую землю. И сице ему мысляшу, внезапно прииде к нему весть, яко царь имянем Тактамыш с востока нолны из Синие орды, и деть на него. Мамаю же яже бе уготовил рать ити было ему на Русскую землю, и он с тою ратью пошол противу царя Тактамыша и стретошася на Калках и бысть им бой велик. И царь Тактамышь победив царя Мамаа и прогна его, мамаевы же князи и рядци и ясовулы, и алпауты биша челом Тактамышу. И приат их и взя Орду и седе на царстве.

Летописная повесть

Прибежа в свою землю в мале дружине, видя себе бита и бежавша, посрамлена и поругана. Паки гневашеся и яряся зело смущашеся, и събра остаточную свою силу, еще въсхоте ити изгоном на Русь. Сице же ему умыслившю, и се прииде ему весть, что и деть на него царь некий с востока Тактамыш из Синие орды. Мамаю же, иже уже уготовал рать на ны, с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калках, и бысть им бой, и царь Тактамышь победи Мамаю и прогна его. Мамаевы же князи шедше с коней своих, и биша челом царю Тактамышю, и даша ему правду по своей вере и яшася за него, а Мамаю оставиша поругана.

Вслед за этим текстом в списке О Основной редакции опять говорится о бегстве Мамаю в Кафу и при этом снова повторяется выражение «потаив свое имя». «Мамаю же прибеже паки в Кафу един, потаив свое имя пребываше ту». И уже после этого опять-таки в сходных текстуально выражениях с Лондонским списком Летописной редакции и Печатным вариантом повествуется о гибели Мамаю в Кафе, убитого фрягами. Эти текстологические наблюдения дают основание говорить, что рассказ

о встрече Мамаю с Тохтамышем — поздняя вставка в «Сказание о Мамаевом побоище» из «Летописной повести»: «Сказание» рассказывало только о бегстве Мамаю в Кафу и гибели его там. И окончание Лондонского списка «Сказания», и имя Ольгерд в этом списке говорят о том, что в Лондонском списке до нас дошел первоначальный текст Летописной редакции «Сказания», во всех же остальных списках Вологодско-Пермской летописи отразился текст этой редакции уже в переработанном виде. То, что в Лондонском списке представлен первоначальный вид Летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», подтверждается и всем характером Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи. Как установил В. И. Буганов, Лондонский список Вологодско-Пермской летописи (вторая половина XVI в.), наряду со списками Беловского и Оссолинских, «содержит первоначальную Вологодско-Пермскую летопись»,¹⁵ которая, вероятнее всего, была составлена в промежуток времени между 1499—1502 гг.¹⁶

Поздний характер Киприановской и Распространенной редакций «Сказания» не подлежит сомнению.¹⁷ Наиболее значительной и последовательно выдержанной от начала и до конца переработке подвергся текст Киприановской редакции «Сказания». Распространенная редакция, несмотря на ряд вставок, дополнений и значительных отличий, все же стоит к Основной и Летописной редакциям гораздо ближе, чем Киприановская. В своем исследовании 1906 г. С. К. Шамбинаго первой редакцией «Сказания» считал текст «Сказания», читающийся в Никоновской летописи, т. е. Киприановскую редакцию. Среди нескольких доводов, приводимых им в подтверждение этого предположения, в частности, назывались такие: текст этой редакции «ясно сохраняет план, даже целые выражения Летописной повести, под непосредственным влиянием которой составлен», и «в нем почти отсутствуют заимствования из Писания Софония (Поведания) («Задонщины», — Л. Д.), которыми в широкой степени пользуются другие редакции».¹⁸ Уже А. Марков в рецензии на исследование С. К. Шамбинаго заметил, что редакция, которую С. К. Шамбинаго определил как первую, представляет собой не что иное, как компиляцию из «Сказания о Мамаевом побоище» и «Летописной повести о Мамаевом побоище».¹⁹ Более резкой критике этот тезис С. К. Шамбинаго был подвергнут в отзыве А. А. Шахматова, который так же, как и А. Марков, редакцию Никоновской летописи считал явной обработкой текста «Сказания» на основе «Летописной повести».²⁰ Позже

¹⁵ В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 164.

¹⁶ См.: там же, стр. 158—165; см. также: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — Проблемы источниковедения, сб. 3, М., 1940, стр. 225—244.

¹⁷ См.: Шахматов. Отзыв; Л. А. Дмитриев. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—199; 2) Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 140—155; 3) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 406—448.

¹⁸ Шамбинаго, стр. 141.

¹⁹ А. Марков. Рецензия на диссертацию С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — ЖМНП, ч. XIV, апрель, СПб.; 1908, стр. 433—446.

²⁰ Шахматов. Отзыв. По поводу вставок из «Задонщины» в Киприановской редакции «Сказания» А. А. Шахматов, в частности, писал: «... приведенные замечания и указания самого С. К. Шамбинаго убеждают в том, что составитель первоначальной редакции Сказания пользовался Поведанием («Задонщиной», — Л. Д.) и делал из него заимствования. Я не отрицаю возможности того, что тот или иной редактор позднейших видов Сказания прибег к Поведанию, как к благодарному источнику, еще раз, но отсутствие, — точнее предположенное С. К. Шамбинаго отсутствие — вставок

С. К. Шамбинаго отказался от этой точки зрения и не считал Киприановскую редакцию первоначальным видом «Сказания».²¹ Как видно из приведенного высказывания С. К. Шамбинаго, одним из определяющих признаков первоначальности Киприановской редакции он считал отсутствие в ней вставок из «Задонщины». Но он вынужден был сделать оговорку, сказав, что вставки эти «почти отсутствуют».

Автор Киприановской редакции «Сказания», перерабатывая первоначальный текст «Сказания о Мамаевом побоище», добавляя собственные вставки и вставки из «Летописной повести о Мамаевом побоище», многое и опускал из текста оригинала. В результате этой переработки вставки из «Задонщины», имевшиеся в первоначальном тексте «Сказания», в Киприановской редакции выпали. Однако, как обычно бывает при всякого рода переработках, всегда что-то остается и от первоначального текста. Остались следы вставок из «Задонщины» и в Киприановской редакции. Так, например, описание «испытания примет» ночью перед боем Дмитрием Волынцом в «Сказании», с заимствованными образами из «Задонщины», имеется и в Киприановской редакции. Частично сохранилось в Киприановской редакции и поэтическое описание выезда русского войска из Москвы, восходящее в первоначальном виде «Сказания» к «Задонщине». Слова о пире у Микулы Васильевича, имеющиеся в Киприановской редакции «Сказания», по-видимому, восходят к заимствованиям из «Задонщины» в первоначальном виде «Сказания».²²

Несмотря на различные точки зрения по вопросу о последовательности редакций «Сказания», на характер их взаимоотношения между собой и их взаимоотношений с «Летописной повестью о Мамаевом побоище», все исследователи считают, что автор «Сказания» делал вставки из «Задонщины». Сопоставление всех видов «Сказания» с дошедшими до нас текстами «Задонщины» даст возможность установить — каким текстом «Задонщины» пользовался автор «Сказания», поможет решить вопрос об отношении сохранившихся списков «Задонщины» к этому раннему тексту «Задонщины», из которого были сделаны заимствования в «Сказание». Наконец, такое сопоставление «Сказания» и «Задонщины» покажет, какими текстами «Задонщины» располагали и поздние переписчики «Сказания», вновь обращавшиеся к этому произведению и дополнившие свой текст новыми вставками из него. А все это, в конечном счете, поможет разобраться в вопросе о первоначальном виде «Задонщины».²³

Все встречающиеся в «Сказании о Мамаевом побоище» параллельные места с «Задонщиной» могут быть разделены на две группы: 1) чтения, имеющиеся во всех текстах «Сказания» в одинаковых в сюжетном развитии местах, в сходном текстологическом обрамлении (в одном и том же внутреннем текстологическом «конвое»); 2) чтения, имеющиеся не во всех текстах: либо только в нескольких редакциях, либо характерные только для какой-то одной редакции или варианта, либо, наконец, зафиксированные в отдельных списках.

из Поведания в Никоновской летописи нисколько не говорит в пользу большей близости ее редакции к первоначальному виду Сказания» (стр. 72).

²¹ История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 215—219.

²² Более подробное рассмотрение этих и других случаев см. ниже (стр. 396—397, 407, 411, 418—419, 423—424).

²³ Распространенная редакция «Сказания» подробно анализируется в специально посвященной этой редакции статье Н. С. Демковой (см. стр. 440—476 настоящей книги), поэтому эта редакция будет затрагиваться мною лишь попутно.

Бесспорно, что общий для различных редакций и вариантов «Сказания» текст, совпадающий с «Задонщиной», входил уже в первоначальный вид «Сказания». Часть чтений второй группы также может восходить к первоначальному тексту памятника, часть же должна объясняться вторичным влиянием «Задонщины» на «Сказание».

Рассмотрим те заимствования из «Задонщины» в «Сказании», которые есть основания расценивать как вставки, имеющиеся в первоначальном тексте «Сказания о Мамаевом побоище».²⁴ Одновременно, в ходе этого анализа, будем останавливаться и на особенностях Печатного варианта, несмотря на то что они могут объясняться и вторичным влиянием «Задонщины» на «Сказание».

* * *

Первый отрывок в «Сказании», который можно считать заимствованным из «Задонщины» и который имелся уже в первоначальном тексте «Сказания», — это фраза в обращении великого князя московского ко всем русским князьям о том, что все они «гнездо» Владимира Киевского: «Слышав же князь великий от языка такоу изложеную мысль и такоу встание безбожнаго царя, нача утешатися о бозе и укрепляше брата своего князя Владимера и вси князи русские и рече: „Братие князи русские, гнездо есмя князя Владимера Святославича киевского, ему же откры господь познати православную веру, яко же оному Еустафию Плакиде, иже просвети всю землю Русскую святым крещением, изведе нас от страстей еллинских и заповеда нам ту же веру святую крепко дрѣжати и хранити и поборати по ней“» (50).²⁵ В различных вариантах Основной редакции, в Летописной редакции и в Распространенной фраза эта читается почти одинаково. В Летописной редакции к «князьям» прибавлено «и воеводы», в Печатном варианте Основной редакции, кроме «воевод», названы еще и «бояря», в текстах этих редакций и Распространенной отчество князя не названо. В Киприановской редакции опущена вся речь великого князя, а в ее составе и фраза о «гнезде». Это место «Сказания» ближе всего к соответствующему отрывку «Задонщины» по списку И-1: «Братья и князи руския, гнездо есмя великого князя Владимеры Киевскаго». В списке К-Б чтение иное, чем во всех остальных списках «Задонщины», здесь вместо Владимира Киевского

²⁴ Так как отличие Киприановской редакции от остальных редакций «Сказания» во вставках из «Задонщины» есть основания объяснять результатом редакторской работы автора этой редакции «Сказания» над своим источником, то заимствования из «Задонщины», общие для всех остальных редакций, можно возводить к первоначальному, авторскому тексту «Сказания». Заметим, однако, что для решения поставленных задач в настоящей статье вопрос о том, являются ли эти чтения первоначальными, авторскими или же чтениями протографа дошедших до нас редакций «Сказания», принципиального значения не имеет.

²⁵ Здесь и далее цитаты из «Сказания о Мамаевом побоище» даются по списку О Основной редакции по изданию «Повести о Куликовской битве». Цитаты из остальных редакций и вариантов «Сказания» приводятся из Забелинского варианта Основной, из Летописной и Распространенной редакций по этому же изданию; из Печатного варианта Основной редакции — по публикации в «Русском историческом сборнике» (т. III, кн. 1, М., 1838); из варианта У Основной редакции — по изданию С. К. Шамбинаго («Сказание о Мамаевом побоище». Изд. ОЛДП, 1907); из варианта Михайловского Основной редакции — по изданию «Русские повести XV—XVI веков» (М.—Л., 1958); из Киприановской редакции — по XI тому ПСРЛ (СПб., 1897). Рядом с цитатами в скобках даются страницы соответствующего издания. Цитаты из «Задонщины» даются по текстам, опубликованным в настоящей книге, без обозначения страниц.

назван Иван Данилович — «...гнездо есмь были едино князя великаго Ивана Данильевича».

Контекст самой «Задонщины» свидетельствует о том, что в К-Б — переработанное чтение, а в остальных списках — первоначальное. По всем спискам «Задонщины», в том числе и по списку К-Б, перед фразой о «гнезде» Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич называются потомками Владимира Киевского — «помянувшe прадеда князя Володимера Киевскаго, царя русскаго» (К-Б). Поэтому тем более должно было быть названо это имя, когда шла речь о всех русских князьях: «Тако рече князь великий Дмитрие Иванович свои братии русскимъ княземъ» (К-Б). То, что наименование русских князей в «Задонщине» «гнездом» Владимира Киевского — черта первичного текста, подтверждается еще и следующим. По всем спискам «Задонщины» великий князь московский и все его вассалы — русские князья еще раз названы родственниками киевских князей. В том месте, где говорится о выезде великого князя на бой, мы читаем: «Борис Глеб молитву творять за сродники свои» (К-Б; в остальных списках — чтение, близкое к этому). Видимо, этот образ «Задонщины» также был использован автором «Сказания о Мамаевом побоище». Рассказывая о выезде великого князя с русским войском из Коломны, автор «Сказания» в конце этого пассажа восклицает: «А сам государь князь великий, путем едучи, призываше сродники своа на помощь, святых страстотрпцев Бориса и Глеба» (57).

Таким образом, первая вставка из «Задонщины» в «Сказании» свидетельствует о том, что автор «Сказания» имел перед собой такой текст «Задонщины», в котором в пассаже о «гнезде» русских князей читалось «Владимира Киевского», как в списках У, И-1 и С, а не «Ивана Данильевича», как в списке К-Б. Содержание и история самой «Задонщины» говорят о первичности чтения «Владимир Киевский», и «Сказание» подтверждает предпочтительность этого чтения.

* * *

Второй отрывок, восходящий к «Задонщине» и читавшийся уже в первоначальном тексте «Сказания о Мамаевом побоище», — фраза о стуке и грое на Москве от воинских доспехов: «Ту же, братие, стук стучить и аки гром гремит в славнем граде Москве, то идеть сильнаа рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремять русские сынове своими злачеными доспехы» (51). В варианте У Основной редакции этого пассажа нет, но в остальных вариантах Основной редакции он имеется (в Печатном, Забелинском, Михайловского), есть этот отрывок и в Летописной и Распространенной редакциях «Сказания». В варианте Михайловского чтение рассматриваемого отрывка значительно отличается от остальных — это поздняя переработка: «Тут же, братие, на Москве по всем улицам стук стучит и гремит от золатых доспехов и от гремячих цепей. И сильно бо войско великаго князя Дмитрия Ивановича: не токмо что во дворех, но и дале, около Москвы, не вместилися силы» (21). В остальных вариантах Основной редакции чтение рассматриваемого отрывка близко к чтению варианта О; то же самое нужно сказать и о чтении этого места в Летописной и Распространенной редакциях. В Печатном варианте Основной и в Распространенной редакции вместо начального «ту же» варианта О читается «уже бо», что ближе к тексту «Задонщины». В Летописной редакции вместо этого — «убо». Кроме того, в Летописной редакции немного иное чтение окончания рассматриваемого пассажа — «а гремят русския удалцы злаче-

ными шеломы и доспехи» (86). В Печатном варианте по списку Тимковского и сходным с ним спискам дается отрицательное сравнение: «Уже бо, братие, не стук стучит и не гром гремит, — в славне граде Москве стучит рать великаго князя Дмитрия Ивановича» (16). Отрицательное сравнение в соответствующем месте «Задонщины» встречается в списках К-Б и С: «Уже (вжо — С) бо (в С нет), брате, стук стучить и гром гремит в славне (камене — С) городе (граде — С) Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить силная (в С нет) рать (раты — С) великаго князя Ивана Дмитриевича (Дмитрия Ивановича — С)». Отрицательное сравнение, как известно, является весьма распространенным приемом народно-эпического творчества. Поэтому в обороте эпического характера, каким является анализируемый отрывок, в Печатном варианте могло появиться отрицательное сравнение и независимо от чтения списков «Задонщины» К-Б и С. Заметим, что в «Задонщине» полная трехчленная форма отрицательного сравнения («стук стучит и гром гремит ... не стук стучит, ни гром гремит»), а в «Сказании» только отрицательное сравнение («не стук стучит и не гром гремит»), что еще более подтверждает независимость в данном случае отрицательного сравнения в списке Тимковского Печатного варианта от чтения списков «Задонщины» К-Б и С. Об этом же может свидетельствовать и то, что отрицательное сравнение в данном месте употреблено и в списке Основной редакции Уваровском № 802. Мы не можем говорить, что отрицательное сравнение в данном отрывке является характерной чертой Печатного варианта «Сказания» вообще. В Печатном варианте имеется четыре списка, которые отличаются рядом особенностей от списка Тимковского. Это списки: ГПБ, F.IV.228 (Морозовский летописец); ГПБ, ОЛДП, F.50; ГПБ, О.XVII.6; БАН, 16.13.2 (Едомский летописец). Назовем условно эту группу списков Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище» по списку Морозовского летописца — Морозовской группой Печатного варианта. В Морозовской группе Печатного варианта в рассмотренном месте отрицательного сравнения нет.

В списке Тимковского и сходных с ним в этом месте дефект — текст обрывается на приведенной выше фразе («стучит рать великаго князя Дмитрия Ивановича...»), после которой небольшой пропуск. В Морозовской группе Печатного варианта этого дефекта нет — здесь продолжение процитированной выше фразы имеется: «стучит рать сила великаго князя Дмитрия Ивановича, руския удалцы колантыри злачеными о щиты червленныя (а щиты черлеными)».

Какие можно сделать выводы из сопоставления этого отрывка «Сказания» с различными списками «Задонщины»? Решить, к какому из списков «Задонщины» ближе всего интересующее нас чтение «Сказания», трудно, так как отдельные чтения близки то к одним спискам «Задонщины», то к другим. Во всех текстах «Сказания» в этом отрывке эпитет Москвы «славная», в списках ГБЛ, Румянцевское собр. № 378 и ГИМ, Забелинское собр. № 331 к этому эпитету добавлен второй — «каменная»: «... в славном граде в каменой Москве»; «в славней каменной Москве». В соответствующем этому отрывку «Сказания» месте «Задонщины» по спискам И-1, У и С эпитет Москвы «каменная», а в списке К-Б — «славная». Возможно, «Сказание» и список «Задонщины» К-Б сохранили здесь чтение, восходящее к первоначальному тексту «Задонщины», которое в остальных списках «Задонщины» было изменено. Эпитет Москвы «славная» в «Задонщине» встречается гораздо чаще, чем «каменная», — в списке С он употреблен 5 раз, в И-1 и У — четыре (один раз в них вместо «славная» — «силная»), а эпитет «каменная» — 2 раза: в уже ука-

занном месте и в следующем за ним пассаже о белозерцах.²⁶ Возможно, однако, что это совпадение в чтении между «Сказанием» и списком К-Б «Задонщины» случайно. Приведенные чтения списков Румянцевского № 378 и Забелинского № 331 говорят о том, что в «Сказании» варьировались эпитеты Москвы «славная» и «каменная». Заметим, что в «Сказании» по отношению к Москве чаще употребляется эпитет «славная».

Остановимся более подробно на чтении рассматриваемого отрывка в Печатном варианте «Сказания».

О воинах великого князя здесь, как и в Летописной редакции «Сказания», говорится «руския удалцы».²⁷ Это ближе к «Задонщине», в которой по всем спискам в соответствующем месте тоже сказано «русские удалцы» (в К-Б выпущено слово «русские»). В этом варианте и в некоторых видах Распространенной редакции, как и во всех списках «Задонщины» в соответствующем месте, встречается выражение «черленые щиты». Таким образом, эти чтения — особенность не только Печатного варианта, а отражение более раннего общего для различных редакций и вариантов «Сказания» источника, в котором текст заимствований из «Задонщины» был ближе к чтениям оригинала. Но в Печатном варианте тут имеются и индивидуальные, присущие только этому варианту, особенности, связывающие в анализируемом отрывке этот вариант «Сказания» только с отдельными списками «Задонщины». Если предположить, что отрицательное сравнение в списке Тимковского — черта, характерная для всего Печатного варианта, и что отрицательное сравнение в данном случае не результат творчества автора Печатного варианта, то эта особенность данного варианта «Сказания» объединяет его со списками «Задонщины» К-Б и С. Лишь в Печатном варианте «Сказания» встречается термин «колонтарь» — «колонтары злаченныи о щиты червленныи». Этот же термин употреблен опять-таки только в Печатном варианте «Сказания» второй раз, немного ниже, в заимствованном из «Задонщины» описании доблести русских воинов — «а русские удалцы сведоми ... а доспехи имеют велми тверды, злаченныи колонтары» (23). Во всех списках «Задонщины», кроме К-Б, этот термин не встречается вообще. В списке К-Б, в отрывках, параллельных тем частям текста Печатного варианта «Сказания», где в нем встречается слово «колонтарь», этого слова нет так же, как и в других списках «Задонщины».²⁸ Но оно имеется в списке К-Б «Задонщины» в ином месте, во фразе «пашутся хоригови берчати, светятыся колантыри злаченныи».²⁹

Колонтарь — тип кольчатого доспеха, со сплошными металлическими пластинками на груди, спине и боках, без рукавов, с завязками на боках. Доспех этот встречался очень редко. Это поздний тип доспехов (юшман, бахтерец, колонтарь), появление которых связывается с возникновением и распространением ручного огнестрельного оружия.³⁰ Редкость термина

²⁶ В списке К-Б, кроме указанного случая, Москва с определением-эпитетом названа еще только 2 раза, в пассаже о плаче русских жен: «восплакашася горко жены ... в красне граде Москве» и «Уже наша слава пониче в славне городе Москве».

²⁷ Это выражение читается в окончании рассматриваемого отрывка, сохранившемся, как уже было отмечено выше, в Морозовской группе Печатного варианта.

²⁸ В списках «Задонщины», в тех местах, где в Печатном варианте употреблено слово «колонтарь», читаем такие названия: «золоченые доспехи» (У и И-1); «золотые доспехи и шеломы» (С); «золоченые шеломы» (К-Б).

²⁹ В остальных списках «Задонщины» текста, параллельного этому отрывку К-Б, нет.

³⁰ М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. Краткий путеводитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953, стр. 61—63. В указателе возникновение колонтаря относится к середине XVI в., однако список «Задонщины» К-Б заставляет говорить о более раннем возникновении этого термина, во всяком случае не позже середины XV в.

«колонтарь» заставляет думать, что употребление его в Печатном варианте «Сказания» только во вставках из «Задонщины» и в списке «Задонщины» К-Б едва ли случайное совпадение.

Сопоставление второй вставки из «Задонщины» в «Сказании» по различным текстам «Сказания» с разными списками «Задонщины» дает основание говорить, что в первоначальном тексте «Сказания» отразился текст «Задонщины», наиболее близкий к авторскому. Индивидуальные черты этой вставки из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» свидетельствуют о том, что в этом варианте отразились как чтения, общие для всех списков «Задонщины», т. е. чтение первоначального текста «Задонщины», так и особенности, характерные только для списка К-Б.

* * *

Третье место в «Сказании», восходящее к «Задонщине» и читавшееся уже в первоначальном тексте «Сказания», — описание выезда русского войска из Москвы: «Князь же великий сам мало ся удръжа от слез, не дав ся прослезити народа ради. А сердцем своим вельми слезяше и утешаа свою княгиню. И рече: „Жено, аще бог по нас, то кто на ны!“. И взыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы вседоша на коня своа. Солнце ему на вѣстоце ясно сияеть, путь ему поведаетъ. Уже бо тогда, аки соколи урвашася от златых колодиць ис камена града Москвы и възлетеша под синиа небеса и възгремеша своими златыми колоколы и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусины. То, брате, не соколи вылетели ис камена града Москвы, то выехали русскыя удалци с своим государем с великим князем Дмитрием Ивановичем, а хотять наехати на великую силу татарскую. Князи же белоозерьские особь своим плъком выехали. Урядно убо видети вѣйско их. Князь же великий отпусти брата своего князя Владимира на Брашеву дорогою, а белоозерьские князи Болвановскою дорогою, а сам князь великий поиде на Котел дорогою. Напреди же ему солнце добре сияеть, а по нем кроткий ветрец вееть. Того бо ради разлучися князь великий з братом своим, яко не вместитися им единою дорогою» (54—55).

В варианте У Основной редакции читается только часть этого поэтического описания, восходящего к «Задонщине»: «И паки князь велики възыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы вседоша на кони, а солнце ему на вѣстоци ясно сияет, путь ему поведает. А князи белоозерьские особе своим полком выехали: изрядно бо видети войско их» (26). В варианте Михайловского немного переработанное, но в целом чтение, близкое к варианту У. В списке Основной редакции Румянцевского собрания № 378 так же, как и в двух названных вариантах, текст этого поэтического пассажа по сравнению с чтением списка О короче, но здесь уже имеется фраза о соколах — русских воинах. Печатный вариант тоже не совпадает полностью со списком О, но чтение его ближе к тексту списка О, чем в перечисленных выше. С некоторыми вариациями, но в целом очень близко к Печатному варианту, читается это место в Летописной и Распространенной редакциях «Сказания». Наиболее близкое чтение к списку О в Забелинском варианте. В Киприановской редакции большая часть этого поэтического описания опущена, но самое его начало и окончание сохранились: «И изыде из церкви и, всед на конь, поиде к Коломне; брата же своего князя Володимера Андреевича отпусти на Брашеву дорогою, а Белоозерския князи Болвановскою дорогою с воинствы их; а сам князь велики поиде на Котел дорогою со многими силами; и бе ему спреди сслнце греаше, а ззиди по нем кроткий и тихий ветр веаше и дыхаше; раз-

лучиша же ся того ради дорогами, яко не вместитися единою доро-
гою» (53—54).

В Печатном варианте, кроме текста, общего со всеми видами «Сказа-
ния», после слов «бе бо храбро воинство их» идет текст, встречающийся
из всех видов «Сказания» только в этом варианте. Прежде чем рассмат-
ривать эту особенность Печатного варианта, остановимся на общих для
всех видов «Сказания» местах этой вставки из «Задонщины».

В варианте У Основной редакции первая фраза анализируемого от-
рывка, как можно видеть из приведенных выше текстов, почти дословно
совпадает с чтением варианта О. В Печатном варианте немного иначе:
«Князь же великий Димитрей Иванович вступи во златокованное стремя
и седе на своего любовнаго (любимаго, любезнаго) коня. Всеи же князи и
воеводы на свои кони седоша» (22). В Летописной редакции очень близ-
кое к Печатному варианту чтение: «Князь же великий вступив в златое
свое стремя и седе на любезный свой конь, и всеи князи и бояре вседоша
на свои кони, и воеводы поехаша» (89). В Распространенной редакции эта
фраза близка к чтению Печатного варианта и Летописной редакции.
В списках «Задонщины» У и И-1 эта фраза читается более или менее
одинаково. «Тогда князь великий Димитрей Иванович воступив во златое
свое стремя и взем свои мечь в правую руку и помолися богу и пречистой
его матери» (У); в И-1 такие разночтения: нет имени Дмитрия, вместо
«пречистой его матери» — «пресвятии богородицы». В списке С этот от-
рывок переработан, но за исключением чтений, вставленных в С, он бли-
зок и к У, и к И-1: «Тогда князь великий Димитрий заплакал гарко и
рече: „Господи боже мои, на тя уповах, да не постыжию во веки, на да
посмеютя врази мои“. Втер слезы свои и воступает во позлощное свое
стремя, и взял меч свои во правую руку и помолися богу и пречистой его
матери». В списке К-Б эта фраза близка к остальным спискам «Задон-
щины», но имеется и отличие — в середине ее читаются слова, отсутствую-
щие в остальных списках, но имеющиеся в «Сказании»: «Тогда же князь
великий Димитрей Иванович ступи во свое златое стремя, всед на свои
борзы и конь, принимая копие в правую руку».

В «Сказании о Мамаевом побоище» слова о том, что великий князь сел
на коня, встречаются во всех видах «Сказания», где сохранилась эта
вставка из «Задонщины», т. е. они читались в первоначальном тексте
«Сказания». Естественнее всего предположить, что в данном случае спи-
сок К-Б «Задонщины» и «Сказание» сохранили более близкое к перво-
начальному виду «Задонщины» чтение. Однако не исключена возможность
и случайного совпадения: широкое употребление в древнерусской пись-
менности такой формулы, как «всесть на конь», для обозначения выступ-
ления в поход хорошо известно,³¹ и «Сказание» и список «Задонщины»
К-Б могли независимо друг от друга усложнить более простую пер-
воначальную форму «вступить в стремя» дополнительным «всесть
на конь».

Вслед за рассмотренной фразой говорится, что воины рвутся на битву,
как соколы «от златых колодиц». Во всех списках «Задонщины» слова
о том, что великий князь вступил в стремя, и пассаж о рвущихся в битву
воинах-«соколах» расположены в иной последовательности, чем в «Сказа-
нии»: сначала говорится о рвущихся в бой «соколах»-белозерцах, а затем
уже о великом князе, т. е. уже в первоначальном тексте «Сказания» весь

³¹ См.: Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку
Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред.
В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 63, 76—78.

этот пассаж из «Задонщины» не просто переписывался, а перерабатывался. В свою очередь, уже в литературной истории текста «Сказания» также делались какие-то изменения, вариации. В Печатном варианте, в Летописной и Распространенной редакциях «Сказания» чтение фразы о воинах-«соколах» сходно — здесь так же, как и в «Задонщине», подразумеваются белозерцы: «Уже бо тогда яко соколи от златых колодец рвахуся, выехали князи белозерский ис каменна града Москвы с своим полком: урядни бо полцы их видети, яко достоит им избавити стада лебедина — бе бо храбро воинство их» (список Тимковского Печатного варианта, 22). В варианте О Основной редакции образ «воины — рвущиеся соколы» соотносится со всем русским войском, что, видимо, уже более позднее переосмысление, так как весь этот пассаж более развернут и дан с отрицательным сравнением (см. выше приведенную цитату по списку О), а слова о белозерцах вместе с тем сохранились и по чтению близки с Печатным вариантом и дословно совпадают с вариантом У:

Печатный вариант

... выехали князи белозерский ис каменна града Москвы с своим полком: урядни бо полцы их видети, яко достоит им избавити стада лебедина — бе бо храбро воинство их (22).

Вариант О Основной редакции

Князи же белоозерские особь своим плком выехали. Урядно убо видети вйско их (54). (Об избивении лебедей рассказывается выше).

В «Задонщине» о белозерцах по всем спискам говорится, что они «позвонять своими злачеными колоколци» (К-Б), «звонечи золотыми колоколы над быстрым Доном» (С), «возгремеша золочеными колоколы на быстром Дону» (И-1, У). В списке О Основной редакции, несмотря на общую смысловую переработку всего отрывка, этот пассаж сохранился («възгремеша своими златыми колоколы»). Имеется он и в Забелинском варианте и в особой группе Распространенной редакции (список ЦГАДА, ф. 181, 70 и сходные с ним). В остальных текстах «Сказания» его нет. Таким образом, разные виды «Сказания», в различной степени, сохраняют первоначальные чтения заимствований из «Задонщины». Это объясняется тем, что редакции «Сказания» восходят не одна к другой, а к общим более ранним источникам. Поэтому каждая из редакций или отдельные группы редакций и вариантов, вне зависимости от времени их создания, могут сохранять какие-то первоначальные чтения. Вместе с тем необходимо отметить и следующее. Глагол «възгремеша» в варианте О «Сказания» повторяет это же слово из соответствующего места по спискам «Задонщины» У и И-1 (в К-Б — «позвонять», в С — «звонечи»), а фраза из этого же отрывка «хотят ударитися на многыя стада лебедины и гусины» в варианте О «Сказания» имеет соответствие только со списком «Задонщины» С — «хотят ударити на многие стады гусятыя и на лебединыя». Отсюда можно заключить, что в основе этого отрывка «Сказания» лежал текст «Задонщины», более близкий к общему протографу дошедших до нас списков «Задонщины», более близкий к авторскому тексту «Задонщины». Вставки из «Задонщины» в «Сказании», как показывает этот случай, дают материал для решения вопросов об отношении к первоначальному тексту «Задонщины» тех или иных чтений, сохранившихся теперь в единичных списках «Задонщины».

После фразы «яко достоит им избавити (избивати) стада лебедина — бе бо храбро воинство их» в Печатном варианте читается такой текст: «Князь великий Димитрей Иванович рече брату своему, князю Владимиру Андреевичю, и иным князем и воеводам: „Братия моя милая, не пощадим

живота своего за веру христианскую и за святая церкви за землю Рускую». И говорит князь Владимир Андреевич: „Господине (так в списках Морозовской группы, в списке Тимковского — господине) князь Димитрей Ивановичь, воеводы у нас велми крепцы, а руские удалцы сведоми, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряйския, корды лятцкие, сулицы немецкие, щиты червеня, копья злаченя, сабли булатныя. А дорога им велми сведома, берези им по Оце изготовлены, хотят головы своя сложити за веру христианскую и за твою обиду государя великаго князя“». Сразу же за этим отрывком идет такой же текст, как и в остальных редакциях «Сказания» — «Князь же великий Димитрей Ивановичь отпусти брата своего, князя Владимира Андреевича, на Брашево дорогою» (22—23).

Прочитированному отрывку из Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище» в «Задонщине» по всем спискам, кроме списка К-Б, соответствует характеристика русских воинов, которую произносит Дмитрий Донской в ответ на призыв Владимира Андреевича — «не ослаблявай, брате, поганым татаровям». Привожу чтение этого места по списку У «Задонщины»: «И говорит ему князь великий Димитрей Ивановичь: „Брате Владимир Андреевичь, сами есми, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70 бояринов и крепцы бысть князи белозерстии, Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Димитрей Волянської, да Тимофеи Волуевичь, да Андреи Серкизовичь, да Михаило Ивановичь, а вою с нами триста тысящ окованые рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина сведана, а под собою имеем добрые кони, а на собе злаченны доспехи, а шелома черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за веру крещеную“». В списках И-1 и С такие существенные разночтения: вм. «говорит» — «рече»; после слов «сами есми» в этих двух списках прибавлено «два брата»; в списке И-1 слов о том, что они внуки Владимира, нет, а в С говорится, что они сыновья Ивана Даниловича «Каметы» и внуки Данила Александровича; в И-1 нет имени Андрея Серкизовича, в остальном и имена воевод и последовательность их перечисления такие же; в С не названы имена Семена Михайловича и Микулы Васильевича, после Ольгердовичей названо имя Андрея Брянского, а дальше все так же, как и в У; после имен в обоих списках прибавлено: «А воюют с нами 300 000 кованои рати» (И-1); «у боя нас людеи 300 тисещ кованыя раты» (С); в С вместо второго «уставлены» — «крепкия»: «... а воеводы в нас крепкия»; в И-1: «дружина нам сведома»; в С: «ведомоя дружина»; в И-1: «борзьыя комони»; в С: «кони борздья»; в И-1: «сулицы ординские»; вместо «кинжалы фряские» в И-1: «чары франския»; в С: «кофыи фразския, а кинжалы мисурскими»; в обоих списках после слов о булатных мечах добавлено — в И-1: «И молвяше: „Поганыи путь им знаем велми, а перевозы им изготовлены“»; в С: «... а дороги нам сведома, а перевозы в нас в нас вставлены»; в обоих списках после слов «за веру крестьянскую» добавлено: «Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени» (И-1); «Пашут бо кафир, ищут бо собе чести и славы и великаго имени» (С).

В одной из разновидностей Распространенной редакции «Сказания» (список ЦГАДА, ф. 181, № 70) имеется вставка из «Задонщины» с характеристикой русского воинства. По-видимому, эта вставка не связана с какими-то другими текстами «Сказания», в частности с рассматриваемым местом Печатного варианта «Сказания»: в списке Распространенной

редакции здесь самостоятельное, позднее заимствование из «Задонщины».³²

Итак, мы видим, что Печатный вариант, в данной вставке в целом очень близкий соответствующему месту «Задонщины», отличается целым рядом особенных чтений. Только здесь встречается редкий термин «злачные колантыри», о котором уже говорилось выше. Этот термин сближает рассматриваемую вставку только со списком «Задонщины» К-Б, хотя в этом списке «Задонщины» текста, параллельного приведенному из Печатного варианта «Сказания», нет совсем. Только здесь щиты названы «червлеными» и упоминаются байданы.оборот «черленые (червленые) щиты» и термин «байдан» (в вариантных написаниях) встречаются во всех списках «Задонщины». Поэтому все эти индивидуальные чтения в приведенном пассаже из Печатного варианта «Сказания» должны объясняться, вероятнее всего, не собственным творчеством автора Печатного варианта «Сказания», а зависимостью их от текста «Задонщины»

Наряду с этими в рассматриваемом отрывке Печатного варианта «Сказания» имеется ряд чтений, совпадающих только с соответствующими местами отдельных списков «Задонщины», но преимущественно, и это необходимо подчеркнуть, со списком С. Самое начало обращения «Братия моя милая» ближе всего к списку С: только там Дмитрий Иванович, обращаясь к Владимиру Андреевичу, говорит: «Брате м и л ы и . . .» (в У: «Брате Владимир Андреевич», в И-1: «Брате князь Владимире Ондреевич»). Фраза «воеводы у нас велми крепцы» в Печатном варианте «Сказания» полностью соответствует только списку С — «а воеводы в нас крепкия» (в У и И-1 — «воеводы у нас уставлены»). Только в списке С «Задонщины» встречаем выражение «а дороги нам сведомо», чему имеется параллель в Печатном варианте «Сказания» — «а дорога им велми сведома» (в И-1 этот образ передан иначе: «Поганыи путь им знаем вельми»). Как видим, Печатный вариант как бы объединяет и особенность С — «сведома» и особенность И-1 — «вельми» (в У всего этого оборота нет совсем). Эпитет коней «борзья» совпадает со списками С и И-1 (в У — «добрые»). Неясное «колчары фряйския» (видимо, надо, как в списке ЦГАДА Распространенной редакции, «колчаны фряские») соотносится с «кинжалы фряские» У, «чары франьския» И-1 и «кофыи фразския» С. Точного совпадения нет ни с одним из списков «Задонщины», но общий источник для всех них и для Печатного варианта «Сказания» несомненен.

Таким образом, особенности этой вставки из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» говорят о том, что лежащий в основе ее текст «Задонщины» отличался какими-то чертами, сохранившимися теперь только в списках К-Б (термин «колантырь») и С, а вместе с тем отражал и черты, общие для всех дошедших списков «Задонщины».

Рассмотренный отрывок в Печатном варианте «Сказания» начинается так же, как и соответствующее место «Задонщины», только вместо Дмитрия Ивановича назван Владимир Андреевич: «И говорит князь Владимир Андреевич. . .», но внутри этой вставки из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» опущена первая половина обращения одного князя к другому и фраза об уставлении воевод («Сами есми . . . а вою с нами триста тысящ окованные рати»). Это сокращение, сделанное автором Печатного варианта, а не отражение возможного вида «Задонщины». Такое

³² Подробнее см. об этом в статье Н. С. Демковой «Заимствования из „Задонщины“ в текстах Распространенной редакции „Сказания о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 472—474.

сокращение в тексте «Сказания» понятно и нетрудно объяснимо: немного ниже, где говорится о сборе войск на Коломне, приводится уряжение полков с перечислением воевод, а перед этим, в рассказе о сборе на Москве, также называются пришедшие воеводы. Эти собственные, входящие в текст «Сказания», перечисления воевод препятствовали включению в «Сказание» перечисления воевод из «Задонщины».

* * *

Четвертое заимствование из «Задонщины» в «Сказании», входившее уже в первоначальный текст памятника, — слова в плаче жены Дмитрия Донского о горе Русской земли после битвы на Калке. В целом этот отрывок схож в разных редакциях и вариантах «Сказания». В Киприановской редакции опущен весь плач великой княгини, что связано и с другим, предшествующим этому, пропуском — в этой редакции нет также рассказа о прощании великого князя и русских князей и воевод с женами. В разных вариантах Основной редакции «Сказания» в этой вставке из «Задонщины» имеется различие. В Летописной и Распространенной редакциях и Печатном варианте Основной редакции «Сказания» читается фраза о количестве лет, прошедших от Калкской битвы до Мамаева побоища (в Распространенной редакции и Печатном варианте Основной — 160; в Летописной редакции по Лондонскому списку тоже — 160, по остальным спискам — 158). В варианте У и Забелинском Основной редакции вместо этой цифровой выкладки иная — говорится, сколько человек было убито на Калке («убили тогда православных крестьян 30 000», ГПБ, Погодинский 1555). В Особом виде Распространенной редакции (список ЦГАДА, ф. 181, № 70 и сходные с ним) говорится и об убитых (здесь 404 тысячи) и о том, сколько прошло лет (здесь 160). В варианте же О и Михайловского нет ни расчета лет, ни расчета убитых. То, что выкладка лет встречается в разных редакциях «Сказания» и в Печатном варианте Основной, дает право говорить о наличии ее в протографе «Сказания». В вариантах О и Михайловского эта выкладка была опущена, а в варианте У и Забелинском заменена другой. В данном случае чтение вариантов У и Забелинского тоже подтверждает наличие в этом месте с самого начала какого-то цифрового расчета в протографе Основной редакции, а данные других редакций «Сказания» и одного из вариантов Основной, подкрепляемые чтением «Задонщины», свидетельствуют, что это был расчет лет, прошедших от битвы на Калке до Мамаева побоища. Привожу чтение этого отрывка по Печатному варианту «Сказания»: «Не сотвори, господи, яко же за мало лет брань была на реде на Калке христианом с татары от злаго Батыя. От Калкинскаго (Калскаго, Каланскаго) побоища до Мамаевы рати (приходу Момаева) 160 лет. От таковыя же беды ныне, господи, спаси и помилуй! Не дай же, господи, ныне погибнути оставшему христианству! От тое бо рати Руская земля уныла» (24—25). В двух списках Морозовской группы Печатного варианта последняя фраза читается так: «Да славится в них имя твое святое. От тоя бо брани (руки) Руская земля уныла».³³

³³ В списке О Основной редакции это место читается так: «И не сътвори, господи, яко же преже сего за мало лет велика брань была рускым князем на Калках с погаными половци с агаряны. И ныне избави, господи, от такна беды и спаси их и помилуй. Не дай же, господи, погыбнути оставшему христианству, да славится имя твое святое в Русьстей земли. От тоа бо галадцкыя беды и великого побоища татарскаго и ныне еще Русскаа земля уныла» (55).

Этот отрывок дает основание высказать ряд соображений о тексте самой «Задонщины».

Во вступительной части «Задонщины» по списку У и Ж³⁴ читается такой пассаж: «...хиновя поганые татаровя бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты». Трудно сказать, является ли в данном случае «Каяла» механической опiskeй вместо «Калка», или же автор «Задонщины», имея в виду и битву на Каяле, воспетую «Словом о полку Игореве», и битву на Калке, отождествил в своем произведении эти реки или же сами события, связанные с ними. Во всяком случае, это место «Задонщины», как бы мы ни толковали упоминание в нем реки Каялы, красноречиво свидетельствует о том, что в основе «Задонщины» лежит «Слово». В остальных списках «Задонщины» вся вступительная часть, более или менее исправно читающаяся в списке У, сокращена или переработана. В списке И-1 явно дефектное начало, о чем говорит первая фраза, с которой начинается этот список: «И по том списах жалость и похвалу», т. е. нет как раз текста вступления, сохранившегося в У. В списке С эта вступительная часть сохранилась, но в сильно искаженном и усеченном виде. В списке К-Б от всего предисловия сохранилась лишь одна фраза, с которой этот список и начинается («Поидемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову сына Ноева, от него же родися Русь преславная»). То, что в разных списках «Задонщины» имеются либо, как в У и Ж, полный текст вступления, либо фрагменты этого вступления, свидетельствует о наличии такого вступления и в авторском тексте «Задонщины», что подтверждается и «Сказанием», где в близких к чтению списка У «Задонщины» выражениях говорится о печали, охватившей Русскую землю после битвы на Калке («от тое бо рати Руская земля уныла»). В «Сказании», как уже говорилось выше, в рассматриваемом отрывке читается фраза о количестве лет, прошедших от Калкского побоища до Мамаева. Во всех списках «Задонщины», кроме списка К-Б, этот расчет лет также приводился (У — «А от Калатьские рати до Мамаева побоища 170 лет»; И-1 — «От Калагьския рати до Мамаева побоища лет 160»; С — «От Колонцыя роти лет 160 до Мамаева побоища»), в К-Б сохранилась лишь часть этой фразы — «От тоя рати и до Мамаева побоища». Но в тексте «Задонщины» фраза эта читается не во вступительной части, где говорится о печали Русской земли после битвы на Калке, а в ином месте, немного ниже, после пассажа с упоминанием Бояна и отрывка, в котором рассказывается о Софонии рязанце. Выглядит эта фраза в тексте «Задонщины» в этом месте как вставка. Это дает основание думать, что в результате механического дефекта в дошедших до нас списках «Задонщины» фраза с расчетом лет от битвы на Калке до Мамаева побоища оказалась не на своем месте — она должна была находиться во вступлении. И «Сказание о Мамаевом побоище», где эта фраза читается в составе отрывка, связанного со вступительной частью «Задонщины», подтверждает обоснованность такого предположения. Перестановка в тексте «Задонщины» произошла на очень раннем этапе литературной жизни текста, во всяком случае она уже была в протографе всех дошедших до нас списков. Как и предыдущее чтение, этот пример дает основание считать, что тот текст «Задонщины», к которому восходят вставки из «Задонщины» в «Сказании», был очень близок к авторскому и отличался от дошедших до нас списков «Задонщины».

³⁴ БАН. 1.4.1, «Ждановский отрывок».

* * *

Пятый отрывок в «Сказании о Мамаевом побоище», восходящий к «Задонщине», вставлен в описание похода русского войска из Москвы на поле брани. К нему примыкает и фраза «стязи ревуть наволочены», читающаяся в пассаже о стоянии русских войск под Коломной «У сада Панфилова». «И подвигошся князь великий Дмитрий Иванович по велицей широче дорозе, а по нем грядуть русские сынове успешно, яко медвяныя чяши пити и сътеблиа виннаго ясти, хотять себе чьсти добыти и славнаго имени. Ужо бо, братие, стук стучить и гром гремит по ранней зоре, князь Владимир Андреевич Москву-реку перевозится на Красном перевозе в Боровъсце. Князь же великий прииде на Коломну в субботу, на память святого отца Моисиа Мурина. Ту же быша мнози воеводы и ратници и стретоса его на речке на Северке. Архиепискуп же Геронтей колоченьский сrete великого князя в вратех градных с живоносными кресты и с святыми иконами, с всем събором и осени его живоносным крестом и молитву сътвори: „Спаси, боже, люди своя“. На утрие же князь великий повеле выехати всем воем на поле к Дивичю. В святую же неделю по заутрении начаша многих труб ратных гласы гласити, и органы многы бити, и стязи ревуть наволочены у саду Панфилова» (56).

В Киприановской редакции «Сказания» этот пассаж опущен. В остальных редакциях «Сказания» в целом чтение разбираемого отрывка сходно с приведенным, но имеются и некоторые различия. В Печатном варианте Основной, в Летописной и Распространенной редакциях первая фраза этого отрывка, до слов о том, что русские воины «грядут... яко медвяныя чяши пити и сътеблиа виннаго ясти» (это всюду читается одинаково), выглядит немного иначе. Привожу чтение этой фразы по Летописной редакции: «Тогды же возвеша силнии ветри по Березовице широче (в Распространенной редакции — Берновыце широче, в Печатном варианте — Бервице широте). Тогда воздвигошася великиа князи руския, а по них дети боярские успешно грядут» (90). Нетрудно убедиться, что, несмотря на различие приведенного чтения с чтением варианта О, общий источник для них несомненен. Кроме того, в Летописной и Распространенной редакциях перед фразой о стуке и грома идет еще одна фраза, отсутствующая в О, — «Возвевявшу со востока ветру, а в нем гром и молния» (Летописная редакция, 90); «Възвевявшу ветру велику, а в нем громове не малы» (Распространенная редакция, 130). В Печатном варианте «Сказания» в этот отрывок вставлен также заимствованный из «Задонщины» пассаж о новгородцах; кроме того, имеются и еще некоторые разночтения в слое текста, общего для всех остальных видов «Сказания». На особенностях Печатного варианта я остановлюсь ниже, сейчас же рассмотрим текст, общий для всех видов «Сказания».

Пятый отрывок представляет собой не выписку из «Задонщины», а переработку источника: составные части его обнаруживаются в разных местах «Задонщины». Вероятно, автор «Сказания» что-то выписал из «Задонщины», а что-то внес по памяти.

Начало этого отрывка может связываться с «Задонщиной» двумя выражениями. Первое из них — образ воинов, которые идут на битву «яко медвяныя чяши пити». В «Задонщине» Дмитрий, обращаясь к Владимиру Андреевичу, говорит: «Тут, брате, испити медвяна чара» (У; в И-1 — медвяная чаша; в И-2 — медовыя чары поведеные; в С это место переработано и слов о медовых чарах нет совсем). Как уже отмечала В. П. Адрианова-Перетц, «украшенное заимствованиями из „Задонщины“, „Сказание о Мамаевом побоище“ нередко пользуется образом битвы — пира и

смерти в бою — чаши, причем сопровождает слово „чаша“ то книжным эпитетом „смертная“, то перенесенным из „Задонщины“ — „медвяная, поведеная“». ³⁵ По всей видимости, этот оборот, этот поэтический образ и был не выписан автором «Сказания» из «Задонщины», а воспроизведен по памяти, так как в очень близких выражениях он снова повторяется в «Сказании», в обращении великого князя к русским войнам накануне дня битвы: «Утре бо нам с ними пити общую чашу, между събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси възделеша» (64). Отметим, что образ «смертной чаши» как символ смертного боя, гибели в бою широко используется и в «Повести о Николе Зараском». ³⁵ Это ходячий поэтический образ. Поэтому-то автор «Сказания» воспроизвел его в своем произведении по памяти. Он знал, что в «Задонщине», из которой он широко черпал в свое произведение поэтические образы и целые картины, образ «смертной чаши» встречается, но, для того чтобы вставить его в свой текст, ему не нужно было выписывать его из своего источника. В списке «Задонщины» К-Б этого пассажа нет совсем, так как он читается после плача русских жен, на котором список К-Б обрывается. Автору «Сказания» был известен такой текст «Задонщины», в котором это место имелось. Второй оборот «Сказания» в этом отрывке, близкий к «Задонщине»: «...хотя бы себе чести добыти и славнаго имени». Сходно с первым он может характеризоваться как пример использования автором «Сказания» «Задонщины» по памяти. В параллель к нему могут быть указаны такие чтения «Задонщины»: «Брате князь Владимир Андреевич, поедем тамо, укупим животу своему славы» (У; в И-1 нет слова «своему»; в С — «искупим животом славы»; в К-Б этому месту соответствует совершенно иное чтение — «укупимъ землямъ диво»); «пашут бо ся аки живи хоругови, и щут собе чести и славнаго имени» (У, И-1, в С — «ищут бо собе чести и славы и великаго имени», в К-Б — нет); «а чести есми, брате, добыли и славнаго имени» (У, в остальных списках нет). Это чтение «Сказания», как и предыдущее, свидетельствует о большей близости «Сказания» к полному виду «Задонщины», а не к списку К-Б.

Вторая фраза разбираемого отрывка параллельна такому тексту «Задонщины»: «Что шумит и что гремит рано пред зорями? Князь Владимир Андреевич полки пребирает и ведет к великому Дону» (У; в И-1 в. «полки пребирает» — «паки уставлиает и пребирает»; С с ошибкой — «што пишу»). В К-Б данная фраза читается немного иначе, и чтение это наиболее близко к «Сказанию»: «Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни громь гремит, князь Володимер Одреевич ведет вой свои, сторожевыя полкы к быстрому Дону». Однако утверждать, что чтение этого места в «Сказании» обязательно должно свидетельствовать о его особой близости к списку К-Б, мы не можем — в самом «Сказании» ранее, во второй вставке из «Задонщины», употреблен этот же оборот: «Ту же, братие, стук стучить и аки гром гремит в славнем граде Москве». Такое самоповторение или же перенесение в рассматриваемый пассаж сходной по смыслу фразы из другого места «Задонщины» (в «Задонщине» по всем спискам о шуме и громе на Москве говорится — «уже бо, брате, стук стучить и гром гремит») тем более могло произойти в этом месте, что оно объединяет различные места из «Задонщины» и, скорее всего, создавалось не путем обращения к письменному тексту «Задонщины», а по памяти. Фразу «стязи ревуць наволочены

³⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 112.

³⁶ См.: там же, стр. 111—112.

у сада Панфилова» можно возводить к такому отрывку «Задонщины»: «И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут» (У; в И-2 — то же, с иным порядком слов; в И-1 — «ктязю ревуть, отступишася от великого князя, погании бежать»; в С нет, в К-Б та часть «Задонщины», в которой эта фраза читается, вообще отсутствует).

Остановимся теперь на чтениях, характерных только для Печатного варианта «Сказания». Привожу текст рассматриваемого отрывка в чтении Печатного варианта по списку Тимковского с наиболее существенными разночтениями (в скобках) по другим спискам этого варианта: «Тогда же возвеша силни ветри по Бервице широте (широце), воздвигошеся велицы князи, а по них руский сынове успешно (спешно) грядут, аки медвяны чаши (чары) пити и стебле винны ясти. Но не медвяны чаши пити, ни стебле винны ясти грядут (всей этой фразы нет в списках Морозовской группы Печатного варианта): хотя укупити чти и славнаго имени во веки земли Руской, великому князю Димитрею Ивановичю (доб. велику) похвалу и многим государем (градом диво). Дивно и (в Морозовской группе, где читается диво, этих двух слов нет) грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьют, тихо с поволокою (похвалою) ратные (в) трубы трубят многогласно и часто коне ржут. Звенит слава по всей Руской земли, велико вechье бьют в Великом Новеграде, стоят мужи новгородцы у святыя Софеи премудрости божия, а ркучи межу собою таковое слово: „Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию — уже бо яко орли слеталися (слетелися, слеташеся) со (по) всей Руской земли, съехалися дивныя (руския) удалцы храбрых своих (доб. плеч) пытати“. Не стук стучит, не гром гремит (вместо этой фразы в Морозовской группе — велик бысть стук и гром) — по зоре стучат и гремят руские удалцы. Князь Володимир Андреевич возится реку на Красном перевозе в Боровске» (26—27). Далее в Печатном варианте такой же текст, как и приведенный выше из варианта О Основной редакции; фраза о стягах читается так же («стязи ревут наволочени в саду Памфилове»).

Только в Печатном варианте «Сказания» после слов о чести и славе имеется такая фраза: «...во веки земли Руской, великому князю Димитрею Ивановичу похвалу и многим государем. Дивно и грозно бо в то время слышати». В Морозовской группе Печатного варианта выделенное разрядкой предложение выглядит немного иначе: «...велику похвалу и многим градом диво. Грозно бо в то время слышати».

Есть основания предполагать, что чтение Морозовской группы более раннее, чем списка Тимковского. Грамматически эта фраза в Морозовской группе более стройна, чем в списке Тимковского. В ней нет странного наименования вассалов Дмитрия Донского «государями». Наконец, чтение Морозовской группы подтверждается текстами «Задонщины». В списках «Задонщины» У и И-1 в том месте, к которому можно возводить рассматриваемый текст, нет ни слова «диво», ни «дивно» — в этих списках Дмитрий Донской говорит Владимиру Андреевичу: «... поедем (поидем) тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьянскую» (У, в И-1 чтение весьма близкое). Но в списках К-Б и С в этом месте читается слово «диво». В К-Б эти слова уже звучат не как обращение Дмитрия к брату, а как обращение всех русских князей к великому князю — «поидемь за быструю реку Дон, укупимь землямь диво, старымь повесть, а младымь память». В С, как и в У, это слова Дмитрия Донского — «поидем, брате, тамо, искупим животом славы, учинит имам диво, старим повесть, а младым память за землю

Рускую и за веру христианскую». Очевидно, что в основе всех списков «Задонщины» лежит один текст, при этом для К-Б и С, с одной стороны, и У и И-1 — с другой, должны быть признаны источники, отличающиеся друг от друга; общий источник К-Б и С был все же еще весьма тесно связан с источником У и И-1, что и нашло свое отражение в чтениях С, список же К-Б либо сам весьма сильно перерабатывает текст своего источника, либо между ним и общим для него и С протографом лежит еще один промежуточный текст, значительно переработавший текст общего для К-Б и С протографа. Последнее предположение более вероятно. Об этом свидетельствуют чтения Печатного варианта «Сказания». Как мы видели, в Морозовской группе Печатного варианта фраза со словом «диво» и по смыслу и текстуально ближе всего к чтению списка К-Б, но возводить ее непосредственно к списку К-Б нельзя, так как в этой фразе в «Сказании» встречаются слова «земли Руской», которым есть параллель в списках «Задонщины» С, У и И-1, но которых нет в списке К-Б. То же самое подтверждает и чтение следующего пассажа в рассматриваемом отрывке Печатного варианта «Сказания», пассажа о новгородцах.

Во всех списках «Задонщины», кроме списка К-Б, после слов о том, что новгородцам уже не поспеть на помощь к великому князю, говорится о выезде новгородцев из Новгорода в Москву.³⁷ В списке же К-Б мы читаем: «Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: „Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети“». И вслед за этой фразой слова о том, что русские князья как орлы слетелись в Москву: «Тогды аки орли слетюшася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетюшася, съехалися все князи русския к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, а ркучи так...». В Печатном варианте «Сказания», во вставке из «Задонщины» о новгородцах, так же, как и в К-Б, о выезде новгородцев на помощь к великому князю не сообщается. Однако, как и в предыдущем случае, мы не можем связывать эту особенность Печатного варианта непосредственно со списком К-Б. Дело в том, что в окончании пассажа о новгородцах в Печатном варианте «Сказания» читается такое предложение: «Уже бо яко орли слеталися (слетелися, слеташеся) со (по) всей Руской земли, съехалися дивныя (руския) удалцы храбрых своих (своих плеч) пытати». Оно имеет своим источником отрывок «Задонщины», идущий там также сразу после пассажа о новгородцах. Начало процитированного предложения из «Сказания» повторяет начало соответствующего отрывка «Задонщины»: «Тогды аки орли слетюшася со всея полунощныя страны» (К-Б); «як тые слова измовили, а уже как орли слетишася» (С); «и как слово изговаривают (изговаривая), уже аки (бо яко) орли слетешася» (У и И-1). А вторая половина его восходит к уже рассматривавшемуся выше отрывку из текста «Задонщины» — к тому месту, где в К-Б и С встречается слово «диво». Но если там чтение «Сказания» было ближе всего к К-Б, то здесь, совпадая только со списком К-Б оборотом «дивныя удалцы» (в К-Б «з дивными удалци»), словами «храбрых своих (своих плеч) пытати» — сходствует только со списками У и И-1 («а храбрых своих испытаем» — У; «храбрых плечев испытаем» — И-1). В списке С, как и в К-Б, этих слов тоже нет, но связывать эту особенность С со списком К-Б нет оснований: оба этих списка, каждый сам по себе, перерабатывали текст своего источника. Кроме того, весь контекст Синодального списка «Задонщины» дает основание предполагать, что здесь в этом списке явный пропуск. Для всех

³⁷ В списке И-2 этого места нет из-за механического дефекта этого списка — в нем нет начала и конца.

списков «Задонщины» единый первоисточник этого отрывка в целом несомненен. Группа К-Б и С где-то разошлась с группой У и И-1, но в архетипе К-Б и С был ряд чтений одинаковых с архетипом У и И-1. Поэтому-то и в К-Б и в С, помимо единых, общих для всех списков чтений, имеются индивидуальные чтения порознь (несмотря на большую близость этих двух списков между собой), объединяющие эти списки с группой У и И-1. В К-Б сохранилось, правда в переработанном по сравнению с У и И-1 виде, упоминание Дона в этом отрывке («пойдемь за быструю реку Дон»), совсем пропущенное в С вместе со словами «а храбрых плечев испытаем», непосредственно примыкающими к словам о Доне («а реку Дон кровью прольем»), но, как в У и И-1, в С осталось «искупим животом славы» и окончание «за землю Рускую и за веру христианскую».

Итак, мы видим, что если весь отрывок о новгородцах в Печатном варианте по смыслу ближе всего к списку К-Б (ничего не говорится о их выезде на помощь к великому князю), то в окончании этого отрывка читается фраза, совпадающая с текстом, который сохранился только в списках У и И-1. Если же мы примем во внимание, что в этом же отрывке встречается оборот («дивные удалцы»), имеющийся только в списке К-Б, а выше фраза «укупити . . . многим градом диво» наиболее близкую параллель также имеет со списком К-Б, то придется признать, что тот текст «Задонщины», которым располагал автор Печатного варианта «Сказания», имел ряд особенностей, присущих теперь только списку К-Б, но вместе с тем не совпадал с этим списком и отличался рядом черт, отразившихся в других списках «Задонщины».

* * *

Остановимся на 6-м отрывке «Сказания», восходящем к «Задонщине», который имелся уже в первоначальном тексте памятника. Это описание грозных предзнаменований природы на Куликовом поле накануне битвы: «За многы же дни мнози вльци притекоша на место то, выюще грозно, непрестанно по вся ноши, слышати гроза велика. Храбрым людем в плъках сердце укрепляется, а инья же людие в плъках, ту слышав грозу, паче укротеша: зане же мнози рати необычно събрашася, не умлъкающи глаголють, галици же своею речию говорить, орли же мнози от усть Дону слетошася, по аеру летаючи, клекчють, и мнози зверие грозно выють, ждуще того дни грознаго, богом изволеннаго, в нь же имать пасти трупа человеча, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От такового бо страха и грозы великыя древа прекланяются и трава посьстиляется» (61).

Этот отрывок передается в сходном чтении во всех видах «Сказания». В переработанном виде, но в том же месте, что и в остальных редакциях, это поэтическое описание сохранилось в Киприановской редакции: «Тогда же по вся ноши волцы выюще страшно, и ворони и орли по вся ноши и дни грающе и клегчюще, ждуще грознаго и богом изволеннаго дњи кровопролитнаго, по реченному: где будет труп, тамо съберутся орли» (56).

Весь этот отрывок в «Сказании» не является повторением какого-то места из «Задонщины», а представляет собой самостоятельную композицию, созданную по материалам «Задонщины». Некоторые фразы находят полную параллель в «Задонщине», некоторые являются переделкой соответствующих поэтических образов «Задонщины», часть — самостоятельный, оригинальный текст автора «Сказания». Отметим такие особенности в чтении этого отрывка по разным спискам «Сказания». В Печатном варианте «Сказания» после слов об орлах есть фраза о лисицах — «лисицы на кости брешут» (40), что дословно соответствует тексту «Задонщины»

по списку И-1, где тоже «лисицы на кости брешут», близко к спискам У и С, где «лисицы на костях бряшут (брешут)», и далее всего от списка К-Б, где «лисицы часто брешют». В большинстве списков варианта О Основной редакции (за исключением единичных, которые особо будут отмечены ниже), в вариантах У и Забелинском этой же редакции, в большинстве списков Распространенной редакции фразы о лисицах нет. Поэтому фраза о лисицах в Печатном варианте должна относиться к тому слою заимствований из «Задонщины», который характерен только для этого варианта «Сказания». В данном случае чтение Печатного варианта ближе к группе списков «Задонщины» И-1, У, С, а не К-Б.

В некоторых списках Основной и Распространенной редакций «Сказания» в этой вставке из «Задонщины» также встречается фраза о лисицах. В Основной редакции это списки: ГИМ, Уваровское собр. № 802, ГИМ, Забелинское собр. № 331. Встречается эта вставка и в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи (ГПБ, F.IV.231), где имеется текст «Сказания» Основной редакции, но с рядом индивидуальных особенностей.³⁸ В Распространенной редакции эта вставка читается в списках — Тихонравовском (ГБЛ, собр. Тихонравова № 337) и в списке ЦГАДА, ф. 181, № 71. Однако здесь во всех списках эта фраза читается иначе — «лисицы брешут, глядечи на злаченые доспехи». Таким образом, в данной группе списков это чтение представляет собой особую, самостоятельную обработку соответствующего пассажа «Задонщины». Р. О. Якобсон обратил внимание на то, что этот оборот в «Сказании» ближе соответствующему месту в «Слове о полку Игореве», чем в самой «Задонщине». По его мнению, это один из случаев, «когда „Сказание“ вводит образ из „Слова“, утерянный „Задонщиной“».³⁹ (В «Слове» «лисицы брешутъ на чръленные щиты»). Вопрос о возможности непосредственного влияния на «Сказание» «Слова о полку Игореве» будет рассмотрен ниже (см. стр. 434—438), сейчас же отметим, что во всех тех списках «Сказания», где встречается фраза о лисицах, брешущих на щиты, читается особый текст описания битвы, о чем подробнее будет говориться в своем месте (см. стр. 436—438). Этим подкрепляется предположение, что вставка о лисицах в данной группе списков — особая, самостоятельная обработка соответствующего оборота «Задонщины», сделанная в каком-то тексте, послужившем источником для всех этих списков. Таким образом, мы не можем связывать вставку о лисицах в этих списках «Сказания» с текстом Печатного варианта: в обоих случаях это самостоятельные, независимые друг от друга реминисценции из «Задонщины» в различных видах «Сказания».

Во всех текстах «Сказания о Мамаевом побоище», кроме Киприановской редакции, где рассматриваемый отрывок из «Задонщины» дошел, как уже говорилось выше, в сильно переработанном виде, интересующая нас вставка из «Задонщины» оканчивается такой фразой — «От такового бо страха и грозы великыа древа прекланяются и трава посьстиляется» (чтение списка О Основного варианта, в остальных видах «Сказания» образ тот же с незначительными текстуальными вариациями). В том месте «Задонщины», к которому в целом восходит рассматриваемый отрывок «Сказания», нет не только этой фразы, но и сходного образа. Однако немного ниже, перед плачем русских жен, отрывок, повествующий о печальном виде Рязанской земли около Дона, оканчивается такой фразой: «Грозно и

³⁸ Во втором списке Ипатьевской летописи с приложениями, где также имеется текст «Сказания», в списке Яроцкого (БАН, 21.3.14) дефект — часть текста «Сказания», где читается этот отрывок, отсутствует.

³⁹ Jakobson and Worth, стр. 22.

жалостно в то время бяше тогда слышати, зане же трава кровью пролита бысть, а дрeвеса тугою к земли приклонишася» (У; с незначительными разночтениями это место читается и в И-1; И-2 как раз начинается с окончания этой фразы, текст близок к У и И-1; в С чтение в целом близко, но текстуальные различия более существенны — «Сего ради грозно, жалостно видети крови христианское, зоне ж трава кровью полита, а дрeвеса тугами приклонишася до земли»; в К-Б этих слов нет совсем). Как видим, связь анализируемой фразы из «Сказания» с текстом «Задонщины» весьма отдаленная — по существу это различные поэтические образы: в «Сказании» от грозных явлений природы перед предстоящей кровопролитной битвой склоняются к земле дрeвья и стелется трава, в «Задонщине» же говорится о поле битвы уже после того, как сражение началось, и здесь трава полита кровью и дрeвья горем («тугою») приклонило к земле. По мнению Р. О. Якобсона, эта фраза «Сказания» является одним из случаев «прямого контакта между „Сказанием“ и „Словом“, контакта, происходящего не через посредство „Задонщины“». ⁴⁰

* * *

Седьмой отрывок «Сказания о Мамаевом побоище», в котором имелись реминисценции из «Задонщины» уже в первоначальном тексте «Сказания», — описание русского войска накануне дня битвы. Все в целом это описание создано самим автором «Сказания», но отдельные фразы и поэтические образы из него восходят к «Задонщине»: «Князь же великий, поим с собою брата своего князя Владимира, и литовские князи и вси князи русские и воеводы и взыехав на высоко место и увидев образы святых, иже суть въображени в христианских знамениих, аки некии светилници солнечнии светящися в время ведра, и стязи их золоченыя ревуть, просьтирающися, аки облаци, тихо трепещущи, хотять промолвити. Богатыри же русские и их хоругови, аки живи пашутся. Доспехы же русских сынов, аки вода в вся ветры колыбашеся. Шоломы злаченныя на главах их, аки заря утренняя в время ведра светящися. Яловци же шоломов их, аки пламя огненное пашется. Умилено бо видети и жалостно зрети таковых русских събраниа и учреждения их. Вси бо равнодушныи, един за единого, друг за друга хошеть умерети, и вси единогласно глаголюще: „Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Константину победу. Покори под нозе его врагы Амалика, яко же иногда кроткому Давиду“. Сему же удивившася литовские князи, рекуще в себе: „Нестъ было преже нас, ни при нас, ни по нас будеть таково въиньство уряжено. Подобно есть Александра царя макидоньскаго въиньству, мужеством бысть Гедеоновы снузници, господь бо своею силою въоружил их!“. Князь же великий, видев плъци свои достойно уряжены, и шед с коня своего и паде на колени свои прямо великому плъку чернаго знамениа, на нем же въображен образ владыкы господа нашего Исуса Христа, из глубины душа нача звати велегласно: „О владыко...“» (62—63).

В вариантах У и Печатном Основной редакции чтение этого места почти дословно совпадает с вариантом О; близко к этому чтению и остальных редакций «Сказания». В Киприановской редакции этого текста нет. К «Задонщине» восходят такие обороты, как «стязи ревуть», «хоругови, аки живи, пашутся». В «Задонщине» первой из приведенных фраз соответствует выражение «и от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут» (У, И-2; в И-1 иное, видимо испорченное, чтение — «ктязю ревуть,

⁴⁰ Там же.

отступишася от великого князя»; в С и К-Б этой фразы нет). Второй фразе «Сказания» соответствует такой пассаж «Задонщины»: «Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собе чести и славного имени» (У, в И-1 и С слов о том, что хоругви «пашутся» «как живые», нет, в К-Б в другом месте, чем в остальных списках «Задонщины», читается близкий к этому пассаж — «пашутся хоригови берчати»). Рассмотренный отрывок «Сказания» свидетельствует о том, что автор «Сказания» имел перед своими глазами такой текст «Задонщины», который, во всяком случае для данных чтений, в дошедших списках ближе всего отразился в списке У. Бесспорно и то, что в этом списке «Задонщины» читались такие фразы, которых в списке К-Б нет.

Отметим следующее. В ряде списков «Сказания» (в Распространенной редакции, в Лондонском списке Летописной редакции, в списке Основной редакции ГБЛ, Румянцевское собр. № 378), во фразе о том, что князь встал на колени, говорится, что он «паде на колену на ковыле зелене» (чтение Лондонского списка Летописной редакции). В некоторых списках варианта У Основной редакции говорится о зеленой траве — «паде на колену на траве зелене» (ГПБ, собр. Погодина, № 1555), а в некоторых упоминается и ковыль, и трава: «...пад на колена на ковыли траве зелене» (ГИМ, собр. Барсова, № 1521). Разнохарактерность редакций и вариантов, в которых читается это выражение, дает основание предполагать, что оно встречалось уже в первоначальном виде «Сказания». Это чтение «Сказания», возможно, восходит к упоминанию «ковылы» в пассаже о Пересвете и Ослебе в «Задонщине». Вариантность приведенного оборота в различных текстах «Сказания» свидетельствует о широкой распространенности поэтического образа «зеленая ковыль» как символа поля, степи. В списках «Задонщины» У и С употреблен оборот «зеленая ковыль» (в И-1 — «на ковыли земли не лежати»), в списке К-Б — «на белую ковылу». Чтение «Сказания», независимо от того, будем ли мы возводить его к «Задонщине» или нет, говорит о предпочтительности чтения «зеленая ковыль», а не «белая». По-видимому, «белая ковыль» — позднее переосмысление поэтического образа «зеленая ковыль» автором списка К-Б или автором протографа этого списка.

* * *

Следующий, 8-й отрывок «Сказания», который можно связывать с «Задонщиной», — описание ночи накануне боя, во время «испытания примет» Дмитрием Волынцом. Как и в двух предыдущих случаях, здесь перед нами в более обширном авторском тексте встречаются отдельные словосочетания, образы «Задонщины»: «Уже бо ночь приспе светоноснаго праздника рожества святыа богородица. Осени же тогда удолжившиися и деньми светлыми еще сияючи. Бысть же в ту нош теплота велика и тихо вельми, и мрази роснии явишася. Поистине бо рече пророк: „Нощь не светла неверным, а верным просвещена“. Рече же Дмитрий Волынец великому князю: „Хощу, государь, в ношь сию примету свою испытати“. — И уже заря померкла, ноши глубоце суши. Дмитрий же Волынец, поим с собою великого князя единого, и выехав на поле Куликово и став посреди обоих плъков и обратився на плък татарский, слышити стук велик и кличь и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремит. Съзади же плъку татарскаго волъци выют грозно вельми. По десной же стране плъку татарскаго ворони кличуще и бысть трепет птичей велик вельми, а по левой же стране, аки горам играющим, гроза велика зело. По реце же Непрядве гуси и лебеди крылами плещуще, не-

обычную грозу подающе. Рече же князь великий Дмитрею Волянцу: „Слышим, брате, гроза велика есть вельми“. И рече Волянецъ...» (64).

Это место по чтению близко во всех видах «Сказания». Необходимо отметить, что с некоторыми небольшими изменениями сохранилось оно и в Киприановской редакции, подтверждая тем самым изначальность вставок из «Задонщины» в «Сказание».⁴¹

В этом эпизоде использованы те же поэтические образы «Задонщины», что и в шестом отрывке: воюющие волки, кричащие птицы и т. п. Кроме того, здесь имеются и некоторые вариации, находящие соответствия в том же отрывке «Задонщины», к которому восходит большинство выражений и шестого отрывка «Сказания». Это образ плещущих крыльями птиц: «По реце же Непрядве гуси и лебеди крыльми плещуще, необычную грозу подающе», чему в «Задонщине» соответствует: «Тогда гуси возготали и лебеди возплескаша крылами своими» (У, в остальных списках, в том числе и в К-Б, чтение, очень близкое к этому).

Сохранение в восьмом отрывке «Сказания», как и в шестом, целого ряда образов, дошедших до нас во всех списках «Задонщины», подтверждает предположение, что автор «Сказания» пользовался текстом «Задонщины», наиболее близким к первоначальному. В сходных в «Сказании» вариациях с использованием образов «Задонщины» мы видим не самоповторение «Сказания», а возвращение в различных частях «Сказания» к одним и тем же описаниям «Задонщины». В этих случаях мы имеем не включение в текст «Сказания» цельных, отдельных кусков «Задонщины», а реминисценции из «Задонщины», использование отдельных фраз, образов источника. По-видимому, автор «Сказания» пользовался «Задонщиной» и в письменном виде и по памяти. В первом случае он повторял цельные куски своего текста-источника. Во втором он вкрапывал в свой собственный текст, как это имеет место в трех рассмотренных отрывках «Сказания», отдельные поэтические образы «Задонщины».

* * *

Девятый отрывок «Сказания», который можно возводить к образной системе «Задонщины», — описание явлений природы перед самым началом сражения: «И в то время, братье, земля стонеть, вельми грозу велику подавающе на восток нолны до моря, а на запад до Дунаа; великое же то поле Куликово прегибающеся; реки же выступаху из мест своих, яко николи же быти толиким людем на месте том» (66). В остальных редакциях и вариантах чтение очень близко к этому. В Печатном варианте после слова «прегибающеся» добавлено «вострепеташа лузи и болота», а после рек добавлено «и озера» (49). В Киприановской редакции приведенного текста нет. Непосредственных текстуальных совпадений в данном отрывке «Сказания» с «Задонщиной» нет. Но композиционно, по смыслу и отдельными выражениями этому тексту «Сказания» соответствует такой отрывок из описания начала битвы русских с татарами в «Задонщине»: «Сильнии полкы (волцы — С) съступалися (ступишася — У; изступишася — С) вместо, протопташа холмы и лугы (С — протекоса лугы и холмы кровию), возмутися (и возмутися — У, возмутися — С) реки (лоб. и потоки — У, С) и езера (озера — У, езера — С). Кликнуло диво (И кликнули быша дивы — У) в Руской земли (по всим землям руским — С), велит послушати грозным землям (в У этих слов нет, в С — велит грозна послушати). Шибла слава (в У — А глава шибла) к Желез-

⁴¹ См.: ПСРА, т. XI, СПб., 1897, стр. 56—57.

ным вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове (в У — к Железным вратам, ли к Караначи, и Риму, и х Сафе по морю, и к Которнову, и оттоле ко Царюграду на похвалу руским князем, и одолеша рать татарскую на поле Куликове на речьке Напряде; в С — к морю и и Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе, и к турком, и ко Царуграду, и што Русь поганых одалеша)». В К-Б это место читается иначе, с реминисценциями из «Слова о погибели русской земли», но два названия (Железные врата и Рим) совпадают с другими списками «Задонщины»: «Воды возпиша, весть подаваша по рожнымь землямь, за Волгу, к Железнымь вратомь, к Риму, до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущем моремь».

Сравнение этого отрывка «Сказания» с соответствующим местом «Задонщины» дает основание предполагать, что автор «Сказания» пересказал развернутое поэтическое описание «Задонщины» своими словами. Более кратко и обобщенно он сказал о Куликовом поле, о выступивших из берегов реках. Двумя географическими понятиями («на восток до моря ... а на запад до Дуная») он передал перечисление «Задонщиной» нескольких конкретных географических пунктов, до которых дошла весть о битве на Куликовом поле. Чтение «Сказания» говорит о том, что перед автором его был такой текст «Задонщины», который точнее отражен в списках И-1, У и С. Индивидуальные особенности Печатного варианта «Сказания» в данном случае свидетельствуют, что добавления в этом варианте, по сравнению с другими вариантами «Сказания», могут объясняться только текстом «Задонщины» типа списков И-1, У и С, а не К-Б: «лузи и бо-лота» и «реки и озера» находят себе параллели только в группе полных списков «Задонщины».

* * *

Десятый отрывок «Сказания», связанный с «Задонщиной», — описание битвы. Общая основа этого описания, место его в тексте «Сказания», отдельные словосочетания в нем одинаковы для всех видов «Сказания». Вместе с тем, в этом эпизоде по разным видам «Сказания» имеются и различия, по которым описание битвы может быть разделено на три варианта.

В списке О Основной редакции описание битвы такое: «Наставшу же третьему часу дни. Видев же то князь великий и рече: „Се уже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша. Уже бо время подобно, и час прииде храбрость свою комуждо показати“. И удари всяк вѣин по своему коню и кликнуша единоголасно: „С нами бог!“ и паки: „Боже христианский, помози нам!“». Погании же половци свои боги начаша призывати. И съступишася грозно обе силы великия, крепко бьющася, напрасно сами себе стираху. Не токѣмо оружием, нѣ и от великия тесноты под коньскими ногами издыхаху, яко немощно бе вместитися на том поле Куликове: бе место то тесно между Доном и Мечею. На том бо поле силнии плѣщи съступишася. Из них же выступали кровавыя зари, а в них трепеталися силнии мѣлница от облистания мечнаго. И бысть труск, и звук велик от копейнаго ломления и от мечнаго сечения, яко немощно бе сего грѣкого часа зрети никако же, и сего грознаго побоища. В един бо час, в мгновении ока, о колико тысящ погыбе душъ человеческих, създания божиа! Воля господня съврѣшается. Час же третий, и четвертый, и пятый, и шестый крепко бьющася неослабно христиане с погаными половци.

Наставшу же седьмому часу дни, божиим попушением, наших ради грехов, начаша погании одолевати. Уже бо от сановитых мужей мнози побieni суть. Богатыри же русскыя и воеводы и удалыя люди, аки древа дубравнаа клонятся на землю, под коньскыя копыта. Мнози же сынове русскые сътрошася. Самого же великого князя уязвиша вельми и с коня его збиша. Он же нужею склонився...» (69).

В варианте У Основной редакции, в Летописной и основном виде Распространенной редакции описание битвы близко к приведенному. С «Задонщиной» в этом отрывке прежде всего связаны вариации на тему «битва—пир», «смерть в бою—испивание чаш», о чем уже говорилось выше (см. стр. 403—404). К «Задонщине» восходит фраза: «На том бо поле силнии плъци съступишася (в Летописной редакции добавлено «вместо»). Из них же выступали кровавыя зари, а в них трепеталися силнии млъνια от облистания мечнаго». В «Задонщине» описание битвы начинается со сходной фразы: «А силнии полки ступишася вместо» (У); «Сильнии полкы съступалися вместо» (И-1); «Сильныя волцы изступишася вместо» (С); в К-Б нет. Фраза из процитированного отрывка «Сказания» о кровавых зорях и молниях параллельна описанию в «Задонщине» символического предзнаменования предстоящего кровопролитного сражения на Куликовом поле: «Уже, брате, возвеша сильнии ветри по морю на усть Дону и Непра, прилеяшася великиа тучи по морю на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в них трепещуть сильнии молнии. Быти стуку велику на речьки Направде, меж Доном и Непром, пасти трупу челоувечью...» (И-1, в У весьма близко, в С с некоторыми изменениями и искажениями, но тоже близко к приведенному чтению). В списке К-Б этот пассаж также сохранился, но с целым рядом переделок, отличающих этот список от остальных: «Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилеяшася тучю велику на усть Непра, на Рускую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболока, а из них пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономь и Непромь». В «Сказании» символическая картина «Задонщины» была переведена в иной план—в поэтическое описание уже совершающегося события. Поэтому в «Сказании» дается объяснение, что молнии «трепеталися» «от облистания мечнаго».

И в тех текстах «Сказания», где описание битвы в целом варьируется по сравнению с приведенным чтением всего этого эпизода в списке О, фразы о битве—пире, «сступившихся полках», кровавых зорях и молниях имеются. Это подтверждает изначальность данных образов в «Сказании». Сравнение их с различными списками «Задонщины» показывает, что в том тексте «Задонщины», которым пользовался автор «Сказания о Мамаевом побоище», они выглядели так, как сейчас в списках «Задонщины» У, И-1, С.

Рассматриваемый отрывок в Печатном варианте «Сказания», сохраняя общую основу с другими видами «Сказания», имеет целый ряд индивидуальных черт и представляет собой особое описание: «Наставшу же (уже—М)⁴² второму часу дни, видев же то князь великий, и рече своим полковником: „Видите, братия, гости наша ближуться (к нам ближут, ту нам будет поведенная, от нея же убо испиша, веселы быша—М; ближут, и тут имат быти поведеная чыша, от нея убо испивше и весели бывше—Г), уже бо время приближися (подобно—М) и час приспе (прииде—Г)“. Удариша каждо по коню своему и крикнуша вои единогласно (доб. «с нами бог», и паки рекоша—М): „Боже крестьянский, по-

⁴² В скобках приводятся наиболее существенные разночтения по спискам Морозовской группы: Г—список ГПБ, О. XVII. 6; М—ГПБ, Ф. IV. 228.

мози нам!“ . Татарове же скликнуша (крикнуша — Г) своими языки, и крепко ступишася. Треснуша (стрегнуша — М) копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленныя, гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя (вострые — Г), и много напрасно бьющеся, не токмо оружием биющеся (побиваемы — Г), но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами умираху, от великия тесноты задыхахуся, яко не мощно бе вместитися им. На поле Куликове между Доном и Мечею (доб. тесно бо им баше на том поле (месте), ибо (на поле) — М. Г.) сильни полки, ступишася, из них же вытекают крововые ручьи и трепетали силнии молнии от облистания (блистания — Г) мечнаго и от саблей булатных (вместо этих слов в Г — сабелнаго), и бысть яко гром (доб. велик земли — Г) от копейнаго сломления. Страшно бо есть видети сего грознаго часа смертнаго; во едином часе и в мелгновении ока колико тысяшь человек погибает создания божия! Воля бо господня совершася. В то же время тутошныя реки (доб. из мест выступаше и — Г) мутно пошли, вострепеташа лузи и болота (доб. и реки и — Г), езера выступиша из мест своих, протопташеся (после слова езера в Г вместо этих слов — и потопляшеся) холми высокие, траву же кровию подымвало (смываше — Г), льющеся кровем (льющим бо ся рекам — Г) аки речным быстринам на все страны. До пятого часа бьющеся неослабно (и не ослабеюще крестьяне с печенежи — Г), 6-му же часу наставшу, божним попущением, а наших ради грехов, начаша одолевати поганин. Мнози бо от вельмож русских побieni суть, и руские удалцы побieni суть, аки сильнии древа сломишася. (В Г вся эта фраза читается так: Мнози бо от вельмож русских побieni быша от поганых, и руские удалцы падоша, аки древа преклонишася от сильных ветров на землю, и сломишася, аки трава от косы постилашеся на лузех, тако падоша сынове рустии от поганых). Не турове возревеша (доб. на поле Куликове — Г), возревеша мнози удалцы, урывающеся на землю под конские копыта (доб. и конми подавляемы — Г) и мнози же сынове рустии сотрошася. Самого же великого князя велми уязвиша» (54—57).

Первое большое добавление по сравнению с остальными видами «Сказания» — «Треснуша копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленныя, гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя». Самое начало этой фразы ближе всего к началу описания боя в «Задонщине» по списку К-Б: «Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкие, щиты московския, шеломы немецкие, боданы бесерменьския».⁴³ Но слова «гремят мечи булатные» ближе к выражению, следующему за фразой о копьях в списках У и И-1: «возгремели мечи булатные» (в К-Б глагол «возгремели» опущен, в С — «возгримели мечи буинныя»); кроме того, в К-Б вообще не встречается оборот «доспехи злаченныя», а в других списках «Задонщины» он есть. Таким образом, хотя этот отрывок Печатного варианта «Сказания» одним чтением сближается со списком «Задонщины» К-Б, в целом возводить его к списку К-Б мы не можем.

Второе добавление в анализируемом отрывке Печатного варианта «Сказания» такое: «В то же время тутошныя реки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выступиша из мест своих, протопташеся холми высокие, траву же кровию подымвало, льющеся кровем, аки речным быстринам на все страны».

⁴³ Отметим, что слово «харалужные» одинаково читается только в списке «Задонщины» К-Б и в данной вставке Печатного варианта «Сказания». Во всех остальных списках «Задонщины» это слово искажено — «удариха копье фараужными» (У); «ударихася кони хараужничьными» (И-1); «удариха кафыи фразскими» (С).

В «Задонщине» этому соответствует «И протопташа холми и луги, и возмущаша реки и потоки и озера» (У; в И-1 нет слова «потоки»); в С начало читается немного иначе — «протекоша лугы и холмы кровию»). В К-Б такого пассажа нет вообще.

Третья вставка Печатного варианта «Сказания»: «Не турове возревеша, возревеша мнози удалцы, урывающеса на землю под конский копыта». К этой фразе «Сказания» имеется параллель во всех списках «Задонщины»: «Не тури возгремели у Дунаю великаго на поле Куликове. И не тури побеждени у Дунаю великаго, но посечены...» (У); «Не тури возгремели на поле Куликове, побеждени у Дону великаго. То ти не туры побеждени, посечены...» (И-1); «Не турове рано возрули на поли Куликове, возрули воеводы сильныя, бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от поганых татар» (С); «Тогда же не тури возрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганых князи великих и бояр сановных» (К-Б). Хотя ни в одном из списков «Задонщины» нет полного совпадения со «Сказанием», тем не менее бесспорна большая близость «Сказания» к типу чтения в С и К-Б: «возревеша» явно ближе к какому-то источнику слов «возрули», «возрыкають», «взопаша», чем к слову «возгремели», параллелизм С «не ... возрули ... возрули» того же типа, что и в «Сказании» «не ... возревеша — возревеша» (ближе к этому типу и чтение К-Б «не ... возрыкають ... взопаша»), а в списках У и И-1 совсем другого характера — «не ... возгремели ... не ... побеждены ... посечены», «не ... возгремели ... побеждены ... не ... побежены, посечены».

Особенности Печатного варианта «Сказания» в 10-м отрывке, связанном с «Задонщиной», свидетельствуют о том, что текст «Задонщины», которым располагал автор Печатного варианта, объединял в себе, с одной стороны, признаки, сохранившиеся теперь только в списках К-Б и С, а с другой — включал в себя и такие чтения, которые в списке К-Б не сохранились, но которые отражены в группе других списков «Задонщины». Кроме того, в этом тексте были и такие чтения, которые являются общими для всех сохранившихся списков «Задонщины».

Помимо Печатного варианта «Сказания», особое описание битвы, как уже отмечалось выше, встречается в тех списках «Сказания» (перечисление их см. на стр. 408), в которых читается фраза о лисицах, «брешущих» на щиты. Описание битвы в этих списках наибольший интерес представляет для рассмотрения вопроса о возможности непосредственной связи «Сказания о Мамаевом побоище» со «Словом о полку Игореве». Поэтому на особенностях описания битвы в этих списках «Сказания» целесообразнее остановиться при рассмотрении этого вопроса (см. ниже, стр. 436—438).

* * *

Одиннадцатый отрывок «Сказания», в котором прослеживается связь с «Задонщиной», — рассказ о выезде засадного полка под водительством князя Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка Волынского: «Погани же начаша одолевати, христианьския же плъци оскудеша: уже мало христиан, а все погани. Видев же то князь Владимир Андреевич падение русских сынов, не мога тръпети и рече Дмитрею Волянцу: „Что убо плъза стояние наше, который успех нам будет, кому нам пособити? Уже наши князи и бояре, вси русские сынове напрасно погыбають от поганых, аки трава клонится!“. И рече Дмитрий: „Беда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себе приемлет; класы

бо пшеничныя подавляеми, а тръние растуше и буяюще над благородными. И мало убо потръпим до времени подобна, вън же час имаем въздарие отдати противником. Ныне токѣмо повели всякому въину богу молитися прилежно и призывать святых на помощ, и от сего часа имать быти благодать божиа и помощ христианом“. Князь же Владимир Андреевич, въздев руже на небо и прослезися горко, и рече: „Боже, отец наших, сътворивый небо и землю, дай же помощ роду христианскому. Не дай же, господи, порадоватися врагом нашим о нас, мало показни, а много помилуй, бездна бо еси и милости“. Сынове же русскыа в полку его грѣко плачуще, видяще друзи свои побиваеми от поганых, непрестанно покушающесе, яко званнии на брак сладкаго вина пити. Вольнец же възбранише им, глаголя: „Пождите мало буавии сынове русскыа, будеть ваше время, коли утешитися, есть вы с кем възвеселитися!“. Приспе же осмый час дню, духу южну потянувшу съзати нам. Възопи же Вольнец гласом великим: „Княже Владимир, наше время приспе, и час подобный прииде!“. И рече: „Братъа моа. друзи, дрѣзайте, сила бо святого духа помогаеть нам!“. Единомыслении же друзи выседоша из дубравы зелены, аки соколи искушены урвалися от златых колодиц, ударилися на великия стада жировины, на ту великую силу татарскую. А стязи их направлены крепким въеводю Дмитрием Вольнцем. Бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща, аки лвовы, аки лютии вльци на овчии стада приидоша. И начаша поганых татар сеши немилостивно» (70—71).

За исключением отдельных несущественных разночтений во всех видах «Сказания» чтение сходно. В Печатном варианте имеется небольшое добавление, которое будет рассмотрено ниже.

Текст «Сказания» в этом отрывке соотносится с текстом «Задонщины» так же, как в целом ряде рассмотренных выше эпизодов, связанных по преимуществу с описанием войска, поля битвы, предзнаменований кровопролитного сражения. Здесь, как и там, не повторение, не цитация цельного отрывка «Задонщины», а использование отдельных фраз, образов источника. Целый ряд компонентов рассматриваемого отрывка сходен с теми, которые уже встречались ранее в самом тексте «Сказания». Однако, как и в совпадениях восьмого отрывка с шестым (см. выше, стр. 411), здесь нельзя видеть самоповторения текста «Сказания». Наряду с поэтическими образами, уже встречавшимися в «Сказании», имеются и новые, восходящие к «Задонщине», ранее в «Сказании» не фигурировавшие. По-видимому, автор «Сказания» в данном случае пользовался «Задонщиной» не как письменным источником, а по памяти.

Сравнение гибели воинов — «аки трава клонится» — перекликается с уже употреблявшимся выше в «Сказании» выражением «от такового бо страха и грозы великыа древа прекланяются и трава постилается».⁴⁴ Повторяющийся и в этом эпизоде поэтический образ «битва—пир», «смерть в бою — пиршественная чаша», как уже отмечалось выше, весьма излюблен автором «Сказания». Воины, рвущиеся в бой, как соколы «от златых колодиц» — сравнение, которое также уже было ранее использовано автором «Сказания». Однако продолжение этого описания — «урвалися от златых колодиц, ударилися на великия стада жировины (жаравлина, гусиныя) на ту великую силу татарскую» впервые появляется в этом эпизоде «Сказания». Это дополнение повторяет с незначительным изменением начало описания битвы русских с татарами в «Задонщине»: «Уже бо те соколы и кречаты за Дон борзо перелетели и ударилися о многие стада лебединые. То ти наехали руские

⁴⁴ См. в «Сказании» описание предзнаменований природы накануне битвы.

князи на силу татарскую» (У; в С — с некоторыми изменениями и расширениями, но по смыслу и существу содержания то же самое; в И-1 чтение иное, измененное и сокращенное — «Уже бе те соколе и кречеты за Дон перевезлися, и наехали рустии сынове на сильную рать татарьскою»; в К-Б также чтение измененное и сокращенное по сравнению с У и С: «Тогда соколи и кречати, белозерския ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди»).

Приведенные чтения различных списков «Задонщины» свидетельствуют о том, что для всех них в данном случае единый источник несомненен. Наиболее точно и полно источник этот отразился в списке У, так как в списках И-1 и К-Б самостоятельные, независимые друг от друга переработки и сокращения этого текста сохранили его отдельные компоненты (в И-1 отразилась вторая часть этого текста — «на сильную рать татарьскою», а в К-Б — первая). В «Сказании» не дословное совпадение с текстом «Задонщины», но в близости его к соответствующему месту «Задонщины» не приходится сомневаться. И «Сказание» сохраняет отголоски полного чтения «Задонщины» — тут есть фраза о соколах, ударивших на журавлиные (гусиные) стада, и фраза о великой силе татарской. Таким образом, чтение «Сказания» подтверждает правильность заключения, выводимого из сопоставления самих списков «Задонщины», и вместе с тем свидетельствует о том, что автору «Сказания о Мамаевом побоище» текст «Задонщины» был известен в виде, наиболее близком к первоначальному, авторскому тексту памятника.

В Печатном варианте «Сказания» в рассматриваемом отрывке читается еще одна фраза, совпадающая с текстом «Задонщины». В том месте, где говорится, что русские воины рвутся в бой «аки званыи на брак сладкаго вина пити», прибавлено: «Лепо бо есть в то время и стару помолодиться, а молоду храбрости испытати» (58). Этому соответствует такая фраза в «Задонщине», читающаяся в отрывке, рассказывающем о Пересвете: «Добро бы, брате, в то время стару помолодиться, а удалым плечь попытати» (И-1, в У — сходно, в С — «Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи своих испытати», в К-Б — «Того даже было нелепо стару помолодиться»).

Как видим, в целом чтение этого отрывка в Печатном варианте «Сказания» близко к спискам «Задонщины» И-1, У и С. При этом антитеза «старый» — «молодой» ближе всего к С (в И-1 и У «старый» — «удалой»). Но словом «лепо» оно перекликается только со списком К-Б. Особенности рассмотренного отрывка из Печатного варианта «Сказания», который восходит к «Задонщине», могут быть объяснены только тем, что у автора Печатного варианта «Сказания» был такой текст этого места «Задонщины», который был близок к С, но имел и особенности, присущие теперь только списку К-Б. Вместе с тем рассмотренное чтение дает основание предполагать, что список «Задонщины» К-Б перерабатывает и сильно сокращает такой текст «Задонщины», подобным которому располагал автор Печатного варианта «Сказания».

Мы рассмотрели восходящие к «Задонщине» отрывки «Сказания», о которых мы можем говорить, что они встречались уже в первоначальном, авторском тексте «Сказания о Мамаевом побоище». Попутно отмечались индивидуальные особенности этих общих для всех видов «Сказания» заимствований из «Задонщины», в различных редакциях и вариантах памятника, преимущественно в Печатном варианте «Сказания». Но, прежде чем делать общий вывод из этих сопоставлений о том, каким видом «Задонщины» мог пользоваться автор первоначального текста «Сказания» и как может характеризоваться тот текст «Задонщины», к ко-

тому восходят индивидуальные особенности Печатного варианта «Сказания», остановимся на анализе таких вставок из «Задонщины» в «Сказание», которые встречаются либо в какой-то группе редакций и вариантов, либо характерны только для одной редакции или одного варианта, либо, наконец, присущи единичным спискам.

* * *

В списках «Задонщины» У и Ж текст начинается со слов о пире у Микулы Васильевича. Рассказ об этом пире читается в варианте У Основной редакции «Сказания», в Забелинском варианте Основной редакции, в Киприановской и в некоторых списках Распространенной редакции.⁴⁵ Текстуально этот отрывок «Задонщины» ближе всего к оригиналу передан в варианте У Основной редакции:

Вариант У «Сказания»

Князь же великий Дмитрии Ивановичь говорит у Микулы у Васильевича на пиру з братом с своим, с князем Володимером Андреевичем, со всеми рускими князми и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в поли (21).

Список У «Задонщины»

Князь великий Дмитрии Ивановичь с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю.

В Киприановской редакции «Сказания» это место читается близко к варианту У Основной, хотя и в немного переработанном виде: «Вмале же бысть тихость отвсюду и великому князю бывшу на пиру у Никулы Васильевича тысяцкаго, з братом своим со князем Володимером Андреевичем и со всеми тогда пришедшими князи и воеводами, и се паки начяша поновлятися вести, яко Мамай неотложно хошет ити на великаго князя Дмитрия Ивановичя. Он же з братом своим со князем Володимером Андреевичем и с прочими князи и воеводами советоваше, умыслиша сторожу уготовати крепку в поле» (51—52). Общий источник и варианта У и Киприановской редакции несомненен. В Забелинском варианте Основной редакции «Сказания» также встречается этот мотив. Но здесь это уже совершенно иная, текстуальная и смысловая, переработка: «Того же дни по Ильине дни на третей день князь великий Дмитрии Ивановичь у себя на пиру в набережных теремах чаши изволил за своего брата, за князя Владимира Андреевича» (169). В Забелинском варианте этот текст читается в ином месте, он осложнен большой вставкой — рассказом приехавшего на этот пир «Андрея Попова сына Семенова», который сообщает великому князю о силах Мамаея. Источник этого мотива и в Забелинском варианте тот же, что и в варианте У и в Киприановской редакции, но это уже иная, своеобразная переработка, характерная для Забелинского варианта, и включение данного эпизода в Забелинский вариант могло иметь самостоятельный, независимый от других видов «Сказания» характер.

Сделать какие-либо окончательные и определенные заключения об этом отрывке «Сказания» на основании имеющихся материалов нельзя. Можно высказать лишь ряд предположений, не отдавая ни одному из них предпочтения.

⁴⁵ Об этом чтении в Распространенной редакции см. в статье Н. С. Демковой «Замысливание из „Задонщины“ в текстах Распространенной редакции „Сказания о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике, стр. 455—457.

Возможно, что вставка из «Задонщины» о пире у Микулы Васильевича имела уже в первоначальном тексте «Сказания». Близко к этому первоначальному чтению она сохранилась в варианте У Основной редакции, в Киприановской и в некоторых списках Распространенной. В переработанном виде она дошла в Забелинском варианте «Сказания». В свою очередь Забелинский вариант оказал влияние на один из видов Распространенной редакции, где вставка о пире у Микулы близка по чтению к Забелинскому варианту и где, кроме этого случая, есть еще целый ряд сближений с Забелинским вариантом «Сказания». Если дело обстоит так, то тогда мы можем сказать, что список «Задонщины» У сохранил начало, утерянное остальными списками.

Может быть, однако, что рассказ о пире — уже вторичное заимствование из «Задонщины» в «Сказание». В таком случае придется признать, что между вариантом У Основной редакции, некоторыми видами Распространенной и Киприановской редакций «Сказания» существует какая-то связь, ибо едва ли одна и та же вставка в этих видах «Сказания» могла быть сделана независимо друг от друга. Характер чтения Забелинского варианта вполне допускает возможность самостоятельного, независимого от других видов «Сказания» обращения автора этого варианта либо к «Задонщине», либо к какому-то списку варианта У или Киприановской редакции «Сказания».

Можно предполагать, что и для «Задонщины» в каких-то ее поздних списках и для «Сказания» в данном случае источником послужил какой-то третий, не дошедший до нас памятник или устное предание.

Наконец, допустимо и такое предположение. Рассказ о пире у Микулы Васильевича первоначально читался в «Сказании» (либо уже в авторском тексте, либо в каких-то отдельных видах «Сказания») и уже из «Сказания» был заимствован в «Задонщину» на позднем этапе литературной истории этого произведения.

* * *

Во второй вставке из «Задонщины» в «Сказание» (см. выше, стр. 393—396) в Летописной редакции читается фраза о новгородцах: «И выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 к великому князю на помощь» (86). В «Задонщине» этому соответствует — «выехали посадники из Великого Новагорода 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андреевичю» (У; в списках И-1 и С добавлено, что новгородцы выехали «на пособе к славьному граду Москве»). Летописная редакция в ряде случаев сохранила чтения, более близкие к первоначальному тексту памятника, чем другие редакции «Сказания». Кроме данного случая, в этой редакции нет вторичных, дополнительных вставок из «Задонщины» по сравнению с другими редакциями. Поэтому можно было бы предполагать, что фраза о новгородцах в этой редакции — отражение первоначальной вставки из «Задонщины» в «Сказание», которая была утеряна остальными редакциями «Сказания». Однако после опубликования Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи, сохранившего наиболее ранний текст этой редакции «Сказания», становится ясным, что эта вставка о новгородцах вторичного характера, добавленная в поздний вид Летописной редакции «Сказания». В Лондонском списке то место «Сказания», где в остальных списках этой редакции читается фраза о новгородцах, приходится на испорченное место, однако видно, что в Лондонском списке ничего о новгородцах не говорилось:

Чтение Кирилло-Белозерского, Синодального и Чертковского списков

... князь Дмитрие Ростовской и инья многия князи. И выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 к великому князю на помочь. Убо, братия, стук стучит, а гром гремит в славном граде Москве (86).

Чтение Лондонского списка

... князь Дмитрие Ростовской и и... гие князи. Уже бо, брате, стук стучит, гр... гремит в славне граде Москве. (ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, стр. 331).

Этот пример красноречиво свидетельствует о большой популярности «Задонщины», о том, что переписчики и редакторы «Сказания» могли вносить в переписываемый ими текст единичные, небольшие отрывки из «Задонщины».

Сходна с этим заимствованием из «Задонщины» в Летописной редакции «Сказания» и вставка из «Задонщины» в варианте У Основной редакции в пассаже об Ольгердовичах. В этом варианте мы читаем: «По малех же днех съехалася оба брата с всими силами своими к Севере, видивше (же ся, и) въздрадовашеся, якоже иногда Иосиф с Венямином, видевше у себе множество людии. И рече князь Ондрей: Брате Дмитрии, колко с нами вою удалых людей и храбрыя Литвы? — И рече князь Дмитрии: Вою с нами седмьдесят тысящ кованой рати удалыя Литвы, учрежены бо, яко нарочиты противныя полцы. — И приспеша на Дон борзо суще» (32).⁴⁶ Фраза о храброй Литве и 70 000 кованой рати имеется в «Задонщине» также в рассказе об Ольгердовичах. Цифра 70 000 встречается в списках «Задонщины» И-1 и С (в У — 7000). Эпитет рати «кованая» в «Сказании» сходен только со списком «Задонщины» С (в У «окованные рати», в И-1 этих слов нет). Вместе с тем все чтение этой вставки в варианте У «Сказания» в целом ближе к чтению «Задонщины» по списку У, а не С. В списке У «Задонщины»: «Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати» (в С — «Выедем, брате, выедем, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, своих полков, колько с нами удалых панов храбрие Литвы, та поведают 70 тысящ кованыя раты»; в И-1 — «Посмотрим своих полков. Только, брате, князь Дмитрие, с нами храбрые Литвы 70 000»).

Эта вторичная вставка из «Задонщины» в отдельный вид «Сказания», как и эпизоды, которые мы можем расценивать как первоначальные вставки в «Сказание», говорит о том, что в основе и вторичных вставок из «Задонщины» в «Сказание» лежит текст более близкий к первоначальному, чем дошедшие до нас списки «Задонщины».

Как вставка о 7000 новгородцев, так и вставка о 70 000 литовцев в разных вариантах «Сказания» из различных мест «Задонщины» представляют большой интерес для характеристики самой «Задонщины». Независимое в разных видах «Сказания» внесение этих отрывков из «Задонщины» свидетельствует о наличии их в тех текстах «Задонщины», к которым обращались переписчики-редакторы позднего вида Летописной редакции и варианта У Основной редакции «Сказания». Особенности же отношения вставки в варианте У «Сказания» к различным спискам «Задонщины» говорят о том, что заимствованный в «Сказание» из «Задон-

⁴⁶ Сходная вставка в некоторых видах Распространенной редакции «Сказания» восходит в этих видах «Сказания», скорее всего, к варианту У Основной редакции «Сказания», а не непосредственно к «Задонщине».

щины» текст был уже в первоначальном тексте «Задонщины». Это подтверждает наличие числовых выкладок, элементов деловой конкретизации уже в первоначальном тексте «Задонщины».

* * *

После рассказа о действиях засадного полка в «Сказании» повествуется о бегстве татар и Мамаю с поля битвы. Композиционный план этой части «Сказания» одинаков во всех редакциях и может быть представлен в виде такой схемы: 1) татары восклицают, что русские их перехитрили; 2) татары обратились в бегство — «даша плещи и побегоша» (эта формула встречается во всех редакциях «Сказания»); 3) «сынове русския» «силою святого духа и помощью Бориса и Глеба» нещадно бьют татар; 4) татары осуждают Мамаю, говоря про него, что он «высоко вознесся и до ада сошел»; 5) свежим засадным полкам помогают и раненые; 6) Мамай призывает на помощь татарских богов, но «сила святого духа, аки огонь пожигает их»; 7) Мамай обращается к приближенным и говорит им, что надо бежать, чтобы «голова свои унести»; 8) «и абие побеже» с приближенными татарами; 9) многие русские гнались за ним, но не смогли настигнуть.

По такой схеме построена эта часть «Сказания» во всех редакциях, кроме Киприановской. Близка она в различных видах памятника и текстуально. Но в некоторых вариантах, редакциях и списках в этом контексте имеются дополнительные чтения.

В варианте У Основной редакции по списку У и близким к нему после слов «даша плещи и побегоша» (2-й пункт схемы) прибавлено: «... в поле неуготованными дорогами в лукоморие, скрегчюще зубы своими, дерущи лица своя» (45). В списке ГПБ, Погодинское собр. № 1555 и сходных с ним,⁴⁷ которые примыкают к варианту У, но отличаются от него некоторыми разночтениями, имеется более пространная вставка из «Задонщины» в этом же месте: «... даша полещи, побегоша в поле неуготованными дорогами в лукоморья, скрехчуща зубы своими, и рекуще: „Уже нам в своей земле не бывати, а катун своих не трепати, а дети свои не видати. Трепати нам сыра земля, целовати нам зелена мурува, а на Русь нам уже ратью не ходити, а выходов нам не имати“. Застонула татарская земля бедами и тугами покрывашеся: „Уныша серцом хотения, князем похвала на Рускую землю ходити. Уже сынове руский заграбиша доспехи наши (так в списке ГБЛ, собр. ОИДР, № 236, в Погодинском списке № 1555 и ши) и всякое узорочье — отласы и бархаты“. Сынове же руския силою святого духа...». В варианте О Основной редакции «Сказания», в том месте, где говорится о бегстве Мамаю (8-й эпизод приведенной выше схемы), после слов о том, что Мамай побежал с четырьмя татарами, прибавлено: «... в лукоморие, скрегча зубы своими, плачущи гръко, глаголя: „Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катун своих не трепати, а детей своих не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурува, а с дружиною своею уже нам не видатися, ни с князи, ни с алпауты“» (71). В Забелинском варианте Основной редакции также имеется плач Мамаю. Здесь говорится, что Мамай побежал «сам девять серым волком в лукоморьи и скрегчюще зубы своими, плачюще и глаголюще еллинским языком, поминающе своих друзей, исаулове и алпатове, и князи, рекуще: „Уже бо нам, братие, у себя во дворе

⁴⁷ В эту группу входят списки: ГПБ, Погодинское собр. № 1555; ГИМ, Уваровское собр. № 1435; ГБЛ, собр. ОИДР, № 236; ГБЛ, собр. Музейное, № 3123.

не бывати и на своей отчине и дедине, а детеи своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зеленая дуброва». Мнози же рустии сынове гонишася по них» (197).

В некоторых видах Распространенной редакции «Сказания» также встречается плач побиваемых татар. Текстуально он здесь близок в одном списке к плачу татар в варианте У Основной редакции, а в остальных — к плачу, читающемуся в Погодинском списке 1555 и сходных с ним.

В основе приведенных выше отрывков лежит один текст — соответствующее место «Задонщины»: плач избиваемых татар. Однако, несмотря на то что отрывок этот встречается в вариантах одной и той же, — Основной, — редакции и в некоторых видах Распространенной, есть основания считать, что попал он в эти различные виды «Сказания» не из их общего протографа, а в каждом случае самостоятельно: это вторичная вставка из «Задонщины» в различные тексты «Сказания». Наряду со значительным совпадением рассматриваемого отрывка в указанных текстах «Сказания» (это объясняется тем, что в основе лежит один и тот же источник) между чтением его в варианте У, Погодинским 1555 и сходных с ним и Распространенной редакции, с одной стороны, и в вариантах О и Забелинском — с другой, имеются и различия.

В первой группе это плач татар, во второй — плач Мамаю. Чтение первой группы точнее отражает «Задонщину», так как там это тоже плач татар, а не Мамаю. Самое начало плача в первой группе текстов «Сказания» (татар) и во второй (Мамаю) совпадает почти дословно. Совпадение это прослеживается до слов «целовати нам зеленаа мурова». Далее в группе списков Погодинский 1555 идет продолжение соответствующего места «Задонщины» — «а на Русь нам уже ратью не ходити, а выходов нам не имати». В Распространенной редакции, в тех ее видах, где имеется плач татар, чтение, с некоторыми вариациями, близко к Погодинскому 1555. Весь этот отрывок в Погодинском 1555 почти дословно совпадает с соответствующим местом «Задонщины». В варианте же О после слов о «зеленой мураве» идет фраза, с текстом «Задонщины» не связанная, — «а с дружиною своею уже нам не видатися, ни с князи, ни с алапаты». В Забелинском варианте плач Мамаю повторяет чтение варианта О, но с рядом отличий: вместо «в земли своей не бывати» — «у себя во дворе не бывати и на своей отчине и дедине»; вместо «зеленая мурова» — «зеленая дуброва». Фраза Мамаю «а с дружиною своею» здесь передана иначе, не в виде прямой речи Мамаю. Перед плачем Мамаю в Забелинском варианте, после слов «глаголюще еллинским языком», мы читаем: «...поминающе своих друзей, исаулове и алпатове, и князи, рекуще: „Уже бо нам...“». Очевидно, что и в варианте О и в Забелинском варианте для данного места источник один. Трудно утверждать, какое чтение ближе к источнику, но все же больше оснований думать, что в Забелинском варианте, по сравнению с вариантом О, чтение уже вторичное, так как в нем явная тавтология: «(Мамай) плачуще и глаголюще еллинским языком, поминающе своих друзей ... рекуще». Вместе с тем обращает на себя внимание первая фраза в этом отрывке, характерная только для Забелинского варианта, а именно слова о том, что «царь Мамай побегит сам-девятъ серым волком». Дело в том, что эта фраза повторяет отдельные выражения «Задонщины» из «насмешки» фрягов над Мамаем в Кафе. В «Задонщине» мы читаем: «И отскоца поганьи Мамаи от своей дружины, серым волком взвыл» (У, в И-1 нет слова «взвыл», в С этой фразы нет совсем) и «А ныне ты, поганьи, бежишь сам-девят в лукоморье» (У, в И-1 так же, но без слов «ты поганьи», в С чтение изменено и вместо «сам девять» — «сам десять»). В списке «Сказания» Основной

редакции ГПБ, Q.XVII, 79, с Забелинским вариантом никак не связанным, читается такой же плач Мамаю, как в Забелинском варианте, с незначительными разночтениями: вместо «сам-девять» — «сам-десять»; после «волком» добавлено «воюче»; вместо «алпатове» — «упатове»; вместо фразы «у себя во дворе ... и дедине» — «в земли своей не бывати»; вместо «дуброва» — «мурава». Видимо, Забелинский вариант, изменяя чтение общего для него и варианта О источника данного отрывка, какие-то чтения этого источника, утерянные в варианте О, мог сохранить. Возможно, что сравнение Мамаю с серым волком и слова «сам-девять (десять)» читались в этом источнике.

Отличия в плаче татар в вариантах О и Забелинском, с одной стороны, и в варианте У, списках типа Погодинский № 1555 и в некоторых видах Распространенной редакции — с другой, дают основание предполагать, что плач татар из «Задонщины» был вставлен в источники этих двух различных групп «Сказания» самостоятельно.

Не исключена, конечно, возможность и того, что эта вставка из «Задонщины» была внесена уже в авторский текст «Сказания», где она читалась в наиболее близком к «Задонщине» виде, т. е. так, как сейчас в списке Погодинском 1555 и сходных с ним, и в Распространенной редакции. В варианте У она была сокращена. В каком-то общем источнике Основного варианта и Забелинского Основной редакции переделана. Это предположение менее вероятно, чем первое.

В любом случае, однако, мы видим, что перед глазами либо автора «Сказания», либо авторов-редакторов последующих текстов «Сказания» был текст «Задонщины» полного вида. Возможность того, что в данном случае мы имеем вставки из «Задонщины», сделанные на позднем этапе литературной истории «Сказания» независимо друг от друга в различные тексты памятника, подтверждает уже высказывавшуюся выше мысль о большой популярности «Задонщины» у средневековых читателей, о том, что переписчики «Сказания» хорошо знали «Задонщину» и вновь и вновь обращались к этому источнику, пополняя текст переписываемого ими памятника новыми вставками из нее.

* * *

В близких, но все же разных местах, всюду в пределах рассказа о последних событиях на Куликовом поле, в вариантах О, У и Забелинском Основной редакции и в Распространенной редакции читается фраза о грозном и жалостном виде поля брани после битвы. В вариантах О и Забелинском фраза эта читается после слов о том, что Владимир Андреевич стал «на костях»: «Грозно, братие, зрети тогда, а жалостно видети и гръко посмотрити человеческого кровопролития, аки морская вода, а трупу человека, аки санныя громады, борз конь не может скочити, а в крови по колени бродяжу, а реки по три дни кровию течаху» (72). (Близко к этому и чтение Забелинского варианта с незначительными вариациями). В варианте У и Распространенной редакции чтение этой фразы иное, сокращенное: «Грозно бо, брате, в то время посмотрити, лежит труп христианский, аки санныя стоги. А Дон река кровию текла 3 дни, а река Мечь вся запрудилася трупом тотарским» (вариант У, 48, в Распространенной редакции близко, нет предложения о реке Мече). В варианте У Основной редакции и в Распространенной редакции цитированный текст читается в ином месте — перед расчетом убитых, после того как рассказано об объезде поля боя великим князем. Какие-то отголоски этого поэтического описания сохранились и в Киприановской редак-

ции, где в рассказе об объезде поля брани великим князем читаем такую фразу: «...и виде мертвых лежаще, аки копны, и смесишася христьяне с татары, кровь христьянская слияся с татарскою кровью, и бе видение страшно и ужасно зело» (64).

Как и в предыдущем случае, обращает на себя внимание близость в чтении этой вставки в вариантах О и Забелинском Основной редакции, с одной стороны, и варианта У и Распространенной редакции — с другой. Возможность каких-то общих источников для этих групп «Сказания» еще более подтверждается данным примером.

Таким образом, и в этом случае мы, возможно, имеем в разных редакциях «Сказания» отражение вторичного независимого друг от друга обращения «Сказания» к «Задонщине» в каких-то ранних протографах дошедших до нас текстов «Сказания о Мамаевом побоище». Однако отражение этого пассажа в Киприановской редакции⁴⁸ дает больше, чем в предыдущем случае, оснований предполагать, что интересующая нас вставка была внесена уже в авторский текст «Сказания», а в Киприановской редакции и в источниках варианта О и Забелинского и варианта У и Распространенной редакции эта первоначальная вставка подверглась переработке.

Рассмотренный пассаж имеет большой интерес при решении вопроса об одном из отрывков «Задонщины», о котором не раз высказывалось предположение, что это — вставка из «Сказания» в «Задонщину», сделанная на позднем этапе литературной истории «Задонщины». Я имею в виду окончание «Задонщины» по спискам У и И-1 («стояние на косях», расчет убитых и обращение великого князя к воинам). Недавно Р. О. Якобсон высказал предположение, что это окончание является «очевидным заимствованием из „Сказания“, своеобразным вторым окончанием».⁴⁹ Действительно, для такого предположения есть основания. Перед этим отрывком говорится о поражении татар, богатой добыче русских и торжестве по всем землям, бегстве Мамаея в Кафу. Казалось бы, на этом текст должен оканчиваться, и новое возвращение к делам битвы (расчет убитых) может восприниматься как вторичная вставка. Однако внимательный анализ этой части «Задонщины» дает основание высказать и противоположное мнение.

Цитированная выше вставка из «Задонщины» в Основном и Забелинском вариантах «Сказания» составлена из двух поэтических образов «Задонщины». Часть цитированной выше вставки из «Задонщины» в «Сказании» восходит к такому обороту «Задонщины»: «Грозно бо, брате, в то время посмотри, лежать трупы христьянска аки санныи стоги, а Дон река три дни кровью текла» (И-1; в У доб. «и жалосно», а вместо фразы «аки санныи стоги» читается «у Дуная великого на брезе»). Это место читается в окончании «Задонщины» по спискам У и И-1. Другая же часть анализируемого отрывка повторяет следующий оборот из «Задонщины»: «...а в трупы человекье борзи кони не могут скочити, а в крови по колена бродят» (У; в И-1 то же самое, но в единственном числе, в С тоже очень близко и в единственном числе, в И-2 также близкое, но немного испорченное чтение: «...в трупы человекю яко же конь не может борзо скочити, а кровь по коленем бродячи»). Но если автор того текста

⁴⁸ Хотя текст там сильно отличается от чтения этого отрывка в указанных вариантах Основной редакции и в Распространенной редакции, тем не менее и по сходству ситуаций, и по некоторым образам видна связь Киприановской редакции с ними.

⁴⁹ Jakobson and Worth, стр. 16.

«Сказания», к которому восходит пассаж «Грозно, братие, зрети ... а реки по три дни кровию течаху» в Основном и Забелинском вариантах Основной редакции «Сказания», объединил в один образ оба указанных чтения «Задонщины», то естественно, что в его источнике оба этих чтения уже имелись. А если это так, то в этом источнике, т. е. в тексте «Задонщины», должна была иметься и та часть, в которой приводится расчет убитых, так как в «Задонщине» она тесно связана с фразой «лежат трупы христианския, акы сенный стоги». Но, может быть, этот расчет был не вставкой из «Сказания» в «Задонщину», как принято считать, а наоборот — расчет убитых и обращение великого князя к воинам было вставлено из «Задонщины» в «Сказание»? Во всем окончании «Задонщины» по спискам И-1 и У наиболее инородным выглядит расчет убитых: фраза о стоянии на костях, о трупах, лежащих подобно стогам сена; заключительный аккорд — обращение великого князя к памяти убитых («суженое место»), к брату и оставшимся в живых воинам («пойдем ... во свою Залескую землю») более подходят по своему характеру и стилю к «Задонщине», чем к «Сказанию». Но так ли уж невероятно считать, что расчет убитых в «Задонщине» не мог принадлежать автору «Задонщины» и является механической вставкой из «Сказания»?

Д. С. Лихачев установил характерную черту поэтики «Задонщины», определяемую подражательностью этого памятника, — ее стилистическую неоднородность. В «Задонщине», во всех ее списках, легко обнаруживаются три стилистических слоя, один из которых «„делопроизводственного“ характера».⁵⁰ Д. С. Лихачев приводит ряд примеров стилистического диссонанса «Задонщины», когда в поэтический стиль вторгается деловая конкретизация, хронологические и церковно-обрядовые уточнения. Смешение двух стилей — «высокого поэтического и делопроизводственно-прозаического» — пронизывает весь текст памятника.⁵¹ Поэтому «делопроизводственный» характер расчета убитых в «Задонщине» не может являться определяющим критерием при решении вопроса о его исконности или вторичности в «Задонщине». Такого рода пассаж вполне мог быть заимствован и из «Задонщины» в «Сказание» — ведь внес автор «Сказания» в свой текст из «Задонщины» расчет лет, прошедших от Калкской рати до Мамаева побоища. Автор позднего вида Летописной редакции, делая вставку из «Задонщины» о новгородцах, сохранил слова о том, что их было 70 000, а автор варианта У тоже сохранил цифровое обозначение войска во вставке из «Задонщины» о храброй Литве.⁵² Кроме этих общих соображений, подкрепленных текстуальными особенностями отрывка «Грозно, братие, зрети ... а реки по три дни кровию течаху» в Основном и Забелинском вариантах «Сказания», есть и еще ряд соображений, которые свидетельствуют о большей закономерности и внутренней связанности со всем контекстом расчета убитых в «Задонщине», чем в «Сказании».

Прежде всего отметим следующее. В «Задонщине» в расчете упоминаются «70 бояр резаньских». Автор «Задонщины» был рязанец и поэтому, естественно, что он, ни слова не говоря в своем произведении об Олеге Рязанском и его союзе с Мамаем, включает рязанских бояр в число участвующих на стороне Москвы. В «Сказании» очень много внимания уделяется Олегу Рязанскому и предательству Рязани, и поэтому, делая вставку в свое произведение, автор «Сказания» опустил упоминание ря-

⁵⁰ Д. Лихачев. Черты подражательности, стр. 87.

⁵¹ См.: там же, стр. 87—90.

⁵² См. выше, стр. 419—421.

занцев в расчете убитых — такое несоответствие уж слишком бросалось в глаза! Если бы вставка делалась из «Сказания» в «Задонщину», то было бы странным — с какой стати поздний переписчик, ни слова не говоря в самом тексте произведения о рязанцах и прекрасно зная «Сказание» (если он делал из него вставку!), вдруг включил в перечень убитых рязанских бояр?

В Основной и Летописной редакциях «Сказания» об участии новгородцев в битве на Куликовом поле не говорится.⁵³ Однако в расчете убитых в этих редакциях новгородцы упоминаются. Если бы этот расчет был составлен автором «Сказания», то едва ли он включил бы в перечень убитых новгородцев, о которых в своем произведении он ничего не говорит. В «Задонщине» же, специально уделяющей внимание новгородцам, включение в число убитых новгородских посадников закономерно и естественно.⁵⁴

В «Сказании о Мамаевом побоище» дважды сообщается о тех князьях и княжествах, которые участвовали в коалиции Дмитрия Донского: первый раз — в перечислении воинов, пришедших на Москву, и второй — в рассказе об «уряжении» полков на Коломне. В большинстве своем этот перечень повторяется и в перечне убитых, это — белозерские, ярославские, владимирские, костромские, переславские, ростовские, муромские бояре. Но вместе с тем в «Сказании», что является характерной чертой «Сказания» и помогает в уточнении датировки,⁵⁵ названы такие мелкие удельные княжества, войска которых со своими князьями пришли в Москву на помощь к великому князю, как Андомское, Кемское, Каргопольское, Курбское, Прозоровское, а о гибели представителей этих княжеств на Куликовом поле в перечне убитых, претендующем на полноту, нет ни слова. Ничего не говорится и о брянских и мещерских боярах, хотя об участии князей брянского и мещерского в уряжении полков сообщается. А вместе с тем немало названо воевод таких княжеств, о которых до этого в «Сказании» ничего не говорилось, — серпуховские, суздальские, дмитровские, можайские, звенигородские, углицкие, галицкие.

Обращает на себя внимание гиперболичность цифр в перечислении убитых. В сообщении «Сказания» о князьях и воеводах, пришедших на Москву, и об уряжении полков с перечислением имен воевод нет и намеков на то, что в сражении от каждого княжества участвовало такое огромное число бояр.

Итак, у нас не меньше оснований предполагать, что гиперболический расчет убитых на Куликовом поле бояр входил в первоначальный текст «Задонщины» и был в «Сказание» заимствован из «Задонщины». Вместе с этим эпизодом было заимствовано и обращение великого князя к убитым и живым со словами о «суженом месте» «между Доном и Непром» и

⁵³ Упоминание новгородцев в отдельных списках Основной редакции — поздние наслоения (см.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакции Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 449—480); вставка о новгородцах в Печатном варианте Основной редакции — заимствование из «Задонщины» (см. выше, стр. 405—407); Лондонский список Летописной редакции свидетельствует о том, что вставка о новгородцах в группе списков этой редакции — позднее заимствование из «Задонщины» (см. выше, стр. 419—420).

⁵⁴ Очень может быть, что в протографе К-Б списка «Задонщины» или в самом этом списке упоминание о выезде новгородцев было опущено потому, что автор этой поздней переработки «Задонщины» знал, что новгородцы в битве на Куликовом поле участия не принимали.

⁵⁵ См.: Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—199.

фраза о «Залесской земле». Вставка эта из «Задонщины» была сделана автором первоначального текста «Сказания», так как она встречается в различных вариантах и редакциях «Сказания».

Разумеется, это предположение, но едва ли оно менее обоснованно, чем предположение о том, что в данном случае перед нами вставка из «Сказания» в поздние списки «Задонщины». В любом случае, однако, как бы ни решался этот частный вопрос, он не меняет того общего представления о первоначальном виде «Задонщины» и характере отношения текстов «Сказания» к «Задонщине», которое создается на данных бесспорных вставок из «Задонщины» в «Сказание», рассмотренных выше.

* * *

В списках «Сказания» типа Погодинского № 1555, примыкающих к варианту У Основной редакции «Сказания», после слов о том, что тела русских воинов были погребены, а тела татар брошены зверям на расхищение, говорится, что в это же время на Москву пришла весть о победе и погибших. И после этого приводится плач русских жен по погибшим мужьям, заимствованный из «Задонщины». Привожу текст этого плача по списку ГПБ Погодинского собр. № 1555 с важнейшими разночтениями (в скобках) по списку ГИМ, собр. Уварова № 1435: «В то же время прииде ¹гонецъ с вестию² (¹⁻² весть) к Москве в 4 день после боя, на память преподобныя Феодоры Олександриска, к великой княгине Евдокеѣ и ко преосвященному митрополиту Киприяну ³к Московскому и всея Руси⁴ (³⁻⁴ нет) и к воевотским (воинским) женам, и сказаша им которыя (кои) побиты. И (нет) слышав же (нет) ту погибельную весть, Микулина жена Василевича (Васильевича) Федося, да ⁵Марья Тимофеева жена Волуевича⁶ (⁵⁻⁶ Марья Димитриева жена Волуча да Тимофеева жена Волуевича) рано сташа (плакаше) у Москвы реки (доб. на берегу), и рекоша (ркуче): „Дане (Доне) быстрая река протекла во (еси) сквозе горы каменны, и течеш в землю Половетцкую, ⁷залелияла моего государя Микулу Василевича“. Тимофеева жена Волуевича тако же плакашася в славнем городе Москве, глаголюща: „Уже бо не вижу своего государя в животе Тимофея Волуевича“⁸ (⁷⁻⁸ прилелей наших государей к нам — Микулу Василевича, Димитрия Волуевича, Тимофея Волуевича! Уже веселие наше пониче в славном граде Москве, уже бо не видим мужей своих в животе). Княгиня же великая Овдотья (Евдокея) нача утешити (тешити) их, глаголюща: „Не плачете вы по своих мужех. Как (нет) даст бог, дождемся своего (к себе) государя, великого князя ⁹Дмитрея Ивановича, и он, государь¹⁰ (⁹⁻¹⁰ нет) учнет вас ¹¹утешати и¹² (¹¹⁻¹² нет) дарми утоляти, ¹³а за¹⁴ (¹³⁻¹⁴ про) ваших мужей ¹⁵службу великую память творити¹⁶“ (¹⁵⁻¹⁶ за их великую службу, а яз рада о вас государю великому князю со слезами печаловатися, а по мужех ваших памяти творити). И рече Одреева жена Черкизовича: „А княгиня, государыня наша (нет), великая княгиня Овдотья (нет), се уже веселе наше миновалоса, солнце наше (нам) померче во славном граде Москве“. ¹⁷И прочия боярыни рано плакашася, вышед на боеречны крчи стояща и глаголюща тако¹⁸ (¹⁷⁻¹⁸ Коломенских бояр жены рано плачущеся у Коломны на забралах града, и рекучи): „Москва (доб. Москва) быстра река, (доб. чему) залелияла (залелеяла) еси мужей наших, ¹⁹а течеш²⁰ (¹⁹⁻²⁰ нет) от нас в землю Половетцкую“. Аркучи (нет) тако: „Мошно (можеш) ли тебе (нет), государь (господине) наш (нет) великий князь ²¹Дмитрей Ивановичъ о²² (²¹⁻²² нет) весне пруд запрудити, а Дон реку шеломами (шеломы) вычерпати ²³и влити ту воду в тот прут²⁴ (²³⁻²⁴ нет). Аще, государь (госпо-

дине), ²⁵реку трупом татарским запрудити, затыни, государь, Москве ворота, чтоб поганин тотарове на Русь не шли²⁶ (²⁵⁻²⁶ Дон реку татарскими запрудити трупы, а замкни, господине князь великий, ворота железными враты, чтоб, государь, потом поганин к нам не ходили). Уже, государь, (нет) мужей наших побил тотарове (поганин) на поле Куликове ²⁷межь Доном и Мечею²⁸ (²⁷⁻²⁸ нет) на речке (доб. на) Напрядве“. Сие же оставим, до на предняя возвратимся. Поганый Мамай...». Далес идет рассказ о судьбе Мамай.

Сравнивая плач, читающийся в этой группе списков «Сказания», с различными списками «Задонщины», мы видим, что в нем имеется ряд чтений, повторяющих особенности отдельных списков «Задонщины». Как в списках И-2 и У, здесь жена Микулы Васильевича названа Федосьей. Как и в списке И-1, под Москвой подразумевается не город, а река (в И-1 — «у Москвы у берега», здесь — «У Москвы реки (на берегу)»). Только здесь и в списке И-2 перед последней фразой плача московских жен говорится, что это плач одной Андреевой жены: «И рече Ондреева жена Черкизовича», в И-2 — «Андреева жена рано плакашеса» (в И-1: «Ондреева жена Марья, да Михайлова Оксенья рано плакашеса», то же в У и С). Таким образом мы видим, что у того, кто делал эту вставку из «Задонщины» в «Сказание», был такой текст «Задонщины», в котором плач русских жен читался близко к плачу в дошедших до нас списках «Задонщины», но вместе с тем отличался какими-то особенностями, в разной мере отразившимися в дошедших до нас списках «Задонщины». Донесла эта вставка из «Задонщины» и какие-то иные, особые чтения: вместо слов о Доне, что эта река «прорыла еси каменные горы» (так во всех списках, кроме К-Б, где «пробил еси берези хараужныя»), здесь — «протекла во (еси) сквозе горы каменны»; вместо «веслы Непр запрудити», здесь — «о весне пруд запрудити». Вместе с тем, как нетрудно было убедиться из приведенного плача, текст его, по сравнению с «Задонщиной», является значительной переработкой, с целым рядом сокращений, дополнений и изменений.

Плач русских жен, заимствованный из «Задонщины», встречается еще в двух списках «Сказания» Основной редакции. Оба этих списка входят в вариант О Основной редакции. Это списки ГБЛ, собр. Румянцева № 378 и ГИМ, собр. Уварова № 1831. Никакими общими особенностями эти два списка с названной выше группой списков варианта У не связаны. Видимо, плач русских жен в этих двух группах списков «Сказание» является независимой друг от друга вставкой одного и того же отрывка из «Задонщины» в различные списки «Сказание». Плач в списке Румянцева № 378 и сходном с ним списке Увар. собр. № 1831 отличается от плача, читающегося в списках Погодинского собр. № 1555 и сходных с ним. Если в группе списков Погодинского собр. № 1555 переработка с рядом дополнительных самостоятельных вставок, то в списке Румянцева № 378 немного поновленная, но почти дословная выписка соответствующего пассажа «Задонщины»: «И возопили баше птицы жалостныя песни, и припахнули нам от быстрого Дону поломяныя весты, и все восплакалися кнеини и боярони и воеводские жены о своих государех избиенных. Воеводина жена Микулы Васильевича Марья рано плакашеса у Москвы града на забаролех аркучи: „Доне, ты Доне, река славная и быстрая, прорыла еси горы каменныя, течешы, Доне, в землю Половецкую! Прилелей ко мне моего государя Микулу Васильевича!“. А Тимофеева жена Волуевича Федосья, да Дмитриева жена Воложскаго, Марья, тако же плакашеса, аркучи к себе: „Уж нам веселие наше пониче в славном граде, в каменной Москве, уже не видим государей своих во

своих животех!“ . Ондреева жена, Марья, да Михайлова жена, Ксения, рано плакашеса: „Се убо нам обоим сонце пониче в славном граде Москве! Припахнули нам с быстрова Дону поломянные весты“. Но с великою победою совседоша удальцы з борзых коней своих на суженое место, на поле Куликово, за быстрым Доном рекою, Диво кличет в Руской земли саблями татарьскими. И щурове рано возлетели и воспели жалостныя песни у Коломны града под заборолами на воскресение христово, на вечерню в 26 день сентября на память святого апостола евангелиста Иоанна Богослова. То ти не щурове возлетели, рано восплескалися жены и коломенския у Коломны града на заборолех о избиенных, смотрячи на быструю реку, на славную Москву, аркучи жалостно: „Москва, еси Москва, река быстрая, почему еси залелувяла мужии наших от нас в землю Половецкую!“. И глаголющи с великим плачем: „Можеши ли, государь князь великий Димитрий Иванович, веслы Непр-реку запрудити, а Дон-реку трупы татарскими запрудити? Замкни, князь великий Дмитрей Ивановичь, Оке-реке ворота, чтобы потом к нам погани татарова на Рускую землю не ездили, а нас не квелили по своих государех, а детей бы наших сиротством не скитались без своих отцов. Уже бо мужии наших рать прибила за рекою за быстрым Доном на поле Куликове, на речке на Непрядве, на их суженом месте за святые церкви и за землю Рускую, и за веру крестьянскую, и за твою великую обиду, за ласкова государя, за великаго князя московского, за Дмитрея Ивановича, и за вся жены и дети. И ты, государь князь великий Димитрий Ивановичь, нашим государем достойную память твори и в книгах соборных пиши память ради руским сыновом, а детей наших, государь, по отечеству их пожалуй впредь!“. Сия убо оставим, на первое возвратимся. Сие убо списание, изложение Софония, иерея резанца, великому князю Димитрию Ивановичю, и брату его, князю Владимиру Андреевичю, и всем руским князем православным, и воеводам местным, и молодым людем, и всему православному крестьянству на похвалу и на память, како победи и одоле поганого царя Мамаю на Дону и князи его и уланы и упаты и вся изби, супротивныя полки одоле».

Источником этой вставки был текст, отличавшийся от того, которым пользовался составитель текста типа Погодинского № 1555. Особенности, отмеченных для текста плача по Погодинскому списку № 1555, здесь нет. Вместе с тем некоторые чтения плача по списку Румянцевского собр. № 378 сближают его с особенностями, характерными только для списка С «Задонщины». Как и в этом списке «Задонщины» (это черта и списка К-Б), жена Микулы Васильевича названа Марией. Только в списке «Задонщины» С встречаются в плаче такие обороты: «Мужей наших раты прибили» (в пассаже о «судном месте») и «уже бо мужей наших прибыла от рати поганых татар». В списках «Задонщины» У, И-1 и И-2 этому обороту списка С соответствует иное чтение: «Уже мужей наших рать трудила» (У, в И-1 и И-2 чтение почти такое же, так же употреблен глагол «трудити»). В списке К-Б этому образу соответствует совсем иной: «Уже, сестрици наши, мужей наших в жите нету». В плаче, заимствованном из «Задонщины» в список «Сказания» Румянцевский № 378, в сходном обороте, как и в списке «Задонщины» С, употреблен глагол «прибити»: «Уже бо мужии наших рать прибила».

В пассаже о «суженом месте» в списке «Задонщины» С говорится о том, что русские войны «положили головы своя от святых божья церкви за православную веру христианскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича». Подобного рода поэтический образ имеется и в плаче по списку К-Б («покладоша

головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святые церкви, за православную веру»), но его нет в остальных списках «Задонщины». В плаче из «Задонщины» по списку «Сказания» Румянцевский № 378, как и в списках «Задонщины» С и К-Б, этот поэтический образ встречается: «Уже бо мужии наших рать прибила . . . за святые церкви и за землю Рускую, и за веру крестьянскую, и за твою великую обиду, за ласкова государя, за великаго князя московского, за Дмитрея Ивановича, и за вся жены и дети».

О близости плача в «Сказании» по списку Румянцевскому № 378 к списку «Задонщины» С говорят и слова автора этой вставки в тексте «Сказания» о том, откуда он эту вставку сделал: «Сие убо списание изложение Софония иерея резанца великому князю Дмитрию Ивановичю, и брату его князю Владимиру Андреевичю, и всем русским князем православным и воеводам местным и молодым людям, и всему православному кристьянству на похвалу и на память». Это как бы расширенное целым рядом добавлений, с сохранением отдельных слов источника, заглавие «Задонщины» по списку С: «Сказание Сафона резанца, исписана руским князем похвала, великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его Володимеру Ондреевичю».

Итак, мы можем говорить, что вставка в «Сказание» типа списка Румянцевского № 378 плача из «Задонщины» была сделана из текста «Задонщины» близкого к дошедшему до нас списку С. Вместе с тем эта вставка является лишним подтверждением того, что списки К-Б и С «Задонщины» восходят к общему протографу, отличавшемуся от протографа остальных списков «Задонщины»: как мы могли видеть, рассматриваемый плач в «Сказании» донес ряд черт, сохранившихся в списках «Задонщины» К-Б и С. Единичные обороты в плаче по списку «Сказания» Румянцевскому № 378, отличаясь от соответствующих мест плача по списку «Задонщины» С, совпадают при этом с другими списками «Задонщины». Так, например, фраза из плача в рассматриваемом списке «Сказания» «восплакались кнеини и боярони и воеводцкие жены о своих государех избиенных» ближе по чтению к спискам «Задонщины» У и И-2, чем С; в плаче по списку «Сказания» Румянцевскому № 378 жена Тимофея Волуевича названа Федосьей, имя Федосья встречается в списках «Задонщины» К-Б и У, но Федосья как жена Тимофея Волуевича названа только в списке И-1, в списке С жена Тимофея Волуевича названа Настасьей, а имени Федосьи нет вообще. На основе этих примеров мы можем говорить, что в протографе списков «Задонщины» К-Б и С имелись чтения, более близкие к другим спискам «Задонщины», чем в самих списках К-Б и С. Это свидетельствует о том, что протограф списков «Задонщины» К-Б и С, имея уже ряд черт, характерных только для этого извода «Задонщины», вместе с тем был более близок к общему источнику всех сохранившихся списков «Задонщины», чем списки К-Б и С, т. е. был более близок к первоначальному, авторскому тексту «Задонщины». Но, если в различных списках «Задонщины» в разной степени сохранились чтения их первоначального источника, мы не можем отдать предпочтения какому-то одному из всех сохранившихся списков «Задонщины» как самому близкому и первоначальному тексту: о первоначальном виде «Задонщины» нужно судить только на основе данных всех списков «Задонщины».

Особенности плача, вставленного из «Задонщины» в список «Сказания» Румянцевского собр. № 378, как и независимые вставки одного и того же отрывка из «Задонщины», — плача татар в рассказе о бегстве Мамая с поля брани, — в разные редакции «Сказания» (см. выше, стр. 421—423), говорят о наличии в средневековой письменной традиции большого числа

утерянных к нашему времени списков «Задонщины» и многообразия их вариантов. А слова в плаче русских жен по списку Румянцевского собр. № 378 о том, что этот плач выписан из творения Софония Рязанца, документально подтверждают большую популярность «Задонщины», хорошее знакомство с ней переписчиков и редакторов «Сказания о Мамаевом побоище».

* * *

Окончание Печатного варианта Основной редакции «Сказания» в целом развивается так же, как и во всех остальных видах «Сказания», но самый конец — иной, особый, характерный только для этого варианта. Здесь говорится о богатой добыче русских, о разнесшейся по разным землям славе: «Удальцы восплескаше в татарских узорочьях, везучи в землю (Рускую) уюсы (чусы) и насычи (пасы), бугаи, коне и волы и вельблуды, меды и вина и сахара. Предъвознесеса слава руская над поганых землею, ревут рози великаго князя по всем землям, поиде вестъ по всем градом ко Орначу, к Риму, к Кафе, к Железным вратом, ко Царю граду на похвалу: Русь поганьи одолеша на поле Куликове, на речке на Непрядве. Воздадим хвалу Руской земли! Кой град глава всем градом?» (67—68). Текст этот составлен по «Задонщине». Первая половина его (рассказ о добыче) восходит к такому же эпизоду и в «Задонщине». Ближе всего чтение этой части вставки в Печатном варианте к списку «Задонщины» И-1: «Уже руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волы и вельблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камкы, насычеве везут женам своим. Уже жены руския въсплескаша татарским золотом. Уже Руской земли простресе веселье. И възнесеса слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великаго князя по всеи земли текуть» (в У нет слов «камкы, насычеве»; в С все это место значительно переработано). Вторая половина цитированного отрывка повторяет с некоторыми изменениями пассаж «Задонщины», читающийся в рассказе о сражении, где говорится о разнесшейся по разным землям вести о битве на поле Куликовом. Возводить эту часть к какому-либо определенному из дошедших до нас списков «Задонщины» трудно, так как отдельные чтения перекликаются с индивидуальными особенностями некоторых списков. Фразе «поиде вестъ по всем градом» близкая параллель обнаруживается только в списке К-Б, где этому соответствует — «вестъ подаваша по рожнымъ землямъ», последней фразе «Русь поганьи одолеша на поле Куликове, на речке на Непрядве» началу соответствует только чтение списка С, где «Русь поганых одалеша», а концу только чтение У — «И одолеша рать татарскую на поле Куликове, на речке Непряде». Мы видим, что в данном случае вставка Печатного варианта из «Задонщины» должна восходить к такому тексту «Задонщины», в котором встречались чтения различных сохранившихся списков, т. е. к тексту, близкому их общему источнику.

* * *

Сопоставление сохранившихся списков «Задонщины» со вставками из нее в различных редакциях и вариантах «Сказания о Мамаевом побоище» свидетельствует о том, что в общем слое вставок из «Задонщины» в «Сказание» встречаются как чтения, общие для всех списков «Задон-

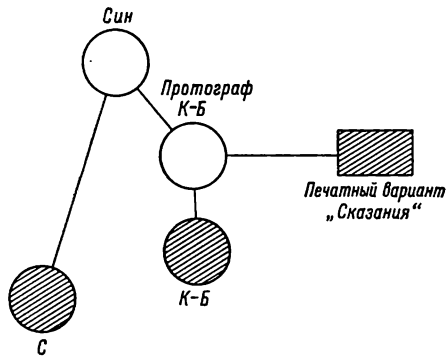
щины», так и чтения, характерные только для отдельных списков ее. Таким образом, мы можем утверждать, что автор первоначальных вставок из «Задонщины» в «Сказание» располагал таким текстом «Задонщины», который объединял в себе чтения и списка К-Б и остальных списков «Задонщины», т. е. в его руках был протограф дошедших до нас списков этого памятника, и этот протограф отличался от всех дошедших до нас списков «Задонщины». Объем его точнее отражен в полных списках «Задонщины». Отсюда ясно, что каждый сохранившийся список «Задонщины» донес и первичные чтения и поздние наслоения и изменения.

В решении вопроса о первоначальном виде «Задонщины» и о характере взаимоотношения между собой различных списков «Задонщины» большой интерес представляют данные Печатного варианта «Сказания» о Мамаевом побоище». Выше подробно отмечались все особенности этого варианта Основной редакции «Сказания» в его вставках из «Задонщины». Отдельные редакции, варианты и единичные списки «Сказания», как мы могли убедиться, в ряде случаев имеют присущие только им вставки из «Задонщины» вторичного происхождения. Иного характера дополнительные вставки из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» — здесь они свидетельствуют о единой редакторской работе. Автор этого варианта систематически сверял вставки из «Задонщины» в тексте «Сказания», положенного им в основу своей редакции, с особым видом текста «Задонщины» по известному ему списку. На основе этой сверки автор Печатного варианта вносил изменения и дополнения в первоначальные заимствования из «Задонщины» в «Сказании». Эти новые дополнения и переработки дают нам представление о том тексте «Задонщины», который был перед глазами автора Печатного варианта.

Из рассмотренных выше особенностей Печатного варианта «Сказания»⁵⁶ видно, что автору этого варианта был известен такой текст «Задонщины», который, с одной стороны, имел черты, присущие сейчас в равной мере всем дошедшим спискам «Задонщины», а с другой — такие чтения, которые являются отличительными признаками только отдельных списков «Задонщины». Мы могли убедиться, что этот текст «Задонщины» — источник Печатного варианта — в целом ряде случаев повторяет особенности, характерные только для списка К-Б и частично С. Иными словами, мы видим, что, с одной стороны, текст «Задонщины», отразившийся в Печатном варианте «Сказания», близок к наиболее отличному от всех остальных списков «Задонщины», списку К-Б, но, с другой, он никак не может быть отождествлен с этим списком, ибо во вставках из «Задонщины» Печатного варианта имеются и такие чтения и даже целые куски текста, которые отсутствуют в списке К-Б. Все эти особенности вставок из «Задонщины», характерные только для Печатного варианта «Сказания», могут быть объяснены только тем, что у автора Печатного варианта «Сказания» был текст «Задонщины», промежуточный между общим источником списков К-Б и С и списком К-Б, т. е. протограф списка К-Б, более близкий к авторскому тексту «Задонщины», чем дошедшие до нас списки.

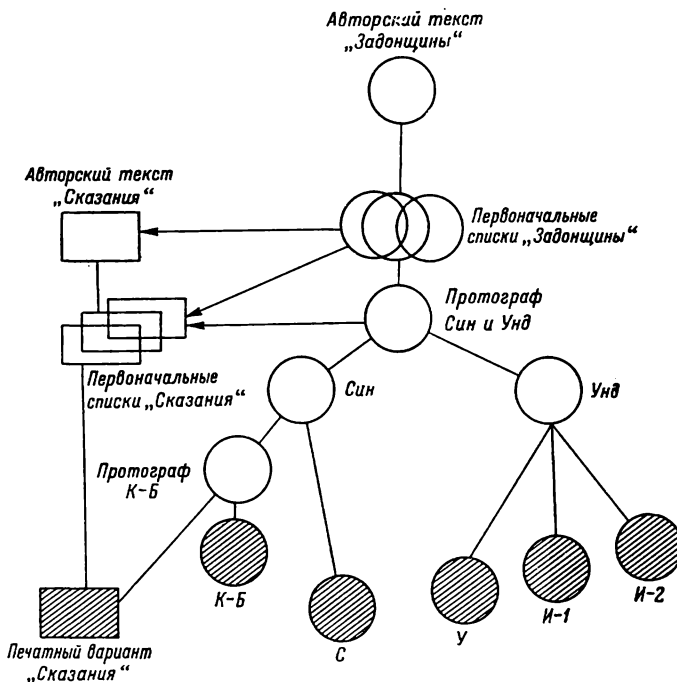
Учитывая особенности связей списков К-Б и С между собой и Печатным вариантом «Сказания», взаимоотношение всех этих текстов можно представить в виде следующей схемы:

⁵⁶ См. выше, стр. 395—396, 398—402, 405—408, 412, 413—415, 417, 431.

Таким образом, Печатный вариант «Сказания» весьма убедительно свидетельствует о том, что в протографе списка «Задонщины» К-Б был текст, хотя и имевший ряд текстуальных особенностей, присущих в настоящее время только списку К-Б, однако текст этот значительно отличался от списка К-Б и текстуально и прежде всего по своему составу — это был полный текст «Задонщины», более близкий к первоначальному, авторскому тексту памятника, чем список К-Б. Кирилло-Белозерский список «Задонщины» представляет собой уже позднюю переработку текста, выразившуюся главным образом в сокращении и усечении текста, многие черты иного ряда, присущие теперь списку К-Б, имелись уже в его протографе.

Взаимоотношение различных текстов и списков «Задонщины» «Сказания о Мамаевом побоище» может быть изображено в виде такой схемы:

Может возникнуть такой вопрос: не являются ли вставки из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» отражением первоначальных заимствований из «Задонщины» в «Сказание», которые во всех остальных

вариантах и редакциях памятника претерпели существенные изменения? Если допустить такую возможность, то и в этом случае выводы, сделанные на основе данных Печатного варианта «Сказания» о первоначальном виде «Задонщины» и об отношении к первоначальному виду «Задонщины» Кирилло-Белозерского списка, что особенно важно, не меняются.

Вторичные заимствования из «Задонщины» в «Сказание» также свидетельствуют о том, что «Задонщина» в древнерусской рукописной традиции бытовала в полном виде, что списков было много, и, как и дошедшие, они отличались разнообразием вариантных различий. Этим объясняется сложность текстологии «Задонщины»; утерян целый ряд звеньев между сохранившимися списками и первоначальным текстом.

* * *

Кратко остановимся на рассмотрении вопроса о возможности непосредственной связи «Слова о полку Игореве» со «Сказанием о Мамаевом побоище».

Как уже было отмечено выше (см. стр. 408—409), Р. О. Якобсон обратил внимание на то, что в ряде случаев в выписках из «Задонщины» в «Сказании» имеются чтения, более близкие к «Слову о полку Игореве», чем в дошедших до нас списках «Задонщины». Еще раньше Н. К. Гудзий в статье «По поводу ревизии подлинности Слова о полку Игореве» отметил 10 фрагментов в различных списках «Сказания», параллельных «Слову о полку Игореве», «которые не покрываются существующими списками „Задонщины“». ⁵⁷ По мнению Н. К. Гудзья, это может свидетельствовать о непосредственном влиянии «Слова о полку Игореве» на «Сказание о Мамаевом побоище».

Р. О. Якобсон считает, что «Задонщина» входила в диптих, состоящий из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». По его предположению, переписчики «Сказания», обращаясь к этому диптиху, могли либо непосредственно делать выписки из первой части диптиха — из «Слова о полку Игореве», либо, вставляя новые цитаты из «Задонщины», сверяли их с соответствующими местами «Слова». Предположение Р. О. Якобсона о диптихе, в который входило «Слово» и «Задонщина», представляется неубедительным. Еще менее вероятным выглядит предположение, что к этому диптиху неоднократно обращались поздние переписчики текста «Сказания о Мамаевом побоище». Если бы «Слово» и «Задонщина» в рукописной традиции существовали в такой тесной связи и если бы с этим диптихом имели дело не только переписчики «Задонщины», но и переписчики «Сказания о Мамаевом побоище», то едва ли при наличии столь огромного количества списков «Сказания» до нас не дошли бы если и не цельные списки «Слова», то какие-то отрывки из него или, во всяком случае, более обширные непосредственные цитаты из «Слова» в «Сказании», чем это имеет место на самом деле. Однако представляется вероятным предположение о том, что некоторые переписчики «Сказания о Мамаевом побоище» были знакомы и со «Словом о полку Игореве». В отдельных случаях, сталкиваясь с заимствованиями из «Задонщины» в «Сказании», они вспоминали соответствующие места из «Слова» и на основе этих припоминаний, не обращаясь к письменному тексту, вносили изменения в переписываемый текст, которые приближали отдельные чтения к «Слову о полку Игореве».

⁵⁷ «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 91.

Разумеется, часть поэтических образов «Сказания» может, сближаясь с образной системой «Слова», с фразеологизмами «Слова», отнюдь не восходить к «Слову о полку Игореве», а быть случайным совпадением. Поэтому такие, например, сближения между «Словом» и «Сказанием», приводимые в статье Р. О. Якобсона, как «златоверхий терем» в сне Святослава в «Слове» и «златоверхий терем» во фразе «Сказания» «княгини же великаа Евдокия с своею снохою . . . взыде в златоверхий свои теремъ набережный и сяде на урундуце под стекольчаты окны», или же сближенные выражения «буавии сынове» в «Сказании» с эпитетом Всеволода «буитур» представляются недостаточными для заключения о связи «Сказания» со «Словом о полку Игореве».

Часть чтений «Сказания», параллельных «Задонщине» и при этом более близких к «Слову», должна относиться за счет того, что в тех первоначальных текстах «Задонщины», к которым восходят выписки из «Задонщины» в «Сказании», эти чтения были более близки к тексту «Слова», чем в дошедших списках «Задонщины». Н. К. Гудзий обратил внимание на то, что выражение «русские удалцы сведоми», читающееся только в Печатном варианте «Сказания», более близко к фразе «Слова» «сведоми кмети», чем все соответствующие чтения в текстах «Задонщины».⁵⁸ Однако совпадение это слишком невелико, чтобы думать, что оно было изменено в этом варианте «Сказания» под непосредственным влиянием «Слова о полку Игореве». Скорее всего так: ближе к «Слову» это место читалось в первоначальном тексте «Задонщины». И в данном случае Печатный вариант «Сказания» отражает более верно первоначальное чтение «Задонщины», чем списки самой «Задонщины».⁵⁹

Я не буду останавливаться на остальных случаях большей близости отдельных чтений в «Сказании» и «Слове» или на чтениях, близких к «Слову» и имеющихся только в «Сказании», приводимых и Н. К. Гудзием и Р. О. Якобсоном, так как что-либо добавить к ним или возразить я не могу: все это очень предположительно и для одних может казаться весьма убедительным, а для других выглядеть натяжкой. Однако два чтения, отмеченные и Н. К. Гудзием и Р. О. Якобсоном, представляются мне действительно заслуживающими внимания и, как мне кажется, даже при пристрастном к ним подходе убедительны как пример прямого контакта «Сказания» со «Словом».

Выше (см. стр. 408), при анализе вставок из «Задонщины» в «Сказание», отмечалось, что в некоторых списках «Сказания», в картине зловещих предзнаменований кровопролитного сражения, говорится, что «лисицы брешут глядечи на злаченые доспехи». В «Задонщине» (что подтверждается и Печатным вариантом «Сказания») этому соответствует иной образ — «лисицы на кости брешут» (И-1; «лисицы часто брешють» — К-Б; «лисицы на костех бряшут» — У). Совершенно очевидно, что по содержанию первое чтение гораздо ближе к пассажу «Слова о полку Игореве» — «лисицы брешуть на чръленья щиты». Такое изменение образа, при явном сближении его со «Словом», едва ли можно объяснить простой случайностью. И предположение о случайности тем более должно быть отвергнуто, что оно подтверждается и еще одним обстоятельством. Как уже отмечалось выше, во всех тех списках «Сказания», где читается фраза

⁵⁸ В «Задонщине» по сохранившимся спискам читаем: У — «дружина сведана», И-1 — «дружина нам сведома», С — «ведомоя дружина».

⁵⁹ О возможности более точного отражения «Слова» в первоначальном тексте «Задонщины», чем в дошедших списках, см. также в статье Н. С. Демковой «Замечания из „Задонщины“ в текстах Распространенной редакции „Сказания о Мамаевом побоище“» в настоящем сборнике.

о лисицах, брешущих на щиты (перечисление этих списков см. на стр. 408), мы читаем особое, присущее только этим спискам, описание битвы. Привожу текст этого описания по списку ГИМ, собр. Уварова № 802: «И ступишася велицы полцы и крепко бьющеся напрасно. Щепляются щиты богатырския от вострых копеец, ломаются рогатины булатныя о злаченыя доспехи. Льетса кровь богатырская по седельцам покованым. Сверкают сабли булатныя около голов богатырских. Катятса шеломы злаченые с личинами добрым конем под копыта. Валятса головы многих богатырей з добрых коней на сырую землю, и потоптани быша, не едины бо русские богатыри побьени быша, но да и татарских вдвое. Не токмо оружием бьющеся, но и сами о себя разбивахуся и под трупием мертвым мнози живи умираху, от великия тесноты издыхахуся, яко не мощно им вместитися на поле Куликове, еще бо место то тесно между Доном и рекою Мечью. На том бо поле сильнии и велицы полцы снимашася, из них же выступали кровавые зари и блистание же мечное и сабельное сверкаше, яко мланья из рук богатырскихъ. От мечнаго сечения трепет бысть тогда, треск и лом велик копееиной, яко же бо не мощно зрети никако же сего грозна дни и страшнаго часа: во единый убо час в мгновении ока от коликих тысяч создания божиа погибоша, воля же господня совершается. Не ослабляются кристияне с погаными печенеги. Уже бо 6-у часу наставшу, божиим попущениемъ, а наших ради согрешений начаша погании одолевати крестьян. Уже бо восияет хула на хвалу, уже бо вержетса диво на землю, уже мнози от храбрых богатырей и унот русских побьени суть. Богатыри же руские, аки древа дубравнии, кланяхуся под борзых коней копыта на землю. Мнози же сынове руские сотрошася и погибоша. И самого же великаго князя уязвиша велми».

Первое предложение в этом отрывке повторяет фразу, характерную и для других редакций и вариантов «Сказания» в этом же месте. Затем идет текст совершенно оригинальный, выделенный С. К. Шамбинаго как текст «с ясно выраженным песенным складом»: ⁶⁰ «Щепляются щиты богатырския . . . Валятса головы многих богатырей з добрых коней на сырую землю». Далее опять идет текст, общий со всеми видами «Сказания» (с незначительными вариантами), и в этот текст, после фразы «уже бо 6-му часу наставшу, божиим попущениемъ, а наших ради согрешений начаша погании одолевати крестьян», вставлена фраза — «Уже бо восияет хула на хвалу, уже бо вержетса диво на землю, уже мнози от храбрых богатырей. . .». То, что фраза о хуле и хвале принадлежала тому же автору, который вставил в описание битвы и текст «с ясно выраженным песенным складом», не подлежит сомнению — во всех случаях они встречаются вместе, в составе этого единого отрывка. Во всем этом отрывке, представляющем оригинальную переработку соответствующего места «Сказания», фразой, которую можно сопоставлять с текстом «Задонщины», является только фраза о хуле и хвале. И невольно возникает вопрос: есть ли у нас основание фразу о хуле и хвале связывать с «Задонщиной», в которой фраза, наиболее близкая к данному месту «Сказания», по существу очень от нее отличается? Прежде всего в «Задонщине» сходный образ читается в другом месте. В «Сказании» эта фраза идет после слов о том, что поганые начали одолевать русских, и именно поэтому автор и восклицает, что хула преодолела хвалу и диво «вержеся на землю» (т. е. на землю Русскую). В «Задонщине» же говорится, что после победы русских, после того как русские жены «въсплескаша татарским златом» — «уже Руской земли простреся веселье. И възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже

⁶⁰ Шамбинаго, стр. 300.

вержено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текут» (И-1, в списке У чтение еще более отдаленное). Как видим, и по смыслу и текстуально отличия бесспорны, а вместе с тем вся эта фраза в «Сказании» почти дословно совпадает с текстом «Слова о полку Игореве»:

Сказание

Уже бо восияет хула на хвалу, уже бо вержеться диво на землю. (Увар. № 802).

Уже возсия хула на хвалу и вержеться диво на землю. (ЦГАДА, ф. 181, № 71).

Слово о полку Игореве

Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеса дивь на землю. (В «Слове» эти слова идут сразу же после рассказа о поражении Игоря).

Из приведенных текстов нетрудно убедиться, что между текстом «Слова» и «Сказанием» в данном случае имеются следы весьма значительной общности, а именно — в смысле и содержании этого отрывка, которые, совпадая в «Слове» и «Сказании», отличаются от смысла и содержания соответствующего места «Задонщины».

Уже С. К. Шамбинаго обратил внимание на то, что в списке «Сказания» Уваровского собр. № 802 имеется три вставки: рассказ о новгородцах, описание внешнего вида татарского богатыря и описание боя, переданные в духе эпических песен. Совершенно очевидно, что все эти особенности — результат работы одного автора: либо переписчика этого списка, либо, что более вероятно, автора протографа этого списка. Этому же автору, видимо, принадлежит и вставка о лисицах, брешущих на доспехи.

Говоря об описании боя в этом списке «Сказания», С. К. Шамбинаго отмечал: «В современных записях старин ей (вставке «песенного» характера, — Л. Д.) нет соответствия, это не *Locus communis*; нужно думать, следовательно, что она составляла часть специальной какой-либо песни».⁶¹ Признавая справедливость замечания С. К. Шамбинаго о песенном характере начала описания боя, необходимо отметить, что это не просто вставка, случайно попавшая в текст, а сознательный литературный прием того автора, который, переписывая «Сказание о Мамаевом побоище», по-своему, сохраняя в основе текст оригинала, переработал ряд эпизодов, и одной из таких переработок явилась картина битвы. В своей работе этот автор пользовался образцами эпического жанра (совсем не обязательно считать, что это были тексты, связанные с Куликовской битвой) и памятниками литературы. И именно поэтому он мог вставить в такой отрывок фразу из «Слова о полку Игореве». В этой связи представляет интерес и фраза из рассматриваемого отрывка «ще п л я ю т с я щ и т ы б о г а т ы р ь с к и я . . .», напоминающая фразу «Слова» — «П о с к е п а н ы с а б л я м и к а л е н ы м и ш е л о м ы о в а р ь с к и я». Вообще начало описания боя в разбираемом отрывке не текстуально, но по образности, по смыслу переключается с описанием боя в «Слове»:

Слово о полку Игореве

Съ заранна до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленныя, гримлють сабли о шеломы, трещать копия харалуж-

«Сказание о Мамаевом побоище» по списку Уваровскому № 802

И ступишася велицы полцы и крепко бьющесе напрасно. Щеплюются щиты богатырския от вострых копеец, ломаются

⁶¹ Шамбинаго, стр. 301.

ныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты костью была посяяна, а кровию поляна: тугоу въздоша по Руской земли.

рогатины булатныя о злаченыя доспехи. Льетса кровь богатырская по седельцам покованым. Сверкают сабли булатныя около голов богатырских. Катятса шеломы злаченые с личинами добрым конём под копыта. Валятса головы многих богатырен з добрых коней на сырую землю, и потоптани быша, не едины бо русские богатыри побьени быша, но да и татарских вдвое.

Таким образом, не только сама фраза о хуле и хвале, но и весь отрывок, в котором она читается, дают основание говорить о непосредственной связи этого места со «Словом о полку Игореве». Все три вставки песенно-эпического характера встречаются только в списке Уваровском № 802, поэтому можно думать, что первоначальным источником двух указанных чтений в «Сказании», связанных со «Словом о полку Игореве», во всех списках, где эти чтения имеются, был текст «Сказания» типа Уваровского № 802.

Два чтения в «Сказании о Мамаевом побоище», о которых действительно можно говорить, что они связаны со «Словом о полку Игореве», встречаются, хотя и в различных местах текста, но только вместе. Это обстоятельство еще более усиливает достоверность предположения о знакомстве одного из редакторов «Сказания» со «Словом о полку Игореве».

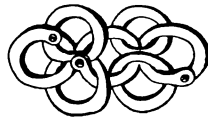
* * *

Как уже было отмечено в самом начале статьи, в концепции А. Мазона, считающего, что «Слово о полку Игореве» было составлено в XVIII столетии путем переработки позднего вида «Задонщины», важную роль играет вопрос о первоначальном виде «Задонщины». В этом вопросе он полностью примыкает к выводам Я. Фрчека, который пришел к заключению, что первоначальный вид «Задонщины» отражен в списке К-Б, а остальные списки представляют уже позднюю переработку этого первоначального текста, сделанную в конце XV столетия (через 100 лет после создания первоначального вида «Задонщины»). Но если «Слово о полку Игореве» предшествовало «Задонщине», то действительно было бы странным, что оно ближе к позднему виду «Задонщины», чем к раннему. Очевидно, что этот аргумент весьма убедителен в системе доказательств позднего происхождения «Слова о полку Игореве».

Характер рассмотренных вставок из «Задонщины», как тех, которые мы имеем основание считать первоначальными вставками из «Задонщины» в «Сказании», так и тех, которые должны относиться к последующему, вторичному обращению переписчиков «Сказания» к «Задонщине», свидетельствует о том, что все эти тексты «Задонщины» были ближе к полному виду «Задонщины», а не к списку К-Б. Это указывает на то, что в древнерусской рукописной традиции широкое обращение имели списки «Задонщины» с полным текстом этого памятника. Более того, наблюдения над отрывками из «Задонщины» в различных текстах «Сказания» свидетельствуют о том, что «Задонщина» и по списку К-Б восходит к такому протографу, который и по объему и в ряде чтений точнее отражен во всех остальных списках «Задонщины». Чрезвычайно ценный материал в этом отношении дал Печатный вариант «Сказания», из особенностей которого можно было убедиться в том, что даже архетип списка

К-Б, уже имевший ряд характерных признаков К-Б, по объему был таким, какими являются сейчас полные списки «Задонщины».

Итак, анализ вставок из «Задонщины» в текстах «Сказания о Мамаевом побоище» полностью опровергает концепцию Фрчека—Мазона о первоначальном виде «Задонщины». «Задонщина» по списку К-Б — позднее сокращение более полного первоначального вида «Задонщины», точнее отраженного в тех списках «Задонщины», которые по гипотезе Фрчека—Мазона представляют собой позднюю редакцию памятника. Таким образом, один из наиболее существенных доводов сторонников первичности «Задонщины» и вторичности «Слова о полку Игореве» устраняется.

Н. С. ДЕМКОВА

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ «ЗАДОНЩИНЫ» В ТЕКСТАХ РАСПРОСТРАНЕННОЙ РЕДАКЦИИ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Принято считать, что Распространенная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» мало связана с «Задонщиной». С. К. Шамбинаго, рассматривая специально вопрос о соотношении этой редакции (четвертой по его классификации) с «Задонщиной», пришел к выводу о резком сокращении в ее тексте выписок из «Задонщины»: «... особенностью 4 редакции является постепенное падение поэтической традиции Поведания и стремление перерабатывать поэтические формулы на прозаический лад»;¹ «наиболее поздние редакции ... (4 редакция и Синописис) вовсе отрешились от заимствований из Поведания и последние ... находятся лишь во 2 и 3 редакциях „Сказания“». ² Обильные заимствования из «Задонщины» в списке Распространенной редакции собр. Архива Министерства иностранных дел № 70/93, неоднократно использованном в исследовании С. К. Шамбинаго, рассматривались им, по-видимому, как индивидуальная особенность списка.

Мнение С. К. Шамбинаго без каких-либо дополнительных аргументов повторил чешский славист Я. Фрчек.³

Изучение текстов известных списков Распространенной редакции показывает, что наблюдения С. К. Шамбинаго справедливы лишь для нескольких поздних списков одной из групп Распространенной редакции, имеющих к тому же, по-видимому, общий протограф: ГИМ, Синодальное собр. № 964, ГБЛ, ф. 17 (собр. Барсова), № 675, ГПБ, Q. IV. 46 и др.

В остальных случаях Распространенная редакция обладает тем же корпусом заимствований из «Задонщины» (с некоторыми индивидуальными колебаниями списков), что и Основная и Летописная редакции, а отдельные виды и списки ее сохранили отрывки из текста «Задонщины», нигде более не встречающиеся.

Распространенная редакция «Сказания», несмотря на свое более позднее происхождение, чем редакции Летописная и Основная, и несмотря на позднейшие наслоения, имеет большое значение для изучения вопроса о соотношении «Задонщины» и «Сказания» еще и потому, что она, как показывает сопоставление заимствований из «Задонщины», восходит не

¹ Шамбинаго, стр. 325.

² Там же, стр. 119.

³ См.: Фрчек, стр. 53.

к одному списку или к какому-либо дошедшему до нас варианту Основной редакции, а, по-видимому, к тексту протографа варианта У, и хранит много чтений общего протографа этих текстов, утерянных в ряде случаев и самим вариантом У.⁴

На сходство Распространенной редакции с вариантом У (наличие особого конца, содержащего подробный рассказ о возвращении великого князя в Москву, и одинаковый план повествования) указывал С. К. Шамбинаго, полагавший, что «4 редакция развилась из третьей через список У».⁵ Однако наряду с этим сходством Распространенная редакция имеет много чтений иных, чем в варианте У, близких Летописной редакции и Печатному варианту (например, в обращении великого князя к своим боярам в Москве, в начале описания выезда князя из Москвы и др.).⁶ По-видимому, эти факты можно объяснить, во-первых, наличием общего протографа Распространенной редакции и варианта У и их дальнейшим самостоятельным развитием и, во-вторых, связью этого протографа варианта У и Распространенной редакции с общим протографом редакций «Сказания». Это значит, что данные списков Распространенной редакции позволяют судить и о первоначальном тексте «Сказания». Близкий к протографу У и Распространенной редакции текст имела, по-видимому, в своем распоряжении Киприановская редакция, как известно, представляющая собой особую обработку «Сказания» в соединении с Летописной повестью. Многочисленные черты сходства Киприановской редакции с вариантом У подробно рассмотрены С. К. Шамбинаго.⁷ Схема ее окончания почти идентична схеме особого конца варианта У и Распространенной редакции, а некоторые общие заимствования из «Задонщины» встречаются в Киприановской редакции, варианте У и Распространенной редакции (например, упоминание пира у Микулы Васильевича,⁸ выражение «чести есмя укупили и славного имени» и др.).

Изучение заимствований из «Задонщины» в списках «Сказания» неизбежно связано с вопросом о соотношении списков «Сказания» между собой. Так как текстологическое исследование Распространенной редакции, как и «Сказания» в целом, еще не произведено, то приходится делать заключение о соотношении текстов Распространенной редакции, основываясь на проведенном лишь частично текстологическом изучении списков.

В настоящее время известны 32 списка Распространенной редакции.⁹

⁴ См. ниже, стр. 454, 464, 465.

⁵ Шамбинаго, стр. 315, ср. стр. 306 («4 редакция восходит к протографу, имевшему тот же заключительный рассказ о возвращении Дмитрия с Куликова поля, как и список У 3 редакции»).

⁶ Примеры такого сходства в заимствованиях из «Задонщины» указаны в статье ниже, стр. 444, 446, 448, 450 и др.

⁷ См.: Шамбинаго, стр. 243—253, ср. стр. 309.

⁸ См. выше статью Л. А. Дмитриева «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“ как показатели по истории текста этих произведений» (далее: Дмитриев), стр. 418—419, см. ниже, стр. 455—457.

⁹ К перечню списков, указанных в книге «Повести о Куликовской битве» (стр. 495—502), должны быть добавлены следующие: 1) ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Мин. иностр. дел), № 70/93, лл. 1—66 об. (см.: Шамбинаго, стр. 117—118, 314); 2) ЦГАДА, ф. 181, № 71, лл. 1—84 (см.: И. Снегирев. Поведание и Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского. — В кн.: Русский исторический сборник, т. III, М., 1838 (далее: И. Снегирев. Поведание), стр. VIII—IX, 69—79; Шамбинаго, стр. 346); 3) ГИМ, Музейское собр. № 288-б, лл. 196—215 об. Тверская летопись, конец XVI—начало XVII в. (см.: А. Н. Насонов. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 26—40; А. Е. Пресняков. Записка [о новом издании Тверской летописи (ПСРЛ, т. XV)]. — ЛЗСК, т. 25, 1913, стр. 25—26). Привлекается к изучению впервые. На л. 174 об. сохранился отрывок из «писания

Все списки Распространенной редакции содержат два вида текстов, отличающихся друг от друга рядом сюжетных и стилистических особенностей.

I вид (к нему относится большинство списков) в сюжетном отношении наиболее близок варианту У Основной редакции, а точнее — его протографу.

II вид Распространенной редакции связан с Забелинским вариантом Основной редакции, сюжет его дополнен рядом эпизодов, характерных именно для Забелинского варианта (пир у великого князя, весть о нашествии Мамая приносит Андрей Попов и др.).

I вид представлен тремя группами списков.

Первая группа списков содержит обычный сюжет редакции, наиболее исправный текст ее дошел в списках, связанных с Тверской летописью: в списке ГПБ, собр. Погодина № 1414 (далее — Погод. 1414) и в идентичном ему ГИМ, Музейское собр. № 288-6 (далее — Музейск. 288-6). К этой же группе относятся списки: ГБЛ, ф. 247 (Рогожское собр.) № 183, ГПБ, собр. Погодина № 1574, ГПБ, Q.IV.151 и имеющий общий с ним протограф ГПБ, Q.XVII.223, а также отрывки из «Сказания» по спискам ГПБ, Соловецкое собр. № 989/879 и ЦГАДА, ф. 10 (Кабинет Екатерины), № 366, ч. 7.

В первую группу входит и список ГПБ, Q.XVII.70, хотя здесь текст редакций значительно сокращен, в основном за счет риторических украшений и молитв;¹⁰ близок ему список ГБЛ, ф. 236 (собр. А. Н. Попова) № 2527 (далее — Попов. 2527).

Особый рассказ о поединке Пересвета с татарским богатырем, как уже отмечалось в исследовательской литературе,¹¹ содержат списки ГПБ, Q.IV.354, ГПБ Q.IV.374, ЛОИИ, собр. Археографической комиссии № 45, в целом близкие этой группе.

Своеобразны два списка этой группы — ГПБ, собр. Титова № 1121 (далее — Титов. 1121) и ГБЛ, ф. 37 (Музейное собр.) № 435 (далее — Музейн. 435, отрывок из близкого ему списка находится в ГИМе, Музейское собр. № 2990). Список ГПБ, Титов. 1121 испытал влияние II вида редакции, это обнаруживается уже в начале текста, где есть счет войска Мамаю, характерный именно для II вида. «Сказание» в списке Музейн. 435 включено в состав «Слова о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича» и дополнено его текстом.

Особый вариант внутри первой группы представляют списки ГИМ, Синодальное собр. № 964 (далее — Синод. 964) и идентичные ему ГБЛ, ф. 17 (собр. Барсова) № 675 (далее — Барс. 675), ГПБ, Q.IV, 46, — это поздняя обработка «Сказания», с многочисленными искажениями текста.

Софония Резанца», известный по близкому списку Тверской летописи ГПБ собр. М. П. Погодина № 1414: «Лето 6888. Се писание Софония Резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Володимеру Андреевичю. Ведомо ли вам, росским государем, же царь Мамай пришел из-за Волга наступил и на реце на Воронежи всем своим улусом и не велел хлеба пахати. А ведомо мое таково, что хошет ити на Русь. И вы, государи, послали его пообыскати, так ли то он тут стоит, где его мне поведали»; 4) ЦГАДА, ф. 10 (Кабинет Екатерины), № 366, ч. 7, лл. 145—148. Отрывок из «Сказания» — «Повесть о новгородцах» (издан П. Пекарским в приложении к «Слову о полку Игореве по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II». — Приложение к V тому «Записок ИАН», № 2, СПб., 1864, стр. 39—42). Список ГИМ, собр. Щукина № 178 (дефектный) относится не к Распространенной, а к Основной редакции.

¹⁰ См.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 472.

¹¹ См.: там же, стр. 471.

Две другие группы списков этого вида редакции отличаются наличием большого числа связей с текстами «Задонщины» и «Слова о полку Игореве», собственно авторский текст почти совпадает в них с текстом первой группы.

Во вторую группу должны быть выделены списки ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова) №№ 230 и 337 (далее — Тихонр. 230 и Тихонр. 337) и ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Министерства иностранных дел) № 71 (ранее входил в собрание Оболенского, далее — Оболен. 71), сохранившие наряду с позднейшими наслоениями ряд черт первоначального текста протографа редакции, в том числе и следы «Слова о полку Игореве».

В качестве особой, третьей, группы могут рассматриваться списки ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Министерства иностранных дел) № 70/93 (список дефектный, нет конца, далее — Архив. 70/93), его копия, сделанная в 80-х годах XVIII в., — ГПБ, Эрмитажное собр. № 526 (далее — Эрм. 526) и полный список этой группы ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова) № 238 (далее — Тихонр. 238). Здесь основной текст «Сказания» почти такой же, как и в первых двух группах, но заимствований из «Задонщины» гораздо больше, некоторые из них близки заимствованиям в Печатном варианте, а некоторые характерны лишь для этой группы списков.

Во главе списков II вида редакции, связанного с Забелинским вариантом, следует поставить ГБЛ, ф. 29 (собр. Беляева) № 1516 (имел ранее шифр: Музейное собр. № 1516, далее — Беляев, 1516) как список, лучше других сохранивший все особенности вида. Сюда относятся списки ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова) № 211 (далее — Тихонр. 211), ГИМ, собр. Щукина № 610 (далее — Щукин, 610), ГИМ, Музейское собр. № 1388 (далее — Музейск. 1388), ГПБ, Q.XVII.22. Все эти пять списков имели один общий источник, настолько близки их тексты.

Несмотря на дополнительные эпизоды и некоторые другие позднейшие наслоения, этот вид сохранил ряд особенностей, присущих, по-видимому, протографу редакции.

Так называемая «переделка» Распространенной редакции, вводящая новые сюжеты и эпизоды (сон советника царьградского царя и др.),¹² представлена двумя близкими списками ГПБ, Q.XVII.209 и ГИМ, Музейское собр. № 2323 (далее — Музейск. 2323) и восходит именно ко II виду текста Распространенной редакции.

Сознавая гипотетичность отдельных частей предлагаемого соотношения текстов Распространенной редакции, основанного на результатах лишь частичного, а не полного текстологического исследования списков Распространенной редакции, считаю возможным предложить эту классификацию списков вниманию исследователей «Сказания», так как она может оказаться полезной в изучении сложной истории текста «Сказания о Мамаевом побоище» и его отношений с «Задонщиной».

Рассмотрим тексты Распространенной редакции, связанные с «Задонщиной», располагая их для удобства изложения в той же последовательности, в какой они встречаются в текстах «Сказания» и исследуются выше в статье Л. А. Дмитриева.

* * *

Обращение великого князя Дмитрия Ивановича к своим боярам — «Братиа, князи рускыа, гнездо есми великого князя Володимера Киевского...» (Погод. 1414)¹³ — в Распространенной редакции почти совпадает

¹² См.: Шамбинаго, стр. 347—348.

¹³ Повести о Куликовской битве, стр. 124.

с текстом других редакций «Сказания», и чтения всех списков свидетельствуют о близости этой фразы к изводу Ундольского.¹⁴ Только списки третьей группы I вида Архив. 70/93 и его копия Эрм. 526 содержат в этом тексте позднейшие смысловые искажения (ср.: Эрм. 526, л. 11 об.: «Братия, князи руские, гнездь есть и семя великаго князя Владимира Святославича Киевскаго»).¹⁵ Однако в большей близости к Распространенной редакции находятся Летописная редакция и Печатный вариант, несколько отличающиеся от Основной редакции текстами и самой речи Дмитрия Ивановича и ответа его бояр.¹⁶

Сравнение русских князей с «гнездом» Владимира Киевского, почерпнутое из «Задонщины», причем из такого вида ее, где упоминался Владимир Киевский, а не Иван Данилович, как в К-Б,¹⁷ было не позднейшим «украшением» «Сказания», а входило в авторский текст, так как с понятием «гнезда» связан целый комплекс особых представлений автора «Сказания».

Выражая идею преемственности власти московских государей от киевского великокняжеского стола, это сравнение в «Сказании» имеет, кроме того, и религиозный, вероисповедный оттенок: напоминает, что князь Владимир Киевский ввел христианство на Руси («ему же господь откры православную веру познати, яко же Плакиде Стратилату»).¹⁸

В соответствии с этим смыслом шло и дальнейшее расширение круга адресатов в обращении Дмитрия: они не только «братиа, князи рускыа», потомки одного отца и деда, но в некоторых списках редакции и «воеводы местныа» (Тихонр. 337), и даже «вся служивыа люди» (Q.XVII.70), они — гнездо единоверцев, гнездо христиан в противовес противникам «агарянам».

Несомненно, что именно с таким пониманием «гнезда» связаны и частые обращения «Сказания» к «сродникам» русских князей — Борису и Глебу. Но именно такой аспект понимания «гнезда» как родства по духу, по христианской вере, так широко развернутый в «Сказании», близок и «Задонщине», где также вспоминаются «сродники» Борис и Глеб, творящие молитву за великого князя.

Следует отметить, что к «Задонщине» восходит не только обращение великого князя к боярам, но также и ответ бояр ему: «...готови есми с тобою умрети и головы свои положиты за святую веру и за твою великую обиду». ¹⁹ Ответ представляет собой переработку части диалога Ольгердовичей, следующего в тексте «Задонщины» сразу же за обращением великого князя: «...не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича» — так в У, сходно в С, более сокращенно в И-1 («не пощадим живота своего

¹⁴ См.: Дмитриев, стр. 392—393.

¹⁵ Выписки из текста этих списков всегда даются по Эрм. 526, хотя он и является копией старшего списка — Архив. 70/93. Эрм. 526 как список ленинградского собрания был более удобен для пользования, а текст его дословно воспроизводит «Сказание» в Архив. 70/93.

¹⁶ Ср.: Повести о Куликовской битве, стр. 50, 85, 124; И. Снегирев. Поведание, стр. 15.

¹⁷ См.: Дмитриев, стр. 392—393.

¹⁸ Повести о Куликовской битве, стр. 124. Источником для подобного сопоставления князя Владимира Святославича и Евстафия Плакиды, можно думать, послужило Несторово «Чтение о Борисе и Глебе»: «Бысть бо, рече, князь въ тыи годы, володый всею землею Рускою, именемъ Владимиръ. Бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ ... Елинь же въроу. Сему бог спону нѣкаку створи быти ему христьяну, яко же древле Плакидѣ» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович, Пгр., 1916, стр. 4). В других произведениях цикла о Борисе и Глебе этой параллели нет.

¹⁹ Повести о Куликовской битве, стр. 124.

за крестьяны и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича»). В К-Б эта фраза отсутствует.

Таким образом, эта часть «Сказания», являющаяся, безусловно, авторским текстом, так как она встречается во всех редакциях «Сказания», включая Киприановскую, и во всех его списках, также связана с полным видом «Задонщины».

* * *

Выписка из «Задонщины» о сборе рати в Москве в тексте Распространенной редакции представлена различными вариантами.

В списке Погод. 1414 она приближается к варианту О Основной редакции: «Уж бо, братиа, стук стучит и гром гримит во славном граде Москве. Стучит сильная рать великого князя Ивана Дмитриевича московскаго, гримят руские сынове злачеными доспехи».²⁰ Однако в отличие от списка О здесь сохраняется словоупотребление «Задонщины»: как и в «Задонщине», рать «стучит», а не «идет». К имени великого князя добавлено уточнение «московскаго», что вполне уместно для текста новгородской обработки, а само имя великого князя (только в Погод. 1414) ошибочно названо (однако в полном соответствии с К-Б) «Иван Дмитриевич».

Чтения большинства списков этой, а также и второй группы полностью совпадают или приближаются к Погод. 1414 (Музейск. 288-б, Попов. 2527 и др.). Два списка — Титов. 1121 и Q.XVII.70 — этой вставки из «Задонщины» не имеют. В первой же группе есть списки, где вставка сохранила отрицательное сравнение («не стук стучит» — Q.IV.354).

В списках II вида Распространенной редакции, тяготеющего к Забелинскому варианту, конец вставки иной, напоминает о чтении Летописной редакции: «...а гремят удалцы, сынове русти, злачеными шоломы и доспехи» (Беляев. 1516, л. 301—301 об., также в Щукин. 610, Тихонр. 211, Музейск. 1388, Q.XVII.22).

Поздние списки I вида (Синод. 964, Барс. 675, Q.IV.46) и так называемая «переделка» Распространенной редакции (Музейск. 2323, Q.XVII.209) содержат текст, основательно измененный в конце: «...сильная рать великаго князя залочеными доспехи звенит» (Q.XVII.209, л. 170), или даже: «Шумит бо рать Дмитрия Ивановича всеа России злочестивыми доспехи» (Синод. 964, л. 269).

Текст, близкий к вставке Печатного варианта, имеется в списках группы Архив. 70/93: «Уже бо братень стук стучит и гром гремит, стучит силная рать великаго князя Дмитрея Ивановича в славном граде Москве, москочют (*так!*) и гремят удалцы златыми доспехи и червлеными щиты» (Эрм. 526, л. 12 об.).

Этот текст связан с К-Б эпитетом «славная» применительно к Москве, общим почти для всех видов «Сказания». Совершенно очевидно, что «братень» (в Тихонр. 238 дальнейшее искажение — «ратень») — не что иное, как искажение «брате не», остаток отрицательного сравнения в народно-поэтическом стиле, свойственного только К-Б и С. Как и в К-Б, здесь выпущен эпитет «руская», имеющийся в И-1, У и С.

Вставка эта в группе Архив. 70/93 довольно полно передает текст «Задонщины»: только здесь, как и в Печатном варианте, сохранилось упоминание о «червленых щитах» русских воинов, причем само сочетание этих видов вооружения — «златых доспехов» и «червленых щитов» — встречается только в И-1 и У.

²⁰ Там же, стр. 125. Ср.: Дмитриев, стр. 393.

Таким образом, особенности этого отрывка позволяют думать, что протограф группы Архив. 70/93 располагал текстом «Задонщины», обладавшим чертами и Синодального извода, и извода Ундольского.

Отметим, что во всех списках «Задонщины» Ольгердовичи слышат, что «стук стучит» в Москве, а шум от сборов рати, упоминаемый в их диалоге далее, не локализован, хотя Москва как место сбора и подразумевается. Именно так использован текст в первой группе I вида Распространенной редакции и в списках II вида и его переделках (так же и в Летописной и в Основной редакциях). В группе же Архив. 70/93, наоборот, не локализованы «стук и гром», а указано, что сбор рати происходит в Москве.²¹ Видимо, эта перестановка слов и повлекла за собой порчу текста — образование непонятого слова «москочют» (не восходит ли оно к слиянию слов на стыке фраз: «к ... Москве, стучат ... удалцы»?).

Эта перестановка и порча текста означают, что вставка Архив. 70/93, несмотря на ее большую близость к «Задонщине», имеет свою историю, она более раннего происхождения, чем список Архив. 70/93.

Наличие отрицательного сравнения в списках разных групп Распространенной редакции, в Печатном варианте и списке варианта О — Увар. 802 позволяет предположить его существование в общем протографе этих видов «Сказания». При дальнейшем развитии текстов оно могло выпасть под влиянием второй, похожей вставки из «Задонщины» в «Сказание», помещенной при описании перевоза войска Владимира Андреевича через Москву-реку, где отрицания при выражении «стук стучит» не было.

Обращает на себя внимание соотношение этого заимствования, почти цитаты из «Задонщины», с текстом «Сказания». Цитата как бы сопровождается авторский текст о сборе рати на Москве. «И прийдоша же князи белозерстии с многими силами, яко же видети чино вельми и подобно сущи боеви добре учреждено воинство их»,²² — сообщает «Сказание», а вслед за этим идет заимствование из «Задонщины» на ту же самую тему, только готовность к бою русского войска («подобно сущи боеви») здесь выражена другими средствами («grimят руские сынове злачеными доспехи»). Можно предположить, что это вторичное сообщение о сборе рати, так сильно отличающееся от стиля основного повествования, осознавалось автором (редактором) «Сказания» как особое украшение текста.

Таким образом, здесь налицо сосуществование двух типов повествования о сборе рати — «прозаического» и «поэтического», причем можно предположить (по аналогии с другими случаями, рассмотренными ниже), что источником «прозаического» повествования здесь была также «Задонщина».

* * *

«Сказание», описывая выезд русского войска из Москвы, использовало «Задонщину» несколько раз.

Все списки Распространенной редакции (за исключением трех: Q.XVII.70, Музейн. 435, Тихонр. 230) в эпизоде выезда князя из Москвы дважды употребляют формулу, обозначающую выступление князя в поход, совпадая в этом с Печатным вариантом и Летописной редакцией:

²¹ Такая же перестановка имеется и в списке варианта О Основной редакции — ГИМ, собр. Уварова № 302 (далее — Увар. 802).

²² Повести о Куликовской битве, стр. 125. Близкий к этому текст читается и в других редакциях и вариантах «Сказания».

«Князь же великий ступи в свое золотое стрымя и сяде на бранский свой конь» (Погод. 1414).²³ Варианты О и У Основной редакции, а также Забелинский и Киприановская редакция содержат лишь вторую формулу — «взыде на избранный конь» (У, О) или «всед на конь» (Киприановская редакция). Следовательно, необходимо признать безусловную принадлежность авторскому тексту формулы «всести на конь» (в ее вариантах), как имеющуюся во всех редакциях и вариантах «Сказания».

Первая формула «ступи в свое золотое стрымя» (или в Летописной редакции — «въступив в золотое свое стремя», в Печатном варианте — «вступи во златокованное стремя») соответствует «Задонщине» во всех сохранившихся списках. Отметим, что отсутствие этой формулы в варианте У и Киприановской редакции дополняется отсутствием в них и других заимствований из «Задонщины»: Киприановская редакция представляет собой особую переработку «Сказания», сократившую вставки из «Задонщины», в варианте У отсутствуют отдельные заимствования из «Задонщины», в частности в тексте этого же эпизода выезда князя нет сравнения русского войска с вылетающими соколами. Таким образом, следует думать, что первая формула «ступи ... в стремя» восходит в этом тексте «Сказания» к «Задонщине», и это заимствование лучше сохранилось в Печатном варианте, в Летописной и Распространенной редакциях.

В эпизодах выезда рати из Москвы в «Сказании» обращает на себя внимание не только этот факт удвоения формулы выезда князя, но повторение и других элементов описания, в частности благоприятного предзнаменования — ясного света солнца: «Солнце ему на востоце ясно сияюще и путь ему поведает... Спреди же ему солнце удобь греет, а по нем ветрец кроткий веет» (Погод. 1414).²⁴ Первое упоминание о солнце соответствует, как известно, фразе «Задонщины», а второе — принадлежит авторскому тексту «Сказания» и имеется во всех видах «Сказания», хотя и очень напоминает «Задонщину».

В связи с этим уместо предположить, что и в этом эпизоде «Сказания» имело место двойное обращение к «Задонщине»: в собственно авторском тексте «Задонщина» использовалась как источник по истории Куликовской битвы и переделывалась в стиле «Сказания», и, кроме того, цитаты из нее, отдельные выражения «украшали» текст «Сказания», использовались как своеобразный словесный орнамент, но они в то же время вносили известную художественную дисгармонию в повествование. Текст этого эпизода подвергла строгой стилистической правке Киприановская редакция, последовательно исключая из своего текста «Задонщину» и имеющая, кроме того, и собственные сокращения авторского повествования (отрывок начинается здесь прямо фразой «изыде из церкви», так как плач жен и прощание великого князя отсутствуют). Вариант У просто сократил вставку из «Задонщины», но в тексте все-таки остались ее следы — это фраза «а солнце ему на вьстоци ясно сияет, путь ему поведает» (возможно, эта фраза в представлении редактора более соответствовала стилю «Сказания») и известие об особом выезде белозерских князей.²⁵

Таким образом, возникновение двойной формулы для сообщения о выезде князя («ступи ... в стремя» и «всед на конь») можно объяснить двойственным характером обращения «Сказания» к «Задонщине». Это

²³ Там же, стр. 129.

²⁴ Там же, стр. 129.

²⁵ Ср.: Дмитриев, стр. 396—398.

обращение к «Задонщине» и как к источнику и как к арсеналу особых поэтических формул можно проследить и в других эпизодах «Сказания». Произшло это дополнение «Сказания» текстами из «Задонщины», безусловно, на очень раннем этапе жизни памятника, еще до того, как разошлись все его редакции.

В каком соотношении это описание выезда великого князя находится с разными списками «Задонщины»? Известно, что группа более полных списков «Задонщины» содержит лишь первую формулу выезда, соответствующую «Сказанию» («воступив ... во ... стремя» — У, сходно И-1, С), а в К-Б также есть удвоение: «Тогда же князь великий Дмитрие Иванович ступи во свое золотое стремя, всед на свои борзый конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица ясно светить, путь ему поведаеть».

Несмотря на явное совпадение текстов некоторых видов «Сказания» с К-Б, нельзя видеть именно в К-Б источник такого удвоения формулы, так как выше показано, что эта двойная формула в «Сказании» не случайна и единична, удвоение могло быть вызвано двойственным характером обращения к «Задонщине».

Не решая вопроса о первичности чтения в «Задонщине», укажем, однако, что сходство К-Б с некоторыми видами «Сказания» может быть объяснено особыми условиями создания К-Б рукой не механически копирующего переписчика, а опытного литератора, стремящегося исторически осмыслить текст «Задонщины» и иногда разъяснить. Напомним, что текст К-Б в этом месте вообще особый: князь берет не «меч», а «копие», солнце не ясно «сияет», а «светит», и сам выезд князя приурочен к 8 сентября, т. е. подразумевается не выезд князя из Москвы, а выезд его на поле боя. Похожее описание княжеского выезда на поле боя 8 сентября знает и «Сказание»: «И вседе на избранный свой конь и взял копие свое и палицу железную и подвижеса ис полку» (вариант О).²⁶ То есть в свою очередь не исключена возможность влияния и «Сказания» на это описание в К-Б.

Следующее заимствование из «Задонщины» в этом эпизоде «Сказания» — сравнение выезда русского воинства из Москвы с летящей стаей соколов. Есть оно и в Распространенной редакции, причем в некоторых видах редакции текст заимствования близок к тексту Летописной редакции и Печатного варианта; здесь так же, как и в «Задонщине», с вылетающими соколами сравниваются князья-белозерцы: «Уже бо тогда акы съколи от золотых колодиц рвахся, ис каменнаго града Москви виихали князи белозерстии особно своим полком. Урядно бо их видети» (Погод. 1414).²⁷

Сообщение о выезде из Москвы «особно своим полком» князей-белозерцев (даже и без сравнения их с соколами) имеется не во всех видах «Сказания», его нет в Киприановской редакции. Однако как бы ни рассматривать эту фразу о князьях-белозерцах — считать ли, что она принадлежит авторскому тексту и опущена только в Киприановской редакции по идеологическим мотивам (первый план повествования в этой редакции занимает выезд великого князя), или считать ее позднейшим добавлением, внесенным в текст «Сказания» вместе с цитатой из «Задонщины», — факт внимания «Сказания» к выезду белозерских князей несомненен для всех редакций, в том числе и для Киприановской. При сообщении о выезде войска из Москвы, наряду с полками великого князя и Владимира Андреевича

²⁶ Повести о Куликовской битве, стр. 67.

²⁷ Там же, стр. 129.

Серпуховского, героев Куликовской битвы, постоянно упоминается полк белозерских князей, идущих особой дорогой (в Киприановской редакции: «...а Белозерския князи Болвановскою дорогою съ воинствы их»)²⁸.

Таким образом, и здесь в «Сказании», уже в его авторском тексте, наблюдается совпадение с «Задонщиной». Это совпадение, конечно, могло быть вызвано и другими причинами — наличием еще каких-то источников об особом выезде белозерского полка, известных в равной мере и автору «Задонщины», и автору «Сказания», но наличие двух других совпадающих с «Задонщиной» пунктов в этом эпизоде (сообщение о выезде великого князя и о ясно сияющем солнце) позволяет думать, что и здесь источником для автора «Сказания» был текст «Задонщины», а цитата из «Задонщины» о соколах — результат дополнительного обращения к ней.

Какие типы этого заимствования из «Задонщины» имеются в Распространенной редакции? Первая группа I вида редакции, во главе которой стоят списки «Сказания» из Тверского сборника (Погод. 1414 и Музейск. 288-б), содержит текст, почти полностью совпадающий, как уже упоминалось, с текстом Летописной редакции и Печатного варианта. К чтению этой группы списков примыкает и список Титов. 1121. Несколько списков этой группы — Попов. 2527, Q.XVII.70 (списки, вообще характеризующиеся особыми сокращениями) и список второй группы Тихонр. 230 целиком опускают эту цитату. Следует напомнить, что Q.XVII.70 и Тихонр. 230 — это те самые списки, которые не имели и фразы о том, что великий князь «ступи ... в стремя». Таким образом, в этом эпизоде оба списка приближаются к варианту У Основной редакции. Попов. 2527 представляет собой сокращение списка типа Погод. 1414, так как в тексте Попов. 2527 сохранилось несколько слов, представляющих собой пересказ этой цитаты из «Задонщины»: «...все князи и воеводы на свои кони седоша и поидоша ис каменна града Москвы» (л. 178 об.). Музейн. 435 (в нем также отсутствует фраза о «золотом стремени») в этом месте близок к тексту Погод. 1414, но имеет и свои особенности: с соколами, как и в варианте О, сравнивается все русское войско, а белозерские князья сравниваются с «белыми кречетами», что напоминает о Синодальном списке «Задонщины».

Особые тексты этого заимствования из «Задонщины» имеются в двух других списках редакции.

Беляев. 1516 и примыкающие к нему списки дают позднюю переделку текста, основанную, однако, на таком типе заимствования, где сравнение с соколами относилось ко всему русскому войску, как и в варианте О: «Князь же великий возступи во золотое стремя и вседе на свой избранный конь и поиде с каменны Москвы. Тако же и брат его Владимир Андреевич, и вси князи, и боляре, и воеводы вседше на своя бранныя кони, поехаша за ним. Солнце же на востоце противу им ясно сияет, путь поведает им, а по них тонкий ветрец веет. Сынове рустии поехаша тогда з государем своим со князем Димитрием Ивановичем, аки ясныя соколы и белыя кречеты летят, изрядно едут, и хотяше ударитися на журавлиные стада. Князь же великий Димитрий Иванович отпусти брата своего князя Владимира на Брашеву дорогу, а силы с ним десять тысящ, а белозерския князи своим полком особь поехаша в Болвановскую дорогу, а силы с ними двадцать пять тысящ. Изрядно бо видети войско их, аки стада белых лебедей велми храбро едут, достоит им враги своа побивати» (л. 312 об.).

²⁸ ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 54.

Позднейшее переосмысление сказалось на сравнении белозерских князей с лебедями. Описанию выезда князя в этой группе сопутствует расчет едущей с ним силы, соответствующий Забелинскому варианту.

Группа Архив. 70/93 — единственная из всех групп Распространенной редакции, где содержится текст заимствования, подобный вставке варианта О: «Князь же великий Дмитрий Иванович вступи в стремя золотое свое и всед на конь на избранной конь свой, и вси князи и воеводы на свои кони седоша. Солнце ему на востоце ясно сияет, путь ему поведает. Уже бо, брате, тогда аки соколы от златых головиц (так!) рвахуся ис каменна града Москвы и возлетеша под синие небеса, и возгремеша златыми колоколцы над быстрым Доном. А князи белозерстии особь полком выехаша, изрядно бо бе видети войско их, яко избавити им стадо лебединое» (Эрм. 526, л. 16).

Первая часть заимствования и обращение «брате» в его тексте напоминают о варианте О, но сама вставка короче, в конце ее, как и в Синодальном списке «Задонщины», отсутствует подробное сопоставление соколов и русских «удальцов». Однако отсутствие этого сопоставления не затушевывает связей вставки с Синодальным списком: следы Синодального списка сохраняет выражение «избавити им стадо лебединое», совпадающее, кстати, с Печатным вариантом; дополнительное чтение «над быстрым Доном» опять имеет большое сходство с С. В отличие от вставки варианта О текст заимствования в группе Архив. 70/93 содержит и наиболее близкую к К-Б форму слова: «колоколцы», а не «колоколы».

Но сходством с Синодальным изводом не исчерпываются особенности этой вставки; в основе ее лежал текст, близкий к изводу Ундольского. Такие выражения и обороты, как «от златых головиц рвахуся», «ис каменна града Москвы», «возлетеша», «возгремеша», — все они свойственны только спискам И-1 и У.

Таким образом, следует признать вывод Л. А. Дмитриева, проанализировавшего сходную вставку варианта О,²⁹ что в этом тексте отразился список «Задонщины», более близкий к протографу, чем все дошедшие до нас.

* * *

Как и другие редакции «Сказания», Распространенная редакция содержит заимствование из вступительной части «Задонщины» по списку Ундольского и Ждановскому отрывку — почти дословное повторение в молитве-плаче великой княгини Евдокии двух фраз: «И от тоа бо Калския рати до Мамаева побоища лет 100 и 60. И оттоля Рускаа земля унила» (Погод. 1414, л. 186). Тексты Распространенной редакции дают в ряде случаев чтения, более близкие «Задонщине», чем другие редакции и варианты (так, например, «оттоля» — точное повторение У).

В большинстве списков Распространенной редакции (почти во всех списках первой группы) чтения этого текста совпадают с Погод. 1414 и очень близки к Печатному варианту: здесь, как и в Летописной редакции, сохраняется указание на число лет после Калкской битвы, в отличие от остальных вариантов Основной редакции, где это чтение утеряно.

Ряд списков (II вид редакции, отчасти связанный с ним список первой группы I вида Титов. 1121, а также группа Архив. 70/93), кроме числа лет, называет еще и другую цифру — количество погибших на Калке (400 000).

²⁹ См.: Дмитриев, стр. 398.

Это чтение связывает Распространенную редакцию с вариантом У, где упоминается 400 000 убитых, и с Киприановской редакцией: в ней эта цифра относится к размерам русского воинства, участвовавшего в Куликовской битве («а было всехъ вѣще четырехсотъ тысящъ»)³⁰.

Плач Евдокии связан со вступительной частью «Задонщины» не только этими двумя цитатами из нее. В тексте плача, чуть выше этих цитат, уже упоминалось о том, что «за мало лет брань була на Калках христианом с елены». И в этом случае цитаты из «Задонщины» лишь повторяют то, что уже было выражено в «Сказании» «своими» словами, в свойственной для «Сказания» стилистической манере. Возможно, что и упоминание княгиней в плаче своих детей, «отраслей малых», появилось в «Сказании» в связи с текстом «Задонщины» о горе Русской земли, которая «сидит невесела», «плачущися, чады своя поминаюты». Обратим также внимание на сходство с плачем Евдокии и моления великого князя Дмитрия Ивановича в самом начале «Сказания», которое он произносит, узнав от вестников о нашествии Мамаю: «... простир уныния моа ... не сътвори, господи, нам, яко же отцем нашим, яко же наведе на град нашъ злого Батыа»³¹ (ср. уже упоминавшееся моление Евдокии: «... не сътвори, господи, яко же за мало лет брань була на Калках христианом с елены»).

Несмотря на такое сходство рассуждений великого князя и княгини, цитата из «Задонщины» была вложена в уста великой княгини, так как, видимо, этот текст вступления к «Задонщине» ассоциировался у автора (или редактора) «Сказания» именно с женским плачем по Русской земле и «чадам». Эта близость молитвы-плача Евдокии со вступительной частью «Задонщины» указывает, что и, кроме цитат из «Задонщины», в тексте «Сказания» содержалась уже переработка нескольких мотивов из ее вступительной части.

* * *

В описании похода русского войска к Коломне Распространенная редакция повторяет заимствования из «Задонщины» предшествующих редакций, они подробно рассмотрены в статье Л. А. Дмитриева.³² Специфику текстов Распространенной (как, кстати, и Летописной) редакции составляет фраза, дополняющая описание: «Възвевашу ветру велику, а в нем громове не малы».³³ Так в Погод. 1414, сходно и в других списках I вида. II вид Распространенной редакции содержит текст несколько иной, еще более связанный с Летописной редакцией: «И възвевашу ветру со восток, и в нем гром бысть и молния, но ни то гром, но ни то ветр, но стук стучит и гром гремит по ранней заре и князь Владимир Андреевич Москву-реку перевозится» (Беляев. 1516, л. 317).

Этот текст восходит к следующему месту «Задонщины»: «Уже бо всташа силнии ветри с моря ... пашють синие молньи. Быти стуку и грому велику» (К-Б); «Уже, брате, възвеша сильнии ветри по морю ... трепещуть сильнии молнии. Быти стуку велику...» (И-1, сходно У, С). Очевидна связь этой вставки с таким видом «Задонщины», который имел чтения и К-Б и остальных списков. О гrome упоминается только в К-Б,

³⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 65.

³¹ Повести о Куликовской битве, стр. 117.

³² Дмитриев, стр. 403—404. Не могу согласиться с мнением Л. А. Дмитриева о воспроизведении в этом отрывке текста «Задонщины» по памяти, так как сам факт использования не цитат, а лишь деталей поэтического описания не исключает возможности пользования письменным источником.

³³ Повести о Куликовской битве, стр. 130.

однако картина грозы, изображенная в этом тексте, не исключает возможности того, что в других списках это слово утрачено уже на позднем этапе, а в общем протографе оно присутствовало. Слово «возвеша» имеется только в И-1, С (в У «возвяхли»), в К-Б «всташа». По-видимому, источник этого текста объединял чтения, сохранившиеся теперь в разных списках. Первоначальный вид выписки из «Задонщины» ближе передан Беляев. 1516 (в Погод. 1414 заметны следы пересказа), где текст почти совпадает с Летописной редакцией и этой и предшествующими фразами, и частично с Печатным вариантом; все три вида «Сказания» объединяет первая фраза отрывка, общая для всех: «Тогда же възвестиша ветри по Берновыце шыроце, но въздвигошася велици князи, а по них рустие князи и бояре»³⁴ (в Летописной редакции и Печатном варианте ветры «возвеша»). В Основной редакции сохранилась измененной лишь часть первой фразы: «И подвигошася князь великий Дмитрий Иванович по велицей шыроце дорозе, а по нем грядуть русские сынове».³⁵ Таким образом, можно думать, что текст Летописной и Распространенной редакций (и Печатного варианта) в этом месте лучше передает протограф «Сказания», т. е. текст, существовавший до разделения редакций, а не имеет одинаковые поздние заимствования.

В этом отрывке снова привлекает внимание повторяемость описания: переделанный, но близкий «Задонщине» текст накладывается на уже имеющееся выше сравнение выступления русских князей с ветром. Текст был не очень понятен читателям, портился (ср. в Погод. 1414: «възвестиша» вместо «возвеша», «громове не малы» вместо «гром и молния»), по-видимому, это и было причиной его исчезновения в Основной редакции, где осталось лишь привычное и повторяющееся выражение «стук стучит».

* * *

Следующие эпизоды «Сказания» — смотр войск в Коломне, предзнаменования природы перед Куликовской битвой, смотр войска на Дону, приметы Дмитрия Волынца, описание утра перед боем и сам бой — являются своеобразными переделками текста «Задонщины». «Задонщина» была использована как источник для повествования, на основе ее сообщений создавались эпизоды и картины «Сказания». Во всех редакциях текст этих эпизодов почти одинаков. Слои переделок «Задонщины» в целом проанализирован Л. А. Дмитриевым с указанием на особенности и Распространенной редакции.³⁶ Поэтому остановимся лишь на некоторых вопросах отношения этих текстов Распространенной редакции к «Задонщине».

Особый интерес представляет одна из переделок «Задонщины» в составе «Сказания» — рассказ о приметах Дмитрия Волынца. Рассмотрим его текст, стараясь дополнить наблюдения Л. А. Дмитриева.

«Сказание о приметах Дмитрия Волынца» почти целиком создано автором «Сказания о Мамаевом побоище» на основе текста зловещих предзнаменований «Задонщины». Эти предзнаменования кровопролитного боя, сопровождаемые риторическими обращениями («брате»), расположенные в тексте «Задонщины» сразу же после разговора братьев Ольгердовичей, были, по-видимому, восприняты создателем «Сказания» не как текст «от автора», а как предсказания самих Ольгердовичей. Возможно, именно поэтому и сами Ольгердовичи участвуют в испытании примет (это харак-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 56.

³⁶ См.: Дмитриев, стр. 407—417.

терная особенность Летописной редакции³⁷ и некоторых вариантов Распространенной).

Сопоставление «Сказания» с «Задонщиной» показывает, что в основе этого эпизода в «Сказании» лежал такой текст «Задонщины», который обладал чертами и К-Б и полных списков памятника.

Несомненно наличие в этом списке «Задонщины» чтения, сохраненного только К-Б: «... чають победу на поганых» (ср. окончание речи Дмитрия Волынца, почти одинаковое во всех видах «Сказания»: «... чаю победы на поганых»)³⁸.

Наряду с этим сцена испытания примет Дмитрием Волынцем и великим князем содержит такие детали описания, которые известны нам лишь по спискам «Задонщины» так называемой «пространной» группы. Одно из тревожных предзнаменований в этих списках, предвещающее кровопролитное сражение, — скрип татарских телег, слышимый издали: «Уже бо скрипели телеги между Доном и Непром» (как в У, сходно в И-1, С).

В «Сказании» это описание шума вражеского лагеря используется среди других примет, созданных на основе картин «Задонщины» — надвигающейся грозы, воя волков, птичьего гама и т. д. Наиболее полный текст переделки читается в Основной редакции: «... слышит стук велик и кличь и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремить».³⁹ Списки Распространенной редакции сохранили чтения, еще более близкие «Задонщине». II вид списков Распространенной редакции (Беляев. 1516 и др.) содержит такой текст: «... аки торги снимаются и яко в ограде голдяше и телези яко трубы гласят» (Беляев. 1516, л. 365), в списке первой группы I вида ГПБ, Q.IV.354: «... яко град и телеги ревуще».

Все рассмотренные выше вставки из «Задонщины» и переделки ее текста относятся к числу «стабильных», постоянно встречающихся в различных редакциях и вариантах «Сказания о Мамаевом побоище». Но Распространенная редакция сохранила и особый слой заимствований из «Задонщины», имеющийся далеко не во всех видах «Сказания».

* * *

В эпизоде коломенского смотра наряду с переработанными отрывками из текста «Задонщины» в группе Архив. 70/93 Распространенной редакции сохранилась небольшая вставка — цитата из речи великого князя: «Князь же великий Дмитрей Иванович рече брату своему князю Володимеру Андреевичу и всем русским князем: „Сколко, брате, вой с нами?“. И рече князь Владимир Андреевич: „Сказывают, господине, с нами 400 000 кованья рати“» (Эрм. 526, л. 21). Текст ближе всего к «Задонщине» в списке У: «... а вою с нами триста тысящ окованные рати» (ср. И-1: «А воюют с нами 300 000 кованой рати», С: «У боя нас людеи 300 тисещ кованья раты»).

Эта вставка из «Задонщины» не является специфической, присущей только группе Архив. 70/93, она встречается и в списках первой группы (Титов. 1121), и в списках II вида Распространенной редакции: здесь

³⁷ См.: Шамбинаго, стр. 210.

³⁸ Повести о Куликовской битве, стр. 98, 190; ср. стр. 65, 144.

³⁹ Там же, стр. 64.

повторяется та же цифра — 400 000, что и в редакции Основной (вариант У).⁴⁰

II вид Распространенной редакции помещает не только цифру счета, но, как и Забелинский вариант Основной редакции, включает подробную сцену счета своих войск воеводами Дмитрия Донского: «И как будет великий князь на другой стране Оки-реки, и вси князи, и воеводы, и вся русская земля, и сила воинская с ним, и повеле князь великий всем воеводам розчести силу его имянем, кождо и под которым воеводою колико есть. Разочтоша русскую землю всю, опричь новгородские силы — 50 000. Говорит бо баше тогда первый воевода, князь Феодор Симеонович: „Подо мною, государь, силы есть 25 000“. Второй воевода князь Глеб Брянский: „Подо мною силы 25 000...“» и т. д. Кончается счет опять общей цифрой: «А все силы с великим князем Димитрием Ивановичем 400 000 окованные рати в доспесех» (Беляев. 1516, лл. 332 об.—333).⁴¹

Обычно этой вставке сопутствует в списках и другая близкая вставка — счет рати Ольгердовичей при встрече их на реке Севере, также имеющаяся в варианте У Основной редакции.⁴²

В Распространенной редакции эта вставка читается в тех же двух группах I вида: первой (Титов. 1121) и третьей (Архив. 70/93), и в списках II вида редакции.

Текст вставки в списках II вида наряду с поздними чертами в целом отразил текст, близкий к Синодальному списку «Задонщины»: «И рече князь Андрей брату своему князю Димитрию: „Колико есть с нами воинских удалых людей храброя Литвы?“. И рече князь Димитрий: „Воинских с нами людей удалых 70 000 окованная рати удалыя Литвы“» (Музейск. 1388, л. 87). С Синодальным списком и И-1 связана цифра — «70 000» (в У — 7000, в К-Б — нет). Как и в С, здесь используется форма «рече» (в У, И-1, К-Б — «молвяше»), почти дословно повторяется фраза: «Колико есть с нами воинских удалых людей храброя Литвы» (в С: «... колько с нами удалых панов храбрие Литвы»).

В группе Архив. 70/93 читается почти идентичный текст, лишь несколько более короткий и сглаженный; вместо обращения «брате» здесь употреблено слово «братец», что указывает на более поздний этап в жизни этой вставки.

Наличие этих вставок в обоих видах Распространенной редакции может объясняться или их наличием в протографе редакции (в этом случае следует признать, что протограф первой и второй групп списков сделал сокращение), или влиянием одного вида на другой. Однако следов влияния одной группы списков на другую обнаружить не удалось. Можно говорить лишь о влиянии текста II вида на Титов. 1121. О возможности же наличия этой вставки в протографе всей Распространенной редакции говорит тот факт, что она в очень близком тексте II вида Распространенной редакции стилистическом оформлении читается и в варианте У Основной редакции: «И рече князь Ондрей: „Брате Димитрий, колко с нами вою удалых людей и храброя Литвы?“. И рече князь Димитрий: „Вою с нами семьдесят тысящ кованой рати удалыя Литвы“».⁴³

Наличие и этих одинаковых вставок из «Задонщины» в варианте У Основной редакции и в списках редакции Распространенной еще раз подтверждает мысль об общем протографе варианта У и Распространенной редакции.

⁴⁰ См.: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, СПб., 1907, стр. 28.

⁴¹ Ср. текст Забелинского варианта: Повести о Куликовской битве, стр. 180—181.

⁴² См.: Дмитриев, стр. 420.

⁴³ С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 32.

Эти вставки из «Задонщины», принадлежащие общему протографу рассматриваемых групп «Сказания», имели разную судьбу. Текст их лучше сохранился в варианте У Основной редакции, во II виде Распространенной редакции и в третьей группе I вида (группа Архив. 70/93), причем в этой группе текст имеет уже некоторые и поздние черты (замена обращения «брате» на «братец»). В протографе первой и второй групп I вида Распространенной редакции текст вставок был сокращен, а в Титов. 1121 он вновь попал уже под непосредственным влиянием II вида Распространенной редакции.⁴⁴

Признаки сокращения этого текста в первой и второй группах списков Распространенной редакции очень трудно обнаружить, так как сокращали вставку, т. е. заимствование из другого памятника, текст, уже дополнивший основной, вклинившийся в него, и уничтожение этой вставки означало по существу возвращение к основному тексту памятника, однако следы проведенного сокращения остались.

Текст варианта У
(со вставкой из «Задонщины»)

По малех же днех съехашася оба брата с всеми силами своими к Севере, видивше ... възрадовашася, яко же иногда Иосиф с Зенямино, видевше у себе множество людей. И рече князь Ондрей: «Брате Дмитрий, колко с нами вою удалых людей и храбрых Литвы?». И рече князь Дмитрий: «Вою с нами семьдесят тысящ кованой рати, удалых Литвы, учрежены бо яко нарочиты противныя полцы».⁴⁵

Текст Погод. 1414
(без вставки)

По малех же днех снидошася желано два брата, яко же иногда Иосиф с Велиамином, лобзашася любезно. Снидошася с всеми силами. Северяне же видеша и възрадовашася. Князь же Андрей и князь Дмитрий Вольгирдовичи и видеша у себе множество людей сердечно въоружено, яко нарочитми съ противныи полцы.⁴⁶

Текст основного варианта первой группы Распространенной редакции содержит свои подробности («снидошася желано», «лобзашася любезно»), однако в то же время сокращает вставку из «Задонщины», сохраняя от нее лишь имена князей (Андрей и Дмитрий «Вольгирдовичи») и характеристику войска («сердечно въоружено» вместо «удалых людей и храбрые Литвы»).

Так, сопоставление текстов показывает, что вставка из «Задонщины» — счет войска Ольгердовичей — не является результатом многократного обращения к «Задонщине» отдельных групп редакции, а восходит к общему протографу варианта У и Распространенной редакции, текст ее близок Синодальному списку «Задонщины», хотя имеет черты и И-1.

* * *

К числу редких параллельных чтений «Сказания» и «Задонщины» относится фраза о пире у Микулы Васильевича, имеющаяся в варианте У Основной редакции, в Киприановской и Распространенной редакциях.⁴⁷

Упоминание пира у Микулы Васильевича встречается в четырех списках Распространенной редакции. В списке второй группы I вида Тихонр. 230 читается текст, идентичный тексту варианта У Основной редакции: «Князь же великий Дмитрий Ивановичъ говорит на пиру у Никулы Ва-

⁴⁴ Этот список сложился под влиянием текста II вида. См. выше, стр. 442.

⁴⁵ С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 32.

⁴⁶ Повести о Куликовской битве, стр. 138.

⁴⁷ См.: Дмитриев, стр. 418—419.

силевича з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и со всеми князми рускими и воеводы, и здумаше яко сторожу уготовати тверду в поли...» (Тихонр. 230, л. 21). Здесь лишь фонетически изменено имя: «У Никулы» вместо «Микулы», как, кстати, и в Киприановской редакции.

Несколько измененный вариант этого текста находится в трех списках третьей группы I вида (Архив. 70/93). Особенностью его является утрата слов «на пиру», что свидетельствует об удалении этой группы списков от первоначального текста: «Князь же великий Дмитрий Иванович говорит у Микулы Васильевича с братом своим и со всеми русскими князьями здумаша, яко уготовит сторожу» (Эрм. 526, л. 8 об.).

Списки II вида Распространенной редакции содержат текст, очень близкий Тихонр. 230 и варианту У Основной редакции, но вместо упоминания о пире у Микулы Васильевича здесь сообщается о приходе великого князя «в дом свой»: великий князь «со братом своим со князем Владимиром Андреевичем прииде в дом свой и совет сотворив со всеми русскими князи и бояры и с воеводами, здумаша, яко стражу уготовати тверду в поли» (Беляев. 1516, л. 295 об.).

Несомненно, что это разночтение текста II вида имеет определенный смысл. Повествование здесь становится суше и строже, былинный облик князя, на пиру у друга решающего государственные дела, заменен иным: князь принимает решение о посылке «стражи» в поле как бы «по чину» — «прииде в дом свой и совет сотворив со всеми русскими князи и бояры и с воеводами».

Нельзя сказать, чтобы II вид Распространенной редакции был последовательно «строг» в отборе эпизодов повествования о Мамаевом побоище: выше, в рассказе о получении известия великим князем о нашествии Мама, II вид помещает описание пира, созданное под влиянием Забелинского варианта Основной редакции и сохранившее некоторые былинные и песенные черты. Но пир, описанный здесь, происходит у самого великого князя, в его доме, в его «набережных теремах». Поэтому можно утверждать, что текст II вида Распространенной редакции в этом отношении придерживался единой точки зрения, и, следовательно, можно говорить о сознательной редакторской правке текста типа Тихонр. 230.

Наличие фразы о пире в двух, не влиявших друг на друга, группах I вида Распространенной редакции и следы сознательной замены ее во II виде Распространенной редакции позволяют думать, что эта фраза читалась в протографе всей Распространенной редакции и что лучше всего первоначальный текст передан списком Тихонр. 230 (список Тихонр. 230 вообще отличается тем, что при большой порче текста сохраняет некоторые утерянные другими списками чтения, например выражение о «хуле и хвале», близкое «Слову о полку Игореве», и не имеет никаких следов самостоятельного использования «Задонщины» типа У).

Не противоречит ли этому предположению тот факт, что списки всей первой группы I вида (Погод. 1414 и зависящие от него) не содержат ни самой фразы, ни ее следов? Текст в этой группе списков соответствует тексту варианта О Основной редакции и Летописной редакции: «Князь же великий Дмитрий Иванович с братом своим, с князем Володимиром Андреевичем и с всеми рускими князьями избраша думу, яко стража изготвиша тверду» (Погод. 1414);⁴⁸ вариант О: «Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим с князем Владимиром Андреевичем и с всеми русскими князи и воеводами здумаша, яко сторожу тверду уготовити

⁴⁸ Повести о Куликовской битве, стр. 120.

в поле»;⁴⁹ Летописная редакция: «Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим со князем Володимером Ондреевичем и со всеми русскими князи и воеводы начаша стражи готовити тверды».⁵⁰

По моему мнению, отсутствие в первой группе (как и в ряде списков второй группы) фразы о пире не противоречит предположению о том, что она имела в протографе всей Распространенной редакции. Группе Погод. 1414 вообще свойственны сокращения заимствований из «Задонщины», таков, например, аналогичный случай исключения счета войска Ольгердовичей из текста «Сказания».⁵¹ Возможно, и в этом случае текст «Сказания» в этой группе списков, связанных с Тверской летописью, был выправлен редактором по тексту варианта О или Летописной редакции. Неясная вставка из «Задонщины» была исключена, и текст в этой группе списков вернулся к своему первоначальному виду, использованному и в варианте О, и в Летописной редакции.

По наблюдениям Л. А. Дмитриева, несомненно существование общего источника в описании эпизода пира для варианта У и Киприановской редакции.⁵² Однако несомненно и то, что источник этот был использован по-разному. Киприановская редакция передает текст эпизода более полно, хотя и больше перерабатывает его в стилистическом отношении. В варианте У (и соответственно в текстах Распространенной редакции) эта фраза — лишь «осколок» другого художественного произведения, использованного здесь в качестве дополнительного источника сведений о событиях, связанных с Куликовской битвой.

Рассматриваемая фраза («Князь же великий ... говорит на пиру у Никулы Васильевича») ощущается как нечто чужеродное и в тексте варианта У и в Распространенной редакции: неясно, о чем «говорит» великий князь (имеющийся в «Задонщине» текст его речи здесь утерян), фраза отрывочна и содержит едва ли не единственное в «Сказании» употребление в повествовании глагола в настоящем времени.

Тот факт, что этот текст имеется лишь в одной ветви редакции «Сказания о Мамаевом побоище», свидетельствует о его особом происхождении.

Можно, конечно, предположить, что заимствование в «Сказание» произошло не из «Задонщины», а что протограф списков варианта У, Киприановской и Распространенной редакций обратился к какому-то другому памятнику, послужившему источником и для «Сказания», и для «Задонщины» в списке Ундольского.⁵³ Но, по-видимому, в данном случае можно говорить о непосредственном влиянии списка Ундольского на «Сказание», так как существуют и другие факты связи между списком Ундольского и протографом этих трех групп. Они обнаруживаются и в тексте «Сказания» с расчетом убитых.

* * *

Отрывок «Сказания» со счетом павших на Куликовом поле воевод и «молодых людей» почти дословно совпадает с «Задонщиной» по спискам У и И-1. Вопрос заключается в том, какому памятнику принадлежит этот текст — «Задонщине» или «Сказанию»?⁵⁴

⁴⁹ Там же, стр. 49.

⁵⁰ Там же, стр. 84.

⁵¹ См. выше, стр. 455.

⁵² См.: Дмитриев, стр. 418.

⁵³ См. об этом: там же, стр. 419.

⁵⁴ См. об этом: там же, стр. 424—427.

Л. А. Дмитриев убедительно показал неорганичность эпизода с расчетом убитых в тексте «Сказания». Отметим еще некоторые подобные признаки и рассмотрим данные Распространенной редакции и их связь с другими видами «Сказания».

Расчет убитых имеется не во всех текстах «Сказания». Он отсутствует в ряде списков Печатного варианта. Например, в списке Тимковского, сразу после описания похорон убитых, без расчета убитых, повествование переходит к описанию бегства Мамаю, хотя для этого списка сокращения в общем не характерны.⁵⁵

В некоторых списках варианта О счет представляет собой явную вставку, разрывающую текст повествования. В Ермолаевском списке (ГПБ F.IV.231) расчет убитых вставлен в текст известия о бегстве Мамаю в Кафу и сопровождается словами «Сие же оставим, на преднее возыдем», частой приметой использования дополнительного источника.⁵⁶ Такая же точно помета после расчета убитых имеется в списке Основной редакции Румянц. 378, где счет находится в составе «сводного» текста из «Сказания» и «Задонщины» между двумя эпизодами «Сказания» — эпизодом похорон и известием о бегстве Мамаю. Этот «сводный» текст сопровождается известной припиской писца, сообщившего о заимствовании части этих текстов из «писания Софонии».⁵⁷

В настоящее время ввиду незаконченности текстологического изучения «Сказания» нет данных по всем его спискам, но и эти примеры показывают, что эпизод с расчетом убитых не осознавался как обязательная часть «канонического» текста памятника, а воспринимался как текст дополнительный и использовался в ряду других новых сведений о Куликовской битве.

Значительную трудность для решения вопроса о связи расчета убитых с основным текстом «Сказания» представляет то обстоятельство, что не только этот эпизод не является стабильным для текстов «Сказания», но и весь конец «Сказания» в целом.

Сопоставление различных окончаний редакций и вариантов «Сказания» позволяет выделить прежде всего поздний вариант окончания, возникающий в протографе варианта У, Киприановской и Распространенной редакции: после описания похорон, краткого «сказания» о «злой» смерти Мамаю и выписки с расчетом убитых, очень близкой списку У «Задонщины», в этих редакциях идет подробный рассказ о возвращении русского воинства в Москву.⁵⁸ Такой же конец имеет Забелинский вариант, испытавший влияние варианта У, причем в некоторых случаях текст Забелинского варианта полностью повторяет вариант У, даже его неоконченную фразу об Ольгерде.

Свой, индивидуальный конец имеет Летописная редакция в ее более позднем варианте (после эпизода похорон идет текст с сокращениями и окончанием Летописной повести) и Печатный вариант (после описания похорон и краткого «сказания» о Мамае здесь находится обширная выписка из «Задонщины» о добыче русских и о славе Русской земли).⁵⁹ Вариант О после эпизода похорон, расчета убитых и речей великого князя кончается тремя краткими сказаниями — о смерти Мамаю, об Ольгерде и Олеге Рязанском (так же кончается и Лондонский список Летописной редакции).

⁵⁵ См.: И. Снегирев. Поведание, стр. 66.

⁵⁶ См.: там же, стр. 66—67.

⁵⁷ Шамбинаго, стр. 113—115.

⁵⁸ См.: там же, стр. 236, 243—253.

⁵⁹ См.: И. Снегирев. Поведание, стр. 67—68.

Итак, общим эпизодом для всех редакций является эпизод похорон, дальше шли редакционные различия, однако два вида «Сказания» — Печатный вариант и Распространенная редакция — имеют сходство: оба помещают далее описание бегства и смерти Мамаю. И это сходство очень важное. Учитывая, что Печатный вариант и Распространенная редакция в истории развития текстов «Сказания» находятся как бы на разных ее полюсах (Печатный вариант отражает более ранний текст памятника, Распространенная редакция — одна из последних редакций его), их сюжетную общность можно объяснить лишь отражением текста протографа. То есть можно думать, что и в протографе «Сказания» текст о смерти Мамаю следовал непосредственно за эпизодом похорон. Это предположение подтверждается тем, что список Основной редакции Румянц. 378, содержащий, как известно, сводный текст «Сказания» и «Задонщины», помещает расчет убитых как раз между эпизодом похорон и известием о смерти Мамаю.

Текст с расчетом убитых был присоединен к протографу «Сказания», видимо, на раннем этапе жизни памятника, так как он читается во всех вариантах «Сказания», но в каждом варианте остались следы собственной редакторской правки. В Летописной редакции вставка с расчетом была помещена до эпизода похорон; в основном списке варианта О — О.IV.22, в отличие от других списков, где обычно счет убитых идет сразу же за эпизодом похорон, текст испытал влияние Летописной повести: после перечисления погибших бояр подчеркивается, что «молодым людям счета нет», а хвала великого князя богу («помиловал еси нас, грешных»), особенно близкая тексту «Задонщины» по списку У, также содержит реминисценции Летописной повести («не предал еси нас в руде врагом нашим, поганым сыядцем»⁶⁰ и т. д.).

Сопоставление текста расчета убитых в варианте У, Распространенной и Киприановской редакциях с другими вызывает вопрос: не было ли в протографе этих видов «Сказания» осуществлено особое обращение к тексту «Задонщины» типа списка Ундольского, заменившее собой первоначальный текст протографа, общий с Основной и Летописной редакциями? Дело в том, что в варианте У и Распространенной редакции использован не только расчет убитых бояр, но почти полностью весь конец «Задонщины», все его эпизоды, причем в такой же самой последовательности: стояние великого князя «на костех», вид поля боя («Грозно бо, брате»), счет убитых, «вечная память» погибшим, которую произносит великий князь, его обращение к Владимиру Андреевичу. Такая выписка из «Задонщины» типа списка Ундольского полностью дошла в списках Тверского сборника Погод. 1414 и Музейск. 288-б.⁶¹

Вторичный характер этого текста в составе «Сказания» (и в варианте У, и в Распространенной редакции) подтверждается несогласованностью его содержания с содержанием безусловно авторского повествования. В авторском тексте читаем сообщение о том, что великий князь «стоа за Доном 8 дней, доколе же разобрал телеса христианская с нечестывыми»,⁶² но далее в тексте, параллельном «Задонщине», где говорится о «грозном бо, виде побоища, сообщается, что «лежит трупие человеческие акы сению стози» (несмотря на похороны павших), «а Дон-река три дни кровию текла» (спустя 8 дней после битвы?). Заимствование из текста «Задонщины» типа списка Ундольского здесь очевидно. Вероятно, что в тексте

⁶⁰ Повести о Куликовской битве, стр. 75. Ср.: Летописная повесть. Там же, стр. 38.

⁶¹ См.: там же, стр. 153—154.

⁶² См.: там же, стр. 153.

«Сказания», использованном создателем протографа варианта У и Распространенной редакции, уже имелось заимствование этого эпизода из «Задонщины», общее и с вариантом О и с Летописной редакцией, но теперь текст был заново выверен и целиком помещен в «Сказании» как часть особой главки.

Особенностью текста Киприановской редакции, контаминировавшей и переделывавшей текст многих источников,⁶³ является обработка общего текста протографа группы, и вследствие этого фраза о «грозном» виде поля боя, расчет убитых и речи Дмитрия Ивановича рассредоточились в тексте, и расчет был сильно сокращен. Однако Киприановская редакция несомненно примыкает к этой же ветви текстов, так как эти три вида «Сказания» сохранили в конце речей Дмитрия Ивановича выражение «чи есми... укупили»⁶⁴ (в варианте О — «доступили», в Забелинском варианте — «добыли», в Летописной редакции фразы нет целиком). Это выражение связывает текст не с параллельным отрывком «Задонщины» (в У — «добыли», в И-1 и С — нет, И-2 и К-Б не имеют конца), а напоминает о речи великого князя в Москве в начале «Задонщины» по спискам У, И-1, С («укупим животу своему славы» — У, сходно в И-1, искажено в С: «искупим животом славы»).

Еще один довод в пользу вторичного характера расчета убитых в «Сказании».

Если обратиться к концу «Сказания о Мамаевом побоище» — к рассказу о том, что происходило на Куликовом поле после битвы, то обращает на себя внимание повторяемость поступков и речей великого князя. Особенно хорошо это видно на тексте варианта О. Схема повествования здесь такая:

1. Князь выезжает на побоище и ездит среди мертвых тел.
2. Во время объезда князем поля битвы перечисляются его павшие воеводы и богатыри.

3. Князь несколько раз плачет и произносит речи, причем, кроме «надгробных» речей над телами любимых воевод, князь произносит три речи, обращенные к дружине в целом: две первые посвящены павшим и содержат похвалу им и просьбу молиться об оставшихся в живых, последняя речь — похвала живым с обещанием награды после возвращения в Москву — заканчивается призывом похоронить павших.

Дальнейший текст, где находятся отрывки с расчетом убитых, параллельные «Задонщине», целиком повторяет эту схему:

1. Князь стоит «на костех», разбирая с войском тела убитых.
2. Производится расчет павших бояр.
3. Князь возносит славу богу, хвалит погибшую дружину и обращается к «князем и воеводам» с призывом идти в Москву.

Если сопоставить речи князя в этих эпизодах, то становится очевидной их зависимость.

В эпизоде объезда поля
после прощания
с павшими воеводами

В эпизоде прощания с павшими
после расчета убитых

Братиа, рускыя сынове, князи и
боаре, и вьеводы, и дети боярьские! Суди
вам господь бог тою смертию умерети.

А вам, братья, князи и боаре, и вье-
воды, и молодые люди, русские сынове,
сужено место лежати между Доном и

⁶³ См.: Дмитриев, стр. 390—391.

⁶⁴ Повести о Куликовской битве, стр. 154. Ср.: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 50; ПСРЛ, т. XI, стр. 66.

Положили есте главы своа за святыа церкви и за православное христианство...

Братья моа князи, сынове рускые аще имате дръзновение у бога, помолитесь о нас, вем бо яко послушает вас бог, да вкупе с вами у господа бога будем...

Братиа моа, князи рускыа и бояре местныа и служылыа люди всеа земл! Вам подобает тако служыти, а мне по достоаию похвалити вас. Егда же упасть мя господь и буду на своем столе, на великом княжении, в граде Москве, тогда имам по достоаию даровати вас.⁶⁵

Непром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили есте головы своа за землю русскую за веру христианскую.

Простите мя, братие, и благословите в сем все и в будущем...

Поедем, братье, в свою землю Залескую к славному граду Москве и сядем на своих вѣтчинах и дединах. Чести есмь себе достутили и славнаго имяни!⁶⁶

Такой параллелизм обеих частей текста указывает и на общий источник, использованный ими, и на то, что «Сказание» обращалось к этому источнику дважды: в собственно авторском тексте, создав на его материале сцену объезда великим князем поля боя, и второй раз — используя этот текст уже как самостоятельный эпизод повествования. Таким образом, здесь мы наблюдаем проявление общего принципа заимствования, свойственного «Сказанию».

* * *

Плач татар имеется во всех трех группах списков Распространенной редакции, но не во всех списках, и объем текста заимствования из «Задонщины» различен.

В первой группе в списке Попов. 2527 читается лишь одна фраза из «Задонщины»: татары «побегоша неуготованными дорогами, скрегчаша зубы своими, деруще лица своя» (л. 195). Близкий к Попов. 2527 список Q.XVII.70 этого отрывка не имеет.

Этот текст сходен, как легко убедиться, со вставкой из «Задонщины» в варианте У Основной редакции.⁶⁷ Особенностью данного текста является отсутствие двух слов по сравнению с вариантом У: «в поле» (нет и в списках «Задонщины») и «в лукоморье». Надо отметить, что списку Попов. 2527 вообще присущи сокращения — как основного текста «Сказания», так и вставок из «Задонщины» (наряду с сокращениями, специфичу текста Попов. 2527 составляет редкая вставка из «Задонщины» — отрывок с характеристикой Ольгердовичей, встречающийся, кроме этого списка, лишь в Q.XVII.70). Эта фраза из «Задонщины», вставленная в текст «Сказания», имеется в И-2, И-1 и У. Трудно судить о ее близости к какому-то одному списку, но грамматические формы слов больше напоминают текст И-2: «побегоша» (вместо «побегши» в И-1, «побегше» в У), «зубы» (так и в И-1, в У — «зубами»).

Большой по объему отрывок из «Задонщины» находится во всех списках II вида Распространенной редакции, группы, тяготеющей к Забелинскому варианту Основной редакции: Беляев. 1516, Музейск. 1388, Щукин. 610, Тихонр. 211, Барс. 675, Q.XVII.22. Сходный текст с некоторыми пропусками имеется в списке Титов. 1121, занимающем промежуточное положение между списками I и II групп. Здесь, как и в группе Беляев. 1516, плач татар дополнен отрывком о добыче русских. Текст вставки из «Задонщины» в этих группах списков очень близок тексту в группе списков Основной редакции во главе со списком ГПБ, собр. Погодина № 1555 (далее — Погод. 1555), примыкающей к варианту У.

⁶⁵ Повести о Куликовской битве, стр. 73—74.

⁶⁶ Там же, стр. 75.

⁶⁷ См.: Дмитриев, стр. 421.

... даша полещи, побегоша в поле
неуготованными дорогами в лукоморья,
скрежчюща зубы своими,

и рекуще:

«Уже нам в своей земле не быватьи,

а катуи своих не трепати,
а детей своих не видати,
а трепати нам сыра земля,
целовати нам зеленая мурува,
а на Русь нам уже ратью не ходити,
а выходов нам не имати».

Застонула татарская земля,

бедами и лугами покрывашеся.

Уныша сердом хотения,

и князем похвала на Рускую землю ходити.

Уже сынове рускии заграбиша

доспехи наши

и всякое узорочье

— отласы и бархаты...

И восплакашася, обратишася и побегоша в поле
неуготованными дорогами, и даша татаровя
плещи свои на раны, и побегоша в лукоморие,

скрежчюще зубы своими,
и деруще лица своя,

и рекуще сице:

«Уже нам, братие, в земли своей не быватьи,

а катуи своих не трепати,
а детей своих не видати,
а трепати нам сыра земля,
и целовати нам зеленая мурава,
а на Русь нам уже ратью не ходити,
и выхода нам на русских князех не иматн».

Уже стонала татарская земля,

ныне же бедами и тугою покрывашася.

Юным царем хотение,

и князем похвала на Рускую землю.

Уже сынове рустии разграбиша

доспехи на них,

и расхватиша

волы и велбуды,

и вино и сахар,

и иное доброе узорочье —

камку и отласы и бархаты.

Руския уже жены восплакаша татарским зла-

том...

... обратишася, и даша плещи, побегоша в поле
неуготованными дорогами в лукоморие,

скрежчюще зубы своими,
деруще лица своя,

и рекуще:

«Уже нам, братие, в земли своей не быватьи,

а катуи своих не трепати,

а детей своих не видати,

а трепати нам сыра земля,

а целовати нам зелена мурова,

а на Русь нам ратию уже не ходити,

а выхо(до)в нас на русских князех не иматн».

Уже стонала тотарская земля,

бедами и тугою покрывашася.

Уны царем хотение,

и князем похвала на Рускую землю.

Уже сынове рустии разграбиша,

и доспехи на них,

и волы и велбуды.

и вино и сахар,

и иное доброе узорочье,

камки, и отласы.

Руския же жены восплакаша тотарским зла-

том...

⁶⁸ Пользуюсь текстом, приведенным в статье Л. А. Дмитриева, стр. 421.

Сопоставим тексты заимствования из «Задонщины» в этих группах списков.

В основе плача в Беляев. 1516, как и в Погод. 1555, лежит текст, близкий И-2, место вставки такое же — конец второго эпизода в рассказе «Сказания» о бегстве татар. Кроме того, ряд специфических черт, присущих этой вставке, имеется в обеих группах списков. В Беляев. 1516, как и в Погод. 1555, несколько переделана фраза «Задонщины»: «... и выхода нам на русских князях не имати» (Погод. 1555: «... а выходов нам не имати») вместо «а выхода нам у русских князей не прашивати», как в И-2, И-1 (в У — «у русских людей»). В качестве добычи русских в группе Беляев. 1516, как и в Погод. 1555, упоминаются «отласы и бархаты», отсутствующие в текстах «Задонщины». Начало вставки из «Задонщины» в Беляев. 1516, отличаясь от Погод. 1555 некоторым распространением текста, в то же время в соответствии с ним дважды повторяет сообщение о том, что татары «побегоша»: «И восплакашася, обратишася и побегоша в поле неуготованными дорогами. И даша татаровя плещи свои на раны и побегоша в лукоморие».

Это повторение связывает рассматриваемый текст и со вставкой варианта У Основной редакции: в рассказе о бегстве и плаче татар там так же дважды указано, что они бегут «в поле», «в лукоморье».

Такое сходство наводит на мысль о существовании общего источника вставок в этих трех группах списков различных редакций в варианте У, в Погод. 1555 и Беляев. 1516.

Предположение о наличии общего протографа не подрывается различием этих текстов, а различия есть, и прежде всего в объеме вставки из «Задонщины». В группе Беляев. 1516 вставка из «Задонщины» более длинная, известие о добыче продолжено фразой о русских женах («Руския уже жены восплескаша татарским златом»), в перечислении добычи текст «Задонщины» также представлен более полно (в Погод. 1555 упоминаются лишь доспехи и «узорожье» — «отласы и бархаты»)⁶⁹.

На фоне сходства вставки в Беляев. 1516 с И-2 начало ее «И восплакашася» напоминает о списке С («побегоша татарове ... и плакашася горко»), а отсутствие внутри текста фразы «везут женам своим» — с списке У.

Рассматриваемая вставка в Распространенной редакции сохранила и черты, общие для И-2 и И-1, — испорченное выражение «юнним царем хотение» (Беляев. 1516) или более правильное «уны царем хотение» (Титов. 1121), в отличие от Погод. 1555, имеющего текст, близкий У: «... уныша серцом хотения». Это различие в чтении не является препятствием для предположения об общем источнике вставки, так как возможно, что причина его появления заключается не в генетической связи вставки Погод. 1555 с текстом «Задонщины» по списку Ундольского, а в аналогичном «Задонщине» процессе движения текста: первоначальное чтение «Задонщины» «царемъ» (И-1, И-2) в списке Ундольского также было искажено и заменено словом «сердца». Весьма вероятно, что в протографе этой вставки или в тексте самой «Задонщины» слово находилось под титулом и было различно прочтено переписчиками. В пользу такого предположения свидетельствуют и одинаковые падежные окончания слов: «царем» — «сердцом».

Итак, вставка из «Задонщины» во II вид Распространенной редакции очень близка вставке группы Погод. 1555. Случайно ли это сходство?

⁶⁹ В тексте этой вставки в Беляев. 1516 есть и одно сокращение: фраза «... князем похвала на Рускую землю» не окончена. (Ср.: Погод. 1555, где, как в «Задонщине», добавлено «ходити»).

С. К. Шамбинаго рассматривал Погод. 1555 как список особой группы третьей редакции, представляющий собой переход от третьей редакции к четвертой.⁷⁰

Л. А. Дмитриев, анализируя списки Погод. 1555 и ГБЛ, собр. ОИДР № 236 как примыкающие к варианту У Основной редакции, напротив, допускал возможность влияния Распространенной редакции на группу Погод. 1555, в частности он указал на вероятность происхождения одного из рассказов этого текста — краткого рассказа о посольстве Захария в Орду — из текста Распространенной редакции.⁷¹

Текстологическая неизученность «Сказания» не позволяет в настоящий момент решить вопрос о соотношении краткой повести о посольстве Захарии в группе Погод. 1555 с текстом повести в Распространенной редакции, однако несомненно, что никаких следов сокращения краткий вариант по сравнению с Распространенной редакцией не имеет. Кроме того, само повествование здесь иное, иногда даже более подробное, чем в Распространенной редакции. Ср.:

Погод. 1414

Захария же исполнися ярости и рече царю: «Что глаголеши сие таковому великому государю! Бог елико хочет, то и сътворит, а не яко же ты хощеши!».⁷²

Погод. 1555

Отвещав же ему Захария: «Царю, како ты тако ведаеши, аки младыи отроча несмыслены, а не ведуше божия силы и владычня смотрения, но яко господу годе, тако и будет!».⁷³

Отличаются речи Мамаия в обоих текстах, иные имена и чины имеют в Погод. 1555 татары, поехавшие с Захарием на Русь, более подробно рассказывается здесь и об их судьбе, и о гневе Мамаия на русского посла.

К тому же и текст этих списков в целом не может считаться сокращением Распространенной редакции, он очень близок тексту варианта У.

Отсутствие непосредственной связи между Погод. 1555 и Распространенной редакцией при наличии общего, хоть и различно изложенного эпизода, позволяет предположить существование общего источника — такого текста «Сказания», близкого к общему протографу варианта У и Распространенной редакции, где уже имелась повесть о посольстве Захарии к Мамаю. Иначе невозможно понять соотношение текстов Распространенной редакции, варианта У и группы Погод. 1555.

Таким образом, подтверждается и возможность существования вставки из «Задонщины» — плача татар — уже в тексте этого предполагаемого протографа группы Погод. 1555 и Распространенной редакции.

Текст вставки в Погод. 1555, восходя к общему с Беляев. 1516 источнику, передает его в некотором сокращении: в нем отсутствует выражение «и деруще лица своя», сокращено перечисление добычи и упоминание о русских женах, выпущено несколько союзов и частиц, есть пропуск («А выходов нам не имати» вм. «и выхода нам на русских князех не имати», как в Беляев. 1516). Текст плача в Беляев. 1516, напротив, обладает, как кажется, небольшими, но все-таки дополнениями по сравнению с текстом источника: «... и даша татаровя плещи свои на раны», «ныне же

⁷⁰ См.: Шамбинаго, стр. 306—309.

⁷¹ «Очевидно краткий рассказ о посольстве Захария имел своим источником более распространенный рассказ об этом же событии и, по всей вероятности, тот текст, который мы читаем в настоящее время в Распространенной редакции „Сказания“» (Л. А. Дмитриев. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 453).

⁷² Повести о Куликовской битве, стр. 121.

⁷³ Там же, стр. 452.

бедами», «и расхватиша волы». Любопытно, что оба текста в отдельности сохраняют искаженные части фразы из И-2:

Погод. 1555

Уже сынове рускии заграбиша доспехи наши.

Беляев. 1516

Уже сынове рустии разграбиша доспехи на них.

И-2

Уже сынове рускиа заграбиша узорочья наша и доспехи наша на них.

Факт сокращения плача в Погод. 1555 подтверждается и близким ему текстом в списке Титов. 1121, входящем в первую группу I вида Распространенной редакции, но испытавшем влияние II вида (во главе с Беляев. 1516). Плач татар в Титов. 1121 как бы объединяет ряд чтений Погод. 1555 и Беляев. 1516 и в то же время он лишен их индивидуальных особенностей: в нем нет дополнений Беляев. 1516 и сокращений Погод. 1555 (ср. Погод. 1555: «...уныша сердцем хотение», Беляев. 1516: «...юнным царем хотение»; Титов. 1121: «...уны царем хотение»).

Таким образом, текстологический анализ этой вставки из «Задонщины» в «Сказание» не исключает возможности того, что более полный текст ее находился уже в протографе варианта У и Распространенной редакции, дальнейшая же судьба ее была различной: вариант У почти совсем сократил вставку, группа Погод. 1555 сократила слегка, а II вид Распространенной редакции донес текст вставки почти в полном объеме.

Итак, плач татар, а возможно и полный текст этой выписки из «Задонщины» не только был в протографе самой Распространенной редакции, но существовал и на более раннем этапе литературной истории этой ветви текстов «Сказания». Во всяком случае, независимо от соотношения этих групп, вполне ясно, что вставки в той и другой группах (Погод. 1555 и Беляев. 1516) имеют общий протограф, который, основываясь на тексте типа списка И-2, имел черты списков У, И-1 и С. Подтверждением этому служат и тексты соответствующих вставок в вариантах О и Забелинском, где эти вставки находятся даже в ином контексте (плач татар заменен здесь плачем Мамаю, вставка сделана в 8-й эпизод рассказа о бегстве татар, а не во 2-й и т. д.), но, несмотря на это, в обоих вариантах тексты вставок обладают чертами И-2 и С.⁷⁴ Текст вставки из «Задонщины» здесь иначе был использован редактором, но самый источник вставок, по-видимому, был тот же, что и в группе Беляев. 1516.

Наиболее подробная выписка из «Задонщины» о бегстве и плаче татар, дополненная выписками о добыче русских и радости на Русской земле, имеется в группе Архив. 70/93. Эта выписка находится в ином месте повествования, чем рассмотренные выше, и в составе особой композиции из текстов «Задонщины» и «Сказания»: «Сынове руския божиею силою и помощию святых мученик Бориса и Глеба побиваху их, аки лес клоняху, яко трава от косы постилашеся. На том бо поле Куликове черная земля под копыты, татарскими костьюи поля, кровию земля улита бысть, протопташа холми и луги, возмутиша реки и потоки и езера наполнишася. И бежаше татаровя половецкия, глаголюще: „Увы тебя, Мамаю честный, высоко вознеслся и до ада шел еси!“ И возвратилася вспять, покрыша руками главы своя, гораздо им тоску подаваше и тугу. Тут бо они разню разлучилася, гораздо бежат неуготованными дорогами в лукоморье и зкрежуше зубы своими, деруше лица своя и ркущи тако: „Уже нам, братие, в земли своей не бывать и катун и детей своих не

⁷⁴ См.: Дмитриев, стр. 421—423.

видать, а на Русь ратию не ходить, и выхода нам у русских князей не просить". Уже бо востонала татарская земля, бедами и тугою покрывшася. Уныша бо царие их, хотение похвалився на Рускую землю ходити, князем руским похвала. Уже бо руския сынове татарское узорочье разграбиша, доспехи, и копия, и кони, и верблюды, и вино, и сахар, и дорогое узорочье, камки, и отласы, и насычи, и бугаи везут женам своим. Уже руские жены всплескали татарским златом, уже Руской земли простресе слава и веселие и буйство. Вознесесе слава руская на поганных, уже бо ввержен скипетр на землю, уже бо грозы велицы текут великаго князя по всей Руской земле. Руские же сынове широкие поля клином оградиша и злаченые доспехи осветиша. Тогда князи руския и воеводы крепкия полки поганого прогнаша. Уже бо погании оружия своя повергше на землю, а главы своя под руския мечи подклониша. А трубы их не трубят, уныша гласы их. Многи бо уязвени наших сынов русских, но помогаше им, секущесе без милости» (Эрм. 526, лл. 36—37).

Особый состав вставки из «Задонщины» в этом тексте, включение совсем новых выписок из нее в дополнение к уже использовавшемуся в некоторых других списках плачу татар, говорит о самостоятельном обращении создателя этого текста к «Задонщине». Видимо, стремясь более подробно рассказать о Куликовской битве, редактор сводил вместе тексты «Сказания» и «Задонщины», используя ее в данном случае как источник для своего повествования. Подборка текстов была сделана не очень точно, и это привело к двусмысленности при переходе от текста «Задонщины» к «Сказанию» в самом конце вставки: текст здесь можно понять таким образом, что раненые русские помогают татарам, а не русским воинам, как это было в «Сказании».

Начинается «сводный» текст цитатой из «Задонщины» о «черной земле», встречающейся только в этой группе списков «Сказания». Текст ее ближе к списку У (здесь, как и в У, при перечислении «возмутившихся» вод упоминаются «потоки», в С «потоки» тоже упоминаются, но текст несколько отличен). Начало текста — «На том бо поле Куликове», — напоминая о «Задонщине», не находит полного соответствия в дошедших списках, но полностью совпадает с рассказом «Сказания» о начале Куликовской битвы.⁷⁵ Текст самой цитаты о «черной земле» свидетельствует о самостоятельности автора этой композиции: он выпускает из текста «Задонщины» фразу, повествующую о начале боя, о «сильных полках», так как упоминание о них было неуместно в эпизоде разгрома татарского войска, куда он теперь поместил этот текст.⁷⁶

Плач татар в группе Архив. 70/93 и отрывок о добыче русских воинов — еще более полное заимствование, чем рассмотренные выше, с меньшими искажениями текста «Задонщины» (например, в Беляев. 1516 было «выхода ... не имати», здесь, как и в «Задонщине», — «не просити»; «уже стонала татарская земля» — здесь «уже бо востонала»; «юнным царем» — здесь «уныша бо царие» и др.).

При наличии двух пропусков (в тексте нет фразы «а трепати нам сырая земля», «а целовати нам зеленая мурава», как отметим, и в У. и фразы «веселие пониче») плач передает почти все детали текста, отраженные в списках «Задонщины» извода Ундольского. Здесь сохранены слова «катунь» (только в И-2), «насычи» (И-2, И-1), подтверждается на-

⁷⁵ Ср.: «Черна земля под копыты, костью татарскими поля насяеша, кровью земля пролита. Сильнии полки ступалися вместо, протопташа холми и лугы, возмутися реки и езера...» — И-1; в У несколько изменено: «... возмутися реки и потоки и озера»; С — сходно с У, в К-Б текст сильно переделан.

⁷⁶ Ср.: Повести о Куликовской битве, стр. 56.

личные фразы (как в И-2, И-1) «везут женам своим» (в У отсутствует), правильность чтения «у русских князей» (так И-2, И-1), а не «у русских людей» (как в У). В перечислении добычи русских упоминаются «буган» (как в Печатном варианте). Фраза из текста Архив. 70/93 «Уныша бо царие их, хотение похвалився на Рускую землю ходити, князем руским похвала» привлекает к себе внимание своеобразным осмыслением текста (ср.: «Уныша бо царем их хотение и князем похвала на Рускую землю ходити» — И-2; «уныша бо ц(а)ремь их хотение и похвала на Рускую землю ходити» — И-1; «покрыша бо сердца их, хотение князем и похвала Руской земли ходити» — У).

Текст плача в Архив. 70/93, по-видимому, никак не связан с плачем в группе Беляев. 1516, — слишком различны их чтения, хотя и восходят они к одному источнику — тексту «Задонщины».

Следующее далее продолжение текста «Задонщины» — о радости на Русской земле — встречается только в группе Архив. 70/93 и содержит вполне оригинальное осмысление «дива» «Задонщины» («Вознесся слава руская на поганых, уже бо ввержен скипетр на землю»), как символа царской (вражеской) власти, возможно, поддержанное аналогичной конструкцией в дальнейшем тексте: «Уже бо погани оружия своя повергше». Это новое осмысление свидетельствует и о непонимании, чуждости текста и о попытке истолковать его.

Самостоятельность автора «сводного» текста проявилась в произвольной композиции фраз самой «Задонщины»; после фразы о «грозах» великого князя идет упоминание о том, что «русские же сынове широкие поля клином оградиша», находящееся в тексте «Задонщины» до плача татар.

Отрывок из «Задонщины» по спискам группы Архив. 70/93 дает свой особый, третий по счету, вариант текста после фразы «Уже грозы великого князя по всей земли текуть»: «Тогда князи руския и воеводы крепкия полки поганого прогнаша» (ср. в И-1: «Стреляй, князь великийи ... с своею храброю дружиною поганого Мамаю ... за землю Рускую, за веру христьянскую»; в У: «И князь великийи своею храбростию и дружиною Мамаю поганого побил за землю за Рускую и за веру крещеную»). При сравнении этих трех вариантов очень заметно направление эволюции текста от эмоционального призыва (И-1) к бесстрастным поздним переказам (в списке У и в очень близком к нему по стилю тексте Архив. 70/93). В этом же отрывке чтение Архив. 70/93 подтверждает правильность списка У, здесь и там «трубы их не трубят, уныша гласы их».

На этом кончается «сводный» текст, но далее еще встречаются реминисценции «Задонщины», они вошли в сцену бегства Мамаю и разгрома татар.

В этом месте «Сказания» Мамаю после призыва к бегству («Побегнем ... главы упасем») говорит: «„Земля еси Руская подобна еси младому младенцу“. И абие Мамаю-царь побеже с четырьми князи, мнози же руския ятеры тоску ему подаваше» (Эрм. 526, л. 37). Фраза, которую приносит Мамаю, находится в «Задонщине» после «смеха фрягов» в следующем тексте авторской сентенции: «Нам земля подобна ест Руская милому младенцу у матери, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуют его» (так в И-1, в У сохранилась лишь первая фраза, также искаженная: «... и нам от земли Руской. Уподобился еси милому младенцу у матери своей»; в С отсутствует весь отрывок). В выписке «Сказания» объединены чтения И-1 («подобна») и У («еси»). Включение этой фразы из авторского текста в речь Мамаю и искажение первоначального чтения («младому» вместо «милому») — еще один из примеров непонимания этого места «Задонщины».

Другое вкрапление из «Задонщины» — «тоску ему подаваше» (в И-1; И-2 — «тоску им подаваше») — уже использовалось выше при рассказе о бегстве татар, перед их плачем, однако здесь оно приспособлено к данному месту «Сказания»; с текстом «Сказания» грамматически согласованы формы слов в цитате из «Задонщины» («ему» вместо «им»).

Сравнение заимствования из «Задонщины» в «Сказании» с текстом дошедших списков самого памятника указывает на его связь с изводом Ундольского, однако вставку нельзя возвести к какому-либо одному из списков, чтения ее во многих случаях отразили чтения их общего протографа.

* * *

Плач жен в Распространенной редакции встречается только в одном списке третьей группы I вида — Тихонр. 238. Два других списка из этой же группы — Архив. 70/93 и его копия. Эрм. 526 — дефектны, обрываются на счете убитых на Куликовом поле и конца «Сказания» в них нет. Все три списка очень близки между собой, без сомнения восходят к одному тексту, и поэтому можно предположить наличие вставки с плачем жен и в протографе всей группы. Однако отсутствие других полных списков не позволяет категорически утверждать это, возможно и самостоятельное обращение списка к другим видам «Сказания», содержащим конец произведений.

Плач русских жен в Тихонр. 238 — новый вариант переработки плача из «Задонщины» по сравнению с тремя вариантами его, известными по текстам Основной редакции — по спискам варианта У (Погод. 1555, ГИМ, собр. Уварова 1835, ГБЛ, собр. Румянцева 3123, ГИМ, собр. Уварова 492), спискам варианта О (ГБЛ, собр. Румянцева 378 и ГИМ, собр. Уварова 1831)⁷⁷ и по Забелинскому варианту.⁷⁸

Текст плача русских жен в Тихонр. 238: «В то же время приспе весть на Москву в 4 день после победы сентября в 11 день на память преподобных матери нашия Феодоры Александрийския к преосвященному митрополиту Киприяну и к великой княгине Евдокии и к воевоцким женам. Сказаша им, которые побиты, и воспеша, аки птицы жалостными песнями, гласы восплакалися княгини и боярыни о убиенных всех Коломенскаго воеводы Микулина Ва(сильевича)⁷⁹ жена Марья рано плакашесь зря на Москву и рекущи: „Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси горы и камене, течещи сквозь Половецкую землю, прилелей моего государя Микулу Васильевича ко мне“. Володимерскаго-юрьевскаго воеводы такожде плачущеся и рекуще: „Се уже веселие мое и слава пониче в славном граде Москве, уже бо не вижу государя своего“. Переславскаго воеводы Андреева жена Марья да Михайлова жена Андреявича Брянскаго рано плакашесь горко, уже им сонце померче обеим в славном граде Москве: „Припахнули нам вести от тихово Дону, носяще великую победу. Сседоша удалцы з борзых коней и на сужиное место, на поле Куликово, рано подоспели“. Жалостными песнями вдовы Коломны-града, на память святых боготец Иакима и Анны, позда (так!) бо велми, восплакалися коломенския жены, княгини и боярыни, а рекоша тако: „Уже бо мужей наших рать устыделася (так!)“. И по всех многия жены плакашесь горко» (лл. 85 об.—86 об.).

Вводная фраза отрывка («В то же время приспе весть на Москву в 4 день после победы» и т. д.) почти дословно совпадает с текстом, ко-

⁷⁷ Тексты см. выше: Дмитриев, стр. 427—429.

⁷⁸ Текст см. в кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 205.

⁷⁹ В рукописи «ва» над строкой.

торый читается в списках варианта У. Но текст самого плача в Тихонр. 238 представляет собой особую переработку отрывка «Задонщины». Плач в целом сокращен, особенно его вторая часть — плач коломенских жен, от которого здесь сохранилось лишь начало и конец; отсутствует ряд имен — Тимофея Волуевича, его жены, но в то же время есть и дополнения: упоминание каждого погибшего воеводы великого князя сопровождается названием его воеводства («коломенского воеводы», «переславского воеводы» и т. д.). Впервые в плаче называется имя Михаила Андреевича Брянского (ср. «Михайлова жена Оксинья» в списке У «Задонщины»). В тексте обнаруживаются черты пересказа — замена прямой речи на косвенную: «... уже им сонце померче обеим» вместо «уже обея нам солнце померкло» (список У).

Но несмотря на всю самостоятельность редакторской обработки, текст плача в Тихонр. 238 имеет некоторые точки соприкосновения с текстом плача во всех трех вариантах Основной редакции.

С текстом типа Погод. 1555 (вариант У) его сближает и одинаковая вводная фраза, и сходные чтения в обращении воеводских жен к Дону: ср. Тихонр. 238: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси горы и камни, течеша сквозь Половецкую землю»; Погод. 1555 (в скобках приводятся различия по списку ГИМ, собр. Уварова № 1435): «Дане (Доне), быстрая река, протекла во (еси) сквозе горы каменны и течеша в землю Половецкую».⁸⁰

Как и в тексте типа ГБЛ, собр. Румянцева № 378 (вариант О), здесь правильно сохранилось имя жены Микулы Васильевича — Мария.⁸¹

И даже короткий текст плача в Забелинском варианте, по-видимому, «осколок» когда-то полной вставки, совпадает одной фразой с переработкой плача в Тихонр. 238: «И по всех многия жены плакашеша горко» (Тихонр. 238) — «А иные же княгини и воеводския жены восплакашася горко по своих мужех» (Забелинский вариант).⁸²

Сходные черты плача в Тихонр. 238 с другими текстами этой вставки в «Сказание», например, со списком ГБЛ, собр. Румянцева № 378, объясняются тем, что Тихонр. 238 использовал текст «Задонщины» (непосредственно или уже в составе «Сказания»), близкий к протографу памятника, некоторые чтения которого лучше сохранились в Синодальном изводе, послужившем источником для списка из собр. Румянцева № 378⁸³ (во всех этих текстах правильно, как уже отмечалось, названо имя жены Микулы Васильевича — Мария).

Черты сходства Тихонр. 238 с Погод. 1555 и Забелинским вариантом могут рассматриваться либо как следы бывшей ранее общности текстов самого «Сказания», либо как результат перекрестного влияния списков. Сейчас этот вопрос невозможно решить, но интересно отметить, что во многих списках Распространенной редакции есть предшествующее плачу вводное сообщение (общее для Погод. 1555 и Тихонр. 238) о том, что весть об убитых в Куликовской битве «приспе на Москву к воеводским женам» (см. списки второй группы I вида — Тихонр. 230, Оболен. 71 и списки II вида — Беляев. 1516 и др.).

Какой текст «Задонщины» был использован в отрывке Тихонр. 238?

Автор этой переделки плача из «Задонщины» располагал списком

⁸⁰ См. текст выше: Дмитриев, стр. 427.

⁸¹ Женой тысяцкого Николая Васильевича Вельяминова была Мария, дочь суздальского князя Дмитрия Константиновича, сестра великой княгини Евдокии. См.: ПСРЛ, т. 18, СПб., 1913, стр. 288, 173.

⁸² Повести о Куликовской битве, стр. 205.

⁸³ См. выводы Л. А. Дмитриева, стр. 430.

с полным, а не усеченным текстом плача. Текст содержит плач всех четырех жен, как списки «Задонщины» И-1, И-2, У, С (а не двух, как К-Б). Имя жены Микулы Васильевича здесь Мария, как в К-Б и С, и ближе всего, как отмечалось, авторскому тексту. Фраза «Се уже веселие мое и слава пониче» как бы объединяет чтение К-Б и других «полных» списков «Задонщины» (ср. К-Б: «Уже наша слава пониче»; И-2: «Се уже веселие мое пониче»; И-1: «Уже веселье пониче»; У: «Се уже веселие мое пониче»; С: «Ужо веселие мое пониче»).

Из сопоставления видно, что текст «Задонщины», послуживший источником, принадлежал такому списку, где еще сохранились черты былой общности между К-Б и остальными списками памятника.

Несколько иным в Тихонр. 238 является текст обращения воеводских жен к Дону по сравнению с дошедшими до нас текстами памятника: «Доне, Доне быстрая река, прорыла еси горы и камене, течеси сквозь Половецкую землю».

В известных списках «Задонщины» фраза звучит иначе; особый текст читается в К-Б: «Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези хараужныя», и почти одинаковый текст в других списках «Задонщины»: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси каменныя горы, а течеси в землю Половецкую» — И-2; «Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменныя, течеси в землю Половецкую» — И-1; «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеси в землю Половецкую» — У; «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси каменя горы, течешы в землю Половецкую» — С.

Р. О. Якобсон уже обратил внимание на подобную фразу из плача жен в других текстах «Сказания», известную ему по спискам ГБЛ, собр. Румянцева 3123 и ГИМ, собр. Уварова 492 (из группы Погод. 1555 варианта У Основной редакции): «... протекла еси сквозе каменные горы, а течеш в землю Половецкую». Р. О. Якобсон, не обнаружив сходства с источником — «Задонщиной», сопоставил эту фразу с текстом «Слова о полку Игореве»: «Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую».⁸⁴

Тихонр. 238 передает эту фразу в наиболее близком к «Слову» виде и подтверждает наблюдение Р. О. Якобсона об отражении здесь «Слова о полку Игореве». Только, по-видимому, эта фраза в текстах «Сказания», как и некоторые другие, близкие «Слову», появилась не в результате непосредственного и одновременного влияния «Слова» на текст отдельных списков «Сказания», как полагал Р. О. Якобсон, — ведь эта фраза или ее переделки сохранились в разных редакциях «Сказания», но она является отражением «Слова» в протографе списков «Задонщины», который имел больше сходства со «Словом», чем дошедшие до нас списки.

Еще одно чтение Тихонр. 238 напоминает о «Слове о полку Игореве». В конце плача воеводских жен читаем: «Сседоша удалцы з борзых коней и на сужиное место, на поле Куликово, рано подоспели». Выражение «рано подоспели» не известно «Задонщине» и другим текстам «Сказания». Но в «Слове» есть выражение, весьма близкое. В «золотом слове» Святослава, послужившем отчасти источником плача коломенских жен, вспоминается доблесть погибшего Игоревы войска: «Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань».⁸⁵

Если сопоставить тексты «Слова» и отрывка из плача жен в «Сказании» по списку Тихонр. 238, взяв их в чуть большем объеме, то обна-

⁸⁴ Jakobson and Worth, стр. 22.

⁸⁵ Словарь, стр. 22.

руживается не только близость общей идеи описания героической гибели русского войска, но и поразительное сходство деталей образного и стилистического выражения ее. Сравним тексты:

Слово о полку Игореве

Нъ уже, княже Игорю, утрѣпъ солнцю свѣтъ ... А Игорева храбраго плъку не крѣсити.
Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань.⁸⁶

«Сказание о Мамаевом побоище» (список Тихонр. 238)

...уже им солнце померче обем в славном граде Москве.
Припахнули нам вести от тихово Дону, носяще великую побѣду. Сседоша удалцы з борзых коней и на сужиное место, на поле Куликово, рано подоспели (л. 86 об.).

Примечательно совпадение синтаксической конструкции в последней, особенно похожей, фразе: «доспѣли на брань» — «на сужиное место, на поле Куликово, рано подоспели».

К сожалению, отсутствие других данных не позволяет делать выводы о месте и судьбе этого чтения в литературной истории «Задонщины» и «Сказания» и решить вопрос о том, было ли оно утеряно списками «Задонщины» или, наоборот, включено в один из ее списков под влиянием «Слова». По аналогии с другими чтениями плача в Тихонр. 238, восходящими к протографу «Задонщины», скорее можно предположить первоначальность и этого выражения, его близость к авторскому тексту памятника.

Таким образом, плач жен в Тихонр. 238, несмотря на значительную редакторскую обработку, сохранил и древний слой текста, содержащий ценный материал для изучения вопроса о взаимоотношении «Слова», «Задонщины» и «Сказания».

* * *

Следы особого обращения редакторов и переписчиков Распространенной редакции к «Задонщине» сохранились в двух списках основного варианта Распространенной редакции — Попов. 2527 и ГПБ, Q.XVII.70, где в текст главы «Сказание о дву братех Олгердовичев» была включена выписка из «Задонщины»: «Сказание о дву братех Олгердовичев о князе Андрее и о князе Димитрие Брянскѣм. Дети есмь Олгердовичи, а внуки Гедемонтовы, зберем, брате, милую дружину храбрую Литву, удалых удалцов, а сами сядем на добрыя кони да смотрим быстрога Дону, испием шоломы воды, поедем на помощь к великому князю Димитрию Ивановичю Московскому и к брату его князю Владимиру Андреевичю и ко всем князем руским» (Попов. 2527, л. 185—185 об.).⁸⁷

В обоих списках вставка заменила собой текст «Сказания» — начало главы об Ольгердовичах, рассказ об их переписке и договоре. Трудно объяснить причину такой замены, может быть, текст «Сказания» подвергся порче, а может быть, редактор осознал одинаковость сообщений «Задонщины» и «Сказания» и решил избрать текст «Задонщины», и, стремясь к краткости, отказался от повторений, использовав здесь этот текст не как украшение, а как особое повествование о литовских князьях. Сокращение как основного текста редакции, так и вставок из «Задонщины», является общей чертой обоих списков. Особенно много их

⁸⁶ Там же, стр. 21—22.

⁸⁷ Текст выписки в списке ГПБ Q.XVII.70 издан С. К. Шамбинаго (стр. 346—347).

в Q.XVII.70, исключившем вставку о «стуке и громе» (при рассказе о сборе рати), о «соколах» (при рассказе о выезде великого князя из Москвы), значительно сократившем приметы Дмитрия Волинца (так и в Попов. 2527) и т. д. Несомненно связь этих списков, однако о наличии общего протографа этих списков на данном этапе изучения «Сказания» говорить трудно, настолько переработан и изменен текст в Q.XVII.70.

Текст вставки из «Задонщины» в Попов. 2527 в целом близок Синодальному изводу, однако имеет ряд чтений извода Ундольского. «Детьми» Ольгерда литовские князья называют себя только в К-Б (в У и С — «сынове», в И-1 — пропуск), однако «внуками» Гедимина — только в И-1 и У (в К-Б и С — «внучата»). Со списком С этот текст связан и более правильной формой слова «Гедемонтовы» (в К-Б: «Едомонтовы», И-1: «Едимантовы», У: «Доментовы»), упоминанием «дружины» и сохранением полного чтения «да смотрим быстрого Дону, испием шоломы воды» (У сокращает текст, оставляя только «и посмотрим быстрого Дону»; И-1 искажает: «Посмотрим быстрого Дону, избедем шоломы мечи»; видно, как К-Б сокращает текст: «Испием, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону»). Наряду с этим в отрывке есть черты извода Ундольского в выражении «зберем, брате ... храбрю Литву» (в К-Б сокращено все предложение, в С «Литва» заменена «панамии»; в У: «Зберем, брате ... удалые Литвы»; в И-1: «Изберем братью ... удалыи Литвы»), как и в списке У кони названы «добрыми» (а не «борзыми» — К-Б, И-1, С). В Q.XVII.70 находится позднейшая переделка этого отрывка, испытавшая влияние устно-поэтической фразеологии: «посмотрим тихова Дону», «изопьем ... студеные воды», «зберем Литву и запорожен».

Эту вставку из «Задонщины» нельзя отнести к раннему этапу литературной истории «Сказания», так как она отсутствует во всех других видах «Сказания» и появляется только в двух списках Распространенной редакции. Это означает, что еще во второй половине XVI—XVII в. существовали списки «Задонщины», близкие к авторскому тексту памятника и хранящие черты еще не разделившихся обоих изводов.

* * *

В группе Архив. 70/93 есть несколько особых вставок из «Задонщины» — и редких и совсем не встречающихся в других списках «Сказания».

К числу таких особых вставок относится вставка в речь князя Дмитрия Ивановича на коломенском смотре: «И рече князь великий Дмитрий Иванович брату своему князю Володимеру Андреевичю: „Поспешим, брате, противу безбожных агарян, не утолим лица своего от безстудия их, и то мы улучим животу своему славу. Аще ли смерть прилучится нам, то не смерть, но живот есть нам. Имеем, брате, под собою борзые кони, а на себе злаченые доспехи, шелома черкаские, баданы бесерменские, колчаны фряжские и сулицы немецкие, мечи булатные, щиты московские“. Иды же путем своим, призывая сродники своя на помощь Бориса и Глеба, святых великомученик» (Эрм. 526, л. 22).

В этих списках в обычный для Распространенной редакции текст сделаны два вкрапления из «Задонщины»: «И то мы улучим животу своему славу» и «имеем, брате, под собою ... щиты московские».

Если первая фраза встречается только в группе Архив. 70/93, то ко второй фразе «Задонщины» «Сказание» уже однажды обращалось: Печатный вариант поместил речь великого князя с этой, но более большой выпиской из «Задонщины», в эпизод выезда рати из Москвы.

Печатный вариант, как установил Л. А. Дмитриев, пользовался текстом «Задонщины», близким к спискам К-Б и С, но сохранившим черты, общие для всех дошедших списков «Задонщины». ⁸⁸ Текст речи в группе Архив. 70/93 близок к списку У (ср.: «...а под собою имеем добрые кони, а на себе значены доспехи, а шелома черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные»), однако имеет чтение, отраженное И-1 и С — «борзья кони» (в И-1 — «борзья ... комони», в С — «кони борздыя»), и добавления «баданы бесерменские», которое в списках У, И-1, С в этом месте отсутствует, но имеется в тексте выше — в речи Андрея Ольгердовича («боеданы бусорманские» — У, «баиданы бесерменьския» И-1, и в косвенном падеже в С — «бонадов бесумерских»), а в К-Б употреблено в более похожей ситуации, также в соединении с различными названиями вооружения, использованного в Куликовской битве («Грянуша копия харалужная, мечи булатные, топоры легкие, щиты московския, шелома немецкие, боданы бесерменьския»). Обращает на себя внимание то, что в К-Б «шолома» и «боданы» перечисляются рядом, как и в тексте вставки в Архив. 70/93. Если учесть, что особенностью К-Б является сокращение текста «Задонщины» ⁸⁹ и сцена смотра войск (как в У, И-1, С) в К-Б отсутствует, а вслед за выездом князя сразу же рассказывается о бое «за Доном», то естественно предположить, что текст, который сокращался в списке К-Б, содержал среди перечисления русского вооружения и «боданы бесерменьския». Из этого следует, что выписка из «Задонщины» в группе Архив. 70/93 отразила текст, близкий к авторскому: в нем имелась речь князя с перечислением вооружения, и в том числе с упоминанием «бонадов бесерменских», она более полно сохранилась в списках У, И-1, С, но утеряла «боданы бесерменские», в К-Б она была исключена, но перечисление оружия (в том числе и «боданы бесерменские») попало в описание самой битвы.

Видеть в этом отрывке Архив. 70/93 факт непосредственного влияния на него К-Б (или его протографа) затруднительно, так как других случаев непосредственного влияния К-Б на текст этой группы нет.

Фраза «улучим животу своему славу» также восходит к тексту «Задонщины» (причем в списках И-1, У, С) — к речи князя Дмитрия Ивановича в самом начале памятника: «...укупим животу славу» — И-1; «укупим животу своему славы» — У; «искупим животом славы» — С (в К-Б сохранились лишь следы этого выражения в речи князей, обращенной к Дмитрию: «...укупимъ землямъ диво»). Фраза, сохранившаяся в Архив. 70/93, близка У и И-1, но представляет собой уже позднейшую передачу первоначального текста («улучим» вместо «укупим»).

Рассмотренные особенности этого отрывка в Архив. 70/93 не позволяют связывать его с аналогичными заимствованием из «Задонщины» в Печатном варианте.

Следует отметить, что группа Архив. 70/93 более точно следовала тексту «Задонщины», ибо здесь, как и в «Задонщине», эти слова принадлежат великому князю Дмитрию Ивановичу, а в Печатном варианте характеристика готовности войска принадлежит Владимиру Андреевичу. Видимо, образцом для редактора Печатного варианта послужил диалог Ольгердовичей, и по их примеру вступают в диалог и князья Дмитрий и Владимир Андреевич. Связь этого отрывка в Печатном варианте с диалогом Ольгердовичей подтверждается текстом: речь Дмитрия Ивановича

⁸⁸ См.: Дмитриев, стр. 400.

⁸⁹ См. выше, статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“».

(«... не пошадим живста своего за веру христианскую и за святыя церкви, за землю Русскую») находит свое соответствие в речи Дмитрия Ольгердовича.

* * *

Особой вставкой из «Задонщины» в Распространенную редакцию по сравнению с другими видами «Сказания» является «смех фрягов», имеющийся во всех трех группах списков (но не во всех списках). В тех списках, где есть эта вставка, она включена в текст «Сказания о смерти поганова царя Мамай». Особенно полный текст ее находится в группе Архив. 70/93: «Поганому же Мамаю отселе бежашу в лукоморье и добеже до моря, идеже бо град Кафа создан бысть, и потаившу ему имя свое и познан бысть от неких купец. Реша ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посяг на Рускую землю? То ты была Орда Залеская в первое время, но не быти тебе в Батыя царя, а воевал Русь от востока и до Запада, а казнил бог рускую землю за их грешение. А ты ныне пришел, царь Мамай, на Рускую землю со многими силами с девятью ордами и с тремя царствами и с семьюдесять и з двумя князьми, а ныне бежиши сам-девять в лукоморье, не с кем тебе зимы коротати в поле, князей с тобою и воевод нет, ничто будет. Князи руския гораздо тебя потчивали, нечто на тебя князи руския гораздо умилилися у быстрого Дону на поле Куликове и на траве ковыле. И посем убиша фрязове тии, и испроверже, окаянный, зле живот свой» (Эрм. 526, лл. 39 об.—40).

Выражение «зимы коротати» связывает текст «смеха фрягов» со списком «Задонщины» У («зимы зимовати»). Особенностью этого текста является его малая обработанность, он еще не «подогнан» к «Сказанию»: вставка сохранила выражение «Задонщины» «бежиши сам-девять в лукоморье», хотя выше в «Сказании» сообщается о бегстве Мамай с тремя князьми.

Кроме группы Архив. 70/93, «смех фрягов» в Распространенной редакции читается в группе списков II вида (Беляев. 1516) и в списке Музейн. 435.

В этих списках содержится «смех фрягов», уже согласованный с текстом «Сказания»: «Поганый же царь Мамай ускочив з бою того и пробежа в поле великое подле Дон-реку (так!), и прииде со тремя князи своими, идеже град Кафа создан бысть. И ту потаив имя свое. И тамо познаша его купцы фрязове, и поимаша его, и нача ему сице глаголати: „Како ты посяг на Русь, поганый же царь Мамай, не бывати тебе в Батыя царя, той бо всю прошед землю от востока и до запада, а казнил тогда бог Рускую землю за согрешение людское, и ныне паки та Русь спасена бысть. Ты убо, окаянный Мамаю, пошел еси с тьмами войска, а ныне прибежал еси сам-четверт, гораздо бо ты с войским (так!) твоим упоили сынове рустии у быстрого Дону, и уже не с кем тебе зимы коротати“. И сице рекше, иссекоша его мечи и с тремя князи его» (Беляев. 1516, лл. 416—417).

Мамай в соответствии с текстом «Сказания» прибежал в Кафу «сам-четверт», вместо «князей русских» здесь появилось обычное для «Сказания» наименование «сынове рустии». Так же обработан и текст Музейн. 435. Текст Музейн. 435 вообще сходен с Беляев. 1516, хотя он дает некоторые свои чтения: «И не с кем уже тебе зимы зимовати» (в полном соответствии с У, вместо чтения Беляев. 1516 и Эрм. 526 «зимы коротати»), и добавления: «Упоили рустии сынове у быстрого Дону, на поле Куликове, на реке Непрядве» (в И-1, У и С — нет). Беляев. 1516 сохранил чтение «ускочив з бою» (ср. И-1 — «отскочи», У — «отскоча»).

Синодальному списку «Задонщины» близки следующие чтения в тексте Беляев. 1516 и Музейн. 435: «Поганыи же ... царь Мамай ... а ныне прибег еси к нам» (так в Музейн. 435, в Беляев. 1516 — «прибежал еси»). У этих двух текстов был свой источник «смеха фрягов», отличающийся от Архив. 70/93.

Текст в группе Архив. 70/93 только ему присущими чтениями более тесно связан с «Задонщиной» типа У и И-1: «Орда Залеская» есть в У и И-1, но отсутствует в С; «в первое время» свойственно только И-1; «... князи русские гораздо подчивали» читается только в У. Но и в Архив. 70/93 сохранились чтения, близкие С: Мамай пришел на Русь «с девятью ордами и с тремя царствами и с семьюдесятью и з двумя князьми».

Различно было и место «смеха фрягов» в композиции конца «Сказания»: оно определялось местом краткого известия о смерти Мамаея, названного в Распространенной редакции «Сказанием о злѣи смерти Мамаеви».

Недостаточная текстологическая изученность «Сказания» не позволяет сейчас точно ответить на вопрос, на каком этапе литературной истории «Сказания» попадает в его состав эта вставка из «Задонщины». По-видимому, это вставка, присущая только Распространенной редакции. Единственный список Основной редакции с отрывком из этого текста — это список ГБЛ, собр. Оптиной пустыни № 48, но в нем текст прошел уже позднюю обработку.

Сравнение всех трех текстов показывает, что они располагали таким текстом «Задонщины», где сохранились еще чтения обоих изводов: и Синодального, и Ундольского, т. е., по-видимому, это был текст, еще недалеко ушедший от протографа всех списков «Задонщины».

* * *

Кроме вставок из «Задонщины», в нескольких списках Распространенной редакции находится фраза «возсия хула на хвалу», непосредственно сближающая текст «Сказания» со «Словом о полку Игореве».

Подробный анализ этого заимствования в «Сказании» уже сделан в статье Л. А. Дмитриева.⁹⁰

Нельзя не согласиться с Л. А. Дмитриевым, высказавшим мысль о том, что источником чтений, близких «Слову о полку Игореве», в «Сказании», в разных его списках, был текст типа Уваров. 802. Но списки с чтениями, близкими «Слову», — это списки разных редакций и вариантов. Из этого следует вывод об особой близости Уваров. 802 к протографу «Сказания», обладавшему гораздо большим количеством устно-поэтических черт, украшений из «Задонщины», и, возможно, большими связями со «Словом о полку Игореве», чем дошедшие до нас списки. О близости Уваров. 802 к протографу «Сказания» свидетельствует и тот факт, что, вероятно, список такого рода послужил источником для Распространенной редакции. Можно думать, что текст одной из его частей — «песни о новгородской помощи», послужил источником «Повести о мужех-новгородцех» Распространенной редакции.

Уточним, что фраза эта о «хуле» и «хвале» встречается в двух группах списков «Сказания»: в I группу входят два списка Основной редакции — Уваров. 802, ГПБ F. IV, 231 (Ермолаевский) и три списка Распространенной редакции — Тихонр. 230, Оболен. 71, Тихонр. 337 (вторая группа I вида), чтения их рассмотрены Л. А. Дмитриевым.⁹¹

⁹⁰ См.: Дмитриев, стр. 436—438.

⁹¹ Четыре списка из пяти дают чтение «возсия хула на хвалу» — Тихонр. 230, Оболен. 71, Уваров. 802, деформированное в Ермолаевском: «...уже восияха на

Существует и другая группа списков со сходной фразой; к этой второй группе списков относятся списки только особой группы Распространенной редакции — Архив. 70/93, Эрм. 526, Тихонр. 238. Здесь эта фраза о «хуле» и «хвале» включена в текст в составе всего фрагмента из «Задонщины». Отрывок помещен после рассказа о выезде засадного полка, как апофеоз победы русских, и фраза эта находится здесь уже в переработанной форме, удаленной от «Слова»: «Вознесся слава руская на поганных, уже бо ввержен скипетр на землю» (Эрм. 526, л. 36 об.).

Независимость этих отрывков в этих двух группах в «Задонщине» и «Сказании» очевидна. По-видимому, этот фрагмент «Слова» был переработан в «Задонщине» и самостоятельно, независимо от нее использован в «Сказании» на раннем этапе жизни текста, когда Основная и Распространенная редакции еще не разошлись.

Изучение заимствований из «Задонщины» в различных списках Распространенной редакции и сопоставление их с текстами других редакций «Сказания» позволили прийти к следующим выводам.

Отрывки и отдельные фразы, вставленные из «Задонщины» в «Сказание», — не единственный вид заимствований из «Задонщины». «Задонщина» была использована и в самом авторском тексте. Характер обращения «Сказания о Мамаевом побоище» к «Задонщине» был двояким — стилистическим и источниковедческим. Текст «Задонщины» использовался и как материал для украшения стиля «Сказания», и, наряду с Летописной повестью, как источник по истории Куликовской битвы.

Следы использования «Задонщины» в авторском тексте «Сказания» указывают, что автор его располагал текстом «Задонщины», обладавшим особенностями и К-Б и полных списков памятника, т. е. текстом, близким к первоначальному, причем объем его соответствовал объему дошедшего до нас текста «Задонщины» в изводе Ундольского.

Распространенная редакция содержит тот же ряд основных вставок из «Задонщины», что и Летописная и Основная редакции (исключение составляют несколько поздних списков и переделки редакции). Это свидетельствует о том, что использование «Задонщины» было произведено на очень раннем этапе жизни «Сказания».

Тексты Распространенной редакции полностью подтверждают вывод Л. А. Дмитриева о том, что автор первоначальных вставок из «Задонщины» в «Сказание» пользовался протографом дошедших до нас списков «Задонщины», объединявшим в своем тексте чтения Синодального извода и извода Ундольского, и что объем протографа сохранившихся списков «Задонщины» полнее сохранился в списках извода Ундольского.

Вторичные вставки из «Задонщины» в отдельные группы и списки Распространенной редакции свидетельствуют о том, что в руках ее редакторов и писцов (т. е. в течение второй половины XVI—XVII в.) были еще списки «Задонщины», сохранившие черты этого общего протографа.

Данные Распространенной редакции показывают, что в «Сказании» отразилось и «Слово о полку Игореве», причем дважды: в виде вставок из «Задонщины», обладавшей в протографе еще большим сходством со «Словом», и в виде цитат непосредственно из «Слова», внесенных в текст «Сказания» еще до возникновения отдельных редакций памятника.

хвалу же», и только один — Тихонр. 337 — «возляя хвала на хулу». Это позволяет считать чтение Тихонр. 337 индивидуальным чтением списка и не принимать его во внимание.

Ю. К. БЕГУНОВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

1. ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И «СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Житие Александра Невского служило литературным образцом для многих произведений древнерусской литературы — житий Довмонта-Тимофея, Дмитрия Донского, царя Федора Ивановича, «Летописной повести о Мамаевом побоище».¹ О близкой связи последней с Житием Александра Невского писали С. М. Соловьев,² И. Назаров,³ С. К. Шамбинаго,⁴ В. Мансикка,⁵ Я. Фрчек,⁶ А. Вайян⁷ и в настоящем сборнике М. А. Салмина в статье «„Летописная повесть“ о Куликовской битве и „Задонщина“». Влияние Жития Александра Невского на «Летописную повесть» о Мамаевом побоище представлялось полностью доказанным и А. А. Шахматову.⁸ Однако последний возражал С. К. Шамбинаго по вопросу о том, в какой редакции было известно Житие Александра Невского составителю «Летописной повести». По мнению А. А. Шахматова, в «Летописной повести» отразилась первая, а не вторая редакция Жития Александра Невского.⁹ В работе, опубликованной в настоящем сборнике, М. А. Салмина пришла к следующим выводам: 1) на «Летописную повесть» влияло Житие Александра Невского первого вида второй редакции (НЛ младшего извода), а не второго вида второй

¹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и тексты). — ПДП, т. CLXXX, СПб., 1913, стр. 218—225.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. IV, кн. 2. Изд. 2-е, М., 1960, стр. 663.

³ И. Назаров. Сказание о Мамаевом побоище. — ЖМНП, ч. ХСІХ, СПб., 1858, отд. II, стр. 50—52.

⁴ Шамбинаго, стр. 47, 66—71.

⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 218—219.

⁶ Frček, стр. 67—72.

⁷ Vaillant, стр. 70—71.

⁸ Шахматов. Отзыв, стр. 121—122.

⁹ Вторая редакция Жития Александра Невского представляет собою соединение текста Новгородской I летописи старшего извода с Житием Александра Невского первой редакции. Она отразилась в Новгородской I летописи младшего извода (первый вид), Софийской I летописи (второй вид) и в Лихачевском списке (рукопись ЛОИИ, собрание Н. П. Лихачева, № 271, конца XV в.) (третий вид). Распределение на редакции и виды дается нами на основе изучения истории текста Жития Александра Невского по рукописям.

редакции (СИА); 2) это влияние было значительно меньшим, чем считал С. К. Шамбинаго. В результате приведенные С. К. Шамбинаго примеры и параллели из Жития Александра Невского СИА отпадают, а другие нуждаются в уточнении и замене их примерами и параллелями из НИЛ младшего извода.¹⁰

«Летописная повесть», как считают С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматов, послужила источником «Сказания о Мамаевом побоище»,¹¹ его «главной моделью», по выражению А. Вайяна.¹² Естественным было бы ожидать, что следы Жития Александра Невского, находящиеся в «Летописной повести», попали в «Сказание» через посредство этой повести. У С. К. Шамбинаго и А. Вайяна мы находим отдельные замечания о следах Жития Александра Невского в рассказе «Сказания» о раскаянии Олега Рязанского и о сходстве рассказа «Сказания» о видении Фомы Кащибея с рассказом Жития Александра Невского о видении Пелгусия.¹³ Но этот последний рассказ отсутствует в «Летописной повести». Значит ли это, автор «Сказания» самостоятельно обращался к тексту Жития Александра Невского, минуя свой непосредственный источник — «Летописную повесть»? В современной научной литературе мы не находим ответа на этот вопрос. Сопоставлений текстов Жития Александра Невского и «Сказания» никто не производил, поэтому до сих пор остается неясным, в какой мере и какая редакция Жития Александра Невского повлияла на «Сказание». Между тем решение этой проблемы могло бы иметь значение и для определения источников «Сказания» и, может быть, для уточнения его датировки.

Для сопоставления мы привлекаем тексты Жития Александра Невского и «Сказания» по научным изданиям, основывающимся на изучении литературной истории текста по всем известным рукописям:

- 1) вторая редакция Жития Александра Невского (первый вид);¹⁴
- 2) вторая редакция Жития Александра Невского (второй вид);¹⁵
- 3) «Сказание о Мамаевом побоище» (основная редакция);¹⁶
- 4) «Летописная повесть» о Куликовской битве.¹⁷

Легко заметить, что автор «Сказания» следует за стилистическим планом Жития Александра Невского.

В Житии — король «части Римьския от полунощныя страны», отправляясь в поход, хвалится пленить землю Александрову, в «Сказании» — «безбожный» Мамай также хвалится убить русского князя и завладеть Русью.

«Сказание», Основная редакция Житие, II редакция, 2-й вид

Слышав же безбожный Мамай от своих татар, и нача подвижен быти и диаволом палим непрестанно, ратуа на

Се же слышав, король части Римьския от полунощныя страны таковое мужество великаго князя Александра Яро-

¹⁰ Подробнее см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 365—368 настоящего сборника.

¹¹ Шамбинаго, стр. 142—151; Шахматов. Отзыв, стр. 170—177.

¹² Vaillant, стр. 71.

¹³ Шамбинаго, стр. 218—219; Vaillant, стр. 70, 82.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова, М.—Л., 1950, стр. 289—306, 312—313 (далее: НИЛ).

¹⁵ Софийская первая летопись. — ПСРЛ, т. V, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1925, стр. 220—240; т. V, изд. 1-е, СПб., 1851, стр. 188—199 (далее: СИА).

¹⁶ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция. Подготовил Л. А. Дмитриев. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Отв. ред. М. Н. Тихомиров, М., 1959, стр. 47—76 (далее: Сказание).

¹⁷ Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, изд. 2-е, Пгр., 1915, стр. 310—320; Л., 1925, вып. 2, стр. 321—325 (далее: Летописная повесть).

христианство. И бе в себе нача глаголати к своим еулпатам и ясаулом, и князем, и воеводам, и всем татаром, яко аз не хошу тако сътворити, яко же Батый. Нъ егда доиду Руси и убюю князя их, и которые грады красные довлеютъ нам, и ту сядем и Русью владеем, тихо и безмятежно поживем. А не ведый того оканный, яко господня рука высока есть. И по малех днех перевезеся великую реку Волгу с всеми силами. И ины же многы Орды к своему великому въинству съвокупи и глагола им: «Поидем на Русскую землю и обогатеем русским златом!». Поиде же безбожный на Русь, акы лев ревый пыхаа, акы неуголимая ехыдна гневом дыша. И доиде же до усть реки Вороножа и распусти всю силу свою и заповеда всем татаром своим, яко: «Да не пашете ни един вас хлеба, будите готовы на русскыа хлебы!»¹⁸

славича, и помысли в себе победити его или руками яти и великий Новъгород поплентити, и вся грады их и люди Словеньския к себе в работу сътворити: «Пойду и пленю всю землю великаго князя Александра Ярославича». И събра силу велику: местири, и бискупи свои, и Свея, и Мурмане, и Сумь, и Емь. И наполни корабля многи зело полков своих, и подвижесе в силе велице, пыхая духом ратным. И прииде в реку Неву и стаща Усть Жеры, шатаеся безумием своим, хотя въсприяти Ладогу, просто же рку, и Новъгород и всю область Новгородъскую.¹⁹

Из сравнения этих двух отрывков видна не только близость отдельных слов и выражений «Сказания» и Жития, но и сходство в самом построении рассказа о пришествии врагов на Русскую землю.

Выражение «перевезеся великую реку Волгу» появилось в «Сказании» под влиянием Жития Александра Невского, где говорится о том, что «король части Римской» «прииде» (или «преиде», т. е. перешел) реку Неву.

Если Мамай двигался на Русь из Сарая-Берке, то ему действительно нужно было переправиться через Волгу. Однако в конце 70-х годов XIV в. Сарай-Берке Мамаю не принадлежал: в нем сидели правители Тимур-Мелика, сына Урусхана (нам известно имя одного из них — Мохаммед-Оглана с титулом хана сарайского),²⁰ Хаджи-Черкес из Астрахани и Арабшах, сын Пулода,²¹ пока они не были весной 1381 г. свергнуты Тохтамышем.²²

Согласно Ибн Хальдуну, к 1374—1375 гг. Мамай утвердился в Крыму и сохранил власть над землями от Крыма до Волги. Очевидно, что он мог двигаться с войском из Крыма, вдоль Дона, собирая силы по всей Половецкой степи. В «Сказании» говорится, что Мамай остановился у места впадения р. Воронеж в Дон. В «Летописной повести» о пути Мамаю на Русь ничего не сообщается, кроме того, что Мамай и Олег Рязанский договорились встретиться у Оки. А. Вайян полагает, что упоминание

¹⁸ Сказание, стр. 44.

¹⁹ СИА, стр. 222.

²⁰ H. H. H. o w o r t h. History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century, part II, division, 1. London, 1880, стр. 225.

²¹ Известны монеты с именем Арабшаха, чеканенные в Сарае в 1377—1378 гг. (B. S p r i l e r. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223—1502. Leipzig, 1943, стр. 123.

²² Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский дают другую дату окончательного овладения Золотой Ордой Тохтамышем — весна 779 г., т. е. 1377—1378 гг. (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 321). Однако эта дата не подтверждается и не опровергается источниками (Низам-ад-дин Шами. Шереф-ад-дин Йезди. «Аноним Искендера», Ибн Хальдун). По словам Ибн Хальдуна, Тохтамыш, утвердившись в Ак-Орде, отправился весной (год не указывается) в Сарай и отнял его у преемников Урусхана, затем изгнал Хаджи-Черкеса из Астрахани и лишь после этого двинулся в Крым, где укрылся Мамай. Очевидно, что Мамай не мог затевать большой поход на Русь осенью 1380 г., имея в тылу, в Сарае-Берке, такого опасного врага, каким был Тохтамыш. Следует, на наш взгляд, признать вероятной датой покорения Тохтамышем Золотой Орды — весну 1381 г.

р. Воронежа появилось в «Сказании» под влиянием рассказа русских летописей о походе Батыя на Русь 1237 г. и «Повести о разорении Рязани», в которых рассказывается о р. Воронеже как о месте средоточения войск Батыя.²³ Это весьма вероятно, тем более, что в отдельных выражениях «Сказания», встречающихся в том же эпизоде («слышав же...», «нача подвижен быти...», «перевезеся великую реку Волгу», «пыхая», «и дойде же до усть реки Вороножа») мы усматриваем сходство с аналогичными выражениями Жития Александра Невского II редакции (в I редакции выражения «сташа усть Жеры» нет).

В сходных выражениях говорится о князе Александре в Житии Александра Невского и о князе Дмитрие в «Сказании» — оба автора подчеркивают христианское смирение своего героя перед проiscaми врагов:

<p>«Сказание», Основная редакция А. огосударь князь великий Дмитрий Иванович смирен человек и образ нося смиреномудрия... О таковых бо пророк рече...²⁴</p>	<p>Житие, II редакция, 1-й вид О таковых рече Исая пророк: князь благ в странах, тих, увелив, кроток и смирен по образу божию есть.²⁵</p>
--	--

«Новым Александром» называют князя Дмитрия князья и воеводы: «Радуйся князю наш, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагом».

Узнав о том, что враг идет на Русскую землю, оба князя ведут себя одинаково: князь Александр — по Житию — «разгореся сердцем» и, упав на колени, стал молиться святой Софии, обливаясь слезами, князь Дмитрий — по «Сказанию» — «вельми опечалися», тоже, упав на колени, стал молиться богу.

<p>«Сказание», Основная редакция Слышав же то князь великий Дмитрий Иванович... и пад на колелу свою, нача молитися.²⁶</p>	<p>Житие, II редакция, 2-й вид Велиди же князь Александр Ярославич, слыша в словеса их... и паде на колелу пред олтарем, и нача молитися, с слезами.²⁷</p>
---	---

Гордости и высокоумию «короля части Римской» и Мамаея противопоставляются смиренномудрие и кротость Александра Невского и Дмитрия Донского. В самом обращении обоих князей за помощью к богу в момент наивысшей опасности подчеркивается их моральное превосходство над врагами Русской земли.

Имеются совпадения и в самих текстах молитв, произносимых князем Александром накануне Невского сражения в церкви св. Софии и князем Дмитрием 27 августа в церкви св. богородицы:²⁸

²³ См.: Vaillant, стр. 77; ср.: ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 221; т. III, СПб., 1841, стр. 51; т. VII, СПб., 1876, стр. 139; т. X, СПб., 1885, стр. 105; т. XV, изд. 1-е, СПб., 1863, стлб. 366; т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 156; т. XXIII, СПб., 1910, стр. 74; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 126; т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 21; т. XXVIII, М.—Л., 1963, стр. 52, 210; Д. С. Лихачев. Повести о Николае Зарзском (тексты). — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 288.

²⁴ Сказание, стр. 46.

²⁵ НИЛ, стр. 305.

²⁶ Сказание, стр. 46.

²⁷ СИЛ, стр. 222.

²⁸ В эпизоде, рассказывающем о вступлении в битву засадного полка, автор «Сказания» изображает князя Владимира Андреевича молящимся с поднятыми к небу руками, вкладывает ему в уста следующие слова: «Боже, отец наших, сътвори выи небо и землю» (Сказание, стр. 70), которые напоминают аналогичные слова из молитвы князя Александра накануне Невского сражения.

«Сказание», Основная редакция

Господи боже наш, владыко страшный, крепкий...

Суди, господи, обидящим мя и възбрани борющимся с мною, прими, господи, оружие и щит и стани в помощь мне.²⁹

Житие, II редакция, 2-й вид

Боже хвальный, боже праведный, боже великий и крепкий...

Суди, господи, обидящим мя и възбрани борющимся со мною, прими оружие и щит, стани в помощь мне.³⁰

После совершения молитвы оба князя ведут себя совершенно одинаково: кланяются архиепископу, последний их благославляет и отпускает.³¹

Перед решающей битвой оба князя — князь Александр перед Ледовой, а князь Дмитрий перед Куликовской — опять молятся, воздев руки к небу, и произносят примерно одинаковые слова:³²

«Сказание», Основная редакция

И въздев руце на небо, нача плакаться, глаголя: «Владыко господи человеколюбче, молитв ради святых мученик Бориса и Глеба, помози ми, яко же Моисию на Амалика и прьвому Ярославу на Святоплъка, и прадеду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римьскаго, хотящаго разорити отечество его».³³

Житие, II редакция, 2-й вид

Великий же князь Александр, въздев руце на небо и рече: «Суди, боже, и рассуди прю мою от языка велеречива. Помози ми, господи, яко же древле Моисееви на Амалика и прадеду моему великому князю Ярославу на окаяннаго Святополка».³⁴

В последних словах молитвы, вложенных в уста князя Дмитрия, автор «Сказания» обнаруживает свое знакомство с рассказом Жития о том, как князь Александр победил шведов в 1240 г. на берегу реки Невы.³⁵

В стремлении автора «Сказания» изобразить Дмитрия Донского «под Александра Невского» можно видеть не случайность, а закономерность, вытекающую из стремления дать идеальный образ своего героя в соответствии с древнерусской литературной традицией. «В самой трактовке и освещении автором „Сказания“ образа великого князя, — пишет Л. А. Дмитриев, — перед нами не отражение исторической действительности, а отражение идеологии автора „Сказания“, отражение в образе князя московского не того, что было на самом деле, а того что хотел бы видеть автор „Сказания“ в великом князе московском в соответствии со своим представлением об идеальном князе ... Прежде всего здесь должна быть отмечена подчеркиваемая автором памятника религиозность великого князя, его христианские „кротость“ и „смирение“. Можно думать, что подобная „житийность“ облика великого князя московского в „Сказании“, соответствующая риторичности этого памятника вообще, в конечном счете,

²⁹ Сказание, стр. 52—53.

³⁰ СЛ, стр. 222.

³¹ Ср.: Сказание, стр. 53; СЛ, стр. 222.

³² Также воздевает руки к небу и плачет во время молитвы князь Владимир Андреевич: «Князь же Владимир Андреевич въздев руце на небо и поослезися горко и рече...» (Сказание, стр. 70).

³³ Там же, стр. 65.

³⁴ СЛ, стр. 227.

³⁵ Автор «Сказания» говорит о победе князя Александра на Неве («Ярослав, перевезеся реку, Святоплъка победи, прадед твой князь великий Александр, Неву перешед, короля победи») (Сказание, стр. 61), но при этом он делает ошибку, утверждая, что князь Александр перешел реку Неву. В действительности Невское сражение происходило на левом берегу Невы, близ устья реки Ижоры, и князю Александру вовсе не надо было переходить Неву, чтобы победить шведов.

как и эта риторичность, обусловлены стремлением автора восхвалить, превознести Дмитрия Донского.³⁶

Сходство наблюдается и в приемах описания Ледового побоища в Житии и Куликовской битвы в «Сказании»:

«Сказание», Основная редакция

Житие, II редакция, 2-й вид

... свитающу пятку, въсходящу солнцу, мгляну утру сущу ... И съступишася грозно обе силы великиа ... И бысть труск и звук велик от копейнаго ломления и от мечнаго сечения, яко немощно бе сего гръкого часа зрети никакже, и сего грознаго побоища.³⁷

Бе бо тогда день суботный, въсходящу солнцу... И съступишася обои полци... И бысть ту сеча зла и велика Немцем и Чюди, трускы от копий ломления и звук от мечнаго сечения, яко же морю померзъшу двинутися.³⁸

Автор «Сказания» вслед за автором Жития вносит в повествование элемент «чуда» — «небесные силы», помогающие князю Дмитрию одержать победу. Нетрудно заметить, что этот эпизод, начинающийся словами «Се же слышхом от вернаго самовидца», дополняет и развивает рассказ Жития о «полке божи на въздусе, пришедше на помощь великому князю Александру Ярославичю в Ледовом побоище».³⁹ Автор «Сказания» подчеркивает, что победа на Куликовом поле была одержана благодаря помощи Бориса и Глеба: 1) собирая войска, князь Дмитрий «призываше сродники своа на помощь, святых страсотръпец Бориса и Глеба», 2) перед битвой он обращается с молением к святым мученикам Борису и Глебу, 3) во время битвы русские гонят татар «силою святого духа и помощию святых мученик Бориса и Глеба», дважды говорится о том, что победа была одержана «милостью божиею и пречистые его матери, пособием и молитвами сродник наших святых мученик Бориса и Глеба ... их же виде Фома Кацибеев, разбойник, егда на сторожы стоя». Тем же уважением к культу Бориса и Глеба проникнуто и Житие Александра Невского. В последнем имеется целый рассказ о видении Пелгусием князей Бориса и Глеба, якобы спешащих на помощь князю Александру перед Невским сражением.⁴⁰ Автор «Сказания» заимствует этот рассказ из Жития, значительно перерабатывая его и приспособляя к своему изложению.⁴¹

Особое внимание авторов Жития и «Сказания» к святым Борису и Глебу объясняется, на наш взгляд, той ролью, которую играл культ Бориса и Глеба в общественно-политической жизни Руси: он не только способствовал утверждению феодальной идеологии (подчинение младшего князя старшему), но и служил своеобразной идеологической защитой от внешних врагов. В «Сказании» он играет двойную роль: 1) двоюродный

³⁶ Л. А. Дмитриев. «Сказание о Мамаевом побоище». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, машинопись (хранится в ИРЛИ), стр. 212—213.

³⁷ Сказание, стр. 66, 69.

³⁸ СІА, стр. 227—228.

³⁹ Ср.: Сказание, стр. 70; СІА, стр. 228.

⁴⁰ СІА, стр. 223; Мотив Жития — князь Александр велит Пелгусию никому не рассказывать о видении — еще два раза повторяется в «Сказании»: 1) князь Дмитрий узнал пророчество Сергия о победе и «архиепископ же повеле сия словеса хранити, не поведати никому же», «князь же великий обвеселися сердцем и не поведает никому же...»; 2) воевода Вольнец, рассказав князю Дмитрию «о надвое плачущей земле», сказал: «Не подобает тебе, государю того в пльцех поведати» (Сказание, стр. 52, 65).

⁴¹ Сказание, стр. 65

брат великого князя — князь Владимир Андреевич Серпуховский должен подчиняться старшему в роде великому князю;⁴² 2) заступничеству Бориса и Глеба обязаны русские воины победой над врагом.

Перед решающим для исхода Куликовской битвы выступлением засадного полка воевода Вольнец произносит речь к князю Владимиру Андреевичу и к воинам, отдельные слова и выражения которой похожи на слова и выражения из речи дружинников к князю Александру перед Ледовым побоищем. Совпадает и характеристика воинов засадного полка с характеристикой дружинников князя Александра:

«Сказание», Основная редакция

Възопи же Вольнец гласом великим: «Княже Владимир, наше время приспе, и час подобный прииде! ... Бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща, аки львовы, аки лютии вльци на овчии стада приидоша».⁴³

Житие, II редакция, 2-й вид

Тако бо бяше у великаго князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давида царя силнии и крепци. Тако же воя великаго князя Александра исполнишася духа ратна: бяху бо сердца им, акы львом, и ркоша: «О княже нашъ, честный и драгий! Ныне приспе время положить главы своя за тл».⁴⁴

Окончательная победа, бегство неприятеля и его преследование русскими воинами описано в Житии и в «Сказании» в сходных выражениях.

«Сказание», Основная редакция

И обратишася погани и даша плещи и побегоша. Сынове же русские, силою святого духа и помощью святых мученик Бориса и Глеба, гоняще, сечаху их, аки лес клоняху.⁴⁵

Житие, II редакция, 2-й вид

И даша ратнии плещи своя на раны и сечахуть я, гонящи, яко по аеру.⁴⁶

Совпадения отдельных слов и выражений Жития и «Сказания» мы можем наблюдать в целом ряде случаев.

1) Еще С. К. Шамбинаго указывал следы Жития Александра Невского в рассказе «Сказания» о раскаянии Олега Рязанского: «Слышав же то князь Олег Рязанский, яко князь великий съвѣкупися с многими силами и грядеть в стретение безбожному царю Мамаю и наипаче же въоружен твърдо своею верою, еже к богу вседръжителю, вышнему творцу всю надежу възлагаа. И нача блюстися Олег Рязанский и с места на место преходити с единомысленники своими, глаголя: «Аще бы нам мощно послати вестъ к многоразумному Вольгорду Литовьскому противу такова приключника».⁴⁷

Отмеченные в этом рассказе выражения близки к следующим выражениям Жития: «Се же слышав...»; «ни оному бысть послати когда вестъ ко отцу»; «и начаша же потом блюстися имени его»; «тем же новгородци мнозии не совокуписа ся».⁴⁸

⁴² Догадка Л. А. Дмитриева. См.: Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище». Диссертация, стр. 208—209.

⁴³ Сказание, стр. 71.

⁴⁴ СИЛ, стр. 227.

⁴⁵ Сказание, стр. 71.

⁴⁶ СИЛ, стр. 228.

⁴⁷ Сказание, стр. 57.

⁴⁸ СИЛ, стр. 221, 223, 229.

2) Знакомство автора «Сказания» с Житием чувствуется в словах Ольгердовичей, обращенных к князю Дмитрию: «...яко не в силе бог, нъ в правде»;⁴⁹ ср.: в Житии Александра Невского: «Не в силах бог, но в правде».⁵⁰

Сравнение русского войска с войском Александра Македонского, возможно, также заимствовано из Жития Александра Невского, где Александр Невский сравнивается с Александром Македонским. Здесь автор «Сказания» повторяет выражения Жития, не заботясь о существе образа:

«Сказание», Основная редакция

Житие, II редакция, 2-й вид

Сему же удившася литовьскыи князи, рекуще в себе: «Неть было преже нас, ни при нас, ни по нас будеть таково вьиньство уряжено. Подобно есть Александра царя Макидоньскаго вьиньству».⁵¹

...о храбром, тезоименитнаго царя Александра Макидоньскаго, подобник царю Алехвусу.⁵²

Итак, подведем итоги. Житие Александра Невского оказало большое влияние на стилистический план, на композицию отдельных эпизодов, на приемы обрисовки основных образов «Сказания о Мамаевом побоище», на фразеологию «Сказания». Автор «Сказания» обращался к Житию Александра Невского непосредственно, минуя свой источник — «Летописную повесть», гораздо чаще и шире, чем автор «Летописной повести».

Остается решить вопрос, какая же редакция Жития Александра Невского находилась в руках автора «Сказания». Очевидно, что это была, по всем приметам, вторая редакция (см. сопоставление текстов на стр. 478—484). Остается лишь уточнить вид этой редакции — I (НІЛ) или II (СІЛ).

О том, что автор «Сказания» пользовался именно II видом второй редакции Жития, говорят три следующих чтения: 1) «до усть реки Вороножа»; 2) «не глаголи того, друже, никому же» (в рассказе о видении Фомы Казибея); 3) «подобно есть Александра царя Макидоньскаго»; этих чтений нет в I виде второй редакции, они есть только во II виде второй редакции и в более поздних, зависимых от СІЛ текстах (Воскресенская, Никаноровская, Вологодско-Пермская и другие летописи).

Дата II вида второй редакции Жития, сложившегося одновременно с летописным сводом, — это дата СІЛ, которую А. А. Шахматов определяет между 1448—1462 гг.⁵³ Следовательно, судя по тексту Жития Александра Невского, отразившемуся в «Сказании», последнее не могло возникнуть раньше середины XV в. (т. е. конца 40—начала 60-х годов). Впрочем, этот предварительный вывод должен быть подкреплен тщательным изучением литературной истории текста «Сказания» всех групп или вариантов основной редакции по всем спискам, с учетом истории текста

⁴⁹ Сказание, стр. 61.

⁵⁰ СІЛ, стр. 222.

⁵¹ Сказание, стр. 63.

⁵² СІЛ, стр. 220—221; в НІЛ и в первой редакции Жития этого текста нет.

⁵³ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 213; ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 163, рис. 5. Дальнейшее уточнение даты СІЛ — задача будущих исследователей.

всех остальных редакций «Сказания». Только в результате такого исследования можно будет точно определить, на каком этапе жизни «Сказания» в нем появились упоминания тех или иных фактов или событий, те или иные литературные амплификации и добавления, сокращения и перестановки.

Обратимся теперь к другим данным, которые продолжают историко-литературный комментарий к «Сказанию» и, может быть, помогут уточнить датировку.

Нижняя граница даты «Сказания» устанавливается на основании анализа текста Вологодско-Пермской летописи. Согласно А. А. Шахматову, М. Н. Тихомирову, И. М. Кудрявцеву и В. И. Буганову, в основе Вологодско-Пермской летописи лежит общерусский свод 1472 г., отразившийся также в Никаноровской летописи и в Московском своде 1479 г.⁵⁴ В Лондонском (доведенном до 1495 г.), Академическом и Музейном (доведенных до 1528 г.) списках Вологодско-Пермской летописи под 1380 г. содержится «Летописная повесть» такая же, как в Никаноровской летописи. Значит, в архетипе Вологодско-Пермской летописи, составленном между 1492—1494 гг. при дворе архиепископа Филофея, также содержалась «Летописная повесть», как в Никаноровской летописи. Однако в Лондонском списке, который представляет собою свод конца 90-х годов XV в. (не позднее 1502 г.),⁵⁵ под 1380 г. после «Летописной повести» оказалась добавленной еще одна повесть о Куликовской битве — «Сказание», по тексту близкое к основной редакции «Сказания». Именно добавленной, так как в своде конца 20-х годов XVI в. Вологодско-Пермской летописи, основывающемся на своде 1492—1494 гг. и отразившемся в Академическом и Музейном списках Вологодско-Пермской, «Сказание» отсутствует; есть только «Летописная повесть». Мы полагаем, что «Сказание» мог вставить в текст летописи составитель свода 1499 г., по всей вероятности, также составлявшегося при дворе архиепископа Филофея. Значит, уже до конца 90-х годов XV в. «Сказание о Мамаевом побоище» существовало как отдельное произведение.⁵⁶ Текст Лондонского списка «Сказания», на наш взгляд, еще не дает представления о том, каким был первоначальный текст «Сказания». На первый взгляд, текст Лондонского списка создает впечатление сокращения текста основной редакции.

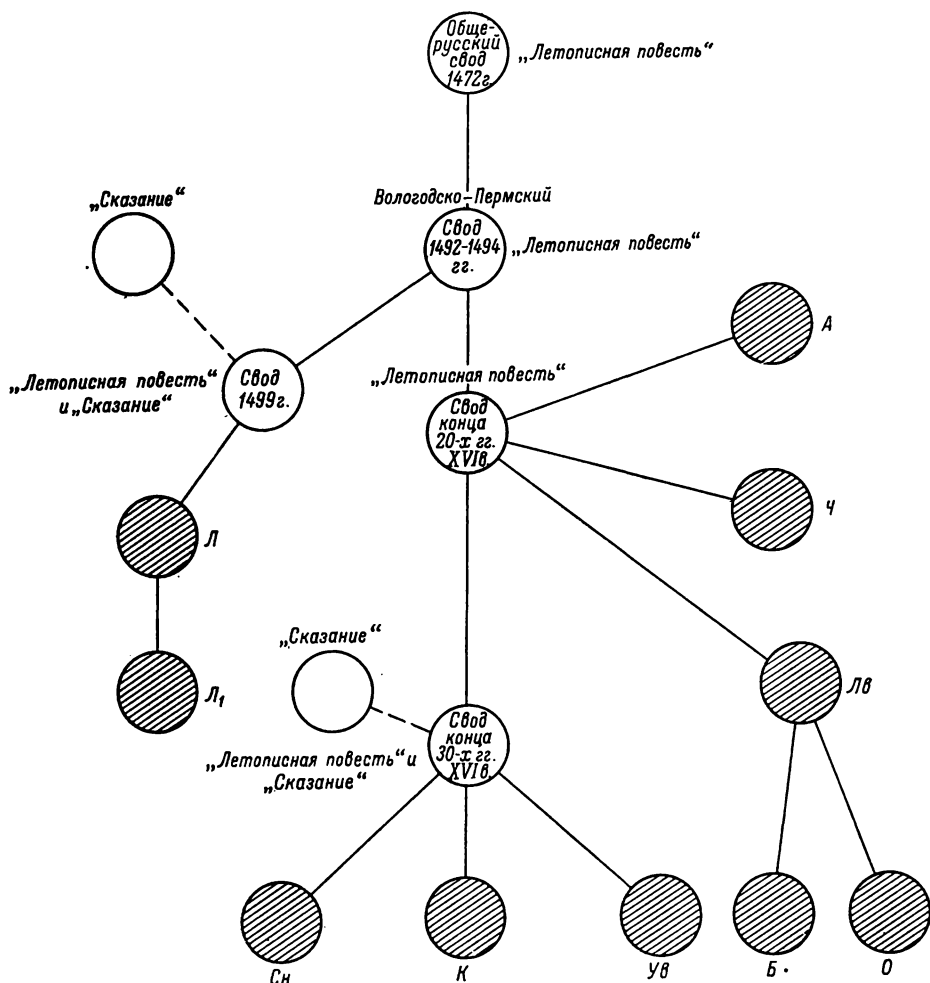
В Московском своде конца 30-х годов XVI в. Вологодско-Пермской летописи под 1380 г. находится компиляция текста «Летописной повести» с текстом «Сказания», также близким к основной редакции.

Предлагаем следующую схему литературной истории повестей о Куликовской битве в составе Вологодско-Пермской летописи.

⁵⁴ А. А. Шахматов. Обзор русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 346—354; М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи.—В кн.: Проблемы источниковедения, т. III. М., 1940, стр. 225—244; И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV—начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию.—Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 25, М., 1962, стр. 220—288; В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в.—В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова, М., 1963, стр. 158—165; ср.: Предисловие к изд. Вологодско-Пермской летописи.—ПСРЛ, т. 26, М.—Л., 1959, стр. 3—8.

⁵⁵ В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV—начала XVI в., стр. 164—165.

⁵⁶ М. А. Салмина вносит еще одно уточнение в датировку «Сказания», указывая на следы этого произведения в Сокращенных сводах 1493—1494 гг. (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 352—353).

1. Схема взаимоотношения списков Вологодско-Пермской летописи.

Условные обозначения списков: А — Академический; Б — Белевского; К — Кирилло-Белозерский; Л — Лондонский; Л₁ — копия Лондонского списка XIX в.; Лв — Лавровского; О — Оссолинских; Сн — Синодальный; Ув — Уваровский; Ч — Чертковский.

2. СОБЫТИЯ И ИМЕНА В «СКАЗАНИИ»

1) Движение войск к Куликову полю

«Сказание о Мамаевом побоище» гораздо в большей степени, чем «Летописная повесть» и «Задонщина», насыщено фактами и подробностями, отсутствующими в других источниках: о движении войск к месту битвы, об «уряжении» полков, о ходе битвы и т. п. В «Сказании» фигурирует множество имен участников Куликовской битвы, проверить полноту которых не всегда представляется возможным из-за отсутствия источников. Между тем установить, какие имена и факты, сообщаемые в «Сказании», являются подлинными, а какие следует отнести за счет литературного вымысла автора «Сказания», чрезвычайно важно для общей оценки произведения, как исторического источника, и выделения в нем исторической основы.

Оценки «Сказания» в научной литературе были довольно разноречивыми: для одних «Сказание» «представляет собой выдающийся исторический документ»,⁵⁷ для других «Сказание» — это литературное произведение, кажущееся «громоздким и неясным», со «множеством недомолвок и ошибок, длинных и нескладных вставок из церковных книг», «прямых искажений действительных событий».⁵⁸ «Ценность „Сказания о Мамаевом побоище“ для историка и заключается в тех подробностях не церковного характера, которые в нем сохранились. В них мы найдем сообщение о военных обычаях, описанных с такой полнотой, какую мы не имеем в других источниках, имена воевод и названия полков, сражавшихся на Куликовом поле и т. д.».⁵⁹

Большой интерес представляют сообщения «Сказания» о движении войск великого князя Дмитрия Ивановича и Мамаю навстречу друг другу.⁶⁰

Из Москвы в Коломну русские войска выступили тремя дорогами: «Князь же великий отпусти брата своего князя Владимира на Брашеву дорогою, а белозерские князи Болвановскою дорогою, а сам князь великий пойде на Котел дорогою».⁶¹ Писцовая книга XVI в. определяет положение волости Брашева: она была расположена на левом берегу притока реки Москвы — реки Нерской и реке Суханке, притоке реки Нерской.⁶² Брашевская дорога начиналась от юго-восточной оконечности города и шла мимо Николо-Угрешского монастыря и далее по левому берегу Москвы до «красного», т. е. красивого, Боровского перевоза. Последний находился у Боровских холмов, близ впадения р. Пахры в Москву.⁶³ Далее Брашевская дорога, видимо, шла по правому берегу Москвы до Коломны и, может быть, совпадала с Рязанской дорогой.

Болвановская дорога начиналась от урочища Болвановье за Яузой, где существовала церковь Николы на Болвановке. Далее она шла мимо Андроникова монастыря и, по-видимому, сходилась с Брашевской дорогой у Боровского перевоза. По этой дороге татары возили болвана (басму) в Москву, и русские войска выходили навстречу татарским.⁶⁴

⁵⁷ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 290.

⁵⁸ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва XII—XV в. М., 1947, стр. 203.

⁵⁹ Там же, стр. 203.

⁶⁰ Выступлению русских войск в поход предшествует получение великим князем Дмитрием Ивановичем известия о сговоре Мамаю с Ольгердом Литовским и Олегом Рязанским от «юноши доволна суца разумом и смыслом, именем Захария Тютышова». Захарий Тютчев — лицо историческое, он родоначальник Тютчевых, известны его сын Матвей и внук Борис Матвеевич Слепой, воевода, который участвовал в походе на Черемису (1463 г.), был воеводой в г. Суздале (1464 г.) и разбил новгородцев на р. Шиленге в 1471 г. (В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, стр. 559). Позднее имя Захария Тютчева (в Распространенной и других редакциях «Сказания») обрастает легендой о том, что он будто бы порвал басму на глазах Мамаю и т. д. (см.: К. Пигарев. Тютчев. Жизнь и творчество. М.—Л., 1962, стр. 7; Повести о Куликовской битве, стр. 279).

⁶¹ Сказание, стр. 55.

⁶² Писцовые книги, изданные под ред. Н. В. Калачева, отд. I. СПб., 1872, стр. 493—501; ср.: В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, ч. I. СПб., 1901, стр. 5; Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке. М., 1906, стр. 567.

⁶³ М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва, стр. 105; 140 (рис. 10); 2) Средневековая Москва в XIV—XV веке. М., 1957, стр. 140—141 (рис. 10); 3) Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 363. Н. Иванчин-Писарев считал, что, кроме Боровского перевоза, существовал еще и Брашевский перевоз, значительно ниже Боровского, и что через него шел с войском Владимир Андреевич (см.: Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, стр. 17—18).

⁶⁴ «И ссекоша ему (лекарю Леону, — Ю. Б.) головы на Болвановье, за Яузой» (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 239; т. XII, СПб., 1901, стр. 222; т. XVIII, СПб.,

Третья дорога на Коломну, «великая и широкая», шла от южной оконечности города до ручья Котел, впадавшего в Москву-реку, и далее раздваивалась: одна дорога — «Ордынская» — шла на Сеопухов, вторая — Рязанская — на Коломну.⁶⁵ В 12 км от Коломны на р. Северке, притоке р. Москвы,⁶⁶ великого князя встретил архиепископ коломенский. В Основной редакции «Сказания» он назван «Геронтием» вместо правильного «Герасим». Принадлежит ли эта замена поздним переписчикам памятника, или имя «Геронтий» читалось уже в авторском тексте? Чтобы ответить на этот вопрос, необходима тщательная текстологическая проверка всего отрывка о встрече на р. Северке по всем спискам и редакциям «Сказания». Если окажется, что автор «Сказания» действительно не твердо помнил имя коломенского архиепископа и спутал его с современным ему коломенским архиепископом Геронтием (1453—1473),⁶⁷ то этот факт сможет послужить материалом для датировки «Сказания».

В «Задонщине» о движении войск вообще не говорится. В «Летописной повести» о движении войск из Москвы в Коломну сообщается очень коротко и не содержится таких, как в «Сказании», подробностей. Этот факт может говорить в пользу того, что ни «Задонщина», ни «Летописная повесть» не были источниками «Сказания» в этой части известий и что автор «Сказания» пользовался какими-то другими источниками — письменными документами или устными сказаниями, неизвестными авторам «Задонщины» и «Летописной повести». Далее, автор «Сказания» проявляет свою осведомленность, называя Девичье поле близ Коломны, где состоялось первое «уряжение» полков, и Панфилов сад в Коломне, где развевались стяги русского войска.⁶⁸ По «Сказанию» переправа через Оку состоялась сразу же после «уряжения» полков, близ Девичья поля, недалеко от впадения р. Оки в р. Москву, а по «Летописной повести» — у устья притока Оки, р. Лопасни, в 60 км выше по Оке.⁶⁹ Нам кажется, что в дан-

1913, стр. 273; т. XX, ч. 1, стр. 355; т. XXIV, Пгр., 1921, стр. 207; т. XXV, стр. 331; т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 289; т. XXVIII, стр. 155, 320). В 1497 г. на Вспольи, за Болваньем, великий князь Иван III встречает княгиню Анну Рязанскую (ПСРЛ, т. VI, стр. 42, 241; т. VIII, СПб., 1859, стр. 234; т. XII, стр. 245; т. XX, ч. 1, стр. 366; т. XXVIII, стр. 329). В отрывке из розыскного дела рязанского князя Ивана Ивановича говорится: «... да и поехали есмь, господине, к Рязани, на Болвановые, тою дорогою» (АСЭИ, т. III, стр. 391); ср.: Болвановская дорога. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 71, стр. 254; М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва, стр. 105; 2) Средневековая Москва, стр. 140, 141 (рис. 10); 3) Куликовская битва 1380 года, стр. 363—364.

⁶⁵ По этой же дороге в 1390 г. ехал в Москву возвращавшийся из Царьграда митрополит Киприан (ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 122; т. XV, вып. 1, изд. 2-е, Пгр., 1922, стлб. 158; т. XVIII, стр. 139; т. XXVIII, стр. 329. М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва, стр. 105, 140; 2) Средневековая Москва, стр. 196; 3) Куликовская битва 1380 года, стр. 364).

⁶⁶ А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. М., 1804, ч. 5, стлб. 1280.

⁶⁷ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стлб. 1029. Ср.: Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 194.

⁶⁸ Девичье поле, по всей вероятности, находилось близ Девичьей горы, в 4 верстах от Коломны, на берегу реки Оки (ср.: А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком, ч. 2, стлб. 326). Об «уряжении» полков см. стр. 491—499 настоящей работы. Позднее на Девичьем поле «уряжали» свои полки Василий I, Василий II, Иван III, Василий III, Иван IV (см.: Н. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду, стр. 90, 135—136).

⁶⁹ Сказание, стр. 56; Летописная повесть, стр. 315. Место переправы через Оку, по преданию, носило название «Четыре церкви» (см.: Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 183). По мнению И. Афремова, переправа происходила там, где

ном известии «Летописная повесть» точнее, чем «Сказание», передает исторический факт, так как удобных бродов у места впадения Оки в Москву не было и их надо было искать много западнее. По «Летописной повести» недалеко от устья Лопасни произошла встреча великого князя со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем и его воеводою Тимофеем Васильевичем и со всем войском, остававшимся в Москве. По «Сказанию» выходит, что все русские войска собрались в Коломне почти одновременно. Путь к Дону лежал по Епифанской дороге к р. Осетру, где проходил начинавшийся от г. Муравска на Черниговщине Муравский шлях. Муравский шлях шел вблизи поля Куликова по водоразделу рек Упы, Непрядвы и Красивой Мечи и далее мимо теперешней Тулы к Оке. По нему татары обычно ходили на Русь.⁷⁰ Однако русские войска по Муравскому шляху дошли только до расположенного в 23 поприщах от Дона «места, рекомого Березуй»,⁷¹ и далее отклонились к юго-востоку, в сторону от дороги.⁷² Изменение направления движения произошло из-за сообщения «языка», захваченного русскими разведчиками, о действительном местоположении Мамаю.

Только в «Сказании» сообщаются сведения о посылке трех «сторожей», т. е. трех отрядов разведчиков: первую и вторую из Москвы «в поле» на Тихую или Быструю Сосну, а третью после переправы через Оку «в поле». «А ниже Коротояка верст с 10, с Крымской стороны, — говорится в «Книге Большому чертежу», — пала в Дон река Тихая Сосна, а на реке на Сосне, от Дону верст с 30, Каменной брод, а в тот брод лежит дорога Калмиюская».⁷³ Река Быстрая Сосна — правый приток Дона выше Тихой Сосны и Воронежа — была границей Рязанского княжества. «А река Сосна (Быстрая, — Ю. Б.) вытекла от верху реки Оки за 15 верст, — говорится в «Книге Большому чертежу» — а в нее пал колодезь Луковец с Нагайской стороны, а на усть Луковца татарской перелаз — брод в Русь ... А на усть реки Чернавы, на Сосне брод: ходят татаровя в Русь. В тот брод пришла Кальмиюская дорога, на той дороге городок на усть Чернавы».⁷⁴ На какую из этих двух рек, имеющих броды «в Русь», были посланы сторожи? По всей вероятности, сторожи были посланы на пограничную реку — Быструю Сосну, расположенную ближе к предполагаемому пути орд Мамаю, чем Тихая Сосна.⁷⁵

ныне с. Прилуки, напротив двух городищ, лежавших по обе стороны речки Унки (И. А. Фремов. Куликово поле. М., 1849, стр. 13—14).

⁷⁰ См.: «Книга Большому чертежу». Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 59, 77.

⁷¹ Сказание, стр. 60. «Поприще ж сажение 700 и 50, есмь же убо едино поприще стади 7 и пол. Сия убо мы от землемерец приахом» (Срезневский, II стлб. 1204). С. К. Шамбинаго отождествляет древний Березуй с селом Березовым на Епифанской дороге, расположенным в 4 км от Венева и в 80 км от Куликова поля (см.: Шамбинаго, стр. 183). Может быть, в «Сказании» имеется в виду с. Берестей, близ теперешней Тулы, которое в XIV—XV вв. переходило то к Москве, то к Рязани? (см.: М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929, стр. 75, 110).

⁷² И. А. Фремов полагает, что путь великого князя далее проходил старой Донковской дорогой на древний рязанский город Дорожен, который стоял на притоке Дона — р. Большой Таболе (см.: И. А. Фремов. Куликово поле, стр. 14—15).

⁷³ «Книга Большому чертежу», стр. 83; ср.: А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком, ч. 4, стлб. 1108—1109.

⁷⁴ «Книга Большому чертежу», стр. 78, 79, 82; ср. А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком, ч. 4, стлб. 1108—1109.

⁷⁵ Повести о Куликовской битве, стр. 279.

Многие из названных в «Сказании» «сторожей» — лица исторические. Так, начальник первой «сторожи» Родион Ржевский — сын князя Федора Федоровича Ржевского, потомка князей Фоминских и Березуйских, потерявшего свой удел.⁷⁶ Андрей Волосатый — предок дворянского рода Волосатово.⁷⁷ Григорий Судокон происходил из рода смоленских князей.⁷⁸ Начальник третьей «сторожи» Семен Мелик — основатель дворянского рода Меликовых, приехавший вместе со своим братом Василием на службу к великому князю «из Немец».⁷⁹ Его имя упомянуто в синодиках в числе павших в Куликовской битве.⁸⁰ Петр Горский — основатель дворянского рода Горских, которому за участие в Куликовской битве великий князь подарил имение Фуникову гору (в 18 км от г. Киржач).⁸¹

Именно Петр Горский и другой сторож Карп Олексин привели «языка нарочита от сановитых царева двора», который рассказал, что Мамай стоит на Кузьмине Гати. Это первое достоверное сообщение о местоположении Мамая, очевидно, заставило великого князя поспешить к Дону, чтобы этим маневром предупредить соединение литовцев и татар.

Кузьмина Гать — село, которое стоит на правой стороне реки Цны, в 20 км выше теперешнего Тамбова. В XVII в. через это село к Козлову и мимо Воронежа проходила укрепленная линия с башнями — засечная черта от татар.⁸² Мы полагаем, что в августе 1380 г. Мамай кочевал между Воронежем и Цною около трех недель, поджидая литовскую рать Ягайла.⁸³ Путь Мамая на Русь из Половецкой степи лежал, очевидно, вдоль рек Дона, Хопра и его притоков в верховья рек Цны и Воронежа.

Сообщение Семена Мелика о том, что Мамай пришел к Гусину броду на Дону и что он менее чем через полсутки будет на Непрядве (значит, брод находился в 15—20 км от впадения Непрядвы в Дон), вынудило русских воевод к решительным действиям. Полки были «уряжены» во второй раз,⁸⁴ Непрядва перейдена,⁸⁵ и войска выстроились на поле Куликовом, готовые к бою. В «Летописной повести» также сообщается о переходе Дона близ устья Непрядвы, но лишь очень кратко. О заставе Фомы Кацибя на р. Чурове, поставленной в ночь с 7 на 8 сентября, чтобы следить за приближением татар, в «Летописной повести» и в «Задонщине» не сообщается вовсе: о ней говорится только в «Сказании».

Река Чурова — это, по всей вероятности, небольшой приток Дона близ урочища Чюр-Михайлова, южнее г. Дубка. Здесь была граница Рязанской земли.⁸⁶ Вся легенда о видении разбойника Фомы носит вымышлен-

⁷⁶ П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, стр. 29.

⁷⁷ Там же, стр. 350.

⁷⁸ Там же, стр. 37.

⁷⁹ Родословная книга по трем спискам. — ВОИДР, кн. X. М., 1851, стр. 114.

⁸⁰ ГИМ. Синодальное собрание, № 667, л. 68—68 об.; Успенский синодик, стр. 451.

⁸¹ М. Прокудин-Горский. Петр Горский, один из участников Куликовской битвы. — Русская старина, т. XXIX, СПб., 1880, стр. 441—442. Необходимо еще дополнительное разъяснение относительно других имен сторожей: Василия Тупика, Климента Полянина, Ивана-Святослава Свеславина, Игнатия Креня, Карпа Олексина, Петруши Чюрикова. В синодике павшие «сторожи» названы не поименно, а в общей форме: «Семену Мелику и всей дружине» (Успенский синодик, стр. 451).

⁸² А. Щекатов. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком, ч. 3, стр. 950.

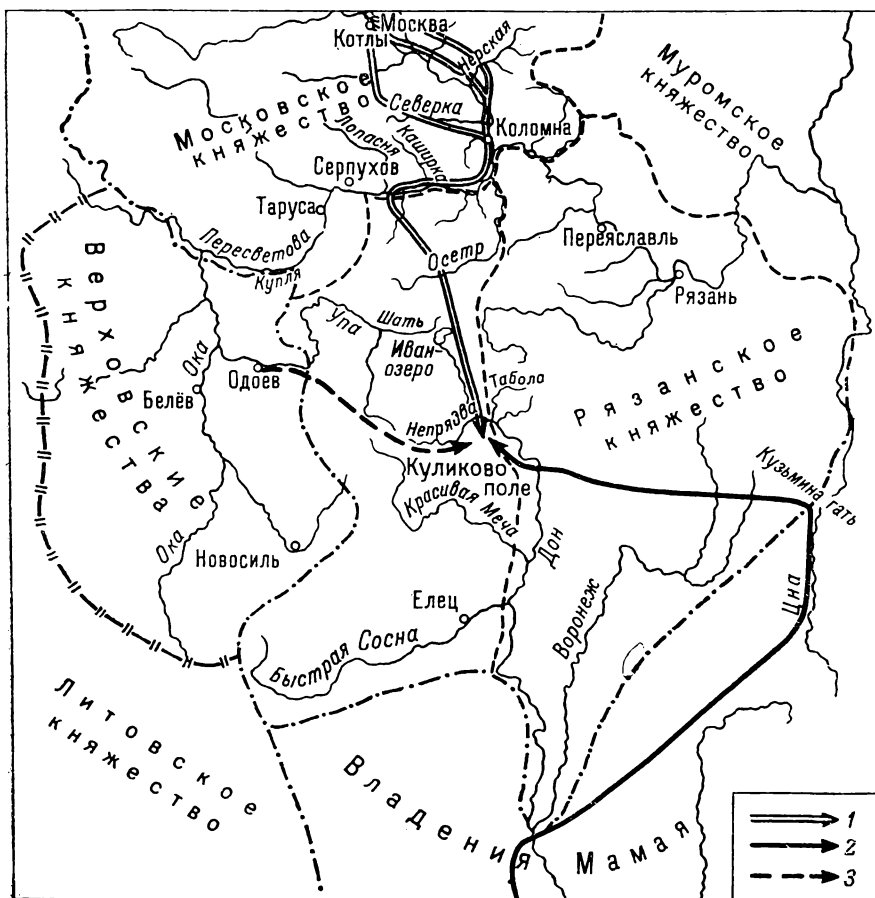
⁸³ Брод на р. Воронеже, близ которого кочевал Мамай, упоминается в «Сказании» по списку ГБЛ, собрание ОИДР, № 236; ср.: Летописная повесть, стр. 314.

⁸⁴ О втором «уряжении» полков см. стр. 499—502 настоящей работы.

⁸⁵ И. Афремов полагает, что переправа через Дон происходила между устьем Непрядвы и селением Татинки (И. Афремов. Куликово поле, стр. 17).

⁸⁶ Об урочище Чюр-Михайлове как о границе Рязанской земли говорится в путешествии митрополита Пимины из Москвы в Царьград в 1390 г. (ПСРЛ, т. XI, стр. 95—96).

ный характер: она заимствована из Жития Александра Невского;⁸⁷ фамилия разбойника Кацибей — Хаджибей также, по-видимому, вымышлена: ее носил татарский воевода, убитый в сражении на р. Воже.⁸⁸

2. Схема движения войск к полю Куликову в 1380 г.

1 — путь войск Дмитрия Донского; 2 — путь войск Мамая; 3 — путь войск Ягайла.

2) «Уряжение» полков

В «Сказании» рассказывается о том, что великий князь Дмитрий Иванович дважды производил «уряжение» полков: первый раз на Девичьем поле, близ Коломны, и второй раз на Дону, перед битвой. Согласно основной редакции «Сказания», на Девичьем поле русское войско было разделено на три группы: 1) передовой полк, 2) основные силы из трех полков — центрального, правой руки и левой руки, 3) сторожевой полк

⁸⁷ См. стр. 482 настоящей работы.

⁸⁸ ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, СПб., 1848, стр. 74; т. V, изд. 1-е, СПб., 1851, стр. 237; т. VIII, стр. 33; т. XI, стр. 43; т. XV, изд. 1-е, стлб. 439; т. XV, изд. 2-е, стлб. 135; т. XVI, изд. 1-е, СПб., 1889, стр. 106; т. XVIII, стр. 127; т. XX, ч. 1, стр. 200; т. XXIII, стр. 124; т. XXIV, стр. 142; т. XXV, стр. 200; т. XXVI, стр. 125; т. XXVII, стр. 81, 244; т. XXVIII, стр. 71.

(последний назван только в списке Михайловского основной редакцией «Сказания»).

Расположение полков перед движением к переправе через Оку выглядело так:

Воеводами в передовом полку названы князья Дмитрий и Владимир Всеволожи. Л. А. Дмитриев, основываясь на чтении списка Михайловского, полагает, что это неверно названные сыновья князя Всеволода Александровича Холмецкого — Юрий и Иван.⁸⁹ Однако имя Дмитрия Всеволодича Холмецкого читается только в списке Михайловского. Дмитрий и Владимир Всеволожи — это потомки внука Владимира Мономаха, смоленского князя Ростислава-Михаила, они — сыновья Александра-Всеволода Глебовича.⁹⁰ Согласно родовому преданию, оба они были воеводами в Куликовской битве. Первый из них — Дмитрий — был основателем рода Всеволожей; в 1392 г. он был назначен московским наместником в Нижнем Новгороде.⁹¹

Воеводой в полку левой руки назван князь Глеб Брянский. Однако это имя, отсутствующее в «Летописной повести» и в «Задонщине», вызывает сомнения. Из летописей нам известен князь Глеб Святославич Брянский, сын Святослава Глебовича Можайского, убитый брянцами в 1340 г. в присутствии митрополита Феогноста.⁹² С 1356 г. в Брянске княжили

⁸⁹ Л. А. Дмитриев, Сказание о Мамаевом побоище. — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. Составитель М. О. Скрипиль. Ред. Б. А. Ларин, М.—Л., 1958, стр. 361.

⁹⁰ ВОИДР, кн. X, стр. 95; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I. СПб., 1886, стр. 368—369; А. Н. Всеволожский. Род Всеволожских. Симферополь, 1886.

⁹¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 122; т. VIII, стр. 62; т. XI, стр. 163; т. XX, ч. 1, стр. 211; т. XXIII, стр. 133; т. XXIV, стр. 159; т. XXV, стр. 220; т. XXVIII, стр. 86, 250. В «Летописной повести» и «Задонщине» имен братьев Всеволожей нет.

⁹² См.: ПСРЛ, т. I, стр. 230; т. III, стр. 80; т. IV, изд. 1-е, стр. 54, 55; т. V, изд. 1-е, стр. 222; т. VII, стр. 206; т. X, стр. 212; т. XV, изд. 2-е, стлб. 53; т. XVIII, стр. 93; т. XXV, стр. 172; т. XXVI, стр. 113; т. XXVIII, стр. 64, 239, 324.

наместники великого князя Литовского Ольгерда.⁹³ Из летописей известен князь Роман Михайлович Брянский — участник похода объединенного русского войска на Тверь в 1375 г.,⁹⁴ участник Куликовской битвы,⁹⁵ в 1401 г., будучи наместником великого князя Витовта в Смоленске, он был убит при взятии города войсками князей Юрия Святославича и Олега Ивановича Рязанского.⁹⁶

Трудно предположить, что в Куликовской битве участвовало сразу столько брянских князей: бывший литовский наместник в Брянске Дмитрий Ольгердович, сторонник московского великого князя, лишь носивший титул брянского князя Роман Михайлович и Глеб Брянский. Может быть, автор «Сказания», знавший об участии брянского князя Романа Михайловича из устных источников, неверно передал его имя, назвав его Глебом.

В составе основного полка, полка великого князя Дмитрия Ивановича упомянуты белозерские князья. В рассказе «Сказания» о сборе войска в Москве они названы поименно: «... князь Феодор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей Кемьский, князь Глеб Каргопольский и Андомския князи».

Известно, что князь Федор Романович Белозерский, ошибочно названный в «Сказании» Федором Семеновичем, действительно участвовал в Куликовской битве и погиб вместе со своим сыном Иваном.⁹⁷ Князь Федор Романович один раз упоминается в летописи: в составе объединенного русского войска он участвует в походе на Тверь в 1375 г.⁹⁸ Князя белозерского Семена Михайловича родословные не знают.⁹⁹ Д. И. Иловайский считал его племянником Федора Романовича, т. е. сыном Михаила, брата Романа.¹⁰⁰ Однако мнение о том, что у Романа был брат Ми-

⁹³ См.: С. М. Соловьев. История России, т. III. М., 1854, гл. VI, стр. 954.

⁹⁴ ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 70; т. V, изд. 1-е, стр. 233; т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22—23; т. XV, изд. 1-е, стлб. 435; т. XV, изд. 2-е, стлб. 110—111; т. XVI, изд. 1-е, стлб. 99; т. XVIII, стр. 115—116; т. XX, ч. 1, стр. 195—196; т. XXIII, стр. 118—119; т. XXIV, стр. 130—131; т. XXV, стр. 190; т. XXVI, стр. 122; т. XXVII, стр. 77—78, 239—240; т. XXVIII, стр. 69, 247—248, 330.

⁹⁵ ПСРЛ, т. IV, изд. 2-е, ч. 1, вып. 2, стр. 486.

⁹⁶ ПСРЛ, т. III, стр. 102; т. IV, изд. 1-е, стр. 104—105, 143; т. V, изд. 2-е, стр. 252; т. VI, стр. 131; т. VIII, стр. 75; т. XI, стр. 186; т. XV, изд. 1-е, стлб. 462; т. XV, изд. 2-е, стлб. 176; т. XVII, СПб., 1907, стлб. 49, 98, 174, 281, 331, 392, 457, 517; т. XVIII, стр. 149; т. XX, ч. 1, стр. 220; т. XXIII, стр. 138; т. XXIV, стр. 168; т. XXV, стр. 231; т. XXVI, стр. 169; т. XXVII, стр. 98, 254; т. XXVIII, стр. 91.

⁹⁷ ГИМ, Синодальное собрание, № 667, Синодик XV в., лл. 68—68 об.; Успенский синодик, стр. 451; Бархатная книга. М., 1787, ч. 2, стр. 162; ВОИДР, кн. X, стр. 41; М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. — ЧОИДР, М., 1847, № 2, стр. 16, 82 (табл. III); Я. Гарелин. Родословие князей Белозерских. — Владимирские губернские ведомости, 1862, № 24, часть неоф., стр. 106, табл. IV; П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. I. СПб., 1854, стр. 218—219; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг., т. II. СПб., 1891, стр. 163. В «Летописной повести и Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» Федор Романович упомянут в числе павших, в остальных списках «Задонщины» он назван Федором Семеновичем.

⁹⁸ См.: ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 70; т. V, изд. 1-е, стр. 233; т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22—23; т. XV, изд. 1-е, стлб. 435; т. XV, изд. 2-е, стлб. 110—111; т. XVI, стлб. 99; т. XVIII, стр. 115—116; т. XX, ч. 1, стр. 195—196; т. XXIII, стр. 118—119; т. XXIV, стр. 130—131; т. XXV, стр. 190; т. XXVI, стр. 122; т. XXVII, стр. 77—78, 239—240; т. XXVIII, стр. 69, 247—248, 330.

⁹⁹ См.: Бархатная книга, ч. 2, стр. 172—173; ВОИДР, т. X, стр. 41—42; Я. Гарелин. Родословие князей Белозерских, и др.

¹⁰⁰ См.: Д. Иловайский. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского. М., 1880, стр. 19, 44.

хаил, не подтверждено никакими источниками. Имя князя Семена Михайловича в числе убитых от Мамая называют синодики,¹⁰¹ «Летописная повесть» и «Задонщина». Не имеем ли мы здесь дело с ошибкой, допущенной еще в конце XIV в. составителем Синодика, послужившего затем одним из источников повестей о Куликовской битве? Из летописей известен князь Семен Михайлович, посланный великим князем Дмитрием Константиновичем Суздальским против татарского царевича Арабшаха и убитый на р. Пьяне в 1378 г.¹⁰² В поминальные списки имя этого князя могло попасть вместе с именами убитых на р. Воже в 1378 г. и на Куликовом поле в 1380 г.: точно так же попадает в поминальный список павших на Куликовом поле Дмитрий Монастырев, в действительности убитый на р. Воже в 1378 г.¹⁰³

Следующим в «Сказании» упоминается князь Андрей Кемский. Однако такого имени не знают родословные книги. Во время Куликовской битвы Кемского удела еще не существовало.

После смерти в Орде князя Романа Михайловича Белозерского (1339 г.) Белозерское княжество считалось «куплей» Ивана Калиты, но в нем было два князя, Федор и Василий Романовичи, которые поделили княжество на две части по р. Шексне: первому досталась восточная часть с г. Белоозеро, а второму западная — Согорье, или Сугорье. После смерти обоих старших белозерских князей Белозерское княжество отошло к Дмитрию Ивановичу Донскому, как к племяннику Федосьи, вдовы старшего в роде Белозерских князей Федора Романовича. Наместником великого князя на Белоозере с 1380 по 1389 г. был князь Юрий Васильевич Белозерский.¹⁰⁴ Согласно духовному завещанию Дмитрия Донского, Белозерский удел отходил к его еще совсем юному сыну Андрею (род. 1382 г.) и становился наследственным.¹⁰⁵ Поэтому белозерский князь теперь уже становился наместником князя Андрея Дмитриевича Можайского. Князь Юрий Васильевич в качестве белозерского наместника действовал еще в первое десятилетие XV в.¹⁰⁶ Потомки белозерских князей превратились в вотчинников. Младшие братья Юрия Васильевича Белозерского в конце XIV—начале XV в. уже носят следующие прозвания: Афанасий Шелешпанский (от р. Шельши в Пошехонье), Семен Согорский или Сугорский (от р. Согожи, притока Шексны), Иван Карголоумский (от с. Карголома, к югу от Белоозера).

¹⁰¹ См.: ГИМ, Синодальное собрание, № 667, Синодик XV в., л. 68—68 об., Успенский синодик, стр. 451.

¹⁰² См.: ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 73; т. V, изд. 1-е, стр. 236; т. VIII, стр. 25; т. XI, стр. 28; т. XV, изд. 1-е, стлб. 437; т. XV, изд. 2-е, стлб. 119; т. XVI, изд. 1-е, стлб. 105; т. XVIII, стр. 119; т. XX, ч. 1, стр. 198; т. XXIII, стр. 21; т. XXIV, стр. 134; т. XXV, стр. 193; т. XXVI, стр. 124; т. XXVII, стр. 79, 241, 331; т. XXVIII, стр. 71, 249.

¹⁰³ См.: ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 74; т. V, изд. 1-е, стр. 237; т. VIII, стр. 33; т. XI, стр. 43; т. XV, изд. 1-е, стлб. 439; т. XV, изд. 2-е, стлб. 135; т. XVI, изд. 1-е, стр. 106; т. XVIII, стр. 127; т. XX, ч. 1, стр. 200; т. XXIII, стр. 124; т. XXIV, стр. 142; т. XXV, стр. 200; т. XXVI, стр. 125; т. XXVII, стр. 81, 244; т. XXVIII, стр. 71; ср.: Летописная повесть, стр. 321.

¹⁰⁴ См.: Т. И. Осми́нский. Белозерский край в XIII—XVI веках. Очерк социально-экономической истории края. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Череповец, 1948 (Машинопись, хранится в ЛГПИ), стр. 36—47, 77—80; ср.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 21—40, 88. Благодарю Т. И. Осми́нского, любезно предоставившего мне возможность ознакомиться с его работой.

¹⁰⁵ См.: СГГД, т. I, № 34.

¹⁰⁶ См.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 88; АСЭИ, т. II, № 27.

Кемский удел, включивший земли к северу и северо-востоку от Белого озера по р. Кемь, образовался не ранее 30-х годов XV в.¹⁰⁷ Первым князем Кемским и основателем рода князей Кемских, просуществовавшего до конца XVI в., был Давид Семенович, сын Семена Васильевича Сугорского.¹⁰⁸ Он был белозерским наместником и упоминается в ряде актов Кирилло-Белозерского монастыря, времени игуменства Трифона (1435—1447),¹⁰⁹ в Житии Кирилла Белозерского¹¹⁰ и др.¹¹¹

Следующим в числе белозерских князей назван Глеб Каргопольский. Это, очевидно, описка вместо «Карголомский», так как в г. Каргополе своих князей не было. Среди Карголомских князей мы не находим князя Глеба: у основателя рода Карголомских князей Ивана Васильевича было два сына — Иван Ухтомский и Федор Карголомский.¹¹² У последнего был сын Иван, бездетный, со смертью которого еще в конце XV в. (до 1482 г.) род Карголомских князей прекратился, а их удел перешел к Ухтомским князьям.¹¹³ Во время Куликовской битвы Карголомского удела еще не существовало; однако в первой четверти XV в. он уже существовал: жена князя Ивана Васильевича Карголомского упоминается в Житии Кирилла Белозерского.¹¹⁴

В «Сказании» названы и Андомские князья. Однако во время Куликовской битвы Андомского удела (по рекам Андоге и нижней Суде) еще не существовало. Родоначальником Андогских, или Андомских, князей, просуществовавших до начала XVII в., считается живший, вероятно, в 20—30-е годы XV в. князь Михаил Андреевич, внук Юрия Васильевича Белозерского, современника Куликовской битвы.¹¹⁵

Вдова боярина Александра Карповича, Мария, дает игумену Кирилло-Белозерского монастыря Христофору (1428—1434 гг.) три пустоши на р. Угле и ез Островский, согласно завещанию своего покойного мужа. Последний купил эти земли у князя Михаила Андожского.¹¹⁶ Его сын князь Александр Андогский упоминается в духовной 1486 г. князя белозерского и верейского Михаила Андреевича.¹¹⁷

Для уточнения датировки «Сказания о Мамаевом побоище» большое значение имеет точное знание родословия белозерских князей. Поэтому мы даем здесь «Родословную таблицу белозерских князей», составленную на основе исторических источников.

В полку правой руки князя Владимира Андреевича упомянуты ярославские князья. В рассказе «Сказания» о сборе войск в Москве они названы поименно: «...князь Андрей Ярославский, князь Роман Прозо-

¹⁰⁷ См.: Т. И. Осми́нский. Белозерский край в XIII—XVI веках, стр. 81—101; ср.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI в., стр. 39.

¹⁰⁸ См.: Бархатная книга, ч. 2, стр. 173; ВОИДР, кн. X, стр. 42.

¹⁰⁹ АСЭИ, т. II, № 86.

¹¹⁰ Житие Кирилла Белозерского. — В кн.: В. Яблонский. Пахомий Серб и его агрографические писания, СПб., 1908, приложение, стр. LV—LVI.

¹¹¹ АСЭИ, т. II, №№ 168, 224, 227а, 290 (стр. 236).

¹¹² См.: Бархатная книга, ч. 2, стр. 174—175, 180; ВОИДР, кн. X, стр. 41—43. Известны данная грамота 1448—1470 гг. князя Федора Ивановича Карголомского игумену Кирилло-Белозерского монастыря Кассану на дер. Илейдино (АСЭИ, т. II, № 114), грамоты его вдовы Феодосии 1473—1486 гг. (АСЭИ, т. II, № 224) и его сына Ивана 1471—1475 гг. (АСЭИ, т. II, №№ 210, 216).

¹¹³ См.: АСЭИ, т. II, №№ 208—210, 225, 290.

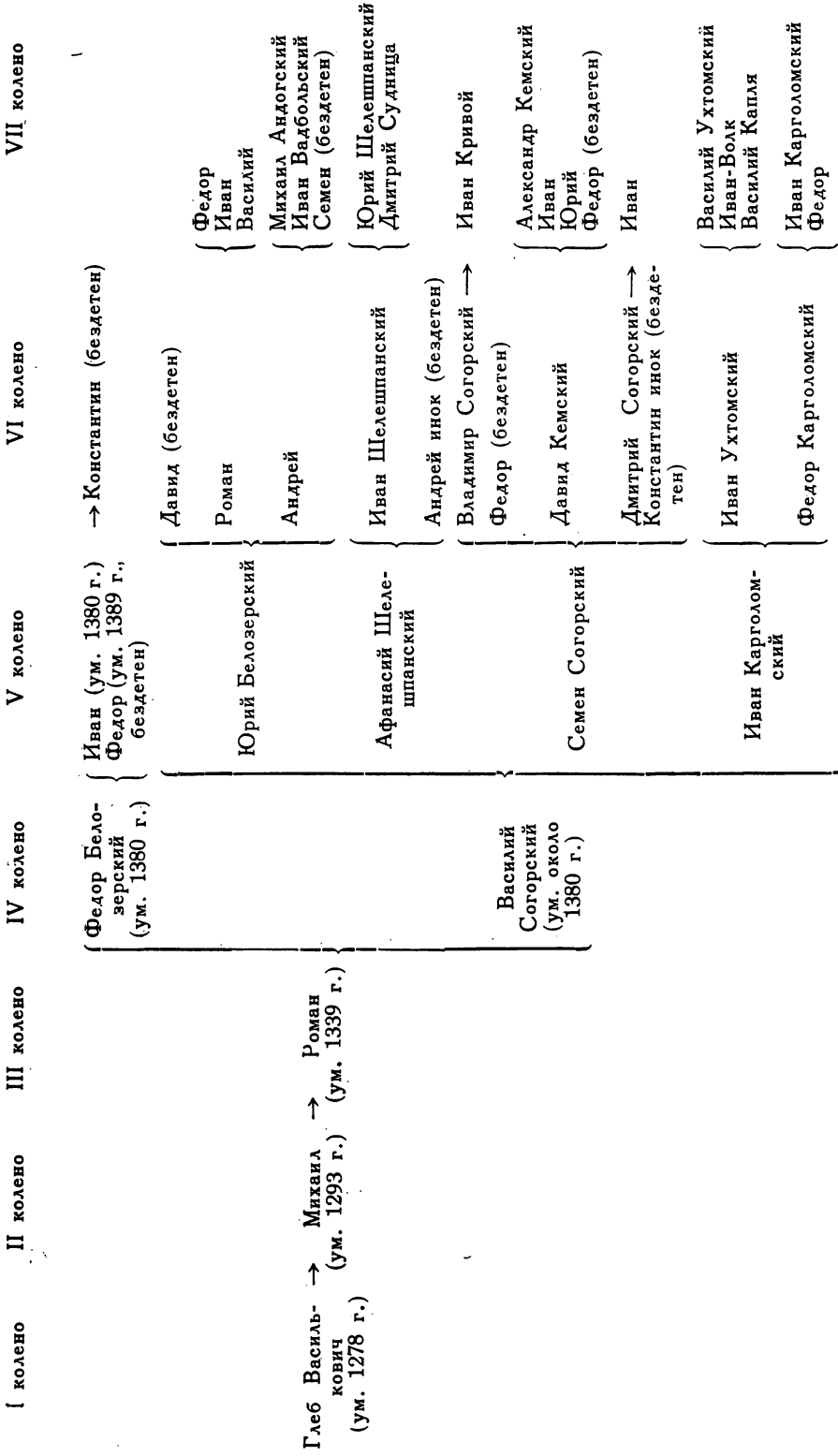
¹¹⁴ Житие Кирилла Белозерского, стр. XXXIII; Ср.: Т. И. Осми́нский. Белозерский край в XIII—XVI веках, стр. 101—102.

¹¹⁵ Бархатная книга, ч. 2, стр. 164—165; ВОИДР, кн. X, стр. 41; ср.: Т. И. Осми́нский. Белозерский край в XIII—XVI веках, стр. 102—103.

¹¹⁶ АСЭИ, т. II, №№ 55, 316 (стр. 286).

¹¹⁷ СГГД, т. I, № 121.

Родословная таблица Белозерских князей (до VII колена)

ровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий Ростовский».¹¹⁸ В родословиях ярославских князей среди современников Куликовской битвы имен этих князей не встречается.¹¹⁹ В эпоху, современную Куликовской битве, Прозоровского и Курбского уделов еще не существовало: основателем рода князей Прозоровских был князь Иван Федорович, сын участника Куликовской битвы воеводы полка левой руки князя Федора Михайловича Моложского (1355—1408).¹²⁰ Эти князья получили прозвание от с. Прозорова, находящегося на р. Редьме, впадающей в р. Мологу. Прозоровское княжество выделилось из Моложского княжества приблизительно в первой четверти XV в.¹²¹ Основателем рода князей Курбских был внук участника Куликовской битвы воеводы полка левой руки князя Василия Васильевича Ярославского князь Семен Иванович Курбский.¹²² Свое прозвание он получил после того как к нему в 1455 г. отошла находившаяся в 25 км от Ярославля вотчина Курба. Последняя была уделом его брата Якова-Воина, погибшего в 1455 г. в битве с казанцами на Арском поле и не имевшего прозвания «Курбский».¹²³ Есть основания полагать, что автор «Сказания» имел в виду Льва Ивановича Морозова, который действительно был воеводой в полку левой руки и погиб в битве,¹²⁴ но последний не мог иметь никакого отношения к Курбским князьям.

В ростовских родословных среди современных Куликовской битве князей нет князя Дмитрия Ростовского: из родословных известны Дмитрий Приемок и Дмитрий Щепя, внук и правнук участников Куликовской битвы, жившие в XV в.¹²⁵ Из родословных и летописей известно, что в Куликовской битве принимали участие два ростовских князя Андрей и его двоюродный брат Василий Константинович, которые были воеводами полка правой руки.¹²⁶

¹¹⁸ Сказание, стр. 51.

¹¹⁹ Бархатная книга, ч. I, стр. 113; ВОИДР, кн. X, стр. 146—155; ср.: С. А. Себряников. Родословная таблица ярославских владетельных князей. СПб., 1841; П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. I, стр. 146; А. А. Титов. Ярославль. Путеводитель по г. Ярославлю с планом города и родословной таблицей князей Ярославских. М. 1883; Опираясь на отредактированный в XVI в. текст «Сказания» Никоновской летописи, А. В. Экземплярский предполагал, что под князьями Андреем и Романом автор «Сказания» подразумевает князей Романа Васильевича и его младшего сына Андрея (см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. II, стр. 88—89). Однако это предположение кажется нам необоснованным.

¹²⁰ Бархатная книга, ч. I, стр. 172—173; ВОИДР, кн. X, стр. 151, 238; Князья Прозоровские. — Всемирная иллюстрация, СПб., 1877, т. XVII, № 420, стр. 74—75. Ср.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. II, стр. 110.

¹²¹ И. Троицкий. История Моложской страны, княжеств в ней бывших и рода Мологи. — Ярославские губернские ведомости, 1863, № 33, часть неоф., стр. 236.

¹²² Бархатная книга, ч. I, стр. 115; ВОИДР, кн. X, стр. 147; ср.: Родословие князей Курбских. — В кн.: Сказание князя Курбского о великом князе московском. Изд. 2-е, испр. и доп. Н. Устряловым. СПб., 1842; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. II, стр. 118—119.

¹²³ П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. I, стр. 148.

¹²⁴ ГИМ, Синодальное собрание, № 667, Синодик XV в., л. 68—68 об.; Успенский синодик, стр. 451; Бархатная книга, ч. I, стр. 259; ВОИДР, кн. X, стр. 183. Упомянут в «Летописной повести» и в летописи Дубровского (см.: ПСРЛ, т. IV, изд. 2-е, ч. 1, вып. 2, стр. 486).

¹²⁵ Бархатная книга, ч. 1, стр. 77—78; ВОИДР, кн. X, стр. 37—38; М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого. — ЧОИДР, М., 1847, № 2, стр. 81 (табл. 1); А. А. Титов: 1) Ростовская старина, вып. I. Ростов, 1883, стр. 93—140; 2) Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885, стр. 572; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. II, стр. 10—62.

¹²⁶ М. Толстой. Древние святыни Ростова Великого, стр. 16; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси, т. II, стр. 41.

Воеводами в полку правой руки названы Андрей Серкизович, Данило Белеут, Константин Кононов, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский. Все это, по всей вероятности, лица исторические. Андрей Серкизович — сын царевича Серкиза, приехавшего на службу к московскому великому князю Дмитрию Ивановичу, был переяславским воеводой.¹²⁷ Его имя упомянуто в числе павших в Куликовской битве в синодиках,¹²⁸ в «Летописной повести», в «Задонщине», в летописи Дубровского.

Один из воевод Владимира Андреевича носит имя Данило Белеут. Согласно Бархатной книге, «Белеутовы выехали из Касуйские Орды. Один из потомков выехавшего назывался Даниил Белеут, а по нем и весь род именуется».¹²⁹ Однако в родословных потомков касожского богатыря Редеди имя Даниила Белеута не фигурирует, но упомянуты Андрей Иванович Одинец, боярин великого князя Дмитрия Донского, и его сын Александр, боярин великого князя Василия Дмитриевича.¹³⁰

Вероятно, автор «Сказания», писавший много времени спустя после событий, неверно назвал имя участника Куликовской битвы Белеута «Данило» вместо правильного «Александр».

Воевода Константин Кононов это, по всей вероятности, «Константин Иванович, убиенный от безбожного Мамаю», упомянутый в синодике.¹³¹

Воевода князь Федор Елецкий — сын князя Ивана Титыча Козельского, родоначальник рода Елецких князей.¹³² В 1395 г. при взятии г. Ельца Тимуром он попал в плен.¹³³

Воевода князь Юрий Мещерский, сын князя Федора, — потомок выходца из Большой Орды князя Ширинского Бахмета, сына Усейнова, пришедшего в Мещеру в 1198 г., родоначальник рода князей Мещерских.¹³⁴ Родословные сообщают, что «князь Юрьи был на Дону; пришел из Мещеры к великому князю Дмитрию Ивановичу своим полком»,¹³⁵ «... и убили его на Дону».¹³⁶

О воеводе князя Андрее Муромском из родословных и летописей нам ничего неизвестно.¹³⁷ О его существовании в XIV в. и о его участии в Куликовской битве нам сообщает только «Сказание».

¹²⁷ Бархатная книга, ч. 2, стр. 206; ВОИДР, кн. X, стр. 125; П. В. Долгоруков в. Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, стр. 205. Сын Андрея Серкизовича — Федор был основателем рода Старковых.

¹²⁸ ГИМ, Синодальное собрание, № 667, л. 68—68 об.; Успенский синодик, стр. 451.

¹²⁹ Бархатная книга, ч. 2, стр. 287.

¹³⁰ Там же, стр. 135; ВОИДР, кн. X, стр. 101; Н. П. Лихачев. Разрядные книги. СПб., 1888, стр. 287—288, 363; Белеутов двор известен на Москве (под 1401 г.: ПСРЛ, т. IV, стр. 91; т. XVIII, стр. 149; т. XX, ч. 1, стр. 220; т. XXIII, стр. 138; т. XXIV, стр. 169; т. XXV, стр. 231; т. XXVI, стр. 163, т. XXVIII, стр. 89, 254), Белеутовские села известны на Волоке, близ Углича и Звенигорода, на Волге (СГГД, т. I, №№ 83, 86).

¹³¹ Успенский синодик, стр. 451.

¹³² Бархатная книга, ч. 2, стр. 235; ВОИДР, кн. X, стр. 69; П. В. Долгоруков в. Российская родословная книга, ч. I, стр. 49.

¹³³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 65; т. XI, стр. 159; т. XV, изд. 1-е, стлб. 450; т. XX, ч. 1, стр. 214; т. XXIV, стр. 16; т. XXV, стр. 222; т. XXVII, стр. 87, 251; т. XXVIII, стр. 259.

¹³⁴ Бархатная книга, ч. 2, стр. 239; ВОИДР, кн. X, стр. 73; П. В. Долгоруков в. Российская родословная книга, ч. 2. СПб., 1855, стр. 16; Мещерские князья. — Всемирная иллюстрация, т. VII, № 160, СПб., 1872, стр. 71.

¹³⁵ Бархатная книга, ч. 2, стр. 239.

¹³⁶ ВОИДР, кн. X, стр. 73.

¹³⁷ Ср.: Бархатная книга, ч. 1, стр. 56; Д. Тихомиров. Историческое исследование о генеалогии князей рязанских, муромских и пронских. М., 1844; А. В. Эзмеларский. Великие и удельные князья северной Руси, по 1505 г., т. II, стр. 619.

Воеводами в сторожевом полку (по списку Михайловского) названы Микула Васильевич, Тимофей Волеуевич, Иван Квашня Родивонович. Все это лица исторические.

Микула Васильевич, сын последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова,¹³⁸ был коломенским воеводой и боярином великого князя. Его жена Мария Дмитриевна Большая была дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича и сестрой жены великого князя — Евдокии;¹³⁹ сын великого князя Константин был ее крестником. Микула Васильевич упомянут в числе погибших в синодиках,¹⁴⁰ в «Летописной повести», в «Задонщине», в летописи Дубровского.

Иван Родивонович Квашня, внук выходца из Галиции Нестера Рябца, который пришел на службу к великому князю Ивану Калите около 1300 г., был костромским воеводой и боярином великого князя;¹⁴¹ считается основателем рода Квашниных. Его имя упомянуто в летописи Дубровского. В 1389 г. он свидетельствовал подлинность духовного завещания великого князя;¹⁴² умер Иван Квашня в 1390 г., приняв постриг с именем Игнатия.¹⁴³

Тимофей Волеуевич, воевода владимирский и юрьевский, окольничий, — внук Окатия Волеу, выходца из Литвы, сын Василия Окатиевича Волеу, окольничьего Симеона Гордого.¹⁴⁴ Его имя упомянуто в числе павших в синодиках,¹⁴⁵ в «Летописной повести», в «Задонщине». В 1375 г. он свидетельствовал подлинность духовного завещания великого князя Дмитрия Ивановича,¹⁴⁶ а в 1378 г. был воеводой полка левой руки в битве с татарами на р. Воже.¹⁴⁷

О втором «уряжении» полков непосредственно перед битвой в «Сказании» рассказывается следующее: «Начат князь великий Дмитрией Иванович з братом своим князем Владимиром Андреевичем и с литовскими князи Андреем и Дмитрием Вольгордовичи до шестаго чяса пльци учрежати. Некто въевода прииде с литовскими князи имянем Дмитрией Боброков, родом Волинские земли, иже нарочитый бысть пльководец, вельми уставиша пльци по достоанию, елико где кому подобает стояти».¹⁴⁸ В «Сказании» рассказывается и о засадном полке: «И отпусти князь великий брата своего князя Владимира Андреевича вверх по Дону, в дуброву, яко да тамо утаится пльк его, дав ему достойных ведомцов своего

¹³⁸ ВОИДР, кн. X, стр. 90; П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4, стр. 72; М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 79—80.

¹³⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 52, 97; т. XI, стр. 108; т. XII, стр. 17; т. XV, изд. 2-е, стлб. 155—156; т. XVIII, стр. 138; т. XXV, стр. 215, 250; т. XXVI, стр. 189; т. XXVII, стр. 99, 265, 299; т. XXVIII, стр. 104. Мария Дмитриевна упомянута в «Задонщине».

¹⁴⁰ ГИМ, Синодальное собрание, № 667, лл. 68—68 об.; Успенский синодик, стр. 451.

¹⁴¹ Бархатная книга, ч. 2, стр. 24; ВОИДР, кн. X, стр. 92; П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4, стр. 117; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 384; Н. Мятлев. Родство Квашниных с новгородцами. — Известия Русского генеалогического общества, вып. III, СПб., 1909, стр. 40.

¹⁴² СГД, т. I, № 34.

¹⁴³ ПСРЛ, т. XI, стр. 122; т. XV, изд. 2-е, стлб. 158; т. XVIII, стр. 140.

¹⁴⁴ П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4, стр. 321; Герб дворян Валуевых. — Всемирная иллюстрация, т. XXIII, № 581, СПб., 1880, стр. 183.

¹⁴⁵ ГИМ, Синодальное собрание, № 667, лл. 68—68 об.; Успенский синодик, стр. 451.

¹⁴⁶ СГД, т. 1, № 30.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 74; т. V, изд. 1-е, стр. 237; т. VIII, стр. 33; т. XVI, изд. 1-е, стр. 106; т. XXIV, стр. 142; т. XXV, стр. 199; т. XXVI, стр. 125; т. XXVII, стр. 71, 251; т. XXVIII, стр. 71.

¹⁴⁸ Сказание, стр. 62.

двора, удалых витязей, крепких вѣинов. И еще с ним отпусти известнаго своего вѣводу Дмитрея Волинскаго и иных многих».¹⁴⁹

Тому же Дмитрию Боброкову Волинцу «Сказание» приписывает всю честь удачного расположения войск на поле Куликовом: «И видети добре урядно плѣкы уставлены поучением крепкаго вѣводу Дмитрея Боброкова Волинца». Он был сыном владельца местечка Бобрка, близ Львова, князя Кориата-Михаила Гедиминовича,¹⁵⁰ родоначальником Боброковых-Волинских. Выехав из Волини, он был еще в 60-х годах XIV в. сначала тысяцким у суздальскаго и нижегородскаго князя Дмитрия Константиновича, а затем перешел на службу к великому князю московскому, который дал ему в жены свою сестру Анну. В 1371 г. возглавлявшееся им московское войско одержало победу над Олегом Рязанским под Скорнищевым.¹⁵¹ В 1376 г. великий князь посылает его с ратью на болгар.¹⁵² В 1379 г. он участвует в походе на литовские города,¹⁵³ он первым свидетельствует подлинность духовнаго завещания великаго князя.¹⁵⁴ Очевидно, что Дмитрий Волинец поставил полки иначе, чем они стояли по первому «уряжению». Однако по «Сказанию» выходит, что расположение полков на Куликовом поле оставалось почти таким же, как и на Девичьем поле. («Уже бо, братие, в то время плѣкы ведутъ: передовой плѣкъ ведеть князь Дмитрей Всеволодичъ, да брат его — князь Владимир Всеволодичъ, а с правую руку плѣкъ ведеть Микула Васильевичъ с коломничи, а левую же руку плѣкъ ведеть Тимофей Волуевичъ с костромичи»),¹⁵⁵ только вместо Владимира Андреевича полк правой руки возглавил Микула Васильевич, а полк левой руки вместо Глеба Брянскаго — Тимофей Волуевич.

В других источниках — в Симеоновской летописи, в «Летописной повести», в «Задонщине» — об «уряжении» полков ничего не говорится. Следовательно, остается предполагать, что автор «Сказания» пользовался какими-то историческими источниками, неизвестными летописцам и автору «Задонщины», например официальной разрядной книгой.¹⁵⁶ Однако раз-

¹⁴⁹ Там же, стр. 66.

¹⁵⁰ Бархатная книга, ч. 2, стр. 85; ВОИДР, кн. X, стр. 111—112; J. Wolff. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku*. Warszawa, 1895, стр. 178; Г. А. Васильев. Род дворян Волинских. — Известия Русскаго генеалогическаго общества, вып. IV, СПб., 1911, стр. 127—202.

¹⁵¹ ПСРЛ, т. I, стр. 232; т. IV, изд. 1-е, стр. 67; т. V, изд. 1-е, стр. 231—232; т. VIII, стр. 18; т. XI, стр. 16; т. XVI, изд. 1-е, стлб. 94; т. XVII, стлб. 38, 131; т. XVIII, стр. 111; т. XX, ч. 1, стр. 194; т. XXIII, стр. 116; т. XXIV, стр. 127; т. XXV, стр. 187; т. XXVI, стр. 120; т. XXVII, стр. 76, 238; т. XXVIII, стр. 68, 246, 329.

¹⁵² ПСРЛ, т. VIII, стр. 24—25; т. XI, стр. 25; т. XV, изд. 2-е, стлб. 116; т. XVIII, стр. 117; т. XX, ч. 1, стр. 196; т. XXIII, стр. 120; т. XXIV, стр. 133; т. XXV, стр. 192; т. XXVII, стр. 78, 241.

¹⁵³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 34; т. XI, стр. 45; т. XV, вып. 1, изд. 2-е, стлб. 138; т. XVIII, стр. 129; т. XX, ч. 1, стр. 200; т. XXIII, стр. 124; т. XXIV, стр. 143; т. XXV, стр. 200; т. XXVII, стр. 81, 244.

¹⁵⁴ СГГД, т. I, № 36.

¹⁵⁵ Сказание, стр. 68. М. Н. Тихомиров напрасно отдает предпочтение этому известию «Сказания» перед известием летописи Дубровскаго (см.: Повести о Куликовской битве, стр. 356, 370).

¹⁵⁶ Л. А. Дмитриев. «Сказание о Куликовской битве». Диссертация, стр. 62. «Ряд мелких фактов и упоминаний, которые можно извлечь из родословцев и синодиков, позволяет, например, думать даже о существовании подробной росписи войск, участвовавших в Куликовской битве. В этом отношении любопытны, например, слова местничавшей челобитной (от июля 1632 года) князя Федора Андреевича Елецкаго: «... а Мещерские (князи), государи, от походу великаго государя князя Дмитрия Ивановича Донскаго с родители моими везде были безсловны и со мною, воином великим...» (Местническое дело князя Ивана Буйносова-Ростовскаго с князем Федором

рядных книг XIV в. до нашего времени не сохранилось. Все известные нам списки древнейших разрядных книг восходят к первой половине XVI в.¹⁵⁷ Хотя они и ведут счет разрядам с 1375 г., включая и Куликовскую битву, данных об урядении полков не содержат и в рассказе о Куликовской битве целиком основываются на «Летописной повести» в одном из ее поздних вариантов, близких к тексту Московского летописного свода конца XV в.¹⁵⁸ В. И. Буганов пишет: «Следов разрядных росписей летописи почти не сохранили, исключение, возможно, представляет „уряд“ полков перед Куликовской битвой».¹⁵⁹ Этот «уряд» сохранился в летописи Дубровского, составленной в конце 30—начале 40-х годов XVI в.¹⁶⁰ Согласно летописи Дубровского,¹⁶¹ расположение полков перед битвой выглядело так:

Передовой полк

Князя Андрей и Дмитрий
Ольгердовичи,
Микула Васильевич, князь
Федор Романович Белозерский

Полк левой руки

Князь ? Васильевич
Ярославский,
Лев Морозов,
князь Федор Михайло-
вич Моложский

Основной полк

Великий князь Дмитрий Ива-
нович,
Иван Родионович Квашня,
Михайло Бренков,
князь Иван Васильевич
Смоленский

Полк правой руки

Князь Андрей Федо-
рович Ростовский,
Федор Грунка,
Князь Андрей Федо-
рович Стародубский

Сторожевой полк

Михаил Иванович сын
Окинфович,
князь Семен Константинович
Оболенский,
князь Иван Гарусский,
Андрей Серкизович

Засадный полк

Князь Владимир Андреевич,
Дмитрий Михайлович Вольнец,
князь Роман Михайлович
Брянский,
князь Василий Михайлович
Кашинский,
князь ? Романович
Новосильский

Елецким в 1632—1636 гг., Московский государственный архив Министерства юстиции (ныне — в ЦГАДА); см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 328). Благодарю Л. А. Дмитриева, обратившего мое внимание на отдельные сведения об участниках Куликовской битвы.

¹⁵⁷ См.: В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962.

¹⁵⁸ Там же, стр. 100—101.

¹⁵⁹ Там же, стр. 107.

¹⁶⁰ С. Н. Азбелев. Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9, Новгород, 1959, стр. 224.

¹⁶¹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 486.

Большинство имен, упомянутых в летописи Дубровского, встречается в других источниках. Князья Федор Романович Белозерский, [Василий] Васильевич Ярославский, Федор Михайлович Моложский, Иван Васильевич Смоленский, Андрей Федорович Ростовский, Андрей Федорович Стародубский, Семен Константинович Оболенский, Иван Константинович Тарусский, Владимир Андреевич, Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский. Роман Семенович Новосильский участвуют в составе объединенного русского войска в походе на Тверь в 1375 г.¹⁶² Все остальные лица, кроме Федора Грунки, упоминаются в повестях о Куликовской битве.¹⁶³ Вряд ли стоит сомневаться в том, что летопись Дубровского сохранила нам подлинное «уряжение» полков на поле Куликовом. М. Н. Тихомиров полагает, что список имен в летописи Дубровского возник позже Куликовской битвы «на основании разных источников, возможно даже спустя много лет после этого исторического события» и в подтверждение своей точки зрения ссылается на дефекты в чтении имен князей Василия Васильевича Ярославского (Васильевич Ярославский) и Романа Семеновича Новосильского (Романович Новосильский).¹⁶⁴ Однако эти дефектные чтения свидетельствуют только о том, что подлинный разрядный список подвергся порче в процессе многократной переписки до начала XVI в.

На первичный, сравнительно со «Сказанием», характер известия об «уряжении» полков в летописи Дубровского указывал еще С. К. Шамбинаго,¹⁶⁵ и мы в данном случае полностью разделяем его мнение.

3) Ход битвы

Куликовская битва произошла в субботу, 8 сентября 1380 г., в день рождества богородицы. Она началась в 11 часов утра (в 6 часов дня по древнерусскому счету времени), когда рассеялся туман, и продолжалась до 14 часов дня. Только в «Сказании» со множеством легендарных подробностей рассказывается о ходе битвы: поединок Пересвета с татарским богатырем, окончившийся гибелью обоих, временный успех татар к исходу 3-го часа битвы и удар засадного полка, решивший исход сражения в пользу русских.

Мы не согласны с А. Мазоном, который на основании Кирилло-Белозерского списка, являющегося сокращенной версией «Задонщины», утверждает, что Куликовская битва была не «блистательной победой, а губительной для московитов сечей» («une tuerie fatale aux Moscovites»).¹⁶⁶ Куликовская битва, без сомнения, воспринималась в XIV и XV вв. только как победа, и в русскую историю она вошла как одна из ярчайших ее страниц.

Согласно всем русским источникам — «Летописной повести», «Задонщине» и «Сказанию», а также независимым от «Летописной повести» известиям Троицкой, Псковских 1-й и 3-й летописей, новгородского Летописца епископа Павла, Куликовская битва была победой русских, озна-

¹⁶² ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 70; т. V, изд. 1-е, стр. 233; т. VIII, стр. 22; т. XI, стр. 22—23; т. XV, изд. 1-е, стлб. 435; т. XV, изд. 2-е, стлб. 110—111; т. XVI, изд. 1-е, стлб. 99; т. XVIII, стр. 115—116; т. XX, ч. 1, стр. 195—196; т. XXIII, стр. 118—119; т. XXIV, стр. 130—131; т. XXV, стр. 190; т. XXVI, стр. 122; т. XXVII, стр. 77—78, 239—240; т. XXVIII, стр. 69, 247—248, 330.

¹⁶³ См. стр. 491—500, 504 настоящей работы. По родословным сын Юрия Грунки Федор приходился двоюродным братом Микуле Васильевичу, герою Куликовской битвы (ВОИДР, кн. X, стр. 90, 91).

¹⁶⁴ Повести о Куликовской битве, стр. 355.

¹⁶⁵ Шамбинаго, стр. 160—161.

¹⁶⁶ А. Мазон. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 44.

меновавшей собой переломный момент в борьбе русского народа с Золотой Ордой. В самом старшем из сохранившихся исторических источников о Куликовской битве своде 1408 г. (Троицкой летописи), независимом от трех повестей о Куликовской битве, под 1380 г. мы читаем следующее: «... и бысть на долзе часе брань крепка зело и сеча зла. Чрес весь день сечахуся, и падоша мертвых множество безчислено от обоих, и поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю, а мамаевы полци погании побегоша, а наши после бьюще, секуще поганых без милости. Бог бо невидимою силою устраши сыны Агаряны, и побегоша, обратиша плещи свои на язвы, и мнози оружием падоша, а друзии в реце истопоша, и гнаша их до реки до Мечи, и тако множество их избиша, а друзии погрязоша в воде и потонуша. Иноплеменници же гоними гневом божиим и страхом одержими суще, и убежа Мамай в мале дружине в свою землю Татарскую».¹⁶⁷

В Псковских 1-й и 3-й летописях, в конечном итоге восходящих к псковскому своду середины XV в., под 1380 г. сообщается: «В лето 6886. Бысть похвален поганых Тотар на землю Рускую: бысть побоище велико, бишася на рожество святыя богородица, в день в суботный, до вечера, омерькше биючися; и пособе бог великому князю Дмитрею, биша и на 30 верст гонячися».¹⁶⁸

В новгородском Летописце епископа Павла 60-х годов XV в. о победе русских на поле Куликовом говорится следующее: «Того лета биша князь великий Дмитрей и брат его Володимер с татары, с князем Мамаем, месяца сентября в 8, на рожество богородици в суботу, и пасобил бог князю Дмитрею и Володимеру».¹⁶⁹

Немецкие источники — хроники XIV—XV вв. Иоганна Пошильге, Дитмара Любекского, Альберта Кранца, «Торнские анналы» также рассказывают об этой битве как о победе русских, но с новыми подробностями относительно столкновения возвращавшихся русских войск с литовцами.¹⁷⁰ Только в хронике А. Кранца коротко рассказывается о том, как происходило сражение: обе стороны атаквали большими шеренгами (вереницами), бросали копья и ударяли мечами, а потом быстро отходили назад.¹⁷¹ Ни в одном из письменных источников не сообщается о прорыве татарской конницей левого фланга русских и их столкновении затем со сторожевым полком, о котором рассказывается в посвященных Куликовской битве брошюрах И. Афремова, А. В. Карасева и Г. И. Оськина.¹⁷²

Согласно «Задонщине» и «Сказанию», сражение началось поединком двух богатырей — русского и татарского.

В «Сказании» рассказывается о том, что Александр Пересвет перед поединком просит передать благословение его чаду Якову. В числе воинов первой «сторожи» упоминается и Яков Ослебятов, а в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины» Иаков Ослебятин назван в числе павших. Александр Пересвет был любутским боярином, перешедшим вместе со своим братом Андреем Ослебей на службу к великому князю московскому

¹⁶⁷ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 420.

¹⁶⁸ Псковские летописи, вып. I. Приготовил к печати А. Насонов, М.—Л., 1941, стр. 24. Такой же текст в Псковской 3-й летописи (ср.: Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова, М., 1955, стр. 106).

¹⁶⁹ БАН, собрание П. Н. Доброхотова, № 18, л. 44 об.

¹⁷⁰ Подробнее см. стр. 507—508 настоящей работы.

¹⁷¹ А. Grantz. *Vandaliae, Lib. IX. Napoviae*, 1619, стр. 207.

¹⁷² И. Афремов. Куликово поле. С реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября 1380 года. Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849; А. В. Карасев и Г. И. Оськин. Дмитрий Донской. М., 1950.

после взятия брянских городов литовцами в 1356 г. Нам известна «купля Пересветова» — Куплинский стан Калужского уезда (на запад от г. Алексина).¹⁷³ Позднее Пересвет и Ослебя стали монахами Троицкого монастыря, постриженниками Сергия Радонежского. Согласно «Сказанию», последний посылает обоих иноков на поле Куликово на помощь великому князю. Андрей Ослебя, боярин любутский, принявший постриг с именем Иродиона, упоминается в летописях: в 1397 г. его посылает великий князь Василий Дмитриевич в Царьград к императору и патриарху; он привозит в Москву икону «Спас в ризике белой».¹⁷⁴ С. К. Шамбинаго нашел упоминания имени Андрея Ослебя в Лаврском обиходнике, в акте о местничестве Бутурлина с Плещеевым, как митрополичьего боярина 1390—1393 гг.¹⁷⁵ Только в «Сказании» имеется легенда о том, что великий князь поменялся одеждой и конем с боярином Михаилом Андреевичем Бренком, который был очень похож на него лицом. Последний встал под черное княжеское знамя и погиб, сражаясь как герой; затем был погребен в Николо-Угрешском монастыре. Михаил Андреевич Бренко, ближний боярин великого князя, был потомком Вильгельма-Леонтия, курфюрста люнебургского, приехавшего в Новгород в XIII в. и участвовавшего в Невском сражении 1240 г.¹⁷⁶ Согласно родовому преданию, сын Бренка Федор Михайлович, боярин великого князя Василия Дмитриевича, носил прозвище «Чело»: его отец получил в Куликовском бою смертельную рану в лоб. Он был родоначальником Челищевых.¹⁷⁷ Михаил Бренко упомянут в «Летописной повести» и в «Задонщине» в числе павших. В «Сказании» рассказывается легенда о том, как после окончания битвы начинаются поиски великого князя. В ответ на расспросы Владимира Андреевича воины рассказывают о том, что они видели великого князя «крепко» сражающимся. И только «некто князь, имянем Стефан Новосильской, тѣй рече: „Аз видех его пред самим твоим приходом, пеша и идуща с побоища уязвена вельми“».¹⁷⁸ В родословиях Новосильских князей нет князя с именем Стефан.¹⁷⁹ Л. А. Дмитриев на основе учета чтений всех списков Основной редакции «Сказания» полагает, что первоначальное чтение этого места было: «... юн же юноша, некто Стефан, Новосильских князей», т. е. один из слуг или домочадцев князей Новосильских.¹⁸⁰

Наконец, два воина костромича находят раненого великого князя в роще, справа от Куликова поля, лежащим под сенью иссеченной березы. Имена этих воинов — Федор Сабур и Григорий Холопичев — исторические: Федор Сабур — потомок выходца из Орды князя Чета-Захари, основатель рода Сабуровых.¹⁸¹ Григорий Холопичев — Григорий Владими-

¹⁷³ В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1902, стр. 2—3.

¹⁷⁴ ПСРА, т. VI, изд. 1-е, стр. 130; т. VIII, стр. 71; т. XX, ч. 1, стр. 218; т. XXIII, стр. 136; т. XXIV, стр. 166; т. XXV, стр. 228; т. XXVIII, стр. 88, 253.

¹⁷⁵ Шамбинаго, стр. 177; Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. — ЧОИДР, М., 1909, кн. 2, стр. 62—63; Повести о Куликовской битве, стр. 280—281.

¹⁷⁶ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, стр. 657—658.

¹⁷⁷ Там же, стр. 658; Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893, стр. 3—5.

¹⁷⁸ Сказание, стр. 72

¹⁷⁹ Бархатная книга, ч. 2, стр. 254—255; ВОИДР, кн. X, стр. 70.

¹⁸⁰ Л. А. Дмитриев. «Сказание о Мамаевом побоище». Диссертация, стр. 166.

¹⁸¹ Бархатная книга, ч. I, стр. 240; ВОИДР, кн. X, стр. 93; П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. 4, стр. 197.

рович Холопищев, потомок Гаврилы Олексича, героя Невского сражения 1240 г.¹⁸² В 1395 г. он был нижегородским воеводой.¹⁸³

Об участии в битве великого князя в «Летописной повести» рассказывается следующее: «Самому же князю великому беаше видети весь доспех его бит и язвен, но на телеси его не беше язвы никоея же, а бился с тотары в лице, став напреди, на первом суйме».¹⁸⁴ Князья и воеводы долго упрашивали великого князя не рисковать, но он был непреклонен.

После битвы, говорится в «Летописной повести», князь великий вместе с братом своим Владимиром Андреевичем, со всеми воеводами и воинами «став ... на костех татарских». В «Сказании» вначале только один Владимир Андреевич «ста на костех под черным знаменем», и лишь потом к нему присоединился великий князь.

Какой же из двух версий отдать предпочтение: версии «Летописной повести», приписывающей всю честь победы Дмитрию Донскому, или версии «Сказания», которая видит главную заслугу в действиях Владимира Андреевича, Ольгердовичей и Боброкова Волынца? М. Н. Тихомиров безапелляционно отдает предпочтение версии «Летописной повести» и объявляет версию «Сказания» «клеветой» «живучей и ядовитой».¹⁸⁵ Л. В. Черепнин осторожно высказывается о двух политических тенденциях: 1) о тенденции «Летописной повести», выдвигающей идею единовластия московского великого князя и подчинения ему правителей других княжеств, и 2) о тенденции «Сказания», которая вышла из тех феодальных кругов, представители которых признавали политическое главенство Москвы, но высказывались против единовластия и самовластия.¹⁸⁶ Однако мы не усматриваем в «Сказании» тенденции удельных феодальных кругов. Отдаленный от событий многими десятилетиями, автор «Сказания», тщательно собрав все родовые предания Белеутовых, Вельяминовых, Горских, Квашиных, Меликовых, Ослебятовых, Пересветовых, Ржевских, Сабуровых, Серкизовых, Тютчевых, Холопищевых, Челищевых и многих других, легенды, передававшиеся от участников Куликовской битвы, и документы, смог сказать на страницах своего литературного произведения немало правды о действительной роли русских воевод и русских воинов, которым (а не одному только Дмитрию Донскому) принадлежала истинная заслуга в победе над Мамаем. А. Вайян считает, что в «Сказании» отразилось стремление русского дворянства XVI в. приписать своим предкам славные подвиги на поле Куликовом, подобно тому как французская и английская знать возвеличивала своих предков, отличившихся в битве при Азенкуре.¹⁸⁷

Стремление русской знати к возвеличиванию своих предков имело место и во второй половине XV в., когда правительство Ивана III, борясь с удельными князьями, вместе с тем остро нуждалось в поддержке своей политики знатными фамилиями Русского государства.

Проверка имен, названных в «Сказании», приводит нас к убеждению, что «Сказание» не могло возникнуть ранее середины XV в. (1455 г.), так как в нем названы Курбские, Прозоровские, Кемские, Карголомские.

¹⁸² ВОИДР, кн. X, стр. 104, 171.

¹⁸³ ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 101; т. V, стр. 247; т. VI, стр. 128, 130; т. VIII, стр. 72; т. XI, стр. 163; т. XVII, стр. 46; т. XXVII, стр. 88. Нам не удалось найти в родословных, летописях и документах упомянутых в «Сказании» имен павших богатыря Григория Капустина, воеводы Михаила Васильевича; имени московского боярина Михаила Александровича, считавшего убитых на поле Куликовом, и некоторых других.

¹⁸⁴ Летописная повесть, стр. 321.

¹⁸⁵ М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 года, стр. 372.

¹⁸⁶ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 621.

¹⁸⁷ Vaillant, стр. 79.

Андомские князья, которых не существовало в эпоху, современную Куликовской битве. Утверждение Л. А. Дмитриева о том, что «княжества Кемское, Андомское, Карголомское, Прозоровское и Курбское появились в составе княжеств Белозерского и Ярославского в конце XIV—начале XV в.» никакими источниками не подтверждается.¹⁸⁸ Наряду с подлинными именами в «Сказании» названы имена несуществовавших князей (Андрей Ярославский, Дмитрий Ростовский) или имена людей, участие которых в Куликовской битве весьма сомнительно (князья Семен Михайлович, Глеб Брянский, Андрей Муромский, разбойник Фома Кацубей).

Почему же автор «Сказания» назвал в числе участников Куликовской битвы целый ряд Белозерских, Ярославских и Ростовских князей, которые в действительности в битве не участвовали? Не свидетельствует ли этот факт в пользу того предположения, что автором «Сказания» был выходец из Белоозера?

Хорошее знание автором «Сказания» топографии Москвы («каменный град», построенный в 1367 г., великокняжеский набережный терем, Фроловские, Никольские, Константиноеленинские ворота, московские дороги, кремлевские церкви архистратига Михаила и богородицы) выдает в нем человека, жившего в Москве.

3. ЯГАЙЛО, ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ И ОЛЬГЕРДОВИЧИ

Все русские источники о Куликовской битве — Троицкая летопись, «Летописная повесть», «Задонщина», «Сказание» — рассказывают о Куликовской битве как о победе русских над татарами. По-разному в русских источниках говорится о поведении союзника Мамаю — литовского князя Ягайла в момент Куликовской битвы. Ср.:

Симеонов-
ская лето-
пись

...поведаша
ему Мамаю за
Доном сбрав-
шася, в поле
стояща и ждуща
к себе Ягайла
на помощь рати
Литовския.¹⁸⁹

Летописная повесть

А отседе, от страны Литовския, Ягайло, князь литовский, приде с всею силою литовскою Мамаю пособляти, тотаром поганым на помощь, а крестьяном на пакость, но и от тех бог избавил: не поспеша бо на срок за малым, за едино днище или меньши. Но точию слышав Ягайло Олгердовичь и вся сила его, яко князю великому с Мамаем бой был, а князь великий одоле, а Мамай побежден, побеже, и без всякого пождания Литва с Ягайлом побегоша назад с мноюю скоростию, никим же гоними: не видеша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружья его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху.¹⁹⁰

«Сказание»,
Основная редакция

Князь же Вольгорд Литовский, по предреченному съвету, съвокупи Литвы много, и Варяг, и Жемоти, и поиде на помощь Мамаю. И прииде к граду Одоеву, и слышав, яко князь великий съвокупи многое множество вьинства, всю Русь и словены, и пошол к Дону противу царя Мамаа, и слышав, яко Олег убоася, и пребысть ту оттоле неподвижим. И начя разумети суетныа свои помыслы, бе съвокупление свое с Ольгом Резаньским разномысляще, нача рватися и сердитися, глагола: «Елико человеку не достанеть своа мудрости, ть всучюжую мудрость требует. Николи же бо Литва от Резани учима была! Ныне же изведе мя ума Олег, а сам паче погыбл. Ныне же убо пребуду эде, дондеже услышу Московьскаго победу...

Слышав же Ольгорд Литовский, яко князь великий Дмитрий Иванович победил Мамаа, вьзвратися вьсвоаси с студом многым.¹⁹¹

¹⁸⁸ Повести о Куликовской битве, стр. 423.

¹⁸⁹ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 129.

¹⁹⁰ Летописная повесть, стр. 322—323.

¹⁹¹ Сказание, стр. 58, 76.

Итак, согласно «Летописной повести», Ягайло не принимал участия в битве. Во-первых, потому, что не успел в срок соединиться с Мамаем: в момент битвы он находился на расстоянии не менее одного дня пути от поля Куликова, во-вторых, потому, что, узнав о победе русских, испугался встречи с ними и побежал в Литву. Согласно «Сказанию», Ягайло, названный в Основной редакции Ольгердом, дойдя до Одоева, находящегося в 140 км от Дона, узнал о движении многочисленного русского войска навстречу Мамаю и решил не двигаться с места; а после окончательной победы русских возвратился в свою землю, «с стыдом многым». Совсем иначе рассказывается о Ягайле в двух прусских хрониках:¹⁹²

Хроника Иоганна Пошильге

В том же году была большая война во многих странах: особенно так сражались русские с татарами у Синей Воды, и с обеих сторон было убито около 40 тысяч человек. Однако русские удержали (за собой) поле. И, когда они шли из боя, они столкнулись с литовцами, которые были позваны татарами туда на помощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те (русские) взяли у татар.

Хроника Дитмара Любекского

В то же время была там великая битва у Синей Воды между русскими и татарами, и тогда было побито народу с обеих сторон четыре сотни тысяч; тогда русские выиграли битву. Когда они хотели отправиться домой с большой добычей, то столкнулись с литовцами, которые были позваны на помощь татарами, и взяли у русских их добычу, и убили их много на поле.

Итак, согласно известиям двух немецких хроник Дитмара Любекского и Иоганна Пошильге, после сражения с татарами произошло новое столкновение между возвращавшимися домой русскими и литовцами, спешившими на соединение с Мамаем. Видимо, сильно уставшие после битвы с татарами, русские воины не были в состоянии дать отпор литовцам и вынуждены были уступить часть отнятой ими у татар добычи. О добыче рассказывается в «Летописной повести»: «И мнози вои его (Дмитрия, — Ю. Б.) възрадовашася, яко обретающе користь многу, пригна бо с собою многа стада коней, и велблуды, и волы, им же несть числа, и доспех, и порты, и товар»,¹⁹³ и в «Задонщине»: «... и з радости начаша имати кони и верблюды и камки, носечи, сребро и золото и крепкия доспехи и чест, и жемчуги, и дорогое взорочия, колко хто хотечи и могучи, толко возимаючи».¹⁹⁴ В основной редакции «Сказания» этой фразы нет, о судьбе добычи там ничего не говорится.

Есть ли основания не доверять сообщению этих немецких хроник? Очевидно, что обе они восходят к какому-то общему источнику этого рас-

¹⁹² *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. III. Leipzig, 1866, стр. 114—115. (Хроника Иоганна Пошильге: «In desim jare was gros krig in vil landen: nemlich so stretin die Russin mit den Tatern bie dem Bloen Wassir, und von beydin syten wordin irslagen wol XL tusunt man, sunder die Russin behilden das velt. Und also sie von dem strite czogen, qwomen yn die Littowen entkegen. wend sie von den Tattern geladin worin yn zcu hulffe, und slugen der Russen gar vil czu tode, und nomen yn groszen roub, den sie von den Tattern hatten genommen». Хроника Дитмара Любекского: «By der sulven tyd do was een grot strid bi Blowasser tuschen den Russen unde den Tatheren; dar wart geslagen des volkes to beiden siden veer hundred dusent; de Russen wunnen dar den strid. Also se wolden to nus theen mit grotome rove, do quemen en de Lettouwen jegen, de bebodet weren tho helpene den Tatheren, unde nemen den Russen eren roof, unde slogen er vele dot up den velde»).

¹⁹³ Летописная повесть, стр. 324. Какой-то глухой намек на события имеется в «Летописной повести», которая всю вину за грабежи возлагает на Олега Рязанского: «... а кто поехал с Доновьскаго побойща домов сквоже его отчину, Рязаньскую землю, боляре или слуги, а тех велел (Олег Рязанский, — Ю. Б.) имати и грабити и нагих пущати» (Летописная повесть, стр. 324).

¹⁹⁴ «Задонщина» по списку С, стр. 555 настоящего сборника.

сказа, который ими не назван. Очевидно, что этот источник был современен событиям: 1) Дитмар Любекский, монах-францисканец Торнского монастыря, писал свою хронику на латинском языке до 1395 г. (затем его продолжатель до 1400 г. перевел хронику на нижненемецкий язык); 2) Иоганн Пошильге, чиновник из Помезании, живший в Ризенбурге, писал свою хронику также на латинском языке с 60-х или 70-х годов XIV в. до 1406 г. (затем его продолжатель до 1419 г. перевел хронику на верхненемецкий язык).¹⁹⁵

Итак, по всей вероятности, общим источником рассказа двух прусских хроник о Куликовской битве была современная событиям летопись (на латинском языке), скорее всего составлявшаяся прусскими монахами, возможно, в Торнском монастыре.

Последняя, конечно, могла опираться на устные рассказы или известия в польско-литовской интерпретации. Однако в «Истории Польши» Яна Длугоша о Куликовской битве ничего не говорится.¹⁹⁶ Вероятность известия прусских хронистов о Куликовской битве подтверждается сходным с ним известием, которое, как предполагал Н. М. Карамзин, было привезено из Руси ганзейскими купцами на съезд в Любек в 1381 г.¹⁹⁷ Оно сохранилось в «Вандалии» немецкого историка конца XV в. А. Кранца: «В это время между русскими и татарами произошло величайшее в памяти людей сражение на месте, которое называется Синяя Вода. Как обычно сражаются, оба народа не стоя [в позиции], а, набегая большими вереницами, бросают копья и ударяют [мечами] и вскоре отступают назад. Как передают, в этом сражении пало двести тысяч смертных [людей]. Однако победители русские захватили немалую добычу — скот, так как [татары] почти никакой другой [добычей] не обладают. Но не долго русские радовались этой победе, потому что татары, соединившись с литовцами, устремились за русскими, уже возвращавшимися назад, и добычу, которую потеряли, отняли и многих из русских, повергнув, убили. Было это в 1381 г. после рождения Христа. В это время в Любеке собрался съезд и сходка всех городов общества, которое называется Ганзой».¹⁹⁸

¹⁹⁵ O. Lorenz. Deutschlands Geschichts Quellen im Mittelalter von der Mitte des Dreizehnten bis zum Ende des Vierzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1870, стр. 183—186. В очень сокращенном виде этот же латинский источник отразился в «Торнских анналах» начала XV в.: «Eodem anno Ruteni et Tartari habuerunt conflictum simul prope Blowasser. Ex utraque parte cesi IV^m. Rutheni prevalerunt», (Scriptores Rerum Prussicarum, t. III, стр. 114).

¹⁹⁶ Ср.: Joannis Długossii seu longini canonici cracoviensis Historiae polonicae, libri XII. — В кн.: J. Długosz. Opera omnia, ed. A. Przewdziecki, vol. 12. Cracoviae, 1876. В части известий конца 70—начала 80-х годов XIV в. Я. Длугош использовал мемуарные записи Яна Чарнкова, архидиакона гнезнинского, писавшего только о тех событиях, свидетелем которых он был сам.

¹⁹⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб. 1892, Примечания, стр. 25.

¹⁹⁸ A. Krantz. Vandaliae, Liber IX. Hanoviae, 1619, стр. 207 («Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum est praelium, in loco qui dicitur Flawasser, ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere. Ferunt ducenta mortalium millia eo concidisse praelio. Russi tamen victores praedam non parvam abduxere in pecoribus: nam reliquam pene nullam possident. Nec tamen diu laetati sunt ea victoria Russi. Nam Tartari, Letuanis in societatem accitis, secuuti Russos jam reduces, et praedam, quam amiserant, retulerunt, et magnam in Russos stragem peregerunt. Erat autem annus LXXXI post mille trecentos a Christo nato. Quo etiam tempore in Lubica coetus agebatur et conventus irbium omnium de societate, quam Hansam dixerunt»). Любопытно, что А. Кранц, так же как и другие немецкие хронисты, называет место битвы «у Синей Воды» (dem Bloen Wassir, Blowasser, Flawasser). Синяя Вода — приток р. Буга и город того же названия (см.: Книга Большому чертежу, стр. 112). При Синей Воды в 1362 г. произошла битва великого князя литовского Ольгерда с татарами, в которой победили литовцы (по-

Очевидно, что и монах Торнского монастыря и ганзейский купец, жившие в XIV в., независимо один от другого восходили к своему источнику — устным рассказам о самом событии и современным ему. Мы не усматриваем в рассказах немецких хроник о Куликовской битве враждебную русским тенденцию: напротив, хронисты описывают битву как победу русских над татарами, но затем лишь бесстрастно сообщают о факте нападения литовцев, которое отнюдь не привело к умалению русской славы. Отнюдь не рыцарское поведение литовцев на Куликовом поле не могло получить лестную оценку в глазах польско-литовского общества: не много было чести побить и ограбить изнуренных тяжелой битвой с татарами русских воинов. Поэтому неудивительно, что польские и литовские хроники, очень внимательные ко всему, что касалось рыцарской чести, умалчивают об участии Ягайла в Куликовской битве.

Данные немецких хроник позволяют уточнить местонахождение Ягайла в момент Куликовской битвы: следует признать достоверным сообщение «Летописной повести» о том, что Ягайло находился не менее чем в одном дне пути от Куликова поля, т. е., вероятно, уже на подходе к Дону.¹⁹⁹ Его приход к месту битвы, согласно прусским хроникам, совпал со временем возвращения русских к себе домой во второй половине дня или вечером 8 сентября (согласно русским источникам, битва продолжалась с 6 до 9 часов по древнерусскому счету времени, т. е. с 11 до 14 часов дня; после этого русские считали своих убитых и хоронили их). Рассказ «Летописной повести» о бегстве литовцев «назад со многою скоростью», после того как они узнали о победе великого князя Дмитрия над Мамаем, — это не более, чем преувеличение, литературный прием, с помощью которого повествователь добивался большего художественного обобщения. Мотив страха врага перед именем великого князя много раз повторяется в древнерусских литературных памятниках: «Повести временных лет», Галицко-Волынской летописи, «Слове о погибели Руския земли».

Также вызывает сомнение известие «Сказания» о том, что Ягайло остановился в Одоеве, в 140 км от Дона, и оттуда повернул назад, узнав о победе русских. Очевидно, что это известие находится в связи с литературным замыслом автора «Сказания», который не пожалел красок, для

дробнее см.: S. M. Kuczyński. *Sine Wody*. (Rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 г.). — В кн.: *Księga ku czci Oskara Haleckiego*. Wydana w XXV-lecie jego pracy naukowej. Warszawa, 1935, стр. 81—141). Возможно, что в немецких источниках произошло случайное отождествление места битвы на р. Дон с местом битвы на р. Синяя Вода. Однако, неточно называя место битвы, немецкие источники под 1380—1381 гг. все же описывают битву на Куликовском поле.

¹⁹⁹ Ср.: «Князь же Ягайло Литовский не поспе Мамаю на помощь, уврнувся за 30 врьст» (ПСРЛ, т. XXVII, стр. 332). Любопытные, но косвенные данные об участии литовцев в военных столкновениях с русскими дает запись Епифания Премудрого на нижнем поле л. 40 Стихираря 1380 г.: «В . . . ъ ноші. мѣа септебр. въ ка днь . . . во тѣхъ днѣхъ приѣхаша Литва градѣть с Агарыны» (рукопись ГБЛ, собрание Троице-Сергиевой Лавры, № 22, л. 40; ср.: И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882, стлб. 240—241; об авторе приписки см.: Е. Голубинский. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. — ЧОИДР, М., 1909, кн. 2, стр. 91). Согласно объяснению Н. Шлякова, известие о приходе литовцев вместе с татарами 21 сентября 1380 г. привез в Троице-Сергиев монастырь ученик Сергия Радонежского Федор, игумен Симоновский и одновременно духовник великого князя. В тот же день игумен Сергей посылает в Рязань своего келаря, вероятно, для того чтобы предотвратить объединение литовцев с рязанскими отрядами князя Олега. Дмитрий Донской, возвращавшийся с 40-тысячной остаточной ратью с поля сражения, именно 21 сентября остановился в Коломне, ожидая исхода миссии Сергиева посланца, и лишь 25 сентября возобновил свое движение к Москве. (См.: Н. Шляков. Невыясненное известие из жизни преподобного Сергия Радонежского. — Церковные ведомости, год 5, СПб., 1892, № 41, прибавление, стр. 1411—1414).

того чтобы нарисовать губительные, даже для врагов, последствия от союза с таким коварным человеком, каким был Олег Рязанский. Ягайло в Одоеве якобы произносит слова о губительных последствиях своей дружбы с Олегом: «Николи же Литва от Рязани учима была. Ныне же изведе ми ума Олег, а сам паче погыбл».²⁰⁰

Рисуя Олега как изменника, авторы «Летописной повести» и «Сказания» не скупятся на эпитеты по его адресу: «велеречивый», «худой», «отступник», «советник дьявола», «душегубивый», «скудость же бысть ума в главе его».

Однако в действительности, как показал еще Д. Иловайский, князь Олег Иванович был сложной и противоречивой фигурой рязанской истории (мы бы сказали — типичным феодалом своего времени). «Восемь лет он был верным союзником Димитрия, — пишет Д. Иловайский, — и какие результаты? Четыре раза татары большими массами приходили опустошать Рязанскую землю (в 1373, 1377, 1378, 1379 гг., — Ю. Б.), а москвитяне подавали помощь слишком поздно . . . чтобы спасти свое княжество от нового разорения, Олег завязал переговоры с Мамаем; уплатил или хотел уплатить ему такой выход, который давали рязанские князья во времена Узбека, и обещал присоединить свою дружину к татарскому войску. Дружба с татарами влекла за собой новые отношения к Ягайлу: действительно и с ним Олег вошел в переговоры и заключил союз, утвержденный крестным целованием».²⁰¹

Мы не будем подробно излагать факты, известные из летописей, которые рисуют Олега Рязанского как типичного удельного князя своего времени, ставившего интересы своей вотчины Великого княжества Рязанского выше интересов Русской земли. Нельзя сказать, что дипломатическая стратегия обещаний и выжиданий не принесла Олегу успеха. Ему удалось и 1) обеспечить безопасность своего княжества от Мамаея и от великого князя и 2) сохранить свою дружину как дееспособную единицу.²⁰² Правда, Олегу пришлось бежать от гнева великого князя за Оку, Рязанское княжество на некоторое время попало в руки наместников великого князя, но уже в следующем, 1381 г., Олег отказался от союза с Литвой и татарами и помирился с великим князем.²⁰³ Однако уже в 1382 г., во время нашего Тохтамыша, Олег снова нарушил крестное целование: встретил хана за Рязанскими пределами и помогал своими советами, так как хотел добра не Москве, «но своему княжению помогаше»,²⁰⁴ а Тохтамыш «в благодарность» на обратном пути опустошает его землю.²⁰⁵

²⁰⁰ Сказание, стр. 58.

²⁰¹ Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 170—172; А. Г. Кузьмин на основе нового анализа источников также отрицает факт непатриотического поведения Олега Рязанского в период Куликовской битвы, считая, что обвинения в измене были измышлены составителями летописных сводов XV в.; уже в XVI в. в Никоновской летописи эти обвинения были опущены, а резкие выражения в адрес рязанского князя смягчены (А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965, стр. 220—228).

²⁰² Неясно, посылал ли рязанский князь на помощь Мамаю вспомогательный отряд или нет: об этом рассказывается только в Троицкой и Симеоновской летописях и в «Летописной повести» («Тогда поведаша князю великому, что князь Олег Рязанский посылал на помощь Мамаю свою силу, а сам на реках мосты переметал»). В «Сказании» об этом факте ничего не говорится.

²⁰³ СГГД, т. I, № 32.

²⁰⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 84—85; т. VI, стр. 98—99; т. VIII, стр. 43—44; т. XVI, стр. 121; т. XXVI, стр. 146; т. XXVII, стр. 77.

²⁰⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 90; т. VI, стр. 103; т. VIII, стр. 47; т. XI, стр. 80; т. XVI, стр. 129; т. XVIII, стр. 133; т. XX, ч. 1, стр. 204; т. XXIII, стр. 129; т. XXIV, стр. 154; т. XXV, стр. 210; т. XXVI, стр. 151; т. XXVII, стр. 80.

В московском летописании, отражавшем общерусскую точку зрения, линия поведения Олега Рязанского не могла не вызывать осуждения. Автор «Сказания», идя вслед за «Летописной повестью», дает отрицательную характеристику рязанского князя, изобразив его изменником, гонителем христианской веры — «новым Святополком» («Ныне же сего Ольга оканнаго новаго Святоплѣка нареку»; «аще бы ныне великому князю помогл, тѣ отнудь не приметъ мя — вѣсть бо измену мою. Аще ли приложуся к нечестивому царю, тѣ, поистинне, яко доевний гонитель на христову веру, тѣ пожреть мя земля жыва, аки Святоплѣка: не токмо княженна лишен буду, нѣ и живота гоньзну и предан буду в гену огненую мучитися»).²⁰⁶ Автор «Сказания» сочиняет «речи» Олега Рязанского и его послов, обращенные к Мамаю, к Ольгерду (Ягайло), и ответы последних Олегу. В «речах» Олег изображен (как «король части Римскыя» в Житии Александра Невского) хвастливым и недалеким. Он призывает Мамаю разграбить Русскую землю, просит у него для себя Коломну, а с Ольгердом договаривается о разделе Русской земли: литовцам — Москву, рязанцам — Коломну, Владимир и Муром. Так же хвастается, собираясь в поход на Русь, «король части Римскыя» в Житии Александра Невского: «... помысли в себе победити его или руками яти и великий Новѣгород поплентити и вся грады их и люди Словенскыя к собе в работу сътворити». По словам автора «Сказания», Олег раболепствует перед Мамаем, называя себя «твой посаженик и присяжник»; «а князь Дмитрей Московской, — угодливо говорит Олег Мамаю, — человек христиан, егда услышит имя ярости твоеа, то отбежитъ в далнаа отоки своа, любю в Новѣгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину». Свое осуждение врагов — Олега и Ольгерда (Ягайла) — автор «Сказания» выражает в нескольких словах: «Не ведаху бо, что помышляюще и что се глаголюще, акы несмыслени младаа дети, неведающе божиа силы и владычня смотрения».

Мамаю и Ольгерда (Ягайла) автор «Сказания» рисует только «черной краской», отождествив их враждебное отношение к русскому государству с враждебным отношением к христианской вере вообще. Для Олега Рязанского сделано исключение: он раскаивается в своем поведении, узнав о том, что «князь великий съвѣкупися с многими силами и грядеть в стретение безбожному царю Мамаю и наипаче же въоружен твердо своею верою» и о том, что «вельми прозорливый» Сергей предсказал князю Дмитрию победу. Олег Рязанский раскаивается в том, что хотел изменить истинной вере: «Горе мне, яко изгубих си ум, не аз бо един оскудех умом, нѣ и паче мене разумнее Вольгорд Литовскый. Нѣ обаче он почитаетъ закон латыньскый Петра Гугниваго, аз же, окаанный, разумех истинный закон божий. Нѣ что ради поплѣзохся? И збудется на мне реченное господом, аще раб, ведаа закон господина своего, преступить, бѣен будетъ много».

Таким образом, автор «Сказания» создает тенденциозный образ Олега Рязанского и дает своеобразное объяснение его поступков, весьма далекое от исторической действительности.

Искусная дипломатическая стратегия Олега, его выжидание и лавирование в сложной обстановке — все укладывается автором «Сказания» в прямолинейную, надуманную схему: Олег хотел изменить, но вовремя одумался — отсюда и его отказ от соединения с военными силами Ягайла (Ольгерда) в решающий момент.

²⁰⁶ Сказание, стр. 58. Выражение «Новый Святополк» есть уже в «Летописной повести» (Летописная повесть, стр. 314).

Л. А. Дмитриев убедительно доказал, что имя Ольгерда в Основной редакции «Сказания» было первоначальным и что такая замена имени Ягайла именем умершего еще в 1377 г. Ольгерда была связана с идейным смыслом «Сказания».²⁰⁷ Далее Л. А. Дмитриев полагает, что такая замена могла быть сделана только тогда, когда еще свежа была память об Ольгерде, а Ягайло был жив и называть его врагом Москвы и союзником Мамаю было неудобно. Вторая часть этого объяснения кажется нам неубедительной: замена имени Ягайла Ольгердом могла быть сделана и до и после 1434 г. и совершенно не зависела от отношения к Ягайлу правящих кругов Москвы XV в. Эта замена была тесно связана с идейно-художественным замыслом всего произведения в целом, согласно которому враги изображались как противники православной веры и им приписывались определенные поступки и речи. На историческую личность Ягайла автор «Сказания» переносит все то, что было характерно в отношении московских правящих кругов XIV в. к Ольгерду: «Ведомо бо, яко издавна еси мыслил на великого князя Дмитрия Ивановича московскаго, чтобы его згонити с Москвы, а самому владети Москвою». Действительно Ольгерд был одним из наиболее опасных врагов московского великого князя. Он подчинил себе южную Русь, отняв у татар земли Киевскую, Черниговскую, Северскую и Подольскую и далеко отодвинув в степи татарские орды, и первый начал теснить Северо-Восточную Русь. В 1368, 1370, 1372 гг. по наущению своего деверя великого князя тверского Михаила Александровича он трижды идет на Москву.²⁰⁸ В 1368 и 1370 гг. ему даже удается сжечь московский посад, находившийся вне пределов каменного города, а в 1372 г. он доходит только до Любутска, где обе рати — московская и литовская, — простояв некоторое время друг против друга, расходятся восвояси.

Автор «Сказания» изображает Ольгерда (Ягайла) доверчивым и недалеким: Ольгерд соглашается с Олегом разделить Русскую землю, а затем оказывается обманутым своим союзником. В действительности Ягайло был весьма далек от намерения разделить Русскую землю, да и осуществление этого намерения было делом весьма непосильным, нереальным для него: военные силы Ягайла были невелики, да и само положение Ягайла на столе Великого княжества Литовского в Вильне, где он утвердился после ожесточенной борьбы 1377—1382 гг. со своим дядей великим князем Кейстутом, сыном последнего Витовтом и старшим среди Ольгердовичей Андреем Полоцким, не было достаточно прочным.²⁰⁹

²⁰⁷ См.: Л. А. Дмитриев: 1) Сказание о Мамаевом побоище. Диссертация; 2) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 187—190, 195; 3) К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 416—420.

²⁰⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 231—232; т. II, стр. 350; т. III, стр. 89; т. IV, изд. 1-е, стр. 66, 69; т. V, изд. 1-е, стр. 230, 233; т. VIII, стр. 15—16, 17, 20; т. XI, стр. 10—11, 14, 19; т. XV, изд. 1-е, стлб. 429, 430, 433; т. XV, изд. 2-е, вып. 1, стлб. 88—90, 94—95, 103—104; т. XVI, стлб. 93—94, 98; т. XVII, стлб. 37—39, 130—131; т. XVIII, стр. 108—109, 110, 113; т. XX, ч. 1, стр. 192—193, 194—195; т. XXIII, стр. 115—116, 118; т. XXIV, стр. 125—126, 127, 129; т. XXV, стр. 184—185, 186, 188—189; т. XXVI, стр. 119, 121; т. XXVII, стр. 68, 69, 328, 329; т. XXVIII, стр. 75—76, 77, 237—238, 239. В 1349 г. Ольгерд женился вторым браком на княжне Ульянии Александровне Тверской, сестре великого князя Тверского Михаила Александровича (ПСРЛ, т. II, стр. 350; т. VII, стр. 215; т. X, стр. 221, т. XV, изд. 2-е, вып. 1, стлб. 59; т. XVIII, стр. 97; т. XX, ч. 1, стр. 186; т. XXIII, стр. 109; т. XXIV, стр. 119—120; т. XXV, стр. 177; т. XXVII, стр. 240; т. XXVIII, стр. 72, 125).

²⁰⁹ S. S m o l k a. Kiestut i Jagiełło. Kraków, 1888; L. Kolankowski. Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiełłonow, т. 1. (1377—1499). Warszawa, 1930.

Ольгерд (Ягайло) в «Сказании» противопоставлен Ольгердовичам — Дмитрию и Андрею, пришедшим на помощь князю Дмитрию Ивановичу. С. К. Шамбинаго полагал, что в «Сказание» вставлена целая «„Повесть“ об Ольгердовичах для дальнейшего усиления контраста между правым делом русских и насилием союзников (т. е. Мамаа, Ягайла и Олега, — Ю. Б.)».²¹⁰ «Повесть» начинается с объяснения, когда и почему Ольгердовичи перешли на сторону великого князя московского: «В то же время (т. е. в августе 1380 г., когда Ягайло подошел к Одоеву, — Ю. Б.) слышав князь Андрей Полотский и князь Дмитрей Брянский, Вольгордовичи, яко велика туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичу Московьскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа. Беста бо те князи отцом своим, князем Вольгордом, ненавидими были, мачехи ради, нь ныне богом възлюблены бысть и святое крещение приали. Беста бо, аки некия класы доброплодныа тернием подавляеми, живущи между нечестиа, не бе им коли плода достойна расплодити».²¹¹

Согласно основной редакции «Сказания», одной из основных причин отъезда двух Ольгердовичей из Литвы были плохие отношения с отцом, сложившиеся из-за мачехи, т. е. Уляны Тверской: будучи христианами, они не могли жить среди «нечестиа». Это объяснение представляется нам неверным. У Ольгерда было 12 сыновей: 5 от первого брака с дочерью витебского князя, Марией Ярославной (с 1318 г.), — Андрей, Дмитрий, Константин, Владимир, Федор — и 7 от второго брака с дочерью великого князя тверского Александра Михайловича, Уляной (с 1349 г.), — Ягайло, Скиргайло, Корибут, Лугвень, Коригайло, Вигунд, Свидригайло.²¹² Большинство сыновей Уляны и Ольгерда были крещеными и воспитывались в православии, с детства они носили два имени: одно христианское, а другое литовское (например, Яков-Ягайло, Иван-Скиргайло, Дмитрий-Корибут, Семен-Лугвень, Александр-Вигунд и т. д.), а сам Ольгерд, уступая настоянию жены, принял крещение перед смертью и был назван Александром, а в иночестве Алексеем.²¹³ Утверждать, как это делает автор «Сказания», что Ольгерд (Ягайло) «почитал закон латыньский Петра Гугнивого», было, по меньшей мере, преувеличением. Лишь в 1386 г., перед браком с польской королевой Ядвига, Ягайло и его единокровные братья по матери перешли в католичество и приняли польские имена: Ягайло — Владислав, Коригайло — Казимир, Свидригайло — Болеслав, и т. д. Сыновья Ольгерда от первого брака также были крещеными: Андрея крестили еще псковичи в 1342 г., перед его избранием псковским князем, все остальные имена сыновей — Дмитрий, Константин, Владимир, Федор — христианские.

В действительности переход обоих Ольгердовичей на службу к великому князю московскому совершился не в августе 1380 г., а в 1377 и 1379 гг. при следующих обстоятельствах. В 1377 г. умер великий князь Ольгерд. Великокняжеский стол в Вильне он завещал своему любимому сыну Ягайлу, а остальным сыновьям назначил уделы еще при жизни.

²¹⁰ Шамбинаго, стр. 207—211.

²¹¹ Сказание, стр. 58.

²¹² ПСРЛ, т. XVII, стлб. 597—600, 611—612; ср.: K. Stadnicki: Bracia Władysława Jagiełły Olgierdowicza, jako ciąg dalszy «Synów Gedimina». Lwów, 1867; J. Wolff: 1) Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł K. Stadnickiego. Kraków, 1886; 2) Książowie litewsko-ruscy od końca XIV wieku. Warszawa, 1895, стр. 336—339.

²¹³ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 416, 604. Впрочем, летописи Быховца и Густынская говорят о том, что Ольгерд принял крещение еще раньше (ПСРЛ, т. II, стр. 350; т. XVII, стлб. 497—498).

Так, князь Андрей Ольгердович владел Полоцком с 1342 г., после гибели в сражении с немцами прежнего князя полоцкого Любка Воиновича.²¹⁴ В 1377 г. Андрей, старший среди Ольгердовичей, не согласился с назначением Ягайла великим князем литовским. В ответ Ягайло отнял у него Полоцкое княжение и отдал его своему брату Скиргайло. Последний с литовской, русской и немецкой ратью стал осаждать Полоцк и стоял под ним 13 недель, а затем вынужден был отойти из-за вмешательства новгородцев и Кейстута.²¹⁵ Все же зимой в 1377 г. князь Андрей был вынужден бежать во Псков и просить помощи у новгородцев, а затем поехал в Москву, где его с любовью принял великий князь Дмитрий и утвердил его на Псковском княжении.²¹⁶ К тому же времени относится и не дошедшая до нас, не известная исследователям «Грамота докончальная великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича с великим князем Андреем Ольгердовичем».²¹⁷ В 1378 г. Андрей Ольгердович уже участвует в битве с татарами на р. Воже в качестве воеводы полка правой руки.²¹⁸

Дмитрий Ольгердович владел Друцком в Полоцкой земле, а потом Трубчевском в Брянской. Он перешел на службу к великому князю московскому зимой 1379 г. Когда московское войско под начальством Владимира Андреевича, Дмитрия Михайловича Воынского и Андрея Ольгердовича подошло к Трубчевску, «князь же Дмитрей Ольгердович Трубчевский не ста противу на бой, но выйде из града со княгинею своею, з детми и з бояры и иде на Москву к великому князю Дмитрею Ивановичю. Князь же велики прият его с любовью и дать ему град Переяславль со всеми пошлинами».²¹⁹

В «Сказании» рассказывается о том, что Ольгердовичи обмениваются между собой пространными посланиями, в которых они говорят о том, что необходимо противиться отцу, если он отступает от истинной веры: «... еще и отец наш и Олег Резанский приложылися безбожным, а гонять православную веру Христову. Нам, брате, подобаеть святое писание съвршшити, глаголющее: „Братия, в бедах пособиви бывайте!“. Не сум-

²¹⁴ ПСРЛ, т. III, стр. 81; т. IV, изд. 1-е, стр. 56, 187—188; т. V, изд. 1-е, стр. 13, 223—224; т. VII, стр. 208; т. X, стр. 215; т. XVI, изд. 2-е, стлб. 76; т. XX, ч. 1, стр. 181; т. XXIII, стр. 107; т. XXIV, стр. 118; т. XXV, стр. 174; т. XXVIII, стр. 70, 231; Псковская 2-я летопись, стр. 25; Псковская 3-я летопись, стр. 96.

²¹⁵ Самый подробный рассказ об этом событии содержится в Летописи Быховца (ПСРЛ, т. XVII, стлб. 502, 503; см. также стлб. 73, 156, 193—194, 265, 317, 380, 444; ср.: ПСРЛ, т. XVI, стлб. 119; Псковская 2-я летопись, стр. 29).

²¹⁶ ПСРЛ, т. III, стр. 94; т. IV, изд. 1-е, стр. 73, 193; т. V, изд. 1-е, стр. 237; т. VIII, стр. 33; т. XVI, изд. 2-е, стлб. 104; т. XX, ч. 1, стр. 200; т. XXIII, стр. 124; т. XXV, стр. 200; т. XXVII, стр. 252; т. XXVIII, стр. 81, 244; Псковская 3-я летопись, стр. 105—106. Подробнее об Андрее Полоцком см.: В. Е. Данилов и ч. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, стр. 163—170.

²¹⁷ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 50.

²¹⁸ ПСРЛ, т. XI, стр. 43; т. XV, изд. 1-е, стлб. 439.

²¹⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 34; т. XI, стр. 45; т. XV, изд. 2-е, вып. 1, стлб. 138; т. XVIII, стр. 129; т. XX, ч. 1, стр. 200; т. XXIII, стр. 124; т. XXIV, стр. 143; т. XXV, стр. 200—201; т. XXVIII, стр. 81, 244; Псковская 3-я летопись, стр. 105. Вместе с Дмитрием Ольгердовичем прибыл в Москву боярин Владислав с Нилка Каш-Неледзевский, родоначальник Нелидовых, он участвовал в Куликовской битве и остался служить великому князю, который пожаловал ему село Никольское с деревнями в Суздальском стану Боровского уезда, «и Владислав то село по прозванию своему назвал Нилским и учал он, Владислав, писаться Нелидовом» (В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1882, стр. 138—139). Сын Дмитрия Ольгердовича, Михаил, был основателем рода князей Трубецких (ВОИДР, т. X, стр. 82, 136, 138, 223; J. Wolff. Kniiazowie litewskoruscy od końca XIV wieku, стр. 541—546).

ный же ся, брате, яко отцу противитися нам».²²⁰ Необходимость христианского подвига Ольгердовичей подкрепляется соответствующими цитатами из Евангелия и Апостола. Таково своеобразное объяснение отъезда Ольгердовичей из Литвы, совершенно не связанного с событиями Куликовской битвы. Становится понятным, зачем автору «Сказания» понадобилось заменять исторически достоверное имя Ягайло именем Ольгерд. Не об исторической достоверности заботился автор «Сказания», создавая свое произведение, а о том, чтобы нарисовать образы врагов и защитников Русской земли в соответствии со своими идейно-эстетическими вкусами и замыслом всего произведения в целом.

Согласно «Сказанию», Дмитрий Ольгердович плачет от радости, узнав о послании брата, и сообщает ему о том, что его войско уже готово для брани и что «медокормцы» из Северы (Новгород-Северской земли) уже сообщили о движении великого князя Дмитрия Ивановича к Дону. Он предлагает соединиться в Севере, «и тем путем утаимъся отца своего, да не възбранить нам стыдно». Через несколько дней братья встретились в Севере и нагнали войска великого князя «на месте, рекомом Березуй», недалеко от Дона. На самом деле Ольгердовичи не могли двигаться из Новгород-Северской и Брянской земель, так как эти земли входили в состав Великого княжества Литовского, а Ольгердовичи в 1380 г. жили вдалеке от границ Литвы: один сидел в Пскове, а другой — в Переяславле Залесском. Неясно и место встречи Ольгердовичей с войсками великого князя Московского. По «Летописной повести», встреча Ольгердовичей с великим князем произошла в Коломне,²²¹ а согласно «Сказанию» — в Березуе, в 35 км от Дона.²²² Предпочтение в данном случае следует отдать «Летописной повести», а не «Сказанию».

«Повесть» об Ольгердовичах завершается рассказом о радости великого князя Дмитрия, узнавшего о том, «яко дети отца оставляют и поругашяся, яко иногда вълсви Ироду, и придоша на помощь нашу». Князь Дмитрий посылает вестника в Москву к митрополиту, который велит молиться во всех соборных церквах и в обителях, а великая княгиня Евдокия начинает творить сугубую милостыню и «непрестанно нача ходити в святую церковь молитися день и ночь».

«Рече же к ним князь великий: „Братиа моа милаа, киа ради потреби приидосте семо?“ . Они же рекоша: „Господь бог посла нас к тебе на твою помощь“. Князь же великий рече: „Въистинну ревнител есте протца нашего Авраама, яко тый въскоре Лоту поможе, и еше есте ревнители доблестному великому князю Ярославу, яко тый отмсти кровь братья своея“».²²³

Итак, Ольгердовичам в «Сказании» уготована роль божиих мстителей за проступок отца, подобно роли Ярослава Мудрого по отношению к убийце братьев Бориса и Глеба — Святополку Окаянному! Именно Ольгердовичи — «новонареченная братия» — дают великому князю советы, исполнение которых сыграло значительную роль в разгроме Мамаея: они заставляют колеблющегося великого князя перейти Дон, помогают ему удачно расположить войска перед битвой. Наконец, именно Ольгердовичи первые после битвы высказывают предположение о том, что великий князь жив и что его следует искать среди трупов, так как он, может быть, сильно ранен.

²²⁰ Сказание, стр. 59.

²²¹ Летописная повесть, стр. 314.

²²² Сказание, стр. 60.

²²³ Там же.

Так «повесть» об Ольгердовичах органично входит в ткань повествования «Сказания» и вовсе не имеет вставного характера, который ей приписывает С. К. Шамбинаго.

Когда и в связи с какими событиями мог возникнуть такой интерес к Ольгердовичам? Историческая действительность XIV в. не давала повода для такого, как в «Сказании», преувеличения роли Ольгердовичей в Куликовской битве. Уже в 1388 г. Дмитрий Ольгердович вернулся в Литву на службу к польскому королю Владиславу II (Ягяйлу).²²⁴

Андрей Ольгердович вскоре после Куликовской битвы возвращается в Полоцк и не порывает связи с Псковом, посылая туда своих наместников. По всей вероятности, князь Андрей был сторонником русской ориентации и не признал Кривской унии Литвы с Польшей: когда в 1386 г. Ягяйло со всеми литовскими князьями и боярами был в Кракове на своем бракосочетании с польской королевой Ядвигой, князь Андрей в союзе со смоленским князем Святославом напал с немцами, лифляндцами и латыгальцами на Литовскую землю и пожег много сел и городов.²²⁵ В ответ на это в том же году князь Скиргайло взял Полоцк, убил сына Андрея, а его самого заключил в Хенцынский замок.²²⁶ В 1393 г. он возвращается на Русь и снова становится псковским князем.²²⁷ В 1398 г. великий князь московский назначает во Псков князя Ивана Всеволодича Тверского. А в следующем 1399 г. мы встречаем имена Андрея Ольгердовича с титулом князя полоцкого и Дмитрия Ольгердовича с титулом князя брянского в числе убитых во время битвы на р. Ворскле.²²⁸ Значит, около 1398 г. князь Андрей окончательно возвращается в Литву, чтобы служить великому литовскому князю Витовту.

Итак, пребывание на службе у великого князя московского двух литовских князей — одного девятилетнего, а другого почти двадцатилетнего — это лишь небольшая страничка истории переходов знати из Литвы в Русь и из Руси в Литву, которые были частым явлением в то время. В более поздних источниках о двух Ольгердовичах и не упоминают, и лишь «Сказание» расцветчивает «повесть» о них легендарными подробностями. А. А. Шахматов полагает, что весь рассказ, прославляющий Ольгердовичей, заимствован в «Сказании» из гипотетического источника «Задонщины», «Сказания» и Московской летописи — «Слова о Мамаевом побоище», которое возникло «в среде служилого сословия, окружавшего князя Владимира Андреевича и обоих литовских князей, принятых под руку московского великого князя, в среде, группировавшейся вокруг личности Дмитрия Михайловича Боброкова».²²⁹ Отмечая большое сходство в этом рассказе между «Задонщиной» и «Сказанием», А. А. Шахматов тем не менее, не считает, что рассказ о прибытии Ольгердовичей к вели-

²²⁴ Присяжная грамота князя Димитрия Ольгердовича Брянского на верность королю Ягяйлу, Ядвиге и короне польской, данная в Молодечне 16 декабря 1388 года. — В кн.: В. Розов. Українські грамоти, т. I. Київ, 1928, стр. 42—44.

²²⁵ ПСРЛ, т. XVII, стлб. 77—78, 90, 162, 198, 213—214, 271, 322, 383—384, 448, 510.

²²⁶ ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е, стр. 94, 193; т. V, изд. 1-е, стр. 17, 240.

²²⁷ ПСРЛ, т. III, стр. 97; т. IV, изд. 1-е, стр. 100, 141, 194; т. V, изд. 1-е, стр. 17, 246; т. VI, стр. 124; т. XVI, стлб. 137; т. XXV, стр. 221.

²²⁸ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 352; т. III, стр. 101; т. IV, изд. 1-е, стр. 104, 142; т. V, изд. 2-е, стр. 251; т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 73; т. XV, изд. 2-е, вып. 1, стлб. 165; т. XVI, изд. 1-е, стлб. 145; т. XVII, стлб. 48, 97, 173—174, 280—281, 330, 391—392, 456, 517; т. XVIII, стр. 143; т. XX, ч. 1, стр. 219; т. XXIII, стр. 137; т. XXIV, стр. 168; т. XXVI, стр. 167; т. XXVII, стр. 90, 263, 338; т. XXVIII, стр. 89, 253—254.

²²⁹ Шахматов. Отзыв, стр. 181.

кому князю Дмитрию был непосредственно заимствован в «Сказании» из «Задонщины».

«Во-первых, он (т. е. рассказ о прибытии Ольгердовичей, — Ю. Б.) изложен в „Сказании“ обстоятельно и с известным знанием обстановки, окружавшей Ольгердовичей, — пишет А. А. Шахматов; во-вторых, как отмечено С. К. Шамбинаго, эпизод о прибытии Ольгердовичей тесно связан с другими эпизодами, где они появляются в „Сказании“, оснований же для включения в „Сказание“ тех эпизодов Поведанием не дано; в-третьих, предположение о том, что один из эпизодов, где фигурируют Ольгердовичи, заимствован в „Сказание“ из Поведания, не объяснит нам главного в тенденции, проявленной „Сказанием“ к особому прославлению Ольгердовичей».²³⁰

Мы полагаем, что аргументов А. А. Шахматова недостаточно, для того чтобы снять вопрос о «Задонщине» как непосредственном источнике «Сказания» в рассказе об Ольгердовичах. Во-первых, «повесть» об Ольгердовичах изложена без знания действительной обстановки, окружавшей Ольгердовичей. Конфликт с отцом из-за мачехи начисто выдуман, имя мачехи — Анна, на которое ссылается А. А. Шахматов,²³¹ дано неверно: ее подлинное имя Ульяна, а в монастыре — Марина;²³² «медокормцы» из Северы, привезшие Дмитрию Ольгердовичу весть о движении великого князя московского к Дону — это литературный прием, так как Севера (Новгород-Северская земля) находилась далеко от Дона, а Дмитрий Ольгердович не находился в Брянской земле и т. д. Во-вторых, эпизод о прибытии Ольгердовичей действительно тесно связан с другими эпизодами «Сказания», не испытывавшими влияния «Задонщины». Это объясняет только то, что автор «Сказания» сумел так разработать этот эпизод, что он органично слился со всем повествованием. Влияние же «Задонщины» на соседние эпизоды вовсе не является обязательным. В-третьих, само по себе заимствование из «Задонщины» эпизода об Ольгердовичах, конечно, не сможет объяснить тенденции, проявленной «Сказанием» к особому прославлению Ольгердовичей. Эту тенденцию невозможно также объяснить, исходя из исторических событий XIV—XV вв., но ее легко можно понять, исходя из историко-художественных и публицистических задач, которые ставил перед собой автор «Сказания». Множество сказочных подробностей, которыми он окружает исторические имена Владимира Андреевича, Дмитрия Михайловича Волынца и Ольгердовичей, принадлежат автору «Сказания» и могут свидетельствовать не столько о политической тенденции, сколько о его литературном мастерстве.

Прав Л. А. Дмитриев, когда он пишет: «Обращение „Сказания“ с историческими фактами, как например введение в число действующих лиц митрополита Киприана, замена имени литовского князя, рассказ о том, будто Ольгердовичи пришли к Дмитрию из Литвы перед самой битвой на Куликовском поле, трактовка роли Волынца говорит о том, что это произведение не документально-историческое, а художественно-публицистическое».²³³

²³⁰ Там же, стр. 179.

²³¹ Там же, стр. 179, прим. I.

²³² ПСРЛ, т. VIII, стр. 62. Анна, дочь князя смоленского Святослава Ивановича, — жена великого князя литовского Витовта.

²³³ Л. А. Дмитриев. «Сказание о Мамаевом побоище». Диссертация, стр. 249. Об образной системе и публицистических идеях «Сказания» см.: Л. А. Дмитриев. 1) Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 140—155; 2) К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве, М., 1959, стр. 426—435.

4) Мамай и Тохтамыш

Источники о взаимоотношениях Мамаея с Тохтамышем очень скудны; главнейшие из них — это 1) русские летописи, затем 2) «Книга назидательных примеров» арабского историка конца XIV—начала XV в. Ибн Хальдуна, 3) «Книга побед» персидского историка второй половины XV в. Шереф-ад-дина Йезди. Исследователи, изучавшие историю Золотой Орды и ее взаимоотношений с Русью, И. Хаммер-Пургшталь,²³⁴ Г. Ховорт,²³⁵ Б. Шпулер,²³⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский²³⁷ широко использовали эти источники, в том числе и русские летописи.

Основные русские источники о взаимоотношениях Мамаея и Тохтамыша 1380—1381 гг., о поражении и гибели Мамаея и о приходе к власти в Золотой Орде Тохтамыша следующие: 1) Симеоновская летопись под 1380 г.; 2) «Летописная повесть» о Куликовской битве под 1380 г.; 3) «Сказание о Мамаевом побоище» (Основная редакция).

Сравним их тексты между собой:

Симеоновская
летопись

Тогда же Мамай не в мнозе утече с Довьскаго побоища и прибеже в свою землю в мале дружине, видя себе бита и бжавша, и посрамлена, и поругана. Паки гневашеся и нестовяся, яряся, и смущашеся и събра останочную свою силу, еще въсхоте ити изгоном паки на великаго князя Дмитриа Ивановича, и на всю Русскую землю. Сице же ему умышляшу, и се прииде ему весть, что идетъ некый царь с востока, именем Тактамышь, из Синие Орды. Мамай же, еже уготова на нь рать, с тою ратью готовою поиде противу его, и сретошася на Калках. Мамаевы же князи, шедше с конев своих, и биша челом царю Тактамышю, и даша ему правду по своей вере, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамаея оставиша, яко поругана. Мамай же то виде, и скоро побежа с своими думцами и с единомысленники. Царь же Токтамышь посла за ним в погони воя своя и биша Мамаея. А сам шед взя

«Летописная
повесть»

Тогда же Мамай не в мнозе убежа и прибежа в свою землю в мале дружине, видя себе бита и бжавша, посрамлена и поругана. Паки гневашася и яряся, зело смущашеся, и събра остаточную свою силу, еще въсхоте ити изгоном на Русь. Сице же ему умыслившу, и се прииде ему весть, что идетъ на него царь некый с въстока, Тактамышь, из Синей Орды. Мамай же уже уготовал рать на них, с тою ратью готовою поиде противу его; и сретошася на Калках, и бысть им бой, и царь Тактамышь победи Мамаа и прогна его. Мамаевы же князи шедше с коней своих, и биша челом царю Тактамышю. И даша ему правду по своей вере, и яшася за него. А Мамаея оставиша поругана. Мамай же то виде, и скоро побежа с своими единомысленники, царь же Тактамышь посла за ними в погони воя своа. Мамай же гонимыми и бегаа пред Тактамышевыма гонители, и прибежа близ града Кафы, и съсла-

«Сказание»
Основная редакция

Поганый же Мамай тогда побеже с побоища и прибеже к граду Кафе. И, потавив свое имя, прибеже в свою землю, и не мога тръпети, видя себе побежена и посрамлена и поругана. И паки гневашеся, яряся зело и еще зло мысля на Русскую землю, аки лев рыкаа и аки неуголимаа ехидна. И събрав остаточную свою силу и еще хотяще изгоном ити на Русскую землю. И сице ему мыслящу, внезапно прииде к нему весть яко царь именем Тактамышь с востока, нолны из Синие орды идетъ на него. Мамай же, яже бе уготовил рать ити было ему на Русскую землю, и он стою ратью пошол противу царя Тактамыша. И сретошася на Калках и бысть им бой велик. И царь Тактамышь, победив царя Мамаа и прогна его,

²³⁴ J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldene Horde im Kiptschak. Das ist der Mogolen in Russland. Pesth, 1840.

²³⁵ H. Howorth. History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century, part II, division 1. London, 1880.

²³⁶ B. Spuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223—1502. 2. erweiterte Auflage, Wiesbaden, 1965.

²³⁷ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение.

орду Мамаеву и царици его и казны его, и улус весь пойма, и богатство Мамаево взя, раздели дружине своей. И отуду послы своя отпусти на Рязаньскую землю к князю великому Дмитрию Ивановичю и к всем князем русским, поведая им свой приход и како въцарися, и како супротивника своего и их врага Мамаю победи, а сам шед седе на царстве Волжском. Князи же Руссии послов его отпустиша с честью и с дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша кои же своих киличеев с многими дары к царю Тохтамышу.²³⁸

ся с Кафинци по докончанию и по опасу, дабы его прияли на избавление, донде же избудеть от всех гонящих его, и повелеша ему. И прибеже Мамай в Кафу с множеством именина, злата и сребра. Кафинци же свещавшися, и сътвориша над ними облесть, и ту от них убьен бысть, и тако бысть конец Мамаю. А сам Тахтамыш, шед, взя орду Мамаеву, и царицю его, и казны его, и улусь весь пойма, и богатство Мамаево раздели дружине своей, и туто послы своя отпусти к князю Дмитрию и к всем князем руским, поведая им свой приход, и како въцарися, како супротивника своего и их врага Мамаю победи, а сам, шед, седе на царствии Волжском. Князи же руссии посла его отпустиша в Орду с честью и з дары многими, а сами на зиму ту и на весну за ними отпустиша в Орду, кои же своих киличиев с многими дары».²³⁹

Мамаевы же князи и рядци, и ясовулы, и алпауты биша челом Тахтамышу. И приат их и взя Орду и седе на царстве. Мамай же прибеже пакы в Кафу един потаив свое имя пребываше ту. И познан бысть некоим купцем и ту убиен бысть Фрязы и испроврже зле живот свой. Сиа же оставим zde.²⁴⁰

В «Летописной повести», по сравнению с Симеоновской летописью, добавлен рассказ о том, как Мамай после поражения от Тохтамыша на Калке побегал к Кафе в Крыму, просил у кафинцев убежища, кафинцы же обманом завлекли его в город и убили. В остальном Симеоновская летопись и «Летописная повесть» между собою совпадают. В «Сказании о Мамаевом побоище» Основной редакции этот рассказ изменен. В него внесены следующие добавления: Мамай после поражения на Куликовом поле прибежал к Кафе, «потаив свое имя»; Тохтамышу присягнули, кроме князей, рядцы, ясовулы, алпауты Мамаю; Мамай второй раз, «един потаив свое имя», прибежал в Кафу; его узнал некий купец, и он был убит «фрязами». Опушено, что Мамай бежал от погони Тохтамыша к Кафе и вел переговоры с кафинцами, требуя «по докончанию» и «по опасу» его принять; что он пришел в Кафу «с множеством именина, злата и сребра» и с своими «единомысленики», а кафинцы посоветались и «сътвориша над ним облесть», что Тохтамыш взял его цариц, казну и весь улус и послал на Русь послов с описанием своего воцарения.

Очевидно, что этот рассказ «Сказания» имел своим источником «Летописную повесть», что доказывается буквальным совпадением отдельных предложений и отрывков. В основном «Летописная повесть» и «Сказание» одинаково излагают события, за исключением заключительного рассказа о смерти Мамаю в Кафе. О причинах этого несовпадения мы скажем

²³⁸ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 130—131.

²³⁹ Летописная повесть, стр. 324—325.

²⁴⁰ Сказание, стр. 75—76.

несколько ниже, а сейчас попытаемся установить основной источник русских известий о борьбе Мамаея с Тохтамышем. Мы предполагаем, что им был недошедший до нас ярлык Тохтамыша к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем русским князьям, доставленный послами хана на Рязанскую землю вскоре после победы над Мамаем. Об этом прямо говорится в Симеоновской летописи и в «Летописной повести»: «И оттуду послы своя отпусти на Рязанскую землю к князю великому Дмитрию Ивановичю и к всем князем русским, поведаая им свой приход и како въцарися и како супротивника своего и их врага Мамаея победи». О существовании аналогичного послания к литовскому великому князю Ягайлу говорит и дошедший до нас ярлык Тохтамыша 1392—1393 гг.: «Ведомо даем нашему брату, ажь есмь сел на столе великого царства. Коли есмь первое сел на царском столе, тогда есмь послал был к вам Асана и Котлубугу вам дати ведание».²⁴¹

Предполагаемый нами источник — ярлык Тохтамыша — был, очевидно, написан весной—летом 1381 г., т. е. после победы над Мамаем, и тогда же доставлен на Русь. О времени и обстоятельствах борьбы Тохтамыша с Мамаем сообщают персидские историки Низам-ад-дин Шами («Тохтамыш-хан провел зиму в Сыгнаке и, когда наступила весна, привел в порядок войско и завоевал государство и область Мамака»),²⁴² Шереф-ад-дин Йезди («Когда прибыла повелительница весна и повела свои войска злаков и цветов в сады и цветники, Тохтамыш-хан, снарядив бесчисленное войско, двинулся в поход и покорила царство Сарайское и иль-Мамака. Власть и могущество его стали развиваться и, благодаря счастливому расположению Тимира, весь улус Джучиев вошел в круг его власти и господства»)²⁴³, «Аноним Искендера» («Он овладел властью во всем улусе от границы Либка, крайнего населенного места на севере, до пределов Кафы и сделал (своей) столицей Сарай султана Берке. Вследствие бунта и неблагодарности (по отношению) к Тимуру, он оказался на границе гибели и исчезновения, лишился крова и дома, и, наконец, умер естественной смертью в 800 г. в пределах Тулина»)²⁴⁴.

С ними согласен арабский историк Ибн Хальдун, который в своей «Книге назидательных примеров» пишет следующее: «Тохтамыш же... завладев уделом Урусхана в горах Хорезмских, отправился в Сарай. Тут находились правители Урусхана, но он отнял его у них; (также) удел Хаджи-Черкеса в Астрахани, обобрал все, что было в руках узурпаторов, изгладил следы их и выступил в Крым против Мамаея, который бежал перед ним. (Долго) не получалось (дальнейших) сведений о нем (Мамае), а потом подтвердилось известие о гибели его».²⁴⁵

Очевидно, что Тохтамыш после победы над Тимур-Меликом в битве при Каратале (1378—1379 гг., по Низам-ад-дину Шами) утвердился в Ак-Орде и, перезимовав зиму 1380—1381 гг. в Сыгнаке, только весной 1381 г. выступил в поход против Кок-Орды: взял Сарай, Астрахань и Крым. Содержание предполагаемого источника восстанавливается из второй части рассказа Симеоновской летописи (от слов «Мамай же, еже уго-

²⁴¹ М. А. Оболенский. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392—1393. Казань, 1850, стр. 21.

²⁴² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских источников, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. В. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.—Л., 1941, стр. 78.

²⁴³ Там же, стр. 150—151.

²⁴⁴ Там же, стр. 133.

²⁴⁵ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 391. Хаммер-Пургшталь указывает дату 15 августа 1381 г. (J. Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde im Kiptschak, стр. 334).

това на нь рать...» и до слов «а сам шед, седе на царстве Волжьском»). В летописи далее рассказывается о том, что в том же 1380 г., осенью, в Золотую Орду к новому хану были посланы послы — киличей Толбуга и Макушей с дарами.

Ярлык Тохтамыша 1381 г. был написан на двух языках — тюркском и русском, т. е. так, как это было обычно. Поэтому можно думать, что в Симеоновскую летопись попали отдельные слова и выражения предполагаемого подлинного документа. По всей вероятности, в этом документе Кафа даже не упоминалась, а о смерти Мамаю рассказывалось очень коротко: «Посла за ним в погоню» и «убиша Мамаю».

Только в основной редакции «Сказания» рассказывается о том, что Мамай «бегал» к Кафе дважды: один раз после Куликовского побоища, а второй раз после боя на Калке. По-видимому, это является ошибкой переписчика.

Л. А. Дмитриев полагает, что в первоначальном, авторском, тексте «Сказания» рассказ о судьбе Мамаю читался иначе, т. е., так, как в «Сказании» по Лондонскому списку Вологодско-Пермской летописи, где о первом бегстве Мамаю в свою землю и о бое Мамаю с Тохтамышем ничего не говорилось.²⁴⁶ «Сия же погано ... отселе збежавшу и добежав до м... до места, идеже бе град Кафа създан ... потаиша свое имя. И познан бысть нек[им] купцем, и ту убиен бысть от фряз, и[з]верже зле живот свой».²⁴⁷

В «Летописную повесть» введен целый рассказ о последних днях Мамаю в Кафе, по-видимому, на основании какого-то другого источника. В «Сказании» также рассказывается о пребывании Мамаю в Кафе, но совсем по-другому: Мамай прибегает к Кафе один, инкогнито, и погибает случайно от руки «Фрязов», узанный одним из купцов. Почему же «Сказание», следующее за рассказом «Летописной повести», так резко расходится со своим источником в эпизоде о Кафе? Какому же из этих двух источников следует отдать предпочтение как более достоверному? В «Летописной повести» имеется намек на «докончание», т. е. договор кафинцев с Мамаем, предусматривающий, по всей вероятности, предоставление последнему убежища в случае нужды. Текстов договоров Мамаю с Кафой не сохранилось. Зато сохранились три договора 1380, 1381 и 1387 гг. Кафы с правителями Солхата, действовавшими от имени хана. Первый, предварительный, был подписан 28 ноября 1380 г. Яркассом или Джаркассом, правителем Солхата, и консулом Кафы Джияннеом дель Боско, а окончательный текст договора с небольшими редакционными изменениями был подписан 23 февраля 1381 г. со стороны татар новым правителем Солхата Елиасбеом, сыном Котлобуги, и тем же консулом Кафы.²⁴⁸

Договор был жизненно важным для генуэзской колонии в Крыму: весь южный берег полуострова от Чембаро до Солдаи включительно переходил в руки генуэзцев, в том числе и 18 деревень, которыми незаконно завладел Мамай вскоре после захвата генуэзцами Солдаи (1365 г.).²⁴⁹

²⁴⁶ Л. А. Дмитриев. Вопросы взаимоотношения текстов «Сказания о Мамаевом побоище» с «Задонщиной», стр. 388—390 настоящего сборника.

²⁴⁷ ПСРА, т. XXVI, стр. 341.

²⁴⁸ A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936, стр. 177—178. Тексты договоров 1380 и 1381 г. см.: Silvestre de Sacy. Pièces diplomatiques tirées des archives de la République de Gènes. — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi, t. XI. Paris, 1827, стр. 53—58; C. Desimoni. Trattato dei genovesi col Chan dei tartari nel 1380—1381. Scritto in lingua volgare. — Archivio storico italiano, t. XX (dispensa 4). Firenze, 1884, стр. 161—165.

²⁴⁹ «... quelli dixoto casay, li quay eran sotemixi e redenti a Sodaja, quando lo comun preyse Sodaja, poa Mamaj segnò ge li leva per forza, quelli dixoto casay sean in voluntay

Кроме того, кафинцы признавали, что «они будут верны и лояльны по отношению к императору, будут друзьями его друзей, врагами его врагов и не будут принимать в городе и в своих замках врагов императора, ни тех, кто отворачивает свое лицо от императора».²⁵⁰ Нам кажется, что в последних словах звучит выпад против Мамаю, который был врагом хана Тохтамыша и в глазах последнего узурпатором власти в Дешт-и-Кыпчак.²⁵¹ Оба договора подписаны после поражения Мамаю на Куликовом поле (8 сентября 1380 г.), но до решающей битвы между Тохтамышем и Мамаем на Калке весной 1381 г. Очевидно, что они направлены против Мамаю с тем, чтобы изолировать его от Кафы и лишить последнего убежища. Разгромленный в Половецкой степи, Мамаю побегал в Крым, который в конце 70-х годов был его владением и опорой.²⁵² От гнева Тохтамыша он хотел укрыться за стенами Кафы, еще не зная, что кафинцы уже связаны тайными договорами с Тохтамышем и готовят ему коварную ловушку. Далее, остается только лишь предполагать, что в обмане и убийстве Мамаю принимали участие видные деятели города во главе с тем же консулом Джиданноне дель Боско. Генуэзская верхушка торопилась заслужить расположение нового золотоордынского хана, от которого зависело признать или не признать договор 1381 г. Лишь 12 августа 1387 г. правитель Солхата от имени Тохтамыша подтвердил все территориальные приобретения Генуэзской республики в Крыму.²⁵³

«Сказание» освещает события, связанные с последними днями Мамаю, иначе, чем «Летописная повесть». В «Сказании» «фрязы», т. е. генуэзцы, уже не выступают как враждебная сила; напротив, в «Летописной повести» они названы в числе народов, идущих с Мамаем на Русь. В «Сказании» «фрязы» фигурируют только один раз: они убивают Мамаю в Кафе, тем самым совершив возмездие безбожному царю.

Вероятно, что в то время, когда составлялось «Сказание», Московская Русь уже была в дружественных отношениях с Кафой и Манкупским княжеством в Крыму и писать об участии генуэзцев в Куликовской битве на стороне татар было неудобно.²⁵⁴ Мамаю, прибывшего в Кафу тайно, инкогнито, узнает «некий купец». Не был ли он одним из «мужей нарочитых, московских гостей-сурожан, десяти человек», прибывших на поле Куликово «видения ради: аще что бог ему случить, и они имуть поведати в дальних землях, яко гости хозяева быша»? «Летописная повесть» ничего не знает об этих купцах — гостях-сурожанах. Само присутствие сторонних

e bayria de lo comun e de lo consoro, e seam franchi da lo Imperio». (C. Desimoni. Trattato dei genovesi col Chan, стр. 163).

²⁵⁰ «... che tutti seran fide e leay a lo imperao, de lo so amigo amixi seran, de lis soi inimixi inimixi seran; e quelli in le soe citay e in le soe castelle no receteran li inimixi de lo imperao ni quelli chi vozeran viso de lo imperao, e accresceram lo nome de lo imperao a tutto so paoc, como oli faven in lo tempo de li imperaoy passay» (Silvestre de Sacy. Pièces diplomatiques, стр. 54a).

²⁵¹ Сильвестр де Саси предполагал, что, хотя имя хана в договорах не названо («... cum comandamento de lo imperao, e como meso de lo imperao, e como so messago, vegnando cum lo paysam de lo imperao, a nome de lo imperao, e a so nome, si como segno de Sorcati...»), оно должно звучать как «хан Тохтамыш» (Silvestre de Sacy. Rapport sur les recherches faites dans les archives du gouvernement et autres dépôts publics à Gènes. — В кн.: Histoire et mémoires de l'Institut royal de France. Classe d'histoire et de littérature ancienne, t. III. Paris, 1818, стр. 115).

²⁵² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 391.

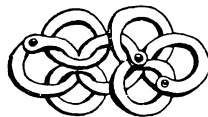
²⁵³ Silvestre de Sacy. Pièces diplomatiques, стр. 62—64.

²⁵⁴ В 60—начале 70-х годов XV в. отношения Москвы с Манкупским княжеством и Крымским ханством, опиравшимся на Кафу, были особенно дружественными (см.: А. А. Васильев. The Goths in the Crimea, стр. 242—246; К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 103).

наблюдателей на поле жестокой битвы было бы бессмысленным и небезопасным: ведь исход битвы до начала сражения был не ясен. Введение гостей-сурожан, для того чтобы они рассказывали потом о победе русских над татарами, — это, по-видимому, литературный прием автора «Сказания», для которого благоприятный исход битвы уже был предreshen.²⁵⁵ Этот прием, очевидно, навеян «Задонщиной», где речь шла либо о водах (в К-Б списке), либо о дивах (пространная версия), распространявших весть о битве к «Железным вратам, к Риму» и т. д. Согласно мнению В. Е. Сыроечковского,²⁵⁶ в XV в. ведущее место в торговле Москвы с Крымом переходит от Сурожя (Солдайи, Солхата, Сугдайи) к Кафе, особенно после того как Сурож (по договору 1387 г.) вошел в состав генуэзской колонии. Сам термин «сурожане» постепенно теряет свое значение в XV—XVI в. и потому не может считаться анахронизмом в «Сказании». Потомки гостей, названных в «Сказании», отмечены В. Г. Васильевским и В. Е. Сыроечковским среди купцов, ведущих торговлю с Крымом в конце XV в., — Иван Всеяков, Дмитрий Саларев и Иван Шихов.²⁵⁷ М. Н. Тихомиров предполагает, что Василий Капица — основатель рода Ермолиных, а Кузьма Ковря — вопреки данным родословий — основатель рода Ховриных; Семен Онтонов — это сын Онтона Верблюзина, купца, рождение которого было якобы «предсказано» Сергием Радонежским.²⁵⁸

«Наличие в тексте „Сказания“ таких малоизвестных лиц, как Онтон Верблюзин, Василий Капица, которыми назывались купцы, — пишет Л. А. Дмитриев, — как можно предполагать, действительно жившие в конце XIV века и не встречаемые нами в других источниках, правильное написание имени Ховрина — все это говорит в пользу того, что „Сказание“ было написано тогда, когда еще хорошо помнили этих людей, т. е. в начале XV века».²⁵⁹ Заметим, что это не единственно возможный вывод: автору «Сказания» не обязательно было помнить купцов, живших в конце XIV в., в его распоряжении мог быть какой-то не дошедший до нас источник — список московских гостей-сурожан конца XIV в., который правильно передавал имена своих современников. На основании одного только списка гостей-сурожан мы не можем судить о том, когда произошло включение этого списка в «Сказание». Мы можем лишь угадывать причину его появления, которая находится в связи с историко-литературными взглядами автора «Сказания», прибегавшего к определенным литературным приемам.

Далеким от исторических фактов, автор «Сказания» в рассказе о смерти Мамаю с помощью выдуманных им ситуаций стремился дать обобщенную картину достойного наказания врага, осмелившегося пойти войной на Русскую землю.

²⁵⁵ Ср.: В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 24—25; Vaillant, стр. 79—80.

²⁵⁶ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане, стр. 45 и сл.

²⁵⁷ В. Г. Васильевский, Труды, т. III. Пгр., 1910, стр. ССII—ССIII, стр. 203; В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане, стр. 91.

²⁵⁸ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV в.). М., 1947, стр. 107—112, 206.

²⁵⁹ Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 194.

М. А. САЛМИНА

РАССКАЗ О БИТВЕ ПОД ОРШЕЙ ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И «ЗАДОНЩИНА»

Под 7022 (1514) г. в Псковской летописи — своде 1547 г.¹ и под 7021 (1513) г. в Псковской III летописи² читается рассказ о «великой» битве «москвичей» с «Литвою» «под городом под Оршою», начальная часть которого, как уже отмечалось исследователями,³ напоминает «Задонщину» (см. табл. ниже).

Псковская
летопись

Список И-1
«Задонщины»

Список С
«Задонщины»

Список К-Б
«Задонщины»

И воскличаша и возопиша жены орешанки на трубы московския. И слышаше быти стук и грому великому и между Москвич и Литвою. И вдариша Москвичи на Литву, русские князи и бояре з дивными удальцы, рускими сыновами на сильную рать литовскую, и треснули копя⁴ московская, и гре-

Быти стук велику на речки Направе меж Доном и Непром...⁵

И наехали русские сынове на сильную рать татарскую,⁶ ударишася копии хараужничными о доспехы татарския, възгремели мечи бу-

Быти утупу великому на реце Непрадене меж Дона и Днепра...

То то уже изъехалия удальныя люди князи руския, богатыры литовския но великия силы татарския и удариша кафыи фразскими а даспехи татарскими,

Быти стук и грому велику между Доном и Непромь...

Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты мо-

¹ Свод 1547 г. представлен в издании «Псковские летописи» под ред. А. Н. Насонова (вып. I. М.—Л., 1941) списком Погодина 1404 а (XVI в.) и списком Оболенского (XVII в., более поздняя его редакция).

² См.: список Архивский 2-й Псковской III летописи (редакция XVII в.) в кн.: Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова, М., 1955, стр. 260. Рассказы о битве под Оршей в обеих летописях разнятся только тем, что в своде 1547 г. силой, противостоящей литовцам, изображены «москвичи», у «москвичей» «копя трещат», в Псковской III, хотя поражение и терпят «москвичи», с «Литвой» борются «псковичи», при этом «копя трещат» «литовские».

³ А. Смирнов. О Слове о полку Игореве, вып. 2. Воронеж, 1879, стр. 182—183; А. Д. Седельников. Где была написана «Задонщина»? — Slavia, гоф. IX, сеф. 3, 1930, стр. 526—527; Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 261.

⁴ Заметим, что в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» имеется выражение «треснуша копия» (Русский исторический сборник, т. III, кн. I. М., 1838, стр. 55). Это выражение, как и выражение «треснули копя» Псковской летописи, перекликается с чтением «трещат копия» «Слова о полку Игореве».

⁵ В У сходно.

⁶ В У: То ти наехали русские князи на силу татарскую (далее как и И-1).

мят мечи булат-латные о шеломы о шеломы мы хиновския на литовския на поле поле Куликове. Оршиском.

возгримели мечи булатныя абы шеломы бесурменския на поле и Куликове на реце Непродене.

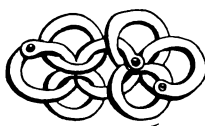
сковьския, шеломы немецкие, боданы бесерьменьския.

...покладоша головы свои ... з дивными удалци, с мужескими сыны.

Из таблицы видно, что рассказ Псковской летописи в отдельных чтениях может быть сближен со списком К-Б. Это фраза «и слышаше быти стуку и грому великому» (в К-Б: «Быти стуку и грому велику межю Дономь и Непромь») и оборот «с дивными удалцы», который может быть сравнен с чтением в заключительной части К-Б: «...покладоша головы свои ... з дивными удалци, с мужескими сыны».⁷

Но в основном, и композиционно, и текстуально, рассказ Псковской летописи сближается с полными списками «Задонщины»: со списком И-1 сходятся выражения «русские сынове», «на сильную рать» (в списке У «на силу татарскую», в С «на великия силы татарские»), отсутствующее в И-1 выражение рассказа Псковской летописи «русские князи» встречается в У и С; с пространными списками (У и И-1, в С несколько иначе) сближаются и слова «гремят мечи булатные о шеломы ... на поле». Фраза «воскличаша и возопиша жены орешанки на трубы московския» может быть также сопоставлена с пространными списками У и И-1 (ср.: «трубы их (поганных) не трубят»)⁸.

Таким образом, несомненно, что рассказ Псковской летописи восходит к пространному тексту «Задонщины», которому, по-видимому, были приписаны отдельные черты, сохранившиеся в списке К-Б.

⁷ Выражение «дивные удалцы» читается также в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» (см.: Русский исторический сборник, стр. 27).

⁸ В К-Б слова «ни трубы не трубят» оказались в описании разоренной земли, вероятно, ошибочно.

О. В. ТВОРОГОВ

О КОМПОЗИЦИИ ВСТУПЛЕНИЯ К «ЗАДОНЩИНЕ»

Исследователи предложили несколько вариантов реконструкции вступительной части «Задонщины».¹ Необходимость таких реконструкций вызывается характером текста, сохранившегося к тому же относительно полно лишь в списке У (в списке Ж текст сильно испорчен, а в списках И-1, С и К-Б — сокращен); даже в этом, наиболее полном и исправном списке отдельные чтения непонятны, а композиция вступления в целом кажется недостаточно логичной.

Список У начинается следующим эпизодом: «Князь великий Дмитрий Иванович с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю». С этим эпизодом, как уже отмечалось исследователями,² не связан последующий текст, который также приведем по списку У: «Поидем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго (вместо «славнаго»? — так Ж и С) Непра и посмотрим по всеи земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые, татаровя бусормановя».

Во-первых, призыв «посмотреть по всей земле Русской» едва ли относится к собеседникам великого князя. Скорее всего — это обращение к слушателям «похвалы», к которым автор обратится и дальше: «Снидемся, братия и друзи». В рукописи слово «брат[е]» неразборчиво (его можно прочесть и как «братии»)³ Во-вторых, если видеть в этой фразе продолжение беседы на пиру, то странно, почему, сообщив о приходе Мамай «к нам в Залескую землю», автор призывает отправиться в «по-

¹ См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 198—199; Адрианова-Перетц. «Задонщина», Опыт, 223—224; Слово о Куликовской битве Софония рязанца («Задонщина»). Подготовила к печати В. П. Адрианова-Перетц. — Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 33—34; Слово Софония рязанца. «Задонщина». (Подготовил к печати В. Ф. Ржиги). — Повести о Куликовской битве, стр. 9—10; Jackson and Worth, стр. 25—29.

² См.: Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст, стр. 206—207; А. А. Потебня. «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Текст и примечания. 2-е изд. с дополнением черновых рукописей «О Задонщине». Харьков, 1914, стр. 162.

³ Так же неоправданно написание «брате» вместо «братии» и во фразе «Лудчи бо нам, брате, начяти...». В И-1: «брате», которое можно прочесть как «братии».

лунощную страну» (к которой относится и Залесская земля), на горы Киевские.

Затем автор повествует о бедах, принесенных «бусорманами» Русской земле: «Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены, и дети, и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру християнскую. Собе бы чаем пороженных и воскормленных».⁴

Этот текст обычно понимался так: вначале речь идет о «туге» Русской земли, а со слов «Князи и бояря...» начинается призыв «главы своя положить за землю за Рускую». Поэтому в реконструированный текст вносились изменения на основании списка Ж:

У	Ж	реконструкция ⁵
поминаюты	поминаю вы	поминаючи
иже оставиша	оставимте	оставимте
получивши	получити	получити
положиша	положиша	положити

На наш взгляд, напротив, именно список У в основном правильно сохранил авторский текст и в исправлении его по списку Ж нет необходимости.⁶ Исключение составляет лишь форма «поминаюты», в которой мы так же, как и В. П. Адрианова-Перетц, видим искажение причастия «поминаючи». Приведем перевод текста У с необходимыми грамматическими комментариями: «И с тех пор Русская земля невесела, а от Калкской битвы и до Мамаева побоища тугой и печалью покрывшася, плача и вспоминая сынов своих — князей, и бояр, и удалых людей, которые покинули все дома свои, и богатство, и жен, и детей, и скот; честь и славу мира сего получив, сложили головы свои за землю за Русскую и за христианскую веру».

Согласование слов «Русская земля» с глаголом в форме множественного числа («покрывшася») вполне допустимо; слова «князи», «бояря», «люди», на наш взгляд, — формы винительного, а не звательного падежа, а глаголы «оставиша» и «положиша» согласованы с подлежащим «иже» прядаточного предложения. Формы «князи» и «люди» могут быть объяснены как формы винительного падежа множественного числа. Ср. в том же списке: «имеем добрые кони», в «Сказании о Мамаевом побоище»: «гонци разослав ... по служилые люди»;⁷ «укрепляше брата своего ... и вси князи русские»;⁸ «взя в поли белозерские князи».⁹

Этих же удалых людей называет, видимо, и список С во фразе: «Се бо есмо чада благородныя» (ср.: «чада своя поминаюты»). Итак, второй эпизод «Задонщины» посвящен описанию тяжелых последствий битвы на Калке и не содержит, на наш взгляд, никаких призывов, обращенных к современникам. Обратимся к следующему эпизоду:

⁴ В Ж текст сильно испорчен; в С ему соответствует одна фраза: «Се бо есмо чада благородныя».

⁵ Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт, стр. 223.

⁶ Так же считал Н. К. Гудзий. См. его рецензию на книгу «Воинские повести древней Руси»: «Советская книга», 1950, № 3, стр. 111.

⁷ Повести о Куликовской битве, стр. 48.

⁸ Там же, стр. 50.

⁹ Там же, стр. 56.

У	Ж	И-1	С
Преже восписах жалость земли Русские и прочее от книг приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его...	Жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и похвалу брату его...	И потом списах жалость и похвалу великому князю... (далее сходно с У)	Потом же написахом жалост и похвалу великому Дмитрию...

Эпизод этот написан в ином грамматическом и композиционном «ключе»: если в предшествующем и последующем тексте автор обращается к слушателям, приглашая их к совместному творчеству (*пойдем, посмотрим, сидемяся, составим слово к слову*), то в этом эпизоде он сообщает о своей работе, не только характеризует различия между предыдущей «жалостью» и следующей далее «жалостью и похвалой», но и сообщает о последовательности своей работы над текстом: «преже восписах» — «потом же списах». При этом говорит он об этом в прошедшем времени, тогда как далее повествование опять поведется в будущем времени, и первое лицо единственного числа (только в списке С: «написахом» — первое лицо множественного числа) вновь уступит место множественному числу. Первое лицо единственного числа мы встретим лишь в другой, бесспорно редакторской вставке, где последний отделяет себя от автора «Задонщины», Софония.

После рассказа о киевском «гораздом гудце», певшем славу киевским князьям, говорится:

У	И-1	С	К-Б
Аз же помяну резанца Софония и восхваляю песнеми гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки сятаго великаго князя Владимира Киевско-го.	И я же помяну Ефония ерея резанца в похвалу песнеми и гусленными и буни словесы и сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Одреевича, правнука тех князей.	И здесь помянем Софона резанца, сего великаго князя Дмитрея Ивановича и правнука сятаго князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буинными словесы,	Тои бо вещи Боян... пояше славу русскимъ княземъ... восхваляя их песни и гусленными буинными словесы на русскаго господина князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Одреевича,
И пение князем руским за веру христианскую. А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лет.	зانه же отпало мужество их и пение их и князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую. От Калагьския рати до Мамаева побоища лет 160.	заню же отпало было мужество князем руским. От Колонцыя роти лет 160 до Мамаева побоища.	зانه же их было мужество и желание за землю Русьскую и за веру христианскую. От тоя рати и до Мамаева побоища.

Обратим внимание на следующие факты.

1) Во всех списках, кроме К-Б (в котором текст сокращен),¹⁰ имеется явный след вторичной вставки: новый редактор противопоставляет себя Софонию, которому приписывается авторство «Задонщины».¹¹

¹⁰ См. статью Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“ и текст „Слова о полку Игореве“» в настоящем сборнике, стр. 252—253.

¹¹ См.: В. Ф. Ржиги. О Софонии резанце. — Повести о Куликовской битве, стр. 401—405; А. В. Соловьев. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 183—197.

2) С помощью союза «зане» («так как», «потому что») к похвале князьям-победителям присоединяется совершенно неуместное сообщение, что «отпало мужество их» (И-1; ср. С).

3) Фраза «А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лет» (У, в И-1 и С — сходно, о К-Б см. ниже) кажется не связанной с окружающим контекстом.

4) Как и в предыдущей, предполагаемой нами вставке, изложение ведется от первого лица единственного числа.

Объяснения всем этим фактам могут прийти, если предположить, что все известные нам списки «Задонщины» восходят к некоему архетипу, переписанному с дефектного текста: первый лист рукописи был переписан после второго листа (возможно, это был неверно вложенный выпавший лист). По нашей гипотезе, «Задонщина» в авторском ее виде начиналась обращением к слушателям: ¹² «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю» и т. д. ¹³ Затем автор начинает саму похвалу, используя в качестве образца «Слово о полку Игореве»: ¹⁴ «И рдем таково слово: „Лудчи бо нам, брате, начяти поведати иными словесы“». Видимо, подражанием «Слову» объясняется и похвала Бояну. Перечислением князей, которым пел славу этот «гораздый гудец», и кончался, по нашему предположению, первый лист авторского текста «Задонщины».

Второй лист рукописи начинался словами: «Поидем, брате (видимо, следует «братие») тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевские и далее до слов «собе бы чаем порожных и воскормленных». Последняя фраза, находившаяся на нижнем крае листа, возможно, уже в протографе архетипного списка была неразборчива. Нет никаких достаточных данных для ее восстановления, и попытки восстановить текст на основании списков У и Ж кажутся нам недостаточно обоснованными. ¹⁵

Третий лист содержал окончание этой фразы или же непосредственно продолжавший ее текст. Рассмотрим его по всем спискам:

У	И-1	С	К-Б
	Зане же отпало мужество	Заню же отпало было мужество кня-	Зане же их было мужество и
И пение князем руским за веру хри- стианскую.	их и пение их и князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую.	зем руским.	желание за землю Русскую и за веру христианскую.

По нашей гипотезе — это окончание рассказа о последствиях поражения на Калке, которое можно перевести как «так как покинула доблесть их» или «так как утратили они (прежнюю) доблесть свою». ¹⁶ Вероятно,

¹² Так же считает Н. К. Гудзий (см. его рецензию на книгу «Воинские повести древней Руси». — «Советская книга», 1950, № 3, стр. 111). Ср. текст «Задонщины» в реконструкции В. Ф. Ржиги (Повести о Куликовской битве, стр. 9). С. К. Шамбинаго также считал, что здесь начинался текст Софонии, а весь предшествующий текст относил к «предисловию, не находящемуся в древнейшем списке» (Шамбинаго, стр. 119—120).

¹³ Цитирую по списку У.

¹⁴ См. об этом в нашей статье, выше, стр. 313—315.

¹⁵ См., например, реконструкцию, предложенную Р. О. Якобсоном (Jakobson and Worth, стр. 28).

¹⁶ Ср. употребления глагола «отпасти»: «Да не отпадут надеждоу, ни ослабляют съпротивлением на враги» (Воскресенская летопись. — ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 129); «Наши же видевше их ужасошася и величанья своего отпадоша» (Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. I, М., 1962, стлб. 398).

речь идет все о тех же «чадах» земли Русской, которые «главы своя положиша за землю за Рускую». Неясным остается лишь слово «пение» (в У и И-1), возможно, описка или попытка осмысления непонятого слова авторского текста. В списке С употребляется сказуемое «отпало было», вспомогательный глагол использовал и список К-Б. Если считать, что слова «отпало было» читались и в авторском тексте, то это подтверждает нашу догадку об утрате части предыдущего текста, так как давнопрошедшее время обычно употреблялось в придаточном предложении, при наличии в главном предложении прошедшего времени. Перед нами новая форма плюсквамперфекта, образованная с помощью перфекта глагола «быти».¹⁷ Итак, фраза эта, по нашему мнению, продолжает рассказ об участниках Калкской битвы, это у них, а не у князей-победителей на Куликовском поле «отпало мужество». Завершается этот эпизод фразой, напоминающей его начало («от Калатские рати до Момаева побоища туюю и печалию покрываша») — «А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лет»; эта фраза логически завершает рассказ о тяжелом прошлом Русской земли. Приведем начало «Задонщины» в том виде, в каком оно, по нашей гипотезе, читалось в авторском тексте. Мы ставим перед собой цель реконструировать состав и структуру текста, а не реставрировать его полностью. Поэтому в приведенный ниже текст списка У внесем лишь минимум исправлений, которые выделяем курсивом.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣсим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симова жребии и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. И рѣем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы от похвальных сихъ и о нынешних повѣстех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святого великого князя Владимира Киевского. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию, но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша руским князем славу: первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславъевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимировичю. || Поидем, брате, тамо в полуошную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим *славнаго* Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родѣ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдять невесела, а от Калатскихъ рати до Мамаева побоища туюю и печалию покрываша, плачущися, чады своя поминаючи: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатество, жены, и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християнскую. Собѣ бы чаем порожныхъ и воскормленых... || *Зане же отпало было мужество их, и пѣние их* и князем руским за землю Рускую и за вѣру християнскую. А от Калатские рати до Момаева побоища 170 лѣт.

Се бо князь великийи Дмитрей Ивановичь...

¹⁷ См.: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 210—211.

Если принять предложенную гипотезу, то композиция начала «Задонщины» окажется очень стройной и логически последовательной.

1) Призыв составить «похвалу» («Снидемся... Владимиру Андреевичу»).

2) Зачин похвалы, написанный под влиянием зачина «Слова о полку Игореве» («И рдем таково слово ... князю Ярославу Володимировичу»).

3) Воспоминание о тяжелом прошлом Руси, времени от Калкской битвы до Мамаева побоища («Поидем, брате ... до Мамаева побоища 170 лет»). Мотив «киевских гор» мог легко вырасти из предшествующего упоминания «киевского гудца», певшего славы киевским князьям.

Что же произошло с авторским текстом под пером редактора?

Во-первых, он предпослал ему выписку о пире Микулы Васильевича (первая вставка). Затем был переписан второй лист, после чего редактор сделал вставку, характеризующую текст уже переписанный (2-й лист, рассказывающий о «жалости» земли Русской), и текст, который он готовился переписать. Это дало ему основание говорить и о предстоящей работе в прошедшем времени, поскольку его вставка была обращена к будущим читателям: «Преже восписах жалость земли Руские и прочее от книг приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Одреевичу».

Что такое «от книг приводя»? Совсе не обязательно видеть в этом указание на «книжный» характер переписанного выше текста. Словом «книга» обозначался в то время и любой письменный текст. Ср. в «Сказании о Мамаевом побоище»: Олег и Ольгерд посылают к Мамаю «книги» (т. е. письма, грамоты). Пленник сообщает Дмитрию Ивановичу: «... а твоего царь събрания не весть, ни стретения твоего не чаеть, по предписанным ему книгам Ольговым».¹⁸ Олег и Ольгерд посылают к Мамаю «написаныя книги»,¹⁹ к Дмитрию приходит посол «с книгами от преподобнаго старца игумена Сергия. В книгах писано: «Великому князю и всем русским князем и всему православному вѣйску мир и благословение!».²⁰ Характерно, что во всех случаях слово «книги» употребляется во множественном числе.

Далее редактор сделал еще одно добавление («Аз же помяну...»), в котором противопоставил себя «рязанцу Софонию» и приступил к переписке третьего листа. При этом слова «зане же отпало было мужество их» оказались после упоминания князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича и воспринимались как относящиеся к ним. Это привело к дальнейшим переделкам текста.

Говоря о начале «Задонщины», следует отметить, что список К-Б сократил текст своего протографа, содержавшего авторский текст уже с перепутанными листами. Так возник неясный текст: «Поидем, брате, в полуночную страну ... Оттоле въздем на горы Киевьскыя. Первее всех вшед²¹ восхвалим вешего Бояна». Опущены были и слова «аз же помяну резанца Софония», видимо для того, чтобы редактор, сокращавший текст, не отождествлялся бы с предшествующим редактором, которому, по нашему мнению, принадлежала вставка. Так появилась фраза, в которой Боян воспевает героев Куликовской битвы. Был переделан и текст, из

¹⁸ Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 61.

¹⁹ Там же, стр. 46.

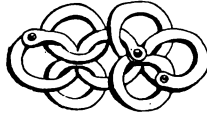
²⁰ Там же, стр. 67.

²¹ Не появилось ли слово «первее» под влиянием предшествовавшей (в полном тексте) фразы: «... помянем первых лет времена?»

которого выходило, что мужество «отпало» у князей-победителей. Начав переписывать фразу «А от Калатьские рати...», редактор заметил, что она относится к опущенному тексту, и оборвал ее.

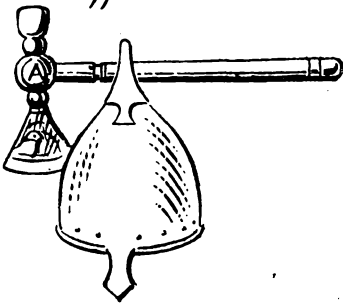
Если же считать, что К-Б сохранил первичный текст, то окажется, что составитель Пространной редакции, догадавшись, что «тая рать» («От тоя рати и до Мамаева побоища») — это битва на Калке, создал яркое описание «туги и печали», охвативших Русскую землю после этой битвы, но почему-то поместил его не после фразы, послужившей стимулом к созданию этого описания, а выше, искусно вставив его в «разрезанный» текст, и попутно устранил все имевшиеся в этом тексте алогизмы.

Такова, по нашей гипотезе, история вступительной части «Задонщины».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТЫ
„ЗАДОНЩИНЫ“

СПИСОК ГЫЛ, СОБР. УНДОЛЬСКОГО № 632 (У) *

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КН(Я)ЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КН(Я)ЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРЪЕВИЧЕ, ЯКО ПОБЪДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО Ц(А)РЯ МАМАЯ л. 169
об.

Кн(я)зь великий Дмитрей Ивановичъ с своим братом с кн(я)земъ Владимиром¹ Андрѣвичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.² Вѣдомо намъ,³ брате, у быстрого Дону ц(а)рь Мамаи пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣску||ю землю. л. 170

Поидем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, с(ы)на Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, с(ы)на Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля || сѣдитъ невесела, а от Калатѣския рати до Мамаева побоища туюю и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты: кн(я)зи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатство, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, гл(а)вы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християнскую. Собѣ бы чаем пороженных и воскормленых. || л. 170
об.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от книг приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондрѣвичю. л. 171

Снидемся, братия и друзи и с(ы)н(о)ве рускии, составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребии и воздадим поганому Момаю побѣду, || а великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его кн(я)зю Владимиру Андрѣвичю. И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы от похвальных сихъ и о нынешних повѣстех похвалу великого кн(я)зя Дмитрея Ивановича и брата его кн(я)зя Владимира Андрѣвича, а внуки с(вя)таго великаго кн(я)зя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣ||дати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но л. 171
об.
л. 172

* Тексты публикуемых списков «Задонщины» передаются в соответствии с правилами, принятыми для серии монографических исследований — изданий, выпускаемых Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (см.: Р. П. Д м и т р и е в а. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 491—499), с некоторыми исключениями: независимо от времени списков сохраняются «ъ» на конце слов и «ѣ», краткость «и» нигде не отмечается. Титла раскрываются и надстрочные буквы вносятся в строку; при этом буквы, восполняемые издателем, заключаются в круглые скобки (например: жалост — жалост(ь), слвы — сл(а)вы, гибелю — гибел(ь)ю). Все исправления и добавления отмечаются курсивом. Буквенное обозначение цифр передается по-современному, арабскими цифрами. Пунктуация современная.

¹ В рук. Владимиром, и написано сверху. ²⁻³ В рук. неясно, порвана бумага.

землями, помянем первых лѣтъ времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудда в Киеве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны,⁴ пояша руским кн(я)зем славу: первому кн(я)зю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому кн(я)зю Владимиру Всеславьевичю Киевскому, и великому || кн(я)зю Ярославу Володимировичю.

а. 172
об. Аз же помяну резанца Софония и восхваляю пѣснями гусленными словесы сего великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича и брата его кн(я)зя Владимира Андреевича, а внуки с(вя)таго великаго кн(я)зя Владимира Киевского. И пѣние кн(я)зем руским за вѣру христианскую.

А от Калатъские рати до Момаева побоища 170 лѣт.

а. 173 Се бо кн(я)зь || великии Дмитрей Ивановичъ и братъ его князь(ь) Владимиръ Андрѣевичъ помолися б(о)гу и пречистей его м(а)т(е)ри, истезавше ум свои крѣпкою крепостью и поостриша с(е)рдца свои мужеством и наполнися ратного духа, уставиша собѣ храброя воеводы в Рускои землѣ и помянуша прадѣда своего великаго кн(я)зя Владимира Киевскаго.

а. 173
об. О ле жаворонок, лѣтняя || птица, красных д(е)нь утѣха, возлѣти под синее н(е)б(е)са, посмотри к сильному граду Москвѣ, воспой славу великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. Ци буря соколи снесетъ из земля Залѣския в полѣ Полотское.

а. 174 На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Рускои, в трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Се||рпугове, стоят стязи у Дунаю великаго на⁵ брезѣ, звонятъ в колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ. Стоят мужи навгородцкие у Софѣи прем(у)дры, а ркут тако: «Уже нам, брате, не послѣтъ на посопѣ к великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю». ⁶ И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшас(я). То ти были не орли слѣтѣшася, выехали посадники из Великаго Новагорода 7000 воиска к ве-||

а. 175
об. ликому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю и к брату его кн(я)зю Владимиру Андрѣевичю. К славному граду Москвѣ съехались вси кн(я)зи руские, а ркут⁷ таково слово: «У Дуная стоят татаровя поганые, и Момаи ц(а)рь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свои нашей славѣ».

И рекше кн(я)зь великии Дмитрей Ивановичъ: «Брате кн(я)зь Вла-|| димеръ Андрѣевичъ, поедем тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, а храбрых своих испытает, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую».

а. 175
об. И рекше им кн(я)зь великии Дмитрей⁸ Иванович: «Братия и кн(я)зи руские, гнѣздо есмь были великаго кн(я)зя Владимира Киевскаго, не в обиде есми были по рождению || ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю».

О соловеи, лѣтняя птица, что бы ты, соловеи, пощекотал⁹ славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его кн(я)зю Владимиру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Вольньскому. Тѣ бо суть с(ы)н(о)ве

а. 176 храбры, кречаты в ратном || времени и вѣдомы полѣводды, под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земли. Молвяше Андрѣи Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмь собѣ два браты, с(ы)н(о)ве Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на добрые кони своя, и по-

⁴ Так И-1, С, в рук. струпы. ⁵ В рук. неясно, стерты буквы. ⁶ Испр., в рук. Ивано. ⁷ В рук. последняя буква выносная — к. ⁸ В рук. неясно, стерта буква е. ⁹ В рук. неясно, может быть, вошккотал.

смотрим быстрого Дону, || испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские». л. 176
об.

И рече ему Дмитрией: «Брате Андрѣи, не пошадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, а гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. Что, брате, стучит великая сильная рать великаго кн(я)зя Дми||трея Ивановича и брата его кн(я)зя Владимира Андреевича, громят удал(ь)цы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты московскими. Съдлаи, брате Андрѣи, свои доброй конь, а мои готов осѣдлан. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковѣ, колько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати». л. 177

Уже бо, брате, возвияли по морю на || усть Дону и Непра, прилѣяша тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепѣшутся сил(ь)ные молыньи. Быти стуку великому на речке Напрядѣ, между Доном и Непром, пасти трупу ч(е)л(ове)ч(ес)кому на поле Куликовѣ, пролится крови на речке Напряде. л. 177
об.

Уже бо скрипѣли телеги между Доном и Непром, а идут хиновѣ поганьи к Руской земли. И при||тѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, хотят на Мѣчи поступити в Рускую землю. И то были не сѣрые волцы, приидоша поганые татаровя, хотят проити воюючи всю Рускую землю. л. 178

Тогда гуси возгоготали и лѣбѣди восплаѣскаша крылами своими, но поганьи Момаи пришел на Рускую землю¹⁰ и воеводы своя привел. А уже бѣды || их пасоша птицы крылати под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своєю речью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх бряшут. л. 178
об.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются от золотых колодищъ ис камена града Москвы, возлѣтѣша под синее н(е)б(е)са, возгремѣша || злачеными колоколы на быстром Дону. л. 179

Тогда кн(я)зь великий Дмитрией Ивановичъ воступив во золотое свое стрѣмя и взял свои мечъ в правую руку и помолися б(о)гу и преч(и)стои его м(а)т(е)ри. С(о)лице ему на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ м(о)л(и)тву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Кн(я)зь Владимиръ Андрѣевичъ полки пребирает и ве||дет к великому Дону. И молвяше брату своему великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабливаи, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля руские наступают и вотчину отнимают». л. 179
об.

И говорит ему кн(я)зь великий Дмитрией Ивановичъ: «Брате Владимиръ Андрѣевичъ, сами еси, а внуки великаго кн(я)зя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70 боя||ринов, и крѣпцы бысть кн(я)зи бѣлозѣрстии, Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ, да Микула Васильевичъ, да два брата Олгордовичи, да Дмитрией Волыньской, да Тимофеи Волуевичъ, да Андрѣи Серкизовичъ, да Михаило Ивановичъ, а вою с нами триста тысящъ окованные рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина свѣдана, а под собою имѣем добрые кони, а на || собѣ злаченыи доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крещеную. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени». л. 180
об.

¹⁰ землю доб. на полях.

Уже бо тѣ соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтъли и ударилися
 л. 181 о многіе || стада лѣбѣдиные. То ти наехали рускіе князи на силу татар-
 скую и удариша копье фараужными о доспѣхи татарскіе, возгрѣмѣли
 мечи булатные о шеломы хиновскіе на полѣ Куликове на рѣчке На-
 прядѣ.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью
 ихъ земля пролита бысть. А силныи полки ступишася вмѣсто и протоп-
 л. 181 таша хол||ми и дуги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. И кликнули
 об. быша дивы в Руской земли. А глава¹¹ шибла к Желѣзнымъ вратам, ли
 къ Караначи, к Риму и х Сафѣ по морю и к Которнову, и оттолѣ ко Царю-
 граду на похвалу рускимъ кн(я)зем, и одолѣша рать татарскую на полѣ
 Куликове на речке Напрядѣ.

На томъ полѣ силныи тучи ступишася, а из нихъ часто сияли || мо-
 л. 182 лыньи и загрѣмли громы велицїи. То ти ступишася рускіе удалцы
 с погаными татарами за свою великую обиду. А в нихъ сияли сильные
 доспѣхи злаченые, а грѣмли кн(я)зи рускіе мечьми булатными о шеломы
 хиновскіе.

А билися из утра до полудни в субботу на р(о)ж(е)ство с(вя)тѣи
 б(огоро)д(и)цы.

Не тури возгрѣмли у Дунаю великаго на полѣ Куликове. И нѣ тури ||
 л. 182 побѣждени у Дунаю великаго, но посѣчены князи рускіе, и бояры, и вое-
 об. воды великаго князя Дмитрея Ивановича, побѣждени кн(я)зи бѣлозерстїи
 от поганыхъ татарѣ, Федор Семеновичъ, да Семен Михайловичъ, да Тимофѣи
 Волуевичъ, да Андрѣи Серкизовичъ, да Михаило Ивановичъ и иная
 многая дружина.

Пересвѣта чернеца брянскаго боярина на су||женое мѣсто привели.
 л. 183 И рече Пересвѣтъ чернецъ великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю:
 «Лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ от поганыхъ татарѣ».
 Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ добрѣ конѣ, а злаченымъ доспѣхомъ
 посвѣльчиваетъ. А иныи лѣжатъ посечены у Дуная великаго на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти, а удалымъ людямъ || плечь своихъ
 л. 183 попытать. И молвяше Осябѣя чернецъ своему брату Пересвѣту старцу:
 об. «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоёмъ раны великія, уже, брате, лѣтѣти
 гл(а)ве твоеи на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лѣжати на зельнѣ
 ковылѣ траве на полѣ Куликове на речке Напрядѣ за вѣру крестьянскую

л. 184 и за землю за Рускую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивано||вича».
 И в то время по Резанской землѣ около Дону ни ратаи, ни пастухи
 в полѣ не кличутъ, но единыи вороны граютъ, трупы ради ч(е)л(ове)чeskїя.
 Грозно и жалостно в то врѣмя бѣше тогда слышати, зане же трава кровью
 пролита бысть, а дѣвеса тугою к землѣ приклонишася.

И воспѣли бѣше птицы жалостныи пѣсни. Восплакашася вси кн(я)гини
 л. 184 и боярыни и вси воеводскіе || жены о избїенныхъ. Микулина жена Ва-
 об. сильевича Федосья да Дмитреева жена Марья рано плакаша у Москвы
 града на забралахъ стоя, а ркутъ тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла
 еси ты каменныи горы и течеша в землю Половецкую. Прилѣлѣи моего
 г(о)с(по)д(и)на Микулу Васильевича ко мнѣ». А Марья про сѣвоего
 г(о)с(по)д(и)на то же рекла, а Тимофѣева жена Волуевича тако же
 л. 185 плакашася || и рече тако: «Се уже веселие мое пониче во славномъ граде
 Москве, и уже не вижу¹² своего г(о)с(у)д(а)ря¹³ Тимофея Волуевича¹⁴
 в животѣ негу». А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья
 рано плакашася: «Се уже обѣмя намъ с(о)лнце померкло в славномъ граде

¹¹ В И-1, С слава. ¹² В рук. неясно, стерты буквы.

¹³⁻¹⁴ Часть букв не сохранилась, так как порвана бумага.

Москвѣ, примахнули к ним от быстрого Дону поломянные вѣсти, носяше великую бѣду, и ссѣдша удальцы з добрых коней на || суженое мѣсто на полѣ Куликове¹⁵ на речки Напряде». л. 185 об.

И восплакалися жены коломенские, ¹⁶ а ркутъ¹⁷ тако: «Москва, ¹⁸ Москва, быстрая¹⁹ река, чему еси залелѣяла мужей наших от насъ в землю Половецкую». И ркутъ тако: «Можеш ли, г(о)с(по)д(и)не кн(я)зь великий, веслы Нѣпръ запрудить? Замкни, г(о)с(у)д(а)рь, кн(я)зь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не вѣздили. Уже мужей наших рать || трудила». л. 186

Того же дни в субботу на р(о)жество св(я)тыя б(огоро)д(и)цы исекша христиани²⁰ поганые полки²¹ на полѣ Куликове²² на речке Напрядѣ. И нюкнув кн(я)зь великий Владимиръ Андрѣевичъ гораздо и скакаше во полдех поганых в татарских, а злаченным тым²³ шеломом посвѣльчивает, а скакаша со всем своим войским. И загремѣли мечьми булатными о шеломы хиновские. И восхвалит || брата своего великого кн(я)зя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитреи Ивановичъ, туто²⁴ у зла тошна²⁵ времени железна²⁶ забрала. Не оставаи²⁷ и свои полки понужай коромолщикам. Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи человѣче борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети || кровь крестьянская». л. 187

И кн(я)зь великий Дмитреи Ивановичъ рече своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярьские, то ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам. Туто, брате, стару помолодѣтъ, а молодому чести добыть».

И рече кн(я)зь великий Дмитреи Ивановичъ: «Г(о)с(по)ди б(о)же мои, на тя уповахъ, да не по||стыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ». И помолися б(о)гу и преч(и)стои его м(а)тери и всѣм с(вя)-тым его и прослезися горко и утер слезы. л. 187 об.

И тогда аки соколы борзо полѣтели. И поскакивает кн(я)зь великий Дмитреи Ивановичъ с своими полки и со всею силою. И рече: «Брате князь(ь) Владимир Андрѣевичъ, тут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждаем, брате, своими полки си||льными на рать татаръ поганых». л. 183

Тогда кн(я)зь великий наступает на рать силу татарскую. И гремятъ мѣчи булатные о шеломы хиновские. И поганые бусорманы покрываю главы свои руками своими. Тогда поганые борзо вся отступиша. И от великого кн(я)зя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать. А русские кн(я)зи, и бояры, и воеводы, и все великое войско широкие поля || кликом сгородиша и злачеными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на оборонѣ. Тогда кн(я)зь великий Дмитреи Ивановичъ и брат его кн(я)зь Владимиръ Андрѣевичъ полки поганых вспять поворотили и нача ихъ, бусорманов, бити и сечи гораздо без милости. И князи их падоша с коней, загремѣли, а трупми татарскими поля насеяша и кровию ихъ реки протекли. л. 188 об.

Туто поганые || разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими, и доруши лица своя, а ркуще такъ: «Уже нам, брате, в земли своєї не бывать²⁸ и дѣтеи своих не видать, а в Русь ратию нам не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать. Уже бо востона земля татарская, бѣдами и тугою покрыва бо с(е)рдца их, хотение кн(я)зем и похвала Ру||ской земли ходити. Уже л. 189 об.

¹⁵ Испр., в рук. Куликове. ¹⁶⁻¹⁷ В рук. неясно, бумага порвана. ¹⁸⁻¹⁹ В рук. бумага порвана. ²⁰ В рук. бумага порвана. ²¹⁻²² В рук. бумага порвана. ²³ тым доб. на полях. ²⁴⁻²⁵ В рук. бумага порвана. ²⁶ В рук. бумага порвана. ²⁷ В рук. бумага порвана. ²⁸ Испр., в рук. брвать.

бо веселие наше пониче. Уже бо руские с(ы)н(о)ве разграбиша татарские узорочья, и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие. Уже жены руские восплескаша татарским златомъ.

Уже бо по Руской земле простресея веселие и буйство. Воснесеся слава руская по всей земли, а на поганых татар промчесея злых бусорманов хула и пагуба. || Уже бо вержено диво на земли. И уже грозы великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича и брата его кн(я)зя Владимирера Андрѣевича по всем землям текут²⁹ грозы. И кн(я)зь великий своею храбростию и дружиною Мамайя поганог(о) побил за землю за Рускую и за вѣру крещеную. Уже поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уны||ша гласи их.

И отскока поганый Мамай от своей дружины серым волком взвыл, и притече к Хафѣсте граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю?»³⁰ То ты была орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыея царя. У Батыея царя было четьреста тысящъ окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил б(о)гъ Рускую землю || за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвят(ь)ю ордами и 70 князьями. А н(ы)нѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тебя кн(я)зи руские горазно подчивали, ни князеи с тобою, ни воевод? Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыль? || Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ по задѣнеш и нам от земли Руской».

Уподобился еси милому мл(а)д(ен)цу у м(а)т(е)ри своей. Тако г(о)с(по)дъ б(о)гъ помиловал кн(я)зеи русских, великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича и брата его кн(я)зя Владимирера Андрѣевича меж Дона и Непра.

И стал великий кн(я)зь Дмитриеи Ивановичъ съ своим братом с кн(я)зем Владимиром Андрѣевичем и со остальными своими || воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речке Напрядѣ. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лѣжат трупы крестьяньские у Дуная великаго на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече кн(я)зь великий Дмитриеи Ивановичъ: «Считаетеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет». Тогда говорит стоя Михаило || Александровичъ московский боярин кн(я)зю Дмитрѣю Ивановичю: «Г(о)с(у)д(а)рь кн(я)зь великий Дмитрѣи Ивановичъ, нету, г(о)с(у)д(а)рь, у нас 40 бояринов московских, 12 кн(я)зеи бѣлозѣрских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимировских, 8 бояр суздаских, || 40 бояр муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можаиских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких. А посечено от бѣзбожнаг(о) Мамайя полтретья ста тысящъ и три тысячи. Сл(а)ва тебѣ, г(о)с(по)ди б(о)же н(а)шъ, помиловалъ насъ».

И реч(е) кн(я)зь великий Дмитриеи Ивановичъ: «Братия бояра и кн(я)зи и дѣти боярские, то вам сужено || мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Напрядѣ. И положили есте головы своя за с(вя)тыя церкви, за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем. И поидем, брате, кн(я)зь Владимир Андрѣевичъ во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем кн(я)жение, а ч(е)сти есми, брате, добыли и славног(о) имени. Б(о)гу нашему слава».

²⁹ *Испр., в рук текук.* ³⁰ *В рук. землю.*

СПИСОК ГИМ, СОБР. МУЗЕЙСКОЕ № 2060 (И-1)

В ЛЕТ(О) 6887 ПОХВАЛА ВЕЛИКОМУ КН(Я)ЗЮ
 ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧЮ И БРАТУ ЕГ(О) КН(Я)ЗЮ
 ВЛАДИМЕРУ ОНДРЪВЕВИЧЮ, ВНЕГДА ПОБЕДИШ(А)
 ПОСОБЬЕМ Б(ОЖ)ИИМ ПОГАНАГ(О) МАМАА
 СЪ ВСЪМИ ЕГО СИЛАМИ

л. 213

...¹И потом списах жалость и похвалу великому кн(я)зю Дмитрию
 Иванович(ю) и брату его кн(я)зю Владимиру Ондрѣвичу.

л. 215

Снидемся, брате и друзи, с(ы)н(о)ве || рустии, съставимъ слово
 къ слову и величимъ землю Рускую, и веръжем печал(ь) на вѣсточную

л. 215

06.

страну всѣмъ въ жребие, въздаемъ² поганому Мамаю победы и великому
 кн(я)зю Дмитрию Ивановичю похвалу и брату его кн(я)зю Владимиру
 Ондрѣвичю. Рци, того лутче бо ес(ть), брате, нача повѣдати инѣми
 словесы о похвал(ь)ных о нынешних повестех от полку кн(я)зя Дмитрея
 Ивановича и брата его кн(я)зя Владимира Ондрѣвич(а), правнука с(вя)-
 т(о)го великог(о) кн(я)зя Владимера Киевскаго. Начаша повѣдати по
 дѣлом по гибел(ь)ю, но потрезвимс(я) мыслѣми и землями, и помянем
 первых лѣтъ времена, и похвалим вѣща боинаго гораздаго гдуца в Киевѣ.
 Тот боюн воскладше гораздыя своя персты на живыя струны и пояше
 кн(я)земь рускимъ сл(а)вы: первую славу великому кн(я)зю киевскому
 Игорю Рюрикович(ю), 2 — великому кн(я)зю Владимиру С(вя)тосла-
 вич(ю) Киевскому, третюю — великому || кн(я)зю Ярославу Володимеро-
 вичю.

л. 216

И я ж(е) помяну Ефон(и)я ерея резанца в похвалу пѣсньми и гусле-
 ными и буяни словесы и сего великог(о) кн(я)зя Дмитрея Иванович(а) и
 брата ег(о) кн(я)зя Владимера Ондрѣвич(а), правнука тѣхъ кн(я)зеи,
 зане ж(е) отпало мужьство их и пѣние их и кн(я)зем руским за землю
 Рускую и за вѣру кр(е)стьянскую.

От Калагѣския рати до Мамаева побоища лѣтъ 160.

Сии бо кн(я)зь великий Дмитрей Ивановичъ и брат его кн(я)зь
 Владимир Ондрѣвич помоляс(я) бо(гу) и пр(е)ч(и)стеи б(огороди)цы,
 стяжав умъ свои крѣпостию, и поостриша с(е)рдца своя муж(е)ством,
 и наполнишас(я) ратнаго духа, и уставиша себе храмныя полъкы в Русь-
 кой земли, и помянуша прадѣда своего кн(я)зя Владимера Ондрѣвича
 Киевскаго.

О жаворонокъ, лѣтъня птица, красных дней утѣха, возлети под синии
 н(е)б(е)са, посмотри к сил(ь)ному граду Москвѣ, воспой славу великому
 кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю) и брату ег(о) || кн(я)зю Владимиру
 Одрѣвичю. Цег буря соколи³ снесет из земли Залѣтскыя в поле Поло-
 вецкое.

л. 216

06.

На Москвѣ кони рѣжут, звенит слава руская по всей земли Руской,
 трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону
 у великого на брезе, звонят колоколы вечныя в Великом Новѣгородѣ.
 Стоят люди новгородцы у с(вя)той Софѣи, а рѣкучи: «Уже нам, братие,
 на пособе великому кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю) не поспѣтъ». И как
 слово изговаривая, уже бо як(о) орлы слетѣшес(я), и выѣхали посадники
 из Великого Новагорода 70 000 к великому кн(я)зю Дмитрию Ивано-

¹ В рук. после заглавия, перед текстом «Задонщины», включен отрывок из
 «Летописной повести о Куликовской битве».

² В рук. въздаюмъ, е надписано сверху.

³ Так У, К-Б, С, в рук. коли.

вич(ю) и брату его кн(я)зю Владимиру Ондрѣвич(ю) на пособе къ славъ-
ному граду Москве. То тѣ съѣхалис(я) вси кн(я)зи руския к великому
кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю) и брату его кн(я)зю Владимиру Ондрѣ-
вичю, а рѣчучи им таково слово: «У Дону стоят татарове поганьи Мамаи

л. 217 на рѣчки на Мечи, хотят брести и живот свои предати || нашей славѣ». И реч(е) кн(я)зь Дмитрей Иванович: «Пойдем тамо, укупимъ животу славу, старымъ повѣсть, а молодымъ память(ь), а храбрыхъ плечевъ испытает, а рѣку Дон кров(ь)ю прол(ь)емъ за землю Рускую и за вѣру кр(е)стьянскую».

И реч(е) имъ князь(ь) великий Дмитрей Иванович: «Брат(ь)я и кн(я)зи руския, гнѣздо есмя великого кн(я)зя Владимеры Киевскаго, ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю».

О соловеи, лѣтняя птица, что бы ты, соловеи, выщекотал великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи дву братьев Олгердовичев, Ондрей да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Волинский. Тѣ бо суть с(ы)нове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломы возлеияны в Литовской земли.

л. 217 И молвяхе Ондрѣи Олгердович брату своему Дмитрию: || «Сами есми себѣ два брата, а внуки есмя Едимантовы, изберемъ братью милую пановей удалый Литвы, храбрыхъ удалцевъ, и сами сядем на борзыхъ своя комони, посмотримъ быстрого Дону, изобьемъ шоломы мечи, испытаемъ мечевъ своих литовскихъ о шеломы татарския, сулицъ немецкихъ байданы бесерменьския».

И реч(е) ему Дмитрей: «Брате Ондрѣи, не пощадимъ живота своег(о) за крестьяны и за обиду великого кн(я)зя Дмитрия Ивановича. Уж(е) бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ, стучить сил(ь)ная рат(ь) великого кн(я)зя, гремят удалцы руския золочеными доспехы, черлеными щиты. Седлан, брате Ондрей, свои борзые комони, а мои готовы, брате, на чистое поле. Посмотримъ своих полковъ. Тол(ь)ко, брате кн(я)зь Дмитрей, с нами храбрые Литвы 70 000».

л. 218 Уж(е), брате, возвеша сил(ь)нии вѣтри || по морю на усть Дону и Непра, прилѣлѣяшас(я) великия тучи по морю на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещуть сил(ь)нии молнии. Быти стучу велику на рѣчки Направдѣ, меж Дономъ и Непром, пасти трупу ч(е)л(ове)чью на полѣ Куликовѣ, пролитис(я) кровѣ на рѣчки Напрвдѣ.⁴

Уже бо въскрипѣли телеги меж Дономъ и Непромъ, идут хинове в Рускую землю. И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставши воюют на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти было не сѣрые волцы, но приидоша погании татарове, приити хотят воюючи в Рускую землю погании татарове.

Тогда гуси возгоготаша на рѣчки на Мечи, лебеди крилы въсплескаша.⁵ Ни гуси возгоготаша, но поганьи Мамаи на Рускую землю пришел, а воеводы своя привел. А уже беды их пловуще птица их крилати под облакы || летаютъ, ворони грають, а галицы своею рѣчью говорятъ, орлы крилатии въсплещут, а волцы грозно воюють, а лисицы на кости брешут.

л. 218 Руская земля, то ти ес(ть) как за Соломономъ ц(а)р(е)мъ побывало:⁶

А уж(е) соколы, белозерския ястребы рвахуся от золотых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетѣша под синии н(е)б(е)са, възгремѣша золочеными колоколы на быстром Дону.

Тогда князь(ь) великий вступи въ золотое стремя, взял свои меч въ правую руку свою, помоляс(я) б(о)гу и пр(е)с(вя)тии б(огороди)цы.

⁴ В рук. буква д выносная

⁵ Так У, С, К-Б, в рук. въсплескаша.

С(о)лнце ему ясно на вѣстоцы сияеть, а Борис и Глѣбъ⁶ м(о)л(и)тву воздает за сродники.

Что шумит, что гримит рано пред зарями? Кн(я)зь Владимиръ паки уставляеть и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяш(е) брату своему: «Князь(ь) Дмитрей, не ослабиаи, кн(я)зь(ь) великыи, татаромъ. Поганый поля наступают, от(ь)имають отчину нашу».

Реч(е) ему || кн(я)зь Дмитрей Иванович: «Брате кн(я)зь Владимире Ондрѣвич, сами себѣ есмь два брата, воеводы у насъ уставлены 70 бояриновъ, кн(я)зи крѣпцы белозерскыи, Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Васил(ь)евич, два брата Олгердова, Дмитрей Волинскыи, Тимофеи Волуевич, Михайло Иванович. А воюют с нами 300 000 кованой рати, воеводы у насъ уставлены, дружина нам свѣдома, имѣемъ под собою борзый комони, а на себѣ золоченыя доспѣхы, а шеломы черкасскыи, а щиты московскыи, а сулицы ординскыи, а чары франскыи, мечи булатныя». И молвяше: «Поганый путь имъ знаемъ вельми, а перевозы имъ изготовлены, но еще хотят сил(ь)но главы своя положити за вѣру кр(е)стьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени».

Уж(е) бѣ тѣ соколѣ и кречеты за Дон перевезлис(я), и наѣхали рустии с(ы)н(о)ве || на сил(ь)ную рат(ь) татарскою, ударишас(я) коп(и)и хараужничьными о доспехы татарскыи, възгремѣли мечи булатныи о шеломы хиновскыи на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Черна земля под копыты, костыи татарскыи поля насѣяша, кровью земля пролита. Сил(ь)нии полкы съступалис(я) вмѣсто, протопташа холми и лугы, возмутис(я) реки и езера. Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Ц(а)рюграду, на похвалу: Рус(ь) великая одолѣша Мамаи на полѣ Куликовѣ.

Тогда бо сил(ь)нии тучи съступалис(я) вмѣсто, сил(ь)нии молнии, громи гремѣли велицѣ. То ти съступалис(я) рускыи с(ы)н(о)ве с погаными татары за свою обиду. А в них сияють доспѣхы золоченыи, гремѣли кн(я)зи рускыи мечи о шеломы хыновскыи.

Из утра билис(я) || до полудни в суб(оту) на р(о)ж(е)ство с(вя)тии б(огороди)цы.

Не тури възгремѣли на полѣ Куликовѣ, побежени у Дону великого. То ти не туры поберж(е)ни, посечены кн(я)зи рускыи и воеводы великог(о) кн(я)зя, и кн(я)зи белозерскыи посечены от поганых татар, Федор Семеновичъ, Тимофеи Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васил(ь)евич, Ондрѣи Серпизович, Микула Иванович и иная друж(и)на.⁷

Черныца Пересвѣта великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичю: «Луче бы посеченыи пасти, а не полонянымъ въспѣти от поганыхъ. Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, а злеченыи доспѣхомъ посвѣчиваше. А иные лежат посечены у Дону на брези. Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а удалым плечъ попытати. И молвяше брат его Ослабе черънецъ: «Братѣ Пересвѣт, вижу на тѣли твоимъ раны, уже головѣ твоеи летѣти на траву ковыл(ь), а чаду моему Якову || на ковыли земли не лежати на поли Куликовѣ за вѣру хр(и)стьянскую и за обиду великог(о) кн(я)зя Дмитрия Иванович(а)».

В то время по Резанской земли около Дону ни пастуси кличут, но однѣ воронѣ грають, трупы ради ч(е)л(о)вѣчскаго. Грозно бо бяше и жалостно тогда слышати, зане трава кров(ь)ю пролита, а дрѣвеса к земли туюю преклонисас(я).

⁶ В рук. Глѣбъ.

⁷ В рук. слово друж(и)на написано на полях.

Въспѣли бѣше птицы жалостныя пѣсни, вси въсплакалис(я) к ней боярыни избѣнныхъ, воеводины жены. Микулина жена Васил(ь)евич(а) да Мар(ь)я Дмитриева рано плакашас(я) у Москвы у берега на забралах, а ркучи: «Доне, Доне, быстрая рѣка, прирыла еси горы каменныя, течеша в землю Половецкую.⁸ Прилилъи моего г(о)с(у)д(а)ря къ мнѣ Микулу Васил(ь)евич(а)». Тимофѣева жена Волеувич(а) Федос(ь)я так(о) плакас(я) а ркучи: «Уже весел(ь)е понич(е) въ славнѣ гради Москвѣ, уж(е) не вижу своег(о) г(о)с(у)д(а)ря Тимофея Волеувич(а) в животѣ». Да Ондрѣева жена Марья, || да Михаилова Оксѣн(ь)я рано плакашас(я):

а. 221 «Се уж(е) нам обема солнце померкне на славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к нам от быстрог(о) Дону полоняныя вѣсти, носящу великую беду выседоша удал(ь)цы з борзѣыхъ коней на судное мѣсто на полѣ Куликовѣ».

А уж(е) диво кличетъ под саблями татарскыи.

Туту щурове рано въспѣли жалостныя пѣсни у Коломны на забралах на воскр(е)с(е)ние на Акима и Аннинъ д(е)нь. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ въсплакалис(я) жены коломенскыя: «Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у нас мужи наши залелѣяла в землю Половецкую». А ркучи: «Можеши ли, г(осподи)не кн(я)зь великыи, весла Непра запрудити, а Дон шлемомъ вычерпати, а Мечю трупы татарскыи запрудити? Замѣкни, кн(я)зь великыи, от сих ворота, чтобы потомъ поганые к намъ || не ѣздили. Уже бо мужи наши рати трудили».

а. 221
об.

Того д(е)нь с(вя)тая б(огороди)ца исѣкоша хр(и)стѣяне поганыи полки на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

И нукнувъ княз(ь) Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныя о шеломах хыновскыи. Въсхваляя брата своег(о): «Брате кн(я)зь Дмитрие Иванович, что ти ес(ть) еси у зла времени желѣзная забрала. Не уставай, кн(я)зь великыи, с своими великими полки, не потакай крамол(ь)ником, поганяи бо поля наша наступают, а храбрую дружину теряли, трупу ч(е)л(ове)чью борзъ конь не может скочити, въ крови по колѣно бродят. Уже бо, брате, жалостно видѣти крови кр(е)стѣянскои. Не уставай, кн(я)зь великыи, съ своими бояры».

Реч(е) кн(я)зь великыи своим бояромъ: «Брат(и)я бояре и воеводы, дѣти боярскыи, то ти, брате, ваши московскыи сладныя меды и великия мѣста, себѣ || своим женам. Туту стару помолодится, а молоду чти добыти».

а. 222

Рече княз(ь) великыи: «Г(оспод)и б(ож)е мои, на тя уповах, да не постыжус(я) в векъ, ни посмѣють ми ся врази мои мнѣ». И помоляс(я) б(о)гу и с(вя)тии б(огороди)ци и всѣмъ с(вя)тымъ, и прослезися горко, и утер слезы.

И тогда як(о) орлы⁹ отлетѣша на быстрыи Донъ. То тѣ не орлѣ полетѣша за быстрыи Донъ, поскакивает кн(я)зь великыи с своими полки за Дон съ всею силою: «Брате кн(я)зе Владимире, туту испити медвеная чаша, наступаемъ, брате, с своими сил(ь)ныи полки на рат(ь) поганыхъ».

Тогда княз(ь) великыи поля наступает. Гремят мечи о шеломах хыновскыи. Поганыи покрыва руками гл(а)вы своа. Тогда погании отступиш(а) назад. Ктязю ревутъ, отступишас(я) от великог(о) кн(я)зя, погании бѣжать. Рускыи с(ы)н(о)ве поля широковыи кликом огородиша, золоченыи шлемы осветиша. || Въсталъ уж(е) туръ оборенъ. Тогда кн(я)зь великыи

а. 222
об.

⁸ Так У, И-2, К-Б, С, в рук. Повецкую.

⁹ Испр., в рук. рлы.

поганных назадь победилъ и поворотил гораздо на нихъ и бьетъ горко, тоску имъ подаваше. Кн(я)зи их падошас(я) с коней к земли. Трупы татарскими поля насѣяша, а кровию протекли рѣкы.

Туто ся погании разлучишас(я) боръзо, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, а ркучи: «Уж(е) намъ, брате, в земли своєї не бывати, а дѣтеи своихъ не выдати, а в Русь рат(ь)ю не ходити, а выхода нам у рускихъ князеи не прашивати». А уже бо въстонала земля Татарская, бедами и тугою покрывшас(я). Уныша бо ц(а)ремъ их хотѣние и похвала на Рускую землю ходити. Веселие иж(е) пониче. Уже рускиа с(ы)н(о)ве разграбиша татарская узороч(ь)я, доспехи и кони, волю и велблуды, вино, сахаръ, дорогое узороч(ь)е, камкы, насычеве || везут женам своимъ. Уже жены руския въсплескаша татарскимъ златомъ. л. 223

Уже Руской земли простресея веселье. И възнесея сл(а)ва руская на поганных хулу. Уж(е) вержено диво на землю. Уже грозы великого кн(я)зя по всеи земли текуть. Стрѣляи, кн(я)зь великыи, по всѣмъ землям, стрѣляи, кн(я)зь великыи, с своею храброю дружиною поганого Мамаия хиновина за землю Рускую, за вѣру хр(и)стьянскую! У поганныхъ оружие свое поверъгоша, главы своя и подклониша подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубятъ, уныша бо царем ихъ хотѣние.

И отскочи Мамаи сѣрымъ волком от своєї дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: «Чему ти, поганыи Мамаи, на Рускую землю, то ти была орда Залѣская времена первыи, а не быти тебѣ в Батыя ц(а)ря. Ц(а)рь Батыи былъ 400 000 вою, воевалъ || всю Рускую землю и плѣнил от востока и до запада. А казнилъ б(ог)ъ Рускую землю за съгрешение и ты пришелъ князь Мамаи на Рускую землю съ многими силами съ девят(ь)ю ордами, съ 70 кн(я)зьми, а н(ы)не бежишь самъ-девять в лукоморье. В поле тебя кн(я)зи руския гораздо упилися и кн(я)зеи с тобою нѣтъ ни воеводъ. Нѣчто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковыли. Побежи, поганыи Мамаи, и от насъ по задлѣшью». л. 223
06.

Намъ земля подобна ес(ть) Руская милому мл(а)д(е)нцу ¹⁰ у матери,¹¹ его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его. И потѣшитъ г(оспод)ь б(о)гъ ч(е)л(ове)колюбецъ кн(я)зи руския, великого кн(я)зя Дмитрия Ивановича и брата его кн(я)зя Владимира Ондрѣевича межъ Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ.

Сталь кн(я)зь великыи с своимъ братомъ кн(я)земъ || Владимиромъ Ондрѣевичемъ и с своими воеводами на костехъ. Грозно бо, брате, в то время посмотри, и свезати трупы хр(и)стианския акы сѣнныи стоги, а Дон рѣка три дни кров(ь)ю текла. «Считаетеся, брате, колкихъ воевод нѣтъ, колько молодыхъ людеи нѣтъ». И говорит Михаило Ондрѣевичъ московскыи бояринъ кн(я)зю Дмитрию Ивановичю: «Г(о)с(по)д(и)не кн(я)зь великыи Дмитрии Ивановичъ, нѣту туто у насъ сорока бояринъ большихъ москъовскихъ, да 12 кн(я)зеи белозерскихъ, да 30 бояриновъ посадниковъ новгородцкихъ, да 20 бояриновъ коломенскихъ, да 40 бояриновъ перяславскихъ, да полу 30 бояриновъ костромскихъ, да пол 40 бояриновъ володимерскихъ, да 50 бояриновъ суздальскихъ, да 70 бояриновъ резаньскихъ, да 40 бояринов муромскихъ, || да 30 бояриновъ ростовскихъ, да трех да 20 бояриновъ дмитровскихъ, да 60 бояриновъ звенигородцкихъ, да 15 бояриновъ углецькихъ. А изгибло насъ всеи дружины полъ 300 000. И помилова б(ог)ъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество». л. 224
06.

¹⁰⁻¹¹ Так У, в рук. умрети.

И кн(я)зь великийи Дмитрии Ивановичъ говоритъ: «Брат(и)я и бояре, кн(я)зи молодые, вамъ, брате, сужено мѣсто межъ Дономъ и Непра на полѣ Куликовѣ на рѣчки Направдѣ. Положили есте головы за Рускую землю и за вѣру хрѣстьянскую.⁴ Простите мя, брат(и)я, и бл(аго)с(ло)-вите в семь вѣцы и в будущемъ».

СПИСОК ГИМ, СОБР. МУЗЕЙСКОЕ № 3045 (И-2)

- л. 70 ... лита, а древес(а) тугою к земли преклонишас(я).
 Въспѣли бѣше птици жалостныя пѣсни, въсплакалис(я) кн(я)г(и)ни и боярыни и воев(о)дины жены о избъеныхъ. Феодосья Микулина жена Васил(ь)евич(а) да М(а)рья Дмитриева жен(а) Вольтинског(о) рано спл-кашася у Москвы град(а) на заборолѣхъ: «Донѣ, Донѣ, быстрая рѣка, про-рыла еси каменныя горы, а теч(е)ши в землю Половетскую. Прилѣлѣи г(оспо)д(и)на моего ко мнѣ Микулу Васил(ь)евич(а)». Тимоф(е)ва жена Иволуевич(а) тако же плакашес(я), а ркуч(и) такъ: «Се уже веселие мое понич(е) въ славнѣ град(ѣ) Москвѣ, уже бо не вижу своего г(о)с(поди)на
 л. 70 об. Тимоф(е)я Иволуевича, в животѣ его нѣтъ». Андрѣва жена рано пла-кашес(я): «Се уже нам обѣма солныце померькло въ славнѣ град(ѣ) Москвѣ, припахну намъ от быстраго Дону поломянныя вѣсти, носяще вели-кую бѣду. Спод(о)ша рускиа удалци з борьзыхъ коней на суженое мѣсто на полѣ Куликовѣ».
- А уже диво кличет под саблями татарскими, а тѣм рускимъ богаты-рем под ранами.
- Ту ни галици, ни щуровѣ въспѣли жалостныя пѣсни у Коломны на заборолѣхъ на въскр(е)с(е)ние на Якимов и Аннинѣ д(е)нь. То ти были
 л. 71 ни щуровѣ, ни га||лицѣ воспѣли, въсплакалис(я) жены коломенскыя, а ркуч(и) таков(о) слов(о): «Москва, Москва, быстраа рѣка, чему еси залѣлѣяла мужей наших¹ от нас в землю Половетскую Литовскую». А ркуч(и) тако: «Можеши ли тамо, г(о)с(поди)не кн(я)зь великийи, веслы Непру запрудити, а Донѣ шоломы вычрѣпати, а Меч(у) рѣку трупы та-тарскими запрудити? Заткни, г(осу)д(а)рь кн(я)зь великийи, Оки ворота, чтобы погании потом к намъ не заходили. Уже мужи наших² рат(ь) тру-дила в субботу на р(о)ж(е)ство с(вя)тѣи б(огороди)ци кр(е)стьян тата-ровѣ на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Непрядвѣ». ||
- л. 71 об. И нукнув кн(я)зь Володимеръ Андрѣвич с правые руки на поганаго³ Мамаю с своим кн(я)зьмъ Вольтинскимъ 70-ю тыс(я)щами, гораздо ска-каше по рати в поганыхъ половцѣхъ татарскихъ, злач(е)ными шоломы по-свѣчивающ(и). Грѣмят мечи булатные о шоломы хиновские. И въсхвалит брата своег(о) кн(я)зя Дмитриа Иванович(а): «То еси у зла тошна вере-мени⁴ железна заборолѣ.⁵ Не уставаи, кн(я)зь великийи, с своими вели-кими плѣки, не потакаи лихим коромолникомъ.⁶ Уже поганые поля н(а)ша наступают, а храбрую дружину у насъ стрѣляли, и в трупѣ ч(е)л(овѣ)чю
 л. 72 яко же конь || не может борзо скочити, а кров(ь) по колѣнемъ брод(я)чи. Уже бо, брате, жалостно видѣти кров(ь) кр(е)стьянская. И не уставаи, кн(я)зь великийи Дмитрии Иванович».

И реч(е) кн(я)зь вел(и)кийи Дмитрии Иванович своимъ бояром⁷ и воев(о)дамъ и дѣтемъ боярыскимъ: «То ти, брате, вам московские сласние

¹ Испр., в рук. нших. ² Испр., в рук. нших. ³ Испр., в рук. понаго.
⁴⁻⁵ Испр., в рук. железла заборона. ⁶ Испр., в рук. королникомъ. ⁷ Так У, И-1, в рук. яром.

меди и великие мѣста. Туто, брат(е), себѣ и женам своимъ⁸ высокие мѣста, туто, брате,⁹ стару помолодиться, а молодому чти добыти».

Реч(е) кн(я)зь великий Дмитръи Иванович: «Г(оспод)и б(ож)е мои, на тя упувах, да не постыжус(я) в вѣки, ни да посмѣют ми с(я) врази твои мнѣ». И помоляс(я) б(о)гу || и пр(е)ч(и)стѣи его м(а)т(е)ри б(о)-жии и всѣмъ с(вя)т(ы)мъ и прослезя горко и утерь слезы.

Тогда яко соколи полѣтѣша на быстрыи Дюнь. То ти не соколи полѣтѣша, скач(е) кн(я)зь великий Дмитрии Иванович с своими плѣки за Дюнь съ всею силою, брат его кн(я)зь Володимеръ Андрѣвич: «Туто, брате, испите медовыа чары повѣденые. Ударимьс(я), брате, всѣми плѣки силными на рат(ь) поганых».

Тогда кн(я)зь вел(и)кий почаль наступати. Грѣмят мечи булатные с шоломы хиновские. И погании покрывша руками своими главы своя. Тогда погании боръзо вспят(ь) отступишас(я). Стязи ревут || от вел(и)-ког(о) кн(я)зя Дмитриа Иванович(а), а погании побѣгли. Рускые с(ы)-н(о)вѣ поля широкие кон(ь)ми огородиша и злач(е)ными доспѣхи освѣчиваюч(и). Уже сталъ во ту на борон(ь). Тогда кн(я)зь вел(и)кий Дмитрии Иванович и брат ег(о) Володимеру Андрѣвич полки поганых вспят(ь) побѣдих и гораздо на них поворотилъ и нач(а) их бити гораздо, тоску им подаваше. И кн(я)зи их с коней спадоша, а трупы тотарьскими поля насѣаше, а кровию их рѣки протекли.

Туто погании разлучишас(я), раздно побѣгоша неуготованными дорогами в лукомор(ь)е, скрекчюще зубы своими, деручи лица своя, а ркуче: «Уже намъ, || брате, в земли своеи не бывати, а дѣтѣи своих не видати, а катунъ своих не трепати,¹⁰ а трепати намъ сырая земля, а цѣловат(и) намъ зел(е)на мурова, а на Рус(ь) нам уже рат(ь)ю не хоживати, а выхода намъ у русских кн(я)зей не прашивати. Уже въстонала земля Тотарьская бѣдами и туюю покрывшас(я). Уныша бо ц(а)р(е)мъ их хотѣние¹¹ и кн(я)земъ похвал(а) на Рускую землю ходити. Уже веселие н(а)ше пониचे. Уже с(ы)н(о)ве рускыа заграбиша узороч(ь)а н(а)ша и доспѣхи н(а)ша на них, волы, и врьблуды, и вина, и сахаръ, и все доброе узороч(ь)е, камки и насыч(е)вы вѣзут женам своим, уж(е) жены рускые».

И вознесес(я) слава ру...¹²

СПИСОК БАН, 1.4.1 (Ж)

СКАЗАНИЕ О ДОНСКОМЪ БОЮ

Князь Дмитрей Иванович своимъ братомъ Владимиромъ Ондрѣвичомъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, братие милыи, что у быстрого Дону¹ ц(а)рь Мамаи пришел на Рускую землю.

Пойдем, брате, тамъ в полунощѣ и жребия Афетова с(ы)на, от него же родися Русь православная. Взыдемъ на горы Киевския и посмотримъ славного Непра и посмотримъ по всей земли Руской. От поля на восточную страну к Залеискому жребию с(ы)на Ноева, от него же родися с(ы)новья поганыа тотаровя бусорманы. Тѣ бо на реке на ся не одолѣвая Афетовы.

⁸ Испр., в рук. своемъ.

⁵ Испр., в рук. брата.

¹⁰ Испр., в рук. трепатаи.

¹¹ Так У, И-2, в рук. хо.

¹² На этом полуслове кончается лист 73 об. и текст «Задонщины».

¹ Так У; в рук. Дому.

Оттолѣ Руские земли сидить невера, от Поладские рати до Момаева по-
 а. 31 бойща тугою землею и печал(ь)ю и покрывшася, и плачущися чада своя по-
 миною вы. Кн(я)зи || и бояре и удалыя молотцы, оставимте дома своя,
 и вся б(о)гатства, и жены, и дѣтеи, и славы миру получитьи, а главы своя
 положиша за вѣру христіанскую. А собѣ бы чая пожженных вскорм-
 ленных.

Жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и похвалу
 брату его Владимиру Ондрѣвичю.

Снидемъ, братия и дружины, вѣру составимъ слово въ слово, возвесе-
 лимъ Рускую землю, возверзимъ печаль на восточную² сторону в Симвъ
 жребии. Аминь.

СПИСОК ГЛВ, СОБР. КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ № 9/1086 (К-В)

а. 122 ПИСАНИЕ СОФОНΙΑ СТАРЦА РЯЗАНЦА, БЛ(А)Г(О)С(ЛО)ВИ
 ОТ(ЧЕ): ЗАДОНЩИНА ВЕЛИКОГ(О) КН(Я)ЗЯ Г(О)С(ПО-
 ДИ)НА ДИМИТРИЯ ИВАНОВИЧ(А) И БРАТА ЕГО КН(Я)ЗЯ
 ВОЛОДИМЕРА ОНДРѢВИЧ(А)

а. 122 Поидемъ, брате, в полуночную стра||ну жребии Афетову, с(ы)на Ноева,
 об. от него же родися Русь преславная. Оттоле въздемъ на горы Киевскыя.
 Первѣе всѣхъ вшедь възхвалимъ вѣщаго го¹ Бояна в городѣ в Киевѣ, го-
 раздо гудца. Тои бо вѣщии Боянъ воскладая свои златыя персты на жи-
 выя струны, пояше славу рускыимъ кн(я)земъ: первому кн(я)зю Рюрику,
 Игорю Рюрикович(ю) и С(вя)тославу Ярославичю, Ярославу Володими-
 ровичю, възхваляя ихъ пѣсми и гуслеными буиными словеса на русскаго
 г(о)с(поди)на кн(я)зя Дмитриа Иванович(а) и брата его кн(я)зя Воло-
 а. 123 димера Ондрѣ||евич(а), зане же ихъ было мужество и желание за землю
 Русьскую и за вѣру хр(и)стіанскую.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

Се азъ кн(я)зь великый Дмитрии Иванович и братъ его кн(я)зь Во-
 лодимеръ Ондрѣвич поостриша с(е)рдца свои мужеству, ставше своею
 крѣпостью, помянувше прадѣда кн(я)зя Володимера Киевскаго, ц(а)ря
 русскаго.

Жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха, възиди под синие облакы,
 а. 123 пой славу великому кн(я)зю Дмитрею Иванович(ю) и брату его Володи-
 об. меру Ондрѣвич(ю). Они бо възнялися какъ соколи со || земли Русскыя
 на поля половецкия.

Кони ржуть на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ
 в Серпуховѣ, звенить слава по всей земли Русьской, чудно стязи стоять
 у Дону великаго, пашутся хоригови берчати, свѣтятся(я) калантыри зла-
 чены,² звонят колоколи вѣчнии в Великом в Новѣгородѣ. Стоять мужи
 наугородѣи у с(вя)тыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намъ, брате,
 к великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю на пособъ не поспѣти».

а. 124 Тогда аки орли слѣтошася со всея полунощныя страны. То ти || не
 орли слѣтошас(я), съѣхалися всѣ кн(я)зи русскыя к великому
 кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю) на пособъ, а ркучи такъ: «Г(о)с(поди)не
 кн(я)зь великый, уже погании татарове на поля на наши наступаютъ,

² Так У, И-1, С, в рук. восточную.

¹ Так в рук. ² Испр., в рук. зачены

а вотчину нашу у нас отнимають, стоять межю Дономъ и Днѣпромъ, на рицѣ на Чечѣ. И мы, г(о)с(поди)не, поидемъ за быструю рѣку Донъ, уку-
пимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память(ь)».

Тако реч(е) кн(я)зь великый Дмитрие Иванович свои братии рус-
скимъ кн(я)земъ: «Братъеца моя милая, русские кн(я)зи, гнѣздо есмь
были || едино кн(я)зя великаго Ивана Данильевич(а). Досюды есмь были, л. 124
брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречату, ни об.
тому псу поганому Мамаю».

Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два с(ы)на
Вольярдовы, Андрѣя Половетцаго, Дмитриа Брянскаго. Ти бо бѣше сто-
рожевыя полкы, на щитѣ рожены, под трубами поють, под шеломы възле-
лѣваны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской
земли.

Молвяше Андрѣи к своему брату Дмитрию: «Сама есма два брата, ||
дѣти Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. л. 125
Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испиемъ, брате, шеломомъ своимъ
воды быстрого Дону, испытаемъ мечи свои булатныя. Уже бо, брате, стукъ
стучить и громъ гремитъ в славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ
стучить, ни громъ гремитъ, стучить сильная рать великаго кн(я)зя Ивана
Дмитриевич(а), гремятъ удалци золочеными шеломы, черлеными щиты.
Сѣдлаи, брате Ондрѣи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих
осѣдлани». ||

Уже бо всташа силнии вѣтри с моря, прилелѣяша тучю велику на усть л. 125
Нѣпра, на Русскую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболока, а из нихъ об.
пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Нѣп-
ромъ, идеть хинела на Русскую землю. Сѣрие волци воють, то ти были не
сѣрие волци, придоша поганые татарове, хотять проити воюючи, взяти
всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крылы всплескаша. То ти не гуси
гоготаша, ни лебеди крылы всплескаша, се бо || поганый Мамаи приведе л. 126
вои свои на Русь.

Птици н(е)б(е)сныя пасущесе то под синие оболока, вороны грають,
галици свои рѣчи говорятъ, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици
часто брешють, чають побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: «Земля еси
Русская, какъ еси была доселева за ц(а)ремъ за Соломоном, такъ буди и
н(ы)нѣча за кн(я)земъ великимъ Дмитриемъ Ивановичемъ».

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими
злаченными колоколци.

Уже бо стукъ стучить и громъ гремитъ рано пред зорею. То || ти не л. 126
стукъ стучить, ни громъ гремитъ, кн(я)зь Володимеръ Ондрѣевич ведеть об.
вои свои сторожевыя полкы к быстрому Дону, а ркучи такъ: «Г(о)с(поди)
не кн(я)зь Дмитрей, не ослабляи, уже, г(о)с(поди)не, поганый тата-
рове на поля на наши наступають, а вои наши отнимають».

Тогда же кн(я)зь великый Дмитрей Иванович ступи во свое златое
стремя, всѣдъ на свои борзый конь, принимая копие в правую руку.
С(о)лнце ему на встоцѣ семтября 8 в среду на р(о)ж(е)ство пр(е)с(вя)-
тый б(огороди)ца ясно свѣтитъ, путь ему повѣдаеть, Борисъ Глѣбъ м(о)-
л(и)тву || творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, бѣлозерская ястреби борзо за Донъ переле-
тѣша, ударишас(я) на гуси и на лебеди. л. 127

Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты
московскыя, шеломы нѣмецкие, боданы бесерменскыя.

Тогда поля костыми насѣяны, кровыи полиано. Воды возпиша, вѣсть
подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму,

до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ. Того даже || было нелѣпо стару помолодиться.

а. 127
об. Хоробрыи Пересвѣт поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: «Лучши бы есмь сами на свои мечи наверхлися, нежели намъ от поганыхъ положенымъ пасти». И реч(е) Ослебя брату своему Пересвѣту: «Уже, брате, вижу раны на с(е)рдци твоемъ тяжки. Уже твоеи главѣ пасти на сырую землю на бѣлую ковылу моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубятъ, а. 128 толко часто вороны грають, зогзици кокують, на тру||пы падаючи».

Тогда же не тури возрыкають на полѣ Куликовѣ на рѣчкѣ Непряднѣ, взопаша избнении от поганыхъ кн(я)зи великихъ и боляръ сановныхъ, кн(я)зя Федора Романовича Бѣлозерскаго и с(ы)на его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федоръ Мемко, Иванъ Сано, Михайло Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ чернецъ и иная многая дружина.

Тогда же восплакашас(я) горко жены болярыни по своихъ осподарѣхъ въ краснѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микулина М(а)рия, а ркучи а. 128
об. таково слово: «Доне, || Доне, быстрыи Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробиль еси берези хараужныя, прилелѣи моего Микулу Васильевич(а)». Восплачется жена Иванова Федосия: «Уже наша слава пониче в славнѣ городѣ Москвѣ».

Не одина м(а)ти чада изостала, и жены болярскыя мужеи своихъ и ссподаревъ остави, гл(агол)юще к себѣ: «Уже, сестрици наши, мужеи нашихъ в животѣ нѣту, покладаша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за с(вя)тыя церкви, за православную вѣру з дивными удалци, с мужескими с(ы)ны».

а. 129 В лѣт(о) || 6888 быс(ть) Мамаевчина, Маматякъ за Дономъ на усть Непрядвы. Тогды было бл(а)г(о)в(е)щение на Пасху, по см(е)рти Алексѣя митрополита на третей годѣ бои был. В лѣт(о) 6889 во празникъ вознесения г(о)с(под)ня прииде изо Ц(а)ряграда на Рус(ь) Киприанъ митрополитъ, годѣ спустя по Задончинѣ. В лѣт(о) 6890 быс(ть) Тахтамышевщина авгус(та) 20 на кн(я)зя на Дмитрия Иванович(а) и взя Москву и много зла сѣтвори. В лѣт(о) 6091³ кн(я)зь велики Дмитрие сослалъ Киприана на⁴ митрополита на третей годѣ по Задонщинѣ. В лѣт(о) 6896 а. 129
об. мая 19 преставис(я) кн(я)зь || велики Дмитрие Иванович по Задонщинѣ на осмой годѣ. В лѣт(о) 6897 выиде изъ Ц(а)ряграда Киприанъ митрополитъ, а с нимъ два митрополита послы. В лѣт(о) 6900 сеп(тября) 25 преставис(я) старецъ Сергии по Задонщинѣ 13 лѣт прешло. Тое же осени ок(тября) 24 выиде из Орды кн(я)зь велики Василие Дмитриевич. В лѣт(о) 6915 сеп(тября) 15 преставис(я) Киприанъ митрополитъ, пасъ ц(е)рк(о)вь б(о)жию лѣт 30. Б(о)гу нашему слава н(ы)нѣ.

СПИСОК ГИМ, СОБР. СИНОДАЛЬНОЕ № 790 (С)

а. 36
об.

СКАЗАНИЕ САФОНА РЕЗАНЦА, ИСПИСАНА РУСКИМ КНЯЗЕМ ПОХВАЛА, ВЕЛИКОМУ КН(Я)ЗЮ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ И БРАТУ ЕГО ВОЛОДИМЕРУ ОНДРЕЕВИЧУ

Говорит князь(ь) великии Дмитрие Ивановичъ брату своему князю Володимеру Ондреевичу, што ж деи идет поганый цар(ь) Мамай в полунощную стражу в место Охмета, с(ы)на Ноева, от него же родися Рус(ь)

³ Так в рук., ⁴ Так в рук.

православная. Взыдем, брате, на гору Киевския, посмотрим славнаго Днепра и во всю землю Рускую, иж(е) жребие воздати на силу поганого царя Момая. Се бо есмо чада благодныя.

Потом же написахом жалост(ь) и похвалу великому Дмитрию Ивановичу и брату его кн(я)зю Володимеру Ондреевичу.

Снидем, брате, с(ы)нове руския, составим слово ко слову, возвеселим¹ Рускую землю, понеже печал(ь) на восточную страну в сем жребие воздати победу поганому царю Момаю.

Говорит князь(ь) великийи Дмитрии Иванович брату своему кн(я)зю Володимеру Ондреевичу. Скажи ми, || брате, коли имы словесы о похвал(ь)ных сихъ о нынешних повестех а полку великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Анѣдреевича и правнуковы Володимера Киевского. Нача повѣдати по делом былым. Не поразился мысленными землями, помянем первых лет времена, похвал вещаго горазда гудца. Тотъ бо ден похвалы вещи буиныи накладаетъ свои белыя руцы но злотыи струны, пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земли Киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославичу, великому князю Ерославу Володимеровичу.

И здесь помянем Софона резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука с(вя)того князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслями и песнями и буиныими словесы, заню же отпало было мужество князем руским.

От Колонцья роти лет 160 до Мамаева побоища.

Се бо идет князь(ь) великийи Дмитрии Иванович и братъ его князь(ь) Володимер Андреевич, помолився богу и пречыстои его м(а)т(е)ри, и стезжавше умы свои крепостею, и поостри сердце свое мужеством и наполнился роснаг(о) д(у)ха, и вставиша собе хибрия полтися руской, поменовыша прадида своего великого князя Володимера² Киевского.

А жаворонок,³ лѣтъняя птица, красных дней втиха, возметы ж под сыл(ь)ныя н(е)беса, посматри⁴ ко славному городу Москви. А чи л(и)⁵ || боре соколом зонесет из земли Золеское в поле Половецкое.

Кони ирзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Колоамне, звинит слава по всей земли Руской, чудно стези стояти у великого Дону на берези, звонят вечныя колоколы у Великом Новгороде. Стоят мужи новгородцы у с(вя)тое Софеи, рекут так: «Уже нам, брате, не поспети на пособъ г(о)с(у)д(а)рю н(а)шему великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу и брату его кн(я)зю Володимеру Андреевичу». Як тые слова измовили, а уже какъ орли слетишася, выехали посадники всѣ из Великого Новгорода 70 000 кованья рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его кн(я)зю Володимеру Андреевичу на пособъ ко славному граду Москве: «У Дону великого стоят татарове поганыи цар(ь) Мамои на реце Мечне, межи Чудовым и Михайловым, хотят брести к нам и предати живот свои на смерть нашей славе».

И рече князь(ь) великийи Дмитрии Иванович⁶ брату своему кн(я)зю Володимеру Андреевичу: «Поидем, брате, тамо, искупим животом славы, учинить имам диво, старим повест(ь), а младым памет(ь) за землю Рускую и за веру християнскую».

¹ Так У, в рук. возвеселим. ² Испр., в рук. Володирера. ³ Испр., в рук. жаворок. ⁴ Испр., в рук. посмартн. ⁵ В рук. неразборчиво, буква л стоит над строкой, возможно, ее надо читать как т. Здесь и далее под строкой повторены первые слова, которыми начинается следующий лист (кустоды). ⁶ Испр., в рук. Иваноч.

И рече кн(я)зь Дмитрии Иванович брату своему: «Кн(я)зи есмо⁷ рускии, гнездо есмо⁷ кн(я)зя Володимера Киевского, руского царя, дозера есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому царю Момаю».

л. 38 А соловеи, летняя || птица, красных дней втеха, што жъ бы еси выщектали из земли⁸ Залеское двух брат Алгиродивичовы, князя Дмитрея Волинского, а князя Ондreja Бранского.⁹ Тые ж бо ест(ь) с(ы)нове храбрии,¹⁰ родишас(ь) в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней воскормлены, с коленых стрел воспоены в Литивской¹¹ земли.

И рече князь(ь) Ондрей Брянский брату своему кн(я)зю Дмитрею Волинскому: «Княже Дмитрею, сами есмо себе два браты, с(ы)нов есмо Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы. Соберем себе милую дружину храбрих панов, а сил(ь)ных удал(ь)цах, а сами усядем на борздыя кони, посмотрим бистрого Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов своих литовских а шоломов татарских, солиц немецких а бонадов бесумерских».

И рече князь(ь) Дмтрей Волинский¹² брату своему князю Ондрею Бранскому: «Не пощади, брате, живота своего зо землю Рускую и зо веру христианскую, за обиду великого кн(я)зя Дмитрия Ивановича и зо брата его кн(я)зя Володимера Ондреевича. Вжо, брате, стук стучит и гром гримит в камене граде Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит, стучит раты великого кн(я)зя Дмитрия Ивановича, гримят руская удал(ь)цы золотыми доспехи и шелома и черлеными считы. Седлаи, брате Ондрей, свои кони, а мои подеманы. Выедем, брате, выедем, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, своих полков, кол(ь)ко с нами удалых панов храбрие Литвы, та поведают 70 тысяць кованыя раты».

л. 38 об. Вжо, брате, возвеша сил(ь)ныя ветри ко вусту Дона и Днепра, || пролишася сил(ь)ныя кривавыя зори, в них же трепещут сил(ь)ныя молния. Быти утупу великому на реце Непрадене, меж Дона и Днепра, пасти великому трупу человеческому но поли Куликове, пролити крови.

Вжо, брате, воскрипели телегы татарския межи Дона и Днебра, идут хинове на Рускую землю. Притекоша ярия волцы но вусту Дона и Непра, ставши выют но реце но Мечи, хотят пойти на Рускую землю. То ти быша не серия волцы, проидоша поганыя татарове, хотят пройти воюючи Рускую землю.

Тогда гуси возгагатали и лебеди возплескали крилами своими. Не гуси ж то возгогатали, паганый цар(ь) Мамаи пришел и воеводство привел. Вжо победы их пашутся, а птицы под облаки летают, а ворони часто играют, а галицы своею реч(ь)ю говорят, орли в гаму кличут, волцы грозно выют, а лисицы на костех брешут.

Земля, земля Резанская, тепер(ь) бо ест(ь) коко зо Соломоном царем побывали.

То ти уж бо ястреби и соколи и белоозерстии кречеты отривахуся от златых¹³ и колодицы¹⁴ ис камени грады Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи золотыми колоколы над быстрым Доном, хотят ударити на многие стады гусяныя и на лебединыя, а богатыри руския удал(ь)цы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамаю.

л. 39 Тогда князь(ь) великий Дмитрии заплакал гарко и рече: «Г(о)с(по)ди б(о)же мои, на тя уповах, да не || постыжуся во веки, на да посмеются

⁷ Испр., в рук. емо.

⁸ Испр., в рук. змли.

⁹ Испр., в рук. Браского.

¹⁰ Испр., в рук. храбрии.

¹¹ Испр., в рук. тивской.

¹² Испр., в рук. Волский.

¹³⁻¹⁴ Написано на полях.

¹⁴ Испр., в рук. кокодицы, буквы д и и написаны над строкой.

врази мои». Втер слезы свои и воступает во позлощное свое стремя и взял меч свой во правую руку и помолился б(о)гу и пречистой его матери. С(о)лноцу ему ясная сияет на востак, пут(ь) поведает, с(вя)тыи Борис и Глебъ¹⁵ молитву творит зо сродники своя.

Што пишут, што гримит, что грит рана пред зорами? Княз(ь) Володимер полки перебираеть и ведет к быстрому Дону, ко брату своему князю Дмитрию Ивановичу: «Княже великии Дмитрии Иванович, не оставиумо великим полком, не слухай изменников, не услобляи поганым татаром. Уже бо поганый татарове поля наступаютъ, а хоробруя нашу дружину побивают».

И рече кн(я)зь Дмиреи великии Иванович брату своему кн(я)зю Володимеру Ондреевичу: «Брате милый, сами есмо себе два браты, сынове есмо велико кн(я)зя Ивана Данилевалча Каметы, а внучата есмо великого кн(я)зя Даниля Александровича. А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а княз(и) белоозерстии, Федор Семенович, два брата Олгиродовичи, княз(ь) Андрей Бранский, а княз(ь) Дмитрие Вольнский, а Тимофеи Волоевичъ, Андрей Серкизовичъ, а Михаила Иванович. У боя нас людеи 300 тисещъ кованья раты, а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина, а под собою маем кони борздыя, || но себе маем доспехи позлащенныя, а шоломы чиркаския, а щити московския, а сулицы немецкия, а кофыи фразския, а кинжалы мисурскими, а мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозки в нас в нас вставлены,¹⁶ но еще хощем сил(ь)но главы свои положити за с(вя)тыя божия церкви, за православную веру христианскую и за землю Рускую. Пашут бо кафир, ищут бо себе чести и славы¹⁷ и великого имени».

л. 39
об.

Уже бо ястреби,¹⁸ и соколи, и белоозерстии и кречеты прилетеша и удариша на многия стада сосил(ь)ныя и на лебединыя. То ти быша ни соколи, ни крчь, то то уже из(ь)ехалися удал(ь)ныя люди князи руския, богатыры литовския но великия силы татарския и удариша¹⁹ кафыи фразскими а даспехи татарскими, возгримели мечи булатныя²⁰ абы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене.

Черная земля под копытами под кост(ь)ми татарскими носити кров(ь)ю земля. Сил(ь)ныя волцы изступишася вместо, протекоша лугы и холмы кровию, возмугишася реки и потоки, езора. Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и и Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Русь²¹ поганых одалеша. ||

л. 40

На поли Куликове тучи сил(ь)ныя изступишася, а вид них²² сияли сил(ь)ныя великия молныя, гримит гром сил(ь)ныи. Та ти изступишася с(ы)нове руския с погаными татары за свои обиды. А в них же сияли золотыя доспехи, гремели кн(я)зеи русских доспехи и мечи²³ булатныя и обышаки московския.

И билися из утра до полудня в субботу на рож(е)ство с(вя)тыя б(ого)родица м(еся)ца сентебра во 8 ден(ь).

Не турове рано возрули на поли Куликове,²⁴ возрули воеводы сил(ь)ныя, бояре великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича, вои и кн(я)зя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар, Федор Семенович, Ондрей Серкизович, Михаил Иванович, Семен Михайлович, Микула Васил(ь)евич, Тимофеи Волучь, иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна.

¹⁵ Испр., в рук. лебъ.¹⁶ Испр., в рук. втавлены.¹⁷ Испр., в рук. лавы.¹⁸ Испр., в рук. ястреби.¹⁹ Испр., в рук. удадариша.²⁰ Испр., в рук. бутныя.²¹ Испр., в рук. Ру.²² Испр., в рук. ни.²³ Испр., в рук. хечи.²⁴ Испр., в рук.

кове.

Пресвета черница бранского²⁵ боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернецъ великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу: «Г(осу)-д(а)рь кн(я)зь Дмитрей Иванович, лучъжи ш бы нам, г(осподи)не, посеченым быти, нижли полоненым быти от паганных татар». То ж деи Пересвет чернецъ поскакивает на своем борздом кони, золотым доспехом посвещаючи. А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна. И рече: «Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи своих²⁶ || испытати». Говорит Услабо чернецъ брату своему Пересвету чер(н)цу: «Брате Якове, вижу на теле твоём многия раны, пасти главе твоей на траву ковылу, брате чадо Якове, но зелену ковылу зо землю Рускую и зо обиду великого кн(я)зя Дмитрея и зо брата его кн(я)зя Володимера Андреевича».

л. 40
об.

В тоя ж время по Резанской земли ни ратой, ни постух не поклечет, но тол(ь)ко часто вороны играют, трупу человеческого чают. Сего ради грозно, жалосно видети крови христианское, зонѣ жъ трава кров(ь)ю полита, а дресеса тугами приклонишася до земли.

Воспели птицы жалосными песнями, восплакали кнегини и бояр(ы)ни избиенных мужей. Микулина жена Мар(ь)я рано плакаше у Москве града но заборолех, а рекучы такъ: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла ест(ь) каменя горы, течешы в землю Половецкую, прилелеи моего господаря ко мне Микулу Васил(ь)евича». Тимохвеева жена Настас(ь)я тако ж плакашеся рано, а рекучы: «Ужо веселие мое пониче у славном городе Москве, уже г(осу)д(а)ря моего Тимохвея в животе не вижу». Андреева жена Мар(ь)я да Михаилава жена Оксинья рано ж плакашеся: «Уже нам с(о)лнце померкло во славномъ граде Москве. Припахнули нам от быстр(о) Дону поломяныя весты, носяше великую беду, мужей наших раты прибили, изседоша удал(ь)цы и з борздых коней на судное место на поли Куликове, положили головы своя от святыя б(о)жыя церкви, за л. 41 православную веру христианскую и за господаря великаго князя || Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича».

Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и чест(ь) и вечная²⁷ память(ь), от бога милост(ь).

Не щурове рано воспели в Коломных городах но заборолех но воскресение х(ристо)во на Акыма и Анны днес(ь). То ти быша не щурове рано воспели, восплакалися жены поломяныя,²⁸ и рекучи такъ: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси золелѣла мужей наших от нас в землю Половецкую. Г(о)с(у)д(а)рю княже великий Дмитрей Иванович, можеш ли реку Донъ зоградити и шеломы ичерпати, а реку Мечну трупы татарскими зоградити? Замкни, г(о)с(у)д(а)рю великий княже Дмитрей Ивановичъ, реце отчин ворота, што ж бы тые поганые татарове и потомъ к нам не бывали. Уже бо мужей наших прибыла от рат(и) поганных татар».

Того дня в субботу, на рожество с(вя)тыя б(огороди)ци, секоша христиане полковъ поганных татар на поле Куликове на реце Непрядене.

Воскликнул княз(ь) Володимер Андреевич, а скокаша на конѣ по рати поганых татар, своим конем борздым поеждаючи, золотым доспехом²⁹ посвещаючи. Гримят мечы булатныя об шеломы татарския. И похвалит княз(ь) великий Дмитрей Иванович брата своего Володимера || Андреевича: «Брате милый Володимере, то ты ест(ь) желѣзное зобороло у зло тошного веремени». Говорит княз(ь) Володимер Андреевич брату своему князю Дмитрию Ивановичу: «Брате княже великий Дмитрей, не оставаи

л. 41
об.²⁵ Испр., в рук. банского.²⁶ Испр., в рук. свих.²⁷ Испр., в рук. вечя.²⁸ В рук. написано неразборчиво, возможно поломянския.²⁹ Испр., в рук. поспехом.

и з своими великими полки, не слухаи изменников сромотников. Поганья татарове поля наступают, а хоробрую нашу дружину побывают, во трупу человеческому добрыи кон(ь) рихло не скочит, во крови по колени бродит. Уже, брате, вел(ь)ми жалосно видити крови христианское. Не оставаи, брате княже Дмитрею, и с своими воеводы и з сил(ь)ными бояры».

Рече княз(ь) Дмитрей Иванович своим крепким воеводам и сил(ь)ным великим бояром и детем боярским: «Братя руская, князи и воеводы и бояре и боярские дети, тута надобе стару помолодети,³⁰ а молодому ч(е)сти достати себе и детем своим и женам своим, места достати но сеи службе. То ти ест(ь) не наши меды сладкия московьския. А коли с(я) о местих тяжетеса, ту кождыи добрыи удаися, добуд(ь) себе ч(е)сти и славы и места женам и детем и всему своему роду».

И рече княз(ь) великии Дмитрей, яко ж рече по пророческому Д(а)-в(ы)д(о)ву³¹ слову: «Г(оспо)ди боже мои, на тя уповах, да не постыждуся во вьки, ни да посмьются || врази мои». И помолися богу и пречистой его мат(е)ри и всим святым его, и заплакал гор(ь)ко, и втер слезы свои. л. 42

Тогда яко орли слетешася но великия сыли татарския поганого ц(а)ря Момоя.

И³² побегоша татарове нетоличными дорогами, пометавше оружие свое, и руками своими покрываху гл(а)вы своя и плакашася гор(ь)ко гл(аголю)ще: «Уж нам у Золотой Орда не бывати, бедных жон и детей не видати. Се ж погибе ц(а)реи н(а)ших веселие и величество и радост(ь) и похвала на Рускую землю и з радост(ь)ю ходити».

И погнаше руския с(ы)нове вслед поганых татар, и победивше много множества поганых татар безчисленно, и возростишася и с победою и з великою радостию к великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу и ко брату его Володимеру Одреевичу. На поли Куликове на реце Непрядене быст(ь) радост(ь) великая руским князем.

Ставши на костехъ поганых татар вострубили и з радости начаша имати кони, и верблюды, и камки, носечи, сребро и золото, и крепкия доспехи, и чест(ь), и жемчуги, и дорогое взорочия, кол(ь)ко хто хотечи и могучи, тол(ь)ко возимаючи. Жень жены руския татарским златом.

Княз(ь) великии Дмитрей Иванович получи б(о)жию м(и)л(о)сть пречистия его матери и всех с(вя)тых его, м(о)л(и)твами с(вя)тых чудотворец руских Петра и Алексия и преподобнаго отца н(а)шего Сергея и брата его с(вя)того Володимера Киевского. Иныя многия руския вдал(ь)цы, || князи, и бояре, и боярския дети возвратишася и з своим подарем ко славному граду Москве³³ с великою победою³⁴ и з радостию³⁵ незглаголанною. л. 42
об.

И поганьи цар(ь) Момаи с малою дружиною прибегъ ко Кафе и рекоша ему фрезове: «Поганьи царю и бедный Момаю, пошел еси похвалившиеся на Рускую землю з девет(ь)ю ордами и з семию девет(ь) великими княз(ь)ми ординскими темними, а н(ы)нѣче еси прибегъ самую дружиною тол(ь)ко сам-десят(ь). Нешто гораздо чтили их руския кн(я)зи твою дружину темных князей, великих вланов, што их с тобою никого нет? А то сами розумем, поганьи Момаю, что от великую чти, от солодких медов князей руских воя твоя дружина зогибла, и многия орды погибли и главы свои потеряли. А тым сам худый бедный ц(а)рю Момаю, чти своя избыв, вечно, поганьи Момаю, задениши нас своим безумием,

³⁰ Испр., в рук. помомодети. ³¹ В рук. слово повторено на полях. ³² Испр., в рук. Я. ³³ Испр., в рук. Мокве. ³⁴ Испр., в рук. попедою. ³⁵ Испр., в рук. росстию.

яко ж пишет во причах: похвала бывает мужу безумному великая погуба». А инде пишет во причах: «Гордому богу противится, а смиренному дает благодат(ь)». Б(о)гу н(а)шему слава и н(ы)нѣ и п(р)исно и во веки веком. Амин(ь). Конецъ.

**ВЫПИСКИ ИЗ «ЗАДОНЩИНЫ» НА Л. 1 ЧИСТОМ
МИНЕИ СЛУЖЕБНОЙ (РУК. ГПБ, СОБР. КИРИЛЛО-
БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ № 382/639)¹**

л. 1

Птиц пашующих крылы своими под облаки лѣтают, ворони часто грают, галицы своею рѣч(ь)ю говорят, орли клегчют, волцы грозно воюют...

... быти стуку и грому велику на рѣ...

¹ Публикуемые впервые две небольшие цитаты из «Задонщины» находятся в рукописи, представляющей собой Минею служебную на декабрь месяц, в 4-ку, на 377 лл. Описание рукописи с упоминанием о цитате из «Задонщины» сделано в машинописной описи Кирилло-Белозерского собрания Рукописного отдела ГПБ. Рукопись писана одним почерком — полууставом. На л. 377 скорописью сделана запись писца, в которой говорится, что «писал сию книгу Стефан Ондреев сын Босого» в 1516 г. по заказу «Ивана Микулина сына Гавриловича». — На полях рукописи имеются другие записи, которые рассказывают о ее дальнейшей судьбе. На лл. 2—7 внизу на полях тоже почерком XVI в. сделаны приписки. «Минея Кирилова монастыря. Сию книгу продала Андреевская жена Марья Никитскому попу в namесто тетьки своеи Парфению». Таким образом, эта рукопись была написана по заказу Ивана Гавриловича Микулина, затем она была продана никитскому попу Парфению, а от него уже, видимо, попала в собрание Кирилло-Белозерского монастыря. — На первом чистом листе скорописью почерком XVI в. записано незаконченное предложение: «Помилуи мя боже по велице милости твоеи...», за ним как продолжение помещены тоже незаконченные две цитаты из «Задонщины». Почерк этих выписок близок почерку писца в конце книги с сообщением об окончании им рукописи. Поэтому можно предполагать, что и выписки на 1-м чистом листе сделаны им же, во всяком случае они были написаны в XVI в. Выписки из «Задонщины» слишком краткие, чтобы можно было судить о том списке «Задонщины», откуда они были сделаны. Однако они представляют некоторый интерес постольку, поскольку связаны с текстом «Слова о полку Игореве». На примере первой цитаты видно, как труден был для переписчиков текст, заимствованный из «Слова о полку Игореве». Чтение первого предложения («Птиц пашующих крылы своими под облаки летают») не совпадает ни с одним из известных списков «Задонщины». Со списками И-1 и У текст этой выписки сближает слово «крылы» (в И-1 и У — «крылати»), которое отсутствует в К-Б и С. Это дает право думать, что в данном случае извод Унд ближе оригиналу, чем списки К-Б и С. Одновременно в тексте выписки имеется чтение, сближающее его только со списком К-Б: в том и другом случае отсутствует слово «беды». Но в то же время слово «пашующих» ближе всего чтению «пашутся» списка С. Вторая выписка из «Задонщины» подтверждает, что К-Б список в данном месте ближе оригиналу «Задонщины» и тексту «Слова о полку Игореве» («быти грому»), чем все остальные списки («быти стуку»).

**БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
ПО «ЗАДОНЩИНЕ» (1852—1965 гг.).¹**

1852

1. Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю. Сообщено В. М. Ундольским. «Предисловие» И. Д. Беляева. — ВОИДР, М., 1852, кн. 14, отд. II «Материалы», стр. I—XIV, 1—8.

«Явное подражание» и «заимствования» в «Задонщине» из «Слова о полку Игореве» свидетельствуют, что автор «Задонщины» знал «Слово» на память (стр. XIII). «Задонщина» создана, очевидно, «после Софониева Поведания», «в начале XV века» (стр. XIV). Софония Рязанец — автор «Сказания о Мамаевом побоище» и «предшественник сочинителя» «Задонщины» и, «вероятно, жил в конце XIV столетия, а не в конце XV, когда жил «иерей Софония» (стр. IV—V). На стр. 1—8 первая публикация текста «Задонщины», открытой в 1852 г. (№№ 23, 29), по списку У и описание рукописи (стр. III—IV).

1854

2. Соловьев С. История России с древнейших времен, т. IV. М., 1854. 400, LXVII, 1 стр.; то же, 2-е изд., кн. 2 (тт. III—IV). М., 1960.

«Задонщина», «преимущественно поэтическое слово» (список У), написана «... явно по подражанию древнему южнорусскому произведению „Слову о полку Игореве“» (стр. 367). Знакомство с «Задонщиной» обнаруживается и «в некоторых списках» «Сказания о Мамаевом побоище» (стр. XXXVIII). «Задонщина», являясь одновременно «жалостью» и «похвалой», «выражает взгляд современников на Куликовскую битву, представлявшуюся им, с одной стороны, событием славным, с другой — бедственным, вследствие страшного урона убитыми с русской стороны» (стр. 367).

1856

3. Krasinski A. S. Pieśń o półku Igora. Starosławiański poemat z XII wieku. Przekład ks. Adama Stanisława Krasieńskiego. Peterbourg, 1856. XV, 36 стр.

Автор «Задонщины» знал «Слово о полку Игореве» на память и подражал ему (стр. IV).

1858

4. Назаров И. Сказание о Мамаевом побоище. — ЖМНП, СПб., 1858, ч. ХСІХ, июль—август, стр. 31—107 (II отдел).

Первая часть «Задонщины» («Слова о Дмитриии») — «жалость великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его» (стр. 80), вторая — «похвала» им (стр. 81). Текст, предшествующий воззванию «снимемся, братия...», считает самостоятельным «отрывком», приписанным «первым составителем сборника» (стр. 81—82). «Задонщина» «тесно связана с народным эпосом» (стр. 80, 86—89). «Самобытность» «Задонщины» и «поэтический такт» ее автора проявляется в способе подражания «Слову о полку Игореве» и в использовании народных преданий из «Сказания о Мамаевом побоище» (стр. 84). Заимство-

¹ Материал библиографии расположен в хронологической последовательности. В библиографию включены только важнейшие описания сборников, содержащих тексты «Задонщины»; не включены газетные статьи, популярные и компилятивные издания. Библиография составлена Н. Ф. Дробленковой (работы на русском языке) и Ю. К. Бегуновым (работы на украинском языке и зарубежные издания). Составители выражают свою признательность Э. Благовой (Прага), приславшей сведения о работах на чешском языке.

вания из «Слова о полку Игореве» вошли главным образом в первую часть «Задонщины» («жалость») «как более сообразные по своему тону с ее содержанием» (стр. 83). Сличение «Сказания о Мамаевом побоище» (списка Р. Ф. Тимковского) и «Задонщины» («Прибавление А» — стр. 89—95) позволяет заключить, что, чем позднее список «Сказания», тем более в нем вставок, сходных с «Задонщиной» (стр. 60). Автор «Задонщины» неизвестен (стр. 74). Упоминание имени Софония в списке У — «несомненное свидетельство» тому, что он «был предшественником сочинителя Слова» (т. е. «Задонщины») (стр. 84). «Сказание о Мамаевом побоище» датируется «второй четвертью XV в.», а «Задонщина» — «исходом XV в.» (стр. 70) или точнее — «от половины XV до половины XVI вв.», на основании того, что в списке У употребляется выражение «дети боярские», которые до 1433 г. назывались «боярами», а с 1566 г. — «дворянами» (стр. 84—85).

5. Срезневский И. И. «Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Андреевича. — ИпоРЯС, т. VI, вып. V, СПб., 1858, стлб. 337—362 и отд. изд.: СПб., 1858, 52 стр.

«Задонщина» — «поэма, похожая более на былинку великорусскую или думу малорусскую ... только не в стихах, а в прозе ... в такой прозе, какая в „Слове о полку Игореве“» (стлб. 338); она «образец особого рода народных поэм исторического содержания», которые «произносились» или «напевались» (стлб. 340). «Задонщина» (списки У и К-Б) «писана не с готового извода, а по памяти» (стлб. 340). В «Задонщине» «кое-что кажется дословно взятым из „Слова о полку Игореве“» (стлб. 341—342). На стлб. 344—352 — «опыт чтения» (текст реконструкции) «Задонщины» по списку К-Б с добавлениями по списку У. На основании сличения списков «Задонщины» и отрывков из нее, включенных в «Сказание о Мамаевом побоище», предполагается существование некогда двух «слов» о «Задонщине»: одно (реконструируемое), прославляло Владимира Андреевича, другое — боярина Дмитрия Волынца (стлб. 356—357).

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119.

6. Срезневский И. И. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. — ИпоРЯС, т. VII, вып. 2, СПб., 1858, стлб. 96—100.

Историко-лингвистическое толкование «темных мест» «Задонщины» (к тексту реконструкции — см. № 4) с приведением параллелей из «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом побоище», летописей.

7. Шевырев С. История русской словесности. Лекции. ч. III. Столетия XIII-е, XIV-е и начало XV-го. М., 1858. XXX, 405 стр.; то же, изд. 2-е. СПб., 1887. XVI, 216 стр.

«Задонщина» (списки У и К-Б) основана на «Сказании о Мамаевом побоище» Рязанца Софония и «мертвом» подражании «Слову о полку Игореве»; последнее «окончательно» подтверждает достоверность «Слова» (стр. 256—274).

1859

8. Варлаам, архимандрит. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Ученые записки Второго отделения Академии наук, СПб., 1859, кн. V, стр. 1—66. (Памятники языка и словесности, III).

На стр. 20: «Задонщина» — «песнь», написанная в подражание «Слову о полку Игореве». «Задонщина» «совершенно отлична» от «Сказания о Мамаевом побоище», но, возможно, что автором обоих сочинений мог быть «Рязанец иерей Софония», написавший «Сказание» до, а «Задонщину» после ухода в монахи. Написана «Задонщина» «не позже второй половины XV ст.» (дата создания сборника). На стр. 57—60 (Приложение V) публикация текста «Задонщины» по списку К-Б.

1861

9. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. II стр., 1632 стлб., VIII стр.; то же в 12 других изданиях, кроме 13-го издания (см. № 47).

Переиздание текста «Задонщины» по списку У (см. № 1), но без предисловия (стлб. 1311—1323). На стлб. 1323—1334 отмечено «иногда рабское» подражание «Задонщины» «Слову о полку Игореве». В «некоторых местах» — это искажение и добавления к тексту «Слова», имевшемуся «под рукою в неправильном или в написанном нечетко списке» (вм. «Боян» — «боярин», вм. «за шеломенем» — «за Соломоном», стлб. 1324). «Задонщина» «не принадлежит самому Софронию, а только у него заимствована» (стлб. 1324). Некоторые места «Задонщины» отличаются высокой художественностью (стлб. 1324). В языке «Задонщины» «русские формы вообще правильны, церковнославянские же иногда весьма искажены» (стлб. 1325).

1863

10. **Галахов А.** История русской словесности, древней и новой, т. I. (История древней русской словесности.—История новой до Карамзина). СПб., 1863. X, 596 стр.; то же, 2-е изд. с переменаи. СПб., 1880.

В списке У, кроме «пунктуальных заимствований» из «Сказания о Мамаевом побоище», есть и заимствования из «Слова о полку Игореве» (стр. 83). Этот список состоит «из двух частей: изображения дел умершего князя и похвалы ему» (стр. 83). «Задонщина» хранит недостатки «искусственного» «книжного» повествования (стр. 83).

1864

11. **Норов А. С.** Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII-го века (1113—1115). Издано Археографической комиссией. СПб., 1864. XIV, 192 стр.

Отмечено, что список «Паломника Даниила мниха», находящийся в том же К-Б сборнике (сб. № 9/1086), где и список К-Б «Задонщины», — «список сокращенный и с пропусками» (стр. XI, № 11).

12. **Полевой П. Н.** Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской, ч. 1—2. СПб., 1864. VII, 104, 64 стр.

«Задонщина» — «произведение народной словесности» (стр. 101), «сказание народное» (стр. 103). Сопоставление текста реконструкции «Задонщины» (по И. И. Срезневскому) и других памятников о Куликовской битве приводит к выводу, что «спустя много времени» «в первоначальные редакции ... вносились разные эпизоды, что подтверждается их анахронизмами (стр. 104), и объясняется стремлением отдельных областей «заявить об участии в событии» (стр. 103). «Задонщина», кроме буквальных заимствований из «Слова о полку Игореве», сохраняет «много прекрасных оборотов и выражений, составленных подобно выражениям „Слова“» (стр. 104). Сходство этих произведений XII в. и XIV—XV вв. «составляет ... общую черту целого рода подобных историко-эпических произведений», «слов», в которых «успел выработаться одинаковый способ изложения и расположения сюжета» (стр. 104).

1869

13. **Erben K. J.** Dvě zpěvy staroruských totiž: o výpravě Igorově a Zádónština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujícími poznámkami a doklady. Praha, 1869. X, 100 стр.

История открытия и изучения «Задонщины» (стр. IX—X); текст «Задонщины» по изданию И. И. Срезневского и перевод на чешский язык (стр. 55—69); варианты и дополнения по списку У (стр. 70—73); комментарий к отдельным словам и выражениям «Задонщины» (стр. 74—76). Отзыв на эту книгу см. № 14.

1870

14. **Лавровский Н.** О новом чешском переводе «Слова о полку Игореве». — ЖМНП, СПб., 1870, ч. CLI, стр. 276—302 (отд. II, критические и библиографические заметки).

Развернутый отзыв на книгу К. Я. Эрбена (см. № 13). Певец «Задонщины» настолько стремился подражать «Слову о полку Игореве», что перенес в нее «элегический тон», который совершенно чужд «поэме», воспевающей победу (стр. 278). Поэтические обороты «Задонщины» черпались не из поэм вроде «Слова о полку Игореве», а из устной народной поэзии (стр. 279); отклик на эту рецензию см. в статье А. Смирнова (№ 16).

15. **Алябьев Н.** «Слово о полку Игореве» (новейший буквальный перевод в стихах) и «Слово о Мамаевом побоище». М., 1873. VIII, 52 стр.

«Задонщина» — подражание «Слову о полку Игореве» (стр. VII—VIII). На стр. 39—52 прозаический перевод «Задонщины» с включением эпизодов из «Сказания о Мамаевом побоище».

1876

16. **Смирнов А.** «Слово о полку Игореве». Литература «Слова» со времени открытия его до 1875 г. — Филологические записки, Воронеж, 1876, вып. VI, стр. 155—189 и в отд. отт.: Воронеж, 1877, вып. I. (Продолжение см. под № 18).

Отзыв на рецензию Н. Лавровского о книге К. Эрбена (стр. 157—159; см. №№ 13—14).

17. **Jagič V.** Gradja za slovinsku narodnu poeziju. VI. — Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, kn. XXXVII. Zagreb, 1876, стр. 102—106; то же: В. Ягич.

О славянской народной поэзии. (Перевод Задерацкого). — Славянский ежегодник. Сборник статей по славяноведению, Киев, 1878, стр. 227—229.

«Задонщина» составлена под влиянием «Слова о полку Игореве», этой литературно обработанной былины владимирского цикла XII—XIII вв.

1878

18. Смирнов А. О «Слове о полку Игореве». 4. Судьбы «Слова о полку Игореве» в последующей русской литературе. — Филологические записки, Воронеж, 1878, вып. V, стр. 133—188; то же в отд. отт.: Воронеж, 1879, вып. II. 251 стр. (гл. 4 на стр. 133—188). (Начало см. под № 16).

Распространенность «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» — свидетельство того, что «Слово о полку Игореве» «было уже записано и читалось грамотными людьми» в 1307 г. и в конце XIV в. (стр. 135). В редакции «Задонщины» (дошедшей в списке К-Б, «по всей вероятности, не оконченном» — стр. 167) — заимствования из «Слова о полку Игореве» «стоят ближе к подлиннику» (стр. 136, 166). Автор первой предполагаемой «Задонщины» не мог пользоваться «Словом» по памяти (стр. 173—177). Во II редакции (список У) заимствования из «Слова о полку Игореве» делались, по-видимому, не через посредство списка К-Б, а по памяти (стр. 178). Автор II редакции, «подражая Рязанцу Софонию ... как будто не имел под руками его писания» (стр. 170—171); однако и список К-Б — «уже копия с первоначального» (стр. 171). Критикуя точку зрения И. И. Срезневского (см. № 5) на устное происхождение «Задонщины», считает, что хотя «Писание» XV в. (т. е. К-Б) записано было по памяти, но происхождение его книжное, источник у автора его был тоже книжный. «Слово о Димитрии» (т. е. У) «есть произведение человека книжного, но источники у него были частью книжные, частью устные» (стр. 178—179). Заимствования из «Слова о полку Игореве» в «Сказание о Мамаевом побоище» вошли через «Задонщину» (стр. 136, 169, 179—180). На стр. 180—188 о текстологической близости «Задонщины» и «Повести о битве на Орше» 1514 г. из Псковской летописи, «Повестей об Азовском осадном сидении», «Сказания о Мамаевом побоище».

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119.

19. Хрущов И. П. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. — В кн.: Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года, т. 2. Киев, 1878, стр. 277—283; то же отд. отт.: Киев, 1876. 7 стр.; то же в кн.: Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. I (1873—1877 гг.). Киев, 1879, стр. 70—78. (Анн. к посл. изд.).

«Задонщина» принадлежит к особой «литературной школе», «к письменной обработке песней славы или гусельных словес» (стр. 78); «Задонщина» «древнее» «полного анахронизмов» «Сказания о Мамаевом побоище» XV в.; она «если не прямой источник, то образец источников Сказания» (стр. 73, 78); «переписчики переименовывали гусельные выражения», вносящиеся «по памяти» (стр. 77). Софоний — современник Куликовской победы, но не является автором ни «Задонщины», ни «Сказания». Отголоски его произведения сохранились в «складных похвалах», в местах, общих для «Задонщины» и «Сказания...» (стр. 73, 77), а начало и конец — в Тверской летописи (стр. 77).

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119; Путилов Б. Н. — см. № 144.

1880

20. Миллер О. Лекции по истории русской литературы (древний период). Курс 1879—1880. СПб., Литография Гробовой, (1880). 317 стр. (Имеется в ГПБ под шифрами: 37.42.3.49; или 37.42.3.32).

На основе сравнения «Сказания о Мамаевом побоище» и списка У «Задонщины» предполагается существование древнейшего сказания Софония (стр. 273—274). У — «самая просторная редакция, испорчена, остальные — ближе к первоначальной» (стр. 274). Возражает (стр. 279—280) против точки зрения И. И. Срезневского (см. №№ 5—6) и рассматривает «Задонщину» как книжное подражание «Слову о полку Игореве» (стр. 284).

1884

21. Иловайский Д. История России, т. 2. Московско-литовский период, или Собратели Руси. М., 1884. VI, 587 стр.

«Первоначальная повесть Софония Рязанца имела свою задачу собственно похвалу Димитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу», а не объек-

тивный отчет о бое (согласно данным истории В. Н. Татищева, не меньшее участие в одержании победы принимали князья Белозерские) (стр. 548). Софоний в своем «похвальном слове», или «песни», использовал «Слово о полку Игореве», прибегая к «риторическим украшениям» (стр. 545). Автор — скорее всего, духовное лицо (стр. 545). «Первоначальная повесть была написана вскоре после события», если не участником похода, то лицом, получившим верные сведения от очевидцев (стр. 546). «Похвальная повесть» Софония — «источник для всех ... сказаний и слов» летописного характера, для автора «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» (стр. 545).

1885

22. Тимофеев С. П. Сказания о Куликовской битве. (Опыт историко-литературного исследования). — ЖМНП, СПб., 1885, ч. ССXL, август, стр. 203—231 (отд. II) и ч. ССXLI, сентябрь, стр. 19—46 (отд. II).

В ч. ССXL о «Задонщине», появившейся «вскоре после Куликовской битвы» (стр. 210), однако «не ранее XV века и даже в конце его» (стр. 45). «Задонщина» — «рабское подражание» «Слову о полку Игореве», его «бледная» копия (стр. 211). В части ССXLI список К-Б «Задонщины» характеризуется как «первоначальная ... редакция» XV в. (стр. 45), список У («Слово») — как «переходная ступень» от «Задонщины» К-Б к «Поведанию» (т. е. «Сказанию о Мамаевом побоище») (стр. 26) и как «подробное ... развитие» списка К-Б (стр. 24, 26). «Задонщина» древнее «Сказания», так как ближе «Слову о полку Игореве» (стр. 23, 45, 26, сноски). Написана «Задонщина» (К-Б) в Рязани (так как «в ней нет никаких нападок на рязанцев или их князя») «старцем Софонием» (стр. 41, 43). Список У написан «если не в Переяславле-Залесском... то близ Москвы, где-нибудь в пределах Суздальского княжества» (стр. 43).

1886

23. Из писем Ивана Дмитриевича Беляева к А. Н. Попову. — Русский архив, М., 1886, кн. 3, стр. 240—259.

Издание текста письма И. Д. Беляева от 17 июля 1852 г. А. Н. Попову об открытии рукописи «Задонщины» в гуде книг, приобретенных В. М. Ундольским (стр. 252—253; письмо переиздано в кн. Н. Барсукова — см. № 29).

1887

24. Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружины Руси, т. I. М., 1887. XIX, 462, 16 стр.

«Задонщина» «дошла до нас в двух видах — кратком и пространном», представленных списками К-Б и У. Софония — автор списка К-Б (стр. 436). «Двойственный», «хвалебный» и «элегический», характер «Писания Софония» (К-Б) объясняется тем, что оно появилось под свежим впечатлением Куликовской победы (стр. 434, 436—437). Список К-Б — «первоначальный вид» «Писания Рязанца Софония», краткий, более тяготеющий к «Слову о полку Игореве» и хранящий некоторые древние чтения (стр. 437—448). Отклоняется предположение о существовании первоначальной «неизвестной пространной поэмы Софонии», к которой восходят списки К-Б и У (стр. 439). Список У распространен за счет использования списка К-Б и обращения к «Слову о полку Игореве» (стр. 438—439, 441—443). «Пространной поэме» (У) свойственно наибольшее тяготение к букве «Слова», чем «Писанию Софония» (стр. 439), донесение ряда древних образов «Слова» (стр. 449), а также «более строгое и логическое расположение частей» (стр. 439). Обои текстам (К-Б и У) свойственно подражание оборотам и выражениям «Слова», его плану, рифмовке, характеристике героев, описанию плача (стр. 436, 443—453). Тексты К-Б и У являются источником «наибольшей части поэтических выражений и оборотов» «Сказания о Мамаевом побоище» (стр. 440).

1890

25. Смирнов А. 3-й список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII века. — Русский филологический вестник, т. XXIII, № 2, Варшава, 1890. стр. 268—288; то же отд. отт.: Варшава, 1890. 21 стр. (Анн. по отд. отт.).

Описание сборника и характеристика списка С как «одной из редакций» (стр. 3). Вероятно, для С и У «был один образец, список, не дошедший до нас» (стр. 5), который представлял больше мест, сходных со «Словом о полку Игореве», чем списки К-Б и У (стр. 6). «Самое крупное отличие» списка С от К-Б и У «представляет место о Соломоне» (стр. 6), под которым «автор — рязанец Софония» «имел в виду своего князя, умного Олега Ивановича, которого не

считал изменником» (стр. 7). На стр. 10—21 публикация текста списка С, сравнение со списками К-Б и У, выделение белоруссизмов списка С.

26. Leger L. Russes et slaves. Études politiques et littéraires. Paris, 1890. XIV, 347 стр.

«Слово о полку Игореве» «сфабриковано», если не в конце XVIII, то в XIV или XV в. по образцу «Задонщины». Последняя построена в лучших образцах народной поэзии и библейского красноречия и применяет приемы «пиндарического жанра» (стр. 93—102).

1892

27. Leger L. La littérature russe, notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris, 1892. XV, 556 стр.; то же: L. Leger. Istoria literaturii rusești. Traducere din frantuzește de Ed. Konea. București, 1924. 132 стр.

Перевод «Задонщины» на французский язык. Во вступительной заметке утверждение, что «Слово о полку Игореве» — подражание «Задонщине» (стр. 31—37).

1894

28. Пыпин А. Н. Новая эпоха. Из истории средневековой русской литературы. I. Татарское нашествие. — Вестник Европы, Пб., 1894, кн. 1, стр. 246—270; то же: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Древняя письменность. СПб., 1898, стр. 212—215; см. также последующие издания.

Приводятся примеры «грубого непонимания» в «Задонщине» текста «Слова о полку Игореве», что «едва ли принадлежит писцу, а не автору» (стр. 261—264).

1898

29. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XII. СПб., 1898, стр. 80—81.

Переиздание письма И. Д. Беляева (см. № 23). На стр. 80—81 издание письма И. Д. Беляева М. П. Погодину о знакомстве автора «Задонщины» со «Словом о полку Игореве».

1900

30. Хрущов И. Беседы о древней русской литературе. Б. м., 1900. 330 стр.

Примеры прямого перенесения поэтических выражений из «Слова о полку Игореве» в «Задонщину». Эпизод бегства Мамая в Кафу рассматривается как «обрисовывающий впервые бессилие татар» (стр. 137—138).

1902

31. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. 50 стр.

«Постоянные формулы», «художественные шаблоны» в «Задонщине» (стр. 34—35). Автор «Задонщины» находился в «рабском подчинении» у образов устной поэзии «Слова о полку Игореве» (стр. 3—4), подгоняя их «под вкус и манеру своего времени и школы» (стр. 35).

32. Wiener L. Anthology of Russian literature. From the earliest period to the present time by Leo Wiener. In two parts. Part one. From the tenth century to the close of the eighteenth century. New York—London, 1902. XVIII, 447 стр.

Перевод текста «Задонщины» на англ. яз.; «Задонщина» заимствовала из «Слова» много отрывков текста (стр. 106—111).

1903

33. Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 г. СПб., 1903. 109, XVIII стр.

Публикация отрывка текста «Задонщины» по списку Ж (стр. 99) и описание сборника (стр. 17—23).

1906

34. Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. VIII, 375, 190 стр. (СОРЯС, т. LXXXI, № 7).

Историографический обзор (стр. 1—47). Глава III о «Задонщине» (стр. 84—134). «Задонщина» написана в начале, возможно, в «первой четверти XV в.», после создания «Летописной повести» (стр. 133—134). Списки К-Б, У, С «восходят к одному оригиналу» (стр. 94, 102—103). Переписчик К-Б ограничился перепиской части, где прославляется Дмитрий Донской, сократив конец текста (стр. 86—88). Все три списка имеют равно ошибки, пропуски, интерполяции, а также содержат места, по своей близости к «Слову о полку Игореве», «несомненно, принадлежащие оригиналу» «Задонщины» (стр. 89—91). Во 2-й части списка С предлагается исправление имени «Дмитрия Ивановича» на

«Дмитрия Волынца» (стр. 100—101). Основная идея двухчастной «Задонщины» в прославлении князей; «главный материал» для нее «Задонщина» «черпает из устных преданий о Куликовской битве» (стр. 134). Судя по сходству планов, «Слово о полку Игореве» — единственный памятник, которому подражал Софония» (стр. 130). «Задонщина» — посредник при передаче в «Сказание о Мамаевом побоище» некоторых отрывков, восходящих к «Слову» (стр. 110). На стр. 119—128 публикация «сводного текста» «Задонщины»; на стр. 103—118 о принципах реконструкции текста. На стр. 141, 211, 213, 270—281, 307, 358 о заимствованиях из «Задонщины» в четырех редакциях «Сказания о Мамаевом побоище». Автор «Задонщины» — Софония, рязанский иерей, брянский боярин, возможно, близкий ко двору князя Олега Рязанского, был человеком книжным и, возможно, перевез в Рязань рукопись «Слова о полку Игореве» (стр. 133—134).

Рец.:

Гудзий Н. К. — Советская книга, М., 1950, № 3, стр. 111; Марков А. — см. № 39; Назаревский А. А. — см. № 119; Путилов Б. Н. — см. № 137; Шахматов А. А. — см. № 42.

1907

35. **Протокол 60-го заседания Славянской комиссии Московского археологического общества** (12 февраля 1902 г., в доме общества). — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. IV, вып. 1. М., 1907, стр. 1—2 (Протоколы).

Указание А. Д. Григорьева о том, что в его рукописном собрании имеется 2 списка «Задонщины» (стр. 2).

36. **ПСРЛ, т. XVII. Западнорусские летописи.** Под ред. А. А. Шахматова и С. Л. Пташицкого, СПб., 1907, XIV, 649 стр.

Описание сборника, в котором находится список «Задонщины» С (стр. V—VII).

37. **Шамбинаго С. К. Лицевые списки Мамаева побоища.** — В кн.: Сказание о Мамаевом побоище. СПб., 1907, стр. 1—108 (ОЛДП, т. СХХV).

Резюме взглядов С. К. Шамбинаго на «Задонщину», высказанных в книге 1906 г. (стр. 2—3; см. № 34).

1908

38. **Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2.** Киев, 1908. III, 1057—1955, IX, 113, XXXIII—XLIX, XI стр.

Историографический обзор работ о «Задонщине» (стр. 1786—1793).

39. **Марков А. <С. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище.** СПб., 1906. — ЖМНП, СПб., 1908, ч. XIV, март—апрель, стр. 433—446 («Критика и библиография»)

Развернутый отзыв на кн. С. К. Шамбинаго (см. № 34). Возражение против причисления автора «Слова о полку Игореве» и автора «Задонщины» к подражателям «школы» Бояна (стр. 436). Высказываются соображения о взаимоотношении текстов «Задонщины» с редакциями «Сказания о Мамаевом побоище» и «Словом о полку Игореве» (стр. 442—444). Выражения, сходные в «Сказании» и «Задонщине», «взяты авторами того и другого произведения независимо из „Слова о полку Игореве“, причем некоторые выражения первого ближе к „Слову“ нежели второго» (стр. 442). Возражение против определения личности автора «Задонщины» с помощью данных Троицкой летописи (стр. 436—437) и против включения в реконструкцию текста «Задонщины» отдельных фраз (стр. 436).

40. **Jensen A. Rysk kulturhistorie, Bd. I. Stockholm, 1908. VIII, 204 стр.**

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве», отрывки из «Задонщины» в переводе на шведский язык (стр. 44—46).

1909

41. **Sobolevskij A. Altrussisches «хынъ».** — Archiv für slavische Philologie, Bd. XXX, Berlin, 1909, стр. 474.

Комментарий к словам с корнем «хынъ» «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».

1910

42. **Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»,** СПб., 1906. — СОРЯС, т. LXXXI, № 7. Отчет о двенадцатом присуждении Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910, стр. 79—204 и отд. отт.: СПб., 1910. 126 стр.

Принимается датировка «Задонщины» — «первой половиной XV в.», основанная на том, что хронологические данные в списке К-Б (XV в.) не пере-

ходят за 1406 г. (стр. 178). Тенденция к прославлению князя Владимира Андреевича и Ольгердовичей связывается с одним из источников «Задонщины» — гипотетическим Словом о Мамаевом побоище, составленном при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича в конце XIV в. (стр. 178—179, 193), под влиянием «Слова о полку Игореве» (стр. 180—181). Источником «поэтической формы» «Задонщины» является «Слово о полку Игореве» (стр. 178, 181, 203). С. К. Шамбинаго не удалось доказать влияния на «Задонщину» летописной повести (стр. 192); следы влияния ее имеются лишь в списке У (стр. 185). Заимствования из «Задонщины» были присущи уже основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» (стр. 150, 160—164). Автор «Задонщины», «типичный книжник», «добросовестный подражатель» «Слова о полку Игореве», «всего вероятнее, не был знаком ни с народными сказаниями, ни с песнями» и все «содержание своей поэмы» заимствовал из «Слова о Мамаевом побоище» (стр. 183).

1911

43. Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы, ч. I. История древней русской литературы, кн. 2. СПб., 1911, XXII, 938 стр.

«Задонщина» написана «между 1400—1425 гг.» Софронием Рязанцем родом из Брянска, «бывшим бояриным», ставшим иереем в Рязани (стр. 338). Автор сильно подражал «Слову» и черпал материал из устных преданий о битве 1380 г. (стр. 338). Отличие «Задонщины» от «Слова» — в «новом национальном русском мировоззрении», свободном от языческого анимизма, а также в том, что «Задонщина» как подражание «далеко ниже» «Слова» (стр. 341).

1914

44. Потегня А. А. «Задонщина». По черновым, оставшимся в рукописях А. А. Потегни, под заголовком «Заметки на „Слово о пол. Иг.“». — В кн.: А. А. Потегня. «Слово о полку Игореве». Текст и примечания. 2-е изд. с дополнением из черновых рукописей. I. О Задонщине. II Объяснение малорусской песни XVI века. Харьков, 1914, стр. 159—179.

«Задонщина» и «Слово о полку Игореве», вероятно, «записывались по памяти», но «Задонщина» не является «безличным и устным» народным произведением; ни один из списков не видоизменен народной памятью, «видоизменение чисто книжное» (стр. 160—161). В «Задонщине» неясности и искажения присущи и первоначальной редакции, что свидетельствует о «личном недомыслии, о безвкусице автора» — подражателя «Слову» (стр. 161). Списки К-Б и У — «две редакции», притом список У более близок к «Слову о полку Игореве» и «во многих случаях представляет редакцию более первообразную», а список К-Б «никак не может быть назван более народным по языку» (стр. 161), хотя иногда список К-Б обнаруживает «самостоятельное знакомство» со «Словом» (стр. 168, 178). «Вероятнее всего» — возникновение «редакции» К-Б из У (стр. 166, 168). На стр. 162—170 комментарии к началу «Задонщины» (былинный пир), к упоминанию о новгородцах, образу жаворонка. Упоминание Рязнца Софония — вероятнее всего, внесено первым составителем «Задонщины», «как указание на образец и источник» (стр. 167). — Заметки А. А. Потегни, по-видимому, написаны в 1878—1891 гг.

45. Сперанский М. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в Университете и на Высших женских курсах в Москве. М., 1914, VII, 606 стр.; то же: История древней русской литературы. Московский период. 3-е изд., М., 1921.

«Задонщина» — «плагиат», простое «перелицевание» фактов «Слова о полку Игореве» (стр. 364). Но в отличие от «Слова» «в „Задонщине“, наоборот, все заслонено личностью князя» (стр. 364—365).

46. Leger L. La Russie intellectuelle. Etudes et portraits. Paris, 1914. 300 стр.

Пересказ «Задонщины» с большими отрывками текста в переводе на француз. яз. (стр. 70—75).

1917

47. Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и со словарем. Изд. 13-е, дополненное и исправленное А. И. Соболевским. М., 1917. II, 379 стр.; 1-е изд. 1861 г. — см. № 9.

Публикация сводного текста «Задонщины» по спискам К-Б и У с исправлениями А. И. Соболевского и комментариев (стр. 126—139).

1922

48. «Симони П.» Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Приготовил к печати и снабдил объяснительными замечаниями Павел Симони. Вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий. «Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича» по Кирилло-Белозерскому списку 1470 г. Пгр., 1922. I, 34 стр., XVII таблиц (СОРЯС, т. С, № 2).

Публикация текста «Задонщины» по списку К-Б (стр. 17—34) и описание сборника КБ-9/1086. На стр. 10 предположение, что «у Ефросина и был оригиналом на список — неполный текст, без конца».

Рец.:

Перетц В. Н. История древней русской литературы в работах русских ученых 1917—1923 гг. — Slavia, роč. III, seš. 4, Praha, 1924—1925, стр. 713.

49. Brückner A. Historja literatury rosyjskiej, t. I (987—1825). Lwów, 1922. 572 стр.

Вторичность «Задонщины» (стр. 160—170).

1928

50. Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. I. С древнейших времен до начала XVIII века, вып. III. М.—Л., 1928, стр. 237—238, 365.

«Задонщина», «похвальная ода победителю», до книжной обработки Софнием «могла исполняться... при княжеском дворе, подобно киевскому „Слову“», так как «сохранила черты народно-песенного склада» (стр. 237).

Рец.:

Перетц В. Н. — ИпоРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 331—341. «Детали» «народно-песенного склада» «Задонщины» — это всего лишь «позднее книжное воспроизведение соответствующих мест „Слова“» (стр. 336).

1929

51. Mazon A. Рец. на кн.: J. Legras. La littérature en Russie. Paris, 1929. 220 стр. (Collection Armand Colin). — Revue critique d'histoire et de littérature, 63 année, № 11, Paris, 1929, стр. 524—526.

«Слово о полку Игореве» как подражание «Задонщине».

1930

52. Седельников А. Д. Где была написана «Задонщина»? — Slavia, роč. IX, seš. 3, Praha, 1930, стр. 524—536.

«Задонщина» в своей рукописной традиции (списки К-Б, У, С, И-1, И-2) «связана с новгородской и псковской областями» (стр. 525—526); в начале XVI в. она была известна во Пскове (отразилась в летописной повести о битве на Орше — стр. 526); дает псковскую огласовку «шеломянем» «Слова о полку Игореве» («соломянем» — «Соломоном» (стр. 529—531) и др. Автор «Задонщины» следовал «в своем плане» только «Слову о полку Игореве» (стр. 534), известному (судя по записи на псковском Апостоле 1307 г.) в псковской письменности начала XIV в. «Задонщина» — единственный посредник между «Словом» и циклом Куликовских повестей (стр. 529). Отражением устной поэзии в «Задонщине» являются отрицательные сравнения (стр. 534). Датируя «Задонщину» началом XV в., сопоставляет имя ее автора (Софония) с именем татарского выходца Софония Алтыкулачевича из окружения рязанского князя Олега (стр. 535). Предполагает, что автор «Задонщины» мог написать ее, будучи в «дружине» псковского князя Константина Димитриевича, младшего сына Димитрия Донского (стр. 535).

1932

53. Mazon A. Les bylines russes. — Revue des cours et conférences, années 33 (1-re serie), № 8 (30 mars), Paris, 1932, стр. 673—694.

«Слово о полку Игореве» и «Задонщина» как былины (стр. 691) (отклик см.: J. K r z y z a n o w s k i. Z najnowszych studjów nad poezja staroruską. — Balticoslavica, t. II. Wilno, 1936, стр. 408—410).

1935

54. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. Для вузов. М., 1935. 392 стр.; то же, изд. 2-е. М., 1936. 392 стр.; то же, изд. 3-е, испр. и доп., М., 1938. 460 стр.; то же, изд. 4-е, испр. и доп., М., 1947. 504 стр.;

то же, изд. 5-е испр. и доп., М., 1952. 551 стр.; то же, изд. 6-е, испр., М., 1955. 544 стр.; то же, изд. 7-е, испр., М., 1962. 544 стр.

«Задонщина» сложилась «в начале XV века на основе летописного сказания и устных преданий о Куликовской битве и под сильнейшим воздействием „Слова о полку Игореве“» (стр. 120). На стр. 120—126 публикация текста «Задонщины» по изд. С. К. Шамбинаго. В 7-м изд. публикация текста «Задонщины» — по изд. В. П. Адриановой-Перетц.

1937

55. Орлов А. С. Древняя русская литература XV—XVI вв. М.—Л., 1937. 279 стр.; то же: А. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945. 345 стр.

Автор «Задонщины», рязанец Софоний (Софроний) «явно работал для Москвы и в интересах ее князей» (стр. 206). Отсутствие упоминания об измене Олега Рязанского объясняется тем, что «во время создания „Задонщины“ Рязань уже была в мире с Москвой» (стр. 206). Автор «Задонщины» «архаизировал с выбором», воскрешая стиль XII в. (стр. 207-209).

56. Ljackij E. Historický přehled ruské literatury. Čast I. Staré ruské písemnictví (XI—XVII st.). Přeložila Z. Pohorecka. Praha, 1937. 404 стр. (Rukověti Slovanského ústavu v Praze, sv. 3).

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве» (стр. 155—163).

1938

57. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938. 448 стр.; то же, изд. 2-е, перераб., М., 1941. 486 стр.; то же, изд. 3-е, перераб. М., 1945, 511 стр.; то же, изд. 4-е, перераб. М., 1950, 492 стр.; то же, изд. 5-е, перераб. М., 1953, 488 стр.; то же, изд. 6-е, испр. М., 1956. 511 стр.; 2-е изд. переведено на англ. яз.: N. Gudzy. History of old Russian literature. Translated by Susan Wilbur Jones. Introduction by Gleb Struve. New York, 1949. XIX, 545 стр.; переизд. на нем. яз.: N. Gudzij. Geschichte der altrussische Literatur. Übersetzt mit Anmerkungen und Register versehen von Fairy von Lilienfeld. Halle-an-der-Salle, 1959. VII, 648 стр.; то же на корейск. яз.: Н. К. Гудзий. Россия кочжон мухакси. Пхеньян, 1957. 280, 364 стр.

Поддерживается точка зрения С. К. Шамбинаго с поправками А. А. Шахматова (стр. 219—221). «Задонщина» лишена элементов двоеверия и язычества и в ней «понятие Русской земли ... уже готово ассоциироваться с понятием Московского княжества» (стр. 225).

58. Љацки Е. Слово о полку Игореве. (Поводом седамсто-педесетогодишњице). — Српски књижевни гласник, т. LV (нова серија). Београд, 1938, бр. 3 (I. X), стр. 181—190.

Критика мнения А. Мазона о «Задонщине» (см. № 60).

Реу.:

Георгијевић К. Евгеније Љацки. — Српски књижевни гласник, т. LV (нова серија). Београд, 1938, бр. 6 (16. XI), стр. 444—445.

59. Gorlin M. Salomon et Ptolémée: la légende de Volot Volotovič. — Revue des études slaves, t. XVIII, fasc. 1—2, Paris, 1938, стр. 41—62; то же в кн.: Études littéraires et historiques par Michel Gorlin et Raïssa Bloch-Gorlina. Paris, 1957, стр. 29—50. (Анн. по изд. 1957 г.).

В «Задонщине» отразилась легенда о царе Соломоне (стр. 49).

60. Мазон А. La Zadoňčina: réhabilitation d'une oeuvre. — Revue des études slaves, t. XVIII, fasc. 1—2, Paris, 1938, стр. 5—41; то же в кн.: Le Slovo d'Igor par André Mazon. Paris, 1940, стр. 5—40. (Анн. по отд. изд.).

Первоначально, в XIV в. существовали: 1) «Первоначальная летописная повесть, составленная в Москве в честь Дмитрия», 2) «Официальное донесение о битве», 3) «Слово о Мамае», составленное в Серпухове в честь князей Дмитрия, Владимира и Ольгердовичей. О влиянии гипотетического «Слова о Мамае» на «Задонщину» (стр. 14). «Задонщина» сохранилась в трех версиях: тип К-Б, тип С и тип И-1, И-2 и У (стр. 17). В «Задонщине» сочетаются «Жалость» и «Похвала» (в версиях XVI—XVII вв.; в К-Б — только «Жалость») (стр. 18—36). Тип К-Б содержит древнейшую, истинную «Задонщину» (стр. 37—38). «Слово» и «Задонщина» имеют много общего в способе подачи сюжета — композиция, тема, диалоги, описания, образы, словарь, главные события и стиль. «Задонщина» более соответствует духу русских средних веков — XV или XVI в.; не послужила ли «Задонщина» главным источником «Слова о полку Игореве»? (стр. 38—40).

61. Mazon A. Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre; le modèle principal. — Revue des études slaves, t. XVIII, fasc. 3—4, Paris, 1938, стр. 163—213; t. XIX, fasc. 1—2,

1939, стр. 54—86; то же в кн.: *Le Slovo d'Igor par André Mazon*, Paris, 1940, стр. 41—126. (Анн. по отд. изд.)

«Задонщина» как главная модель «Слова» (стр. 45—126). Списки И-2 и У имеют больше соответствия со «Словом», чем другие. «Слово» по сравнению с «Задонщиной» дает текст более распространенный и обработанный. В «Слове» искажены или заменены отдельные слова и целые выражения «Задонщины», «христианские» мотивы «Задонщины» заменены языческими (стр. 71).

1939

62. Альшиц Д. Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа. — Ученые записки ЛГУ, № 36, Серия исторических наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 110—123.

«Агитационное» «Поведание» Софония («Задонщина») — отзвук «голоса народного низа» (стр. 117), «кучества, горожан, посада, даже крестьянства» (стр. 122). «Задонщина» написана в Рязани, в 1382 г. («до похода Тохтамыша» — стр. 121). Призывы к общерусскому единению с целью свержения татарского ига вызвали у Софония «желание оправдать неучастие новгородцев» в Куликовской битве и заставили его замолчать измену своего рязанского князя (стр. 119). Куликовскую битву Софоний расценивал как общерусскую победу (стр. 121).

63. Арнаудов М. Достоверна или подправена поема? Потеклото на руското «Слово о полку Игореве» в осветлението на проф. А. Мазон. — Българска мисъл, год. XIV, кн. 5—6, София, 1939, стр. 290—297.

Поддерживаются взгляды А. Мазона (стр. 293—294; см. №№ 51, 53, 60, 61).

64. Лядкий Е. А. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве». — *Slavia*, гоґ. XVII, seš. 1—2, Praha, 1939, стр. 110—127, seš. 3, стр. 374—411.

Критика взглядов А. Мазона на отношение «Задонщины» к «Слову о полку Игореве». Считает, что списки И-1 и И-2 не могут дать доказательств правильности точки зрения А. Мазона (стр. 125—127). Доказывает несостоятельность приводимых А. Мазоном примеров сопоставления текстов «Задонщины» и «Слова» (стр. 374—399). Старейший список «Задонщины» (К-Б) «полон самых грубых погрешностей стиля, искажений логических и синтаксических линий» (стр. 401). Оригинал «Задонщины» в своем первоначальном виде не сохранился (стр. 402—408).

65. Свенцицкий И. Русь і Половці в староукраїнському письменстві. (Історія літературного сюжету). Львів, 1939, 64 стр.

Татарский сюжет «Задонщины» и половецкий сюжет «Слова» (стр. 52—55). В «Задонщине» отношении формального (декоративного) элемента к повествовательному равно 1 : 10, а в «Слове» — 10 : 1. В «Задонщине» нет ни одного темного места (под «Соломоном» подразумевается хан Солман). Поэтический стиль «Задонщины» более соответствует эпохе XV в., а «Слова» — более поздней эпохе.

66. Frček J. Původní podoba staroruské Zádónštiny. — В кн.: III Međunarodni kongres slavista (slovenskih filologa) 18—25 IX 1939. Odgovori na pitanja. Dopune (supplement), № 3. Beograd, 1939, стр. 94—96.

«Задонщина» сохранилась в двух редакциях — краткой, представленной списком L (К-Б) и пространной M (4 списка — И-1, И-2, С, У). Краткая редакция — более поздняя и в художественном отношении менее совершенная.

67. Mazon A. *Le Slovo d'Igor: les additions massives.* — *Revue des études slaves*, t. XIX, fasc. 3—4, Paris, 1939, стр. 242—288; то же в кн.: *Le Slovo d'Igor par André Mazon*, Paris, 1940, стр. 127—174. (Анн. по отд. изд.)

Из поздней версии «Задонщины» в «Слове» заимствованы эпизоды: вступление, приготовление к битве, первая и вторая битвы, поле битвы, Игорь отступает, предзнаменования, разрозненные фрагменты, плач Ярославны (стр. 128).

1940

68. Frček J. Staroruská Zádónština ve vydání a překladu Erbenově. — *Listy filologické*, гоґ. 64, Praha, 1940, стр. 243—252.

Основой перевода К. Я. Эрбена «Задонщины» на чешский язык (см. № 13) является издание И. И. Срезневского (см. № 5) — произвольная компиляция из рукописей К-Б и У. Приводятся примеры неточного прочтения текста рукописи У в издании В. М. Ундольского (см. № 1). Объяснение К. Эрбеном «темных мест» «Задонщины» является весьма вероятным, но не во всех случаях. С литературной точки зрения перевод К. Эрбена является изящным и стилистически соответствующим оригиналу.

1941

69. Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2. Белград, 1941. VIII, 60 стр. (Институт им. Н. П. Кондакова).

Сборник статей-откликов на работы А. Мазона о «Слове». Содержание: 1) Бицилли П. М. К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве». (По поводу исследования проф. А. Мазона) — стр. 1—20.

Критика точки зрения А. Мазона (см. №№ 51, 53, 60, 61, 67) и утверждение, что «элементы второй версии» (У, С, И-1, И-2) «Задонщины» «существовали раньше составления первой» (К-Б) (стр. 13). На стр. 20 — отклик на рецензию Е. А. Ляцкого (см. № 64).

Отзыв:

Лихачев Д. С. — см. № 150.

2) Голенищев-Кутузов И. Н. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины» — стр. 49—55.

Опровержение точки зрения А. Мазона (см. №№ 60, 61) путем сравнения параллельных мест «Слова» и «Задонщины». Доказательство, что «только мозаика» из всех известных рукописей, включая и К-Б, дает приблизительно чтение «Слова» (стр. 51).

Рец.:

Соловьев А. В. Послесловие. — Там же, стр. 55—59.

В дополнение к статье доводы, почему должна была быть издана «неизвестная лучшая рукопись» «Задонщины», если бы она действительно была открыта в XVIII в. (см. также: А. В. Соловьев — № 150). Отзыв на статью И. Н. Голенищева-Кутузова и «Послесловие» А. В. Соловьева см. в обзоре Д. С. Лихачева (см. № 150).

3) Исаченко А. В. Двойственное число в «Слове о полку Игореве» — стр. 34—48.

«Ввиду отсутствия форм дуала в „Задонщине“ (список К-Б) и наличия их в „Слове“, „Задонщина“ в языковом отношении не может рассматриваться „главным прообразом“ „Слова о полку Игореве“» (стр. 45—47).

70. Лихачев Д. «Задонщина». — Литературная учеба, М., 1941, № 3, стр. 87—100.

«Обращение к „Слову о полку Игореве“ лежит в связи с исторической концепцией „Задонщины“, представляющей собою «обширное прославление русской победы», соединенное «с элегической печалью по павшим» (стр. 90). «В ... сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла» «Задонщины» (стр. 91), отразившийся в «обратном параллелизме» событий, героев и художественных образов (стр. 92). «Центральная идея „Задонщины“ — идея реванша» (стр. 93—94, 97—98). «Заслуга автора „Задонщины“ состоит в том, что он вновь через полтора столетия заставил звучать ... с полной силой» «тему Русской земли», «как будто бы литературная традиция ее разработки ни разу не прерывалась» (стр. 94).

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119.

71. Тезисы докторской диссертации А. И. Никифорова «„Слово о полку Игореве“ — былина XII века». (26 мая 1941 года). Тип. «Ленинские курсы при ЦК ВКП(б)», 1941. 4 стр.

«Задонщины» есть «не что иное, как поздние записи или литературные рецензии народных былин о Куликовской битве 1380 г., возникшие в свою очередь как простое народное приспособление былины — „Слова о полку Игореве“, дожившей в фольклорном бытовании в виде особой краткой редакции до XIV в., к новым историческим событиям борьбы с татарами». Различаются три вариации (редакции) «былин» — «Задонщин»: белозерская, ростовско-владимирская и московская.

1942

72. Творогов Л. А. О списках, редакциях и первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». — В кн.: Л. А. Творогов. «Слово о полку Игореве». Новосибирск, 1942, стр. 6—52.

Для создания «Задонщины» был использован текст «Слова» в копии XII в., в 8-ку, из «киевского сборника» (стр. 40). На стр. 42 поддерживает точку зрения А. Д. Седельникова об авторе «Задонщины» (см. № 52).

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119.

1943

73. Лихачев Д. Культура Руси на рубеже XIV—XV веков. — Исторический журнал, М., 1943, № 1, стр. 40—45.

«Задонщине» присуща глубоко народная идея обращения ко временам национальной независимости. «Стилистическая близость „Слова о полку Игореве“ и „Задонщины“ ... — это вполне сознательный прием», необходимый для проведения идеи реванша (стр. 44).

74. <Саянов В. М.> «Задонщина» (начало XV века). Перевод с древнерусского В. М. Саянова. — В кн.: Русские поэты о родине. Антология. Л., 1943, стр. 26—36; то же в кн.: Героическая поэзия древней Руси. Л., 1944, стр. 93—103; то же в отрывке в кн.: Победа (Отрывок из «Задонщины»). Перевод В. Саянова. — Ленинград, 1943, № 3—4, стр. 27.

1944

75. Mazon A. L'auteur probable du Poème d'Igor. — Comptes-rendus des séances de l'année 1944. Academie des inscriptions et belles-lettres. 2-me trimestre (Avril-Juin), Paris, 1944, стр. 213—220.

«Задонщина» — главный образец для «Слова о полку Игореве»; «анахронизмы» в «Слове» доказывают его вторичность по отношению к «Задонщине»; предположение о том, что Д. Бантыш-Каменский в конце XVIII в. знал и использовал «Задонщину» для написания «Слова».

1945

76. Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.—Л., 1945. 120 стр. (АН СССР. Научно-популярная серия).

На стр. 76—78 развивается точка зрения на «Задонщину», высказанная ранее (см. №№ 70, 73). События прошлого и настоящего в «Задонщине» противопоставлены «символически» (стр. 76). Предисловие (на пиру) составлено «в эпически-былинных тонах» (стр. 76).

Рец.:

Гудзий Н. — Советская книга, М., 1946, № 2, стр. 95—97; Назаревский А. А. — см. № 119.

77. Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945. 143 стр. (АН СССР. Научно-популярная серия).

«Задонщина» возникла на основе стилистики «Слова о полку Игореве»; автор «Задонщины» производил «воскрешение» стиля XII века, «литературную архаизацию» с выбором того, что подходило его времени (стр. 71—72).

78. Шамбинаго С. К. Исторические повести (§ 2. Глава II «Литература Московского княжества конца XIV и XV вв.»). — В кн.: История русской литературы, т. II, Литература 1220—1580-х гг., ч. I. М.—Л., 1945, стр. 210—215 (ИРЛИ).

«Задонщина» написана в начале XV в. (стр. 211). В отличие от точки зрения, высказанной в работе 1906 г. (см. № 34), считает список К-Б «дефектным», а списки У, С, И-1 относит ко второй, «новой редакции» «Задонщины», возникшей «в конце XV—начале XVI в.» (стр. 211). В «Задонщине» «все заимствования сделаны в высшей степени талантливо» (стр. 211). «Задонщина» — «попытка рязанца Софонии воскресить жанр „Слова о полку Игореве“» (стр. 214). В «Задонщине» сочетается «песенный стиль», «небольшой налет религиозности» и «житийный стиль» (стр. 214). Отрывок «Задонщины» XVI в. в рукописи ГИМ (очевидно, И-2), «где отчество „Иванович“ опущено», рассматривается, как подтверждение ранней гипотезы С. К. Шамбинаго, что во всех трех остальных списках «Задонщины», во 2-й части, героями должны быть Владимир Андреевич и Дмитрий Вольнец, а не Дмитрий Иванович (стр. 213).

79. Гудзий Н. К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. — Ученые записки МГУ, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, кн. I, 1946, стр. 153—187; то же в сокращении: М. К. Гудзий. Найновіші спроби ревізії справжності «Слова о полку Игореве». — Вісти АН УРСР, р. XIX, № 2 (120), Київ, 1946, стр. 19—36.

Опровергается точка зрения А. Мазона (см. №№ 60, 61, 67). Чтобы не видеть подчас «рабского» подражания «Задонщины» «Слову», «нужно быть эстетически слепым и глухим» (стр. 157—158—164—170). Доказывается слабость текстологической части работ А. Мазона. Опровергается вывод о том, что список К-Б не связан со «Словом о полку Игореве»: ряд мест из К-Б объяснимы только при обращении к тексту «Слова» (стр. 159, 162). Появление Игоря Рюриковича (И-2) или Игоря Бяриковича (У) и «Боюна» (И-2) в списках «Задонщины» — результат влияния «Слова о полку Игореве» (стр. 160). «За Соломоном» «Задонщины», возможно, «восходит» к «Повести града Иерусалима», а не к выражению «шеломя» «Слова» (стр. 160). Возражения против

сближения К-Б с первоначальным текстом «Задонщины»: 1) К-Б — незаконченный, сокращенный список, в конце его присоединено историческое перечисление, органически не связанное с ним (стр. 160, 161); 2) Куликовская битва рассматривалась современниками как победа, о чем свидетельствует «Слово о жизни и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (стр. 160). Из случаев особой близости списков XVI—XVII вв. «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» не вытекает вывода о хронологической последовательности развития их из списка К-Б, а на их основании — «Слова о полку Игореве», так как уже К-Б обнаруживает непосредственные связи со «Словом» (стр. 162, 164—170). Не оправдывает себя вывод, что текст К-Б «прост и ясен, в то время как прочие версии „Задонщины“ усложняют его» (стр. 165—166).

80. Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. (Конец XIV—начало XVI в.). Л., 1946. 160 стр.

«Задонщине» свойствен «героический стиль», который явился «сочетанием художественной манеры „Слова о полку Игореве“ и народной поэзии» (стр. 86). «Задонщина» — «произведение, написанное ученым для ученых и литературно-искусшенных читателей» (стр. 89).

81. Gapanovitch J. J. Introduction à l'histoire de la Russie. Historiographie russe hors de la Russie. Traduction et notes par Basile P. Nikitine. Préface du baron Michel A. de Taube. Paris, 1946. 215 стр. (Bibliothèque historique).

Историография вопроса о взаимоотношении «Слова» и «Задонщины» (стр. 187—195).

82. Mazon A. Les récits de guerre dans la littérature russe du XV-e siècle. — The Slavonic and east european review, vol 25, № 64, London, 1946, стр. 93—108.

Первоначальный текст «Задонщины», возникшей в начале XV в., сохранен в списке К-Б; списки С, У, И-1, И-2 — распространение первоначальной «Задонщины» в XVI в. «Жалость земли русской» — первоначальное содержание «Задонщины», «Похвала» — добавление поздних переписчиков. Сравнение списков У и С со списком К-Б; отражение легенд о царе Соломоне в «Задонщине».

1947

83. Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 194—224 (ИРЛИ); то же в сокращении: В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (К вопросу о реконструкции авторского текста). — Известия ОЛЯ, М., 1947, вып. 2, стр. 95—100.

Публикация реконструкции текста полной «редакции» «Задонщины» (на основе списка У; стр. 198—205). На стр. 205 публикация текста отрывка «Задонщины» (ГИМ, Синод. собр., № 836). В списке К-Б «писец, видимо, произвольно сокращал текст, иногда в ущерб смыслу» (стр. 195), но иногда К-Б содержит «более древние и более исправные чтения» (стр. 196). Список И-2 — «чрезвычайно близок» списку И-1 (стр. 196). Список И-1 по объему совпадает со списками У и С и в «отдельных чтениях ... исправляет их ошибки, сближаясь изредка с верными чтениями К-Б» (стр. 197). Список У — лучше и полнее всех списков передает состав «Задонщины» и во многих местах исправляет список И-1 (стр. 197). Список С искажен при переписке и местами сокращает текст, но «в отдельных правильных чтениях» совпадает со списком К-Б (стр. 197). Список Ж близок списку У (стр. 198). Рассматривается соотношение списков и даются указания на источники отдельных эпизодов (о пире, о новгородцах и др.), приводятся параллели к тексту «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом побоище», «Слова о погибели Руския земли» (К-Б, стр. 215), летописи, устных источников. Поддерживается мнение А. Д. Седельникова (см. № 52) и Л. А. Творогова (см. № 72) об авторе «Задонщины» (стр. 205—206). Приводится обоснование первоначальности чтений отдельных эпизодов и выражений.

Рец.:

Валк С. Н. Советская археография. М.—Л., АН СССР, 1948. 290 стр. (ЛОИИ). По поводу издания текста (стр. 149). Гудзий Н. К. — Советская книга, М., 1950, № 3, стр. 108—114; Зимин А. А. — см. № 116; Лихачев Д. С. — см. № 150; Назаревский А. А. — см. № 119; Dostal A. — Listy filologické, roč. 74, čís. 1 (1. březen), Praha, 1950, стр. 39, 42—43). Недостаток реконструкции «Задонщины» в том, что не различается старшая и младшая редакции «Задонщины» (по изд. Фрчека). Сводный текст в отличие от К-Б «обращает особое внимание своим радостным пониманием исторического значения Куликовской битвы» (стр. 43). Mazon A. — см. № 92.

84. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186.

История изучения «Задонщины» (стр. 137—139); на стр. 139—140 обзор списков; на стр. 140—177 об отношении «Слова» к «Задонщине» (текстологическое сравнение по всем спискам) и сравнительный анализ поэтических средств обоих авторов. К XV в. относится создание новой редакции «Задонщины», включившей дополнения из «Летописной повести о Мамаевом побоище». На стр. 178—186 реконструкция авторского текста «Задонщины» (на основе чтений, непосредственно зависящих от «Слова») и публикация гипотетического текста первой редакции «Задонщины» («Слова» Софония).

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119; Ржига В. Ф. — см. № 86.

85. «Задонщина». Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю. Публикация текста, примечаний и послесловия С. К. Шамбинаго. М., 1947. 47 стр.

Публикация реконструкции текста «Задонщины» (по четырем спискам, с учетом отрывков из «Сказания о Мамаевом побоище»; стр. 5—36). В издании выделены (красным шрифтом) места, общие для «Задонщины» и «Слова». Дефектный список К-Б отражает текст первой половины сочинения рязанца Софония; три полных списка XVI—XVII вв. отражают более поздний текст «Задонщины», с добавлением вступления и изменениями в заключении (стр. 43). Комментарий к словам и выражениям «Задонщины» (стр. 37—45). Близость идейно-художественных особенностей «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» (стр. 41).

Рец.:

Назаревский А. А. — см. № 119.

86. Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). С приложением текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. исторического музея XVI в. М., 1947. 99 стр. (Ученые записки МГПИ, т. XLIII. Кафедра русской литературы); то же в сокращении: В. Ф. Ржига. Слово Софония рязанца о Куликовской битве. — Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, вып. 1, 1946, стр. 37—38.

Две редакции — «краткая» К-Б и «пространная» (И-1, И-2, С, У) «восходят к одному оригиналу» пространного характера (стр. 12). Краткая редакция — сокращение пространной, а пространная — первоначальная, несмотря на то что сохранилась в рукописях XVI и XVII вв. (стр. 26). Упоминание Софония в пространной редакции — явление позднее (стр. 12), однако имя его, как автора, должно быть и в заглавии пространной редакции, а произведение — озаглавлено «Слово Софония-рязанца» (стр. 32—33). Особой близостью к «Слову о полку Игореве» отличаются списки И-2 и С и в некоторых частях К-Б (стр. 26—27). Вероятно, Софоний «знал „Слово о полку Игореве“ наизусть и подражал ему по памяти» (стр. 27). Отсутствие в «Задонщине» упоминания об измене рязанского князя Олега объясняется «местным патриотизмом» Софония (стр. 29—30). В художественном методе Софония отражена южнорусская (рязано-черниговская) традиция (стр. 31). «Задонщина» «органически связана не только с литературной традицией, но и с творчеством народным» (стр. 8, 28). На стр. 36—37 — критические замечания к отдельным положениям работы А. Мазона (см. №№ 60, 61, 67). На стр. 37—40 замечания по поводу восстановления «первоначального текста» «Задонщины» и отклик на работу В. П. Адриановой-Перетц (см. № 83). В «Приложении» публикация текстов списков И-1 и И-2, параллельно с их фотокопиями (стр. 41—99).

Рец.:

Адрианова-Перетц В. П. — см. № 88; Назаревский А. А. — см. № 119; Робинсон А. Н. — Советская книга, М., 1948, № 5, стр. 105—110. Отмечена спорность мнения В. Ф. Ржиги относительно идейных позиций рязанца Софония (стр. 107—108) и недостаточная мотивированность причин возникновения краткой редакции «Задонщины» (стр. 109).

87. Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.). К 800-летию Москвы. М., 1947. 224 стр.

Автор «Задонщины» «был прекрасно осведомлен о жизни московских высших кругов», что видно из «списка боярских жен» в «Задонщине» (стр. 201). «Софоний был москвичом, если только имя его не было надписано на „Слове о полку Игореве“, которым воспользовался автор „Задонщины“» (стр. 202). «Задонщина» датируется 1384 г. на основании того, что упоминаемый в ней г. Тырново пал в 1393 г., и записи: «...от Калатския рати до Мамаева побоища 160 лет» (стр. 202—203).

Рец.:

Адрианова-Перетц В. П. — см. № 88; Назаревский А. А. — см. № 119.

1948

88. Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 201—255 (ИРЛИ).

«Несомненно» Софонии принадлежит лишь центральная часть «Задонщины», опирающаяся на поэтический план и стилистику «Слова о полку Игореве», с некоторой долей вероятности — предисловие, существовавшее уже в XV в. в списке К-Б (стр. 203, 204). На стр. 205—217 критика работ А. Мазона (см. №№ 51, 53, 60, 61, 67), в которых 1) не принято во внимание, что список К-Б дефектный, с искажениями и 2) что эпизоды первого неудачного и победоносного боев «описаны в одной художественной манере» (стр. 205); 3) текстологические выводы противоречивы и древность списка К-Б отождествляется с древностью его редакции (стр. 205—206); 4) не доказано, почему в конце XVIII в. якобы был опубликован «фальсификат» — «Слово» и почему не опубликована «Задонщина» (стр. 207); 5) не объяснено возникновение стиля «Задонщины» под воздействием «ряда памятников XI—XII вв.» (стр. 208); 6) оба памятника изолированы от исторической обстановки; 7) вопрос о преобразовании «христианского» характера «Задонщины» в «языческий» характер «Слова» решается вне текстологии; 8) не учитывается, что «Задонщина» с некоторыми образами «Слова» «не справляется» (стр. 212—213). Сопоставление текстов «Задонщины» и «Слова» приводит к ряду выводов, касающихся текста «Слова» из Мусин-Пушкинского сборника (стр. 217—220). На стр. 220—221. Отмечаются совпадения с выводами В. Ф. Ржиги (см. № 86) и М. Н. Тихомирова (см. № 87). На стр. 223—232 — публикация текста реконструкции авторского оригинала Софонии (на основе списка И-1, с вариантами по спискам К-Б, У, С, И-2, Ж и параллелями из «Слова»). На стр. 233—255 — издание текстов списков К-Б, И-2, И-1, У, С.

Рец.:

Гудзий Н. К. — Советская книга, М., 1950, № 3, стр. 110—112; Зимин А. А. — см. № 116; Лихачев Д. С. — см. №№ 125, 150; Назаревский А. А. — см. № 119; Путилов Б. Н. — см. № 144; Путилов Б. Н. — Советская книга, М., 1949, № 9, стр. 101—102; Мазон А. — см. № 92.

89. Frček J. Zádostina. Staroruský žalozpěv o boji rusů s tatarsy r. 1380. Rozprava literárne dějepisná. Kritické vydání textů. Praha, 1948. 259 стр. (Práce Slovanského ústavu v Praze, sv. XVIII).

Характеристика «Задонщины» как лиро-эпического произведения (по спискам К-Б, И-1, И-2, У, С; у Фрчека — Л, М-1, М-2, М-3, М-4) (стр. 11). На стр. 11—17 — текст перевода «Задонщины» на чешский язык. На стр. 23—72 об историческом значении Куликовской битвы и о взаимоотношении летописной повести со «Сказанием» и «Задонщиной»; на стр. 75—114 текстологическое исследование краткой и пространной редакций «Задонщины» по всем спискам, критика «сводного текста» С. К. Шамбинаго (см. № 34). Вывод, что первоначальный вид «Задонщины» («жалость») сохранен в списке К-Б (Л) (стр. 152—153), а поздняя редакция («жалость» и «похвала») в списках И-1, И-2, У, С. Первая редакция составлена в конце XIV в., вторая — после 1480 г. На стр. 117—130 об источниках «Задонщины»; сопоставление ее со «Словом о полку Игореве», «Словом Адама к Лазарю», «Историей иудейской войны» И. Флавия, Ипатьевской и Лаврентьевской летописями, Житием Александра Невского, Молением Даниила Заточника, «Повестью о разорении Рязани», «Словом о гибели Русских земли, плачами и др.»; на стр. 133—152 о «Задонщине» как художественном произведении. На стр. 157—247 описание рукописей и издание текстов всех 5 списков.

Рец.:

Smilauer V. — Philologia. Recensní cizojazyčná příloha 31 ročníku Časopisu pro moderní filologii, t. III, № 3, Praha, 1948, стр. 27; Dostal A. — Listy filologicke, roč. 74, čís. 1, Praha, 1950, стр. 39—42. Не выяснено взаимоотношение списков «Задонщины». Критикуются приемы издания текстов. Работа Я. Фрчека «реабilitирует» «Задонщину», но не подтверждает вторичной зависимости «Слова» от «Задонщины».

90. Grégoire H. La Geste du prince Igor. — Bulletin de la Classe morale et politique de l'Académie royale de Belgique, Bruxelles, 1948, № 4, стр. 143—151.

Критика точки зрения А. Мазона (стр. 148—150); чтение «Слова о полку Игореве» — «О русская земля уже шоломянем еси» первоначальнее, чем чтение «Задонщины».

91. Jakobson R. L'authenticité du Slovo. — В кн.: La Geste du prince Igor'épopée russe du douzième siècle. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistés de J. A. Joffe. New York, 1948.

стр. 235—360, то же в кн.: R. Jakobson. Selected writings, vol. IV. The Hague, 1966, стр. 192—300.

Вторичность «Задонщины» в идейном и лексико-стилистическом плане по отношению к «Слову», подробный разбор и критика работы А. Мазона (см. № 51, 53, 60, 61, 67, 75); отмечается, что следы «Слова» в пространной версии «Задонщины» более существенны, чем в краткой.

92. Mazon A. La campagne d'Outre-Don de 1380. — Journal des savants, Paris, 1948, Janvier—Juin, стр. 15—25.

Развернутая рецензия на издания «Задонщины» Я. Фрчека (см. № 89) и В. П. Адриановой-Перетц (см. №№ 83, 84).

1949

93. Адрианова-Перетц В. П. Слово о Куликовской битве Софония Рязанца («Задонщина»). — В кн.: Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 33—41, 143—165, 255—258, 269—272, 296—305, 332—334 (АН СССР, серия «Литературные памятники»).

Изображение Куликовской битвы как победы в произведениях конца XIV в. (стр. 151—154). «Задонщина» Софония написана в 1384—1393 г. Идея ее — «в целеустремленном рассказе о торжестве объединенной Руси великой», «в утверждении единства государства» (стр. 156, 158). Обращение Софония к «Слову о полку Игореве» — в русле литературной традиции конца XIV—начала XV в. (стр. 158—160). В «Задонщине» отражена рязанская литературная традиция и знакомство с устными рассказами (стр. 163—164). Религиозная мотивировка событий — «редакционное добавление позднейших переписчиков» (стр. 162—163). Издание реконструкции авторского текста «Задонщины», основанного на списке И-1 с исправлением по всем остальным спискам (стр. 33—41). Археографический обзор списков (стр. 255—272).

Рец.:

Базилевич Е. — Новый мир, М., 1950, № 5, стр. 261—262. Возражение против взгляда, что новгородцы не участвовали в Куликовской битве (стр. 262). Гудзий Н. К. — Советская книга, М., 1950, № 3, стр. 108—114; Назаревский А. А. — см. № 119.

94. Новиков И. Русские героические повести. М., 1949. 176 стр.

Стихотворный перевод «Задонщины» (стр. 69—99).

95. Dostal A. Dispute de l'authenticité du Slovo d'Igor dans la science occidentale. — Byzantinoslavica, t. X, sv. 2, Prague, 1949, стр. 275—284.

Критика взглядов А. Мазона (см. №№ 60, 61, 67, 75, 82, 92), В. П. Адриановой-Перетц (см. №№ 83, 84, 88, 93), Я. Фрчека (см. № 66, 68, 89), Р. Якобсона (см. № 91) на «Задонщину». Краткая редакция — первоначальная (стр. 283—284).

96. Mazon A. Le Slovo d'Igor. — The slavonic and east european review, vol. 27, № 69, London, 1949, стр. 515—535.

Из «поздней» версии «Задонщины» в «Слово» перешли черты, свойственные XVI в.

97. Vaillant A. Jaroslavna rano plačet. — Revue des études slaves, t. XXV, fasc. 1—4, Paris, 1949, стр. 106—107.

Вторичность данного чтения «Слова» сравнительно с чтением «Задонщины» (по списку И-1).

1950

98. Гудзий Н. К. Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве». — Известия ОЛЯ, 1950, вып. 6, стр. 492—498.

Рецензия на работы А. Мазона (см. №№ 60, 61, 67). Развитие положений, высказанных в статье Н. К. Гудзья, 1946, (см. № 79).

99. Лесной С. Слово о полку Игореве. (К 150-летию со дня опубликования). Вып. 1—4. Париж, 1950—1958. 522 стр.

В вып. 2 (1951 г.), на стр. 157—184: о вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову», спор с А. Мазоном (см. №№ 60, 61, 67).

1951

100. Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI—начала XV вв. и народная поэзия. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 95—137 (ИРЛИ).

«Для автора так важна ... мысль о наступившем объединении разрозненных земель, что он даже не считает нужным вспомнить об „отступнике“ Олеге Рязанском» (стр. 132). «Задонщина» «отказалась» от религиозного осмысления событий; единственный герой ее — русское войско (стр. 132). «Фольклорные параллели к воинской фразеологии „Задонщины“ засвидетельствованы героиче-

ским эпосом уже в старших записях» (стр. 134). Возможно, в основе «Задонщины» лежат народные предания или песни (стр. 132).

101. Борисевич А. С. Памятники московской литературы XIV—начала XV в. (1326—1418). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тюмень, 1951. 17 стр. (МГПИ).

Списки «Задонщины» К-Б и У — «видимо ... списки разных редакций»; К-Б «ближе к протографу, чем другие списки» (стр. 11). «Задонщина» написана во время набегов на Русь Тохтамыша, Темир-Аксака, Едигея (стр. 11).

1952

102. Jakobson R. The puzzles of the Igor' Tale on the 150-th anniversary of its first edition. — *Speculum*, vol. XXVII. Cambridge Massachusetts, 1952, № 1 (january), стр. 43—66; то же в кн.: R. Jakobson. Selected writings, vol. IV. The Hague, 1966.

Обзор дискуссии с А. Мазоном и о вторичности «Задонщины» (стр. 48—63). «Задонщина» — «похвала земли Русской», а «Слово» — «жалость».

103. Soloviev A. V. Le Dit de la ruine de la terre Russe. — *Byzantion*, t. XXII. Bruxelles, 1952, стр. 105—128; то же: A. V. Soloviev. New traces of the Igor' Tale in old Russian literature. — *Harvard slavic studies*, vol. 1, Cambridge Massachusetts, 1953, стр. 73—81; то же: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Русских земли». — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 78—115 (ИРЛИ).

К-Б — результат записи Ефросином былины со слов гусяра белозерских князей; цитация из «Слова о погибели» внесена в текст этим же гусяром (стр. 116).

104. Stender-Petersen A. Den russiske literaturs historie. Bd. 1. Copenhagen, 1952; то же на немецк. яз.: Geschichte der Russischen Literatur, Bd. 1. München, 1957. XII, 472 стр. (Анн. по немецк. изд.).

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве»; пересказ «Задонщины» с цитатами в переводе на немецкий язык (стр. 156—160).

1953

105. Виноградова В. Л. Сравнительный анализ лексики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953. 16 стр. (Институт языкознания АН СССР).

Аннотация — см. № 114.

106. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. С предисловием и под ред. В. В. Виноградова. М., 1953. 368 стр.

«Автор „Задонщины“ (конец XIV—начало XV в.) и переписчик ее древнейшего списка продолжают писать в традициях древнерусского литературного языка», без каких-либо признаков южнославянского влияния; «автор „Задонщины“ располагал текстом „Слова“ более древним, чем список XV—XVI вв.» из сборника Мусина-Пушкина (стр. 323).

1954

107. Воронкова О. Т. Морфология «Задонщины» по спискам XV—XVII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954. 15 стр. (ЛГУ).

Списку К-Б свойственна «определенная книжность языка», «архаичность» (стр. 15). В списках И-1, И-2, У широка «струя живой разговорной русской речи» (стр. 14). «Слову» близки списки И-1, И-2, К-Б, У.

108. Paszkiewicz H. The origin of Russia by Henryk Paszkiewicz. London, 1954. X, 556 стр.

«Задонщина» теснее, чем «Слово», связана со своей эпохой; «Боян» в «Задонщине» — легендарная фигура, в «Слове» превращен в реальную личность XI—XII в. (стр. 351—353).

109. Сэкай котэн бунгаку дзэнсю, т. XXXVII. Россия котэн хэн. Токио, 1954. 351 стр.

Под рубрикой «е» — перевод С. Кимура отрывков «Задонщины» на японский язык.

110. Stender-Petersen A., Congrat-Butlar S. Anthology of old Russian literature. Edited by Ad. Stender-Petersen. In collaboration with S. Congrat-Butlar. New York, 1954. XXIV, 542 стр.

Древнерусский текст «Задонщины» в разбивке на ритмические строки (стр. 176—186).

111. Woltner M. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung, 1937—1950, Teil III. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Bd. XXIII, H. 1, Heidelberg, 1954, стр. 189—194.

Критика работ о «Задонщине» Я. Фрчека (см. №№ 66, 68, 89), А. Мазона (см. №№ 51, 53, 61, 67, 75, 82, 92), В. П. Адриановой-Перетц (см. №№ 83, 84, 88, 93), В. Ф. Ржиги (см. № 86), А. Вайяна (см. № 97).

1955

112. Фодор И. Синтаксические явления «Задонщины». — *Studia slavica*, t. 1, fasc. 1—3, Budapest, 1955, стр. 137—173.

113. Skalová H. Tři zpěvy staroruské. Praha, 1955. 134 стр. (Světová četba. Sv. 105. Řídí V. Zapletalová a T. Sýkorová).

Перевод текста «Задонщины» на чешск. яз. (стр. 81—100).

1956

114. Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 20—27 (ИРЛИ).

«Механическое» заимствование «автором и позднейшими переписчиками» «отдельных слов и выражений» и «целых отрывков» из «Слова» обусловило «архаичность» лексики «Задонщины» (стр. 20). Введение «общерусских лексических единиц ... выявляет в „Задонщине“ процесс формирования русского национального языка, начавшийся в XV веке» (стр. 27).

115. Жовтис А. Слово о Куликовской битве (Задонщина). — Литературная Тула. Альманах, кн. 12, 1956, стр. 157—174.

Стихотворный перевод.

116. Зимин А. А. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. — Исторический архив, М., 1956, № 6, стр. 133—143.

Отмечается правильность приемов реконструкции текста «Задонщины» В. П. Адриановой-Перетц (см. №№ 83, 84, 88, 93) и ее выводов относительно авторского текста (стр. 139—142). См. отзыв на эту статью Д. С. Лихачева (№ 125).

117. Котков С. И. Еще одно древнерусское свидетельство о «зегзице». — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, М., 1956, т. X, стр. 81—83.

Огласовка слова «зогзицы» — как дополнительное указание на рязанское происхождение автора «Задонщины».

118. Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века. — Ученые записки ЛГПИ, т. XV. Факультет языка и литературы, вып. 4. 1956, стр. 131—160.

Язык «Задонщины» (список У) «соответствует нормам живого русского языка своей эпохи» (стр. 158). Книжные и «многие архаические элементы морфологии» «объясняются непосредственным заимствованием или влиянием „Слова о полку Игореве“ или, наконец, стилизацией под него» (стр. 158, 160). Морфологическому строю списка У так же, как и первоначальному тексту «Задонщины», не свойственны черты второго южнославянского влияния по списку И-1 «подвергся ... сильному воздействию новой болгаризованной орфографии» (стр. 159).

119. Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 546—575 (ИРЛИ).

Критический разбор реконструкций текста «Задонщины», сделанных И. И. Срезневским (см. № 5), С. К. Шамбинаго (см. №№ 34, 85), В. П. Адриановой-Перетц (см. №№ 83, 84, 88, 93) и В. Ф. Ржиги (см. № 86). Наиболее правилен последний вариант реконструкции В. П. Адриановой-Перетц. Поддерживается мнение В. П. Адриановой-Перетц, что существует одна пространная редакция «Задонщины», а так называемая краткая редакция (К-Б) — «просто крайне небрежный испорченный и малограмотный список ... может быть, с уже неисправного предшествующего списка» (стр. 559). Признается правильным использованием В. П. Адриановой-Перетц при реконструкции текста «Задонщины» «Слова о полку Игореве» (стр. 549). Принимается полностью концепция Д. С. Лихачева (см. №№ 70, 76). Высказывается мнение, что «Задонщина» как похвала князю-победителю могла быть создана только при его жизни, т. е. не позже 1389 г. (стр. 575).

120. Розанова Т. Формы глагола прошедшего времени в «Задонщине». — Ученые записки Великолуцкого гос. педагогического института. Великие Луки, 1956, стр. 211—224.

Отмечается более широкое употребление форм перфекта в «Задонщине», чем в «Слове».

121. Скрипов А. «Задонщина». Переложение. — Дон. Альманах, № 1, Ростов-на-Дону, 1956, стр. 183—196.

Стихотворный перевод.

122. Якубинский Л. П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVII века). — Ученые записки ЛГПИ, т. XV. Факультет языка и литературы, вып. 4. 1956, стр. 3—35.

Русские полногласные формы «решительно преобладают» в «Задонщине» (список К-Б) над неполногласными церковнославянскими (стр. 18).

123. Bida С. Linguistic aspect of the controversy over the authenticity of the Tale of Igor's campaign. — Canadian slavonic papers, Toronto, 1956, vol. 1, стр. 76—88.

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве» по данным языка (спор с А. Мазоном).

1957

124. Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века. (Морфология и синтаксис). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1957. 13 стр. (ЛГПИ).

В отличие от списка У списки И-2 и И-1 испытали на себе южнославянское влияние. В оригинале «Задонщины» «отражается ... новый характер литературного языка, близкого, с одной стороны, к древнерусской традиции, с другой — к живой разговорной речи и деловой письменности и, наконец, к элементам народно-поэтической речи» (стр. 12—13). Список С «написан на белорусском языке» (стр. 13).

125. Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов. — Исторический архив, М., 1957, № 6, стр. 154—166.

Возражение А. А. Зимину (см. № 116) с указанием на «недопустимость смешения задач реконструкции первоначального текста с задачами издания подлинного текста»; отмечается четкое разграничение этих задач в работах В. П. Адриановой-Перетц (стр. 158).

126. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. 1957. 319 стр. (МГУ).

В «Задонщине» «нет ничего рязанского, и объяснить это сознательным умолчанием о Рязани крайне трудно» (стр. 257); «Задонщина» «возникла на московской почве» (стр. 260).

1958

127. Виноградова В. А. Некоторые замечания о лексике «Задонщины». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 198—204 (ИРЛИ).

Лексические наслоения XIV—XVII вв. в списках «Задонщины» (К-Б, У, С, И-1, И-2).

128. Котляренко А. Н. К истории развития сложного предложения (по спискам «Задонщины»). — Ученые записки ЛГПИ, т. 173, Кафедра русского языка. Л., 1958, стр. 43—54.

«Задонщина» «продолжает традиции памятников древнерусского языка старшей поры, которые близки к живой разговорной речи, хотя и некоторые книжные элементы находят место в повести» (стр. 53). Однако написанная двумя веками позднее «Слова о полку Игореве», она «отражает все усиливающееся разнообразие стилистических форм и разновидностей литературной речи» (стр. 53—54).

129. Путилов Б. Н. Литература конца XIV—XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение историко-бытовой повести. — В кн.: История русской литературы, т. I (Литература X—XVIII веков). М.—Л., 1958, стр. 177—180 (ИРЛИ, ИМЛИ). Переизд. на болгарск. яз.: София, 1960.

Отмечается связь «Задонщины» с народным творчеством. В «Задонщине» «уже вполне отчетливо выдвигается историческая роль Москвы в организации победы» и «видна тенденция представить великого князя как главу русской земли, наделить его идеальными качествами», однако не с помощью «риторики и религиозной идеализации» (стр. 180).

130. Русские повести XV—XVI веков. Составитель М. О. Скрипиль. М.—Л., 1958. 488 стр.

Содержание (материалы по «Задонщине»):

1) Дмитриев Л. А. «Задонщина». Подготовка текста, статья и примечания — стр. 9—15, 341—348.

Переиздание реконструкции текста «Задонщины», подготовленной В. П. Адриановой-Перетц (стр. 9—15; см. № 93). Изложение взглядов Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Ржиги.

2) Ларин Б. А. «Задонщина» — стр. 169—176.

Прозанический перевод на современный русский язык. Переизд.: Велчев В. Руска литература в образци и очерки XI—XVIII в. София, 1964, стр. 64—70.

131. Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 183—197 (ИРЛИ).

Наряду с идеей реванша (см. Д. С. Лихачев — № 76) главная идея «Задонщины» — «единение всех русских князей во главе с великим князем московским» — связана с идеей «Слова о полку Игореве» (стр. 197). Особое выдвижение роли Владимира Андреевича Серпуховского и Ольгердовичей — свидетельство того, что Софоний мог написать «Задонщину» в Серпухове, не обращаясь к гипотетическому «Слову о Мамаевом побоище» (стр. 195). «Задонщина» «была написана еще при жизни Дмитрия, в „похвалу ему“, еще до 1385 г.» (Кревская уния), до смерти Мамая и сожжения Москвы (стр. 188, 189, 197). «Задонщина» — «„похвала“, соединенная с „жалостью“, с плачем об убитых», «поэтический ритмический эпос, похвальная песня героям». «Софоний предполагал, что и его „Задонщина“ будет также распеваться» (стр. 188). Наличие вариантов „Задонщины“ объясняется записью некоторых из них «с голоса» (стр. 189). Отсутствие подробностей в описании боя свидетельствует, что «Софоний не пользовался никакими летописными данными» (стр. 188). Поддерживается предположение С. К. Шамбинаго об авторе (см. №№ 34, 85), который при написании «Задонщины» пользовался «Словом о полку Игореве» и летописью Киево-черниговского извода (стр. 185); прозвище Рязанец не указывает на его происхождение (стр. 184).

132. Sturm G. Übersetzung der «Zadonščina». — Zeitschrift für Slawistik, Bd. III, H. 5, Berlin, 1958, стр. 700—710.

Перевод «Задонщины» на немецк. яз. ритмической прозой.

1959 .

133. Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. 511 стр. (АН СССР, серия «Литературные памятники»).

Содержание (материалы, относящиеся к «Задонщине»):

1) Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — Стр. 406—448.

«Можно думать», что автор «Сказания о Мамаевом побоище» делал вставки из «Задонщины», зная ее наизусть (стр. 444). Поздние переписчики и редакторы «Сказания» делали новые вставки из «Задонщины», иногда даже оговаривая их, и, наоборот, в поздних списках «Задонщины» встречаются места, восходящие к «Сказанию».

2) Ржига В. Ф. О Софонии Рязанце. — Стр. 401—405.

Развивает предположение А. Д. Седельникова (см. № 52), что Софоний — это рязанский боярин Софоний Алтыкулачевич. Будучи патриотом, Софоний, по-видимому, покинул своего князя, так как «не согласился поддержать сепаратную политику» (стр. 404).

3) Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в. — стр. 377—400.

«Художественное подражание» «Слову о полку Игореве» (заключающееся в применении «мелких композиционных единиц», символике явлений природы, животного мира, символике на тему «битва—пир», словосочетаниях с эпитетами отрицательными параллелизмами, методах создания образов врагов) обусловило и различия: композиционно «Задонщина» построена «не на соотношении центральных образов, а на ходе и развитии действия, связанного с Куликовской битвой» (стр. 385); Софоний шел «в сторону большего сближения своего произведения с устным народным творчеством» (стр. 390). Роль «особенностей ораторского слова» в «Задонщине» «менее заметна», чем в «Слове» (стр. 398). Принимается мнение И. И. Срезневского, что списки «Задонщины» «писались на том или ином этапе по памяти» (в списке И-1 обнаруживает «звуковое, а не графическое происхождение несправностей», — стр. 399). Вероятно, Софоний подражал «Слову о полку Игореве», зная его на память (стр. 400). Элементы «местного патриотизма» Софонии, прославявшего серпуховских князей, проявляются в умолчании о политике рязанского князя и «в развернутом изображении тяжелых потерь, связанных с Куликовской битвой и особенно коснувшихся Рязани» (стр. 392). «Слово Софония появилось ... быть может, в том же 1380 г. или в следующем» (стр. 397). Место его написания — Московское княжество (но не Рязань), точнее — сферы влияния серпуховского князя Владимира Андреевича» (стр. 397).

4) «Слово Софония Рязанца. Задонщина» — стр. 211—219.

Прозанский перевод «Задонщины» на современный русск. яз., выполненный В. Ф. Ржигой, с примечаниями В. Ф. Ржиги и М. Н. Тихомирова (стр. 219—226).

5) «Слово Софония Рязанца о великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче». Подготовил к печати В. Ф. Ржига — стр. 7—26.

Реконструкция текста «Задонщины», с примечаниями и вариантами по всем известным спискам (в основе — список И-1) и исправлениями по «Слову о полку Игореве» и К-Б.

6) Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года — стр. 335—376. «Задонщина» «была распространена в Псковской земле и на Белоозере» (стр. 359) и отразила народную оценку победы на Дону (стр. 376). Характеристика международного значения Куликовской битвы в «Задонщине» — это отражение реального распространения известий о победе в бассейне Черного моря в конце XIV в., что связано с турецким наступлением на славянские страны (стр. 374—375).

Рец.:

Адрианова-Перетц В. П. — Известия ОЛЯ, 1960, вып. 2, стр. 156—160. Указывается на несовместимость определения В. Ф. Ржигой двух групп списков «Задонщины» как редакций с его взглядом на них как на записи «по памяти» или «с голоса»; нет оснований при реконструкции исправлять текст «Задонщины» только по тем отражениям «Слова о полку Игореве», которые сохранились в списках «пространной редакции» (стр. 156). Приводит примеры, когда список К-Б близок «Слову» и комментирует слова «щур» и «схимы» (стр. 158—159). Наблюдения исследователя над биографией автора «Задонщины» не выходят за рамки предположений.

134. Picchio R. Storia della letteratura russa antica. Milano, 1959. 416 стр. (Storia della letteratura di tutto il mondo. Direttore A. Viscardi).

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову» (стр. 101—102, 159—162).

1960

135. Будовниц И. У. Очерк тринадцатый. Куликовская победа. — В кн.: Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 437—462 (Институт истории АН СССР).

Факт нашествия на Москву Тохтамыша в «Задонщине» игнорируется так же, как и в остальных повестях о Куликовской битве (стр. 454).

136. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960. 532 стр. (ИРЛИ).

«Задонщина» «не принадлежала, по-видимому, к числу памятников официальной московской литературы» (стр. 359).

137. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, 300 стр. (ИРЛИ). То же в сокращении: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1960. 41 стр. (ЛГУ); то же: Б. Н. Путилов. Русские исторические песни XIII—XVI веков. — В кн.: Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960. 28 стр. (ИРЛИ).

В «Задонщине», как и в «Сказании о Мамаевом побоище», «есть целый ряд реминисценций, не связанных с какими-либо сюжетными фольклорными рамками», примером «песенной стилистики», применений цитат, фольклорных образов (стр. 137). При исследовании фольклорных влияний в «Задонщине» и «Сказании» следует учитывать, что «поэтическое мышление книжного автора конца XIV—XV века было уже достаточно далеко от мышления эпического, но именно это обстоятельство — при условии знания фольклора — позволяло ему свободно переосмыслить и развить некоторые песенные образы, не сохраняя... сюжетного целого» (стр. 137).

138. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. 399 стр.

«Задонщина», как и «Летописная повесть», возможно, возникла в конце XIV в., еще при жизни Дмитрия Ивановича (стр. 597); обстоятельством, возбуждавшим «повышенный интерес к тому, как вели себя Дмитрий Донской и Владимир Андреевич и в 1382 и 1380 гг.», послужило нашествие Едигея в 1408 г., «когда преемник Дмитрия Донского — великий князь Василий Дмитриевич уехал из Москвы, а в столице остался для руководства ее обороной Владимир Андреевич» (стр. 620).

139. Blankoff J. Les présages dans le Dit d'Igor' et la Zadonščina. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, t. XV. Dédié à Georges Contenau, Bruxelles, 1960, стр. 181—194.

Элементы художественного обобщения природы и животного мира, создающие в «Слове о полку Игореве» определенную атмосферу предзнаменования, такие значительные и эффективные в «Слове», теряют свое реальное значение, будучи перенесены в «Задонщину» или «Сказание».

140. Čiževskij D. History of Russian literature from the eleventh century to the end of the baroque. 's-Gravenhage, 1960. 451 стр. (Slavistic printings and reprintings, XII).

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве» (стр. 194—197).

141. Jakobson R. Wkład językoznawstwa do krytycznej analizy tekstu Słowa o wyprawie Igora. — Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, № 24. Prace językoznawcze, zesz. 3. (Filologia, zesz. VI). Kraków, 1960, стр. 301—302; то же в кн.: R. J a k o b s o n. Selected writings, vol. IV. The Hague, 1966, стр. 518—519.

Вторичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве»; «Задонщина» задумана как вторая часть диптиха: «Жалость земли Русьские» (т. е. «Слово») и «Жалость и похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и боатву его князю Володимеру Андреевичу» (т. е. «Задонщина»).

142. Кисаки Р. «Игори энсэй моногатари» ни окэру «Рӯси» то ну котоба ни цуйтэ. — Сирин, т. 43, № 5, Киото, 1960, стр. 60—79.

Употребление понятий «Русь» и «Русская земля» в «Задонщине» соответствует их значению в XIV—XV вв.; а в «Слове о полку Игореве» — противоречит их значению в XII в.

142a. Vaillant A. Za Solomonom saget. — Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. 26, св. 3—4, Београд, 1960, стр. 272—274.

Комментарий к словам К-Б списка «Задонщины» «земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломоном».

1961

143. Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, М.—Л., стр. 130—168 (ИРЛИ).

Характеристика редакторской работы Ефросина, в том числе на материале сборника К-Б 9/1086, в котором находится список К-Б. Предположение об использовании Ефросином при написании «Задонщины» устных источников «вполне согласуется» с общим характером его интересов (стр. 164). Сближение Ефросином «Задонщины» и «Слова о погибели Руская земля», отрывок из которого он включил в «Задонщину», объясняется «библиографическими наклонностями» книгописца и близостью характера этих литературных памятников (см. № 159).

144. Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 107—129 (ИРЛИ).

На основе изучения следов фольклора на тему о Куликовской битве и причин их сохранности в былинах, исторических песнях, духовном стихе о Дмитрии Солунском и книжных памятниках («Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине»; ср. № 137) делается вывод относительно «Задонщины», что связи «Задонщины» с фольклором «ограничиваются преимущественно стилистикой и, по-видимому, совсем не касаются сюжетной и композиционной сторон» (стр. 125). Оспаривая мнение В. П. Адриановой-Перетц, что эпизод бегства Мамая в Кафу — народное предание (см. № 88), возводит его к эпизоду из «Слова о полку Игореве» о Всеславе Полоцком (стр. 125—127). Вопреки И. П. Хрущову (см. № 19) считает, что поэтическая образность «Задонщины» «объясняется отнюдь не прямым влиянием фольклора» (стр. 127—128).

145. Besharov-Djaparidzé J. Reflections of the Kievan literary tradition in the Russian epics of the thirteenth to seventeenth centuries. — В кн.: The American philosophical society held at Philadelphia for promoting useful knowledge. Year book 1960. January 1, 1960—December 31, 1960. Philadelphia, 1961, стр. 618—622.

Влияние трактата Херобоска не только на «Слово», но и на «Задонщину». «Задонщина» — поэма, ее сближает со «Словом» сама художественная структура произведения (панорама батальных сцен, драматизация оплакивания, превращение природы в активного участника человеческих действий и т. п.). Со «Сказанием» и «Летописной повестью» «Задонщину» сближает «новая тенденциозность», которая присуща русской литературе с начала XIV в.

146. Skerst H. von. Ursprung Russlands. Frühgeschichte. Christliche Berufung. Volksdichtung. Stuttgart, 1961. 244 стр.

Текст прозаического перевода «Задонщины» на немецкий язык (стр. 123—127); на стр. 127, 128, 209—211: о ее связи с фольклором и мировым эпосом; «Задонщина» как источник «Слова о полку Игореве».

147. Vaillant A. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai». — Revue des études slaves, t. XXXIX, fasc. 1—4, Paris, 1961, стр. 59—89.

«Сказание о Мамаевом побоище» написано в манере рыцарского романа, а «Задонщина» — в манере поэтического произведения (стр. 61—86); вслед за Я. Фрчеком (см. № 89) считает, что «Задонщина» сохранилась в двух версиях — краткой XV в. и пространной XVI в., из которых первая — первоначальная (стр. 86—89).

1962

148. Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962. 172 стр. (АН СССР. Научно-популярная серия); то же, на немецк. яз.: D. S. Lichatschow. Die Kultur Russlands während der osteuropäischen Frührenaissance vom 14 bis zum Beginn des 15 Jahrhunderts. Aus dem Russischen Manuskript übersetzt von Ingeborg und Horst Bretschneider, Dresden, 1962. 184 стр. (Fundus-Bücher, 8).

«Задонщина» рассматривается как литературный памятник «эпохи Предвозрождения в России», возникший «в начале XV в., после создания всех летописных повестей о Куликовской битве («краткой и пространной») и «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (стр. 89) и до создания в середине XV в. «Сказания о Мамаевом побоище» (стр. 93).

149. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, 605 стр. (ИРЛИ).

Рассматриваются приемы реконструкции авторского текста «Задонщины», применяемые В. П. Адриановой-Перетц (стр. 466—467; см. № 88). Присоединяется к точке зрения А. Д. Седельникова (см. № 52) о месте написания «Задонщины» (стр. 245—246).

150. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962. 432 стр. (ИРЛИ).

Содержание (материалы по «Задонщине»):

1) Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» — стр. 131—168.

Замысел Софония написать «Задонщину» по литературному образцу «Слова» «не представляет ничего необычного в практике писателей феодального периода» (стр. 132). Доказательство вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову» проводится путем сравнительного анализа эпизодов и словосочетаний обоих памятников.

2) Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии — стр. 255—275.

Несмотря на устойчивость морфологической традиции, изучение изменяющихся в течение XII—XVII вв. форм склонения по спискам «Задонщины» и «Слова» свидетельствует «о более древнем происхождении „Слова“ сравнительно с „Задонщиной“» (стр. 27).

3) Гудзий Н. К. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве» — стр. 79—130.

Развиваются основные положения статьи 1946 г. (см. № 79).

4) Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным — стр. 169—254.

«Автор и переписчики „Задонщины“ ... имели тенденцию заменять книжные, диалектные и устаревшие для их времени слова общеупотребительными» (стр. 203). «Культовая и церковная терминология, занимающая в „Задонщине“ в отличие от „Слова“ «много места», не допустила бы создать на ее основе «Слово» (стр. 204). «Задонщине» не свойственны «орфографические южнославянизмы», правописание ее русифицированное (стр. 217); разрушен целый ряд древних грамматических норм (система «dualis», постпозиции определения-эпитета, падежные формы, путаница в употреблении имперфекта и аориста и пр. — стр. 220—251).

5) Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности — стр. 5—78.

Отмечается, что А. Мазон (см. № 96) оставил без ответа вопрос Р. Якобсона (см. № 91), почему «„клише“ следуют друг за другом в одинаковом порядке и в „Слове“ и в „Задонщине“» (стр. 26). Совпадение рассказа о споре Кзы и Кончака в «Слове», «Задонщине» и Ипатьевской летописи — свидетельство вторичности «Задонщины» (стр. 68).

6) Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы — стр. 300—320.

Отмечаются общие приемы написания вступления в «Слове», в «Задонщине» и в описании Троянской войны из Хроники Манаси (стр. 320).

7) Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — стр. 330—405.

В XVIII в. исторически невозможно «переделать „Задонщину“ в „Слово о полку Игореве“, сделать из рассказа о победе московского князя повесть о торжестве половцев, ввести в нее эпизоды пленения и бегства русского князя, не пятнающие феодала по убеждениям эпохи раздробленности, но позорные с точки зрения более поздних этических норм» (стр. 349).

8) Соловьев А. В. Русичи и Русовичи — стр. 276—299.

«Предполагаемый фальсификатор никак не мог создать ... своих „Святославичей“ из форм отчества «Задонщины», так как они в ней «уже нового типа» (стр. 289).

1963

151. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 256 стр. (ОЛЯ АН СССР).

«Слово о полку Игореве» и «Задонщина» — памятники литературы русского средневековья (до XVI в.) (стр. 78—79).

152. Тихомиров М. Вещие струны русской поэзии. — Неделя (приложение к газ. «Известия»), М., 1963, 21 августа, стр. 16—17.

«Автор „Задонщины“, взяв крылатые фразы из „Слова“, даже не понимал, что оно рассказывает о событии 1185 года и думал, что в нем говорится о битве при Калке 1223 года».

153. Čiževska T. A comparative lexicon of the Igor' Tale and the Zadoňčina. — В кн.: American contributions to the Fifth International congress of slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963, стр. 319—327.

В «Слове о полку Игореве» больше архаизмов, чем в «Задонщине». Лексемы «Боянь», «Дивь», «Харалужный», «Хынь», встречающиеся только в «Слове» и «Задонщине», заимствованы автором «Задонщины» из «Слова».

154. Jakobson R. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo field. — В кн.: R. Jakobson. Selected writings, vol. IV. The Hague, 1966; то же в кн.: Sofonija's Tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo field edited by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963, стр. 1—54; R. Jakobson and D. S. Worth Sofonija's Tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo field. The Hague, 1963. 72 стр., 49 табл. (Slavistic printings and reprints, LI).

Обоснование реконструкции первоначального текста «Задонщины». Списки И-1 (И) и У (У) и фрагменты И-2 (Ф) и Ж (Ж) восходят к одной редакции, списки К-Б (В) и С (С) — к другой. Внутри первой редакции два вида: 1) И-2 и У, 2) И-1. Не всегда И-1, И-2, У, Ж дают чтение архетипа, иногда такое чтение дают К-Б и С (стихи 26, 90); приводится стемма взаимоотношения списков; исследуются основные принципы орфографии и акцентировки рукописей «Задонщины» И-1 и У; о конъектурах к тексту «Задонщины». Авторский текст «Задонщины» оканчивался 167-м стихом; последующие стихи (168—180) и стихи 2—4 — поздние добавления из «Сказания» и др. Обоснование гипотезы дигитиха «Слова» и «Задонщины» (см. также: Р. Якобсон № 141). Поддерживает точку зрения Д. С. Лихачева об идее «реванша» в «Задонщине» (стр. 7—27, 40—54; см. № 70). На стр. 28—39 реконструкция текста «Задонщины» с разбивкой на 180 стихов или ритмических отрывков; на стр. 55—65 перевод реконструированного текста «Задонщины» на английский язык ритмической прозой; на стр. 66—72 исследование Д. Ворта системы ударения в древнерусских списках «Задонщины» У, И-1, который приходит к выводу, что список У сохраняет немало ударений, восходящих к первоначальному тексту «Задонщины» Софония Рязанца. 49 табл. текста списка У в фототипическом воспроизведении.

Реч.:

Хорошкевич А. Л., Зимин А. А. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до XVIII в. — История СССР, М., 1965, № 5, стр. 164—166.

155. Matejka L. Comparative analysis of syntactic constructions in the Zadoňčina. — В кн.: American contributions to the Fifth International congress of slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963, стр. 383—402, 2 табл.

Анализ синтаксических конструкций «Задонщины» на основе списков К-Б (К), И-1 (И), И-2 (М), У и С. Список У противоположен К-Б: в У чаще употребляется перфект, в К-Б — аорист. В У и И-1 глагольные формы прошедшего времени встречаются чаще, чем в К-Б и С. К-Б резко отличается от У большим количеством бессоюзных предложений и очень частым употреблением двусоставных подлежащих, выраженных именной формой. Предполагается, что переписчик списка У воспользовался гипотетическим источником (И-1, И-2, У), являющимся в свою очередь перепиской другого гипотетического источника (И-1, И-2, У, С), а этот последний представлял собой переработку «Древней Задонщины». Эта гипотеза существования «промежуточных текстов» — И-1, И-2, У и И-1, И-2, У, С — объясняет некоторые синтаксические сходства, обнаруживаемые в списках К-Б и С и отсутствующие в списках У и И-1 (имеется резюме на русск. яз.).

156. Paszkiewicz H. The making of the Russian nation. London, 1963. 509 стр.

О тождественности понятий «Русская земля» и «православная вера» в «Задонщине» (стр. 54—55).

157. Zenkovsky S. A. Medieval Russia's epics, chronicles and tales. Edited, translated and with introduction by Serge A. Zenkovsky. New York, 1963. XII, 436 стр.

Перевод «Задонщины» на английский язык ритмической прозой (стр. 185—198).

1964

158. Лихачев Д. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? — Вопросы литературы, М., 1964, № 8, стр. 132—160.

Указывается на необходимость полного текстологического исследования «Задонщины» во взаимоотношении со «Словом о полку Игореве» и «Сказанием о Мамаевом побоище» (стр. 138—139). Последовательность появления «Задонщины» из «Слова» подтверждается случаями сходства текстов этих памятников (приведены примеры) с рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича 1185 года, — так называемым «текстологическим треугольником» (стр. 142). Указывая на то, что «подражания типичны для древнерусской литературы», Д. С. Лихачев отмечает «стилистическую разнослойность» «Задонщины» («три стилистических слоя ... во всех ее списках: слой, восходящий к „Слову о полку Игореве“, слой, ясно обнаруживающий свое происхождение из деловой прозы, и слой, связанный с народно-поэтической стилистикой» — стр. 144) и доказывает таким образом, что наиболее слабое в художественном отношении произведение («Задонщина») обычно подражает, а не является объектом подражания.

159. Лихачев Д. С. О названии «Задонщина». — Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Балка. М.—Л., 1964, стр. 474—475 (Труды ЛОИИ, вып. 7).

Название «Задонщина», присущее только списку К-Б, — не «второе название ... произведения», как считает Я. С. Лурье (см. № 143), а «народное обозначение событий „за Доном“ 1380 г.» и проникло в список К-Б потому, что он «представляет собой запись по памяти, сделанную Ефросином — любителем народных произведений» (стр. 475).

160. Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины». (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»). — Русская литература, Л., 1964, № 3, стр. 84—107.

Отношение обоих памятников рассматривается «с точки зрения поэтики подражаний». «Задонщина» расценивается как один из примеров типичного для конца XIV—XV вв. литературного подражания (но не стилизации) (стр. 99—103). Если предположить, что «Задонщина» — произведение не подражательное, а оригинальное, то возникает вопрос, почему же автор «Задонщины» «так плохо ... понимал ... высокий стиль, что соединил его, и при этом механически, с крайне сниженным стилем деловых документов летописи» (стр. 89); на стр. 90—99 приведены примеры однообразия, стилистической бедности «Задонщины», композиционной вторичности, хронологической непоследовательности во второстепенных эпизодах, фактических исторических несоответствий новому содержанию.

161. Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». — Вопросы истории, М., 1964, № 9, стр. 121—140.

Итоги обсуждения концепции А. А. Зимина 4—6 мая 1964 г. в Отделении истории АН СССР.

162. Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XX. Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков. М.—Л., 1964, стр. 365—385 (ИРЛИ).

Поддерживается мысль Р. С. Якобсона, что «Задонщина» — «вторая часть диптиха» (см. № 141): «очень возможно, что в автографе Софония оба произведения следовали одно за другим» (стр. 382).

163. Уэно С. Курикофу сэно бунгаку соно хию то хё. — Кодай Россия кэнкё, Киото, 1964, т. 4, стр. 67—144; т. 5, стр. 141—237; 1965, т. 6, стр. 95—145.

«Задонщина» в сравнении с другими повестями Куликовского цикла и «Словом о полку Игореве» (метафоры, аллегории и выразительность).

164. Schmidt K. R. Soziale Terminologie in Russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Aus dem Dänisch übersetzt von W. Kramer. Kopenhagen, 1964. 594 стр.

Взаимоотношение «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»; исследование социальной терминологии «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве» (стр. 453—462).

165. Soloviev A. La rhapsode Bojan et le prince Igor' dans le Dit d'Igor' et la Zadonščina. — International journal of slavic linguistics and poetics, The Hague, 1964, vol. 8, стр. 46—60.

Об итогах спора между сторонниками первичности «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине» (Р. Якобсон, Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев) и А. Мазоном. На стр. 52—55 анализ известия о Бояне по всем спискам «Задонщины» (К-Б, И-1, С, У): «Задонщина» сохранила только слабое упоминание о великом поэте XI в.; на стр. 55—59 анализ известий о князьях, которых воспевал Боян, согласно «Задонщине» по списку К-Б (князя Игорь, Игорь Рюрикович, Святослав Ярославич, Ярослав Владимирович), комментарий к словам «Того даже не лепо стару помолодиться» списка К-Б «Задонщины».

1965

166. Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965. 232 стр. (ИРЛИ).

Об отражении «Слова о погибели Руския земли» в списке К-Б «Задонщины» (стр. 135—137).

167. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. 288 стр. (Институт истории АН СССР).

Отсутствие в рязанских рукописях каких-либо записей о Куликовской битве 1380 г. вызывает необходимость критически изучить и проверить факты, сообщаемые в «Летописной повести», «Задонщине» и «Сказании»; выпады против Олега Рязанского — выдумка составителей летописных сводов XV в., и в Никонской летописи XVI в. обвинения его в измене устранены (стр. 220—228).

168. Назаревский А. А. Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе. — Вісник Київського університету, № 7. Серія філології та журналістики, Київ, 1965, стр. 47—55.

Влияние «Слова» на «Задонщину» (стр. 49—51).

169. Соловьев А. К. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла («Задонщина», «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище»). — Русская литература, Л., 1965, № 2, стр. 243—245.

Отклик на статью А. Вайяна (см. № 147). Возражение А. Вайяну, что «Летописная повесть» повлияла на «Задонщину»; повторение точки зрения, когда и почему была создана «Задонщина» (см. № 131). Указывается на несостоятельность мнения, что «Сказание» многое заимствовало из поздних списков «Задонщины», так как приведенные А. Вайяном примеры ближе к списку К-Б.

170. Golenishchev-Kutuzov I. Problems of «The lay of Igor's host». — Soviet literature monthly, М., 1965, № 3, стр. 137—144.

Краткое изложение и критика взглядов А. А. Зимина как последователя взглядов А. Мазона (см. №№ 60, 61, 67). В отличие от последнего, А. А. Зимин считает, что «устная „Задонщина“ была уже в XIV в. записана в Кирилло-Белозерском монастыре. Существовало по крайней мере две рукописи краткой версии «Задонщины». В конце XV в. на ее основе и с помощью «Слова о битве с Мамаем» было создано «Сказание о Мамаевом побоище». В 1520—1530-е годы была создана пространная версия «Задонщины» (список С); первичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве».

171. O, Bojan, du Nachtigal der alten Zeit. Sieben Jahrhunderte altrussischer Literatur. Hrsg. von Helmut Grasshoff, Klaus Müller und Gottfried Sturm. Berlin, 1965. 623 стр.

Текст перевода «Задонщины» на немецк. яз. (стр. 172—183).

172. Quelques données historiques sur le Slovo d'Igor'et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866—1942). Traduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par A. Mazon et M. Laran. Paris, 1965. 176 стр. (Bibliothèque Russe de l'Institut d'études slaves, t. XXXIV).

Первичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве» в связи с работой А. А. Зимина (1964 г., см. №№ 161, 170), в связи с письмами Е. Болховитинова к В. Г. Анастасевичу (1814 г.), П. Б. Струве к А. Мазону (1942 г.), А. Грегуара к А. Мазону и его брату (1945—1947 гг.) (стр. 132—133, 136, 138, 141—144).

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»¹

- а 125, 177, 178, 181—184, 187, 192, 195.
а быхъ 114.
аже 28, 92, 122, 187, 192.
аки 190.
аркучи см. речи.
аще 28, 187, 192.
- багрянныи 84.
бдѣти 116.
бебрянь 111.
безводнь 115.
берегъ 120.
бити 122.
битися 67.
блѣванъ 45.
богатыи 168.
болого 107, 191.
болонь 22, 72, 81.
болото 76, 101, 173, 326, 327.
(на) борони 56, 57, 298, 303, 304, 329, 340.
босовъ см. бусовъ.
босыи 118.
Боянь 27, 130, 169, 262, 296, 300, 314—320, 340.
Боянь (прит. прилаг.) 28.
брань 98.
братия 25, 40, 58, 209, 295, 296, 305, 313, 314, 316, 321, 342.
братъ 22, 36, 301, 330.
брегъ 67.
бремя 94, 95.
брехати 46, 209, 323, 408, 435.
бръзыи 37, 41, 262, 296, 298, 301, 305, 321.
буестъ 87.
буи 84, 96.
Буи Турь (см. также Турь) 22, 36, 435.
бусисто 84, 342.
буря 34, 191, 299, 310, 318, 319.
бусовъ 81.
Бусовъ (прит. прилаг.) 85.
- бы 157.
бывати 172.
былина 26, 27, 209, 297, 314, 315, 335.
быль, быля 88.
быстрыи 22, 67.
быти 297, 321, 322.
не быти 117, 155, 158.
бья 71, 72.
бѣда 46, 209, 323.
бѣжати 34, 191, 318.
бѣла 75.
бѣсовъ 56, 329.
- ваю (род. пад. от ва) 87, 92, 93.
[вазьнъ] 105.
вашь 168.
Велесовъ 35, 64.
великыи 62, 71, 91, 321, 322, 341.
величие 119.
велѣти 117, 172, 209, 302, 326, 328.
Венедици 77, 171, 332.
вергнути см. врѣши.
верезень 103, 168.
веселіе 79, 85, 86, 119, 331, 334, 342.
весельи, весель 122, 124, 150.
весло 92, 328, 332.
вести 46, 322.
весь (местоим.) 167.
(с) вечера 162.
вечеру 116.
взмутити 326, 327.
взыти 19, 66.
видѣти 172, 317.
вино 22, 68, 341.
витися 124.
вихрь 77.
власть 87, 100.
Вльга 302.
влькъ 22, 28, 29, 39, 174, 209, 315, 323, 324, 342.
вльна 119.

¹ В указателе отмечаются страницы книги, на которых данное слово или словосочетание специально рассматривается в лексическом, грамматическом (в том числе — синтаксическом) или текстологическом аспекте. Из цитат, приводимых при сопоставлениях «Слова» с другими памятниками, в указатель включены по преимуществу знаменательные слова, и лишь те из них, которые имеют параллели в сравниваемом тексте. Слова или словосочетания, прочтение которых остается спорным, воспроизводятся в написании памятника и заключаются в квадратные скобки. Остальные слова даются в исходной форме (инфинитив, им. пад. ед. числа мужск. рода и т. д.) по орфографии, принятой в данной книге. Имена собственные и географические названия включены в указатель лишь в тех случаях, когда они являются предметом лингвистического или текстологического анализа.

- внукъ 16, 24, 34, 35, 37, 62, 64.
 вои 322.
 воля 85.
 вонзѣти 103, 172.
 воронъ 22, 53, 209, 211, 294, 295.
 ворота 16, 94, 100, 332—334, 343.
 врань 64, 331.
 врата 95, 106, 333.
 [времены] 94.
 время 33, 85, 209, 314—317, 319.
 врѣху 44.
 врѣщи 103, 104, 476.
 врѣщися 85, 299, 342, 437.
 Всеславъ (прит. прилаг.) 16.
 всѣсти 16, 41, 154, 296, 305, 321.
 всякъи 167.
 втроскотати 121, 191.
 вѣврѣщися 118, 172.
 вѣзбивати 90, 172.
 вѣзгряяти 81.
 вѣзлелѣянъ 37, 38, 150, 172, 209, 300.
 вѣзлелѣяти 306.
 вѣзмутити 76, 172.
 вѣзрѣти 40, 172, 317.
 вѣскладати 20, 191, 296, 316.
 вѣскрѣмлєнъ 37, 38, 150, 172, 262, 295, 300.
 вѣсплакати 72.
 вѣсплескати 70, 341.
 вѣспѣти 35, 318.
 вѣсрожити 22, 46, 209, 323, 324.
 вѣстати 69, 70.
 вѣстонати 74, 342.
 вѣступити 43, 70, 172, 324.
 вѣшумети 117.
 вы 153.
 вылѣяти 92, 328, 332.
 выскочити 103, 172.
 високо 96, 343.
 вытрѣгнути 77, 172.
 вѣдомъ 38, 150, 299, 325.
 вѣжа 117.
 вѣкъ 60, 64, 103.
 вѣтрило 112.
 вѣтръ 55, 112, 308, 322.
 вѣщи 28, 109, 130, 169, 296, 300, 316, 318.
 вѣяти 55, 107, 113, 308, 322.
 галица 34, 191, 262, 305, 318.
 галичь 47.
 Гза (Гзакъ) 53.
 глава 16, 43, 325, 326, 334, 343.
 глаголати 56, 329.
 Глѣбовъ 92.
 Глѣбовна 59.
 гнѣздо 16, 37, 51, 84, 99, 211, 294.
 говорити 262, 305.
 говоръ 47.
 гоголь 118.
 година 69, 110, 384.
 голова 57, 123, 124, 303.
 голось 331, 334, 342.
 гора 22, 79, 113, 114, 262, 306, 331, 470.
 горы Угорские 94.
 гораздъ 109, 129.
 Гориславичъ 16, 63.
 горнастаи 117.
 городеньский 102.
 городъ 306.
 горѣ 113.
 горячи 115.
 господинъ 93, 343.
 готовъ 22, 37, 129, 145, 150, 172, 301.
 готъский 85.
 градъ 124, 174, 331.
 грядати 64, 331.
 Греди 77, 171.
 грѣдница 77.
 гримати 57, 65, 172, 262, 326, 338.
 гроза 18, 21, 46, 76, 209, 298, 323, 324, 334, 343.
 грозный 18, 76.
 громъ 308, 309, 321, 322.
 грязивый 50.
 гусь 173.
 да 188.
 давечя 66.
 давный 16, 62.
 Даждь-Божъ (прит. прилаг.) 35, 62, 64.
 далече 52.
 дань 75.
 (не) дати 90, 172.
 дворъ 75.
 [дебрьски сани] 81.
 (другаго) дни 53.
 Деремела 171.
 диво 89, 342.
 дивъ 44, 209, 299, 302, 326—329, 342, 437.
 длъго 47.
 Днепръ 306, 331.
 дно 78.
 до см. отъ ... до.
 дождь 16, 54.
 докончати 341.
 Донецъ 32.
 Донъ 32, 34, 159, 296, 306, 328.
 дорискати 108, 172.
 дорога 45, 341, 384.
 dospѣти 98, 470, 471.
 достати 69, 341.
 дотечи 30.
 доткнутися 51, 104, 173.
 драгыи 22, 58.
 древо 28, 69, 191, 314, 315, 330.
 дремати 51.
 дрѣзь 109.
 [по дубию] 46, 209, 323.
 дума 21, 73.
 духъ 31, 159, 309.
 душа 107.
 дѣска (дѣска) 80.
 дѣва 85, 342.
 дѣвица 21, 22, 104, 122.
 дѣвка 49.
 дѣло 96.
 дѣля(че) 64.
 дѣти 56, 329.
 дятель 121.
 жадєнъ 85, 150.
 жажда 115.

- жалоба 121.
 жалость 42.
 жалощами 69, 330.
 жаль 70, 158.
 желѣзныи 22, 76, 77, 82, 83, 97.
 жемчужень 102.
 женцюгъ 80.
 жестоковыи 87, 111, 112.
 живыи 20, 29, 92, 296, 316.
 животь 19, 174.
 жизнь 62, 63, 64, 174.
 жирь 78.
 жирень 70.
 Жля 72.
 жребии 99, 103, 104.

 за 117.
 забороло 306.
 забрало 78, 331.
 забывъ 58.
 заворочати 66, 67, 324, 325.
 завтрокъ 118, 174.
 загородити 48, 100, 299, 333.
 заднии 88, 89.
 закалень 87, 150, 172.
 закладати 62.
 залетѣти 52.
 замышление 26, 27, 314.
 занести 191, 299, 310, 318, 319.
 запалати 47.
 зарание 48, 65, 162, 383.
 зарѣзати 30.
 заря 20, 47, 53, 321, 322.
 пред зорями 66, 310, 325.
 засапожникъ 88.
 заступати 324.
 заступивъ 94.
 заступити 42, 43.
 затворивъ 94, 172.
 затворити 16, 120, 332, 333.
 заткнути 115, 116.
 заутреня 108.
 звати 323, 324.
 звенѣти 35, 36, 66, 294, 310, 319, 320, 324.
 звонити 36, 85.
 звонъ 108.
 звоня 88, 342.
 звѣринъ 44.
 звѣрь (см. также лютыи зверь) 102, 323, 324.
 здравъ 125.
 зегзица 111, 303.
 зеленыи, зелень 22, 63, 119, 129, 341.
 земля 22, 85, 95, 171, 174, 209, 298, 299, 301, 302, 314, 315, 326, 327, 329, 330, 334, 341—343, 383, 437.
 земля Половецкая см. Половецкая земля.
 земля Русская см. Русская земля.
 злато 73, 74, 173, 342.
 златовръхыи 81, 168, 435.
 златокованныи 94, 170.
 златыи, златъ 22, 57, 58, 78, 86, 94, 102, 303, 324, 329.
 злаченныи 93, 122, 170.
 зло 90.
 знаемъ 150, 299.
 зоря см. заря.

 и 171, 173, 178, 183—185, 192, 195.
 идти 56, 172.
 избивая 118.
 изронити 86, 102.
 изъострень 38, 39, 150, 325.
 имати 75.
 иноходець 22, 23, 63.
 искати 325.
 искусити 16, 42.
 испити 16, 41—43, 81, 296, 321, 332.
 иссушити 76, 172, 326, 327.
 истягнути 31, 172, 309.

 казати 116.
 каленыи 57, 65, 170, 296.
 каменныи 22, 113, 114, 262, 306, 331, 470.
 камо 193.
 [Канинь] 63, 341.
 Карна 72.
 [кая] 58.
 Каяла 34, 55, 297, 321, 336, 338, 339.
 каяти 78, 172, 332.
 кикати, кыкати 64, 111, 331.
 класти 19.
 клекътъ 46, 323, 324.
 кликати 44, 139, 172, 209, 302, 326—329.
 кликнути 72, 117.
 кликъ 56, 88, 262, 263, 303, 304, 329.
 клюка 104.
 кнѣсь 22, 80, 81, 150.
 княжь 90.
 князь 18, 21, 22, 91, 108, 325, 326.
 ковати 61, 172.
 [ковыла] 63.
 ковылие 113.
 когань 123, 317.
 кое 100.
 кожухъ 50.
 коли 89, 187, 188, 192.
 комонь 22, 35, 37, 41, 72, 262, 294, 296, 301, 305, 319—321, 325.
 конецъ 42, 262, 295, 300, 301.
 [о кони] 104.
 копие 16, 38, 42, 262, 295, 300, 326, 525.
 копыто 66, 301, 326.
 корабль 113.
 король 94.
 кость 19, 191, 301, 323, 324, 326.
 котора 16, 60, 61, 75.
 [которою] 61, 189, 193.
 которыи 75, 193.
 кошени 79, 209, 299, 334, 343.
 крамола 16, 60, 61.
 красныи, красень 21, 22, 31, 59, 115, 122, 150, 342.
 кречеть 52, 163, 209, 211, 294.
 крильце (от крыло) 82, 112.
 кричати 45, 91, 298, 322, 327—329.
 кровавыи 22, 53, 68, 102, 107, 111, 321, 322, 341.
 [кровать] 22.
 кровь 19, 87, 262, 301, 326, 327.
 кромѣ 124.
 крыло 341.
 крѣпость 31, 309.
 крѣсити 72, 98.

- {до} курь 108.
 [кусь] 105, 106.
 кусть 120.
 къ 117.
 къметь 37, 73, 150, 209, 295, 325, 435.
 кыкати см. кикати.
 лада 22, 73, 342.
 латинскии 97.
 лебединьи 341.
 лебедь 29, 45, 70, 173.
 лелѣяти 38, 138, 172, 331, 340.
 летая 33, 262, 319.
 лжа 18, 61, 75.
 лисица 46, 209, 323, 324, 408, 435.
 Литва 171.
 литовскии 338.
 лоно 80.
 лугъ 118.
 лука (залив) 76.
 лукъ 38, 115, 116, 325.
 луце (лучше) 17, 40, 157, 209, 297, 298.
 лучь 115.
 льпо 25, 156, 209, 295, 313, 314.
 лѣта (годы) 60.
 любо (либо) 43.
 любовь 104.
 люди 107, 108.
 лютии (зверь) 22, 39, 105.
 ляцкыи 100.
 месьть 85.
 мечь 22, 57, 76, 101, 173, 334, 338, 343.
 мнѣи, милъ 22, 36, 59, 342.
 ми (дат. пад. от азъ) 66, 310.
 минути 60, 109, 155.
 мѣвити 122.
 мѣння 17, 54, 262, 308, 321, 322.
 многовои 87, 168.
 Могуты 88.
 мои 71, 150, 168, 301.
 молодыи 22, 331.
 молотити 19, 106.
 Морава 77, 171.
 море 21, 22, 55, 70, 262, 308, 321, 322.
 мостити 50, 383.
 мость 50, 383.
 мѣчи 328.
 мръкнути 47.
 Мстиславичи 16, 171.
 мужатися 88.
 мужество 31, 309.
 мутно 55, 56.
 мутень 79.
 мы 153.
 мыкати 113.
 мыслень 28, 33.
 мысль 19, 21, 28, 73, 92, 96, 117, 174, 314, 315.
 (в) мытэхъ 90.
 мычючи 72, 73.
 мъгла 19, 47, 105, 116.
 мѣрити 19, 117.
 мѣсяць 331.
 на 118.
 навести 31, 172, 209, 309, 317, 318.
 наводити 103.
 наниче 90, 91.
 напасть 342.
 на переди 37, 262, 301.
 наплѣнився 31, 159, 172, 309.
 напряжень 38, 150, 325.
 нарищуше 75.
 насилие 103.
 наступити 76, 326.
 насыпати 78, 172.
 начати 156, 209, 295, 297, 313, 314.
 наю (род. пад. от въ) 122.
 не 180, 191.
 невеселыи 69, 383.
 неговати 80.
 неготовыи 45, 169, 341, 384.
 неже 17, 40, 190, 297, 298.
 незнаемъ 44, 111, 296, 297, 301, 302, 326.
 нельзѣ 110, 158.
 нелюбие 119.
 нетрудныи 112.
 ни 173, 178, 209, 211.
 ничити 330.
 Новѣградъ (Северскый) 319, 320.
 ногата 92.
 носадъ 114, 331.
 носити 96.
 ночь 47, 79.
 ношь 43, 44.
 нужда 85.
 нъ (но) 178, 185, 187, 191, 192.
 нынѣ 110, 111.
 нынѣшнии 16, 31.
 Нѣмци 77, 171, 332.
 оба 194, 330.
 оба полы 33, 34.
 обида 17, 52, 63, 70, 71, 90, 174, 209, 211, 294, 341.
 облако 28, 29, 113, 262, 308, 319.
 обратитися 91.
 обычаи 60, 174.
 обѣдъ 118, 174.
 обѣситися 105, 172.
 оварьскыи 57, 58, 338.
 одинъ 37, 330.
 одолѣти 86, 97.
 одѣвавъ 119.
 одѣвати 79.
 ожерелие 102.
 озеро 173, 326, 327.
 око (очи) 73, 342.
 оксамить 22, 50.
 Ольберы 88.
 Ольговичи 16.
 Ольговъ (прит. прилаг.) 60, 317, 341.
 омочити 111.
 опутати 82, 83, 122.
 орель 22, 28, 174, 209, 323, 324.
 орѣтъма 50.
 Осмомысль 93, 94.
 острыи 22, 101, 333.
 [оступити] 56, 304, 329.
 осядланъ 22, 143, 150, 172, 301.
 отворень 38, 150, 325.
 отворити 16, 106, 172, 333.
 отворяти 95.

- огень 16, 58, 59, 91.
[отступити] 304, 329.
оть ... до 31, 117, 162.
- паволока 50.
[паворзи] 97.
паполома 22, 63, 72, 79, 341.
[папорзи] 97.
пардужь 84.
пасты 46, 149, 209, 323.
пáстися 77.
пахатися 110.
печаль 74.
Пирогощя 124.
пирь 341.
плавати 93, 96.
плакати 112, 306.
плакатися 120.
пламянь 72, 73.
плещучи 70.
плькъ 16, 24, 31—33, 60, 65, 173, 209,
295, 304, 309, 313, 314, 317—319,
325, 326.
по 50.
побарая 124.
поблюсти 91, 92.
побѣда 71, 471.
побѣдныи 99, 100.
побѣчи 45, 46.
повить 37, 38, 150, 172, 209, 300, 340.
поволочися 84.
поврѣщи 97, 334, 343.
повѣдати 53, 122, 321, 322.
повѣсть 26, 209, 295, 313, 314.
поганыи 48, 49, 209, 211, 294, 299, 303,
334, 343.
погаснути 84, 116.
погрузити 78.
погыбати 64.
погыбнути (погынути) 71.
подати 342.
подвизатися 117, 144.
подклонити 16, 97, 334, 343.
подперѣти 172.
подперѣтися 104, 172.
подѣлити 98.
пожрѣти 120.
позвонити 101, 108, 172.
позрѣти 16, 41, 154, 296, 321.
поискати 81.
покрыти 47.
поле 16, 21, 22, 32, 34, 42, 43, 47, 48,
76, 77, 100, 262, 263, 296, 297, 299,
301, 303, 304, 310, 318, 319, 326,
327, 329, 333, 341.
поле Половецкое 16, 32, 122.
[полелѣяти] 38.
полетѣти 172.
полѣчи 68, 69, 139.
ползти 121.
полызати 102.
Половецкая земля 16, 18, 32, 306, 317,
318, 326, 470.
половецкыи 298, 327, 328, 338.
Половци 171.
[полозие] 121.
- полонень 41, 139, 157, 162, 209, 297,
298.
полочане 163.
полудни 67.
полуночь 105.
полунощи 45, 105, 116.
полянъ 19, 66, 150, 262, 301, 302, 326,
327.
помалькнути 121.
помнити 29.
помолодиться 89, 156, 342.
Поморие 44.
помчати 22, 49.
помѣркнути 83.
помянувь 110.
понизити 103, 172.
поници 102, 331, 334, 342.
поострити 31, 172, 309.
попоити 22, 23, 68, 341.
порожденъ 150, 209, 211, 294.
порохъ 56.
посвѣчивая 303, 329.
поскепанъ 57, 338, 437.
поскочити 57, 117, 172, 303.
послушати 209, 302, 326, 328.
пособие 90, 150.
постлати 63.
Посулие 44.
посуху 92.
посѣянь 19, 66, 143, 150, 191, 301, 326,
327.
потечи 118, 172.
потокъ 173, 326.
потоптати 16, 48.
потрепати 74, 155, 342.
потручатися 22, 54, 338.
потягъ 40, 41, 139, 157, 162, 209, 297,
298.
[похоти] 42.
похытити 89.
почати 154.
поѣхати 172.
правити 53.
прадѣднии 88.
прегородити 48, 56, 262, 263, 303, 304,
329, 341.
преди 30.
преднии 88, 89.
преклонитися 69, 121, 191, 330, 409.
прелетѣти 92.
прерыскати 108, 172.
претрѣгнути 119.
пригвоздити 110.
прикрыти 40, 70.
приламатыся 54.
приложити 16, 43, 325, 326.
приломити 16, 42.
приодѣти 102.
припѣвка 20, 21, 109.
припешати 22, 23, 82.
притоптати 22, 76, 172, 326, 327.
притрепати 22, 101, 102, 150, 172.
притрепетати 22, 76, 172.
пробити 113, 138, 262, 306, 331, 470.
проляти 87.
прострѣти 115.
прострѣтися 84, 342.

- пръвое 109.
 пръвыи 16, 29, 110, 314—316.
 пръсть 20, 29, 30, 191, 296, 316.
 прыскати 172.
 прыснути 116.
 птица 71, 72, 122.
 птичь (птиць) 46, 323.
 пустыни 69, 70.
 Путивлю (дат. пад. от Путивль) 113.
 путина 22, 82, 83.
 путь 38, 116, 299, 324, 325.
 пущати 29, 191.
 пѣснотворецъ 123, 317.
 пѣсны 16, 26—28, 30, 34, 78, 122, 314, 315.
 пѣти 16, 26, 27, 30, 34, 78, 85, 172, 302, 326.
 пѣвъ 124.
 пятъкъ 48, 383.
- радъ 124, 150.
 развѣяти 113.
 разлиятися 74.
 разлучитися 67, 144.
 разумѣти 117.
 рана 17, 22, 91, 93, 111, 174, 298, 327, 328.
 ранень 296.
 рано 53, 58, 86, 111, 306, 310, 324.
 раскропити 92, 328, 332.
 растѣкаться 28, 314, 315.
 рассутися 49.
 расти 18, 62.
 расхытити 99, 100.
 расшибити 106, 172.
 ратан 64, 331.
 ратныи 31, 159, 309.
 рать 65.
 Ревуги 88.
 резана 92.
 речи 122, 123, 172.
 рече («говорят») 29.
 руче 73, 112, 298, 306, 332.
 рди 22, 45, 72, 191, 193.
 ржати 35, 294, 319, 320.
 (се у) Ринь 91, 327—329.
 ристати 34.
 рогъ 72, 73.
 розно 110.
 рокотати 22, 30.
 роса 22, 118.
 роспущень 45, 150.
 [ростре на кусту] 120.
 рострѣлати 122.
 рострѣти 120.
 Росъ (река) 44, 98, 101, 174.
 рукавъ 111.
 Русичи 42, 43, 304.
 Русская земля 16, 17, 32, 66, 93, 209, 299, 309, 323, 324, 334, 342.
 русскыи 107, 304.
 ручей 120.
 рыкати 93, 262, 296, 297, 301.
 рыскати 108, 172.
 рѣка 22, 55, 173, 321, 322, 326, 327.
 рѣтко 64, 331.
 рѣчь 262, 305.
- рядити 21, 107, 108, 172.
 рядя 95.
- сабля 38, 39, 91, 262, 296, 298, 325—328, 338.
 салтанъ 95, 96.
 свать 68, 341.
 свивая 33.
 свиснути 117.
 свистъ 44.
 свои 168, 262, 301, 305.
 свычан 60, 174.
 свѣдомъ 37, 209, 295, 325, 435.
 свѣтитися 17, 124.
 свѣтлыи 22, 36, 37, 40, 317, 330.
 свѣтъ 36, 37, 47, 53, 65, 97, 122, 321, 322, 330.
 Святъславличъ 16, 24, 37, 150, 194, 330.
 Святъславль (прит. прилаг.) 317, 331.
 сдумати 21, 73, 155.
 седьмыи 103.
 сердце 87, 309.
 сидѣти 94.
 сизыи см. шизыи.
 сила 70.
 сильныи 87, 168, 326.
 синии 17, 21, 22, 54, 70, 80, 105, 159, 262, 296, 308, 321, 322.
 скакати 39.
 скача 33.
 сквозѣ 114, 306, 470.
 скованъ 87, 150, 172.
 скочити 104, 105, 118, 172, 342.
 скратитися 64.
 слава 16, 20, 30, 33—36, 39, 40, 62, 63, 78, 88, 89, 101, 159, 294, 302, 313, 314, 319, 320, 325, 326.
 славии 33, 34.
 славии (прилаг.) 47.
 слати 114.
 слеза 86, 114.
 слово 23, 26, 86, 209, 295.
 Словутичь 113, 306, 331.
 (не) слышано 65, 158.
 слышати 111.
 слѣдъ 53, 121.
 слѣтѣти 81.
 смага 22, 72.
 сморкъ 116.
 смысленныи 109.
 смыслати 21, 73, 155.
 смѣшенъ 80.
 снестися 342, 437.
 снопь 19, 106.
 собою 118.
 соколъ 21, 29, 30, 34, 52, 81, 163, 191, 209, 211, 294, 295, 299, 310, 318, 319.
 соколецъ 122.
 соколичъ 122.
 солнце 17, 22, 40, 53, 83, 97, 124, 317, 324, 331, 471.
 соловен 20, 33, 317, 319.
 сонъ 79.
 сорока 121, 191.
 [спала] 41, 42.
 спати 116.

- спрячи 115, 116.
 серебряныи 51, 87, 101.
 серебро 73, 74, 173, 342.
 середь 66.
 сронити 97.
 стадо 29, 318.
 старыи, старь 16, 26, 30, 33, 89, 110,
 129, 209, 295, 313, 314, 317, 319, 342.
 створити 87.
 слава 119.
 сласти 19.
 стлѣпь 83, 331.
 столя 16, 58, 59, 91, 94, 104, 174.
 стонати 109, 110.
 стонуши 43, 44.
 стоят 172, 304, 319, 320, 329, 340.
 страдати 109.
 страна 56, 124, 171, 304.
 стрезжати 119.
 стремень 43, 78, 324.
 Стрибожь (прит. прилаг.) 35, 55.
 стругъ 120.
 стружие 51, 104.
 струна 20, 29, 296, 316.
 струя 119.
 стрѣла 16, 54, 55, 57, 122, 329, 333, 341.
 стрѣлака (от стрѣла) 112, 338.
 стрѣляти 92, 95, 96, 209, 299, 334, 343.
 студенныи 22, 118, 170.
 стукнути 117.
 стягъ 36, 56, 67, 319, 320, 329.
 судити 107, 108, 172.
 судъ 21, 62, 95.
 судъ божии 109.
 Сула (река) 35, 36, 44, 98, 101, 174,
 319, 320.
 сулица 97, 171, 334, 343.
 [схоти ю, с хотию] 101, 102.
 съ 53, 162.
 съглядати 73, 155, 342.
 сыновець 86.
 сынъ 24, 107.
 сыпати 80.
 сѣдина 87.
 сѣдлати 37, 153, 301.
 сѣдло 22, 78, 79.
 сѣнь 119.
 сѣрыи 22, 28, 29, 39, 314, 315, 342.
 сѣяти 61, 62, 172, 329, 341.
 сѣяться 18.
 тако 120.
 тамо 193.
 Татраны 88.
 творити 28.
 текътъ 121.
 темень 120.
 темно 83, 158.
 тепло 115, 150.
 теплыи 119.
 теремъ 81.
 течи (идти, бежать) 22, 72, 95, 101.
 течи (течь) 55, 74, 75, 298, 334, 343.
 ти 37.
 тисовъ 22, 79, 80.
 то 75, 187, 192.
 тогда 29, 187, 188, 192, 317, 324.
 токъ 19, 107.
 толковинъ 80.
 только 121.
 Топчаки 88.
 тоска 74, 91, 171.
 тотъ 168.
 тощи 80.
 трава 22, 69, 102, 119, 330.
 трепетати 54, 308, 321, 322.
 тресвѣтлыи 19, 114, 115.
 треснути 65, 85.
 трещати 65, 262, 326, 525.
 тропа 34.
 тростие 117.
 Троянь 34, 60.
 труба 36, 209, 300, 319, 320, 334, 340,
 342.
 трубити 36, 209, 319, 320, 334, 342.
 трудныи 26, 209, 295, 313, 314.
 трудъ 80.
 трупие 64.
 труся 118.
 ту 77, 80, 115, 116, 325.
 не бысть ту 102.
 туга 19, 66, 69, 74, 91, 171, 330, 342,
 409.
 туль 38.
 Туръ (см. также Буи Туръ) 36, 296, 297,
 301, 303, 304, 329.
 тутнети 55, 383.
 туча 17, 22, 53, 308, 321, 322.
 тыи (тын) 60, 168.
 ты 152, 306, 317, 319.
 тьма 40, 324.
 Тьмутороканьскыи 45.
 тѣло 107, 111.
 тѣлъга 45, 322.
 тѣжко 158.
 убудити 44, 47, 70, 75.
 удалыи 92.
 уедие 22, 23, 64, 65.
 уже 46, 209, 299, 342.
 ужина 118, 174.
 узорочье 50, 341.
 умъ 31, 33, 309, 319.
 уноша 120.
 уныти 79, 121, 191, 209, 331, 334, 342.
 [упудити] 70.
 усобица 16, 29, 63, 71, 315—317.
 успети 47.
 успити 75, 76.
 утро 62.
 утрѣгнути 105, 172.
 [утрѣже ваззни] 105.
 утрѣпѣти 97, 98, 471.
 утрѣти 111.
 ухо 62.
 ущекотати 33, 139, 317, 319, 335, 336.
 харалужныи 57, 106, 107, 168, 262, 326,
 327, 334, 338, 339, 343.
 хвала 84, 342, 437, 438, 456, 475, 476.
 Хинова 84, 297, 322, 323, 334, 336—338,
 343.
 хиновскыи 337, 338.
 хльмъ 76, 173, 326, 327.

- хоботь 110.
 [Ходына] 123, 317.
 хоробрыи 51.
 Хорсь 108.
 хорюговь 50.
 хоть 59, 101, 102, 123, 317.
 хотѣти 172.
 хотя (от хотѣти) 97.
 храбрыи 30, 31, 51, 209, 309, 317, 318.
 христьяне 125.
 худъ 99, 120.
 хула 84, 342, 437, 438, 457, 475, 476.
 хытръ 109.
- цвѣлити 86.
 цвѣты 121, 191.
 цепь см. чепъ.
- чага 92.
 чаица 119.
 часто 331.
 чему 112, 162.
 чепъ 19, 106.
 честь (в косв. пад. чти) 16, 39, 40, 159,
 174, 325, 326.
 чи (ли) 35, 89, 310, 318, 319, 342.
 чистыи 21, 22, 43.
 чресь 34.
 чръныи, чрънь 17, 22, 53, 66, 129, 209,
 211, 294, 295, 301, 308, 321, 326, 327.
- чръпати 80.
 чръленыи 22, 46, 50, 51, 72, 304, 323,
 408, 435.
 чрънядь 119.
 что 66, 310, 324.
- Ш**арокань (прит. прилаг.) 85.
 шеломъ 16, 22, 38, 57, 72, 93, 101, 150,
 171, 209, 262, 296, 300, 303, 321,
 326, 328, 329, 332, 338.
 шеломянь 46, 47, 323.
 Шельбиры 88.
 шерешеры 92.
 шестокрилецъ 99.
 шизыи 22, 28, 29.
 широкияи 22, 34, 310, 318, 319.
 ширяся 96.
 шумѣти 66, 310, 324.
- щекотъ 33, 47.
 щить 46, 48, 209, 304, 323, 408, 435.
- ѡздити 191.
- яко 190.
 япончица 50.
 Ярославль (прит. прилаг.) 60, 317.
 Ярославна 59.
 яруга 38, 173, 323, 324, 326, 327.
 Ятвязи 171.
-

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Акты Кирилло-Белозерского монастыря** 1435—1447 гг. 495.
- «Александрия» 30, 36, 39, 41, 42, 44, 46, 47, 53, 56, 70, 75, 78—80, 105, 106, 109, 124, 290.
— редакция первая 24, 45.
— сербская, список Ефросина 302, 316.
- «Аноним Искендера» 479, 520.
- Апокалипсис 277.
— списки XII—XIII вв. 38, 40, 64.
- Апокрифы (см. также «От скольких частей создан был Адам», «Откровение Мефодия Патарского», «Хожденіе богородицы по мукам») 111.
- Апостол 37, 61, 94, 109, 515.
— список 1220 г. 65.
- «Апостол» Христинопольский XII в. 25, 116.
- «Бархатная книга» 493, 495, 497—500, 504.
- Библия 14, 17—19, 27, 46, 51, 53, 56, 73, 113, 118, 348, 364.
- Былины (см. также «Данила Игнатъевич и Михайла Данильевич», «Дунай») 13, 21, 83.
- Ветхий Завет 19, 61; список XIV в. 66, 69, 70, 74.
- «Вопросы Кирика, Саввы и Ильи» 1130—1156 гг. 48, 49, 103.
- Гимнография 17, 19—22, 35, 37, 38, 56, 61, 75—77, 92, 100, 114, 124.
- Грамота 1108 г. венгерского короля Колмана 45.
- Грамота 1125—1137 гг. Всеволода Мстиславича 76.
- Грамота 1130 г. великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 90, 97.
- Грамота 1147 г. игумена Антония монастырю, им основанному 120.
- Грамота ок. 1284 г. рижского архиепископа к смоленскому князю Федору 54, 107.
- Грамота 1383 г. 47.
- Грамота 1435 г. 75.
- Грамота вкладная до 1400 г. полоцкого князя Онуфрия 107.
- Грамота данная 1448—1470 гг. Карголомского князя Федора Ивановича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Кассиану 495.
- Грамота договорная 1189—1199 гг. Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 103, 111, 117.
- Грамота договорная 1229 г. смоленского князя с Ригой и Готским берегом 114.
- Грамота договорная 1264—1265 гг. Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 54, 95, 107, 114.
- Грамота договорная 1301—1302 гг. тверского князя Михаила Ярославича с Новгородом 52, 62.
- Грамота договорная 1307 г. Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем 107.
- Грамота договорная 1318 г. великого князя Юрия с князем тверским Михаилом Ярославичем и Новгородом 52, 65.
- Грамота договорная 1375 г. Новгорода с великим князем Михаилом Тверским 119.
- Грамота договорная до 1381 г. Мама с Кафой 521.
- Грамота dokonчальная 1377 г. московского великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича с великим князем Андреем Ольгердовичем 514.
- Грамота духовная до 1270 г. Климента 92.
- Грамота духовная 1327—1328 гг. московского великого князя Ивана Калиты 51, 81.
- Грамота духовная 1375 г. московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского 499.
- Грамота духовная 1379 г. московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского 500.
- Грамота духовная 1389 г. московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского 494, 499.
- Грамота духовная 1486 г. белозерского и верейского князя Михаила Андреевича 495.
- Грамота жалованная 1377 г. князя Владислава Опольского Ладомуру Волошину 73.
- Грамота жалованная 1394 г. великого князя литовского и короля польского

- Ягайлы Ольгердовича Даниле Дажбогвичу Задеревецкому 64.
- Грамота мирная 1199 г. Новгорода с немцами при князе Ярославле Владимировиче 111.
- Грамота отдельная 1530 г. Ферапонтова монастыря 34.
- Грамота Полоцкая 1553 г. 177.
- Грамота поучительная 1416 г. митрополита Фотия во Псков 29.
- Грамота присяжная 1388 г. князя Дмитрия Ольгердовича Брянского на верность королю Ягеллу, Ядвиге и короне польской 516.
- Грамота разъезжая 1554 г. 68.
- Грамота рядная 1266—1291 гг. Тешаты и Якима 27, 49.
- Грамота рядная 1315—1322 гг. 47.
- Грамота судная псковская 73, 112.
- Грамота уставная 1392 г. митрополита Киприяна Константиновскому монастырю 106.
- Грамота уставная двинская 1397 г. 111.
- Грамоты XII—XVII вв. 132, 135, 137, 171, 176, 177, 188, 334.
- Грамоты 1471—1475 гг. карголомского князя Ивана Федоровича 495.
- Грамоты 1473—1486 гг. карголомской княгини Феодосии 495.
- Грамоты берестяные новгородские 107, 132, 141, 171, 176, 188, 189.
- Грамоты договорные 1362, 1367, 1389 гг. московского князя Дмитрия Ивановича 76.
- Грамоты договорные 1380, 1381 и 1387 гг. Кафы с правителями Солхата (Сурожа) 521—523.
- «Данила Игнатьевич и Михайла Данильевич», былина 83.
- Двинская уставная грамота, см. Грамота уставная двинская.
- «Девгениево деяние» 36, 37, 41, 50, 53, 86, 94, 103.
- Дело местническое Бутурлина с Плещеевым 504.
- Дело местническое 1632—1636 гг. князя Ивана Буйносова-Ростовского с князем Федором Елецким 500, 501.
- Дело розыскное рязанского князя Ивана Ивановича 488.
- «Дунай», былина 83.
- Духовная, см. Грамота духовная.
- Евангелие 29, 102, 103, 268, 273, 348, 370, 515.
- Евангелие Галицкое 1143—1144 гг. 26, 29, 41, 45, 47, 60, 80, 95, 102, 110, 113.
- Евангелие Мстиславово ок. 1115 г. 117.
- Евангелие Остромирово 1056—1057 гг. 19, 26, 29, 34, 38, 40—44, 47, 48, 51—53, 56, 62, 63, 65, 66, 69, 70, 73, 80, 82, 84, 91, 98, 103, 105, 107—111, 113, 116—120, 124, 189.
- Евангелие Юрьевское 1119 г. 53, 119. «Екклезиаст» 119.
- Житие Авраама Ростовского 35.
- Житие Александра Невского 4, 8, 53, 77, 81, 102, 119, 124, 364—369, 477—485, 491, 511.
- Житие Андрея Юродивого 46, 54, 70, 85, 96, 105, 108, 118.
- Житие Афанасия Александрийского 59, 64.
- Житие Бориса и Глеба 56, 90, 93, 106, 107, 109, 112, 118.
- список Сильвестровский XIV в. 46.
- список Успенский XII в. 59, 85, 87, 97.
- Житие Варлаама и Иоасафа 33.
- Житие Довмонта-Тимофея 477.
- Житие Евфросинии Полоцкой 88.
- Житие Иоанна Златоуста, список XV в. 108.
- Житие Кирилла Белозерского 495.
- Житие Кондратия XI в. 94, 104.
- Житие Макария Римского 29.
- Житие Мефодия Моравского 77, 113.
- Житие Михаила Тверского 29.
- Житие Николы Мирликийского 88.
- Житие Нифонта 116.
- Житие Панкратия Тавроменийского, сербский список XIII—XIV в. 58.
- Житие Стефана Лазаревича 365.
- Житие Стефана Пермского, написанное Елифанием Премудрым 106.
- Житие Феодора Студита 78, 118, 119.
- Житие Феодосия Печерского Нестора 25, 31, 34, 40, 55, 66, 67, 70, 80, 84, 87, 95, 110, 112, 113, 117, 121, 123, 124.
- Житие царя Федора Ивановича 477.
- Житийная литература 94, 124.
- Житийные похвалы 17, 20.
- «Задонщина» 4—10, 24, 33, 51, 73, 113, 127—168, 176, 177, 199—266, 281, 282, 289—478, 485, 486, 488, 490, 492, 494, 498—500, 502—504, 506, 507, 516, 517, 521, 524—526, 531, 532.
- авторский (первоначальный, архетипный) текст 6, 7, 157, 200—202, 207, 239, 242, 247—249, 263—265, 292—295, 311, 312, 343, 379, 381—386, 391, 393—398, 402, 411, 417, 420, 421, 426, 430—435, 438, 439, 450, 452, 453, 467—470, 473, 475, 476, 527, 529, 531.
- извод Синодальный 7, 202, 203, 205, 210—215, 217, 219, 221—226, 228, 230—235, 237, 239—250, 252—257, 259—263, 286, 293—297, 300—308, 310, 312, 316, 320, 322, 323, 332, 333, 336, 337, 380—383, 446, 450, 469, 472, 475—476.
- извод Ундольского 7, 202—204, 206—228, 230, 232—237, 239—247, 249, 250, 254—257, 259—263, 293—297, 300—303, 305—311,

- 314, 318, 320, 322, 323, 332, 336, 337, 379, 381—383, 444, 446, 450, 466, 468, 472, 475—476.
- протограф списка Исторического первого 208, 263.
- протограф списка Кирилло-Белозерского 247, 248, 302, 305, 306, 311, 406, 410, 426, 432, 433, 439, 473, 531.
- протограф списков Ждановского и Ундольского 203.
- протограф списков Исторического первого и Ундольского 406—407.
- протограф списков Исторического второго и Ундольского 204—206, 263.
- протограф списков Кирилло-Белозерского и Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище» 250, 261, 406, 407, 414, 415, 432, 433.
- протограф списков Кирилло-Белозерского и Синодального 210, 212—215, 218—220, 228, 406, 407, 430 (см. также «Задонщина», извод Синодальный).
- протограф списков Кирилло-Белозерского, Синодального и Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище» 231.
- протограф списков Синодального и списка, использованного в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» 249, 250.
- редакция краткая (по В. Ф. Ржиге) 6, 200, 202, 246, 252, 377.
- редакция пространный, полная (по В. Ф. Ржиге) 6, 7, 200, 202, 299—300, 309, 310, 377.
- редакции первая и вторая (краткая) и поздняя (пространная) по Е. В. Барсову 201, по А. Мазону и Я. Фрчеку 201, 246, 249, 291, 438, 439.
- список Ждановский 158, 176, 199, 200, 202—204, 210, 232, 241, 263, 297, 336, 402, 418, 450, 526—529.
- список, использованный автором Печатного варианта «Сказания о Мамаевом побоище» 224—232, 235, 239—241, 244, 249, 255—263, 392—401, 403, 405—409, 411—418, 431—435, 438.
- список, использованный в списке Румянцевском № 378 «Сказания о Мамаевом побоище» 236—239, 428—431, 458, 459, 469.
- список Исторический первый 129—149, 151—165, 167—169, 173, 175—192, 195, 199, 200, 203—221, 225—239, 241, 243—248, 252—254, 258, 259, 263, 293—303, 305—310, 313—315, 318, 320—339, 342, 378—383, 385, 392—395, 397—400, 402—410, 412—415, 417, 419, 420, 422, 424, 425, 428—431, 433, 435, 437, 444, 445, 448, 450—454, 457—461, 463, 465—467, 469, 470, 472—475, 525—530, 535—540.
- список Исторический второй 131, 132, 136—146, 148, 149, 152, 155—157, 160—163, 165—167, 169, 172, 177, 181, 184, 185, 188, 190, 199, 200, 203—207, 210, 214, 232, 236, 238, 240, 263, 298, 303, 304, 306, 327—329, 332, 333, 337, 342, 379, 385, 405, 406, 409, 424, 428—430, 433, 460—468, 470.
- список Кирилло-Белозерский (Ефросина) 5—8, 129—139, 141—143, 145—149, 152—154, 157, 160—162, 164—169, 175—186, 189, 190, 191, 199—202, 204, 205, 210—237, 240, 242—265, 282—291, 293—312, 316, 318, 320—326, 328, 329, 336, 337, 339, 377, 379, 380, 382, 383, 385, 386, 392—400, 402, 404—415, 417, 428—435, 438, 439, 444, 445, 448, 450—454, 460, 470, 472, 473, 476, 493, 502, 503, 523—526, 528—532.
- список Синодальный 82, 129—149, 152—169, 175—192, 199, 200, 202—206, 208, 210—263, 282, 286, 293—303, 305—310, 312—316, 318, 320—329, 331—333, 335—337, 377, 379—383, 385, 393—395, 397—400, 402—415, 417, 419, 420, 422, 424, 429—433, 435, 444, 445, 448—450, 460, 463, 465—467, 470, 472—475, 507, 524—530.
- список Ундольского 27, 128—194, 199—221, 230, 232, 233, 235—237, 241—244, 246—248, 252—254, 257, 258, 263, 283, 284, 287, 293—303, 305—311, 313—316, 318—326, 328—330, 332, 334—337, 339, 342, 353, 377—383, 385, 393—395, 397—400, 402—415, 417—420, 422, 424, 425, 428—431, 433, 435, 437, 444, 445, 448, 450—454, 457—461, 463, 465—467, 469, 470, 472—475, 525—530, 535—540.
- Запись Епифания Премудрого на Стихире 1380 г. 509.
- Запись на псковском Апостоле 1307 г. 3, 8, 9, 61, 64.
- Запись на столбе Киевской Софии 27—28.
- «Златая Матица» 47.
- «Златая цепь» 38.
- «Златоструй» XII в. 35, 46, 56, 59, 60, 80, 88, 90, 94, 96, 97, 105, 111, 114, 119—121, 315, 318.
- Изборник Святослава 1073 г. 27, 29, 38, 44, 45, 53, 55, 56, 60, 64, 67, 70, 88, 93, 96, 102, 104, 105, 108, 109, 118.
- Изборник Святослава 1076 г. 26, 31, 38, 40, 44, 47, 53, 56, 60, 66, 69, 82, 85—87, 98, 99, 103, 121, 124.

- «Измарагд» 69, 90.
 Ирмологий ок. 1250 г. 105.
 «Исповедание веры» киевского митрополита Илариона 123.
 «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, русский перевод XII в. 14, 17, 18, 20, 23, 25—27, 29, 31, 35, 37, 39—48, 50, 51, 53—62, 67—69, 72, 74—79, 84—90, 92, 94, 97, 99, 101, 103—107, 109—119, 121, 122, 124, 276—282, 284—290.
 — оригинал византийский 22.
 — редакция «отдельная» 277.
 — список Виленский 116.
 — список Кирилло-Белозерский № 22 276—281, 283—285, 288—290.
 — список Кирилло-Белозерский № 53 277—281, 283—285, 288—290.
 «История о великом князе московском» А. М. Курбского 497.
 «История Польши» Яна Длугоша 508.
 «Книга бархатная» см. «Бархатная книга».
 «Книга Большому Чертежу» 489, 508.
 Книга Бытия, список XIV в. 79.
 Книга Второзакония 345, 369.
 «Книга назиданий» Усам ибн Мункыза 90.
 «Книга назидательных примеров» Ибн Хальдуна 518, 520.
 «Книга паломник» Антония Новгородского 53, 108.
 «Книга побед» Шереф-ад-дина Йезди 518.
 Книга пророка Иезекииля 73, 102, 123.
 Книга пророка Иеремии 65, 78, 79, 119.
 Книга пророка Исаии 39, 97.
 Книга пророка Осии 84, 115.
 Книга Степенная 354.
 Книга Судей 107, 113.
 «Книги животные» см. Синодик.
 Книги писцовые 107, 487.
 Книги Пророков (см. также Толкования на Книги Пророков) 72, 85, 117.
 Книги разрядные 343, 498, 500—502.
 Кормчая XVI в. 38.
 Кормчая Ефремовская ок. 1110 г. 47, 79, 111, 119.
 Кормчая Новгородская 1280 г. 43, 63, 79, 112, 119.
 Легенда о Георгии и драконе 116, 117.
 «Лествица» Иоанна Синайского 86, 102.
 Летописец Архангелогородский см. Летописный свод Устюжский.
 Летописец Владимирский 354.
 «Летописец вскоре патриарха Никифора» 251, 286—287.
 Летописец Едомский 394.
 Летописец епископа Павла см. Летописец Павла.
 Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 251, 265.
 Летописец Морозовский 394.
 Летописец Павла 354, 502, 503.
 Летописец Переяславля Суздальского 80.
 Летописец Рогожский 355, 362.
 Летописец Ростовский см. Летопись Ростовская.
 «Летописец Руской» 251.
 Летописи (летописание) 4, 14—21, 32, 33, 35, 38, 40, 41, 43, 49, 50, 54, 56—58, 61, 63, 69—71, 73—75, 77—79, 81, 86—88, 91, 93, 95, 97, 98, 103, 105—110, 112, 116—120, 122, 125, 154, 205, 238, 265, 339, 345, 372, 491—494, 497, 498, 501, 504, 505, 510, 511, 518.
 Летописи новгородские 143.
 Летописи псковские 354, 524, 525.
 Летописи рязанские 510.
 Летописи южнорусские XII—XIII вв. 15, 25, 32, 59, 114.
 «Летописная повесть» о Куликовской битве 5, 7, 207, 208, 216, 238, 250, 286, 312, 339, 341, 343—384, 389, 391, 441, 458, 459, 476—479, 484—486, 488—490, 492—494, 497—500, 502, 504—507, 509—511, 515, 518—522.
 — в Архангелогородском летописце 353, 354.
 — в Вологодско-Пермской летописи 347.
 — в Воскресенской летописи 347, 371.
 — в Ермолинской летописи 344, 348, 349, 354.
 — в Летописи Авраамки 345, 346, 354.
 — в Летописи Новгородской по списку Дубровского 350, 351, 354, 363.
 — в Львовской летописи 344, 349.
 — в Никаноровской летописи 347.
 — в Никоновской летописи 354, 363.
 — в Новгородской первой летописи младшего извода 349, 350, 371.
 — в Новгородской второй летописи 346.
 — в Новгородской третьей летописи 347.
 — в Новгородской четвертой летописи 344—347, 349, 350, 352, 355, 361, 362, 371, 372, 382.
 — в Новгородской пятой летописи 345, 346, 350, 354, 362.
 — в Новгородской Забелинской летописи 354.
 — в Новгородской Уваровской летописи 347.
 — в Новгородско-Псковской летописи 346.
 — в Прилуцкой летописи (свод 1497 г.) 349.
 — в Ростовской летописи (так называемой) 362, 363.
 — в своде Фотия 1423 г. 351, 372.
 — в «своде 1448 г.» 345, 349, 365, 366, 372.
 — в своде 1479 г. 344, 347—350, 352.
 — в сокращенном своде 1493 г. 351—354.
 — в сокращенном своде 1495 г. 351—354.
 — в Софийской первой летописи 344—

- 352, 355, 356, 362, 365, 370—372, 379, 382.
- в Софийской второй летописи 347.
 - в Степенной книге 354.
 - в Супрасльском списке, изданном М. А. Оболенским 345.
 - в Типографской летописи 348.
 - в Уваровой летописи (своде 1518 г.) 349.
 - в Хронографе 1512 г. 351, 352.
- Летописные (мемуарные) записи Яна Чарькова XIV в. 508.
- Летописные некрологи 330.
- Летописные плачи по князьям 17, 124.
- Летописные поминальные списки 494.
- Летописные похвалы Владимиру Свято-славичу 61.
- Летописные похвалы Ярославу Мудрому 18, 61.
- Летописные рассказы о походе Батя на Русь 1237 г. 479.
- Летописный рассказ о битве на Воже 356, 357, 359, 361.
- Летописный рассказ о битве под Оршей 1514 г. 261—262, 309, 524, 525.
- Летописный рассказ «о великом побоище иже на Дону».
- в Московско-академическом списке Суздальской летописи 355, 356, 362.
 - в Рогожском летописце 355, 362.
 - в Симеоновской летописи 350, 355—364.
 - в Троицкой летописи (своде 1409 г.) 350, 355—357, 361, 363, 364, 366—368, 370, 372—374, 378, 380, 381, 383.
- Летописный свод московский 1472 г. 485, 486.
- Летописный свод московский 1479 г. 339, 344, 347—350, 352, 485, 501.
- Летописный сокращенный свод 1493 г. 351—354, 485, 486.
- Летописный свод Начальный конца XI в. 31.
- Летописный свод 1448 г. 345, 346, 349, 365, 366, 368, 372, 374.
- Летописный свод Псковский 1547 г. 524.
- Летописный свод Ростовский владычный 348, 349, 355.
- Летописный свод сокращенный 1495 г. 351—353.
- Летописный свод Устюжский (Летописец Архангелогородский) 353, 354.
- Летописный свод Фотия 1423 г. 351, 372.
- Летопись Авраамки 345, 346, 354.
- Летопись Быховца 513, 514.
- Летопись Вологодско-Пермская 347, 353, 354, 387—390, 419, 420, 484—486, 521.
- Летопись Волинская 31.
- Летопись Воскресенская 347, 365, 371, 484, 529.
- Летопись Галицкая 31, 54, 55, 62, 63, 78, 94.
- Летопись Галицко-Волинская 509.
- Летопись Густынская 513.
- Летопись Ермолинская 344, 348, 349, 354.
- Летопись Ипатьевская 21, 24—28, 31, 32, 34—60, 63—68, 70—98, 100, 101, 103, 105, 106, 108—110, 112—114, 117, 119, 120, 122—125, 129, 233, 325, 326, 328, 338, 339, 408.
- Летопись Киевская 24, 32, 37, 48, 49, 58, 59, 81, 110, 114.
- Летопись Лаврентьевская 20, 24, 27—32, 34—37, 39—52, 54, 56—62, 65—67, 69, 70, 72, 74—77, 79—82, 84, 86, 87, 89, 90, 92, 96—98, 100, 103—111, 113—115, 117, 118, 121—125, 146, 163, 233, 319, 321, 330, 529.
- Летопись Львовская 344, 349.
- Летопись Московская (по А. А. Шахматову) 378, 516.
- Летопись Никаноровская 347, 484, 485.
- Летопись Никоновская 55, 337, 354, 363, 372, 390, 391, 497, 510.
- Летопись Новгородская первая 31, 40, 41, 47, 49, 52, 63, 65—67, 71—73, 75—77, 81, 85, 91, 93, 94, 98, 103, 104, 106, 108, 110, 112, 114, 117, 118, 120, 123, 125, 350, 366, 480, 484.
- Летопись Новгородская первая старшего извода 27, 28, 30, 81, 151, 152, 155, 157, 163, 477, 478.
- Летопись Новгородская первая младшего извода 349—350, 365, 366, 368, 371, 477, 478.
- Летопись Новгородская вторая 346.
- Летопись Новгородская третья 347, 354.
- Летопись Новгородская четвертая 37, 39, 81, 106, 207, 344—347, 349, 350, 352, 355, 361, 362, 365, 371, 372, 379, 382, 478.
- Летопись Новгородская пятая 345, 346, 350, 354, 362.
- Летопись Новгородская Забелинская 354.
- Летопись Новгородская Погодинская 354.
- Летопись Новгородская по списку Дубровского 350, 351, 354, 363, 497—502.
- Летопись Новгородская Уваровская 347, 371.
- Летопись Новгородско-Псковская 346.
- Летопись Переяславская 36, 43, 44, 47, 53, 59, 67, 79, 81, 97, 98, 122, 125, 129.
- Летопись Прилуцкая (свод 1497 г.) 349.
- Летопись Псковская первая 43, 53, 65, 66, 73, 90, 97, 124, 261, 262, 502, 503.
- Летопись Псковская вторая 106, 514.
- Летопись Псковская третья 502, 503, 514, 524.
- Летопись Радзивилловская 43, 46, 83, 100, 316, 321.
- Летопись Ростовская (так называемая) 350, 362—364.
- Летопись Симеоновская 330, 350, 355—364, 500, 506, 510, 518—521.
- Летопись Софийская первая 63, 77, 88, 344—352, 355, 356, 362, 365, 366, 368, 370—372, 379, 382, 477—484.

- редакция первая 347, 366, 371.
 — редакция вторая 347, 350.
 — список Царского 347, 371.
 Летопись Софийская вторая 347.
 Летопись Суздальская 24, 44, 49, 59, 350, 355, 356, 362.
 Летопись Тверская 441, 442, 457.
 — список Погодинский 242.
 Летопись типа Новгородской четвертой летописи, содержащая И-1 список «Задонщины» 207.
 Летопись Типографская 348.
 Летопись Толстовская 348.
 Летопись Троицкая (свод 1409 г.) 7, 350, 355—364, 367, 368, 370, 372—374, 378—383, 502, 503, 506, 510.
 Летопись Уваровская (свод 1518 г.) 349.
- «Мерило Праведное», список XIV в. (см. также Кормчие) 111.
 Миней служебные 1095—1097 гг. 20, 27, 31, 33, 35—38, 40, 44, 47, 55, 56, 61, 74—78, 86, 87, 89, 92—95, 97, 100, 106, 113—116, 119—121.
 Миней Путятиня XI в. 38, 47, 62.
 Миней служебная 1516 г. 556.
 Моление Даниила Заточника 21, 26, 33, 36, 42, 50—51, 55, 63, 67, 69, 75, 82, 83, 92, 94, 96, 111, 113, 117, 118, 121, 123, 124, 315.
 — список XV в. 95.
 — список поздний 109.
 «Мучение Феклы» 105.
- Новгородские берестяные грамоты, см. Грамоты берестяные.
- «Обиход» церковный XIII в. 65.
 Обиходник Лаврский 504.
 Октоих, список XIII в. 55.
 «Описание домашнего имущества царя Ивана Васильевича» 1582—1583 гг. 28, 50.
 Остромирово евангелие см. Евангелие Остромирово.
 «От скольких частей создан был Адам», апокриф 84.
 «Откровение Мефодия Патарского» 31, 116, 125.
 — список XV в. 57—58.
- Палея 69, 74, 86, 100.
 Палея Толковая 265, 273, 276, 277, 281, 286, 287.
 — редакция первая 274.
 — список Кирилло-Белозерский № 11 274, 275.
 — список Кирилло-Белозерский № 68 274—276.
 Палея толковая Коломенская 1409 г. 274, 275, 339.
 «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха 108.
- Пандекты Антиоха Черногорского 39, 42, 47, 59, 66, 70, 73, 76, 78, 79, 87, 88, 97, 103, 105, 113, 121.
 Пандекты Никона Черногорца 27, 28, 31, 46, 60, 80, 95, 110, 187.
 Паремийник 19, 27, 43, 61, 70, 72, 75, 79.
 — старшие тексты 14, 31, 40, 120.
 Паремийник 1271 г. 369.
 Паремийник Григоровича 71, 75, 83, 108.
 Паремийник псковский XIV в. 47.
 Паремийное чтение о Борисе и Глебе 43, 61, 107, 364, 366—369.
 Паренесис Ефрема Сирина 97.
 Патерик Киево-Печерский 56, 65, 66, 111.
 Патерик Синайский 65, 71, 78, 107, 117, 119.
 Песни народные 13, 21, 27, 35, 78, 111.
 «Песнь о Нибелунгах», памятник немецкого героического эпоса 70.
 «Песнь песней» 109.
 «Писание (Поведание)» Софония см. «Задонщина».
 Письмо Владимира Мономаха черниговскому князю Олегу Святославичу 62, 89, 97, 114.
 Плач Иереми 119.
 Повести воинские 16, 17, 19, 23, 106, 107, 154, 238.
 Повести о Николае Зараском см. Повесть о разорении Рязани Батыем.
 Повести об Азове 28, 203.
 «Повесть временных лет» 24, 26, 28, 30—32, 35, 36, 40, 42, 44, 45, 47—50, 52, 53, 55, 59, 60, 64, 65, 69, 70, 72, 75, 77, 78, 97, 98, 104, 106—110, 117, 316, 321, 331, 333, 383, 509.
 — список Академический 94.
 — список Радзивилловский 94.
 Повесть о бражнике 203.
 Повесть о взятии Иерусалима Титом, список Чудовский XV в. 89.
 Повесть о Волоте Волотовиче 203.
 Повесть о Горе-Злочастии 28.
 Повесть о двенадцати снах Мамера царя 203.
 Повесть о Дмитрие Басарге 24, 203.
 Повесть о добрых и злых женах 276.
 Повесть о Дракуле 203.
 Повесть «о некоем царе дворецком» 203.
 Повесть о посаднике Щиле 24.
 «Повесть о разорении Иерусалима» см. «История Иудейской войны».
 Повесть о разорении Рязани Батыем 53, 57, 68, 99, 404, 480.
 Повесть о семи мудрецах 203.
 Повесть о Сухане 113, 331.
 «Повесть о царе Давиде и сыне его Соломоне» 38.
 Повесть о царице Динаре 43.
 Повесть об Акире премудром 21, 24, 35, 53, 74, 86, 90, 111, 203.

- Повесть об Александре Невском см. Житие Александра Невского.
- Послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху 28, 33, 80.
- Послание российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке 1447 г. 373—375.
- «Поучение» Владимира Мономаха 3, 23, 24, 32, 35, 38, 39, 46, 57, 65, 69, 76, 96, 103—105, 107—109, 113, 114, 121, 122, 124, 324.
- Поучение Кирилла Философа 29.
- Поучение Луки Жидятаы 43.
- «Похвала святых отец 300» Кирилла Туровского 80.
- Похвала Феодосию Печерскому 331.
- «Правда русская» 28, 47, 48, 53, 56, 65, 69, 71, 75, 93, 107, 110, 112, 116, 118, 120, 121.
- редакция древнейшая 92.
- редакция краткая 185.
- «Правила» митрополита Кирилла II 44.
- Прение Живота и Смерти 203.
- Приписка в псковском Апостоле 1307 г. см. Запись на псковском Апостоле 1307 г.
- Притчи Соломона 107.
- Пролог 33, 42, 70.
- список XIII в. 47.
- список XIV в. Архива Исторического института Загребской Академии наук 33.
- список XIV в. 78, 95.
- Псалмы: III 369; IX 80; X 80; XVII 112; XVIII 346; XIX 367, 370; XXVI 348; XXXIV 347, 369; XXXIII 348, 369; XLV 370; LIV 111; LVI 69; LXIII 18, 76; LXIX 369; LXXVI 369; LXXVIII 345, 369; LXXXII 369; XC 346, 348, 369; CXVII 369; CXVIII 369; CXLIII 30.
- Псалтырь 18, 23, 87, 93, 112, 115, 119.
- старшие списки 30, 38, 42, 70, 88.
- поздние списки 38, 42, 70.
- Псалтырь 1296 г. 118.
- Псалтырь толковая XI в. 36, 55, 66.
- Псалтырь толковая XII в. 49, 72, 113, 117.
- Псковская судная грамота см. Грамота судная.
- «Пчела» 19, 36, 46, 55, 57, 65, 74, 77, 79, 87, 92, 95, 99, 106, 111, 116, 118, 119, 121—123.
- «Речь философа» князю Владимиру Святославичу 35.
- Родословцы 500.
- Роспись войск, участвовавших в Куликовской битве 500.
- Рукопись Супрасльская см. Супрасльская рукопись.
- Сборник Кирилло-Белозерский 1476 г. 39, 106.
- Сборник Паисиевский XIV в. 38, 80.
- Сборник Сильвестровский XIV в. 46.
- Сборник Троицкий XII в. 37, 63, 79, 101.
- Сборник Успенский XII в. 31, 54, 59, 76, 85, 87, 97, 119, 126.
- Синаксарь 277.
- Синодик 260, 343, 372, 377, 494, 500.
- Синодик Лаврский № 818 XVII в. 372, 382.
- Синодик, подобный Лаврскому № 818 382.
- Синодик Успенский 490, 493, 494, 497, 498, 499.
- Синopsis 363, 387.
- Сказание о Борисе и Глебе XI в. 26, 31, 36, 38, 44, 47, 58—60, 65, 111, 124.
- успенский список XII в. 119, 233.
- Сказание о Вавилоне граде 203.
- Сказание о взятии Царьграда 203.
- «Сказание о Мамаевом побоище» 4—8, 45, 51, 206—208, 213, 233, 237—239, 242, 259—261, 299, 309, 311, 314, 322, 325, 329, 341, 350—354, 367, 370, 372, 378, 384—523, 527.
- вариант Забелинский Основной редакции 388, 389, 392, 393, 396, 398, 401, 408, 415, 418, 419, 421—425, 442, 443, 445, 447, 450, 454, 456, 458, 460, 461, 465, 468, 469.
- вариант Михайловского Основной редакции 353, 354, 388, 392, 393, 396, 401.
- вариант «О» Основной редакции 387—389, 392, 393, 396—398, 401, 403, 405, 408, 409, 412, 413, 415, 421—425, 428, 441, 445—450, 456—458, 460, 465, 468.
- вариант Печатный Основной редакции 7, 255—263, 299, 322, 339, 353, 388, 389, 392—401, 403, 405—409, 411—418, 426, 431—435, 438, 441, 443—450, 452, 458—460, 467, 472, 473, 525.
- вариант «У» Основной редакции 352, 353, 388, 389, 392, 393, 396—398, 401, 408—410, 413, 415, 418—423, 425, 427, 428, 441, 442, 447, 449, 451, 454—457, 459—461, 463—465, 469.
- вид первый Распространенной редакции 442, 443, 445, 446, 449, 450, 451, 455—457, 465, 468.
- вид второй Распространенной редакции 442, 443, 446, 450, 451, 453—456, 463, 465.
- вид поздний Летописной редакции 419, 420, 425.
- группа Морозовская Печатного варианта 394, 395, 399, 401, 405, 406, 413, 414.
- компиляция с «Летописной повестью» о Мамаевом побоище, близкая к Основной редакции 485.
- «переделка» Распространенной редакции 443, 445.

- переработка Западнорусская 387.
- протограф варианта «У» Основной редакции 441, 442.
- протограф варианта «У» Основной и Распространенной редакции 441, 454, 455, 460, 463—465.
- протограф варианта «У» Основной редакции и редакций Киприановской и Распространенной 457—459.
- протограф Распространенной редакции 443, 454, 456, 457.
- протограф Уваровского списка № 802 Основной редакции 437.
- редакция вторая см. редакция Летописная.
- редакция Киприановская 387, 390—392, 396, 401, 403, 407—409, 411, 418, 419, 421, 423, 424, 441, 444, 447, 449, 451, 455—457, 459, 460.
- редакция Летописная 387—390, 392, 393, 395—398, 401, 403, 410, 413, 419, 420, 426, 440, 441, 444—453, 456—460, 476.
- редакция летописца Хворостинина 387—390.
- редакция Основная 7, 206, 224—226, 238—240, 245, 255, 387—390, 392—394, 396—398, 401, 403, 405, 408—410, 412, 413, 418—428, 431, 432, 440—442, 444, 446, 450, 452—454, 459, 461, 468, 475, 476, 478—484, 488, 491, 504, 506, 507, 512, 513, 518, 519, 521.
- редакция переходная к редакции «Синописа» 387.
- редакция первая см. редакция Киприановская.
- редакция Распространенная 7, 307, 352, 353, 387, 389—393, 395—401, 403, 408, 410, 413, 418—420, 422, 423, 435, 440—476.
- редакция «Синописа» 387, 440.
- редакция третья см. редакция Основная.
- редакция четвертая см. редакция Распространенная.
- список Архива МИД № 70/93 третьей группы первого вида Распространенной редакции 440, 443—446, 450, 453—456, 465—468, 472—476.
- список Белява № 1516 второго вида Распространенной редакции 443, 445, 449, 451—454, 456, 461—465, 467, 469, 474, 475.
- список Барсова № 675 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 445, 461.
- список Ермолаевский варианта «О» Основной редакции 458, 475.
- список Забелинский № 331 Забелинского варианта Основной редакции 240, 242, 394, 395.
- список Кабинета Екатерины № 366 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
- список Лондонский Летописной редакции 410, 426, 458.
- список Михайловского Основной редакции 492, 499.
- список Музейный № 435 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 446, 469, 474, 475.
- список Музейский 288-б первой группы первого вида Распространенной редакции 441, 442, 445, 449, 459.
- список Музейский № 1388 второго вида Распространенной редакции 443, 445, 454, 461.
- список Музейский № 2323 «переделки» Распространенной редакции 443, 445.
- список Музейский № 2990 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
- список Оболенского № 71 второй группы первого вида Распространенной редакции 443, 469, 475.
- список ОИДР № 236, примыкающий к варианту «У» Основной редакции 464.
- список Оптиной пустыни № 48 Основной редакции 475.
- список основной О.IV.22 варианта «О» Основной редакции 459.
- список Погодина № 1414 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 443, 445, 447—452, 455—457, 459.
- список Погодина № 1555 варианта «У» Основной редакции 422, 423, 427, 429, 461—465, 468—470.
- список Погодина № 1574 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
- список Попова № 2527 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 445, 449, 461, 471, 472.
- список Рогожский № 183 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
- список Румянцевский № 378 Основной редакции 306, 395, 396, 429—431, 458, 459, 468, 469.
- список Румянцевский № 3123 варианта «У» Основной редакции 468, 470.
- список Соловецкий № 989/879 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
- список Синодальный № 964 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 445.
- список Тимковского Печатного варианта Основной редакции 388, 394, 398, 399, 405, 458.

- список Титова № 1121 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 445, 449, 450, 453—455, 461—463, 465.
 - список Тихонравова № 211 второго вида Распространенной редакции 306, 443, 445, 461.
 - список Тихонравова № 230 второй группы первого вида Распространенной редакции 443, 446, 449, 455, 456, 469, 475.
 - список Тихонравова № 238 третьей группы первого вида Распространенной редакции 443, 445, 468—471, 476.
 - список Тихонравова № 337 второй группы первого вида Распространенной редакции 408, 443, 475, 476.
 - список Уваровский № 492 варианта «О» Основной редакции 468, 470.
 - список Уваровский № 802 Основной редакции 394, 438, 446, 475.
 - список Уваровский № 1435, прирывающий к варианту «У» 469.
 - список Уваровский № 1831 варианта «О» Основной редакции 428, 468.
 - список Уваровский № 1835 варианта «У» Основной редакции 468.
 - список Щукина № 610 второго вида Распространенной редакции 443, 445, 461.
 - список Эрмитажный № 526 третьей группы первого вида Распространенной редакции 443—445, 450, 453, 456, 466—468, 472, 474, 476.
 - список Яроцкого 408.
 - список Q.IV.46 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 445.
 - список Q.IV.151 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
 - список Q.IV.354 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 445, 453.
 - список Q.IV.374 первой группы первого вида Распространенной редакции 352, 442.
 - список Q.XVII.22 второго вида Распространенной редакции 443, 445, 461.
 - список Q.XVII.70 первой группы первого вида Распространенной редакции 442, 444—446, 449, 461, 471, 472.
 - список Q.XVII.209 «переделки» Распространенной редакции 443, 445.
 - список Q.XVII.223 первой группы первого вида Распространенной редакции 442.
- «Сказание об антихристе» Ипполита Римского 65.
- Сказание об Индийском царстве 203, 226, 267.
- вид первый второй редакции 266.
 - вид второй второй редакции 266.
 - редакция вторая 266.
 - список Волоколамский 267, 277.
 - список Кирилло-Белозерский 266, 267.
 - список Румянцевского музея 266.
- «Слово в неделю новую» Кирилла Туровского 18, 62.
- «Слово в неделю сыропустную», список XV в. 90.
- «Слово Кирилла о злых дусех», список XV в. 121.
- «Слово на антипасху» Кирилла Туровского 33.
- «Слово на вознесение» Кирилла Туровского 112.
- Слово на перенесение мощей св. Николая XI в. 77.
- «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов» 349, 365, 369, 380, 381.
- «Слово на собор святых отец» Кирилла Туровского 123.
- «Слово некоего христолюбца, ревнителя по правой вере», список XIV в. 55.
- Слово о богаче и Лазаре 63.
- «Слово о законе и благодати» Илариона 15, 16, 20, 24, 30, 31, 47, 61, 70, 75, 79, 84, 85, 93, 97, 105, 110, 114—116, 118, 119, 123.
- «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» 351, 354, 442, 477.
- «Слово о князех» XIII в. 71.
- Слово о Лазаревом воскресении 20, 29, 52, 85, 92, 122.
- список XIV—XV вв. 29, 46.
 - список нач. XVI в. 29.
- «Слово о Мамаевом побоище» 377, 378, 516.
- «Слово о осьми мыслех» Евagriя 96.
- «Слово о пленении Иерусалимском Иосифе» см. «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия.
- «Слово о погибели Русской земли» 16, 24, 31, 77, 259, 286, 302, 383, 412, 509.
- «Слово о полку Игореве» 3—10, 13—127, 199—264, 288—343, 351, 383—387, 402, 408, 409, 415, 434—438, 470, 471, 475, 476, 524, 525, 529.
- Слово о пророке Симеоне, список XIV в. 74.
- «Слово о слепце и хромце» Кирилла Туровского 116.
- «Слово о хмеле» Кирилла Философа, список XV в. Кирилло-Белозерского монастыря 105.
- Слово похвальное князю Рюрику Ростиславичу выдубицкого игумена Моисея 26, 27.
- Слово похвальное на перенесение мощей Бориса и Глеба см. «Слово о князех».
- Слово похвальное тверскому князю Бо-

- рису Александровичу инока Фомы 30, 80, 94, 384.
- Служба архистратигу Михаилу 120.
- Служба Борису и Глебу XI—XII вв. 32, 104.
- Служба Иоанну Златоусту, список XI в. 86.
- Службник Варлаама XII в. 85.
- Сочинения Григория Назианзина (Богослова), список XI в. 28, 46, 55, 57, 65, 66, 72, 73, 85, 87, 88, 96, 108, 109, 112—114, 117, 120.
- с толкованиями, XIV в. 56, 65.
- Сочинения Иоанна Златоуста 54, 86, 107.
- Сочинения Иоанна Экзарха 64, 109.
- Сочинения Кирилла Иерусалимского 33, 65, 79, 80, 99, 110.
- Сочинения Кирилла Туровского 20, 23, 26—28, 35, 39, 41, 59, 64, 66, 69, 70, 73, 78—80, 85, 88, 100, 107, 112, 113, 115, 119.
- Сочинения Климента Словенского 29, 33, 54.
- Сочинения Климента Смолятича 119.
- Сочинения Серапиона Владимирского 18, 52, 68, 121.
- Сочинения Феодосия Печерского 23, 69, 118.
- Список XIV в. московских гостей — сурожан 523.
- «Спутник» Антония Новгородского см. «Книга паломник» Антония Новгородского.
- Статейный список посольства Михаила Еропкина к великому князю литовскому и королю польскому Казимиру 1488 г. 50.
- Стихирарь до 1163 г. 44, 49, 109, 119.
- Стихирарь 1380 г. 509.
- Судебник 1497 г. 132.
- Супрасльская рукопись 25, 34, 100, 116, 122.
- Толкования на Книги Пророков, список 1047 г. 52, 53, 59, 66, 79, 84, 109, 113, 115, 118.
- «Торнские анналы», немецкая хроника 503, 508.
- Трефолой 1260 г. 81.
- Трефолой Погодинский № 429 369.
- Триодь Новгородская до 1226 г. 85.
- Уложение 1649 г. 165.
- «Урядник сокольничьего пути» 90.
- Устав (церковный), список 1193 г. 50.
- Устав Владимира Святославича 49, 60, 66, 110, 122.
- Устав Ёрослава Мудрого 49.
- Учительная литература 25, 56, 69, 75, 78, 94, 99, 122.
- «Физиолог» 19, 35, 45, 84, 18, 286.
- «Хождение богородицы по мукам», список XII в. 34, 35, 60, 102, 108.
- Хождение Василия Познякова 91.
- Хождение Даниила игумена 25, 26, 51, 55—57, 93, 96, 104, 105, 107, 122, 248, 268—276, 281—282, 284—288.
- список Кирилло-Белозерский 268—273, 276, 282, 287—289.
- список Синодальный 268.
- Хождение митрополита Пимина из Москвы в Царьград в 1390 г. 490.
- «Хожение за три моря» Афанасия Никитина 95.
- Хроника (Vandaliae) Альберта Кранца 503, 508.
- Хроника Георгия Амартола, русский перевод XII в. 19, 23, 27—30, 37, 38, 41, 42, 46, 50, 55, 57, 59, 63, 64, 68—71, 75, 79, 81, 84, 86—88, 97, 100—103, 107—109, 113, 116, 122, 125, 286, 290.
- оригинал греческий 88.
- список старший XIII—XIV в. 116.
- Хроника Дитмара Любекского 503, 507, 508.
- Хроника Иоанна Малалы 64, 68, 286.
- Хроника Иоанна Пошильге 503, 507, 508.
- Хроники немецкие XIV в. 508, 509.
- Хронограф 1442 г. (Пахомия Логофета) 64, 351, 378.
- Хронограф 1512 г. 351, 352.
- Хронограф компилятивный 365.
- Челобитная местническая 1632 г. князя Федора Андреевича Елецкого 500.
- «Чтение» о Борсе и Глебе Нестора 25, 29, 39, 42, 53, 74, 93, 94, 97, 118.
- «Шестоднев» Иоанна Экзарха 19, 33, 36, 55, 65, 66, 69, 70, 79, 87, 92, 102, 103, 110, 114—117, 121, 286, 336.
- Эдда Старшая, древнеисландский сборник мифологических и героических песен 70.
- Ярлык 1381 г. Тохтамыша к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем русским князьям 520, 521.
- Ярлык 1392—1393 гг. Тохтамыша к литовскому великому князю Ягайлу 520.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абрамович Д. И. 32, 56, 125, 366, 369, 444.
- Авив, мученик 114.
- Авраам, библ. 515.
- Адам, библ. 28, 31, 120.
- Адрианова-Перетц В. П. 5, 6, 8—10, 127, 144, 161, 169, 177, 180, 183, 191, 193, 200, 202, 292, 301, 312, 314, 315, 317, 318, 321, 324, 327, 329—332, 335, 336, 356, 365, 369, 377—378, 380, 386, 397, 403, 404, 526, 527.
- Азбелев С. Н. 347, 350, 501.
- Айналов Д. В. 28, 45, 72, 73, 83, 102, 104, 112, 120, 321.
- Аким 468, 544, 554.
- Аксинья (Ксения, Оксинья), жена Михайла Ивановича 136, 170, 175, 177, 206, 288, 428, 429, 469, 538, 544, 554.
- Александр Андреевич Одинец, боярин 498.
- Александр (Данило) Белеут, воевода 492, 498.
- Александр-Всеволод Глебович, князь 492.
- Александр Карпович, боярин 495.
- Александр Кемский, князь 496.
- Александр Македонский 24, 70, 78, 105, 409, 484.
- Александр Михайлович Андогский (Андожский), князь 495.
- Александр Пересвет см. Пересвет
- Александр Ярославич Невский 76, 124, 364—370, 477—484, 511.
- Алексеев М. П. 81.
- Алексей, митрополит 135, 238, 270, 550, 555.
- Алексей Михайлович, царь 90.
- Алехвис (Ахиллес), эпич. герой 484.
- Альберт Кранц, немецкий хронист 503, 508.
- Альшиц Д. Н. 357.
- Амалик, библ. 409, 481.
- Амартол см. Георгий Амартол
- Амфилохий 30, 42, 46, 67, 70, 76, 80, 87, 93, 95, 111, 112, 117—120, 125.
- Аномские, княжеский род 363, 364, 493, 495, 506.
- Андреевна, жена князя Олега Святославича 60.
- Андрей, апостол 272.
- Андрей, инок 496.
- Андрей Брянский (ошиб. вм. Андрей Полоцкий) 217, 229, 380, 399, 552, 553.
- Андрей Владимирович, переяславский князь 83.
- Андрей Волосатый 490.
- Андрей Георгиевич (Юрьевич) Боголюбский, владимирский князь 24, 35, 41, 42, 50, 58, 59, 93, 97.
- Андрей Дмитриевич Можайский, князь 494.
- Андрей Иванович Одинец, боярин 498.
- Андрей Кемский, князь 493, 494.
- Андрей Муромский, князь 492, 498, 506.
- Андрей Ольгердович (Полоцкий), князь 129, 136, 143, 145, 147, 152, 153, 171, 173, 175, 181, 216, 217, 229, 253, 283, 301, 320, 341, 346, 380, 420, 454, 455, 471, 473, 499, 501, 512—514, 516, 536, 537, 542.
- Андрей Ослебя см. Ослебя.
- Андрей Переяславский, князь 468.
- Андрей Половецкий (вм. Андрей Ольгердович Полоцкий) 549.
- Андрей Попов 242, 418, 442.
- Андрей Романович, князь 497.
- Андрей Серкизович, воевода 175, 206, 229, 260, 353, 358, 371, 399, 427, 428, 492, 498, 501, 537, 538, 543, 553.
- Андрей Федорович, ростовский князь 497, 501, 502.
- Андрей Федорович, стародубский князь 501, 502.
- Андрей Юрьевич Белозерский, князь 496.
- Андрей Ярославич, князь суздальский 330.
- Андрей Ярославский, князь 495, 506.
- Аничков Е. В. 35.
- Анна, жена великого князя литовского Витовта 517.
- Анна, мачеха старших Ольгердовичей (ошиб. вм. Ульяна) 517.
- Анна 468, 544, 554.
- Анна, сестра Дмитрия Донского 500.
- Анна Рязанская, княгиня 488.
- Автиох Черногорский, церковный писатель 39, 42, 47, 59, 66, 70, 73, 76, 78, 79, 87, 88, 97, 103, 105, 113, 121.
- Антипатр, иудейский военачальник 76.
- Антон (Онтон) Верблюзин, купец 523.
- Антоний Новгородский, архиепископ 53, 108.
- Апаминда 123.

¹ Имена, встречающиеся в названиях произведений, если они не являются именами их авторов, в указатели не включаются.

- Арабшах (Арапша), татарский царевич 479, 494.
 Арендт В. В. 57.
 Ариан, венгерский князь 96.
 Арий, еретик 80.
 Арманович 107.
 Арциховский А. В. 102, 107.
 Асан, посол Тохтамыша 520.
 Асаф, епископ 105.
 Аскольд, легендарный князь 122.
 Асмуд, кормилец Святослава Игоревича 122.
 Афанасий, святой 81.
 Афанасий Никитин, купец 95.
 Афанасий Шелешпанский, князь 494, 496.
 Афанасьев А. Н. 71.
 Афремов И. 488—490, 503.
 Ахав 102.
- Базилевич К. В. 373, 522.
 Барсов Е. В. 13, 14, 29, 44, 64, 78, 98, 125, 201.
 Батый, хан 45, 68, 155, 169, 352, 378, 401, 474, 479, 480.
 Бахмет Усейнов, князь ширинский 498.
 Бегунов Ю. К. 7, 8, 351, 359, 365, 366, 368, 370.
 Белеутовы, дворянский род 505.
 Белозерские, княжеский род 396, 492, 493, 496.
 Белуковна, жена князя Рюрика Ростиславича 59.
 Бережков Н. Г. 367.
 Березуйские, княжеский род 490.
 Берке, султан 520.
 Бирель 107.
 Бицилли П. 30.
 Боброковы-Вольнские, дворянский род 500.
 Богородский Б. Л. 211.
 Богуслав Гориславич, новгородский боярин 63.
 Боз, антский князь 85.
 Болдур А. 34.
 Болеслав Кривоустый, польский князь 100.
 Боняк, хан половецкий 34, 35, 39, 85, 95.
 Борис Владимирович, сын князя Владимира Святославича 32, 36, 59, 89, 104, 106, 107, 125, 170, 181, 217, 220, 238, 324, 364—368, 393, 421, 444, 465, 472, 481—483, 515, 537, 543, 553.
 Борис Вячеславич, сын князя Вячеслава Ярославича 51, 52, 62, 63, 87, 123, 129.
 Борис Матвеевич Слепой 487.
 Борисковна см. Ефросинья Борисовна.
 Борковский В. И. 132, 137, 148, 151, 154, 155, 157—160, 164, 165, 171, 176—178, 181, 187—190, 211, 334
 Борька 92.
 Босоволков, приближенный великого князя Семена Ивановича 118.
 Боян 20, 21, 26—28, 30, 33—36, 64, 78, 92, 109, 122, 123, 129, 130, 133, 139, 142, 152, 169, 191, 215, 248, 252, 253, 284, 285, 296, 300, 308, 314—320, 340, 402, 529—531, 548.
 Брячислав Василькович, князь полоцкий 82, 102, 158, 178.
 Зуганов В. И. 390, 485, 501.
 Зуаховский Л. А. 30, 46, 54, 69, 75, 76, 82, 87, 101, 119, 120, 122, 127, 129, 132, 144, 158, 162, 176—178, 187, 188, 190, 319.
 Бунин И. А. 84.
 Бус см. Боз.
 Буслаев Ф. И. 73, 74, 109, 121, 125, 158, 162, 163, 180, 181, 185, 186, 188, 190, 191.
 Бутурлин 504.
- Вайан А. 377, 378, 477—480, 505.
 Валуевы, дворянский род 499.
 Варлаам 105.
 Василий, автор повести о Васильке Теремовальском 61.
 Василий I Дмитриевич, великий князь московский 363, 373, 488, 498, 504, 550.
 Василий II Васильевич, великий князь московский 373—376, 488.
 Василий III Иванович, великий князь московский 488.
 Василий (Васильевич) Вельяминович, тысяцкий 370, 499.
 Василий Васильевич Ярославский, князь 497, 501, 502.
 Василий Капица 523.
 Василий Капля, князь 496.
 Василий Константинович, князь 497.
 Василий Мелюк 490.
 Василий Михайлович Кашинский, князь 501, 502.
 Василий Окатиевич Волуй, окольный 499.
 Василий Перфурьевич Каргаш 352, 353.
 Василий Позняков, купец 91.
 Василий Романович, сын князя Романа Юрьевича 496.
 Василий Романович Согорский (Белозерский), князь 494.
 Василий Тулик 490.
 Василий Ухтомский, князь 496.
 Васильевский В. Г. 523.
 Василько Ростиславич Теремовальский, князь 52, 61, 65, 77, 86.
 Васильковна, дочь полоцкого князя 59, 122.
 Велес, языческий бог 34, 35, 60, 64.
 Вельяминовы, княжеский род 505.
 Веневитинов М. В. 51, 125, 268.
 Вениамин, библ. 420, 455.
 Веспасиан, римский император 279.
 Вигунд Ольгердович, князь 513.
 Вильгельм-Леонтий, курфюрст люнебургский 504.
 Витовт, великий князь литовский 493, 512, 516.
 Владимир Андреевич (ошиб. вм. Владимир Святославич Киевский) 309, 541.
 Владимир Андреевич, князь серпуховский и боровский 134, 136, 142, 145,

- 153, 155, 156, 159, 160, 170, 172, 173, 175, 177, 180, 181, 183, 189, 190, 199, 206—210, 213, 214, 216, 227, 229, 230, 233, 234, 236—238, 240—244, 253—257, 263, 284, 285, 295, 303, 309, 310, 313, 314, 324—326, 334, 341, 350, 377, 378, 380, 381, 383, 392, 393, 396, 398—400, 403—405, 409, 415, 416, 418, 419, 429, 430, 442, 446, 448, 449, 453, 456, 457, 459, 471—473, 480, 483, 487, 489, 492, 498—503, 505, 514, 516, 517, 526, 528, 530, 531, 535—537, 539—555.
- Владимир Андреевич Добрый, князь дорогобужский 100.
- Владимир Василькович, князь волынский 74, 124.
- Владимир Всеволож, князь 492, 500.
- Владимир Всеславич (ошиб. вм. Владимир Святославич) 215, 284, 530, 536.
- Владимир Глебович, переяславский князь 74, 91, 298, 327—329.
- Владимир Дорогобужский, князь 372.
- Владимир Игоревич, сын князя Игоря Святославича 37, 59, 68, 84, 124, 319.
- Владимир Мономах 3, 23—25, 28, 31—33, 35, 38, 39, 41, 46, 52, 53, 57, 59, 62, 65, 69, 76, 77, 80, 86, 89, 96, 97, 103—105, 107—109, 113, 114, 120—122, 124, 135, 183, 317, 319, 324, 330, 342, 492.
- Владимир Ольгердович, князь 513.
- Владимир Святославич, киевский князь 18, 24, 26, 30, 31, 33, 37, 42, 49, 55, 60—62, 66, 77, 104, 110, 122, 123, 134, 145, 154, 158, 159, 162, 168, 172, 215, 216, 238, 253, 294, 295, 309, 313, 314, 317, 319, 337, 392, 393, 443, 444, 528, 535, 536, 541, 548, 551, 555.
- Владимир Святославич, рязанский князь 24.
- Владимир Согорский, князь 496.
- Владимир Юрьевич, сын князя Юрия Долгорукого 41.
- Владимир Ярославич, галицкий князь 93.
- Владислав Каш-Неледзевский, боярин 514.
- Владислав II (Ягайло), польский король после 1386 г. 516.
- Владислав Опольский, князь 73.
- Власьев Г. А. 500.
- Влур (Овлур, Лавр) 39, 117, 118, 187.
- Виноградова В. Л. 9, 128, 315, 320, 335, 383.
- Волин С. Л. 520.
- Волосатовы, дворянский род 490.
- Волюй Окатьевич см. Тимофей Васильевич.
- Воронин Н. Н. 77.
- Воронкова О. Г. 127.
- Ворт Д. 383.
- Всеволод, брат Изяслава Васильковича 102, 178.
- Всеволод Александрович Холмецкий, князь 492.
- Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Владимировича 24, 76.
- Всеволод Ольгович, киевский князь 86.
- Всеволод Святославич, князь трубчевский и курский 16, 27, 36, 37, 40, 41, 51, 61, 66, 84, 89, 101, 124, 158, 172, 179, 189, 193, 301, 303, 304, 319, 324, 329, 330, 340, 435.
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо 24, 25, 39, 58, 59, 77, 91—93, 328, 330, 332.
- Всеволод Ярославич, волынский князь 51, 52, 99, 171.
- Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого 62, 63, 106, 316.
- Всеволожа, княгиня 28.
- Всеволожна, жена князя Юрия Всеволодовича 59.
- Всевожский А. Н. 492.
- Всеслав, полоцкий князь 16, 19, 20, 27, 28, 30, 37, 39, 51, 60, 89, 95, 101, 103—106, 108, 172, 317, 333, 342, 343.
- Высоцкий С. А. 27, 28.
- Вячеслав Гориславич, наместник новгородский 63.
- Гавриил, архангел 81.
- Гаврила Гориславич, воевода 63.
- Гаврила Олексич 505.
- Гаврилко Иславич 79.
- Горелин Я. 493.
- Гедимин, великий князь литовский 472.
- Георгий Амартол, византийский хронист 19, 23, 27—30, 37, 38, 41, 42, 46, 50, 55, 57, 59, 63, 64, 68—71, 75, 79, 81, 84, 86—88, 97, 100—103, 107—109, 116, 122, 125, 286, 290.
- Георгий Победоносец 270, 368.
- Герасим, епископ коломенский 346, 352, 488.
- Гербель К. 315.
- Геронтий, епископ коломенский 488.
- Гзак (Гза), половецкий хан 39, 44, 53, 71, 85, 121, 122, 191, 342.
- Глеб Брянский, князь 454, 492, 493, 500, 506.
- Глеб Василькович Белозерский, князь 496.
- Глеб Владимирович, князь муромский 31, 32, 89, 104, 106, 107, 125, 170, 181, 217, 220, 239, 324, 364—368, 393, 421, 444, 465, 472, 481—483, 515, 537, 543, 553.
- Глеб Владимирович, князь рязанский 49.
- Глеб Каргопольский (Карголомский), князь 493, 495.
- Глеб Ростиславич, князь рязанский 92.
- Глеб Святославич, сын князя Святослава Всеволодовича 59.
- Глеб Святославич, сын князя Святослава Ярославича 117.
- Глеб Юрьевич, князь переяславский и киевский 118.
- Глебовна см. Ольга Глебовна.

- Голенищев-Кутузов И. Н. 293, 386.
 Головенченко Ф. М. 317.
 Голубинский Е. 504, 509.
 Голубцов В. В. 487, 492, 504, 514.
 Гординский С. 22, 28, 45, 72, 74, 82, 86, 125.
 Гордлевский В. А. 9.
 Городислава, княжна полоцкая 88.
 Горские, дворянский род 490, 505.
 Горский А. 56.
 Готье Ю. В. 487.
 Грамматин Н. 55.
 Греков Б. Д. 111, 479, 487, 518.
 Григорий, архиепископ ростовский 355.
 Григорий Владимирович Холопищев (Холопищев) 504.
 Григорий Капустин 353, 505.
 Григорий Назианзин (Богослов), патриарх константинопольский 28, 46, 55—57, 65, 66, 72, 73, 85, 87, 88, 96, 108, 109, 112—114, 117, 120.
 Григорий Судоков 490.
 Григорьев А. Д. 83, 125.
 Гринкова Н. П. 127.
 Гудзий Н. К. 14, 26, 58, 300, 302, 317, 329, 385, 386, 434, 435, 527, 529.
 Гурий, мученик 114.
 Давид (библ.) 20, 29, 60, 85, 239, 271, 289, 409, 483.
 Давид, христианское имя князя Бориса Владимировича 29.
 Давид Игоревич, князь Владимира-Волынского 52.
 Давид Ольгович, сын князя Олега Святославича 59.
 Давид Ростиславич, князь смоленский 52, 92, 100, 110, 111, 296, 301.
 Давид Святославич, князь черниговский 52, 61.
 Давид Семенович Кемский, князь 495.
 Давид Юрьевич Белозерский, князь 496.
 Дажьбог, языческий бог 64, 108.
 Даль В. И. 30, 109.
 Даниил, игумен 25, 26, 51. 55—57, 93, 96, 104, 105, 107, 122, 125, 248, 268—270, 272—276, 281, 282, 284—288.
 Даниил Александрович, московский князь 145, 159, 216, 229, 330, 399, 553.
 Даниил Заточник 21, 26, 33, 36, 42, 50, 55, 67, 69, 75. 82. 83, 92, 94—96, 109, 111, 113, 117, 118, 121, 123—125, 315.
 Даниил Романович Галицкий, князь 27, 63, 72. 78, 87.
 Данила Дажбогович, подданный короля Ягяло 64.
 Данило Белеут см. Александр Белеут.
 Данилов В. В. 121.
 Данилович В. Е. 514.
 Дарий, персидский царь 106.
 Дебольский В. Н. 487, 504.
 Левгений, эпический герой 36, 53.
 Декий, царь 270.
 Демкова Н. С. 6, 55, 306, 307, 391, 400, 435.
 Денисов Е. Н. 395.
 Денисова М. М. 395.
 Державин Н. С. 34.
 Джаркасс см. Яркасс
 Джанноне дель Боско 521, 522.
 Дионисий Ареопagit 251.
 Дир, легендарный князь 122.
 Дитмар Любекский, немецкий хронист 503, 507, 508.
 Дмитриев Л. А. 6—9, 55, 78, 224, 236, 245, 299, 311, 350, 353, 387, 441—445, 447, 450—452, 454, 455, 457, 458, 461, 462, 464, 465, 468, 469, 473, 475, 476, 478, 481—483, 488, 492, 500, 501, 504, 506, 512, 517, 521, 523.
 Дмитриева Р. П. 6, 8, 251, 264, 265, 282, 285, 286, 292, 293, 298, 302, 307, 309, 312, 382, 473, 528.
 Дмитрий Волуевич 427.
 Дмитрий Волынский (Боброк) 173, 175, 205, 206, 217, 226, 229, 244, 261, 354, 380, 391, 410, 411, 415, 416, 452, 453, 472, 482, 483, 499—501, 505, 514, 516, 517, 536, 537, 542, 543, 546, 552, 553.
 Дмитрий Волынский (ошиб. вм. Дмитрий Брянский) 380.
 Дмитрий Всеволодич Холмецкий, князь 492.
 Дмитрий Всеволож, князь 492, 500.
 Дмитрий Иванович (Донской), великий князь московский 76, 134, 135, 144—149, 154, 156, 159—162, 170, 173—175, 180—183, 189—191, 199, 200, 207—210, 212—214, 216, 217, 227—230, 232—234, 236—245, 248, 252, 253, 255—257, 260, 284—286, 289, 295, 297, 309, 311, 313, 314, 319—321, 324, 325, 329, 332, 334, 336, 344, 346, 347, 350, 354—356, 358—360, 362, 363, 365—367, 369, 372—374, 376—378, 393, 394, 396—401, 403, 405, 406, 409, 415, 418, 419, 426, 427, 429, 430, 441—445, 448—457, 460, 471—473, 477, 480—482, 484, 487, 492—494, 498—501, 503, 505, 507, 509, 510, 512—515, 517—520, 526, 528, 530, 531, 535—555.
 Дмитрий Константинович, князь суздальский 469, 494, 499, 500.
 Дмитрий Мининич (Мичень) 353, 370—372.
 Дмитрий Монастырев 347, 348, 353, 370—372, 494.
 Дмитрий Ольгердович (Брянский), князь 145, 146, 153, 173, 175, 182, 189, 216, 217, 229, 244, 253, 283, 320, 341, 346, 380, 420, 454, 455, 471, 474, 493, 499, 501, 513—516, 536, 537, 542, 549.
 Дмитрий Примок 497.
 Дмитрий Ростовский, князь 420, 497, 506.
 Дмитрий Саларев, купец 523.
 Дмитрий Селунский 368.

- Дмитрий Семенович Согорский, князь 496.
 Дмитрий Судница, князь 496.
 Дмитрий Шемяка, князь 373—376.
 Дмитрий Щепа 497.
 Довмонт-Тимофей, князь псковский 477.
 Долгоруков П. В. 490, 493, 497—499, 504.
 Досифей Топорков 351.
 Дробленкова Н. Ф. 8.
 Дубенский Д. 95.
 Дуйчев И. С. 58.
 Дылевский Н. М. 9, 28, 58, 99, 105, 118, 128, 137, 160, 161, 179, 183, 184, 326, 329, 334, 335.
 Евагрий, церковн. писатель 96.
 Евгеньева А. П. 21, 36.
 Евдокия, жена Дмитрия Ивановича Донского 427, 435, 450, 451, 468, 469, 499, 515.
 Евстафий Плакида, святой 392, 444.
 Евпатий Коловрат, воевода 57, 68.
 Екатерина II, императрица 13.
 Елецкие, княжеский род 498.
 Елиасбей, правитель Солхата 521.
 Елизавета, библ. 271—273.
 Епифаний Премудрый 106, 509.
 Еремин И. П. 80, 100, 112, 116, 125, 304.
 Ермолны, купеческий род 523.
 Ефоний см. Софоний
 Ефрем, библ. 52.
 Ефрем, архиепископ 355.
 Ефрем Сирин, церковн. писатель 97.
 Ефросин, книгописец 6, 247, 248, 251, 263, 265—268, 270—290, 300, 302, 311, 316.
 Ефросинья, дочь князя Ростислава Рюриковича 79.
 Ефросинья Борисовна, дочь князя Бориса Георгиевича 60.
 Зарубин Н. Н. 125.
 Захария Тютчев, посол Дмитрия Донского 464, 487.
 Звенислава Борисовна, княжна полоцкая 88.
 Зеведей, библ. 272.
 Зимин А. А. 10, 251.
 Иаков Мних 108.
 Иаков Ослебятин, сын Ослеби 129, 154, 213, 214, 223, 257, 260, 341, 503, 538, 543, 550, 554.
 Иафет, библ. 190, 550.
 Ибн-Хальдун 479, 518, 520.
 Иван I. Данилович, Калита, великий князь московский и владимирский 51, 134, 145, 159, 215, 216, 229, 286, 294, 393, 399, 444, 494, 499, 549, 553.
 Иван III Васильевич, великий князь московский 488, 505.
 Иван IV Васильевич, царь 488.
 Иван Акинфович 358.
 Иван Александрович 346, 353, 370—372.
 Иван Андреевич Вадбольский, князь 496.
 Иван Васильевич Карголомский, князь 494—496.
 Иван Васильевич Смоленский, князь 501, 502.
 Иван Весяков, купец 523.
 Иван-Волк, князь 496.
 Иван Всеволодич Тверской, князь 516.
 Иван Всеволодич Холмецкий, князь 492.
 Иван Давидович, сын князя Давида Кемского 496.
 Иван Дмитриевич (ошиб. вм. Дмитрий Иванович) 183, 248, 394, 445, 549.
 Иван Дмитриевич, сын князя Согорского 496.
 Иван Иванович Толбуга 372.
 Иван Квашня Родионович, князь 492, 499, 501.
 Иван Константинович Тарусский, князь 501, 502.
 Иван Крипой, князь 496.
 Иван Микулин, заказчик рукописи 556.
 Иван Романович, князь 496.
 Иван Сано (Иван Александрович?) 260, 382, 550.
 Иван-Святослав Свеславин 490.
 Иван Титыч Козельский, князь 498.
 Иван Ухтомский, князь 495, 496.
 Иван Федорович Белозерский, князь 260, 350, 353, 358, 370, 371, 382, 493, 496, 550.
 Иван Федорович Карголомский, князь 495, 496.
 Иван Федорович Прозоровский, князь 497.
 Иван Федорович Рязанский, князь 373.
 Иван Шелемпанский, князь 496.
 Иван Шихов, купец 523.
 Иванчин-Писарев Н. 487, 488.
 Игнатий Крень 490.
 Игоревна, жена князя Давида Ольговича 59.
 Игорь Бярикович (ошиб. вм. Игорь Рюрикович) 215, 253, 284, 530, 536.
 Игорь Ольгович, сын князя Олега Святославича (Гориславича) 67, 86, 98.
 Игорь Рюрикович (?), князь киевский 30, 31, 50, 108, 109, 123, 215, 253, 284, 541, 548.
 Игорь Святославич, князь новгород-северский 13, 15—20, 23, 24, 26, 27, 31, 32, 34, 36, 37, 39—41, 43, 46, 48, 49, 51, 52, 55, 61, 66—68, 71, 74, 77, 78, 82—86, 89, 92, 96—98, 100, 101, 116—119, 122, 124, 154—156, 162, 172, 177—179, 181, 187, 189, 209, 295, 296, 301, 304, 309, 313, 314, 317—319, 321—325, 330, 332, 333, 336, 338, 340, 341, 343, 471.
 Иезекииль, пророк 73, 123.
 Иеремия, пророк 65, 78.
 Изяслав Василькович, князь городенский 76, 101, 102, 172.
 Изяслав Давидович, князь киевский 21, 41—43, 58, 86, 98, 110, 117, 123.

- Изяслав Ярославич, сын Ярослава Мудрого 63, 104, 106.
 Изяславна, жена князя Глеба Юрьевича 59.
 Исус Наввин, библ. 104.
 Исус Христос, библ. 44, 51, 69, 80, 102, 104, 270—272, 281, 288, 409.
 Иларион, митрополит киевский 15, 16, 20, 24, 30, 31, 47, 61, 70, 75, 79, 84, 85, 93, 97, 105, 110, 114—116, 118, 119, 123, 125.
 Иловайский Д. И. 493, 510.
 Илья, поп 48, 103.
 Илья, пророк 102.
 Илья, судья 107.
 Имедашвили Г. И. 53, 54, 83, 321.
 Ингварь Ярославич, князь волинский 51, 52, 99, 171.
 Иоаким 468.
 Иоанн, апостол 271.
 Иоанн, вождь зелотов 86.
 Иоанн, легендарный царь Индии 267.
 Иоанн, экзарх болгарский 64, 90, 109, 114, 117, 126.
 Иоанн Богослов, апостол 270, 429.
 Иоанн Дамаскин, церковный писатель 90.
 Иоанн Златоуст, патриарх 54, 86, 107.
 Иоанн Лествичник (Синайский) 86, 102.
 Иоанн Малала, византийский хронист 64, 68, 286.
 Иоанн Предтеча, библ. 271, 272.
 Иов, библ. 60.
 Иоганн Пошильге, немецкий хронист 503, 507, 508.
 Иосиф, библ. 420, 455.
 Иосиф, муж Марии, библ. 69.
 Иосиф Флавий 14, 17, 18, 20—23, 25—27, 29, 31, 35, 37, 39—48, 50, 51, 53—62, 67—69, 72, 74—79, 84—90, 92, 94, 97, 99, 101, 103—107, 109—119, 121, 122, 124, 126, 276—278, 280, 281, 286.
 Ипполит Римский, церковн. писатель 65.
 Ирод, царь Иудей 25, 27, 44, 60, 76, 79, 118, 515.
 Исая, пророк 39, 97, 123, 480.
 Истрин В. М. 23, 42, 125, 266, 267.
 Истрина Е. С. 81, 151, 152, 155, 157.
 Иуда, судья, библ. 107.
 Иулиан см. Юлиан.
 Ичкал, библ. 38.
 Казимир IV, великий князь литовский 373.
 Казимировна (Казимерна), жена Всеволода Святославича 59.
 Каин, библ. 374.
 Калайдович К. Ф. 26—28, 33, 73, 112, 115, 119, 123, 125.
 Калачев Н. В. 487.
 Карамзин Н. М. 362—364, 508.
 Карасев А. В. 503.
 Карголомские, княжеский род 495, 506.
 Каринский Н. М. 112.
 Карнеев А. 35, 45, 84, 118.
 Карп Алексин 490.
 Карский Е. Ф. 69, 71, 107, 121, 134, 141, 187.
 Кассиан, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 495.
 Кассий (Касий), римский политический деятель 76.
 Качевская Г. А. 186.
 Квашнины, дворянский род 505.
 Кедайтене Е. И. 164.
 Кейстут, великий князь литовский 512, 514.
 Кемские, княжеский род 363, 364, 495, 506.
 Кза см. Гзак.
 Кий, легендарный основатель Киева 28.
 Киприан, митрополит 106, 354, 427, 468, 488, 517, 550.
 Кирик, поп 48, 103.
 Кирилл, митрополит 44, 124.
 Кирилл Иерусалимский, церковн. писатель 33, 65, 79, 80, 99, 110.
 Кирилл Туровский, епископ 18, 20, 23, 26—28, 33, 35, 39, 41, 59, 62, 64, 66, 69, 70, 73, 78—80, 85, 88, 100, 107, 112, 113, 115, 116, 119, 123, 125.
 Кирилл Философ 29, 105.
 Климент 92.
 Климент Полянин 490.
 Климент Словенский, болгарский писатель 29, 33, 54.
 Климент Смолятич, митрополит 119.
 Кобяк, половецкий хан 48, 76, 77, 83, 172, 178.
 Ковтун Л. С. 211.
 Коломан, венгерский король 45.
 Константин, инок 496.
 Константин Багрянородный, византийский император 96.
 Константин Великий, византийский император 59.
 Константин Всеволодич, сын князя Всеволода Большое Гнездо 25, 330.
 Константин Дмитриевич, сын князя Дмитрия Ивановича Донского 499.
 Константин Иванович 260.
 Константин Иванович Белозерский, князь 496.
 Константин Кононов (Конанович) 371, 492, 498.
 Константин Костенческий, болгарский писатель 365.
 Константин Ольгердович, князь 513.
 Кончак, хан половецкий 44, 48, 52, 53, 68, 85, 92, 96, 98, 119, 121, 122, 191, 209, 299, 334, 343.
 Кончаковна, жена князя Владимира Игоревича 59, 68.
 Копанев А. И. 371, 494, 495.
 Корелкин Н. 315.
 Кориат-Михаил Гедиминович, князь 500.
 Корибуд Ольгердович, князь 513.
 Коригайло Ольгердович, князь 513.
 Котков С. И. 303, 335.
 Котлубуга, посол Тохтамыша 520, 521.
 Котляренко А. Н. 5, 6, 127, 334.
 Ксения см. Аксинья.

- Кудрявцев И. М. 63, 485.
 Кудряшов К. В. 35, 55.
 Кузнецов П. С. 132, 135, 158, 164, 165, 187, 188, 190, 334, 530.
 Кузьма Ковря, купец 523.
 Кузьмин А. Г. 510.
 Кузьмина И. Б. 154.
 Курбские, княжеский род 363, 364, 506.
 Курбский А. М., князь 497.
 Куселев-Безбородко Г. 35, 88.
- Лавров П. А. 97.**
 Ладомир Волошин, вассал князя Владимира Опольского 73.
 Лазарь, библ. 47, 92, 111.
 Ларин Б. А. 492.
 Лев Данилович, сын князя Даниила Галицкого 51.
 Лев Иванович Морозов (Мозырев) 260, 351, 358, 370, 371, 497, 501.
 Лев Курбский 497.
 Левина С. А. 347.
 Леже Л. 385.
 Леон, лекарь 487.
 Лихачев Д. С. 3, 8, 9, 14—17, 30, 32, 33, 35, 36, 38, 41—43, 47, 48, 52—54, 56—58, 60, 61, 67, 68, 71, 72, 74, 78, 85, 88, 89, 92—94, 97—100, 102—105, 117, 124—126, 265, 292, 310, 312, 320, 321, 323, 330—333, 338, 343, 345, 346, 397, 425, 480, 524.
 Лихачев Н. П. 30, 80, 94, 384, 498, 499, 501.
 Ломтев Т. П. 148, 163, 334.
 Лонгинов А. В. 70.
 Лопарев Х. М. 31, 71, 77, 259.
 Лот, библ. 45, 515.
 Лотман Ю. М. 9, 97.
 Лугвень Ольгердович, князь 513.
 Лука Жидята, новгородский епископ 43.
 Лурье Я. С. 251, 264, 265, 273, 274, 277, 285, 287, 290, 349, 353.
 Любавский М. К. 489.
 Любко Войнович, князь полоцкий 514.
 Лядкий Е. А. 200.
 Лященко А. И. 95, 96.
- Мавродин В. В. 85.**
 Мазон А. 7, 14, 201, 251, 291, 293, 385, 386, 438, 439, 502.
 Макарий Римский 33.
 Макарова С. Я. 160.
 Максим, византийский военачальник 86.
 Максим Грек, писатель 38.
 Макшей, посол 521.
 Мал, древланский князь 80.
 Малкотошка, библ. 276.
 Малов С. Е. 9, 88.
 Малышев В. И. 113, 331.
 Мамай 7, 8, 133, 138, 142, 147, 152, 153, 160, 163, 164, 167, 168, 172—176, 178, 180, 184, 185, 189, 190, 206, 207, 209—211, 226, 227, 238—243, 245, 294, 299, 322, 323, 332, 334, 335, 341, 342, 344, 346, 348, 350, 352, 354—356, 358—363, 367—369, 372, 373, 377, 378, 381, 389, 390, 412, 418, 421—425, 428—430, 442, 458, 459, 464, 465, 467, 474, 475, 478, 479, 483, 487, 489, 490, 494, 498, 503, 505—507, 509—513, 515, 518—523, 526, 530, 531, 535, 537, 540—543, 545—547, 550—552, 555.
- Маматк (Мамутек), сын Улу-Мухаммеда 550.
 Мансикка В. 102, 124, 366, 368, 477.
 Мануил, легендарный греческий царь 267.
 Мария, дочь царя Христофора 104.
 Мария, жена боярина Александра Карповича 495.
 Мария, мать Иисуса Христа, библ. 69.
 Мария Магдалина, библ. 270.
 Мария Ярославна, первая жена Ольгерда 513.
 Марков А. 390.
 Марья, владелица рукописи 556.
 Марья, жена Андрея Серкизова 170, 175, 177, 288, 428, 429, 468, 538, 544, 554.
 Марья, жена Дмитрия Волынского 142, 160, 170, 205, 206, 287, 306, 427, 428, 538, 544, 546.
 Марья (Большая), жена Микулы Васильевича (ср. Федосья) 136, 205, 214, 236, 287, 306, 331, 428, 429, 468—470, 499, 550, 554.
 Марья, жена Тимофея Волеувича (ср. Настасья, Федосья) 427, 428.
 Матвей Захаревич Тютчев 487.
 Маштаков П. 317.
 Меликовы, дворянский род 490, 505.
 Мелиоранский П. М. 50.
 Мефодий Патарский 32, 57, 116, 125.
 Мещерские, княжеский род 498.
 Мещерский Н. А. 23, 77, 89, 111, 116, 126, 277, 279—281, 287.
 Микифорец 92.
 Микула Иванович 543.
 Микула Васильевич, тысяцкий 175, 203, 205, 214, 229, 236, 241, 260, 306, 353, 358, 371, 377, 382, 391, 399, 418, 419, 427, 428, 441, 455—457, 468—470, 492, 499—502, 535—538, 543, 544, 546, 547, 550, 553, 554.
 Миллер О. Ф. 376.
 Миндовгава, жена князя Миндовга 72.
 Мириам, библ. 26, 27.
 Митуса, певец 113.
 Михаил, архистратиг 120, 368.
 Михаил Александрович (Андреевич), боярин 142, 505, 540, 545.
 Михаил Александрович, князь тверской 512.
 Михаил Андреевич, князь Андомский (Андожский) 495, 496.
 Михаил Андреевич, князь белозерский и верейский 493, 495.
 Михаил Андреевич Брянский 468, 469.
 Михаил Всеволодович, князь черниговский 45.

- Михаил Глебович Белозерский, князь 496.
 Михаил Дмитриевич, сын князя Дмитрия Ольгердовича 514.
 Михаил Иванович (Акинфович) 353, 358, 371, 501.
 Михаил Иванович (в «Задонщине») 175, 229, 260, 399, 537, 538, 543, 553.
 Михаил Иванович (Михаил Бренков, Вренков) 260, 358, 370, 371, 501, 504, 550.
 Михаил Каргаш 353.
 Михаил Ярославич, князь тверской 52, 55, 107, 119, 362, 363.
 Михайло Данильевич, герой былины 83.
 Михайловна, дочь князя Михаила Черниговского 59.
 Моав, библ. 53.
 Моисей, библ. 27, 62, 84, 103, 109, 120, 481.
 Моисей, игумен 27.
 Моисей Мурин 403.
 Моравчик Д. 336.
 Мохаммед-Оглан, хан 479.
 Мстислав, брат Федора Тарусского 347, 353, 370, 372.
 Мстислав (Мстислав Всеволодич, князь городенский или Мстислав Ярославич, князь пересопницкий?) 96, 98, 334, 343.
 Мстислав Владимирович, тмутороканский князь 30, 31, 89, 174, 316, 317.
 Мстислав Изяславич, князь 21, 25, 43.
 Мстислав Мстиславич Удалой, князь новгородский и гаицкий 58, 114.
 Мстислав Ростиславич, сын князя Ростислава Юрьевича 124.
 Мстиславичи (Роман, Святослав и Всеволод Волынские) 16, 52, 99, 100, 171.
 Мстиславна, дочь князя Мстислава Владимировича 59.
 Мустафа, царевич 373.
 Мятлев Н. 499.
 Назаревский А. А. 200.
 Назаров И. 364, 477.
 Насонов А. Н. 262, 346, 348, 349, 351, 371, 441, 478, 503, 524.
 Настасья, жена Тимофея Волуевича (ср. Марья, Федосья) 236, 430, 554.
 Науфей 102.
 Невоструев К. 56.
 Нектонав, египетский царь 78.
 Нестор, летописец 25, 29.
 Нестор Рябец, воевода 499.
 Нелидовы, дворянский род 514.
 Низам-ад-дин Шама 479, 520.
 Никифор, митрополит 28, 33, 80.
 Никифор, патриарх 251, 286.
 Никифоров С. Д. 148, 155.
 Николай Васильевич Вельяминов см. Мп-кула Васильевич.
 Никольский Н. К. 119, 277.
 Никон Черногорец, монах 27, 28, 31, 46, 60, 80, 95, 110, 187.
 Новиков И. А. 78.
 Новиков Н. 370.
 Новосельский А. А. 349.
 Новосильские, княжеский род 504.
 Носович И. И. 301.
 Обнорский С. П. 9, 127, 129, 130, 132, 135, 137, 140—144, 151—160, 163—167, 170, 178, 179, 181—190, 192—194, 324, 326, 334.
 Оболенский К. М. 80.
 Оболенский М. А. 346, 520.
 Овлур см. Влур.
 Огоновский О. 72.
 Окатий Волуй 499.
 Оксинья см. Аксинья.
 Олег Вещий, князь 28, 50, 100, 103, 109.
 Олег Иванович, князь рязанский 344—346, 348, 350, 352, 356, 358—361, 369, 372—375, 425, 458, 478, 479, 483, 487, 493, 500, 506, 507, 509—514, 531.
 Олег Игоревич, сын князя Игоря Святославича 84.
 Олег Святославич (Гориславич), черниговский князь 16, 24, 32, 34, 43, 52, 60—64, 68, 87, 97, 123, 172, 317, 329, 342.
 Олег Святославич, сын князя Святослава Игоревича 122.
 Ольга, жена князя Игоря Рюриковича 75, 80, 108.
 Ольга Глебовна, жена князя Всеволода Святославича 59, 174.
 Ольгерд, великий князь литовский 8, 357, 371, 388, 389, 390, 458, 472, 483, 487, 493, 506—508, 511—513, 515, 531.
 Ольгердовичи (см. также Андрей Ольгердович и Дмитрий Ольгердович) 216, 217, 283, 295, 300, 311, 336, 350, 377, 378, 383, 399, 420, 444, 446, 452, 454, 457, 461, 471, 473, 484, 505, 513—517, 536, 537, 542, 552, 553.
 Онтон, Онтонов см. Антон, Антонов.
 Орлов А. С. 28, 33, 35, 45, 57, 62, 71, 73, 95, 97, 102, 106, 107, 319, 361, 365.
 Осия, пророк 84.
 Ослебя, чернец 136, 213, 214, 223, 256—258, 341, 351—354, 377, 410, 503, 504, 538, 543, 550, 554.
 Ослебятовы, дворянский род 505.
 Останко Ходынич 123.
 Остафей 53.
 Оськин Г. И. 503.
 Осьминский Т. И. 494, 495.
 Охмет см. Иафет
 Павел, епископ 502, 503.
 Парфений, поп 556.
 Пахомий Серб, писатель 495.
 Пелгусий 478, 482.
 Пекарский П. 442.
 Пересвет (Александр Пересвет) 142, 169, 176, 213, 223, 236, 237, 256—258,

- 260, 262, 263, 297, 303, 304, 326, 330, 351—354, 358, 362, 370, 371, 377, 410, 417, 442, 502—504, 538, 543, 550, 554.
- Пересветовы, дворянский род 505.
- Перетц В. Н. 14, 25—29, 31, 33, 34, 37—46, 50, 53—55, 58, 60, 63—66, 69—73, 75, 78—81, 83—85, 88, 90, 93—95, 97, 102—104, 106, 108—111, 113, 115—117, 119, 120, 122—126, 317, 324.
- Перун, языческий бог 34, 35, 60, 108.
- Петерсон Н. М. 127, 179—183, 186, 187, 189, 192.
- Петр, апостол 271, 272.
- Петр, митрополит 135, 238, 354, 555.
- Петр Горский 490.
- Петровна, дочь боярина Петра Михайловича 59.
- Петруша Чуриков 490.
- Пигарев К. 487.
- Пилат, римский прокуратор 288.
- Пимин, митрополит 490.
- Пирцхалава Г. А. 127.
- Плещеев 504.
- Плутарх 79.
- Покровский А. А. 47.
- Покровский Ф. И. 93.
- Попова И. А. 181, 184.
- Портнов М. Э. 395.
- Потехня А. А. 56, 148, 149, 200, 526.
- Предслава, княгиня полоцкая 88.
- Пресняков А. Е. 441.
- Приселков М. Д. 357, 364, 484, 503.
- Прозоровские, княжеский род 506.
- Прокудин-Горский М. 490.
- Пулод 479.
- Пушкин А. С. 99.
- Рахиль, библ. 380.
- Редея, князь касожский 30, 31, 316, 498.
- Ржевские, княжеский род 505.
- Ржига В. Ф. 28, 74, 90, 108, 200, 292, 311, 387, 526, 528, 529.
- Ровинский П. А. 81.
- Рогволод Борисович, князь полоцкий 82.
- Родион Ржевский, сын князя Федора Ржевского 490.
- Розанов С. П. 351.
- Розанова Т. С. 127.
- Розов В. 64, 516.
- Роман Васильевич, князь 497.
- Роман Михайлович Белозерский, князь 494, 496.
- Роман Михайлович Брянский, князь 493, 501, 502.
- Роман Мстиславич, князь галицкий и волынский 36, 96—98, 334, 336, 343.
- Роман Прозоровский, князь 495.
- Роман Святославич, князь 31, 174, 316.
- Роман Семенович Новосильский, князь 502.
- Роман Юрьевич Белозерский, князь 496.
- Ромаскевич А. В. 520.
- Ростислав Всеволодич, князь переяславский 69, 120.
- Ростислав-Михаил, князь смоленский 492.
- Ростислав Мстиславич, князь киевский 50, 59, 70, 80, 123.
- Ростислав Рюрикович, князь 79.
- Руммель В. В. 487, 492, 504, 514.
- Рыбников П. Н. 83.
- Рыстенко А. В. 116, 117.
- Рюрик, легендарный родоначальник русских князей 215, 253, 284, 317, 548, 551.
- Рюрик Ростиславич, сын князя Ростислава Смоленского 26, 27, 32, 52, 84, 91, 92, 110, 296, 301.
- Рюриковна, жена князя Глеба Святославича 59.
- Сабуровы, дворянский род 504, 505.
- Савва 271, 289.
- Савва, поп 48, 103.
- Саввантов П. И. 247.
- Саладин, египетский султан 95.
- Салмина М. А. 7, 8, 261, 286, 309, 312, 341, 343, 477, 478, 485.
- Самон 114.
- Самуил, судья 107.
- Сапунов Б. В. 9.
- Саси де, Сильвестр 522.
- Сварог, языческий бог 55, 64.
- Свенелд, воевода 122.
- Свидригайло Ольгердович, князь 513.
- Святополк Изяславич, князь киевский 52.
- Святополк Ярополчич, князь 65, 67, 70, 87, 89, 316, 346, 359, 366, 368, 369, 373, 374, 481, 511, 515.
- Святослав Всеволодич, князь киевский 18, 21, 31, 32, 39, 41, 58, 59, 61, 67, 75, 76, 79, 80, 86, 87, 89, 91, 95, 100, 101, 122, 302, 326, 332, 333, 343, 470.
- Святослав Глебович Можайский, князь 492.
- Святослав Игоревич, сын князя Игоря (Рюриковича?) 24, 31, 32, 35, 40, 51, 84, 105, 123.
- Святослав Ольгович, князь рыльский 52, 84.
- Святослав Ольгович, князь черниговский 21.
- Святослав Смоленский, князь 516.
- Святослав Ярославич (ошиб. вм. Святослав Игоревич) 215, 253, 284, 518.
- Святослав Ярославич, сын князя Ярослава Мудрого 85, 89, 106, 123, 317.
- Святский Д. О. 321.
- Севенч Бонякович, половецкий князь 95.
- Седельников А. Д. 351, 524.
- Семен Андреевич, князь 496.
- Семен Антонов (Онтонов) 523.
- Семен Васильевич Согорский (Сугорский), князь 494, 495, 496.
- Семен Иванович, сын князя Ивана Дмитриевича Шемячича 50.
- Семен Иванович Курбский 497.
- Семен Константинович Оболенский, князь 501, 502.
- Семен Мелик (Меликов) 260, 351, 358, 371, 490.

- Семен Михайлович 175, 229, 260, 353, 358, 370, 371, 399, 493, 494, 506, 537, 538, 543, 553.
- Семенов В. 126.
- Серапион Владимирский, епископ 18, 52, 68, 121.
- Сербина К. Н. 349, 353, 489.
- Сергий Радонежский 135, 238, 346, 482, 504, 509, 523, 550, 555.
- Серебряников С. А. 497.
- Серебрянский Н. 77.
- Серкиз, царевич 498.
- Серкизовы, дворянский род 505.
- Симеон Гордый, великий князь 499.
- Симон, вождь сикариев 114.
- Скалагримсон Эгиль, исландский поэт X в. 28.
- Скиргайло Ольгердович, князь 513, 514, 516.
- Скрипиль М. О. 492.
- Славутич К. М. 113.
- Смирнов А. И. 199, 200, 301, 524.
- Снегирев И. С. 388, 441, 444, 458.
- Соболевский А. И. 14, 41, 58, 94, 118, 139, 140, 143, 151, 154, 317, 336.
- Соколова М. А. 135, 139.
- Соловьев А. В. 9, 42, 99, 105, 123, 311, 317, 336, 528.
- Соловьев С. М. 364, 378, 477, 493.
- Соломон, библ. 38, 274, 276, 280.
- Соломон (ошиб. вм. шеломьянь?) 146, 149, 244, 288, 289, 323, 537, 542, 549, 552.
- Софоний Рязанец, предполагаемый автор «Задонщины» 134, 151, 188, 200, 233, 252, 253, 263, 284, 314, 377, 402, 429—431, 442, 458, 526, 528, 531, 536, 538, 541, 548, 550, 551.
- Софья Ярославна, жена князя Ростислава Глебовича 59.
- Срезневский В. И. 96.
- Срезневский И. И. 19, 24, 26—57, 59—82, 84—122, 124, 125, 129, 187, 189, 190, 199, 233, 249, 297, 302, 311, 314, 318, 320, 324, 332, 333, 336, 339, 383, 489, 509.
- Сперанский М. Н. 86, 125, 266.
- Старковы, княжеский род 498.
- Стефан, епископ пермский 106.
- Стефан, игумен 90.
- Стефан Лазоревич, деспот сербский 365.
- Стефан Андреев, писец 556.
- Стефан Новосильский 504.
- Стрибог, языческий бог 55, 64, 108, 112.
- Строев П. М. 251, 488.
- Сумкина А. И. 186.
- Сыроечковский В. Е. 523.
- Татищев В. Н. 53.
- Творогов О. В. 6, 8, 208, 379, 383, 386.
- Терентий Морозов 370.
- Тешата 27.
- Тизенгаузен В. Г. 520.
- Тимковский Р. Ф. 388, 393, 394, 395.
- Тимофеев К. А. 155.
- Тимофеев С. П. 201.
- Тимофей Васильевич, Акатиевич (Тимофей Волауй; Тимофей Волаевич), воевода 136, 152, 157, 159, 160, 175, 184, 185, 205, 229, 260, 288, 353, 371, 399, 427, 469, 489, 492, 499, 500, 537, 538, 543, 544, 546, 553.
- Тимур-Мелик, хан, сын Урусхана 479.
- Тимур, хан 498, 520.
- Тимур-Мелик, хан, сын Урусхана 479.
- Титов А. А. 497.
- Тихомиров Д. 498.
- Тихомиров М. Н. 304, 345, 364, 378, 387, 390, 478, 485, 487, 488, 499, 500, 502, 505, 523.
- Тихон, архиепископ 348.
- Тихонравов Н. С. 35, 61, 84, 274, 339.
- Толбуга, посол 521.
- Толстой М. 493, 497.
- Тохтамыш, царевич ордынский 356, 358—361, 389, 390, 479, 510, 518—522.
- Трифон, игумен 495.
- Троицкий И. 497.
- Троян, языческий бог 34, 35, 60.
- Тупиков Н. 113, 123.
- Тютчевы, дворянский род 505.
- Узбек, хан 510.
- Уду-Мухаммед, царь ордынский 373, 374.
- Ульяна Александровна, вторая жена Ольгерда 512, 513, 517.
- Ундольский В. М. 54.
- Упырь Лихой, писец 118.
- Урия, библ. 288, 289.
- Урусхан, хан 479, 520.
- Усам ибн Мункыз, сирийский эмир 90.
- Устрялов Н. 497.
- Ухтомские, княжеский род 495.
- Федор, игумен симоновский 509.
- Федор, сын князя Давида Кемского 496.
- Федор, сын князя Романа Юрьевича 496.
- Федор, сын князя Семена Согорского 496.
- Федор, сын князя Федора Карголомского 496.
- Федор Андреевич, сын князя Андрея Серкизовича 498.
- Федор Андреевич Елецкий, князь 492, 498, 500.
- Федор Иванович, царь 477.
- Федор Карголомский, князь 495, 496.
- Федор Мемко (Федор Тарусский?) 260, 382, 550.
- Федор Михайлович Моложский, князь 497, 501, 502.
- Федор Михайлович «Чело», сын Миханла Бренкова 504.
- Федор Ольгердович, князь 513.
- Федор Ржевский, князь 490.
- Федор Романович Белоозерский, князь 260, 347, 350, 353, 358, 370, 371, 382, 493, 494, 496, 501, 502, 550.
- Федор Сабур 504.
- Федор Семенович (ошиб. вм. Романович) Белоозерский 175, 229, 260, 382, 399, 454, 493, 537, 538, 543, 553.

- Федор Студит, игумен 118.
 Федор Тарусский, князь 345, 347, 353, 370—372.
 Федор Федорович Белозерский, князь 496.
 Федор Юрьевич Грунка 501, 502.
 Федосья, жена Иванова 288, 550.
 Федосья, жена князя Федора Карголомского 495.
 Федосья, жена князя Федора Романовича Белозерского 494.
 Федосья, жена Микулы Васильевича (ср. Марья) 142, 160, 170, 175, 205, 206, 214, 236, 289, 306, 427, 428, 538, 546.
 Федосья, жена Тимофея Волуевича (ср. Марья, Настасья) 427, 428, 430, 544.
 Фекла 49.
 Феогност, мигрополит 492.
 Феодора Александрийская 427, 468.
 Феодосий, царь 270.
 Феодосий Печерский, игумен 23, 69, 83, 118, 331.
 Феодосья см. Федосья
 Феофан, поэт 20, 33.
 Филофей, архиепископ 485.
 Филя, венгерский воевода 21, 63.
 Финдейзен Н. Ф. 30.
 Фома, инок 30, 80, 94.
 Фома Кацибей, разбойник 478, 482, 484, 490, 506.
 Фоминские, княжеский род 490.
 Фридрих Барбаросса, император Священной Римской империи 95.
 Фречек Я. 7, 201, 246, 249, 251, 291, 377, 385, 438—440, 477.
- Хаджибей, татарский воевода 491.
 Хадуш (Хаджи)-Черкес, хан 479, 520.
 Хаммер-Пургшталь И. 518, 520.
 Ховорт Г. 518.
 Ховрины, купеческий род 523.
 Ходына 122, 123, 317.
 Холонщевы, дворянский род 505.
 Хорс, языческий бог 34, 35, 60, 64, 108, 172.
 Хозюк, посол 63.
 Христофор, игумен Кирилло-Белозерского монастыря 495.
 Христофор, царь 104.
 Хрущов И. П. 376.
- Челищевы, дворянский род 504, 505.
 Черепнин Л. В. 304, 344, 374—375, 505, 514.
 Черных П. Я. 141, 165.
 Чета-Захария, князь 504.
- Шамбинаго С. К. 74, 200, 253, 306, 345, 352, 357, 360—370, 372, 376—378, 382, 383, 387, 388, 390, 391, 436, 437, 440, 441, 443, 454, 455, 458, 460, 464, 471, 477, 478, 483, 488, 489, 502, 504, 513, 516, 517, 529.
 Шерлемань Н. В. 8, 84, 96, 99, 119, 121.
- Шарукан, половецкий хан 85.
 Шахматов А. А. 31, 85, 97, 145, 146, 344—351, 353, 355, 357, 359, 361—366, 368, 369, 371, 372, 377, 378, 382, 388, 390, 477, 478, 484, 485, 516, 517.
 Шведова Н. Ю. 147.
 Шериф-ад-дин Йезди 479, 518, 520.
 Шестель М. 99, 336.
 Шляков Н. 509.
 Шляпкин И. А. 77.
 Шпулер Б. 518.
- Шекатов А. 488—490.
 Шепкина М. В. 34.
 Шил, посадник 24.
- Эгиль Скаллаграмсон, поэт 28.
 Экземплярский А. В. 493, 497, 498.
- Юлиан, византийский император 81.
 Югов А. Г. 120.
 Юрий, сын князя Давида Кемского 496.
 Юрий Васильевич Белозерский, князь 494—496.
 Юрий Владимирович Долгорукий, князь 24, 26, 39, 77.
 Юрий Всеволодич, сын Всеволода Большое Гнездо 31, 37.
 Юрий Всеволодич Холмецкий, князь 492.
 Юрий Галицкий, сын Дмитрия Донского 373.
 Юрий Грунка 502.
 Юрий Мещерский, князь 492, 498.
 Юрий Шелешпанский, князь 496.
 Юрий Святославич, князь 493.
- Яблонский В. 495.
 Ягайло, великий князь литовский 8, 64, 344, 346, 347, 350, 352, 355, 358, 360, 388, 389, 490, 506, 507, 509—516, 520.
 Ягич И. В. 125.
 Ядвига, польская королева 513, 516.
 Яким 27.
 Яков-Воин Иванович, князь 497.
 Яков Ослебятин см. Иаков.
 Якубинский Л. П. 9.
 Якубовский А. Ю. 479, 487, 518.
 Якобсон Р. О. 6, 9, 14, 56, 73, 88, 105, 120, 202, 210, 378, 383, 408, 409, 424, 434, 435, 470, 529.
 Яковлев В. А. 317.
 Ян Длугош, польский хронист 508.
 Ян Чарнков, гнезвинский архидиакон 508.
 Яркасс (Джаркасс), правитель Солхата 521.
 Ярополк Святославич, князь 46, 122.
 Ярослав (вместо Ярославль?) 103, 172.
 Ярослав, внук князя Всеслава Полоцкого (?) 61.
 Ярослав Владимирович Мудрый, киевский князь 18, 24, 26, 30, 31, 33, 49, 60—62, 67, 68, 72, 86, 89, 98, 101, 104, 106, 111, 117, 123, 125, 172, 174, 215, 253, 284, 316, 317, 342.

- 366, 368, 369, 480, 481, 515, 530, 536, 541, 548, 551.
- Ярослав Всеволодич, князь владимирский 31, 37, 107, 366.
- Ярослав Всеволодич, князь черниговский 87, 168.
- Ярослав Изяславич, сын князя Изяслава Мстиславича 100.
- Ярослав Осмомысл, князь галицкий 18, 31, 43, 52, 58, 77, 87, 93—95, 98, 106, 333, 334, 340, 343.
- Ярославна, жена князя Игоря Святославича 38, 72, 79, 93, 112, 113, 116, 138, 162, 303, 306, 331, 336, 341.
- Bida C. 9.
- Desimoni C. 521, 522.
- Dostal A. 201.
- Frček J. 201, 249, 251, 377, 440.
- Haleski O. 509.
- Hammer-Purgstall J. 518, 520.
- Howorth H. 479, 518.
- Jakobson R. 9, 202, 312, 378, 383, 408, 424, 470, 529.
- Kolankowski L. 512.
- Kuczyński S. M. 509.
- Leger Louis 385.
- Lorenz O. 508.
- Mazon A. 201, 251, 300, 385.
- Menges K. H. 9.
- Sacy de, Silvestre 521, 522.
- Smolka S. 512.
- Stadnicki K. 513.
- Spuler B. 479, 518.
- Vaillant A. 201, 377, 521, 522.
- Wolff J. 500, 513, 514.
- Worth D. S. 202, 312, 378, 383, 408, 424, 470, 529.
- Zajączkowski A. 9.

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)

- БАН, собр. Доброхотова П. Н., № 18 503. БАН, 16.8.15 347, 485, 486.
БАН, 1.4.1 158, 176, 199, 200, 202—204, 210, 232, 241, 263, 297, 336, 402, 418, 450, 526—529, 547, 548. БАН, 16.13.2 394.
БАН, 21.3.14 408.
БАН, 34.4.1 347, 371.
БАН, 34.4.32 346.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)

- ГБЛ, собр. Долгова С. О., М., № 5879 387. 424, 425, 428—431, 433, 435, 436, 444, 445, 448, 450—454, 457—461, 463, 465—467, 469, 470, 472—475, 525—530, 535—540.
ГБЛ, собр. Музейное, № 3123 421.
ГБЛ, собр. ОИДР, № 236 421, 464, 490.
ГБЛ, собр. Оптиной пустыни, № 48 (бывш. 126) 353, 475.
ГБЛ, собр. Румянцева Н. П., № 363 38.
ГБЛ, собр. Румянцева Н. П., № 378 233, 236, 306, 394—396, 410, 428, 429, 431, 458, 459, 468, 469.
ГБЛ, собр. Румянцева, № 3123 468, 470.
ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 22 509.
ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 818 382.
ГБЛ, собр. Ундольского В. М., № 575 126.
ГБЛ, собр. Ундольского В. М., № 578 388.
ГБЛ, собр. Ундольского В. М., № 632 27, 128—194, 199—221, 229, 230, 232, 233, 235—237, 241—244, 246—248, 252—254, 257, 258, 263, 283, 284, 288, 293—303, 305—311, 313—316, 318—326, 328—330, 332, 334—337, 339, 342, 353, 377—383, 385, 393—395, 397—400, 402—415, 417—420, 422, 442, 445, 446, 449, 474, 475.
ГБЛ, ф. 17 (собр. Барсова Е. В.), № 675 440, 442, 445, 461.
ГБЛ, ф. 29 (собр. Беляева И. А.), № 1516 (имел ранее шифр: Музейное собр., № 1516) 443, 445, 449, 451—454, 456, 461—465, 467, 469, 474, 475.
ГБЛ, ф. 37 (собр. Музейное), № 435 442, 446, 449, 474, 475.
ГБЛ, ф. 236 (собр. Попова А. Н.), № 2527 442, 445, 449, 461, 471, 472.
ГБЛ, ф. 247 (собр. Рогожское), № 183 442.
ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова Н. С.), № 211 443, 445, 461.
ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова Н. С.), № 230 443, 446, 449, 455, 456, 469, 475.
ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова Н. С.), № 238 443, 445, 468—471, 476.
ГБЛ, ф. 299 (собр. Тихонравова Н. С.), № 337 408, 443, 475, 476.
ГБЛ, Q.IV.354 353.
ГБЛ, Q. IV. 374 353.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

- ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086 5—7, 129—139, 141—143, 145—149, 152—154, 157, 159—162, 164—169, 175—186, 189, 190, 191, 199—202, 204, 205, 210—237, 240, 242—265, 268, 282—291, 293—312, 316, 318, 320—326, 328, 329, 336, 337, 339, 377, 379, 380, 382, 383, 385, 386, 392—400, 402, 404—415, 417, 420, 428—435, 438, 439, 444, 445, 448, 450—454, 460, 470, 472, 473, 493, 502, 523—526, 528—532, 548—550.
ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 11/1088, 266, 290, 316.
ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 22/1099, 251, 265, 276—281, 283, 284, 288, 290.
ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 53/1130 277—281, 283, 284, 288—290.

- ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 68/1145 274—276.
 ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 382/639 556.
 ГПБ, собр. Михайловского Н. М., Q. 509 388, 392, 499.
 ГПБ, ОЛДП, F. № 50 353, 394.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 790 242.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1402 346.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1403 347, 350.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1404а 346.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1414 442, 443, 445, 447—452, 455—457, 459, 464.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1554 251, 265.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1555 401, 410, 421—423, 427—429, 461—465, 468—470.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1574 442.
 ГПБ, собр. Погодина М. П., № 1595 388.
 ГПБ, собр. Соловецкое, № 989/879 442.
 ГПБ, собр. Титова А. А. № 1121, 442, 445, 449, 450, 453—455, 461—463, 465.
 ГПБ, собр. Эрмитажное, № 416а 346.
 ГПБ, собр. Эрмитажное, № 416б 347.
 ГПБ, собр. Эрмитажное, № 526 (копия списка ЦГАДА), ф. 181 (собр. Архива Министерства иностранных дел), № 70/93) 443—445, 450, 453, 456, 466—468, 472, 474, 476.
 ГПБ, F. IV. 21 348.
 ГПБ, F. IV. 156 346.
 ГПБ, F. IV. 188 350.
 ГПБ, F. IV. 228 353, 394, 413.
 ГПБ, F. IV. 231 387, 408, 458, 475.
 ГПБ, F. IV. 238 350.
 ГПБ, O. IV. 22 338, 387, 459.
 ГПБ, O. XVII. 6 394, 413.
 ГПБ, Q. IV. 46 440, 442, 445.
 ГПБ, Q. IV. 151 442.
 ГПБ, Q. IV. 354 352, 442, 445, 453.
 ГПБ, Q. IV. 374 352, 442.
 ГПБ, Q. XVII. 22 443, 445, 461.
 ГПБ, Q. XVII. 70 442, 444—446, 449, 461, 471, 472.
 ГПБ, Q. XVII. 79 423.
 ГПБ, Q. XVII. 88 268.
 ГПБ, Q. XVII. 209 443, 445.
 ГПБ, Q. XVII. 223 442.

Государственный исторический музей (Москва)

- ГИМ, собр. Барсова Е. В., № 1521 410.
 ГИМ, собр. Забелина И. Е., № 261 235, 242, 388.
 ГИМ, собр. Забелина И. Е., № 331 394, 395, 408.
 ГИМ, собр. Музейское, № 288-б 441, 442, 445, 449, 459.
 ГИМ, собр. Музейское, № 1388 443, 445, 454, 461.
 ГИМ, собр. Музейское, № 2060 129—149, 151—165, 167—169, 173, 175—192, 195, 199, 200, 203—221, 225, 239, 241, 243—248, 252—254, 258, 259, 263, 293—303, 305—310, 313—315, 318, 320—339, 342, 378—383, 385, 392—395, 397—400, 402—410, 412—415, 417, 419, 420, 422, 424, 425, 428—431, 433, 435, 436, 444, 445, 448, 450—455, 457, 460, 461, 463, 465—468, 470, 472—475, 524—526, 528—530, 541—546.
 ГИМ, собр. Музейское, № 2323 353, 443, 445.
 ГИМ, собр. Музейское, № 2990 442.
 ГИМ, собр. Музейское, № 3045 131, 132, 136—146, 148, 149, 152, 155—157, 160—163, 165—167, 169, 172, 177, 181, 184, 185, 188, 190, 199, 200, 203—207, 210, 214, 232, 236, 238, 240, 263, 298, 303, 304, 306, 327—329, 332, 333, 337, 342, 379, 385, 402, 405, 406, 409, 424, 428—430, 433, 460—468, 470, 546, 547.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 154 346.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 280 345, 346.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 667 370, 372, 490, 493, 494, 497—499.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 790 82, 129—149, 152—169, 175—192, 199, 200, 202—206, 208, 210—263, 282, 286, 293—303, 305—310, 312—316, 318, 320—329, 331—333, 335—337, 379—383, 385, 393—395, 397—400, 402—415, 417, 419, 420, 422, 424, 429—433, 435, 444, 445, 448—450, 460, 463, 465—467, 470, 472—475, 507, 524—530, 550—556.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 836 24.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 951 268.
 ГИМ, собр. Синодальное, № 964 440, 442, 445.
 ГИМ, собр. Уварова А. С., № 492 468, 470.
 ГИМ, собр. Уварова А. С., № 802 394, 408, 436—438, 475.
 ГИМ, собр. Уварова А. С., № 1366 348.
 ГИМ, собр. Уварова А. С., № 1435 421, 427, 469.
 ГИМ, собр. Уварова А. С., № 1831 428, 468.
 ГИМ, собр. Уварова А. С., № 1835 468.
 ГИМ, собр. Щукина П. И., № 178 442.
 ГИМ, собр. Щукина П. И., № 610 443, 445, 461.

Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР (Ленинград)

ЛОИИ, собр. Археографической комиссии,
№ 45 353, 442.

ЛОИИ, собр. Археографической комис-
сии, № 252 346.

ЛОИИ, собр. Лихачева Н. П., № 271 477.

Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)

ЦГИА, ф. 834, оп. 2, д. 1857 126.

Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва)

ЦГАДА, сборник Главного архива Мини-
стерства иностранных дел, № 20—25
363.

ЦГАДА, ф. 10 (Кабинет Екатерины),
№ 366, ч. 7 442.

ЦГАДА, ф. 181, № 7 387.

ЦГАДА, ф. 181, № 15 387.

ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Министер-
ства иностранных дел), № 70/93 387,
398, 399, 400, 401, 440, 441, 443—

446, 450, 453—456, 463—468, 472—
476.

ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Министер-
ства иностранных дел), № 71 387,
408, 437, 441, 443, 469, 475.

ЦГАДА, ф. 181, № 351 387.

ЦГАДА, ф. 181, № 461, 387.

ЦГАДА, ф. 181, № 472 387.

ЦГАДА, ф. 196, № 1304 387.

ЦГАДА, ф. 201, № 201 387.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РУКОПИСЕЙ «ЗАДОНЩИНЫ»

- Ж — Список БАН, 1.4.1 (Ждановский).
 И-1 — Список ГИМ, собр. Музейское, № 2060.
 И-2 — Список ГИМ, собр. Музейское, № 3045.
 К-Б — Список ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086.
 С — Список ГИМ, собр. Синодальное, № 790.
 Син — Извод «Задонщины» Синодальный.
 У — Список ГБЛ, собр. Ундольского, № 632.
 Унд — Извод «Задонщины» Ундольского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Адрианова-Перетц. «Задонщина». Опыт — В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 201—255.
- Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст — В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 194—224.
- Адрианова-Перетц. «Слово и «Задонщина» — В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 131—168.
- АИ — Акты исторические.
- АН СССР — Академия наук СССР.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР.
- Борковский, Кузнецов — В. И. Борковский. П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд. АН СССР, М., 1963.
- Борковский, Синтаксис — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Изд. Львовского гос. университета, 1949.
- Булаховский. Курс — Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II (исторический комментарий). Изд. 4-е, Киев, 1953.
- Буслаев. Историческая грамматика — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. — Учпедгиз, М., 1959.
- ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
- ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- Гудзий — Н. К. Гудзий. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 79—130.
- Дылевский — Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 169—254.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
- ИОЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

- ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
- ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
Лихачев Д. С. — Д. С. Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». — Русская литература, Л., 1964, № 3, стр. 84—107.
Черты подражательности
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МГПИ — Московский государственный педагогический институт.
МГУ — Московский государственный университет.
Обнорский. Очерки — С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946.
- ОИДР — Общество любителей и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
Петерсон. Синтаксис — Н. М. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве». — Slavia, гоґ. XIV, seš. 4, Praha, 1937, стр. 547—592.
Повести о Куликовской битве — Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М., 1959 (серия «Литературные памятники»).
— Полное собрание русских летописей.
— Собрание государственных грамот и договоров.
— Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1, А—Г. Составитель В. Л. Виноградова, изд. «Наука», М.—Л., 1965.
- ПСРЛ — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е, М., 1907.
СГГД — А. В. Соловьев. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРА, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 183—197.
Словарь — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- Соболевский. Лекции — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. I—III, СПб., 1893, 1895, 1903.
- Соловьев — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
- СОРЯС — Древняя российская вивлиофика, т. VI. М., 1788.
— Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
— Центральный государственный исторический архив (Москва).
— Чтения в Обществе истории древностей российских.
— С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС, т. LXXXI, № 7).
- Срезневский — А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»).
- ТОДРА — J. Frček. Zádónština. Staroruský žalozpěv o boji rusů statary r. 1380. Rozprava literárne dějepisná. Kritické vydání textů. Praha, 1948. (Práce Slovanského ústavu v Praze, sv. XVIII).
- Успенский синодик — Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Edited by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963. (Slavistic printings and Reprintings edited by C. H. Van Schooneveld. Stanford University, LI).
- ЦГАДА — А. Vaillant. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai». — Revue des études slaves, t. 39, fasc. 1—4, Paris, 1961, стр. 59—89.
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Москва).
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории древностей российских.
Шамбинаго — С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (СОРЯС, т. LXXXI, № 7).
- Шахматов. Отзыв — А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»).
- Frček — J. Frček. Zádónština. Staroruský žalozpěv o boji rusů statary r. 1380. Rozprava literárne dějepisná. Kritické vydání textů. Praha, 1948. (Práce Slovanského ústavu v Praze, sv. XVIII).
- Jakobson and Worth — Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field. Edited by R. Jakobson and D. S. Worth. The Hague, 1963. (Slavistic printings and Reprintings edited by C. H. Van Schooneveld. Stanford University, LI).
- Vaillant — A. Vaillant. Les récits de Kulikovo: «Relation des chroniques» et «Skazanie de Mamai». — Revue des études slaves, t. 39, fasc. 1—4, Paris, 1961, стр. 59—89.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакторов	3
ВОПРОСЫ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ЗАДОНЩИНЫ»	
В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика «Слова о полку Игоре»	13
А. Н. Котляренко. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игоре»	127 ✓
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ПАМЯТНИКИ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА	
Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игоре»	199 ✓
Р. П. Дмитриева. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»)	264 ✓
О. В. Творогов. «Слово о полку Игоре» и «Задонщина»	292 ✓
М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»	344 ✓
Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений	385 ✓
Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»	440 ✓
Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище»	477 ✓
М. А. Салмина. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина»	524
О. В. Творогов. О композиции вступления к «Задонщине»	526 ✓
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ</i>	
ТЕКСТЫ «ЗАДОНЩИНЫ» ✓	
<i>(Подготовила к печати Р. П. Дмитриева)</i>	
Список ГБЛ, собр. Ундольского № 632	535
Список ГИМ, собр. Музейское № 2060	541
Список ГИМ, собр. Музейское № 3045	546
Список БАН, 1.4.1	547
Список ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086	548
Список ГИМ, собр. Синодальное № 790	550
Выписки из «Задонщины» на л. 1 чистом Миней служебной (рук. ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 382/639)	556
Библиография научно-исследовательских работ по «Задонщине» (1852—1965 гг.). Составили Н. Ф. Дробленкова и Ю. К. Бегунов	557 ✓
Указатели (составили А. С. Демин и А. Г. Мирзоян)	
Словоуказатель к «Слову о полку Игоре»	584
Указатель древнерусских источников	592
Именной указатель	602
Указатель шифров использованных рукописей	614
Условные обозначения рукописей «Задонщины»	617
Список сокращений	617

**«Слово о полку Игореве» и памятники
Куликовского цикла**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) АН СССР*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *К. И. Видре, Л. Я. Комм и А. Х. Салтанова*

Сдано в набор 28/1 1966 г. Подписано к печати 10/VI 1966 г.
РИСО АН СССР № 38—144В. Формат бумаги 70 × 108 ¹/₁₆.

Бум. л. 19³/₈. Печ. л. 38³/₄ = 54,25 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 56,93. Изд. № 2752. Тип. зак. № 749.

М-06987. Тираж 2600. Бумага типографская № 1.

Цена 3 р. 59 к. + переплет 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
150	10 снизу	конецъ	конецъ
276	5 "	264 об.	364 об.
322	2 "	Трѣяню	Трѣяню

Слово о полку Игореве